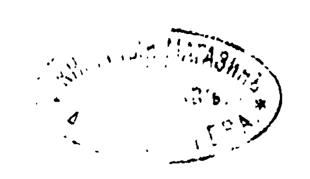
TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU
MINA TIO MEA

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЖИЗНИ.



ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЖИЗНИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

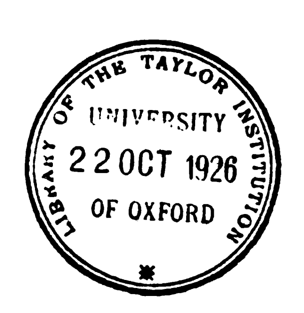
Ивана Забѣлина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.

1876.


LIBRARY OF THE TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
22 OCT 1926
OF OXFORD

Предлежащая книга составляетъ вводную часть къ труду, который, какъ дальнѣйшее развитіе изысканій автора по исторіи русскаго домашняго быта вообще *, предпринятъ, благодаря живому участію въ этомъ дѣлѣ Василія Андреевича Дашкова, предложившаго этотъ трудъ автору еще въ 1871 г. съ необходимыми матеріальными средствами для исполненія работы и для ея изданія въ свѣтъ.

Заглавіе книги вполнѣ обозначаетъ цѣли и задачи настоящаго труда. Но выполненіе этихъ задачъ, конечно, требуетъ не тѣхъ силъ, какими обладаетъ авторъ. Его работа во всякомъ случаѣ будетъ только попыткою уяснить себѣ эти самыя цѣли и задачи, ибо легко ставить вопросъ и вовсе не легко самымъ изслѣдованіемъ опредѣлить пространство и качество разработки этого вопроса. Понятіе о жизни чрезвычайно обширно и чрезвычайно неопредѣленно, поэтому не малый трудъ для изслѣдователя заключается уже въ одномъ только раскрытіи основныхъ положеній, способныхъ пролить какой либо свѣтъ на необозримый матеріалъ, оставленный прожитою жизнію.

Жизнь народа въ своемъ постепенномъ развитіи всегда и неизмѣнно руководится своими идеями, которыя даютъ народному тѣлу извѣстный образъ и извѣстное устройство. Разработка исторіи стремится найдти такія идеи въ общей жизни народа, въ его политическомъ или государственномъ и обще-

* Домашній Бытъ Русскихъ Царей и Домашній Бытъ Русскихъ Царицъ, изд. 2. М. 1872 г.

ственномъ устройствѣ. Но мелочной повседневный частный бытъ точно также всегда складывается въ извѣстные круги, необходимо имѣющіе свои средоточія, которыя иначе можно также именовать идеями. Если подобные мелкіе круги народнаго быта не могутъ составлять предмета исторіи въ собственномъ смыслѣ, то для исторіи народной жизни они суть прямое и необходимое ея содержаніе. Раскрыть эти частныя мелкія жизненныя идеи—вотъ по нашему мнѣнію прямая задача для изслѣдователя народной жизни. Но само собою разумѣется, что допытаться до этихъ идей возможно только посредствомъ разнородныхъ и разнообразныхъ свидѣтельствъ самой же изчезнувшей жизни. Здѣсь и представляется безпредѣльное необозримое поле для изысканій, на которомъ въ добавокъ не все то воздѣлано, чего требуетъ именно исторія жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изыскателя русской бытовой древности на первыхъ же порахъ изумляетъ то обстоятельство, что Русскій Человѣкъ, относительно своей культуры, или исторической и бытовой выработки, и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, и въ сознаніи образованнаго общества представляется въ сущности пустымъ мѣстомъ, чистымъ листомъ бумаги, на которомъ по волѣ историческихъ, географическихъ, этнографическихъ и другихъ всякихъ обстоятельствъ всякія народности вписывали свои порядки и уставы, обычаи и нравы, ремесла и художества, даже народныя эпическія пѣсни и т. д., то есть всякія народности, какъ бы не было незначительно ихъ собственное развитіе, являлись однако образователями и воздѣлывателями всего того, чѣмъ живетъ русское племя до сихъ поръ. Такъ все это представляется простому читателю, приходящему въ пантеонъ нашей изслѣдовательности, такъ сказать, съ свѣжаго воздуха, отъ простаго здраваго смысла.

Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ достовѣрно и безъ боязни никто не можетъ сказать, находится ли что въ русскомъ быту собственно русское, самостоятельное и самобытное. Въ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ о томъ, откуда что взялось въ русской старинѣ и древности, оказывается, что русскій своего ничего не имѣетъ: все у него чужое, заимствованное у Финновъ, у Норманновъ, у Татаръ, у Нѣмцевъ, Францу-

зовъ и т. д. Руская страна, для русскаго, какъ свидѣтельствуетъ исторія, чужая страна. Онъ откуда-то пришелъ въ нее сравнительно въ очень позднее время, чуть не наканунѣ призванія Варяговъ, ибо до прихода Рюрика нигдѣ не видать, даже и въ курганахъ, никакого слѣда русской древности. Да и въ Рюриковъ вѣкъ видніются все одни Норманскіе или Финскіе, или другіе какіе слѣды, но отнюдь не Русскіе въ смыслѣ Русскаго Славянства. А между тѣмъ, благодаря всемірной выставкѣ въ Парижѣ, на которой боязливо было представлено на общій европейскій судъ такъ называемое русское древнее искусство (орнаментъ), разсудительные и знающіе европейцы съ особеннымъ вниманіемъ и любопытствомъ отнеслись къ своеобразію и самобытности этого искусства и засвидѣтельствовали, что до тѣхъ поръ ничего подобнаго они не примѣчали нигдѣ. Съ того времени мало по малу въ Европѣ стала рости мысль, что въ ряду самобытной выработки искусства у разныхъ народовъ есть, существуютъ признаки и самобытнаго русскаго искусства. Очень можетъ случиться, что объ этомъ впервые со всѣми подробностями и со всѣми доказательствами мы узнаемъ отъ Французовъ или Нѣмцевъ, ибо собственными изслѣдованіями до такой не предубѣжденной истины дойдти намъ очень трудно. Нашъ ученый историческій и археологическій кругозоръ стѣсненъ до крайности. Дальше Варяговъ и кромѣ Варяговъ мы ничего не можемъ разсмотрѣть. Между тѣмъ Варяги-Норманны, сколько бы ихъ ни изучали, въ сущности объясняютъ весьма немногое и въ нашей исторіи, и въ нашей археологіи. Въ этомъ очень скоро и легко убѣждается каждый изыскатель, доходящій въ своихъ изысканіяхъ до этого знаменитаго тупика нашей изслѣдовательности. Вотъ непосредственная и первая причина такого множества мнѣній о происхожденіи Руси. Естественно, что та же причина заставила и автора настоящей книги отдать этому вопросу не послѣднее мѣсто. Быть можетъ, увлекшись, онъ погрѣшилъ по этому поводу на многихъ страницахъ своей книги. Но этому Варяжскому вопросу онъ придаетъ большое культурное значеніе, какъ первому участнику въ постройкѣ на извѣстный ладъ не толь-

но ученаго, но и общественнаго воззрѣнія на Русскую древность и даже на Русскую народность вообще.

Этотъ Варяжскій вопросъ, стороною своего Норманскаго рѣшенія, яснѣе и достовѣрнѣе всего свидѣтельствуетъ, что Русскій Человѣкъ въ своей исторіи и культурѣ въ дѣйствительности есть пустое мѣсто. Одно такое рѣшеніе необходимо заставляетъ снова пересмотрѣть все то, на чемъ утверждается эта истина, ибо какъ-то невѣрится, чтобы здѣсь именно находилась вся правда нашей Русской исторической жизни *. Вотъ почему вслѣдъ за объясненіемъ, „Откуда идетъ Русское имя“, авторъ долженъ былъ представить, соотвѣтственно своимъ силамъ, короткій очеркъ „Исторіи Русской страны съ самыхъ древнихъ временъ“. Такое именно введеніе въ исторію Русской жизни онъ почиталъ рѣшительно необходимымъ и неизбѣжнымъ, руководясь тою простою истиною, что корни всякой исторической жизни всегда скрываются очень глубоко въ отдаленныхъ вѣкахъ.

Вступивъ въ эту древнѣйшую область съ цѣлью уяснить себѣ только Русскую до-историческую старину, авторъ, конечно, не успѣлъ, да и не могъ воспользоваться многимъ, что даже прямо относилось къ его задачамъ. Онъ можетъ только желать, чтобы на этотъ предметъ обратилъ надлежащее вниманіе изслѣдователь болѣе сильный познаніями въ этой области и болѣе знакомый съ источниками. Исторія Русской страны до Варяговъ въ настоящую минуту необходимѣйшая книга, если обратить должное вниманіе на тѣ требованія, какія день-за-днемъ ставятъ науки антропологическія.

„Если Россія не займется изученіемъ своей древнѣйшей старины, то она не исполнитъ своей задачи, какъ образованнаго государства. Дѣло это уже пе-

* Приступивъ къ печатанію своего труда еще въ Октябрѣ прошлаго года, авторъ относился, теперь къ покойному уже М. П. Погодину по необходимости спорно и съ надеждою выслушать отъ него о Варягахъ рѣшительное слово, тѣмъ болѣе, что окончательныя мнѣнія достоуважаемаго ученаго склонялись отчасти въ ту же сторону, гдѣ и авторъ этой книги предполагаетъ найдти истину.

рестало быть народнымъ: оно дѣлается общечеловѣческимъ“.

Эти золотыя слова сказаны достоуважаемыми нашими академиками, Бэромъ и Шифнеромъ, еще въ 1861 году * по тому поводу, что, „у насъ, какъ они замѣтили, со временъ Карамзина ревностно занимаются тою частью отечественной исторіи, которая основывается на письменныхъ памятникахъ (и которая, необходимо прибавить, идетъ только отъ Варяговъ); но колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности“, именно курганныя древности, оставляютъ въ сыромъ видѣ безъ надлежащей разработки.

Дѣйствительно, разсыпанныя по нашей землѣ курганныя древности скрываютъ въ себѣ истинную, настоящую колыбель нашей народной жизни. Но они такъ разнообразны и разнородны и относятся къ столькимъ вѣкамъ и племенамъ, что сколько нибудь разсудительная обработка ихъ не можетъ и начаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и сведены въ одно цѣлое именно письменныя свидѣтельства объ этихъ же самыхъ курганахъ, то есть о той глубокой древности, когда эти курганы еще только сооружались. Какимъ образомъ мы станемъ объяснять курганныя древности, когда вовсе не знаемъ или знаемъ очень поверхностно и невѣрно письменную исторію нашей колыбели? Естественное дѣло, что прежде всего необходимо выслушать всѣ разсказы, какіе оставили намъ о нашей колыбели античные Греки и писатели Римскаго и Византійскаго вѣка. Это откроетъ намъ глаза, способные съ бо́льшимъ вниманіемъ видѣть и цѣнить нѣмые памятники нашей колыбели; это же откроетъ новыя двери и къ разъясненію не только древнѣйшей нашей исторіи, но и многихъ позднихъ ея явленій и обстоятельствъ.

По общему плану своего труда авторъ не имѣетъ ни силъ, ни возможности входить въ особыя ученыя изслѣдованія по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, какіе могутъ возникать и нараждаться изъ самаго заглавія его книги. Онъ предполагаетъ ограничиваться только наиболѣе существенными сторонами Русской

* Сѣверныя Древности г. Ворсо, Спб. 1861.

жизни, дабы по возможности провести свое обозрѣніе Русской Исторіи до ближайшихъ къ намъ временъ. Онъ достигнетъ своей цѣли, если, хотя и въ короткихъ очеркахъ, успѣетъ обозначить главнѣйшіе корни и истоки Русскаго развитія, политическаго, общественнаго и домашняго, въ его существенныхъ формахъ и направленіяхъ, съ раскрытіемъ его умственныхъ и нравственныхъ стремленій и бытовыхъ порядковъ.

Не загадывая о будущемъ, авторъ надѣется продолжать свои работы неизмѣнно, тѣмъ болѣе, что изданіе ихъ въ свѣтъ обезпечено многоуважаемымъ В. А. Дашковымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

---

* Объясняя этнографическія показанія Страбона о нашей странѣ, стр. 268 и слѣд., мы пользовались переводомъ соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ VII и XI книгъ Страбоновой географіи, обязательно сообщеннымъ намъ профессоромъ Московскаго Университета Ѳ. Е. Коршемъ, которому и приносимъ искреннюю признательность.

Поправка. На стр. 203 въ 17—18 строкѣ напечатано: «по лѣтописнымъ годамъ не прошло и трехъ лѣтъ»—слѣдуетъ читать: «не прошло и одного года, или по другимъ показаніямъ и трехъ лѣтъ.»

ГЛАВА I.

ПРИРОДА РУССКОЙ СТРАНЫ.

Понятія древнихъ о нашей странѣ. Ея различіе отъ остальнаго материка Европы. Грудь нашей равнины. Русскій видъ-ландшафтъ. Русскій морозъ. Лѣсъ и Поле-Степь. Свойства жизни въ Полѣ и въ Лѣсу. Народные пути-дороги изъ нашей равнины въ приморскія и заморскія страны юга, сѣвера и востока. Значеніе рѣчнаго угла Оки и Волги.

Обширный востокъ Европы—Русская Страна уже въ глубокой древности отдѣлялась отъ остальныхъ европейскихъ земель, какъ особый своеобразный, совсѣмъ иной міръ. Это была Скиѳія и Сарматія, безмѣрная и безпредѣльная пустыня, уходившая далеко къ сѣверу, гдѣ скрывался ужасный пріютъ холода, гдѣ вѣчно шелъ хлопьями снѣгъ и страшно зіяли ледяныя пещеры бурныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Тамъ, въ верху этой пустыни, по общему мнѣнію древности, покоились крюки-замычки міра и оканчивался кругъ, по которому вращались небесныя свѣтила. Тамъ солнце восходило только разъ въ годъ и день продолжался шесть мѣсяцевъ; затѣмъ солнце заходило и наставала одна ночь, продолжавшаяся столько же времени. Счастливые обитатели той страны, Гипербореицы, какъ разсказывали, сѣяли хлѣбъ обыкновенно утромъ, жали въ полдень, убирали плоды при закатѣ солнца, а ночь проводили въ пещерахъ. У этихъ Гипербореицевъ, на концѣ знаемаго міра, древніе помѣщали свои радужныя мечты о счастливой и блаженной жизни и рисовали ихъ страну и ихъ бытъ тѣми блаженными свойствами, какими

всегда себѣ желаетъ и отыскиваетъ человѣческое воображеніе. Гиперборейцы обитали въ пріятнѣйшемъ климатѣ, въ странѣ изобильной всякими древами, цвѣтами, плодами; жили въ священныхъ дубравахъ, не вѣдали ни скуки, ни скорби, ни болѣзни, ни раздоровъ; вѣчно веселились и радовались и умирали добровольно, лишь тогда, какъ вполнѣ пресыщались жизнію: отъ роскошнаго стола, покрытаго яствами и благовоніями, пресыщенные старцы уходили на скалу и бросались въ море.

Поэтамъ и стихотворцамъ вся наша страна представлялась покрытою вѣчнымъ туманомъ, парами и облаками, сквозь которые никогда не проглядывало солнце и царствовала повсюду одна „гибельная" ночь. Свои понятія о свойствахъ природы на глубокомъ сѣверѣ они распространяли на всю страну и утверждали басню о киммерійскомъ мракѣ, покрывъ этимъ мракомъ даже свѣтлую область черноморья, гдѣ собственно и жили древніе Киммеріяне.

Несмотря на поэзію, древніе однако достовѣрно знали, что далекій сѣверъ нашей страны представлялъ въ сущности мерзлую пустыню, покрытую ледяными скалами, что въ средней полосѣ находились безмѣрные болота и лѣса, а южный край разстилался безпредѣльною степью, въ которой обитали Скиѳы, народъ славный, мудрый, непобѣдимый, обладавшій чуднымъ искусствомъ въ войнѣ, ибо догнать и найдти его въ степи было невозможно, равно какъ не возможно было и уйдти отъ него. Въ этомъ коротномъ очеркѣ Скиѳской войны вполнѣ и очень наглядно выразилось, такъ сказать, военное существо нашихъ степей да и всей нашей страны, откуда не могли выбраться со славою ни Дарій Персидскій, воевавшій со Скиѳами, ни Наполеонъ, предводитель Галловъ, воевавшій съ Русскими.

Древніе хорошо также знали, что страна наша очень богата такими дарами природы, какихъ всегда недоставало образованному и промышленному югу. Въ ихъ время отсюда, отъ Уральскихъ горъ, приходило къ нимъ даже золото. Они знали, что Днѣпровскія и другія окрестныя мѣста славились чрезвычайнымъ плодородіемъ своей почвы и служили для нихъ всегдашнею житницею; что въ устьяхъ большихъ рѣкъ и особенно въ Азовскомъ морѣ ловилось невѣроятное множество рыбы, которая также составляла важ-

дѣйшій прибытокъ греческой торговли; что подальше на сѣверѣ въ лѣсахъ водилось столько пчелъ, что, по разсказамъ, онѣ заграждали пути къ дальнѣйшимъ краямъ сѣвера; а отъ пчелъ приносилось новое изобиліе меда и воска, доставлявшее точно также великіе прибытки южной торговлѣ. Дальній сѣверъ больше всего славился мѣхами пушныхъ звѣрей, которыхъ тамъ водилось такое же множество, какъ и пчелъ, и мѣха которыхъ роскошными людьми цѣнились очень дорого, ибо употреблялись не только для богатой теплой одежды, но и для украшенія одеждъ опушкою наравнѣ съ золотомъ. Отъ устьевъ Дуная и до устья Дона наши берега были можно сказать усыпаны греческими поселками и городами, которые всѣ и существовали и богатѣли только торговлею съ нашимъ же краемъ. Словомъ сказать, съ незапамятной древности природныя богатства нашей страны не только привлекали къ ней торговую промышленность образованнаго юга, но и служили красками для невѣроятныхъ разсказовъ, рисовавшихъ особыя, незнаемыя въ другихъ странахъ свойства нашего климата и нашей природы. Скиѳія была особый міръ, имѣвшій свой особый людской нравъ, свое особое небо, свой воздухъ, свои земные дары, свой особый нравъ природы.

Точно также и новѣйшая наука признаетъ, что Русская Страна, въ своей географіи, есть особое существо, нисколько не похожее на остальную Европу, а вмѣстѣ съ тѣмъ не похожее и на Азію. Это глубокое различіе раскрывается уже при первомъ взглядѣ на географическую карту Европы. Мы видимъ, что весь европейскій материкъ очень явственно распадается на два отдѣла или на двѣ половины. Западная половина, можно сказать, вся состоитъ изъ морскихъ береговъ, изъ полуострововъ и острововъ, да изъ горныхъ цѣпей, которыя служатъ какъ бы костями этого полуостровья, настоящими хребтами для всѣхъ этихъ раздѣльныхъ и самостоятельныхъ тѣлъ материка. При этомъ берега каждаго полуострова и острова изрѣзаны моремъ тоже на мелкія отдѣльныя части и раздѣлены между собою заливами, морями, проливами. Горные хребты точно также отдѣлены другъ отъ друга и малыми и великими долинами и низменностями. Все это вмѣстѣ образуетъ такую раздѣльность, особность и дробность частей, какой не встрѣчаемъ нигдѣ

въ другихъ странахъ земнаго шара. Здѣсь повсюду самою природою устроены самыя превлекательныя и уютныя помѣщенія, какъ бы особыя комнаты, въ отдѣльности для каждаго народа и племени, и во всемъ характерѣ страны господствуетъ линія точныхъ естественныхъ границъ или со стороны суши, или со стороны моря.

Эта географическая особность въ распредѣленіи европейскихъ народностей несомнѣнно имѣла прямое вліяніе и на историческія начала западной жизни, особенно на широкое развитіе начала индивидуальности и начала самобытности, не только для каждаго народа, но и для каждаго человѣка. Какъ легко было найдти между этихъ морей и заливовъ, посреди этихъ горъ и долинъ, посреди всѣхъ этихъ отчетливыхъ, ясныхъ, рѣзкихъ и крѣпкихъ изгородей природы, уютное мѣстечко или для неприступнаго замка, или для свободнаго города и зажить особою и независимою ни отъ кого жизнію. Какъ легко было создавать здѣсь государство, сосредоточивать, прикрѣплять къ мѣсту, объединять жизнь человѣка и тѣмъ увеличивать, возвышать и распространять всяческія силы его развитія. Вотъ главная причина почему на западѣ Европы существуетъ столько государствъ, сильныхъ и могущественныхъ всѣми дарами человѣческаго развитія.

Къ этому присоединилось и еще великое счастье. Природа, разгородивши для западнаго европейскаго человѣчества прелестныя, покойныя, уютныя помѣщенія, какъ добрый хозяинъ, позаботилась и о томъ, чтобы эти помѣщенія были надѣлены на большую часть года свѣтлымъ небомъ и теплою погодою. Она не заморозила своего любимца лютымъ холодомъ и не сожгла его зноемъ азіатскаго или африканскаго солнца; она наградила его климатомъ умѣреннымъ и благорастворенным, который давалъ столько облегченій для жизни человѣка, что его свобода ни одного часу не оставалась въ темномъ порабощеніи отъ простыхъ физическихъ препонъ существованія. Западный человѣкъ никогда не былъ угнетенъ непрестанною работою круглый годъ лишь для того, чтобы быть только сытымъ, одѣться, обуться, спасаться отъ непогоды, устроиться въ жилищѣ такъ, чтобы не замерзнуть отъ стужи, чтобы не потонуть въ грязи, чтобы заживо не быть погребеннымъ въ сугробахъ снѣга. Западный

человѣкъ не зналъ и половины тѣхъ заботъ и трудовъ, какіе порабощаютъ и почти отупляютъ человѣка въ борьбѣ съ порядками природы, болѣе скупой и суровой.

Все это, конечно, служило первою причиною, почему западный отдѣлъ Европы, этотъ сильно-разчлененный вѣтвистый полуостровъ, сдѣлался съ древнѣйшаго времени средоточіемъ и гнѣздомъ культурной жизни всего человѣчества.

Совсѣмъ другое строеніе, другой складъ материка и другой характеръ климата представляетъ восточная половина Европы, служащая основаніемъ и какъ бы корнемъ для всего европейскаго полуостровья. Этотъ востокъ Европы заключаетъ въ себѣ обширную, почти круглую равнину, у которой горныя цѣпи, Карпаты, Кавказъ, Уралъ, какъ и морскіе берега у морей Балтійскаго, Каспійскаго, Бѣлаго, Азовскаго и Чернаго существуютъ только на далекихъ окраинахъ, такъ что все существо этой равнины уже географически представляетъ нѣчто весьма однородное, однообразное и нераздѣльное.

Равнина со всѣхъ сторонъ, особенно отъ береговъ морей постепенно возвышается къ своей срединѣ. Здѣсь она образуетъ какъ бы широкую грудь, обширную, однако вовсе незамѣтную высоту, съ которой во всѣ стороны изливаются большія и малыя рѣки. Въ нѣкоторомъ смыслѣ это наши Альпы, которые точно также какъ и въ гористой Европѣ, дѣлятъ всю страну на четыре довольно отличныя другъ отъ друга части, упадающія по странамъ свѣта, на Сѣверъ и Югъ, на Востокъ и Западъ. По справедливости эту возвышенность называютъ теперь Волжскою, именемъ самой большой рѣки, берущей отсюда свое начало, величайшей рѣки не только въ нашей странѣ, но и въ цѣлой Европѣ.

Въ древности эта возвышенность была извѣстна подъ именемъ Алаунскихъ горъ, гдѣ жилъ народъ Алауны, а по нашей лѣтописи она прозывалась Оковскимъ, Воковскимъ, иначе Волковскимъ[1] Лѣсомъ. Можно толковать, что это былъ

[1] Оковской, но чаще Воковской и Волковьской, потомъ Вѣковской и Волоковской. П. С. Р. Л. I, 3; V, 83; VII, 262. Позднѣе Волконской. Сравн. замѣтку Шлецера (Несторъ 1,69), что «Олкосъ у Фукидида называется орудіе для перетаскиванія кораблей по сухому пути».

лѣсъ Волоковъ или переваловъ изъ одной рѣчной области въ другую, такъ какъ, при сообщеніяхъ, суда и лодки обыкновенно волоклись, переволакивались здѣсь сухимъ путемъ, на колесахъ или на плечахъ.

Волга съ своимъ безчисленнымъ семействомъ большихъ и малыхъ рѣкъ и рѣчекъ, служащихъ ей притоками, опускаетъ равнину на востокъ къ предѣламъ Азіи, къ Каспійскому морю; Западная Двина—на западъ — къ Балтійскому морю; Днѣпръ, а рядомъ съ нимъ Донъ опускаютъ равнину въ южныя степи, къ Черному и Азовскому морю; Сѣверная Двина, текущая изъ сѣверныхъ озеръ, за верхнею Волгою, опускаетъ весь сѣверный край въ сѣверныя степи или въ моховыя тундры, уходящія къ Бѣлому морю и Ледовитому Океану.

Равнина сходитъ отъ этой высокой средины во всѣ стороны незамѣтными пологими скатами, отчасти увалами, холмами, грядами, нигдѣ не встрѣчая горныхъ кряжей или вообще гористыхъ мѣстъ, съ которыхъ по большей части несутся рѣки и рѣчки западной Европы. Въ этомъ также существуетъ рѣзкое различіе нашего востока отъ европейскаго запада. Тамошнія рѣки по большей части низвергаются, ибо текутъ съ высотъ въ пять и въ десять разъ выше нашей высокой площади; наши рѣки, напротивъ того, текутъ плавно. Оттого онѣ многоводны и судоходны чуть не отъ самаго истока и до устья, между тѣмъ, какъ рѣки запада бываютъ судоходны только начиная съ средняго своего теченія.

Необычайная равнинность страны много способствуетъ также и тому важному обстоятельству, что потоки рѣкъ, размножаясь по всѣмъ направленіямъ, образуютъ такую связную и густую сѣть естественныхъ путей сообщенія, въ которой всегда очень легко найдти переволоку въ ближайшую рѣчную область и изъ непроходимаго лѣснаго или болотнаго глухаго мѣста выбраться на Божій свѣтъ, на большую и торную дорогу какой либо величавой и многоводной большой рѣки.

Это великое, неисчислимое множество потоковъ, доставляя почвѣ изобильное орошеніе, придаетъ и всей равнинѣ особую физіономію. Потоками она вся изрыта по всѣмъ направленіямъ и потому если, за исключеніемъ обыкновенныхъ

уваловъ, она и не имѣетъ горныхъ кряжей, зато повсюду, по русламъ рѣкъ и рѣчекъ образуетъ въ увалахъ береговыя высоты, замѣняющія горы и у населенія обыкновенно такъ и прозываемыя горами. Типомъ подобныхъ Русскихъ горъ могутъ служить Кіевскія горы и даже въ Москвѣ Воробьевы горы. На такихъ горахъ построены почти всѣ наши старые города, большіе и малые. Показываются эти горы высокими горами особенно потому, что передъ ними всегда разстилаются необозримыя луговыя низменности или настоящее широкое раздолье, чистое поле, уходящее за горизонтъ, такъ какъ вообще теченіе всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ, по большей части, сопровождается нагорнымъ и луговымъ берегомъ, отдѣляющимъ увалистое пространство материка отъ обширныхъ его долинъ и луговинъ. Такая черта русской топографіи доставляетъ и особую типическую черту русскому ландшафту, котораго основная красота и прелесть заключается именно въ этомъ сочетаніи высокаго нагорнаго берега рѣки и широкаго раздолья разстилающейся предъ нимъ луговины. Въ своихъ существенныхъ чертахъ этотъ ландшафтъ по всей собственно русской равнинѣ одинаковъ. Тоже самое встрѣчаемъ на сѣверѣ, какъ и на югѣ, и особенно въ средней полосѣ; одинаково, въ самомъ маломъ объемѣ, на какой-либо малой рѣчкѣ, какъ и въ величественныхъ размѣрахъ береговаго пространства на самыхъ большихъ рѣкахъ, на Днѣпрѣ или на Волгѣ. Различіе заключается лишь въ обстановкѣ этихъ коренныхъ линій ландшафта. На Сѣверѣ его окружаетъ лѣсъ, на дальнемъ Югѣ степная безконечная даль, а отъ величавости и ширины рѣчнаго потока зависитъ бо́льшая или меньшая высота берега и бо́льшая или меньшая широта луговой низменности. Ландшафтъ родной природы такой же воспитатель народнаго чувства, какъ и вся физическая обстановка этой природы. Нѣтъ сомнѣнія, что своими очертаніями онъ сильно дѣйствуетъ и на нравственное существо человѣка, а потому чувство этого простора, чувство равнинное быть можетъ составляетъ въ извѣстномъ смыслѣ тоже типическую черту въ нашемъ народномъ сознаніи и характерѣ. Быть можетъ оно-то въ теченіи всей исторіи заставляло нашъ народъ искать простора во всѣ стороны, даже и за предѣлами своей равнины. Влекомый этимъ чувствомъ русскій человѣкъ раздвинулъ въ нѣсколь-

ко вѣковъ свое жилище отъ Кіева и до Тихаго Океана и притомъ не столько завоеваніями, сколько силою своихъ промышленныхъ потребностей и силою своего неутомимаго рабочаго плеча.

Вообще физіономія страны всегда въ точности опредѣляется своимъ ландшафтомъ. Если намъ изобразятъ воды большой рѣки, пальму на берегу и вдали пирамиду,—кто не узнаетъ въ этомъ маломъ обликѣ древняго Египта, который нарисованъ здѣсь весь полный и съ своею физическою природой и даже съ своею исторіею, ибо пирамида есть выразитель всей исторіи Египта. Кто по верблюду или по оленю не угадаетъ и не представитъ себѣ пустыню юга или пустыню глубокаго сѣвера, какъ и при видѣ осѣдланнаго слона съ бесѣдкою на его хребтѣ и посреди изумительно роскошныхъ, разнообразныхъ и чудныхъ формъ растительности, кто не укажетъ, что это—Индія. Такъ точно, увидавши воды рѣки или озера и тутъ же гдѣ либо на высокой обрывистой горѣ каменный замокъ, группу каменныхъ построекъ съ торчащими башнями, зубчатыми стѣнами, подъемнымъ мостомъ,—кто не угадаетъ, что это рыцарская Европа, Франція, Германія, Англія и т. д.

Нашъ руссій видъ точно также вполнѣ выражается тою топографіею, о которой мы сейчасъ говорили и которая обыкновенно оживляется если не городомъ, или усадьбою, стоящими на крутомъ рѣчномъ берегу, то порядкомъ сѣрыхъ деревянныхъ избъ съ ихъ плетневыми постройками, раскинутыхъ гдѣ либо по косогору или на привольномъ лугу и осѣненныхъ Божьимъ храмомъ съ золотистымъ крестомъ его высокой колокольни. Если только перемѣнимъ порядокъ сѣрыхъ избъ на мазаныя и свѣтло-выбѣленныя хаты, разбросанныя въ зеленой густотѣ вербъ и тополей, то они тотчасъ перенесутъ наше воображеніе тоже въ родной край, въ Малороссію, въ южную Русь. Прибавивъ къ этимъ двумъ основнымъ обликамъ нашего жилья обстановку окружающей его природы или собственно его горизонты, кругозоры: къ избамъ — косогоры и синѣющіе вдали лѣса, къ хатамъ безпредѣльное чистое поле, покрытое растущими хлѣбами, и мы получимъ въ общихъ чертахъ весьма существенную характеристику нашего роднаго землевида.

Но что особенно поражаетъ въ нашемъ равнинномъ земле-видѣ такъ это окружающая его невозмутимая тишина и спокойствіе во всемъ, во всѣхъ линіяхъ: въ воздухѣ и въ рѣчномъ потокѣ, въ линіяхъ лѣса и поля, въ формахъ каждой деревенской постройки, во всѣхъ краскахъ и тонахъ, одѣвающихъ все существо нашей страны. Какъ будто все здѣсь притаилось въ ожиданіи чего-то или все спитъ непробуднымъ сномъ. Само собою разумѣется, что такой характеръ страны получается главнымъ образомъ отъ ея неизмѣримаго простора, отъ ея беспредѣльной равнинности, молчаливое однообразіе которой ничѣмъ не нарушено ни въ природѣ, ни въ характерѣ населенныхъ мѣстъ. Къ тому же именно въ отношеніи малаго, рѣдкаго населенія наша страна всегда походила больше всего на пустыню. Людскіе поселки въ лѣсныхъ краяхъ всегда скрываются гдѣ-то за лѣсами; въ степныхъ же, они, тѣснясь ближе къ водѣ, лежатъ въ глубокихъ балкахъ, невидимые со степнаго уровня. Оттого путникъ, переѣзжая вдоль и поперегъ эту равнину, въ безлѣсной степи или въ безконечномъ лѣсу, повсюду неизмѣнно чувствуетъ, что этотъ великій просторъ, въ сущности есть великая пустыня. Вотъ почему рядомъ съ чувствомъ простора и широты русскому человѣку такъ знакомо и чувство пустынности, которое яснѣе всего изображается въ заунывномъ звукѣ нашихъ родныхъ пѣсенъ.

Господиномъ нашей страны и полнымъ ея хозяиномъ въ отношеніи климата было конечно свѣтлое и теплое солнце, дававшее всему жизнь и движенье. Но свое благодатное господство оно дѣлило пополамъ съ другимъ еще болѣе могущественнымъ хозяиномъ нашей страны, которому въ добавокъ отдавало большую половину годоваго времени. Имя этому другому хозяину было морозъ. Это было такое существо, о которомъ разсказывали чудеса еще древніе Греки. Ихъ изумляло, напр., то обстоятельство, что если во время зимы въ нашей Скиѳіи прольешь на землю воду, то грязи не сдѣлаешь, вода застынетъ; а вотъ если разведешь на землѣ огонь, то земля превратится въ грязь. Отъ воды земля крѣпнетъ, отъ огня становится грязью — вещи непонятныя и необъяснимыя для обитателя мѣстъ, гдѣ зимы

вовсе не бываетъ. Во всей странѣ, говоритъ отецъ исторіи Геродотъ, описывая только наши южные края, бываетъ такая жестокая зима, что восемь мѣсяцевъ продолжаются нестерпимые морозы. Даже море (Азовское) замерзаетъ и черезъ морской проливъ (Керченскій) зимою ѣздятъ на тотъ берегъ повозки, а посреди пролива на льду происходятъ сраженія. По причинѣ лютой стужи въ Скиѳіи и скотъ родился безъ роговъ, а лошади были малы ростомъ. Отъ морозу лопались даже мѣдные сосуды. Во времена Эратосѳена въ городѣ Пантикапеѣ (теперешняя Керчь) въ храмѣ Асклепія находился мѣдный, треснувшій отъ мороза кувшинъ, съ надписью, что онъ поставленъ не въ даръ божеству, а только показать на увѣреніе людямъ, какія бываютъ зимы въ этой странѣ. Геродоту сами Скиѳы разсказывали, что на сѣверѣ за ихъ страною воздухъ наполненъ летающимъ перьемъ, отчего нельзя ничего видѣть, ни пройдти дальше. По моему мнѣнію, замѣчаетъ Геродотъ, Скиѳы называютъ перьемъ густой снѣгъ, потому что снѣгъ походитъ на перье. Другіе, позднѣйшіе описатели нашей страны точно также съ изумленіемъ разсказывали многія басни о чудесахъ нашего мороза. По ихъ словамъ уже не сосуды, а самая земля отъ морозу трескалась широкими разсѣлинами; деревья разщеплялись отъ вершины до корня и т. п., такъ что самое имя Русской Страны прежде всего поселяло въ тогдашнихъ умахъ понятіе о единственномъ ея властителѣ и хозяинѣ, о лютомъ морозѣ.

Дѣйствительно, морозъ, когда распространялъ свое владычество, превращалъ эту равнину и безъ того очень пустынную, въ совершенное подобіе всеобщей смерти. Самое имя морозъ означаетъ существо смерти. Но если при его владычествѣ помирала природа, зато во многихъ углахъ нашей страны и особенно ближе къ сѣверу оживали новою дѣятельностію люди. При морозѣ открывалась самая прямая дорога въ такія мѣста, которыя до того времени бывали вовсе недоступны. Именно въ Новгородской области нельзя было съ успѣхомъ воевать, какъ только во время крѣпкихъ морозовъ, въ глубокую осень или въ теченіи зимы. Самый сборъ дани съ подвластныхъ племенъ начинался съ Ноября и продолжался во всю зиму. Естественно, что тогда же открывались и прямые ближайшіе торговые пути, особенно

въ сѣверные глухіе углы. Зима ставила путь повсюду; лѣтомъ всякій путь шелъ только по рѣкамъ и конечно былъ труднѣе во всѣхъ отношеніяхъ. По лѣтнему сухому пути ѣздили развѣ въ ближайшія мѣста, ибо лѣса, болота, весеннія разливы безчисленныхъ рѣкъ дѣлали такой путь въ далекія мѣста совсѣмъ невозможнымъ. Цѣлыя войска, шедшія другъ противъ друга воевать, иной разъ расходились въ лѣсахъ по разнымъ направленіямъ и не встрѣчались на битву. Вообще въ лѣсной сѣверной сторонѣ, весенніе разливы рѣкъ чуть не на все лѣто покрывали поля, луга, лѣса сплошными безконечными озерами, по которымъ нельзя было проложить себѣ дорогу ни на лодкѣ, ни въ повозкѣ и которыя въ лѣтнюю уже сухую пору превращались только въ безконечныя же болота. Только одинъ батюшка-морозъ прокладалъ пути и дороги по всюду и возбуждалъ предпріимчиваго человѣка къ дѣятельности, какая совсѣмъ была невозможна въ другое время, кромѣ зимы.

Иное дѣло было въ южной половинѣ страны, въ чистомъ полѣ, въ широкихъ степяхъ. Здѣсь всякіе походы открывались только весною и совершались по сухому пути верхомъ на коняхъ. Только весною широкая и далекая степь зеленѣла какъ поемные луга и представляла обильное пастбище для коней, какъ и для всякаго скота, ибо горячее лѣто обыкновенно высушивало траву и устанавливало полную безкормицу. Въ зимнее время почва замерзала и оставляла подъ снѣгомъ скудный и тощій подножный кормъ, который еще не совсѣмъ легко было отыскать въ степномъ пространствѣ. Стало быть, только весною въ степи съ особенною силою оживала дѣятельность человѣка, направленная впрочемъ больше всего на военные набѣги и походы. Весною же по рѣкамъ поднимались и торговые караваны, сплавлявшіе свое добро въ Черное и Азовское море. Такимъ образомъ, торговое и военное сердце древней Руси, Кіевъ, справивши въ зимнюю пору всѣ свои дѣла на сѣверѣ, съ весною отворялъ ворота на дальній югъ и уходилъ или по Днѣпру на лодкахъ въ столицу тогдашней образованности и культуры, въ богатый Царьградъ, или по чистому полю къ синему Дону, громить идолище поганое, Печенѣговъ и Половцевъ. Къ заморозкамъ всѣ давно уже были дома и снова собирались въ походъ на дальній сѣверъ. Таково было круго-

обращеніе южной, собственно Кіевской жизни съ древнѣйшаго времени, съ той поры, когда Кіевъ сталъ матерью Русскихъ городовъ. Но таковъ былъ неумолкаемый переживъ русской жизни и вообще съ незапамятныхъ временъ. Лѣсъ и поле дѣлили ее пополамъ и непрестанно тянули въ свои стороны. То она раздвигалась широко и далеко до самыхъ морей и до горъ Кавказскихъ и Карпатскихъ, по полю; то уходила глубоко въ сѣверные лѣса, пролагая тѣсные и трудные пути тоже къ морямъ. И долгое время совсѣмъ неизвѣстно было, гдѣ она сложится въ живое, сильное и могущественное единство.

Собственно древне-русское жилье въ нашей равнинѣ, по своему географическому характеру, въ дѣйствительности еще нашими предками дѣлилось на лѣсъ и поле.

Именемъ Лѣса въ особенности обозначались сплошные лѣса, покрывавшіе сѣверную сторону отъ Кіева и Курска; но и все пространство на западъ отъ Кіева, не говоря о дальнемъ сѣверѣ, а также и на востокъ, къ Волгѣ, тоже было покрыто лѣсами. Поле начиналось въ полосѣ чернозема, еще съ береговъ верхней Оки и верхняго Дона, и особенно распространялось въ полосѣ Кіева, Курска, Харькова, Воронежа. Хотя полемъ обозначались вообще степныя пространства, однако въ русскомъ смыслѣ такія, гдѣ по мѣстамъ росли тоже лѣса, ибо поле, какъ полое мѣсто, по начальному своему значенію, всегда указывало, что гдѣ либо въ окрестности существуетъ и лѣсъ. Такое именно поле въ перемежку съ лѣсами растилалось отъ верховьевъ Дона, дальше къ югу, до той полосы, гдѣ лѣсная растительность совсѣмъ прекращалась и гдѣ начиналась уже настоящая совсѣмъ безлѣсная степь. Черта этого степнаго пространства проходитъ по нижнему теченію всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное, Азовское и въ Каспійское море. Отсюда степи тянутся еще дальше на востокъ и теряются въ безконечномъ пространствѣ азіатскихъ равнинъ.

Въ степи совсѣмъ безлѣсной, лѣсная растительность держится только по руслу рѣкъ и рѣчекъ и вообще по низменной долинѣ ихъ потоковъ, вбѣгая иногда въ видѣ кустарника въ близлежащіе глубокіе овраги или балки. Чѣмъ дальше къ сѣ-

веру, тѣмъ эти луговыя низины, овраги и балки полнѣе занимаются кустарникомъ, который, еще дальше на сѣверъ, принимаетъ уже виду настоящаго лѣса: и въ полосѣ поля всѣ лѣса обыкновенно держатся на такихъ низинахъ и оврагахъ, ибо только по нимъ распространяется изъ рѣкъ необходимая влага. Въ самой степи за недостаткомъ этой влаги лѣсу вовсе не было; но зато по дикимъ мѣстамъ росли непроходимые терны и другіе подобные кустарники и всю степь покрывала густая и высокая трава, разнаго рода бурьянъ, которая въ глухихъ и непроѣздныхъ мѣстахъ уподоблялась лѣсу, такъ что всадникъ могъ въ ней скрываться и съ конемъ.

Для овцы и рогатаго скота, какъ и для всякаго мирнаго и хищнаго звѣря здѣсь было полное раздолье. Оттого степью и владѣли по преимуществу кочевыя племена, переходившія на привольи съ мѣста на мѣсто, слѣдуя за своими стадами. Какъ скоро весь кормъ былъ выѣденъ, стадо само отыскивало лучшей пищи и уходило дальше, за нимъ дальше переходилъ и пастырь-кочевникъ.

Въ отдаленіи отъ большихъ рѣкъ степь обыкновенно такъ ровна и открыта, какъ ладонь; приближаясь къ рѣкамъ, она бороздитъ свою поверхность множествомъ широкихъ, глубокихъ и отлогихъ овраговъ или балокъ, поросшихъ тоже густою травою, которыя, расходясь въ разныхъ направленіяхъ, все-таки подъ конецъ соединяются въ одно общее русло и падаютъ въ рѣку.

Ясно, что такое устройство прирѣчной степной поверхности зависѣло отъ весеннихъ и дождевыхъ потоковъ, направлявшихъ свое теченіе въ рѣку. Въ степи иной разъ встрѣчается цѣлая система такихъ широкихъ и отлогихъ овраговъ, по которымъ тайно и невидимо съ уровня степи можно проходить изъ одной далекой мѣстности въ другую, чѣмъ и пользовались кочевники и потомъ казаки, появляясь въ иныхъ случаяхъ внезапно предъ лицемъ непріятеля. Многообразное развѣтвленіе степныхъ балокъ очень похоже на развѣтвленіе рѣчныхъ потоковъ на сѣверѣ страны, съ тѣмъ различіемъ, что тамъ повсюду встрѣчаются свѣжо-прорытые обрывистые берега не только при рѣкахъ, но и при малыхъ ручьяхъ и оврагахъ, между тѣмъ, какъ степныя балки, какъ мы упоминали, по большей части ши-

роко разлежисты, не сходятъ больше на долины и всегда покрыты, какъ и самая степь, густою травою.

Прошли тысячелѣтія, но и до сего времени степь помнитъ своихъ первыхъ обитателей. По ея широкому раздолью путникъ безпрестанно встрѣчаетъ тамъ и здѣсь раскинутыя группами или стоящія одиночки, такъ называемыя въ народѣ, Могилы или курганы, иногда поражающіе своею огромною величиною, которая въ иныхъ курганахъ доходитъ слишкомъ до 10 саженъ и болѣе отвѣсной высоты и до 50 саженъ и болѣе въ поперечникѣ по подошвѣ насыпи. Эти громадныя могилы служатъ какъ бы маяками въ безпредѣльной пустынѣ, оживляютъ ея ландшафтъ и будто живыя существа что-то разсказываютъ и что-то думаютъ о незнаемой исторіи своихъ строителей. Народъ очень давно подмѣтилъ впечатлѣніе, производимое на путника этими гигантами степной равнины и воспѣлъ его въ своихъ пѣсняхъ [1].

По большей части и особенно громадныя могилы, какъ и цѣлыя группы среднихъ и малыхъ кургановъ стоятъ на такихъ высотахъ, откуда во всѣ стороны расходятся безчисленныя балки, то есть стоятъ такъ сказать на степныхъ горахъ или взлобьяхъ, называемыхъ въ нашей лѣтописи и въ Словѣ о Полку Игоревомъ шеломянемъ отъ слова шлемъ, шеломъ, а также и прямо горою въ смыслѣ высокаго мѣста. Надо полагать, что такія горы были родовыя и на ихъ высотѣ погребались родичи и вожди племени, которое занимало своимъ кочевьемъ близлежащія окрестности. Естественно также, что для степныхъ обывателей курганы служили маяками, верстовыми столбами, по которымъ степняки распредѣляли и узнавали свои пути—дороги и свои жилыя границы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и позднѣйшіе кочевники всегда выбирали высокую могилу для расположенія вокругъ нея сво-

[1] Ой, у поли могыла зъ витромъ говорыла:
Повій, витре буйнесенькій, щобъ я не чорнила!
Щобъ я не чорнила, щобъ я не марнила;
Щобъ на мени трава росла, та ще й зеленила...
И витеръ не віе, и сонце не гріе,
Тилько въ степу при дорозі трава зеленіе...

его коша или временной стоянки. Тутъ они размѣщали свои повозки и палатки, строили даже хаты, а сверху кургана наблюдали за стадами. Съ большаго кургана по прямой линіи привычнымъ глазомъ степняка можно ясно видѣть очень на далекое разстояніе.

Для кочевника во внутренней степи всего труднѣе было добывать себѣ водопой. Колодцы, копани, или же родники, криницы, существовали на днѣ глубокихъ и далекихъ балокъ; поэтому и самое мѣсто коша обыкновенно выбиралось вблизи рѣкъ и рѣчекъ или такихъ мѣстъ, гдѣ издревле существовали копаные колодцы и родники — криницы. Это было единственное недвижимое, не перевозимое и не переносимое имущество степняковъ, которымъ обыкновенно пользовался каждый родъ особо, и изъ-за котораго вѣроятно много происходило у нихъ браней, ссоръ и междоусобій.

Существенная сила степной жизни для человѣка, заключалась однако не въ стадѣ, но въ быстромъ конѣ. Это благородное животное для степняка являлось вторымъ его существомъ. Безъ коня онъ не могъ ухаживать за своими стадами, пасти ихъ и защищать отъ воровъ людей и отъ воровъ звѣрей. Притомъ степь, безпредѣльно - ровное и открытое пространство, нигдѣ не представляетъ никакой защиты. Эту защиту возможно находить только въ быстротѣ передвиженія, ибо спрятаться отъ врага некуда и должно искать спасенья только въ быстромъ бѣгѣ коня.

Въ лѣсу каждое дерево каждый кустъ способствуютъ къ оборонѣ и могутъ укрыть всякій слѣдъ. Но въ степи все открыто и всякое движеніе на ладони. Ни засады, ни обороны устроивать негдѣ и приходится бѣжать, уноситься на конѣ, что для кочевниковъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ служило единственнымъ способомъ всякой обороны. Зато кочевникъ такъ любилъ и уважалъ коня, что почиталъ беззаконнымъ и безчестнымъ запрягать въ повозку даже и негоднаго; на это искони были опредѣлены волы.

По самой срединѣ нашихъ южныхъ безлѣсныхъ приморскихъ степей, существовало одно мѣсто, которое все было покрыто лѣсомъ и у древнихъ грековъ такъ и прозывалось Илея, Лѣсъ, а по русски Олешье. Это мѣсто находилось въ

устьѣ Днѣпра, на лѣвомъ, восточномъ его берегу, гдѣ и теперь существуетъ на мѣстѣ древняго, новый городъ Алешки [1]. Лѣсъ отсюда простирался по Днѣпру и дальше къ сѣверу, особенно по теченію р. Конки, отъ самаго ея впаденія въ Днѣпръ и по всѣмъ рукавамъ Днѣпра, образующимъ многочисленные широкіе поемные луга, называемые плавнями. Затѣмъ всѣ острова нижняго Днѣпра тоже были покрыты лѣсомъ, такъ что, особенно въ глубокой древности, этотъ лѣсъ начинался почти отъ самыхъ пороговъ и при устьѣ обнималъ всѣ близлежащіе заливы, озера и Перекопскія болота. Въ средніе вѣка здѣсь гнѣздился какой-то безпокойный народъ, заставлявшій много говорить о немъ и о такъ называемыхъ Меотійскихъ, то есть здѣшнихъ болотахъ, которыя по тогдашнимъ понятіямъ были одно и тоже съ Азовскимъ моремъ. Кочевники приходили въ эти луговыя и лѣсныя мѣста на зиму, ибо здѣсь, въ низменныхъ мѣстахъ, близь моря и въ лѣсу было теплѣе и представлялось больше защиты отъ зимнихъ вьюгъ и вѣтровъ, какъ для скота, такъ и для людей. Хозяева близлежащихъ степей и теперь перегоняютъ сюда на зиму стада овецъ для болѣе привольнаго корма и защиты отъ стужи.

Надо замѣтить, что въ южной Русской рѣчи такія поемныя, покрытыя сплошнымъ лѣсомъ низины носятъ собственное названіе лугъ. Внизу Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ нѣкогда существовала Запорожская Сѣчь, все низменное пространство Днѣпровскихъ разливовъ, еще и теперь покрытое густымъ лѣсомъ, такъ и называлось: Великій Лугъ. Въ южномъ языкѣ лугъ стало быть значитъ лѣсъ, совсѣмъ противоположно сѣверному понятію о лугѣ, какъ о полѣ, безлѣсномъ чистомъ мѣстѣ. Въ такомъ различіи смысла для одного и того же слова выразились только различныя свойства степной и лѣсной природы. Въ южныхъ полевыхъ

---

¹) У Прокопія, писателя VI в., вся эта страна именуется Элисіею, Эллисіею. По другимъ писателямъ здѣсь существовалъ городъ Элиссосъ, обозначаемый на итальянскихъ картахъ elexe, elice, erexe, erese (Древности Геродотовой Скиѳіи, Выпускъ II, Спб. 1872, статья г. Бруна, стр. XXVIII), что все вмѣстѣ, отъ VI до XIV вѣка, только огречиваетъ и олатыниваетъ тоже самое коренное славянское имя Олешье. Олѣхъ, Елокъ въ старинномъ топографическомъ языкѣ означало болото, водяное, поемное мѣсто, покрытое кустарникомъ и мелколѣсьемъ.

и степныхъ краяхъ лѣсная растительность, какъ мы говорили, держится по преимуществу только въ низменныхъ, сравнительно съ другими наиболѣе влажныхъ мѣстахъ; оттого прямое понятіе о лугѣ, какъ о поемной низменности, перешло въ исключительное понятіе о всякомъ лѣсѣ [1].

Жизнь въ чистомъ полѣ и жизнь въ лѣсу воспитывали и самыхъ людей весьма различно. Наше Русское Поле отличалось своею плодоносною черноземною почвою, вознаграждавшею всегда съ избыткомъ даже самый легкій трудъ земледѣльца. Оно лежало въ климатѣ болѣе тепломъ, чѣмъ лѣсная сторона и потому представляло множество облегченій и удобствъ для жизни, въ иныхъ случахъ совсѣмъ устранявшихъ особенную заботу о завтрешнемъ днѣ. Часто случалось, что сжиная свой хлѣбъ, земледѣлецъ не заботился о будущемъ посѣвѣ, такъ какъ для такого посѣва бывало достаточно одной падалицы, то есть упавшаго зерна при уборкѣ, которое, вспаханное потомъ деревяннымъ раломъ, приносило на будущее лѣто тоже не малый плодъ. Такъ точно и всѣ другія хозяйственныя произрастенія въ изобиліи давали плодъ каждому доброму и старательному и даже нестарательному хозяину. Для скота всегда было приволье и кормъ на тучныхъ лугахъ широкаго поля. Устройство самаго жилища вовсе не требовало отъ поселянина столькихъ трудовъ, заботъ и хлопотъ. Изъ хвороста и глины, перемѣшанной для связи съ навозомъ, онъ лепилъ себѣ на нѣсколькихъ столбахъ хату, покрывая ее пшеничною соломою или тростникомъ. На южномъ солнцѣ, чѣмъ дольше хата стояла, тѣмъ становилась крѣпче и суше и никакіе дожди ей не были опасны, ибо тоже солнце тотчасъ все высушивало. На сѣверѣ такая хата отъ вѣчной продолжительной мокроты разлѣзлась бы и развалилась бы по составамъ. Постоянное возобновленіе обмазки глиной, а для чистоты мѣломъ, такъ легко, что этимъ дѣломъ издревле занимаются только женщины; онѣ же на половину строятъ и самую хату, ибо смазка изъ глины ея стѣнъ есть какъ бы наслѣдственная ихъ обязанность. Затѣмъ и извѣстная чи-

[1] Максимовичъ: Откуда идетъ Русская Земля, стр. 134 (примѣч. 60).

стота южныхъ крестьянскихъ жилищъ вполнѣ также зависитъ отъ неизбѣжнаго возобновленія ихъ обмазки глиною и особенно мѣломъ. Простой мѣлъ играетъ здѣсь роль премудраго воспитателя, распространителя и охранителя крестьянской чистоты и опрятности, ибо выбѣленная хата сама уже указываетъ, что всяческая грязь, какъ въ сѣверныхъ избахъ, въ ней непозволительна.

И всему этому главнымъ образомъ способствуетъ болѣе теплый климатъ и болѣе яркое и горячее солнце.

Какъ для степняка-кочевника его основную силу и второе его существо представлялъ конь, такъ и для степнаго земледѣльца, жившаго въ полѣ, истинною его силою и вторымъ его существомъ былъ сивый волъ.

Безъ вола южный поселянинъ, какъ безъ рукъ, совсѣмъ пропалъ и погибъ. Никакая лошадь въ грязную погоду не вывезетъ по чернозему и самое себя; а волъ ступаетъ себѣ тихо и мѣрно и перевозитъ такія тяжести, какихъ и цѣлый табунъ коней не сможетъ съ мѣста тронуть, не говоря о томъ, что поднимать подъ пашню плугомъ черноземную новину, только и возможно въ нѣсколько паръ воловъ.

Но волъ, какъ второе существо южнаго человѣка, по необходимости, вселялъ въ своего хозяина и свои обычаи и нравы: свое упрямство, неповоротливость, медлительность, не только въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, но даже въ мысляхъ и понятіяхъ. Ни что вокругъ не устремляло южнаго поселянина къ быстрому соображенію, къ быстротѣ пониманія, къ быстрой догадкѣ и смѣткѣ, чѣмъ въ особенности отличается сѣверный поселянинъ. Хозяйство южнаго человѣка все проходило на волахъ, тихо, спокойно и медленно. Онъ никогда не испытывалъ особенно горячей поры въ своихъ работахъ и заботахъ; его существованіе вполнѣ было обезпечено его мягкою, доброю, нѣжною природою. Оттого и самая его пѣсня звучитъ больше радостью, любовью, беззаботнымъ весельемъ, чѣмъ тяжелымъ трудомъ и тяжелымъ горемъ жизни, оскорбленной самою природою.

Но и на югѣ среди чистаго поля и широкаго раздолья, посреди благодатной природы, долгое время существовало свое горе, хотя и не такое обидное, какое дается со стороны природы, которое побороть нельзя, которое безвыходно и при-

водитъ человѣка въ отчаяніе. На югѣ съ этимъ горемъ можно было бороться, можно было его побѣдить. И однако цѣлые вѣка его побѣдить было невозможно; цѣлые вѣка оно отравляло и разоряло южную жизнь и не давало ей собираться въ живое, могущественное единство.

Южное Русское Славянство своими широкими полями прилегало, какъ мы говорили, къ безводной степи, гдѣ нельзя было заниматься земледѣліемъ и гдѣ по этому странствовали только одни кочевники. Эти-то кочевники, это идолище, чудище поганое, никогда не давало покоя обитателю нашего поля.

Выждавъ время и удобный случай, оно внезапно набрасывалось на полянина-земледѣльца, грабило его, сожигало его хаты, угоняло скотъ, уводило въ плѣнъ людей. Въ этихъ обстоятельствахъ не помогали иногда и крѣпкіе города. Очень естественно, что южный земледѣлецъ долженъ былъ жить всегда на-готовѣ для встрѣчи врага, для защиты своего паханаго поля и своей родной земли. Важнѣйшее зло для осѣдлой жизни заключалось именно въ томъ, что никакъ нельзя было прочертить сколько нибудь точную и безопасную границу отъ сосѣдей степняковъ. Эта граница ежеминутно перекатывалась съ мѣста на мѣсто, какъ та степная растительность, которую такъ и называютъ Перекати-Полемъ. Нынче пришелъ кочевникъ и подогналъ свои стада или раскинулъ свои палатки подъ самый край паханой нивы; завтра люди, собравшись съ силами, прогнали его, или дарами и обѣщаніемъ давать подать удовлетворили его жадности. Но кто могъ ручаться, что послѣ завтра онъ снова не придетъ и снова не раскинетъ свои палатки у самыхъ земледѣльческихъ хатъ. Поле, какъ и море — вездѣ дорога и невозможно въ немъ положить границъ, особенно такихъ, которыя защищали бы такъ сказать сами себя. Въ такихъ обстоятельствахъ очень естественно, что населеніе въ иныхъ, наиболѣе бойкихъ мѣстахъ, выставляло живую границу изъ людей, всю жизнь отдававшихъ полевой войнѣ. Естественно, что въ иныхъ мѣстахъ населеніе по необходимости становилось козакомъ, почти такимъ же разбойникомъ-степнякомъ, отъ котораго должно было защищаться. Такимъ образомъ на полевой нашей окраинѣ съ незапамятной древности должны были существовать дружины удальцевъ, не при-

надлежавшихъ ни къ земледѣльцамъ, ни въ кочевникамъ, а составлявшихъ особый народъ, даже безъ названія, отъ чего и въ нашей лѣтописи есть только слабые намеки на его существованіе. Свое названіе эти дружины получали больше всего отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они скоплялись, и откуда особенно распространялась ихъ удалая воинственная сила. На памяти нашей исторіи они назвались бродниками, быть можетъ отъ слова бродить, тоже что и кочевать, или отъ сброда, отъ собранія всякихъ людей. Потомъ они стали прозываться Черкасами, отъ мѣста ли или отъ свойства своей жизни, неизвѣстно. Наконецъ эти удальцы получили имя Козаковъ, тоже не совсѣмъ объяснимое, что̀ оно первоначально означало. По всему только видно, что этотъ народъ ни сколько не заботился о своемъ имени. Живя за Днѣпровскими порогами, онъ назывался Запорожцемъ; живя на Дону, онъ назывался Донцемъ. Но любопытно, что еще при Геродотѣ, за 450 лѣтъ до Р. X., на нижнемъ Днѣпрѣ, который тогда назывался Борисѳеномъ, жили Борисѳениты-Днѣпровцы; а при Птоломеѣ, въ половинѣ втораго вѣка по Р. X., на поворотѣ Дона жили Донцы-Танаиты. Отчего тѣ и другіе прозывались исключительно по имени рѣкъ, когда рядомъ съ ними существовали обитатели, называвшіеся своими именами? Не существовало ли и въ тѣ времена тойже самой причины, что это были люди, не принадлежавшіе ни къ какому племени, составлявшіе собственно сбродъ людей отъ всякихъ племенъ?

Какъ бы ни было, но происхожденіе нашего козачества должно уходить въ глубокую древность, ибо оно, козачество, есть, такъ сказать неизбѣжное физіологическое явленіе древнѣйшей жизни нашихъ украинцевъ, вызванное на Божій свѣтъ ихъ географическимъ положеніемъ и ходомъ самой исторіи. Круглая беззащитность широкаго чистаго поля создавала по необходимости своего рода защитника; страхъ отъ внезапнаго набѣга враговъ создавалъ изъ украинца всегдашняго воина, который по необходимости промышлялъ тѣмъ же, чѣмъ промышляли настоящіе степняки-кочевники. Такимъ образомъ жизнь въ чистомъ полѣ, подвергаясь всегдашней опасности, была похожа на азартную игру. „Либо панъ, либо пропалъ“—разносилась тамъ въ народѣ пословица, вполнѣ выражавшая состояніе тамошнихъ дѣлъ.

Лѣсное мѣсто вблизи устья Днѣпра, о которомъ мы говорили, было постояннымъ и какъ бы природнымъ козацкимъ гнѣздомъ, съ незапамятныхъ временъ. Козачество здѣсь нарождалось, беспрерывно возобновлялось само собою, постояннымъ приливомъ всякихъ людей отъ разныхъ сторонъ, или прямо искавшихъ новаго счастья, или убѣгавшихъ отъ домашняго несчастья, отъ уголовной бѣды, отъ отцовской или властелинской грозы и отъ множества подобныхъ причинъ.

Не то было въ нашей сѣверной лѣсной сторонѣ. Она тоже жила рядомъ съ дикимъ варварскимъ населеніемъ, иногда бокъ о бокъ съ какимъ-либо Соловьемъ-Разбойникомъ, сидѣвшимъ на двѣнадцати дубахъ и не пропускавшимъ мимо себя ни коннаго, ни пѣшаго. Но въ лѣсу не то, что въ чистомъ полѣ: здѣсь вездѣ можно устроить засаду и вездѣ можно спрятаться. Здѣсь, забравшись въ какую-либо трущобу, можно такъ ее укрѣпить и защитить, что она не убоится никакого врага. Здѣсь вообще работою и трудомъ неуклонно можно подвигаться впередъ и впередъ, можно распространять свои границы, хотя исподоволь, шагъ за шагомъ, но зато твердо, опредѣленно и точно, потому что здѣшнія границы, не такъ какъ полевыя, менѣе подвижны и переходчивы отъ завоеваній врага. Въ лѣсу, что бывало сдѣлано въ смыслѣ осѣдлости и устройства прочнаго жилья, то пускало глубокіе корни и вырвать ихъ было не легко. Въ немъ конечно нельзя съ такимъ раздольемъ, какъ въ степи, въ полѣ, зайдти очень далеко, унестись въ любую сторону и потерять даже собственный слѣдъ. Въ немъ, напротивъ, только по проложенному широко и глубоко слѣду и возможно какое либо движеніе. Зато однажды, хотя и съ трудомъ, проложенный путь въ лѣсу становился на долгое время неизмѣнною и прямою дорогою ко всякимъ выгодамъ и облегченіямъ жизни.

Лѣсъ, по самой своей природѣ, недопускалъ дѣятельности слишкомъ отважной или вспыльчивой. Онъ требовалъ ежеминутнаго размышленія, внимательнаго соображенія и точнаго взвѣшиванія всѣхъ встрѣчныхъ обстоятельствъ. Въ лѣсу, главнѣе всего, требовалась широкая осмотрительность, ибо кругомъ существовало не одно идолище поганое, а слиш-

жемъ много предметовъ, которые столько же, какъ и подобное чудище, препятствовали движенію впередъ. Отъ этого у лѣснаго человѣка развивается совсѣмъ другой характеръ жизни и поведенія, во многомъ противоположный характеру кореннаго Полянина. Правиломъ Лѣсной жизни было: десять разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь. Правило Полевой жизни, какъ мы упомянули, заключалось въ словахъ: либо панъ, либо пропалъ. Полевая жизнь требовала простора дѣйствій; она прямо вызывала на удаль, на удачу, прямо бросала человѣка во всѣ роды опасностей, развивала въ немъ беззавѣтную отвагу и прыткость жизни. Но за это самое она же дѣлала изъ него игралище всякихъ случайностей. Вообще можно сказать, что Лѣсная жизнь, воспитывала осторожнаго промышленнаго политическаго хозяина, между тѣмъ какъ Полевая жизнь создавала удалаго воина и богатыря, беззаботнаго къ устройству политическаго хозяйства.

Къ тому же для полянина, жившаго въ довольствѣ со стороны природной благодати, не особенно требовалась помощь сосѣдей. Онъ къ ней прибѣгалъ только въ военныхъ случаяхъ, но въ мирной повседневной жизни онъ и на маломъ пространствѣ легко могъ завести такое сильное и обширное хозяйство, что оно вполнѣ его обезпечивало. Оттого въ его сознаніи не большую цѣну имѣла мысль устроивать свою землю по плану одного общаго хозяйства, по плану одного господарства, государства. Въ полѣ каждое даже мелкое хозяйство могло, спустя рукава, существовать особнякомъ, ни въ чемъ независимо отъ другихъ. Въ лѣсу и это обстоятельство дѣйствовало иначе. Тамъ и люди во многомъ вполнѣ зависѣли другъ отъ друга. Природа ихъ тѣснила со всѣхъ сторонъ. Необходимый просторъ для дѣйствій жизни добывался даже и въ малыхъ дѣлахъ, только при помощи общаго союза и соединенія, по той причинѣ, что ни одно хозяйство тамъ не было полно: всегда чего - либо недоставало и что необходимо было доставать у сосѣда. Въ одномъ мѣстѣ было много лѣснаго звѣря или рыбы въ водахъ, за то не было хлѣба; въ другомъ былъ хлѣбъ, за то не доставало матеріаловъ для одежды и т. д. Поле въ этомъ случаѣ представляло больше полноты и круглоты, даже и для малаго хозяйства. Потребности и нужды его обитателей удовлетворялись легче и независимѣе отъ сосѣдей и потому каждая отдѣль-

ная Земля тамъ въ полной мѣрѣ была самостоятельнымъ господарствомъ.

Къ этому присоединялась еще едвали не самая важная причина, почему южные Славяне искони жили въ раздѣльности и сохранили навсегда стремленіе жить особнякомъ. Всѣ рѣчныя области въ полосѣ Поля по природѣ были раздѣльны между собою, всѣ главныя рѣки текли оттуда въ море, каждая особо. По этому Днѣстръ, Бугъ, Днѣпръ и Донъ очень рано собираютъ на своихъ берегахъ вполнѣ независимыя поселенія, которыя нисколько не нуждаются другъ въ другѣ и дѣйствуютъ всегда особнякомъ. Днѣстръ нисколько не зависѣлъ отъ Днѣпра, а Днѣпръ отъ Дона.

Между тѣмъ всѣ рѣки сѣверной страны постоянно находились въ зависимости отъ сосѣдей и посредствомъ устьевъ и переволоковъ всѣ сплетались въ одну связную и плотную сѣть, что необходимо должно было выразиться и въ характерѣ населенія. Не смотря на природную отдѣльность Новгородской рѣчной области, она въ своихъ границахъ крѣпко связывалась со всею Волжскою областью, а на Волгѣ господствующее положеніе было занято Окою, такъ какъ по ней шло въ Волгѣ древнѣйшее населеніе восточныхъ Славянъ, первыхъ колонизаторовъ здѣшняго края, удалявшихся сюда добывать себѣ хлѣбъ не войною, а земледѣльческою работою. На притокахъ Оки естественно и возникла хозяйственная сила всего сѣвернаго Славянства, очень легко собравшая потомъ всѣ раздѣльныя Земли въ одно общее хозяйство—господарство.

Мы уже обозначили, что Алаунская или Волжская возвышенность распредѣляетъ всю страну въ общемъ географическомъ смыслѣ не четыре главныя доли, соотвѣтственно странамъ свѣта, но точнѣе на нѣсколько рѣчныхъ областей, спадающихъ съ этой высоты въ весьма различныхъ направленіяхъ. Притомъ этою одною высотою еще не вполнѣ опредѣляется распаденіе рѣчныхъ областей въ разныя стороны. Нѣсколько южнѣе и восточнѣе Волжской возвышенности, существуетъ другая возвышенность, которую можно обозначить Донскою, такъ какъ съ нея на югъ течетъ Донъ съ своими притоками, а на сѣверъ Ока также со мно-

ными притоками. Эта самая возвышенность, проходя отъ запада къ востоку, отъ Орла до Самары, бокъ-о-бокъ съ теченіемъ верхней Волги до Камы, заканчивается на Волгѣ Самарскою Лукою. Съ нея на сѣверъ и на югъ, кромѣ Оки и Дона, текутъ многія другія значительныя рѣки, притоки Оки, Волги и Дона.

Такимъ образомъ по направленію этой возвышенности Русская Страна дѣлится собственно на двѣ почти равныя половины: сѣверную и южную. Отъ этого водораздѣла къ югу и начинается Поле, а къ сѣверу идутъ сплошные Лѣса.

Въ южной половинѣ всѣ важнѣйшія рѣки, начиная отъ Днѣстра и даже самая Волга, текутъ на югъ, хотя и поворачиваютъ къ востоку, огибая каменную гряду южныхъ степей. Въ сѣверной половинѣ большая часть главныхъ рѣкъ течетъ на сѣверъ и только одна Волга течетъ прямо на востокъ, направляя за собою и всѣ свои притоки.

Рѣки—земныя жилы, артеріи, но еще правдивѣе онѣ могутъ такъ называться въ этнографическомъ и историческомъ смыслѣ. Въ какую сторону онѣ текутъ, въ ту сторону течетъ и народная жизнь. Поэтому весь нашъ югъ, протекая своими рѣками въ моря Черное, Азовское и Каспійское, уносилъ туда и всѣ стремленія южнаго народа. Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, какъ увидимъ, еще отъ временъ Киммеріянъ, южное населеніе постоянно отливало болѣе или менѣе сильными потоками во всѣ окрестныя мѣста Чернаго и даже Каспійскаго моря, не говоря о ближайшемъ Азовскомъ, которое для этого населенія искони было внутреннимъ озеромъ.

Вотъ по какой причинѣ древность очень хорошо знала гдѣ находится Скиѳія, а средній вѣкъ очень твердо помнилъ, что въ этомъ углу существуютъ Меотійскія болота, Азовское море съ близлежащими заливами Гнилаго моря и Днѣпровскимъ Лиманомъ, откуда подымаются не только туманы, но и страшныя силы варварскихъ набѣговъ. Съ другой стороны и варвары, населявшіе наши южныя рѣки, очень хорошо знали, что на томъ берегу Чернаго моря существуютъ богатые города, что за Кавказомъ къ Каспійскому морю прилегаютъ очень богатыя торговыя и промышленныя, счастливыя области, въ которыхъ рѣки текутъ медомъ въ молочныхъ берегахъ.

Само собою разумѣется, что нашимъ варварамъ не пришло бы въ голову, что существуютъ на свѣтѣ такія страны, еслибъ не разсказали имъ объ этомъ греческіе же города, сидѣвшіе по нашимъ же морскимъ побережьямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти торговые города изъ зависти, изъ соревнованія, изъ-за какой либо обиды, указывали не только пути, какъ туда проникать, но основательно объясняли и всѣ обстоятельства, въ какое время выгоднѣе сдѣлать нападеніе.

Какъ бы ни было, но нашъ Полевой и Степной приръчный югъ очень хорошо зналъ не только плаваніе на тотъ берегъ Чернаго моря, но и всѣ тѣсныя ущелья кавказскихъ проходовъ, когда набѣгъ предпринимался сухимъ путемъ. Онъ вообще смотрѣлъ на эти южныя загорскія и заморскія страны, какъ мы теперь смотримъ на Западъ Европы. Тамъ живетъ образованность, высшая культура, т. е. живетъ богатство, довольство жизни, даже роскошь. Мы теперь уносимся въ Европу для пріобрѣтенія этой образованности, для пріобрѣтенія познанія, просвѣщенія и всякихъ плодовъ цивилизаціи. Древній нашъ варваръ уносился на Черноморскій и Закавказскій югъ тоже для пріобрѣтенія плодовъ развитія, но однихъ только матеріальныхъ, и пріобрѣталъ онъ ихъ не уплатою собственныхъ денегъ, а мечемъ и грабежемъ. Конечно, и его вызывала къ походу таже сила, какая двигаетъ и нами—бѣдность, недостатокъ потребныхъ вещей.

Такимъ образомъ народныя стремленія нашего юга, кому бы они не принадлежали, Славянамъ или другимъ народамъ, постоянно были направлены къ югу же. Естественно что они должны были окончиться водвореніемъ у насъ южной цивилизаціи, какъ и случилось уже на памяти нашихъ лѣтописей, когда наконецъ всенародно была принесена къ намъ Христова Вѣра.

Какъ увидимъ, вся исторія нашего юга, то есть вся его жизнь дѣйствовала именно въ этомъ направленіи. Коренною силою этой исторіи съ незапамятныхъ временъ былъ Днѣпръ. Его правою рукою былъ Днѣстръ, а лѣвою Донъ. Съ Днѣстра шла дорога за Дунай, куда главнымъ образомъ и тѣснился избытокъ нашего населенія; съ Дона пролегала дорога и на Волгу въ Каспій, и къ Кавказскимъ

горамъ, куда тоже постоянно тѣснилось Донское население.

Южная наша исторія однако сильно тянула также и на Западъ Европы, не смотря на то, что въ эту сторону отсюда не было рѣчной большой дороги, а лежалъ здѣсь сплошной и высокій материкъ, съ котораго всѣ рѣки текли въ нашу же равнину, одни въ область Днѣпра, другія въ Дунай и въ Черное моря. Но по верховьямъ этихъ рѣкъ существовала на Западъ сухопутная дорога, которая въ сущности была переваломъ, переволокомъ изъ нашихъ рѣчныхъ областей въ рѣчныя области западнаго Славянства.

Этотъ перевалъ протягивался по предгорьямъ и по направленію Карпатскаго хребта, серединнаго мѣста для всѣхъ Славянскихъ племенъ. Съ него, какъ изъ одного узла, рѣки направляются и въ нашу сторону, и далеко на сѣверо-западъ, въ сторону Балтійскаго моря. Здѣсь вершина Черноморскаго Днѣстра очень близко подходитъ къ вершинѣ Сана, верхняго притока Балтійской Вислы, и къ вершинѣ Западнаго Буга, средняго притока той же Вислы. Отсюда же нѣсколько дальше беретъ начало сама Висла и рядомъ съ нею Одра (Одеръ) важнѣйшія Славянскія рѣки Балтійскаго Поморья, отдѣляющія полуостровный Западъ Европы отъ Восточной ея равнины. Такимъ образомъ, на этомъ перевалѣ самою природою связанъ узелъ Славянской жизни, направлявшій свои нити къ двумъ знатнѣйшимъ морямъ. Вотъ почему на этомъ самомъ перевалѣ или вообще вблизи его начинается и древнѣйшая исторія Славянъ.

Карпатскія горы въ нѣкоторомъ отношеніи были въ свое время Славянскимъ Кавказомъ. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ крѣпко держался корень всего Славянства; отсюда онъ отдѣлялъ стволы и вѣтви по всѣмъ направленіямъ. По крайней мѣрѣ въ древнѣйшихъ преданіяхъ Славянства о своемъ происхожденіи сѣверныя племена указываютъ обыкновенно на Югъ, южныя—на Сѣверъ; и тѣ и другія, какъ на свое средоточіе, на прикарпатскую страну. Самое имя Карпатъ объяснено, изъ Славянскаго Горбъ-Гора. Для Славянства Карпатскія горы всегда были природною твердынею, крѣпкою и надежною опорою въ борьбѣ съ иноплеменниками.

Карпатскій перевалъ служилъ, какъ мы сказали, сухопутною дорогою изъ нашей страны въ собственную Европу. Онъ въ восточной половинѣ искони заселенъ былъ русскимъ племенемъ и посредствомъ двухъ большихъ рѣчныхъ путей къ Балтійскому морю, по Вислѣ и Одрѣ, связывалъ интересы Черноморья съ Варяжскимъ моремъ. По многимъ намекамъ исторіи видимо, что на Балтійскомъ Поморьѣ, въ иныхъ случаяхъ, хорошо знали, что происходило на Черномъ, и на Черномъ морѣ тоже хорошо знали, что и на Балтійскомъ Поморьѣ живутъ родные же люди. Вообще, владѣя Карпатскимъ переваломъ, русскій Днѣстровскій и Днѣпровскій югъ долженъ былъ имѣть хорошія свѣдѣнія объ этомъ Славянскомъ Поморьѣ, а Поморье съ своей стороны не могло не знать Балтійской дороги къ нашему Русскому сѣверу.

Славянская жизнь, такимъ образомъ, особенно во времена великаго переселенія народовъ, много ли, мало ли, но двигалась вокругъ и по нашей равнинѣ, отъ Карпатъ Вислою и Одрою въ Балтійское море, оттуда въ Нѣманъ, въ Двину, въ Неву на Волховъ и Ильмень, а съ Ильменя въ Днѣпръ на Черное море и къ тому же Карпатскому хребту.

Сѣверная половина Русской Страны по теченію рѣкъ распредѣляется собственно на двѣ области. Въ западномъ ея углу всѣ рѣки текутъ къ сѣверу, отчасти въ Балтійское море, отчасти въ Финскій заливъ и Ладожское озеро и на дальнемъ сѣверѣ—въ Бѣлое море. Это область большихъ озеръ и морскихъ заливовъ. Здѣсь Славянское населеніе сосредоточивалось въ особую силу на озерѣ Ильменѣ, въ серединномъ мѣстѣ всего края, если отдѣлить отъ него Бѣлозерскую сторону, которая составляла только его промышленный придатокъ, какъ бы отхожую пустошь. Озеро Ильмень, по южному Лиманъ, служитъ въ дѣйствительности Лиманомъ или широкимъ устьемъ для множества рѣкъ. Одному лѣтописцу старые люди сказывали, что въ Ильмень течетъ 300 рѣкъ. Естественно, что всѣ эти рѣки, протекавшія къ одному устью, связали и самое населеніе въ одно цѣлое, которое, какъ племя, носило собственное имя Славянъ. А если имя Славяне, какъ очень вѣроятно, прежде всего показалось на западѣ вмѣстѣ съ именемъ Нѣмецъ-Германецъ,

въ той странѣ, гдѣ Славяне, гранича съ Нѣмцами, хотѣли себя обозначить Словесными, въ противоположность Нѣмымъ-Нѣмцамъ, то это обстоятельство можетъ указывать, если не въ полной мѣрѣ, то весьма значительною долею на западное происхожденіе Новгородскаго Славянства, именно съ Венедскаго Птоломеева залива, отъ устьевъ Одры и Вислы, отчего сосѣдніе Чудь-Эстонцы и до сихъ поръ называютъ Русскихъ Виндлайнэ, Венелайнэ. Поморскихъ Славянъ конечно занесла въ нашу страну торговля мѣховымъ товаромъ. Несомнѣнно, что они первые, при помощи нашего Славянства, открыли путь изъ Варягъ въ Греки. Когда это случилось, исторія не помнитъ, но вѣроятное соображеніе всегда останется на сторонѣ того предположенія, что одноплеменникамъ пролагать путь по своей же землѣ было естественнѣе, чѣмъ пускать по немъ чужой народъ, Готовъ или Норманновъ. Во всякомъ случаѣ это совершилось еще за долго до извѣстнаго начала нашей исторіи.

Итакъ Ильменская область вмѣстѣ съ областью Кривичей, жившихъ на верху Западной Двины, тянула больше всего въ Балтійское море и стало быть на западъ, въ Европу. Однако этотъ путь въ Европу былъ такъ кривъ и обходистъ, что никакъ не могъ принести намъ той пользы, какую слѣдовало бы ожидать. Вѣрнѣе сказать, это было изъ нашей страны волоковое окно въ европейскую сторону, сквозь которое стѣсненнымъ путемъ и проходили наши связи съ европейскимъ міромъ. Въ послѣдствіи это окно было совсѣмъ даже закрыто европейскими врагами.

Но надо сказать, что это окно потому и существовало, потому и возродилось на этомъ мѣстѣ, что въ немъ имѣло нужду больше всего европейское же побережье Балтійскаго и Нѣмецкаго моря. Ильменскіе Славяне въ этомъ случаѣ были только посредниками торговли между европейскимъ сѣверомъ и внутренними областями нашей страны. Притомъ въ Старой Ладогѣ, древнѣйшемъ поселеніи нашихъ Славянъ у входа въ Балтійское море, и въ Новгородѣ, который быть можетъ былъ только Новою Ладогою, европейцы, по крайней мѣрѣ Скандинавы, получали не одни мѣха: сюда привозились и греческіе, и восточные товары, особенно дорогія цвѣтныя ткани, шелковыя, золотныя, шерстяныя, и различныя индійскія пряности, которыя на дальнемъ европейскомъ сѣ-

верѣ представляли вообще большую рѣдкость. Въ Новгородѣ такіе товары могли появляться только посредствомъ его сношеній по Волгѣ съ далекимъ востокомъ, а по Днѣпру съ греческими городами, покрайней мѣрѣ съ Византіей.

Поэтому открытіе пути изъ Варягъ въ Греки по Днѣпру должно относиться къ очень давнему времени, ибо въ 6-мъ в. по всѣмъ признакамъ онъ несомнѣнно уже существовалъ. Отсюда становится очень понятною необыкновенная тѣсная связь Новгорода съ Кіевомъ, которою прямо открывается наша исторія еще при Рюрикѣ. Отстранивши ученые предразсудки о томъ, что не только торговлѣ, но и всему насъ научили Варяги-Скандинавы, мы, на основаніи разнородныхъ свидѣтельствъ древности, легко можемъ сообразить, что этотъ путь впервые былъ проложенъ и наторенъ, какъ привычная тропа, никѣмъ другимъ, какъ исключительно самими же Славянами, жившими по сторонамъ этого пути. Они первые повезли и свои, и греческіе, и восточные товары на потребу бѣдному Скандинавскому сѣверу и конечно первые же разсказали Варягамъ-Норманнамъ, сюда явившимся, что пройдти здѣсь можно и очень легко.

Греческій путь по нижнему Днѣпру извѣстенъ былъ еще Геродоту, писавшему свою исторію за 450 лѣтъ до Р. Х. Можемъ полагать, что и тогда уже существовало на Днѣпрѣ, въ Кіевской сторонѣ, какое либо средоточіе для обмѣна греческихъ произведеній на туземные товары, такъ какъ Геродотъ прямо и точно говоритъ, что здѣшніе туземцы торговали хлѣбомъ. Былъ ли то Кіевъ или другой какой городъ, это все равно. Но Кіевъ, находясь такъ сказать на устьѣ множества рѣкъ впадающихъ передъ нимъ въ Днѣпръ, составляя узелъ для всего Днѣпровскаго семейства рѣкъ, долженъ былъ возникнуть самъ собою, по однимъ естественнымъ причинамъ, какъ складочное мѣсто для Днѣпровскаго сѣвера, смотрѣвшаго отсюда прямо на Греческій югъ, ибо здѣсь Днѣпръ дѣлился какъ бы по поламъ между сѣверомъ и югомъ. Кіевъ такимъ образомъ созданъ былъ потребностями и нуждами сѣверной стороны, которая, кромѣ другихъ предметовъ, прежде всего нуждалась въ хлѣбѣ, такъ какъ въ хлѣбѣ же нуждались и греческіе черноморскіе города. Кіевъ возродился на границѣ Лѣса и Поля и потому всегда служилъ сердцемъ для сношеній славянскаго сѣвера и греческаго

юга. Когда въ этомъ сердцѣ затрепетала народная жизнь, то естественно, что къ нему потянулъ и Ильменскій край, и дорога изъ Чернаго моря въ Балтійское проложилась сама собою безъ всякой указки со стороны какого-бы то ни было чужаго народа. Прямѣе всего дорога лежала по Западной Двинѣ въ Березину и оттуда уже въ Днѣпръ. Такъ и было въ самомъ началѣ, когда Березина почиталась верхнимъ Днѣпромъ и давала всему Днѣпру имя Борисеена. Это было во времена Геродота. Но во времена Птоломея, въ половинѣ втораго вѣка по Р. Х., то есть спустя 600 лѣтъ послѣ Геродота открывается и настоящій Днѣпръ, текущій съ Волжской возвышенности. Это означало, что покрайней мѣрѣ съ этого уже времени открылся и самый путь изъ Варягъ въ Греки, то есть путь отъ Ильменской стороны, который послѣ, не смотря на кривизну и дальній обходъ передъ Березинскимъ путемъ, получаетъ преобладающее значеніе. А это съ своей стороны можетъ свидѣтельствовать, что Ильменская Страна, была способнѣе вести мирное дѣло торговыхъ оборотовъ, по той конечно причинѣ, что ее сталъ населять промышленный Славянскій народъ, пришедшій на озера и въ непроходимыя болота разумѣется не столько для земледѣлія, сколько именно для торговаго и всякаго другаго промысла. Этотъ народъ могъ двигаться сюда не иначе какъ съ Днѣпровскихъ же притоковъ, но, судя по имени Славянъ, онъ могъ получить значительное приращеніе, какъ мы сказали, и изъ-за моря, съ Славянскаго Поморья между Лабой, Одрой и Вислой.

Новгородъ, подобно Кіеву, также стоитъ на устьѣ многихъ рѣкъ и является такимъ же узломъ для этихъ рѣкъ, текущихъ отъ Днѣпровской стороны къ сѣверу. Эти двѣ рѣчныя области отдѣляются другъ отъ друга только Волоковскимъ лѣсомъ, Алаунскою возвышенностію, на которой и господствовало отъ древнѣйшихъ временъ наше Сѣверное Славянство.

Отсюда ему открывалась новая дорога прямо на Востокъ, по руслу Волги. Естественно, что и по этой дорогѣ Русское Славянство начало свои пути тоже въ очень отдаленное время. Оно двигалось по этому пути и съ верху, изъ Лѣса Волховъ или Волоковъ, и съ южнаго бока отъ Днѣпровской Десны прямо по Окѣ, стало быть прямо къ середней Волгѣ.

Теченіе Оки до ея впаденія въ Волгу равняется теченію до того же мѣста самой Волги. Въ этомъ углу между двухъ потоковъ Оки и Волги очень рано образовалась область Ростовская, которая своимъ именемъ Ростовъ показываетъ однако, большое родство съ Днѣпровскою Росью и ея притокомъ Ростовицею, почему можно заключить, что и самое имя Рось, Росса въ древнее время тоже произносилось, какъ Ростъ. Можно гадать, что Ростовъ приволжскій получилъ начало еще въ то время, когда по всей нашей странѣ господствовало имя Роксоланъ, которые, если хаживали на самыхъ Римлянъ за Дунай, то очень могли ходить и на сѣверъ къ Ростовской Волгѣ.

Какъ бы ни было, но русло Волги и русло Оки съ незапамятныхъ временъ сдѣлались поприщемъ для Славянской предпріимчивости, пробивавшейся по этой широкой дорогѣ дальше къ Востоку. Въ началѣ нашей исторіи Руссы были уже свои люди въ Волжской Болгаріи, близь устья Камы; были свои люди и въ далекой Астрахани, въ устьяхъ Волги, на Каспійскомъ морѣ.

Есть соображенія, какъ увидимъ, что дорога въ Каспійское море съ глубокаго сѣвера существовала еще при Александрѣ Македонскомъ. Тогда было извѣстно, что изъ Каспійскаго моря можно проплыть узкимъ проливомъ въ Сѣверный Океанъ, который по тогдашнимъ понятіямъ начинался отъ Балтійскаго побережья. Это была географическая ошибка, возникшая однако не безъ причины, а именно потому, что такимъ путемъ по Волгѣ по всему вѣроятію на самомъ дѣлѣ проходили въ сѣверныя моря.

Стоитъ только побывать на Волгѣ чтобы увидѣть, что промышленныя силы народа нигдѣ не могли найдти лучшаго и способнѣйшаго, мѣста для своихъ дѣйствій. Природа здѣсь, хотя и не столько благодатная, какъ на Днѣстровскомъ, Днѣпровскомъ и Донскомъ югѣ, но вполнѣ обезпечивающая всякій трудъ частію даже и земледѣльческій и особенно промысловой. Естественныя богатства всего края, самыя разнообразныя, начиная отъ лыкъ и оканчивая желѣзомъ, а при этомъ открытые во всѣ стороны пути сообщенія по безчисленнымъ рѣчнымъ системамъ, доставлявшіе скорую возможность сбыта, ожидали только рабочихъ

и смѣтливыхъ рукъ, которыя и явились здѣсь со стороны Оки и со стороны верхней Волги.

Такимъ образомъ въ очень давнюю пору здѣсь произошло смѣшеніе племенъ Русскаго Славянства самихъ до себѣ, а также съ Финскими племенами Веси, Мери, Муромы, Мещеры, въ одно новое племя, которое въ послѣдствіи стало именоваться Великорусскимъ. Пришедшіе сюда Вятичи отъ Оки и Радимичи отъ Сожа, Кривичи съ верхняго Днѣпра и Славяне-Новгородцы отъ Ильменской стороны слились въ одинъ народъ, превратившій мало по малу все Финское населеніе страны въ чистое Славянство. Они пришли сюда кормиться работою. А такъ какъ и въ здѣшнихъ мѣстахъ на земледѣліе надежда была не великая, не то, что на югѣ, въ полѣ, то весь ихъ смыслъ устремился на разнообразную обработку всякихъ другихъ земныхъ даровъ и всего того, что только было потребно населенію близкаго и далекаго по-Волжья. По этой причинѣ съ незапамятнаго времени здѣсь явились цѣлыми деревнями и даже цѣлыми городами плотники, каменьщики, кузнецы, кожевники, ткачи, лапотники, сапожники, мельники, коробейники или сундучники, огородники, садовники и т. д. Словомъ сказать, здѣсь для Русскаго Славянства образовалась сама собою какъ бы особая ремесленная и промышленная школа, гдѣ были бы способныя руки, а выучиться было можно всему на свѣтѣ. Естественно что накопленный товаръ, какъ и накопленное знаніе всякаго мастерства и ремесла требовали разноски и распространенія ихъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ что надобилось. Отсюда сама собою возникала торговая предпріимчивость и странствованіе за работою рабочихъ артелей и за товаромъ и съ товаромъ купецкихъ артелей, такъ что населеніе становилось по необходимости кочевымъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ постояннаго ухода на промыселъ, на торгъ, на работу.

Особая подвижность и предпріимчивость жизни на мирномъ поприщѣ промысла и работы развивала въ здѣшнемъ народѣ не только особую ловкость и смѣтливость во всякихъ дѣлахъ, но и особую потребность въ житейскомъ порядкѣ и въ правильномъ устройствѣ хозяйства, безъ чего и на самомъ дѣлѣ ни торгъ, ни промыселъ и никакая работа идти не могли.

Вотъ по какимъ причинамъ далекая Суздальская сторона въ нашей землѣ и въ нашей исторіи очень рано безъ всякихъ воинственныхъ походовъ и завоеваній становится очень сильною, господствуетъ надъ остальными княжествами, а потомъ втягиваетъ въ свое русло и всю исторію Русской Страны. Сила Суздальской земли была сила промысла и работы, а стало быть и сила устроеннаго хозяйства. Ея побѣды надъ остальными силами земли были побѣдами рабочаго, промышленнаго и торговаго плеча надъ владычествомъ исключительно военно-дружинныхъ порядковъ, установленныхъ больше всего силою одного меча и мало заботившихся объ устройствѣ прочнаго хозяйства, не для себя только, но и для всего народа.

Такимъ образомъ этотъ, сравнительно не великій, уголъ между Окою и Волгою самъ собою возродился въ великую земскую и государственную силу всей Русской земли, сталъ ея настоящимъ сердцемъ, отъ котораго естественно сдѣлались зависимыми и всѣ другіе близкіе и далекіе края Руси. Всѣ политическія побѣды этого угла совершились только потому, что была велика его промышленная способность и сила.

Рядомъ съ Суздальскою страною, въ незапамятное тоже время, образовалось народное Славянское средоточіе на перевалѣ изъ средней Оки къ верхнему Дону. Это была Земля Рязанская, очень плодородная и богатая всѣми тѣми дарами природы, какихъ искони требовалъ въ древнее время Воспорскій греческій югъ, а въ послѣдствіи Генуэзская торговля, почему мы можемъ гадать, что существованіе въ этомъ краѣ всякаго промысла принадлежитъ къ самымъ давнимъ временамъ, о которыхъ исторія оставила намъ одни только намеки.

Отъ впаденія Оки Волга продолжаетъ свое теченіе дальше на Востокъ до самаго впаденія Камы. Тамъ она круто поворачиваетъ къ югу, отдаваясь направленію Камы, которая течетъ прямо отъ сѣвера. Кама такая рѣка, что во многомъ поспоритъ съ Волгою. Она гораздо полноводнѣе Волги, течетъ быстрѣе Волги, вода въ ней чище и лучше Волжской, оттого и ея рыба предпочитается Волжской.

Все это приводитъ къ тому, что неизвѣстно, Волга ли течетъ дальше впаденія Камы или это сама Кама, текущая по собственному направленію отъ сѣвера на югъ, въ которую Волга впадаетъ почти подъ прямымъ угломъ съ запада. Это тѣмъ болѣе сомнительно, что отсюда начинается совсѣмъ иной міръ жизни, болѣе соотвѣтствующій Камской области, чѣмъ Волжской, отъ ея истоковъ. Въ древнія времена, особенно Каспійскіе жители на самомъ дѣлѣ нижнюю Волгу почитали продолженіемъ теченія Камы. У нихъ на это были еще и тѣ причины, что въ верху Камы, вообще по близости Урала, тогда существовала страна весьма богатая и промышленная извѣстная въ послѣдствіи, въ 9-мъ в., подъ именемъ Біарміи, Перми, которая вела съ прикаспійскими восточными землями весьма дѣятельный торгъ. Еще Геродотъ за 450 лѣтъ до Р. Х. разсказывалъ объ этой странѣ чудеса. Въ то время сюда направлялся греческій торговый путь за золотомъ. Геродотъ прямо говоритъ, что золото получалось съ сѣвера, отсюда. Здѣсь гдѣ-то чудовища Грифы стерегли это золото. Конечно это былъ только главнѣйшій товаръ, съ которымъ рядомъ вывозились и другіе металлы, а также дорогіе камни и вмѣстѣ съ тѣмъ дорогіе мѣха. Вотъ предметы, привлекавшіе сюда еще античный міръ. И естественно, что съ того времени должно считать и начало здѣшней промышленности, именно горной, оставившей въ Уральскихъ горахъ очень замѣтные памятники своихъ работъ при добываніи металловъ, такъ же какъ и многочисленные памятники своихъ жилищъ по теченію Камы и по Уральскимъ ея притокамъ. Геродотъ зналъ здѣшній народъ Иссидоновъ; имя этого народа по всему вѣроятію сохраняется доселѣ въ имени рѣки Исети, текущей съ Уральскихъ горъ къ востоку въ р. Тоболъ отъ того самаго мѣста, въ горахъ, гдѣ беретъ начало р. Чюсовая, текущая на западъ и впадающая въ Каму повыше теперешней Перми. Здѣсь по этимъ обѣимъ рѣкамъ и существовало промышленное сообщеніе Европы съ Азіею. Царство здѣшняго промысла распространялось на все теченіе Камы и несомнѣнно притягивало къ себѣ и верхнюю Волгу, отчего вблизи впаденія Камы съ давняго же времени устроилось то же очень промышленное населеніе, въ послѣдствіи царство Болгарское, явившееся по всему вѣроятію наслѣдникомъ древ-

нѣйшаго при-Уральскаго промысла. Можно полагать, что при Геродотѣ греческій путь къ Уралу отъ греческаго города Ольвіи, въ устьѣ Днѣпра, пролегалъ по Днѣпру на Кіевъ, потомъ по Деснѣ и по Окѣ на Волгу и до устья Камы. Геродотъ вообще, какъ купецъ, не сказываетъ, по какимъ мѣстамъ въ нашей странѣ шла эта дорога, но говоритъ, что ходившіе по ней Скиѳы и Греки употребляли семь переводчиковъ для семи языковъ, жившихъ по дорогѣ. Этотъ Днѣпровскій путь могъ существовать независимо отъ греческой же дороги изъ Воспора Киммерійскаго по Дону до Царицынскаго перевала въ Волгу, гдѣ по Геродоту существовалъ богатый деревянный городъ Гелонъ. Геродотъ не даромъ же зналъ народъ Чернокафтанниковъ, жившій въ полосѣ Чернигова, Курска и Воронежа, слѣдовательно и въ Рязанской области. Эти знакомые Геродоту Чернокафтанники могутъ также указывать, что существовалъ и еще путь вверхъ по теченію Дона на перевалъ черезъ Рязанскую область въ Рязанскую и Муромскую Оку. Что этотъ путь существовалъ по крайней мѣрѣ въ половинѣ втораго вѣка по Р. Х., на это, какъ увидимъ, есть довольно ясныя показанія.

Если все это было такъ, то верхніе земледѣльческіе Скиѳы—Днѣпровскіе Славяне еще тогда начали заселять область Оки и двигаться къ Нижегородской Волгѣ. Мы увидимъ, что въ подтвержденіе этому у Геродота существуетъ особое, весьма важное свидѣтельство.

Такъ было или иначе, но достовѣрно только одно, что почти за пять вѣковъ до Р. Х. по нашей странѣ отъ Днѣпра и Дона проходила торговая дорога къ Уральскимъ горнымъ богатствамъ, которая по естественнымъ причинамъ должна была многому научить здѣшнее населеніе и вызвать въ немъ хотя въ малой мѣрѣ тотъ же предпріимчивый и торговый духъ, какой проносился здѣсь караванами изъ греческихъ Черноморскихъ городовъ.

Исторія Камской при-Уральской торговой и промышленной области совсѣмъ неизвѣстна. Ничего не знаемъ, какъ она существовала, когда была у ней самая цвѣтущая пора и какимъ образомъ она опустѣла, передавши повидимому свое промышленное наслѣдство Волжскимъ Болгарамъ. Должно полагать, что древній Уральскій горный промыселъ, а

съ нимъ и промышленная жизнь при-Уральской страны упали еще въ то время, какъ прекратились туда прямые торговые пути съ береговъ Черноморья. Нѣтъ сомнѣнія, что направленіе этихъ путей поколебали уже походы на востокъ Александра Македонскаго, растворившаго для Европы широкія двери въ Азію, не къ одному золоту.

Съ той поры Пермская страна должна была держаться только сношеніями съ прикаспійскими областями, гдѣ около Р. Х. господствовали какіе-то Аорсы, а съ 7-го ст. Хозары, быть можетъ тѣже Аорсы, принявшіе только имя своихъ завоевателей. Отсюда только могли идти къ ней надобные южные товары, на которые она вымѣнивала уже не золото, а больше всего свои мѣха, такъ какъ у Каспійскаго моря было съ того времени довольно и своего золота. Затѣмъ разорить зажиточность и богатство Пермской страны могли наши же Славяне отъ Новгорода, а также и отъ Волги, если въ этомъ ихъ не предупредили Камскіе Болгары.

Отъ впаденія Камы, поворотивши круто на югъ, Волга уносила промышленную и торговую жизнь сѣвера прямо въ Каспійское море, гдѣ, на ея устьи, искони вѣковъ существовалъ узелъ, связывавшій интересы европейскаго сѣвера и азіатскаго востока. Мы упомянули, что около Р. Х. здѣсь господствовали Аорсы, которые жили именно при устьѣ Волги, простираясь своими жилищами до самаго Дона. Кто такіе были эти Аорсы, неизвѣстно, но они и тогда уже торговали съ Мидіею и Вавилоніею, получая оттуда товары на верблюдахъ. Эта торговля началась по всѣму вѣроятію гораздо раньше; она существовала еще при владычествѣ древнихъ Персовъ, ибо Геродотъ зналъ Каспійское море лучше всѣхъ географовъ древности и оставилъ даже очень вѣрное его измѣреніе, а это свидѣтельствуетъ, что тогда уже торговые люди ходили по этому морю вдоль и поперекъ. Точно также и спустя многія столѣтія послѣ Аорсовъ эта торговля дѣятельно велась при владычествѣ Арабовъ особенно въ 8—9 столѣтіяхъ, когда устьемъ Волги владѣли Хозары. Такимъ образомъ, въ продолженіи по крайней мѣрѣ цѣлаго тысячелѣтія до начала нашей исторіи, устье Волги необходимо тянетъ къ себѣ весь нашъ сѣверъ и югъ, требуя отъ нихъ надобнаго товара и отпуская имъ въ промѣнъ товары азіатскихъ странъ.

ГЛАВА II.

ОТКУДА ИДЕТЪ РУССКОЕ ИМЯ?

Имя Руси идетъ отъ Варяговъ-Скандинавовъ. Исторія этого мнѣнія. Въ какомъ видѣ оно представляетъ себѣ начало Русской Исторіи и историческія свойства Русской народности. Его основа—отрицаніе. Имя Руси идетъ отъ Варяговъ-Славянъ. Кого разумѣетъ первая лѣтопись подъ именемъ Варяговъ. Истое Варяжество прибалтійскихъ Славянъ. Гдѣ, по лѣтописи, находилась Варяжская Русь. Древнѣйшіе слѣды Варяговъ-Славянъ въ нашей странѣ.

Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ одинъ изъ даровитѣйшихъ изслѣдователей Русской и Славянской Древности, Карпато-Россъ Венелинъ, писалъ между прочимъ:

„И доселѣ не знаютъ, съ какой Руси начинать Русскую Исторію“.

Съ тѣхъ поръ прошло чуть не полстолѣтіе, но эти слова Венелина не совсѣмъ потеряли свой правдивый смыслъ и въ настоящее время. Не смотря на господствующее теперь мнѣніе, что Русь происходитъ отъ Норманновъ, время отъ времени появляются новыя рѣшенія этого спорнаго вопроса и каждый изыскатель, входящій въ подробности дѣла, всегда выноситъ, если и не вполнѣ новую мысль, то покрайней мѣрѣ, какое либо свое особое, новое толкованіе хотя бы и очень старыхъ сужденій о томъ же предметѣ. Трудно перечислить всѣ оттѣнки такихъ сужденій и толкованій. Большинство изслѣдователей и самыхъ дѣятельныхъ, всегда, какъ прежде, такъ и въ настоящее время, становится на сторону Норманскаго происхожденія Руси. Норман-

ское мнѣніе основано, утверждено и распространено нѣмецкими учеными, которыхъ славные авторитеты сами собою способны придать высокую цѣну каждому ихъ мнѣнію. Большинство, естественно, принимаетъ на вѣру послѣднее слово науки; а наука и притомъ въ нѣмецкой обработкѣ твердитъ это слово уже слишкомъ сто лѣтъ: есть ли разсудительная причина и возможность не вѣрить ему?

На этомъ основаніи мнѣніе о Норманствѣ Руси поступило даже посредствомъ учебниковъ въ общій оборотъ народнаго образованія. Мы давно уже заучиваемъ наизусть эту истину, какъ непогрѣшимый догматъ.

И не смотря на то, все-таки являются сомнѣнія. Въ теченіи тѣхъ же почти полутораста лѣтъ проходятъ, рядомъ съ принятою истиною, противорѣчія ей, возникаютъ споры, поднимаются опроверженія этого непогрѣшимаго вывода науки, показывающія вообще, что основанія его слабы и что нѣтъ въ немъ настоящей истины. Эти споры то утихаютъ, то поднимаются снова, съ бóльшимъ или мѣньшимъ оживленіемъ, и каждый разъ съ новыми видоизмѣненіями завѣтнаго вопроса.

При всемъ разнообразіи мнѣній, спорящіе распадаются собственно на два лагеря. Одни, по преимуществу нѣмецкіе ученые утверждаютъ, что Русь пришла отъ Норманновъ и затѣмъ въ разногласіяхъ между собою отыскиваютъ ее всюду, только не у Славянъ. Другіе утверждаютъ, что Русь Славянское племя, туземное, искони жившее на своемъ Русскомъ мѣстѣ, или отыскиваютъ ее все-таки у Славянъ же на Балтійскомъ Поморьѣ. Руководителемъ перваго мнѣнія можно признать Шлецера, достославнаго европейскаго историческаго критика, установившаго правильный способъ для изслѣдованія подобныхъ вопросовъ и указавшаго истинный путь къ ученой обработкѣ исторіи вообще. Очень понятно, что изслѣдованія этой стороны въ общемъ характерѣ отличаются всѣми качествами Шлецеровскаго способа изысканій: строгою и разностороннею критикою источниковъ, обширною начитанностію, большимъ знакомствомъ съ литературою предмета. Однимъ словомъ на этой сторонѣ господствуетъ полная ученость, по справедливости вполнѣ и сознающая свою ученую высоту. По этимъ свойствамъ изыскательности, какъ и по существу воззрѣній на предметъ, эту

школу вѣрнѣе всего можно именовать не норманскою, а чисто Нѣмецкою.

На другой сторонѣ, если не прямымъ руководителемъ, то полнѣйшимъ выразителемъ всѣхъ ея достоинствъ и недостатковъ можетъ почитаться незабвенный Венелинъ. На это даетъ ему право самый объемъ его трудовъ (хотя по большей части только черновыхъ), а главное — множество затронутыхъ имъ вопросовъ, возбужденныхъ именно только Славянскою точкою зрѣнія на предметъ. Къ изслѣдованіямъ Венелина примыкаютъ съ одной стороны чрезмѣрное сомнѣніе въ лицѣ такъ называемой Скептической школы Каченовскаго, родственной по отрицательному направленію своихъ воззрѣній съ Нѣмецкою школою; а съ другой стороны чрезмѣрное легковѣріе гг. Морошкина, Вельтмана и др., достигающее уже полнаго баснословія. Но всѣ писатели этого Венелинскаго круга согласны въ одномъ, что Русь самобытна, что Варяги были Балтійскіе Славяне. На этомъ основаніи мы можемъ справедливо именовать эту школу по преимуществу Славянскою.

Достоинства критики Венелина заключаются въ простомъ здравомъ смыслѣ, который онъ всюду ставитъ, какъ надежнаго сопротивника всякимъ, особенно застарѣлымъ ученымъ предразсудкамъ. Но это основное начало его изслѣдовательности такъ увлекало его, что онъ вовсе забывалъ въ ученомъ разсужденіи цѣну точныхъ и полныхъ доказательствъ, цѣну свидѣтельскихъ показаній, критически разобранныхъ и осмотрѣнныхъ со всѣхъ сторонъ. Въ то время, какъ Шлецеровская критика, проводя впереди всего точные свидѣтельства и тексты, отдавала дѣло какъ бы на судъ самому читателю,— Венелинская критика нисколько не заботилась о точныхъ текстахъ и на основаніи только здравыхъ разсужденій впереди всего ставила свои рѣшенія. Естественно, что читатель въ большинствѣ случаевъ долженъ вѣрить этой критикѣ только на слово и принимать какъ бы свидѣтелемъ дѣла самого автора, чего, конечно, никакое изслѣдованіе допустить не можетъ. За не многими исключеніями тѣмъ же характеромъ изслѣдовательности отличаются труды и всѣхъ другихъ писателей Славянской школы. Вотъ главнѣйшая причина, почему даже и весьма здравыя и очень вѣрныя заключенія такой критики не пролагали въ наукѣ ни-

какого слѣда, не производили никакого вліянія на разрѣшеніе частныхъ вопросовъ и оставались вовсе не замѣченными ученою изыскательностію.

Къ тому же, пренебреженіе къ ученой обработкѣ свидѣтельствъ открывало широкій и вольный просторъ для фантазіи, которая здѣсь самоуправно господствовала въ замѣнъ строгой и осторожной мысли, какою по преимуществу отличалась работа въ Нѣмецкой школѣ. Само собою разумѣется, что и полное вооруженіе нѣмецкой учености не спасало и Нѣмецкою школу отъ набѣговъ той же фантазіи, а въ иныхъ случаяхъ приводило даже къ такимъ выводамъ, гдѣ, по выраженію Шафарика, заходилъ умъ за разумъ. Но во всякомъ случаѣ очень замѣтное отсутствіе не однихъ внѣшнихъ пріемовъ надлежащей учености, а именно ихъ внутренняго содержанія, т. е. отсутствіе критической обработки источниковъ, низводило всякій трудъ этой Славянской школы на уровень праздныхъ и ни къ чему не ведущихъ разсужденій, любопытныхъ только по игрѣ различныхъ фантастическихъ соображеній.

Таковъ въ существенныхъ чертахъ характеръ изслѣдованій Славянской школы или по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ онъ представляется ея противникамъ.

Дѣйствительно, ссылаясь еще со временъ Ломоносова на древнихъ Роксоланъ, какъ на предковъ позднѣйшихъ Руссовъ, Славянская школа даже и до настоящихъ дней, говоря тоже самое о Роксоланахъ, не позаботилась обслѣдовать этотъ вопросъ въ надлежащей полнотѣ и съ тою строгостью въ критикѣ, какой требуетъ уже не Норманство Руси, а самое время. Въ другихъ случаяхъ, доказывая, также со временъ Ломоносова, что Варяги-Русь были Балтійскіе Славяне и оттуда же призваны и первые наши князья, Славянская школа, точно также ни сколько не позаботилась подтвердить свои соображенія подробнымъ и полнымъ изслѣдованіемъ исторіи Балтійскихъ Славянъ исключительно съ этой точки зрѣнія, въ уровень Скандинавству.

Не говоримъ о другихъ, не менѣе важныхъ вопросахъ, обработка которыхъ могла бы служить твердымъ основаніемъ для Славянскихъ воззрѣній на Русскую Исторію и могла бы въ дѣйствительности поколебать и совсѣмъ упразднить дѣйствіе Норманскихъ или Нѣмецкихъ воззрѣній.

Оказывается такимъ образомъ, что у Славянской школы нѣтъ подъ ногами ученой почвы. Она до сихъ поръ должна носиться въ облакахъ, въ области однихъ только здравыхъ разсужденій и соображеній, чѣмъ она особенно и сильна. Но извѣстно, что всякое здравое разсужденіе утверждается тоже на свидѣтельствахъ и вполнѣ зависитъ отъ ихъ количества и качества. Можно очень здраво судить, опираясь на двухъ первыхъ свидѣтелей, но приходитъ третій, четвертый и т. д. и дѣло получаетъ совсѣмъ иное освѣщеніе; здравый разсудокъ невольно переходитъ на другую, иной разъ совсѣмъ на противоположную сторону. Такъ часто бываетъ въ житейскихъ дѣлахъ, такъ отыскивается истина и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Отсутствіе ученой почвы ставитъ Славянскую школу въ очень невыгодное положеніе предъ ученымъ Норманствомъ, которое поэтому имѣетъ полнѣйшее основаніе говорить, что „Антинорманисты до сихъ поръ чуть ли не всѣ безъ исключенія слишкомъ легко принимались за дѣло. У однихъ недоставало знакомства съ современною лингвистикой, безъ которой нельзя здѣсь пріобрѣсти твердой точки отправленія. Другіе, столь же мало знакомые съ методой исторической критики, развивали субъективныя мнѣнія, не заботясь о времени и мѣстности источниковъ и о положеніи, въ какомъ старинные писатели заносили въ письменные памятники свои извѣстія и свидѣтельства. Мы уже не придаемъ особеннаго вѣса тому, что нерѣдко брались за дѣло люди, или незнавшіе и половины всѣхъ относящихся сюда источниковъ или неимѣвшіе никакого понятія о сравнительномъ изученіи средневѣковыхъ народовъ....“ [1].

Въ недавнее время норманское мнѣніе потерпѣло однако весьма сильное пораженіе со стороны изслѣдованій г. Гедеонова [2]. Не то чтобы авторъ вносилъ въ науку что либо совсѣмъ новое, небывалое и оригинальное,—въ существенныхъ чертахъ онъ утверждаетъ старыя мнѣнія, которыя давно уже высказывались. Онъ утверждаетъ, что Варяги были при-

[1] Г. Куникъ въ предисловіи къ Отрывкамъ изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ С. Гедеонова. Спб. 1863, стр. IV.

[2] Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ. С. Гедеонова. Приложенія къ I, II и III томамъ Записокъ Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1862—1863.

балтійскіе Славяне, что Русь была „искони особымъ восточно-славянскимъ народомъ". Какъ извѣстно, эти мнѣнія очень не новы. Но въ изслѣдованіяхъ г. Гедеонова очень ново и совсѣмъ неожиданно для защитниковъ Норманства Руси явилось то обстоятельство, что авторъ предсталъ предъ нѣмецкою школою во всеоружіи здравой и вполнѣ ученой критики, съ такою обработкою вопроса, которая своею ученостью затмѣваетъ даже и многіе труды его противниковъ. До сихъ поръ мнѣніе о Норманствѣ, какъ мы говорили, тѣмъ особенно и высилось, что всегда было установляемо и защищаемо только на твердомъ основаніи вполнѣ ученыхъ изысканій. Въ его рукахъ находилась наука въ собственномъ смыслѣ. Теперь изслѣдованія г. Гедеонова впервые кладутъ прочное и во всѣхъ отношеніяхъ очень вѣское основаніе и для стариннаго мнѣнія о Славянствѣ Руси.

Въ добавокъ это только еще „Отрывки" изслѣдованій изъ того ихъ отдѣла, который носитъ заглавіе: Русь и который менѣе обработанъ. Другой отдѣлъ: Варяги, представляетъ изслѣдованія о Западномъ Славянствѣ. Русская историческая наука должна ожидать съ великимъ нетерпѣніемъ обнародованія этихъ изслѣдованій вполнѣ. Мы увѣрены, что они прольютъ много свѣта на темный и вполнѣ затемняемый Норманскимъ ученіемъ вопросъ о нашей Древности, установятъ правильное понятіе о нашихъ древнѣйшихъ отношеніяхъ къ Скандинавамъ и неизмѣнно поколеблятъ въ самомъ основаніи Скандинавское ученіе, господствующее только по причинѣ совершеннаго устраненія изъ нашей исторіи свѣдѣній о Балтійскомъ Славянствѣ.

По направленію г. Гедеонова, хотя и по другой дорогѣ, идетъ г. Иловайскій, излагающій свои заключенія въ болѣе популярной, а потому и менѣе ученой формѣ. Онъ утверждаетъ также, что Русь была туземное Славянское племя, но Варяги были племя иноземное, Норманское. Существенная черта его изысканій и возраженій Норманству—это рѣшающій, догматическій ихъ характеръ, который, устраняетъ, какъ излишнее бремя, точныя и полныя доказательства, то есть критику источниковъ и постановку на свои мѣста подлинныхъ свидѣтельствъ. [1].

---

[1] Такъ самое важнѣйшее, но очень темное и двусмысленное свидѣтельство византійскаго лѣтописца Өеофана о мѣстожительствѣ древнихъ

Но во всяком случаѣ, если не силою шлецеровской критики, то силою очень многихъ, весьма основательныхъ соображеній и заключеній, изслѣдованія г. Иловайскаго точно также достаточно колеблютъ состарѣвшееся нѣмецкое мнѣніе о происхожденіи Руси изъ Скандинавіи.

Такимъ образомъ и въ наше время снова пробудились тѣже самые споры и даже тѣже сужденія, какими была богата наша историческая литература въ тридцатыхъ исороковыхъ годахъ. Это добрый знакъ, свидѣтельствующій, что накопленныя наукою и разсудкомъ сомнѣнія въ Норманскомъ ученіи требуютъ своего исхода и новаго болѣе вѣроятнаго и правдиваго рѣшенія этой задачи.

Само собою разумѣется, что изыскатель русской древности, желая объяснить себѣ начало Руси, то есть собственно начало русской исторической жизни, и пускаясь въ открытое море стольких разнородныхъ мнѣній объ этомъ началѣ, самъ по необходимости долженъ плыть, такъ сказать, по звѣздамъ, наблюдая больше всего береговыя примѣты, какія на его взглядъ правдивѣе выдвигаются изъ неяснаго материка исторической истины. Поэтому и наши мнѣнія о происхожденіи Руси, которыя здѣсь предложимъ, будутъ направлены въ ту сторону, гдѣ намъ видится—въ этой области вѣроятій, догадокъ и предположеній—наиболѣе правильная и прямая дорога къ истинѣ.

Вовсе необладая необходимою ученостью для разслѣдованія этого вопроса со стороны подлинныхъ свидѣтельствъ и всякаго рода непосредственныхъ источниковъ, мы по самой задачѣ нашего труда можемъ только представить общій, наиболѣе для насъ вѣроятный выводъ изъ всего того, что въ

Булгаръ, по которому выходитъ, что Волга сливается съ Дономъ и изъ этого слiянія образуетъ рѣку Кубань, и на которомъ главнымъ образомъ авторъ основываетъ свое мнѣніе о древней родинѣ Славянъ-Булгаръ, Черныхъ Булгаръ Дунайскихъ, приводится имъ безъ особаго критическаго объясненія, только съ замѣткою, что въ немъ географическія свѣдѣнія очень сбивчивы (Русскій Архивъ 1874 г. № 7, стр. 80). Намъ кажется, что это свидѣтельство, какъ и множество другихъ, на которыхъ опираются въ своихъ спорахъ противники Норманства, требовало бы всесторонней критики и полнаго утвержденія, какую несомнѣнную правду должно въ немъ понимать, ибо его можно толковать совсѣмъ иначе, нежели какъ объясняетъ уважаемый авторъ, о чемъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

равное время было говорено объ этомъ предметѣ въ русской исторической изслѣдовательности.

Казалось бы, что вопросъ о происхожденіи Руси есть вопросъ одного любопытства, чисто этимологическій и антикварный, то есть на столько частный и мелочной, что имъ ничего собственно историческаго разрѣшено быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не все-ли равно, откуда бы не пришла къ намъ эта прославленная Русь, если весь ея подвигъ ограничился принесеніемъ одного имени; если она съ самыхъ первыхъ временъ не обнаружила никакого особаго самобытнаго вліянія на нашу жизнь и распустилась въ этой жизни, какъ капля въ морѣ; если наконецъ принесенное ею вліяніе было такъ незначительно, что не можетъ равняться ни съ какимъ другимъ иноземнымъ вліяніемъ, какія всегда бываютъ у всякой народности.

Но дѣло вотъ въ чемъ: миѳическая Русь представляется первоначальнымъ организаторомъ нашей жизни, представляется именно въ смыслѣ этого организаторства племенемъ господствующимъ, которое дало первое движеніе нашей исторіи, первое устройство будущему государству, и словомъ сказать вдохнуло въ насъ духъ историческаго развитія. Если исторически это еще сомнительно, то логически должно быть такъ непремѣнно. Кого призвали для установленія въ Землѣ порядка, тотъ конечно и долженъ былъ устроить этотъ порядокъ. Поэтому и самый вопросъ о происхожденіи Руси очень справедливо поставляется на высоту вопроса „объ основной, начальной организаціи Русскаго Государства". Очень естественно, что въ этомъ случаѣ споры идутъ вовсе не о словахъ и не объ антикварныхъ положеніяхъ, прозвалась ли Русь отъ шведскихъ лодочныхъ гребцовъ Родсовъ, или отъ греческаго слова русый, рыжій, или отъ древняго народнаго имени Роксолане и т. д. Здѣсь напротивъ того сталкиваются другъ съ другомъ цѣлыя системы историческихъ понятій или ученыхъ и даже національныхъ убѣжденій и предубѣжденій.

Съ одной стороны еще господствуютъ взгляды, по которымъ начало и ходъ народнаго развитія обыкновенно приписываются механическому дѣйствію случая, произволу судь-

бы и вообще причинамъ, падающимъ прямо съ неба. Для этихъ взглядовъ норманское происхожденіе Руси ясно какъ Божій день; оно нетолько оправдываетъ, но и вполнѣ подтверждаетъ такую систему историческихъ воззрѣній. Съ другой стороны эти же самые взгляды легко и вполнѣ удовлетворяются разборомъ и разслѣдованіемъ однихъ только словъ и именъ. Они утверждаютъ, что главное дѣло въ разрѣшеніи этого вопроса — лингвистика, „безъ которой здѣсь нельзя пріобрѣсти твердой точки отправленія". Стало быть они сами сознаютъ, что весь вопросъ въ словахъ, въ именахъ, что самое дѣло, т. е. бытовая почва исторической жизни здѣсь предметъ сторонній, употребляемый только при случаѣ на подпору словъ, даже однихъ буквъ.

Однако надо согласиться, что какъ ни велика сила лингвистики, но въ историческихъ изслѣдованіяхъ она не единственная сила. Въ исторіи необходимо прежде всего и главнѣе всего стоять твердо и крѣпко на землѣ, то есть на бытовой почвѣ. Для обработки этой почвы лингвистика, конечно, важнѣйшее орудіе. Но поставленное на первое мѣсто предъ всѣми другими средствами добывать историческую истину, это великое орудіе становится великимъ препятствіемъ къ познанію истины, ибо оно по самымъ свойствамъ своей изслѣдовательности всегда очень способно унесть нашу мысль въ облака, переселить ее въ область фантасмагорій. Притомъ, если мы и самымъ строгимъ путемъ лингвистики съ полнѣйшею достовѣрностію докажемъ, что Русь-Варяги по имени были Шведы, то все еще останется самое главное: надо будетъ доказать, по какимъ причинамъ на Руси отъ этихъ Шведовъ-Норманновъ не сохранилось никакого прямаго наслѣдства.

Такое явленіе, какъ пришествіе къ народу чужаго племени съ значеніемъ организаторства, въ добавокъ, по добровольному призыву, есть прежде всего великое дѣло исторіи того народа, дѣло всей его жизни. Необходимо стало быть разсмотрѣть его, не какъ слово, а какъ дѣло, съ тѣми зародышами, откуда оно взялось, и съ тѣми послѣдствіями, какія отъ него народились тоже подъ видомъ всяческихъ дѣлъ.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что нѣмецкая школа представляетъ себѣ Русское Славянство пустымъ мѣстомъ, гдѣ лишь съ той минуты, какъ пришли Норманны, и только съ

этого самаго времени стало появляться все такое, чѣмъ обозначается зарожденіе народной исторіи. Вѣроятно ли это? Не указываетъ ли самый призывъ Варяговъ, что исторія народа совершила уже извѣстный кругъ развитія, извѣстное колѣно своего роста и перешла къ другому? Намъ кажется, что чудная мысль о пустомъ мѣстѣ Славянства можетъ крѣпко держаться лишь въ то время, когда наука занимается только критикою словъ и вовсе не обращаетъ вниманія на критику дѣлъ.

Намъ говорятъ, что Русь получила свое имя отъ Варяговъ. Это говоритъ прежде всего первый нашъ лѣтописецъ, пытавшійся объяснить себѣ именно тотъ вопросъ, откуда пошла Русская Земля, такъ точно, какъ онъ пыталъ объяснить себѣ, откуда и какъ появился на Руси городъ Кіевъ. На самомъ дѣлѣ онъ ничего не зналъ ни о происхожденіи Руси, ни о происхожденіи Кіева, и записывалъ въ свою лѣтопись или преданія, или соображенія, ходившія въ тогдашнихъ умныхъ и пытливыхъ головахъ. Важнѣе всего то, что онъ свои объясненія о первомъ началѣ города и народнаго имени начинаетъ съ пустаго мѣста, то есть слѣдуетъ тому историческому пріему, какой носился у него передъ глазами по случаю его короткаго знакомства съ библейскою исторіею.

Земля была неустроена, каждый жилъ по себѣ, особо, на своихъ мѣстахъ, иные въ лѣсахъ, какъ всякій звѣрь. Земля платитъ дань, на сѣверѣ Варягамъ, на югѣ Козарамъ, т. е. находится въ зависимости у этихъ двухъ народовъ. Наконецъ сѣверные люди Варяговъ прогоняютъ за море и неустройство земли обнаруживается въ полной силѣ.

Однако народный земскій умъ добирается до того, что опять зоветъ къ себѣ Варяговъ и отдаетъ имъ въ руки свое земское устройство. Варяги приходятъ и начинается историческое творчество. Прежде всего они приносятъ имя Землѣ. Откуда же оно могло взяться, когда Земля до того времени была неустроена, разбита на особыя части, не была народомъ и потому, конечно, не могла имѣть одного народнаго имени. Ее соединяютъ въ одно цѣлое Варяги, ясно, что отъ нихъ она пріобрѣтаетъ и одно общее имя.

Такъ представлялось это дѣло умамъ, которые еще по живымъ слѣдамъ хорошо помнили заслуги Варяговъ въ событіяхъ первыхъ двухсотъ лѣтъ нашей исторіи. Тогда по справедливости могло казаться, что все зависѣло отъ Варяговъ, что все сдѣлали Варяги, какъ намъ и теперь кажется, что со времени Петровскаго преобразованія все у насъ дѣлали иностранцы и все зависѣло отъ иностранцевъ.

Особенно такъ это казалось потомкамъ тѣхъ Варяговъ, которые въ лицѣ 90-лѣтняго старца Яна, участвовали даже въ составленіи нашей первоначальной лѣтописи. Они были народъ грамотный или по крайней мѣрѣ знающій, опытный, помнившій старину и соображавшій, какъ могло быть дѣло.

Если начались вопросы о томъ, откуда что́ пошло, откуда пошла Русь, кто сталъ первый княжить и т. д., то это показывало, что общество стало мыслить, разсуждать, разбирать, допытываться, заниматься, такъ сказать, наукою. Оно и объяснило всѣ эти вопросы сообразно своимъ преданіямъ и познаніямъ или догадкамъ, какія были тогда въ ходу и какія было естественнѣе тогда соображать.

Еще Шлецеръ своею критикою достаточно раскрылъ, а теперь г. Гедеоновъ вполнѣ подтвердилъ, что нашъ Несторъ былъ не простой наивный изобразитель лѣтъ своего времени, а именно писатель усвоившій себѣ по византійскимъ образцамъ нѣкоторые научные, критическіе пріемы, дававшій себѣ критическій отчетъ въ своихъ сказаніяхъ и вообще показавшій въ своемъ лѣтописномъ трудѣ нѣкотораго рода ученую работу. Одно уже то, что первыя страницы своей лѣтописи онъ обработалъ по византійскимъ источникамъ, выводитъ его изъ ряда простыхъ доморощенныхъ сказателей о томъ, что́ какъ было, и какъ что́ произошло и случилось. Въ этихъ страницахъ онъ является прямымъ изыскателемъ, а не простымъ описателемъ лѣтъ.

Имя Руси онъ съ величайшею радостью, о чемъ засвидѣтельствовалъ даже самъ Шлецеръ, въ первый разъ открываетъ въ греческомъ лѣтописаньи и на этомъ основаніи довольно ученымъ способомъ распредѣляетъ свои первые года, о которыхъ Шлецеръ прямо такъ и отзывается, что они есть ничто иное, какъ ученое вранье. Никакихъ варяжскихъ свидѣтельствъ Несторъ подъ рукою не имѣетъ, а меж-

ду тѣмъ прямо говоритъ, что это имя принесли съ собою Варяги.

Очевидно, что онъ говоритъ или одну догадку, сочиненную книжными умниками того вѣка, или записываетъ ходячее преданіе, которое изстари носилось во всѣхъ умахъ.

Онъ съ радостію восклицаетъ: Началъ Михаилъ въ Царьградѣ царствовать и начала прозываться Русская Земля, и говоритъ, что отсюда-то начнетъ и года положитъ; а потомъ говоритъ, что Русь прозвалась отъ Варяговъ. Откуда же почерпнулъ онъ это новое свѣдѣніе, котораго прежде не зналъ. Можно думать, что изъ главнаго своего источника, изъ того же греческаго лѣтописанья. Въ византійской хронографіи, онъ прочелъ о походѣ на Царьградъ Игоря, въ 941 г., гдѣ сказано: „Идутъ Русь—глаголеміи отъ рода Варяжска". Очень ясно, говоритъ Шлецеръ, что это занято изъ Продолжателя Амартоловой хроники, который толкуетъ, что Русь называлась Дромитами[1] и происходитъ отъ Франковъ.

При этомъ Шлецеръ дѣлаетъ весьма примѣчательную замѣтку. „Смѣшно, что Руссъ (Несторъ) узнаетъ отъ византійца о происхожденіи собственнаго своего народа. Съ Дромитами онъ не зналъ, что дѣлать, потому и выпустилъ ихъ (въ своей лѣтописи), а Франка и Варяга по единозвучію счелъ за одно".

Но откуда же Руссъ могъ узнать о происхожденіи своего народа, когда и первыя свѣдѣнія о Руси онъ взялъ у византійца же. Руссу оставалось только слить въ одно эти два свидѣтельства и онъ, быть можетъ хорошо понимая въ чемъ дѣло, сообразилъ, что это будутъ Варяги-Русь. Вотъ начальный источникъ настойчивыхъ увѣреній Нестора, что отъ Варяговъ прозвались мы Русью, а прежде были Славяне.

Великая правдивость и первобытная наивность Нестора замѣчается въ томъ, что онъ не умѣетъ связать концы съ концами, и по просту собираетъ и соображаетъ все, что почитаетъ любопытнымъ и достойнымъ памяти. Главнѣйшая его система одна: сказать правду.

---

[1] Вѣроятнѣе всего отъ дромосъ—бѣгъ (Ахиллеса) какъ, вблизи устья Днѣпра, называлась въ древности песчаная коса, нынѣ Тендра. Дромиты значитъ собственно обитатели Днѣпровскаго устья. Они назывались и Тавроскиѳами.

Преданіе, догадка или соображеніе о томъ, что имя Руси должно быть принесено Варягами, явились отвѣтомъ на тѣ самые вопросы, какими лѣтописецъ начинаетъ свой трудъ. Кто первый сталъ княжить въ Русской Землѣ, тотъ конечно принесъ ей и имя, такъ точно какъ и имя Кіеву далъ первый кіевскій человѣкъ, Кій, жившій тутъ, когда еще не было города. И всѣ эти соображенія съ другой стороны вытекаютъ прямо изъ общаго тогдашняго воззрѣнія на историческія дѣла, изъ того убѣжденія, что всякому дѣлу, или порядку дѣлъ, или городу, или цѣлой землѣ предшествовалъ личный дѣятель и творецъ, отъ котораго все и пошло. Тогдашній умъ не понималъ и не представлялъ себѣ никакого дѣла безъ его художника и творца. Съ этой точки зрѣнія онъ объяснялъ себѣ не только историческія, не говоря о повседневныхъ, но и физическія явленія природы, не только явленія матеріальныя, вещественныя, но и всѣ явленія своихъ духовныхъ наблюденій и созерцаній. Всякому дѣлу, всякому дѣянію и событію былъ художникъ, извѣстная личность, рука созидающая, строющая, управляющая. Тѣхъ понятій о начальномъ дѣяніи самой жизни, которыя и по настоящее время не сдѣлались еще господствующими, тѣхъ понятій объ органической и физіологической постепенности и послѣдовательности всякаго развитія тогдашній умъ еще не сознавалъ и потому представлялъ себѣ исторію, какъ чудную механику, создаваемую исключительно художествомъ частной личной воли.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что наука въ своемъ младенчествѣ иначе и не могла растолковать себѣ законы историческаго творчества въ жизни людей. Надо больше удивляться тому, что такой взглядъ на исторію сохраняетъ свою силу и до сихъ поръ.

Когда древній лѣтописецъ восходилъ своимъ пытливымъ умомъ къ началу вещей, хотя бы къ началу Руси, то онъ не задумываясь ни надъ какими обстоятельствами начиналъ свою повѣсть отъ пустаго мѣста или вообще отъ такого положенія вещей, какое въ самомъ дѣлѣ показывало пустоту предъ дѣдами и дѣяніями, какія онъ начиналъ описывать. То, чего онъ не зналъ, не помнилъ, онъ отодвигалъ въ пустое пространство небытія. Онъ не зналъ, что основа исторіи есть жизнь; а жизнь имѣетъ сѣмя, зачатокъ и въ на-

вѣстныхъ смыслахъ указываетъ даже на саморазвитіе и на самозачатіе, то есть на такое дѣйствіе жизни, въ которомъ никакъ не откроешь личнаго художника. Положимъ, что призванный Рюрикъ-Руссъ съ своими Варягами-Русью былъ основнымъ началомъ организаціи Русскаго Государства. Но вѣдь были люди и даже были города, которые его призвали, и которые этимъ дѣяніемъ показали, чего недоставало въ ихъ жизни. Они призвали весьма потребную новую силу. Какимъ же путемъ они дошли до такого сознанія? Несомнѣнно, путемъ долгихъ и очень прискорбныхъ опытовъ, которые привели къ одной жизненной, живой истинѣ, что безъ устройства жить нельзя. Но на пустомъ мѣстѣ, куда пришелъ Рюрикъ, такого сознанія выработать было невозможно. Стало быть еще до Рюрика былъ прожитъ длинный путь развитія, на которомъ изъ дикихъ инстинктовъ успѣлъ выработаться смыслъ, если не о государственномъ, то о простомъ житейскомъ порядкѣ. Это одно. А другое—самый городъ, который призвалъ Варяговъ. Чтобы доработаться до созданія города въ средѣ какого либо дикаго племени сколько потребно вѣковъ? Древняя Русь не была цивилизованною Америкою, гдѣ города создаются въ два-три года, людьми, которые сами приходятъ изъ городовъ. На Руси люди шли создавать себѣ городъ изъ степей, болотъ и лѣсовъ. Въ ней городъ долженъ былъ народиться путемъ долгаго органическаго развитія, путемъ долгой постепенности и послѣдовательности, путемъ великаго множества племенныхъ и другихъ связей и отношеній. Словомъ сказать, еще за долго до Рюрика въ Русской Землѣ должно было существовать все то, къ чему онъ былъ призванъ, какъ къ готовому. Такимъ образомъ сѣмена и зародыши русскаго развитія скрываются гдѣ-то очень далеко отъ эпохи призванія Варяговъ. Въ этомъ на первый разъ убѣждаетъ та истина, что исторія идетъ путемъ живой растительной организаціи, а не путемъ произвольной махинаціи; что самое призваніе Варяговъ, если и было началомъ нашей исторіи, то оно же было концомъ другой нашей исторіи, о которой мы ничего не знаемъ.

Понятія и соображенія Нестора о происхожденіи имени Русь не пошли дальше одной этой статьи. Онъ настаиваетъ, что отъ Варяговъ мы прозвались Русью, но не говоритъ ни слова, что Варяги такъ сказать создали изъ насъ настоя-

щихъ людей. Онъ говоритъ, что и до Владиміра изъ Варяговъ много было христіанъ, но ни слова не говоритъ, что они же были и нашими апостолами. Ни слова не говоритъ, что Варяги составляли особое дворянское племя, говорили особымъ языкомъ, научили насъ воевать, торговать, плавать по морю и по рѣкамъ и пр., и пр.

Не то мы узнаемъ отъ толкователей и объяснителей Нестора, которые, напротивъ, все отняли у Руси-Славянъ и все отдали Руси-Скандинавамъ.

И Нестора, и начальную Русскую исторію, какъ извѣстно, первые стали объяснять критически нѣмецкіе ученые. Первый изъ первыхъ Байеръ, великій знатокъ языковъ (не исключая и китайскаго), великій латинистъ и эллинистъ, въ 12 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи не научился однако, да и никогда не хотѣлъ учиться языку Русскому. Миллеръ точно также на первыхъ порахъ, бывши уже семь лѣтъ профессоромъ Академіи Наукъ, не могъ все-таки безъ переводчика читать русскія книги и усвоилъ себѣ знаніе языка уже въ послѣдствіи. Естественно ожидать, что не зная ни русскаго языка, ни русской страны, и объясняя древнѣйшую русскую исторію, эти ученые останавливались лишь на тѣхъ соображеніяхъ, какія были особенно свойственны ихъ германской учености. Имъ естественно было смотрѣть на все нѣмецкими глазами и находить повсюду свое родное германское, скандинавское. По этой причинѣ Байеръ самое имя Святославъ толковалъ изъ норманскаго Свенъ, Свендо и догадывался, что оно только испорчено напримѣръ отъ Свеноттона, Свендеболда и т. п. Для нѣмецкаго уха всякое сомнительное слово, конечно, скорѣе всего звучало по германски; для нѣмецкихъ національныхъ идей о великомъ историческомъ призваніи Германскаго племени, какъ всеобщаго цивилизатора для всѣхъ странъ и народовъ, всякій намекъ о такомъ цивилизаторствѣ представлялся уже неоспоримою истиною.

Кругъ нѣмецкихъ познаній, хотя и отличался великою ученостью, но эта ученость больше всего знала свою западную нѣмецкую исторію, и совсѣмъ не знала да и не желала знать исторіи Славянской. Зная одну римскую, греческую нѣмецкую исторію, можемъ ли мы съ успѣхомъ объяснять исторію другаго какого либо народа и потомъ: начавши ее объяснять, не должны ли мы построить ее по тѣмъ выучен-

нымъ идеямъ и по тѣмъ заученнымъ истинамъ, какія въ слѣдствіе нашей односторонней учености всегда носятся передъ нашими глазами. Зная очень хорошо, что такое были въ исторіи Скандинавы и вовсе не желая знать, упоминаетъ ли исторія о Славянахъ, можемъ ли мы иначе растолковать начало Русской исторіи, какъ не Скандинавскимъ происхожденіемъ самой Руси.

Вотъ естественныя и такъ сказать физіологическія причины, почему нѣмецкіе ученые, начиная свою повѣсть о происхожденіи Руси, безъ дальнѣйшаго обсужденія растолковали Несторовыхъ Варяговъ Скандинавами.

Это толкованіе вскорѣ сдѣлалось какъ бы священнымъ догматомъ нѣмецкой учености.

„Что Скандинавы или Норманны, въ пространномъ смыслѣ, основали Русскую державу, въ этомъ никто не сомнѣвается“, говорилъ шведъ по происхожденію, Тунманъ. „Ни одинъ ученый историкъ въ этомъ не сомнѣвается“, повторялъ и подтверждалъ уже Шлецеръ, строгій и суровый критикъ, рѣшившій вмѣстѣ съ тѣмъ разъ навсегда, что всякое другое мнѣніе объ этомъ предметѣ есть мнѣніе не-ученое. Онъ очень сожалѣлъ, что неученые русскіе историки, Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ единственно по своей неучености все еще выдавали Варяговъ за Славянъ, Пруссовъ или Финновъ, несмотря на диссертацію Байера, который будто бы такъ опровергъ подобныя мнѣнія, что „никто могущій понять ученое историческое доказательство, не будетъ болѣе въ томъ сомнѣваться“.

Къ сожалѣнію Байеръ этого не сдѣлалъ. Онъ только не весьма основательно доказывалъ Скандинавство Варяговъ и поставилъ на первый планъ для разысканій объ этомъ предметѣ лишь одни скандинавскіе источники. Между тѣмъ, какъ Варяги нашихъ лѣтописей, какъ и вообще балтійскіе Поморцы требовали для своего объясненія болѣе ученаго и болѣе широкаго взгляда на источники.

Байеръ очень хорошо зналъ, что весь южный берегъ Балтійскаго моря съ древнѣйшихъ временъ принадлежалъ Славянамъ, что тамъ существовали тоже Варяги, подъ именемъ Вагровъ. Но видимо, что Славянское происхожденіе Руси ему не нравилось и онъ безъ малѣйшей критики, а прямо только по прихоти ученаго, отвергаетъ и Адама Бременскаго

и Гельмольда, писателей болѣе древнихъ, довольно говорившимъ о Варяжскомъ Славянствѣ, и беретъ себѣ въ свидѣтели позднѣйшаго Саксона Граматика, говорившаго подходящую истину, что всѣ Славяне на Балтійскомъ берегѣ поздно начали разбойничать, то есть прославлять себя Варягами.

Байеръ такимъ образомъ, вовсе устранилъ изъ своего изслѣдованія о Варягахъ цѣлый и весьма значительный отдѣлъ свидѣтельствъ объ исторіи Балтійскихъ Славянъ, чего истинная и не пристрастная ученость не могла бы допустить. Незная, что дѣлать съ Славянскими Ваграми, онъ ихъ обошелъ отмѣткою, что они, явившись Варягами разбойниками позже Скандинавовъ, не могутъ имѣть особаго значенія въ вопросѣ о происхожденіи Руси. Такъ точно и Шлецеръ, не зная, что дѣлать съ Оскольдовыми Руссами, очень помѣшавшими его воззрѣнію на скандинавство Руси, совсѣмъ ихъ исключилъ изъ Русской Исторіи и строго приказалъ впередъ никогда объ нихъ не упоминать [1].

---

[1] Несторъ II, 107—116. Горячо доказывая, что Руссы, осаждавшіе въ 865 г. Константинополь, никакъ не могутъ быть Кіевскими Руссами, Шлецеръ превосходно очертилъ извѣстный способъ историческихъ выводовъ и заключеній отъ сходства именъ.

«Простое сходство въ названіи Ρως и Русъ, говоритъ онъ, обмануло и почтеннаго Нестора, и ввело его въ заблужденіе, которое повторяли за нимъ 700 лѣтъ сряду, безъ всякаго разсмотрѣнія! Сходство въ именахъ, страсть къ словопроизводству, двѣ плодовитѣйшія матери догадокъ, системъ и глупостей; это относится ко всѣмъ лѣтописателямъ греческимъ и римскимъ, начиная съ древнѣйшаго; потомъ въ особенности отличалось этимъ 13-е столѣтіе, и этимъ же до сего еще дня отмѣнно наполнена сѣверная исторія. На Днѣпрѣ находятъ слово, нѣсколько похожее на другое, употребляющееся въ Арабіи: вдругъ составляютъ оба вмѣстѣ, объясняютъ одно другимъ, и выводятъ дѣла, какихъ нѣтъ ни въ одной современной книгѣ. Если же слово это не имѣетъ замѣтной съ другимъ созвучности, то его поднимаютъ на этимологическую дыбу и мучатъ до тѣхъ поръ, пока оно, какъ будто отъ боли, не закричитъ и не дастъ такого звука, какого хочется жестокому словопроизводителю. Давно ли Караманію, что въ Персіи, связывали съ Германіею. Дегиньи, Сунъ, какіе почтенные имена въ наукѣ исторіи! Однако же первый говоритъ, что Свевы (въ Нѣмеціи) происходятъ отъ Сіивъ, разрушителей бактріанскаго царства за Каспійскимъ моремъ» и т. д.

Такъ строго осудилъ великій нашъ учитель не ученую догадку, а прямое лѣтописное свидѣтельство, что Кіевскіе Руссы 865 года были наши родные Руссы; между тѣмъ этой строгой критики онъ никакъ не хо-

По слѣдамъ Байера Шлецеръ пошелъ еще дальше. Онъ совсѣмъ отвергъ и малѣйшее значеніе для Русской исторіи всѣхъ Аттиковъ, какъ говаривалъ Ломоносовъ, то есть писателей древности греческой и римской, показавъ что сообщаемыя ими свѣдѣнія о нашемъ Сѣверѣ обнаруживаютъ только совершенное ихъ невѣдѣніе этой страны. „И я также, говоритъ знаменитый критикъ, потерялъ въ сихъ изысканіяхъ много времени и труда; однако же не жалѣю о сей потерѣ: ибо теперь вѣрно знаю то, что ничего не знаю, и что изъ сихъ изысканій никто не можетъ извлечь ничего вѣрнаго.“ (Несторъ I, 39).

Аттическія свидѣтельства конечно заключали въ себѣ по большей части или одни имена, или отрывочныя показанія объ исторіи и этнографіи нашихъ краевъ. Изъ этихъ отрывковъ разумѣется невозможно собрать исторію въ собственномъ смыслѣ и особенно въ шлецеровскомъ смыслѣ, какъ исторію Государства; за то въ ихъ массѣ сама собою возникаетъ покрайней мѣрѣ та истина, что до пришествія къ намъ Скандинавовъ на нашей землѣ жили люди и нетолько кочевники, но и земледѣльцы и торговцы и даже отважные мореплаватели. Неужели для критической исторіи такая истина была маловажна. Она несомнѣнно указывала на начала, на стихіи и корни нашего доисторическаго бытія, которое естественно было началомъ и нашей исторіи. Истинная, не предубѣжденная критика никакъ не могла бы отвергнуть свидѣтельствъ аттической древности, тѣмъ больше, что самыя свидѣтельства о Скандинавствѣ Руси содержали въ себѣ тоже одни имена и весьма отрывочныя показанія, вполнѣ сходныя по своей темнотѣ съ латинскими и греческими. Основной краеугольный камень, на которомъ Байеръ утвердилъ свое заключеніе о томъ, что Руссы были Шведы, именно сказаніе Бертинскихъ лѣтописей о послахъ Россахъ отъ царя Хакана, оказавшихся будто бы Свеонами, развѣ это свидѣтельство не столько же темно и двусмысленно, какъ и всѣ подобныя отрывочныя свидѣтельства древности?

тѣлъ приложить къ нѣмецкому домыслу, что Руссы происходятъ отъ Шведскихъ Родсовъ изъ Рослагена (Несторъ I, 317), къ домыслу, который единственно и утверждается только на сходствѣ именъ и по своей силѣ равняется производству Германіи отъ Персидской Карманіи.

Если на аттикахъ нельзя основывать ничего вѣрнаго, то до какой же причинѣ это нѣмецкое свидѣтельство оказывается вполнѣ достовѣрнымъ?

Но изученіе до-Норманской древности неизбѣжно привело бы къ твердому заключенію, что Славяне такой же древній народъ въ Европѣ, какъ и Германцы, что ихъ исторія также значитъ кое что во Всемірной Исторіи, что поэтому, имя Русь пожалуй прямыми дорогами подойдетъ къ древнимъ Роксоланамъ, и т. д.

Все это страшно противорѣчило именно Нѣмецкимъ ученымъ и патріотическимъ предубѣжденіямъ и предразсудкамъ. Нѣмецкая ученость искони вѣковъ почитала Славянъ племенемъ исторически очень молодымъ, дикимъ, ничтожнымъ и во всемъ зависимымъ отъ Нѣмцовъ. Еще бо́льшими варварами казались ей Русскіе.

Надо согласиться, что по свойству человѣческой природы и особенно по свойству всякаго личнаго развитія и образованія, историку и историческому изслѣдователю бываетъ очень трудно и почти совсѣмъ невозможно освободить свои взгляды и изысканія отъ разныхъ ученыхъ или же національныхъ и даже модныхъ убѣжденій и предубѣжденій. Намъ кажется, что иные ученые критики-изслѣдователи отводятъ только глаза у неопытныхъ читателей или у самихъ себя, когда съ видомъ величайшей добросовѣстности и якобы полнѣйшаго безпристрастія стараются ихъ увѣрить, что ведутъ свои изслѣдованія чистѣйшимъ путемъ науки и вовсе не увлекаются какими либо патріотическими, какъ обыкновенно говорятъ, или субъективными идеями и побужденіями. Читатель напередъ долженъ знать, что въ обработкѣ исторіи—это дѣло рѣшительно невозможное. Исторія наука не точная, не математика. Она подвижна и измѣнчива, какъ сама жизнь. Основанія ея познаній сбивчивы отъ множества противорѣчивыхъ свидѣтельствъ; неустойчивы по невозможности отыскать въ нихъ точную, рѣшительную, несомнѣнную истину. Исторія трудится надъ такимъ матеріаломъ, который весь состоитъ только изъ дѣлъ и идей человѣческой жизни. А жизнь, и тѣмъ болѣе прожитая, — существо неуловимое. Ее понимать и объяснять возможно только положеніями и отношеніями той же самой жизни. Очень естественно, что постоянно имѣя дѣло только съ жизнью, раз-

работывая и объясняя только жизнь человѣчества или народа, исторія по необходимости охватываетъ вопросами жизни и самого писателя. Будетъ ли онъ критикъ-изслѣдователь или художникъ повѣствователь—это все одинаково: въ его трудѣ неизмѣнно будутъ трепетать идеи и побужденія самой жизни, всегда руководящія каждымъ живымъ человѣкомъ. Поэтому личные вкусы, личныя пристрастія, весь образъ убѣжденій и извѣстныхъ взглядовъ писателя, какъ и его времени, всегда неизмѣнно отразятся и въ его писаніи, какъ бы ни казалось это писаніе ученымъ, то есть совсѣмъ отвлеченнымъ отъ дѣлъ и вопросовъ живаго міра. Вообще, исторія есть дѣло сколько науки, столько же и самой жизни, дѣло мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло чувства, а потому прямое дѣло политическихъ, общественныхъ, гражданскихъ, религіозныхъ и всякихъ другихъ идей и понятій, которыми управляется не только общее, всенародное, но и каждое личное сознаніе и созерцаніе. Никакой даже самый мелочной вопросъ исторической изыскательности не можетъ не выразить, такъ или иначе, какого либо увлеченія любимыми идеями, привязанностями и пристрастіями и никакъ не можетъ стоять на почвѣ въ полномъ смыслѣ научной или математически точной и безпристрастной. Высота ученаго безпристрастія у историческаго писателя можетъ выразиться только въ его строгой правдивости, то есть въ такомъ качествѣ, которое принадлежитъ не обвинителю и не защитнику, а одному нелицемѣрному правдивому суду. Какъ извѣстно, историческіе изслѣдователи бываютъ чаще всего или прокурорами-обвинителями, или бойкими защитниками и очень рѣдко справедливыми и правдивыми судьями. Вотъ по какой причинѣ исторія не почитается даже и наукою и въ ея области въ иныхъ случаяхъ каждый разсудительный читатель можетъ понимать дѣло вѣрнѣе, чѣмъ даже многосторонній ученый изыскатель.

И вотъ по какой причинѣ вопросъ о происхожденіи Руси, какъ вопросъ о происхожденіи династіи, объ основаніи государства, о началѣ политической жизни народа, въ свое время прямо уносилъ всѣ умы въ область политики и заставлялъ ихъ рѣшать его по тому плану, какой бывалъ начерченъ прежде всего въ политическомъ сознаніи изыскателя.

Очень естественно, что и нѣмецкая ученость при разрѣшеніи этого вопроса во многомъ руководилась чисто нѣмецкими идеями, которыя въ добавокъ дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ограниченнѣе были познанія изслѣдователей въ Русской и Славянской Древности.

Исходная точка нѣмецкихъ мнѣній по этому предмету яснѣе всего выражена главнымъ вождемъ исторической критики, самимъ Шлецеромъ. Его историческое убѣжденіе въ разсмотрѣніи этого дѣла было таково:

„Германцы по сю сторону Рейна, а особливо Франки, съ 5-го столѣтія, еще же болѣе со временъ Карла Великаго, слѣдственно, ровно за 1000 лѣтъ до сего, назначены были судьбою разсѣять въ обширномъ сѣверозападномъ мірѣ первые сѣмена просвѣщенія. Они выполнили это предопредѣленіе, держа въ одной рукѣ франкскую военную сѣкиру, а въ другой Евангеліе; и самые даже жители верхняго сѣвера, по ту сторону Балтійскаго моря, или Скандинавы, къ которымъ никогда не заходилъ ни одинъ нѣмецкій завоеватель, съ помощію Германцевъ начали мало по малу дѣлаться людьми“.

„Но все еще оставалась большая треть нашей части земли, суровый сѣверовосточный сѣверъ, по сю сторону Балтійскаго моря до Ледовитаго и Урала, о существованіи котораго не вѣдали ни Греки, ни Римляне, куда за величайшею отдаленностію не проходилъ еще ни одинъ Германецъ. И тутъ за 1000 лѣтъ до сего, чрезъ соединеніе многихъ совсѣмъ различныхъ ордъ, составился народъ, называемый Руссами, долженствовавшій со временемъ распространить человѣчество въ такихъ странахъ, которыя кажется до тѣхъ поръ были забыты отъ Отца человѣчества..... Люди тутъ были можетъ быть уже за нѣсколько тысячь лѣтъ, но очень въ маломъ числѣ; они жили разсѣянно на безмѣрномъ пространствѣ земли, безъ всякаго сношенія между собою, которое затруднялось различіемъ языковъ и нравовъ... Кто знаетъ, сколь долго пробыли бы они еще въ этомъ состояніи, въ этой блаженной для получеловѣка безчувственности, еслибы не были возбуждены“.

Чѣмъ же? Нападеніемъ Норманновъ и затѣмъ призваніемъ Норманновъ, объясняетъ авторъ, хотя и дѣлаетъ большую уступку, которая легко могла бы перенесть его разсужденіе

совсѣмъ на иную точку воззрѣній. Онъ говоритъ: „Просвѣщеніе, занесенное въ сіи пустыни Норманами было не лучше того, которое европейскіе (т. е. Русскіе) козаки принесли къ Камчадаламъ". Значитъ Славяне половины 9-го вѣка стояли по развитію на степени Камчадаловъ, имѣя уже большіе города, изъ которыхъ одинъ, сѣверный, дошелъ даже до рѣшенія устроить у себя лучшій порядокъ, призвавши властителей изъ заморя. „Но тутъ Олегъ перешелъ въ Кіевъ, продолжаетъ знаменитый критикъ, и подвинулся къ пріятному югу. Тутъ сильныя побужденія къ просвѣщенію возникли отъ Царя-града, сильнѣйшее было введеніе Христіанской Вѣры".

Ясно, что Днѣпровское населеніе, которое по словамъ самого автора могло тутъ жить за нѣсколько тысячь лѣтъ, (и жило дѣйствительно по близости къ Грекамъ) узнало даже и о существованіи Царя-града, благодаря пришедшимъ изъ далекой Скандинавіи Норманнамъ.

Шлецеръ очень часто повторяетъ эту свою заученую и любимѣйшую мысль, что „въ ужасномъ разстояніи отъ Новгорода до Кіева на право и на лѣво до прихода Варяговъ все еще было пусто и дико". „Удивляюсь я ужасной дикой и пустой обширности всей этой сѣверовосточной трети Европы до основанія Русскаго царства", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

„Конечно, люди тутъ были, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ и откуда зашли, но (какіе люди!) люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, (люди) не отличавшіеся ничѣмъ, не имѣвшіе ни какого сношенія съ южными народами, почему и не могли быть замѣчены и описаны ни однимъ просвѣщеннымъ южнымъ европейцемъ.... Конечно, и здѣсь, подобно, какъ у всѣхъ народовъ, есть вступленіе въ исторію, основанное на разсудкѣ".

Задавшись такими мыслями, Шлецеръ рисуетъ состояніе нашего населенія, сравнивая его съ Ирокезами и другими дикарями американскихъ лѣсовъ и всю страну по меньшей мѣрѣ почитаетъ Сибирью и Калифорніею своего времени, т. е. какъ они были сто лѣтъ назадъ. Поэтому мысль Шторха о древней Россіи, что въ ней шло торговое движеніе между Востокомъ и Западомъ еще въ 8-мъ вѣкѣ. (теперь это

вполнѣ уже доказано безчисленными находками Арабскихъ монетъ); онъ именуетъ не только неученою, но и уродливою. По случаю своего разсужденія о данях и деньгахъ древней Руси онъ отмѣчаетъ между прочимъ: „Здѣсь въ восточномъ сѣверѣ ничего не встрѣчаемъ мы, кромѣ бѣлокъ и куницъ, дѣло удивительное!“ и затѣмъ рѣшаетъ, что здѣшнія племена „не знали большаго звѣроловства, даже и скотоводства у нихъ долго еще послѣ того не было, если вѣрить Константину Багрянородному, который говоритъ, что быковъ, лошадей и овецъ совсѣмъ у Руссовъ нѣтъ: они начали покупать ихъ у Печенѣговъ и съ тѣхъ поръ зажили получше“.

Такъ, смыслъ одной общей идеи способствуетъ читать и понимать по своему даже и самые тексты.

Но главнымъ образомъ Шлецеръ удивляется, что не было у нашихъ Славянъ большаго звѣроловства. „Неужели говоритъ онъ, были они слишкомъ робки или слишкомъ слабы тѣломъ. Ни того, ни другаго нельзя сказать о сѣверныхъ людяхъ; и вѣрно тогда еще страна ихъ до самаго Кіева была и въ разсужденіи климата очень сурова. Почему я и думаю, что у нихъ небыло снастей и такого оружія, безъ котораго, господинъ творенія не дерзаетъ нападать на сильныхъ звѣрей. Древніе Германцы большею частію звѣроловству обязаны были своею тѣлесною силою, храбростію, даже первымъ образованіемъ ума своего. Напротивъ того, въ Отагейти, какъ прежде въ Перу и въ Мексикѣ, люди стояли на очень низкой степени просвѣщенія вѣрно отъ того, что не занимались большимъ звѣроловствомъ. Летты и Ливы, до прихода Нѣмцевъ, кажется по той же причинѣ оставались въ томъ же состояніи униженія, какъ Древляне и прі Славяне. Съ какою гордостію напротивъ того показывается Пруссъ между народами верхняго сѣвера! Уже послѣ 1000 г. побилъ онъ конницею напавшихъ на него непріятелей“.

Очень естественно, что на этомъ дикомъ и пустомъ фонѣ, какой былъ начерченъ Шлецеромъ для изображенія нашей страны и нашихъ людей до прихода Нѣмцевъ, фигура этихъ самыхъ Нѣмцевъ, Норманновъ и Варяговъ сама собою выходила очень красивою и сильною. Это былъ народъ владычествующій во всѣхъ отношеніяхъ и смыслахъ. Все достойное во всѣхъ отношеніяхъ и смыслахъ происхо-

дитъ отъ Варяговъ-Норманновъ-Нѣмцевъ. Даже „сильная привязанность Новгородцевъ къ свободѣ, которая во все продолженіе средняго вѣка часто оказывается сверхъ мѣры, заставляетъ также заключать, что они Варяжскаго происхожденія“. Это впрочемъ доказываетъ и нашъ лѣтописецъ, говоря, что Новгородцы были отъ рода Варяжска. Но какъ понимать его слова?

Само собою разумѣется, что Варяги же, Норманны посѣяли на Руси и первыя сѣмена христіанства. Они построили и первую церковь въ Кіевѣ Св. Ильи и т. д. Въ новомъ обширномъ, но пустомъ и дикомъ своемъ владѣніи Олегъ сталъ заводить мѣстечки и села. Но Ольга все-таки еще жила среди дикихъ народовъ.

Таковы были общія ученыя и конечно, больше всего національныя убѣжденія и предъубѣжденія Шлецера. Все это, кромѣ того очень крѣпко вязалось съ тогдашнимъ ученымъ чисто нѣмецкимъ выводомъ, что Славяне появились въ исторіи не прежде 6-го и отнюдь не прежде 5-го вѣка по Р. X. А появиться въ исторіи, въ тогдашней наукѣ, значило почти тоже, что внезапно упасть въ человѣческій міръ, на землю, прямо съ неба.

Великій знатокъ исторіи и великій критикъ, Шлецеръ, раскрывая начальный ходъ Русской исторіи, въ сущности однако, послѣ нашего Нестора, не сказалъ ничего новаго. Онъ только ученымъ способомъ и строгою критикою очистилъ, укрѣпилъ, утвердилъ тѣже первобытныя историческія воззрѣнія первобытнаго нашего Нестора. Точно также и самъ Шлецеръ начинаетъ нашу исторію съ пустаго мѣста:—Земля была неустроена и духъ Божій ношахуся поверхъ воды. Но у нашего Нестора это вытекало изъ общихъ его историческихъ созерцаній и изъ той системы, какую онъ положилъ въ началѣ своего труда, открывъ путь своей Русской исторія отъ самаго Потопа. Его мыслями руководила библейская идея о міровомъ твореніи, которую онъ почерпалъ изъ чтенія византійскихъ хронографовъ, или еще ближе, идея Христіанства, предъ которымъ языческое варварство въ дѣйствительности представлялось пустымъ и вполнѣ дикимъ мѣстомъ.

Казалось бы ученѣйшему критику очень было возможно совсѣмъ миновать эту идею. Но здѣсь лучше всего объ-

ясняется то обстоятельство, что разработка каждой отдѣльной науки, какъ и каждаго отдѣльнаго вопроса въ наукѣ вполнѣ зависитъ отъ общихъ философическихъ началъ человѣческаго знанія, какія господствуютъ въ то или другое время. Въ 18-мъ столѣтіи, не смотря на его безпощадную критику всего существующаго въ жизни и въ наукѣ, историческое знаніе очень крѣпко еще держалось своей первобытной почвы и всякое явленіе въ своей области объясняло тѣмъ ходомъ дѣлъ, какой былъ начертанъ первобытною исторіею міроваго творчества. Оно вообще очень много и даже все присвоивало личному дѣянію и вовсе не замѣчало, даже не подозрѣвало, что въ человѣческой исторіи существуетъ и другой дѣятель, неуловимый, незримый, но еще болѣе сильный, чѣмъ дѣяніе лица или отдѣльныхъ лицъ, которыя остаются наиболѣе памятны лишь потому, что случайно выдвигаются впередъ. Этотъ другой дѣятель, какъ мы замѣтили, есть сама жизнь, тотъ образъ народнаго бытія, который носитъ въ себѣ всѣ признаки живаго естественно-историческаго организма и который мы пока еще очень смутно рисуемъ себѣ въ имени народа, націи.

Въ человѣческой исторіи первый творецъ своего быта и своей жизни—самъ народъ. Онъ зарождаетъ себя также незримо и неуловимо, какъ и все зарождающееся въ живомъ мірѣ. Тѣ начальныя точки, съ которыхъ мы начинаемъ его исторію, есть уже значительно возрастные его шаги, дѣйствія уже созрѣвшаго, воспитаннаго его сознанія, каково напр. было и въ нашей исторіи сначала Изгнаніе, а потомъ Призваніе Варяговъ. Это важное по своимъ послѣдствіямъ событіе представляетъ лишь новое колѣно въ общемъ ростѣ народнаго развитія.

Нашъ Несторъ этого не подозрѣвалъ и начитавшись византійцевъ, объяснилъ, что до прихода Варяговъ все было пусто и дико, земля была неустроена и люди жили какъ всякій звѣрь [1]. Съ идеями Шлецера о великомъ историческомъ призваніи Германскаго племени эта истина совпадала какъ нельзя лучше и онъ развилъ ее и критически обрабо-

[1] Только объ однихъ Полянахъ - Кіевлянахъ онъ говоритъ, что они отъ всѣхъ другихъ отличались лучшими нравами, на что исторія должна бы обратить особое вниманіе и объяснить почему же это такъ было?

талъ до конца. Но такъ какъ подобная система или теорія тотчасъ приводитъ къ противорѣчіямъ, а потому непремѣнно требуетъ для нихъ объясненія чудесъ, то и по системѣ самого Шлецера мало по малу стали обнаруживаться чудеса или такія явленія, которыхъ онъ никакъ не могъ себѣ объяснить и торопливо проходилъ ихъ мимо, обозначая въ короткихъ словахъ только свое удивленіе.

„Замѣчанія достойно, говоритъ онъ, по поводу занятія Олегомъ Кіева, какъ 5 тутошнихъ народцевъ, которые призвали Варяговъ, которые, какъ по всему видно до того времени небольшіе были охотники до войны, подъ Норманскою дисциплиною, въ такое короткое время научились быть завоевателями", и заключаетъ, что если Кіевъ и Аскольдъ были невинны, то надобно утѣшаться тѣмъ, что „расширеніе новаго Русскаго царства на югъ, предположено было высочайшимъ и благодѣтельнымъ промысломъ... Древніе Ханаанскіе жители не только покорены, но даже истреблены были чужеземнымъ кочующимъ народомъ; Всевышній не токмо попустилъ это, но и повелѣлъ".

Кіевъ вдругъ пришелъ въ цвѣтущее состояніе, которому изумлялись иноземцы, и которое и для Шлецера кажется необыкновеннымъ. Удивляется онъ и Олегову договору съ Греками, гдѣ дикіе Норманны-язычники говорятъ „не только кротко, но даже по христіански". По этой причинѣ онъ не вѣритъ даже въ подлинность договора. Далѣе, онъ почитаетъ очень страннымъ, что „Руссы, мореходныя названія (судовъ), которыми такъ богатъ Норманскій языкъ, занялн отъ Грековъ".

Но самое существенное чудо, котораго Шлецеръ никакъ не могъ себѣ объяснить, заключалось въ томъ обстоятельствѣ, что не смотря на владычество Варяговъ, въ недолгомъ времени на Руси все сдѣлалось славянскимъ. Славяне сдѣлались главнымъ народомъ новаго государства и поглотили не токмо 4 прочіе народа, но даже и своихъ побѣдителей. „Явленіе котораго и теперь еще совершенно объяснить нельзя"! замѣчаетъ критикъ.

„Даже отъ самихъ Варяговъ чрезъ 200 лѣтъ не осталось болѣе ни малѣйшаго слѣда, продолжаетъ онъ туже мысль: даже скандинавскіе собственные имена уже послѣ Игоря истребляются изъ царствующаго дома и замѣняются славянскими.

Славянскій языкъ ни мало не поврождается норманскимъ, которымъ говорятъ повелители[1]. Какъ иначе, напротивъ того шло въ Италіи, Галліи, Испаніи и прочихъ земляхъ? Сколько германскихъ словъ занесено Франками въ Латинскій языкъ Галловъ и пр. Новое доказательство, заключаетъ критикъ, что Варяги поселившіеся въ Новой Землѣ, не слишкомъ были многочисленны".

Но тремя страницами прежде онъ самъ же старается разъяснить, что и полудикіе народы, къ которымъ пришли Варяги, были тоже не многочисленны.

„По всему кажется, что 5 первыхъ народовъ были очень малочисленны и полудики. До нашествія Варяговъ жили они между собою безъ связи; каждая орда отдѣльно отъ другой по патріаршески (особы) съ своимъ родомъ; а до сего еще менѣе имѣли они сношенія съ чужестранцами.... Всѣ они жили постоянно и кочевать уже перестали: только объ огороженныхъ селеніяхъ ихъ, городами называемыхъ, не надобно думать слишкомъ много.... Ежели бы, судя по великому пространству земли, ими занимаемой, были они многочисленны; то какъ можно повѣрить, чтобы горсть Варяговъ осмѣлилась такъ далеко зайти въ неизвѣстную имъ землю, и нѣсколько лѣтъ сряду сбирать дань съ ордъ, отдѣленныхъ одна отъ другой на сто миль и болѣе?"

Такимъ образомъ отношеніе числа остается одинаковымъ: Если было мало Варяговъ, то немного было и дикарей, которые ихъ призвали, и непостижимый фактъ, что все скоро ославянилось, остается по прежнему чудомъ.

„Это замѣчательно! восклицаетъ критикъ. Трое первыхъ вел. князей явно имѣютъ норманскіе имена, а четвертый уже болѣе нѣтъ. Германскіе завоеватели Италіи, Галліи, Испаніи, Бургундіи, Картагена и пр. всегда въ родѣ своемъ удерживали германскіе имена, означавшіе ихъ происхожденіе. Здѣсь же это прекращается очень рано, и изъ этого можно вывести новое доказательство, что побѣдители и побѣжденные скоро смѣшались другъ съ другомъ, и Славяне въ

---

[1] Тоже самое сдѣлалось прежде и въ Булгаріи, прибавляетъ Шлецеръ, гдѣ Славянскіе жители принудили также новыхъ своихъ повелителей забыть совершенно принесенный ими съ Волги языкъ. Изнѣженные Китайцы не довели до этого своихъ Мандшуровъ.

особенности, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, рано сдѣлались главнымъ народомъ"[1].

Вотъ эти-то самыя неизвѣстныя причины, почему Славяне на Руси сдѣлались главнымъ народомъ, т. е. владычествующимъ (чего Шлецеръ ни какъ не хотѣлъ понянуть), должны были представить самый существенный предметъ для разысканій, именно по случаю ни на чемъ не основаннаго рѣшительнаго утвержденія, что Варяги были въ извѣстномъ смыслѣ просвѣтителями и организаторами существовавшихъ здѣсь полудикихъ славянскихъ ордъ.

Таково было созерцаніе нѣмецкой науки о нашей Русской древности. У Шлецера оно выразилось въ видѣ научныхъ неоспоримыхъ истинъ. Но Шлецеръ только научнымъ способомъ утвердилъ уже старыя идеи. Эти самыя или въ томъ же родѣ неоспоримыя истины господствовали въ умахъ всѣхъ нѣмцевъ и всѣхъ иностранцевъ, приходившихъ со временъ Петра просвѣщать и образовывать варварскую Русь. Положеніе русскихъ дѣлъ въ первой половинѣ 18-го вѣка во многомъ напоминало положеніе славянскихъ дѣлъ во второй половинѣ 9-го вѣка.

Призваніе Нѣмцевъ въ петровское время для устройства въ дикой странѣ образованности и порядка, лучше всего объясняло до послѣдней очевидности, что не иначе могло случиться и во времена призванія Рюрика. Кого другаго могли призывать Новгородцы, какъ не Германцевъ же? Для чего бы они призвали къ себѣ своихъ родичей, такихъ же дикихъ Славянъ? Это была такая очевидная и естественная истина, выходившая изъ самой природы тогдашнихъ вещей, что и ученые, и образованные умы того времени иначе не могли и мыслить. Тогда никому и въ голову не могло придти, чтобы Германцы въ какое либо время были также дики, были такими же варварами, какими были и Славяне, призывавшіе къ себѣ этихъ образованныхъ Варяговъ-князей. Вотъ почему достаточно было одной вѣроятности, что Руссы могли быть Скандинавы, провозглашенной при томъ ученымъ человѣкомъ и ученымъ способомъ, чтобы эта вѣроят-

---

[1] Несторъ I, 343, 389, 419, 420, 469. II, 168, 169, 171, 172, 175, 181, 204, 259, 261, 265, 266, 289, 651, 703, 708. III, 152, 190, 364, 476, 477, и др.

ность явилась самою простою истиною, въ которой и сомнѣваться уже невозможно. Надо замѣтить, что ученіе о Скандинавствѣ Руси провозгласило свою проповѣдь въ то время, когда по русскимъ понятіямъ слово Нѣмецъ значило ученость, какъ и слово Французъ значило образованность. Отсюда полнѣйшее довѣріе ко всѣмъ показаніямъ учености и образованности. Само русское образованное общество, воспитанное на безпощадномъ отрицаніи русскаго варварства, и потому окончательно утратившее всякое понятіе о самостоятельности и самобытности русскаго народнаго развитія, точно также не могло себѣ представить, чтобы начало Русской Исторіи произошло какъ либо иначе, то есть безъ содѣйствія германскаго и вообще иноземнаго племени. Если у нѣмецкихъ ученыхъ и неученыхъ людей въ глубинѣ ихъ національнаго сознанія лежало неотразимое убѣжденіе, что все хорошее у иностранцевъ взято или принесено отъ германскаго племени, то и у русскихъ образованныхъ людей въ глубинѣ ихъ національнаго сознанія тоже лежало неотразимое рѣшеніе, что все хорошее русское непремѣнно заимствовано гдѣ либо у иностранцевъ. Намъ кажется, что эти два полюса національныхъ убѣжденій, нѣмецкій— положительный и русскій — отрицательный, послужили самою воспріимчивою почвою для водворенія и воспитанія мнѣній о происхожденіи Руси отъ Нѣмцевъ, со всѣми послѣдствіями, какія сами собою логически выводились изъ этого догмата.

Надо припомнить однако, какъ встрѣчены были нѣмецкія мнѣнія о скандинавствѣ Руси первыми русскими учеными, т. е. первыми русскими людьми, которые наукою возвысились до степени академиковъ и могли, независимо отъ Нѣмцевъ, сами кое что читать и понимать по этому вопросу.

Послѣ Байера о скандинавствѣ Варяговъ заговорилъ академикъ и государственный императорскій исторіографъ Миллеръ, досточтимый ученый, который оказалъ русской исторической наукѣ многочисленныя пользы. Въ 1749 г. по порученію Академіи къ торжественному ея собранію онъ написалъ Рѣчь, предметомъ которой избралъ темный вопросъ:

О происхожденіи народа и имени россійскаго, гдѣ по Байеру доказывалъ, что Варяги были Скандинавы, т. е. Шведы, что имя Русь взято у Чухонцевъ (Финновъ), которые Шведовъ называютъ Россалейна. Въ то самое время у насъ существовали очень враждебныя отношенія къ Швеціи. Вопросъ, такимъ образомъ, относительно своего скандинавскаго рѣшенія, по естественной причинѣ, принималъ нѣкоторый политическій оттѣнокъ и сами же нѣмецкіе ученые (Шумахеръ) сознавали, что предметъ разсужденія былъ скользкій. Но не предметъ, а именно его рѣшеніе, по тогдашнимъ обстоятельствамъ переносило науку въ область политики и заставило самое начальство Академіи отдать Рѣчь Миллера на разсмотрѣніе всего ученаго академическаго собранія съ особливымъ требованіемъ, не отыщется ли въ ней чего либо предосудительнаго для Россіи. Къ этому еще присоединялись личныя вражды между академиками. Большинствомъ голосовъ Рѣчь была осуждена „какъ предосудительная Россіи".

„Уже напечатанная рѣчь была истреблена, по наущенію Ломоносова", пишетъ въ своихъ Запискахъ Шлецеръ. Въ своемъ Несторѣ (1, рмв.) онъ къ этому прибавляетъ: Одинъ человѣкъ (Ломоносовъ) донесъ Двору, что это мнѣніе оскорбляетъ честь государства. Миллеру запретили говорить рѣчь и пр. — „Нынѣ трудно повѣрить гоненію претерпѣнному авторомъ за сію диссертацію, пишетъ Карамзинъ. Академики по указу судили ее: на всякую страницу дѣлали возраженія. Исторія кончилась тѣмъ, что Миллеръ занемогъ отъ безпокойства, и диссертацію, уже напечатанную, запретили". — „Рѣчь не была читана. Грустно подумать, что причиною тому былъ извѣтъ Ломоносова", повторяетъ Надеждинъ"[1]. Такія недостойныя обвиненія съ легкой руки Шлецера повторялись съ разными видоизмѣненіями до послѣдняго времени.

Теперь достовѣрно открылось, что всему этому дѣлу руководителемъ былъ секретарь „совѣтникъ" Академіи, Шумахеръ. Охраняя честь и достоинство Академіи, то есть ака-

---

[1] Сборникъ Академіи Наукъ т. XIII, стр. 48.—И. Г. Р. Карамзина I, пр. 111. — Объ историческихъ трудахъ въ Россіи, Надеждина. Библіотека для Чтенія т. XX.

демической корпораціи, онъ первый указалъ начальству на сомнительныя достоинства Миллерова труда и даже самъ называлъ этотъ трудъ „галиматьею".

Не смотря на то, до сихъ поръ это дѣло представляется въ такомъ свѣтѣ, будто Русскіе Академики изъ одного квасного и недостойнаго патріотизма, изъ одного „національнаго пристрастія и нетерпимости" напали на ученый трудъ ученѣйшаго нѣмца и постарались устранить его съ поля науки, между тѣмъ, какъ этотъ трудъ будто-бы являлся „одною изъ первыхъ попытокъ ввести научные пріемы при разработкѣ русской исторіи и (ввести) историческую критику, безъ которой де исторія не мыслима, какъ наука". [1] Представляется вообще, что нѣмецкій ученый раздраз-

[1] Въ новомъ академическомъ изданіи «Каспій» все это дѣло именуется «инквизиціоннымъ судомъ, наряженнымъ по доносу (уже) Теплова для обсужденія препустой рѣчи Миллера.» При этомъ предъ доносомъ Теплова ставится два вопросительныхъ знака, которые все-таки даютъ надлежащій намекъ на дѣйствія Теплова, между тѣмъ, какъ, изъ писемъ къ Теплову Шумахера весьма достовѣрно и очевидно открывается, съ какой стороны шелъ этотъ пресловутый доносъ, представляющій собственно весьма простое домашнее канцелярское и секретарское дѣйствіе самого Шумахера, какъ охранителя интересовъ академической корпораціи. Каспій, Спб. 1875, стр. 641, 689.

Вотъ письма Шумахера къ Теплову:

7 Августа 1749 г. Г. Миллеръ представилъ мнѣ свою рѣчь на латинскомъ языкѣ, чтобы переслать ее въ Москву (гдѣ тогда находился президентъ академіи гр. К. Разумовскій). Вотъ она... Прошу васъ, прочтите ее внимательно. Онъ излагаетъ предметъ съ большою эрудиціею, но по моему мнѣнію съ малымъ благоразуміемъ, ибо, во имя Господа, зачѣмъ разрушать, при помощи шведскихъ и датскихъ писателей, мнѣніе, столько стоившее сочинителямъ, работавшимъ для прославленія націи? Я не говорю болѣе. Покрайней мѣрѣ прежде напечатанія ея, не забудьте, м. г., напомнить его сіятельству, чтобы онъ приказалъ прочесть эту рѣчь in pleno, потому что академики, также какъ и профессора, принимаютъ въ томъ участіе, почему я желалъ бы, чтобы тамъ не упоминалось о совѣтникахъ...»

10 Августа. Г. президентъ приказалъ Миллеру четыре мѣсяца тому назадъ приготовить рѣчь для торжественнаго собранія, предоставивъ на его волю избрать какой угодно ему предметъ. До сихъ поръ онъ ее не кончилъ и выбралъ предметъ самый скользкій (scabreux), который не принесетъ чести академіи, напротивъ не преминетъ навлечь на нее упреки и породитъ ей непріятелей. Всему причиною тутъ гордость. Такъ какъ эта рѣчь академическая, то автору ея очень

нилъ гусей и что, кромѣ патріотизма, русскіе ученые въ этомъ спорѣ руководились еще крайнимъ невѣжествомъ, ибо говорятъ, что Ломоносовъ защищалъ будтобы противъ учености Миллера сказки Кіевскаго Синопсиса (о Славянствѣ Варяговъ, о происхожденіи Москвы отъ Мосоха и т. п.); говорятъ даже, что Ломоносовъ упрекалъ Миллера, „зачѣмъ онъ

хорошо извѣстно, что ее необходимо прочитать въ конференціи и разсмотрѣть профессорамъ; но онъ также знаетъ, что многіе неодобряютъ его разглагольствій и потому-то онъ такъ долго медлитъ съ своею рѣчью, чтобы не оставалось времени на разсмотрѣніе ея. Пусть только его сіятельство прикажетъ прочитать ее въ конференціи и напечатать послѣ разсмотрѣнія ея тамъ....»

17 Августа. Такъ какъ времени очень мало, чтобы разжевывать заключающееся въ ней содержаніе, то было бы хорошо, когда бы его сіятельство соблаговолилъ приказать Миллеру высказаться гадательно, чтобы не обижать никого. По истинѣ это самый вѣрный и пріятный способъ, потому что тогда рѣшеніе предоставляется публикѣ, которая желаетъ быть главою, а не смотря на то авторъ, если онъ искусенъ, силою своихъ доказательствъ, нечувствительно увлечетъ на сторону своихъ воззрѣній. И самое главное въ этомъ случаѣ есть то, что президентъ не рискуетъ ничего своимъ одобреніемъ, а профессора могутъ быть тѣмъ только довольны...»

21 Августа. Его сіятельство прекрасно поступилъ, передавъ диссертацію г. Миллера на судъ гг. профессоровъ. Они уже работаютъ надъ нею и сдѣлаютъ такъ, что всѣ останутся тѣмъ довольны, какъ равно и г. Миллеръ. Еслибы напечатать его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она есть, то всѣ профессоры согласны, что это было бы униченіемъ для академіи...»

24 Августа. Г. Миллеръ не хочетъ уступить, а другіе профессора не хотятъ принять ни его мнѣнія, ни его способа изложенія...»

28 Августа. Фишеръ сказывалъ мнѣ, что г. Ломоносовъ пишетъ по-Латини несравненно лучше Миллера. Такъ какъ рѣчь послѣдняго была наполнена ошибками противъ грамматики и исторіи и выраженіями грубыми и обидными, то это все откинули, на сколько позволяли время и уступчивость г. Миллера.... Я говорю вамъ, м. г., какъ передъ Богомъ, что Миллеръ только тогда сказалъ мнѣ о своей рѣчи, когда представилъ ее въ канцелярію для отсылки въ Москву. Правда, что прочитавъ ее, я ему сказалъ въ лицо, что не думаю, что бы его сіятельство одобрилъ когда нибудь его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она есть, и что было бы лучше изложить этотъ предметъ съ большею осторожностію, чтобы не обидѣть никого...»

По случаю разсмотрѣнія рѣчи, назначенное на 6 Сентября торжественное собраніе Академіи было отложено, почему Шумахеръ писалъ:

пропустилъ лучшій случай къ похвалѣ Славянскаго народа и не сдѣлалъ Скиѳовъ Славянами". Это уже прямая напраслина.

Вообще утверждаютъ, что за исключеніемъ Тредьяковскаго, русскіе академики, разбиравшіе диссертацію Миллера, Ломоносовъ, Крашенинниковъ, Поповъ, осуждали его выводы „не съ научной точки зрѣнія, но во имя патріотизма и національности" и что „на почвѣ научнаго рѣшенія вопроса" остался только Тредьяковскій.

---

6 Сентября. Весь городъ въ волненіи отъ внезапной перемѣны касательно торжественнаго собранія и каждый занятъ отъисканіемъ причинъ тому. Нѣкоторые даже предполагаютъ, что собраніе отмѣнено по представленію коммиссара Крекшина, котораго мнѣнія противны Миллеровскимъ относительно происхожденія господъ Русскихъ. (Такъ думалъ и самъ Миллеръ).

7 Сентября. Вы угадали: нѣтъ ни одного професоора, который бы вѣрилъ, что не злосчастная рѣчь г. Миллера была причиною разстройства торжественнаго собранія. Гг. профессора Струбе, Ломоносовъ, Тредіяковскій, Фишеръ и два адъюнкта Крашенинниковъ и Поповъ, думаютъ, что въ состояніи судить о предметѣ....»

11 Сентября. Гг. профессора и адъюнкты трудятся надъ рѣчью г. Миллера и вы, м. г., увидите, что мнѣніе каждаго изъ нихъ, поданное особливо, будетъ весьма различествовать отъ того, которое онъ подавалъ съ товарищами, будучи въ засѣданіи. Гг. ученые, изъ опасенія ли, изъ зависти ли, очень рѣдко высказываются о томъ, о чемъ ихъ спрашиваютъ. Когда хочешь знать истину о предметѣ, надобно непремѣнно говорить съ каждымъ отдѣльно. Такъ я и сдѣлалъ.»

16 Сентября. Съ самаго начала диссертація г. Миллера не имѣла чести мнѣ понравиться, но я не находилъ ее столь ошибочною, какъ описываютъ гг. профессора и адъюнкты... Любезный мой другъ и собратъ по невзгодамъ! не найдете ли вы удобнымъ предложить его сіятельству приказать лучше на этотъ разъ выбрать предметъ изъ физики по математическому классу и отложить рѣчь г. Миллера до другаго времени, потому что невозможно согласить мнѣнія гг. профессоровъ съ авторскими, да еслибы и возможно было, то надобно былобы переводить снова....»

Предложеніе Шумахера было принято и къ предстоящему собранію сталъ готовить рѣчь профессоръ математики Рихманъ.

19 Октября. Гг. профессора и адъюнкты теперь трудятся надъ диссертаціею г. Миллера и въ понедѣльникъ начнутъ битву. Я предвижу, что она будетъ очень жестока, такъ какъ ни тотъ, ни другіе не захотятъ отступиться отъ своего мнѣнія. Не знаю, помните ли вы еще, м. г., то, что я имѣлъ честь писать къ вамъ о диссертаціи г. Миллера.

Само собою разумѣется, что еслибъ все это прелюбопытнѣйшее дѣло было напечатано, оно объяснило бы вполнѣ, кто въ немъ правъ, кто виноватъ. Впрочемъ, благодаря изданнымъ уже матеріаламъ [1] можно и теперь составить достаточно правильное понятіе о ходѣ этого ученаго спора, въ основаніяхъ своихъ и даже въ подробностяхъ нисколько не устарѣвшаго и до настоящей минуты.

Надо сказать, что заслужившій похвалу потомства за научную почву Тредьяковскій подалъ мнѣніе довольно уклончивое, говоря, что „сочинитель по своей системѣ съ нарочитою вѣроятностію доказываетъ свое мнѣніе...“Когда я говорю, писалъ онъ: съ нарочитою вѣроятностію, то разумѣю, что авторъ доказываетъ токмо вѣроятно, а не достовѣрно...“ Затѣмъ онъ представляетъ, что матерія слишкомъ трудна, что и мнѣнія автора, и тѣ мнѣнія, которыя онъ отвергаетъ, всѣ утверждаются только на вѣроятности и никогда не получатъ себѣ математической достовѣрности.“ Вообще достоинство новой диссертаціи онъ равнялъ съ до-

Помню, что я утверждалъ, что она написана съ большою ученостію, но съ малымъ благоразуміемъ. Это оправдывается. Г. Байеръ, который писалъ о томъ же предметѣ въ академическихъ комментаріяхъ, излагалъ свои мнѣнія съ бо̀льшимъ благоразуміемъ, потому что употреблялъ всѣ возможныя старанія отыскать для русскаго народа благородное и блистательное происхожденіе (по Байеру Варяги-династія были люди дворянской фамиліи, изъ Скандинавіи и Даніи); тогда какъ г. Миллеръ, по увѣренію русскихъ профессоровъ, старается только объ униженіи русскаго народа. И они правы. Если бы я былъ на мѣстѣ автора, то далъ бы совсѣмъ другой оборотъ своей рѣчи, (Шумахеръ чертитъ ловкую програму, какъ бы онъ, польстивши народному самолюбію, все-таки провелъ бы свою мысль), но онъ (Миллеръ) хотѣлъ умничать. Habeat sibi—дорого онъ заплатитъ за свое тщеславіе!»

30 Октября. Профессоръ Миллеръ теперь видитъ, что промахнулся съ своею диссертаціею, потому что одинъ Поповъ задалъ ей шахъ и матъ, указавъ на столько грубыхъ ошибокъ, которыхъ онъ рѣшительно не могъ оправдать.... Теперь онъ сказывается больнымъ и не хочетъ болѣе ходить въ конференцію. Мѣсто на страницахъ 18 и 19 диссертаціи Рихмана приноситъ болѣе чести академіи, чѣмъ вся галиматья г. Миллера, которою онъ хочетъ разрушить все, что другіе созидали съ такимъ трудомъ.» См. дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова академика П. Пекарскаго. Спб. 1865. стр. 46—53.

[1] Исторія И. Академіи Наукъ, П. Пекарскаго, томы 1 и 11. Спб. 1870—1873. Матеріалы для біографіи Ломоносова, Билярскаго, Спб. 1865.

стоинствомъ предшествовавшихъ ей писаній, не исключая и Синопсиса, и прибавляя впрочемъ, что однакоже система Миллера кажется вѣроятнѣе всѣхъ другихъ, дотолѣ извѣстныхъ; что по этимъ причинамъ во всемъ авторовомъ доказательствѣ онъ не видитъ ничего предосудительнаго для Россіи. „Развѣ токмо сіе одно можетъ быть, какъ мнѣ кажется, предосудительно, говорилъ онъ, что въ Россіи, о Россіи, по Россійски, предъ Россіянами, говорить будетъ чужестранный и научитъ ихъ такъ, какъ будто они ничего того, понынѣ не знали; но о семъ разсуждать не мое дѣло“.

Одобряя диссертацію къ выпуску въ свѣтъ, Тредьяковскій, во всякомъ случаѣ, предлагалъ ее исправить, иное отмѣнить, иное умягчить, иное выцвѣтить, причемъ ссылался, что объ этихъ отмѣнахъ, исправленіяхъ, умягченіяхъ довольно предлагали автору всѣ вообще разбиравшіе диссертацію. Стало быть и онъ съ научной почвы показывалъ, что диссертація была неудобна во многихъ отношеніяхъ. Онъ только не обозначилъ явно въ чемъ заключалось это неудобство; но въ заключеніе все-таки сказалъ, что отнюдь спорить не будетъ съ мнѣніемъ и разсужденіемъ объ этомъ предметѣ искуснѣйшихъ и остроумнѣйшихъ людей (своихъ товарищей), и что, напротивъ того, признаетъ ихъ мнѣніе, „какъ основательнѣйшее можетъ быть лучшимъ“. Какъ профессоръ краснорѣчія, Тредьяковскій составлялъ свою рѣчь очень хитро и поэтому вовсе неизвѣстно, куда прямо относится это можетъ быть, и что̀ прямо хотѣлъ сказать краснорѣчивый профессоръ. Ясно одно, что онъ былъ согласенъ съ своими товарищами, знавшими предметъ лучше и обладавшими бо̀льшимъ искусствомъ въ спорѣ. По всему видно, что его уклончивость происходила собственно отъ недостатка учености, отъ малаго знакомства съ источниками и литературою предмета, что вполнѣ раскрывается въ поданной имъ запискѣ. И тѣмъ не меньше это уклончивое мнѣніе Тредьяковскаго заслужило похвалу, что будто бы „по своему без(при)страстію оно представляетъ отрадное исключеніе“ [1]. Такая похвала бросаетъ сильную тѣнь на его товарищей. Стало быть мнѣнія другихъ русскихъ

---

[1] Билярскій: Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 758, 768.

ученыхъ о диссертаціи Миллера были пристрастны, не отрадны по своему нравственному качеству? Однако тотъже Тредьяковскій въ своемъ особомъ разсужденіи о Варягахъ Руссахъ, написанномъ гораздо послѣ, касаясь достоинства Миллеровой рѣчи, пишетъ между прочимъ, что „напечатанная, она въ дѣло не произведена: ибо освидѣтельствованная всѣми членами академическими, нашлась, что какъ исполнена неправости въ разумѣ, такъ и ни къ чему годности въ слогѣ".

И никто другой, какъ именно Тредьяковскій сводитъ этотъ ученый споръ прямо на почву патріотическихъ воззрѣній. Въ упомянутомъ своемъ разсужденіи о Варягахъ Руссахъ, въ самомъ началѣ, онъ жалуется, что происхожденіе этихъ Варяговъ приведено подъ немалое сомнѣніе въ нашихъ мысляхъ, такъ что по нынѣ (въ 1757 г.) еще нѣтъ довольнаго удостовѣренія, изъ какого народа были сіи Варяги; что виною тому чужестранные писатели, которые, производя Варяговъ отъ инородныхъ намъ племенъ, врѣваютъ насъ въ это сомнительное безъизвѣстіе о названіи, родѣ и языкѣ Варяговъ.

„Хотя нѣтъ ни одного изъ истинныхъ Россіянъ, говоритъ авторъ дальше, который не желалъ бы всѣмъ сердцемъ, чтобъ презнаменитые Варяги-Руссы, прибывшіе къ намъ государствовать, и бывшіе предками нашихъ самодержцевъ, были точно такими же нынѣшними и всегдашними Россіянами; однако утвержденія иностранныхъ, и еще не безславныхъ писателей, не токмо дѣлаютъ наши желанія тщетными, но еще и всѣхъ намъ путей едва не пресѣкаютъ... Одни объявляютъ, что Варяги были предки Шведовъ, другіе пишутъ, что произошли они отъ Датчанъ; эти пространно доказываютъ, что наши Варяги прибыли къ намъ изъ Скандинавіи или изъ Даніи, и что Россіяне называютъ Варягами всѣхъ вообще Свѣевъ, Готландянъ, Норвежанъ и Данянъ; а тѣ надежно и высокомѣрно велерѣчатъ, что они суть точные Норвежцы; нѣкоторые производятъ ихъ отъ Пруссовъ, а иные называютъ ихъ народомъ германскимъ. Всѣ, наконецъ, хотя и признаютъ, что Варяги были Руссы, однако не отъ Руссовъ, т. е. теперешнихъ Русскихъ. Какъ ни лестно для насъ это твердое предразсужденіе о достоинствѣ нашихъ первоначальныхъ государей, которыхъ писатели на-

перерывъ другъ предъ другомъ присвояютъ къ разнымъ славнымъ и храбрымъ народамъ, однако намъ это нѣсколько предосудительно, ибо они отнимаютъ у насъ собственное наше и дражайшее добро и чрезъ то лишаютъ насъ природной нашей славы. Они, какъ думается, по единому самолюбію токмо изобрѣли за должное повѣствовать о высокославныхъ Варягахъ и водя своихъ читателей по степенямъ вѣроятности, удостовѣрять, что будто эти Варяги намъ чужеродны и отъ насъ разноязычны. По этому не ободримся ль и мы изобрѣсть за должнѣйшее, чтобъ утверждаясь на самой достовѣрности, описать нашихъ началобытныхъ самодержцевъ какъ единоязычными, такъ и тождеродными съ нами".

По мыслямъ Тредьяковскаго прямо выходитъ что иностранцы отнимали у насъ нашихъ самодержцевъ, отдѣляли ихъ отъ народа, какъ полныхъ чужеродцевъ. Онъ чувствуетъ, что иностранцы, собственно Германцы, тѣмъ хвалятся, что дали намъ царей изъ своего рода. И едвали онъ не былъ правъ, что эта патріотическая нѣмецкая мысль въ дѣйствительности, хотя неосязаемо и неуловимо, руководила такими слишкомъ усердными разсужденіями о происхожденіи Варяговъ-Руси.

„Возможноль, говоря, откровенно, и достойно ли, въ виду пререкающаго усилія чужихъ, оставаться въ бездѣйствіи и не стремиться къ исторженію отъемлемаго у насъ не по праву"! восклицаетъ за тѣмъ Тредьяковскій.

„Къ тому нас обязываетъ высота, свѣтлость, превосходство первыхъ нашихъ великихъ князей, а честь цвѣтущаго, всегда и нынѣ, Россійскаго народа, не умолкая возбуждаетъ. Должно, должно было давно намъ препоясаться силами не токмо къ воспрепятствованію не весьма стоющихъ заключеній объ этомъ предметѣ, но и къ утвержденію и какъ будто ко вкореняемому насажденію свѣтозарныя истины и неколебимыя правды" [1].

Мысли Тредьяковскаго очень ясны. По этимъ мыслямъ очень также ясно, о какихъ собственно Варягахъ думали ученые иноземцы, производя ихъ изъ разныхъ только германскихъ, но не славянскихъ мѣстъ. Тредьяковскій какъ

[1] Сочиненія Тредьяковскаго, Спб. 1849. т. III, 475—480.

самъ говоритъ, почиталъ всѣ эти чужія мнѣнія не весьма стоющими; сознавалъ, что истины и правды въ нихъ нѣтъ. Во время спора онъ не былъ настолько знакомъ съ вопросомъ, чтобы подавать рѣшительный голосъ, но видимо, что и самъ онъ такъ былъ затронутъ этими спорами, что написалъ три особыя разсужденія: 1) о первенствѣ Славянскаго языка предъ Тевтоническимъ; 2) о первоначаліи Россовъ; 3) о Варягахъ Руссахъ Славянскаго званія, рода и языка", гдѣ и выводилъ Варяго-Руссовъ съ бо́льшимъ противъ Ломоносова основаніемъ отъ Славянъ Руговъ изъ Помераніи. Эти разсужденія были уже готовы въ 1757 году, слѣдовательно начаты вѣроятно вскорѣ послѣ осужденія Миллеровой диссертаціи [1].

Очень подробно разобрали диссертацію другіе Русскіе академики: профессоръ химіи Ломоносовъ, адъюнктъ ботаники Крашенинниковъ, адъюнктъ астрономіи Поповъ. Справедливо, что они отчасти руководились патріотическимъ чувствомъ. Но еще бы русскимъ людямъ не выразить любви къ своей отчизнѣ тамъ, гдѣ наука, не математика, а исторія, прямо касалась политическихъ воззрѣній и убѣжденій, и гдѣ она, къ тому же вся была построена на однихъ вѣроятіяхъ и догадкахъ, которыя по ихъ мнѣнію нисколько не были лучше вѣроятій и догадокъ Синопсиса и нѣкоторыхъ лѣтописцевъ и которымъ въ противоположность легко было выставить новыя догадки и вѣроятія, вполнѣ равнозначительныя по ученому достоинству.

Мы уже говорили, что личныя чувства, воззрѣнія, убѣжденія въ обработкѣ исторіи значатъ очень много и всегда во всякомъ историческомъ трудѣ непремѣнно оставятъ свой замѣтный слѣдъ.

---

[1] Точно также не могъ оставить безъ вниманія этого вопроса и другой противникъ Миллера, профессоръ Струбе, издавшій уже на старости, въ 1785 г. «Разсужденіе о древнихъ Россіянахъ», М. 1791 г., написанное однако еще въ 1753 г., гдѣ, осудивъ диссертацію Миллера, производилъ Русь изъ Рисаландіи отъ Готовъ, съ восточной стороны Ботническаго залива, откуда потомъ выводилъ Русь г. Бутковъ.

Русскіе академики находили, что Миллеръ въ своей диссертаціи „старается только объ униженіи Русскаго народа." И они были правы, замѣчаетъ самъ Шумахеръ. Здѣсь слѣдовательно была затронута народная гордость, чувство природное, свойственное не только каждому народу и государству, но и каждой деревнѣ, и особенно свойственное нѣмецкимъ ученымъ людямъ.

Это не болѣе какъ чувство народнаго достоинства, которое можетъ быть мнимымъ, но можетъ также выражать и дѣйствительныя народныя преимущества. Въ иныхъ случаяхъ оно бываетъ смѣшно и нелѣпо, когда основывается на одномъ пустомъ тщеславіи, но въ немъ же очень часто скрываются благородныя и справедливыя понятія объ истинныхъ заслугахъ своей народности.

О Миллеровой диссертаціи Шумахеръ говорилъ что „она написана съ большою ученостью, но съ малымъ благоразуміемъ", что Миллеръ вообще „хотѣлъ умничать и потому дорого заплатитъ за свое тщеславіе." Сами нѣмецкіе ученые стало-быть сознавали, что неблагоразумная сторона диссертаціи заключалась отчасти и въ тщеславіи, которое подмѣтилъ уже Тредьяковскій, говоря что чужестранецъ научитъ Русскихъ такъ, какъ будто они ничего того поныне не знали.

Такимъ образомъ тщеславіе нѣмецкаго ученаго, императорскаго исторіографа, хотя бы только одною новостью ученой мысли, естественно должно было встрѣтить сильный отпоръ со стороны русскихъ притязаній. Новая ученая мысль Миллера требовала себѣ мѣста посреди старыхъ Русскихъ басенъ о происхожденіи Русскаго народа и потому явилась строгимъ критикомъ этихъ басенъ, этой старой ветоши, нанесенной въ Русскую исторію не раньше 16-го вѣка и то подъ вліяніемъ Польскихъ писаній. Миллеръ прямо и называлъ эти сказки бабьими баснями. Но рядомъ онъ отвергалъ и такія заключенія, которыя имѣли вполнѣ научное основаніе, и притомъ отвергалъ ихъ только въ пользу Скандинавства Руси, а это уже прямо всѣмъ Русскимъ ученымъ казалось даже нестерпимою баснею, проводимою лишь изъ одного нѣмецкаго тщеславія.

Русскіе ученые, не бывши спеціалистами по этому предмету, поставили, однако, весьма ученыя возраженія про-

тивъ выводовъ Миллера и если статья его была одною изъ первыхъ попытокъ критически обслѣдовать начало Русской исторіи, то замѣчанія и разборъ его сочиненія Русскими учеными представили тоже первую и еще болѣе основательную попытку критически разсмотрѣть самую эту нѣмецкую критику. Мы никакъ не съумѣемъ себѣ объяснить, почему ученая молва оставляетъ ученость и критику за однимъ только Миллеромъ и удаляетъ въ полную темноту такую же ученость и критику Русскихъ ученыхъ, притомъ совсѣмъ не спеціалистовъ Русской исторіи.

Этотъ достопамятный споръ происходилъ открыто въ присутствіи всего собранія Академіи; всѣ возраженія записывались или переводились по латынѣ, на языкѣ науки, такъ какъ Миллеръ отвѣчалъ только на латинскомъ [1].

Еще въ началѣ споровъ, 30 Окт. 1749 г., Шумахеръ писалъ къ Теплову, „профессоръ Миллеръ теперь видитъ, что промахнулся съ своею диссертаціею, потому что одинъ Поповъ задалъ ей шахъ и матъ, указавъ на столько грубыхъ ошибокъ, которыхъ онъ рѣшительно не могъ оправдать.“ При этомъ Шумахеръ прибавляетъ что „одно мѣсто въ диссертаціи (профессора) Рихмана (изъ физическаго отдѣла) приноситъ болѣе чести Академіи, чѣмъ вся галиматья г. Миллера, которою онъ хочетъ разрушить все, что другіе созидали съ такимъ трудомъ.“

Намъ неизвѣстно, сколько научнаго содержали въ себѣ возраженія Попова, но подробная записка Ломоносова напечатана. Въ ней авторъ прежде всего говоритъ вотъ что: „Слѣдующія разсужденія предлагаю обстоятельнѣе для того, чтобы видны были причины, для которыхъ упомянутая

---

[1] Начальство Академіи въ началѣ дѣла назначило для разсмотрѣнія диссертаціи недѣлю. Русскіе ученые объясняли потомъ, что окончить изслѣдованіе въ теченіи недѣли они не могли и просили три недѣли. Но и этого времени не достало, между прочимъ потому, что Миллеръ сказался больнымъ и не только не являлся въ засѣданія, но и не присылалъ отвѣтовъ. Споры длились съ перерывами съ небольшимъ четыре мѣсяца, въ теченіи 29 засѣданій, отъ 23 Октября 1749 по 8 Марта 1750 года. Всѣ возраженія сохранились и вмѣстѣ съ краткими протоколами составляютъ около 400 страницъ въ листъ довольно крупнаго письма. Особенно многочисленны возраженія Попова и Ломоносова. Матеріалы Билярскаго, стр. 767.

диссертація и прежде сего мною не одобрена и чтобы ясно показать, что я не по пристрастію и не взирая на лицо, но какъ вѣрному сыну отечества надлежитъ, по присяжной должности, поступаю. А чтобы все изобразить короче, для того, пропуская мелкія погрѣшности, только главныя предлагаю.“

Въ тогдашней европейской наукѣ признавалось за рѣшеное дѣло, что имя и народъ Россіяне суть наслѣдники Роксоланъ, древнихъ обитателей южной Руси. Русскіе ученые естественно почитали это заключеніе западной науки тоже несомнѣннымъ. Миллеръ отвергалъ это мнѣніе „ученыхъ людей“. Ломоносовъ весьма основательно выставилъ ему рядъ доказательствъ, утверждавшихъ эту истину, и раскрылъ всю несостоятельность его собственныхъ разсужденій, указавши, что чувствуя эту несостоятельность, онъ „Страбоновы, Тацитовы и Спартіановы свидѣтельства о Роксоланахъ пропустилъ вовсе, чего ему учинить отнюдь было не должно, ибо хотя онъ происхожденіе Россіянъ отъ Роксоланъ и отвергаетъ, однако, ежели онъ прямымъ путемъ идетъ, то должно ему всѣ противной стороны доводы на среду поставить и потомъ опровергнуть“. Требованіе ни сколько не патріотическое, а вполнѣ ученое.

Въ отмѣну Роксоланъ Миллеръ доказывалъ, что Варяги были Скандинавы, то есть Шведы. Въ этомъ онъ прежде всего ссылался на Байера. Ломоносовъ представилъ критическую оцѣнку Байеровскихъ разысканій, особенно объ именахъ первыхъ князей, сказавши, что его толкованій „не только принять за правду, но и читать безъ досады не возможно“, что „ежели Бейеровы перевертки признать можно за доказательства, то и сіе подобнымъ образомъ заключить можно, что имя Бейеръ происходитъ отъ Россійскаго Бурлакъ.“ Здѣсь дѣйствительно выразилась полная характеристика Байеровскихъ толкованій Русскихъ именъ изъ Скандинавскаго языка. Затѣмъ Ломоносовъ говоритъ, что вообще догадки Байера, которыя Миллеръ взялъ въ свою диссертацію, отнюдь не доказываютъ, чтобы Варяги, изъ которыхъ пришелъ Рюрикъ, были Скандинавы [1].

---

[1] Изъ диссертаціи Байера о Варягахъ слишкомъ замѣтно, какъ онъ всѣми мѣрами старался натянуть на истину Скандинавство Руси. Гово-

Онъ развиваетъ собственную мысль о происхожденіи Варяговъ-Руси, доказывая что они были Славянскаго колѣна и жили на берегахъ Варяжскаго моря, между Вислою и Двиною, гдѣ въ море впадаетъ Нѣманъ, къ устью своему называемый Руса. Это мнѣніе, народившееся во время самыхъ споровъ, конечно не выдерживаетъ критики, но шаткія его основанія были не хуже тѣхъ оснований, на которыхъ укрѣпилась мысль о Скандинавскомъ происхожденіи Руси.

Противъ этого Скандинавства Ломоносовъ доказывалъ, что еслибъ Варяги-Русь были Скандинавы, то оставили бы очень замѣтный слѣдъ въ русскомъ языкѣ, а въ немъ напротивъ больше осталось словъ отъ Татаръ, владычество которыхъ было несравненно отдаленнѣе Скандинавскаго. При томъ и объ особомъ варяжскомъ языкѣ нигдѣ не упоминается, въ то время какъ лѣтописецъ всегда ясно отличаетъ, какой не Славянскій народъ имѣетъ свой языкъ.

Но нелѣпѣе всего Ломоносову казалось утвержденіе Миллера, что имя Русь заимствовано у Чухонцевъ (Финновъ). Миллеръ, говоритъ онъ, производитъ имя Россійскаго народа отъ Чухонцевъ слѣдующимъ образомъ: „Чухонцы-де Шведовъ называютъ Россалейна, то, услышавъ сіе, Новгородцы стали называть Русью всѣхъ народовъ отъ запада происходящихъ. Рюрикъ съ родомъ своимъ услышавъ, что Новгородцы ихъ называютъ Русью, назвались и сами Русью, а послѣ того и весь народъ Славенскій назвался Русью. Здѣсь всякъ видитъ, сколько тутъ нескладныхъ вымысловъ: 1) полагаетъ здѣсь г. Миллеръ, что Новгородцы сами о имени западныхъ народовъ ничего не знали, а между тѣмъ всякъ вѣдаетъ, что они ихъ Варягами называли. 2) Что Рюрикъ съ родомъ своимъ, покинувъ старое имя,

---

ря о Славянскомъ племени Вагровъ и вовсе не желая, чтобы они служили для его изысканій соперниками Скандинавамъ, какъ такіе же морскіе разбойники, онъ произвольно отвергаетъ болѣе древнія свидѣтельства Адама Бременскаго и Гельмольда и беретъ себѣ въ свидѣтели Саксона Граматика, писавшаго въ то время, когда Балтійское Славянство было обездолено Датчанами, и говорившаго, что всѣ Славяне наономъ берегѣ позднѣе начали разбойничать. Точно такъ и Шлецеръ для Скандинавовъ Руссовъ безъ особаго затрудненія устранилъ изъ Русской исторіи Оскольдовыхъ Руссовъ, Кіевскихъ.

стали зваться такъ, какъ ихъ называли Новгородцы. 3) Новгородцы, зная, что сіе имя Русь, ни имъ, ни Варягамъ не собственное, но отъ Чухонцовъ взятое, сами назвались онымъ, оставя свое прежнее; такъ что по мнѣнію г. Миллера два народа, Славяне и Варяги, бросивъ свои прежнія имена, назвались новымъ, не отъ ихъ происшедшимъ, но взятымъ отъ Чухонцовъ. Гдѣ теперь строгость г. Миллера, которой онъ въ доказательствахъ требуетъ у тѣхъ, которые россійское имя отъ Роксоланъ производятъ? Не явно-ли показалъ онъ здѣсь пристрастіе къ своимъ неосновательнымъ догадкамъ, полагая за основаніе оныхъ такіе вымыслы, которые чуть могутъ кому во снѣ привидѣться? Примѣръ Англичанъ и Франковъ, отъ него здѣсь присовокупленной, не въ подтвержденіе его вымысла, но въ опроверженіе служитъ: ибо тамъ побѣжденные отъ побѣдителей имя себѣ получили. А здѣсь ни побѣдители отъ побѣжденныхъ, ни побѣжденные отъ побѣдителей, но всѣ отъ Чухонцовъ".

До сихъ поръ, въ главномъ дѣлѣ, въ возраженіяхъ Ломоносова не примѣчается никакого особаго патріотизма. Онъ самымъ ученымъ образомъ разсматриваетъ тезисы Миллера и раскрываетъ ихъ несостоятельность или несообразность, раскрываетъ ихъ посредственную ученость. Затѣмъ онъ переходитъ къ частностямъ и останавливается на фразѣ: „Прадѣды наши, почтенные слушатели, отъ славныхъ дѣлъ своихъ Славянами назывались, которыхъ отъ Дуная Волохи выгнали." Здѣсь, замѣчаетъ Ломоносовъ, „весьма явныя противныя вещи, слава и изганіе, которыя въ такой диссертаціи (какъ публичная рѣчь) мѣста имѣть не могутъ. Но какъ нашъ сочинитель славныя дѣла прадѣдовъ нашихъ начинаетъ изганіемъ, такъ и всю ихъ жизнь въ разореніяхъ и порабощеніяхъ представляетъ. „И хотябы то была правда, что Славяне для Римлянъ Дунай оставили, однако сіе можно бы было изобразить инако. Напримѣръ Словенскій народъ, любя свою вольность и не хотя носить римскаго ига, переселился къ сѣверу".

Ссылаясь на Прокопія, Іорнанда, Григорія Великаго, говорившихъ о великихъ нашествіяхъ Славянъ на римскія области, Русскій ученый даетъ знать, что „Славяне отъ Римлянъ не

такъ выгнаны были, какъ г. Миллеръ пишетъ. И сіе бы должно было ему упомянуть для чести Славянскаго народа [1].

Требованіе сколько патріотическое, столько же и справедливое въ научномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что Миллеръ „слишкомъ 20 страницъ изъ 56 наполнилъ Скандинавскими баснями" и, по признанію самого автора, нелѣпыми сказками о богатыряхъ и о колдунахъ, которыя однако служили къ славѣ Скандинавцевъ или Шведовъ „и, какъ самъ Миллеръ говорилъ, для того внесены, дабы показать, что Скандинавцы противъ Россіянъ воюя, славу себѣ получали." „Весьма чудно, замѣчаетъ Ломоносовъ, что г. Миллеръ, самъ признавъ эти саги за сказки, потомъ какъ правду толкуетъ.. [2]. Все оное, продолжаетъ онъ, къ изъясненію нашей исторіи почти ничего не служитъ и могло бы быть безъ утраты пропущено, какъ то и самъ авторъ на 23 и 24 стр. объявляетъ".

Естественно послѣ того, что Ломоносовъ защищалъ басни позднѣйшаго новгородскаго лѣтописца о братьяхъ Славенѣ, Русѣ, Болгарѣ и пр., прибавляя, что „по его мнѣнію, сего древняго о Словенскѣ преданія ничѣмъ опровергнуть нельзя."

Точно также онъ имѣлъ полнѣйшее основаніе защищать приходъ къ Славянамъ Апостола Андрея Первозваннаго, ибо понималъ, что проповѣдуя въ Понтѣ и Скиѳіи, св. Апостолъ необходимо проповѣдывалъ Славянамъ и Руссамъ. „Правда

---

[1] Покойный академикъ Пекарскій, такъ преждевременно похищенный у русской науки, въ своей Исторіи Академіи Наукъ, II. стр. 430, говоритъ по этому поводу, что здѣсь «Ломоносовъ подмѣтилъ довольно справедливо какое-то особенное довольство, съ которымъ Миллеръ указываетъ всѣ неудачи и неуспѣхи Славянъ. Хотѣлъ ли Миллеръ писавши такъ, показать свое безпристрастіе (!) во времена, когда считалось чуть не святотатствомъ сомнѣваться въ истинѣ баснословій Синопсиса, или же онъ, какъ иноземецъ, питалъ затаенное чувство противъ Россіи и русскихъ, что нерѣдкость между иноземцами, даже навсегда поселившимися въ Россіи, только въ рѣчи его есть не мало непріятнаго для самолюбія Русскихъ.»

[2] «И заслужили ли сіи глупости, говоритъ Шлецеръ, того, чтобы Байеръ, Миллеръ, Щербатовъ внесли ихъ въ Русскую исторію и разсказывали объ нихъ съ такою важностію, какъ будто объ истинныхъ происшествіяхъ: все это есть не иное что, какъ глупыя выдумки.» Несторъ, I. 52.

что и въ нашихъ лѣтописяхъ не безъ вымысловъ между правдою... замѣчалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, однако правды съ баснями вмѣстѣ выбрасывать не должно, утверждаясь только на однѣхъ догадкахъ."

Особенное пристрастіе Миллера къ своимъ догадкамъ, Ломоносовъ выставилъ по поводу толкованія именъ Оскольдъ и Диръ, которыя Миллеръ объяснялъ, что это было собственно одно имя одного человѣка, ибо Діаръ только чинъ, по Готски значитъ судья. Ломоносовъ говоритъ: „Одного сходства имени и мѣста (намекая о Роксоланахъ), Миллеръ за доказательство не принимаетъ. Сія его строгость была бы весьма похвальна, ежелибы г. Миллеръ, не токмо для отверженія противныхъ, но и для доказательства своихъ мнѣній поступалъ по оной; но здѣсь выводитъ онъ изъ одного сходства имени Диръ и Діаръ, что Оскольдъ и Диръ не двое, но одинъ былъ князь..." Далѣе на толкованіе имени города Холмоторъ, что оно происходитъ отъ сканд. Голмгардіи, Ломоносовъ замѣчаетъ: Ежели бы я хотѣлъ по примѣру Бейеро - Миллеровскому перебрасывать литеры, какъ зернь, то бы я право (правильно) сказалъ Шведамъ, что они свою столицу неправедно Стокголмъ называютъ, но должно имъ звать оную Стіоколной для того, что она такъ слыветъ у Русскихъ" [1].

Ломоносовъ вовсе не защищалъ басенъ о происхожденіи имени Москвы отъ Мосоха и т. п., а замѣтилъ только, что „мнѣнія Миллера объ этомъ предметѣ, десять разъ прочитавъ, едва разпознать можно, споритъ ли онъ, или соглаcуется; и что наконецъ уже онъ (Ломоносовъ) узналъ, что это опроверженія, которыя однако ни какой силы не имѣютъ и притомъ переплетены непорядочнымъ расположеніемъ и подобны темной ночи." Точно также Ломоносовъ во-

[1] Послѣ этого очень вѣроятно объясненіе Венелина, что Тредьяковскій въ своемъ сочиненіи «о Первенствѣ Славянскаго языка предъ Тевтонскимъ», гдѣ всѣ иностранныя имена объясняетъ изъ Славянскаго, напр. Hispania—Выспанія, Celtae—желтые, Saxonia—Сажонія, Италія—Выдалія, выдавшаяся земля, и т. п., писалъ собственно «веселую и остроумную пародію на Байеровы словопроизводства, который все выводилъ изъ Скандинавскаго». Нѣтъ сомнѣнія, что Тредьяковскій только собралъ въ одно мѣсто ходившія въ то время между остряками всякія сближенія иностранныхъ словъ съ Славянскими.

все не требовалъ „чтобы Скиѳовъ Славянами сдѣлать", а показывалъ, что въ этомъ случаѣ пропущенъ самый лучшій случай къ похвалѣ Славянскаго народа, ибо Скиѳы побѣждали Персовъ, Грековъ, Римлянъ и все таки уступили свои земли Славянамъ, чего безъ великихъ сраженій и знатныхъ побѣдъ учинить нельзя было; слѣд. народъ Славянскій былъ весьма храбрый, который преодолѣлъ даже мужественныхъ Скиѳовъ.

Повторяютъ заученное, что Ломоносовъ, „въ отзывѣ о рѣчи своего личнаго врага преимущественно руководствовался патріотическимъ воззрѣніемъ", даже національнымъ пристрастіемъ и нетерпимостью. Но чѣмъ руководствовался самъ Миллеръ, излагая такъ, а не иначе свои разсужденія о Славянахъ и о началѣ Русскаго народа? Послѣ такого, не совсѣмъ отраднаго, обозначенія русскихъ побужденій въ спорѣ, представляется, что самъ Миллеръ стоялъ на высотѣ идеальнаго ученаго безпристрастія, а между тѣмъ русскіе ученые о томъ только ему и твердили, что онъ очень пристрастенъ къ своимъ догадкамъ, что въ подтвержденіе ихъ или совсѣмъ опускаетъ неподходящія свѣдѣнія или наклоняетъ при случаѣ на свою сторону такіе научные пріемы, которые самъ же отрицаетъ и т. д. Намъ кажется, что если русскими учеными руководилъ русскій патріотизмъ, то нѣмецкимъ ученымъ руководилъ нѣмецкій патріотизмъ. Здѣсь встрѣтились двѣ народныя или ученыя гордости, изъ которыхъ нѣмецкая не желала поставить на свое мѣсто историческія достоинства русской народности, на что и указывала оскорбленная русская гордость, вовсе не требуя себѣ ничего лишняго, тщеславнаго, а требуя только справедливаго, и раскрывая при этомъ, что истинное ученое безпристрастіе поступило бы иначе. Въ самомъ дѣлѣ, каждый ученый если и не руководится народнымъ патріотизмомъ, за то всегда крѣпко любитъ и уважаетъ, такъ сказать, свое ученое отечество, которое для него представляютъ не только его ученыя мнѣнія, но и источники его познаній, его особый кругъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній и воззрѣній. Обыкновенно любовь къ такому отечеству отвергаетъ все ему несвойственное и несродное; обыкновенно и границы такого отечества рѣдко бываютъ очень обширны, такъ что, напр. въ предѣлахъ ученаго отечества тѣхъ

нѣмцевъ, которые такъ усердно на первыхъ порахъ стали обработывать русскую исторію, вовсе не существовало славянской народности и всѣхъ сказаній, какія оставила объ ней греческая и латинская древность. Въ этомъ отечествѣ существовали только одни Германцы, которые и забрали въ свои руки всю средневѣковую исторію и конечно должны были распространить свои владѣнія и въ наши земли. Русское ученое отечество, какъ извѣстный кругъ познаній о своей исторіи, напротивъ, считало свою землю исконивѣчнымъ своимъ достояніемъ, о чемъ, по его мнѣнію, говорила вся историческая древность. Ясно, что соперники стояли на различныхъ почвахъ и никакъ не могли понять другъ друга, особенно еще по причинѣ различныхъ политическихъ взглядовъ и воззрѣній.

Русскіе патріоты въ трудѣ Миллера видѣли существенное только одно, что онъ, отвергая и критикуя русскія басни, вводилъ на ихъ мѣсто готическія басни, и сверхъ того свои неосновательныя догадки. За этими основными недостатками ни какой другой учености у исторіографа они не находили.

Отдѣливши въ диссертаціи Миллера все то, что въ дѣйствительности могло оскорблять русское патріотическое чувство, въ ней все таки оставались ни на чемъ не основанныя и собственно нѣмецкія мнѣнія, напр., что Славяне въ нынѣшней Россіи явились только въ 6 в. по Р. Х. Русскіе ученые, знавшіе не хуже Миллера древнихъ писателей, конечно, никакъ не могли этого понять и чувствовали только, что здѣсь говоритъ не наука, а политика, такое же, патріотическое чувство нѣмца, взирающаго съ высока на Славянскій народъ.

Естественно, что съ этой точки зрѣнія имъ казалось еще больше нелѣпымъ мнѣніе о происхожденіи имени Русь отъ чухонскаго Россалейна, по ихъ понятіямъ еще меньше основательное, но которое для нихъ могло выражать въ сущности такое же невыгодное понятіе о русской народности.

Да и въ самомъ дѣлѣ, даже и на теперешній взглядъ, послѣ столѣтнихъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія, все таки оно является меньше вѣроятнымъ, чѣмъ Роксоланство древней Руси.

Послѣ всѣхъ подобныхъ соображеній Ломоносовъ имѣлъ полное право писать: „Сiе такъ чудно, что еслибы господинъ Миллеръ умѣлъ изобразить живымъ штилемъ, то бы онъ Россію сдѣлалъ толь бѣднымъ народомъ, какимъ еще ни одинъ и самый подлый народъ ни отъ какого писателя не представленъ[1]".

„Что касается до латинскаго штиля, говорилъ Ломоносовъ, то никому не безчестнѣе такъ худо знать по латинѣ, какъ историку, которому древнихъ латинскихъ историковъ необходимо читать должно, а слѣдовательно и штилю ихъ навыкнуть. И россійскій переводъ, который Миллеръ по большей части по своему переправлялъ, исполнѣнъ несносными погрѣшностями, которыя ясно показываютъ, что онъ тоже не великій знатокъ россійскаго языка... Весь корпусъ диссертаціи сочиненъ безъ связи и порядку; а особливо она для многихъ дигрессій весьма темна.... А россійскимъ слушателямъ и смѣшна и досадительна и отнюдь не можетъ быть такъ исправлена, чтобы когда къ публичному дѣйствію годилась."

Такимъ образомъ ради академической, и ученой и политической чести диссертація была осуждена на уничтоженіе. Самъ Шлецеръ объ ученыхъ достоинствахъ Миллера замѣтилъ, что ему недоставало знанія классическихъ литературъ и искусной критики. Г. Куникъ называетъ эту приснопамятную диссертацію препустою. Ясно, на сколько были справедливы въ осужденіи диссертаціи русскіе ученые. Говорить, что они засудили диссертацію изъ одного патріотизма, значитъ извращать дѣло и наводить клевету на первыхъ русскихъ академиковъ.

---

[1] Ломоносовъ, знакомый съ аттиками, очень хорошо помнилъ ихъ правдивое мнѣніе, что та или другая слава и знаменитость народа или человѣка въ исторіи зависитъ вовсе не отъ славныхъ или безславныхъ дѣлъ, вовсе не отъ существа историческихъ подвиговъ, а въ полной мѣрѣ зависитъ отъ искусства и умѣнья, или даже отъ намѣренія писателей изображать въ славѣ или уничижать народныя дѣла, какъ и дѣянія историческихъ личностей. Поэтому первые русскіе академики, понимавшіе писаніе исторіи именно съ этой точки зрѣнія, ни въ какомъ случаѣ не могли относиться съ равнодушіемъ къ этому нѣмецкому воздѣлыванію нашей Древности посредствомъ только одного отрицанія въ ней ея историческихъ достоинствъ.

Вообще, изо всего, что теперь напечатано объ этомъ любопытнѣйшемъ спорѣ (а напечатано далеко не все), вполнѣ выясняется, что если русскіе представители науки руководились русскимъ патріотизмомъ, при разборѣ диссертаціи Миллера, то и нѣмецкій ученый точно также руководился ограниченнымъ узкимъ нѣмецкимъ понятіемъ о предметѣ и необходимо вызывалъ споры на каждой строкѣ; что если онъ своею диссертаціею водворялъ критику въ Русской исторіи, то русскіе академики еще въ большей силѣ созидали тоже очень основательный фундаментъ для такой же критики.

Возраженія Ломоносова противъ Скандинавства Руси нисколько не состарились и до настоящихъ дней, ни мало не опровергнуты, а напротивъ того пріобрѣтаютъ новую силу и подтверждаются новою ученостью (въ трудахъ г. Гедеонова) достоинствамъ которой и ученые норманисты отдаютъ полную справедливость.

Его разсужденіе о Роксоланахъ заставило и самого Миллера принять этотъ народъ къ свѣдѣнію и придумать новый вымыслъ, что Роксоланы были Готы и Варяги и, перейдя въ Швецію, дали свое имя провинціи Рослагенъ [1].

Нѣмецкая критика Миллера по своимъ свойствамъ вообще нисколько не стояла выше тогдашней руской критики, напр. у Татищева, а при встрѣчѣ съ Ломоносовскою критикою, она оказалась совсѣмъ слабою. Ломоносовъ же не былъ, да не могъ и потомъ сдѣлаться спеціалистомъ исторической науки.

При этомъ должно сказать, что въ существенныхъ частяхъ споръ держался вполнѣ только на научной почвѣ. Патріотическая сторона дѣла отриничилась весьма разсудительнымъ и основательнымъ требованіемъ академической корпораціи, чтобы въ публичной академической рѣчи не были произносимы оскорбленія и досажденія народнымъ понятіямъ. Къ опаснымъ въ этомъ отношеніи и въ то время разсужденіямъ Ломоносовъ причислилъ мнѣніе о поселеніи Славянъ въ Русской Землѣ послѣ временъ Апостольскихъ, въ противность преданію о приходѣ къ Славянамъ Апостола Андрея, на основаніи котораго учрежденъ даже орденъ Андрея Первозваннаго.

---

[1] О народахъ издревле въ Россіи обитавшихъ. Спб. 1773, стр. 169.

За тѣмъ диссертація осуждена главнымъ образомъ за то, что вся она основана на вымыслѣ и „на ложно приведенномъ во свидѣтельство Несторовомъ текстѣ (о Варягахъ) и что многія явныя между собою борющіяся прекословныя мнѣнія и нескладныя затѣи Академіи безславіе сдѣлать могутъ“. „А мнѣніе о происхожденіи Русскихъ князей отъ безыменныхъ Скандинавовъ, о происхожденіи Русскаго имени отъ Чухонцовъ, частыя надъ Россіянами побѣды Скандинавовъ съ досадительными изображеніями, не токмо въ такой рѣчи быть недостойны, но и всей Россіи предъ другими государствами предосудительны быть должны“. Само собою разумѣется, что таже патріотическая сторона дѣла необходимо должна была выразиться и въ нѣкоторой запальчивости и особой рѣзкости иныхъ сужденій, тѣмъ болѣе, что Миллеръ, по свидѣтельству Шлецера, въ спорахъ съ своими противниками, отличался не столько уступчивостью, сколько язвительностію. Припомнимъ, что 1750 годъ, когда такъ разсуждали, былъ несравненно ближе къ 17-му столѣтію, чѣмъ къ 19-му, то есть ближе къ тому времени, когда и ученое, и литературное простое слово еще не отдѣлялось отъ политики и дипломатіи, какъ оно еще не совсѣмъ отдѣляется и въ наше просвѣщенное время.

Чего же однако требовалъ Русскій патріотизмъ въ лицѣ профессора химіи Ломоносова, адъюнкта ботаники Крашенинникова, адъюнкта астрономіи Попова? Судя по возраженіямъ Ломоносова, они требовали только исторической истины, то есть бо́льшей древности Славянскаго и Русскаго народа, которая для нихъ была ясна, какъ день и что теперь вполнѣ доказано Шафарикомъ; они вовсе не требовали панегирика этой древности, а только истиннаго изображенія того, что Славяне были такой же храбрый народъ, какимъ у Миллера выставлены только Скандинавы. Они вообще требовали для Славянскаго народа только той исторической чести и славы, какая была записана у древнихъ писателей. Они доказывали, что Варяги-Русь были Славяне, ибо имѣли полное основаніе такъ, а не иначе понимать слова Нестора. Эти естествоиспытатели вовсе не такъ были просты, чтобы ссылаться на Кіевскій Синопсисъ, какъ на единственное основаніе своихъ познаній: имъ хорошо было извѣстно, что́ писали о Роксоланахъ писатели классики и о Славянахъ писатели Визан-

тійскіе. Они умѣли доказать свои слова точными ссылками на этихъ писателей.

Словомъ сказать, передъ историческою диссертаціею нѣмецкаго ученаго они стояли на такомъ уровнѣ историческаго познанія и исторической критики, который не только дѣлалъ честь Академіи, но и равнялъ ихъ историческую ученость съ ученостью самого исторіографа, отчего собственно онъ и потерпѣлъ пораженіе. Они видѣли и нисколько не сомнѣвались въ томъ (ибо дѣло находилось у всѣхъ передъ глазами), что нѣмецкій ученый приносилъ не простую критику Русскаго историческаго баснословія, но приносилъ на мѣсто старыхъ новыя неосновательныя басни и догадки, и критику поднималъ только съ цѣлью очистить мѣсто для новыхъ вымысловъ. Притомъ, они еще не подчинялись господству тѣхъ модныхъ идей, по которымъ естественное патріотическое чувство къ достоинствамъ родной исторіи почитается признакомъ крайняго невѣжества или недостойнымъ побужденіемъ восхвалять въ народѣ варварскіе инстинкты. Они никакъ не могли себѣ представить, что критика русской исторіи значитъ не только очищеніе ея отъ басенъ и всякой лжи, но и заботливое устраненіе въ ней истинныхъ неотъемлемыхъ историческихъ достоинствъ народа съ прибавками только новыхъ басенъ и новой лжи въ отрицаніе этихъ достоинствъ.

Такъ было встрѣчено на первыхъ же порахъ русскими учеными мнѣніе о Скандинавствѣ Руси и о томъ, что пришедшіе къ намъ Варяги были Шведы. Оно было отвергнуто, какъ мнѣніе смѣшное и нелѣпое, не имѣвшее никакихъ ученыхъ основаній, и только досаждавшее понятіямъ Русскихъ о своей древности.

Въ научномъ отношеніи мнѣніе Ломоносова о Славянствѣ Руси, о ея происхожденіи съ береговъ Русы-Нѣмана въ связи съ мнѣніемъ Тредьяковскаго о происхожденіи Руси съ острова Рюгена, имѣло покрайней мѣрѣ равнозначительное достоинство съ Россалейнами Миллера и еслибъ оно развивалось и видоизмѣнялось съ тою же столѣтнею настойчивостью и ученостью, то быть можетъ мы давно уже перестали бы спорить о происхожденіи Руси.

Но именно нѣмецкое мнѣніе о Скандинавствѣ нѣмецкая ученость взяла подъ свое особое покровительство. Оно сдѣлалось академическимъ, значитъ вполнѣ и исключительно ученымъ и какъ бы параднымъ. Кто смотрѣлъ на Академію, какъ на святилище науки, а иначе смотрѣть было не возможно; кто хотѣлъ носить мундиръ изслѣдователя европейски-ученаго, тотъ необходимо долженъ былъ раздѣлять это мнѣніе. Всякое пререканіе даже со стороны нѣмецкихъ ученыхъ почиталось ересью, а русскихъ пререкателей норманисты прямо обзывали журнальною неучью и ихъ сочиненія именовали бреднями. Вотъ между прочимъ по какимъ причинамъ со временъ Байера, почти полтораста лѣтъ, это мнѣніе господствуетъ въ Русской исторической наукѣ и до сихъ поръ. Его господству особенно помогъ, какъ мы говорили, авторитетъ Шлецера и еще больше авторитетъ Карамзина, какъ выразителя Русскаго европейски-образованнаго большинства, вообще мало вѣровавшаго въ какія либо самобытныя историческія достоинства Русскаго народа. И великій Нѣмецкій ученый и великій Русскій историкъ смотрѣли одинаково и вообще на Славянскій и въ особенности на Русскій міръ. И тотъ и другой почитали этотъ міръ въ исторіи пустымъ мѣстомъ, на которомъ Варяги-Скандинавы построили и устроили все, чѣмъ мы живемъ до сихъ поръ.

Само собою разумѣется, что Шлецеръ, не смотря на свой нѣмецкій патріотизмъ, какъ ученый въ самомъ благородномъ значеніи этого слова, для котораго чистая истина была дороже всего, при дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ во многомъ отказался бы отъ своихъ голословныхъ рѣшеній о дикости славянскихъ ордъ, и тогда его просвѣтители Варяги помѣстились бы въ нашей исторіи на принадлежащемъ имъ мѣстѣ. Для этого требовалось только распространить на разработку упомянутыхъ неизвѣстныхъ причинъ, почему славянская дикость образовала даже и Варяговъ, способы и пріемы его высшей критики, критики дѣлъ, т. е. употребить къ тому здравый разсудокъ и примѣры или законы всеобщей исторіи человѣка.

Но такъ какъ въ своемъ трудѣ о Русскихъ лѣтописяхъ онъ главнымъ образовъ отдавался малой критикѣ, т. е. раз-

бирательству словъ, именъ, текстовъ, то правильная оцѣнка жизненныхъ отношеній древняго времени осталась у него позади, на второмъ планѣ, и онъ почиталъ даже не совсѣмъ умѣстнымъ входить въ разсмотрѣніе этого собственно историческаго вопроса. Можно навѣрное сказать, что дальнѣйшая обработка нашей исторіи даже и посредствомъ только малой критики привела бы знаменитаго ученаго совсѣмъ къ инымъ выводамъ и рѣшеніямъ.

Это мы отчасти видимъ на трудахъ тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые продолжали дѣло Шлецера.

Какъ скоро какое либо изслѣдованіе касалось разъясненія не однихъ словъ и текстовъ, а именно жизненныхъ отношеній нашей исторіи, то сами собою являлись выводы и опредѣлялись истины, проливавшіе весьма достаточный свѣтъ на эти темныя неизвѣстныя причины Шлецера. Нѣмецкій же ученый Ф. Кругъ въ своихъ Разысканіяхъ о древнихъ Русскихъ монетахъ тотчасъ почувствовалъ неосновательность Шлецеровскаго взгляда и отмѣтилъ въ самомъ началѣ своего труда, что еще задолго до Святослава, напримѣръ, Русь „находилась въ благосостояніи и вообще была на нѣсколько высшей степени просвѣщенія, нежели какъ обыкновенно себѣ представляютъ"; что суровая кочевая жизнь Святослава, какъ описалъ ее Несторъ, несправедливо по мнѣнію автора ставилась „всеобщимъ примѣромъ обыкновеннаго образа жизни Руссовъ". „Мы представляемъ себѣ Россію въ 9 и 10 стол. весьма съ невыгодной стороны", замѣчаетъ ученый изыскатель, и раскрываетъ рядъ обстоятельствъ, которыя, еслибъ были приняты во вниманіе тогдашнею наукою, могли бы скоро показать всю несостоятельность этого ученаго предубѣжденія. Но сила общаго мнѣнія была такъ велика, что Кругъ почелъ необходимымъ сдѣлать слѣд. замѣтку: „Признаюсь, что я самъ считаю весьма смѣлыми нѣкоторыя изъ предложенныхъ мною мнѣній". Онъ вообще съ большою осторожностію и не говоря ничего рѣшительнаго выводитъ изъ словъ того же Нестора, что Новгородъ и Кіевъ еще до прихода Варяговъ пользовались всѣми выгодами своихъ сношеній съ Греціею и стояли на той степени народнаго развитія, которую никакъ нельзя обзывать дикою ордою.

Онъ говоритъ между прочимъ, что Новгородцы, въ соединеніи съ Чудью и другими Славянскими племенами „въ по-

слѣдствія произвели въ дѣйство то, чего никакой другой народъ въ Европѣ не могъ произвести. Они выгнали Норманновъ, которые вездѣ, куда бы они ни приходили, ни откуда не были прогоняемы".

Но подобныя соображенія въ то время (1800 года) походили на гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Они въ добавокъ почитались невѣжествомъ, ибо Шлецеръ, горячо прогоняя все несогласное съ его идеями о Скандинавствѣ Руси, такъ занугалъ не-ученостью всякое противоположное мнѣніе, что даже и нѣмецкіе ученые страшились поднимать съ нимъ споръ.

Обработка исторіи древняго Русскаго права, а въ сущности древней внутренней исторіи Руси, которую принялъ на себя другой достойнѣйшій сотрудникъ Шлецера, Эверсъ, незамедлила поставить его воззрѣнія на настоящій путь въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода. Онъ первый начертилъ очень вѣрную картину первобытнаго родоваго состоянія Руси, открывши такъ сказать источникъ живой воды, который послужилъ разъясненіемъ очень многихъ сторонъ нашей жизни и въ послѣдующей исторіи.

Но вмѣстѣ съ этимъ Эверсъ вынесъ изъ своихъ изслѣдованій совсѣмъ иное убѣжденіе и о происхожденіи Руси, то есть Русскаго имени. Онъ усумнился въ ея Норманскомъ происхожденіи. Онъ рѣшился, какъ самъ говоритъ, на подвигъ, къ которому и приступить было страшно, рѣшился подвергнуть испытанію блистательныя Шлецеровы доказательства о томъ, что первые обладатели сѣвернаго Славянскаго государства происходятъ изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, рѣшился объявить свое сомнѣніе въ ихъ прочности и представить мнѣніе, „которое всеобщимъ историческимъ догматамъ еретически противорѣчитъ".

Также блистательно, съ тою же логикою и послѣдовательностію, Эверсъ доказалъ, что Руссы не были Скандинавы, что это было не сѣверное, а южное племя. Онъ только не договорился до ближайшаго объясненія, что это было туземное Славянское, именно Кіевское племя, и слѣдуя установившемуся ученому повѣрью и обычаю, сталъ отыскивать своихъ Руссовъ въ Козарахъ и даже на Волгѣ, утверждая, что они же жили и на Черномъ морѣ. Такое мнѣніе конечно побѣдоносно было опровергнуто преемниками Шлецера. Но

у Эверса историческая ересь противъ укоренившихся догматовъ заключалась не столько въ словахъ, именахъ и текстахъ, которые онъ толковалъ иначе, утверждая Козарское происхожденіе Руси, сколько въ тѣхъ выводахъ, которые вообще колебали просвѣтительное организаторское значеніе на Руси Варяговъ.

Онъ прямо объявлялъ, что „Рюриково единодержавіе было не важно и не заслуживаетъ того, чтобъ начинать съ онаго Русскую исторію"; что „Русское государство при Ильменѣ озерѣ образовалось и словомъ и дѣломъ до Рюрикова единовластія... Призванные князья пришли уже въ государство, какую бы форму оно ни имѣло".... Что дерзкіе морскіе разбои Норманновъ не есть исключительная принадлежность только ихъ племени, такъ какъ и любовь, привязанность къ свободѣ не есть исключительное достояніе тѣхъ же Норманновъ; ибо и „древніе Славяне, по сказанію достовѣрнѣйшихъ писателей, отъ природы имѣли пламенную любовь къ свободѣ, почему и Новгородцы, не бывши Варягами, жили въ свободѣ, потому что были Славяне". „Если необходимо гдѣ либо внѣ искать той причины которой слѣдовало быть дома, говоритъ авторъ, то я думаю, что любовь къ свободѣ, Новгородцевъ питаема была вліяніемъ нѣмецкой Ганзы, духомъ торговли, стихія которой заключается въ свободѣ"[1].

Послѣдняя замѣтка Эверса вполнѣ обнаруживала непреоборимую силу того ученаго догмата, что корни и начала для объясненія Русской исторіи, Русскаго развитія, Русскихъ обычаевъ, нравовъ, законовъ, искусства и всего, чѣмъ жила древняя и живетъ даже новая Русь, необходимо отыскивать повсюду, только не дома, что Русское Славянство въ исторіи какъ и въ жизни представляетъ пустое мѣсто[2].

---

[1] Тоже впрочемъ подтверждалъ и Шлецеръ (Несторъ, II. 294), говоря, что Новгородцы составили демократію по образцу нѣмецкихъ ганзейскихъ городовъ и совсѣмъ забывая, что прежде (I, введеніе 54) онъ же доказывалъ о существованіи у Новгородцевъ доморощенной демократіи до призванія Варяговъ.

[2] По направленію Эверса слѣдовалъ Нейманъ, который пришелъ къ убѣжденіямъ, что «Славяне пришли въ нашу сторону въ незапамятныя времена», что на югѣ нашей Земли была страна, которая называлась Русью еще до пришествія Варяговъ; и что важнѣйшія даже основанія Скандинавскаго мнѣнія не выдерживаютъ критики.

Точно также ближе знакомый съ Русскою древностью по изученію одного изъ важнѣйшихъ ея памятниковъ, Кормчей Книги, и ближе понимая истинную задачу исторіи, баронъ Розенкампфъ подвергъ весьма основательнымъ сомнѣніямъ происхожденіе Руси отъ Шведскихъ Ротсовъ изъ Рослагена. Онъ заявилъ, что Русская Земля и до Варяговъ не была безъ имени, что Руссы и прежде жили на своемъ мѣстѣ и подъ этимъ именемъ были извѣстны другимъ народамъ; что Рослагенъ и Ротсы, гребцы, суть имена военнаго ремесла, а не имя народа и что эти слова нисколько не доказываютъ ни происхожденія, ни отечества Руссовъ; что извѣстіе о Руссахъ 839 г., названныхъ Шведами, не представляетъ полнаго историческаго доказательства о происхожденіи Руссовъ изъ Швеціи; что вообще надо въ точности показать гдѣ жили Русь-Норманны и изъ какихъ мѣстъ они пришли въ Россію, ибо подъ общимъ именемъ Норманновъ ихъ необходимо отыскивать, начиная съ береговъ Шведскихъ до Прусскихъ и отъ оныхъ далѣе до областей Датскихъ; что сходство Правды Русской съ Скандинавскими законами также ничего не доказываетъ и также заставляетъ отыскивать отечество Руси по всему Балтійскому Поморью[1].

Но ученый догматъ, въ который вѣрили столь важные писатели, какъ Шлецеръ и Карамзинъ, одинъ—слава исторической критики, другой—слава литературнаго таланта, уже не могъ допускать никакихъ здравыхъ разсужденій и сомнѣній. Рядовой учености, неспособной къ самостоятельному разбирательству дѣла, оставалось только вѣрить и всѣми мѣрами повторять и доказывать одни и тѣ же заученыя рѣшенія столь важныхъ авторитетовъ.

Первобытныя возрѣнія на начало Руси нашего древняго Нестора, доказанныя и утвержденныя ученою критикою Шлецера, какъ рѣшеное дѣло, были вполнѣ усвоены и Карамзинымъ. Несторова идея о пустомъ мѣстѣ, отъ котораго необходимо должна начинаться всякая исторія, а стало быть и Русская, въ увлекательномъ разсказѣ исторіографа получила еще больше силы и путемъ литературнаго слова распространилась въ обществѣ, какъ несомнѣнная и ничѣмъ не опровержимая истина. На пустомъ мѣстѣ Варя-

[1] Труды Общ. Истор. и Древн., М. 1828, Ч. IV, стр. 189 и сл.

ги-Норманны стали казаться уже такими дѣятелями, которымъ удивился бы и самъ Шлецеръ. Карамзинъ впрочемъ ограничился немногимъ и повторилъ только основныя положенія Шлецера.

Рюрика, по Шлецеру, онъ представилъ государемъ, монархомъ, основателемъ Россійской Монархіи; Олега правителемъ Государства. Тогда при господствѣ крѣпостныхъ идей и крѣпостныхъ понятій о власти трудно было иначе и думать объ этихъ лицахъ. Однако Арцыбышевъ давалъ уже правильное понятіе о государствѣ Рюрика, сравнивая власть этого государя съ властью старосты въ какой либо большой вотчинѣ. Но подобныя соображенія никакъ не могли вмѣститься въ тогдашній общественный умъ, тѣмъ болѣе, что въ остальныхъ своихъ заключеніяхъ Арцыбышевъ не очень удалялся отъ принятой истины и въ сущности доказывалъ тоже самое, что и Шлецеръ.

Карамзинъ утвердительно говорилъ, что „Варяги или Норманны долженствовали быть образованнѣе Славянъ и Финновъ, заключенныхъ въ дикихъ предѣлахъ Сѣвера[1]; могли сообщить имъ нѣкоторыя выгоды новой промышленности и торговли, благодѣтельныя для народа".

„Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію... Варяги были наставниками нашихъ предковъ и въ искусствѣ войны... Отъ Варяговъ наши предки заимствовали искусство мореплаванія... Новгородъ, покоренный смѣлыми Варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купечества, предпріимчивость и мореплаваніе и т. д."

Но на тѣхъ же страницахъ Карамзинъ говоритъ, что „Народы изъ коихъ составилось государство Россійское и до пришествія Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень образованія, ибо самые грубые Древляне жили отчасти въ городахъ, самые Вятичи и Радимичи издревле занимались хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней; но мы не имѣемъ никакого историческаго объ ней свѣдѣнія," заключаетъ исторіографъ.

---

[1] Хотя еще Болтинъ въ примѣчаніяхъ на Леклерка, Спб. 1788, II, 109—112, доказывалъ совсѣмъ противное.

Собравши свидѣтельства о Славянскомъ древнемъ бытѣ, который и въ общемъ смыслѣ и въ частностяхъ достаточно противорѣчили его фразамъ объ образовательномъ значеніи для Руси Варяговъ, онъ все таки оставилъ эти фразы на своемъ мѣстѣ и тѣмъ показалъ, что онѣ были имъ приняты, какъ установившееся повѣрье нѣмецкой учености, съ которою спорить ученикамъ было не почтительно.

Болѣе правильный и трезвый взглядъ на все это дѣло высказалъ польскій ученый Лелевель, вполнѣ самостоятельный изслѣдователь, который при обширной учености, обладалъ такимъ свѣтлымъ пониманіемъ исторіи, какое не многимъ дается и въ настоящее время.

„Я сомнѣваюсь въ высшей образованности Варяговъ, говоритъ онъ въ своемъ „Разсмотрѣніи Исторіи Государства Россійскаго“ и затѣмъ, приступая къ разсмотрѣнію этого вопроса съ полнымъ вниманіемъ и осторожностію, описываетъ состояніе Норманновъ въ 9-мъ и въ началѣ 10-го вѣка, когда они напали на имперію Франковъ. По его изображенію это были такъ сказать нищіе бродяги, искавшіе грабежа и добычи, которые одѣвались, вооружались, устроивали себѣ конницу, только грабежемъ мѣстнаго населенія, и которые точно также оставшись хозяевами въ странѣ, не имѣя сами ничего похожаго на какую либо образованность, тотчасъ принимали вѣру, языкъ, порядокъ жизни, весь обычай у туземцевъ. „Итакъ можно ли полагать и вѣрить, заключаетъ авторъ, чтобы Варяги, пришедшіе къ Славянамъ, были образованнѣе своихъ единоземцевъ, устремившихся во Францію“.

Дальше онъ очень основательно объясняетъ, что самая поэзія и миѳологія Скандинавовъ, на которой такъ много основываютъ послѣдующіе защитники Норманства Руси, стала развиваться съ той поры, когда сами Норманны сдѣлались особенно славными въ своихъ набѣгахъ на чужія земли. Ихъ знаменитыя саги есть уже послѣдствія ихъ славныхъ подвиговъ. „Скандинавская поэзія, говоритъ авторъ, возрастала по мѣрѣ распространенія круга дѣйствій Скандинавовъ, пріобрѣтеніемъ новыхъ понятій и вліяніемъ познаваемаго ими христіанства. Она усовершалась во время ихъ набѣговъ и разбоевъ, по мѣрѣ пріобрѣтенія образованности и просвѣщенія сими дикими завоевателями.“ Такимъ обра-

зомъ выходитъ на оборотъ, что не Норманны разносили образованность, а сами они образовывались у тѣхъ народовъ, на которыхъ нападали, и у которыхъ оставались на житье. Это уже потому вѣрно, что вообще европейское развитіе искони распространялось съ юга Европы отъ Грековъ и Римлянъ, а не изъ сѣверныхъ дикихъ угловъ материка.

„Итакъ неудивительно, продолжаетъ авторъ, что Скандинавы не произвели никакого впечатлѣнія на Славянъ Новгородскихъ и Днѣпровскихъ въ отношеніи къ образованности и просвѣщенію. Они преклонили колѣна предъ Перуномъ и покорились существующему порядку вещей“, по той причинѣ, что по своему развитію стояли несравненно ниже туземцевъ и овладѣли полемъ дѣйствія потому, что представляли дикую военную и разбойную силу, съ которою вообще бываетъ трудно бороться даже и высоко-образованнымъ народностямъ.

„Славяне разсѣянные на обширномъ пространствѣ земли, имѣвъ сосѣдями различные народы, были сами неравной образованности. Несторъ упоминаетъ о семъ различіи, находившемся на двухъ противоположныхъ берегахъ Днѣпра; изъ словъ его можно заключить, что одни Славяне терпѣли нужду, а другіе жили въ совершенномъ довольствѣ. Они по большей части были земледѣльцы, люди домовитые, достаточные; имѣли свои города, изъ коихъ нѣкоторые были обширны, занимались торговлею и знали уже употребленіе денегъ... Однимъ словомъ въ землѣ Славянской мы видимъ множество обширныхъ городовъ, а изъ сего слѣдуетъ, что вѣроятно вмѣстѣ съ оными существовалъ уже у Славянъ въ высокой степени гражданскій порядокъ, образовавшій политическій характеръ народа. Нельзя съ точностію опредѣлить, какого рода было у нихъ правленіе, семейственное ли, въ которомъ многія семьи составляли одно сословіе, или областные законы существовали въ каждой странѣ? Однако, не встрѣчая никакого слѣда семейственнаго правленія между Славянами, должно заключать, что ихъ соединяли общіе законы, сильнѣйшіе, нежели семейственное правленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывающіе политическую образованность... Напротивъ того, прибывшіе Варяги ничего не принесли съ собою; не видно, чтобы они пришли съ имуществомъ или съ деньгами, въ одеждѣ и вооруженіи лучше Славянскихъ.

Мы видимъ Варяговъ, пришедшихъ пѣшкомъ и уже въ землѣ Славянской устроившихъ свою конницу. Тѣ, которые прожили нѣкоторое время между Славянами, являются хорошо вооруженными, имѣютъ панцыри, шлемы, щиты: новые же пришлецы приходятъ всегда полунагіе. Доказательствомъ тому служатъ жалобы въ 945 г. новоприбывшихъ Варяговъ на богатство дружины Свенельда... Здѣсь я вижу въ пришельцахъ не только менѣе образованности въ нравахъ, и утонченности въ жизненныхъ потребностяхъ, но даже и въ самой гражданственности"...

„Набѣги Норманновъ и завоеванія ихъ долгое время подобно молніи блистали и изчезали, пока наконецъ составились изъ оныхъ государства. Но даже во время существованія сихъ государствъ, спрашиваю, былъ ли хотя одинъ городъ въ Скандинавіи около 1000 года, который бы могъ сравниться съ Кіевомъ? Въ самую блестящую эпоху ихъ завоеваній, когда скальды воспѣвали знаменитые подвиги своихъ соотчичей, въ Скандинавіи почти не было городовъ. Владѣнія Скандинавовъ были рѣки, холмы, равнины; а собственность Славянъ составляли грады, города (civitates). Земля Славянская изобиловавшая всѣми жизненными потребностями, населенная многими городами, была для Варяговъ всегдашнею цѣлью набѣговъ, потому, что они находили въ оной столько же добычи, богатства и городовъ, какъ въ сосѣдней странѣ Біярміи. Изъ всего этого я заключаю, что Славяне были на высшей степени образованности, нежели Варяги во время пришествія ихъ въ землю Славянскую. Это не гипотеза, не предположеніе, извлеченное изъ сравненія или подобія Варяговъ и Славянъ, съ Греками, Римлянами, Козаками или Татарами, но очевидная истина, основанная на современныхъ происшествіяхъ и описаніяхъ"[1].

Множество доказательствъ такому заключенію Лелевеля находится въ самой исторіи Карамзина, котораго авторъ справедливо упрекалъ, что „онъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на сей важный предметъ, служащій къ объясненію многихъ темныхъ мѣстъ въ исторіи, предметъ, который должно почитать за одинъ изъ краеугольныхъ камней цѣлаго основанія Русской исторіи, и который однако исторіо-

---

[1] Сѣверный Архивъ 1824. № 3 стр. 164—169, № 15, стр. 135—140.

графомъ былъ разрѣшенъ нѣсколькими словами безъ надлежащихъ доказательствъ." Русскіе ученые—ученики Шлецера придавали этому предмету очень важное значеніе только въ томъ смыслѣ, чтобы наперекоръ здравому смыслу доказывать одно Норманство Руси и развивать на этомъ основаніи широкую образовательную роль Варяговъ. Замѣчаній Лелевеля въ отношеніи общей главной его мысли даже никто и не оспаривалъ: они остались безъ отзыва, какъ нѣчто совсѣмъ чуждое нашимъ историческимъ созерцаніямъ.

Какъ нѣчто совсѣмъ чуждое обработкѣ Русской исторіи были приняты и труды Венелина. Нѣкоторые ихъ встрѣтили очень радушно и радовались, какъ новому открытію, его смѣлымъ рѣшеніямъ о старобытности въ Европѣ Славянства, о старобытности на своемъ мѣстѣ Руси, о несуществованіи такъ называемаго великаго переселенія народовъ и т. д. Впрочемъ ихъ оцѣнили по достоинству, замѣтивъ важные недостатки въ самомъ методѣ его изслѣдованій, необращавшемъ особаго вниманія на обработку подлинныхъ свидѣтельствъ или источниковъ, о чемъ мы говорили. Общій голосъ ученыхъ остановился однако на томъ, что въ сущности это—бредни, что это говоритъ одно невѣжество, ибо истинная, Шлецеровская ученость свидѣтельствуетъ совсѣмъ другое. Вѣрныя мысли Славянской школы конечно не угасали; они нарождались сами собой; но къ сожалѣнію не на ихъ сторонѣ была наука или лучше сказать общее мнѣніе ученыхъ людей, которымъ конечно гораздо легче было повторять шлецеровскіе зады, чѣмъ копаться въ новыхъ источникахъ. Для утвержденій о Норманствѣ Руси и о великомъ вліяніи на нашу жизнь Варяговъ, не требовалось никакого самостоятельнаго знанія и труда. Достаточно было только крѣпче держаться за Шлецера и приводить уже обработанныя, готовыя доказательства изъ его же сочиненій.

Писалъ ли кто исторію, какъ Полевой, Устряловъ, всѣ съ разными варіаціями, въ болѣе или менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ повторяли одно и тоже.

„Нельзя предполагать въ древнихъ Славянахъ, говоритъ Полевой, большей противъ Варяговъ образованности. Было только различіе народныхъ элементовъ; одного (славянскаго), коснѣвшаго въ азіатской неизмѣнности нравовъ; друга-

го, создавшаго себѣ новую жизнь подъ хладнымъ небомъ Скандинавіи и жившаго измѣненіями.“

„Все удостовѣряетъ, говоритъ Устряловъ, что Русь возникла въ племени Славянъ, подъ вліяніемъ Норманновъ, что господство Норманновъ, въ землѣ Славянской завязало первый узелъ общественный.“ „Въ смыслѣ гражданскомъ Славяне вѣроятно не уступали Норманнамъ, продолжаетъ авторъ, дѣлая уступку мнѣніямъ Лелевеля и стараясь помирить эти мнѣнія съ варяжскимъ призракомъ, который однако беретъ свое и заставляетъ историка вѣровать, что напр. удѣльная система была произведеніемъ Норманновъ, что Норманны для Славянъ были вообще поколѣніемъ благороднымъ, господствующимъ, что они все свое норманское хотя и отдали Славянамъ, то есть превратились въ Славянъ, но удержали за собою именно право господства. Идея чисто нѣмецкая.

Обращался ли кто къ „разысканіямъ о финансахъ древней Россіи“ какъ Гагемейстеръ, опять являлись тѣже избитыя мысли и фразы о великомъ организаторскомъ значеніи Варяговъ.

Гагемейстеръ не говоритъ уже о призваніи, а прямо описываетъ, что всѣ наши земли были покорены Норманнами, что Рюрикъ соединилъ только подъ свою державу „нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ государствъ, основанныхъ прежде него Норманнами же, и что въ скоромъ времени послѣ того „Сѣверная Россія и въ особенности Новгородъ, болѣе походили на землю Норманскую, чѣмъ на Славянскую; ибо законы, обычаи, торговля, перешли туда изъ за моря“. Олегъ за тѣмъ покорилъ югъ Россіи, утвердившись въ Кіевѣ, гдѣ, только „отдаленность этого города отъ Скандинавіи сохранила народность Славянъ“.

„Народная самобытность Славянъ взяла верхъ надъ пришельцами Норманнами по той причинѣ, что была принята изъ Греціи Христіанская вѣра, сдѣлавшая Россію какъ будто принадлежностью Греціи“.

„Владычество Варяговъ имѣло весьма благое вліяніе на промышленность въ Россіи“. Оно строило города, размѣщало жителей по погостамъ и сотнямъ, соединяло ихъ болѣе и искореняло послѣдніе слѣды кочевой жизни, привязало населеніе къ землѣ, придало болѣе цѣнности почвѣ.

„Небыло народа, который бы болѣе Норманцовъ умѣлъ воспользоваться многочисленными водяными путями Россіи“.

„Норманцы были основателями торговли въ Россіи, о чемъ свидѣтельствуютъ перешедшіе въ Русскій языкъ слова: купецъ, гость, товаръ, торгъ“.

„Сословіе купцовъ сначала, кажется, состояло только изъ Норманцевъ“.

„Въ 9, 10 и 11 ст. вся торговля находилась въ рукахъ Норманцевъ“.

Все это говорится рядомъ съ такимъ заключеніемъ автора: „Начало Русскаго Государства скрывается въ первомъ соединеніи въ гражданскія общества Славянскихъ племенъ; общества сіи достигли уже нѣкоторой степени образованности до прибытія варяжскихъ князей“, которые сдѣлавшись извѣстными Грекамъ, сообщили имя свое всей подвластной странѣ. Посему нельзя опредѣлить древности разныхъ установленій въ Россійскомъ Государствѣ относительно начала общественныхъ въ ономъ связей“.

Открываются свидѣтельства Арабовъ о дерзкихъ походахъ Руссовъ на Востокъ—изслѣдователь, начиная свою повѣсть объ этихъ походахъ, не спрашиваетъ, какіе это были Руссы, а прямо, впереди всего чертитъ живую характеристику Норманновъ, поставляетъ ихъ единственнымъ народомъ въ исторіи, съ которымъ никто не могъ сравниться въ безпредѣльной, дикой отвагѣ и пр., и пр. и доказываетъ, что этотъ буйный духъ Норманства лучше всего выражается именно въ Русскихъ походахъ на Каспій [1].

Само собою разумѣется, что разысканія въ Скандинавскихъ Сагахъ, произведенныя подъ обаяніемъ норманскаго призрака, должны были довести дѣло до послѣдняго конца. За это дѣло взялся Сенковскій. По поводу изданія Эймундовой саги, онъ написалъ о Скандинавскихъ Сагахъ особую статью, гдѣ съ необыкновенною горячностью доказалъ, что Русь въ сущности была только новой Скандинавіей.

[1] Ж. М. Н. пр. 1835. Февраль. В. Григорьева: О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ.

Искренно ли онъ вѣрилъ своимъ заключеніямъ, или это было одно только его журнальное остроуміе — неизвѣстно. Но очень многія и самыя существенныя его соображенія и рѣшенія были приняты ученостью весьма привѣтливо и дружелюбно. Они не были новы; они повторяли одно и тоже старое; но они были доказаны новымъ способомъ.

Возбужденный распространявшимися въ то время новыми идеями о задачахъ исторіи, Сенковскій потребовалъ и отъ нашихъ историковъ уже не мертвыхъ подлинныхъ документовъ, на чемъ стояла критика Шлецера, а запросилъ подлиннаго живаго человѣка, котораго по его мнѣнію возможно изобразить только при помощи народныхъ сагъ, преданій, басенъ, совсѣмъ отринутыхъ и позабытыхъ историческою ученостью. Съ этой точки онъ прежде всего осудилъ теорію исторической критики, упрекая ее въ ложномъ направленіи, что „слишкомъ она доискивалась истины, достовѣрности, чистоты фактовъ.“

Онъ отдавалъ преимущество картинѣ общественнаго человѣка и на этомъ основаніи очень заступался за басни, предпочитая ихъ всякой достовѣрности.

Вмѣстѣ съ критикою, конечно, онъ осудилъ и Шлецера, котораго называетъ „однимъ изъ ужаснѣйшихъ мучителей“ въ смыслѣ неутомимаго преслѣдователя всякихъ басенъ.

Можно было ожидать въ самомъ дѣлѣ чего либо новаго, несогласнаго съ историческою критикою этого ужаснѣйшаго мучителя, а вышло напротивъ все одно и тоже, о чемъ давнымъ давно говорилъ Шлецеръ. Его осторожныя во всякомъ случаѣ мысли безъ всякой осторожности были доведены только до полной нелѣпости.

„Не трудно видѣть, говоритъ Сенковскій о приходѣ къ намъ Варяговъ, что не горстка солдатъ вторглась въ политическій бытъ и нравы Славянъ, но что вся нравственная, политическая и гражданская Скандинавія со всѣми своими учрежденіями, нравами и преданіями поселилась въ нашей землѣ; что эпоха Варяговъ есть настоящій періодъ Славянской Скандинавіи; ибо хотя они скоро забыли свой языкъ, подобно Манджурамъ, завоевавшимъ Китай, но очевидно оставались Норманнами почти до временъ Монгольскихъ“.

Славяне „неминуемо должны были утратить свою народность и вмѣстѣ съ прiятiемъ имени Руссовъ, сдѣлаться Руссами, Скандинавами, въ образѣ мыслей, нравахъ и даже занятiяхъ“.

Варяги, какъ грозное сословiе Скандинавскихъ морскихъ князей, своими романическими, истинно живописными нравами, внезапнымъ своимъ паденiемъ посреди земледѣльческихъ племенъ непремѣнно потрясли всѣ навыки Славянъ. „Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что спустя нѣкоторое время тихiе, смирные, угнетенные человѣки (такъ Сенковскiй называетъ Славянъ), которыхъ Хазары запрягали въ свои кибитки, уже смѣло стали раздѣлять съ Руссами опасности моря и пускаться вмѣстѣ съ ними почти на баснословные подвиги. Скоро все народонаселенiе сдѣлалось воинственнымъ и оживилось героическимъ духомъ Скандинавiи. Такая перемѣна въ характерѣ заставляетъ предполагать общее преобразованiе духа, понятiй, вооруженiя, одежды и обычаевъ страны“.

Вообще авторъ убѣжденъ, что „если нравственное и политическое состоянiе Россiи въ первой эпохѣ ея исторiи не было вѣрнымъ оттискомъ Скандинавiи, то безъ всякаго сомнѣнiя было оно полнымъ и яркимъ ея отраженiемъ“. „Настоящiй характеръ эпохи былъ Русскiй, или Скандинавскiй, а не Славянскiй“.

„Однимъ словомъ, Россiя варяжскихъ временъ была, съ нѣкоторыми оттѣнками, Финно-Славянская Скандинавiя. Безпристрастный историкъ Россiи не долженъ исключительно объявлять себя славяниномъ, ибо тогдашнее ея народонаселенiе состояло въ равномъ почти количествѣ изъ Славянъ и Финновъ, подъ управленiемъ третьяго германскаго поколѣнiя. Изъ слiянiя этихъ трехъ племенъ возсталъ Россiйскiй народъ,... Исторiя Россiи начинается въ Скандинавiи и на водахъ Балтiйскаго моря. Нравственный и политическiй бытъ норманскаго сѣвера есть первая картина, первая страница нашего бытописанiя. Саги столько же принадлежатъ намъ, какъ и прочимъ народамъ, происшедшимъ отъ Скандинавовъ или ими созданнымъ“.

Всѣ эти заключенiя, развивающiя только главныя положенiя Шлецера, утверждались на изученiи скандинавскихъ сагъ, то есть скандинавской народной поэзiи, въ родѣ на-

шихъ богатырскихъ былинъ, сильно потерпѣвшей только отъ ученой руки ихъ первыхъ собирателей. Такимъ образомъ: первое—это поэзія, второе это—поэзія, искаженная не устами самого народа, а перомъ сочинителя исторій.

Но все-таки въ ней живѣе, чѣмъ гдѣ-либо обрисовывается древній общій скандинавскій человѣкъ съ своими, нравами, обычаями, уставами жизни и т. д. Изъ сравненія этого человѣка съ Русскимъ древнимъ человѣкомъ оказывается сходство, но только сходство общечеловѣческое, сходство одинакихъ условій жизни, одинакихъ ея положеній и направленій, какія можно открыть повсюду въ человѣческой природѣ. Однако на этомъ самомъ основаніи норманисты рѣшаютъ, что на Руси въ первые вѣка ея исторіи ничего не было своего, а все было норманское, обозначая такимъ образомъ своенародную жизнь Руси пустымъ мѣстомъ.

Статья Сенковскаго въ сущности была горячимъ журнальнымъ фельетономъ въ защиту полнаго и всесторонняго норманства Руси. Осуждая историковъ и самого Карамзина за ихъ невниманіе къ Сагамъ, онъ бѣгло и живо рисуетъ характеристику норманскаго сѣвера и заключаетъ:— „все это ускользнуло отъ вниманія и проницательности нашихъ историковъ, все изсякло въ туманѣ неумѣстнаго славянизма и сдуто съ историческихъ страницъ Руси ледовитымъ дыханіемъ Старой Критики". „Чтобъ создать настоящую исторію того времени, продолжаетъ авторъ, надобно вновь переизслѣдовать всѣ ея матеріалы въ духѣ новѣйшей критики, которая не боится басенъ и умѣетъ отыскивать и въ нихъ человѣка и его общественное состояніе; надобно учиться языку Руссовъ и стараться изъ подлинныхъ сказаній сѣвера узнать, что такое былъ тогдашній сѣверъ". „Утѣшимся пріятною надеждою, заключаетъ авторъ, что скоро кто-нибудь изъ нашей молодой Россіи, посвятитъ себя одной этой эпохѣ, и изучивъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, сочинитъ первую ея монографію и первую исторію. Трудъ огромный, многосложный, требующій большаго терпѣнія, постоянства и даже разнородныхъ свѣдѣній, но обѣщающій вознаградить неустрашимаго труженика обильною жатвою любопытныхъ фактовъ и новыхъ видовъ".

Такой трудъ давно уже былъ предпринятъ г. Погодинымъ. Никто, конечно, съ такимъ здравомысліемъ и такъ основа-

тельно не могъ бы разсѣять этотъ норманскій призракъ, какъ авторъ „Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи".

Но къ сожалѣнію многоуважаемый ученый пришелъ къ разработкѣ этого вопроса уже съ готовымъ его рѣшеніемъ, съ готовою и притомъ неоспоримою истиною, что Варяги-Русь суть Норманны. Въ самомъ началѣ своего труда, онъ приводитъ такъ называемое имъ классическое мѣсто Несторовой лѣтописи, гдѣ говорится о призваніи Варяговъ и гдѣ они сливаются съ Русью въ одно имя, въ одно племя. Авторъ полагаетъ это мѣсто краеугольнымъ камнемъ для своихъ разсужденій. По видимому, онъ называетъ его классическимъ въ смыслѣ его непреложной достовѣрности, и сопровождаетъ слѣдующимъ разсужденіемъ: „Мы должны разсмотрѣть внимательно это важное мѣсто. Разберемъ всѣ слова, объяснимъ всѣ выраженія, сообразимъ всѣ обстоятельства, современныя и слѣдующія, поищемъ комментарія въ исторіи древнихъ государствъ, единоплеменныхъ и иноплеменныхъ; отвлечемся отъ всѣхъ понятій настоящихъ. Помня безпрестанно всю важность и великость нашего дѣла, нашей задачи (то есть разрѣшеніе вопроса, какъ началось Русское государство) станемъ останавливаться на всякомъ шагу: все для насъ важно, дорого, нужно; стоитъ труда подумать о всякой бездѣлицѣ; подобно рудокопамъ, которые просѣваютъ кучи песку, чтобъ извлечь нѣсколько крупинокъ золота, проведемъ всякое слово, всякую букву через чистилище строгой критики".

Можно думать, что чистилищу строгой критики подвергнется прежде всего слово Русь: какъ, въ какомъ смыслѣ оно имя норманское, а не Русское; откуда взялъ лѣтописецъ, что это имя явилось только со времени призванія Варяговъ и принесено ими, какъ ихъ собственное туземное имя; какъ онъ могъ узнать объ этомъ; въ какомъ видѣ онъ передаетъ это свѣдѣніе, въ образѣ ли преданія или подъ видомъ событія; гдѣ именно жила эта Русь? и т. д.

Авторъ не задаетъ никакихъ вопросовъ по этому поводу и вполнѣ, безъ малѣйшихъ оговорокъ толкуетъ слова Нестора въ пользу предвзятой идеи о Норманствѣ Руси, называя свое толкованіе наияснѣйшимъ. Онъ главнымъ образомъ доказываетъ только, что Варяги—были Норманны,

что Русь, поэтому, тоже Норманны, — это для него истина наияснѣйшая, не требующая никакихъ доказательствъ.

Первое показаніе лѣтописца о Руси, что онъ впервые нашелъ это имя у Грековъ, показаніе, заслуживающее самаго внимательнаго разсмотрѣнія именно въ сличеніи съ варяжскимъ происхожденіемъ этого слова, остается здѣсь безъ всякаго отзыва и какъ бы не существуетъ. Точно также остается безъ отзыва и послѣднее показаніе лѣтописи, что съ приходомъ Олега въ Кіевъ всѣ пришедшіе, въ томъ числѣ и Варяги, прозвались Русью.

Кромѣ того въ высшей степени значительное замѣчаніе покойнаго Максимовича, что Несторъ входилъ уже въ соображенія о началѣ прозванія Русской земли и что лѣтопись Русская въ этомъ отношеніи представляетъ не простое сказаніе о событіяхъ, но мнѣнія историческія [1], — это осталось также безъ обслѣдованія.

Вообще намѣреніе автора провести вопросъ чистилищемъ строгой критики надъ каждымъ словомъ и надъ каждою буквою ограничилось только одною стороною дѣла: всестороннимъ и подробнѣйшимъ защищеніемъ предвзятаго рѣшенія отъ возраженій, какія въ то время существовали и нарождались въ наукѣ.

Впрочемъ авторъ за имя особенно не стоитъ. Онъ говоритъ даже, что не въ имени дѣло. Норманны могли принести имя, могли сами принять имя отъ туземцевъ: „Основателями государства въ томъ и другомъ случаѣ остаются Норманны! Вотъ въ чемъ главное!“

Но какъ это понимать? Что значитъ быть основателемъ государства, особенно, если этотъ вопросъ будетъ относиться къ нашимъ Варягамъ? Что собственно они принесли къ намъ такого, почему должно ихъ почитать основателями государства? То, что приписывается Варягамъ, не развилось ли въ теченіи лѣтъ само собою изъ собственныхъ Славянскихъ обстоятельствъ и началъ жизни?

Съ ними пришелъ князь, но князь вѣдь доморощенное славянское произведеніе жизни; поэтому необходимо знать, чѣмъ варяжскій князь отличался отъ прежнихъ славянскихъ князей? Князь принесъ княжескій судъ, но чѣмъ этотъ судъ от-

[1] Откуда идетъ Русская Земля, 14, 57.

личался отъ прежняго славянскаго суда? Что насается самой идеи объ общей справедливой власти, то мы видимъ, что понятія объ ней были выработаны сознаніемъ самихъ Славянъ, для этого и призвавшихъ варяжскаго князя. Князь принесъ порядокъ, нарядъ; но какой, и чѣмъ онъ отличался отъ прежняго порядка или безпорядка? По видимому вся роль Варяговъ заключалась въ защитѣ отъ обидъ, стороннихъ и домашнихъ—это ли мы должны именовать основаніемъ государства? И почему основателями государства не почитать съ большею справедливостью тѣхъ самыхъ людей, которые именно для основанія своей независимости и самостоятельности призвали весьма потребное для этого орудіе—храбрую и отважную варяжскую дружину? Люди, измучившись домашнимъ раздоромъ, согласились отдаться въ защиту, пошли на судъ и на правду третьяго сторонняго лица. Ясно, что основаніе государства устроилось тремя силами и Варяги въ этомъ случаѣ составляютъ не болѣе, какъ только третью долю, а двѣ доли необходимо должны принадлежать все таки старымъ хозяевамъ этого новаго государства. Другое дѣло, еслибъ случилось варяжское завоеваніе. Но ни лѣтопись, ни послѣдующая исторія объ этомъ даже не дѣлаютъ и намековъ. Варяжскій князь въ лицѣ даже очень позднихъ потомковъ все еще не думаетъ отнимать остальныхъ двухъ долей у народа и все живетъ одною своею третьею долею, которою владѣлъ по призванію. То есть, князь долгое время все остается не болѣе какъ защитникомъ и судьею людей, не помышляя ни о чемъ другомъ. Не есть ли это чисто славянская (старозавѣтная) обработка княжескихъ понятій и всего того смысла княжеской роли, съ какимъ варяжскій князь цѣлыя столѣтія живетъ между Славянами?

Трудъ г. Погодина, въ сущности, представляетъ, какъ онъ заявляетъ самъ, только систематическій сводъ всѣхъ прежнихъ работъ по этому предмету и опроверженіе всѣхъ возраженій и мнѣній, несогласныхъ съ ученіемъ Скандинавизма. Поэтому, естественно, что у него находимъ повтореніе тѣхъ же идей Шлецера, только обставленныхъ и развитыхъ съ большими подробностями. Шлецерову идею о Рюрикѣ-монархѣ, какъ основателѣ Русскаго Государства, г. Погодинъ развиваетъ такимъ образомъ: „Призванному княжескому роду гово-

ритъ онъ, предназначено было великое дѣло — преобразовать въ гражданскомъ отношеніи весь этотъ славянскій патріархальный міръ, сообщить исподоволь гражданскую форму всѣмъ частямъ Россіи, довести ее до нынѣшняго состоянія и составить величайшее государство въ мірѣ.... Начало династіи — это въ нѣкоторомъ отношеніи начало начала". Убѣжденіе совершенно библейское. Пустое мѣсто и династія, какъ личный творецъ всего, чѣмъ живетъ нашъ народъ!

Но такъ ли было въ Русской исторіи? Не самъ ли народъ двигалъ династіей, требуя и настаивая, хотя бы однимъ путемъ отрицанія, чтобъ она не отставала въ гражданскихъ преобразованіяхъ, или вообще въ устройствѣ земли. То, что можно сказать обо всемъ ходѣ Русской Исторіи, развѣ возможно приписать дѣянію одной династіи. Она во всякомъ случаѣ и всегда остается, какъ мы замѣтили выше, при одной третьей долѣ въ своей дѣятельности и заботливости объ общемъ благѣ. На остальныхъ двухъ доляхъ опять-таки работаетъ народъ.

Невозможно также присвоивать династіи значеніе начала самаго начала въ государственномъ и особенно въ гражданскомъ развитіи народа. Начало начала заключается именно въ томъ приснопамятномъ рѣшеніи Новгородскихъ Славянъ поискать князя, который бы владѣлъ и судилъ по праву, въ правду, и рядилъ по ряду, т. е. по уговору съ Землею.

Вотъ истинное начало самаго начала, для котораго династія послужила только живымъ выраженіемъ, живою формою, не болѣе. Самъ авторъ говоритъ, хотя и мимоходомъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ своимъ изслѣдованіямъ: „Новгородцы увидѣли, что наряда въ ихъ землѣ нѣтъ и пошли искать себѣ князя — это и показываетъ развитіе или начало гражданскаго смысла, какого у другихъ нашихъ племенъ славянскихъ мы не видимъ". Изсл., III, стр. 414.

Въ этомъ то самомъ рѣшеніи и заключается основаніе государства. Сужденіе автора о значеніи династіи въ собственномъ смыслѣ есть старинная историческая фраза, посредствомъ которой старинная исторія очень мирно объясняла на своихъ страницахъ. Этой фразы невозможно миновать, когда историческое воззрѣніе исполнено понятій, что исторія повсюду начинается съ пустаго мѣста и создается лич-

мою волею призваннаго или пришедшаго завоевателемъ творца.

Личный нашъ творецъ, то есть Норманны, изображены г. Погодинымъ по рисунку, который начерченъ критикою Шлецера. Это были разбойники, морскіе разбойники и грабители, дерзкіе забіяки, но „въ тогдашнее время морской разбой былъ почетнымъ ремесломъ", замѣтилъ при этомъ Шлецеръ, повторяя слова Байера.

Все это въ большей подробности утвердилъ своими изысканіями г. Погодинъ. Оказывается, что и наши Норманны не могли провести и одного года въ покоѣ и дѣлали постоянные набѣги, то на Славянъ сосѣдей, то на Царь-градъ и т. д.

„Для Норманновъ ничего не было невозможнаго. Только они одни могли рѣшиться съ малыми силами напасть на столицу Восточной имперіи (при Оскольдѣ)."

Г. Погодинъ безпрестанно приводитъ ссылки и тексты изъ западныхъ писателей, подробно объясняя, какъ эти разбойники-Норманны производили свои набѣги и вовсе забывая, что это явленіе не исключительно норманское, а общее для всѣхъ приморскихъ обитателей, которые промышляютъ разбоемъ. По Черному морю наши казаки, также Черкесы дѣлали тоже самое. И почемужъ бы не пускаться на грабежъ и древнѣйшимъ Кіевлянамъ? Но во всякомъ случаѣ, по тому облику, какой выведенъ здѣсь для норманскихъ набѣговъ и вообще для характеристики Норманства, никакъ нельзя повѣрить, что бы въ нашей странѣ ихъ набѣги могли окончиться призваніемъ. Весь запасъ приводимыхъ доказательствъ о разбойничествѣ Норманновъ служитъ какъ бы подтвержденіемъ только тому, что и наша страна была завоевана. Однако тутъ по необходимости является чудо. Разбойные Варяги на нашей землѣ поступаютъ иначе.

„Впрочемъ характеръ походовъ варяжскихъ былъ у насъ иной, нежели въ прочей Европѣ, говоритъ почтенный изслѣдователь: они не являются грабителями и опустошителями."

Почему же? „Это было безъ всякаго сомнѣнія по той причинѣ, что славянскія племена, тихія, смирныя, не раздражали ихъ, не представляя имъ никакого сопротивленія (напр. Поляне, Радимичи), не такъ какъ на западѣ; или представляли малое (Древляне, Сѣверяне), исполняли тот-

насъ ихъ требованія,—кромѣ Тиверцовъ, Вятичей, кои кажется пытались было воспользоваться своею отдаленностію. Варяги довольствовались только собираніемъ дани съ племенъ славянскихъ и даже покупали у нихъ суда",—то есть не отнимали ихъ грабежемъ, хотѣлъ вѣроятно сказать авторъ.

Это заключеніе, что Варяги дѣйствовали у насъ иначе, чѣмъ въ западной Европѣ, такъ значительно и важно для разъясненія начальной нашей исторіи, что на немъ-то и слѣдовало бы остановить всю изыскательную ученость. Между тѣмъ авторъ обходитъ его голымъ соображеніемъ, что Славяне были тихи, смирны, были вообще ничто передъ Варягами, творцами нашей исторической жизни.

По этой идеѣ, все дѣятельное, всякій починъ, всякое достоинство принадлежитъ Варягамъ; все слабое, ничтожное, тихое, смирное, всякая неподвижность принадлежитъ Славянамъ, о чемъ уже говорилъ даже и Полевой. Если Ольга въ царскихъ палатахъ Константинополя ведетъ себя съ достоинствомъ, единственно изъ той мысли, что она не простая придворная женщина тѣхъ палатъ, а княгиня цѣлой народности, то это непремѣнно величавая Норманка, въ родѣ Сигриды и Гиды, не уступавшихъ въ гордости своимъ соотечественникамъ Норманнамъ. Авторъ прибавляетъ: „Вспомнимъ о Ровнѣдѣ, которая говоритъ о Владимірѣ: не хочу разуть робичича и послѣ даже хочетъ убить Владиміра. Припомнимъ о женщинахъ въ войскѣ Святослава, которыхъ нашли убитыми наряду съ прочими воинами. Все это черты норманскія, духъ болѣе норманскій, нежели славянскій. Славянскія жены отличались добродѣтелями болѣе мирными, тихими, восточными". Самая месть Ольги Древлянамъ тоже норманское дѣло.

Если народъ, уже въ 11 в., не вынеся тягостей или бестолковаго управленія со стороны князей, т. е. своихъ организаторовъ, Варяговъ, поднимается, бунтуетъ, то авторъ никакъ не желаетъ признать въ этихъ бунтовщикахъ Славянъ—это не Славяне, это непремѣнно Варяги. Въ 1065 г. люди Кіевскіе возмутились противъ Изяслава, укоряя его въ неумѣньи или въ нежеланіи защитить ихъ отъ Половцевъ.—Неужели это тихіе Полянеѣ вопрошаетъ авторъ. Въ 1077 г. люди Кіевскіе стали грозить княгинѣ, что если они не помирятся, не пре-

кратятъ войны, то они уйдутъ въ Грецію. „Неужели это тихіе Поляне, которые платили дань Козарамъ, безпрекословно покорились Оскольду и Диру, потомъ Олегу? Неужели это тихіе Поляне, которыхъ такъ прославляетъ Несторъ?“ повторяетъ свои вопросы авторъ и отвѣчаетъ: „Нѣтъ, это Варяги, ходоки въ Грецію. Мысль уйдти въ Грецію не могла придти и въ голову Полянамъ.“ Конечно всему племени не могла придти въ голову, но горожанамъ Кіева она естественно приходила.

„Новгородцы были гораздо вольнѣе и образованнѣе въ гражданскомъ отношеніи предъ другими нашими Славянами.—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ (свободный) духъ развился наиболѣе вслѣдствіе значительнаго поселенія Варяговъ между ними.“

„И Кругъ думаетъ что напр. Святославъ былъ воспитанъ тамъ (въ Новгородѣ) для сохраненія въ немъ норманскаго духа.“

Норманскій духъ представлялъ основную силу, которая господствовала и все устроивала въ Русской Землѣ!

Задавшись готовымъ положеніемъ, что Русь были Норманны, авторъ приводитъ свои заключенія къ такимъ крайностямъ, которымъ подивился бы самъ Шлецеръ. Имя Русскій въ первыя двѣсти лѣтъ нашей исторіи вездѣ у него значитъ норманскій. Отъ этого естественно онъ приходитъ къ убѣжденію, что Русь-Норманны жили и господствовали у насъ въ то время цѣлымъ особымъ племенемъ, которое расселилось по всѣмъ городамъ и составляло исключительно военную силу, такъ что по его разсужденію даже и всѣ вольные землевладѣльцы (помѣщики по теперешнему), изъ которыхъ составлялась рать, были, разумѣется (авторъ очень часто употребляетъ это слово), Варяги-Русь, то есть Норманны. Туземцы совершенно не употреблялись (на войну), обреченные на любезное свое земледѣліе.

Языкъ русскій—это значитъ языкъ норманскій. „Языкъ говоритъ авторъ, употреблявшійся русскій, то есть варяго-русскій, норманскій, скандинавскій, которымъ говорили первые князья, ихъ бояре, дружина и всѣ прочіе выходцы. Этотъ языкъ впослѣдствіи, можетъ быть, въ 5 или 6 колѣнѣ (при дѣтяхъ Ярослава), когда сообщеніе съ скандинавскимъ сѣверомъ прервалось и Русь совсѣмъ ославянилась, вышелъ изъ употребленія, подобно норманскому на сѣверѣ

Францiя, уступивъ мѣсто туземнымъ нарѣчiямъ, оставивъ въ нихъ послѣ себя только слабые слѣды. Имя его перешло на туземныя нарѣчiя... и языкъ славянскiй со всѣми его нарѣчiями началъ называться по имени господствующаго племени Русскимъ".

Русское язычество, миѳологiя, со всѣми своими богами, было варяго-русское, скандинавское, а не славянское. Почему? По одной только причинѣ, что всѣ мѣста лѣтописи, гдѣ объ этомъ говорится, относятся къ Варяго-Руссамъ, то есть упоминаютъ собственно Русь, а не Варяговъ, но не упоминаютъ Славянъ. Ясно, что всѣ эти вѣрованiя русскiя, то есть скандинавскiя, „и съ этой точки должны быть объясняемы. Такъ требуетъ здравый разсудокъ и историческая послѣдовательность..." Мы находимъ даже и положительное подтвержденiе нашей мысли, доказываетъ авторъ: „Олега Греки водиша на роту и мужiй его, по Рускому закону, кляшася оружьемъ своимъ и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьимъ богомъ. Можетъ-ли быть какое сомнѣнiе, что это боги норманскiе, а не наши славянскiе. Олегъ и мужи его, чистые Норманны, не моглибы клясться чужими богами, которымъ не вѣрили: всякой клянется своею клятвою." Продолжая свои разсужденiя объ этихъ богахъ, авторъ изумляется только, какъ въ Русскую (скандинавскую) миѳологiю попали Стрибогъ и Дажбогъ—имена славянскiя!

Само собою разумѣется, что и „христiанствомъ мы обязаны Варягамъ также, какъ и гражданскимъ устройствомъ". „Варяги-Русь воевали и торговали безпрестанно съ Константинополемъ. Тамъ узнали они Христiанскую Вѣру, начали принимать ее, и потомъ сообщили ее нашимъ славянскимъ племенамъ".

Затѣмъ торговля, законы, обычаи, все безъ исключенiя дѣятельное и положительное авторъ приписываетъ тѣмъ же однимъ Руссамъ, то есть Скандинавамъ. „Варяги-Русь говоритъ авторъ пришли къ намъ, разумѣется, съ своими законами и обычаями, точно какъ съ своими именами, вѣрованiями, своимъ языкомъ, образомъ дѣйствiй...."

„Законы и обычаи Русскiе-Норманскiе-Скандинавскiе-Варяжскiе сохранились между нами, какъ вѣрованiя, какъ имена, какъ языкъ, какъ духъ, подвергаясь мало по малу влi-

стѣ съ нами вліянію туземному, потомъ христіанства...
Обозрѣвая эти законы, обычаи, должности и ихъ названія, мы видимъ ясно, что всѣ они принадлежатъ племени пришлому, Норманскому-Нѣмецкому."

Всѣ эти мысли, послѣ увѣреній Сенковскаго, конечно, не новы; но мы повторяемъ ихъ, дабы показать съ какою силою они господствовали въ каждомъ ученомъ трудѣ и въ каждомъ образованномъ умѣ.

На чемъ же однако построены всѣ эти выводы рѣшительные, разительные и неумолимо-своенравные (какъ самъ же Погодинъ отзывался о Шлецерѣ), съ которыми несогласіе тотчасъ съ горячностію авторъ обзываетъ невѣжествомъ, легкомысліемъ, и крѣпко убѣжденный, что истина у него въ рукахъ, не допускаетъ даже никакого сомнѣнія и спора? Самымъ основательнымъ и полновѣснымъ возраженіямъ онъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Охотники спорить, охотники искать, не истины, а предлоговъ къ несогласію, могутъ сдѣлать слѣдующее частное возраженіе, составленное изъ легкихъ общихъ мѣстъ: такое-то постановленіе (напр. месть) принадлежитъ всѣмъ народамъ,—такое-то имя (напр. князь) есть чисто славянское, слѣд. норманскими ихъ называть нельзя. Отвѣчаю: 1) если онѣ общія, то нельзя отнять ихъ и у Норманновъ. 2) Онѣ являются не однѣ, а въ совокупности со множествомъ другихъ обычаевъ или именъ, чисто норманскихъ, слѣд. должны быть принесены Норманнами же, которые встрѣтили у туземцевъ случайное сходство съ собою въ этомъ отношеніи. Мало-ли есть такихъ (случайныхъ) сходствъ и теперь между племенами, при всемъ прочемъ ихъ различіи между собою".

Послѣдняя замѣтка вполнѣ обозначаетъ, какъ искренно авторъ вѣруетъ въ пустое мѣсто Славянства, въ это славянское ничто, которое было наполнено по милости Норманновъ. Выходитъ, что вся основа и такъ сказать вся матерія нашей жизни—норманская, а если и было кое что своего, славянскаго, такъ и оно весьма сомнительно, ибо случайное сходство съ норманствомъ еще не доказываетъ, чтобъ это свое было непремѣнно славянское. Сказать больше объ историческомъ ничтожествѣ Славянства невозможно.

И все это утверждено только на собранныхъ чертахъ простаго человѣческаго естественнаго сходства въ нѣкоторыхъ

обычаяхъ, нравахъ, положеніяхъ жизни у нашихъ Славянъ съ Норманнами.

Авторъ съ великою тщательностію подыскалъ эти сходства и съ великою горячностію почти на каждой страницѣ своихъ изслѣдованій утверждаетъ, что стало-быть наша Русь= Варяги-Норманны-Скандинавы-Нѣмцы.

Дѣти Ярослава дополняютъ отцовскую Русскую Правду— „Такъ точно происходило и вездѣ у Норманновъ" подтверждаетъ авторъ. Какъ будто въ подобныхъ случаяхъ вездѣ происходило и происходитъ иначе?

„Руссы при Олегѣ вытаскиваютъ суда на берегъ и идутъ на нихъ по суху",—Норманны поступали такъ часто, отмѣчаетъ авторъ.

Любимое пристанище у Норманновъ въ ихъ походахъ по водѣ было на островахъ,—тоже дѣлаютъ Руссы, см. Ибнъ-Фоцлана и пр.

Русскіе любили париться въ баняхъ, какъ говоритъ Несторъ, относя это ко временамъ Апостольскимъ—баню очень любили Норманны, которые обыкновенно ходили въ оныя по субботамъ, примѣчаетъ авторъ.

Конское мясо, которымъ питался Святославъ, разумѣется было любимымъ кушаньемъ у Норманновъ, слѣд. Святославъ уже поэтому чистѣйшій Норманнъ со всѣми Скифами, Печенѣгами, Половцами, Татарами и всякими степняками!

Руссы уважали красоту женщинъ, — извѣстно, какъ Норманны уважали красоту. Многоженство допускалось, — норманскіе обычаи были совершенно тѣже. Дѣти отдавались на воспитаніе дядьямъ, пѣстунамъ, — пѣстуны были въ обычаѣ у Норманновъ, и пр., и пр.

Все это было бы ничего: такія сходства безъ особаго труда можно найдти у всѣхъ народовъ и они въ сущности объясняютъ только, что люди вездѣ люди. Но для г. Погодина всякое малѣйшее сходство норманства съ нашимъ бытомъ очень значительно и важно, ибо непреложно доказываетъ, что Русь были Норманны. Желая со всѣхъ сторонъ доказать эту предвзятую истину, онъ однимъ норманствомъ и ограничиваетъ свои безчисленныя параллели; и когда С. Строевъ, разсматривая статью Сенковскаго о Скандинавскихъ Сагахъ, указалъ, что сходства можно найдти вездѣ: въ Индіи, у Евреевъ, у Грековъ, у Французовъ, то

г. Погодинъ замѣтилъ, что такой способъ критики „относится къ журнальнымъ фокусъ-покусамъ".

Славянъ авторъ вообще рисуетъ такими чертами, которыя въ сущности сводятъ бытовое и историческое значеніе ихъ народнаго характера къ нулю.

Говоря по Карамзину и по Шафарику, что главныя ихъ добродѣтели: кротость и терпѣніе, а пороки: сварливость между собою (слѣд: страсть къ войнѣ), пристрастіе къ иноплеменникамъ и подражательность, г. Погодинъ продолжаетъ:

„Славяне были и есть народъ тихій, спокойный, терпѣливый. Всѣ древніе писатели утверждаютъ это о своихъ Словенахъ, то есть Западныхъ. Наши имѣли и имѣютъ эти качества еще въ высшей степени. Потому они и приняли чуждыхъ господъ безъ всякаго сопротивленія (да вѣдь они призвали ихъ добровольно!), исполняли всякое требованіе ихъ съ готовностію, не раздражали ничѣмъ, — и всегда были довольны своею участію. Поляне платили дань Козарамъ, пришелъ Аскольдъ, стали платить ему, пришелъ Олегъ — точно также. Кому вы даете дань спрашиваетъ Олегъ Сѣверянъ? — Козарамъ. — Не давайте Козарамъ, а давайте мнѣ, — и Сѣверяне начали давать ему...."

Не станемъ доказывать, что все это невѣрно, не по отношенію къ Сѣверянамъ или къ какому либо данному случаю, какой всегда можно отыскать, а по отношенію ко всей дѣйствительности, описанной лѣтописцами и изображенной въ своихъ мѣстахъ самимъ же авторомъ. Здѣсь, эпическій складъ лѣтописнаго разсказа авторъ страннымъ образомъ толкуетъ какъ текстъ точной реляціи.

Замѣтимъ вообще, что такая характеристика Славянства конечно должна была явиться по необходимости, какъ выраженіе историческихъ воззрѣній, начинающихъ исторію вообще съ пустаго мѣста.

Но съ другой стороны нельзя забывать и того обстоятельства, что въ подобныхъ сужденіяхъ не мало участвуютъ и нѣкоторыя предъубѣжденія, какъ ученыя, такъ и общественныя или національныя.

Если, какъ мы уже говорили, нѣмецкій ученый убѣжденъ, что германское племя повсюду въ исторіи являлось и является основателемъ, строителемъ и проводникомъ цивили-

заціи, культуры; то русскій ученый, основательно или неосновательно, никакъ не можетъ въ своемъ сознаніи миновать той мысли, что славянское племя, и русское въ частности никогда въ культурномъ отношеніи ничего не значило и въ сущности представляетъ историческую пустоту. Для воспитанія такого сознанія существовало множество причинъ, ученыхъ и не ученыхъ, о которыхъ мы отчасти говорили и въ числѣ которыхъ весьма немаловажною была та причина, что свои ученыя познанія мы получали отъ той исторической науки, гдѣ эта истина утверждалась почти каждодневно.

Весь скептицизмъ Каченовскаго и его учениковъ, противъ котораго съ такою горячностію ратовалъ г. Погодинъ, происходилъ изъ тогоже сознанія, что Русская исторія не можетъ представлять что либо значительное въ сравненіи съ исторіею западныхъ народовъ.

Этотъ скептицизмъ построился главнымъ образомъ именно на сравненіи нашей Исторіи прямо со Всеобщею Исторіею, то есть на повѣркѣ нашей Исторіи фактами и положеніями всего міра. Очень мало зная и меньше всего понимая свою Исторію, мы въ то время достаточно знали Исторію Всемірную и къ ея-то великимъ образцамъ приравнивали свою Русскую бѣдность. Параллель выходила изумительная!

Извѣстно, что Карамзинъ въ своей Исторіи слишкомъ государственно и потому очень невѣрно изобразилъ первыхъ князей и первое время Руси. Это подало весьма основательный поводъ опровергать историка.

Сомнѣнія и отрицанія Каченовскаго въ этомъ случаѣ отправлялись отъ готовой и непреложной истины. Онъ вѣровалъ, что это первое время Руси было временемъ глубокаго и всесторонняго варварства, которое не могло идти ни въ какое сравненіе съ варварствомъ европейскимъ. Онъ отвергалъ наши договоры съ Греками, потому что „они заключаютъ въ себѣ понятія совершенно несообразныя съ существовавшимъ ходомъ дѣлъ, не только у полудикихъ кочевыхъ племенъ Руссовъ, но даже и во всей Европѣ“.

Не меньшую несообразность съ общимъ духомъ времени представляетъ, по его понятію, и Ярославова Русская Правда, на томъ основаніи, что въ началѣ 11-го столѣтія, въ странахъ

западной Европы, въ Богеміи, въ Польшѣ, въ Даніи, Швеціи, не видно ничего подобнаго.

„Откуда Ярославъ взялъ примѣръ для сочиненія своихъ законовъ“—спрашиваетъ Каченовскій, и высказываетъ этимъ вопросомъ только непреложное убѣжденіе всей русской образованности, или по крайней мѣрѣ передовыхъ ея умовъ, что на Руси, что ни есть,—все откуда либо заимствовано, что сама по себѣ Русь—пустое мѣсто, чистый листъ бумаги, никогда не была способна что либо создать и выростить самостоятельно. Это убѣжденіе Каченовскій постоянно утверждалъ ученою посылкою: чего не было въ Европѣ, того никакъ не могло быть и на Руси. Иначе это противорѣчило „всеобщему ходу гражданской и политической образованности народовъ“. Его очень смущала наша лѣтопись, о которой доказывали, что она писана тоже въ 11-мъ вѣкѣ; между тѣмъ, какъ въ сосѣднихъ европейскихъ странахъ въ этотъ вѣкъ лѣтописанье или вовсе не начиналось или едва начиналось. Ясно, что наша лѣтопись подложна, недостовѣрна. Къ тому же въ своемъ началѣ она имѣетъ даже нѣкоторую систему, является систематическимъ сочиненіемъ. „Какъ это могло случиться посреди всеобщей безграмотности — явленіе безпримѣрное въ исторіи! восклицаетъ скептикъ,—и особливо въ исторіи нашего Сѣвера, оно суть исключеніе изъ всеобщаго хода образованности народовъ“.

По этому поводу Каченовскій дѣлаетъ упрекъ даже Шлецеру за излишнюю довѣренность и энтузіазмъ къ нашей лѣтописи и показываетъ, что она могла быть составлена только въ 13-мъ и даже въ 14-мъ столѣтіи съ непремѣнными заимствованіями изъ западныхъ лѣтописцевъ и вообще составлена по ихъ образцамъ [1].

Мысль о чемъ либо Русскомъ, самостоятельномъ и самобытномъ въ этомъ отношеніи, даже послѣ убѣдительныхъ изслѣдованій Шлецера, такая мысль не могла и вмѣститься въ эти отрицающіе умы. Простой разсказъ Новгородца Гюряты Роговича о Печерѣ и Югрѣ, они сопровождаютъ такимъ заключеніемъ: „Никоимъ образомъ не можно даже пред-

[1] А Шлецеръ, напротивъ того, очень хорошо зналъ и доказывалъ, что она составлена по византійскимъ образцамъ.

положить, не только доказать, чтобы въ 11 ст. такъ далеко простирались открытія Новгородцевъ".

Что же въ сущности говоритъ это отрицаніе? Не лежитъ ли въ немъ тоже самое сознаніе о русскомъ человѣкѣ, какъ о пустомъ мѣстѣ въ человѣческой исторіи, которое руководило и г. Погодинымъ въ его изображеніи народнаго характера нашихъ Славянъ. Во всякомъ случаѣ подобныя идеи не выростаютъ на почвѣ науки; они приносятся въ ученыя разсужденія изъ области общественныхъ воззрѣній и созерцаній, отъ которыхъ, какъ мы говорили, историческая наука никогда не бываетъ свободна. Оттого, обыкновенно, построенныя на такихъ идеяхъ ученыя соображенія не выдерживаютъ и малѣйшей критики, а изслѣдованія при всѣхъ своихъ достоинствахъ наполняются вопіющими противорѣчіями.

И г. Погодинъ, и противникъ его Каченовскій, выходя изъ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, пришли однако къ одному концу и въ основѣ своихъ воззрѣній выразили одну и туже мысль, то есть мысль объ историческомъ ничтожествѣ русскаго бытія.

Здѣсь общественныя мысли и убѣжденія покорили своей волѣ мысли ученыя, и сами собою, не слушая противорѣчій, высказались именно тамъ, гдѣ слѣдовало произнести послѣднее заключительное слово, то есть на ученой каѳедрѣ.

Это произошло тѣмъ легче, что уважаемые ученые, каждый въ своемъ кругу изслѣдованій, строили эти изслѣдованія на простомъ логическомъ развитіи предвзятыхъ ими истинъ или посылокъ. Каченовскій, какъ мы говорили, шелъ отъ той взятой истины, что въ началѣ русской исторіи Руссы были полудикимъ кочевымъ племенемъ, слѣд. никакъ не могли сколько нибудь равняться по своему развитію даже съ сосѣдними, столь же дикими странами западной Европы, не говоря объ отдаленныхъ. „Выступаютъ на сцену необразованные и полудикіе Норманны, владычествуютъ надъ необразованными и полудикими Финно-Славянскими племенами — что изъ этого могло произойдти въ смыслѣ цивилизаціи! И какъ скоро могла такая народность дойти до сознанія о правильныхъ договорахъ съ Греками, объ изданіи писанаго закона, о сочиненіи даже лѣтописи"?

„Мы можемъ судить по Финнамъ нашего времени, замѣчаетъ скептикъ, въ какомъ состояніи, находился народъ сей въ 11-мъ вѣкѣ.... Знаемъ также, изъ самыхъ нашихъ лѣтописей, въ сколь необразованномъ, именно полудикомъ состояніи жили въ то время Славяне“....

Отсюда логически-вѣрно и нисколько невѣрно дѣйствительности были выведены и всѣ дальнѣйшія заключенія скептиковъ и отрицателей.

Г. Погодинъ взялъ за истину, что имя Русь означаетъ Норманновъ и также логически-вѣрно все Русское, о чемъ гдѣ либо свидѣтельствовалъ лѣтописецъ и другіе источники, отнесъ къ Норманнамъ. Настоящимъ Русскимъ, то есть Славянамъ, именно Кіевскимъ, не осталось ничего. Неумолимая логика заставила автора населить Славянскіе города и земли цѣлымъ норманскимъ племенемъ и этому одному племени отдать все: языкъ, вѣру, мореплаваніе, торговлю, войну и все—все, чѣмъ жила Русская Русь первыхъ двухъ вѣковъ.

И все это говорилось на виду обширныхъ и достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ совсѣмъ другаго качества, приводимыхъ самимъ авторомъ, которыя, еслибъ поведены были съ тою же неумолимою логикою, привели бы совсѣмъ къ другимъ выводамъ и заключеніямъ.

Самъ же авторъ, слѣдуя Шафарику, пишетъ: „Древніе Славяне и мы, нынѣ такъ называемые Русскіе, составляемъ одинъ и тотъ же народъ, безпрерывно живущій, если можно такъ выразиться, съ осьмаго, а можетъ быть и далѣе, передъ Р. Х. вѣка,—слѣдователько все, что принадлежало древнимъ Славянамъ, то досталось и намъ, въ лицѣ нашихъ предковъ девятаго столѣтія. Въ чемъ же состояло это наслѣдство? Что они получили отъ Славянъ? Каковы они были въ эпоху норманскаго водворенія между ними? Во-первыхъ, они имѣли древность, старшинство...' „Народъ нашъ жилъ уже какъ особый народъ или какъ племя особаго народа, въ его составѣ, или отдѣльно, покрайней мѣрѣ полторы тысячи лѣтъ до Рюрика...“

„Во вторыхъ—языкъ... Далѣе религіозныя вѣрованія, законы и обычаи, болѣе или менѣе сходные. Наконецъ — всѣ плоды долговременнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ, въ постоянныхъ жилищахъ, всѣ успѣхи въ разныхъ родахъ

первой промышленности, знакомства съ необходимыми удобствами жизни.... Вѣрно не находились они на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлецеръ, и на которой видѣли ихъ всѣ наши изслѣдователи до Шафарика. И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборескъ, и Ростовъ, и Кіевъ, и Смоленскъ и прочіе города представляются намъ тотчасъ въ другомъ свѣтѣ".

Самъ же авторъ, слѣдуя Герену, пишетъ, что по Русской землѣ еще со временъ Геродота, изъ греческихъ черноморскихъ колоній, шла торговля между Европою и Азіею, и прибавляетъ къ этому свою очень вѣрную замѣтку, что Воспорское царство и городъ Корсунъ не были ли наслѣдниками этой Геродотовской торговли? Самъ же авторъ защищаетъ Шторха отъ незаслуженной насмѣшки со стороны неумолимо-своенравнаго Шлецера надъ тѣмъ, что „съ 8-го вѣка по Р. Х. Россія была торговымъ путемъ, по которому провозились индѣйскіе и восточные товары изъ внутренней Азіи, чрезъ Каспійское и Черное море, къ Балтійскому морю и такъ далѣе въ сѣверозападную Европу". Неумолимо-своенравный Шлецеръ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы „Рюрикъ, при основаніи Русскаго царства, нашелъ, что народъ его имѣлъ уже въ рукахъ своихъ сей важный и прибыльный торгъ..." А это самое подробно доказываетъ г. Погодинъ, пользуясь трудами Френа, Григорьева, Сенковскаго, основанными главнымъ образомъ на изученіи памятниковъ вещественныхъ, вполнѣ несомнѣнныхъ, именно на безчисленныхъ кладахъ восточныхъ монетъ, отъ 8-го до 11-го вѣка включительно, гдѣ попадаются также и монеты 7-го и даже 6-го вѣка.

„Греческая торговля должна быть очень древна, если въ 906 г. была она главнымъ предметомъ договора Олегова", замѣчаетъ г. Погодинъ въ другомъ мѣстѣ о торговлѣ Руссовъ съ Византіей.

Казалось бы достаточно этихъ соображеній и ученыхъ выводовъ Шафарика и Герена, чтобы пойдти инымъ путемъ къ отысканію истины. Повидимому г. Погодинъ сознавалъ, что именно здѣсь видится этотъ другой путь. Къ концу собранныхъ свидѣтельствъ и разсужденій о торговлѣ онъ присовокупляетъ слѣдующую замѣтку: „можетъ быть и я самъ увлекаюсь норманскимъ элементомъ, который

разыскиваю 25 лѣтъ (въ 1846 г.) и даю ему слишкомъ много мѣста въ древней Русской Исторіи...“ [1].

Въ самомъ дѣлѣ, если русскіе Славяне искони жили, занимаясь земледѣліемъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ застаетъ ихъ исторія 6-го и 9-го вѣка; если мимо этихъ мѣстъ происходило съ незапамятныхъ временъ торговое движеніе, какое бы ни было, изъ Европы въ Азію и обратно, то здравый разсудокъ повелѣваетъ заключить, что и они, такъ или иначе, живя на перекресткѣ, подвергались этому движенію, что перекрестное ихъ положеніе отъ С. къ Ю. и отъ З. къ В., какъ большая дорога для всякихъ народныхъ движеній, военныхъ и торговыхъ, необходимо должно было способствовать развитію у нихъ бóльшей гражданственности, чѣмъ въ дикомъ углу скандинавскаго сѣвера, куда по словамъ Шлецера, даже и Нѣмцы не заходили.

„Объ образованности Славянъ я совершенно согласенъ“— говоритъ г. Погодинъ, разбирая извѣстную статью Сенков-

---

[1] Въ то самое время, какъ изслѣдованія и лекціи г. Погодина (Москва 1846 г.) утверждали и распространяли въ наукѣ норманство Руси и съ особою горячностію выставляли на видъ великую образовательную ролю Норманновъ въ первоначальной постройкѣ Русской жизни, въ далекой Казани было написано сочиненіе совсѣмъ противоположное этому ученію. Это была диссертація покойнаго А. Артемьева подъ заглавіемъ: «Имѣли ли Варяги вліяніе на Славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло? Казань. 1845». Добросовѣстный и весьма осторожный и скромный авторъ не отрицалъ Норманскаго происхожденія Руси—это былъ догматъ, не подверженный спору. Но онъ со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ вопросъ о принесенномъ въ Русь Скандинавскомъ просвѣщеніи и съ полнею основательностію раскрылъ, что такого просвѣщенія несуществовало и не могло существовать. Поставивъ на первое мѣсто въ своемъ изслѣдованіи гражданскій бытъ древней Руси, то есть культурную сторону вопроса, онъ естественно пришелъ къ тѣмъ же заключеніямъ, какія уже давно высказывались писателями славянскихъ воззрѣній, конечно, болѣе знакомыми съ Славянскою и Русскою древностью. Поэтому его диссертація въ сущности представляетъ весьма обстоятельный и самостоятельный сводъ наиболѣе правильныхъ и разсудительныхъ мнѣній по поводу заданнаго вопроса. Къ великому сожалѣнію превосходное сочиненіе Артемьева въ свое время вовсе не было замѣчено наукою, а потому и не поступило въ общій оборотъ нашихъ познаній о Русской исторіи. Полемъ ученія въ то время сполна владѣла норманская школа, не принимавшая ни какихъ разсудительныхъ взглядовъ и мнѣній.

скаго. А Сенковскій говорилъ слѣдующее: „Славяне, имѣвшіе два великіе торговые города, Новгородъ и Кіевъ, извѣстные уже въ Азіи своимъ богатствомъ, находились безъ сомнѣнія на гораздо высшей степени гражданской образованности, чѣмъ хищные воины Скандинавіи, которые не знали другой торговли, кромѣ продажи заграбленной добычи, ни другой промышленности, кромѣ безпрерывной войны"....

„У Славянъ гражданственности было несравненно болѣе, чѣмъ у Норманновъ, повторяетъ утвердительно авторъ и продолжаетъ: „Ихъ (Славянъ) смирное повиновеніе на югѣ слабымъ тогда Хозарамъ, ихъ склонность на сѣверѣ поручить защиту своего города и отечества иностранной дружинѣ, ясно показываютъ въ нихъ народъ, уже обладающій значительною собственностію, уже въ извѣстной степени развращенный торговыми нравами. Тоже самое явленіе повторилось скоро потомъ въ торговой Италіи. Люди, которымъ нечего потерять, всегда дерутся сами, на свой собственный счетъ, ибо въ войнѣ находятъ они средство къ грабительству и обогащенію".

Однако, „слову гражданственности, замѣчаетъ г. Погодинъ, здѣсь надо давать значеніе не политическое, а семейное, домашнее, патріархальное, или употребить другое". Положимъ такъ, но все же надо разрѣшить недоразумѣніе, кто выше въ своемъ быту по развитію, народъ земледѣлецъ и осѣдлый торговецъ или народъ разбойникъ, кочующій изъ страны въ страну? И какое же имя той гражданственности, которую разбойникъ приноситъ земледѣльцу?

Впрочемъ ни г. Погодинъ, ни Сенковскій не помышляли о противорѣчіяхъ, какъ и о томъ, что приведенная характеристика Славянъ совсѣмъ разрушаетъ въ основаніи ихъ общій выводъ, что настоящій характеръ первой эпохи въ „Русской Исторіи былъ Русскій, или Скандинавскій, а не Славянскій" [1].

„Исторія или историческая критика, говорилъ Сенковскій, суть, такъ сказать, умственные шахматы; искусная иг-

[1] Изслѣдованія г. Погодина т. II, стр. 1—5, 22, 279, 318. т. III, 27, 31, 70, 71, 109, 124, 125, 132, 133, 138, 187—189, 227, 232—238, 242, 263, 273, 298, 301—310, 325, 354—360, 379, 383, 397, 416—420, 454—474, 515 и др. Сенковскаго: Скандинавскія Саги, Библіотека для Чтенія, т. I.

ра въ факты, въ которой проигрывающіе, то есть, читатели, за всякій сдѣланный имъ ловкою діалектикою шахъ и матъ, должны платить наличнымъ довѣріемъ". Въ этихъ словахъ выразилось самое вѣрное и лучшее объясненіе, въ чемъ именно заключается сила подобныхъ изслѣдованій и разсужденій.

Таково въ своихъ качествахъ ученіе о Скандинавскомъ происхожденіи Руси. Можетъ быть иной читатель скажетъ, что приведенныя нами (съ возможною краткостью) рѣшенія этого ученія уже достаточно устарѣли и имъ уже не вѣрятъ и сами норманисты. Дѣйствительно, мы думали, что излагая исторію этого ученія, говоримъ уже о забытой старинѣ. Но оказывается, что въ своихъ существенныхъ основаніяхъ это ученіе нисколько не старѣетъ и повторяетъ себя съ точностью.

Во время печатанія этихъ строкъ мы должны были прочесть весьма почтенную въ ученомъ отношеніи и объемистую книгу: Каспій (О походахъ древнихъ Русскихъ въ Табаристанъ, Б. Дорна), изданную, какъ приложеніе къ XXVI тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ (Спб. 1875).

Въ ней ученѣйшій представитель Скандинавства, достоуважаемый академикъ г. Куникъ, говоря о мореходцахъ Норманнахъ и о томъ, какъ они впервые плавали по нашимъ рѣкамъ, изображаетъ слѣдующее: „Какой другой народъ въ Европѣ подражалъ Норманнамъ въ то время въ этомъ отношеніи? Гдѣ можно было найти тогда другой мореходный народъ, который, подобно Норманнамъ, въ теченіи одного столѣтія, успѣлъ бы сплотить въ большое единое государство множество финскихъ, литовско-летскихъ и славянскихъ племенъ, разбросанныхъ по такимъ обширнымъ равнинамъ, и жившихъ по старинной, чудной привычкѣ, совершенно сами по себѣ, да могъ не только сдерживать сопротивлявшихся посредствомъ рѣчныхъ походовъ, но и пріучить ихъ къ государственному порядку?". Это былъ „хорошо знакомый съ моремъ династическій родъ", „норманская династія Rôs, обнявшая своимъ именемъ восточно-славянскія племена".

„Варяго Русскій вопросъ, продолжаетъ авторъ, составляетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней исторической этнографіи Россіи и можетъ быть рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно только при помощи лингвистики. Но кромѣ лингвистической критики большая часть варягоборцевъ страдаетъ незнаніемъ основаній этнологической критики. Какъ отдѣльныя личности одарены различными способностями, такъ и цѣлыя племена и народные индивидуумы призваны природою не къ одинаковой дѣятельности не говоря, уже о томъ, что иной, самъ по себѣ даровитый народъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ географическихъ или историческихъ условій лишь впослѣдствіи можетъ приняться за выполненіе извѣстныхъ задачь. Кто не имѣетъ яснаго понятія о различныхъ причинахъ, почему даже народы бѣлой расы развились совершенно различно, почему нѣкоторые изъ нихъ являлись только пастушескими народами, другіе же сдѣлались кочевниками, почему одна нація преобразилась въ отважныхъ наѣздниковъ, а другая стала храброю пѣшею ратью—тотъ и не въ состояніи понять, почему именно восточные Славяне до Рюриковыхъ временъ не сдѣлались мореходцами. Указаніе на знакомство съ моремъ хорвато-сербскихъ Славянъ, переселившихся изъ Карпатовъ въ Далмацію и на предпріятія (Хороши предпріятія по Адаму Бременскому и Гельмольду!) померанскихъ, рюгенскихъ и южныхъ Славянъ, не даетъ намъ права предполагать, что и восточные Славяне добровольно пошли по тому же пути. (Конечно, ихъ заставили Норманны!) Напротивъ того, при не предвзятомъ разсмотрѣніи означенныхъ фактовъ, мы только еще болѣе убѣдимся въ томъ, что древняя Россія стала морскою державою въ смыслѣ того времени лишь тогда, когда господство водобоязливыхъ хозарскихъ степныхъ наѣздниковъ было уничтожено въ Кіевѣ и далѣе знакомыми съ морскимъ дѣломъ Варягами, Аскольдомъ и Диромъ. Но и древне-русскій торговый флотъ просуществовалъ не долго, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ. Одинъ этотъ фактъ уже наводитъ на разныя размышленія. (Слѣдуетъ указаніе на Печенѣговъ и Половцевъ, заградившихъ дорогу къ морю). Почти въ тоже время, хотя и не такъ быстро, изчезъ сѣверный Русскій торговый флотъ. Столь предпріимчивая новгородская республика, самовластно утверждавшая и свер-

гавшая князей, мало по малу предоставила вывозъ и привозъ товаровъ варяжскимъ (т. е. въ 12-мъ столѣтіи главнымъ образомъ готландскимъ) купцамъ, которые за тѣмъ сами должны были уступить мѣсто хитрой торговой политикѣ ганзы. Но и тогда, когда послѣдняя была вытѣснена, все таки еще не явился національный торговый флотъ, хотя до Столбовскаго мира (1617) цари московскіе владѣли прибрежьями Финскаго залива отъ устья Систербека до устья Невы, и оттуда до Наровы. Петръ Великій создалъ почтенный военный флотъ, но создать торговый флотъ—на это не хватило даже его желѣзной воли и власти. Лишь въ настоящее время, когда начатыя сверху реформы стали приносить свои плоды, возможно было уразумѣть рѣзкую противоположность, существующую въ этомъ отношеніи между имперіей и даже небольшой Финляндіей, и вмѣстѣ съ тѣмъ подумать о средствахъ къ образованію національно-русскаго торговаго флота“.

Не смотря на то, что г. академикъ Дорнъ свидѣтельствуетъ, что эти изслѣдованія г. Куника „могутъ особенно служить къ правильному разрѣшенію еще мало изслѣдованнаго доселѣ вопроса о способности нѣкоторыхъ средневѣковыхъ народовъ къ морскому дѣлу и о „водобоязни“ другихъ“ (вѣроятно русскихъ Славянъ? стр. LV), мы все таки должны замѣтить, что здѣсь этнологическая критика сопоставляетъ въ сравненіе вещи, не имѣющія ни какихъ отношеній другъ къ другу. Причины, почему и до сихъ поръ у насъ нѣтъ торговаго флота, такъ многоразличны и такъ крѣпко связаны со всею системою внутренней политики, что мало объ нихъ говорить невозможно. И здѣсь, какъ во всѣхъ ученыхъ дѣлахъ, надо допросить всѣхъ свидѣтелей [1].

Почтенному автору извѣстно, что значительность и многочисленность именно торговаго флота вполнѣ зависитъ отъ растяженія и сильнаго разчлененія береговой линіи, отъ положенія этой линіи прямо на морѣ или же въ морскомъ за-

[1] Въ томъ числѣ въ настоящее время надо допросить, напр., на Черномъ морѣ нашихъ бѣдныхъ каботажниковъ, какъ ихъ тѣснятъ и совсѣмъ истребляетъ монополія Русскаго (?) Общества Пароходства и Торговли, и къ тому надо припомнить привилегированное положеніе въ Имперіи ея небольшой Финляндіи, какъ и всего Остзейскаго приморскаго края.

холустьѣ, откуда и выбраться не совсѣмъ легко. Люди, живущіе лицемъ къ лицу съ моремъ, окружая море своими берегами, или живя совсѣмъ посреди моря, неизмѣнно должны имѣть значительный торговый и всякій другой флотъ. Люди, по своему мѣстожительству смотрящіе на море изъ закоулковъ, никогда не могутъ имѣть знатнаго торговаго флота, и какъ бы ни хлопотали объ этомъ, никогда не сравняются въ этомъ отношеніи съ жителями собственно морскими. Растяженіе и разчлененіе нашей приморской береговой линіи на Бѣломъ морѣ и на Черномъ морѣ очень хорошо извѣстны. И тамъ и здѣсь собственно морскихъ флотовъ создавать было невозможно; и тамъ и здѣсь являются только флоты рѣчные, прилаженные и къ морскому ходу. Вотъ этимъ прилаживаніемъ рѣчной лодки къ морскому ходу населеніе нашей равнины отличалось на всѣхъ рѣкахъ, которыя протекали прямо въ море. Такіе флоты у насъ существовали всегда, еще со временъ античныхъ Грековъ. Почти лѣтъ за сто до Р. Х. Скиѳы дрались съ полководцами Великаго Митридата на морѣ, въ Керченскомъ проливѣ, и были разбиты, о чемъ ясно говоритъ Страбонъ.

Торговый морской флотъ является выразителемъ торговыхъ морскихъ же сношеній народа. Онъ же для людей, живущихъ такъ сказать въ морѣ, служитъ неизбѣжнымъ средствомъ сообщенія даже между собою, не говоря о чужихъ странахъ. Наша равнина едва касается морей, поэтому морское дѣло для нея никогда не могло составлять существеннаго качества ея жизни. Но тѣмъ не менѣе она не выпустила изъ рукъ и далекихъ морей. Напротивъ, въ теченіи всей своей исторіи она только одного и добивалась, чтобы обладѣть морскимъ берегомъ. Ей неизмѣнно указывали путь къ морю ея рѣки. На всѣхъ тѣхъ рѣкахъ, гдѣ можно было выплыть въ море, она всегда держала флоты, которые при надобности и выплывали въ море и которые съ незапамятныхъ временъ служили и для торговли и для разбоя. Исторія, какъ извѣстно, говоритъ больше всего о разбояхъ и совсѣмъ почти молчитъ о ежедневныхъ плаваніяхъ для торговли. На основаніи ея свидѣтельствъ показывается, что будто народы въ то время строили лодки и плавали только для разбоевъ. Но за недостаткомъ историческихъ свидѣтельствъ, здравый разсудокъ заставляетъ полагать, что лодка впер-

вые устроена не для разбоя, а для мирнаго промысла за рыбою, за звѣремъ, съ цѣлью переѣхать для промысла на другой берегъ, перевезти путника, свезти на продажу какой либо товаръ и т. д. Поэтому мирныя лодки даже и по морю плавали прежде, чѣмъ стали плавать лодки разбойныя; поэтому и строить лодку научила сама вода, а собираться лодками въ цѣлый флотъ научила торговая или промышленная нужда, но вовсе не Норманны. Они могли научить развѣ только разбойничать; но и въ этомъ случаѣ прямыя и безопасныя дороги по рѣкамъ и по морю они должны были узнавать только при помощи туземцевъ.

Норманны учили насъ плавать двѣсти лѣтъ, двѣсти лѣтъ мы говорили ихъ языкомъ и конечно должны были занять у нихъ же всѣ морскія названія, а Шлецеръ изумляется: „Странно, говоритъ, что Руссы, мореходныя названія, которыми такъ богатъ норманскій языкъ, заняли отъ Грековъ!“ Это очень чудно и странно только по случаю навязыванья намъ въ учителя мореходству любезныхъ Норманновъ. Но это явится дѣломъ очень простымъ и естественнымъ, если припомнимъ, что мореходству должны были насъ выучить еще древніе Греки.

Русская равнина уже по одному своему физическому облику не была способна сдѣлаться морскою державою въ смыслѣ торговаго флота. Ея флоты и въ настоящее время есть только ея морскія стѣны, одна защита. Но ея внутренніе рѣчные флоты, какъ средства перевоза, всегда были многочисленны. Изъ этихъ флотовъ создавались и тѣ флоты, которые хаживали на Царьградъ и на Каспій, въ Закавказье.

Флотъ Оскольда и Дира, Олега и Игоря, былъ разбойный, а не торговый, а такіе флоты въ устьяхъ Днѣпра и Дона существовали искони вѣковъ до 18 столѣтія. Объ этомъ хорошо знаютъ Турки, а въ глубокой древности хорошо знали всѣ Черноморскіе обитатели. На такихъ разбойныхъ флотахъ въ мирное и дружелюбное время всегда перевозились и товары и потому они дѣлались на это время торговыми флотами. Новгородскій флотъ пересталъ ѣздить за море съ той поры, какъ его стали притѣснять Нѣмцы, то есть со времени конечнаго истребленія Нѣмцами и Датчанами балтійскихъ Славянъ. Вообще, какъ въ древности, такъ и нынѣ, Русская равнина является на столько морскою держа-

вою, на сколько ей способствуютъ въ этомъ ея морскіе берега. Въ этомъ отношеніи она не выпустила изъ своихъ рукъ ни одного зерна. Средняя ея исторія отбила ее отъ морскихъ береговъ. Государство само ушло отъ враговъ въ лѣса суздальской области. Но народъ не покидалъ своего древняго обычая и время отъ времени все-таки спускался по рѣкамъ за своимъ дѣломъ и въ Каспійское, и въ Черное море, доплывая до Персіи и до Турціи. Указывать на тѣсное положеніе нашей исторіи относительно морей отъ 13 до 18 вѣка въ доказательство Русской водобоязни возможно лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ доказано, что за это время и на рѣкахъ не плавало ни одного судна.

Намъ кажется, что этнологическая критика требуетъ для объясненія каждаго отдѣльнаго случая и факта, полнаго и всесторонняго осмотра всей бытовой исторіи народа, всѣхъ жизненныхъ причинъ, какія породили такой фактъ.

Появилось слово или имя Русь, появились и моряки, а до того ихъ не было: это критика лингвистическая, критика словъ. Но этнологическая критика, или критика дѣлъ будетъ всегда доказывать, что на каждой большой рѣкѣ, впадающей въ море, если живутъ люди, промышляющіе къ тому-же разбоемъ, то неизмѣнно заведутъ у себя флотъ, хотя бы лодочный, и неизмѣнно будутъ плавать по морю съ незапамятныхъ временъ. И потому весьма достаточно даже одиночнаго отрывочнаго лѣтописнаго свидѣтельства, о выѣздѣ такого народа въ море на лодкахъ, чтобы утвердить этнологическую посылку о его давней способности къ морскому плаванію.

Лѣтописцы вѣдь не писали дневниковъ жизни того или другаго народа, а упоминали о его плаваніяхъ только при случаѣ. Въ этнологической критикѣ очень многое само собою разумѣется, ибо въ своихъ разсужденіяхъ она отправляется отъ неизмѣнныхъ законовъ человѣческой жизни вообще. Если въ странѣ существуетъ суровая зима, то и безъ лѣтописныхъ показаній этнологія скажетъ твердо и рѣшительно, что народъ этой страны неизмѣнно носилъ шубы, хотя бы и несшитыя звѣриныя шкуры.

„До Аскольда, продолжаетъ г. Куникъ, не встрѣчается никакихъ слѣдовъ русскихъ торговцевъ и морскихъ разбойниковъ ни на Черномъ, ни на Каспійскомъ морѣ.

Для нас норманистовъ такое молчаніе всѣхъ греческихъ и восточныхъ источниковъ можетъ только служить подтвержденіемъ выработаннаго другимъ путемъ убѣжденія, что въ то время еще не было русскаго флота, служившаго для торговыхъ сношеній или грабительскихъ набѣговъ"...

„Такіе кровожадные моряки, отваживающіеся въ невѣдомыя имъ воды, никакъ не могли освоиться съ моремъ внезапно, въ особенности среди такихъ внутреннихъ материковыхъ странъ, какъ среднее Приднѣпровье или сѣверное Приволжье. Нужно было народиться нѣсколькимъ поколѣніямъ и даже столѣтіямъ, прежде нежели языческій народъ, отрѣзанный отъ средоточій тогдашней культуры до такой степени успѣлъ ознакомиться съ моремъ, а это уже никакъ не могло случиться на Черномъ морѣ".

Почему же не могло этого случиться именно на Черномъ морѣ, когда это море было прямою и ближайшею дорогою къ главному средоточію тогдашней европейской культуры, къ Византіи? Впрочемъ со всѣми подобными идеями мы уже достаточно знакомы изъ приведенныхъ выше разсужденій Шлецера и его послѣдователей.

Особенно не жалуетъ уважаемый авторъ мнѣній, которыя производятъ Русь отъ Балтійскаго Славянства. „Въ Западной Европѣ, говоритъ онъ, со временъ Герберштейна до Лейбница забавлялись только грубымъ отождествленіемъ Варяговъ и славянскихъ Вагріевъ". Мысль г. Котляревскаго о томъ, что естественнѣе всего Варяги могли быть призваны отъ Поморскихъ Славянъ, авторъ, называетъ отчаянною мыслью и вообще мысль о сношеніяхъ Поморскихъ Славянъ съ Новгородскими именуетъ мыслью не исторической, на томъ основаніи, что въ землѣ Поморянъ находки арабскихъ монетъ 8-го—10-го стол. менѣе значительны, чѣмъ въ Скандинавіи. „Гораздо естественнѣе предполагать, заключаетъ авторъ, что въ 8-мъ и 9-мъ столѣтіяхъ на Финскомъ заливѣ могъ хозяйничать только старинный морской народъ жившій по близости (въ Готландіи на Аландскихъ островахъ и въ Швеціи), чѣмъ передавать тогдашнюю торговлю съ Россіей въ руки Лютичей"[1].

---

[1] См. Каспій, стр. 55, 378, 393, 396, 398, 452—454, 461, 692 и др.

Само собою разумѣется, что, изучая больше всего Скандинавскіе источники, естественнѣе повсюду видѣть и находить однихъ Шведовъ. Такъ точно, какъ, изучая славянскую Балтійскую исторію, правдоподобнѣе заключать, что не откуда, какъ только изъ этой Славянской Земли и были призваны наши достопамятные Варяги. Г. Котляревскій, положившій весьма прочное основаніе для изученія этой исторіи, не могъ иначе заключать, ибо видѣлъ тамошнихъ Славянъ такъ сказать лицемъ къ лицу [1]. Къ такой мысли прежде всего приводитъ именно этнологическая критика, то есть критика бытовыхъ положеній и отношеній.

Мы говорили, что какъ Скандинавство, такъ и Славянство предаются въ иныхъ случаяхъ фантазіямъ, которыя по необходимости сами собою раждаются отъ недостатка точныхъ свидѣтельствъ. Тамъ, гдѣ фактовъ не хватаетъ, само собою разыгрывается воображеніе, строющее гипотезы, парадоксы, воздушные замки. Недостатокъ фактовъ можетъ зависѣть или отъ малаго знакомства съ предметомъ изслѣдованія или отъ настоящей скудости источниковъ. И то, и другое можно показать и на той, и на другой сторонѣ. Стало быть и тамъ, и здѣсь неосновательныя объясненія, фантазіи неизбѣжны.

Намъ должно остановиться только на основныхъ посылкахъ, отъ которыхъ расходятся во всѣ стороны изслѣдовательные круги того и другаго ученія.

Основная истина ученія о Славянствѣ Руси на столько вѣрна въ самой себѣ, что безъ малѣйшихъ противорѣчій способна объяснить всякое историческое дѣло нашей древности.

Основная истина Славянскаго ученія заключается въ томъ, что Русь старобытна на своемъ мѣстѣ, и народомъ, и самымъ именемъ. Этою истиною въ познаніе Русской Древности вносится основа широкая и положительная и потому всѣ явленія древняго русскаго быта и древней русской исторіи объясняются легко, безъ малѣйшихъ натяжекъ. Самое дѣло призванія князей становится не только понятнымъ, но и

[1] См. Древности Права Балтійскихъ Славянъ и Книга о древностяхъ и исторіи Поморскихъ Славянъ. Прага. 1874.

явленіемъ такъ сказать прирожденнымъ Русской Древности.

Естественное развитіе торговыхъ сношеній съ древнѣйшаго незапамятнаго времени, возникновеніе городовъ еще до прихода Варяговъ и всѣ тѣ признаки самостоятельной и могущественной народной силы, съ которою Русь вдругъ выходитъ на сцену исторіи, объясняются просто и вѣрно, однимъ только здравымъ предположеніемъ, что источники или корни этой силы находятся далеко за предѣлами варяжскаго девятаго столѣтія.

Словомъ сказать, ученіе о Славянствѣ Руси, опираясь на естественный ходъ нашей исторіи, выросшей такъ сказать изъ самой земли, принимая ея началомъ простое, такъ сказать, растительное естество жизни, уже тѣмъ самымъ вноситъ въ свою изслѣдовательность одни положительныя, созидающія свойства и вполнѣ согласуется съ законами не чудодѣйственнаго, а самаго обыкновеннаго хода всякой первоначальной исторіи.

Напротивъ того, каждый читатель легко замѣтитъ, что ученіе о Скандинавствѣ Руси все держится только на отрицаніи и руководится однимъ отрицаніемъ. Какъ ученіе нѣмецкое, оно и родилось въ минуту всесторонняго отрицанія русской народной древности. Главный вождь этого ученія, Шлецеръ, самъ по себѣ, былъ великою критическою силою отрицанія и сомнѣнія. Для него положительный вѣсъ имѣла одна государственная Исторія и то въ нѣмецкомъ смыслѣ. Предъ лицемъ такой Исторіи онъ отрицалъ все, что съ нею не согласовалось, то есть всякія народныя стихіи, въ которыхъ не замѣчалось его государственности. Съ этой точки зрѣнія онъ не нашелъ ничего достойнаго вниманія даже въ исторіи древней Греціи, такъ какъ государства ея были слабы и безсильны, религія была глупа и т. д.[1].

Духъ шлецеровскаго отрицанія и сомнѣнія поселился и на той нивѣ, на которой происходила обработка первоначальной Русской Исторіи. Здѣсь, Скандинавство Руси, какъ прочная и твердая основа, само собою явилось краеугольнымъ камнемъ этого отрицающаго направленія.

[1] См. Шлецеръ—разсужденіе о Русской исторіографіи, А. Попова, въ Московскомъ Сборникѣ на 1847 годъ.

Что и какъ оно отрицаетъ, мы видѣли въ разсужденіяхъ самого Шлецера и г. Погодина. Другіе повторяютъ тоже.

Оно отрицаетъ всякое значеніе для древнѣйшей русской исторіи свидѣтельствъ греческой и римской древности;

Отрицаетъ старобытность русскаго племени и имени;

Отрицаетъ варяжество Балтійскихъ Славянъ, то есть отнимаетъ у нихъ всѣ тѣ народныя свойства и качества, которыя принадлежатъ имъ, какъ предпріимчивымъ и воинственнымъ морякамъ, наравнѣ съ Скандинавами;

Отрицаетъ у старобытнаго русскаго Славянства предпріимчивость торговую, мореплавательную, воинственную и т. д.;

Отрицаетъ вообще всѣ тѣ простыя и естественныя качества древнѣйшей русской народной жизни, которыя создаются самою природою страны, создаются простыми естественными условіями мѣсто-жительства.

Самыя даже фантасмагоріи нѣмецкаго ученія о Скандинавствѣ Руси наполняются взглядами и мечтами только о совершенномъ историческомъ ничтожествѣ русскаго племени, наполняются одними только отрицаніями его обыкновенной природы, человѣческой и исторической, и все только для того, чтобы поставить на видномъ мѣстѣ въ начальной нашей исторіи одних Норманновъ.

Это ученіе рисуетъ русское Славянство тихимъ и смирнымъ, что въ сущности есть самое полное отрицаніе въ народѣ его историчности, если можно такъ выразиться, ибо тихость и смиреніе, какъ великія добродѣтели для личной жизни, становятся великими, безконечно зловредными пороками для народной самостоятельности и независимости, и вся Русская Исторія вполнѣ доказываетъ, что эти пороки, особенно въ древнее время, нисколько не принадлежали русскому Славянству, показавшему еще со временъ изгнанія Варяговъ, что оно ни одной минуты не оставалось тихимъ и смирнымъ, то есть ни одной минуты не выпускало изъ рукъ своей народной независимости и самостоятельности и съумѣло отстоять свою Землю отъ всевозможныхъ напастей, какія приходили на эту Землю не только отъ Татаръ, но и отъ цѣлой Европы.

Стремясь весь свой вѣкъ съ незапамятной древности къ политической независимости и самостоятельности, Русское Славянство успѣло наконецъ создать обширное и крѣпкое государство. Весь матеріалъ для этого государства, выработанный мудростію самого народа, былъ уже вполнѣ собранъ къ приходу Рюрика и только въ послѣдствіи междоусобія призванной власти замедлили на цѣлые вѣка дальнѣйшую правильную постройку этого государства.

Намъ кажется, что вся отрицающая сила ученія о Скандинавствѣ Руси утверждается лишь на отсутствіи въ его изслѣдовательности именно этнологической критики, безъ которой, конечно, никогда и ничего нельзя объяснить ни въ одной Исторіи какого бы то ни было народа, особенно въ первоначальной Исторіи.

Оканчивая эту исторію возникновенія и распространенія мнѣній о норманскомъ происхожденіи Руси, мы должны припомнить извѣстную истину, что писатели, какъ и ученые изслѣдователи, и особенно въ обработкѣ Исторіи, всегда служатъ выразителями, болѣе или менѣе полными и всесторонними, тѣхъ идей, какія въ извѣстный кругъ времени господствуютъ въ сознаніи самого общества.

Всѣмъ извѣстно, какъ наша образованность богата отрицающими идеями относительно именно русскаго человѣка во всей его исторіи и во всемъ его быту. Поэтому нѣтъ ничего естественнѣе, какъ встрѣчать присутствіе тѣхъ же идей повсюду, и въ художественныхъ созданіяхъ, и въ ученѣйшихъ изслѣдованіяхъ, какъ и въ простыхъ разговорахъ. Исторія мнѣній о Норманствѣ Руси въ сущности изображаетъ только отрицающее созерцаніе нашей образованности о собственной ея — Русской Исторіи. Вотъ по какой причинѣ крайнія увлеченія нѣкоторыхъ изслѣдованій могутъ объясняться только непреодолимымъ общимъ потокомъ общественныхъ воззрѣній и должны дѣлить съ ними пополамъ всякую вину въ несообразностяхъ и противорѣчіяхъ, ибо изслѣдователь, какъ мы сказали, есть только полный или неполный выразитель живущихъ идей своего времени. На долю науки всегда остается не малый трудъ отдѣлять истинныя ея пріобрѣтенія отъ великаго множества соображеній

и утвержденій, выражающихъ неболѣе, какъ одно жизненное движеніе тѣхъ или другихъ общественныхъ убѣжденій.

Если справедливо, что ученіе о Норманствѣ Руси пріобрѣтало свои силы больше всего отъ направленія отрицающихъ идей нашей образованности, то, можно надѣяться, оно просуществуетъ еще долго, до тѣхъ поръ, пока Русское общество не износитъ въ себѣ всѣхъ началъ своего отрицанья и своего сомнѣнья въ достоинствахъ собственной своей природы.

Теперь, какъ всѣмъ извѣстно, никто не сомнѣвается, что Варяги суть Скандинавы, и потому всѣ мы, произнося имя Варягъ, въ точности разумѣемъ, что это никто иной, какъ Норманнъ, Скандинавъ.

Наияснѣйшимъ мѣстомъ у Нестора, показывающимъ, что Варяги были несомнѣнные Скандинавы, г. Погодинъ называетъ тѣ строки, въ которыхъ говорится о призваніи князей:

„Идоша за море къ Варягамъ къ Руси. Такъ прозывались эти Варяги Русью, какъ вотъ другіе зовутся Шведами, другіе же Норманнами, Англичанами, другіе Готами; такъ и эти зовутся Русью".

Почему это мѣсто такъ ясно свидѣтельствуетъ, что имя Варяги означало однихъ Скандинавовъ? По слѣдующей логикѣ:

Если изъ пяти собесѣдниковъ четверо Нѣмцы, то слѣдовательно и пятый собесѣдникъ непремѣнно долженъ быть Нѣмецъ же; слѣдовательно и самое слово собесѣдникъ непремѣнно должно означать Нѣмцевъ же. Европейцами называются Шведы, Норвежцы, Датчане, Англичане. Извѣстно, что это племена германскія. Слѣдовательно и европейцы Россіяне, не говоря о другихъ, суть тоже Германцы.

„Варягами Несторъ ясно называетъ Шведовъ, Норвежцевъ, Англичанъ, Готовъ, говоритъ г. Погодинъ, не упоминая однако о Руси, — всѣ эти племена у другихъ народовъ назывались Норманнами, Скандинавами. Слѣдовательно Варяги Несторовы суть Скандинавы.... Это математически ясно", заключаетъ достоуважаемый авторъ. „Кому придетъ въ голову, прибавляетъ онъ, что Варяги здѣсь въ

смыслѣ Европейцевъ?“ Намъ кажется, это придетъ въ голову тому изъ читателей, который полюбопытствуетъ спросить: куда же дѣвалась Русь при этомъ исчисленіи норманскихъ племенъ? Вѣдь въ ней все дѣло. Она тоже Варяги, но гдѣ показаніе лѣтописи, что она тоже Норманны, Скандинавы? Несторъ объ этомъ крѣпко молчитъ, но отдѣляетъ Русь отъ прочихъ Варяговъ, какъ особое самостоятельное племя, въ родѣ Шведовъ, Норвежцевъ, Готовъ, Англичанъ. Онъ говоритъ только, что Русь также называлась Варягами, какъ и другія указанныя племена. По его же словамъ Варяги есть имя общее для всѣхъ обитателей Балтійскаго поморья. Кто жилъ на этомъ морѣ, тотъ былъ Варягъ въ общемъ смыслѣ; а въ частности каждый Варягъ принадлежалъ къ особому племени. Начиная съ Байера и оканчивая г. Погодинымъ, всѣ Норманисты убѣждены, что о Руси здѣсь и говорить нечего, ибо Варяги суть Норманны, стало быть само собою уже разумѣется, что Русь-Варяги значитъ Норманны.

Откуда же мы можемъ узнать, какое это было племя Русь? Конечно изъ географіи и этнографіи Балтійскаго моря, которое у Нестора, какъ мы сказали, вообще называется Варяжскимъ, и на которомъ однако жили не одни Скандинавы.

Весь южный берегъ этого моря принадлежалъ не Скандинавамъ. Еще Гельмольдъ, почти современникъ Нестора, говорилъ, что сѣверный берегъ моря занимаютъ Даны и Шведы, называемые Норманнами, а южный населяютъ Славянскіе народы. Отъ русскихъ предѣловъ по этому берегу жили Чудь, Прусь, Ляхове, о которыхъ прямо поминаетъ Несторъ, что они присѣдятъ къ морю Варяжскому. Дальше Ляховъ къ западу жили другія славянскія племена, Лютичи, Рюгенцы, Оботриты, и въ самомъ юго-западномъ углу, въ нынѣшней Голштиніи, Вагры. Отъ нихъ берегъ поворачивалъ къ сѣверу по берегамъ Ютландскаго полуострова, гдѣ жили Юты—Готы. Отсюда и начинались скандинавскія жилища, продолжавшіяся по сѣверу Урманами-Норвежцами и потомъ Шведами. Такимъ образомъ Скандинавы занимали только сѣверные и западные берега моря а не-Скандинавы южные и восточные.

Послѣ такого распредѣленія жителей Балтійскаго поморья имѣемъ ли основаніе говорить, что подъ именемъ Варяговъ

Несторъ разумѣлъ однихъ Скандинавовъ? Правда что ни Ляховъ, ни Прусовъ, ни Чудь, онъ не называетъ Варягами. Правда, что именемъ Ляховъ онъ называетъ вмѣстѣ съ Мазовшанами и Полянами, и Лютичей, и Поморянъ. Но все-таки еще остается довольное пространство южнаго Балтійскаго поморья за землею Лютичей, которое тоже было заселено Славянами и о которомъ Несторъ, указывая на славянскія племена, не даетъ ни какого понятія. Нѣтъ никакихъ основаній толковать, что онъ всю эту сторону обозначаетъ общимъ именемъ Поморянъ. У него Поморяне имѣютъ опредѣленный, частный смыслъ, какъ и Лютичи, и Поляне, и Мазовшане. Поморяне жили собственно между устьями Одры и Вислы. Впрочемъ лѣтописцы подъ 1300 годомъ и землю Кашубовъ, вблизи Вислы, называютъ Варяжскимъ Поморьемъ. Если и этотъ берегъ назывался Варяжскимъ, то почему же его обитатели не должны называться Варягами?

Посмотримъ теперь, какъ Несторъ распредѣляетъ по Балтійскому морю своихъ Варяговъ. Два раза перечисляя ихъ племена по порядку, онъ идетъ отъ Востока, отъ Новгородской земли и начинаетъ отъ Шведовъ, какъ ближайшихъ соседей. За Шведами онъ ставитъ Урманъ (Норвежцевъ), послѣ нихъ Готовъ (Ютовъ, Датчанъ), потомъ Русь, потомъ Англянъ. Въ другой разъ, отдѣляя отъ прочихъ свою Русь, за Урманами онъ показываетъ не Готовъ, а Англянъ, и потомъ уже Готовъ. Англяне, по его словамъ, жили на предѣлахъ Варяжскаго моря, ибо Варяги, говоритъ онъ, къ западу сѣдятъ до земли Аглянской и до Волошской, т. е. до Англіи и Франціи. Такимъ образомъ мѣсто для Руси онъ указываетъ гдѣ-то между Готами и Англянами, или гдѣ-то за Готами, вблизи Готовъ и Англянъ, вообще на западномъ концѣ Варяжскаго моря. Въ этомъ уже никто не можетъ сомнѣваться. Лѣтописецъ, какъ видѣли, идетъ по порядку населенія отъ В. къ З., но по сѣверу. Дошедши до Готовъ, которые означаютъ Датчанъ или Ютландскій полуостровъ, слѣд. уже западный берегъ моря, онъ тотчасъ указываетъ Русь, т. е. необходимо послѣ запада попадаетъ на южный берегъ Варяжскаго моря, въ самый его уголъ или въ страну Славянскихъ Вагровъ, Оботритовъ, Рюгенцовъ, Велетовъ — Лютичей. Затѣмъ онъ

указываетъ Англянъ, которые въ этомъ случаѣ могутъ и должны обозначать не Британію, а страну Англо-Саксовъ, сидѣвшихъ позади славянскихъ племенъ, къ устью Эльбы; по этой причинѣ, въ словахъ о призваніи князей, отдѣливши Русь отъ прочихъ, Несторъ прежде указываетъ Англянъ, а потомъ Готовъ, т. е. измѣняетъ прежній порядокъ и идетъ отъ Руси къ западу (Англяне) и затѣмъ къ сѣверу (Готы—Датчане). Изо всего этого выходитъ, что указанія Нестора очень точны, что они до очевидности точно опредѣляютъ мѣсто до сихъ поръ незнаемой Руси.

По смыслу лѣтописнаго текста нѣтъ ни малѣйшаго основанія почитать эту Русь какою либо малою долею Шведовъ, Урманъ, Готовъ, Англянъ, въ родѣ какихъ либо шведскихъ лодочниковъ Родсовъ и т. п. Лѣтописецъ назначаетъ ей мѣсто равное съ четырьмя другими племенами. По его понятію Русь такое же цѣлое особое племя, какъ и другіе поименованные Варяги. Онъ ясно и точно отдѣляетъ ее отъ этихъ другихъ Варяговъ и никакая ученая изслѣдовательность въ этомъ случаѣ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія отыскивать Русь у Шведовъ, Урмановъ, Готовъ, Англянъ. Русь, по точному указанію лѣтописца, сидѣла на своемъ особомъ этнографическомъ мѣстѣ, никакъ не въ Швеціи, ни въ Норвегіи, ни въ Даніи, ни въ странѣ Англовъ. Она сидѣла только по сосѣдству съ двумя послѣдними, съ Даніею и древнею Англіею. Положимъ даже, какъ и толкуютъ, что Англіею у Нестора именуются уже Британскіе острова; но это ни сколько не служитъ помѣхою, что Англіею же именовалась страна при устьѣ Эльбы, едвали не простиравшая это названіе до самаго Рейна. Около 900 г. Британія все еще именуется Британіею, а материковая Англія—Англіею [1].

По Нестору Варяги простирались на западъ до земли Англянской и (вмѣстѣ съ Варягами Англянами) до земли Волошской, т. е. до Галліи или до Рейна.

Такимъ образомъ „математически ясно", что земля Руси, по точному перечисленію у Нестора варяжскихъ племенъ, должна падать на славянское поморье Вагировъ, Оботри-

---

[1] Шлецера Несторъ I, 115—116.

товъ, Рюгенцевъ, Лютичей, то есть на славянскую область между Лабою—Эльбою и Одеромъ—Одрою.

Несторъ, какъ видѣли, только въ двухъ случаяхъ перечисляетъ особыя племена Варяговъ, а затѣмъ вездѣ въ лѣтописи мы встрѣчаемъ одно слово: Варяги, безъ всякаго обозначенія, какого они племени. На этомъ основаніи Байеръ весьма произвольно растолковалъ, что это Скандинавы, что лѣтопись разумѣетъ здѣсь однихъ Скандинавовъ. Г. Погодинъ въ подтвержденіе собралъ всѣ тексты, гдѣ упоминается слово Варягъ. Но въ текстахъ все-таки не нашлось ни одной строки, сколько нибудь подтверждающей это мнѣніе. Только въ позднее время, въ 13-мъ и въ 16-мъ столѣтіяхъ, когда требовалось прямо указывать Шведовъ, лѣтописцы объясняютъ, что прежде они назывались Варягами: Зловѣрные и поганые Варяги, которые Шведами нарицаются, говоритъ напр. Сказаніе объ осадѣ Шведами Тихвина монастыря въ 1613 г. Въ свидѣтельствахъ же о 10—12 вѣкахъ вездѣ стоитъ безъ объясненій одно: Варяги.

Это глухое и слишкомъ общее показаніе лѣтописи заставляетъ даже предполагать, не разумѣетъ ли лѣтописецъ въ имени Варяги исключительно одно какое либо ихъ племя, наиболѣе знакомое и наиболѣе извѣстное древней Руси, съ которымъ Русь находилась въ безпрестанныхъ сношеніяхъ, и знала его такъ, что имя Варягъ не требовало уже дальнѣйшихъ поясненій, какіе и откуда были эти Варяги. Повидимому иначе и быть не могло. Нельзя же представить, что и Шведы, и Норвежцы, и Датчане, и Англяне, всѣ какъ одно племя, жили въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ древнею Русью; что всѣмъ имъ, какъ одному племени, Русь платила дань для мира; что всѣхъ ихъ, какъ одно племя, призывалъ на Грековъ Игорь; что ко всѣмъ къ нимъ, какъ къ одному племени, уходили Владиміръ, Ярославъ и т. п. Очевидно, что для правильнаго объясненія лѣтописныхъ показаній необходимо остановиться не на Скандинавахъ вообще, а на одномъ какомъ либо племени. Изслѣдователи, по близости, остановились на Шведахъ. Вотъ почему такъ вѣроятнымъ кажется, что Русь —князья были призваны изъ Рослагена. Но все основаніе для этого рѣшенія, заключается лишь въ одной вѣроятности, вызывающей притомъ безчисленныя противорѣчія

въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ древней руской исторіи. Лѣтопись не подаетъ и малѣйшаго намека на Шведовъ, когда говоритъ о Варягахъ. Правда изъ Исландскихъ Сагъ мы знаемъ, что у первыхъ нашихъ князей находились въ службѣ Шведы, а по указанію Титмара и Даны—Датчане. Но князьямъ служили и Печенѣги и вообще храбрые люди всякихъ народностей. Это еще ни сколько не объясняетъ того обстоятельства, какимъ Варягамъ платили мы дань до смерти Ярослава; съ какими Варягами, Новгородцы вели постоянный торгъ; какіе именно Варяги были для Руси въ собственномъ смыслѣ Варяги, то есть домашніе люди, въ землю которыхъ также можно было ходить, какъ домой, или спасаясь отъ внутреннихъ усобицъ, или призывая на помощь варяжское войско.

Въ нашей лѣтописи нѣтъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ показаній, чтобы таковы были наши отношенія къ ближайшимъ сосѣдамъ, Шведамъ. Напротивъ того, въ теченіи 11-го вѣка, когда лѣтопись становится обстоятельнѣе, она раскрываетъ, что наши связи тянутъ больше всего не къ Швеціи, а на западъ къ нѣмецкимъ землямъ и къ нашимъ соплеменникамъ, жившимъ подлѣ Нѣмцовъ. Мы полагаемъ, что эти связи были давнія и основывались на давнихъ нашихъ сношеніяхъ преимущественно съ Балтійскимъ Славянствомъ, черезъ которое нѣмецкая Европа была намъ гораздо извѣстнѣе, чѣмъ скандинавскія земли Шведовъ и Норвежцевъ. Мы полагаемъ что подъ именемъ Варяговъ въ собственномъ смыслѣ нашему первому лѣтописцу были извѣстны исключительно Варяги - Славяне, обитатели богатой торговой и воинственной приморской страны между Одрою и Эльбою.

Это были такъ сказать основные наши Варяги, всегда жившіе въ Новгородѣ и оставившіе тамъ о себѣ память даже въ названіи улицъ, каковы не одна Варяжская, но и Щетинница или Щетицинница, несомнѣнно ведущая свое начало изъ Штетина, такъ какъ Прусская отъ Прусовъ, равно какъ и другія, о которыхъ будемъ говорить послѣ. О другихъ Варягахъ мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ, могущихъ показать давнишнія связи и крѣпкія сношенія съ ними. Въ Новгородѣ объ нихъ не встрѣчается ни малѣйшей памяти. Нѣтъ ни Шведскаго, ни Урманскаго, ни Дат-

скаго, ни Англянскаго подворья, ни улицы. Позднѣе въ 13 вѣкѣ, какъ видно изъ Устава о мостовыхъ, живутъ въ немъ Нѣмцы и Готы, но они точно отдѣляются своими именами отъ Веряжанъ, если считать этихъ послѣднихъ или Варягами или жителями прежней Варяжевой улицы. Нѣмцы и Готы появляются въ Новгородѣ безъ имени Варяговъ въ то время, когда наши настоящіе, основные Варяги были окончательно можно сказать истреблены тѣми же Нѣмцами и Датчанами. Это случилось къ концу 12-го или въ началѣ 13-го вѣка. Съ тѣхъ поръ и въ нашихъ лѣтописяхъ Варяжское имя совсѣмъ исчезаетъ и остается только украшеніемъ цвѣтущаго слога, особенно у писателей витіеватыхъ[1].

Въ первой половинѣ 13-го вѣка, въ 1240 г., Свеи, Мурмане, такъ только и называются, безъ имени Варяговъ. Но и въ предыдущее время, лѣтописи, говоря о Варягахъ, всегда разумѣютъ въ этомъ имени какъ бы особый извѣстный имъ народъ, отнюдь не Скандинавовъ, которыхъ они прямо обозначаютъ племенными именами: Готы, Доня (Данія) въ 1130 и 1134 г., Свейскій (а не Варяжскій) князь въ 1142 г.[2].

---

[1] Изслѣдованія г. Погодина II, 36, 37. Одни эти риторическіе тексты Скандинавоманы и приводятъ между прочимъ въ доказательство Скандинавства Варяговъ.

[2] Есть одно для толкованія весьма трудное мѣсто въ Новгородской Лѣтописи подъ годомъ 1188, гдѣ сказано: «Рубоша Новгородьцѣ Варяги, на Гътѣхъ Нѣмьцѣ, въ Хоружьку и въ Новотържьцѣ; а на весну не пустиша изъ Новагорода своихъ ни одиного мужь за море, ни съла вѣдаша Варягомъ, нъ пустиша я безъ мира».

Г. Погодинъ растолковалъ, что живущіе на Готландѣ Варяги заточили Новгородцевъ и пр., что Нѣмцы поставлены здѣсь для поясненія Варяговъ. Но можно читать такимъ образомъ: заточили въ тюрьму, въ порубъ, Новгородцевъ Варяги, а въ Готіи (тоже заточили) Нѣмцевъ, въ Хоружку и въ Новоторжкѣ... «Форма Нѣмцѣ есть тоже винительный падежъ, какъ и форма Новгородцѣ. Еще яснѣе въ томъ же смыслѣ это читается въ Академическомъ спискѣ Новгородской лѣтописи, гдѣ о Новгородцахъ не поминается, а только о Нѣмцахъ: «Рубиша Варяьи на Хтѣхъ Нѣмци въ Хорюжку и в Новотръцихъ...»

Это мѣсто во всякомъ случаѣ очень важно для объясненія, кто такіе были Варяги. Имена городовъ славянскія, стало быть, по крайней мѣрѣ Хоружекъ надо искать гдѣ либо на Славянскомъ поморьѣ.

Вообще всѣ свидѣтельства, собранныя не объ однихъ Варягахъ, а вмѣстѣ и обо всѣхъ сношеніяхъ Новгорода съ Варяжскимъ поморьемъ, очень явственно раскрываютъ, что именемъ Варяговъ въ собственномъ смыслѣ древнѣйшія лѣтописи обозначаютъ особое отъ Скандинавовъ племя, съ которымъ Русь жила, какъ съ своимъ братомъ, въ безпрестанныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ, никогда не вела съ ними войны ополченіемъ, а ссорилась съ ними въ торговыхъ дѣлахъ и наказывала ихъ тѣмъ, что не пускала къ нимъ своихъ пословъ и гостей. Для этихъ Варяговъ такіе поступки Новгородцевъ бывали хуже всякаго побоища и они обыкновенно приѣзжали просить мира и снова установляли старыя сношенія, иногда на всей волѣ Новгородской. Такъ случилось въ 1201 г., когда слава Варяговъ уже истреблялась, и когда они приходили въ Новгородъ просить мира даже сухимъ путемъ, горою, какъ говоритъ лѣтопись. А извѣстно, что въ Новгородъ и Псковъ черезъ Литву издревле ѣзжали купцы изъ Любека, Ростока, Стральзунда, Грипсвальда, Штетина и съ Готланда [1].

Послѣ этого имя Варяговъ въ Новгородѣ смѣняется именемъ Нѣмца, овладѣвшаго, какъ извѣстно, всѣми торговыми оборотами Поморскаго Славянства и изъ его развалинъ создавшаго потомъ Ганзейскій Союзъ. Отчего же имя Варягъ не смѣнилось именемъ Шведа? Оттого, конечно, что съ Швеціею съ древнѣйшаго времени никогда не было особенно тѣсныхъ торговыхъ связей. Въ этомъ случаѣ она стояла на ряду, если еще не на заднемъ планѣ, съ другими Скандинавами. Новгородцы ѣзжали торговать и къ Готамъ, и въ Доню — Данію; но не видно, чтобы они такимъ же образомъ ѣзжали въ Швецію. Изъ всѣхъ свидѣтельствъ, собранныхъ г. Погодинымъ (Изслѣд. 111, 269 — 271) о торговлѣ съ Скандинавами, выходитъ, что только Скандинавы отправлялись въ Русь за покупками, а сами Русскіе къ нимъ не ѣздили. И это очень понятно и естественно. Новгородъ нисколько не нуждался въ шведскихъ товарахъ, ибо самъ имѣлъ такіе же и еще лучше. Напротивъ Швеція и весь сѣверъ очень нуждались въ товарахъ Новгорода, потому что черезъ него шли товары византійскіе и

[1] Карамз. IV, пр. 279. Грамота Гедимина 1323 года.

азіатскіе, которыхъ сѣверъ ближе и слѣд. дешевле нигдѣ не могъ достать.

Въ лѣтописяхъ сохранилось только одно извѣстіе о древнѣйшихъ нашихъ отношеніяхъ къ Швеціи. Въ 1142 г. шведскій князь, еще съ епископомъ, въ 60 лодкахъ напалъ на Новгородскихъ гостей шедшихъ „изъ за моря" въ трехъ ладьяхъ. Однако послѣ битвы онъ ничего не успѣлъ, и только потерялъ своихъ полтораста человѣкъ. Все это опять очень естественно, ибо богатство всегда оставалось на сторонѣ Новгорода, а промыслъ разбойный на сторонѣ Скандинавовъ.

Съ Шведами, и Мурманами, какъ съ ближайшими сосѣдами, точно также, какъ потомъ съ Ливонскими Нѣмцами у Новгородцевъ всегда существовало больше вражды, чѣмъ мира. Вражда безпрестанно поднималась изъ за границъ, изъ-за владычества надъ Чудскими, Корельскими и другими Финскими племенами, которыя обитали такъ сказать между двухъ огней, между Русью и Скандинавіей. Извѣстно, что и въ позднее время добрые и простодушные Корелы и Лапонцы платили дань и Мурманамъ и Русскимъ. Изъ за этой дани несомнѣнно еще съ глубокой древности шла борьба между Новгородомъ и заморскими Свеями и Мурманами. Очевидно, что Славянскія сношенія съ ихъ краемъ никогда не могли быть искренни и особенно дружелюбны. Не въ этой сторонѣ, слѣдовательно, жили тѣ Варяги, которые бывали въ Новгородѣ домашними людьми.

Вообще изъ тѣхъ же самыхъ доказательствъ о Скандинавствѣ Варяговъ, собранныхъ во множествѣ въ изслѣдованіяхъ г. Погодина, нисколько не выясняется, чтобы Варяги были Скандинавы. На основаніи тѣхъ же свидѣтельствъ ихъ можно и должно признать Славянами, такъ какъ имя Варягъ, обозначая всѣхъ обитателей Балтійскаго моря, необходимо должно обозначать какое либо одно ихъ племя. Такимъ племенемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, были Балтійскіе Славяне, жившіе въ той странѣ, гдѣ Несторъ прямо указываетъ и мѣсто нашей Руси, которую онъ весьма точно отдѣляетъ отъ всѣхъ Скандинавовъ.

Это лучше всего подтверждается показаніями самого Нестора, гдѣ онъ говоритъ о разселеніи въ Европѣ Афетова племени. Переходя къ нашей странѣ, онъ пишетъ: „Въ Афе-

товѣ же части сѣдятъ: Русь, Чудь и вси языцы", т. е. Чудскіе, которыхъ перечисляетъ по именамъ и оканчиваетъ Литвою и прибалтійскими чудскими племенами. Дойдя до моря, онъ именуетъ Поморцевъ, говоря: Ляхове, Прусь и Чудь присѣдятъ къ морю Варяжскому. Здѣсь въ первый разъ онъ упоминаетъ это море, и продолжаетъ, какъ бы поясняя его имя: „По сему же морю сѣдятъ, присѣдятъ Варязи, сюда, къ востоку, до предѣла Симова (то есть до предѣла Азіи, до Дона, Волги и Каспійскаго моря). По тому же Варяжскому морю сѣдятъ Варяги къ западу до земли Агнянски (Англосакской) и до Волошьски, т. е. до Галліи - Франціи". Ясно что Несторъ, указывая мѣсто жительства Варяговъ, разумѣетъ южное балтійское Поморье, гдѣ сѣдятъ Чудь, Прусь, Ляхове, Варяги до Англіи (материковой) и до Франціи, все также по материку.

После того, идя по порядку, онъ перечисляетъ всѣхъ другихъ европейцевъ, начиная съ извѣстныхъ уже ему Варяговъ, на которыхъ остановился, и говоря: „Аѳетово бо и то колѣно: Варязи". Потомъ, указавъ именемъ Варяговъ конецъ балтійскаго южнаго берега, онъ обращается къ восточному концу сѣвернаго берега и продолжаетъ исчисленіе: „Свеи, Урмане, Готѣ, Русь, Агняне, Галичане, Волъхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдици, Фрягове и прочіе, которые присѣдятъ отъ запада къ полудню, къ югу", и сосѣдятъ съ племенемъ Хамовымъ (въ Африкѣ).

Норманисты имя Варяги ставятъ лишь объясненіемъ Шведовъ, Урманъ, Готовъ и пр. Но это чистый произволъ и наклоненіе лѣтописнаго свидѣтельства на сторону своего пристрастія. Несторъ селенія Варяговъ распространяетъ на востокъ до Азіи, и на западъ до Англосаксоніи. Возможно ли такъ распространить на востокъ Скандинавское племя? Пусть укажутъ, въ какомъ мѣстѣ скандинавскія селенія доходили до Азіи. Между тѣмъ Славянское племя занимало именно всю линію, указанную лѣтописцемъ; изъ чего можетъ слѣдовать одинъ выводъ, что Варяги Нестора прежде всего были племя Славянское, что Варяжское море значило Славянское море, что Скандинавы назывались у насъ Варягами только потому, что жили на томъ же Варяжскомъ морѣ; что собственная страна Варяговъ по прямому разумѣнію лѣтописца находилась на южномъ побережьѣ моря,

къ западу за Ляхами, и протягивалась по материку до Англосаксонской земли и до Франціи.

Если на перекоръ простому смыслу лѣтописи, будемъ толковать ея показанія иначе, то встрѣтимъ, какъ и встрѣчаютъ норманисты, непреодолимыя противорѣчія, заставляющія раздвигать Варяжское море до Испаніи, а на востокъ до Волжской Болгаріи и даже до Китая [1]; заставляющія почитать Варягами всѣхъ европейскихъ Поморцевъ до Адріатики; заставляющія почитать точныя свидѣтельства Нестора на равнѣ съ фантастическими неуловимыми свидѣтельствами нѣкоторыхъ арабскихъ, да и то позднѣйшихъ писателей.

Такимъ способомъ это замѣчательно-точное и ясное мѣсто лѣтописи норманисты затемнили своимъ пристрастнымъ толкованіемъ.

Почему Несторъ не разсказываетъ еще съ большею точностью о странѣ Славянъ-Варяговъ, не указываетъ ея мѣстъ и городовъ по имени и ограничивается только однимъ словомъ: Варяги, это можно объяснить только очень близкимъ его знакомствомъ съ Славянами-Варягами, по которому ни въ одномъ случаѣ онъ не почиталъ надобнымъ входить въ подробности, въ свое время всѣмъ извѣстныя. При словѣ Варягъ, и онъ, и вся тогдашняя знающая Русь, очень хорошо понимали, какой это народъ и въ какой странѣ онъ живетъ, такъ какъ и мы теперь при словѣ Англичанинъ, Нѣмецъ, Французъ, не почитаемъ надобнымъ объяснять подробно, что это за народы и въ какихъ странахъ они живутъ. Мы видѣли, что не слишкомъ извѣстныхъ Шведовъ, Датчанъ лѣтопись прямо объясняетъ ихъ же именами, не прибавляя имени Варягъ. Напротивъ того, при имени Варягъ, она ни въ одномъ случаѣ не дѣлаетъ никакого поясненія.

Еще въ первой половинѣ 16-го вѣка австрійскій посолъ въ Москву, Герберштейнъ, въ своихъ Запискахъ о Московіи предложилъ слѣдующее рѣшеніе мудренаго вопроса, откуда бы могла произойдти наша Русь? Не узнавши ни-

[1] Г. Погодинъ. Изслѣдованія II, стр. 7, 10.

чего ни изъ нашихъ лѣтописей, ни изъ разговоровъ съ тогдашними знающими Русскими людьми, кто были славные Варяги, призванные къ намъ на княженіе, онъ говоритъ: „Основываясь на томъ, что Балтійское море называется у русскихъ Варяжскимъ моремъ, думалъ я, что и князья ихъ, по сосѣдству, были или изъ Швеціи, или изъ Даніи, или наконецъ изъ Пруссіи. Но такъ какъ, смежная съ Любичемъ (Любекомъ) и герцогствомъ Голзацкимъ (Голштейнъ) Вагрія была нѣкогда у Вандаловъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ городовъ и областей, такъ что и Балтійское море, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отъ ней получило свое названіе, а это море и донынѣ у Русскихъ сохранило названіе Варяжскаго моря,—и какъ, сверхъ сего, Вандалы въ то время были сильны и считались Русскимъ въ родствѣ (по славянству) и по языку, и по вѣрѣ, и по обычаямъ; то мнѣ кажется вѣроятнѣйшимъ, что Русскіе призвали къ себѣ князей изъ Вагровъ или Варяговъ, а не изъ иноземцевъ, несходныхъ съ ними ни вѣрою, ни нравами, ни языкомъ“.

Такъ разсуждаетъ Герберштейнъ въ своей книгѣ, изданной уже гораздо послѣ его возвращенія изъ Россіи. Но онъ самъ же пишетъ, что, разсуждалъ объ этомъ, когда былъ въ Москвѣ, съ тогдашними Москвичами, и въ первое время, стало быть еще въ Москвѣ, думалъ, что наши князья могли придти изъ Швеціи, Даніи или изъ Пруссіи.

Такимъ образомъ толки о происхожденіи Руси, послѣ Кіевскихъ толковъ при Несторѣ, чрезъ нѣсколько столѣтій, возникли снова уже въ Москвѣ. Точно также и въ это время они не остались безъ слѣда въ нашей письменности. По всему вѣроятію, на основаніи этихъ разсужденій и толковъ, тогдаже сочинена басня о призваніи Рюрика отъ племени Пруссова, и что этотъ Прусъ былъ братъ римскаго кесаря Августа, что отъ него прозвалась Прусская земля и т. д. Тогда, какъ извѣстно, сочинялась въ Москвѣ въ замѣнъ лѣтописей, Русская Исторія. По мыслямъ и потребностямъ времени она сочинялась съ цѣлью возвысить и прославить царскій родъ и по этому была обработана по степенямъ царскаго родословія, отчего и получила названіе Степенной Книги.

Въ этой первой Русской Исторіи заняла свое мѣсто и упомянутая басня, вполнѣ удовлетворявшая своимъ сказаніемъ перваго нашего царя Ивана Васил. Грознаго, крѣпко вѣровавшаго, что онъ не мужичій родъ, какимъ по его мнѣнію былъ современный ему шведскій король, а происходитъ онъ по прямой линіи отъ крови римскихъ кесарей, то есть отъ царской крови.

Повидимому, Герберштейнъ, оставившій на Руси догадку о происхожденіи нашихъ князей изъ Пруссіи, послѣ уже, когда воротился домой, додумался, что вѣроятнѣе всего они могли происходить изъ Вагріи. Въ началѣ 18-то столѣтія, при Петрѣ, эта догадка была довольно обстоятельно развита неизвѣстнымъ изслѣдователемъ, который свои соображенія, быть можетъ по изысканіямъ Лейбница, опиралъ главнымъ образомъ на сказаніи Гельмольда и, что еще важнѣе, на географическихъ именахъ земель и водъ, раскрывавшихъ полное славянство всего южнаго Балтійскаго Поморья. Какъ видѣли, въ этомъ же направленіи разсуждали, и Тредьяковскій, и Ломоносовъ, который весьма здраво и очень вѣрно объяснивши, что такое были Варяги, развиваетъ однако мысль той же Степенной Книги и доказываетъ только, что ея Пруссы были Славяне, такъ какъ все это Поморье до самой Вагріи (Голштиніи) населено было Славянами. Байеръ, конечно, отвергъ славянскую догадку Герберштейна, какъ не подходящую къ нѣмецкимъ воззрѣніямъ.

Однако, не смотря на нѣмецкую ученость, совсѣмъ затмившую всѣ противоположныя ей мнѣнія, не ученая, а простая разсудительная мысль о славянскомъ происхожденіи Руси не угасала. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, когда нѣмецкое байеровское ученіе о Скандинавствѣ торжествовало въ полной мѣрѣ и при горячей помощи г. Погодина не пропускало безъ опроверженія ни одного противнаго слова, славянское ученіе въ лицѣ Каченовскаго, Венелина, Максимовича и другихъ, невольно склонялось къ мнѣнію Герберштейна и приводило по временамъ новыя соображенія и подтвержденія въ пользу славянства Руси. Къ сожалѣнію, никто изъ названныхъ писателей и ихъ продолжателей не посвятилъ этому вопросу особаго изслѣдованія, хотя бы въ совмѣстность съ изслѣдованіемъ „о про-

исхожденіи Руси" г. Погодина. Преждевременная кончина Венелина остановила критику его „Скандинавоманіи", на самой важной и любопытной строкѣ.

Надо сказать, что самъ г. Погодинъ нѣсколько времени находился подъ вліяніемъ мнѣнія о славянствѣ Руси вмѣстѣ съ Вагирствомъ Каченовскаго. „Но лишь только оборотился вновь къ источникамъ, то и утвердился въ прежнихъ своихъ мысляхъ"[1]. Значитъ славянская мысль была мечта, не имѣвшая никакой почвы въ источникахъ. Г. Погодинъ такъ-таки прямо и называетъ ее пустословіемъ. Къ сожалѣнію, достопочтимый ученый оборотился только къ однимъ скандинавскимъ источникамъ и оставилъ безъ разсмотрѣнія и безъ надлежащаго вниманія источники, въ которыхъ очень многое наравнѣ съ Скандинавами говорилось и о Славянствѣ.

Изъ темнаго лѣса скандинавскихъ источниковъ, конечно, ничего нельзя было вѣрно разсмотрѣть и въ нашей лѣтописи. Еще Максимовичъ, весьма просто и ясно читавшій лѣтопись, настаивалъ, что Несторъ, назвавши въ числѣ Варяговъ Русь, вовсе не даетъ ни малѣйшаго свидѣтельства, чтобы всѣ Варяги были непремѣнно Скандинавы и что поэтому изъ словъ Нестора вовсе не слѣдуетъ, что его Русь были Скандинавы. „Нѣтъ, очень слѣдуетъ, отвѣчаетъ г. Погодинъ, ибо Несторъ не говоритъ только, что Русь была Варяги, но что Русь была такіе же Варяги, какъ Шведы, Англичане, Норвежцы". Мы уже видѣли, какая сила логики заключается въ этомъ объясненіи.

„Допускаемъ, продолжаетъ г. Погодинъ, что Русь-Рюгенъ, Варяги-Вагиры и все, что вамъ угодно. Гдѣ же доказательство, что оттуда призваны были князья? Утвержденіе ваше совершенно произвольно". Но гдѣ же доказательство, что князья были призваны изъ Скандинавіи, изъ Швеціи? Это усердное, вѣковое отыскиваніе тамъ Руси и утвержденіе, что она именно тамъ находилась, еще больше произвольно, потому что не имѣетъ ни малѣйшей опоры въ словахъ лѣтописи и опирается только частію на исландскія сказки, частію на произвольномъ толкованіи однимъ скандинавскимъ

[1] Изслѣдованія II, 184, 213.

языкомъ очень переиорченныхъ Русскихъ или Славянскихъ именъ.

„Неужели, настаиваетъ г. Погодинъ, (какъ только) князья были призваны, то съ страною ихъ уничтожилось всякое сношеніе? Съ чѣмъ это сообразно? А у насъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминовенія ни о Рюгенѣ, ни о Вагирахъ-Славянахъ, никакого слѣда сношеній, знакомства. Точно такъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминовенія о насъ въ памятникахъ Рюгенцевъ, Вагировъ, хотя они въ то время получили уже лѣтописателей, напр. Гельмольда". Но неужели все это правда? Кое что о нашей странѣ упоминаетъ Гельмольдъ и другіе западные писатели средняго вѣка. О нашихъ сношеніяхъ съ Варягами довольно упоминаетъ Несторъ, называя ихъ только однимъ именемъ Варяги и не обозначая ихъ городовъ. Попробуйте въ этомъ имени разумѣть однихъ Славянъ, не отвюдь не Скандинавовъ, и тогда все объяснится какъ нельзя лучше и не встрѣтится ни одного противорѣчія именно такому, а не иному пониманію, кто были для нашего лѣтописца настоящіе Варяги. Рюгенцы и Вагиры къ несчастію не оставили ни лѣтописей, ни сагъ въ родѣ Исландскихъ. Но дѣло не въ этомъ, а вотъ въ чемъ: развѣ были направлены на Рюгенъ и Вагировъ такія же старательныя и внимательныя до самыхъ мелочей изслѣдованія, какія были направлены на Русь шведскую, и вообще скандинавскую; развѣ самъ г. Погодинъ разслѣдовалъ этотъ вопросъ въ настоящей мѣрѣ, параллельно съ скандинавствомъ? О важнѣйшемъ предметѣ, напр., о Русской торговлѣ съ Балтійскими Славянами, онъ говоритъ мимоходомъ въ нѣсколькихъ строкахъ; и если въ опарахъ доказываетъ, что „Славяне тамошніе, сосѣди Датчанъ, были во многихъ смыслахъ Норманнами", то это доказательство приводится только въ подтвержденіе, что всѣ Варяги были Скандинавы [1].

„Вы раздѣляете Варяговъ и Русь, оканчиваетъ г. Погодинъ, между тѣмъ какъ ихъ раздѣлять ни коимъ образомъ нельзя: Русь была видъ, а Варяги родъ. Всякой русскій былъ Варягъ, какъ всякій Саксонецъ есть Нѣмецъ, или Пикардецъ—Французъ". Но какимъ же образомъ мы не дол-

[1] Изсл. III. 268. Рус. Истор. Сборникъ I, кн. 3, стр. 114.

жены ихъ раздѣлять, когда первый ихъ раздѣлилъ Несторъ, и раздѣлилъ именно для того, чтобы отдѣлить отъ прочихъ Варяговъ свою родную Русь. Этихъ однихъ Варяговъ онъ назвалъ Русскими Варягами, быть можетъ въ томъ именно смыслѣ, что они были Славяне. Повторяемъ, что признавать Варяговъ за однихъ Скандинавовъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ разсудительно говорить, что всякій европеецъ есть Нѣмецъ. Имя Варяги было общее географическое имя Балтійскому Поморью, гдѣ по южному берегу жили одни Славяне, да Прусы, да Чудь. Въ самой дѣйствительности это было такое же имя, какъ Европа, Европеецъ; какъ въ древности Скиѳъ, Сарматъ, даже Германецъ, ибо страна отъ запада до Вислы вся была Германія, хотя въ ней жило множество Славянъ.

Какъ только поплыли Новгородцы за море къ Варягамъ призывать князей, такъ лѣтописецъ и почитаетъ необходимымъ въ точности указать то племя, къ которому направлялся ихъ путь.

Намъ кажется, что въ этомъ незамѣтномъ на взглядъ указаніи Нестора о раздѣленіи Варяговъ на племена находится истинный ключь къ правильному уразумѣнію всѣхъ его свидѣтельствъ о Варягахъ-Руси, тѣхъ свидѣтельствъ, которыя нѣмецкая школа усиленно и съ большими натяжками старается растолковать по нѣмецкимъ воззрѣніямъ. „Но для чего нужно подобное предположеніе (о славянствѣ Варяговъ) въ наукѣ?“ спрашиваетъ г. Соловьевъ. „Существуютъ ли въ нашей древней исторіи такія явленія, которыхъ никакъ нельзя объяснить безъ него? Такихъ явленій мы не видимъ“, заключаетъ уважаемый историкъ [1].

Именно такое предположеніе выростаетъ само собою, какъ скоро изыскатель освобождается отъ норманскаго призрака. Такое предположеніе нужно для возстановленія правды въ первоначальной Русской исторіи. При свѣтѣ этой правды изчезаютъ, какъ дымъ, всѣ безвыходныя противорѣчія, нанесенныя въ нашу исторію только ученіемъ о скандинавствѣ Руси, и вполнѣ объясняются всѣ послѣдующія явленія Русской жизни, которыхъ никакъ нельзя объяснить прославленнымъ скандинавствомъ. Уважаемый авторъ, говоря о

---

[1] Исторія Россіи I, 84, пр. 143, 147, перваго изданія.

скандинавскомъ мнѣніи, что оно основывается на очевидности, самъ же объясняетъ, что изъ остальныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ никакъ не видно, чтобы Варяги были одни Скандинавы. Вся его очевидность основывается только на толкованіи въ скандинавскую сторону всѣхъ и всякихъ свидѣтельствъ.

Нѣмецкая школа, толкуя безпрестанно объ однихъ только Варягахъ-Скандинавахъ, успѣла вселить въ умы, что на Балтійскомъ морѣ, какъ будто никто и никогда не жилъ, кромѣ Скандинавовъ. Она же убѣдила всѣхъ, что по этому Варяжскому морю плавали и хозяйничали только одни Норманны-Скандинавы и никто другой; что Славяне вообще всѣ безъ исключенія и всегда были народомъ сухопутнымъ, тихимъ, смиреннымъ, чуть не боязливымъ, такъ что и по морямъ не плавали. Все это мы крѣпко затвердили еще на школьныхъ скамьяхъ и потому никакъ не рѣшаемся даже подумать о томъ, чтобы Славяне, живя при моряхъ, могли тоже плавать въ корабляхъ по морю. Однако западные же лѣтописцы разсказываютъ совсѣмъ другое. На основаніи ихъ свидѣтельствъ, г. Гедеоновъ очень справедливо заключаетъ, что „какъ на берегахъ Адріатики и Средиземнаго моря, Славяне адріатическіе, такъ на берегахъ Сѣвернаго и Балтійскаго, Славяне вендскіе отличались безпрерывными походами и морскими предпріятіями. Имя Норманновъ", прибавляетъ г. Гедеоновъ въ другомъ мѣстѣ, „еще не проникало въ Европейскую исторію, когда Русскіе и Дунайскіе Славяне ходили моремъ въ Византію, Хорутанскіе или Хорваты опустошали своими набѣгами берега Адріатики. О морскихъ войнахъ балтійскихъ Славянъ съ Норманнами, говоритъ г. Гедеоновъ, находимъ безчисленныя свидѣтельства въ Скандинавскихъ Сагахъ, у Адама Бременскаго, Гельмольда, у біографовъ св. Оттона, Саксона Грамматика" и т. д., которые вообще о Славянахъ разсказываютъ тоже самое, что мы привыкли приписывать исключительно однимъ Норманнамъ.

Тѣже свидѣтельства сверхъ того объясняютъ, что почти во всѣхъ норманскихъ набѣгахъ участвовали и Славяне, чего и слѣдовало ожидать, по сожитію на одномъ морѣ, и

особенно, если походы предпринимались противъ какой либо сильной и богатой страны: тогда соседы моряки конечно даже по необходимости вступали въ союзъ, чтобы уравнять свои силы съ силами врага и раздѣлить вмѣстѣ добычу.

Всѣ подобныя заключенія, вовсе непринятыя въ соображеніе при изслѣдованіи, что такое были Варяги, вполнѣ подтверждаетъ именно Исторія Балтійскихъ Славянъ, раскрываемая единственно только свидѣтельствами западныхъ средневѣковыхъ писаній, по большой части даже враждебныхъ къ Славянамъ, какъ къ язычникамъ [1].

Изъ этой исторіи мы узнаемъ, что самое крайнее на западѣ славянское племя въ тоже время было и самымъ передовымъ въ борьбѣ съ Германцами. Это племя жило въ углу Балтійскаго моря, гдѣ и теперь остаются его старые онѣмеченные города, Ольденбургъ, прежній Старградъ, Висмаръ-Все-міръ, Любекъ. Оно называлось Ваграми, Вагирами. Вотъ что говоритъ о Babrахъ Гельмольдъ, писатель 12 вѣка: „Городъ Альденбургъ, тотъ самый, который по славянски называется Стары-градъ, т. е. Старый городъ, лежитъ въ странѣ Вагровъ, на западномъ берегу Балтійскаго моря, и составляетъ крайній предѣлъ Славія (славянской земли). Этотъ городъ и вся страна Вагрская въ старину населены были самыми храбрыми людьми, потому что, стоя впереди всѣхъ славянскихъ народовъ и гранича съ Датчанами и Саксами, Вагры всегда первые и направляли военное движеніе на сосѣдей, и принимали на себя ихъ удары“. Гельмольду разсказывали, что „Вагры нѣкогда господствовали надъ многими даже отдаленными Славянскими народами“. Ихъ сосѣди Нѣмцы, Англо-Саксы, хотя и были уже христіане, но предавались также грабежу и разбою: кто не умѣлъ у нихъ ходить на разбой, тотъ почитался глупымъ и безславнымъ. Такое сосѣдство конечно держало и Вагровъ въ тѣхъ же самыхъ нравахъ. Кромѣ того другіе сосѣди, Датчане, разбойничали по морю, въ чемъ нисколько не уступали имъ и Вагры. Въ этомъ разбойномъ углу Балтійскаго моря трудно было указать, кто былъ первый разбойникъ.

---

[1] Собраніе сочиненій А. Гильфердинга, т. IV, Исторія Балтійскихъ Славянъ.—Полабскіе Славяне А. Павинскаго.

Вагры обладали островомъ Фембрmoю, и отсюда распространяли свои набѣги, такъ что ихъ приморская область называлась Славянскою Морскою областію. Гельмольдъ такъ описываетъ разбойниковъ Славянъ: „Данія, состоя по большой части изъ острововъ и окруженная водами, не легко можетъ уберечься отъ нападеній морскихъ разбойниковъ, потому что въ изгибахъ ея береговъ необыкновенно удобно скрываться Славянамъ; выходя тайкомъ изъ засады, они наносятъ ей внезапные удары. Вообще же Славяне въ войнѣ успѣваютъ наиболѣе своими засадами. И оттого даже въ недавнее время разбойническая жизнь между ними такъ усилилась, что, пренебрегая всѣми выгодами хлѣбопашества, они вѣчно были готовы къ морскимъ походамъ и наѣздамъ, надѣясь на свои корабли, какъ на единственное средство къ обогащенію.... На нападенія Датчанъ они не обращаютъ вниманія и даже считаютъ особеннымъ наслажденьемъ съ ними биться“.

Таковы были Вагры, иначе Варги, занимавшіе ту страну, гдѣ древніе географы помѣщаютъ Варновъ, Вариновъ, Врановъ, отъ которыхъ, какъ еще думали во времена Герберштейна, въ самомъ дѣлѣ Балтійское море могло прозываться Варяжскимъ. Въ Скандинавскомъ языкѣ vargr значитъ волкъ, разбойникъ, бѣглецъ, воръ, хищникъ; поэтому можно заключить, что страна Вагровъ, вмѣсто Варновъ, была такъ прозвана самими Скандинавами и что этотъ славянскій балтійскій уголъ уже въ глубокой древности почитался у Скандинавовъ разбойнымъ гнѣздомъ. Вагры особенно гнѣздились, какъ сказано, на островѣ Фембрѣ, теперь Фемернъ.

Другое разбойничье славянское гнѣздо находилось на островѣ Рюгенѣ. Адамъ Бременскій объ этихъ двухъ островахъ Фембрѣ и Рюгенѣ пишетъ, между прочимъ, что они наполнены пиратами и кровавыми разбойниками, не дающими никому проѣзду, ни пощады. Плѣнныхъ, которыхъ другіе продаютъ, они убиваютъ. Однако есть указанія, что Славяне вообще такъ поступали только съ иноплеменниками и щадили своихъ родичей.

Затѣмъ славились тѣми же предпріятіями и жители острововъ въ устьѣ Одера, Велеты или Лютичи, имя которыхъ по славянски означало тѣхъ же Вагровъ, лютыхъ волковъ, разбойниковъ. Имя Велетовъ больше всего звучало, говоритъ

Шафарикъ, въ теченіи четырехъ столѣтій, съ 798 г. по 1157 г. Даже Балтійское море называлось иногда по ихъ имени Велетскимъ.

Вотъ тѣ острова океана, о которыхъ носились темные слухи у писателей первыхъ шести вѣковъ нашего лѣтосчисленія. Острова конечно лучше всего способствовали для устройства исключительно мореходной жизни и потому естественно, что они всегда были такъ сказать гнѣздами морскихъ витязей. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ другихъ береговыхъ мѣстахъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, существовало тоже, что и на островахъ. Такъ о Поморянахъ, собственно жившихъ между Одрою и Вислою, одинъ писатель говоритъ, что это были „люди опытные въ войнѣ на сушѣ и на морѣ, привыкшіе жить грабежомъ и добычею, неукротимые по врожденной свирѣпости". Гельмольдъ, говоря вообще о балтійскихъ Славянахъ, заключаетъ, что „все это народъ, преданный служенію идоловъ, всегда буйный и безпокойный, ищущій добычи въ морскомъ разбоѣ, вѣчный врагъ Датчанамъ и Саксамъ (Нѣмцамъ)."

Вообще изъ всѣхъ западныхъ свидѣтельствъ выясняется одно, что балтійскіе Славяне были воинственны, храбры, свирѣпы, люты, и что въ этихъ качествахъ первое мѣсто между ними принадлежало Велетамъ—Лютичамъ, о которыхъ даже Англичане въ 11-мъ вѣкѣ знали, „какъ о народѣ самомъ воинственномъ на сушѣ и на морѣ", а Итальянцы говорили, что они „изъ всѣхъ народовъ Германіи самый жестокій, который свирѣпѣе всякой свирѣпости".

„Славянамъ, говоритъ Гельмольдъ, была врожденна свирѣпость, ненасытная, неукротимая, которая наносила гибель окрестнымъ народамъ, на сушѣ и на морѣ".

Однако всѣ эти свирѣпыя краски, которыми западные писатели изображали балтійскихъ Славянъ, рисуютъ вовсе не то, что Славяне были свирѣпы въ самомъ дѣлѣ изъ одной природной свирѣпости. Здѣсь попросту выясняется только настоящее качество ихъ характера. Видно, что они никакой обиды не прощали и умѣли себя защитить во всѣхъ углахъ своего моря. Главный промыселъ всего Славянскаго населенія состоялъ вовсе не въ разбоѣ и не въ грабежѣ. Они усердно занимались земледѣліемъ и еще болѣе торговлею. Вести торговлю посреди скандинавскихъ разбойниковъ ко-

нечно небыло возможности безъ того, чтобы самому не сдѣлаться такимъ же свирѣпымъ грабителемъ, и тѣмъ болѣе, что вообще тогдашній купецъ иначе ничего не могъ ни продать, ни купить, какъ держа въ одной рукѣ товаръ, а въ другой мечь.

И мы видимъ, что эти же самые лютые Лютичи—Велеты, свирѣпѣйшіе всякой свирѣпости, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіе всей балтійской торговли.

Дѣйствительно, отличные, отважные и неустрашимые мореходцы, прибалтійскіе Славяне еще больше славились своею торговлею и земледѣльческимъ богатствомъ своей страны. Въ этомъ они стояли несравненно выше Норманновъ-Скандинавовъ, владѣвшихъ скудною природою, которая, собственно, и вытѣсняла ихъ на морской разбой.

О славянской же землѣ современные свидѣтели говорятъ, что въ сѣверной нѣмецкой Европѣ это была земля обѣтованная, въ которой недоставало развѣ только винограду, фиговъ и маслинъ. Всего въ ней было вдоволь. Но довольство заключалось не въ однихъ природныхъ достаткахъ страны, въ родѣ рыбы, звѣря и т. п., а главнымъ образомъ оно заключалось въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя прямо показывали, что земля находится въ рукахъ хозяйскихъ и обработывается въ сильной степени[1].

Въ самомъ дѣлѣ, изысканія о древностяхъ балтійскихъ Славянъ приводятъ къ тому рѣшенію, что въ 9 и 10 вв. не было страны на сѣверѣ Европы болѣе населенной и лучше воздѣланной именно относительно обработки полей. Такимъ образомъ главная сила славянскаго балтійскаго Поморья заключалась въ земледѣліи, какъ и вездѣ, во всѣхъ краяхъ, населенныхъ Славянами.

„Здѣсь, говоритъ Кледенъ, существовала дружная благотворная связь между большимъ скотоводствомъ, обработкою полей и содержаніемъ луговъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, по извѣстіямъ позднѣйшихъ спутниковъ поморскаго проповѣдника Оттона, въ открытыхъ поляхъ находились овощи всѣхъ родовъ“.

---

[1] Истор. и Стат. Сборникъ Валуева М. 1845. Розысканія Кледена о Славянахъ въ бранденбургской области.—Сочиненія Гильфердинга, IV. А. Котляревскаго: Древности права и Книга о древностяхъ и исторіи Балтійскихъ Славянъ, Прага, 1874.

„Повсюду въ то время носилась молва о плодородіи земель славянскихъ, о всеобщемъ тамъ изобиліи и избыткѣ. Священники, прошедшіе Вендскую землю, не находятъ словъ для ея прославленія. Въ жизнеописаніи св. Оттона очевидцы разсказываютъ слѣдующее:

„Въ морѣ, въ рѣкахъ и озерахъ невѣроятное множество рыбы: цѣлый возъ сельдей можно купить на пфеннигъ; всѣ области населены дичью, буйволами, оленями, дикими и домашними свиньями, медвѣдями и великимъ числомъ дикихъ звѣрей всякаго рода; великое вездѣ обиліе коровьяго масла, овечьяго молока, бараньяго жира, огромное количество меда, пшеницы, проса, мака, наконецъ овощей всякаго рода. Рабочихъ лошадей было множество. По изобилію всякихъ плодовъ можно было бы принять эту землю за обѣтованную, нѣтъ только вина, оливковаго масла и финиковъ".

Съ другой стороны Вендская земля, находясь въ самой срединѣ европейскаго материка у сѣвернаго моря, занимала чрезвычайно выгодное положеніе для торговли на всѣ стороны. Море открывало свободный путь на сѣверъ, на востокъ и западъ; рѣка Одра протягивала сообщенія къ Дунаю и стало быть къ Адріатическому и къ Черному морямъ.

Естественно, что на этомъ славянскомъ Поморьѣ очень рано должна была сложиться предпріимчивая торговая жизнь, которая устроила здѣсь много значительныхъ городовъ. Морская торговля отсюда направлялась и въ Скандинавію, и на нашъ сѣверъ, какъ и на западъ и югъ, вокругъ материка, поэтому и торговое развитіе шведскаго угла еще съ самаго начала во многомъ должно было зависѣть отъ этого славянскаго Поморья. Сѣверныхъ людей сюда особенно могло привлекать хлѣбное довольство страны, несомнѣнно служившей кормилицею для всего Варяжскаго моря, такъ точно, какъ нашъ русскій югъ былъ кормилицею для древнихъ Грековъ. Даже и во время Ганзы, Норвегія и Швеція получали отсюда хлѣбъ въ зернѣ и печеный, муку, пиво, вино.

До Крестовыхъ походовъ вся торговля средней Европы съ Востокомъ шла черезъ славянское Поморье, если не была исключительно въ его рукахъ. То, что въ послѣдствіи стало извѣстнымъ подъ именемъ Ганзейскаго Союза было только

продолженіемъ стараго и по преимуществу славянскаго торговаго движенія на Балтійскомъ морѣ.

Центральнымъ мѣстомъ славянской торговли еще въ 11 вѣкѣ былъ Волинъ, о которомъ Адамъ Бременскій разсказываетъ, что это былъ „знаменитѣйшій городъ, славная торговая пристань варваровъ (язычниковъ) и Грековъ“, то есть Русскихъ—христіанъ греческаго исповѣданія. Онъ дальше говоритъ, что Волинъ—величайшій изъ городовъ Европы, что въ немъ живутъ Славяне и другія племена греческія (Русскія) и варварскія; что и Нѣмцамъ-Саксамъ дано право жить въ этомъ городѣ, но съ условіемъ не объявлять себя христіанами, почему можно заключить, что западное, не греческое христіанство, преслѣдовалось въ этомъ языческомъ городѣ, и что онъ допускалъ у себя христіанство только греческое, по братству съ Русскими. Это было во второй половины 11 вѣка, и это одно свидѣтельство вполнѣ раскрываетъ, въ какихъ тѣсныхъ братскихъ связяхъ находились западные Поморяне съ восточными Руссами.

О городѣ разносилась большая и почти невѣроятная молва. Онъ былъ богатъ всякими товарами сѣверныхъ народовъ, и чего ни пожелаешь рѣдкаго или пріятнаго, въ немъ все можно было найдти. Тамъ есть, говоритъ Адамъ, Вулкановъ горшокъ, который жители называютъ греческимъ огнемъ. Ученые объясняли, что это говорится о вулканахъ острова Исландія. Если это такъ, то въ разсказахъ о Волинѣ соединялись стало быть всѣ чудеса сѣвера вообще.

О самомъ морѣ Адамъ разсказываетъ, что въ предѣлахъ Волина оно обнаруживало тройственныя свойства Нептуна, ибо островъ, на которомъ стоялъ Волинъ, былъ окруженъ тремя морями, одно было совсѣмъ зеленое, другое бѣловато, третье свирѣпствовало въ безпрерывныхъ буряхъ и страшно волновалось. Въ этой троицѣ нельзя не узнать тѣхъ предѣловъ плаванія Волинцевъ, о которыхъ вѣроятно они много разсказывали людямъ небывалымъ. Это были Балтійское море и Атлантическій океанъ, бурный вдоль береговъ Норвегіи и зеленый вдоль береговъ Франціи и Испаніи.

Изъ Волина, говоритъ Адамъ, суда ходили по Одрѣ къ устью Пены и въ Ругамъ; отъ нихъ суда плавали къ востоку на Прусскій берегъ; на западъ — въ Шлезвигъ и Алденбургъ; а на дальній востокъ въ 14 дней отъ Волина

на они достигали Русскаго Острограда-Новгорода. Сухимъ путемъ на седьмой день ходили до Эльбы, въ Гамбургъ.

Ко всему этому Адамъ прибавляетъ о жителяхъ Волина, что хотя они были язычники, но не было племени болѣе честнаго, кроткаго и гостепріимнаго. Что сказано о Волинѣ, то должно разумѣть вообще о городахъ, лежавшихъ въ устьяхъ Одры, изъ которыхъ не Волинъ, а Щетинъ былъ древнѣйшимъ и сильнѣйшимъ, и почитался матерью всѣхъ другихъ городовъ.

Само собою разумѣется, что такое важное и всесвѣтное на Балтійскомъ Поморьѣ значеніе этимъ славянскимъ городамъ указано уже самымъ географическимъ ихъ положеніемъ въ устьяхъ р. Одры, самой знатной рѣки тамошняго славянскаго населенія.

Для насъ важно одно, что балтійскіе Славяне, находясь въ срединѣ тогдашняго промышленнаго и торговаго движенія на сѣверъ Европы, воспользовались этимъ положеніемъ и возвели его до степени такого процвѣтанія, до котораго на сѣверѣ не доходилъ ни одинъ языческій народъ. Если весь балтійскій торгъ и не находился въ рукахъ славянскаго Поморья, зато на его берегахъ находилось его средоточіе, которое съ паденіемъ славянской силы въ 12—13 вѣкахъ легко было унаслѣдовано знаменитою Ганзою; отчего и во время владычества Ганзы славянскіе же старые города сдѣлались цвѣтущими и сильнѣйшими ея городами и составили первое, основное ея ядро.

Такимъ образомъ балтійскіе Славяне, по свидѣтельствамъ ихъ же современниковъ, были не только настоящими Варягами, какъ эти Варяги нарисованы норманскою школою, но вмѣстѣ съ тѣмъ они же были на балтійскомъ Поморьѣ первыми земледѣльцами и главными проводниками и посредниками торговаго движенія съ материка Европы на ея скандинавскій и финскій сѣверъ и на русскій востокъ.

Естественно, что начало торговаго промысла балтійскихъ Славянъ должно относиться къ тѣмъ вѣкамъ, когда еще Балтійское море славилось только добываніемъ янтаря, именно на прусскомъ его берегу, на Венедскомъ заливѣ, по сосѣдству съ славянскими землями. По всему вѣроятію янтарная торговля и была первымъ основаніемъ для здѣшней торговой предпріимчивости. Очень также естественно, что

Скандинавскій полуостровъ выступилъ на торговое поприще гораздо позже. Да притомъ его жители даже и во время процвѣтанія Ганзы не особенно были склонны къ торговымъ дѣламъ и надѣялись больше всего на свои мечи. По этой причинѣ въ отношеніи своего продовольствія они всегда находились въ зависимости отъ южныхъ славянскихъ береговъ. Руководствуясь такими соображеніями, можно предложить вопросъ:

Кто изъ обитателей Балтійскаго моря первый открылъ путь въ нашу страну, кто первый, хотя бы по указанію туземцевъ, проѣхалъ по Днѣпру въ Черное море и по Волгѣ въ Каспійское море? Кому было ближе, податнѣе и гораздо нужнѣе открыть этотъ путь? Норманская школа въ слѣдъ за выводами нѣмецкой науки, повсюду слѣдившей только за одними Нѣмцами и вовсе не желавшей или не умѣвшей знать Славянъ, конечно, утвердительно и съ видомъ великой непогрѣшимости свидѣтельствуетъ, что этотъ путь проложенъ впервые Норманнами-Скандинавами. Норманская школа это рѣшеніе почитаетъ до того непогрѣшимымъ и отнюдь неоспоримымъ, что не находитъ надобнымъ даже упомянуть о Славянствѣ, хотя бы какъ о составной силѣ норманскихъ предпріятій.

Если же г. Погодинъ и приводитъ свидѣтельства о союзныхъ походахъ Славянъ съ Скандинавами, то нисколько не въ подтвержденіе, что предпріимчивость, отвага, неустрашимость Скандинавовъ въ равной мѣрѣ принадлежала и Славянамъ, а въ подтвержденіе только того, что и Славяне могли понимать языкъ Норманновъ и могли съ ними какъ либо объясняться, живя рядомъ, въ сосѣдствѣ.

Мы уже говорили, что все храброе, отважное, неустрашимое въ этомъ случаѣ отдано Норманнамъ, все кроткое, смирное, приписано Славянамъ, народу исключительно будто бы сидячему, сухопутному. Мореходные подвиги Норманновъ, по словамъ самой Норманской школы, становятся особенно замѣтными только съ 9-го вѣка. Въ концѣ 8-го они только начинаются. Между тѣмъ, не говоря о дальнихъ вѣкахъ, мы достовѣрно также знаемъ, что славянское племя уже въ 6-мъ вѣкѣ занимало безмѣрную страну отъ Балтійскаго Поморья до Дона, глубоко на нашъ сѣверъ и далеко на Дунайскій югъ. Было ли естественнѣе для Балтійскаго

Славянства знать, что Славяне же обитаютъ и на Ильменѣ, и на Днѣпрѣ; что ихъ страна тоже изобильна потребнымъ товаромъ, особенно мѣхами, и что къ нимъ легко проѣхать отъ вершины Одры и Вислы подлѣ Карпатскихъ горъ и по морю черезъ любую рѣку, начиная отъ Вислы, а особенно по Западной Двинѣ?

Такимъ образомъ первыя торговыя колоніи на нашемъ сѣверѣ со стороны Балтійскихъ Славянъ должны были появиться очень рано, никакъ не позже сношеній съ этою страною другихъ обитателей Балтійскаго Поморья. Если же мы примемъ во вниманіе народный характеръ Скандинавовъ, по преимуществу воинственный, и народный характеръ Славянъ, по преимуществу земледѣльческій и торгово-промышленный, то не затруднимся отдать преимущество въ открытіи и первомъ заселеніи нашего сѣвера Славянамъ. Норманскихъ поселеній, ни завоевательныхъ, ни торговыхъ, до самаго призванія князей мы въ ней не находимъ.

Должно также замѣтить, что если Славянское Поморье въ свое время, которое уходитъ очень далеко, представляло средоточіе для сѣверной европейской торговли и въ изобиліи было богато всѣми земными плодами, то въ отношеніи къ его торговому богатству нашъ Ильменскій сѣверъ и Скандинавскій берегъ стояли одинаково. И тотъ и другой одинаково нуждались въ связяхъ съ Балтійскими Славянами, съ тою разницею, что самимъ Балтійскимъ Славянамъ такія связи по ихъ выгодѣ представлялись весьма различными. Съ Скандинавскаго берега они никогда не могли получить столько же, сколько отъ Ильменской стороны. Одно это заставляло ихъ не только проложить прямую, собственную дорогу къ нашимъ сѣвернымъ богатствамъ, но и держать въ нашей странѣ свои колоніи, заселять ее своими торговыми дружинами, открывать въ ней дальнѣйшіе пути къ прибыткамъ, и по свойству всякой торговой промышленности держать весь нашъ торгъ исключительно въ своихъ рукахъ.

Допустить же то обстоятельство, что Балтійскіе Славяне сносились съ Ильменемъ не иначе, какъ чрезъ посредство Скандинавовъ будетъ очень уже нелѣпо. Славяне съ Славянами, жившіе не только на морѣ, но и на сушѣ по со-

сѣдству другъ съ другомъ, сносятся черезъ дальнихъ заморскихъ сосѣдей Скандинавовъ и для этого переплываютъ самую пучину моря!

Правда, что еще въ 6-мъ вѣкѣ готскій историкъ Іорнандъ (гл. III) говоритъ, что жители острова Скандіи, какіе то Светане, имѣвшіе превосходныхъ лошадей, перевозили къ Римлянамъ, сквозь безчисленные народы, собольи мѣха; что прекрасный черный цвѣтъ этихъ мѣховъ прославилъ даже и имя самаго народа. Обыкновенно толкуютъ по сходству имени, что это были Шведы. Но надо знать, что такое былъ островъ Скандія по разумѣнію Іорнанда. Уже покойный Гильфердингъ замѣтилъ, что Готскій историкъ, очерчивая этнографическую картину острова Скандіи, собралъ въ нее всѣ извѣстныя ему имена народовъ, которые жили вокругъ Балтійскаго моря, такъ что нѣтъ никакой возможности разобрать, какіе именно народы населяли собственно Скандинавскій Полуостровъ.

Приступая къ описанію этого острова, Іорнандъ ссылается прямо на Птоломея и тѣмъ объясняетъ, что это былъ первый его источникъ. Онъ говоритъ, что островъ лежитъ противъ устьи Вислы, что на востокѣ внутри острова находится очень обширное озеро, изъ котораго, какъ изъ чрева, выходитъ рѣка Вагъ (Vage) и катится стремительно къ Океану. Это показаніе должно относиться къ озеру Венеру и текущей изъ него въ Каттегатъ р. Готъ. Но на востокъ отъ Скандинавіи находимъ самое большое озеро Ладогу, изъ котораго, дѣйствительно, какъ изъ чрева, катитъ свои воды въ Океанъ, то есть въ Финскій заливъ, рѣка Нева. Кромѣ того озеро Ладога соединяется съ Онежскимъ р. Свирью, а отъ Онежскаго недалеко течетъ рѣка Выгъ впадающая въ немалое также озеро Выгъ и изъ него, какъ изъ чрева, снова протекающая въ Бѣлое море, въ Океанъ. И Нева, и рѣка Выгъ, сходная даже по имени, вполнѣ также уясняютъ его картину. Затѣмъ онъ именуетъ народы: Въ сѣверной части острова живетъ народъ Адогитъ, у котораго солнце не заходитъ лѣтомъ и не восходитъ зимою въ продолженіи 40 дней. Адогитъ созвучно нашей Ладогѣ и Ладожанамъ арабскихъ писателей. Это народъ самый сѣверный, какой только былъ извѣстенъ Іор-

нанду. На томъ же островѣ, говоритъ онъ, есть другіе народы: Крефенны, числомъ три, они не занимаются земледѣліемъ. Тамъ живутъ также Светане (Suethans, иначе пишется: Suuehans, Subveans=Suobeni, Славяне?), о которыхъ мы упомянули, и которые безъ сомнѣнія есть Птоломеевы Ставане. За ними идетъ множество различныхъ народовъ Theusthes - Чудь, Ваготы, Бергіо (Борнгольмъ), Галлинъ (Эландъ, Аландъ), Ліотида-Лютичи и т. д. Здѣсь слышатся и Вагры, и Юты, и Руги, и Винды-Велеты и снова Светиды (Suethidi), которыхъ и естественно наконецъ принять за Шведовъ, ибо такъ ихъ имя писали въ послѣдствіи. Во всякомъ случаѣ Светане и Светиды—два различные народа и напрасно соединяютъ ихъ въ одно имя Шведовъ. Вообще знаменитый островъ Скандія Іорнанда долженъ по его указаніямъ обнимать пространство отъ предѣловъ Датскаго полуострова и почти до Бѣлаго моря, причемъ устье Вислы придется въ дѣйствительности противъ средины такого острова. По этой причинѣ Іорнандъ очень справедливо называетъ свой островъ Скандію фабрикой племенъ и резервуаромъ народовъ, отпуда вышли и его знаменитые Готы, какъ и всѣ другіе знаменитые народы.

Видимо что историкъ не имѣлъ прямыхъ свѣдѣній объ этомъ сѣверѣ и описалъ его частію по книгамъ, частію по разсказамъ изъ десятыхъ рукъ, отчего у него явилась смѣшанная этнографическая толпа, въ которой не разберешь, гдѣ кто стоитъ. Для насъ въ этомъ описаніи ясно одно, что Скандинавы въ то время не занимали важной роли, мало были извѣстны, и что извѣстность ильменскихъ Славянъ, какъ торговцевъ мѣхами, существовала уже тогда вмѣстѣ съ свѣдѣніями о пути черезъ ихъ страну можетъ быть и въ Бѣлое море. на что впрочемъ указываетъ еще Маркіанъ Гераклейскій, писатель 4-го вѣка. Въ высшей степени важно для насъ показаніе Іорнанда, что Светане посредствомъ торговли доставляли свои мѣха къ Римлянамъ. Какимъ путемъ шли эти мѣха? Несомнѣнно или черезъ Вислу или черезъ Одеръ и слѣдов. черезъ землю Венедовъ, балтійскихъ Славянъ. О множествѣ хорошихъ лошадей въ странѣ Вендовъ упоминается въ житіяхъ св. Оттона, а Кледенъ говоритъ, что Турингскія лошади прославились необыкновенною красотою, быстротою и крѣпо-

стію, потому что Венды старались улучшить свои породы породами восточными.

Во всякомъ случаѣ свидѣтельство Іорнанда уже тѣмъ драгоцѣнно, что указываетъ на мѣховую торговлю сѣвера съ римскимъ югомъ, которая идетъ черезъ руки Славянъ. Это вполнѣ и утверждаетъ наше предположеніе, что не Скандинавы, а Балтійскіе Славянѣ были первыми колонизаторами нашей страны. Впрочемъ лучше всего эта древнѣйшая колонизація раскрывается въ именахъ самыхъ колоній, въ именахъ мѣстъ и рѣкъ.

Затѣмъ является очень примѣчательнымъ и то обстоятельство, что арабскіе писатели, разсказывая о западныхъ странахъ, очень хорошо знаютъ именно западныхъ Славянъ и вовсе не знаютъ Скандинавовъ-Норманновъ. Это точно также наводитъ на мысль, что извѣстная Арабамъ Русь и Славяне нашей страны, передававшіе имъ свѣдѣнія о Варягахъ, тоже больше всего знали только Варяговъ-Славянъ, которыхъ даже называли Славянами Славянъ, то есть знаменитѣйшими изъ всѣхъ Славянъ, противъ чего нѣмецкая школа, всегда понимая Варяговъ, какъ только одних Норманновъ, въ лицѣ Френа, замѣчаетъ: „невозможно чтобы авторъ (этого показанія — Димешки) хотѣлъ это сказать и почиталъ Варенговъ славянскимъ племенемъ". Но г. Гедеоновъ очень ясно доказалъ, что это очень возможно [1].

Если балтійскій Славянинъ не оставилъ для исторіи никакихъ сагъ и сказаній о своихъ сношеніяхъ съ нашею страною, то развѣ это обстоятельство даетъ намъ право заключать, что такихъ сношеній никогда не было. Несторъ не оставилъ намъ никакихъ свѣдѣній о нашихъ отношеніяхъ къ Востоку. Онъ не заблагоразсудилъ даже упомянуть, что есть на свѣтѣ рѣка Донъ. Но тѣмъ не менѣе свѣдѣнія отыскались у сосѣдей, у Арабовъ, такъ какъ и въ настоящемъ случаѣ они могутъ еще въ большей полнотѣ отыскаться въ западныхъ свидѣтельствахъ. Стоитъ только направить туда болѣе внимательные поиски. Другое дѣло, еслибъ балтійскіе Славяне оставили намъ свои саги и въ нихъ мы не

[1] Отрывки, стр. 149.

нашли бы никакихъ намековъ на такія сношенія, тогда только вполнѣ было бы разумно наше сомнѣніе о существованіи этихъ сношеній.

Если и въ нашихъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ особенно въ первое время ничего не говорится о нашихъ связяхъ съ балтійскими Славянами, то въ нихъ точно также ничего не говорится и о связяхъ съ Варягами-Скандинавами. Лѣтописи говорятъ только о Варягахъ, а съ какими по племенамъ Варягами наши Славяне держали связи, объ этомъ они крѣпко молчатъ.

Намъ остается допросить самую землю въ ея древнихъ именахъ.

Первые колонизаторы въ чужой землѣ всегда оставляютъ свои слѣды въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ, въ именахъ своихъ колоній, ибо безъ колоній торговля, какъ и владычество надъ нею, не держится ни въ одной странѣ. Поэтому имена мѣстъ есть важнѣйшій и самый достовѣрнѣйшій свидѣтель тѣхъ историческихъ отношеній между народами, какія въ извѣстное время происходили въ той или другой странѣ. При томъ, очень справедливо говоритъ Максъ-Миллеръ, что „названія земель, городовъ, рѣкъ, горъ, имѣютъ необыкновенную жизненную силу и сохраняются даже тогда, когда изчезаютъ самые города, государства и націи“. Это мы видимъ на каждомъ шагу, изучая древнюю географію и этнографію. Тоже самое необходимо должно раскрываться и на нашей землѣ, по всѣмъ ея украйнамъ Если было время, когда господствовали въ нашей странѣ Норманны-Скандинавы, они должны оставить по себѣ память хотя бы въ именахъ городовъ, которые, по словамъ же лѣтописца были заселены Варягами. Мы знаемъ, что первые Варяги усердно рубили, строили города: гдѣ же Скандинавскія имена этихъ городовъ? Тѣмъ болѣе необходимъ такой вопросъ, что норманская школа, какъ видѣли, утвердительно говоритъ, что и самый русскій языкъ въ первыя 200 лѣтъ былъ языкъ Скандинавскій.

Такъ и самое отечество призванной къ намъ Руси, до сихъ поръ не отысканное, необходимо должно открыться въ той странѣ, гдѣ имя Русь, было роднымъ туземнымъ именемъ. Вотъ по какой причинѣ и норманская школа твердо держится за землю и твердо стоитъ на шведскомъ Рос-

лагенѣ, на шведскихъ гребцахъ Руотсахъ и Родсахъ. Не будь этихъ созвучныхъ Родсовъ и Рослагена, конечно, никому бы и въ голову не пришло производить Русь изъ Швеціи. Но такъ какъ имя Рослагенъ, Родслагенъ вовсе не обозначаетъ ни племени, ни народа, а называется такъ мѣстность въ окрестностяхъ Стокгольма, населенная общинами гребцовъ (матросами), по шведски именуемыхъ Ротси, Родсы, то, естественно, что производить отсюда Русь племя не совсѣмъ основательно.

Норманская школа не удовлетворяясь Рослагеномъ, отыскала (Струбе, Бутковъ) возлѣ Швеціи же другую страну, Рюссаландъ. Затѣмъ, поиски были перенесены въ противоположный уголъ балтійскаго Поморья, въ Ольденбургъ, Шлезвигъ и Голштинію. Тамъ сначала Гольманъ нашелъ родину Рюрика въ Рустрингіи. Рустринги по его словамъ было нѣмецкое племя, владѣвшее еще въ 900 годахъ приморскою страною отъ Ейдера до Мааса и Шельды. Дабы связать это имя съ обстоятельствами Русской Исторіи, Гольманъ переселяетъ своихъ Рустринговъ въ тотъ же завѣтный Рослагенъ. Они будто бы напали на Славянъ, были прогнаны, ушли и поселились въ Рослагенѣ, откуда уже и были призваны на княженіе. Потомъ Дерптскій профессоръ Крузе встрѣтилъ въ Голштиніи мѣстность Rosengau, существовавшую еще при Карлѣ Великомъ. Послѣ доказательствъ, что обитатели ея, живя на берегу моря, имѣли всѣ средства образовать изъ себя дѣятельныхъ мореходцевъ, онъ рѣшаетъ, что отсюда и были призваны первые наши князья. Распространяя свои доказательства, Крузе приводитъ еще довольно именъ съ звукомъ Ros-Rus, находимыхъ въ теперешнихъ Шлейзвигѣ и Голштейнѣ: Rosogau, Rosee, Rosenfelde, Rusdolf, Riesburg и т. п. Надо замѣтить, что во времена Карла Великаго эта самая страна принадлежала Славянамъ Ваграмъ, отчего и до сихъ поръ въ ней уцѣлѣли даже славянскія имена городовъ, каковъ напр. Любекъ, рѣка Травна и т. д. На это обстоятельство Крузе немогъ обратить ни малѣйшаго вниманія, такъ какъ заученное понятіе, что Руссы и Россы необходимо должны быть Норманны, заставляло отыскивать въ этихъ Рузахъ, Розахъ и Розенахъ однихъ только Норманновъ.

Крузе однако нашелъ своихъ особыхъ Норманновъ, замѣтивъ, что это имя не должно придавать безразличія всѣмъ сѣвернымъ народамъ. Его Норманны вначалѣ занимали только Ютландію и южную часть Норвегіи и потомъ уже распространили это имя на Британскіе острова. Въ коренной Норманіи, въ югозападномъ углу Балтійскаго моря, гдѣ жили Англы, находилась земля Руссовъ или Руси, отчего Руссы говорили языкомъ Англо-Норманскимъ и Несторовы Мурманы, Готы, Англяне и Русь обозначаютъ обитателей Ютландіи. Отъ этихъ Англо-Руссовъ получили свое названіе и Ольденбугская Рустрингія, и шведскій Рослагенъ. Съ поселеніемъ этихъ Руссовъ на шведскихъ берегахъ, говоритъ авторъ, „система торговли этого воинственнаго народа могла уже получить надлежащее развитіе, обнимая не только Востокъ и Западъ Европы, но даже Азію и Африку. Сердце исполинскаго норманскаго тѣла было въ Шлезвигѣ, гдѣ вѣроятно находилась столица государей". Правая рука колосса находилась на Рейнѣ и распространяла предметы обширной торговли во Франціи и Германіи. Лѣвую руку составлялъ Рослагенъ и Бирка, гдѣ, по словамъ лѣтописцевъ, „было множество богатыхъ торговцевъ и изобиліе всѣхъ благъ міра и денежныхъ сокровищъ". Въ послѣдствіи, по основаніи Новгорода и Кіева, соперника Царяграда, эти берега, столь способные для торговли, были потеряны; но они сдѣлались для Норманновъ уже тогда менѣе важными ибо ихъ мѣсто (съ призваніемъ къ намъ князей), заступили Новгородъ, Изборскъ, Бѣлоозеро и Кіевъ". Таковы нѣмецкія фантазіи о Руссахъ-Норманнахъ [1].

И такъ, отыскивая повсюду мѣсто жительство Руси, изслѣдователи вообще очень дорожили именами странъ и мѣстъ, которыя сколько нибудь указывали на заколдованный звукъ Руси. По открытому указанію такого мѣста они развивали свои соображенія, сочиняли цѣлыя довольно связныя исторіи о томъ, какъ могла, хотя бы и далекая, Русь попасть къ намъ въ Новгородъ. Надо полагать, что съ этой точки зрѣнія были тщательно осмотрѣны всѣ берега Балтійскаго моря. Отнюдь только не позволялось отыскивать Русь въ странѣ балтійскихъ Славянъ, да и вообще у Славянъ. Какъ

[1] Ж. М. Н. П. 1839. Генварь. Статья Крузе о предѣлахъ Норманіи и пр.

въ самомъ дѣлѣ могли посреди Славянъ жить Руссы, то есть Норманны? Это норманство Руси, основанное на пескѣ всеобщаго балтійскаго имени Варягъ, такъ утвердилось въ умахъ, что каждый изслѣдователь съ какою то особою ревностью преслѣдовалъ и всячески отвергалъ малѣйшее поползновеніе забраться въ страну Славянъ. „Имена Росъ, Русъ, и пр. встрѣчаются почти во всѣхъ земляхъ Европы, равно какъ и во многихъ странахъ Азіи, и каждое мѣстечко, носящее это имя, не можетъ же быть разсматриваемо, какъ древняя отчизна Русскаго народа", справедливо замѣчаетъ Крузе, не объясняя однако, почему всѣмъ мѣстамъ предпочитается именно Рослагенъ или его Розенгау. Впрочемъ рѣшительному изгнанію всего Славянства изъ области изысканій о происхожденіи Русскаго имени особенно помогъ славянскій же опытъ о Руссахъ Славянскихъ г. Морошкина, который въ самомъ дѣлѣ, наравнѣ съ нѣкоторыми дѣльными указаніями, представилъ такую фантастическую путаницу именъ и соображеній, что вопросъ о Славянствѣ Руси на долго былъ заглушенъ общимъ смѣхомъ.

Въ существѣ своихъ изысканій Морошкинъ стоялъ на мнѣніи Герберштейна, почитая Варяговъ Славянами Ваграми, а Русь тѣми же Славянами, съ Одера, съ Рюгена. Онъ также указывалъ на родственное сходство прибалтійскихъ Славянскихъ мѣстныхъ именъ съ нашими. Это обстоятельство во всякомъ случаѣ заслуживало полнаго вниманія и ближайшаго разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что тоже доказывалъ такой осторожный и ясномыслящій изслѣдователь, каковъ былъ Максимовичъ.

Главный вопросъ состоялъ въ томъ, именовался ли также Русью славянскій островъ Рюгенъ, онѣмеченный изъ древняго Ругія?

По Тациту, какъ его толкуютъ, сѣверная страна древней Германіи и именно берега Балтійскаго моря принадлежали германскому племени Свевамъ, отчего и море прозывалось моремъ Свевскимъ. По тѣмъ же берегамъ жили Свевскія племена Ругіи (Rugii) и Лемовіи (Lemovii). Птоломей указываетъ здѣсь городъ Роугіонъ и народъ Роутикліи[1].

[1] У Шафарика, слав. Древности т. I, кн. II, стр. 258, толкованіе этихъ Руговъ кратко и весьма произвольно.

Кромѣ того по его же словамъ здѣсь же обитали Сидины, Сидены (въ 12 вѣкѣ: Земля Sitene), имя которыхъ несомнѣнно осталось въ городѣ Штетинѣ, или Щетинѣ.

Все это, однако, была Германія и слѣдовательно всѣ названныя племена были Нѣмцы. Во время великаго переселенія народовъ Нѣмцы по какому то чудному случаю всѣ ушли изъ этой страны и ихъ мѣста заняли Славяне. Какъ и когда именно это случилось, исторія ничего не знаетъ, но утверждаетъ, что Славяне заняли земли послѣ Нѣмцевъ.

Такъ обыкновенно говоритъ большинство нѣмецкихъ ученыхъ. Имъ вторилъ Шафарикъ, доказывая невозможные переходы и переселенія цѣлыхъ племенъ больше всего разсужденіями, какъ и по какимъ причинамъ это могло случиться. Весьма шаткія заключенія Шафарика повторяютъ до сихъ поръ и наши Слависты [1].

Всѣ однако соглашаются, что имя Германія есть имя географическое, а не этнографическое. По своему смыслу оно тоже значитъ, что и Сарматія, то есть означаетъ страну, населенную многими разноплеменными народами. Къ этому надо припомнить слова Страбона, почти современника Тациту, который говорилъ, что Римляне не имѣли почти никакихъ свѣдѣній о народахъ, жившихъ на востокъ отъ Эльбы по Балтійскому морю. Тацитъ въ своемъ описаніи Германіи тоже мимоходомъ поясняетъ, что онъ не совсѣмъ твердо знаетъ тотъ или другой народъ. Затѣмъ его показанія мѣстъ для народовъ Балтійскаго сѣвера неопредѣленны и совсѣмъ темны. Такимъ образомъ всѣ основанія нашихъ познаній объ этомъ краѣ не прочны и походятъ на сыпучій песокъ. Вотъ почему и всѣ ученые рѣшенія и выводы, сооружаемые на этомъ пескѣ, суть только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки, которыя могутъ получить прочное основаніе и утвердиться въ истинѣ только при помощи позднѣйшей исторической этнографіи края. А эта самая этнографія вполнѣ и уже несомнѣнно удостовѣряетъ, что какъ только появляются болѣе точныя свѣдѣнія о странѣ, то оказы-

[1] Славянскія Древности т. II, кн. 1. стр. 8—13. Кн. III, стр. 1—16 и др. Гильфердингъ въ Исторіи Балтійскихъ Славянъ, Сочиненія IV, 15. Г. Ламанскій въ критикѣ на сочиненія г. Котляревскаго о Древностяхъ и Исторіи Балтійскаго Славянства. Ж. М. Н. Пр. 1875. Январь, стр. 217—220.

вается, что въ ней живутъ и дѣйствуютъ одни Славяне. Такое обстоятельство заставляетъ даже предполагать, что Тацитовское имя Suevi, сходное съ птоломеевскими, прямо Славянами, Suoveni, есть только олатыненное имя Славяне, Slavi, какъ писали въ средніе вѣка.

Не обладая необходимою ученостью, мы не имѣемъ возможности останавливаться на этомъ спорномъ вопросѣ и во всякомъ случаѣ склоняемся на сторону знаменитѣйшаго изъ критиковъ, Шлецера, который никакъ не меньше другихъ изучалъ свидѣтельства древнихъ писателей о сѣверѣ Европы и вынесъ изъ этихъ свидѣтельствъ слѣдующее заключеніе:

„Восточная часть Германіи съ давнѣйшихъ временъ, т. е. сколько извѣстно намъ изъ исторіи, была населена Славянами. Великіе успѣхи, дѣлаемые теперь изученіемъ Славенской исторіи, скоро совсѣмъ истребятъ старинное всеобщее мнѣніе, будто сіи германскіе Славене пришли только тогда, когда вышли настоящіе Нѣмцы, жившіе до того въ ихъ земляхъ. Въ Мекленбургѣ, Помераніи, Лаузицѣ и пр. никогда не было Нѣмцевъ прежде Оботритовъ, Поморянъ, Сорбовъ, тамъ жившихъ: они суть старожилы своихъ земель въ разсудительномъ значеніи“[1].

Дѣйствительно, на основаніи показаній исторической этнографіи, разсудокъ требуетъ такого заключенія, что въ числѣ Тацитовыхъ Свевовъ, которыхъ Тацитъ, отдѣляя отъ другихъ чисто германскихъ племенъ, поселяетъ на самомъ сѣверѣ Германіи, было больше славянскихъ, чѣмъ германскихъ племенъ, и что напр. Ругіи соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ Ругенцамъ, а Демовіи—Ляхамъ. Но нѣмецкіе патріоты разселили германское племя отъ Балтійскаго моря даже до подножія Кавказа и отнюдь не допускаютъ, чтобы до прихода Гунновъ на этомъ пространствѣ жили гдѣ либо Славяне.

---

[1] Несторъ, II 423. Другой нѣмецкій ученый Вистеръ «послѣдовалъ мнѣнію Шлецера, точнѣе разсмотрѣлъ и опровергнулъ тѣ извѣстія, которыя представляютъ древніе писатели о существованіи издревлѣ въ этихъ земляхъ племенъ Нѣмецкихъ.» Исторія Пруссіи Пелица, М. 1849. стр. 19.

Такимъ образомъ, только послѣ Гунновъ занявши будтобы нѣмецкія земли, Славяне сохранили за ними прежнія нѣмецкія имена. Въ половинѣ 6-го вѣка Руги по прежнему называются Ругами и обозначаются племенемъ Готовъ. Византіецъ Прокопій вмѣстѣ съ тѣмъ называетъ ихъ Рогами.

Въ 10 и 11 вѣкахъ по латыни ихъ именуютъ по древнему: Ругіяне, Руги, Ругіянскіе Славяне; а островъ Ругіакскимъ, также Ругія, Ругіяна; и вмѣстѣ съ тѣмъ пишется, народъ: Руяне, также Раны, Руны, Рены; а островъ Руя, Руяна, и Рана. Одинъ аббатъ (1149 года) прямо говоритъ, что страна и островъ у Нѣмцовъ назывались Руяна, а у Славянъ Рана [1].

Ясно, что послѣднія имена, которыя употребляются, чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще, есть только сокращеніе Руги, Ругіяне и Ругія. Относительно же имени Рана можно и то полагать, что оно образовалось изъ другаго имени Славянъ Варны, Варины, Вераны, Враны.

Но это правописаніе тѣмъ не оканчивается. Въ тѣхъ же свидѣтельствахъ находимъ имена острову и народу: Руты, Руςсы, Руцци. Рутены, Руція, Рутенія, Верaнія, Риванія и т. д.

Изо всего этого выясняется одно, что имя Ругія въ средніе вѣка писалось различно. Шлецеръ прямо говоритъ, что это происходило отъ извѣстной всѣмъ глупости писателей временниковъ средняго вѣка. Каченовскій объяснялъ это вольностію грамотѣевъ и слово Руссія, поставленное въ житіи Оттона вмѣсто Ругія, относилъ къ искаженію схваченному съ воздуха.

Казалось бы, что тутъ дѣло простое: древнѣйшее имя страны и народа, Руги, подверглось въ позднѣйшее время порчѣ, которую букву за буквой легко прослѣдить и въ концѣ концовъ все-таки придти къ заключенію, что коренная и правильная форма имени суть Руги; что въ первомъ столѣтіи по Р. Х. такъ называлось одно изъ Германскихъ, Свевскихъ племенъ, а послѣ тоже самое имя принадлежало Славянскому племени, которое точно также имено-

---

[1] Шафарикъ: Славянскія Древности т. II, кн. III, стр. 124—126.

валось Ругами, оставивши и до сихъ поръ это имя въ островѣ Рюгенѣ; что, наконецъ, въ числѣ измѣненій имени Ругія употреблялось и Русія, Русь. Но нѣмецкія мнѣнія, которымъ въ этомъ случаѣ слѣдовалъ и Шафарикъ, стараются доказать, что если Руги и могли именоваться Русью, то это была Русь ложная, ошибочная, сочиненная только невѣжествомъ средневѣковыхъ монаховъ или средневѣковыхъ канцеляристовъ. Самъ Шафарикъ объяснилъ, что здѣшнее Славянское племя называлось Раны, а островъ: Рана, то есть взялъ за истину одинъ варіантъ, оставивъ другіе безъ объясненія.

Повидимому, намѣреніе противниковъ Рюгенской Руси заключается въ томъ, чтобы имя Руговъ оставить навсегда Нѣмецкому племени, какъ его вѣковую собственность, и съ этою цѣлью превратить Славянъ-Руговъ въ отдѣльное племя Рановъ, съ именемъ которыхъ уже никакъ невозможно связывать имя Руси. Такъ это теперь и утвердилось въ наукѣ: оказалось, что Славянъ-Руговъ никогда не существовало, а существовали только Раны.

Въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ весьма не маловажны именно географическія показанія, къ которымъ мы и обратимся.

Изъ всего Славянскаго побережья между Одрою и Травою островъ Рюгенъ выдается далеко въ море и въ топографическомъ очертаніи своего сѣвернаго полуострова представляетъ весьма замѣтное сходство съ рогомъ. Впрочемъ, по своему положенію относительно береговаго материка весь островъ въ дѣйствительности представляетъ Рогъ, то есть часть далеко выдавшуюся въ море. Въ древнѣйшихъ народныхъ представленіяхъ словомъ Рогъ обозначался вообще всякій уголъ, даже сторона, крыло, бокъ, войска, а вмѣстѣ этимъ же словомъ выражалось понятіе о крѣпости, силѣ, преимуществѣ.

Обозначая уголъ матерой земли, выдающійся по берегамъ рѣкъ и моря, слово Рогъ въ Славянствѣ принадлежитъ особенно топографическому языку южнаго края Россіи, между Днѣстромъ и Днѣпромъ, именно того края, гдѣ существовали древнѣйшія поселенія восточнаго Славянства. На Днѣпрѣ Никитинъ Рогъ (мѣстечко Никиполь) противъ Запорожскаго Великаго Луга; Мишуринъ Рогъ вблизи устья

Ворсклы, Кривой Рогъ на Ингульцѣ при впаденіи Саксагани; на Днѣстрѣ Роги, Рогея, вблизи Новыхъ Дубассаръ. Укажемъ еще Липовый Рогъ вблизи Ржищева; урочища: Соколій, Синій, Острый, Плетеной Рогъ и мн. др.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что точно также и Балтійское Славянство наименовало приморскій уголъ своей земли Рогомъ, который по западному славянскому произношенію[1] или по латинскому написанію прежде всего явился въ формѣ Ругъ, какъ слово богъ-бугъ. Рѣку Бугъ Запорожцы именовали Бокгъ и Богъ. Византіецъ Прокопій, получавшій свѣдѣнія отъ южныхъ Славянъ, написалъ имя Роги вѣроятно по ихъ же выговору.

На сѣверномъ морѣ не одни Славяне такъ именовали морской уголъ своей земли. Французскій полуостровъ Бретань, западный уголъ Галліи, подобнымъ же образомъ прозывался Галльскимъ Рогомъ (Cornu Galliae), какъ и близлежащій противоположный ему полуостровъ Британіи тоже именуется и до сихъ поръ Корнуаллисомъ, Рогомъ Валліи[2].

Припомнимъ къ этому, что Рогъ у древнихъ Славянъ вообще имѣлъ значеніе религіозно-символическое, почему у Балтійскихъ же Славянъ храмъ Радегаста въ городѣ Ретрѣ былъ воздвигнутъ на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Рога служили украшеніемъ храмовъ, служили священными сосудами. Рюгенскій истуканъ Святовида держалъ въ рукѣ рогъ-сосудъ. Въ его храмѣ въ числѣ разныхъ другихъ священныхъ предметовъ находились и рога звѣрей, удивительные сами по себѣ и по своей обдѣлкѣ[3].

Все это объясняетъ, что древнѣйшее названіе острова, страны и народа Ругъ-Рогъ несомнѣнно Славянское. Естественно полагать, что и Тацитовы Ругіи были Славяне и произведены въ Нѣмцевъ только по случаю ихъ мѣстожительства въ Германіи, имя которой, повторимъ, вовсе небыло этнографическимъ, а чисто географическимъ, подобно Сарматіи или Скиѳіи.

---

[1] У Древанъ и въ Верхнихъ Лужицахъ вмѣсто о, нерѣдко употребляется у: дворъ-двуръ, полъ-пулъ.

[2] О. Тьерри: Исторія завоеванія Англіи Норманнами, I, 32.

[3] Г. Срезневскій. Изслѣдованія о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ. Спб. 1848, стр. 40, 41, 46.

Изъ слова Ругъ, Ругія латинскіе и нѣмецкіе писатели составили свое Руяна и быть можетъ сокращенно Рана, Руяни, Руни, Раны, Рены. Вотъ эти прозванія по всей справедливости и должно почитать ложными или въ сущности сокращенными, онѣмеченными, олатыненными изъ коренныхъ звуковъ Ругъ, Руги, Ругія, Ругіяне, Ругины.

Что же касается формъ, составленныхъ изъ того же корня и употреблявшихся также для обозначенія Рюгенской страны, каковы для народа: Рузи, Руссн, Рутены, Рудены; и для страны Руція, Русція, Руссія, то эти формы идутъ уже отъ Славянскаго измѣненія корня Рогъ. Видимо, что народъ Руги именовалъ себя также и Рузи-Рози (Варягъ-Варязи, Фрягъ-Фрязи и т. д.) и уже отъ этого измѣненія произошло болѣе умягченное Руси, Русси и Русь, въ собирательномъ смыслѣ, такъ какъ по другому произношенію Рози, Роси, Росси, Россъ. Латинское письмо вмѣсто того нерѣдко употребляло Rutia, Ruthos, Ruthenos, Ruzen, Rutzen и т. под., такъ что Птоломеевы Рутиклія необходимо указываютъ на олатыненную форму Руси и обозначаютъ время (второй вѣкъ по Р. X.), когда это имя было уже въ употребленіи.

Все это достаточно подтверждается именами мѣстъ во всемъ Балтійскомъ Славянскомъ Поморьѣ и особенно на островѣ Рюгенѣ и въ Помераніи.

Хотя прошло уже цѣлыхъ семь вѣковъ съ той поры, какъ Балтійское Славянство совсѣмъ было систематически по нѣмецки истреблено и изведено германствомъ, однако имена мѣстъ и доселѣ сохраняютъ о немъ весьма широкую память и конечно останутся вѣчными свидѣтелями, что вся эта страна принадлежала Славянамъ съ самыхъ древнихъ временъ.

Вотъ что разсказываетъ карта Помераніи, гравированная Николаемъ Гейлькеркіусомъ, вѣроятно, въ первой половинѣ 17-го столѣтія [1].

На этой картѣ островъ Рюгенъ именуется по древнему Rugia. Какъ извѣстно онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ полуострововъ и острововъ. Сѣверный полуостровъ называется Виттовымъ (Wittow).

---

[1] См. Приложеніе III.

На этомъ Виттовомъ полуостровѣ протяженіе сѣвернаго берега выдается къ востоку мысомъ, на которомъ показана Аркона. Отъ нея къ западу въ разстояніи полмили на сѣверномъ берегу полуострова находится селеніе Russevase, самое крайнее мѣсто къ сѣверу; въ равномъ же разстояніи отъ Арконы на южномъ берегу находится Grote Vitte и также въ равномъ разстояніи отъ Арконы между этими двумя селеніями посрединѣ стоитъ Putgarten. Дальше къ западу отъ Russevase вблизи сѣвернаго берега находятся Swarb и Varnkevitz, Tresser vitte, Minnevitz, Darwitz, Granlitz, Crepitz и пр. Затѣмъ полуостровъ образуетъ какъ бы косу (рогъ) въ направленіи къ югу, которая обозначена именемъ Derbueg, а ея конецъ именемъ Bugort. Въ числѣ селеній ближайшихъ къ Арконѣ упомянемъ: Wollin, Svittz, Drewolck и далѣе: Gronowervitz, Guselitz, Sudderitz, Lubkevitz, Woldenitz, Starrewitz, Lutkevitz, Bowhof, Kolehoff, Veiervitz и пр.

Проливъ называется Wittowitsche Fehr. Острова Devarnow, de Lubbe, Rassower srtrom. Въ самой срединѣ полуострова показана Alten kirche.

На полуостровѣ Ясмунтѣ, который лежитъ южнѣе Виттова и еще дальше выдвигается на востокъ, почти въ самой его срединѣ находимъ опять селеніе Russevase, а выше его Boistrin, потомъ Slubbenitz, Chlove (сравн. кіевскій Кловъ) Ruskevitz, Sallesitz, Valckzitz, Ratnevitz, Dubbitz, Strachevitz, Vitte, Lubtzitz, Rochenberg, Babbin и т. д. Заливъ съ востока наименованъ Pronerwyck.

На самомъ островѣ встрѣчаемъ подобныя же имена и между ними: Verei, Grubno, Resse, Rugarten, Lubcow, Delan, Bliscow, Swatsin, Medow, Necla, Virevitz, Stolpe, Strowe, Lavenitz, Konitz. Liscow, Unrow, Ralow, Rugehoff, Bitegast, Suine, Ruse, Suantow, Siggelow, Sadow, Weltzin. Рѣка Duvenbeke.

На материкѣ точно также имена по большой части Славянскія и въ числѣ ихъ Wolthoff, Woltckow, Woltkow.

Потомъ (мы будемъ идти по алфавиту): Resin, Resse, Riscow, Risnow, Ristow, Rochow, Rocow, Roggatz, Roggezow, Roggow (6 мѣстъ), Roglow, Rogsow, Rosarn, Roschitz, Roscow, Rosegar, Rosengard, Rosemazow, Rosenfeld (4), Rosenhagen, Rosenow (3), Rosenthal, Roslasin, Rosow (2), Ros-

sentin, Rossin, Rossow, Rostin, Rostock, Rotten, Rottow, Rotznow, Rugarten, Rugehoff, Rugenwalde, Rushertow, Ruschemolen, Ruschende, Ruse, Rushagen, Ruskevitz, Ruspernow, Russenfeld, Rustke, Rustorholtz, Rustow, Rutzenhagen (2), Rutznow, Rutzow. Фамиліи: Rusken, Ruste, Rustoken, Rostken, Ristoven, Roggenpane, Roggenbuke [1].

Затѣмъ встрѣчается множество родныхъ или знакомыхъ по лѣтописи именъ, въ числѣ которыхъ иныя могутъ объяснять имена Олеговыхъ и Игоревыхъ пословъ, какъ и нѣкоторыя другія задачи и преткновенія нашей изыскательности [2].

Такимъ образомъ, въ отношеніи имени Рус и Рос, мы находимъ, что оно господствуетъ въ Померанской странѣ и составляетъ ея родное земское имя. Встрѣчается Руг и Рун, но несравненно рѣже.

Этотъ географическій именословъ можетъ также доказывать, что вопреки ученымъ изслѣдователямъ, писатели средняго вѣка вовсе не были такъ глупы и безграмотны и вовсе не ошибались, когда именовали такъ различно Рюгенскую страну и народъ. Это могло зависѣть лишь отъ мѣстожительства каждаго писателя, или отъ того обстоятельства, съ какой стороны онъ получалъ свои свѣдѣнія объ островѣ. Разные сосѣди, по различію языка, различно и обозначали имя извѣстной имъ страны. Пусть Нѣмцы и западные люди писали и произносили это имя Руяна и Рана, но на востокѣ, у насъ на Руси, оно могло быть извѣстнымъ только въ формѣ Руси.

Изъ тѣхъ же средневѣковыхъ писаній 11 и 12 вѣка становится весьма очевиднымъ, что именемъ Руси они нерѣдко обозначали островъ Рюгенъ и тѣмъ вводили въ заблужденіе послѣдующихъ хронистовъ и изыскателей, кото-

---

[1] Имя: Раны, Рены, Руны, указываются только слѣдующими названіями: Ranefelt, Rankevitz, Rantzow, Reinberg, Reineberg, Reineckehagen, Reinefeld, Reinekendorp, Reinewater, Reinnickendorp, Renekendorp, Renschow, Rentsin, Rentz, Rentzin, Ronnekendorp, Runow (5), Runtz.

Имя: Варны: Varnkevitz, Varencamp, Varenhold, Varenhop, Warmin, Warnckow, Warnin, Warnitz, Warnow.

Варги: Varchland, Varchmin, Vargitz, Vargow, Warsin, Warsow, Warzin. Вагры—Wagrun.

[2] См. Приложеніе III, имена всѣхъ мѣстъ Помераніи.

рые иныя свидѣтельства, принадлежащія Рюгенской Руси, относили къ нашей Восточной Руси. Таково весьма сомнительное свидѣтельство о посольствѣ Ольги къ императору Оттону I въ 959 г., съ просьбою о присылкѣ проповѣдниковъ для водворенія римской вѣры въ Россіи: здѣсь Руги и Руссы смѣшаны.

Таковы же свидѣтельства о нѣкоторыхъ бракахъ нашихъ князей на нѣмецкихъ княжнахъ, напр. бракъ Оды, родившей Вартеслава, и жившей по смерти мужа въ Саксоніи, откуда Вартеславъ былъ призванъ въ Россію на княженіе[1].

Не въ Россіи, а у Поморянъ были князья Вратиславы и княжескія жены Иды.

Точно также и въ Исландскихъ сагахъ, по всему вѣроятію, существуетъ большое смѣшеніе историческихъ обстоятельствъ и лицъ Рюгена и нашей Руси. Тамъ самыя древнѣйшія сказанія, относимыя къ первымъ вѣкамъ христіанства, упоминаютъ уже о Русской Землѣ и о Русскихъ князьяхъ. Положимъ, что ихъ должно относить къ болѣе позднему времени; но по близости связей и отношеній Рюгена съ Скандинавами должно также заключить, что Саги, покрайней мѣрѣ древнѣйшія, именуя въ своихъ повѣстяхъ Русь, скорѣе всего описываютъ дѣла Рюгенской Руси. Этотъ вопросъ требуетъ еще внимательнаго разслѣдованія.

Но вообще изъ всѣхъ показаній средневѣковыхъ писателей все-таки становится яснымъ одно, что Рюгенская страна именовалась также и Русью въ то самое время, какъ наша Русь прозывалась Греціею по той причинѣ, что Христова Вѣра была принята ею изъ Греціи, а не изъ Рима.

Въ географическихъ сочиненіяхъ конца 16 вѣка островъ Рюгенъ прямо именуется Русія. Покрайней мѣрѣ такъ означено въ большой Космографіи, написанной въ городѣ Идунбургѣ и переведенной на русскій языкъ въ 17 столѣтіи. Въ географическомъ описаніи островъ называется княжествомъ Ругинскимъ и Ругійскимъ, а народъ—Ренами и Рутенами[2].

Эта Космографія составлена по старымъ писателямъ, начиная съ Плинія и Страбона и оканчивая Гельмольдомъ.

---

[1] Карамзинъ. И. Г. Р. II, пр. 48.

[2] См. Приложеніе I.

Слѣдовательно въ ней необходимо сохранились отголоски средняго вѣка вмѣстѣ съ тогдашними географическими именами. По ея свидѣтельству Ругійское княжество существовало особою областью отъ временъ князя Крита до смерти послѣдняго князя Вратислава (1352 г.) и потомъ перешло во владѣніе князей Померанскихъ.

Итакъ намъ теперь извѣстно, что сами же нѣмецкіе писатели средняго вѣка весьма точно говорятъ о весьма значительномъ торговомъ и промышленномъ развитіи всего балтійскаго Славянскаго побережья и особенно страны лежавшей въ устьяхъ Одры, вблизи острова Рюгена. Они же говорятъ, что въ Винетѣ-Воллинѣ постоянно, какъ свои люди, жили Греки, то есть Русскіе. Это было во второй половинѣ одиннадцатаго вѣка и, конечно, тоже было и въ 10 и въ 9 вѣкахъ, такъ какъ торги и промыслы Поморянъ естественно должны были получить свое начало гораздо раньше. Тѣже писатели говорятъ, что обитатели острова Рюгена, какъ и другихъ сосѣднихъ островов, отличались всѣми качествами истинныхъ Варяговъ, ни въ чемъ не уступая Норманнамъ-Скандинавамъ.

Дальше: разнорѣчивыя показанія тѣхъ же писателей именуя Рюгенскую страну по своему Руяною и Раною, прозываютъ ее и Русью, то есть поминаютъ настоящее Славянское ея названіе. Эта страна въ числѣ другихъ Славянскихъ балтійскихъ областей всегда составляла, такъ сказать, особое существо, независимое и самостоятельное, и славилась между всѣми Поморянами древностію своего языческаго храма, первенствомъ своего бога, которому давала дань вся Славянская земля.

По словамъ Адама Бременскаго, Руги были храбрѣйшими изъ всѣхъ Славянъ. Они могущественны и страшны, говоритъ лѣтописецъ, по любви къ нимъ боговъ, которыхъ они почитаютъ съ большимъ усердіемъ предъ другими. Вотъ почему и остальные Славяне почитали для себя закономъ ничего въ общихъ дѣлахъ не предпринимать безъ воли Руговъ. Все это свидѣтельствуетъ, что Руги были сильнѣйшимъ и почетнѣйшимъ племенемъ между Поморянами. Можно полагать, что въ сущности это была военная и необходимо морская сила всего Поморья, подобно нашимъ Запорожцамъ

относительно всего Русскаго юга. Вотъ по какой причинѣ объ нихъ упоминаетъ Плиній, Тацитъ, Птоломей и другіе позднѣйшіе писатели, говорившіе о здѣшнихъ балтійскихъ берегахъ. По той же причинѣ и наша лѣтопись знаетъ въ числѣ своихъ Варяговъ особое племя Русь, откуда, по ея словамъ и были призваны наши первые князья.

Къ этимъ балтійскимъ Русс, Росс, Руст, Рост, Рош, Руш, припомнимъ Кіевскую область рѣки Роси, Россы съ ея притоками Ростовица, Рошокъ, Росова, Роска и мѣстами Росава, Ростовка, Росоша, Росошки, изъ числа которыхъ два послѣднія хотя и могутъ происходить отъ Розсоши или рѣчной развилины, но находясь вблизи теченія р. Роски и по сторонамъ селенія Ростовки, вѣрнѣе всего происходятъ отъ того же корня Рос. Присоединимъ сюда и Ружинъ, древній городокъ при р. Растовицѣ, отъ котораго пошла польская фамилія Ружинскихъ.

Какимъ образомъ и въ какое время Русь балтійская могла поселиться на берегахъ Днѣпра, объ этомъ наши соображенія будутъ впереди. Но по именамъ мѣстъ мы можемъ прослѣдить даже ея дороги въ нашу сторону, останавливаясь только на ея коренныхъ звукахъ Руг, Рог, Рус, Рос и на именахъ ея родичей Велетовъ-Волотовъ-Лютичей съ ихъ священными словами Витъ, Радъ и различными другими именами Балтійскаго Славянства.

Начнемъ отъ устья Вислы.

Въ заливѣ Фришъ-Гаѳъ, гдѣ стоитъ Кенигсбергъ, находимъ, помимо Росъ-Гартена, Розенорта, Розенберга, Росбенъ, Руненбергъ, затѣмъ Волитту, Волитникенъ. Дальше, по морскому берегу, Ротенецъ, Варникенъ, Росененъ, Вартенау. По географіи Бишинга: Растенбургъ, Ресселъ, Резинъ—старо-Прусская земля съ городомъ Ризенбургомъ.

Заливъ Куришъ-Гаѳъ, куда течетъ Нѣманъ, назывался Русною. На его косѣ существуетъ древняя крѣпость Росситенъ. Въ самомъ заливѣ на южномъ берегу Варгіененъ, Вилкамъ. На восточномъ берегу: Ругилль, Варусъ, Руссъ, мѣсто и рукавъ Нѣмана, который въ старину по всему теченію тоже назывался Русъ. На Нѣманѣ

вблизи Тильзита Рагнитъ (сравн. Рогнѣдь, Рожнѣть). Внутри страны древнѣйшій городъ Россіены на р. тогоже имени, по Нѣмецкимъ лѣтописямъ Rossigen, Ruschigen, по литовски Rosejnej. Далеко вверхъ по Нѣману, за Гродно есть болото и рѣка Росса, Рось, текущая рядомъ съ рѣкою Сельвянкою; отъ нея перевалъ въ Ясельду, и въ область Припяти, и въ Зап. Бугъ, въ область Вислы. На Россѣ примѣтимъ города Россу и на ея притокѣ Волковискъ и Ружану при р. Сельвянкѣ.

Возвращаемся къ морю, гдѣ по берегу находимъ Виндикъ, Рюценъ, Рутцау, Рицве р., Ротенъ, Рунцишкемъ, Виндаву городъ и рѣку, иначе Вента, Ротгофъ; Варвенъ, Варзикенъ, озеро Девинъ, р. Рооге.

Затѣмъ р. Двина Западная, имя которой прямо напоминаетъ морской притокъ Одера Дивина, Дивеновъ и рѣку на островѣ Рюгенѣ Duvenbeke. Въ устьѣ Двины стоитъ городъ Рига. По берегу Двинскаго залива Рутернъ, и внутри страны Руенъ, Руе озеро и рѣчка, Рутенгофъ, Руйкелнъ, Рунге; островъ Руно. Дальше вблизи Ревеля острова Роге, сел. Роггонемъ, не говоря о Розенахъ, Венденахъ и Ваннахъ, Рестахъ и т. п. По Двинѣ, не смотря на совершенное онѣмеченіе этого края, все еще попадаются имена, напоминающія Русь и Ругъ, каковы: Рушонъ, Рушендорфъ, Ружелишка, Ругелишки, или Резица-Rositen, Резентово, древн. Ружборъ (Руцборхъ или Круцборхъ - Крейцбургъ). Возлѣ Двины къ сѣверу отъ Друи отмѣтимъ озеро Роспу.

Надъ Чудскимъ озеромъ на морскомъ берегу — Варгелъ. Затѣмъ входимъ въ рѣку Нарову, которая при устьѣ же соединяется съ р. Лугою посредствомъ рѣки Расонь или Росонь. Потомъ встрѣчаемъ городъ Ругодивъ (Нарва), дальше по теченію сел. Роспедай, островъ Русини. Къ западу отъ выхода Наровы изъ озера сел. Русной, Рясенецъ, Росталн. Къ сѣверу отъ города Луги р. Рощакъ.

Нарова открывала путь черезъ Чудское озеро въ устье р. Великой къ Пскову, а также и къ Изборску. Въ верховьяхъ Великой есть озеро Ресса.

Луга открывала путь къ озеру Ильменю подъ самый Новгородъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что это былъ первый и ближайшій путь въ Новгородскую область изъ Ва-

ряжскаго моря. Тутъ въ началѣ мы встрѣчаемъ рѣчку Вильку, ручей Веряжской.

Въ верху Луги на перевалѣ въ Ильмень встрѣчаемъ р. Видогощъ, которая и течетъ въ Ильмень, рядомъ съ р. Веряндою и Веряжею. На самомъ верху Луги сел. Велегощъ и около р. Роговка, сел. Веряжино, Рогайцы, Радгощи Радовижи. У впаденія Мсты въ Ильмень р. Русская. На р. Мстѣ одинъ изъ значительныхъ пороговъ носитъ имя Витцы. Въ Тихвинскомъ уѣздѣ: Ругуй, Ругійскій Мохъ—болото; р. Рагуша.

Само собою разумѣется, что еще важнѣе былъ путь черезъ Неву и Ладожское озеро въ Волховъ. Весь этотъ путь до верховьевъ Днѣпра и Двины звучитъ именами, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнія о присутствіи здѣсь Балтійскихъ Велетовъ. Первое имя Волховъ, сопровождаемое по мѣстамъ селеніями Вельсы, Вельцъ, Велья, Валимъ, Витка, Дымна, Варзино и вблизи Новгорода Валитова, Волыня, Волотово и т. п.

Дальше дорога изъ Ильменя къ Днѣпру именуется Ловотью, что переиначено тоже изъ слова Волоть, какъ и обозначается въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, удерживающихъ даже форму Ловолоть. Притоки Ловати: Верготъ или Пола, Полисть, у сліянія которой съ Порусью стоитъ городъ старая Русь, Руса. Самый лѣсъ Волковскій, Волконскій, Воковскій сохраняетъ тоже память о Волховѣ и Волоти, хотя по близкому сходству звуковъ, а еще болѣе по своему положенію, и даетъ основаніе называть его лѣсомъ Волоковъ.

Верхъ Ловати близко подходитъ къ озеру Усвятъ гдѣ стоитъ и древній городъ Усвятъ, Вѣсвятъ. Изъ озера течетъ въ Двину рѣка Усвячь и противъ нея въ Двину же течетъ Каспля, подходящая своимъ верхомъ къ самому Днѣпру вблизи Смоленска, соименнаго многимъ мѣстамъ въ землѣ Оботритовъ и Лютичей. Отъ Усвята и Ловати недалеко течетъ рѣка Лютинница, есть большое озеро Двиновилинское, и съ востока въ Двину впадаетъ р. Велеса. У Смоленска: Рясино, Волутина гора, Волино, а выше и дальше къ сѣверу за Касплею—Словены.

Другой перевалъ изъ Двины въ Днѣпръ лежалъ у Витебска. На приближеніи обѣихъ этихъ рѣкъ, вблизи устья Лу-

чесы, текущей съ юга и верхъ которой, называемый Верхитою, подходитъ почти къ самому Днѣпру, стоитъ древній городъ Витебскъ, Витвескъ, на рѣчкѣ Витбѣ. Это имя сходно съ Видбеновымъ озеромъ на самомъ верху Двины, близъ котораго есть озеро и р. Волкита, Волкота, откуда и течетъ Двина.

Витебъ есть племенное названіе, такое же, какъ Дулебъ, Серебъ, Кашебъ, Гаребъ. Очевидно, что это первое имя Вятичей. Оно напоминаетъ Рюгенскаго Вита.

Къ сѣверу отъ Витебска, вблизи р. Дриссы, р. Варужа. Рѣка Лучеса вытекаетъ изъ озера Бабиновичи, гдѣ стоитъ и городъ Бабиновичи, имя очень любимое у Поморскихъ Славянъ, часто повторяемое и въ здѣшнихъ мѣстахъ. Переваливши на Днѣпръ по Верхитѣ, тотчасъ встрѣчаемъ по ту сторону Днѣпра Росасну или Росану, мѣсто и рѣку, а ниже по Днѣпру городъ Оршу, по древнему Ръша, слѣдовательно измѣненіе того же звука Рось. Отъ Орши къ югу течетъ р. Проня, въ нее впадаетъ съ запада отъ стороны Днѣпра Реста; къ востоку отъ Прони, течетъ Волчеса, обѣ впадаютъ въ Сожъ. Проня напоминаетъ Поморскаго Проне-Перуна. Вблизи: Славное, Рясна, Радомля, Вельчицы, Любежъ, Славяня (у Шклова). По Сожу: Волосовичи, Ветка, Радога, Волотово и пр.

Ниже по Днѣпру встрѣчаемъ городъ Рогачевъ, вблизи впаденія Березины озеро Словенское, р. Верддичь, селеніе Добрагощи, Мыслій Рогъ. Потомъ на устьѣ Сожа—Лоевъ, потомъ Радуль, Любечь, р. Тетеревъ, соименный Teterow-у Мекленбургскому, р. Болгачь, Дымеръ, Лютежъ, Сваромье, Любка на Ирпени; Ветова Могила, Вѣтичи, при устьѣ Десны.

У Кіева упомянемъ Кловъ, Выдубичи, которое сходно съ Видбскомъ — Витебскомъ и съ озеромъ Видбеновымъ; ниже Кіева рѣка Вета. Затѣмъ между Кіевомъ и р. Росью находится Витичевъ Холмъ, который несомнѣнно праправнукъ Вита (Вит-ич-евъ), столь часто поминаемаго въ Поморьѣ и особенно на островѣ Рюгенѣ.

Съ верхняго Днѣпра существуетъ переволъ въ Оку по Угрѣ, гдѣ у Днѣпра стоитъ городъ Дорогобужъ. Отъ Дорогобужа, направляясь вверхъ по р. Осмѣ, попадаемъ въ р. Рославль, текущую въ Городсту, а съ нею въ Угру. Здѣсь между Рославлемъ и Угрою замѣтимъ селеніе Верговo, но

другую сторону погостъ Бабиновскій. Въ верхъ Угры падаетъ р. Демина, а отъ верха Осмы взялась Волста, текущая въ Угру.

На перевалѣ изъ верхней Десны, отъ Брянска въ Оку течетъ Ресета (сравни Росситенъ на Куришъ-Гафѣ), а рядомъ съ нею Вытебета, обѣ впадаютъ въ Жиздру, а эта въ Оку. Въ Ресету между прочимъ текутъ, Велья, Ловать, а у Вытебети есть селеніе Волосово и въ нее текутъ притоки Лютня, Серебетъ.

Въ этихъ же мѣстахъ къ сѣверу отъ Жиздры течетъ въ Угру р. Рѣса; на западъ отъ Жиздры въ Десну впадаетъ Ветьма — Витьма, а въ нее Волынъ; и на одномъ изъ ея притоковъ стоитъ селеніе Любегощъ.

Нѣсколько южнѣе существовалъ другой перевалъ изъ Десны въ Оку отъ города Трубчевска. Въ этомъ мѣстѣ къ западу отъ Трубчевска на р. Судости стоялъ древній городъ Радогостъ (нынѣ Погаръ), отъ котораго неподалеку встрѣчаемъ рр. Рогъ, Бабинецъ, впадающія въ Судость; селенія Рогово, Витовка, у Десны Любецъ; вблизи тѣхъ же мѣстъ Росль, Расуха. Переволокъ въ Оку шелъ изъ Десны вверхъ по рѣкѣ Не-Русѣ, подходящей прямо къ р. Кромѣ, впадающей въ Оку выше Орла. На пути по Не-Русѣ встрѣчаемъ у озера селеніе Радогощъ, также Бабинецъ, Волоконское.

Изъ Десны, впадающая въ нее рѣка Сеймъ также открывала путь и къ верхней Окѣ, и къ верхнему Дону и Донцу: не потому ли дано ей и это имя, означающее союзъ, соединеніе. Изъ Сейма къ самому верховью Оки можно было пройдти Свапою, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ которой стоитъ селеніе Расторогъ. Пониже Свапы въ Сеймъ впадаетъ Волынка, а еще ниже Руса. Ниже впаденія Сейма въ Десну, на притокѣ Десны, называемомъ Пулка, замѣтимъ древнее селеніе Вληстовитъ, или Блъстовитъ, иначе Блестовѣтье, а сѣвернѣе—Волосковцы.

На перевалѣ изъ Оки въ верхній Донъ обращаетъ на себя особое вниманіе имя Рясъ, которое распространяется на здѣшнее поле-степь (Рясское поле) и на многія небольшія рѣки; называемыя Рясами, и даетъ также названіе городамъ Рязани и Ряжску, или собственно Рясани, Рясску.

Здѣшняя переволока изъ Оки въ Донъ существовала еще въ 1502 г., когда Московской государь Иванъ Васильевичъ, отпуская изъ Москвы Турецкаго посла, приказывалъ Рязанской княгинѣ Аннѣ проводить посла по своей землѣ: „Отпустилъ я судномъ, писалъ онъ, посла Турецкаго до Старой Рязани; а отъ Старой Рязани ѣхать ему Пронею вверхъ, а изъ Прони къ Пранову (нынѣ р. Ранова), а изъ Прановой Хуптою вверхъ до Переволоки, до Ряскаго поля... Переволокою Рясскимъ полемъ до рѣки до Рясы“, текущей въ Воронежъ [1].

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ переволокъ существовалъ отъ глубочайшей древности, которая и на этомъ мѣстѣ поминаетъ уже знакомыя намъ Велетскія имена, Проню и Пранову, указывающія несомнѣнно Велетское имя Перуна.

Рѣка Проня и впадающая въ нее Пранова подходятъ своими истоками къ истокамъ Дона, гдѣ встрѣчаемъ селеніе Валщуту у озера Ивановскаго. Замѣтимъ также нѣкоторые притоки Прони, лѣвые: Вилинка, Катагощъ, Ерополь, Лютикъ; правые: Асинецъ, Ясменка, Виленка, Роговая, Волосовка, Келецъ, Калувевна, Литогощъ, Лютикъ.

Вблизи впаденія Прони въ Оку встрѣчаемъ селеніе Перкино, а дальше внизъ по Окѣ Старую Рязань, древнѣйшую столицу Рязанскаго края. Неподалеку еще ниже въ Оку впадаетъ р. Пара, вытекающая съ той же вершины, которая именовалась Рясскимъ полемъ, откуда къ Дону текутъ Воронежи и Рясы, а въ Оку Проня, Пранова, Пара. На этой вершинѣ, на верху Пары и ея притока Верды, находимъ селеніе Витищи, а также Троицкіе Расляи, довольно точно намекающіе, откуда образовалось и самое слово Рясъ, соотвѣтствующее Расу и Росу, какъ и рожденная отъ него Рясань-Рязань, соотвѣтствующая Расони или Росони, соединяющей на сѣверѣ Нарову и Лугу, и Росани Днѣпровской, текущей съ одной вершины съ Пронею же, притокомъ Сожа.

Къ востоку отъ этой Рязанской мѣстности за рѣкою Цною жили уже Буртасы, какъ на это указываетъ и текущая тамъ р. Буртасъ. Замѣтимъ, что въ озерной области къ сѣверу отъ Рязани сохраняется память объ Ильменѣ, какъ теперь

[1] Карамзинъ, И. Г. Р. VI, пр. 563.

называется одно небольшое озеро, находящееся подлѣ Великаго, и отъ котораго далѣе на востокъ лежитъ озеро Орса-Ариса-Ираса, напоминающее здѣсь же обитавшихъ древнихъ Аорсовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имя Русь. По этой Озерной области протекаетъ рѣка Пра, а въ нее на истокахъ впадаетъ р. Варна. Ниже мы увидимъ, что эти озера, въ качествѣ одного большаго озера, были извѣстны еще Геродоту.

Замѣчательно, что и подъ Муромъ течетъ въ Оку и впадаетъ нѣсколько ниже города р. Велетьма, отъ верха которой начинается верхъ Варнавы, текущей въ противоположную сторону въ Мокшу, такъ что и самый городъ Елатьма, Елатомъ, стоящій въ этихъ же мѣстахъ, на Окѣ, выше Мурома и пониже впаденія Мокши, быть можетъ, только испорченный по-мордовски Вельтъ, Волотъ.

Возвращаясь къ сѣверу, нельзя забыть, что въ Новгородской Деревской Пятинѣ существовалъ городъ Дѣмань, Деменъ, стоявшій на прямомъ пути отъ Новгорода къ верхней Волгѣ, соименный Померанскому Демину, на что указывалъ еще Каченовскій.

На сѣверной сторонѣ Ладожскаго озера существуетъ р. Рускола, Рускіала и мѣсто Рускоерве. Помянемъ: Росо-Мохъ, болото въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губ.; Рослякову на мѣстѣ древняго Бѣлозерека, Рослякову Губу въ Кольскомъ заливѣ: Рутозерскую Губу въ Бѣломъ морѣ на Корельскомъ берегу.

Сѣверная Двина, подобно Западной, несомнѣнно также приняла свое имя отъ промышленныхъ и предпріимчивыхъ Велетовъ, которые ходили какъ видно въ устье Печоры, ибо за Святымъ Носомъ, на Тиманскомъ берегу, не доходя Печоры, въ море впадала рѣка Венть иначе Велть, между рѣчкою Горностаемъ и рѣкою Колоконковою; откуда, пройдя мысъ Русскій Заворотъ, входили въ Губу Печорскаго устья.

Это на востокъ къ Печорскому краю; а на западной сторонѣ Ледовитаго Поморья существуетъ даже Волитово городище въ заливѣ, который именуется Варангскимъ, Варенгскимъ. Объ этомъ городищѣ въ 1601 г. нашъ посланникъ Ржевскій разсказывалъ Датскому королю Христіану IV, по пре-

данію Лапландскихъ старцевъ, слѣдующую повѣсть; „Былъ нѣкогда въ Корелѣ и во всей Корельской землѣ большой владѣтель, именемъ Валитъ, Варентъ тожъ, а послушна была Корела къ В. Новгороду съ Двинскою землею и посаженикъ былъ тотъ Валитъ на Корельское владѣнье отъ Новгородскихъ посадниковъ... Онъ самъ собою былъ дороденъ, ратный человѣкъ и къ рати необычный охотникъ: то у него былъ большой промыслъ, что рать... и побивалъ Нѣмецъ. Мурманскую землю (Мурманскій берегъ) Нѣмцы отстоять не могли, онъ привелъ ее подъ свою власть... А въ Варенгѣ, на побоищѣ Нѣмецкомъ, гдѣ Варенгской лѣтній погостъ, на славу свою, принесши съ берегу, своими руками положилъ камень, въ вышину отъ земли есть и нынѣ больше косой сажени; а около его подалѣ выкладено каменьемъ, кабы городовой окладъ въ 12 стѣнъ; а названъ былъ у него тотъ окладъ Вавилономъ; а тотъ камень и по сейчасъ слыветъ Валитовъ камень. Такой же городъ въ 12 стѣнъ былъ у него и въ Колѣ, но разоренъ, какъ острогъ дѣлали. А межъ Печенги и Пазъ-рѣки есть губа морская, вышла въ берегъ кругла; а середь ее островъ каменъ высокъ, кругомъ сверху ровенъ: тутъ у него для крѣпости и покоя вмѣсто города было“. Это и есть Волитово городище [1].

Память объ этихъ исполинахъ Волотахъ сохраняется въ урочищныхъ названіяхъ по преимуществу въ сѣверной половинѣ нашей страны, на сѣверозападъ отъ верхней Оки и верхняго Дона. Такъ и на соединеніи Ладожскаго озера съ Сѣверною Двиною и стало быть съ Ледовитымъ моремъ, посредствомъ Сухоны, существовало преданіе, что около Вологды и Кубенскаго озера и около текущихъ тамъ рѣкъ обиталъ нѣкогда народъ Волоты-исполины, отъ которыхъ получила имя и самая Вологда [2].

---

[1] И. Г. Р. Карамзина, XI, пр. 56.

[2] По народнымъ преданіямъ (въ Сибири) племя Волотовъ заживо ушло въ землю. Его остатки народъ видитъ въ костяхъ допотопныхъ животныхъ. Большіе могилы-курганы на верховьяхъ Западной Двины народъ называетъ Волотовками, относя ихъ къ тѣмъ же великанамъ. Волотами и теперь называютъ очень рослыхъ людей. Въ южномъ говорѣ Волотъ измѣняется въ Велетъ, Велетень, то есть сохраняетъ свою западную форму.

А въ самомъ Новгородѣ, въ его улицахъ и другихъ мѣстностяхъ, мы находимъ имена довольно вѣрно указывающія, отъ какой стороны, если не возродилась, то во многомъ зависѣла его промышленная и торговая жизнь. Самое старое Новгородское мѣсто называется Славно. Это былъ Славянской конецъ города, гдѣ находилась улица Варяжская, Щетинница отъ Штетина, Рогатица, ручей Витковъ. Этотъ конецъ рядомъ съ Плотницкимъ концомъ лежалъ на правомъ берегу Волхова, т. е. на нашей восточной Русской сторонѣ.

На западномъ лѣвомъ берегу, гдѣ находится Кремль, ближе къ Ильменю жили Прусы въ Прусской улицѣ, заселившіе свое мѣсто, прійдя отъ запада рѣкою Лугою. Здѣсь же, вѣроятно, жили и Деигуницы—Латыши съ рѣки Двины, которая по ихъ выговору—Daugawa. Потомъ упомянемъ Росткину улицу, указывающую на Ростку, какъ на селеніе отъ балтійскаго Ростока. Съ конца города отъ Ладожскаго пути по Волхову находилось урочище Звѣринецъ, которое по всему вѣроятію ведетъ свое имя отъ Звѣрина, ибо трудно себѣ представить, чтобы здѣсь находился въ половинѣ 11-го в. зоологическій садъ. Скорѣе всего это былъ малый Звѣринъ-Звѣринецъ, по подобію: Дѣтинъ-Дѣтинецъ. Такъ точно по всему вѣроятію образовалось имя Чудинцевой улицы отъ Чудинца, отдѣльнаго поселка Чуди, находившагося на томъ же краю города. Припомнимъ еще урочища Витославичи, Перынь, Волосово и Ракомъ или Рокомъ, напоминающій Рюгенскую Аркону, имя которой дошло до насъ въ ея латинонѣмецкой передѣлкѣ. Теперь есть сел. Ракомо верстахъ въ 12-ти отъ Новгорода между озеромъ и рѣкою Веряжею, на ея протокѣ въ озеро, который быть можетъ именовался Ракомо. Древнее Ракомо, гдѣ сѣлъ во дворѣ Ярославъ и избилъ созванныхъ сюда Новгородцевъ, находилось, по свидѣтельству лѣтописи, надъ Волховомъ, въ 3 верстахъ отъ города, къ озеру Ильменю, что приближается къ упомянутому протоку.

Представивъ этотъ краткій и бѣглый очеркъ географическихъ и топографическихъ именъ нашей страны, которыя содержатъ въ себѣ указанія на слѣды очень древняго пребыванія въ нашей странѣ людей поклонявшихся Виту, Радегосту, Перуну подъ именемъ Прона или Прана, носившихъ имя Волотовъ, Велетовъ, Вендовъ, Руговъ-Роговъ, Русовъ-Росовъ и т. п., мы однако вовсе не настаиваемъ, что всѣ

приведенныя имена непремѣнно обозначають только слѣды этихъ Волотовъ. Мы впередъ соглашаемся, что иныя изъ этихъ именъ принадлежатъ общимъ основамъ топографическаго языка у всѣхъ Славянскихъ племенъ, какъ и у другихъ родственныхъ съ ними народовъ; иныя образовались уже въ слѣдствіе преданій о давнемъ господствѣ Волотовъ, въ слѣдствіе перенесенія именъ на новыя селитьбы и т. д. Но мы не можемъ оставить безъ вниманія того обстоятельства, что приведенныя имена, сходныя съ именами далекаго Балтійскаго Поморья, разсѣяны преимущественно въ такихъ мѣстахъ, которыя служили тоже преимущественно торговыми и промышленными дорогами и какъ бы узлами, связывавшими разнородное населеніе страны. Мы видѣли, что важнѣйшіе перевалы отъ Ладоги къ Кіеву, отъ верхней Двины и верхняго Днѣпра къ верхней Окѣ, отъ средней Оки къ верхнему Дону,—больше, чѣмъ другія мѣстности, служатъ свидѣтелями, что здѣсь нѣкогда, задолго до нашей исторіи, проходила другая исторія, о которой нѣтъ книжныхъ извѣстій и есть только извѣстія извлекаемыя отъ именъ земли и воды.

Для историка въ этихъ именахъ, обнаруживается какой то особый геологическій слой особаго историческаго періода, заслуживающаго во всякомъ случаѣ подробнѣйшаго изслѣдованія. Наша лѣтопись очень помнитъ, что Радимичи и Вятичи, распространившіеся по Сожу, по Деснѣ и Окѣ, пришли отъ Ляховъ. Но когда это случилось и отъ какихъ Ляховъ они пришли, объ этомъ она не говоритъ ни слова, называя Ляхами и Повислянъ, и особенно Поморянъ и Лутичей-Велетовъ. Мы знаемъ еще, что Радимичи и Вятичи платили первымъ князьямъ дань щлягами, т. е. монетою Англосаксонскаго происхожденія, тою монетою, которая въ свое время ходила вѣроятно по всему Балтійскому Поморью.

Вотъ историческія свидѣтельства, открывающія, что наши связи съ этимъ Поморьемъ могли и должны были существовать и безъ помощи Скандинавовъ, ибо пришедшіе къ намъ Радимичи и Вятичи, вѣроятно поклонники Рад-Госта и Свѣто-Вита, необходимо сами собою тянули эти связи изъ стараго въ новое свое отечество.

Затѣмъ самый ихъ приходъ никакъ не могъ быть нашествіемъ въ родѣ татарскаго и вообще кочевническаго. Скорѣе всего ихъ приходъ совершался тѣмъ же порядкомъ и подобными же путями, какъ совершался Русскій приходъ въ Сибирь. Теперешній Монгольскій или Китайскій лѣтописецъ очень вѣрно скажетъ, что Сибирское населеніе пришло отъ Россіянъ, но въ какое время, въ какомъ году,—на это Сибирскій лѣтописецъ ничего не отвѣтитъ. Русскій народъ шелъ въ Сибирь до сего дня почти 300 лѣтъ, сколько охотою и еще больше по указамъ правительства.

Сколько же вѣковъ шли Радимичи и Вятичи не по указамъ правительства, а по своей доброй волѣ, быть можетъ въ слѣдствіе домашнихъ междоусобій или вслѣдствіе простой тѣсноты населенія и почему сюда же не шли ближайшіе Скандинавы? Правда Готы попытались было идти, но на югъ, къ Черному морю, и были скоро выгнаны Гуннами.

Въ наши сѣверныя мѣста шли одни Славяне, конечно, по той причинѣ, что весь югозападный край нашей страны искони былъ занятъ Славянствомъ же, и что весь Финскій сѣверовостокъ почитался для Славянскаго населенія, какъ бы собственною дорогою, проложенною съ незапамятныхъ временъ, по которой, какъ видно, это населеніе не пропускало ни кого, никакихъ Скандинавовъ, всегда защищая этотъ уголъ, какъ собственную родную землю.

Переселеніе сюда Славянства и если Славянства не угодно, то вообще чужихъ людей, засвидѣтельствовано, какъ увидимъ, еще Геродотомъ и началось по его словамъ лѣтъ за 30 до похода на Скиѳовъ Персидскаго Дарія, то есть въ половинѣ шестаго столѣтія до Р. Х. Такимъ образомъ преданія о заселеніи нашей страны пришельцами уходятъ въ древность глубже, чѣмъ преданія о начальной исторіи Германскихъ племенъ.

На основаніи этихъ преданій можно вполнѣ вѣровать, что наши связи съ Балтійскимъ Славянствомъ отъ самой глубокой древности не прекращались ни на одну минуту и къ 9-му вѣку потому сдѣлались больше и прямѣе извѣстными, что съ этого времени исторія стала передвигаться на сѣверъ и лѣтописцы стали больше писать о дѣлахъ сѣвера.

Кромѣ преданій, о томъ же свидѣтельствуютъ и географическія показанія древнихъ. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. по словамъ Плинія и Тацита на сѣверѣ Европы подлѣ Англовъ живетъ народъ: Варины, мѣсто котораго обозначается именемъ рѣки Варновы, на которой стоитъ теперешній нѣмецкій Ростокъ, сохранившей доселѣ память о своихъ древнѣйшихъ обитателяхъ.

Въ концѣ втораго вѣка географъ Птоломей подтверждаетъ это. Въ половинѣ шестаго вѣка Готскій историкъ Іорнандъ говоритъ, что на берегу Океана, тамъ, гдѣ тремя устьями впадаетъ въ него р. Висла, живутъ Видіоаріи—Види-Варіи—смѣсь людей разныхъ племенъ. А въ промежуткѣ этого времени, въ половинѣ третьяго вѣка, получаемъ извѣстіе отъ историка Зосима, что въ нашемъ Черноморскомъ краю существуетъ народъ Вораны, который по соглашенію съ Воспорцами руководитъ морскими набѣгами на Римскія Черноморскія области.

Если въ это же время на Черномъ морѣ дѣйствовали и Готы, пришедшіе въ нашу страну съ Балтійскаго моря, то почему бы не придти къ намъ съ Балтійскаго же моря Варинамъ (Вирунамъ, Варнамъ, Веринамъ, Веранамъ) названнымъ теперь Воранами. Очевидно, что эти имена отъ перваго до шестаго вѣка включительно обозначаютъ въ олатыненной и огреченной формѣ тоже самое имя, которое у нашихъ Славянъ произносилось:Варягъ. Такимъ образомъ странствованіе Варяговъ по нашей землѣ заявлено уже исторіею въ половинѣ третьяго вѣка по Р. Х.

Изслѣдователи-норманисты, которымъ конечно не понравится такая древность нашихъ Славянскихъ Варяговъ, потребуютъ иныхъ свидѣтельствъ, самыхъ всестороннихъ и полныхъ, такъ чтобы прямо и подробно было разсказано какъ, откуда именно, когда пришли въ нашу страну эти Варины—Вораны. Безъ того они ничему не повѣрятъ. Но на какихъ же подробностяхъ держится все ихъ утвержденіе, что призванные Варяги были Скандинавы?

Впрочемъ истина и въ густомъ лѣсу предубѣжденій непремѣнно сверкнетъ своимъ непобѣдимымъ свѣтомъ и хотя на минуту озаритъ темный и трудный извилистый путь, направленный къ ея же познанію. Г. Погодинъ, разсуждая о томъ, какъ Новгородцы объяснялись съ Варягами-Русью,

доказываетъ, что это было очень просто, ибо „Норманны и Славяне искони жили рядомъ, въ сосѣдствѣ по Балтійскому морю и въ незапамятныя еще времена обмѣнялись многими словами.... Нѣкоторыя племена по сосѣдству—даже смѣшались, такъ-что ихъ разобрать трудно. Въ дружинахъ Норманскихъ — всегда было очень много Славянъ. Самъ Гельмольдъ свидѣтельствуетъ, продолжаетъ уважаемый историкъ, что „Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяютъ Марку. Въ Славянской землѣ много Марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша Вагирская провинція (это во второй половинѣ 12 столѣтія) имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, какъ изъ Датчанъ, такъ и изъ Славянъ“ [1].

„Флотъ Норвежскій, продолжаетъ г. Погодинъ, приплывавшій во Фризію состоялъ, по свидѣтельствамъ, изъ Датчанъ, Норвежцевъ и даже Оботритовъ. Въ экспедиціи противъ Англіи 857 г. было много Вендовъ“. Но послѣ словъ Гельмольда о Вагирской провинціи, искони населенной Славянами, г. Погодинъ прибавляетъ слѣдующія достопамятныя слова: „Чуть ли не въ этомъ углу Варяжскаго моря, чуть ли не въ этомъ мѣстѣ Гельмольда, заключается ключь къ тайнѣ происхожденія Варяговъ-Руси: Здѣсь соединяются вмѣстѣ и Славяне и Норманны и Вагры и Датчане, и Варяги, и Ріустри, и Росенгау. Еслибъ, кажется одно слово сорвалось еще съ языка Гельмольда, то все стало бы намъ ясно, но, вѣроятно, этого слова онъ самъ не зналъ!“ [2].

---

[1] Вотъ почему и Дитмаръ въ 10 вѣкѣ указываетъ, что въ Кіевѣ во множествѣ жили Даны.

[2] Изслѣдованія II, стр. 523.

Въ послѣднее время г. Погодинъ такъ видоизмѣняетъ эту нерѣшительную догадку о происхожденіи Руси:

«Не заселены ли были первоначально Датскіе острова Славянами, точно также, какъ сосѣдній островъ Рюгенъ и все Поморье Балтійское, Померанія,—а впослѣдствіи уже переселилось въ нихъ изъ Норвегіи племя Славянское или Готское, которое совершенно покрыло первыхъ поселенцевъ? Взаимное вліяніе нарѣчій и знакомство Норманновъ и Славянъ между собою облегчаетъ уразумѣніе и сношеній Новгородскихъ Славянъ съ Варягами. Здѣсь могутъ кажется примириться всѣ мнѣнія о происхожденіи Руси.... Не понятно, для какой надобности дѣлать такія предположенія, когда Исторія Балтійскихъ Славянъ несомнѣнно и до

Ничего нѣтъ удивительнаго, что Гельмольдъ, писавшій свою хронику около 1170 г., т. е. спустя слишкомъ триста лѣтъ послѣ указаннаго нашею лѣтописью призванія Руси, никакого слова не зналъ объ этомъ событіи, для насъ очень важномъ, а для тамошней страны весьма обыкновенномъ и рядовомъ. Въ то время и въ тамошнихъ мѣстахъ военныя дружины созывались и призывались чуть не каждый день отовсюду, гдѣ только онѣ славились своею отвагою. Удивительнѣе всего то обстоятельство, что при такой совокупности несомнѣнныхъ западныхъ свидѣтельствъ о коренномъ Варяжествѣ во всѣхъ смыслахъ нашихъ Балтійскихъ Славянъ, мы совсѣмъ отвергли, и совсѣмъ позабыли ясное, точное, прямое свидѣтельство нашей собственной лѣтописи, указывавшей несомнительно, что Варяги-Русь обитали на Балтійскомъ Славянскомъ Поморьѣ, въ углу, по сосѣдству съ Датчанами и Англами, и что оттуда призваны князья.

Если это точное свидѣтельство вполнѣ и также несомнѣнно подтверждается именами населенныхъ мѣстъ, въ которыхъ звуки Рус—Рос являются родными и наиболѣе распространенными именно въ томъ же Славянскомъ углу Варяжскаго Поморья, то спрашивается, какихъ же еще нужно основаній, дабы утвердить простую и вполнѣ вѣро-

---

очевидности раскрываетъ, что Славяне искони вѣковъ жили на своихъ мѣстахъ по всему южному балтійскому побережью съ островомъ Рюгеномъ включительно, и всегда находились въ постоянныхъ связяхъ, дружескихъ или враждебныхъ, и съ Датчанами и съ Нѣмцами и Норвежцами и со всѣмъ Балтійскимъ Поморьемъ.

Славяне имѣли поселенія на всѣхъ берегахъ Поморья, даже въ Британіи. Точно такъ и Скандинавы имѣли поселенія въ Славянскихъ земляхъ, каковъ напр. былъ Іомсбургъ, крѣпость Волина-Винеты. Относительно мѣста, гдѣ жили Несторовы Варяги-Русь, г. Погодинъ, въ томъ же сочиненіи, поддерживаетъ мнѣніе Ломоносова: «Я стоялъ за происхожденіе, говоритъ онъ, а не за обиталище, и оставлялъ этотъ вопросъ открытымъ... Вопросъ остается такимъ и теперь (апрѣля 7, 1874 г.), и я думаю только, что Норманскую Варяговъ-Русь вѣроятнѣе искать въ устьяхъ и низовьяхъ Нѣмана, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Балтійскаго Поморья».

Таковы окончательныя соображенія самаго горячаго изъ защитниковъ Норманской теоріи. См. «Борьба не на животъ, а на смерть съ новыми историческими ересями». М. 1874. стр. 156, 390.

атную истину, что Варяги-Русь были прямые Славяне съ острова Ругія или Русіи, что Варяги въ собственномъ смыслѣ, какъ разумѣетъ ихъ наша первая лѣтопись, были тоже прямые Славяне изъ того Балтійскаго угла, между Одрою и Лабою-Эльбою, гдѣ ихъ имя, Варины, Вары, вмѣстѣ съ именемъ Руги, было извѣстно съ глубокой древности.

Какъ иначе. если не Славянствомъ Руси мы объяснимъ слова лѣтописца: „Тѣ люди Новгородцы отъ рода Варяжска, а прежде были Славяне.“ По тѣмъ городамъ, въ Новгородѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Бѣлоозерѣ, Муромѣ, пришельцы суть Варяги, а туземцы были въ Новгородѣ Славяне, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, на Бѣлоозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома. Вѣдь и о Ростовѣ, Бѣлоозерѣ, Муромѣ, лѣтописецъ тоже разумѣетъ, что тѣ люди теперь отъ рода Варяжска. а прежде были Меря, Весь, Мурома.

Слѣдуя простой логикѣ, норманская школа населила всѣ эти города Норманнами, отчего само собою образовалось цѣлое племя Норманновъ, которое по этому говорило до конца 12 вѣка своимъ Норманскимъ языкомъ, а потомъ вдругъ изчезло и не оставило никакихъ слѣдовъ, ни въ племени, ни въ языкѣ. Чудеса! Говорятъ, что это скандинавское племя ославянилось. Но положимъ, что такъ случилось въ Славянскихъ городахъ. Отчего же оно ославянилось у Мери, у Веси, у Муромы? Тамъ оно должно было превратиться въ Мордву, если въ Славянскихъ городахъ превратилось въ Славянъ. Очевидная и яркая несообразность, никакъ необъяснимая Норманствомъ Руси и безъ всякаго труда и вполнѣ объяснимая ея Славянствомъ. И Меря, и Весь, и Мурома, и всѣ инородцы, куда пришли Варяги, заговорили не по Норманскя, а по Славянски, и сдѣлались чистыми Славянами безъ примѣси Норманства оттого, что насельники этихъ Финскихъ мѣстъ, Варяги, были сами чистые Славяне.

Вообще смыслъ этого лѣтописнаго свидѣтельства нельзя опредѣлять временемъ призванія Рюрика, какъ оно показано лѣтописью. Это, напротивъ, по всему вѣроятію, очень далекое преданіе о Варяжской Славянской колонизаціи на нашемъ Финскомъ сѣверѣ, проходившей съ особою силою отъ предпріимчиваго Славянскаго Балтійскаго Поморья.

На это прямо указываетъ древнее имя Новгородцевъ, Славяне, упоминаемое на томъ мѣстѣ уже Птоломеемъ во 2 вѣкѣ по Р. Хр. Ставане, Суевене, которое родилось и распространялось только на западѣ, возлѣ Нѣмцевъ, упоминаемыхъ еще раньше Ю. Цезаремъ, Тацитомъ и Плиніемъ. Въ соотвѣтствіе этому и Финны даже до сихъ поръ называютъ Русскихъ Венами, Венелайне, Виндлайне, то есть именемъ, которое искони принадлежало Славянамъ Балтійскимъ.

Такимъ образомъ первый Славянскій поселокъ въ Новгородской странѣ долженъ существовать покрайней мѣрѣ во времена Птоломея, а по здравому разсудку и гораздо раньше, такъ какъ Птоломей пользовался свѣдѣніями болѣе древними, чѣмъ когда писалъ свою географію.

Поселеніе Руси на берегахъ кіевскаго Днѣпра точно также должно относиться къ очень далекому времени, къ тому времени когда проторенъ былъ путь по Днѣпру посредствомъ Двины и Невы съ Балтійскаго Поморья къ Черному морю. А потому Роксоланы, защищавшіе Скиѳовъ противъ Митрида Великаго, быть можетъ, вовсе намъ не чужіе и вовсе не круглые степняки, какъ ихъ представляютъ незнавшіе или очень мало ихъ знавшіе писатели латинскаго вѣка.

Во всякомъ случаѣ эту сѣдую древность настоятельно требуется осмотрѣть по всѣмъ угламъ, чтобы разъ навсегда окончательно рѣшить, что она совсѣмъ намъ чужая. Необходимо, по завѣщанію Ломоносова, раскрыть, опредѣлить въ нашей исторіи то участіе, какое разные древніе народы, жившіе въ нашей странѣ, принимали „въ составленіи Россіянъ“. Съ этою цѣлью, „должно пріобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе этихъ народовъ, дабы увѣдать ихъ древность и сколь-много ихъ дѣла до нашихъ предковъ и до насъ касаются“. Намъ скажутъ, что въ этой области нельзя пріобрѣсти ничего кромѣ вѣроятныхъ догадокъ.

Дѣйствительно, одно это орудіе мы и имѣемъ въ своихъ рукахъ для разъясненія древнихъ отрывочныхъ и скудныхъ показаній о нашей странѣ и о народахъ въ ней обитавшихъ. Но всякія изысканія и изслѣдованія, по недостатку прямыхъ и положительныхъ свидѣтельствъ, всегда начинаются съ догадокъ. Такъ начались и изысканія о Скандинавствѣ Руси, доставившія весьма скудный и очень сомнительный

матеріалъ для познанія нашей древности. По приказанію Шлецера, вовсе не желая разбирать наше доисторическое дѣло, мы остановились на первомъ шагу обыкновенной изслѣдовательности и самонадѣянно утверждаемъ, что дальше идти не зачѣмъ, потому что впереди всего тутъ стоитъ не оффиціальный документъ, а догадка. Мы забываемъ, что догадка въ исторіи во многихъ случаяхъ бываетъ основательнѣе и достовѣрнѣе всякихъ „документовъ". Въ сущности она есть первый пріемъ критики. И только посредствомъ строгой и всесторонней критики мы и можемъ возстановить нашу древность во всей ея исторической правдѣ. Доселѣ наша критика была пристрастна и одностороння. Она допрашивала только одного свидѣтеля, Скандинавовъ. не слушая другихъ, или выслушивая этихъ другихъ съ пристрастіемъ въ пользу Скандинавовъ. Очевидно, что такое поведеніе нашей критики никогда не можетъ привести насъ къ правдѣ. Очевидно, что для правдиваго отношенія къ дѣлу необходимо съ одинаковымъ вниманіемъ выслушать всѣхъ свидѣтелей. Напрасно только говорятъ, что здѣсь всѣ вопросы должна рѣшить одна лингвистика. Она уже потому затруднится рѣшить эти всѣ вопросы, что поле ея изыскательности въ этомъ случаѣ ограничивается почти одними только собственными именами, всегда перепорченными выговоромъ и написаніемъ. Напротивъ, здѣсь еще болѣе необходима критика этнологическая, для которой лингвистика можетъ служить только опорою, иногда вполнѣ надежною, иногда весьма сомнительною.

Общіе законы развитія народной жизни, въ зависимости отъ положенія страны, отъ характера ея природы; всемірно-историческіе законы народныхъ связей и отношеній; логическіе законы самой жизни каждаго народа относительно первыхъ началъ и свойствъ его быта; законы, экономическіе и другіе, по которымъ совершаются разселенія и переселенія племенъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ средневѣковая исторія самовольно или переселяетъ цѣлые народы или истребляетъ ихъ съ лица земли, основывая свои заключенія единственно только на появленіи или на изчезновеніи народнаго имени въ письменныхъ памятникахъ; вообще изслѣдованіе народной жизни, ея основъ, формъ, направленій, стремленій—вотъ какіе предметы необходимо имѣть въ ви-

ку, когда стараемся осмыслить несвязную, отрывочную, разнородную, загадочную массу свидѣтельствъ о странѣ и народѣ.

Намъ кажется, что весь вопросъ при такомъ изслѣдованіи не въ имени народа, а въ мѣстности, на которой живетъ народъ, въ его жилищѣ, которое, хотя бы и не видно было въ немъ хозяина, можетъ очень хорошо познакомить съ его житейскими порядками и потребностями. По жилищу, въ связи съ его отношеніями къ сосѣдямъ, можно легко развѣдать, каковъ тотъ человѣкъ, который его занимаетъ, и какъ далеко то время, съ котораго онъ могъ въ немъ поселиться.

Наконецъ, согласимся что исторія наука не-точная и камъ прагматика вся построена на догадкахъ и вѣроятіяхъ; что полный видъ точности въ ней получаютъ одни только идеи, коими жизнь управляется; что всякое вещественное, реальное воплощеніе этихъ идей подъ видомъ событій или людскихъ характеровъ никакъ и никогда не можетъ быть возстановлено, такъ сказать, въ естественно-исторической точности, въ настоящей матеріальной своей истинѣ; ибо все въ исторіи умираетъ и уноситъ съ собою навсегда свои живые образы, оставляя намъ въ поученіе одни только идеи своихъ дѣлъ и своихъ характеровъ. Мы никогда не можемъ узнать во всей истинѣ даже любое изъ современныхъ событій, проходящихъ по нашимъ головамъ и передъ нашими глазами; какъ не можемъ узнать во всей точной реальной истинѣ и характеръ любаго живаго дѣятеля. Объясненія наши, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, всегда будутъ устанавливаться на догадкахъ и вѣроятіяхъ по количеству и качеству собранныхъ свѣдѣній.

Итакъ, размышляя о до-историческомъ времени нашей исторіи включительно до призванія Варяговъ, руководясь при этомъ свидѣтельствомъ нашей лѣтописи, а равно свидѣтельствами и намеками болѣе отдаленной древности, мы можемъ остановится на слѣдующихъ наиболѣе правдоподобныхъ вѣроятіяхъ:

Варяги нашей первоначальной лѣтописи въ собственномъ смыслѣ суть Балтійскіе Славяне, жившіе между Одеромъ и Травою. Въ обширномъ смыслѣ, по имени Варяжскаго моря,

13

Варягами лѣтопись называетъ и всѣхъ сѣверныхъ Поморцевъ, то есть Скандинавовъ.

Имя Варягъ очень древне. Оно идетъ отъ Вариновъ (Вериновъ, Вируновъ, Верановъ, Варновъ), упоминаемыхъ въ первомъ столѣтіи по Р. Х. на тѣхъ же мѣстахъ между Травою и Одеромъ по сосѣдству съ Англами, упоминаемыхъ подъ именемъ Врановъ въ половинѣ третьяго вѣка на Черноморьѣ, подъ именемъ Види-Варіевъ въ половинѣ шестаго вѣка въ устьяхъ Вислы. Кромѣ того существуютъ, какъ увидимъ, другія указанія, которыя даютъ новыя подкрѣпленія той истинѣ, что Балтійское Славянство господствовало въ нашей странѣ подъ другими именами.

Варяги появились въ нашей странѣ въ незапамятное время. Новгородцамъ они оставили въ наслѣдство западное имя Славянъ, исключительно предъ всѣми остальными племенами Славянскаго Востока. Имя Новгородскихъ Славянъ указывается уже во второмъ вѣкѣ по Р. Х. географомъ Птоломеемъ въ формѣ Ставаны, Суовены.

Варяги-Русь по точному указанію лѣтописи жили въ той же странѣ между Травою и Одеромъ. Несомнѣнно, что это были древніе Ругіи, получившіе имя отъ острова Ругена въ смыслѣ Руга-Рога Славянской Прибалтійской Земли.

Имя Руси, поэтому, на самомъ дѣлѣ могло быть принесено въ нашу страну этими Варягами-Ругами точно также въ незапамятное время, о чемъ лѣтопись имѣла вѣрное преданіе, такое же, какое она имѣла о приходѣ Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ, то есть отъ тѣхъ же Балтійскихъ Поморянъ. Или же утвержденіе лѣтописи, что имя Руси принесено Варягами, есть только соображеніе о томъ, откуда вѣроятнѣе всего могла получить туземная Русь свое Русское имя; ибо нѣтъ также никакихъ разумныхъ основаній отвергать, что Страбоновы Роксоланы суть наша древнѣйшая Славянская Русь. Лѣтописецъ хорошо зналъ, что въ его время, между Варягами-Славянами существовала Рюгенская Русь и могъ этимъ именемъ объяснять происхожденіе своей Кіевской Руси. Разстановка годовъ, для объясненія, когда случилось это принесеніе имени, остается умствованіемъ составителя лѣтописи.

Славянскіе Варяги, какъ первые и древнѣйшіе колонизаторы нашего сѣвера, задолго до 9-го вѣка сидѣли по горо-

дань у Чуди, Веси, Мери, Муромы и всѣ тянули къ Новгороду, какъ къ своей родной матери. Новгородъ, въ свой чередъ, тянулъ за море къ Варягамъ-Славянамъ, которые по Славянству были его отцы и дѣды, почему лѣтопись очень справедливо говоритъ, что Новгородцы происходили отъ рода Варяжскаго, а прежде были Славяне. Вотъ почему, по лѣтописи, Варяги занимали земли сѣмо до предѣла Симона, то есть до предѣловъ Азіи, до Волги и Каспійскаго моря.

Непрерывный рядъ историческихъ свидѣтельствъ о нашей странѣ начинается съ того времени, какъ мы выучились грамотѣ, то есть отъ половины 9-го вѣка, отчего съ этого времени начинаютъ и нашу исторію. Но исторія народа не начинается по прихоти случая, оставляющаго о народѣ письменныя свидѣтельства только отъ извѣстнаго года. И до этого года проходила свой путь таже исторія, о которой мы ничего не знаемъ только по случаю недостатка письменныхъ свидѣтельствъ. Это обстоятельство не подаетъ однако намъ ни малѣйшаго права утверждать ходячую шлецеровскую истину, что чего мы доселѣ не знаемъ, о чемъ не сохранилось свидѣтельствъ, того вовсе и не существовало. Въ подобныхъ утвержденіяхъ во главу угла своей изслѣдовательности мы ставимъ случай и посредствомъ этого случая стараемся объяснять послѣдующій ходъ событій.

Первый лѣтописецъ состояніе нашихъ до-историческихъ дѣлъ опредѣлилъ коротко, но очень ясно и точно. На сѣверѣ, говоритъ онъ, господствуютъ Варяги и берутъ съ населенія дань; на югѣ точно тоже дѣлаютъ Козары. Исторія можетъ и должна спросить, отчего и какъ это случилось? Господство Варяговъ, какъ мы показали, засвидѣтельствовано прямыми намеками Исторіи, упоминающей это имя Вар отъ 1 до 6 вѣковъ, придающей этому имени тѣже существенныя свойства, что Варяги были смѣсь всякихъ людей и отважные мореплаватели, какими впослѣдствіи обрисовываются Варяги 9—11 вѣка. Все это даетъ полное основаніе догадываться и заключать, что Варяги въ нашей странѣ промышляли по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ существуютъ объ нихъ этнографическія показанія

древнѣйшихъ географовъ. Они, Варяги, по этимъ показаніямъ, идутъ въ нашу страну отъ югозападнаго угла Балтійскаго моря, оттуда, гдѣ Несторъ указываетъ свою Русь, идутъ до Вислы (Види-Варіи) и до Чернаго моря (Вораны), то есть прямою дорогою по южному Балтійскому Поморью, спускаясь потомъ на Днѣпровскій югъ. Весь этотъ путь населенъ былъ Вендами-Славянами, слѣдовательно именемъ Варяговъ назывались тѣже балтійскіе Венды-Славяне, Види-Варіи по Іорнанду.

Поднимая при этомъ древнѣйшій геологическій пластъ географическихъ именъ на нашей землѣ, находимъ, что въ обломкахъ въ немъ сохраняются еще имена, несомнѣнно указывающія на наши незапамятныя связи съ Балтійскимъ Поморьемъ. Имя Перуна-Прона звучитъ еще въ именахъ рѣкъ Proней и Прановой; также звучитъ имя Радегаста и даже Свѣто-Вита. Это показываетъ, что поклоненіе однимъ и тѣмъ же именамъ различествовало въ ихъ названіяхъ и указывало мѣсто, откуда появились эти названія въ нашей странѣ. Послѣ того очень естественно, что промышляя на Русскомъ сѣверѣ отъ Ледовитаго до Чернаго и Каспійскаго моря, Варяги больше всего крѣпились конечно на сѣверѣ и какъ промышленные хозяева, сидя въ городахъ, держали весь край въ своихъ рукахъ, собирая съ него дань и пошлину, какъ это дѣлалось въ послѣдствіи при Русскомъ владычествѣ надъ Сибирью. Ильменская страна, Новгородъ, Ладога, были центромъ или крѣпкимъ гнѣздомъ этого Варяжскаго промысла въ нашей странѣ.

Изгнаніе Варяговъ есть прямое дѣйствіе этого же гнѣзда, достаточно окрѣпшаго въ своей самостоятельности и разсудившаго, что для устройства своей независимости лучше призвать на вѣчное житье храбрую дружину, чѣмъ оставаться подъ владычествомъ заморья, отъ котораго однако и по призваніи дружины оно не могло совсѣмъ освободиться и платило ему дань для мира до смерти Ярослава. Этотъ поворотъ въ самостоятельной жизни Восточныхъ Новгородскихъ Варяговъ, обрусѣвшихъ пришельцевъ съ Балтійскаго Поморья, совпадаетъ съ большими замѣшательствами, междоусобіями и войнами у балтійскихъ Славянъ въ первой половинѣ 9 вѣка. Замѣшательства начались еще отъ войнъ Карла Великаго съ славянскими сосѣдями, Саксонцами, въ

концѣ 8 вѣка. Они поддерживались непримиримою враждою двухъ сосѣдей изъ балтійскихъ Славянъ, Оботритовъ, къ которымъ принадлежали Варны и Вагры, съ Велетами или Лютичами. При помощи Оботритовъ Карлъ покорилъ своей власти (789 г.) и Велетовъ. Но вслѣдъ за тѣмъ обезсилены были и Оботриты нашествіемъ Датчанъ, при чемъ раззоренъ былъ и главный ихъ городъ Рерикъ—Рарогъ (808 г.). Съ тѣхъ поръ эта Славянская Варяжская область постоянно находилась въ борьбѣ, то съ Нѣмцами, то съ Датчанами, помогая своими племенами другъ противъ друга, то тѣмъ, то другимъ, и тѣмъ самымъ окончательно изнуряя собственныя силы.

Нѣтъ ничего мудренаго и даже очень естественно предполагать, что Варяжскій востокъ, пользуясь раздорами и ослабленіемъ Варяжскаго запада, замыслилъ и самъ совсѣмъ отложиться отъ своихъ старинныхъ хозяевъ. Онъ, быть можетъ, въ слѣдствіе ихъ же междоусобій, изгналъ ихъ, но за тѣмъ вскорѣ избралъ въ ихъ же странѣ отважную дружину, именуемую Русь, призваніе которой и выразило самостоятельное начало нашей исторіи.

Такимъ образомъ призваніе князей есть послѣднее, событіе древнѣйшей Варяжской исторіи на нашемъ сѣверѣ и первое событіе собственно русской исторіи. Конечно оно случилось гораздо раньше 862 или 852 года, покрайней мѣрѣ лѣтъ за пятьдесятъ и больше[1].

Задолго передъ этимъ временемъ, то есть вообще въ 8-мъ вѣкѣ, по сказаніямъ западныхъ лѣтописцевъ, особенно славились своею воинственностью, Вагры, Вагиры, передовой славянскій народъ въ борьбѣ съ Германскимъ племенемъ. Паденіе силы Вагровъ на западѣ, не повлекло ли за собою паденіе ихъ силы и на востокѣ, выразившееся ихъ изгнаніемъ изъ Новгородской области, что могло случиться еще во второй половинѣ 8 вѣка?

---

[1] Лѣтописецъ, руководясь найденнымъ въ греческомъ лѣтописаньи первымъ извѣстіемъ о Руси при царѣ Михаилѣ, поставилъ первый годъ его царствованія начальнымъ годомъ и въ русской лѣтописи и потомъ уже по своему умствованію разставилъ свои года и для первыхъ событій нашей исторіи, отнеся изгнаніе Варяговъ къ 859, а призваніе князей къ 862 г.

И вообще борьба на западѣ между Оботритами и Лютичами-Велетами, не отозвалась ли борьбою этихъ же соперниковъ и на дальнемъ востокѣ, въ Новгородской области, послѣ чего восторжествовали Лютичи и изъ ихъ земли были потомъ призваны Русь - Ругія - Рюгенцы?

Новгородъ въ названіи своихъ мѣстъ сохраняетъ имена городовъ Оботритскихъ: Звѣринъ, Ростокъ, и Велетскаго: Штетинъ; эти мѣста въ добавокъ расположены на противоположныхъ берегахъ Волхова, первыя на Софійской, второе на Торговой сторонѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что разнородность городскаго населенія въ Новгородѣ не только соединяла въ тѣсный кругъ населеніе каждаго конца, но и поднимала частую вражду этихъ концовъ и улицъ другъ на друга, чѣмъ особенно и отличается внутренняя исторія Новгорода.

Таковы могутъ быть наиболѣе вѣроятныя соображенія о доисторическомъ времени нашей исторіи.

Славянство Варяговъ, Славянское происхожденіе Руси въ полной мѣрѣ устраняютъ изъ нашей исторіи тотъ рядъ противорѣчій и несообразностей, какой въ ней существуетъ доселѣ по случаю господства мнѣній о Норманствѣ-Скандинавствѣ.

Предположеніе о Славянствѣ Варяговъ основывается прежде всего на правильномъ чтеніи и пониманіи лѣтописнаго текста. Оно подтверждается множествомъ свидѣтельствъ до-норманской древности, подтверждается простымъ естественнымъ ходомъ исторіи, этнологическими законами ея развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ оно нисколько не устраняетъ присутствія въ числѣ Славянскихъ Варяговъ и Скандинавскихъ ихъ товарищей по морю, всегда бывавшихъ на братской службѣ въ Славянскихъ дружинахъ; оно нисколько не устраняетъ возможности даже и для Славянскихъ Варяговъ носить личныя имена Скандинавскія, ибо вообще по однимъ именамъ еще трудно судить о народности людей, и тѣмъ больше, если такія имена на вѣки вѣковъ останутся спорными [1].

---

[1] Припомнимъ къ случаю отмѣтку Готскаго историка половины 6-го вѣка Іорнанда: «Всякому извѣстно, говоритъ онъ, что народы часто употребляютъ чужія имена: Римляне часто брали имена отъ Македонянъ, Греки отъ Римлянъ, Сарматы отъ Германцевъ, Готы отъ Гунновъ». Эта въ высокой степени важная замѣтка ставитъ великую преграду

Самые столпы, на которыхъ по выраженію изслѣдователей, покоится наука Скандинавства [1], то есть имена князей, пословъ и днѣпровскихъ пороговъ, стоятъ на такой почвѣ, которая является твердою и крѣпкою, только по недостатку этнологической критики и по отсутствію науки о Славянствѣ въ нашей первоначальной исторіи.

Существо вопроса все таки будетъ заключаться въ народности пришедшихъ и призванныхъ людей. Свойства, и качества этой народности, на основаніи этнологической критики, неизмѣнно должны отразиться и оставить по себѣ явные и точные слѣды въ жизни. Но въ Русской жизни первыхъ двухъ вѣковъ съ призванія князей ни Шведскихъ, ни Норвежскихъ, ни Датскихъ, ни Англійскихъ слѣдовъ мы не видимъ. Передъ нами носятся только какія-то больше всего лингвистическія видѣнія о Скандинавствѣ вообще не представляющія ничего реальнаго, осязаемаго. Бросаются только въ глаза одни невнятныя, перепорченныя и потому очень спорныя имена, которыя, лингвистически, быть можетъ, съ равнымъ успѣхомъ можно растолковать изъ любаго языка. Покрайней мѣрѣ не безъ успѣха ихъ толковали уже изъ венгерскаго (г. Юргевичь, Зап. Одес. Общ. Истор. т. VI).

Казалось бы, что Скандинавство Руси нигдѣ не могло выразить себя такъ осязательно, какъ въ Новгородѣ.

для рѣшительныхъ заключеній, что личныя имена у древнихъ народовъ могутъ непремѣнно объяснять ту или другую народность человѣка; что напр. Германское имя должно непремѣнно показывать, что это былъ Германецъ, равно, какъ и Славянское, что это былъ Славянинъ. Требуется, стало быть, объяснять каждое имя еще мѣстомъ и народностью, откуда происходилъ человѣкъ.

[1] Г. Васильевскій: Варяго-Русская и Варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ. Ж. М. Н. Пр. 1874, ноябрь 1875, февраль, мартъ. Почтенный авторъ весьма основательно доказываетъ, что Варягами въ византійскихъ сказаніяхъ называются Русскіе, что Русь и Варяги по византійскимъ понятіямъ были одно и тоже. О Скандинавствѣ авторъ замѣчаетъ слѣдующее: «Мы думаемъ, что Скандинавская теорія происхожденія русскаго государства до сихъ поръ остается непоколебленною, и что тѣ, которые пытались поколебать ее, потерпѣли завѣдомую неудачу. Она покоится главнымъ образомъ на двухъ столпахъ», и пр.

Новгородъ призвалъ Варяговъ-Скандинавовъ. Они тамъ жили и хозяйничали долгое время, такъ что лѣтописецъ могъ справедливо сказать, что люди Новгородскіе отъ рода Варяжскаго, то есть Скандинавскаго-Шведскаго. Въ Новгородѣ, стало быть, находилось истинное гнѣздо Скандинавства. Его народные, даже простонародные, и политическіе нравы должны неизмѣнно дышать, горѣть истымъ Скандинавствомъ, должны оставить это горнило Скандинавской жизни въ наслѣдство не одному поколѣнію Новгородскаго Славянства. Оно будто бы и существовало 200 лѣтъ по утвержденію науки Скандинавства. А между тѣмъ никто въ Русской землѣ, какъ именно Новгородъ, не остался вѣрнымъ сыномъ-наслѣдникомъ того городскаго и политическаго устройства, какое существовало только въ Славянскихъ городахъ при устьяхъ Одера. Тѣ города уже изчезли; одинъ изъ нихъ по прекрасной легендѣ, живущей въ преданіи и до сихъ поръ, погрузился на дно моря [1]; а Новгородъ до конца своихъ дней все тянулъ ту же самую жизнь и ту же исторію, которая трепетала нѣкогда на всемъ Славянскомъ Балтійскомъ Поморьѣ. Какъ объяснить такое чудо!

---

[1] «Слава древняго Волина, говоритъ Грановскій, забыта онѣмеченнымъ народонаселеніемъ. Но рыбаки Волинскіе и Узедомскіе разсказываютъ чудную повѣсть о царственной Винетѣ, о богатствахъ ея и гибели. По ихъ словамъ, море бережно хранитъ поглощенный имъ городъ. Въ ясные дни можно отличить, сквозь прозрачныя волны, развалины величавыхъ зданій, верхи церквей и башенъ, огромныя груды камней, расположенныхъ правильными рядами съ Запада на Востокъ. Иногда со дна морскаго подъемлются странные звуки: то гудятъ колокола Винетскіе во Славу Бога и Земли Вендской. Эти разсказы Поморскихъ рыбаковъ исполнены поэзіи. Но откуда взялись они? Гдѣ историческая основа прекраснаго преданія?...» Сочиненія, т. 1, стр. 244.

Намъ кажется, что въ этомъ миѳическомъ образѣ изчезнувшей Винеты, изчезнувшее Славянское населеніе Поморья оставило на память потомству свою поэтическую мысль не о городѣ собственно, а о цѣлой народности Славянъ-Варяговъ-Венедовъ, поглощенной моремъ чужой жизни и чужаго владычества. Здѣсь по всему вѣроятію лежитъ и историческая основа преданія. Самое имя Винета, какъ и ноъ, есть только поэтическій образъ всего поморскаго Вендскаго или Венедскаго племени Славянъ.

Вообще Славянство Руси нисколько не устраняетъ Норманства, какъ своего товарища въ боевыхъ и мореходныхъ предпріятіяхъ; но оно устраняетъ Норманство, какъ передовую главную силу въ постройкѣ нашего государства. Оно отнимаетъ у Норманства никогда не принадлежавшую ему роль организатора и перваго строителя нашей исторіи и нашего политическаго и даже промышленнаго быта, ту роль, которую успѣли укрѣпить за нимъ лишь нѣмецкія ученыя и патріотическія идеи о германскомъ господственномъ просвѣтительствѣ дикихъ народовъ и дикихъ странъ.

Славянство Руси, оставляя извѣстное мѣсто въ нашей исторіи Норманству (и то только по сказочнымъ увѣреніямъ самого же Норманства), вноситъ въ древнюю Русскую исторію полный свѣтъ, объясняетъ въ точности и безъ противорѣчій всѣ темныя показанія лѣтописи и тѣмъ возвышаетъ еще больше ея правдивыя достоинства, раскрываетъ до очевидности, что древнѣйшій ходъ нашего народнаго развитія укрѣплялся и распространялся собственными силами того же Славянства, наиболѣе всего промысломъ торговли и конечно подъ защитою меча, какъ необходимаго спутника, въ то время, всякому товару и всякому торговому предпріятію. Торговые интересы, протягивавшіе свои стремленія отъ моря до моря, засѣвшіе по выгоднымъ мѣстностямъ на пространствѣ всей нашей равнины, были прямыми и непосредственными строителями того могущественнаго единства всей Русской земли, съ которымъ она сразу выступаетъ на поприще своей исторіи.

ГЛАВА III.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ СТРАНЫ

съ древнѣйшихъ временъ.

Вступленіе. Геродотова Скиѳія и ея обитатели. Скиѳы-земледѣльцы и Скиѳы-кочевники. Ихъ западные, сѣверные и восточные сосѣди. Примѣты древнихъ жилищъ Славянства. Торговый путь отъ Днѣпра къ Уралу. Походъ на Скиѳовъ Персидскаго Дарія.—Сарматія Римскаго вѣка и ея обитатели. Венеды. Бастарны. Языги. Роксоланы. Скиѳы-Алауны. Гамаксеки. — Исторія Роксоланъ, Готовъ, Унновъ. Славяне-Анты. Авары. Булгары. Хозары. Черты древнѣйшаго Славянскаго быта.

Русскую Исторію начинаютъ съ половины девятаго вѣка, именно съ 862 г., почитая первымъ ея событіемъ призваніе трехъ братьевъ Варяговъ. Конечно, такъ начинается Исторія династическая, государственная. Однако первымъ самостоятельнымъ дѣломъ нашего Славянства было не призваніе, а изгнаніе Варяговъ, какъ притѣснителей и поработителей. Если вообще исторія народа должна начинаться съ той минуты, когда въ народѣ пробуждается сознаніе своихъ силъ и своихъ нуждъ, то именно въ нашей Исторіи это самое изгнаніе Варяговъ представляется самымъ начальнымъ и въ истинномъ смыслѣ передовымъ движеніемъ нашей исторической жизни. Изъ него, какъ изъ жизненнаго сѣмени, выросли и расплодились всѣ послѣдующія событія. Это былъ на самомъ дѣлѣ истинный корень Русской жизни, отъ котораго стала рости Русская Земля, и пошло дальнѣйшее развитіе Русской народности. Этотъ корень заключалъ въ се-

бѣ самый существенный сокъ жизни, именно стремленіе къ политической народной самостоятельности и свободѣ, къ политической независимости отъ чужого ига. Призваніе Варяговъ было уже плодомъ этой первоначальной коренной Русской идеи, которая послѣ долгихъ усилій создала наконецъ и Русскую самостоятельность и Русское государство.

Сбросивши съ себя иго чужой притѣснительной власти, наши Славяне стали управляться сами по себѣ. Но домашняя власть оказалась негоднѣе чужеземной. Понятія о братскомъ равенствѣ возбуждали ревность, зависть и ненависть между родами, которые хотѣли владычествовать надъ Землею. Со всѣхъ сторонъ встала обида и неправда; начались несогласія, ссоры и междоусобія. Земля должна была погибнуть. Варяги снова стали бы въ ней господствовать, такъ какъ и первое ихъ господство по всему вѣроятію случилось отъ такихъ же домашнихъ ссоръ и несогласій.

На этотъ разъ народъ образумился скоро. По лѣтописнымъ годамъ не прошло и трехъ лѣтъ, какъ онъ собрался на общую думу и рѣшилъ такъ:

„Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ насъ по правдѣ, рядилъ бы насъ по ряду, по уговору, какъ уговоримся“.

Князь былъ отыскан̆ъ, какъ и слѣдовало, гдѣ-то за моремъ, совсѣмъ чужой домашнимъ владыкамъ Земли, но вѣрно старый знакомый и старый другъ, котораго призвать на княженье были всѣ согласны.

Такъ однажды случилось посреди европейскихъ рыцарей, въ Іерусалимскомъ королевствѣ, во время крестовыхъ походовъ (1200—1215 г.). Глава этого королевства, раздираемаго внутренними смутами, опустошеннаго голодомъ и моромъ, король Аморій померъ; вскорѣ послѣ него скончались его малолѣтный сынъ и супруга. Наслѣдницею королевства осталась только дочь. Между тѣмъ Сирійскіе бароны и вельможи, измученные собственными раздорами, точно также, какъ наши Ильменскіе Славяне, всѣ желали крѣпкой власти, такого государя, который могъ бы ими управлять. Супругомъ дочери умершаго короля могъ быть избранъ каждый изъ нихъ. „Но они страшились, чтобы зависть не породила новыхъ раздоровъ и чтобы духъ совмѣстничества и козней не ослабилъ власти избраннаго на царство. Совѣтъ бароновъ

опредѣлилъ испросить царя отъ Запада и обратиться къ отечеству Годофредовъ и Болдуиновъ (во Францію), къ народу родившему столько героевъ для крестовыхъ войнъ и столько знаменитыхъ защитниковъ Св. Земли"[1].

Какъ все это сходно съ положеніемъ и направленіемъ дѣлъ на нашемъ дикомъ Сѣверѣ, почти за 400 лѣтъ до этого Рыцарскаго событія. Однѣ и тѣже причины порождаютъ одни и тѣже слѣдствія и очень многое въ исторіи люди вовсе не заимствуютъ другъ у друга, а приходятъ къ извѣстному рѣшенію или къ извѣстному концу только въ силу однородныхъ положеній и однородныхъ идей жизни. Вотъ почему нельзя думать, что призваніе нашихъ Варяговъ есть сага, легенда, заимствованная изъ одного источника съ сказаніемъ Видукинда (писавшаго въ 967 г.) о подобномъ же призваніи Бриттами воинственныхъ Саксовъ[2].

По самому древнему свидѣтельству, которое не знаетъ Варяговъ-Русь, а знаетъ только обыкновенныхъ Варяговъ, призывать на княженье этихъ заморскихъ Варяговъ ходили: Русь, Чудь, Словени, Кривичи[3]. Ходила слѣдовательно сама Русь, южная, Кіевская Славянская область и стало быть цѣлый союзъ тѣхъ племенъ, которыя жили по торговому пути отъ Балтійскаго въ Черное море, изъ Варягъ въ Греки. Варяги, владычествуя въ Сѣверной Области, конечно, распространяли свои притязанія и на Кіевъ, потому что Новгородъ и Кіевъ, какъ торговые центры, смотрѣвшіе пристально на Царь-градъ, искони должны были жить одною жизнью: что дѣлалось въ Новгородѣ, то самое скоро обозначалось и въ Кіевѣ, и на оборотъ: что дѣлалось съ Русскими въ Царь-градѣ, то есть какое горе и затрудненіе постигало Кіевъ, то самое тотчасъ становилось извѣстнымъ и въ далекомъ Новгородѣ. Оба города платили дань чужеземцамъ: Новгородъ—Варягамъ, Кіевъ—Хозарамъ. Оба города слѣдовательно могли естественно и по необходимости остановиться на одномъ общемъ рѣшеніи призвать добраго защитника отъ обидъ и насилій чужой власти.

---

[1] Исторія Крестов. походовъ Мишо, Ч. III, кн. XII, стр. 373.

[2] Г. Куникъ: Зап. И. А. Н. VI, прилож. № 2, стр. 60.

[3] Никифора патріарха лѣтописецъ вскорѣ, по списку 13 вѣка. См. Полн. Собр. Р. Лѣтописей I, стр. 251.

Они рѣшились на очень простое дѣло: вмѣсто чужой, варяжской-козарской власти они рѣшились установить у себя свою Русскую власть и вѣрнымъ и надежнымъ орудіемъ для этого избрали третье постороннее лицо.

Земскіе послы, придя къ Варягамъ, и зовя ихъ на княженье высказали имъ приснопамятную рѣчь:

„Земля наша велика и обильна, говорили они, а наряда (порядка) въ ней нетуть. Пойдите къ намъ княжить и владѣть нами“.

Многіе находили и теперь еще находятъ въ этихъ простодушныхъ словахъ великое наивное и невинное дѣтство, свойственное только самымъ первобытнымъ дикарямъ.

Но вѣдь тоже самое говорили предъ Французскимъ королемъ послы отъ Сирійскихъ вельможъ и бароновъ, прося у него, какъ милости, дать имъ въ государи рыцаря или барона способнаго сохранить остатки несчастнаго Іерусалимскаго королевства.

Эти слова потому и кажутся столько дѣтски-невинными, что изображаютъ на самомъ дѣлѣ дѣтское беззащитное положеніе жизни и вполнѣ, прямодушно, безъ малѣйшаго лукавства выражаютъ истинное состояніе жизненныхъ отношеній.

Если мы поймемъ, что правильная и правдивая власть для народнаго общества также необходима, какъ насущный хлѣбъ, если до сихъ поръ великіе государства и народы все еще усердно и съ великими жертвами разработываютъ и всѣми силами стараются установить у себя такую власть; если мы поймемъ, что въ этомъ заключается главнѣйшая изъ задачъ человѣческаго общежитія и развитія,—то наивная рѣчь нашихъ древнихъ прадѣдовъ, раскроетъ намъ только ихъ великую житейскую мудрость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основную черту Русской жизни.

Дѣды не умѣли выносить чужаго владычества; но они не умѣли также выносить и самовластія своихъ домашнихъ владыкъ, поэтому рано ли, поздно ли, смотря по обстоятельствамъ, сбрасывали съ себя и чужеземныя цѣпи и цѣпи доморощенныя, и охотно отдавались во власть владыкѣ избранному всенародно, лишь бы соблюдалъ онъ всеобщую правду и порядокъ. Такъ былъ избранъ и Михаилъ Романовъ.

Онѣ искали только одного: народной независимости и земской правды и порядка; а того же самаго ищутъ всѣ народы и въ наше время. Стало быть наша Исторія съ самаго начала пошла по такому пути, который и теперь почитается наиболѣе правильнымъ и желаннымъ.

Но чтобы попасть на этотъ прямой путь, нужно было время. Совсѣмъ дикій первобытный народъ такъ не начинаетъ. Исканіе правды и порядка принадлежитъ къ такимъ историческимъ движеніямъ, которыя выростаютъ не вдругъ; даже и въ жизни отдѣльнаго человѣка оно пробуждается только на извѣстной ступени его возраста. Это исканіе показываетъ, что народъ передъ тѣмъ долго жилъ, что отыскивая для себя лучшаго, онъ, стало быть, успѣлъ опытомъ извѣдать все худое, отчего жизнь неудается; успѣлъ извѣдать всѣ невыгоды общественнаго неустройства отъ междоусобныхъ ссоръ и побоищъ, всѣ бѣдствія отъ неправды и насилія сильныхъ; что такой опытъ могъ продолжаться многое-многое время передъ тѣмъ, какъ народъ понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло; и что, стало быть, извѣстное Варяжское начало нашей Исторіи есть столько же начало, сколько и конецъ, какой-то другой, предыдущей Исторіи, которая вся, законченная, выразилась въ этомъ всенародномъ рѣшеніи: „Поищемъ себѣ князя“.

Дѣйствительно, въ Исторіи, какъ и вообще въ жизни, каждое событіе съ одной стороны, — скажемъ съ лицевой, съ видимой стороны,—всегда служитъ началомъ и какъ бы зародышемъ для другихъ дальнѣйшихъ, послѣдующихъ дѣлъ и событій; а съ другой,—съ оборотной стороны,—которой по большей части мы никогда не видимъ, оно всегда представляетъ конецъ и завершеніе многочисленныхъ дѣлъ и событій, уходящихъ въ безконечную даль прожитыхъ вѣковъ. Человѣческія дѣла, какъ воплощенныя мысли и идеи, точно также, какъ и все въ живомъ мірѣ, раждаются отъ предковъ и расплождаютъ свое особое потомство.

Въ самомъ дѣлѣ, такое важное и мудрое, и не племенное только, но союзное политическое рѣшеніе—поискать себѣ князя, то есть, правдивой и правильной власти, прямо указываетъ на весьма значительную крѣпость житейскихъ отношеній нашего сѣвера. Союзное рѣшеніе призвать такую власть никакъ не могло быть простымъ минутнымъ рѣше-

ніемъ перессорившихся между собою дикарей. Оно, какъ совокупность понятій и сужденій о качествахъ власти, есть явленіе весьма сложное, выработанное цѣлымъ рядомъ сложныхъ же отношеній.

Въ сущности, по своему замыслу, оно есть дѣло гражданское, то есть чисто городское, не сельское и не деревенское; дѣло великаго множества самыхъ разнообразныхъ интересовъ, торговыхъ, промышленныхъ, владѣльческихъ и т. п. А если въ то уже время существовалъ городъ, старавшійся водворить у себя порядокъ, то онъ самъ по себѣ представляется явленіемъ тоже весьма сложнымъ и мудренымъ. Поэтому каждый разсудительный читатель, вмѣсто заученнаго вопроса о происхожденіи Руси, скорѣе всего можетъ поставить такой вопросъ:

Варяговъ призвали Славяне, живщіе на озерѣ Ильменѣ, въ Новъ-городѣ. Откуда Славяне тамъ взялись и какъ они туда зашли, въ самую середку Финскихъ племенъ? Лѣтописецъ говоритъ, что весь Славянскій родъ издревле жилъ на Дунаѣ и оттуда распространился по Европѣ, что отъ Дуная Славянъ повыдвинули своимъ нашествіемъ какіе-то Волохи. Но когда же это случилось и сколько времени отъ Дуная Славяне шли до Ильменя-Озера? Говорятъ, что именемъ Волоховъ издревле у Славянъ прозывались Римляне, Галлы, Кельты, вообще Романскія племена, и что знаменитое нашествіе Римлянъ на Дунайскія Славянскія земли случилось при императорѣ Траянѣ въ 101 — 105 гг. по Р. Х.; что поэтому будто бы имя Траяна до сихъ поръ сохраняется въ преданіяхъ и даже въ миѳахъ именно восточной вѣтви Славянъ. Извѣстно, что въ это время Траянъ завоевалъ Дакію, область между нижнимъ Дунаемъ и Днѣстромъ. Отсюда стало быть Славяне потянули во всѣ стороны и раздѣлились потомъ на самостоятельныя племена.

Впрочемъ знаменитѣйшіе нѣмецкіе ученые утверждали, что Славяне пришли въ Европу слѣдомъ за Гуннами, въ концѣ 4-го вѣка, а въ исторіи появляются только въ 6-мъ вѣкѣ.

Нѣмецкая историческая и географическая наука, вообще не большая охотница до Славянъ, вообще не охотница приписывать имъ какое либо значеніе историческое, бытовое

ное, политическое, отдѣлила весь нашъ южный край отъ Карпатскихъ горъ и до самаго Кавказа для Германскаго населенія, которое, будто бы, здѣсь господствовало съ глубокой древности и потомъ уже перешло дальше на западъ. Объ этой истинѣ постоянно напоминалъ самъ великій Риттеръ, великій нѣмецкій патріотъ. Но и задолго до него нѣмецкая ученость постоянно тоже утверждала, что „отъ Рейна и до Дона — все Германія.“

По Риттеру „великій галло-германскій міръ Средней Европы простирался отъ Пиринеевъ, чрезъ Альпійскія страны и Гемусъ до Понта и сѣвернаго подножія Кавказа...“ И это было не около времени Потопа, а уже на памяти Исторіи. „Благодаря Митридатскимъ войнамъ (88 — 64 до Р. Х.), говоритъ знаменитый географъ, выступили на свѣтъ и народы Германскаго племени, тамъ, гдѣ, говоря словами Якова Гримма,“ было древнее мѣстопребываніе сѣверныхъ Азіатцевъ, гдѣ былъ царственный родъ Одина, гдѣ жили (тогда) Геты и Готы вмѣстѣ съ Кельтскими племенами, именно, на Кавказѣ“.

И въ такое, даже не очень древнее время Всемірной Исторіи великій географъ не хочетъ помянуть о Славянствѣ. Онъ допускаетъ заселеніе Славянами своихъ мѣстъ только съ 5-го вѣка по Р. Х. Не менѣе знаменитый Геренъ, разсуждая о географіи Геродота, замѣчаетъ между прочимъ, что предки Леттовъ, Финновъ, Турковъ, Германцевъ и Калмыковъ появляются въ первый разъ въ исторіи у Геродота. О Славянахъ ни слова [1]. Передъ такимъ рѣшительнымъ утвержденіемъ Русскій ученый (г. Погодинъ) позволилъ себѣ только скромный вопросъ: а предки Славянъ? и не указалъ даже на Мальт-Брюна, давно доказывавшаго, что напр. Геродотовы Геты принадлежали къ поколѣнію Славянъ [2].

Французская ученость, не имѣвшая никакихъ политическихъ народныхъ счетовъ съ Славянами, относилась къ ихъ исторіи болѣе научно и потому предоставляла ихъ старожитности въ Европѣ большій просторъ. Покрайней мѣрѣ она не сомнѣвалась, что Славяне тоже древній Европейскій народъ.

---

[1] Лекціи Погодина по Герену стр. 194. М. 1875.

[2] Исторія Иродота перев. И. Мартынова. Спб. 1828, т. V, стр. 183.

Славянскіе ученые, какъ напр. Добровскій и Лелевель, тоже давно доказывали, первый, что Славяне должны жить въ Европѣ съ того же самаго времени, съ котораго живутъ въ ней Латины, Греки, и Нѣмцы, и что рѣшительно не возможно, чтобы они, какъ обыкновенно воображаютъ нѣкоторые, пришли отъ Меотійскаго Залива только по Р. Х., то есть, до или послѣ Гуновъ. Лелевель писалъ, что „такой великій и многочисленный народъ, какъ Славяне, не приходитъ, но только на мѣстѣ возрастаетъ. Прибытіе его, по всему, слѣдуетъ отнести ко временамъ, близкимъ къ Ноеву Ковчегу. Уже за 2000 лѣтъ (отъ 1830 г.), и гораздо прежде, обиталъ между рѣками Одрой, Вислой, Нѣмнемъ, Бугомъ, Припетью, Днѣпромъ, Днѣстромъ и Дунаемъ тотъ же самый народъ, который и теперь живетъ, который и теперь называютъ Славянскимъ. Народъ этотъ очень многочисленъ, но тогда носилъ совсѣмъ иныя названія...“ Слѣдуя простому здравому смыслу, нашъ первый ученый историкъ Татищевъ тоже замѣтилъ, что „хотя подлинно о старости званія сего (Славянскаго имени), сколько мнѣ извѣстно, прежде Прокопія не упоминается, но народъ безъ сумнѣнія такъ старъ, какъ всѣ прочіе“.

Одновременно съ Лелевелемъ ту же истину доказывалъ незабвенный Венелинъ. Онъ признавалъ за аксіому, что „Славяне суть старожилы Европы наровнѣ съ Греками и Латинами; что старожилы Руси—суть Россіяне, что „толковать о распространеніи Славянскихъ племенъ съ 6-го вѣка—значитъ бредить въ просонкахъ“. Въ разговорѣ Венелина особенно и не нравились его слишкомъ правдивыя, простыя и рѣзкія рѣчи. Это обстоятельство навѣяло на весь его трудъ значеніе труда никуда не пригоднаго въ наукѣ, способнаго „только обратить вниманіе на предметъ, возбудить любопытство, поднять споръ, не болѣе“. Извѣстный нѣмецкій ученый, Кругъ, долго не хотѣлъ простить г. Погодину за напечатаніе книги Венелина: „Древніе и нынѣшніе Болгаре“, гдѣ авторъ съ большою горячностію раскрываетъ полную несостоятельность нѣмецкихъ воззрѣній на этотъ предметъ.

Знаменитый и весьма осторожный Шафарикъ, отвергавшій многое изъ Венелинскихъ заключеній, говорилъ о Славянскомъ мірѣ тоже самое и высказывалъ свои мысли съ такою же рѣзкостью и горячностью. „Доселѣшніе изслѣдо-

14

ватели сѣверо-европейскихъ древностей, обыкновенно, наполняли эту часть свѣта Скиѳами, Сарматами, Кельтами, Германцами, Финнами и т. под., кому что нравилось и нужно было; но чтобы Славяне были тамъ старожилами, древнѣйшими обитателями, ни одному изъ нихъ въ голову не приходило. Эти писатели, унижающіе Славянъ, не обращаютъ никакого вниманія на географію и исторію сѣверныхъ земель и Славянскихъ народовъ... Но, пристрастившись къ тому или другому древнему народу... и обложившись множествомъ классиковъ и неклассиковъ, неутомимо ищутъ въ нихъ свидѣтельствъ для своей любимой мысли. Отсюда являются самыя чудовищныя мнѣнія, вовсе несогласныя съ здравымъ разумомъ.... Такого рода сочиненія, особливо, если еще сколько нибудь набиты учеными выписками изъ старыхъ фоліантовъ и подкрѣплены новыми этимологическими догадками, приводятъ въ изумленіе отечественную (нѣмецкую) публику. Ученые и неученые соотчичи... принимаютъ каждое такое произведеніе съ громомъ рукоплесканій, а глашатаи народной славы съ жаромъ начинаютъ превозносить свѣту ученость и основательность своихъ земляковъ. А потому ни мало не удивительно, если множество самыхъ грубыхъ ошибокъ, имѣющихъ цѣлію унизить Славянъ, до того укоренилось въ послѣднія три столѣтія въ исторіи сѣверной Европы, что до сихъ поръ напрасны были всѣ усилія опровергнуть ихъ основательными доводами и силою истины. Вотъ самая вѣрная картина того, какъ доселѣ обработывали древности Сѣверной Европы"[1].

О томъ же самомъ Венелинъ выражается яснѣе. Онъ говоритъ: „Должно отдать полную справедливость и первенство въ изыскательныхъ трудахъ Тайтовскимъ (германскимъ) племенамъ, какъ Датчанамъ, Шведамъ, Англичанамъ, по преимуществу Нѣмцамъ.... Германія была верховнымъ и почти единственнымъ историческимъ судилищемъ, предъ которое долженъ былъ предстать весь древній Европейскій міръ до Карла Великаго, множество изчезнувшихъ народовъ онаго, отъ которыхъ остались въ лѣтописяхъ только имена и ихъ имущество—слава... Хотѣли узнать, кому принад-

---

[1] Слав. Древности т. I, кн. II, стр. 336—338. Изсл. г. Погодина, II, 374.

лежитъ сіе наслѣдство, и нашъ Историческій Ареопагъ превратился въ аукціонный торгъ, на коемъ, все почти, знаменитое въ Европейской древности, приписано Нѣмцамъ, безъ всякихъ ясныхъ на то документовъ":..

Осуждая патріотическія увлеченія нѣмецкой исторической науки, славный Шафарикъ предостерегалъ и Славянскихъ писателей и совѣтовалъ имъ научиться благоразумію и судить справедливѣе о нѣкоторыхъ предметахъ своихъ древностей. Именно, онъ совѣтуетъ отказаться „отъ безразсуднаго и нелѣпаго смѣшенія древнихъ Славянъ съ Скиѳами, Сарматами, Гунами, Булгарами и т. п. и отрекшись отъ этихъ и подобныхъ имъ привидѣній, навсегда изгнать ихъ изъ области Славянскаго міра". Въ этомъ онъ упрекаетъ Венелина, породнившаго, какъ извѣстно, Славянъ съ упомянутыми племенами, которыя по Шафарику были степняки-кочевники и потому не должны были находиться въ родствѣ съ смирными земледѣльцами—Славянами. Шафарикъ вообще былъ предубѣжденъ противъ этихъ степняковъ и очень не жаловалъ, если гдѣ-либо раскрывалось ихъ родство съ Славянами.

Съ западной Славянской точки зрѣнія такое утвержденіе быть можетъ очень основательно, но восточная, то есть Русская точка зрѣнія не можетъ такъ легко разстаться съ этими мудреными народами. Да и за что же? Древнѣйшая Русская Исторія изъ за нихъ смотритъ и на самый европейскій Западъ. Они, если не настоящая родня Русскимъ, то все-таки большіе товарищи, отъ сожитія съ которыми, быть можетъ, что либо осталось на Руси и до сихъ поръ. А къ тому же, отдавши этимъ народамъ Русскую Страну, мы не найдемъ мѣста для самихъ Русскихъ, и по прежнему останемся въ сомнѣніи, когда же въ самомъ дѣлѣ Русскіе въ первый разъ заселили Россію?

Самъ Шафарикъ по этому вопросу не даетъ опредѣлительнаго отвѣта. Онъ нисколько не противорѣчитъ выводамъ нѣмецкой учености, что восточные Славяне стали распространяться по Русской Странѣ только по случаю нашествія Гунновъ въ концѣ 4-го и въ продолженіи 5-го вѣка, причемъ указываетъ имъ жилище на верхнемъ Днѣпрѣ и далѣе къ Волгѣ и вершинамъ Дона. Отсюда будто бы послѣ Гунновъ они дви-

гались къ Черному морю, но и тутъ въ концѣ 5-го в. (474 г.) встрѣтили препятствіе въ нашествіи Угровъ и Булгаръ, заградившихъ имъ дорогу и на востокъ и къ Черноморью, а потому обратились въ Дунайскія стороны.

Вообще появленіе восточныхъ Славянъ на исторической сценѣ Шафарикъ относитъ къ 6-му вѣку, и объясняетъ, что они вышли изъ сѣверо-восточныхъ странъ, вѣроятно по случаю натиска Уральцевъ, именно Гунновъ, Аваровъ, Булгаръ, Казаровъ, Угровъ и другихъ.

Помѣщая старожитность восточныхъ Славянъ на верховьяхъ Днѣпра и Дона, Шафарикъ повидимому основывается въ этомъ случаѣ только на свидѣтельствѣ Птоломея, который примѣрно въ этихъ мѣстахъ указываетъ своихъ Ставанъ-Суовенъ. Но неутомимый изыскатель ограничивается только однимъ упоминаніемъ этого свидѣтельства и не дѣлаетъ изъ него никакого приложенія къ изслѣдованію дальнѣйшей исторіи этихъ Ставанъ. Онъ нигдѣ не указываетъ, когда они могли утвердиться напр. въ Кіевской области? Онъ удовлетворенъ только главнымъ своимъ выводомъ что „Славяне съ 5-го вѣка предъ Р. Х. по 5-е столѣтіе по Р. Х. занимали все безмѣрное пространство между Балтійскимъ и Чернымъ морями, между Карпатами, Дономъ и верховьями Волги“.

Славяне, такимъ образомъ, въ это тысячелѣтіе живутъ на тѣхъ же мѣстахъ, на какихъ живутъ и до нынѣ, а между тѣмъ поле дѣйствій принадлежитъ не имъ: ходятъ, воюютъ, становятся извѣстными и потомъ неизвѣстными какія-то другія народности, которыхъ наука не почитаетъ за Славянскія племена; Славяне же безмолвствуютъ до начала 6-го вѣка. Въ этомъ случаѣ надо принять за истину что либо одно: или Славянъ здѣсь вовсе не было, или ихъ дѣйствія и дѣла скрыты отъ исторіи подъ другими именами.

Достославный Шафарикъ вообще не совсѣмъ прочно и точно утвердилъ старожитность восточныхъ Славянъ. Оттого нѣмецкая наука до настоящихъ дней свидѣтельствуетъ, что „Германцы занимали нѣкоторое время среднюю Россію“, что на самомъ дѣлѣ, въ самой дѣйствительности, „Славяне основались въ обитаемыхъ ими нынѣ странахъ, кажется,

только около 6-го вѣка"[1]. Оттого наши ученые до настоящихъ дней допускаютъ только вѣроятное предположеніе, что Славяне, существовали въ Европѣ и до 6-го вѣка. Оттого г. Погодинъ приводимое у Шафарика свидѣтельство, что самое имя Славянъ, и притомъ нашихъ Новгородскихъ, является еще въ Географіи Птоломея, встрѣтилъ недовѣріемъ и отмѣтилъ: „Можетъ быть это такъ, можетъ быть нѣтъ".

Такимъ образомъ весь вопросъ о древности Славянъ въ Европѣ, о старожитности ихъ на своихъ древнихъ мѣстахъ и до сихъ поръ остается подъ сомнѣніемъ. Можетъ быть такъ, а можетъ быть нѣтъ. Поэтому лучше всего не распространяться объ этомъ предметѣ: вотъ что думаетъ про себя, каждый изслѣдователь приступающій къ изученію Русской Исторіи. Однако при настоящемъ направленіи исторической разыскательности, когда впереди всего ставятъ изслѣдованіе бытовыхъ началъ народной Исторіи, такой вопросъ оставить безъ отвѣта невозможно. Въ нашей странѣ до призванія Варяговъ, то есть, до начала нашей исторіи существовало нѣсколько значительныхъ городовъ; ограничимся пожалуй хоть двумя, Новгородомъ и Кіевомъ. Городъ, какъ мы упоминали, представляетъ самъ по себѣ такое явленіе народнаго быта, которое объяснить и раскрыть, какъ оно возникло, значитъ тоже, что разсказать исторію народа, въ самомъ истинномъ ея смыслѣ.

Городъ есть живой узелъ разнообразныхъ народныхъ связей и отношеній; онъ на самомъ дѣлѣ является какъ бы сердцемъ той страны, гдѣ возникаетъ и выростаетъ. Онъ отъ того и нараждается, что жизнь страны по разнымъ причинамъ и вслѣдствіе разнообразныхъ обстоятельствъ избираетъ себѣ средоточіе, совокупляетъ свои разбросанныя силы въ одну общую силу, и такимъ образомъ становится зародышемъ народнаго общества. Каково бы ни было начало или сѣмя городской жизни, торговое или военное, колонія заѣзжихъ купцовъ, или Запорожская Сѣчь,—это все равно; во всякомъ случаѣ это сѣмя пораждаетъ извѣстный общій строй и порядокъ народной жизни и заслуживаетъ внимательнаго разслѣдованія.

---

[1] Знаніе 1874, № 9, Сентябрь. Статья Вирхова: Первобытные обитатели Европы, 57, 59.

Намъ кажется, что вопросъ о происхожденіи въ Русской странѣ на сѣверѣ Новгорода, а на югѣ Кіева, есть вопросъ первостепеннаго значенія для Русской исторической науки. Намъ скажутъ, что отвѣтъ на такой вопросъ одинъ: происхожденіе Новгорода покрыто мракомъ неизвѣстности, совсѣмъ потеряно въ дали вѣковъ и потому въ разрѣшеніи его возможны одни только гаданія, на чемъ наука, конечно, основываться не можетъ. Однако до настоящихъ дней мы неутомимо вопрошаемъ, откуда пришли Варяги Русь и нисходя въ самую глубину исторической и лингвистической учености въ сущности точно также неутомимо гадаемъ, откуда бы они въ самомъ дѣлѣ могли прійдти? Еслибы съ такимъ же напряженіемъ и вниманіемъ мы стали отыскивать указаній и поясненій о происхожденіи нашихъ древнѣйшихъ городовъ, то навѣрное и по этому направленію изысканій открылось бы очень многое, а быть можетъ и самое существенное для начала нашей исторіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что главнѣйшій узелъ въ которомъ запутаны, затянуты и скрыты всѣ свѣдѣнія о древнѣйшемъ существованіи истинной, а не мечтательной Варяжской Руси, находится, выражаясь словами Шафарика, въ Пучинѣ великаго переселенія народовъ. Намъ кажется, что въ ея нѣдрахъ лежатъ и истинныя основанія Русской Исторіи.

Шафарикъ въ своихъ изысканіяхъ оставилъ эту пучину въ томъ историческомъ и географическомъ видѣ, какъ ее разработала и распредѣлила нѣмецкая ученость. Восточному Славянству, то есть Русскому, принять это распредѣленіе за непреложную истину невозможно. Стоя на западѣ, не въ томъ освѣщеніи видишь предметы, какъ они кажутся, когда смотришь на нихъ съ востока. Очень естественно, что и въ Пучинѣ великаго переселенія народовъ западная историческая наука не все могла разсмотрѣть въ надлежащей истинѣ. Многое она объяснила превратно и неосновательно, слѣдуя только патріотическимъ увлеченіямъ. Поэтому самый достойный предметъ для Русской исторической науки: взяться за это дѣло самостоятельно, даже совсѣмъ забывши, что объ немъ писано, и изучить его изъ первыхъ рукъ непосредственно по источникамъ. Здѣсь въ полной мѣрѣ необходимъ тотъ методъ, о которомъ столько заботился г. Погодинъ и которому научилъ насъ незабвен-

ный нашъ учитель Шлецеръ. Надо прежде всего собрать свидѣтельства о нашей странѣ въ точномъ и полномъ ихъ видѣ, какъ настоящіе лѣтописные тексты. И такъ какъ каждый изслѣдователь каждое свидѣтельство толкуетъ по своему, то необходимо ихъ по-русски издать рядомъ съ подлиннымъ текстомъ, дабы въ свою очередь каждый читатель могъ свободно повѣрять и свѣрять показанія изслѣдователей. Надо затѣмъ допросить каждаго свидѣтеля, какъ и откуда онъ смотрѣлъ на свой предметъ; какъ, по какому случаю знаетъ его; былъ ли самовидецъ или только пересказываетъ чужія рѣчи? Оцѣня по достоинству показанія свидѣтелей, надо сообразить и объяснить ихъ противорѣчія и разногласія. Быть можетъ, такія разногласія заключаются только въ различіи словъ, имѣющихъ впрочемъ, одинъ и тотъ же смыслъ. Нѣкоторые уже примѣтили, что вся Пучина великаго переселенія кажется непроходимою пучиною только потому что исполнена не множествомъ народовъ, а великимъ множествомъ народныхъ испорченныхъ именъ, обозначающихъ одни и тѣ же народы. Было бы очень желательно, еслибъ свидѣтельства каждаго греческаго и латинскаго писателя о нашей странѣ, о народахъ, въ ней обитавшихъ или случайно заходившихъ въ нее, обо всѣхъ намекахъ и указаніяхъ, сколько нибудь ея касающихся, заслужили такого же внимательнаго перевода на Русскій языкъ и такой же критической обработки, какъ это посчастливилось пока однимъ Арабамъ въ превосходныхъ трудахъ гг. Дорна, Хвольсона, Гаркави. Еслибъ уважаемые профессора-классики нашихъ университетовъ, каждый по своему выбору, подарили Русской исторической наукѣ подобные же труды, тогда, быть можетъ, совсѣмъ измѣнился бы въ своихъ основаніяхъ нашъ теперешній взглядъ на наше родное и далекое прошлое, которое несомнѣнно было зародышемъ и нашего настоящаго.

Въ Русской исторической наукѣ прошлаго столѣтія этотъ вопросъ стоялъ на настоящемъ своемъ мѣстѣ. Первые Русскіе историки, Татищевъ и Щербатовъ, отдѣлили въ своихъ трудахъ для разъясненія этого вопроса достаточное мѣсто. По новости дѣла многаго сдѣлать они не могли. Но и за то имъ великое спасибо, что они лучше насъ понимали задачи древнѣйшей Русской Исторіи. Сама Академія Наукъ озаботилась собраніемъ въ одно мѣсто выписокъ изъ Визан-

тійскихъ писателей, толковавшихъ о разныхъ народахъ великой пучины переселенія, и издала ихъ, не только въ латинскомъ переводѣ, но сокращенно и на русскомъ языкѣ, какъ бы руководясь тѣмъ правиломъ, живущимъ и доселѣ, что для русскаго человѣка всякая наука должна предлагаться въ сокращеніи. Затѣмъ у Поляковъ графъ Потоцкій подобныя же извлеченія изъ средневѣковыхъ писателей объ исторіи Славянъ издалъ на французскомъ языкѣ. Для своего времени оба изданія принесли несомнѣнную пользу. Потомкамъ оставалось только идти по той же правильной и прямой дорогѣ. Но въ это время является великій Шлецеръ и рѣшаетъ разомъ, что подобными вещами наукѣ заниматься не слѣдуетъ. Я самъ, въ молодости, говоритъ онъ, занимался этимъ дѣломъ многое время и узналъ только то, что узнать въ этой пучинѣ ничего невозможно.

Не повѣрить на-слово такому великому авторитету, представившему въ доказательство огромный трудъ по исторіи Сѣвера Европы, никто не посмѣлъ, и русскіе историки по его указанію тотчасъ загородили себя и свои изысканія отъ страшной и мрачной пучины великаго переселенія извѣстнымъ скандинавскимъ частоколомъ, за которымъ наша древность скрывается и до настоящаго времени.

Шафарикъ своими „Славянскими Древностями", хотя и освѣтилъ весь Славянскій міръ, но нашего частокола не разрушилъ, а напротивъ еще тверже его укрѣпилъ, сказавши, что кто несогласенъ съ Скандинавскимъ, племени нѣмецкаго, происхожденіемъ Варяговъ-Руси, тотъ истинный невѣжда или человѣкъ предубѣжденный [1]. Это была, какъ извѣстно, самая доказательная фраза въ защиту Норманства. Утвержденное великими авторитетами, Норманство Руси, какъ сказочный Соловей Разбойникъ, засѣло такимъ образомъ на двѣнадцати дубахъ и доселѣ не пропускаетъ къ нашей настоящей древности ни коннаго, ни пѣшаго. Историки, начиная съ Карамзина, не имѣя возможности пробраться за эти дремучіе дубы и въ тоже время какъ бы предчувствуя нѣкоторую родственную связь съ упомянутою древностью, ограничиваются поневолѣ весьма сбивчивымъ и короткимъ изложеніемъ ея исторіи, руководясь взглядами и изыскані-

---

[1] Славянскія Древности т. II, кн. I, стр. 112.

ями по преимуществу нѣмецкой исторической науки. Конечно было бы правильнѣе уже совсѣмъ не упоминать о Скиѳахъ, Сарматахъ, Роксоланахъ, Гуннахъ и т. под. Для нашей государственной исторіи — это пустые непонятные звуки, не имѣющіе никакого смысла и значенія.

Однако, необходимо согласиться, что для нашей народной земской исторіи они очень значительны, ибо прямо указываютъ на старинныхъ хозяевъ нашей Земли, которые въ теченіи вѣковъ не могли же не оставить намъ кое-чего въ наслѣдство. Быть можетъ, въ этихъ іероглифахъ скрывается особая лѣтопись. Необходимо же когда-либо ее разобрать и прочитать, такъ какъ она говоритъ все о нашей же родной странѣ.

Вотъ почему мы думаемъ, что никакая отрицающая и сомнѣвающаяся строгая шлецеровская критика не можетъ отнять у Русской Исторіи ея истиннаго сокровища, ея перваго лѣтописца, которымъ является самъ Отецъ Исторіи— Геродотъ.

Отецъ Исторіи описалъ нашу страну за 450 лѣтъ до Р. Х. Онъ самъ тутъ странствовалъ, именно въ устьяхъ Днѣпра, Буга и Днѣстра; многое видѣлъ собственными глазами, еще больше собралъ разсказовъ и слуховъ. Свои записки онъ читалъ потомъ всенародно на Олимпійскихъ празднествахъ и приводилъ въ восторгъ древнихъ Грековъ, которые еще тогда прозвали его Отцемъ Исторіи. Его разсказы дышутъ необыкновенною простотою и правдою и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ живо изображаютъ и природу страны, и людей съ ихъ нравами, обычаями и дѣлами, что все это въ дѣйствительности представляется, какъ будто самъ живешь въ то время и въ той землѣ и съ тѣми самыми людьми.

Къ сожалѣнію Геродотъ вовсе не зналъ нашего далекаго Сѣвера. Онъ разсказываетъ только о южныхъ краяхъ Русской Земли и говоритъ, что въ его время, вся эта страна была населена народами, которые однимъ именемъ прозывались Скиѳами. У Грековъ это слово значило вообще—варвары. Однако историкъ отдѣляетъ собственную Скиѳію отъ другихъ сторонныхъ земель. По его описанію собственная

Скиѳія была именно та страна, гдѣ въ послѣдствіи сосредоточилось движеніе Русской Исторіи. Онъ представляетъ ее въ видѣ равносторонняго четыреугольника, у котораго нижняя граница направлялось отъ устья Дуная почти до устья Дона, по берегамъ Чернаго и Азовскаго моря.

Середину этого пространства занималъ Днѣпръ, который былъ срединою и нашей Исторіи. Днѣпръ раздѣлялъ Скиѳію на двѣ равныя доли: отъ Дуная до Днѣпра считалось тогда 10 дней пути [1] и столько же отъ Днѣпра до вершины Азовскаго моря, куда впадаетъ Донъ. Вверхъ, къ Сѣверу, Скиѳія простиралась на 20 дней пути, слѣд. слишкомъ на 600 верстъ, нѣсколько подальше теперешнихъ городовъ Чернигова, Курска и Воронежа, гдѣ обитали Меланхлены или Черные Кафтаны.

Съ Запада отъ Скиѳіи сперва жили Агаѳирсы на истокахъ Тейса и Мороша, а выше ихъ, отъ истоковъ Днѣстра дальше къ Сѣверу—Невры. На Сѣверѣ по сосѣдству съ Неврами жили Людоѣды, потомъ отъ нихъ къ востоку упомянутые Черные Кафтаны. На востокъ отъ Скиѳіи за Дономъ обитали Вудины, а къ югу отъ нихъ, между нижнимъ Дономъ и Волгою—Савроматы.

Въ самой срединѣ приморскихъ земель всей Скиѳіи, въ устьяхъ Днѣпра и Буга, находился греческій городъ Ольвія [2], по гречески значитъ счастливая, благословенная. Это было великое торжище для всей Черноморской страны. Говорятъ, что оно основано Греками изъ Милета лѣтъ за 600 до Р. Х. Но столько же вѣроятно, что самые Греки получили этотъ торгъ по наслѣдству отъ Финикіянъ.

Какая торговля здѣсь процвѣтала и что особенно привлекало сюда греческихъ, а прежде нихъ еще финикійскихъ купцовъ, объ этомъ свидѣтельствовалъ храмъ матери плодородія, богини Деметры-Цереры, стоявшій прямо на крутомъ мысу, между устьями Днѣпра и Буга, такъ что въѣзжавшему въ Днѣпровскій Лиманъ онъ еще издали указы-

---

[1] Кн. IV, С. Путь дневной у Геродота равняется 200 стадіямъ, что составитъ, полагая въ верстѣ 6 стадій, 33⅓ версты.

[2] Городище древней Ольвіи, называемое Сто Могилъ, находится близъ Порутина, Ильинское тожъ, на правомъ берегу Бугскаго Лимана, верстахъ въ 25-ти сѣвернѣе Очакова.

валъ, что путникъ приближается къ странѣ—благословенной кормилицѣ множества народовъ. Другой столько же важный предметъ здѣшней торговли Ольвія изображала даже на своихъ медаляхъ—подъ видомъ рыбы, которую хватаетъ летящая птица. Это простой символъ богатой рыбной ловли и богатой торговли рыбою.

Описывая различныя племена, которыя жили въ самой Скиѳіи и по сосѣдству съ этою страною, Геродотъ прямо и начинаетъ отъ Ольвіи и идетъ вверхъ по Бугу. Начиная отъ этого торжища, говоритъ онъ, первые живутъ Греко-Скиѳы, именуемые Каллипиды, племя смѣшанное изъ Грековъ и Скиѳовъ, какъ и слѣдовало ожидать по близости торговаго греческаго города, который необходимо огречивалъ туземцевъ съ давняго времени. Выше ихъ обитаетъ другой народъ, называемый Алазонами. Тѣ и другіе во всемъ слѣдуютъ обычаямъ Скиѳовъ, кромѣ того, что сѣютъ и ѣдятъ хлѣбъ, также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазоновъ живутъ Скиѳы-Оратаи, которые сѣютъ хлѣбъ не для снѣди, но на продажу, то есть сѣютъ хлѣбъ не только для снѣди, что разумѣется само собою, но и на продажу. Отмѣтка въ высшей степени важная и любопытная. По точному описанію Геродота жительство этихъ Скиѳовъ-Оратаевъ приходится прямо на Кіевскую область.

Рѣку Бугъ онъ именуетъ Ипанисомъ, Гипанисомъ, и говоритъ, что эта рѣка начинаетъ свое теченіе въ Скиѳіи и выходитъ изъ великаго озера, около котораго пасутся бѣлыя дикія лошади, и которое по справедливости называется Матерью Ипаниса. Вытекая изъ него, рѣка пробирается небольшимъ каналомъ и на пять дней теченія воды ея сладки; потомъ, къ морю, на четыре дня, весьма горьки, ибо здѣсь въ рѣку впадаетъ горькій источникъ, который, хотя и не великъ, но такъ горекъ, что портитъ своимъ вкусомъ всю воду въ рѣкѣ. Этотъ источникъ находится на границахъ земли Скиѳовъ-Оратаевъ и Алазоновъ. Имя источнику и самому мѣсту, откуда онъ вытекаетъ, по Скиѳски Эксампей, что на греческомъ языкѣ значитъ Священные Пути. Быть можетъ, слово Эксампей есть только извращенное огреченное произношеніе тѣхъ же словъ: „Священные Пути", конечно передѣланное по тѣмъ звукамъ, какими выражала эту рѣчь глубокая славянская древность.

Въ настоящее время Бугъ течетъ изъ обширныхъ болотъ, которыя при Геродотѣ несомнѣнно составляли великое озеро, достойное названія матери Буга. Горькій источникъ и доселѣ носитъ соотвѣтствующее имя — Мертвыя воды. Это небольшая рѣка, текущая съ лѣвой стороны отъ СВ и впадающая въ Бугъ у Вознесенска. Мѣстность, по которой она течетъ и откуда выходитъ ея истокъ, и теперь изобилуетъ на большое пространство ключами минеральной горькой и соленой воды, въ иныхъ мѣстахъ до того горькой, что даже не годится для водопоя[1].

По этому самому пространству, верстъ на 200 дальше къ востоку, подъ 48 градусомъ широты, между Ольвіополемъ, Бобринцомъ, Вознесенскомъ и Кривымъ Рогомъ (селеніе на Ингульцѣ), проходитъ каменистая гранитная гряда, кряжъ кристаллическихъ породъ, образующій на Бугѣ и по другимъ рѣкамъ высокіе скалистые берега, скалистыя разселины и обрывы, нерѣдко совсѣмъ отвѣсные, высотою надъ уровнемъ воды въ 40—60 саженъ. Этотъ же кряжъ заграждаетъ рѣку между Ольвіополемъ и Вознесенскомъ порогами, которые высовываются изъ воды, то въ видѣ скалъ, острыхъ камней и булыгъ, то въ видѣ цѣлыхъ острововъ, покрытыхъ иногда деревьями и всякою растительностію. Здѣсь повсюду степная ровная площадь страны прорѣзывается такими живописными чудными мѣстностями, которыя естественно должны были питать поэтическое религіозное чувство въ обитателяхъ страны и заставили ихъ прозвать всю эту гранитную высокую площадь Священными Путями. Отсюда эти Священные Пути тянутся дальше къ востоку, къ Днѣпру, гдѣ тоже образуютъ еще болѣе знаменитые Днѣпровскіе пороги. Отсюда же въ противоположную сторону дальше на Западъ Священные Пути подобными же скалами и порогами загромождаютъ русло Днѣстра. Вотъ что означалъ этотъ Скиѳскій Эксампей.

Геродотъ самъ плавалъ вверхъ по Бугу и собственными глазами видѣлъ въ Эксампеѣ и другое чудо. Онъ говоритъ: „О количествѣ Скиѳскаго народа не могъ я узнать ничего достовѣрнаго; но слышалъ объ этомъ различныя рѣчи. Одни говорятъ, что ихъ весьма много; другіе утвержда-

[1] Шмидтъ, Херсонская Губернія. Спб. 1863. 1, 187—190, 444 и др.

ютъ, что ихъ мало, говоря о настоящихъ Скиѳахъ. Однакожъ вотъ что они представили моему взору: Между Ворисѳеномъ (Днѣпромъ) и Ипанисомъ (Бугомъ) есть мѣсто, называемое Эксампей, о которомъ уже говорено. Въ этомъ мѣстѣ лежитъ мѣдный сосудъ величиною въ шестеро больше Кратера [1], посвященнаго Посидону при устьѣ Понта (въ Константинопольскомъ проливѣ). Для тѣхъ, кто не видалъ этого сосуда, я опишу его. Онъ легко вмѣщаетъ въ себѣ шесть сотъ ведеръ, а въ толщину имѣетъ шесть дюймовъ (болѣе 3 вершковъ). Этотъ сосудъ, какъ сказываютъ тамошніе жители, сдѣланъ изъ остроконечій стрѣлъ. Царь ихъ, по имени Аріантонъ, желая знать число Скиѳскаго народа, велѣлъ, чтобы каждый Скиѳъ принесъ по одному остроконечію отъ своей стрѣлы. Кто не принесетъ, тому грозилъ смертію. Когда нанесли чрезвычайное множество остроконечій, ему вздумалось сдѣлать изъ нихъ памятникъ и для того онъ соорудилъ этотъ мѣдный сосудъ и положилъ въ Эксампеѣ".

Геродотъ, какъ видѣли, прямо и точно говоритъ, что Эксампей, т. е. горькій источникъ—Мертвыя Воды, находится на границахъ Скиѳовъ-Оратаевъ и Алазоновъ, слѣд. Скиѳы-Оратаи жили на вершинахъ Ингула и Ингульца и дальше къ Днѣпру и къ самому Кіеву.

Днѣпръ и Бугъ, прибавляетъ историкъ, въ землѣ Алазонской текутъ смежно между собою; но потомъ одинъ отъ другаго уклоняются и оставляютъ въ середкѣ широкое пространство. Днѣпръ и Бугъ дѣйствительно сближаютъ свое теченіе между Брацлавомъ на Бугѣ и Могилевомъ на Днѣстрѣ; а выше этой Алазонской Земли теперь находится Кіевская губернія. Оратаи по Геродоту жили вообще выше Алазонъ; такимъ образомъ эти Оратаи Геродота суть Поляне-Кіяне нашего Нестора. За 500 лѣтъ до Р. Х. они сѣяли хлѣбъ не только для снѣди, но и на продажу!

Выше Оратаевъ, продолжаетъ Геродотъ, живутъ Невры (Неуры, Нуры). Жилище Невровъ приходится стало быть на рѣчную область Припяти, со всѣми ея притоками. Въ дру-

---

[1] Кратеръ—большой сосудъ, въ которомъ Греки, по окончаніи стола подавали гостямъ вино для заключительнаго общаго пиршества, такъ сказать, для круговой чаши. Описанный здѣсь громадный сосудъ быть можетъ имѣлъ форму чаши или чана.

гомъ мѣстѣ Геродотъ замѣчаетъ, что Днѣстръ выходитъ изъ великаго озера, которое служитъ границею между Скиѳiею и Невридою. Въ вершинахъ Днѣстра около Лемберга и теперь существуютъ большiя озера, которыя быть можетъ и почитались источникомъ Днѣстра. Земля Невровъ стало быть простиралось отъ Лемберга и по западному Бугу, который впадаетъ въ Наревъ, а Наревъ въ Вислу. Въ самый Бугъ, течетъ р. Нурецъ, берущiй начало съ той же возвышенности, откуда идетъ Наревъ. Недалеко отъ впаденiя Нурца стоитъ городъ Нуръ и вся эта сторона именуется Нурскою. Припомнимъ также, что нашъ Древлянскiй Овручь, Вручiй стоитъ на р. Норинѣ. Все это по оставшимся именамъ прямо показываетъ, гдѣ жили Невры и свидѣтельствуетъ, какъ вѣрно Отецъ Исторiи описывалъ нашу страну, и какiя вѣрныя свѣдѣнiя онъ получалъ отъ ея обитателей.

Объ этихъ Неврахъ-Нурахъ у Скиѳовъ и Грековъ ходили слухи, будто они волшебники, будто каждый Нуръ ежегодно на нѣсколько дней превращается въ волка и потомъ опять становится человѣкомъ. „Сказывающiе объ этомъ не могутъ меня въ томъ увѣрить, замѣчаетъ правдивый историкъ; однако они это утверждаютъ и даже съ клятвою.“ Это повѣрье и доселѣ живетъ во всей той странѣ.

Невры-Нуры держались установленiй Скиѳскихъ, то есть не отличались нравами и обычаями отъ Скиѳовъ, обитавшихъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ.

Въ высшей степени любопытно и очень дорого для нашей исторiи одно событiе, относящееся къ исторiи этихъ Невровъ, о которомъ Геродотъ разсказываетъ слѣдующее: Однимъ поколѣнiемъ (около 30 лѣтъ) прежде похода Персидскаго Дарiя на Скиѳовъ, Невры принуждены были оставить свою страну по причинѣ чрезвычайнаго множества змѣй, которыя наползли къ нимъ изъ верхнихъ степей. Они оставили свою отчизну и поселились между Будинами, жившими на востокъ отъ четыреугольника Скиѳiи. Сказка о змѣяхъ несомнѣнно скрываетъ истинное событiе о нашествiи на Невровъ какихъ либо враговъ-сосѣдей.

Не это ли самое преданiе держится и у перваго нашего лѣтописца, что Радимичи на Сожѣ и Вятичи на Окѣ пришли въ тѣ мѣста отъ Ляховъ, то есть вообще съ запада

отъ Ляшскихъ Славянскихъ племенъ. Мы увидимъ, что Будинами никого другаго нельзя признать, какъ теперешнія Мордовскія племена, жившія при Несторѣ на Окѣ подъ именемъ Муромы, а при Геродотѣ, по всему вѣроятію занимавшія мѣста еще западнѣе Оки, до самаго верхняго Днѣпра. На это лучше всего указываютъ многія имена рѣкъ, рѣчекъ и мѣстъ по верхней Окѣ, Деснѣ, по Сожу, и по самому Днѣпру, которыя вполнѣ обнаруживаютъ древнее пребываніе здѣсь такой же Мери, Муромы, Мордвы и Веси.

Едва ли встрѣтятся какія либо основанія для опроверженія той истины, что записанное Геродотомъ событіе о переходѣ Нуровъ на восточную сторону Днѣпра по Сожу и по Деснѣ и на Оку не есть прямой источникъ того преданія о переходѣ Радимичей и Вятичей, которое черезъ 1500 лѣтъ еще было памятно въ Кіевѣ во времена Нестора.

По этой причинѣ Русская Исторія имѣетъ полное основаніе почитать своимъ первымъ лѣтописцемъ самого Отца Исторіи Геродота. Онъ первый разсказалъ о важнѣйшемъ ея событіи, о первомъ колонизаторскомъ движеніи Славянскаго племени на Востокъ, о самомъ зародышѣ такъ называемаго теперь Великорусскаго племени, котораго движеніе на востокъ, если въ одномъ углу и остановилось у Ледяныхъ горъ Сѣверной Америки или вообще у береговъ Тихаго Океана, то съ другой стороны оно еще долго будетъ пролагать себѣ неизбѣжный путь къ горамъ Славной Индіи.

Кто обиталъ отъ Невровъ къ Сѣверу, Геродотъ ничего не зналъ, и замѣтилъ только, что тамъ лежитъ земля безлюдная. Описанные народы, говоритъ онъ, живутъ по направленію р. Буга, на Западъ отъ Днѣпра.

Теперь историкъ переходитъ къ описанію самой середины древней Скиѳіи, именно тѣхъ мѣстъ, которыя лежатъ по теченію Днѣпра. Русскій кормилецъ—Днѣпръ именуется у него Ворисѳеномъ. Это слово не греческое, а безсомнѣнія туземное, скиѳское. Многіе очень согласно толкуютъ, что это имя сохраняется и до сихъ поръ въ названіи рѣки Березины, по старому Березани, впадающей въ верхній Днѣпръ отъ СЗ. Если такое толкованіе достовѣрно, то стало быть,

рѣка Березина, знаменитая по бѣгству через нее Наполеона I-го, въ Геродотово время почиталась за верхнее теченіе самого Днѣпра и по ней самый Днѣпръ слылъ Березиною, Борисѳеномъ. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что люди, жившіе на верху Березины, плавали до Днѣпровскаго устья; или на оборотъ: люди, жившіе на нижнемъ Днѣпрѣ, плавали до самаго его верха по Березинѣ и огласили этимъ именемъ весь потокъ рѣки до самаго моря. Какъ бы ни было, но вообще здѣсь скрывается хотя бы и темный намекъ на сообщеніе по этой рѣкѣ съ Балтійскимъ краемъ черезъ Западную Двину, ибо истокъ Березины очень близко подходитъ къ истокамъ Двины.

Геродотъ однако ничего не зналъ о Сѣверномъ морѣ. „Не смотря на всѣ мои старанія, говоритъ онъ, я не слыхалъ ни отъ одного очевидца, чтобы находилось море за Европою“. Эти его слова показываютъ съ какою осторожностью онъ собиралъ свѣдѣнія. Ему во всякомъ случаѣ необходимъ былъ очевидецъ, иначе онъ не вѣрилъ ничему и почиталъ все баснями. „О послѣднихъ сѣверныхъ земляхъ въ Европѣ ничего не могу сказать достовѣрнаго“ продолжаетъ правдивый историкъ. „Я не вѣрю существованію какой то рѣки, называемой варварами Иридаиомъ и впадающей въ Сѣверное море, изъ которой, какъ говорятъ, достаютъ янтарь. Неизвѣстны мнѣ и острова, откуда привозится олово. Только знаю, что олово и янтарь приходятъ къ намъ заподлинно съ края земли. И вообще кажется справедливо, что страны, лежащія на краяхъ обитаемой земли, производятъ все почитаемое нами прекраснымъ и рѣдчайшимъ“.

Именно янтарь почитался древними прекраснымъ и рѣдчайшимъ произведеніемъ природы, которое въ прихотяхъ роскоши цѣнилось выше золота. По свидѣтельству Плинія янтарныя вещицы цѣнились такъ высоко, что сдѣланное изъ янтаря изображеніе человѣка, какъ бы мало оно ни было, превосходило цѣною живаго и здороваго человѣка. О происхожденіи янтаря ходило много басенъ; между прочимъ его почитали сокомъ солнечныхъ лучей, которые, при закатѣ оставляли будто бы жирный потъ въ водахъ Океана и потомъ отъ приливовъ выбрасывались на берегъ въ видѣ кусковъ янтаря.

Янтарь добывался на Балтійскомъ побережьѣ въ устьяхъ Вислы и Западной Двины, которая и сохраняла за собою имя Эридана, называясь Руданомъ и Роданомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что торговымъ путемъ чрезъ Двину по Березинѣ и по Днѣпру янтарь проходилъ и въ черноморскія колоніи Грековъ. Очевидцевъ же Балтійскаго моря въ Ольвіи не являлось по той причинѣ, что размѣнъ товаровъ происходилъ вѣроятно еще въ верховьяхъ Двины и Днѣпра и покрайней мѣрѣ у Скиѳовъ Оратаевъ въ кіевской области. Да къ тому же купцы не охотно разсказывали о мѣстахъ, откуда добывался дорогой товаръ и свѣдѣнія о путяхъ въ такія мѣста держали въ тайнѣ. Впрочемъ древнимъ было извѣстно также, что янтарь суть тѣло ископаемое и добывается изъ земли въ Скиѳіи въ двухъ мѣстахъ, въ одномъ бѣлый и восковаго цвѣта, а въ другомъ мѣстѣ темнокрасный.

Извѣстно, что янтарь, какъ ископаемое, находится въ самомъ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ по Днѣпру, выше и ниже Кіева, въ глубокихъ оврагахъ, также въ самомъ Днѣпрѣ у Канева и въ Неясытицкомъ порогѣ, гдѣ его вытаскиваютъ вмѣстѣ съ рыбою сѣтями. Недавно г. Роговичь открылъ около Кіева въ одномъ холму цѣлый пластъ темносѣраго песка толщиною въ двѣ сажени, съ залежами янтаря, причемъ на различной глубинѣ найдено болѣе 50 кусковъ янтаря, различнаго цвѣта, нѣкоторые до двухъ фунтовъ вѣсомъ [1]). „На поверхности песчанаго слоя оказалось гнѣздо янтаря, состоящее изъ небольшихъ кусковъ, повидимому произшедшихъ отъ раздробленія большихъ массъ. Эти послѣднія вѣсятъ болѣе двухъ фунтовъ; небольшіе же куски, отдѣльно найденные вѣсятъ по нѣскольку золотниковъ“.

Это замѣчательное открытіе можетъ вполнѣ подтверждать, что древніе Греки имѣли вѣрное свѣдѣніе о добываніи янтаря изъ земли, именно въ Скиѳіи, въ нашемъ Кіевѣ и его окрестностяхъ. И о кіевскомъ янтарѣ могли ходить разсказы, что онъ привозится съ береговъ Сѣвернаго моря-Океана.

Какъ бы ни было, но названіе Днѣпра Березиною вообще показывало, что вершины самаго Днѣпра въ Геродотово

---

[1] Голосъ 1875 № 185.

время еще не были извѣстны, и что сношенія съ Югомъ происходили только изъ земли Невровъ, ибо Березина впадала въ Днѣпръ въ ихъ сторонѣ. Память объ имени Ворисфена и теперь сохраняется въ Лиманѣ Днѣпра, въ названіи острова Березань и въ названіи рѣки Березани, впадающей въ Лиманъ противъ того же острова.

Съ особенною любовью Геродотъ описываетъ нашъ славный Днѣпръ. Онъ говоритъ, что послѣ Истра—Дуная это величайшая рѣка, что она способствуетъ плодородію не только больше всѣхъ Скиѳскихъ рѣкъ но и больше всѣхъ другихъ, за исключеніемъ только Нила, съ которымъ никакой рѣки сравнить не можно. Изъ всѣхъ другихъ рѣкъ Днѣпръ самая благословенная для продовольствія. Она представляетъ прекраснѣйшія и здоровыя пажити для скота; доставляетъ въ великомъ изобиліи и отличную рыбу. Ея вода чиста и очень пріятна для питья, не взирая на то, что течетъ между мутными рѣками. По ея берегамъ посѣвы бываютъ превосходные, а гдѣ земля не засѣвается, тамъ трава растетъ превысокая. Вблизи устья рѣки соль сама собою осѣдаетъ въ неисчерпаемомъ изобиліи. Въ рѣкѣ ловятся большія рыбины безъ костей (осетры, бѣлуга), которыхъ солятъ. Историкъ заключаетъ, что Днѣпръ изобилуетъ и многими другими предметами, достойными удивленія.

Переходя на ту сторону Днѣпра, говоритъ историкъ, первая земля отъ моря будетъ Илея, что по гречески значитъ Земля Лѣсная, Лѣсъ. Теперь этого лѣса нѣтъ, но что онъ когда то здѣсь существовалъ, на это указываетъ своимъ именемъ здѣшній древній русскій городъ Олешье, нынѣ Алешки противъ Херсона. Кромѣ того Днѣпръ въ этихъ мѣстахъ образуетъ въ своемъ теченіи обширнѣйшіе необозримые заливные луга, отъ 6 до 20 верстъ въ ширину, называемые плавнями, по которымъ всегда и до сихъ поръ растутъ густые лѣса. Особенно примѣчательно въ этомъ отношеніи запорожское урочище Великій Лугъ, на углу Днѣпроваго поворота къ Западу противъ запорожскаго перевоза Никитинъ Рогъ, нынѣ мѣстечко Никиполь. Такіе луга-плавни по преимуществу слѣдуютъ за теченіемъ р. Конки, почему, быть можетъ вся эта сторона отъ впаденія Конки въ Днѣпръ и до его устья называлась вообще лѣсомъ, Илеею. Выше этой лѣсной страны обитаютъ Скиѳы-

Земледѣльцы, которыхъ Греки называли Борисөенитами, Березинцами. Одни изъ нихъ занимали мѣста къ Востоку на три дня пути, значитъ верстъ на сто, простираясь къ рѣкѣ Пантикапу, такъ называетъ Геродотъ р. Конку, и указываетъ этимъ, что земледѣльцы жили по верхнему теченію Конки отъ Востока до Днѣпра, что на самомъ дѣлѣ составляетъ 100 верстъ.

Другіе живутъ вверхъ къ сѣверу по пространству земли на одиннадцать дней плаванія противъ теченія Днѣпра, стало быть верстъ на 300 отъ Конки, или же отъ пороговъ, что во всякомъ случаѣ приходится на Полтавскую и Харьковскую губерніи и выше до Черниговской и Курской.

Выше этихъ земледѣльцевъ, говоритъ Геродотъ, лежитъ страна большею частію пустая, за которою живутъ Андроөаги, людоѣды, народъ особливый, отнюдь не Скиөскій. По Геродоту, это былъ послѣдній предѣлъ человѣческаго жилья въ нашей сѣверной странѣ. За людоѣдами, говоритъ онъ, степь совершенная и нѣтъ никакого народа, сколько намъ извѣстно. Андроөаги-людоѣды изъ всѣхъ народовъ отличаются нравами лютѣйшими. Они не признаютъ никакой правоты и не имѣютъ никакого закона. Жизнь ведутъ кочевую; одежду носятъ похожую на скиөскую; языкъ у нихъ особливый и изъ всѣхъ здѣшнихъ народовъ они одни питаются человѣческимъ мясомъ.

О какомъ племени и народѣ носился такой слухъ на южномъ Днѣпрѣ, сказать трудно. Но видимо, что этотъ народъ жилъ на вершинахъ Днѣпра-Березины, гдѣ либо вблизи Балтійскаго поморья, потому что въ этомъ случаѣ показанія Геродота направляются какъ бы только по берегу Днѣпра. Быть можетъ такой слухъ объ этомъ углѣ былъ распространенъ только изъ-за торговыхъ интересовъ, дабы отбить всякое намѣреніе у чужихъ купцовъ странствовать къ извѣстнымъ янтарнымъ берегамъ, ибо степень варварства по всему вѣроятію была одинакова на всемъ тогдашнемъ сѣверѣ. Уральское золото точно также стерегли чудовищные грифы и всѣ подобныя дѣтскія страшилища, конечно, больше всего распространялись корыстолюбивыми торговцами.

Къ сожалѣнію Геродотъ ничего не говоритъ о порогахъ, какъ будто вовсе ихъ не существуетъ. Быть можетъ и на самомъ дѣлѣ въ его время пороги, по полноводію рѣки, не

представляли такого затрудненія, о которомъ бы слѣдовало говорить. Геродотъ показываетъ какое-то мѣсто Герръ и говоритъ, что къ этому мѣсту Днѣпръ течетъ отъ Сѣвера, и что плыть сюда должно сорокъ дней; но откуда плыть, отъ устья рѣки съ Юга, или отъ Сѣвера, объ этомъ онъ не дѣлаетъ даже и намека. Въ другой разъ онъ говоритъ, что кладбище скиѳскихъ царей находится въ Геррахъ, въ томъ мѣстѣ, до котораго можно плыть по Борисѳену, и что тамъ живетъ народъ послѣдній, т. е. крайній изъ подвластныхъ Скиѳамъ, называемый также Геррами. Герромъ у него именуется также седьмая рѣка Скиѳіи, выходящая отъ Днѣпра же, въ томъ углу Скиѳіи, гдѣ Днѣпръ примѣтенъ, т. е. вѣроятно гдѣ онъ входитъ въ скиѳскую землю. Эта рѣка, отдѣлившись отъ Днѣпра, получаетъ имя самой той страны, Герръ, и течетъ въ море, раздѣляя Скиѳовъ кочующихъ и царскихъ, а впадаетъ между прочимъ въ шестую рѣку, Ипакирисъ, и съ нею въ Каркинитскій Заливъ Чернаго Моря. Наконецъ историкъ дѣлаетъ еще показаніе о рѣкѣ Герръ, по которому выходитъ, что подъ этимъ именемъ онъ разумѣетъ нашъ Донецъ, называемый у него Гиргизъ и Сиргизъ.

Такимъ образомъ Геродотовы свѣдѣнія объ этомъ любопытномъ Геррѣ были неопредѣленны, сбивчивы и обозначали какое то неопредѣленное пространство скиѳской земли.

Намъ кажется, что свѣдѣнія Геродота объ этомъ Геррѣ есть только слухи о странѣ, въ которыхъ скрывалось понятіе или представленіе вообще о верхнихъ горнихъ земляхъ Скиѳіи, а въ частности быть можетъ они обозначали самую мѣстность пороговъ, какъ это видно по указанію на мѣстность царскихъ гробницъ. Что эта мѣстность въ древнихъ русскихъ понятіяхъ обозначалась именемъ горъ, на это указываетъ Слово о полку Игоревомъ, гдѣ Ярославна обращаясь въ своей пѣснѣ къ Словутичу-Днѣпру, восклицаетъ: ты пробилъ еси каменныя горы сквозь землю Половецкую! Сверхъ того горою и на сѣверѣ и на югѣ у насъ называлось вообще верхнее теченіе рѣки. Въ договорѣ Полоцка съ Ригою 1478 г. сказано между прочимъ: „и стругы наши Полоцькыи пошьли (по Двинѣ) на гору порожьніи...“ Запорожцы, показывая предѣлы своихъ владѣній въ 17-мъ столѣтіи, выражались такъ: городокъ старинный Запорож-

скій Самаръ (на устьѣ Самары) съ перевозомъ и землями въ гору Днѣпра по рѣчку Орель... а черезъ Днѣпръ, якъ изъ вѣковъ бывало по Очаковскіе влусы и въ гору рѣчки Богу по рѣчку Сынюху[1].

Нѣтъ особыхъ основаній сомнѣваться, что Герръ есть огреченное славянское слово гора, горній, обозначавшее верхнія мѣста, и верхнихъ жителей Скиѳіи, разумѣется относительно Днѣпровскаго Лимана, откуда Геродотъ смотрѣлъ на Скиѳію и гдѣ слушалъ разсказы о верхнихъ ея Земляхъ. Повторимъ, что такой смыслъ этому слову придаетъ уже самая неопредѣленность и сбивчивость показаній Геродота.

Такъ точно и его показаніе о сорока дняхъ плаванія по Днѣпру до мѣста Герръ необходимо принимать въ общемъ смыслѣ, что вообще плаваніе по рѣкѣ простиралось всего на 40 дней пути, какъ это и понимали послѣдующіе географы. По этому расчету оно могло восходить до устья Березины и вообще до Минской и Могилевской губерніи[2].

Если же мѣстомъ Герръ почитать пороги и толковать Геродота, что 40 дней плаванія къ этому мѣсту онъ считаетъ не отъ устья, а отъ сѣвера, откуда течетъ Днѣпръ, то въ этомъ смутномъ показаніи мы можемъ разумѣть вообще, что плаваніе достигало самыхъ вершинъ Березины и ея перевала къ вершинамъ Западной Двины.

Геродотъ однако не зналъ, гдѣ скрываются источники Днѣпра. „Кажется, что въ страну Скиѳовъ земледѣльцевъ, говоритъ онъ, рѣка течетъ черезъ пустыню, ибо эти Скиѳы живутъ отъ пустыни на 10 дней плаванія. Одной только этой рѣки, да еще Нила я не могу показать источниковъ, и думаю, что этого не покажетъ и никто другой изъ Грековъ“. Видимо, что именемъ пустыни здѣсь обозначается страна, имѣвшая какой либо особый характеръ въ своей топографіи, ибо Скиѳы считали до ея предѣловъ 10 дней плаванія, слѣд. это плаваніе проходило по другой странѣ, которую не называли пустынею. Быть можетъ въ этомъ

[1] Акты Арх. Эксп. I, № 106.—Чтен. Общ. Ист. 1846 № 5. Смѣсь 67.

[2] На Днѣпрѣ нынѣ плаваютъ по теченію 50—60 верстъ въ день, противъ теченія 25—30 верстъ. Геогр. Слов. Семенова. Мы полагаемъ меньшее—25 верстъ въ день.

имени Скиѳы разумѣли вообще Алаунскую возвышенность, Волковскій Лѣсъ, горнее мѣсто всей нашей равнины.

Къ востоку отъ Днѣпровскихъ Скиѳовъ-земледѣльцевъ, за рѣкою Пантикапою-Конкою обитали Скиѳы-пастыри, не сѣявшіе и не пахавшіе земли. Вся эта сторона была степь безлѣсная. Жилище степняковъ-Скиѳовъ простиралось къ востоку на 14 дней пути до рѣки Герра, что упадаетъ къ сѣверному Донцу. За Донцемъ находились такъ называемыя царскія земли, гдѣ жили благороднѣйшіе и многочисленнѣйшіе Скиѳы, почитавшіе другихъ Скиѳовъ своими рабами. Значитъ здѣсь жили Скиѳы-владыки надъ всею Скиѳскою страною. Ихъ земли съ юга простирались къ Таврикѣ, т. е. къ таврическимъ горамъ; съ востока ко рву, отдѣлявшему ихъ отъ Воспорскаго царства, и потомъ протягивались по азовскому побережью до города Кримны, а частію прилегали къ рѣкѣ Дону. Выше этихъ царскихъ Скиѳовъ къ сѣверу жили Меланхлены, особливый, не Скиѳскій народъ, державшій однако законы и обычаи Скиѳскіе; они носили черное платье, отчего и прозывались Черными Кафтанами.

Замѣчательно, что на полосѣ жилища Меланхленовъ находимъ съ одного края Черниговъ, съ другаго Воронежъ, имена которыхъ тоже даютъ понятіе о черномъ, и вѣроятно служатъ выразителями какой либо географической или, этнографической особенности этого края. Выше Меланхленовъ простирались болота и степи, людьми необитаемыя.

За рѣкою Танаисомъ-Дономъ находилась уже не скиѳская земля, а первая страна отъ его устья была страна Савроматовъ, безлѣсная степь, которая простиралась къ сѣверу на 15 дней пути, т. е. до теперешняго Царицына или до перевала изъ Волги на Донъ.

По разсказамъ, Савроматы происходили отъ Скиѳовъ и Амазонокъ, случайно занесенныхъ моремъ въ Скиѳію послѣ войны съ Греками. Эта басня, показывая вообще, что Савроматы были пришельцы въ этой странѣ, поддерживалась особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что Савроматскія женщины ничѣмъ не отличались отъ мущинъ. Точно также ѣздили на лошадяхъ, носили такое же платье, занимались звѣриною ловлею и ходили на войну. Скиѳскія жены, сидя въ своихъ повозкахъ, занимались женскими работами и никуда не выходили, а савроматки сидя на лошадяхъ всегда работали

только лукомъ и стрѣлами, даже одни, безъ помощи мужей. По крайней мѣрѣ объ нихъ шла такая молва. У нихъ ни одна дѣвица не могла выйдти замужъ, пока въ битвѣ не убивала кого либо изъ враговъ. Иныя, которымъ неудавалось исполнить этотъ савроматскій законъ, состарѣвшись, такъ и умирали безбрачными.

Во второй странѣ, выше Савроматовъ, продолжаетъ Геродотъ, живутъ Будины, народъ великій и многочисленный. Жилище этихъ Будиновъ, по ясному и точному указанію Отца Исторіи, начиналось, стало быть, отъ сближенія Дона и Волги у гор. Царицына и простиралось къ сѣверу въ губерніяхъ Саратовской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Симбирской и Рязанской.

Всѣ они, прибавляетъ Геродотъ, темно-голубые и красны. Нѣтъ сомнѣнія, что это обозначеніе относится къ цвѣту глазъ (голубыхъ) и волосъ (рыжихъ). Онъ повѣствуетъ, что Будины природные тутошніе жители, старожилы, народъ кочевой, то есть не воздѣлывающій землю: и одинъ изъ всѣхъ здѣшнихъ народовъ вшеѣдъ, что по греческимъ понятіямъ вообще обозначало крайнюю нечистоплотность. Страна Будиновъ была наполнена всякаго рода густыми лѣсами; въ одномъ густѣйшемъ лѣсу находилось у нихъ большое и глубокое озеро, окруженное болотами и тростникомъ; въ немъ ловили выдръ, бобровъ и другихъ звѣрей съ четыреугольными мордами, мѣха которыхъ, примѣчаетъ историкъ, употреблялись на опушку верхняго платья, а бобровая струя была полезна въ истерическихъ припадкахъ.

Какой же это народъ — Будины? Существуетъ ли онъ и теперь, или онъ изчезъ безъ остатка, какъ изчезли многія племена степныхъ кочевниковъ. Но это былъ народъ великій въ смыслѣ множества; потомъ—онъ жилъ въ лѣсахъ. Такіе народы не скоро изчезаютъ. Въ той странѣ, гдѣ Геродотъ помѣщаетъ своихъ Будиновъ, до сихъ поръ существуетъ нѣсколько родственныхъ другъ другу племенъ, каковы Мордва, Черемиса, Чуваши, Вотяки. Къ описанію Геродота ближе подходитъ Мордва и особенно Вотяки, живущіе на Камѣ и Вяткѣ, дальше къ сѣверу, и потому лучше другихъ сохранившіе свой первобытный обликъ. Жилища Мордвы, теперь хотя и разсѣянно, находятся между Волгою, верхнимъ Дономъ и теченіемъ Оки. Нѣтъ сомнѣнія,

что эти жилища при Геродотѣ простирались еще южнѣе напр. до устья Медвѣдицы впадающей въ средній Донъ, и западнѣе, такъ что Ока со всѣми ея притоками, отъ самой своей вершины принадлежала несомнѣнно тоже землѣ Вудиновъ. На это во первыхъ указываютъ имена рѣкъ и мѣстъ въ родѣ Мценска на р. Мецнѣ, въ родѣ Мещовска, по древнему Мещерскъ, на р. Мераѣ или Мереѣ и т. п., не говоря о сѣверной Мерѣ и о томъ, что при началѣ нашей исторіи на нижней Окѣ сидѣло еще Мордовское племя Мурома. Извѣстно также, что подъ Рязанью на средней Окѣ жила Мещера, которая конечно простиралась еще дальше упомянутаго Калужскаго Мещерска. Нельзя нисколько сомнѣваться, что всѣ эти Мордовскія племена Геродоту были извѣстны подъ именемъ Вудиновъ. Корень самаго имени Вудины до сихъ поръ сохраняется у Вотяковъ, которые сами себя называютъ Отъ, Утъ, Удь, Удь-Муртъ, Мортъ, откуда и Мордва. Удъ — собственное народное имя, а Муртъ или Мортъ означаетъ вообще человѣка.

Русскіе въ 16 столѣтіи разсказывали, что эти Отяки или Вотяки—такая же Черемиса; что они были нѣкогда чернью, то есть, народомъ Ростовской области и ушли съ своихъ мѣстъ къ Камѣ, въ Болгарскую землю, убѣгая отъ русскаго крещенья, что могло случиться еще въ 11-мъ стол. [1].

Это стало быть наша лѣтописная Ростовская Меря, или, какъ называютъ себя Черемисы, — Мари. По всему вѣроятію собственное имя Вотяковъ—Удъ, у Черемисовъ — Ода, въ древнее время было общимъ именемъ для всѣхъ этихъ племенъ или по крайней мѣрѣ для племенъ Мордовскихъ. Впрочемъ Мордва и Чувашей называетъ Вьедене [2]. Вотъ почему и Геродотъ очень правильно передаетъ это первобытное прозваніе: Вудины, присовокупляя только свое окончаніе для народнаго имени и ставя впереди потребную для легкаго выговора букву в. Но не одно сходство имени утверждаетъ, что Мордва, Мурома, Меря, Мокша, Эрза, Мещера, Чуваша, Черемиса, суть Вудины Геродота. Тоже свидѣтельствуетъ и описанная Геродотомъ ихъ наружность:

---

[1] Исторія Казанская, Спб. 1791, стр. 3.

[2] Миллеръ: Описаніе Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ. Спб. 1791, стр. 33.

волосы рыжіе, желтые, русые; глаза голубые, свѣтлосѣрые; у Вотяковъ цвѣтъ лица даже смугловато-красный.

Для новаго подтвержденія, что земля древнихъ Вудиновъ простиралась по Волгѣ между Саратовымъ и Орломъ и далѣе за Оку, къ западу, не говоря о сѣверныхъ краяхъ, намъ необходимо обозначить мѣстность того великаго и глубокаго озера, гдѣ ловились бобры и другіе пушные звѣри, какъ свидѣтельствуетъ Геродотъ. Ясные слѣды этого озера и теперь можно видѣть, даже по картѣ, нѣсколько сѣвернѣе города Рязани, въ тамошней Мещерской сторонѣ, гдѣ до сихъ поръ остается множество большихъ и малыхъ озеръ и болотъ, окруженныхъ густыми лѣсами, которыми почти сплошь покрыта вся эта сторона (см. выше стр. 182). Слишкомъ за 2000 лѣтъ здѣсь въ дѣйствительности могло существовать великое озеро, ибо вся эта мѣстность есть обширнѣйшая болотная и озерная котловина; а Рязанская область и особенно ея Мещерская сторона издревле славилась ловлею бобровъ [1].

Мы уже привели свидѣтельство Геродота, что Невры, вытѣсненные съ своихъ мѣстъ, переселились въ землю Вудиновъ, и что нашъ первый лѣтописецъ сохраняетъ память объ этомъ событіи, говоря, что Радимичи и Вятичи пришли отъ Ляховъ и сѣли по Сожу и по Окѣ. Если Мещера и Мордва, уже на глазахъ лѣтописи сидѣла на той же Окѣ, если и по Сожу, хотя и рѣдко, остаются еще имена рѣкъ и мѣстъ не русскія, а сходныя съ Мордовскими и Мерянскими, то очевидно, что Радимичи и Вятичи принадлежали къ колѣну Геродотовскихъ Невровъ, а Мещерская и Мордовская сторона была земля Вудиновъ.

Вмѣстѣ съ Вудинами или вѣрнѣе въ землѣ Вудинской жилъ еще народъ, Гелоны, именемъ котораго Греки называли и Вудиновъ, но неправильно, какъ замѣчаетъ Геродотъ. Гелоны по своему происхожденію были Эллины—Греки, поселившіеся у Вудиновъ по случаю изгнанія ихъ изъ торговыхъ греческихъ черноморскихъ городовъ. Значитъ это были всякіе выходцы отъ Грековъ и Скиѳовъ, ибо языкъ они употребляли частію скиѳскій, частію греческій. Они воздѣлывали

---

[1] Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи. Рязанская губернія. М. Барановича. Спб. 1860.

землю, ѣли не мясо, а хлѣбъ, занимались садоводствомъ и нимало не походили на Будиновъ ни обликомъ, ни цвѣтомъ. Сверхъ того у нихъ былъ деревянный городъ, единственный во всей странѣ, окруженный высокими стѣнами, каждая сторона которыхъ простиралась на 30 стадій—около 5 верстъ. Стѣны, домы, храмы—все было деревянное. Въ этомъ городѣ были храмы эллинскихъ боговъ, устроенные по эллинскому обычаю съ деревянными статуями, жертвенниками и божницами. Черезъ каждые три года Гелоны совершали празднества Вакху и отправляли вакханаліи.

Гдѣ, на какомъ именно мѣстѣ былъ этотъ городъ, неизвѣстно. Но по всему вѣроятію, гдѣ либо близь Волги, о которой однакожъ Геродотъ не даетъ прямыхъ свѣдѣній. Онъ знаетъ только, что изъ земли Ѳиссагетовъ, которые жили сѣверовосточнѣе Будиновъ, вытекали четыре большія рѣки и впадали въ озеро Меотійское (въ Азовское море). Имена этихъ рѣкъ были Ликъ, Оаръ, Танаисъ (Донъ) и Сиргисъ (Донецъ). Видимо, что Отцу Исторіи Сѣверная сторона Каспійскаго моря вовсе была неизвѣстна, что по разсказамъ онъ зналъ только среднее теченіе Волги—Оара и среднее же теченіе Урала-Яика-Лика, и полагалъ, что эти рѣки текутъ, какъ и Донъ въ Азовское море. Такъ онъ думалъ конечно по указанію разскащиковъ, которые хаживали къ Уральскимъ горамъ, именно по этому пути, который и описываетъ намъ Геродотъ. Замѣчательно, что имя Волги, Оаръ, слышится въ Мордовскомъ названіи этой рѣки, существующемъ до сихъ поръ—Рау. Такимъ образомъ Геродотъ даетъ Волгѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, Будинское имя. Онъ повѣствуетъ также, что Персидскій Дарій, преслѣдуя въ своемъ походѣ Скиѳовъ, прошелъ землю Скиѳскую и Савроматскую и нигдѣ не нашелъ ничего, что можно было бы разорить; но вступя въ землю Будиновъ, встрѣтилъ городъ Гелонъ и сжегъ его. Затѣмъ пришелъ въ степную пустыню и поставилъ свои лагери на рѣкѣ Оарѣ, построивъ тутъ восемь большихъ крѣпостей, развалины которыхъ оставались еще въ Геродотово время. Все это заставляетъ думать, что Гелонъ находился гдѣ-либо вблизи Саратова, ибо это была середина тогдашняго торговаго пути изъ греческихъ черноморскихъ городовъ къ Уральскимъ горамъ. Быть можетъ Гелонъ находился на Волгѣ, пониже Саратова, на мѣстѣ

погибшаго города Увека, остатки котораго существовали еще въ 16 столѣтіи. Путешественники того времени говорятъ, что этотъ Увекъ лежитъ въ плодоносной странѣ, гдѣ ростетъ во множествѣ ликорисъ, яблонныя и вишневыя деревья. Они прибавляютъ, что на томъ мѣстѣ „на высокомъ холму, былъ нѣкогда очень красивый замокъ Увекъ и подлѣ него городъ, называемый Русскими Содомъ; этотъ городъ и часть замка провалились по правосудію Божію за грѣхи народа, здѣсь обитавшаго. Теперь видны только развалины и нѣкоторыя гробницы; на одномъ надгробномъ камнѣ можно различить форму лошади и всадника, сидящаго на ней, съ лукомъ въ рукахъ. На другомъ камнѣ видна надпись арабская".

Имя Увека сохраняется и теперь въ названіи тамошнихъ селъ. Городъ этотъ указывается на томъ же мѣстѣ, въ 20 дняхъ разстоянія отъ Астрахани, и Арабскими писателями 9—10 вѣка. Въ то время онъ былъ важнымъ торжищемъ въ сношеніяхъ среднеазіатскихъ и прикаспійскихъ странъ съ страною нашего по-Волжья, съ Буртасами и Болгарами. Очень вѣроятно, что въ Геродотово время тотъ же городъ служилъ торжищемъ для черноморскихъ Грековъ съ народами при-Уральскими. Слѣдуетъ замѣтить также, что въ этой же гелонской сторонѣ, въ губ. Саратовской и Тамбовской, встрѣчается нѣсколько селеній и рѣкъ съ именами Елань, Еланское.

Описывая древнѣйшее разселеніе разныхъ народовъ въ нашей землѣ по направленію къ сѣверовостоку, къ Уральскимъ горамъ, Геродотъ, по всему вѣроятію, описываетъ собственно торговый путь, который тогда пролегалъ по этимъ мѣстамъ отъ Чернаго моря. Онъ продолжаетъ: „Повыше Будиновъ къ сѣверу сперва простирается степь на семь дней пути. За степью, поворотя болѣе къ Востоку, живутъ Ѳиссагеты, народъ многочисленный и особый, питающійся звѣриною ловлею. Въ смежности съ этими народами, т. е. Будинами и Ѳиссагетами, живутъ Іирки, тоже звѣроловы. Это наши древніе Весь Бѣлозерская или Вису по арабскимъ писателямъ, которая въ то время могла занимать земли болѣе къ Востоку, и Угра, Югра при-Уральская.) Дальше къ востоку жили другіе Скиѳы, отложившіеся отъ Скиѳовъ царствующихъ (впослѣдствіи Печенѣги).

До страны этихъ Скиѳовъ, замѣчаетъ Геродотъ, лежитъ земля ровная и тучная, а отсюда начинается каменистая и неровная, затѣмъ, дальше у подошвы высокихъ горъ обитаютъ люди отъ рожденія плѣшивые, плосконосые, съ продолговатыми подбородками; языкъ они употребляютъ свой особенный, а одежду скиѳскую; питаются древесными плодами. Каждый изъ нихъ живетъ подъ деревомъ, зимою окутывая это дерево бѣлымъ войлокомъ. То дерево, которымъ они питаются величиною съ смоковницу, плодъ носитъ похожій на бобъ и имѣетъ ядро. Когда плодъ созрѣетъ, изъ него выжимаютъ густой и черный сокъ, называемый аши [1], который пьютъ, смѣшавши съ молокомъ, а изъ выжимковъ дѣлаютъ лепешки и ѣдятъ. Этимъ людямъ никто не наноситъ обидъ; ибо ихъ почитаютъ священными; да нѣтъ у нихъ и никакого воинскаго оружія; они даже сосѣдей примиряютъ въ ссорахъ и если кто прибѣгаетъ къ нимъ подъ защиту, тому уже никто не смѣетъ нанести обиды.

До страны этихъ плѣшивыхъ людей земля была довольно извѣстна. Досюда хаживали и Скиѳы, и Греки изъ Ольвіи и другихъ черноморскихъ городовъ. Приходившіе сюда Скиѳы употребляли семь переводчиковъ для семи языковъ, стало быть на пути жило семь народовъ. Но что находится выше этого плѣшиваго народа, о томъ никто ничего яснаго сказать не можетъ. Туда путь пресѣченъ высокими горами, черезъ которыя никто перейдти не можетъ. Плѣшивые разсказываютъ, чему впрочемъ я не вѣрю, замѣчаетъ Геро-

---

[1] Этотъ сокъ аши, по всему вѣроятію, есть сокъ вишенъ. «Въ полуденной Сибири, говоритъ путешественникъ 17 столѣтія, Коллинсъ, есть дикая страна, называемая степью; она простирается на 600 или 700 верстъ и большей частію состоитъ изъ равнинъ; рѣкъ въ ней мало, но почва невѣроятно плодоносная. Тамъ цѣлый день ѣдешь полемъ, обросшимъ вишневыми деревьями... Красныя вишни, растущія на этихъ деревьяхъ, очень хороши, но и очень кислы. Онѣ бываютъ вкусны, когда пересажены». Другой путешественникъ, 16 вѣка, Павелъ Іовій, разсказывая о томъ, какіе напитки употребляются въ Москвѣ, прибавляетъ: «Нѣкоторые любятъ также сокъ, выжатый изъ спѣлыхъ вишенъ; онъ имѣетъ свѣтлобагровый цвѣтъ и очень пріятенъ вкусомъ». Это слово аши—вишни, вмѣстѣ съ именемъ Югры—Іирковъ достаточно указываютъ, что Скиѳы, передававшіе Геродоту эти свѣдѣнія о растеніи и народѣ, принадлежали къ тѣмъ племенамъ, на языкѣ которыхъ долгія столѣтія сохранялось имя Югры и доселѣ сохранилось имя вишни.

дотъ, будто на этихъ горахъ живутъ люди съ козьими ногами, а за ними другіе, которые спятъ 6 мѣсяцевъ.

Впрочемъ къ Востоку отъ плѣшивыхъ, страна была тоже хорошо извѣстна. Въ ней жили Иссидоны. Это былъ народъ справедливый, т. е. жившій въ гражданскомъ порядкѣ. И женщины у нихъ имѣли власть равную съ мужчинами. Было у нихъ, между прочимъ въ обычаѣ: когда у кого умиралъ отецъ, то всѣ сродники пригоняли на поминки домашній скотъ, кололи его и изрубали въ куски вмѣстѣ съ тѣломъ покойника; потомъ мясо перемѣшивали и предлагали на столъ для трапезы. Оставляли только черепъ отъ головы покойника, оправляли его въ золото (въ видѣ чаши-братины) и употребляли, какъ священный сосудъ, при совершеніи великихъ годовыхъ жертвоприношеній. Такъ сынъ творилъ память по отцѣ.

Иссидоны разсказывали, что выше ихъ живутъ люди одноглазые и Грифы, чудовища, похожія на львовъ съ клювомъ и крыльями орлиными, которые стерегли золото. Сибирское золото, охраняемое такими страшилищами, по всему вѣроятію и было главнымъ предметомъ, привлекавшимъ въ эту страну торговыхъ людей изъ Скиѳіи и главное изъ греческихъ торжищъ. Иссидоны, или скорѣе всего греческіе купцы разсказывали эту сказку вѣроятно для того, чтобы показать, съ какимъ трудомъ и опасностями добывается золото. Имя Иссидоновъ сохраняется до сихъ поръ въ имени рѣки Исети, текущей отъ Уральскихъ горъ на Востокъ въ рѣку Тоболъ. Долина Исети одна изъ лучшихъ и плодороднѣйшихъ мѣстностей за Ураломъ; она богата золотой и желѣзной рудой, въ ней ломается мраморъ и другія подобныя породы камня; въ самой рѣкѣ находятъ много дорогихъ камней, горныхъ хрусталей, халцедоновъ, сердоликовъ и т. под. Горный промыселъ на Уралѣ существовалъ съ незапамятныхъ для Исторіи временъ, на что указываетъ множество тамошнихъ пещеръ, въ которыхъ находятъ человѣческія кости, разныя вещи, посуду, молотки и другія орудія, покрытыя уже каменной корой. Можно полагать, что Иссидоны и были тѣмъ первобытнымъ народомъ, который обрабатывалъ здѣсь руды, добывалъ золото, драгоцѣнные камни и торговалъ ими съ далекими Греками, большими охотниками дѣлать изъ золота роскошныя и изящныя вещи и вырѣзы-

вать на камняхъ печати и различныя изображенія своихъ боговъ. Такимъ образомъ Уральскія горы и въ то далекое время доставляли европейцамъ много драгоцѣннаго.

Во всей описанной странѣ, говоритъ Геродотъ, бываетъ такая жестокая зима, что 8 мѣсяцевъ продолжаются нестерпимые морозы: въ то время, если прольешь воду, грязи не сдѣлаешь, а сдѣлаешь ее, зажегши огонь, что для южныхъ жителей, которымъ повѣствовалъ Геродотъ, было, конечно, удивительно. Даже море (Азовское съ проливомъ) замерзаетъ и Скиѳы иногда на льду сражаются и ѣздятъ черезъ проливъ на повозкахъ на азіатскій берегъ. Отъ стужи и скотъ въ Скиѳіи не имѣетъ роговъ. Тамъ родится порода воловъ безрогая. Весною тамъ не бываетъ дождя, а лѣтомъ идетъ безпрестанно дождь и бываютъ часто громы. Но если случится громъ зимою, то это почитается чудомъ. За чудо также почитается, когда въ Скиѳіи случится землетрясеніе.

Сказываютъ, что дальше къ Сѣверу отъ верхнихъ земель Скиѳіи, нельзя ничего видѣть, ни пройдти туда по причинѣ вездѣ разсыпаннаго перья, которымъ наполнена земля и воздухъ. Геродотъ объясняетъ, что „это перье должно быть снѣгъ, ибо за Скиѳскою землею всегда идетъ снѣгъ, впрочемъ лѣтомъ меньше, какъ и слѣдуетъ, чѣмъ зимою, и кто видѣлъ вблизи падающій густой снѣгъ, тотъ видѣлъ то, о чемъ я говорю. Отъ падающаго снѣга и мѣста дальше къ сѣверу необитаемы“, заключаетъ историкъ.

Любопытны разсказы Геродота о происхожденіи Скиѳовъ. Сами Скиѳы сказывали ему, что народъ ихъ изо всѣхъ народовъ самый младшій и произошелъ такимъ образомъ: Въ очень давнее время, когда еще страна эта была пустая, жилъ здѣсь, говорили они, одинъ мужъ, называемый Таргитай. Родители его были боги. Онъ родился отъ Зевса и отъ дочери рѣки Днѣпра. Зевсомъ, греческимъ именемъ, Геродотъ называетъ по своему главнаго скиѳскаго бога. У этого Таргитая было три сына. Когда они царствовали, то на Скиѳскую землю упали съ неба плугъ (соха), ярмо (воловья запряжка), сѣкира (топоръ) и чаша — все золотое. Старшій братъ увидѣлъ это первый и хотѣлъ дорогія вещи забрать себѣ; подошелъ къ нимъ поближе, а золото такъ загорѣлось, что взять было невозможно. Такъ онъ и ушелъ. Послѣ

его пошелъ второй братъ: золото опять загорѣлось. Ушелъ прочь и онъ. Когда подошелъ третій братъ, самый младшій, золото потухло и остыло, онъ спокойно забралъ себѣ всѣ вещи. Старшіе братья увидѣли, что покориться надо ему, младшему брату, и отдали ему все царство. По разсказу Скиѳовъ это случилось за 1000 лѣтъ до похода на нихъ Персидскаго царя Дарія, стало быть слишкомъ за 1500 лѣтъ до Р. X.

Съ тѣхъ поръ упадшее съ неба золото Скиѳскіе цари почитали священнымъ, очень бережно охраняли его, и каждый годъ праздновали ему и приносили жертвы. Овладѣвшій царствомъ младшій братъ учредилъ потомъ въ этой странѣ для своихъ дѣтей три царства и одно изъ нихъ, гдѣ хранилось золото, сдѣлалъ главнымъ, начальнымъ царствомъ.

Очевидно, что это сказаніе принадлежало Скиѳамъ-пахарямъ, которые жили по Днѣпру и воздѣлывали землю, сѣяли хлѣбъ. Плугъ, ярмо, сѣкира-топоръ для этихъ Скиѳовъ на самомъ дѣлѣ были предметами священными, потому что составляли главную силу и основу ихъ жизни. Ими они кормились, ими они полагали на землю свое право собственности, которое по древнему Русскому выраженію обыкновенно тамъ существовало, куда соха, коса, топоръ искони ходили. Очень естественно, что въ глубокой древности, у земледѣльческаго народа, эти орудія имѣли смыслъ божественнаго дара. Ихъ послало само божество; они упали съ неба въ образѣ божественнаго золота, которое и выражало, что это былъ предметъ самый многоцѣнный и дорогой въ земледѣльческомъ быту.

Для Скиѳовъ-пастырей, для кочеваго народа, эти орудія не были такъ дороги. Кочевой народъ не приписалъ бы имъ божественнаго происхожденія. Воины, какими всегда бываютъ степные кочевники, почитаютъ священными орудія битвы, поклоняются мечу, какъ поклонялись мечу тѣже Скиѳы кочевники; въ мечѣ ихъ сила, честь, достоинство и слава, въ мечѣ основа ихъ жизни. Такимъ образомъ плугъ и мечъ, какъ миѳы, должны необходимо выражать весьма различныя основы быта.

Другую сказку о происхожденіи Скиѳовъ Геродотъ слышалъ отъ Грековъ, жившихъ по берегамъ Чернаго моря.

Они разсказывали, что Геркулесъ, гнавши воловъ Геріона [1] пришелъ въ эту землю, тогда еще необитаемую и пустынную. Его застигла зима и морозъ; онъ окутался въ львиную шкуру и заснулъ; между тѣмъ пасшіяся лошади отъ его повозки вдругъ изчезли. Проснувшись сталъ онъ искать своихъ коней и прошелъ всю страну, изъ конца въ конецъ. Напослѣдокъ уже, въ Лѣсной Землѣ, при устьяхъ Днѣпра, въ одной пещерѣ онъ обрѣлъ чудище Ехидну, въ половину женщину, въ половину змѣю, у которой вмѣсто ногъ былъ змѣиный хвостъ. Эта Ехидна одна владѣла всею этою страною. Она и захватила его коней и не хотѣла ихъ отдать какъ только съ условіемъ, чтобы Геркулесъ женился на ней. Отъ Эхидны и Геркулеса родились три сына. Уходя изъ страны, Геркулесъ отдалъ Ехиднѣ лукъ со стрѣлами и поясъ и сказалъ: „Когда сыновья выростутъ, то дай имъ натянуть этотъ лукъ и опоясаться этимъ поясомъ вотъ такъ,— онъ показалъ, какъ это должно сдѣлать, именно по геркулесовски, по богатырски. Кто такъ сможетъ и съумѣетъ это сдѣлать, прибавилъ онъ, тому и отдай эту всю страну во владѣнье, а кто не сможетъ натянуть лука и по богатырски подпоясаться поясомъ, того изгони вонъ изъ этой страны".—Все такъ и было исполнено, какъ говорилъ Геркулесъ. Сильнымъ и могучимъ богатыремъ для этого подвига оказался младшій сынъ, именемъ Скиѳъ. Онъ и завладѣлъ землею. Отъ него произошли Скиѳы-цари, то есть Скиѳы царствующіе, владѣющіе страною. Другіе два брата назывались Агаѳирсъ и Гелонъ, именами которыхъ обозначаются два сильнѣйшихъ народа, сосѣднихъ Скиѳіи, Агаѳирсы на западѣ и Гелоны къ востоку. Ясно, что эта сказка вполнѣ живописуетъ бытъ кочевниковъ, бытъ наѣздниковъ, для которыхъ лукъ со стрѣлами былъ необходимымъ орудіемъ ихъ силы и богатырства. Самъ Геркулесъ представляется здѣсь пастухомъ, кочевникомъ, и въ полномъ нарядѣ такого же кочевника. Скиѳы поклонялись Геркулесу, конечно своему, а не греческому, какъ богу. Они показывали Геродоту при рѣкѣ Днѣстрѣ слѣдъ Геркулесовой ноги,

[1] По Юстину имя Геріона тоже объяснялось сказаніемъ о трехъ братьяхъ, поднявшихся на Геркулеса за расхищеніе ихъ скота. Кн. 44, гл. 4.

оттиснувшійся на камнѣ, похожій на слѣдъ человѣческій, но величиною въ два локтя.

„Есть еще преданіе, говоритъ Геродотъ, которому я больше всего вѣрю“. Это преданіе было уже не миѳъ, а сама исторія. Оно состояло въ томъ, что Скиѳы-пастыри, кочевники, жили нѣкогда въ Азіи, были вытѣснены оттуда, во время войны, другимъ народомъ и пришли сюда, въ землю Киммерійскую, ибо вся эта страна до нихъ принадлежала Киммеріянамъ и называлась Киммерійскою.

Изо всѣхъ этихъ разсказовъ объясняется одно, что Скиѳы-кочевники, обладавшіе въ то время страною, пришли въ нее послѣ всѣхъ, были по заселенію младшіе всѣмъ братья; что Скиѳы-земледѣльцы, напротивъ были братьями старшими, то есть заселили эти мѣста, гораздо раньше Скиѳовъ-пастырей. Затѣмъ преданія смѣшиваютъ нѣкоторыя обстоятельства, но очень наглядно объясняютъ, что въ странѣ другъ подлѣ друга существовали два народныхъ быта, двѣ исторіи; бытъ и преданія земледѣльческіе къ Западу, къ Дунаю, и бытъ и преданія кочевые, къ Дону, къ Каспійскому морю.

Достовѣрнѣйшее преданіе было таково, что прежде Скиѳовъ страною владѣли Киммеріяне, которыхъ зналъ еще Гомеръ. Во времена Гомера, говоритъ Страбонъ, или нѣсколько прежде, Киммеріяне совершали набѣги на всю страну отъ Воспора до Іоніи, часто дѣлали набѣги и на южные берега Чернаго моря, врываясь иногда къ Пафлагонцамъ или къ Фригійцамъ, но потомъ были изгнаны Скиѳами. Геродотъ сказываетъ, что въ его время въ Скиѳіи находились еще укрѣпленія Киммерійскія, переправы Киммерійскія, цѣлая страна Киммерія и Воспоръ-проливъ изъ Азовскаго въ Черное море тоже назывался Киммерійскимъ. Киммеріяне слѣдовательно оставили глубокую память о своемъ житьѣ-бытьѣ въ этой странѣ. Простирая свои набѣги на греческія побережья къ западу до Іоніи, какъ равно и по Черному морю, они естественно были отличные мореходцы. Вотъ какой глубокой древности принадлежатъ морскія предпріятія, гнѣздившіяся на нашихъ Черноморскихъ берегахъ и непремѣнно въ устьяхъ нашихъ большихъ рѣкъ, не исключая даже и далекаго Танаиса-Дона.

Когда на эту Киммерійскую землю напали Скиѳы-пастыри, то Киммеріяне, говоритъ Геродотъ, держали совѣтъ, что̀ дѣлать и какъ спасать себя? Мнѣнія ихъ раздѣлились на двѣ стороны. Народъ хотѣлъ удалиться изъ своей земли безъ битвы; цари желали битвы, желали лучше умереть, защищая свою землю, чѣмъ бѣжать вмѣстѣ съ народомъ. Споръ окончился междоусобіемъ, на которомъ цари и кто стоялъ на сторонѣ царей были всѣ побиты и погребены народомъ при рѣкѣ Днѣстрѣ, гдѣ и нынѣ видна ихъ могила, заключаетъ Геродотъ. Послѣ того народъ вышелъ изъ своей земли и Скиѳы нашли ее совсѣмъ пустою. Но Отецъ Исторіи дополняетъ, что Скиѳы погнались за Киммеріянами въ Азію и заблудились, преслѣдуя ихъ по восточной сторонѣ Кавказа, въ то время, какъ Киммеріяне бѣжали по западной, по берегу Чернаго моря. Они тогда заселили малоазійскій полуостровъ, гдѣ находится городъ Синопа.

Позднѣйшіе писатели, основываясь быть можетъ только на сходствѣ имени, говорятъ, что Киммеріяне подъ именемъ Кимвровъ переселились на Балтійское море, гдѣ Датскій полуостровъ въ древности именовался Кимврійскимъ, и гдѣ Кимвры занимали весь берегъ между Вислою и Эльбою и сосѣдніе острова.

Все это очень правдоподобно, по той причинѣ, что нашествіе Скиѳовъ на самомъ дѣлѣ могло сильно потревожить южное населеніе нашей равнины и очень могло повыдвинуть изъ его состава нѣкоторые роды и племена, не желавшіе покориться новымъ господамъ. Особенно такое покореніе бываётъ невыносимо для самихъ прежнихъ господъ, какими по видимому и были Киммеріяне. Ихъ цари всѣ погибли на мѣстѣ, а народъ разошелся по сторонамъ. О славныхъ Киммеріянахъ и Страбонъ замѣчаетъ (кн. 1, гл. 3), что можетъ быть это было какое либо одно изъ ихъ племенъ. Но какъ имя Скиѳовъ, такъ и прежде имя Киммеріянъ было общимъ географическимъ именемъ для всей нашей страны. Поэтому преданіе, что Скиѳы нашли страну пустою, должно объяснять только, что въ странѣ не оставалось уже ея владыкъ, которые безъ битвы уступили мѣсто другимъ. Остальное покорное населеніе въ этомъ случаѣ не шло въ расчетъ; это была такъ сказать сама страна, ея коренное Земство.

Что разсказываетъ о мѣстожительствѣ Кимвровъ Плутархъ (въ Маріи), все то очень приложимо къ древнѣйшему разселенію въ Европѣ Славянскихъ племенъ. Это былъ народъ, жившій на краю твердой земли, близъ сѣвернаго Океана, достигавшій своими жилищами Понтійской Скиѳіи, занимавшій земли лѣсистыя и мало освѣщаемыя солнцемъ, гдѣ дни бывали равны ночамъ. Хотя Кимвры, нападавшіе на Римлянъ, по частямъ имѣли разныя прозванія, но ихъ войско называлось общимъ именемъ Кельто-Скиѳовъ, стало быть оно состояло изъ этихъ двухъ племенъ. Скиѳы-Славяне жили въ перемежку съ Кельтами—Галлами (Влахами) только у Карпатскихъ горъ, откуда за одно хаживали и воевать, и гдѣ на сѣверъ къ Вислѣ нѣкоторые ученые указываютъ и первоначальное жительство Кимвровъ. Такимъ образомъ въ имени Кимвровъ, наравнѣ съ Германскими, могли скрываться и Славянскія племена. И потому переходъ Киммеріянъ отъ Чернаго на Балтійское море можетъ объяснять переходъ на тоже море и Славянскихъ племенъ, сидѣвшихъ въ послѣдствіи между Вислою и Эльбою и бокъ-о-бокъ съ Кимврійскимъ полуостровомъ. Если туда двинулись Киммеріяне-Германцы, то рука въ руку съ ними могли туда же перейдти и Славяне? Мы помнимъ одно, что появленіе въ исторіи новаго имени, какъ и изчезновеніе этого имени никакъ не можетъ указывать на появленіе и изчезновеніе особыхъ народностей и указываетъ только на перемѣну народныхъ именъ у писателей Исторіи.

Любопытно также и то обстоятельство, что борьба Киммеріянъ, владыкъ страны, съ подвластнымъ народомъ происходила въ окрестностяхъ Днѣстра, то есть въ мѣстности, которая искони была населена Славянами.

Съ особеннымъ вниманіемъ Геродотъ останавливается только на Скиѳахъ-кочевникахъ, главнѣйшемъ народѣ, который владѣлъ въ то время Югомъ нашей страны. Онъ говоритъ, что въ Черноморскихъ земляхъ онъ не знаетъ другаго народа, столько извѣстнаго своею мудростію.

Скиѳскій народъ, по его словамъ, изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ одно важнѣйшее придумалъ—мудренѣе всѣхъ народовъ, какія только были тогда извѣстны. Ничему другому я не

удивляюсь, прибавляетъ Геродотъ. Это важнѣйшее придумано у нихъ такъ, что никто, нападающій на нихъ, не можетъ отъ нихъ убѣжать, и если захотятъ, никто не можетъ поймать ихъ. У кого нѣтъ ни городовъ, ни крѣпостей, гдѣ каждый носитъ свой домъ съ собою, гдѣ всѣ суть конные стрѣлки, живутъ не отъ плуга, а отъ скота, и свои жилища перевозятъ на телѣгахъ,—какъ не быть тѣмъ людямъ непобѣдимыми и совсѣмъ неприступными? По понятіямъ Грека въ этомъ особенно и заключалась скиѳская мудрость, торжеству которой способствовало самое свойство скиѳской страны, ровной степи, обильной пажитями и водами. Число протекающихъ въ ней рѣкъ не многимъ меньше числа водопроводовъ въ Египтѣ, говоритъ далѣе Геродотъ. Во всей странѣ нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ ея обширности и величайшихъ рѣкъ и ихъ множества.

Скиѳы всѣхъ племенъ поклонялись главнымъ образомъ Вестѣ (Огню-созидателю), которая называлась у нихъ Табити. Затѣмъ Зевсу (Небу) и Землѣ, почитая Землю женою Зевса; потомъ Аполлону (Солнцу) и небесной Афродитѣ (Лунѣ), Ираклу и Арею (богу войны). Царствующіе Скиѳы приносили жертвы Посидаону (богу моря). Кумировъ, жертвенниковъ и храмовъ они не строили; а строили только одному Арею. У нихъ было великое множество волхвовъ, гадателей, предсказателей, которые гадали прутьями, связывая ихъ въ пучки и раскладывая на землѣ по одному; гадали также посредствомъ липовыхъ лыкъ: разодравъ лыки на три части, перепутывали ими пальцы и потомъ разрывая, произносили свои предсказанія. За то и доставалось волхвамъ, если ихъ гаданья не оправдывались; ихъ ставили на воловью повозку въ кучу хвороста, зажигали и пускали воловъ мыкаться съ пожаромъ по степи.

Жертвоприношеніе у всѣхъ совершалось одинакимъ образомъ. Жертва (волъ, корова) стоитъ со спутанными передними ногами. Приносящій жертву, стоя позади ея, потянувъ за конецъ веревки, опрокидывалъ ее, и какъ скоро она падала, взывалъ къ богу, которому жертвовалъ; потомъ накидывалъ на шею петлю, продѣвалъ въ петлю палку, которую перевертывая, удавлялъ животное; затѣмъ разрѣзалъ на части и принимался варить мясо въ котлѣ. Изъ свареннаго божеству приносили начатки мяса и утробы. Кро-

мѣ рогатаго скота приносили въ жертву и другихъ домашнихъ животныхъ и особенно лошадей. Но свиней вовсе не употребляютъ и не хотятъ, чтобы они водились въ ихъ странѣ, отмѣчаетъ Геродотъ.

Арею, богу войны, жертвовали иначе. Для этого въ каждой общинѣ устроивали изъ связокъ хвороста родъ кургана на 3 стадіи (около полверсты?) въ длину и ширину, въ вышину меньше, съ трехъ боковъ утесисто, а съ четвертаго дѣлали всходъ. Каждый годъ на ту же кучу сваливали 150 возовъ новаго хвороста, такъ какъ прежній осѣдалъ отъ непогодъ. На верхней четыреугольной площадкѣ этого кургана водружали старинный желѣзный мечь, который и означалъ кумиръ Арея. Этому мечу ежегодно приносили въ жертву скотъ и лошадей и гораздо больше, чѣмъ другимъ богамъ. Когда возьмутъ въ плѣнъ непріятелей, то отъ каждой сотни одного приносятъ также въ жертву: возливъ вино на головы людей, зарѣзываютъ ихъ надъ сосудомъ; потомъ несутъ кровь на курганъ и льютъ ее на мечь.

Скиѳы вообще были кровожадны. На войнѣ Скиѳъ пилъ кровь перваго убитаго имъ непріятеля. Головы убитыхъ всѣ относились къ царю, по той причинѣ, что принесшій голову врага, получалъ право участвовать въ добычѣ. Кто не приносилъ, тому ничего и не давали. При этомъ самая кожа съ головы почиталась знатнымъ украшеніемъ храбраго человѣка. Ее искусно снимали съ черепа, очищали отъ мяса, мяли въ рукахъ, и употребляли вмѣсто платка и украшенія, привѣшивая на уздѣ къ коню [1]. Тотъ почитался наихрабрѣйшимъ, у кого было много такихъ полотенецъ или платковъ. Многіе изъ человѣческихъ содранныхъ кожъ дѣлали себѣ верхнее платье, сшивая его на подобіе бурки. Многіе, содравъ кожу съ правыхъ рукъ убитыхъ враговъ вмѣстѣ съ ногтями, дѣлали изъ нихъ футляры для колчановъ. Человѣческая кожа, примѣчаетъ Геродотъ, и толста и глянцовита и почти всякую кожу превосходитъ бѣлизною, если съ бѣлаго человѣка. Многіе сдираютъ кожу и съ цѣ-

[1] Замѣчательно, что въ старинномъ русскомъ богатомъ конскомъ уборѣ существовалъ Наузъ, очень большая шелковая кисть, у которой ворворка-закрѣпка или узелъ покрывалась серебряною вызолоченною полусферической чашкою.

ныхъ людей и растянувъ ее на палкахъ, возятъ на лошадяхъ на показъ. Таковы обычаи Скиѳовъ. А съ головами своихъ знатнѣйшихъ или злѣйшихъ враговъ дѣлаютъ вотъ что: отпиливаютъ черепъ по самое переносье и вычистивши, устроиваютъ изъ него чашу; бѣдный хозяинъ обтягиваетъ эту чашу снаружи только воловьею кожею и такъ пьетъ изъ нея, вмѣсто стакана; а богатый кромѣ того внутри покрываетъ чашу золотомъ. Это дѣлаютъ Скиѳы и съ своими одноземцами, когда посорятся и по суду цареву одинъ отдается совсѣмъ во власть другаго [1]. Когда кто придетъ къ Скиѳу изъ иноземцовъ, котораго онъ особенно уважаетъ, то при угощеніи онъ наполняетъ эти чаши виномъ и разсказываетъ, что это были его соотечественники или сродники, которые осмѣлились вступить съ нимъ въ войну, что онъ побѣдилъ ихъ и теперь пьетъ изъ ихъ череповъ вино. Такъ превозносится Скиѳъ своимъ храбрымъ подвигомъ. Одинъ разъ въ годъ бывалъ у нихъ особый праздникъ, на которомъ жители каждой волости собирались пить вмѣстѣ; старшина волости растворялъ чашу вина и предлагалъ всѣмъ храбрѣйшимъ изъ народа, кто наиболѣе отличался въ битвахъ истребленіемъ враговъ. Кому не приходилось прославить себя такимъ подвигомъ, тотъ сидѣлъ на этомъ пиру храбрыхъ особо безъ всякой почести и вина ему не давали. Это было не малое безчестіе. Напротивъ, кто славился боевымъ дѣломъ и убилъ многихъ враговъ, тотъ пилъ даже изъ двухъ стакановъ, связанныхъ вмѣстѣ.

Братскіе договоры и союзы Скиѳы заключали такимъ образомъ: наливали вина въ большую глиняную чашу, пускали туда нѣсколько крови отъ обоихъ собесѣдниковъ, которые вступали въ союзъ, для чего прокалывали себѣ тѣло иглою или порѣзывали ножемъ; потомъ погружали въ чашу мечь, стрѣлы, сѣкиру и копье, съ произнесеніемъ заклятій, и затѣмъ выпивали вино вмѣстѣ съ достойнѣйшими изъ своей дружины.

Вино Скиѳы пили непомѣрно и притомъ одно, чистое, безъ примѣси воды, что у древнихъ грековъ почиталось от-

[1] Вотъ что въ древнѣйшее время означало извѣстное въ нашемъ Мѣстничествѣ уже символическое дѣйствіе—выдача головою.

чаянным варварствомъ. По мнѣнію Грековъ пить одно вино было свойственно только Скиѳамъ. Съ удивленіемъ они разсказывали о царѣ спартанскомъ Клеоменѣ, который не только много напивался, но въ добавокъ по развращенному скиѳскому обычаю, пилъ вино одно, безъ воды, и потому сошелъ съ ума [1].

Своихъ царей Скиѳы погребали съ особыми почестями и особымъ образомъ. Тѣло умершаго наполняли благовонными семенами и травами, обмазывали воскомъ, укладывали на колесницу и везли по степи, къ ближайшему подвластному народу, оттуда къ слѣдующему и такъ далѣе, пока съ этимъ торжественнымъ поѣздомъ не объѣзжали всѣхъ подвластныхъ племенъ. „Кто привезенное тѣло приметъ, дѣлаетъ то, что и царскіе Скиѳы: урѣзываютъ себѣ уха, остригаютъ волосы, порѣзываютъ кругомъ мышцы, царапаютъ лобъ и ноздри, и прокалываютъ лѣвую руку стрѣлами“. Каждое племя, встрѣтивъ останки царя, потомъ сопровождало его до мѣста погребенія. Народу такимъ образомъ накоплялось въ шествіи великое множество. Царское кладбище находилось въ странѣ Герры, какъ назывался и народъ, тамъ жившій, въ томъ мѣстѣ, до котораго можно было плыть по Днѣпру, надо полагать, что въ окрестностяхъ Днѣпровскихъ пороговъ. Здѣсь вырывали большую четыреугольную яму, а въ ней отдѣльныя пещеры, какъ бы особыя комнаты, изъ которыхъ въ одной погребали царя на катафалкѣ, водрузивъ по сторонамъ копья и устроивши на нихъ крышу изъ брусьевъ и ивовыхъ прутьевъ. Въ остальныхъ пещерахъ, сначала удушивъ, погребали одну изъ царскихъ

---

[1] «Сами Спартанцы увѣряютъ, говоритъ Геродотъ (VI, 84), что познакомясь со Скиѳами, Клеоменъ сдѣлался пьяницею и отъ того впалъ въ бѣшенство. Скиѳы вздумали отомстить Персидскому Дарію за походъ въ ихъ страну. Для этого они послали въ Спарту просить вспоможенія и условились такъ, чтобы сами Скиѳы у рѣки Фазиса старались вторгнуться въ Мидію, а Спартанцы, отправясь изъ Ефеса, пошли бы въ верхнюю Азію и наконецъ сошлись бы въ одномъ мѣстѣ. Когда шли эти переговоры съ Скиѳскими послами, Клеоменъ обращался съ ними больше, чѣмъ слѣдовало, и научился отъ нихъ пьянствовать, отчего и сошелъ съ ума. Съ того времени, если кто хотѣлъ напиться попьянѣе, употреблялъ выраженіе: Налей по Скиѳски».

женъ, виночерпія, повара, конюшаго, письмоводца, вѣстоносца и царскихъ коней, вмѣстѣ съ золотыми чашами и со всякими драгоцѣнностями изъ одежды и домашняго обихода, большею частію тоже золотыми, потому что серебра и мѣди Скиѳы употребляли мало. Совершивъ похороны, всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ, засыпали могилу землею, стараясь сдѣлать насыпь какъ можно выше и сооружали такимъ образомъ иногда огромнѣйшій курганъ, сажень въ 10 вышиною по отвѣсу и шаговъ около 500 по окружности [1]. Черезъ годъ справлялись поминки, причемъ погибало еще 50 человѣкъ, самыхъ наилучшихъ служителей умершаго царя, и 50 наилучшихъ коней. Ихъ убивали и мертвыхъ всадниковъ на мертвыхъ лошадяхъ ставили на столбахъ и кольяхъ вокругъ кургана.

Простыхъ скиѳовъ-покойниковъ точно также родственники возили на повозкахъ къ ихъ друзьямъ, которые по обычаю угощали провожатыхъ богатымъ пиромъ, предлагая угощенье и покойнику. Такіе погребальные объѣзды продолжались 40 дней и затѣмъ совершалось погребенье.

Похоронивъ покойника, Скиѳы имѣли обыкновеніе очищаться, для чего устроивали себѣ баню, въ видѣ шатра изъ трехъ жердей, вверху соединенныхъ и обвѣшенныхъ войлоками очень плотно. Посрединѣ этого намета ставилась кадка съ водою, которую нагрѣвали, бросая въ нее раскаленное на огнѣ каменье. Для духу они бросали на раскаленное каменье конопляное сѣмя и восхищаясь этимъ паромъ, подымали крикъ. Женщины стружили себѣ острымъ камнемъ кипарисное, кедровое и ливанное дерево, разводили эту смѣсь водою и этимъ густымъ составомъ обмазывали себѣ лице и все тѣло. Оттого онѣ получали пріятный запахъ, и обобравъ на другой день съ себя эту обмазку, дѣлались чистыми и глянцовитыми.

Изъ другихъ скиѳскихъ обычаевъ, надо упомянуть, что если царь кого казнилъ, то не оставлялъ въ живыхъ и дѣтей казненнаго, именно сыновей; они тоже погибали, но дочери оставлялись. Это показываетъ, что съ виноватымъ погибалъ и весь его родъ, и что женское племя не почиталось важнымъ.

---

[1] См. Разслѣдованіе Скиѳскихъ Кургановъ въ Приложеніяхъ № IV.

Геродотъ говоритъ также, что Скиѳы вообще питали сильное отвращеніе отъ иноземныхъ обычаевъ; что каждый ихъ народъ ничего въ обычаяхъ не заимствовалъ одинъ отъ другаго, а тѣмъ болѣе отъ Грековъ. Жили они, стало быть, каждый розно и берегли крѣпко каждый свой порядокъ жизни. Какъ сюда подходятъ слова нашего перваго лѣтописца: „живяху каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще (управляясь) каждый родомъ своимъ. Имяху обычаи свои, законъ отецъ своихъ и преданья, каждый свой нравъ". У Грековъ однакожъ ходило преданіе объ одномъ Скиѳѣ Анахарсисѣ, славномъ своею ученостью и мудростью, который любилъ иноземные и именно эллинскіе обычаи. Этому Анахарсису приписывали изобрѣтеніе горшечнаго станка. Разсказываютъ, что онъ много путешествовалъ, долго жилъ въ Элладѣ и возвратившись на родину, погибъ за иностранныя установленія и эллинскіе обычаи.

Вотъ что разсказывали и что знали о нашей странѣ образованные Греки за 450 лѣтъ до Р. X.

Очень жаль, что вниманіе Отца Исторіи больше всего привлекали Скиѳы владѣющіе, Скиѳы-цари или настоящіе Скиѳы, какъ онъ обозначаетъ ихъ, разсуждая о числѣ всего Скиѳскаго народа. О земледѣльцахъ онъ говоритъ мало, по той конечно причинѣ, что въ ихъ быту ничего не было замѣчательнаго для любопытнаго Грека. Жили они просто, какъ и всѣ земледѣльцы, а потому и ихъ варварство не представляло въ себѣ ничего грознаго, самобытнаго, царственнаго и могущественнаго, какъ у Скиѳовъ воиновъ. Притомъ, земледѣльцы были рабы, то есть подвластные Скиѳамъ-царямъ, и конечно не заслуживали равнаго вниманія. Вѣроятно по этой же причинѣ Геродотъ не слишкомъ отличаетъ ихъ отъ Скиѳовъ-кочевниковъ и чертитъ въ одной картинѣ бытъ весьма различныхъ народностей, хотя и отмѣчаетъ мѣстами, что Скиѳскія племена различны и живутъ каждый по своему. По имени владѣтелей онъ назвалъ Скиѳами и всѣ другія племена, которыя были подвластны Скиѳамъ. Онъ описывалъ, такъ сказать, Скиѳскую державу и смотрѣлъ на подданныхъ этой державы безразлично, какъ на одинъ Скиѳскій народъ, какимъ на самомъ дѣлѣ были только настоящіе Скиѳы. Оттого Скиѳовъ земледѣльцевъ онъ совсѣмъ отдѣлилъ отъ Невровъ, а тѣ и дру-

тіе несомнѣнно были единоплеменники и несомнѣнно были Славяне.

Если въ Геродотовскихъ именахъ рѣкъ существуютъ Славянскіе звуки [1], то почему же не заключить, что въ числѣ Геродотовскихъ народовъ существовали самые Славяне, именно ихъ восточная вѣтвь, русскіе Славяне.

Французскіе писатели, напр. Мальтъ-Брюнъ, въ этомъ не сомнѣваются, но нѣмецкіе писатели, напр. Риттеръ, населяютъ не только южные, но (Вирховъ) и средніе края нашей страны нѣмцами, между прочимъ по той причинѣ, что на устьѣ Дона существовалъ будто бы сказочный городъ Азгардъ, а у подножія сѣвернаго Кавказа на Кубани существовалъ народъ Шапсухи, который въ древности у Грековъ прозывался Аспургами, отчего появилась мечта о Скандинавскихъ Азахъ, будто бы обитавшихъ нѣкогда въ этихъ самыхъ мѣстахъ. Такъ далеко, за тридевять земель, была отыскана германская прародина. Тѣмъ больше основаній имѣютъ Русскіе Славяне отыскивать свою прародину въ собственной своей землѣ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ и теперь живутъ.

По Геродоту эта Славянская прародина обнимала приморскія земли отъ нижняго Дуная-Истра и до Днѣпра. Рѣка Истръ, носящая Славянское имя и упоминаемая еще Гезіодомъ, современникомъ Гомера, протекала черезъ Скиѳію. Отъ Истра и до Перекопскаго залива въ Черномъ морѣ, гдѣ существовалъ городъ Каркинитъ, т. е. включительно до Днѣпровскаго Лимана простиралась древняя Скиѳія, говоритъ Отецъ Исторіи. А нашъ первый лѣтописецъ какъ будто читалъ эту строку Геродота. Перечисляя Славянскія племена, обитавшія по Бугу, по Днѣстру и дальше къ Дунаю, онъ говоритъ: „Дулѣби живяху по Бугу... а Улучи (Алазоны), Тиверцы (Тирагеты), сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру,

[1] Таковы: Ворисѳенъ — Березина-Днѣпръ, Истръ — Дунай, Пората-Прутъ. Самый Тирасъ, Днѣстръ, по всему вѣроятію огреченъ изъ Стрый, какъ именуется весьма значительный верхній притокъ Днѣстра, и какъ въ древности несомнѣнно прозывался Днѣстръ, ибо первая половина его имени, Дон, Дн, появилась уже въ средніе вѣка и въ формѣ Dana-ster прямо обозначила первоначальный корень древнѣйшаго имени.

по Бугу и по Днѣпру, оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь". Великая, по русски значитъ Старшая, Древняя. Вся эта страна, по разсказу Геродота, принадлежала Скиѳамъ земледѣльцамъ, слѣдов. Древняя Скиѳія была страна по преимуществу земледѣльческая, чѣмъ и отличалась отъ настоящей, Кочевой Скиѳіи, простиравшейся въ южныхъ степяхъ между Днѣпромъ и Дономъ. Но мы видѣли, что древніе Скиѳы, то есть Скиѳы-земледѣльцы обитали уже и на восточной сторонѣ Днѣпра, отъ Лѣсной земли или отъ Олешья къ востоку на три дня пути, и вверхъ къ сѣверу отъ рѣки Конки на 11 дней плаванія по Днѣпру, то есть вплоть до Кіевской области. Одиннадцать дней плаванія мы также не можемъ принимать за крайній предѣлъ жилища этихъ земледѣльцевъ. Несомнѣнно, что этимъ разстояніемъ обозначался лишь извѣстный пунктъ, гдѣ плаваніе останавливалось. Если плыть вверхъ по Днѣпру отъ Конки черезъ пороги, то такимъ пунктомъ явится Кременчугъ, или Крыловъ; если плыть отъ Пороговъ, т. е. отъ Екатеринослава, то такимъ пунктомъ будетъ устье Роси или городъ Каневъ. Но Геродотъ свидѣтельствуетъ еще, что Скиѳы земледѣльцы, живя на 11 дней плаванія по Днѣпру, или отъ Конки, или отъ Пороговъ, жили съ своей стороны на 10 дней плаванія отъ пустыни, что приходятся къ устью Сожа, если не къ устью Березины.

Все это можетъ указывать только на одно, что Земледѣльцы жили по обѣимъ сторонамъ Днѣпра къ сѣверу по крайней мѣрѣ до Кіева. О верхней странѣ Геродотъ ничего не слыхалъ и зналъ только, что въ самомъ верху за пустынею живутъ людоѣды. Онъ и объ Неврахъ не говоритъ ни слова, что они были такіе же земледѣльцы, но не говоритъ и того, что они были кочевники, какъ онъ засвидѣтельствовалъ это объ ихъ сосѣдахъ Будинахъ.

Уже одно дорогое свидѣтельство Отца Исторіи, что Скиѳы-земледѣльцы, жившіе выше пороговъ, сѣяли хлѣбъ не для снѣди, но на продажу, вполнѣ можетъ утверждать, что весь Кіевскій край и въ это отдаленное время усердно занимался хлѣбопашествомъ. Здѣсь-то потомъ и выростаетъ корень нашей Руси, первоначальный корень русской жизни со всѣми ея историческими идеалами и стремленіями.

Рѣчная долина Роси вполнѣ и уже несомнѣнно доказываетъ вещественными памятниками, что ея обитатели въ Геродотово время жили въ близкихъ сношеніяхъ съ главнѣйшимъ Греческимъ торжищемъ нашего Черноморскаго берега, съ Ольвіею. Въ Каневскомъ, Таращанскомъ и Сквирскомъ уѣздахъ Кіевской губ., гдѣ именно протекаетъ Рось, а отчасти и южнѣе, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ могильныхъ курганахъ постоянно были находимы различные предметы греческаго художества, не византійской, а болѣе древней, античной эпохи, прямо указывающіе на сношенія здѣшнихъ мѣстъ съ античнымъ міромъ.

Это вопервыхъ глиняные сосуды, простыя амфоры, небольшіе амфорные же кувшинчики, покрытые черною поливою съ красными травами, одна росписная подобнымъ же образомъ чаша съ миѳологическими изображеніями. Потомъ трехгубый бронзовый кувшинъ высокой работы, а что всего важнѣе—бронзовый шлемъ и такіе же наголенники изящнаго античнаго рисунка. Въ одномъ изъ кургановъ найдена золотая бляшка съ извѣстнымъ Ольвійскимъ изображеніемъ птицы, хватающей рыбу, не оставляющая ни малѣйшаго сомнѣнія, откуда она попала въ эти мѣста [1].

Все это, открываемое только случаемъ или исканіемъ кладовъ, развертываетъ передъ нами совсѣмъ невѣдомую страницу нашей исторіи, безъ начала и безъ конца, но по содержанію въ высшей степени любопытную. Достовѣрнымъ оказывается только одно, что это памятники той древности, когда процвѣтала Ольвія и обитали здѣсь Скиѳы-пахари, описанные Геродотомъ.

Предположимъ, что курганы съ этими греческими памятниками принадлежали однимъ жившимъ здѣсь Грекамъ. И въ такомъ случаѣ мы должны заключить, что Кіевское мѣсто было очень важнымъ пунктомъ для торговыхъ оборотовъ и связей Ольвіи. Несомнѣнно, однако, что эти примѣчательныя могилы принадлежатъ туземцамъ.

Почему же именно въ этой сторонѣ, на этихъ Кіевскихъ мѣстахъ скопилось населеніе, которое повидимому имѣло

---

[1] Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, И. Фундуклея. Кіевъ 1848. Указатель выставки 3-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. К. 1874.

большіе достатки, покупало у Грековъ не только изящную посуду, глиняную и бронзовую, какъ и другіе предметы домашняго обихода, но покупало даже прекрасные бронзовые шлемы и латы для защиты ногъ и слѣдоват. вооружалось по гречески. На это отвѣтомъ служитъ сама Кіевская мѣстность, представляющая узелъ, въ который къ Днѣпру соединяются его западные и восточные главные притоки, Принеть, Березина, Сожъ, Десна, а къ югу, въ Черное море идетъ большая дорога—Днѣпръ.

Мы говорили, что земледѣльческую Скиѳію Геродотъ именуетъ древнею Скиѳіею. Онъ же говоритъ, что отъ старшаго брата Скиѳскихъ родоначальниковъ произошли Скиѳы, называемые Авхатами, что по гречески значитъ Славные. Греки, по замѣчанію нашего достойнаго переводчика Геродотовой Исторіи, Мартынова, любили переводить названія народовъ на свой языкъ, а потому Авхаты не есть ли переведенное имя Славянъ? Быть можетъ! И тѣмъ болѣе, что общее имя всѣхъ Скиѳовъ по прозванію царя, Сколоты, какъ оно обыкновенно искажалось въ греческихъ устахъ: Склавы, Сѳлавы, Асѳлавы, Ставаны, или у арабовъ Саклабъ, Сиклабъ, Сакалибъ, Секалибъ, очень напоминаетъ настоящее имя Славянъ, Слоуты [1]. Имя царя Сколотъ (по Юстину Сколопитъ, 1, IV), могло звучать по славянски Слоутъ, Словутъ, Славъ, Славнъ. Не даромъ Днѣпръ прозывался Словутичемъ, сыномъ Словута. Покрайней мѣрѣ въ этихъ догадкахъ находится столько же правдоподобія, сколько и въ толкованіи Шафарикомъ имени Прокопіевыхъ Споровъ, что оно отречено изъ имени Сербовъ, между тѣмъ какъ (по Гедеонову) вѣроятнѣе, что оно переводъ славянскаго слова разсѣянные, живущіе розно, врозь и представляетъ въ сущности этимологическое толкованіе древняго Русскаго кіевскаго имени Рось-Розь.

Какъ бы ни было, но достовѣрно одно, что на Кіевскомъ Днѣпрѣ жили хлѣбопашцы, сѣявшіе хлѣбъ для продажи, и что если они торговали хлѣбомъ на югъ, передавая его Грекамъ, то несомнѣнно, что торговали имъ и на сѣверъ, промѣнивая его на янтарь или на пушной товаръ. Описанный Геродотомъ торговый путь къ Уралу шелъ тоже отъ

[1] Слоутъ—село вблизи Глухова Черниговской губерніи.

Днѣпра къ городу Гелону. Несомнѣнно и этотъ путь захватывалъ съ собою торговлю Скиѳовъ земледѣльцевъ. Геродотъ прямо говоритъ, что Скиѳы ходили къ Уралу и Алтаю и употребляли для этого семь переводчиковъ для семи языковъ, на которыхъ говорили народы, обитавшіе на пути.

Геродотъ ничего не сказываетъ о движеніи этой торговли къ Каспійскому морю и за море въ закавказскія страны, въ древнюю Мидію и Персію; но онъ лучше всѣхъ даже и послѣдующихъ древнихъ географовъ зналъ положеніе Каспійскаго моря и оставилъ очень вѣрное измѣреніе его вдоль и поперекъ. Это показываетъ, что во времена Геродота плаваніе по Каспійскому морю было хорошо извѣстно каждому Греку. Нельзя также сомнѣваться, что еще лучше оно было извѣстно обитателямъ обширнаго, хотя и деревяннаго города Гелона, который повидимому для своей окрестной страны былъ торговымъ средоточіемъ между западомъ и востокомъ отъ Днѣпра до Алтая и между сѣверомъ и югомъ отъ нижегородской Волги до Закавказья и Персіи.

Если такъ было, то и Скиѳамъ очень хорошо были извѣстны богатства южныхъ прикаспійскихъ странъ.

Еще около 633 г. до Р. Х. они ворвались чрезъ Каспійскія (Дербентскія) ворота Кавказа въ Мидію. Геродотъ разсказываетъ, что они вторгнулись въ Азію, изгоняя изъ Европы Киммеріянъ. Но вѣроятнѣе, этотъ набѣгъ имѣлъ простую и прямую цѣль ограбить богатую Мидію, такъ какъ въ это время ея царь Кіаксаръ занятъ былъ осадою далекой Ассирійской Ниневіи. Скиѳы распространили свой набѣгъ до Египта и владѣли всею тамошнею страною, всею Азіею, какъ говоритъ Геродотъ, 28 лѣтъ, когда наконецъ были изгнаны возставшими Мидянами. Этотъ походъ весьма примѣчателенъ въ исторіи нашей страны тѣмъ, что онъ былъ первымъ изъ длиннаго ряда такихъ же походовъ, поднимавшихъ время отъ времени отважное населеніе Дона и Днѣпра для тѣхъ же цѣлей грабительсной войны. Несомнѣнно однако, что знакомство съ этою далекою страною, и главное, знакомство съ извѣстнымъ положеніемъ ея дѣлъ, когда въ набѣгѣ можно было разчитывать на вѣрную удачу, какъ и всѣ другія надобныя свѣдѣнія, приходили къ варварамъ всегда путемъ торговыхъ сношеній, и каждый походъ непремѣнно созрѣвалъ прежде

всего въ тогдашнихъ торговыхъ пунктахъ нашей страны, на устьяхъ Дона или Волги, если не на самомъ Днѣпрѣ.

Древніе писатели, (Ктезій, современникъ Геродота), свидѣтельствуютъ также, что въ тѣже отдаленныя времена Скиѳы, какъ бы по завѣщанію Киммеріянъ, частыми набѣгами страшно опустошали и сѣверное побережье Малой Азіи, т. е. Бѣлую Сирію или Каппадокію (Трапезунтъ) и другія близлежащія страны между Кавказомъ и Константинопольскимъ проливомъ. Какъ они туда попадали, на корабляхъ или пѣшимъ путемъ, неизвѣстно. Но говорятъ, что по поводу этихъ набѣговъ поднялся на нихъ и Персидскій Дарій около 513 г. до Р. Х. Если это было такъ, то Скиѳы ходили по слѣдамъ Киммеріянъ, которые еще во времена Гомера или даже и раньше, изъ своего Киммерійскаго Воспора совершали набѣги на всю страну отъ этого Воспора до Іоніи. Геродотъ однако разсказываетъ, что Дарій желалъ отомстить Скиѳамъ за Мидійское владычество.

Дарій шелъ на Скиѳію черезъ Константинопольскій проливъ и черезъ Дунай, на которыхъ устроилъ даже мосты, Онъ велъ съ собою 700 тысячь войска; всѣ подвластные ему народы участвовали въ этомъ походѣ. Скиѳы побоялись встрѣтить такую силу съ однимъ своимъ народомъ и разослали пословъ ко всѣмъ сосѣдямъ, требуя помощи. Любопытно, что эту помощь единодушно предложили только Гелонъ, Вудинъ и Савроматъ, т. е. обитатели прикаспійской стороны и въ главѣ всѣхъ Гелонъ. Остальные, сѣверные и западные сосѣди отказались отъ всякаго участья въ войнѣ, говоря, что если Скиѳы обидѣли Персовъ, то пусть и отвѣчаютъ за это, и что Персъ, конечно, идетъ наказать только тѣхъ, кто самъ нанесъ ему обиды.

По описанію Геродота Дарій погналъ за Скиѳами именно по тому пути къ Уралу, по которому двигалась тогдашняя Черноморская торговля. Онъ перешелъ за Донъ страною Савроматовъ и попалъ въ страну Вудиновъ. Здѣсь онъ сжегъ деревянный городъ Гелонъ. Затѣмъ онъ поставилъ свои лагери на рѣкѣ Оарѣ, на Волгѣ, и соорудилъ восемь большихъ крѣпостей въ разстояніи одна отъ другой около 10 верстъ. Развалины этихъ крѣпостей оставались еще и въ мое время, говоритъ Геродотъ. Недостроивъ крѣпостей, Дарій поворотилъ назадъ, все въ погоню за Скиѳами.

Отецъ Исторіи разсказываетъ, что Скиѳы, гонимые Персами, нарочно направили свой путь по тѣмъ землямъ, которыя отказали имъ въ помощи и сначала вторгнулись къ Чернымъ Кафтанамъ. Приведя ихъ въ смятеніе, бросились въ области Людоѣдовъ, потомъ убѣжали въ Невриду и наконецъ явились у Агаѳирсовъ, у верхняго Днѣстра. Послѣдніе остановили движеніе Скиѳовъ, сказавши, что безъ боя не пустятъ ихъ въ свою землю. Скиѳы черезъ Невриду воротились домой и успѣли еще предупредить Персовъ. Во время этого нашествія Скиѳовъ и Персовъ, Черные Кафтаны, Людоѣды и Невры въ смятеніи безпрестанно бѣжали въ степь все къ Сѣверу, говоритъ Геродотъ. Вотъ въ какую пору случилось передвиженіе населенія нашей равнины дальше на сѣверъ.

Насколько преувеличено это сказаніе Геродота о круговомъ походѣ Дарія по всей нашей южной странѣ, судить трудно. Дарій, устроивая мостъ на Дунаѣ предполагалъ совершить походъ въ 60 дней, но онъ опоздалъ, какъ пишетъ и Геродотъ, а сколько опоздалъ, неизвѣстно. Поэтому нельзя ограничивать этотъ походъ только 60 днями, тѣмъ болѣе, что самъ же Геродотъ свидѣтельствуетъ, что въ преслѣдованіи Скиѳовъ Персами прошло много времени и не видно было конца оному. Дѣло возможное, что Дарій по извѣстной торговой дорогѣ доходилъ до самой Волги между Царицынымъ и Саратовымъ, гдѣ и сжегъ городъ Гелонъ. По той же дорогѣ онъ и воротился. Обратный обходъ по сѣверу Скиѳіи, по широтѣ Саратова, Воронежа, Курска, Кіева и Волыни, невозможный и ненадобный для всей арміи, могъ быть возможенъ и даже необходимъ для легкихъ отрядовъ съ цѣлью добыть продовольствіе. Къ тому же еще въ самомъ началѣ войны Скиѳы для безопасности угнали къ сѣверу свои стада и свои повозки съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ, что конечно Персамъ подавало поводъ забираться и на сѣверъ. Не говоримъ о томъ, что подобные далекіе и великіе походы вообще составляли славу тогдашнихъ владыкъ земли и предпринимались ими охотно для распространенія той же славы.

Геродотъ разсказываетъ, что еще Сезострисъ египетскій (1485 г. до Р. Х.) тѣмъ же порядкомъ, перейдя изъ Азіи въ Европу, покорилъ Скиѳовъ и Ѳракійцевъ и на возврат-

немъ пути останавливался даже на р. Фазисѣ-Ріонѣ, слѣд. проходилъ мимо Кавказа. На память о своемъ походѣ Сезострисъ ставилъ каменные столпы съ собственнымъ изображеніемъ, и съ надписаніемъ своего имени и имени покореннаго народа. Геродотъ свидѣтельствуетъ, что такіе столбы въ его время были видны во Ѳракіи и въ Скиѳіи. Вотъ почему, когда Дарій Персидскій, бывши въ Египетскомъ Мемфисѣ, захотѣлъ было предъ храмомъ Ифеста, гдѣ стоялъ кумиръ Сезостриса, поставить и свой кумиръ, то жрецъ отказалъ ему въ этомъ, сказавши, что слава Сезостриса выше славы Дарія, и ставить памятникъ Дарію не слѣдуетъ, „ибо Сезострисъ не меньше завоевалъ народовъ, какъ и онъ Дарій, а сверхъ того покорилъ и Скиѳовъ, которыхъ Дарій покорить не могъ".

Дѣйствительно главнѣйшее достоинство Скиѳовъ заключалось въ томъ, что ихъ покорить было невозможно, не оставшись совсѣмъ на жительство въ ихъ землѣ. Въ виду войскъ Дарія, на одинъ день впередъ, они бѣжали все дальше. Выведенный изъ терпѣнія, Персидскій владыка послалъ къ Скиѳскому царю гонца съ такими словами: „Несчастный! Для чего ты безпрестанно бѣжишь, когда можешь избрать одно изъ двухъ: Если ты силенъ, перестань бродить, остановись и сразись со мною; если сознаешь, что ты слабъ передо мною, то все-таки перестань бѣгать, принеси въ даръ своему владыкѣ свои земли и воды и вступи въ переговоры".

„Никогда не бѣжалъ я со страху ни отъ кого, ни прежде, ни теперь отъ тебя, отвѣчалъ Дарію царь Скиѳовъ. Ничего небывалаго я не дѣлаю и нынѣ. Я по своему обыкновенію кочую. Остановиться мнѣ негдѣ. У насъ нѣтъ ни городовъ, ни воздѣланной земли и защищать намъ нечего, а потому и сойтиться съ вами на битву нѣтъ случая и причины. Если же непремѣнно хочешь битвы, то у насъ есть отцовскія могилы: отыщите ихъ и отважтесь ихъ потревожить, тогда узнаете, будемъ ли мы готовы на битву, или нѣтъ. А что ты назвалъ себя моимъ владыкою, то да будетъ тебѣ вѣдомо, что я знаю только одного владыку, Зевеса, моего прародителя, и Весту—царицу Скиѳовъ. За дерзкія твои слова ты заплатишь слезами". „Услышавъ имя рабства цари Скиѳскіе исполнились гнѣва". Съ этого времени они стали

употреблять всѣ мѣры, чтобы вредить Персамъ, сколько возможно. Преслѣдовали ихъ частыми набѣгами, не давая отдыха, и по ночамъ, и во время обѣденныхъ приваловъ. Скиѳская конница безпрестанно обращала въ бѣгство конницу персидскую. Скиѳы боялись только пѣхоты и тотчасъ отступали, когда съ нею встрѣчались. Еще не малую помѣху Скиѳамъ дѣлали ослы и мулы, которые въ Скиѳіи не водились, и потому крикъ ословъ и видъ муловъ наводилъ на скиѳскихъ лошадей такой страхъ, что они повертывали назадъ и бѣжали прочь, навостривъ только уши.

Намѣреніе Скиѳовъ было такое, чтобы истребить все войско Дарія въ Скиѳской же землѣ. Съ этою цѣлью они вели переговоры съ Іонійскими греками, которые охраняли мостъ черезъ Дунай, и условились съ ними, что мостъ будетъ разведенъ. Еще въ началѣ похода Скиѳы засыпали колодцы и родники, истребляя траву и все, что ни производила земля, по всѣмъ путямъ, которыми слѣдовало идти Персамъ; но теперь желая ихъ удержать въ странѣ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе всѣхъ погубить, нарочно подгоняли имъ стада для захвата на прокормленіе.

Дарій однако скоро понялъ въ чемъ дѣло и спѣшилъ поскорѣе выбраться изъ дикой страны.

На совѣтѣ Іонянъ, какъ лучше поступить, сохранить, или раззорить Дунайскій мостъ; Скиѳовъ послушаться и освободить Іонію, или остаться по прежнему въ рабствѣ,—одинъ только голосъ былъ за свободу, это голосъ Аѳинянина Мильтіада. Всѣ прочіе властители Грековъ и во главѣ ихъ Милетцы разсудили лучше сохранить за собою царскія милости, а стало быть и свою власть надъ народомъ и подали голосъ сохранить мостъ, чѣмъ и спасли позорное бѣгство Дарія; съ той поры Скиѳы всегда смѣялись надъ Іонянами, какъ надъ презрѣнными и развращенными рабами, которые не только не умѣютъ, да и не хотятъ избавиться отъ своихъ господъ.

Итакъ соединенныя силы двухъ великихъ народностей древности, Персовъ и Грековъ, не могли побѣдить Скиѳовъ-кочевниковъ. Съ того времени наша Скиѳія пріобрѣла еще бо́льшую славу и самый походъ Дарія тѣмъ особенно замѣчателенъ, что раскрываетъ ея значеніе во всемірно-историческихъ отношеніяхъ древнихъ народностей.

Если въ Египтѣ Сезострисъ почитался величимъ предъ всѣми, потому что побѣдилъ и Скиѳовъ, то понятно какою славою вообще пользовалось скиѳское имя. Самые славные люди древности, начиная съ Сезостриса, не разъ прославляли Скиѳовъ именно своими походами въ ихъ землю.

Со Скиѳами-Гетами, обитателями Гетской пустыни или Древней придунайской Скиѳіи воевалъ у Чернаго моря около 340 года до Р. Х. и Филиппъ Македонскій, ходившій туда вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ, который еще не былъ тогда Великимъ. Тогда владыкою этихъ Скиѳовъ былъ Атей[1]. Тѣснимый другими Скиѳами, обитателями Дона, онъ просилъ у Филиппа защиты и за это обѣщалъ, послѣ своей смерти, отдать ему свою страну въ наслѣдство. Когда опасность миновалась, онъ отказался отъ своего слова. За это самое Филиппъ и пошелъ на него войною и конечно остался побѣдителемъ. Македоняне оцолонились превеликими табунами лошадей, рогатаго скота, множествомъ женщинъ и малолѣтныхъ дѣтей—другаго взять въ этой странѣ было нечего.

Потомъ около 335 г. самъ Александръ Великій снова ходилъ за Дунай на тѣхъ же Гетовъ. Они встрѣтили его съ 4000 конницы и 10000 пѣхоты, засѣли было въ ближайшемъ городѣ, но скоро ушли и оттуда, такъ что безъ битвы Александръ овладѣлъ городомъ и сжегъ его. Въ этомъ и состояла его побѣда, въ память которой онъ соорудилъ на Дунаѣ капища Юпитеру, Геркулесу и самому Дунаю, что благополучно допустилъ переправиться. Судя по числу пѣхотинцевъ, эти Скиѳы были народъ земледѣльческій. Дальнѣйшія свѣдѣнія о количествѣ скиѳскаго войска тоже указываютъ, что главною ихъ силою всегда бывала пѣхота.

Это свѣдѣніе очень важно въ томъ отношеніи, что кочевники, если и были господствующимъ народомъ, то вѣроятно жили въ большихъ ладахъ съ земледѣльцами и быть можетъ всегда сообща предпринимали свои военные походы. Такъ и самъ Геродотъ проговаривается, что во время войны съ Даріемъ у Скиѳовъ была и пѣхота.

Словомъ сказать въ имени Скиѳовъ необходимо различать двѣ народности, какъ показалъ и Геродотъ, кочевую и зем-

[1] На Днѣстрѣ повыше Бендеръ есть мѣсто и рѣка Тея.

ледѣльческую. Первая занимала южную область Дона, вторая Древнюю Скиѳію отъ Дуная до Днѣпра. Въ Александрово время народъ Древней Скиѳіи сталъ прозываться уже Гетами, а послѣ и вся эта страна именовалась Гетскою пустынею. Ее обыкновенно ограничиваютъ Днѣстромъ, основываясь на показаніи Страбона, а Страбонъ между тѣмъ говоритъ только, что Гетская пустыня простиралась отъ Чернаго моря за Дунаемъ по направленію къ Днѣстру, стало быть могла простираться и дальше Днѣстра. Въ 293 г. до Р. Х. въ этой пустынѣ Скиѳы захватили живьемъ Македонскаго царя Лизимаха со всѣмъ его войскомъ. Въ послѣдствіи эта пустыня является страшною силою, сначала для Римлянъ, потомъ для Византійцевъ, для всего Черноморскаго побережья Малой Азіи и даже для самой Эллады или собственной Греціи.

Бѣдняки, здѣсь жившіе, которыхъ нельзя было отыскать въ ихъ землѣ, а отыскавши, нечего у нихъ было взять, кромѣ скота, женщинъ и дѣтей, эти бѣдняки въ теченіи двухъ или трехъ тысячелѣтій начиная отъ Киммеріянъ и Геродотовыхъ Скиѳовъ, и оканчивая Запорожцами и Донцами, время отъ времени, наводили ужасъ на всѣ богатыя, плодоносныя и просвѣщенныя страны отъ южнаго Каспія и до Средиземнаго моря. Они еще до Геродота проложили свои варварскія дороги и въ богатую Мидію, и въ богатую Сирію (Трапезонтъ), и къ Фракійскому Воспору въ Византію, не говоря о всей странѣ Балканскаго полуострова. Они пускались въ свои походы не только на коняхъ, но также и въ лодкахъ; случалось, что ходили и пѣшими. Имъ очень препятствовали и надолгое время останавливали ихъ варварское движеніе только сильные кочевники, отнимавшіе у нихъ устья родныхъ рѣкъ, или сильныя государства, которыя основывались на Крымскомъ полуостровѣ и особенно на Киммерійскомъ проливѣ, какимъ въ свое время было, напр., знаменитое Воспорское Царство. Какъ скоро власть въ этихъ мѣстахъ ослабѣвала, тотчасъ открывалась и дорога на всѣ стороны и исторія заносила на свои страницы разсказы объ ужасахъ, которыми сопровождались нашествія Скиѳовъ, Готовъ, Гунновъ, Руссовъ и т. п. варваровъ. Такъ называемыя Меотійскія болота, т. е. все морское внутреннее пространство отъ Днѣпровскаго Лимана и до устья Дона

сдѣлалось притчею во языцѣхъ, мрачнымъ и страшнымъ мѣстомъ, откуда постоянно вылѣтали всѣ воинственныя чудовища средневѣковой исторіи.

Исторія Тавро-Скиѳовъ или Руссовъ начинается именно тѣмъ, чѣмъ была славна исторія ихъ предковъ въ этой самой мѣстности, т. е. походами къ Византіи, на Малоазійскій берегъ и къ южному Каспію, въ Мидію. Тавро-Скиѳы стало быть продолжали исторію Скиѳовъ древнихъ и всѣхъ тѣхъ народовъ, которыя слѣдовали по столѣтіямъ за Киммеріянами и Скиѳами Геродота.

Одинъ ли и тотъ же народъ производилъ эти далекіе набѣги, при участіи конечно другихъ сосѣднихъ племенъ, или народы, какъ и ихъ имена въ самомъ дѣлѣ смѣнялись здѣсь другъ за другомъ, этого вопроса исторія еще не разрѣшила. Она можетъ достовѣрно только сказать, что жизнію здѣшняго населенія цѣлые вѣка и тысячелѣтія управляли одни и тѣже идеи, которыя каждый новый народъ, если таковой дѣйствительно приходилъ, принималъ отъ предшественника, какъ бы по наслѣдству, пока эти же самыя идеи не взошли къ своему концу уже на глазахъ самой исторіи развитіемъ и утвержденіемъ въ этой странѣ русскаго владычества и русскаго государства.

Къ числу этихъ идей принадлежитъ главнымъ образомъ неизмѣнное и неудержимое стремленіе къ морю и дальше за море къ богатымъ и благословеннымъ странамъ, съ одной стороны Мидіи и Арменіи и къ побережью Малой Азіи, а съ другой—къ Византіи и Элладѣ.

Послѣ Геродота географическія познанія о нашей странѣ становятся кратки, отрывочны, неточны, а потомъ и невѣрны. Геродотова точка зрѣнія на наши земли была греческая и притомъ собственно Черноморская, изъ греческихъ Черноморскихъ колоній. Торговые Греки очень хорошо видѣли нашу страну почти до самаго Алтая, а потому имѣли вѣрное понятіе, откуда напр. течетъ Донъ, какъ велико и куда простираетъ свою длину и ширину Каспійское море? Но когда съ паденіемъ Греціи образованность стала сосредоточиваться въ Римѣ, то и наши страны снова покрылись Киммерійскимъ мракомъ. Изъ Рима уже трудно было что-

либо разглядѣть дальше Дуная, а о Днѣпрѣ, Донѣ, Азовскомъ морѣ, особенно же о нашемъ сѣверѣ, тамъ ходили такіе разсказы, что Страбонъ и Тацитъ прямо отказываются отъ описанія этихъ странъ, говоря, что все извѣстное объ нихъ, баснословно. Страбонъ замѣчаетъ между прочимъ, что въ его время (начало 1-го вѣка по Р. Х.) дальше Эльбы на востокъ Римляне не знали ничего и никто туда не ходилъ, ни моремъ, ни по сухому пути. Самъ Геродотъ представляется Страбону баснотворцемъ. Новый географъ крѣпко уже вѣритъ, что Каспійское море есть собственно заливъ Сѣвернаго Океана, что изъ Европы, хотя бы отъ Эльбы, по этому Океану можно проплыть въ Каспійское море; а баснословецъ Геродотъ описываетъ Каспій внутреннимъ озеромъ. Другіе утверждали, что Донъ течетъ изъ рѣки Аракса (вѣроятно изъ Волги), говорили даже, что онъ течетъ черезъ Кавказъ; течетъ въ мѣстахъ близкихъ къ Дунаю, течетъ изъ Рифейскихъ (Уральскихъ) горъ и т. п. Эти ошибочныя представленія о нашей странѣ, совсѣмъ измѣнившія понятія древнихъ о теченіи Дона и о Каспійскомъ морѣ, для нашей исторіи весьма важны и любопытны. Направляя теченіе Дона въ разныя стороны, они могутъ указывать, что именно въ этихъ направленіяхъ проходили тогдашнія сношенія Донскихъ обитателей съ другими сосѣдними странами, начиная отъ Истра и до Кавказа, какъ равно и до Урала. Что же касается ошибочныхъ представленій о Каспійскомъ морѣ, то они по всему вѣроятію произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе открытій, сдѣланныхъ походами на Востокъ Александра Македонскаго. Нѣкто Патроклъ, начальникъ морскихъ силъ Птоломея I и Селевка (312—280 года до Р. Х.), увѣрялъ, что Каспій сообщается съ сѣвернымъ Океаномъ, что по повелѣнію Александра были сдѣланы описи пути изъ этого моря въ Океанъ, что онъ знаетъ объ этихъ описяхъ отъ нѣкоего Ксенокла, и что вообще, сѣвши на корабль въ Каспійскомъ морѣ, очень возможно пройдти выше Скиѳіи въ Индію и оттуда въ Персію. Онъ однако ни на кого не указывалъ, кто бы совершилъ такой переходъ. Но его утвержденія, которыя безсомнѣнія основывались на показаніяхъ народовъ, жившихъ около Каспія, по видимому были такъ основательны, что имъ повѣрили весьма осторожные и ученѣйшіе географы древности, Эратосѳенъ (276—190 до Р. Х.),

а за нимъ Страбонъ. По этой причинѣ и сказанія правдиваго Геродота были отнесены къ разряду выдумокъ и басенъ. Проливомъ въ Сѣверный Океанъ, какъ кажется, почиталось устье Волги, ибо этотъ проливъ представлялся узкимъ и длиннымъ каналомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ сказаніи Патрокла заключалась настоящая истина и невѣренъ былъ только поспѣшный выводъ географовъ, что изъ Каспійскаго моря возможно проплыть на востокъ въ Индію. Видимо, что разскащики Патрокла, прикаспійскіе обитатели, хорошо знали путь по Волгѣ и по Камѣ къ Печерѣ и по Волгѣ въ Балтійское море, которое тогда почиталось заливомъ Сѣвернаго Океана. А такъ какъ, по мнѣнію древнихъ, Сѣверный Океанъ близко оттуда обтекалъ вокругъ всю землю, то естественно было заключить, что выйдя изъ Каспія и поворотя на право, можно проѣхать и до Индіи, а изъ Индіи до Персіи. Для насъ это смутное географическое свѣдѣніе раскрываетъ то обстоятельство, что Балтійскій Сѣверъ и въ то уже время велъ сношенія съ далекою Азіею, по Волгѣ, чрезъ Каспійское море. Геродотъ ничего не сказалъ объ этихъ сношеніяхъ, но онъ довольно подробно и обстоятельно описалъ нѣсколько народностей, жившихъ въ его время вблизи средней Волги, упомянувъ, между прочимъ Ѳиссагетовъ, въ имени которыхъ несомнѣнно слышится наша Весь или Вису арабскихъ писателей 9 и 10 вѣковъ. Свѣдѣнія объ этомъ народѣ конечно получены Волжскимъ путемъ.

Плаваніе до этой Веси съ Сѣвера, отъ Балтики, по верхней Волгѣ, или вообще плаваніе изъ Балтійскаго въ Каспійское море становится извѣстнымъ стало быть вскорѣ послѣ Геродота, въ вѣкъ Александра Великаго. Очевидно, что въ это время на сѣверѣ завязывался уже торговый узелъ, центромъ котораго, судя по послѣдующему, были конечно Славяне, напиравшіе къ Ильменю-Озеру и отъ Запада по морскому заливу отъ Венедовъ и отъ югозапада отъ Карпатскихъ горъ, по Припяти и по Днѣпру.

Такими и подобными темными свѣдѣніями географія нашей страны наполнялась въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія. Книжныя извѣстія, извлеченныя отрывочно и безъ связи изъ древнихъ писателей, а по большой части изъ Геродота

же, перепутывались съ собственными соображеніями и догадками авторовъ и съ новыми неясными показаніями очевидцевъ. Геродотовскія имена портились, переставлялись съ мѣста на мѣсто, бытовыя черты переносились съ одного народа къ другому. Темно-голубые и красные Будины Геродота у Помпонія Мелы являются уже Агаѳирсами, раскрашивающими свое лице и другія части тѣла, смотря по достоинству и старшинству и такъ, что смыть уже не могутъ.

Основнымъ и такъ сказать первичнымъ матеріаломъ для географическихъ познаній Древности служили обыкновенно дорожники, путеуказатели, которые сначала составлялись торговыми людьми для торговыхъ цѣлей, а въ послѣдствіи были употребляемы и для военныхъ походовъ. Такими указателями, повидимому, пользовался уже Геродотъ, описывая нашъ Сѣверъ. Это были простыя перечисленія мѣстъ или народовъ, въ иныхъ случаяхъ съ показаніемъ разстояній, очень похожія на нашу Книгу Большаго Чертежа, которая по своему составу есть прямой потомокъ подобныхъ древнѣйшихъ дорожниковъ и сама составлена вѣроятно тоже по очень древнимъ записямъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и Птоломеевъ Большой Чертежъ всей земли составленъ точно также на основаніи сказанныхъ дорожниковъ и путеуказателей.

Если бы эти дорожники дошли до насъ въ подлинникахъ, то конечно мы имѣли бы въ рукахъ болѣе точныя, опредѣленныя и вѣрныя показанія мѣстъ и народовъ. Теперь же мы должны довольствоваться даже и такими сухими извлеченіями изъ нихъ, какія сдѣланы, напр. Пливіемъ, то есть должны довольствоваться множествомъ именъ, поставленныхъ безъ связи и неизвѣстно въ какомъ порядкѣ.

Историки въ своихъ сказаніяхъ представляютъ столько же, если еще не больше затрудненій. Очень рѣдко они бываютъ очевидцами событій и въ отношеніи отдаленныхъ странъ пишутъ по большой части по слухамъ и по разсказамъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Очень понятно, въ какомъ видѣ являются у нихъ этнографическія и географическія показанія и самыя имена далекихъ и малоизвѣстныхъ странъ. Яснѣе всего они сами же разсказываютъ, какъ получали свои историческія и географическія свѣдѣнія. Историкъ

Евнапій, современникъ нашествію Гунновъ, пишетъ слѣдующее:

„Во времена Эвтропія-евнуха (который тогда заправлялъ всѣми дѣлами Византіи) нельзя было съ точностію писать о дѣлахъ Запада. По причинѣ великаго разстоянія и долгаго плаванія, извѣстія получались поздно, искаженныя временемъ, и какъ будто пораженныя хроническою болѣзнію. Люди скитавшіеся по западнымъ странамъ и бывшіе тамъ въ походахъ, если то были люди, которые могли что нибудь знать о дѣлахъ общественныхъ, писали объ нихъ въ письмахъ или пристрастно или съ ненавистью, какъ каждому было угодно и пріятно. Если кто изъ нихъ собиралъ трехъ-четырехъ человѣкъ свидѣтелей, то они говорили одинъ противное другому; происходилъ сильный споръ, доходило до драки, начинавшейся словами, исполненными досады, въ такомъ родѣ: Да какъ ты могъ это узнать?....—Трудно было унимать такія схватки.... Купцы лгали не больше того, сколько было нужно для ихъ интересовъ [1].....“

Такъ добывались свѣдѣнія съ Запада, съ которымъ у Византіи сношенія были непрерывны и такъ сказать ежедневны. Что же сказать о нашемъ глубокомъ сѣверѣ? Свѣдѣнія о немъ больше всего, конечно, приносили купцы; но достоинство ихъ свидѣтельствъ уже обозначено. Кромѣ того, о далекихъ странахъ они приносили только разсказы изъ десятыхъ устъ. Все это приводило къ тому, что у каждаго писателя какой либо исторіи слагались свои понятія о географіи той страны, являлись свои особыя имена мѣстъ и народовъ, смотря потому, отъ какихъ купцовъ или военныхъ людей и изъ какихъ мѣстъ онъ собиралъ надобныя свѣдѣнія. Одно и тоже самое мѣсто и одинъ и тотъ же народъ, у одного историка называется однимъ именемъ, у другаго другимъ. Такимъ путемъ въ теченіи вѣковъ накопилась необозримая груда географическихъ и этнографическихъ именъ, которыя всѣ представляются только загадками, вѣщаніями древнихъ оракуловъ, совсѣмъ неразъясненными, или подающими легкую возможность толковать ихъ во всѣ стороны. Въ нѣкоторомъ смыслѣ эти имена суть дорогой историческій и археологическій бисеръ, разсыпанный по множеству писаній и исторій.

[1] Византійскіе историки, перев. Спир. Дестунисъ. Спб. 1860. I, стр. 156.

Выбирая подходящія зерна, въ ученой книгѣ, изъ него можно составлять безъ особаго труда какіе угодно изображенія и узоры, и очень возможно подтверждать всякія самыя смѣлыя заключенія самыми точными ссылками и текстами.

По этой причинѣ, точно также накопилось великое множество изысканій и изслѣдованій, стремящихся каждое на свой ладъ разъяснить загадочныя вѣщанія древности. Но всѣ они главнымъ образомъ стоятъ на почвѣ только однихъ именъ, однихъ словъ, какъ и нашъ вопросъ о происхожденіи Руси. Изученіе самой Земли, на которой эти имена жили и дѣйствовали, остается по большой части въ сторонѣ, ибо такое изученіе по своей сложности и по объему самыхъ мелочныхъ и самыхъ разнообразныхъ изысканій, несравненно затруднительнѣе, чѣмъ объясненія отъ филологіи и лингвистики, при посредствѣ которыхъ, любое имя, какъ оказывается, можно вывести изъ любой страны: восточный титулъ Хакана, можно легко растолковать древнесѣвернымъ личнымъ именемъ Гакона и т. д. При этомъ необходимо помнить, что всѣ эти имена достались намъ въ большой или въ меньшей мѣрѣ въ искаженномъ видѣ, смотря по свойствамъ языка и выговора тѣхъ людей, отъ которыхъ писатели узнавали эти имена. Очевидно, что лингвистическія изысканія въ этомъ случаѣ не имѣютъ прочныхъ основаній. Они берутъ искаженное выговоромъ и письмомъ слово и развиваютъ на этомъ искаженіи свои выводы. Историческія изысканія въ свою очередь принимаютъ голыя имена за самые народы, а потому народы, появляются и исчезаютъ въ исторіи внезапно, какъ могутъ появляться и исчезать на бумагѣ написанныя и зачеркнутыя имена. Уступая однако здравому смыслу, историки-изслѣдователи, для болѣе здравыхъ объясненій этого передвиженія народовъ, выработали сокращенныя, но почти у всѣхъ одинаковыя разсужденія, въ родѣ слѣдующихъ: „Вѣроятно остатки Скиѳовъ были вскорѣ потомъ частію истреблены Сарматами, частію прогнаны назадъ въ Азію, частію же наконецъ совершенно слились съ Сарматами“... [1] Изчезло въ писаніи имя Роксоланъ—„можно догадываться, что однихъ изъ нихъ истребили Готы, а другихъ Гуны; а что осталось отъ того, то

[1] Слав. Древности Шафарика, т. I, кн. II, стр. 20 и др.

поспѣшило соединиться съ родичами своими Аланами... Аланы сѣверные когда исчезли и куда дѣвались, неизвѣстно, а южные ушли за Гунами или на Кавказъ", и т. д. Такъ всегда очищается мѣсто для появившагося вновь народнаго имени, когда исчезаетъ изъ Исторіи старое имя. Извѣстно, что въ 16 и 17 столѣтіяхъ Русь въ западной Европѣ стала прозываться Московіею, а Русскіе Московитами. Явился слѣдовательно новый народъ Москвичи и Русь внезапно изчезла, оставивъ небольшой слѣдъ только въ югозападномъ углу страны, у Карпатскихъ горъ. Еслибъ это, произошло за десять вѣковъ назадъ, не въ 16, а въ 6-мъ или въ 5 вѣкѣ, откуда такъ мало сохранилось свидѣтельствъ, то изслѣдователи именъ конечно объяснили бы изчезновеніе Руси тѣми же самыми словами, какъ объяснили изчезновеніе Скиѳовъ.

Такимъ образомъ, чтобы выбраться изъ этого лабиринта загадочныхъ именъ, темныхъ и отрывочныхъ показаній и разнообразныхъ, и по большой части несообразныхъ толкованій, необходимо держаться крѣпко за землю, т. е. не за исторію имени, а больше всего за исторію страны, по которой время отъ времени проходили эти различныя имена.

При владычествѣ Римлянъ вся наша страна была извѣстна подъ именемъ Сарматіи и всѣ народы, проходившіе отсюда за Дунай, по большой части прозывались Сарматами. Скиѳъ и Сарматъ или, какъ писалъ Геродотъ, Савроматъ, на языкѣ древнихъ значило варваръ. Однако эти имена употреблялись больше всего въ такомъ смыслѣ, въ какомъ употреблялось у насъ въ 18 стол. имя Россъ, Россійскій, вмѣсто Русскій, или имя Іоаннъ, вмѣсто простаго Иванъ. Они составляли принадлежность высокаго, благороднаго и приличнаго слога. По этой причинѣ хорошіе писатели всегда избѣгали простыхъ народныхъ именъ и всегда писали Скиѳъ, Сарматъ, тамъ, гдѣ слѣдовало бы сказать Славянинъ, Днѣстровецъ, Днѣпровецъ и т. п. Изъ за этого высокаго слога мы тоже потеряли множество драгоцѣннѣйшихъ свидѣтельствъ о нашей странѣ. При Грекахъ чаще всего употреблялся Скиѳъ. При Римлянахъ, какъ извѣстно, Скиѳы были разсѣяны Воспорскимъ царемъ Митридатомъ Великимъ. Сла-

ва ихъ и самое имя исчезли изъ исторіи. Для высокаго слога на лицо оставались одни Сарматы. Вотъ почему римскіе писатели и первый Помпоній Мела (40 годъ по Р. Х.) стали прозывать уже всю страну восточной Европы, начиная отъ Вислы, Сарматіею. Однако у греческихъ писателей по прежнему употреблялось только имя Скиѳъ, отъ котораго совсѣмъ не могли отказаться и Римляне. Они стали прозывать этимъ именемъ народы самые отдаленные и неизвѣстные. Сарматами же въ отличіе отъ Германцевъ у нихъ по большой части именовались племена Славянскія. По ихъ жилищамъ, не только Балтійское побережье отъ устья Вислы называлось Сарматіею, но и западный уголъ Карпатскихъ горъ, Татры, именовался тоже горами Сарматскими, такъ какъ сюда, по теченію Дуная и Тейса переселились Сарматы—Языги, прямо и названные переселенцами.

Скиѳія по древнимъ понятіямъ означала кочевую степь; кто жилъ въ Скиѳіи, тотъ необходимо былъ кочевникъ. По наслѣдству тѣже понятія перешли и на Сарматію, почему всѣхъ Сарматовъ без разбора Римляне почитали исключительно кочевымъ народомъ.

От Дуная по берегу Чернаго моря къ Днѣстру, говоритъ Страбонъ, простирается Гетская пустыня, вся ровная и безводная. Въ ней чуть не погибъ отъ жажды со всѣмъ войскомъ Персидскій Дарій, когда перешелъ Истръ для похода на Скиѳовъ. Дальше живутъ Тирегеты (т. е. Геты-Днѣстровцы, ибо Тиръ—значитъ Днѣстръ). По Нестору, здѣсь жили вплоть до моря, наши Тиверцы, прозваніе явно унаслѣдованное отъ Тирегетовъ. За ними дальше на востокъ обитали Языги—Сарматы, „какъ тѣ, которые называются Царскими, замѣчаетъ Страбонъ, такъ и Урги,—большею частію кочевники; немногіе занимаются земледѣліемъ. Говорятъ, что они живутъ и вдоль Истра, часто по обоимъ его берегамъ“. Подунайскіе Языги назывались также Переселенцами и несомнѣнно, какъ доказываютъ, были Славяне, а стало быть и Языги Черноморскіе за-Днѣпровскіе, какъ и Языги-Урги, были тоже Славяне [1].

---

[1] Если имя Языгъ туземное, народное, и если Языги Метанасты-Переселенцы на среднемъ Дунаѣ оказываются, по изслѣдованіямъ, чи-

„Внутри страны, то есть дальше на сѣверъ, продолжаетъ Страбонъ, обитаютъ Бастарны, сопредѣльные съ одной стороны Днѣстровцамъ, а съ другой, къ западу, Германцамъ, и сами чуть не Германскаго рода. Они раздѣляются на многія племена; иные называются Атмонами, другіе Сидонами [1]; а жители острова Певки на устьяхъ Дуная, Певкинами. Самые сѣверные изъ нихъ (изъ Бастарновъ) Роксоланы, занимаютъ равнины между Дономъ и Днѣпромъ, ибо вся эта страна отъ Германіи до Каспійскаго моря представляетъ равнину. Живетъ ли кто выше Роксоланъ, не знаемъ, заключаетъ Страбонъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что выше Борисѳена обитаютъ крайніе извѣстные въ то время представители скиѳскаго племени, Роксоланы; что по широтѣ градусовъ они живутъ южнѣе крайнихъ къ сѣверу обитателей области, лежащей выше Британіи, слѣд. живутъ покрайней мѣрѣ до верщинъ Днѣпра и Зап. Двины; что дальнѣйшія страны уже необитаемы по причинѣ холо-

---

стыми Славянами, то нѣтъ никакой причины отстранять Славянское значеніе этого имени—Языкъ. Оно означало народъ, племя, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживало тотъ же смыслъ, какой находится въ имени Словенинъ, т. е. Словесный, язычный, говорящій, въ отличіе отъ чужестраннаго, нѣмаго, откуда произошелъ славянскій Нѣмецъ. По Тациту (Исторіи кн. III, 5) старшины Сарматовъ-Языговъ въ 69 году по Р. Х. были приняты въ Римское войско на службу, т. е. на жалованье, дабы умиротворить ихъ и пользоваться ихъ конною силою, въ которой состояла вся ихъ крѣпость.

[1] Птоломей, какъ увидимъ, показываетъ на этихъ мѣстахъ Трансмонтановъ и Кистовоковъ. Трансмонтаны, латинское, значитъ Загорцы, Монтаны—Горцы. Весьма вѣроятно, что Атмоны испорчено грекомъ изъ латинскаго монтаны—горцы, и что изъ этихъ же Атмоновъ писатели 6 вѣка сдѣлали Антовъ, которые были уже несомнѣнные Славяне. Можно полагать, что и Сид—оны, иначе Сит—оны произошли тѣмъ же путемъ отъ Кисто-воковъ, ибо это имя составное изъ Кисто, Кесто и Воки, позднѣе Воиски, Войки, какъ, по Шафарику, и теперь въ Галиціи прозываются тамошніе Русскіе. Если мы сообразимъ, какъ вообще искажались имена малоизвѣстныхъ народовъ (напр. Іорнандъ изъ Метанастовъ (Языговъ) дѣлаетъ Тамазитовъ и т. п.), то легко допустимъ, что и славные Анты могли произойдти по прямой линіи отъ Атмоновъ-Монтановъ, тѣмъ болѣе, что этимъ именемъ на самомъ дѣлѣ обозначались Карпатскіе горцы, Горалы. У Страбона же, кн. 7, глава 4, § 4, въ числѣ списокъ есть и такая: имя Воспорскаго царя Сатира написано Сагавръ.

да; что къ югу отъ этого народа обитаютъ Савроматы и Скиѳы до предѣловъ Скиѳовъ восточныхъ (Кн. 2, глава V). По ту сторону Дона къ Каспійскому морю и выше по самому Дону Страбонъ помѣщаетъ Аорсовъ, народъ богатый и торговый, владѣвшій сѣверозападными берегами Каспія и торговавшій съ Мидянами и Армянами, перевозя отъ нихъ Индѣйскіе и Вавилонскіе товары на верблюдахъ. Нельзя не подумать, что Аорсы есть только восточное прозваніе тѣхъ же Роксоланъ, какъ и Роксы или Россы—Аланы суть только западное прозваніе тѣхъ же Аорсовъ. Этому предположенію даетъ подкрѣпленіе Плиній (кн. IV), помѣщая во Ѳракіи, у Дуная между Мезами, Гетами, Годами, и Аорсовъ, которые явно обозначаютъ тѣхъ же Роксоланъ, какъ будетъ видно изъ ихъ сношеній съ Римлянами на тѣхъ же мѣстахъ во 2 вѣкѣ по Р. Х. Не менѣе примѣчательно и то обстоятельство, что Страбонъ по Западному берегу Каспійскаго моря указываетъ народъ Витіи, а Плиній тамъ же именуетъ Утидорсовъ и Удиновъ. Эти Уты, Виты заставляютъ предполагать о существованіи въ тамошнихъ мѣстахъ поселеній нашихъ же Аорсовъ-Вѣтовъ-Витовъ-Вятичей, или собственно Велетовъ (см. выше, стр. 179).

Такимъ образомъ Роксоланы Страбона заселяютъ весь сѣверъ нашей страны до предѣловъ земли необитаемой. Какъ сближается это указаніе съ населеніемъ Руси 10 и 11 вѣковъ! Трудно понять, почему при такихъ ясныхъ, точныхъ, неоспоримыхъ свидѣтельствахъ древней географіи отнюдь не допускается почитать этихъ Роксоланъ предками нашей Кіевской Руси? Неизвѣстно, какой это былъ народъ и куда онъ пропалъ совсѣмъ безъ вѣсти? Увѣряютъ, что это были кочевники-азіаты; но развѣ нашъ Святославъ съ своею дружиною, не возившій за собою возовъ, а спавшій подъ открытымъ небомъ на войлокѣ, жарившій мясо прямо на угляхъ или парившій его подъ сѣдломъ, развѣ этотъ герой нашей уже достаточно осѣдлой исторіи не превосходитъ своими кочевыми нравами всѣхъ тѣхъ кочевниковъ, которыми населяютъ нашу страну средневѣковые писатели? Обозначеніе — кочевникъ, для извѣстій о нашей странѣ, въ сущности ничего не объясняетъ; а по Страбону кочевники-Роксоланы кочуютъ даже на предѣлахъ такой страны, гдѣ жизнь, по причинѣ холода, становится уже невозможною.

Ясно, что Страбонъ вовсе не думалъ, что это были одни степные кочевники. Ничего не зная, какіе народы обитаютъ по сѣверу нашей равнины, онъ отмѣчаетъ только, что выше Днѣпра живутъ все Роксоланы, что это самый крайній сѣверный народъ изъ тѣхъ, которыхъ онъ знаетъ въ Днѣпровской сторонѣ.

Дѣйствительно, Страбонъ, описывая нашу страну, больше всего знаетъ только о тѣхъ народахъ, которые жили на югѣ вблизи Черноморскихъ областей. Но еще меньше зналъ наши края Тацитъ (89 годъ по Р. Х.), хотя его свѣдѣнія дополняютъ Страбона, потому что касаются отчасти нашего сѣвера. По его словамъ къ Востоку отъ Вислы, между сѣверомъ, гдѣ обитали Финны, и югомъ, гдѣ онъ знаетъ Певкиновъ, живутъ Венеды, уже прямые Славяне,—указаніе столько же неопредѣленное въ направленіи къ востоку, сколько неопредѣленно указаніе Страбона о Роксоланахъ по направленію къ сѣверу; но очевидное дѣло, что оба указанія сливаются въ одно: что Венеды—Роксоланы самое большое племя Сарматіи. Страбонъ въ западномъ пространствѣ нашей страны поселяетъ Бастарновъ, говоря, что они живутъ внутри страны и раздѣляются на многія племена, и что самые сѣверные изъ Бастарновъ суть Роксоланы, которыхъ онъ отдѣляетъ отъ Сарматовъ, хотя и называетъ ихъ вообще Скиѳскимъ племенемъ. И Тацитъ знаетъ Бастарновъ, но отмѣчаетъ, что такъ иные называютъ Певкиновъ, слѣдовательно и это имя, Певкины, по его разумѣнію, было общимъ для всего населенія на югъ отъ Венедовъ, то есть въ прикарпатскомъ краю, гдѣ и теперь цѣлая сторона прозывается Буковиною.

Однако ни Страбонъ, ни Тацитъ не знаютъ, куда причислить эти Бастарнскія племена, къ Германцамъ или къ Сарматамъ? По Страбону они чуть не Германцы. Тацитъ тоже склоняется признать ихъ Германцами за одно и съ Финнами, и между прочимъ упоминаетъ, что хотя Певкины нарѣчіемъ, одеждою, постоянными жилищами и образомъ ихъ постройки сходствуютъ съ Германцами, но сходствуютъ также и съ Сарматами, съ которыми перемѣшались посредствомъ браковъ, и походятъ на нихъ видомъ и безобразіемъ. Однако Венеды (Славяне), говоритъ онъ, также сходные съ Сарматами, больше принадлежатъ къ Германцамъ, ибо строятъ

себѣ домы, носятъ также щиты и пѣхотинцы отличные. Сарматы же во всемъ отъ нихъ отличаются, проводя жизнь въ кибиткахъ и на коняхъ.

Оба писателя разсуждаютъ такъ по той причинѣ, что имъ извѣстны только двѣ формы быта: Германская, осѣдлая, домовитая, лѣсная, и Сарматская—кочевая, степная. Германецъ, котораго они знали лучше изъ всѣхъ сѣверныхъ варваровъ, былъ для нихъ типомъ домовитости; мало извѣстный Сарматъ былъ типомъ кочевника. Первый строилъ домы, носилъ щитъ, сражался пѣшій, вообще умѣлъ ходить на ногахъ; другой жилъ въ кибиткѣ, и вѣчно на конѣ, такъ что вовсе неумѣлъ ступить по землѣ пѣшій. Вотъ самыя существенныя понятія древности о различіи между собою варварскихъ племенъ. Одни умѣли ходить, другіе не умѣя ходить, умѣли только ѣздить на конѣ. Въ римскую эпоху, къ этимъ двумъ этнографическимъ типамъ приравнивались обыкновенно всѣ другія мало-извѣстныя племена и народности, обитавшія на нашемъ сѣверѣ; а вовсе неизвѣстныя прямо огуломъ всѣ причислялись къ кочевникамъ. Поэтому основывать какія либо правильныя заключенія на подобныхъ указаніяхъ невозможно.

Видно, что эти племена были такъ далеки отъ римскаго познанія, что и такой писатель, какъ Тацитъ, лучше всѣхъ знавшій Германцевъ, все-таки не рѣшался сказать точное слово о народахъ, жившихъ за предѣлами Германіи.

Но зато замѣтка разсудительнаго Страбона о Бастарнахъ и Певкинахъ, что они чуть не Германцы,—у Плинія является уже прямымъ показаніемъ, что эти племена принадлежатъ къ Германскому роду.

На двусмысленной, но добросовѣстной и осторожной отмѣткѣ Страбона и Тацита, не имѣвшихъ точнаго свѣдѣнія о народности Бастарновъ, и на смѣломъ, но невѣрномъ показаніи Плинія, нѣмецкіе ученые основываютъ твердо свои доводы, что Бастарны—Певкины были племя Германское [1].

[1] На сколько могли древніе географы и этнографы точно знать и опредѣлительно говорить о народахъ нашей равнины, это лучше всего объясняетъ знаменитый Риттеръ, который въ своихъ картахъ Европы (М. 1828 г.. стр. 71) относитъ нашихъ Казаковъ къ числу особыхъ народностей въ ряду Влаховъ, Цыганъ, Жидовъ, Армянъ, и пр., толкуя, что это «вооруженные всадники, соединеніе Россіянъ и Татаръ,

Между тѣмъ всѣ болѣе древніе писатели единогласно называютъ ихъ Галатами, Галлами, Кельтами, а иные Гетами и Скиѳами, почему Шафарикъ утвердительно относитъ ихъ къ поколѣнію Галловъ—Кельтовъ. Мы увидимъ, что встрѣчается не меньше основаній причислить ихъ къ племени Славянъ.

Страбоновы и Тацитовы показанія о нашей Сарматіи въ значительной степени пополняются Птоломеемъ [1] съ тою разницею, что этотъ географъ въ своемъ трудѣ чертилъ уже цѣлую ученую географическую систему и собранныя имъ свѣдѣнія, современныя и быть можетъ очень древнія, но по преимуществу книжныя, вездѣ старался опредѣлить въ точности мѣрою градусовъ долготы и широты. Очень замѣтно, что въ иныхъ случахъ свѣдѣнія объ одномъ и томъ же мѣстѣ или народѣ онъ получалъ изъ разныхъ источниковъ съ различно произносимыми именами и помѣщалъ ихъ на своей картѣ подъ видомъ различныхъ мѣстъ и различныхъ народовъ, и на оборотъ: одно и тоже имя помѣщалъ вдвойнѣ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ имена самыхъ сѣверныхъ народовъ и мѣстъ Европейской Сарматіи, въ томъ числѣ и имя Славянъ, онъ написалъ и въ Скиѳіи, т. е. въ Азіи, какъ это весьма основательно доказалъ Шафарикъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя ошибки или недосмотры въ большинствѣ случаевъ могутъ принадлежать только его позднѣйшимъ переписчикамъ или „негодному штопанью средне-

---

кои съ давнихъ временъ составили родъ военной республики, и всегда готовы на войну съ сосѣдями. Они живутъ, прибавляетъ географъ, по Дону и Черному морю, куда переселены были изъ Днѣпровскихъ странъ». Точь въ точь такъ обозначаютъ наше Днѣпровское и Донское населеніе и древніе писатели, не имѣвшіе, конечно и тысячной доли тѣхъ свѣдѣній, какими пользовался первѣйшій по учености географъ нашего вѣка.

[1] Птоломей (160—180 г. по Р. Х.) жилъ въ Александріи, гдѣ хранилась богатѣйшая въ древности библіотека, и куда стекались со всѣхъ концовъ Европы купцы и мореплаватели. Естественно, что кромѣ книжныхъ свѣдѣній, Птоломей могъ пользоваться и живыми показаніями пріѣзжихъ купцовъ. Впрочемъ главнымъ источникомъ ему служили труды Марина Тирскаго.

вѣковыхъ монаховъ“, какъ выразился неумолимый Шлецеръ обо всемъ трудѣ Птоломея. Вотъ первая причина, почему Птоломеево описаніе нашей Сарматіи есть въ нѣкоторомъ отношеніи какъ бы Сивиллина книга, очень трудная для прочтенія, какъ говоритъ и трудолюбивѣйшій Шафарикъ.

Не малый трудъ прежде всего заключается въ томъ, чтобы хорошо понять, какъ географъ составлялъ свои описанія, обозрѣвая географическую сѣть своихъ градусовъ. Наука уже выяснила, что онъ слѣдовалъ такому правилу: назоветъ на картѣ какое либо мѣсто на сѣверозападѣ и потомъ по широтѣ этого градуса идетъ по направленію къ востоку до конца карты. Затѣмъ возвращается къ прежней точкѣ, беретъ слѣдующій градусъ, южнѣе, и опять идетъ къ востоку тѣмъ же порядкомъ. Такимъ образомъ онъ писалъ строками отъ лѣвой руки къ правой по всей широтѣ той страны, которую отдѣлялъ для описанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ иногда онъ ставилъ рядъ именъ и по долготѣ градуса, направляясь отъ сѣвера къ югу, что тутъ же и объяснялъ, оканчивая описаніе на крайней южной точкѣ и возвращаясь снова къ сѣверу. Этими двумя пріемами описана Птоломеемъ наша Европейская Сарматія.

Какъ видѣли, Тацитъ очень ясно говоритъ, что между Финнами на сѣверѣ у Балтійскаго моря и Певкинами на югѣ у Дуная, живутъ Венеды. Птоломей же отдѣляетъ для Венедовъ цѣлый заливъ Балтійскаго моря, въ который впадаетъ и Висла, и который онъ такъ и называетъ Венедскимъ. Ясно, что Венедами въ собственномъ смыслѣ онъ называетъ Поморцевъ, Померанію, и отсюда начинаетъ свое описаніе европейской Сарматіи, или собственно ея географической карты. Онъ, согласно Тациту и Страбону, говоритъ, что главнѣйшіе народы живущіе въ Сарматіи суть Венеды по всему Венедскому заливу, Певкины и Бастарны (смотря отъ Дуная) за Дакіей у Карпатскихъ горъ; Языги и Роксоланы по всему Меотійскому поморью, а за ними внутри страны Амаксобы и Алауны-Скиѳы. Перечисляя затѣмъ малыя племена, онъ начинаетъ отъ Венедовъ на Венедскомъ заливѣ и проходитъ по картѣ строками по широтѣ градуса, отъ З. къ В. и иногда съ сѣвера на югъ.

Сначала онъ идетъ по Вислѣ отъ устья до истока, къ горамъ Карпатскимъ. Здѣсь (56 градусъ) ниже Венедовъ, то есть восточнѣе, живутъ у него Гитоны (Гданскъ, Данцигъ) или Тацитовы Готины, потомъ Фины, что по Тациту должно обозначать всю страну отъ устья Вислы дальше на Востокъ. Видимо, что и Птоломей получилъ имя Финовъ, какъ общее опредѣленіе дальнѣйшаго края Балтики, но поставилъ его въ ряду другихъ малыхъ племенъ. Далѣе онъ перечисляетъ народы, сидѣвшіе по Вислѣ. Подъ Гитонами Вуланы, по другимъ спискамъ Суланы, быть можетъ польскіе Поляне; подъ ними Фругунды, послѣ нихъ Аварены, у истоковъ Вислы, подъ которыми поименовано нѣсколько племенъ, обитавшихъ у Карпатскихъ горъ [1].

На востокъ отъ нихъ, продолжаетъ географъ, опять возвращаясь къ сѣверу, подъ Венедами (55 градусъ) живутъ Галинды (на Нѣманѣ) [2], и Судины (Чудь?) и Ставаны до самыхъ Алауновъ (55 град.). Отсутствіе въ этой строкѣ выраженій подъ ними, ниже ихъ, показываетъ, что географъ проходитъ здѣсь одну только широту градуса отъ З. къ В., то есть пишетъ имена въ одну строку.

Затѣмъ онъ говоритъ: Ниже (слѣдуетъ другая строка, подъ Галиндами) живутъ Игиліоны, потомъ (третья строка) Кестобоки и Трансмонтаны по горы Певкинскія (Буковина).

Отсюда географъ снова возвращается къ сѣверу и говоритъ: Далѣе, остальную часть Венедскаго Залива, на морѣ или по морю, занимаютъ Вельты, Велеты, которые стало быть при Птоломеѣ занимали устье Нѣмана, гдѣ потомъ является имя Руси и вся страна получаетъ названіе Порусіи, Прусіи, несомнѣнно въ смыслѣ обитателей рѣки Русы, какъ прозывался Нѣманъ, и соотвѣтственно Кіевскому По-Росью. Выше Вельтовъ живутъ Осіи (Эсты, островъ Эзель), потомъ Карвоны (Куроны, Корсь, по Шафарику наши Кривичи), которые всѣхъ сѣвернѣе.

Отъ нихъ, отъ Карвоновъ, на востокъ, Кареоты (Корела въ обширномъ значеніи) и Салы (Ссолы нашей лѣтописи),

---

[1] Омброны, Анартофракты, Бургіи, Арсіеты, Собоки, Пѣнгиты, и Бесы у Карпатъ. Въ Арсіетахъ Шафарикъ видитъ при-карпатскую Русь. Они же несомнѣнно Плиніевы Аорсы (Кн. IV, 18).

[2] Сравн. Пре-гольдъ, старинное имя Прегеля, Лет-гола, Симе-гола, Голъ.

подъ коими Агаѳирсы (Ѳиссагеты Геродота, Весь нашей лѣтописи); далѣе къ востоку Аорсы (или Мордовская Эрза, Эрдзадъ, или вѣроятнѣе Славянская Рязань, сравн. стр. 161) и Пагириты (Башкиры, Паскатиры).

Ниже ихъ (Аорсовъ и Пагиритовъ) живутъ Савары (наша Сѣвера, Сѣверяне) и Боруски (Буртасы) до горъ Рифейскихъ (Уральскихъ).

На древнихъ картахъ Птоломеевой географіи всѣ эти народы, начиная Вельтами и оканчивая Борусками, стянуты въ одинъ уголъ Сарматіи къ сѣверовостоку, между 62—64 долготы и 60—63 широты, что вполнѣ указываетъ на произвольную разстановку именъ, которыхъ на картѣ уже некуда было помѣстить. Переложить книжныя или словесныя показанія на карту въ надлежащей точности, но безъ обозначенія разстояній, дѣло вообще очень мудреное, и потому, естественно, что и самъ Птоломей не могъ составить, хотя приблизительно, вѣрную карту, не говоря о позднѣйшихъ издателяхъ его географіи. Такимъ образомъ весь обширный сѣверовосточный уголъ его Сарматіи, отъ Балтійскаго поморья почти до нижняго теченія Волги, умѣстился всего на двухъ градусахъ долготы и градусахъ на трехъ широты. Отстранивши показанія этихъ картъ и руководясь только книжными показаніями самого Птоломея, провѣренными свидѣтельствами послѣдующаго времени, можно легко увидать, что его росписи народовъ весьма достовѣрны.

Такимъ способомъ легко обозначается и мѣстожительство Саваръ и Борусковъ, которое приходится въ точности къ нашей Сѣверѣ или Сѣверянамъ, жившимъ по верхнему Донцу, и къ Буртасамъ, обитавшимъ восточнѣе, между Дономъ и Волгою, по сторонамъ р. Медвѣдицы, впадающей въ Донъ.

Птоломей затѣмъ опять возвращается на Западъ, къ тому пункту, отъ котораго началъ эту длинную строку восточныхъ народовъ. Онъ началъ отъ Вельтовъ, и теперь продолжаетъ: Потомъ Акивы (Ковно?) и Наски (Минскъ?), пониже Ивіоны или Вивіоны (Вильна?) и Идры (Друя?); а подъ Ивіонами до Алауновъ—Стурны.

Весьма ясно, что эта строка параллельна съ тою, въ которой упомянуты Ставаны, жившіе также до Алауновъ.

По Птоломею же извѣстно, что Алаунскія горы, подъ которыми онъ помѣщаетъ и Скиѳовъ Алауновъ, суть та воз-

вышенность, откуда текутъ Ока на Сѣверъ и Донъ на Югъ. Нѣсколько западнѣе этихъ горъ на $4^{1}/_{2}$ градуса у Птоломея существуютъ на томъ же градусѣ широты горы Вудинскія, названныя такъ вѣроятно отъ Геродотовыхъ Вудиновъ, именемъ которыхъ Птоломей обозначаетъ только одно малое племя къ Сѣверу отъ Карпатъ (Водины). Съ Вудинскихъ горъ течетъ Днѣпръ, слѣдовательно эти горы соотвѣтствуютъ Волжской возвышенности, также называемой Алаунскою, съ которой текутъ Волга, Днѣпръ и Двина.

Въ перечисленіи мѣстностей. Сѣвера, онъ не упоминаетъ ни о Вудинскихъ горахъ, ни о народѣ Вудинахъ и доходитъ только до Алауновъ. Очевидно, что Алаунскія горы одно и тоже съ Вудинскими, и что имя Вудиновъ досталось географу по наслѣдству отъ Геродота. Однако онъ въ точности указываетъ, что Алауны жили подъ своими горами, слѣд. у истоковъ Оки и Дона.

До этихъ горъ простирались жилища Ставанъ на сѣверѣ подъ Вельтами и Эстами, а на югѣ Стурновъ, подъ Ивіонами и Идрами.

Переводя эти имена на позднѣйшую географію, находимъ, что Ставаны живутъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ наши Новгородцы — собственные Славяне нашей лѣтописи, то есть отъ Пскова и Новгорода до Минска и Смоленска, на верху Двины, Ловоти, Волги, Днѣпра и Березины. Это славянское поселеніе по сѣверу окружали Карвоны и Кареоты, Куроны, Корсь и Корелы въ обширномъ значеніи. Въ тѣхъ же именахъ по всему вѣроятію скрывается и имя нашихъ Кривичей, занявшихъ Кривскія, Карвонскія, Корельскія земли [1].

Нѣтъ сомнѣнія, что Стурны обозначаютъ область р. Припяти, въ которую отъ Карпатскихъ горъ, не подалеку отъ Львова-Лемберга течетъ рѣка Стырь [2], по длинѣ потока превосходящая даже верхнюю Припять. Кромѣ того эти мѣста оглашаются именами Туръ озеро, Туриескъ городъ, Турія и Турья—рѣки, наконецъ Туровъ — серединный городъ всей страны при началѣ нашей исторіи, отчего все населеніе именовалось Туровцами.

---

[1] Kirba по литовски топь, трясина.

[2] Готское Stiur—Туръ, быкъ. Шлейкеръ. въ Уч. Зап. А. Н. VIII, I.

Выше Стурновъ можно отыскать Ивіоновъ или Вивіоновъ на рѣкѣ Виліи съ ея притоками того же названія [1], впадающей въ Нѣманъ, и Идровъ въ Дреговичахъ, жившихъ восточнѣе, въ Минской и Могилевской губ., сравн. рѣки: Друя, Дрьють, Друцъ, города: Друя, Дрисса. Стурны, слѣдовательно, то племя, которое мы называемъ теперь Бѣлою Русью, и которое у Геродота называлось Неврами.

Всѣ перечисленныя здѣсь имена западной Сарматіи до Днѣпра суть Тацитовы Венеды, то есть несомнѣнные Славяне.

Ставаны по сѣверу, и Стурны южнѣе, соприкасались своими жилищами съ Алаунами. Алауны, какъ видимо, занимали верхнюю половину теченія Днѣпра. Какой же это народъ Алауны? Птоломей признаетъ Алауновъ главнѣйшимъ народомъ Сѣвера, поставляя рядомъ съ нимъ только Мордовскія племена Амаксобовъ, или Мокшадь, которая, вѣроятно, въ то время была извѣстнѣе, чѣмъ остальные ея родичи. Финны, Эсты, Куроны и пр. по Балтійскому побережью и теперь живутъ на своихъ мѣстахъ. Естественно, что и Алауны, самый значительный народъ Сѣвера, тоже и теперь живетъ на своихъ мѣстахъ, на своихъ Алаунскихъ горахъ, по всѣмъ рѣкамъ, которыя текутъ съ этихъ горъ во всѣ стороны. Это тѣже Ставаны или Славяне.

Древность очень хорошо знала, что на глубокомъ сѣверовостокѣ Европы живутъ знатныя племена, которыя вообще называются Скиѳами-Алаунами, а въ частности различными именами, и въ томъ числѣ Ставанами. По всему вѣроятію свѣдѣнія объ Алаунахъ и Ставанахъ существовали уже гораздо раньше Птоломея, который и въ Азіатской Сарматіи у Гиперборейскихъ горъ тоже помѣщаетъ, на ближайшихъ мѣстахъ отъ Европы, Скиѳовъ Аланъ, горы Аланъ и народъ Суовены рядомъ съ Агаѳирсами. Очевидно, что всѣ эти имена онъ нашелъ въ другомъ какомъ либо источникѣ, отдалявшемъ поселенія Славянъ за черту Европы на Сѣверъ Азіи.

Существовали еще Аланы на Кавказѣ, у Каспійскаго моря, которые были собственно Албаны. Существовали Аланы нѣмецкіе на западѣ, именемъ которыхъ прозывались иногда Аламаны, а вѣроятнѣе всего нынѣшніе Албанцы. Во

---

[1] Напр. Илія, Вильна.

всякомъ случаѣ и тѣ и другіе не имѣютъ ничего общаго съ Аланами Алаунской возвышенности и береговъ Днѣпра и Дона. А между тѣмъ изслѣдователи, отыскивая повсюду только сходныя имена и описывая только исторію именъ, а не исторію земель, смѣшиваютъ безразлично въ одно цѣлое самыя разнородныя свидѣтельства объ Аланахъ и выходитъ, что Аланы Кавказа и Аланы Алаунской возвышенности кончили свою исторію гдѣ-то вблизи французскаго Алансона и тамъ навсегда изчезли [1].

На сѣверѣ Сарматіи Птоломей знаетъ главныя рѣки Вислу, Хронъ (Нѣманъ), Рудонъ (Западную Двину, древн. Эриданъ) [2], потомъ Турунтъ и Хезинъ. Послѣднія двѣ рѣки, соображаясь съ показаніемъ Маркіана Гераклейскаго, писателя 300—400 годовъ, можно съ большимъ правдоподобіемъ пріурочить, первую, Турунтъ, къ Невѣ; вторую Хезинъ къ Сѣверной Двинѣ съ главнымъ ея притокомъ Сухоною, откуда и испорченное Хезинъ.

Маркіанъ говоритъ, что р. Турунтъ впадаетъ въ рѣку Хезинъ, а за рѣкой Хезиномъ находится Океанъ Гиперборейскій и неизвѣстный, окружающій Гиперборейскую землю. Конечно, это Ледовитое море. На р. Хезинѣ, говоритъ онъ, живутъ Агаѳирсы (Ѳиссагеты Геродота или наша Весь на Бѣломъ озерѣ). Эта рѣка, какъ и Турунтъ, падаетъ съ горъ Рифейскихъ, которыя по представленію древнихъ находились тутъ гдѣ-то неподалеку. Все это, довольно темное и перепутанное показаніе можетъ однако раскрывать то обстоятельство, что по Турунту — Невѣ лодки и въ то уже время переваливали въ Сухону и достигали Бѣлаго моря. Путь шелъ черезъ Ладожское, Онежское и Бѣлоозеро съ переволокою въ озеро Кубенское, изъ котораго течетъ Сухона.

Маркіанъ говоритъ также, что Рудонъ - Западная Двина течетъ съ горы Аланъ, что эта гора и ея область, простирающаяся далеко, населена Аланами; что съ этой же

---

[1] Слав. Древности I, кн. II, 134.

[2] Двина у Птоломея пишется также Рубонъ—имя, сохранившееся доселѣ въ ея порогѣ, Тихая Руба, а Рудонъ—имя очень родное на нижней Березинѣ и на Днѣпрѣ, гдѣ села и рѣки Руда, Рудня попадаются безпрестанно.

горы течетъ Днѣпръ, что область Днѣпра ниже Аланъ населена Хоанами. Птоломей же свидѣтельствуетъ, что между Роксоланами у Днѣпра и Бастернами у верхняго Днѣстра живутъ Хуны.

И такъ писатели географы втораго и четвертаго вѣка единогласно показываютъ на Кіевскомъ мѣстѣ народъ Хоановъ и Хуновъ. Имѣемъ полное основаніе угадывать, что здѣсь слышится нашъ древнѣйшій Кыевъ и наши древнѣйшіе Кыяне, имя которыхъ у писателей позднѣйшаго времени, 9—11 вѣка, у латинскихъ и арабскихъ, изображается болѣе или менѣе одинаково (Хиве, Хуэ, Хунигардія, Хіосъ, Кіона, Кіоава, Кіама, Китава, и пр.), очень сходно съ именами Хуновъ и Хоановъ. Звукъ ch, въ средневѣковомъ писаніи, соотвѣтствовалъ часто звуку к. [1].

Птоломей знаетъ, что у Днѣпра и Дона есть повороты на востокъ. Уже одно это обстоятельство можетъ доказывать, что онъ пользовался очень вѣрными свѣдѣніями относительно этихъ двухъ главныхъ рѣкъ древней Скиѳіи и Сарматіи. Онъ знаетъ также, что Днѣпръ образуется изъ двухъ притоковъ, изъ которыхъ одинъ течетъ отъ запада, а другой—самый сѣверный. Извѣстіе весьма важное и любопытное. При Геродотѣ Днѣпръ прозывался Борисѳеномъ, по той вѣроятной причинѣ, какъ мы говорили, что настоящимъ его источникомъ въ то время почиталась Березина, указывавшая, что и рѣчной путь съ сѣвера на югъ направлялся по ея потоку и сообщался съ Балтійскимъ Поморьемъ черезъ Западную Двину. Теперь сталъ извѣстнымъ другой путь болѣе сѣверный, по направленію настоящаго источника Днѣпра, отъ области р. Ловати и озера Ильменя, гдѣ жили Птоломеевы Ставаны, по которой сообщеніе съ Балтійскимъ Поморьемъ шло уже черезъ Волховъ, озеро Ладогу и Неву. Отъ начала 4-го вѣка, съ 333 г., и самое имя Борисѳена стало изчезать и замѣнилось именемъ Днѣпра [2].

---

[1] Шлецера Несторъ, I, 91, 180. Прибавимъ къ этому, что одинъ изъ верхнихъ притоковъ Кіевской рѣки Роси именуется Коянко. На Роси жили и Коуи, Куи—особое племя или родъ козаковъ, еще неизвѣстно.

[2] Въ этомъ имени обозначилась самая характерная черта этой рѣки: пороги, ибо очевидно, что слово Днѣпръ составное изъ Дон или Дан и прагъ, какъ и Днѣстръ: изъ Дон и Стрый.

Новые писатели (Помп. Мела, Скимнъ Хіосскій) повторяютъ съ большою увѣренностію показаніе Геродота, что Днѣпръ судоходенъ на 40 дней пути.

Птоломей перечисляетъ нѣсколько городовъ, лежавшихъ по Днѣпру и по окрестнымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Черное и Азовское моря. На Днѣпрѣ онъ называетъ городъ Азагаріонъ, самый сѣверный, которымъ могъ быть или Чигиринъ, на Сулѣ, или Чигринъ, на Тясминѣ. Затѣмъ упоминается: Амадока [1], Саронъ, быть можетъ, Самаръ при устьѣ Самары; Серимонъ—городище на устьѣ Конки, противъ Никиполя, при Запорожцахъ назывался Замыкъ; и гдѣ то въ сторонѣ отъ Днѣпра на западъ — Леінонъ (Волынь?), Сарваконъ, быть можетъ Червень, Червенцъ, и Ніоссонъ.

Онъ перечисляетъ малыя рѣки, впадающія отчасти въ Черное, отчасти въ Азовское и въ Гнилое море, и здѣсь тоже указываетъ нѣсколько городовъ, находившихся по теченію или при устьяхъ этихъ рѣкъ.

Писатель 4-го вѣка, Маркіанъ Гераклейскій, во всей Сарматіи, между Вислою и Дономъ, насчитываетъ 53 значительныхъ города. Если изъ этого числа положить хотя пятую долю на города, находившіеся внутри страны, то мы все-таки можемъ съ немалою основательностію допускать, что и въ 4-мъ вѣкѣ существовали уже покрайней мѣрѣ тѣ города, которые по нашей лѣтописи извѣстны, какъ древнѣйшіе.

Все это показываетъ, что въ первыхъ столѣтіяхъ отъ Р. X. наша Сарматія даже въ ея южной степной Черноморской части не совсѣмъ походила на кочевую варварскую пустыню и если у нѣкоторыхъ писателей обозначалась пустынею, такъ потому только, что они вовсе ее не знали.

Относительное множество городовъ даетъ основаніе полагать, что населеніе, занимаясь больше всего земледѣліемъ, поддерживало и торговыя дѣла, привлекая въ устья своихъ рѣкъ старинныхъ промышленниковъ торговли, Грековъ,

---

[1] Птоломей (Шафарикъ т. I. кн. II, 348, 349, 376) поставляетъ на трехъ разныхъ мѣстахъ народъ Амадоки, городъ Амадоку и озеро Амадоку — ясно, что онъ слышалъ имя, но не зналъ, гдѣ правильнѣе его помѣстить. Не скрывается ли здѣсь смутное показаніе объ озерѣ, городѣ и народѣ Ладога? Озеро онъ ставитъ вверху западнаго притока Днѣпра, то есть все-таки гдѣ-то вверху.

Армянъ, Евреевъ, которые тѣснились въ устроенныхъ ими городахъ и наживались подъ покровительствомъ здѣшнихъ варваровъ.

Замѣчательно, что въ это время, въ первыя три столѣтія по Р. X., въ этой пустынѣ господствуютъ Роксоланы, получая даже отъ далекаго Рима дань, или, какъ Римъ выражался: дары, субсидіи, стипендіи. Другихъ кочевниковъ, въ родѣ прежнихъ Скиѳовъ или позднѣйшихъ Аваровъ и Печенѣговъ, исторія здѣсь за это время не указываетъ. Не по той ли самой причинѣ къ концу 4-го вѣка сдѣлались такъ сильны кочевники западные, европейскіе, именно Готы, которые въ эти же вѣка начинаютъ подвигаться все ближе къ Днѣпру. Намъ кажется, что самое движеніе этихъ Готовъ случилось именно по той причинѣ, что здѣсь уже очень давно пролегала широкая дорога, проторенная Балтійскимъ Славянствомъ въ земли своихъ Черноморскихъ братьевъ, и что Роксоланы, быть можетъ, были тѣже Балтійскіе Ругіи-Роги, овладѣвшіе торговыми промыслами Днѣпра и потому распространившіе свое имя, Роксы-Россы отъ устьевъ Дуная до устья Дона и далѣе подъ именемъ Аорсовъ, до устья Волги. Множество городовъ, спокойно существовавшихъ здѣсь во 2-мъ вѣкѣ, явно показываетъ, что степняки Роксоланы больше всего заботились о торгахъ и промыслахъ гражданскихъ и къ тому же, какъ увидимъ, вовсе не были знамениты дѣлами военными, или отважными набѣгами.

Говоря о Донѣ, Птоломей на его устьѣ помѣщаетъ извѣстный городъ тоже Донъ или по гречески Танаисъ, и говоритъ между прочимъ, что на поворотѣ рѣки къ востоку живутъ сѣвернѣе Офлоны (быть можетъ Донскіе Поляне) и Танаиты—Донцы, то есть тѣ люди, на языкѣ которыхъ имя Донъ было свое родное слово; въ противномъ случаѣ и они назывались бы собственнымъ своимъ именемъ. Такъ назывались и Борисѳениты Березинцы у Днѣпра. Подъ Донцами ближе къ устью жили Осилы (въ 5-мъ вѣкѣ Салы) обитавшіе несомнѣнно, по рѣкѣ Салу, впадающему въ нижній Донъ отъ востока изъ прикаспійскихъ степей, со многими притоками, которые отчасти также именуются Салами.

Птоломей прибавляетъ, что Осилы живутъ вплоть до Роксоланъ, то есть до устья Дона, изъ чего можно заключить,

что Роксоланы владѣли и городомъ Танаисомъ, что онъ стоялъ уже на ихъ землѣ.

Любопытнѣе всего, что при источникахъ Дона Птоломей указываетъ какой-то памятникъ Александра Македонскаго, а нѣсколько ниже—памятникъ Кесаря. Онъ называетъ ихъ жертвенниками. По книгѣ Большаго Чертежа (изд. 1838 г. стр. 42) дѣйствительно значится, что ниже впаденія въ Донъ рѣки Быстрой-Сосны, на которой стоитъ теперь городъ Елецъ, на Дону существовала „Донская Бесѣда, каменный столъ и каменные суды (сосуды)“. Это любопытное показаніе Птоломея даже по древнимъ градусамъ и картамъ чуть не въ точности согласуется съ показаніемъ Книги Большаго Чертежа [1].

Жертвенники Кесаря можно также пріурочить къ другой рѣкѣ Соснѣ, по прозванію Тихой, на которой стоитъ Острогожскъ, и надъ которою при ея устьѣ въ 14-мъ столѣтіи митрополитъ Пименъ, во время своего плаванія внизъ по Дону, видѣлъ „столбы каменные бѣлые, дивно и прекрасно стоятъ, какъ стоги малые, очень бѣлы и свѣтлы“ [2]. Несомнѣнно, и тѣ и другіе жертвенники суть игра природы въ каменныхъ и мѣловыхъ скалахъ этихъ двухъ рѣкъ.

Одно это свидѣтельство заслуживало бы особаго изслѣдованія археологовъ. Имена Александра Македонскаго и Кесаря конечно стоятъ здѣсь только потому, что повсюду и всякіе подобные памятники тогдашніе люди приписывали только этимъ славнымъ героямъ.

Для насъ это показаніе важно во первыхъ потому, что оно даетъ новое доказательство въ вѣрности источниковъ, которыми пользовался Птоломей, а во вторыхъ оно служитъ весьма очевиднымъ свидѣтельствомъ, что плаваніе по Дону до его устья совершалось и въ то уже время съ самой его

---

[1] У Птоломея градусъ истока Дона. . . . . 64 д. 58 ш.
Жертвенникъ Александра . . . . 63 д. 57 ш.
По теперешней гидрографической картѣ Иванъ-озеро. 56 д. 54 ш.
Впаденіе Сосны . . . . 56¾ д. 52¾ ш.
Какъ извѣстно, Птоломеевы градусы рѣдко сходятся съ теперешними; но въ настоящемъ случаѣ очень любопытно показаніе разстоянія жертвенника отъ истока рѣки на одинъ градусъ, что совпадаетъ съ показаніемъ и нашихъ картъ.

[2] Лѣтопись Никоновская IV, 161.

вершины, что плавали по немъ люди, знавшіе хотя по слуху объ Александрѣ и Кесарѣ, почему, встрѣтивши на пути чудесные памятники, приписали ихъ сооруженіе этимъ любимымъ героямъ всякихъ баснословныхъ разсказовъ. Надо прибавить, что Донъ и теперь вполнѣ судоходенъ отъ устья Быстрой Сосны, или отъ жертвенника Александра Македонскаго (сравн. стр. 181).

Для пополненія географическихъ свѣдѣній о древней Сарматіи обратимся теперь къ историку, писавшему въ концѣ 4-го вѣка, современнику нашествія Гунновъ.

Говоря объ этомъ нашествіи, историкъ Ам. Марцеллинъ (около 380 г.) предварительно дѣлаетъ очеркъ той страны, гдѣ они впервые явились и описываетъ нравы Аланъ и другихъ народовъ нашей Русской Стороны. Онъ говоритъ, что „Дунай, принимая въ себя большіе притоки, протекаетъ по землѣ Сарматовъ, которыхъ жилища тянутся до Дона, отдѣляющаго Азію отъ Европы. Далѣе, за Дунаемъ надъ Сарматами [1] среди безпредѣльныхъ пустынь Скиѳіи, живутъ Аланы, ведущіе свое наименованіе отъ своихъ горъ (Алаунскихъ). Они своими побѣдами, подобно Персамъ, распространили это имя какъ благородное, на всѣхъ сосѣдей“.

---

[1] Указаніе далѣе иные понимаютъ за Дунаемъ, другіе за Дономъ, далѣе на востокъ, отчего Аланы являются азіатскими кочевниками. Но далѣе Марцеллинъ описываетъ нашъ сѣверъ: Невровъ, Будиновъ, Гелоновъ, Агаѳирсовъ, Меланхленовъ, Андроѳаговъ, т. е. всѣ тѣ племена, о которыхъ вычиталъ у Геродота, если не у Помпонія Мелы, и затѣмъ, именно о всемъ юговостокѣ до Китая онъ говоритъ, что эта страна необитаема по случаю людоѣдства Антропоѳаговъ, отъ которыхъ всѣ сосѣди удалились.

Марцеллинъ знаетъ и другихъ Алановъ (Кавказскихъ), жившихъ на востокъ отъ Амазонокъ; но онъ отличаетъ азіатскихъ Алановъ отъ европейскихъ. Зато ихъ вовсе не различаютъ ученые, не говоримъ о нѣмецкихъ, но напр. Шаѳарикъ, говорящій даже, что Аланы на сѣверѣ жили только временно и притомъ азіатскою ордою, и прибавляющій наконецъ, что «нельзя навѣрное сказать, когда сѣверные Аланы исчезли и куда дѣвались». Шаѳарикъ вообще не благоволилъ къ тому, что Славянъ въ древности называли по большой части Сарматами и почитая Сарматовъ кочевниками, никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы Сарматы, Аланы и Роксоланы были Славянами. Слав. Древности т. I, кн. II, стр.130, 133, 141, 143.

Марцеллинъ повидимому, согласно съ Страбономъ, отдѣляетъ югъ Русской Страны отъ Дуная до Дона для населенія Сарматовъ, а сѣверъ для Аланъ. „Къ числу соседей Аланъ принадлежатъ, по его словамъ, Невры, живущіе въ глубинѣ страны, конечно, у высокихъ горъ, неприступныхъ по случаю холода. Невры, какъ намъ уже извѣстно, суть жители нашего Полѣсья, Стурны по Птоломею, Древляне, Дреговичи и Туровцы по Нестору. Марцеллинъ въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ, что изъ страны Невровъ течетъ Днѣпръ.

„Дальше живутъ Будины и Гелоны, продолжаетъ Марцеллинъ, племена свирѣпыя и воинственныя, которыя сдираютъ кожу съ побѣжденныхъ враговъ и дѣлаютъ изъ нея себѣ одежды и попоны для лошадей. Ихъ сосѣди, Агаѳирсы, пачкаютъ себѣ тѣло и даже волосы синей краской. Затѣмъ слѣдуютъ Меланхлены и Людоѣды, питающіеся человѣческимъ мясомъ, отчего всѣ сосѣди разбѣжались отъ нихъ и вся эта восточная страна до Китая представляетъ только обширную пустыню. Есть тамъ и восточные Аланы, безчисленныя племена, жилища которыхъ простираются, говорятъ, до Ганга“.

Изъ этого разсказа видимъ, что латинскіе писатели 4 вѣка совсѣмъ не знали о существованіи географіи Птоломея, хотя и писали спустя 200 лѣтъ послѣ него. Они пользуются только Геродотомъ, да и то не изъ самаго источника, а въ искаженіи, сочиненномъ Помп. Мелою. Такимъ образомъ, основывать на ихъ показаніяхъ что либо твердое невозможно. У Марцеллина, изъ всѣхъ его повѣствованій вѣрно одно, что онъ много слышалъ о сѣверныхъ Аланахъ.

Иначе не могло и случиться, если Аланы, по его же словамъ въ 4 вѣкѣ были знаменитымъ народомъ, прославившимъ себя завоеваніями и потому распространившимъ свое имя и на всѣ другія сосѣднія племена.

Роксоланы уже въ половинѣ 1-го вѣка по Р. Х. дерутся въ Мизіи съ Римлянами, а столѣтіемъ прежде вступаются за Скиѳовъ противъ Митридата Великаго. Марцеллинъ говоритъ о нихъ прямо уже, какъ о господствующемъ народѣ въ своей странѣ. Онъ прибавляетъ также, что, „занимаясь грабежомъ и охотою, они доходятъ до Меотійскихъ болотъ

и Киммерійскаго Босфора и простираютъ свои набѣги до Арменіи и Мидіи", стало быть въ Закавказье.

Говоря только о нашемъ сѣверѣ, Марцеллинъ совсѣмъ ничего незнаетъ о за-Донской или Волжской сторонѣ и потому замѣчаетъ, что оттуда до Китая страна необитаема, по причинѣ людоѣдства Антропофаговъ. Но, какъ мы сказали, онъ знаетъ другихъ Аланъ, живущихъ, отъ Кавказа дальше на востокъ, даже до рѣки Ганга, и замѣчаетъ, что сѣверные европейскіе Аланы хотя и удалены на большое разстояніе отъ азіатскихъ Аланъ, но тѣ и другіе суть кочевники.

По Римскимъ сказкамъ о кочевомъ бытѣ онъ чертитъ за одно, одними и тѣми же красками характеръ Аланъ европейскихъ и азіатскихъ, не говоря ничего по собственному наблюденію, а пользуясь только книжными источниками, вѣчно повторявшими одно и тоже изъ Иппократа, Геродота и изъ другихъ древнихъ сказаній. Наши Аланы представляются такимъ образомъ: „У нихъ вовсе нѣтъ домовъ, нѣтъ хлѣбопашества; кормятся они только мясомъ да въ особенности молокомъ. Съ повозками, крытыми лыкомъ, они безпрестанно перемѣняютъ мѣсто по безконечнымъ равнинамъ. Найдутъ мѣсто, пригодное для корма, разставятъ вокругъ свои повозки и тутъ кормятся, какъ дикіе звѣри. Какъ только истощится пастбище, пускаются въ путь дальше, съ своими передвижными городами повозокъ, въ которыхъ родятся и воспитываются ихъ дѣти, происходятъ бракосочетанія и, словомъ сказать, совершаются всякія дѣла ихъ жизни. Куда не толкнетъ ихъ судьба, они вездѣ у себя дома, гоня передъ собой стада крупнаго и мелкаго скота и больше всего заботясь о лошадяхъ. Въ тѣхъ странахъ трава выростаетъ постоянно свѣжая, а поля въ перемежку покрыты плодовыми деревьями, такъ что кочевники на каждой стоянкѣ находятъ пищу и людямъ и скоту. Это происходитъ отъ влажности почвы и множества рѣкъ, орошающихъ пустыню. Слабые по возрасту или полу сидятъ въ повозкахъ или около повозокъ и исполняютъ домашнія работы. Люди возрастные и сильные—вѣчно на конѣ. Съ дѣтства привычные къ верховой ѣздѣ, они почитаютъ безчестнымъ для себя ходить пѣшкомъ. Они превосходные воины, потому что военное дѣло у нихъ становится

суровою наукою во всѣхъ мелочахъ. Высшее счастье въ ихъ глазахъ—погибнуть въ битвѣ. Умереть отъ старости или отъ какого случая—это позоръ, унизительнѣе котораго ничего не можетъ быть. Убить человѣка—геройство, которымъ только и можно хвалиться. Самая славная добыча для такого героя—это кожа съ головы врага, которая и служитъ покрышкою для лошади побѣдителя. Рабство имъ неизвѣстно и всѣ они родятся свободными. Вождями избираютъ себѣ храбрѣйшихъ и способнѣйшихъ. У нихъ нѣтъ храмовъ и никакихъ зданій, хотя бы соломеннаго шалаша для поклоненія божеству. Обнаженный мечь, воткнутый въ землю, становится для нихъ кумиромъ, верховнаго божества (Марса) и святилищемъ ихъ варварскаго благочестія. Въ обычаѣ у нихъ гаданіе на ивовыхъ прутьяхъ, и пр. Аланы вообще красивы и рослы; волосы ихъ отливаютъ въ русый цвѣтъ. Взглядъ у нихъ скорѣе воинственный, чѣмъ свирѣпый. Быстротою нападеній и воинственнымъ духомъ они ни въ чемъ не уступаютъ Гуннамъ".

Въ сущности въ этомъ разсказѣ изображены не Аланы, а только тѣ свѣдѣнія и фантазіи о кочевомъ бытѣ, какія были въ ходу у начитаннаго римскаго общества. Къ самимъ Аланамъ можетъ только относиться отмѣтка Марцеллина объ ихъ наружности, что они красивы и рослы, что волоса ихъ отливаютъ въ русый цвѣтъ, что взглядъ ихъ скорѣе воинственный, чѣмъ свирѣпый, что нисколько не уступая Гуннамъ въ быстротѣ нападенія и воинственности, они только опрятнѣе въ одеждѣ и разборчивѣе въ пищѣ. Но и эта черта, какъ по всему замѣтно, явилась съ тою цѣлью, дабы чернѣе представить Гунновъ, ибо авторъ главнымъ образомъ описывалъ нашествіе Гунновъ. Какъ бы нибыло, но для насъ ясно одно, что Марцеллинъ здѣсь говоритъ объ Аланахъ, кочевавшихъ по его выраженію въ „безграничномъ пространствѣ", въ нашей Русской Землѣ, что это былъ народъ знаменитый своими войнами и господствующій въ своей странѣ, что обыкновеннымъ мѣстомъ ихъ набѣговъ и охоты были берега Воспора Киммерійскаго и Азовскаго моря, что ихъ набѣги простирались даже въ Арменію и Мидію, въ Закавказье. Эти знаменитые Аланы по исторіи носили особое имя—Рокс—аланы, о которыхъ Марцеллинъ вовсе не упоминаетъ въ своемъ описаніи Аланъ, а перечисляетъ ихъ

однажды за урядъ съ другими народами: Явыги, Роксоланы, Аланы, Меланхлены, Гелоны и пр. и потому даетъ право заключить, что все сказанное имъ объ Аланахъ вообще относится столько же и къ Роксоланамъ, и что такимъ образомъ Роксоланы были родственники всѣмъ остальнымъ сѣвернымъ Аланамъ.

Для пополненія и поясненія географическихъ показаній древнихъ писателей обратимся къ исторіи.

Въ исторіи нашей страны очень замѣчательно время Понтійскаго (черноморскаго) царя Митридата Великаго, 121—64 годы до Р. Х. Почти всю жизнь онъ боролся съ Римомъ, ненавидѣлъ Римъ отъ всей души и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы совсѣмъ истребить это волчье гнѣздо, „ненасытное крови и завоеваній, жадное къ богатству и завистливое ко всякой власти, гнѣздо, котораго и основатели, какъ онъ говорилъ, были воспитаны сосцами волчицы“. На востокѣ большимъ союзникомъ Матридата противъ Римлянъ была общая къ нимъ ненависть по случаю явнаго грабительства ихъ проконсуловъ, неправеднаго ихъ суда въ тяжбахъ, великаго издоимства ихъ мытарей и всякихъ сборщиковъ пошлинъ. Но Митридатъ замышлялъ поднять весь міръ на это волчье гнѣздо и намѣревался сдѣлать на него нападеніе оттуда, откуда меньше всего можно было его ожидать, именно съ сѣвера Италіи. Съ этою цѣлью онъ завелъ тѣсную дружбу со всѣми варварами отъ Дона и Днѣпра до Адріатическаго и Балтійскаго моря. Онъ разсылалъ къ нимъ пословъ, прямо просилъ помощи на Римлянъ, привлекалъ различными одолженіями и дарами, и главное обѣщаніями найдти въ Римскихъ областяхъ несмѣтныя сокровища. Его послы странствовали и къ Кимврамъ. Въ нашихъ же мѣстахъ онъ поднялъ въ Крыму Скиѳовъ и Тавровъ, а отъ Днѣпра до Дуная Сарматовъ-Царей, Сарматовъ-Языговъ, Кораллов (несомнѣнно Гораловъ на Карпатскихъ горахъ), Бастарновъ, храбрѣйшій изъ всѣхъ придунайскихъ народовъ, и Ѳракійцевъ, жившихъ на южномъ берегу Дуная до Гемуса и Родопа.

Любопытно, что собранное изъ этихъ странъ войско состояло по преимуществу изъ пѣхоты, 190 тысячь пѣхоты

и 16 тысячъ конныхъ; въ числѣ конныхъ были кромѣ Скиѳовъ и нѣкоторые Кавказскіе народы. Одно это можетъ показывать, что здѣсь жили по большой части хлѣбопашцы, и никто другой, какъ Славяне. Сверхъ того этой арміи предшествовали толпы пѣшихъ же людей, которые расчищали дорогу, теребили путь, несли запасы и вели небольшой торгъ [1].

Но собравши сухопутныя силы, Митридатъ не оставилъ безъ вниманія и морскихъ лодочныхъ флотовъ, которыми владѣли приморскіе жители по всѣмъ берегамъ Чернаго моря. Онъ и ихъ поднялъ на Римъ, даже содержалъ морскихъ разбойниковъ на жалованьи и образовалъ изъ нихъ такую морскую разбойничью силу, съ которой Римляне потомъ едва могли справиться. Быть можетъ и въ это уже время Днѣпровскія лодки также плавали по Черному морю, опустошая побережья римскихъ владѣній. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что во время войны Митридата со Скиѳами, которымъ на помощь приходили Роксоланы, его полководецъ Неоптолемъ на одной и той же переправѣ (на Воспорѣ Киммерійскомъ) одолѣлъ варваровъ лѣтомъ въ морскомъ сраженіи, а зимою въ конномъ. Стало быть и скиѳскіе сѣверные союзники тоже имѣли флоты.

Какъ бы ни было, но Митридатовы войны съ Римомъ должны были разнести между нашими варварами много новыхъ свѣдѣній о богатыхъ странахъ поморскаго Европейскаго и Азіатскаго юга. Митридатъ въ этомъ отношеніи просвѣтилъ варваровъ и указалъ имъ пути, какъ и откуда было легче всего добывать золото и даже ежегодную подать.

Съ другой стороны, послы Митридата, странствуя по землямъ, необходимо описывали пути, какъ ходить къ варварамъ и гдѣ кто изъ нихъ живетъ. Не изъ такихъ ли записокъ составилась потомъ географія Марина Тирскаго, которая была сокращена Птоломеемъ. Покрайней мѣрѣ Стра-

[1] Извѣстно, что еще почти за два столѣтія до Митридата, во время войны сыновей Воспорскаго царя Перисада I-го, въ 311 г. до Р. Х., вспомогательные Скиѳы поставили 20 тысячъ пѣхоты и только 10 тысячъ конницы. Діодоръ Сиц. XX. Все это обнаруживаетъ, что большинство Скиѳскаго населенія были земледѣльцы.

бонъ, кн. 1, гл. 2, прямо говоритъ, что дальнѣйшія страны Европы отъ Днѣстра до Кавказа сдѣлалъ извѣстными Митридатъ и его полководцы.

Еще прежде своей дружбы съ Сарматскими племенами отъ Днѣпра до Дуная и до Балтійскаго и Адріатическаго моря, Митридатъ совсѣмъ разгромилъ старыхъ кочевниковъ Скиѳовъ и тѣмъ, по всему вѣроятію, обезпечилъ свои сношенія съ сѣверными, попреимуществу земледѣльческими народами. Онъ очень хвалился побѣдами надъ Скиѳами. „Изъ смертныхъ я одинъ покорилъ Понтъ и всю Скиѳію, говорилъ онъ, ту Скиѳію, мимо которой прежде никто не могъ ни безопасно пройдти, ни приблизиться къ ней. Два царя, Дарій Персидскій и Филиппъ Македонскій осмѣлились было, не покорить, а только войдти въ Скиѳію, и съ позоромъ бѣжали, бѣжали оттуда, откуда теперь мнѣ прислано великое число войска на Римлянъ“.

Ясно изъ этихъ словъ, что сильное кочевое племя нашихъ южныхъ степей было обезсилено Митридатомъ окончательно. Съ той поры слава Скиѳовъ умолкла навсегда.

Война со Скиѳами началась по слѣдующему обстоятельству. Лѣтъ за сто до Р. Х. корсунскіе Греки, тѣснимые Скиѳами, призвали Митридата на помощь и отдались совсѣмъ въ его покровительство. Скиѳы, извѣстно, требовали дани больше прежняго. По этой же причинѣ отдался во власть Митридату и Воспорскій князь Перисадъ, такъ что Митридатъ неожиданно сдѣлался властителемъ всего Крымскаго полуострова.

У Скиѳовъ былъ тогда царь Скилуръ, владѣвшій вѣроятно всею Черноморскою страною, потому что Ольвія печатала его изображеніе и имя на своихъ монетахъ. У него было много сыновей и старшій Палакъ, именемъ котораго и теперь называется Балаклава. Послѣ многихъ битвъ и Митридатова похода въ самую Скиѳію, Скиѳское владычество во всей странѣ было уничтожено безъ остатка. На помощь Скиѳамъ въ это время приходили и сѣверные ихъ сосѣди, Роксоланы. Они пришли именно къ Палаку въ числѣ 50 тысячъ подъ предводительствомъ своего воеводы Тасія и считались воинственными, какъ говоритъ Страбонъ, но полководецъ Митридата Діофантъ, воевавшій съ ними около

Корсуня, разбилъ ихъ съ шестью тысячами своего войска. Большая часть ихъ погибла.

По словамъ Страбона они были вооружены шлемами изъ воловьей толстой кожи и такою же бронею; щиты носили плетеные изъ дерева; оружіе имѣли копья, или дротики, лукъ и мечь. Страбонъ не говоритъ, что это было конное войско. Судя по вооруженію, скорѣе всего они приходили пѣшіе.

Такимъ образомъ царство Геродотовскихъ Скиѳовъ прекратило свое существованіе. Но любопытно, что тотчасъ послѣ Скиѳовъ, въ этихъ же странахъ возникаетъ слава Роксоланъ, такъ безславно и неудачно начавшихъ свою исторію въ союзѣ со Скиѳами.

Были-ли Роксоланы настоящими кочевниками, объ этомъ до сихъ поръ утвердительно сказать нельзя. Страбонъ, описавши вооруженіе Роксоланъ и сказавши, что съ ними сходствуетъ большая часть остальныхъ (ихъ сосѣдей и соплеменниковъ), дѣлаетъ очеркъ кочеваго быта и ни слова не говоритъ, что именно такъ жили Роксоланы, а говоритъ вообще о степнякахъ, кочевавшихъ лѣтомъ въ равнинахъ, а зимою по болотамъ Меотиды. Этотъ очеркъ стало быть относится или ко всѣмъ упомянутымъ имъ прежде народамъ, или же къ однимъ только Скиѳамъ, обитавшимъ по близости Крыма. Самымъ сѣвернымъ, передъ другими, Роксоланамъ было очень далеко уходить на зиму къ болотамъ Азовскаго моря, тѣмъ болѣе, что по Страбону же тамъ жили Скиѳы и Савроматы, см. выше стр. 270. Отъ этого общаго очерка кочеваго быта географъ тотчасъ переходитъ къ общему же очерку климата этихъ странъ.

Такимъ образомъ Страбонъ ясно и точно не говоритъ, что Роксоланы были природные кочевники. У Римлянъ же, какъ мы замѣтили, вся Сарматія заключала въ себѣ только кочевниковъ, по той причинѣ, что вся наша равнина представлялась имъ не иначе, какъ Скиѳскою степью.

„Въ послѣдствіи этотъ Сарматскій народъ, говоритъ Шафарикъ, часто является въ Римской исторіи, именно до самаго конца 4-го столѣтія, причемъ жилища ихъ всегда почти показываются на Черноморьѣ, близъ устья Днѣпра".

Въ 69 году зимою въ своемъ походѣ на Римскія области они изрубили два римскихъ полка и ворвались въ Мизію (теперешняя Сербія). Ихъ было 9 тысячь конницы. Пока они занимались своею добычею, разсѣявшись по странѣ безъ всякой осторожности, наступило теплое время, пошли дожди и собрались римскія войска. Третій легіонъ при пособіи вспомогательнаго войска напалъ на нихъ въ расплохъ. Обремененные награбленнымъ имуществомъ, въ наставшую отъ дождей распутицу, Роксоланы не могли сопротивляться и были по большей части побиты. Тацитъ при этомъ разсказываетъ, что скользкая дорога лишила быстроты ихъ коней. „Весьма чудно, прибавляетъ онъ, что въ этомъ случаѣ вся храбрость Сарматская совсѣмъ пропала. Они вовсе не способны къ пѣшимъ сраженіямъ; когда же по отрядно пускаются въ бой на коняхъ, то едвали какая рать можетъ устоять противъ нихъ. Но теперь не приносили имъ пользы ни копья, ни предлинные ихъ мечи, которыми дѣйствуютъ они не иначе какъ ухватя обѣими руками. Лошади ихъ падали и вязли, какъ и люди, въ глубокихъ и мягкихъ снѣгахъ. Кромѣ того начальники и лучшіе воины очень отягчены были своею бронею, которая состояла изъ желѣзныхъ дощеченъ или изъ самой жесткой кожи. Храбрецовъ покрытыхъ этою бронею, хотя удары и не проницали, но упавши на землю, во время схватки, они не могли подняться и притомъ вязли въ снѣгу: Римляне въ своихъ легкихъ латахъ свободно поражали враговъ метательными стрѣлами или копьями, а когда дѣло доходило до рукопашной битвы, кололи ихъ вблизи легкими римскими мечами, противъ которыхъ Сарматы не привыкли защищать себя даже и щитомъ. Малое число Роксоланъ, спасшихся отъ битвы, попряталось въ болотахъ, гдѣ они всѣ погибли или отъ стужи или отъ ранъ“.

Тацитъ въ этомъ разсказѣ съ особеннымъ намѣреніемъ желаетъ выставить преимущества Римскаго вооруженія и способа войны предъ варварскимъ, рисуя при этомъ Роксоланъ обычными красками, какими всегда описывались кочевники. Но изъ его же повѣствованія видно, что на Роксоланъ, попавшихъ на распутицу съ тяжелымъ бременемъ различной добычи, въ расплохъ напалъ цѣлый легіонъ (болѣе 6000 ч.) свѣжаго войска, при помощи свѣжихъ же вспо-

могательныхъ отрядовъ. Конечно, коннице противъ пѣхоты вообще бороться было уже невозможно, а въ распутицу на коняхъ и уйдти во свояси также было очень затруднительно. Въ описаніи Тацита Роксоланы походятъ на истыхъ кочевниковъ, по неумѣнью продолжать битву пѣшими, въ глубокихъ и топкихъ снѣгахъ. Но зато предлинные ихъ мечи, которыми владѣть надо было обѣими руками, прямо выводятъ ихъ изъ разряда кочевыхъ народовъ и прямо указываютъ, что прежде всего это были пѣшіе ратники[1].

Исторія такимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Роксоланы уже во второй разъ были побиты. Къ сожалѣнію она ничего не разсказываетъ о томъ, какимъ образомъ тѣже побитые Роксоланы стали брать съ Рима дань, хотя бы подъ видомъ ежегодныхъ подарковъ, какъ пишутъ римскіе историки, всегда отстраняя нѣсколько постыдное слово дань. Знаемъ только изъ одной надписи, относимой ко времени импер. Веспасіана, 69 — 79 г., что Римляне возвращаютъ князьямъ Бастарновъ и Роксолановъ ихъ сыновей, по всему вѣроятію бывшихъ у Римлянъ въ таляхъ или въ заложникахъ на случай ссоры и войны. Это показываетъ, что у Роксоланъ съ Римомъ были сношенія постоянныя и притомъ мирныя, союзныя.

Знаемъ еще, что при импер. Адріанѣ (117—138) Сарматы и Роксоланы возмутились противъ Рима именно за неплатежъ дани. Царь Роксоланскій, говоритъ Спартіанъ (гл. 6) жаловался на уменьшеніе обычныхъ даровъ, которые получалъ отъ Рима. Адріанъ, разобравъ причину его неудовольствія, заключилъ съ нимъ міръ, то есть конечно удовлетворилъ его надлежащею прибавкою. Въ римскихъ надписяхъ

[1] Извѣстно по Плутарху (въ Маріѣ), что длинными тяжелыми мечами работали противъ Римлянъ Кимвры. Древніе Кіевскіе мечи, найденные въ разное время въ самомъ городѣ, какъ и въ другихъ Кіевскихъ мѣстахъ, имѣютъ длины около полутора аршина, а недавно открытый мечь раскопками Московскаго Археологическаго Общества въ курганѣ близъ Смоленска, имѣетъ длины около семи четвертей. Онъ былъ найденъ воткнутымъ въ землю между двумя копьями; вблизи находился глиняный горшокъ съ пепломъ сожженія покойника. Въ Венедскихъ-Славянскихъ курганахъ на Балтійскомъ Поморьѣ, въ Мекленбургѣ, въ землѣ древнихъ Варновъ, находимые мечи тоже длинные, чѣмъ отличаютъ самыя могилы, какъ Славянскія. Ж. М. Н. П. 1839, Мартъ.

этого времени упоминается даже имя Роксоланскаго царя: Распарасанъ [1].

При Маркѣ Авреліѣ на Римъ поднялись всѣ пограничные сѣверные народы. Настала такъ называемая во всемірной исторіи Маркоманская война (166—180), которая, говорятъ страшнѣе была Пунической. Нѣмецкими учеными эта война только и называется Германскою. Между тѣмъ римскіе же древніе писатели называютъ ее особо Германскою, Маркоманскою и особо Сарматскою, или лучше сказать, говоритъ Капитолинъ, войною многихъ народовъ, по той естественной причинѣ, что Сарматы въ ней участвовали, нисколько не меньше, если еще небольше Германцевъ. Изъ Сарматскихъ народовъ тогда воевали: Сарматы-Языги, Роксоланы, Бастарны, Аланы, Певкины, Костобоки (Капитолинъ гл. 22). Страшнѣе всѣхъ были Языги, которые преимущественно предъ другими прозываются именемъ Сарматовъ. Они продолжали войну и послѣ того, какъ Германскія племена были усмирены, то есть и тогда уже, когда великая Маркоманская или Нѣмецкая война прекратилась. Добрѣйшій Маркъ Аврелій очень жалѣлъ, что не удается ему совсѣмъ истребить этотъ безпокойный народъ [2].

---

[1] Если это имя объяснять изъ туземныхъ звуковъ и предполагать, что оно составное, то въ именахъ нашихъ земель найдемъ: озеро Росспу, рѣки Росонь или Расонь. см. стр. 177, 181. Припомнимъ имя острова Rosphodusa, находившагося въ Перекопскомъ заливѣ, и личное имя Іорнандова вождя Готовъ въ 3-мъ вѣкѣ, Респа. Наконецъ припомнимъ вождя Дунайскихъ Булгаръ, Аспаруха, который переселился на Дунай съ устья Днѣпра. Птоломей упоминаетъ въ верхней Панноніи городъ Ruispia.

[2] Нѣмецкія патріотическія идеи никакъ не хотятъ допустить въ исторію той очевидной истины, что въ разрушеніи Римской имперіи наравнѣ съ Германскими племенами участвовали и Славянскія или вообще народности нашей Скиѳіи и Сарматіи; поэтому Маркоманская война у нихъ именуется даже просто Нѣмецкою, хотя въ самомъ имени Маркоманнъ скрываются вообще пограничные обитатели сѣвера Германіи, въ числѣ которыхъ необходимо находились и Славяне отъ Одры и Вислы. Каждый изслѣдователь, сколько нибудь чуждый Нѣмецкому патріотизму и Нѣмецкимъ воззрѣніямъ на исторію, всегда въ своихъ разысканіяхъ встрѣчается съ этою Нѣмецкою неправдою. Вотъ что замѣтилъ г. Дриновъ о Маркоманской войнѣ: «Читая у Діона Кассія, современника этой войны и единственнаго источника для ея исторіи, какую значительную роль играли въ ней не Нѣмецкіе народы, нельзя не

„Языги, говоритъ Діонъ Кассій, отдѣленные Римлянами (послѣ завоеванія Дакіи) отъ своихъ Черноморскихъ братьевъ, до тѣхъ поръ воевали съ импер. М. Авреліемъ, пока онъ не заключилъ съ ними міра и не согласился на свободное сношеніе ихъ начальниковъ черезъ Дакію съ братьями ихъ, Роксоланами, на Черномъ морѣ".

По свидѣтельству Іорнанда, гл. 12, этихъ Языговъ отдѣляло отъ Роксоланъ только русло Дуная, ибо Языги жили вверху рѣки, а Роксоланы владычествовали въ устьѣ, посреди же находилась Дакія, южною границею которой было именно только русло Дуная. Нѣтъ сомнѣнія, что самая причина столь упорной войны заключалась въ притѣсненіяхъ со стороны Римлянъ, отнимавшихъ свободный проходъ по Дунаю.

На этомъ основаніи, что Языги и Роксоланы называются Сарматами, знаменитый славистъ Шафарикъ причисляетъ ихъ къ азіатамъ, къ Сарматамъ Мидійскаго происхожденія, т. е. къ Сарматамъ Геродотовскаго времени, вовсе забывая, что въ Римскую эпоху имя Сарматъ сдѣлалось простымъ географическимъ именемъ страны, а не народа, въ родѣ нашей Сибири, обозначавшимъ все населеніе восточной Европы, и по преимуществу Славянъ. Вопреки Шафарику многіе и очень знаменитые Нѣмецкіе ученые не сомнѣваются, что Сарматы-Языги, были Славяне [1]. Слѣдов. и Роксоланы, по братству съ ними, засвидѣтельствованному Діономъ Кассіемъ, были тоже Славяне [2].

удивляться односторонности тѣхъ Нѣмецкихъ историковъ, которые (Веберъ), называя эту войну Нѣмецкою войною, присвояваютъ всю, такъ сказать, славу ея однимъ Нѣмецкимъ племенамъ.... Не Нѣмецкими племенами они пренебрегаютъ совсѣмъ, или раздаютъ имъ какія-то безсмысленныя роли, дѣлая изъ нихъ, если позволено такъ выразиться, прихвостней, такъ называемаго, Маркоманскаго союза. Чтенія Общ. Истор. 1872, кн. 4, стр. 50.

[1] Чтенія Общ. Истор. 1872 кн. 4, статья г. Дринова, стр. 65.

[2] Наименованіе Птоломеемъ по-Дунайскихъ Языговъ переселенцами, точно также, какъ и наименованіе Скимномъ Хіоскимъ Бастарновъ-Певкиновъ на устьяхъ Дуная пришельцами, (Зап. Одес. Общ. III, стр. 136, 137 и т. II, отд. 1, стр. 239) очень хорошо объясняетъ въ своей географіи Страбонъ (Кн. 7, гл. 3. § 17). Онъ говоритъ: «За Днѣстрянами къ Днѣпру живутъ Языги-Сарматы, они живутъ и вдоль Истра, нерѣдко по обоимъ его берегамъ» (гдѣ ихъ зналъ уже Овидій, 7—17 годъ

Итакъ, если, по признанію авторитетныхъ ученыхъ, по-Дунайскіе Языги-Сарматы—переселенцы, были Славяне и были братья Роксоланамъ, то надо только удивляться, почему мы никакъ не хотимъ почитать Роксоланъ Славянами же нашей Кіевской области, гдѣ по преимуществу отводятъ имъ мѣсто всѣ древніе писатели.

Коренное гнѣздо Роксоланъ можетъ прямо указывать область Кіевской рѣки Роси (по лѣтописямъ), или Россы (по Щекатову и другимъ старымъ географіямъ и картамъ), долина которой исполнена рѣчками и селеніями, носящими тоже имя (см. выше стр. 176).

По Геродоту на этомъ самомъ мѣстѣ жили Скиѳы пахари, оратаи, сѣявшіе хлѣбъ для продажи, а слѣдовательно и торговавшіе имъ и на югъ и на сѣверъ, и на востокъ и на западъ, и торговавшіе не только хлѣбомъ, но и всѣми другими предметами, которые они получали въ обмѣнъ хлѣба.

Развитіе нашей страны было конечно прежде всего земледѣльческое, но именно въ Кіевской сторонѣ, судя по свидѣтельству Геродота, оно было на половину торговое. И началось оно, по всему вѣроятію, съ той поры, когда по берегамъ Чернаго моря, появились греческія колоніи, за 700 и 600 лѣтъ до Р. Х., не упоминая о Финикіянахъ. Самые Греки переселялись сюда потому, что хорошо знали природное богатство этихъ земель. Ихъ промышленный, торговый нравъ естественно распространялся и внутрь страны и естественно же долженъ былъ завязать торговые узлы въ мѣстностяхъ, гдѣ тому способствовало само природное положеніе земли, какова именно была Кіевская мѣстность. Такимъ торговымъ узламъ обыкновенно больше всего способствуютъ устья рѣкъ, въ которыхъ всегда и свивается торговое гнѣздо. Если греческая Ольвія, не говоря о другихъ греческихъ городахъ нашего юга, находилась въ устьѣ

по Р. Х.). Затѣмъ, говоря о Крымскомъ полуостровѣ и при-Днѣпровьѣ (глава 4, § 5) Страбонъ замѣчаетъ, что изъ этого края, разореннаго отъ безпрерывныхъ войнъ, множество народа переходитъ за Днѣстръ и даже за Дунай и остаются тамъ на житье... Ѳракійцы, прибавляетъ географъ, давали мѣсто переселенцамъ, гдѣ уступая силѣ, а гдѣ покидая землю по ея негодности». Нѣтъ сомнѣнія, что Митридатовы войны со Скиѳами были одною изъ первыхъ причинъ для подобныхъ переселеній.

двухъ богатыхъ рѣкъ, то и Кіевъ находился тоже въ устьѣ столько же богатыхъ рѣкъ, сливающихся у его границы въ одну еще болѣе богатую и славную рѣку Днѣпръ. Кіевъ или его край лежалъ собственно на Днѣпровомъ внутреннемъ устьѣ. Отсюда къ югу начиналось Поле-Степь-Пустыня, т. е. другой міръ жизни, а къ сѣверу сплошной лѣсъ, тоже иной міръ жизни. Точно такое же положеніе на волжскомъ сѣверовостокѣ занимала Суздальская земля при устьѣ Оки; за нею Болгарская земля, лежавшая при устьѣ Камы, а на Ильменскомъ сѣверѣ Новгородъ и Ладога, лежавшіе при устьѣ Ильменскихъ рѣкъ. Гдѣ сливались въ одно русло многія рѣки, тамъ соединялись и многіе люди въ одну общую жизнь торговаго города. Тамъ вскорѣ являлось и богатство и извѣстная степень образованности.

Въ Русской сторонѣ развитіе города, развитіе первоначальнаго общежитія, торговли и промысла, а за ними извѣстной степени богатства и образованности, началось въ Кіевской землѣ, въ которой серединное положеніе занимала рѣка Росса или Рось. Было-ли это имя туземнымъ, или, что также могло случиться, оно явилось съ приходомъ въ эти мѣста Балтійскихъ Руговъ-Роговъ—Велетовъ, поселившихся здѣсь тоже съ торговыми цѣлями, во всякомъ случаѣ оно очень давняго происхожденія и должно относиться по крайней мѣрѣ ко времени перваго появленія въ исторіи Роксоланъ, то есть къ первому столѣтію до Р. Х.

Что въ началѣ объ этомъ имени ничего не было слышно— это не удивительно. И о самой Ольвіи немного разсказываетъ Исторія и только поминаетъ нерѣдко одно ея имя. Не сохранись ея монетъ, надписей и другихъ подобныхъ памятниковъ, наши свѣдѣнія объ Ольвіи были бы также скудны, какъ и обо всей нашей странѣ. Ни Ольвія, ни нашъ Росъ не отличались военными нравами и жили больше всего работою и торговлею. Пріобрѣсти же себѣ имя въ исторіи возможно было только военнымъ походомъ; вотъ почему о Россахъ подъ именемъ Роксоланъ узнаютъ только тогда, когда Скиѳы позвали ихъ къ себѣ на помощь противъ Митридата Великаго. Да и послѣ, какъ обыкновенно, объ нихъ упоминается только по случаю военныхъ походовъ.

Скиѳы со временъ Геродота жили если не въ особой дружбѣ, то въ большомъ согласіи съ Греками Днѣпровцами въ

Ольвіи и Херсонцами въ Крыму. Согласіе это укрѣплялось и поддерживалось, конечно, обоюдными выгодами Скиеы вѣрно брали съ Ольвіи хорошую дань и за то берегли ее отъ другихъ степняковъ и различныхъ враговъ, чего одного только и недоставало Грекамъ. Точно также и по такимъ же причинамъ Скиеы должны были жить въ согласіи и съ сѣверными Днѣпровскими племенами, съ земледѣльцами Славянами, доставлявшими имъ подъ видомъ дани и торговли хлѣбъ, медъ, дорогіе мѣха сѣверныхъ звѣрей. Въ такомъ положеніи должны были находится здѣшнія дѣла въ обыкновенную, такъ сказать, повседневную пору здѣшней жизни и здѣшнихъ отношеній.

Страбонъ очень вѣрно обрисовываетъ это повседневное состояніе дѣлъ между властителями и подданными. Онъ говоритъ: „Кочевники занимаются больше войнами, чѣмъ разбоями, а воюютъ всегда для дани. Предоставивъ землю тѣмъ, которые хотятъ заниматься земледѣліемъ, они довольствуются собираніемъ за нее условленной дани, да и то умѣренной, потому что цѣль ея не избытокъ, а удовлетвореніе повседневныхъ житейскихъ потребностей. Если дань не платятъ, они начинаютъ войну. Въ этомъ смыслѣ Гомеръ называетъ ихъ вмѣстѣ и справедливѣйшими и (бѣдными) живущими Богъ знаетъ чѣмъ, такъ какъ они и не брались бы за оружіе, еслибъ имъ платили дань исправно. Не платятъ тѣ, которые считаютъ себя довольно сильными, чтобы легко отразить ихъ нашествіе или даже и не допустить ихъ до своихъ земель“.

Эта замѣтка Страбона выводитъ насъ, такъ сказать, на Божій свѣтъ изъ тѣхъ мрачныхъ понятій, по которымъ намъ всегда представлялось въ средней исторіи, что кочевники вообще были ненасытные разбойники, что подъ ихъ владычествомъ и вблизи ихъ невозможно было существовать ни одному земледѣльческому народу. Если по берегамъ Чернаго моря греческія колоніи жили покойно и даже процвѣтали, сносясь и торгуя съ тѣми же разбойниками Скиеами, то и наши сѣверные земледѣльцы точно также должны были, если и не процвѣтать, то жить сытно подъ ихъ покровительствомъ, выплачивая разумѣется условленныя дани, а въ иныхъ случаяхъ и запросныя деньги, то есть поборы сверхъ условій.

Послушаемъ лучше всего самихъ Грековъ, какъ они разсказываютъ объ этихъ своихъ отношеніяхъ къ Скиѳамъ въ эпоху нѣсколько позднѣе Геродотовой. Ихъ разсказы записаны живьемъ не на бумагѣ и не однимъ человѣкомъ, а на мраморахъ, по опредѣленію всего города, по волѣ совѣта и народа, на память будущимъ родамъ, о достославныхъ подвигахъ на общую пользу славнаго ихъ гражданина Протогена.

„Во первыхъ, говоритъ эта мраморная лѣтопись, когда царь Сайтаѳарнъ пришелъ (подъ Ольвію)... и требовалъ подарковъ по случаю своего прибытія (порусски поклонъ, поклонные дары), а въ городской суммѣ былъ недостатокъ, то, призванный народомъ на помощь (Протогенъ) далъ 400 золотыхъ монетъ... (Второе) когда Саіи (скиѳскій народъ) прибыли во множествѣ для полученія подарковъ, и народъ не былъ въ состояніи дать имъ, и хотѣлъ, чтобъ Протогенъ помогъ въ этомъ случаѣ, онъ явился и представилъ 400 золотыхъ монетъ... Потомъ, когда царь Сайтаѳарнъ прибылъ для принятія почестей на тотъ берегъ и архонты собрали народъ для совѣщанія, гдѣ (на вѣчѣ) извѣщено было о прибытіи царя, равно какъ и о томъ, что въ городской казнѣ ничего не оставалось, предсталъ Протогенъ и предложилъ 900 золотыхъ монетъ. Какъ же скоро послы (царя) получили деньги и Протогенъ съ Аристократомъ вышли на встрѣчу царю, который, хотя и принялъ подарки, но былъ разгнѣванъ и вступилъ въ возвратный путь (конца недостаетъ)[1].

Такъ жила Ольвія уже въ послѣднее время своего существованія, обѣднѣвшая и безсильная. Но въ это же самое время, повидимому, не такъ жили Роксоланы, способные не только защищать себя, но даже и помогать тѣмъ же Скиѳамъ. Исторія Роксоланъ, однако, не показываетъ, что это былъ народъ очень воинственный, очень сильный и могущественный, въ родѣ древнихъ Скиѳовъ. Мы видѣли, что исторія знаетъ только ихъ неудачи. Между тѣмъ древняя географія и этнографія ставятъ этотъ народъ господствующимъ въ нашей южной странѣ, а Великій Римъ почему-то находитъ

---

[1] Протогенову надпись относятъ къ 200-мъ годамъ до Р. Х. или же къ Митридатовымъ войнамъ. Славянскія Древности Шафарика т. I, кн. II, стр. 202.

выгоднымъ держать съ ними союзъ и посылать имъ дары, въ родѣ дани, объ уменьшеніи которой жаловался Роксоланскій царь, то есть по просту князь-предводитель. Очевидно, что могущество Роксоланъ заключалось не столько въ ихъ воинственности, сколько въ политической силѣ самой ихъ страны, съ которою дружба быть можетъ уравновѣшивала мирныя отношенія къ другимъ варварамъ — сосѣдямъ придунайскихъ римскихъ провинцій.

Извѣстно, что въ послѣдствіи владычество Роксоланскаго имени простиралось до самыхъ Бастарновъ или до вершинъ Днѣстра и до устьевъ Дуная. Вблизи этихъ мѣстъ Адріанъ и сносился съ Роксоланскимъ царемъ, и потому въ этихъ же мѣстахъ Плиній помѣщаетъ народъ Аорсовъ, а Птоломей—Арсіетовъ. Одинъ изъ тридцати тиранновъ, самозванныхъ императоровъ Рима, Регилліанъ (256—267), во время войны съ Сарматами, погибъ отъ Роксоланъ по заговору римскаго же войска. Это опять указываетъ на связи Римлянъ съ Роксоланами. Императоръ Авреліанъ (270—274), торжествуя свой тріумфъ, водилъ въ процессіи съ скованными руками представителей всѣхъ побѣжденныхъ варварскихъ народовъ, и въ томъ числѣ Готовъ, Алановъ, Роксолановъ, Сарматовъ, Франковъ, Свевяиъ, Вандаловъ и Германцевъ.

Такъ какъ Роксоланы были сосѣди съ Бастарнами, то ихъ имя нерѣдко поминается рядомъ. Мы видѣли, что Страбонъ отдѣляетъ для Бастарновъ обширный край къ сѣверу отъ Дуная между Германіею и устьемъ Днѣстра. Точно также и Птоломей почитаетъ ихъ однимъ изъ главныхъ народовъ Европейской Сарматіи и указываетъ ихъ мѣсто вообще за Дакіей къ сѣверу, не опредѣляя границъ, и упоминая только, что между Певкинами и Бастарнами живутъ Карпіяне (въ Карпатскихъ горахъ); что подъ Бастарнами близъ Дакіи живутъ Тагры и подъ ними Тирангиты (Днѣстровцы); что между Бастарнами и Роксоланами (у Днѣпра) живутъ Хуны. Всѣ эти показанія отдѣляютъ для Бастарновъ весь сѣверовосточный край Карпатскихъ горъ. Плиній тоже говоритъ, что противъ Дакіи живутъ Бастарны и „другіе германскіе народы“. При другомъ случаѣ онъ прямо помѣщаетъ ихъ въ числѣ Германскихъ племенъ, конечно на томъ же основаніи, на какомъ и Тацитъ причисляетъ къ

Германцам Славян-Венедовъ, то есть обозначаетъ, что племена Бастарновъ были осѣдлыя, а не кочевыя.

Более древніе историки, какъ мы говорили, называютъ Бастарновъ Галатами, Галлами, Гетами, Скиѳами; на этомъ основаніи Шафарикъ настаиваетъ, что они были Кельты.

Такимъ образомъ, сбивчивыя показанія источниковъ даютъ полную возможность относить Бастарновъ и Певкиновъ и къ Галламъ и къ Германцамъ, о чемъ ученые спорятъ до сихъ поръ. Историки описываютъ Бастарновъ, что это былъ народъ, отличавшійся огромнымъ ростомъ, страшный по виду и особенно сильный въ конницѣ [1]. Бастарны не занимались земледѣліемъ, не плавали по морю, не имѣли стадъ для своего прокормленія. Дѣломъ ихъ жизни было сражаться и побѣждать враговъ. На войнѣ они обладали какимъ-то удивительнымъ искусствомъ устрашать врага и обманывать его необыкновенными хитростями [2]. Ко всему этому присоединялась жадность къ золоту. Когда послѣдній Македонскій царь Персей въ 170 г. до Р. Х. призвалъ ихъ на помощь противъ Римлянъ, они потребовали по 10 золотыхъ на каждаго всадника, по 5 на каждаго пѣшаго и по 1000 на каждаго предводителя. Во времена Митридата за 100 лѣтъ до Р. Х. Бастарны почитались храбрѣйшимъ изъ всѣхъ окрестныхъ народовъ.

Нѣмецкіе ученые, какъ мы сказали, причисляютъ ихъ вмѣстѣ съ Певкинами и даже Карпами къ германскому племени, основываясь главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ Плинія, и особенно на томъ обстоятельствѣ, что Бастарны явились къ Персею хотя и конницею, но съ параватами или пѣхотинцами, которые по одному находились при каждомъ конномъ воинѣ, заступали мѣсто убитыхъ всадниковъ и при всякихъ случаяхъ помогали имъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это были паробки. По описанію Юлія Кесаря точно такъ

[1] Въ этомъ случаѣ, по представленію латинскихъ писателей, они должны бы вполнѣ походить на кочевниковъ-Сарматовъ, ибо Роксоланъ потому и причисляютъ къ азіатамъ, что они выходили воевать конницею. Но по нѣмецкимъ мнѣніямъ Бастарны были первымъ по времени нѣмецкимъ народомъ, блистательно выступившимъ на поприще исторіи и составляли такъ сказать, передовой форпостъ Германства. Вотъ почему здѣсь конница уже не должна обозначать кочевниковъ.

[2] Плутархъ: Пав. Эмилій.

воевали Германцы (кн. 1, гл. 48). Но нѣтъ сомнѣнія, что точно такъ воевали и Галлы и другіе народы, имѣвшіе у себя пѣшую рать. Это доказательство еще слишкомъ слабо для того, чтобы причислять ихъ къ Германцамъ. Что Тацитъ говоритъ о нарѣчіи Бастарновъ, что по нарѣчію, по одеждѣ, по образу постройки жилищъ, они сходствуютъ съ Германцами, то это обстоятельство также ослабляется его недоумѣніемъ, куда отнести это племя, къ Германцамъ, или къ Сарматамъ - кочевникамъ, которое вполнѣ подтверждаетъ только то, что онъ не зналъ хорошо, какой это народъ.

Бастарны и Певкины обитали на восточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ до Днѣстра. Ихъ именами прозывались и самыя горы, Альпы Бастарнскія, горы Певкинскія. Подлѣ нихъ жили и Карпиды—Славяне Хорваты, отъ которыхъ получилъ имя и весь Карпатскій хребетъ. Если Бастарны были Германцы и при томъ по Страбону раздѣлялись на многія племена, то они непремѣнно должны оставить по себѣ память въ именахъ земли и рѣкъ, на которыхъ жили, ибо такая память сохраняется дольше всего. Такъ память о Галатахъ въ этихъ мѣстахъ сохранилась, пожалуй, въ имени Русскаго Галича и Галицкаго княжества. Что Галаты здѣсь жили, на это указываетъ несомнѣнная надпись на одномъ Ольвійскомъ мраморѣ. И очевидно, что эти Галаты суть позднѣйшіе Влахи, съ которыми въ перемежку всегда жили и Славяне.

Впрочемъ посмотримъ, что осталось на тѣхъ самыхъ земляхъ, на которыхъ нѣкогда жили Певкины и Бастарны.

По восточному склону Карпатскихъ горъ теперь существуетъ Буковина — земля по преимуществу Славянская, имя которой несомнѣнно звучитъ въ имени огреченныхъ и олатыненныхъ Певкиновъ. Отъ Буковины прямо къ югу тянется хребетъ, называемый Стерни-гора [1]. Отъ Буковины этотъ хребетъ отдѣляется рѣкою Быстрицею, которая прозывается Золотою Быстрицею (Goldene Bisztritz, Bisztra) и вытекаетъ изъ подъ горы, называемой Gallatz. Она течетъ отъ запада къ востоку, поворачиваетъ потомъ къ югу и впадаетъ пониже р. Молдавы въ Серетъ. Ея именемъ назы-

[1] Пользуемся картами: Подробной Россіи 1815 г.; Европейской Турціи, Парижъ 1822 г.; Венгріи—Вѣна 1849 г.

вается городъ и уѣздъ. Въ нее впадаетъ также малая Быстрица, по Валашски Beszterce. Не подалеку съ того же хребта къ западу въ р. Самошъ течетъ другая Быстрица, на которой стоитъ тоже означенный городъ Быстрицъ, именуемый по Валашски Besztertze, Бестерче.

Это самое мѣсто, по указанію древнихъ географовъ было жилищемъ Бастарновъ, такъ сказать, ихъ гнѣздомъ. Но ихъ славное и чисто Славянское имя распространялось во всѣ стороны Карпатскихъ горъ, ибо вся эта мѣстность безпрестанно оглашается Славянскимъ кореннымъ именемъ Стрый, Быстрый. На верху Днѣстра и почти изъ одной съ нимъ горы беретъ начало р. Стрвіонжъ, текущая западнѣе Днѣстра. Немного ниже текутъ въ Днѣстръ Быстрица и Стрый, а затѣмъ еще двѣ Быстрицы, которыя сливаются потомъ въ одну Быстрицу нѣсколько пониже древняго Галича. Въ этотъ же потокъ течетъ Стримба, впадающая въ рѣку Ворону, и съ нею въ Быстрицу. Всѣ эти рѣки текутъ съ горъ, съ правой стороны Днѣстра, повыше Буковины. Съ лѣвой стороны передъ Буковиною течетъ въ Днѣстръ прямо отъ Сѣвера рѣка Стрипа.

Можно отыскать нѣсколько и другихъ такихъ именъ, но для нашей цѣли и этого довольно. Быстрица по Валашски произносится Бестерче, слѣд. и наше Быстрый въ древнее время Валахами измѣнялось въ Бастаръ и Бестеръ. Намъ кажется, что въ этихъ двухъ именахъ, Быстрый и Бастаръ заключается вся исторія Бастарновъ или Бастерновъ. Это Славянскіе Быстряне, жившіе бокъ о бокъ, только черезъ горный хребетъ съ Галатами или Валахами, древними Даками и еще древнѣйшими Агаѳирсами, изъ земли которыхъ по Геродоту текла р. Морошь, берущая начало изъ западнаго хребта Стерни-горы, по восточному склону котораго противъ того же мѣста протекаетъ р. Быстрица, впадающая въ Серетъ. Точно также и Тейсъ беретъ начало, направляясь къ западу, изъ одной горы съ двумя верхними Быстрицами, впадающими въ Днѣстръ. Здѣсь была граница между Скиѳами и Агаѳирсами, а изъ этого ясно также, кого Геродотъ называлъ Скиѳами, да притомъ еще древними, отдѣляя ихъ отъ новыхъ, или, какъ онъ же говоритъ, настоящихъ Скиѳовъ, собственно кочевниковъ. Ясно также,

что древніе Агаѳирсы оставили свое потомство въ нынѣшнихъ Валахахъ, Румунахъ.

Наименованіе Бастарновъ Галатами могло явиться по той причинѣ, что они, въ то время владычествовали вмѣстѣ съ Галатами и ходили за одно съ ними же въ походы, отчего быть можетъ, Днѣстровское племя Славянъ стало называться Галичанами, а страна ихъ Галиціею.

По Тациту Певкины-Буковинцы и Бастарны одинъ и тотъ же народъ. Птоломей между этими двумя именами помѣщаетъ третье—Карпы, то есть олатыненное Хорваты, отъ которыхъ, получилъ свое имя и весь горный хребетъ. Все это несомнѣнно были племена Славянскія, потомки которыхъ живутъ и теперь на своихъ мѣстахъ, сохраняя отчасти даже и средневѣковой образъ жизни, каковы напр. нынѣшніе Горалы, обитающіе между Дуклою и Станиславовымъ. Но когда здѣсь жили Германцы и куда они потомъ ушли, исторія объ этомъ ничего не знаетъ, сообщая свѣдѣніе только о нашествіи сюда Готовъ уже въ 3-мъ вѣкѣ по Р. Х.

Для нашей исторіи Бастарны примѣчательны тѣмъ, что на ихъ мѣстахъ въ послѣдствіи возникаетъ очень сильное русское Галицкое княжество, и что эти Галаты-Бастарны, по образу своей жизни, уже за 170 лѣтъ до Р. Х. обнаруживаютъ вполнѣ козацкое бытовое устройство, которое, повидимому, было общимъ типомъ для устройства и другихъ военныхъ дружинъ, скоплявшихся въ разное время не только въ Карпатскихъ горахъ, но и по всѣмъ большимъ рѣкамъ нашего Черноморскаго Юга.

Маркоманская и Сарматская война послужила какъ бы военною школою для всѣхъ пограничныхъ Риму сѣверныхъ народовъ отъ Рейна до Днѣпра. Она научила эти народы подниматься на Римскія области не въ одиночку, а цѣлыми союзами. Она, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, воспитала цѣлое племя особыхъ военныхъ дружинъ, которыя съ того времени исключительно должны были жить работою меча. Между прочимъ она же выдвинула на историческую сцену и знаменитыхъ Готовъ, слава которыхъ при помощи ихъ же историка Іорнанда, покрыла тьмою всѣ дѣянія остальныхъ сосѣднихъ народовъ.

Іорнандъ разсказываетъ между многими баснями и то, что Готы вышли будто бы изъ Скандинавіи. Но мы видѣли,

стр. 159, какъ была просторна Іорнандова Скандинавія. Во времена Тацита, т. е. лѣтъ за сто до Германо-Сарматской войны Готы обитали гдѣ-то вблизи Балтійскаго моря въ сосѣдствѣ съ Славянами-Венедами. Отсюда они стали подвигаться къ Траяновой Дакіи около 215 г. и послѣ многихъ побоищъ утвердились въ ней въ 271 году.

По этому случаю нѣмецкіе историки уже прямо говорятъ, что Готы овладѣли всею страною отъ Тейса по горамъ Карпатскимъ, по Черному морю и до самаго Дона. Но на повѣрку выходитъ, что они владѣли только западною частью одной Дакіи, т. е. областью Тейса, ибо восточная ея часть по нижнему Дунаю и до Днѣстра искони принадлежала Сарматамъ, т. е. тутошнимъ Славянскимъ племенамъ, обитателямъ Карпатскихъ горъ и Днѣстровской стороны [1]. Наши Карпы или собственно Хорваты въ 237—238 г., совсѣмъ независимо отъ Готовъ, нападали на Мизію и въ добавокъ почитали себя еще знатнѣе Готовъ.

Еще около 230 года Карпы послали пословъ къ губернатору Мизіи Менофилу и требовали, чтобы Римляне и имъ платили дань, какую платятъ Готамъ. „Почему Готамъ вы даете деньги, а намъ не даете? „спрашивали Карпы. Менофилъ отвѣтилъ, что у императора много денегъ и онъ даетъ деньги тѣмъ, кто у него проситъ". „Пусть онъ и насъ считаетъ, въ числѣ такихъ же просителей. Пусть даетъ и намъ деньги. Мы знатнѣе Готовъ", подтвердили Карпы. Но заручившись союзомъ съ однимъ врагомъ, Римъ по обычаю презиралъ остальныхъ сосѣднихъ варваровъ, очень вѣрно расчитывая, что союзникъ всегда окажетъ надобное содѣйствіе, дабы укротить сосѣда.

Менофилъ съ должнымъ высокомѣріемъ провелъ Хорватовъ обѣщаніемъ донести объ ихъ требованіяхъ императору и объявилъ потомъ, чтобы они сами отправились въ Римъ: „Бростесь къ ногамъ императора, просите его, вѣроятно ваша просьба будетъ услышана" говорилъ онъ, оканчивая свои переговоры съ Хорватами. Черезъ нѣсколько лѣтъ Хорваты дѣйствительно бросились опустошать Мизію, какъ упомянуто.

---

[1] Чтенія въ Общ. Истор. 1872, кн. 4. Статья г. Дринова, стр. 52—53.

Этотъ анекдотъ случайно уцѣлѣвшій въ историческихъ отрывкахъ, свидѣтельствуетъ покрайней мѣрѣ одно, что въ половинѣ 3-го вѣка Готы вовсе еще не владѣли Карпатскою страною.

Открывается также, что и завоеваніе Готами Дакіи совершилось только по случаю особаго движенія на Римъ Хорватовъ и другихъ сосѣднихъ Черноморскихъ Славянъ. Въ царствованіе Галла, 251—253 г., на сцену являются вмѣстѣ съ Готами и Карпами, Вораны и Уругунды, которые, какъ говорится порусски, затыкаютъ за поясъ прославленныхъ Готовъ. Повидимому это былъ крѣпкій союзъ всѣхъ южныхъ Славянскихъ племенъ отъ Карпатъ до Днѣпра, работавшихъ за одно съ Готами, и какъ потомъ оказалось, только въ ихъ пользу. Историкъ Зосимъ называетъ этихъ союзниковъ однимъ именемъ: Скиѳами, въ которыхъ западные писатели видятъ однихъ Готовъ. Но историкъ Зосимъ очень часто поясняетъ, что эти Скиѳы были Готы, Вораны, Уругунды, Карпы, Певкины. По его словамъ они опустошили всѣ поДунайскія области имперіи, разрушили всѣ города, и не только господствовали въ Европѣ, но раззоряли все побережье Малой Азіи отъ Кавказа и до Ефеса. При императорѣ Галліенѣ, 259—268 г., никто уже не сопротивлялся этимъ Воранамъ, Готамъ, Карпамъ, Уругундамъ, и никакая сторона Имперіи и верхней Италіи не была въ безопасности отъ ихъ набѣговъ. Мы уже высказали предположеніе, что въ имени этихъ Вороновъ могутъ въ дѣйствительности скрываться тѣже Балтійскіе, Тацитовскіе Варины, Варны и Види-Варіи 6-го вѣка, по нашей лѣтописи Варяги.

Іорнандъ (гл. 20) разсказываетъ, что во время упомянутыхъ сейчасъ набѣговъ предводителями Готовъ были Респа, Ведуко, Туро и Варо. По обыкновенію древнихъ писателей въ личныхъ именахъ очень часто обозначались имена цѣлыхъ племенъ или самой страны, откуда являлось племя. Поэтому и здѣсь легко могло случиться, что имя Варо означаетъ дружину Вороновъ, какъ имя Туро цѣлое племя нашихъ Туровцевъ или Стурновъ Птоломея. Во всякомъ случаѣ нашъ Туръ, пришедшій отъ Варяговъ, находитъ въ Іорнандовомъ Турѣ прямаго своего предка. Припомнимъ, что у этого писателя не всѣ его Готы были истинными Германскими Готами. У него этимъ именемъ по-

крыты многія войны и движенія варваровъ вовсе не готскаго—германскаго происхожденія. Онъ видѣлъ своихъ Готовъ и въ Гетахъ задунайскихъ и во всѣхъ народностяхъ, носившихъ неопредѣленное имя Скиѳовъ и Сарматовъ.

Замѣтимъ также, что движеніе Готовъ отъ Балтійскаго моря къ Черному мимо Карпатскихъ горъ обозначало въ сущности общее движеніе тамошнихъ племенъ къ Черноморскому югу, болѣе богатому и болѣе промышленному, чѣмъ ихъ Балтійское поморье. Очень также вѣроятно, что это движеніе началось еще по возбужденію Митридата Великаго и съ особою силою должно было распространиться во время Маркоманской и Сарматской войны съ Римомъ. По этому нѣтъ ни малѣйшей причины сомнѣваться, что предпріимчивые балтійскіе моряки — Варины явились въ это время хозяевами и на Черноморскомъ югѣ, подъ именемъ Вороновъ. Другіе помянутые народы, кромѣ Готовъ, были тутошніе. Это Карпы-Хорваты, Певкины-Буковинцы, Уругунды—Страбоновскіе Урги и Герулы. Кромѣ Вороновъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ Герулы. При импер. Галліенѣ (267 г.) съ Меотійскихъ болотъ на 500 судахъ они ходили опустошать Архипелагъ, проникли въ самые Аѳины и были потомъ отбиты историкомъ Дексиппомъ. Затѣмъ они участвовали въ другихъ общихъ походахъ, о которыхъ говорено выше. Ихъ мѣстожительство довольно точно указываетъ историкъ Іорнандъ. По его словамъ этотъ народъ населялъ топкія мѣста вблизи Меотійскихъ болотъ, называемыя у Грековъ Hele, Илея Геродота, откуда произошло и названіе Геруловъ (другіе историки именуютъ ихъ Елурами, Ерулами). Они отличались быстротою и дерзостью своихъ набѣговъ, такъ что и самыя ихъ жилища-болота историкъ обозначаетъ вообще коварными, измѣнническими. Во времена Готскаго Эрманарика всѣ народы вербовали у нихъ легкую пѣхоту для войска [1].

---

[1] Тоже самое говоритъ о Днѣпровской странѣ писатель 16-го вѣка, Михалонъ-Литвинъ. «Кіевская область, пишетъ онъ, знаменита стеченіемъ всякихъ людей.... Изъ нихъ одни, убѣгая отъ власти отцовской или отъ рабства, работы, наказаній и долговъ, другіе отыскивая себѣ выгоды и лучшаго мѣста, приходятъ сюда, особенно весною.... А познакомившись съ удовольствіями этой страны, они никогда уже не возвращаются къ своимъ; въ короткое время они дѣлаются опытными охот-

По свидѣтельству Прокопія, Герулы, жившіе уже на Дунаѣ, въ своихъ нравахъ и обычаяхъ очень отличались отъ другихъ народовъ. Они поклонялись многимъ богамъ и приносили имъ человѣческія жертвы. Кто приближался къ немощной старости или впадалъ въ тяжкую и безнадежную болѣзнь, тотъ самъ же просилъ или долженъ былъ просить смерти. Тогда родные приготовляли ему костеръ и на верху костра клали немощное тѣло. На костеръ съ ножемъ въ рукѣ всходилъ одинъ изъ Геруловъ, не родственникъ, потому что родственникамъ это воспрещалось, и умерщвлялъ ненадобнаго для жизни. Родные подкладывали огонь и когда покойникъ сгоралъ вмѣстѣ съ костромъ, собирали его кости и хоронили, покрывая ихъ насыпью или курганомъ. Точно также, вдова умершаго, если хотѣла показать свою добродѣтель и сохранить честь и славу вдовы, должна была умереть на могилѣ мужа. Ее удавляли или удушали. Неисполнившая этого обычая была гонима и ненавидима родными покойника. Герулы вообще имѣли дикіе нравы, то есть, нисколько не уважали власти и съ своимъ владыкой обходились, какъ съ равнымъ, не оказывая ему особаго почета. Повидимому это была въ полномъ смыслѣ казацкая дружина.

Въ 5 вѣкѣ жилища Геруловъ обозначаются на сѣверъ отъ нижняго Дуная. Тѣ-ли это Герулы, которые жили въ устьѣ Днѣпра, или теперь этимъ же именемъ прозывается другое уже по-Дунайское племя, неизвѣстно. Гораздо прежде здѣсь же упоминаются Кораллы, а гораздо послѣ Горалы. За-

---

никами, ходя на медвѣдей и дикихъ быковъ, а привыкши къ этимъ опасностямъ, становятся смѣлѣе, и потому здѣсь легко добывать множество хорошихъ солдатъ». Архивъ, г. Калачова кн. 2, половина 2, М. 1854, стр. 69.

Тѣже условія и обстоятельства жизни нашего юга существовали несомнѣнно съ незапамятныхъ временъ и всегда способствовали нарожденію здѣсь тѣхъ вольныхъ дружинъ, которыя больше всего намъ извѣстны подъ именемъ козаковъ. Сила этихъ дружинъ увеличивалась, упадала, совсѣмъ изчезала, появлялась снова; дружины, по вызову или по тѣснотѣ, переходили въ другія страны, переселялись; но дружинное гнѣздо оставалось по прежнему на своемъ мѣстѣ и по прежнему все ему чуждое, если такое приходило, ославянивало народными силами того же южнаго малороссійскаго или въ собственномъ смыслѣ Русскаго племени.

тѣмъ Прокопій разсказываетъ объ ихъ переселеніи (въ 495 году). Одной ихъ дружинѣ пришлось найдти себѣ жилище въ Иллирикѣ, другіе, пройдя земли многихъ Славянскихъ народовъ, достигли великими пустынями страны Варновъ и Датчанъ, а потомъ моремъ переплыли въ землю Туле, гдѣ тамошній народъ Гауты, дали имъ мѣсто для поселенія. Земля (островъ) Туле по понятіямъ византійцевъ означала тоже самое, что въ нашей Лѣтописи значило выраженіе: за море, къ Варягамъ, то есть страну неопредѣленную, лежавшую на сѣверѣ за моремъ.

Это переселеніе Геруловъ въ Славянскую Балтійскую украйну даетъ поводъ предполагать, что они сами были выходцами изъ той же страны и теперь возвращались только домой. Во всякомъ случаѣ ихъ путешествіе показываетъ связи Черноморскихъ народовъ съ Балтійскими, связи, которыя быть можетъ держались попреимуществу только одноплеменностью этихъ народовъ. Оставшіеся надъ Дунаемъ Герулы въ послѣдствіи, уже въ 6 вѣкѣ, призывали себѣ князей изъ этой заморской страны Туле, которая, по всему вѣроятію, находилась гдѣ либо на островахъ, въ землѣ Варновъ и Руговъ. Можно съ большимъ правдоподобіемъ гадать, что Герулы были товарищи Вороновъ и заодно съ ними господствовали въ нашей Днѣпровской странѣ, какъ и на всемъ Черноморьѣ.

Нѣмецкіе ученые, конечно, Геруловъ причисляютъ къ Германскому племени. Но другіе (Делевель) съ равнымъ успѣхомъ доказываютъ, что это были древніе Литовцы. Очень многое заставляетъ также полагать, что это были Славяне. Имена ихъ вождей звучатъ не мало пославянски, каковы: Навловатъ (Многовладъ), Охонъ (Огонь, по нѣмецки читаютъ Гаконъ), Свартуа, Алоуеоъ (Лой, Лоевъ, Улѣбъ), Синдовалъ, Синдовалдъ (Свентовладъ), Аордъ (Радъ), и другія.

Въ 6 вѣкѣ, какъ увидимъ, имя Геруловъ опять поминается, хотя и не ясно, вблизи Меотійскаго озера, въ области нашей древней Тмутаракани, и затѣмъ исчезаетъ со страницъ лѣтописей.

Что касается морскихъ походовъ, въ Азію и даже въ Средиземное море, то историкъ Зосимъ, прямо говоритъ, что главными дѣятелями и руководителями въ этомъ пред-

пріятіи были Вораны [1]. Эти Вораны, говоритъ онъ, старались проникнуть въ Азію. Имъ это удалось при помощи Воспорцевъ, которые изъ страха дали имъ корабли и проводниковъ.

Зосимъ при этомъ поясняетъ, что когда Римъ былъ силенъ и Воспорцы пользовались всѣми выгодами хорошаго союза съ нимъ, они препятствовали этимъ Скиѳамъ (Воранамъ) проходить въ Азію, но теперь, когда Римское правительство находилось въ постоянной смутѣ, когда у Воспорцевъ царскій родъ прекратился и царями являлись уже разныя темныя личности, Воспорцы отложились отъ Рима и сами даже предложили свои корабли Скиѳамъ, сами перевезли ихъ до мѣста.

Вораны опустошили всѣ восточные берега Чернаго моря до Трапезунта, который захватили въ расплохъ, разграбили, разрушили всѣ храмы, захватили множество плѣнныхъ и съ богатою добычею воротились домой. Нѣтъ сомнѣнія, что добыча была раздѣлена съ Воспорцами. Однако добыча такъ была велика, что Скиѳы, сосѣдніе съ Воранами, остававшіеся дома, тотчасъ же вознамѣрились и сами предпринять такой походъ. Но такъ какъ у нихъ не было кораблей, и они не хотѣли идти по тѣмъ же раззоренным мѣстамъ, то рѣшили совершить зимній походъ сухопутьемъ. Они двинулись берегомъ черезъ Дунай и дошли благополучно до Константинопольскаго пролива. Окрестные жители и рыбаки изъ страха и изъ корысти заключили съ ними договоръ, конечно, о раздѣлѣ добычи, и перевёзли ихъ на другой берегъ, въ Азію. Скиѳы скоро овладѣли Халкидономъ и забрали все, что можно было унести. Затѣмъ они опустошили весь этотъ край малой Азіи. Разлитіе рѣкъ отъ безпрестанныхъ дождей остановило ихъ дальнѣйшіе подвиги и заставило воротиться по домамъ.

Историкъ Зосимъ продолжаетъ, что эти Скиѳы, ходившіе по морю и по суху, прельщенные успѣхомъ своего похода, на слѣдующій годъ соединились съ Герулами, Певкинами и Готами, собрались въ окрестностяхъ Днѣстра, построили 6000, по другимъ 2000 кораблей, посадили на нихъ 320 ты-

[1] Именемъ которыхъ въ 10-мъ вѣкѣ еще обозначалось одно мѣсто на Днѣпрѣ—Воріонъ. Левъ Діаконъ, 193.

сячь войска, слѣд. отъ 50 до 60 человѣкъ на каждый корабль, и снова отправились на добычу. Теперь они шли въ Геллеспонтъ, намѣреваясь пробраться въ настоящую Грецію. Но въ проливѣ ихъ настигла буря. Многіе корабли погибли. Оставшіеся подались къ Кизику въ Малой Азіи. Ушедши отъ бури, они продолжали свой путь и собрались у Аѳонской горы. Здѣсь починили суда и потомъ высадились къ городамъ Кассандріи и Ѳессалоникѣ для осады. Въ то время, какъ сухопутные опустошали внутреннія страны, моряки грабили берега Ѳессаліи и Греціи (Эллады), опасаясь однако приступать къ городамъ, потому что города были сильно защищены.

И тѣ и другіе потомъ были вытѣснены римскими войсками, которыми предводительствовалъ самъ императоръ Клавдій [1].

Все это, показываетъ съ одной стороны слабость и беззащитность Римской державы, а съ другой служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что въ половинѣ 3-го вѣка, на далекомъ сѣверо-востокѣ отъ Рима, въ Днѣстровской области, образовался народный союзъ, готовый сложиться въ особое государство и стать весьма опаснымъ сосѣдомъ для Рима. Требовалось разрушить эту варварскую силу и вотъ почему импер. Авреліанъ въ 271 г. заключаетъ съ Готами миръ и уступаетъ имъ Дакію, т. е. западную ея часть, которая пока оставалась еще въ рукахъ Рима. Съ этой поры идетъ иная политика въ отношеніи къ варварамъ. Римъ изыскиваетъ всѣ способы ссорить ихъ между собою (272—333 г.).

Готы замолкли, но Карпы, Бастарны и вообще Сарматы-Славяне продолжаютъ свои набѣги. Имперія ведетъ съ ними долгую и ожесточенную борьбу, переселяетъ ихъ десятками и даже сотнями тысячь въ свои земли. Императоръ Авреліанъ, 270 — 274 г., получившій за свои войны съ Сарматами

---

[1] Онъ, хвастаясь своими подвигами, писалъ между прочимъ Сенату: «Мы разбили триста двадцать тысячь Готѳовъ, потопили двѣ тысячи судовъ; рѣки покрыты щитами; по всѣмъ берегамъ валяются дротики и копья; поля исполнены костей; нѣтъ ни единой дороги, которая бы чѣмъ завалена не была; великое множество телѣгъ и колясокъ оставлено. Женщинъ столь много въ полонъ взяли, что побѣду одержавшій воинъ, каждый можетъ ихъ имѣть по двѣ или по четыре. (Требеллій Полліонъ о Клавдіѣ, гл. 8). По римскимъ понятіямъ Готы были такое же географическое имя, какъ и Скиѳы.

титулъ Сарматскаго, разбилъ въ 273 г. войска Карповъ. Раболѣпный сенатъ тотчасъ наименовалъ его и Карпикомъ. Императоръ однако считалъ побѣду свою ничтожною и съ насмѣшкою отвѣтилъ сенату: „Теперь, господа, осталось назвать меня Карпискуломъ“. Это было названіе особаго рода башмаковъ. При общемъ титулѣ: Сарматскій, частныя имена конечно уже значили не много. Онъ именовался Готскимъ, Сарматскимъ, Армянскимъ, Пареянскимъ и пр.

Въ 275 г. при импер. Тацитѣ поднялись какіе-то многіе варвары съ Меотиды, т. е. вѣроятнѣе всего отъ Днѣпровской стороны. Они собрались будто еще по призыву Авреліана въ помощь ему на Персидскую войну. Благоразумными совѣтами, при помощи войска, Тацитъ принудилъ ихъ возвратиться по домамъ. Это отрывочное извѣстіе поясняетъ, почему и прежде далекіе Роксоланы получали отъ Рима годовые подарки, стипендіи, субсидіи. Римъ, стало быть, постоянно поддерживалъ съ ними сношенія и готовилъ ихъ всегда про запасъ на случай войны съ востокомъ.

Особенно много воевалъ съ Сарматами императоръ Пробъ (276—281 г.), титулованный также Сарматскимъ. Еще будучи трибуномъ, онъ отличился гдѣ-то за Дунаемъ, за что всенародно былъ награжденъ 4 копьями, двумя коронами осыпными, одною короною гражданскою, четырьмя знаменами, двумя золотыми ожерельями, золотою цѣпью и жертвенною чашею въ 5 фунтовъ. Сдѣлавшись императоромъ, онъ своими походами навелъ такой страхъ на всѣ по-Дунайскіе Гетическіе народы, что они покорились и просили мира. По этому случаю онъ переселилъ въ Римскія земли сто тысячъ Бастарновъ.

По смерти Проба Сарматы опять поднялись и угрожали нашествіемъ не только на Иллирикъ, но и на Ѳракію и на Италію. Импер. Каръ (282—283 г.) усмирилъ ихъ, побивши на мѣстѣ гдѣ-то на нижнемъ Дунаѣ 16 тысячъ и взявши въ плѣнъ 20 тысячъ чел. обоего пола.

Затѣмъ Сарматскія войны по прежнему продолжались при императорахъ Галеріи и Діоклетіанѣ (284—305 г.). Воюя порознь и вмѣстѣ, императоры, успѣли наконецъ совсѣмъ покорить Карповъ и Бастарновъ, изъ которыхъ великое множество плѣнныхъ поселили въ Римскихъ областяхъ.

Съ тѣхъ поръ слава Бастарновъ и самое ихъ имя изчезаютъ изъ Исторіи; но конечно не въ слѣдствіе только этихъ побѣдъ, но главнымъ образомъ при помощи той политики, которую теперь особенно стали распространять императоры между своими задунайскими врагами [1].

Импер. Діоклетіанъ устроилъ дѣло такъ, что варвары оставили Римъ въ покоѣ и стали съ ожесточеніемъ истреблять другъ друга. Хитрыми происками онъ направлялъ ихъ другъ на друга и особенно поддерживалъ противъ Сарматовъ своихъ друзей Готовъ. Готы въ 290 г. напали на Уругундовъ, жителей по-Днѣстровскаго края, и совсѣмъ бы ихъ истребили, еслибъ не получили отпоръ со стороны пришедшихъ имъ на защиту сосѣднихъ племенъ и Алановъ.

Такъ, вѣроятно, въ союзѣ съ Римлянами Готы еще прежде тѣснили Карповъ и Бастарновъ, которые по необходимости отдавались въ руки Римлянъ, прося только земель для поселенія. Сами Римляне, стало быть, прочищали дорогу Готамъ для дальнѣйшихъ завоеваній въ Славянскихъ земляхъ.

Въ царствованіе Константина Великаго, въ 322 г., Сарматы, обитавшіе гдѣ-то вблизи озера Меотиды, подъ предводительствомъ князя Росимода пришли (въ лодкахъ?) на Дунай и осадили какой-то городъ. Самъ императоръ поспѣшилъ на защиту и, какъ говоритъ историкъ Зосимъ, когда Росимодъ снова сѣлъ на корабли и переправился черезъ Дунай, Константинъ пошелъ по его пятамъ, напалъ на его полки, разбилъ ихъ, при чемъ былъ убитъ и Росимодъ. Говорятъ, что эта побѣда ознаменована была учрежденіемъ особыхъ игръ, названныхъ въ ея память Сарматскими.

Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 332 г., Сарматы, воюя съ Готами и стѣсненные ими, просили у императора помощи. Кочевники конечно не стали бы просить о помощи. Впереди и позади ихъ была вольная степь, куда они непремѣнно бы ушли съ тѣмъ, чтобы воротиться съ новыми ордами и по новому раздѣлаться съ врагами. Ясно, что о помощи просили тѣ Сарматы, которые жили крѣпкими корнями въ своей

---

[1] Впрочемъ нѣкоторые писатели 5-го вѣка (Юлій Гонорій) еще упоминаютъ, быть можетъ по книжной памяти, Сарматовъ, Бастарновъ Карповъ, Готовъ, Дуловъ и Гепидовъ. Чтенія И. О. И. и Др. 1847, № 5. Сумъ о Галиціи, стр. 6.

земле, и старались при помощи императора удержать напоръ Готовъ. Константинъ воспользовался случаемъ, дабы ослабить соседа, который становился очень сильнымъ и опаснымъ. Готы были укрощены и лишены дани, которая съ давнихъ временъ ежегодно имъ платилась. Но заключенный съ ними міръ видно не полюбился Сарматамъ, которые вследъ за темъ стали опустошать Мизію и Фракію. Императоръ однако усмирилъ и ихъ и принудилъ къ миру, какой самъ предписалъ; при чемъ 300 тысячь Сарматовъ-Языговъ добровольно переселились во Ѳракію, также за устья Дуная, даже въ Македонію и Италію [1].

Вся предыдущая исторія очень явственно свидетельствуетъ, что движеніе Готовъ къ Черному морю и дальше на востокъ началось при общемъ возстаніи противъ Рима всехъ при-Карпатскихъ и при-Дунайскихъ народовъ; что сначала Готы были рядовыми въ этихъ полчищахъ и походахъ, что потомъ, ловя въ мутной воде рыбу, они вошли въ союзъ съ Римомъ, въ следствіе чего и овладели западною Дакіей. Утвердившись въ этой земле, они пошли дальше, быть можетъ употребляя все меры, чтобы ссорить своихъ Сарматскихъ соседей съ Римомъ и темъ вызывать безпрестанныя ихъ войны, которыя и окончились разсеяніемъ прикарпатскаго населенія, его переселеніемъ не только въ Римскія области, но по всему вероятію и дальше за Днестръ, на востокъ и на северъ. Мы видели, что дела въ этомъ порядке тянулись целое столетіе. Карпы, Бастарны и другіе ихъ соседи постепенно ослабевали. Темъ крепче и сильнее становились Готы. Однако последнія событія при импер. Константине тоже очень явственно свидетельствуютъ, что въ первой половине 4-го века владычество Готовъ все-таки не простиралось еще до Чернаго моря, и что они действительно въ это время стремились покорить себе Славянскія Черноморскія племена, съ какою целью постоянно съ ними и воевали. Вотъ почему теснота отъ Готовъ заставила 300 тысячь Сарматъ-Языговъ покинуть свою родину.

Видимо, что новая Римская политика, старавшаяся обезсиливать враговъ, защищая и поддерживая того, кто былъ

[1] Чтен. Общ. И. и Др. 1872 г., Статья г. Дринова, стр. 56.

менѣе опасенъ или въ извѣстныхъ обстоятельствахъ наиболѣе полезенъ, особенно была выгодна только для однихъ Готовъ. Это очень хорошо объясняется тѣмъ, что Готы жили съ Имперіей въ болѣе близкихъ сношеніяхъ, чѣмъ наши разсѣянные и болѣе удаленные Сарматы. Готы и въ Римѣ всегда были свои люди, служили въ Римскомъ войскѣ и умѣли направлять варварскія дѣла лишь на пользу себѣ.

Неизвѣстно, что происходило въ нашихъ краяхъ послѣ смерти Константина Великаго, но спустя лѣтъ 40 послѣ его счастливой войны съ Готами, а потомъ съ Сарматами, мы видимъ, что этихъ Готовъ гонитъ изъ Сарматіи отъ Днѣпра новый, до тѣхъ поръ невиданный и неслыханный народъ,— Унны.

Къ этому темному промежутку времени относится и широкая слава Готскаго героя-завоевателя Эрманарика (332—350), описанная готскимъ историкомъ-патріотомъ Іорнандомъ.

Іорнандъ, „единственный и драгоцѣнный источникъ для эпохи переселенія народовъ", писавшій въ половинѣ 6-го вѣка о дѣлахъ Готскихъ 4-го вѣка, слѣдов. послѣ того спустя 200 лѣтъ, изобразилъ исторію Готовъ такими чертами, что передъ Готами поблѣднѣли всѣ другія народности и самые Скиѳы. По его разсказамъ Готы были эти самые Скиѳы. Они воевали даже съ Персидскимъ Киромъ и конечно уничтожили его.

Все славное, что у древнихъ отнесено къ Скиѳамъ и обозначено ихъ именемъ, у Іорнанда является дѣлами Готовъ; или, какъ справедливо замѣчаетъ Вельтманъ: „Тамъ, гдѣ дѣло шло о славныхъ дѣлахъ Скиѳовъ, тамъ Скиѳы, по Іорнанду, были собственно Готы; тамъ, гдѣ собственно Готамъ, за грѣхи ихъ, приходилось терпѣть бѣды и бѣжать отъ Скиѳовъ, тамъ Скиѳы обращались въ невѣдомыхъ Гунновъ, въ нечистую силу, съ которою человѣческимъ силамъ невозможно было бороться". Такова въ сущности характеристика Готской Исторіи Іорнанда. Здѣсь невольно припомнишь ту древнюю истину, что великіе люди, какъ и великіе народы, получаютъ себѣ историческое величіе не столько отъ своихъ дѣлъ, сколько отъ искусства историковъ, умѣющихъ хорошо и достославно изобразить эти дѣла. Понятное дѣло, что и всякое безславіе человѣка и цѣлаго народа тоже вполнѣ зави-

сить отъ писателей, умѣющихъ хорошо и достославно выставить на видъ только одно безславіе своихъ героевъ.

Какъ бы ни было, но историкъ Іорнандъ во многихъ случаяхъ одинъ свидѣтель и мы по необходимости должны вѣрить—ему одному.

Еслибъ нашъ Несторъ былъ столько же знакомъ съ латинскою, а кромѣ византійской и съ древнею греческою письменностью, еслибы онъ былъ такой же хвастливый патріотъ и точно также пользовался бы народными пѣснями и сказками, то несомнѣнно и мы имѣли бы хорошую, полную и славную исторію о тѣхъ же знаменитыхъ Скиѳахъ подъ именемъ Славянъ. Въ добавокъ, эта исторія была бы несравненно ближе къ правдоподобію, такъ какъ славные Скиѳы жили въ нашей странѣ, бокъ-о-бокъ съ нашими Славянами.

Объ Эрманарикѣ Іорнандъ повѣствуетъ, что это былъ Готическій Александръ Македонскій. Онъ покорилъ множество сѣверныхъ народовъ, всю Скиѳію и Германію. Скиѳія значитъ наша сторона. Историкъ приводитъ имена покоренныхъ народовъ. Нѣмецкіе ученые Тунманъ, Шлецеръ и другіе, а за ними Русскіе стараются прочесть, а теперь по заученному всѣ положительно читаютъ въ этой этнографіи тѣ именно названія различныхъ сѣверныхъ племенъ, какія сообщаетъ нашъ Несторъ, писавшій свою лѣтопись спустя 700 лѣтъ послѣ смерти Эрманарика. Выходитъ, что Эрманарикъ владѣлъ Чудью, Корсью, Весью, Мерею, Мордвою, даже Черемисою, а въ томъ числѣ и Роксоланами, о чемъ прямо говоритъ самъ Іорнандъ, и о чемъ изслѣдователи никакъ не желаютъ упомянуть, ни подъ какимъ видомъ не желая пропустить Роксоланъ въ ихъ же Русскую исторію.

Выходитъ вообще, что Эрманарикъ владѣлъ такимъ пространствомъ Европейской Россіи, какимъ не владѣла и Славная Русь 11-го вѣка. Историкъ сверхъ того говоритъ, что Эрманарикъ покорилъ еще Геруловъ, жившихъ у Меотійскихъ болотъ, а потомъ Венетовъ (Славянъ), которые были очень многочисленны, но неопытны въ военномъ дѣлѣ. Однако, „никакая многочисленность людей невоинственныхъ, прибавляетъ онъ, не можетъ устоять противъ вооруженной силы, особенно, если и Богъ поможетъ". Такимъ же образомъ Эрманарикъ покорилъ и сѣверный народъ Эстовъ.

И вотъ по этому сказанію Царство Эрманарика простиралось отъ Чернаго моря до Балтійскаго и даже до Бѣлаго моря, потомъ отъ Тейса до Волги и устьевъ Дона.

Шафарикъ, принимая безъ оговорки толкованіе Шлецера о племенахъ Іорнанда по Нестору и прибавляя къ нему новыя поясненія, замѣчаетъ однако: „Впрочемъ, навѣрное можно сказать, что Іорнандъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, преувеличивалъ подвиги Готовъ, особенно короля Эрманарика, и что все его извѣстіе о безмѣрной огромности Эрманарикова царства основывается или на ошибкѣ или просто, на обманѣ“.

Справедливѣе сказать: оно очень естественно основывается на патріотическомъ чистосердечномъ хвастовствѣ готскаго историка. При этомъ, его имена сѣверныхъ племенъ такъ испорчены, что съ такими же основаніями и конечно съ большимъ правдоподобіемъ ихъ можно объяснить именами народностей, жившихъ вблизи Вислы, Эльбы, Карпатскихъ горъ, то есть по сосѣдству съ самими Готами, съ ихъ настоящимъ отечествомъ.

И во всякомъ случаѣ, если принимать (а мы принимаемъ это съ охотою), что этнографія Нестора существовала уже и при Эрманарикѣ, въ половинѣ 4-го вѣка, то необходимо же принять, что въ ряду Мери, Веси, Мордвы, тогда же существовала и Кіевская Русь въ имени Роксолановъ или Россомоновъ Іорнанда. Но именно объ этой Руси никто и слышать не хочетъ. При словѣ Меря, Весь, Мордва и пр. мы долгомъ почитаемъ сослаться на Іорнанда и спѣшимъ засвидѣтельствовать, что это имя было уже извѣстно, если не въ 4-мъ, то покрайней мѣрѣ въ 6-мъ вѣкѣ, когда писалъ Іорнандъ. Но о словѣ Русь, подъ видомъ Роксоланъ, въ такое отдаленное время, мы ничего не смѣемъ соображать, хотя тотъ же Іорнандъ знаетъ Роксоланъ лучше Мери и Мордвы, весьма точно указываетъ ихъ мѣсто-жительство на востокъ отъ Днѣстра и устьевъ Дуная, и разсказываетъ даже, какъ погибъ отъ руки Роксоланъ его знаменитый Эрманарикъ. Уже рѣшено, что это были кочевники и потому какъ же можно ихъ имя присвоивать нашей осѣдлой Кіевской Руси, представлявшей въ то время еще пустое мѣсто, которое впервые должно было огласиться именемъ Руси только при появленіи Руссовъ-Шведовъ-Норманновъ!

Но как ни были славны завоеванія Эрманарика и как ни было велико и обширно основанное имъ въ нашей Русской Землѣ Готское царство, оно мгновенно разрушилось, какъ только появились Унны. Естественно заключить, что стало быть эти Унны были чудовища, тѣ сказочныя чудовища, передъ которыми никакая человѣческая сила стоять не можетъ. Такъ, въ самомъ дѣлѣ, и изображаетъ Унновъ Готскій историкъ, а за нимъ точно также изображаетъ ихъ основанная уже на критикѣ и Всемірная Исторія. Поставивъ на безмѣрную высоту Готовъ, она вмѣстѣ съ Іорнандомъ необходимо должна была выставить въ особой яркости и чудовищности и ихъ побѣдителей Унновъ, и потому простые варвары, такіе же варвары, какими были сами Готы, сдѣлались типомъ какого-то историческаго Лѣшаго.

Послушаемъ, что разсказываютъ объ этихъ Уннахъ писатели-современники ихъ нашествія.

„Гдѣ находились Унны, откуда они вышли, какъ пробѣжали всю Европу и оттиснули Скиѳскій (Готскій) народъ. о томъ никто не сказалъ ничего яснаго“, замѣчаетъ историкъ Эвнапій, жившій въ 347—414 г.

Онъ очень старался узнать исторію Унновъ и написалъ сочиненіе, которое къ сожалѣнію не сохранилось. Въ оставшемся отрывкѣ онъ говоритъ, что собралъ объ Уннахъ все то, что казалось ему правдоподобнымъ; заимствовалъ свѣдѣнія у древнихъ писателей, разобралъ ихъ извѣстія съ точностію, чтобъ не составить сочиненія, наполненнаго одними вѣроятностями, и чтобъ оно не уклонилось отъ истины. Не довольствуясь древностію, онъ собиралъ и новыя свидѣтельства объ этомъ народѣ, которыя, какъ видно изъ его словъ, противорѣчили прежнимъ его изысканіямъ; но желая одной истины онъ оставилъ въ своемъ трудѣ и эти прежнія изысканія, какъ историческое мнѣніе[1].

Такимъ образомъ въ трудѣ Эвнапія мы имѣли бы очень обстоятельную исторію Унновъ. Но Эвнапій былъ язычникъ, восхвалявшій Юліана отступника и „всякими средствами и безпощадно порицавшій и унижавшій тѣхъ царей, которые украшали престолъ благочестіемъ, въ особенности же

---

[1] Византійскіе историки, перев. С. Дестуниса. Спб. 1868, стр. 124.

Великаго Константина"—очевидно, что его сочиненія не могли быть уважаемы въ Византійскомъ царствѣ, а напротивъ преслѣдовались, истреблялись и потому не сохранились. Здѣсь случилось совсѣмъ не то, что въ Римѣ съ сочиненіями Тацита. Императоръ Тацитъ (275 г.) за то, что историкъ Тацитъ назвалъ его въ своемъ трудѣ сродникомъ Августа, приказалъ раздать его сочиненія во всѣ библіотеки, и чтобъ они не пропали какимъ либо образомъ по нерадѣнію читателей, приказалъ каждый годъ переписывать ихъ по десяти экземпляровъ и хранить въ библіотекахъ для запаса. (Вописк., гл. 10).

Другой современникъ Унновъ, историкъ Зосимъ, жившій въ концѣ 5-го вѣка, только сократилъ сочиненіе Эвнапія и сказалъ объ Уннахъ очень немного. Онъ точно также ничего вѣрнаго не знаетъ объ этомъ народѣ. „Неизвѣстно, говоритъ онъ, слѣдуетъ ли называть ихъ (по Геродоту) Скиѳами царскими или они тѣ люди, про которыхъ Геродотъ говоритъ, что живутъ вдоль Дуная, курносые и не слишкомъ храбрые? [1] Пришли ли они въ Европу изъ Азіи, потому что въ нѣкоторыхъ исторіяхъ есть сказаніе, будто Воспоръ Киммерійскій такъ занесенъ былъ тиною изъ рѣки Дона, что стало возможнымъ перейдти по немъ, какъ по суху: Унны этимъ воспользовались и перешли. Вѣрно только одно, что они напали на Скиѳовъ (Готовъ), живущихъ за Дунаемъ. Живя вѣчно верхомъ на лошадяхъ, они едва могли ходить по землѣ и потому вовсе не умѣли биться пѣшими, стоя твердо на ногахъ".

---

[1] Лѣтописецъ Ѳеофанъ, о смерти императора Валентиніана въ 367 г., разсказываетъ слѣдующее: «Савроматы, народъ малорослый и жалкій, возстали было противъ царя, но, побѣжденные, прислали просить мира. Валентиніанъ спросилъ ихъ пословъ: «Ужели всѣ Савроматы такого жалкаго роста?»—«Ты видишь изъ нихъ самыхъ лучшихъ», отвѣчали послы. Тогда царь всплеснулъ руками и громко воскликнулъ: «Ужасное положеніе Римскаго царства, кончающаго свои дни Валентиніаномъ! И Савроматы, столько презрѣнные, возстаютъ противъ Римлянъ!» Отъ напряженія и сильнаго всплеска руками разорвалась у него жила и онъ, истекая кровью, померъ». Не объ этомъ ли народѣ говоритъ и историкъ Зосимъ. Именемъ Сарматовъ въ 3 и 4 вв. прозывались обыкновенно придунайскія Славянскія племена. Ссылка на Геродота сдѣлана, кажется, наобумъ.

Это говорятъ греческіе писатели. Вотъ что разсказываетъ современникъ же Унновъ латинскій писатель, Аммiанъ Марцеллинъ.

„Объ Уннахъ лѣтописи едва упоминаютъ и то только какъ о дикомъ и невообразимо свирѣпомъ племени, распространенномъ за Меотійскими болотами на берегахъ Ледовитаго моря. Когда родятся у нихъ дѣти мужскаго пола, то они изрѣзываютъ имъ щеки, чтобы уничтожить всякій зародышъ волоса, поэтому всѣ Унны ростутъ и старѣются безбородыми, отвратительные и безобразные на видъ, какъ евнухи. Однако у всѣхъ у нихъ коренастый станъ, члены сильные, шея толстая, голова огромная; спина такъ сутоловата, что придаетъ строенію ихъ тѣла что-то сверхъ-естественное. Я сказалъ бы скорѣе, что это двуногія животныя, а не люди, или каменные столбы, грубо вытесанные въ образъ человѣка, которые выставляются на мостахъ. Этой отвратительной внѣшности соотвѣтствуютъ ихъ повадки, свойственныя скоту: пищу они ѣдятъ не вареную и ничѣмъ не приправленную: взамѣнъ обыкновенныхъ съѣстныхъ припасовъ, они довольствуются дикими кореньями и мясомъ перваго попавшагося животнаго, которое кладутъ себѣ подъ сидѣнье на лошади и такъ его размягчаютъ. У нихъ нѣтъ домовъ, хотя бы тростниковыхъ шалашей, и никакая кровля ихъ не укрываетъ. Они живутъ, кочуя среди лѣсовъ и горъ, закаленные отъ холода, голода и жажды. Даже на пути, встрѣтивъ жилье, они, безъ крайней необходимости, не переступаютъ за его порогъ: въ жильѣ Гуннъ никогда не почитаетъ себя безопаснымъ. Они носятъ одежду въ родѣ туники изъ холста или изъ мѣха, и разъ продѣвши въ нее голову, неспускаютъ ее съ плечь, пока сама не свалится лохмотьями. Голову покрываютъ мѣховыми шапками съ опушкою, а свои волосистыя ноги обертываютъ козлиною шкурою. Такая обувь конечно затрудняетъ ходьбу, отчего они вообще не способны сражаться на ногахъ пѣшими. За то на своихъ лошадяхъ, нескладныхъ, но крѣпкихъ, они точно прикованы; исправляютъ на ихъ спинѣ всякаго рода дѣла, иногда сидя по женски. День и ночь они живутъ на лошади, на ней продаютъ и покупаютъ, не слѣзая ни напиться, ни поѣсть; такъ и спятъ, прилегши только къ сухопарой шеѣ своего коня и грезятъ тамъ преспокойно. На лошадяхъ же

они разсуждають сообща о всякихъ своихъ дѣлахъ. Царской власти они не знаютъ, но подчиняются избраннымъ вождямъ.

„Начиная битву, они раздѣляются на отряды и поднимая ужасный крикъ, бросаются на врага. Разсыпавшись или соединившись, съ быстротою молніи они и нападаютъ и обращаются въ бѣгство. Однако при своей подвижности они безсильны противъ земляной насыпи или противъ укрѣпленнаго лагеря.

„Но вотъ что особенно дѣлаетъ ихъ наистрашнѣйшими воинами на свѣтѣ: это во первыхъ ихъ меткіе удары стрѣлами, хотя бы и на далекомъ разстояніи, у которыхъ вмѣсто желѣза прикрѣплены очень искусно заостренныя кости; во вторыхъ, когда въ схваткѣ, одинъ на одинъ, дерутся мечами, они съ необыкновенною ловкостью въ одно мгновеніе накидываютъ на врага ремень (арканъ), и тѣмъ лишаютъ его всякаго движенія.

„Хлѣбопашествомъ Унны не занимаются и никто изъ нихъ не дотрогивается до плуга. Всѣ они, безъ крова, безъ отчизны, безъ всякой привычки къ осѣдлому быту, блуждаютъ въ пространствѣ, какъ будто все бѣгутъ дальше, перевозя за собою свои повозки, гдѣ ихъ жены работаютъ имъ одежду, родятъ и воспитываютъ ихъ дѣтей. Если спросить Унна, гдѣ ты родился? онъ затруднится дать отвѣтъ, потому что перекочевывая съ мѣста на мѣсто, не помнитъ своей настоящей родины, какъ и мѣста своего воспитанія.

„Непостоянные и вѣроломные въ договорахъ, Унны тотчасъ перемѣняютъ свой образъ дѣйствій, какъ скоро почуютъ гдѣ прибыль. Они не больше звѣрей понимаютъ, что честно и что безчестно. Самый разговоръ они ведутъ двусмысленно и загадочно. Никакая религія не связываетъ ихъ ни чѣмъ; они ни во что не вѣрятъ и поклоняются только одному золоту. Нравы ихъ такъ непостоянны и сварливы, что въ одинъ и тотъ же день они безъ всякаго повода и ссорятся и мирятся“.

По всему видно, что этотъ портретъ Унновъ не списанъ съ натуры, а сочиненъ воображеніемъ, при помощи книжныхъ источниковъ и ходячихъ разсказовъ, отчасти быть можетъ объ Уннахъ, а вообще о кочевомъ бытѣ тогдашнихъ

варваровъ. Естественно, что разнообразныя свидѣтельства автора во многомъ противорѣчатъ другъ другу.

Въ общемъ очеркѣ Унны являются коренными степняками, кочевниками; живутъ вѣчно на конѣ (ходячая фраза), вѣчно будто все бѣгутъ дальше, перемѣняя одно мѣсто на другое; въ домы даже и входить почитаютъ не безопаснымъ. И въ тоже время живутъ—кочуютъ среди лѣсовъ и горъ, а главное живутъ гдѣ-то вблизи Ледовитаго моря, за Меотійскими болотами.

Еслибъ Унны пришли съ Волги или изъ-за Волги, какъ всѣ теперь убѣждены, то Марцеллинъ долженъ былъ что либо сказать объ этомъ, потому что онъ зналъ Волгу подъ именемъ Ра, и даже зналъ корень, растущій на ея берегахъ и употребляемый для лекарства, прозванный ея именемъ, Ревень (Марц. гл. 22). Въ ходячихъ слухахъ объ Уннахъ, какими пользовался этотъ историкъ, скорѣе всего былобы упомянуто о Волгѣ-Ра. Напротивъ того, видимо, что слухи были другіе. Они указывали Ледовитое море, т. е. глубокій сѣверъ нашей страны.

Затѣмъ и самая мѣстность Меотійскихъ болотъ по тогдашнимъ представленіямъ была очень неопредѣленна. По большой части выраженіе: „за Меотійскими болотами" для древней науки, смотрѣвшей съ юга, означало сѣверъ, а не востокъ, какъ обыкновенно толкуетъ это указаніе теперешняя наука, смотрящая съ Запада. Слова Марцеллина: за Меотійскими болотами, у Ледовитаго моря, вполнѣ обозначаютъ съ какой точки зрѣнія смотрѣла древность на эти болота. Даже Константинъ Багрянородный на сѣверѣ отъ Меотійскаго озера (Азовскаго моря) помѣщаетъ Днѣпръ. Къ тому же подъ именемъ болотъ разумѣлось не столько Азовское море, сколько Гнилое озеро Сивашъ, которое по описанію Страбона, было очень болотисто, въ немъ вѣтры легко обнажали, а потомъ снова заливали топкія мѣли, въ слѣдствіе чего оно не было судоходно; и плоты по немъ едва проходили. По болотамъ, говоритъ Страбонъ, есть охота за оленями и кабанами.

Послушаемъ, что разсказываютъ объ Уннахъ болѣе поздніе писатели, которые конечно пользовались свидѣтельствами и такихъ современниковъ Уннскаго нашествія, которыхъ сказанія до насъ не дошли.

„Въ преданіяхъ древности вотъ что я узналъ о происхожденіи Уnновъ, говоритъ Іорнандъ. Филимеръ, король Готовъ, пятый со времени ихъ выхода съ острова Сканціи (Скандинавіи), когда вступилъ въ земли Скиѳовъ, то узналъ, что среди его народа водятся нѣкія вѣдьмы, которыхъ на языкѣ своихъ отцовъ онъ самъ называлъ аліорумнами (не русалки ли?). Изъ опасенія, чтобъ не случилось чего, онъ велѣлъ ихъ прогнать изъ своего войска и онѣ были загнаны далеко въ пустыню. Нечистые духи, блуждавшіе въ пустынѣ, увидѣли этихъ вѣдьмъ, совокупились съ ними и произвели на свѣтъ это самое племя Унновъ, свирѣпѣйшее изъ всѣхъ. Оно держалось сначала посреди болотъ. Малорослое, грязное, гнусное, оно едва похоже было на людей и языкъ его едва напоминалъ человѣческій языкъ. Таково было происхожденіе этихъ Унновъ, которые напали на Готовъ. Ихъ свирѣпое племя, какъ разсказываетъ историкъ Прискъ, жило сначала на томъ берегу Меотійскихъ болотъ и занималось только охотою и ничѣмъ другимъ. Размножившись въ цѣлый народъ, оно стало безпокоить сосѣдей своими грабежами и обманами".

„Однажды эти охотники, по своему обыкновенію отыскивая добычи, вдругъ увидѣли передъ собою лань. Они пустились за ней въ болото. Лань, то прыгала впередъ, то останавливалась и, какъ бы указывая путь, вела ихъ дальше. Охотники долго гнались за ней и наконецъ перешли Меотійскія болота, какъ по суху, вовсе не воображая, что можно ихъ перейдти, потому что почитали ихъ все равно какъ море, непроходимыми. Какъ только увидѣли они невѣдомую для нихъ Скиѳскую землю, лань вдругъ изчезла. Я думаю, продолжаетъ Іорнандъ, что такую штуку изъ ненависти къ Скиѳамъ подвели нечистые духи, отъ которыхъ произошли Унны. Ни какъ не подозрѣвая, чтобы за болотами существовала другая земля, Унны изумились и увидѣли въ открытіи этого, прежде невѣдомаго пути, какъ бы сверхъестественное покровительство. Возвратившись къ своимъ родичамъ, они разсказали, что случилось, очень расхвалили Скиѳію и тѣмъ подняли весь свой народъ. Они всѣ отправились въ Скиѳію по дорогѣ указанной ланью. Всѣхъ Скиѳовъ они или истребили или поработили. Какъ вихрь, они увлекли за собою Алипзуровъ, Альцидзуровъ, Итимаровъ, Тункарсовъ и Боисковъ, жившихъ на

этомъ берегу Скиѳіи. Они покорили также Алановъ, равныхъ имъ въ бою, но имѣвшихъ больше кротости въ поступкахъ и въ образѣ жизни. Столько же храбрые и воинственные, Аланы не могли однако устоять при видѣ ужасныхъ Унскихъ лицъ и бѣжали отъ нихъ, охваченные смертельнымъ страхомъ. Дѣйствительно эти лица были ужасающей черноты. Если можно такъ сказать, лицо Унна представляло скорѣе всего безобразный комъ мяса, на которомъ были не глаза, а дыры". Послѣ того Іорнандъ повторяетъ, слова Марцеллина о рѣзаніи щекъ у дѣтей, чтобъ не росли волосы и т. д.

Портретъ Унновъ, начертанный Ам. Марцеллиномъ и его послѣдователемъ Іорнандомъ, представляетъ нѣсколько очень любопытныхъ и существенныхъ очертаній, по которымъ видимо, что Унны жили за Меотійскими болотами, и по Іорнанду именно въ болотахъ; что они брили бороды; что особенно были страшны меткою стрѣльбою изъ лука и ловлею враговъ на арканъ. Къ этому надо прибавить, что Іорнандъ (гл. 5) очень хорошо также зналъ, что въ устьяхъ Днѣпра и Буга существуетъ страна, покрытая лѣсами и измѣнническими болотами.

Все это черты, рисующія бытъ позднѣйшихъ нашихъ Запорожцевъ и Донцовъ, которые, нѣтъ сомнѣнія, унаслѣдовали свои порядки жизни отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Въ 1668 г. нашему послу въ Царь-градѣ Турецкій Каймаканъ жаловался на набѣги и грабежи Запорожцевъ и обозначилъ ихъ мѣсто жительства такими словами: „Запорожскіе Черкасы живутъ на Днѣпрѣ рѣкѣ, близъ Чернаго моря и около озеръ, живутъ въ камышахъ и болотахъ". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти понятія Турокъ о Запорожскомъ гнѣздѣ точно также унаслѣдованы отъ древнѣйшаго времени, ибо въ такихъ же чертахъ описывается, какъ видѣли, жилище Унновъ, а въ послѣдствіи описывалось жилище Руссовъ-Тавроскиѳовъ.

Обычай Запорожцевъ брить бороды и даже головы, оставляя только завѣтную чуприну, видимъ еще на портретѣ Святослава и узнаемъ, что Булгары до перехода ихъ вождя Аспаруха за Дунай тоже жили у себя съ остриженными головами[1]. Мы увидимъ вскорѣ, что по свидѣтельству самого

[1] Обзоръ хронографовъ Русской редакціи А. Попова. I, стр. 26.

же Іорнанда, эти самые Булгары были настоящіе, истинные Унны. Такимъ образомъ Ам. Марцеллинъ говорилъ правду, что Унны были бритые, безбородые: такимъ образомъ и наши Запорожцы суть прямые потомки этихъ Унновъ, если не по крови, то по обычаю и нраву. Кто, не смотря на нашествія степняковъ, успѣлъ отъ 10-го вѣка сохранить родныя имена родныхъ пороговъ, тотъ могъ сохранить и обычаи отцовъ, хотя бы они шли отъ самыхъ Скиѳовъ Геродота.

Сказаніе Іорнанда во многомъ поясняетъ его современникъ Византіецъ Прокопій. Онъ говоритъ, что въ прежнее время Унны прозывались Киммеріянами (слѣдовательно были туземцы этой страны), что они жили по другую сторону Меотійскихъ болотъ. Здѣсь очень важно опредѣлить, откуда смотрѣлъ Прокопій на эти болота, и что въ его мысляхъ значило по другую сторону. Судя по его разсказу о географіи нашей страны, онъ смотритъ съ юга, именно изъ Закавказья и оттуда ведетъ описаніе здѣшнихъ земель, такъ что по другую сторону Меотійскихъ болотъ будетъ значить на сѣверныхъ берегахъ Гнилаго озера и Азовскаго моря, Это подтверждается еще и тѣмъ, что въ другомъ мѣстѣ Прокопій говоритъ: отъ города Воспора (Киммерійскаго) до города Херсона (Таврическаго) по всему этому промежутку живутъ варвары, народы Уннскіе. Эту страну онъ называетъ также Эвлисіею (по Геродоту Илея, гдѣ, какъ видѣли, см. стр. 307, жили Елуры или Герулы), и говоритъ, что въ его время ее населяли Унны Утургуры, прежніе Киммеріяне, а далѣе на сѣверъ обиталъ очень многочисленный народъ Анты, то есть, какъ извѣстно, наши Славяне. Если, какъ толкуютъ, Утургуры жили на востокъ отъ Азовскаго моря, въ направленіи къ Каспійскому морю, то жилища Антовъ, обитавшихъ сѣвернѣе Утургуровъ, должны приходиться на страну между Дономъ и Волгою, начиная отъ Царицына и пожалуй до Казани. А между тѣмъ Анты по Іорнанду простирались отъ Днѣстра до Днѣпра, и ясно, что Прокопій, указывая на жилище Антовъ, разумѣетъ Днѣпровскую и Донскую сторону, или сѣверное побережье Гнилаго и Азовскаго моря. Видимо также, что Утургуровъ онъ помѣщаетъ ближе къ Дону.

„Въ томъ мѣстѣ, продолжаетъ Прокопій, гдѣ начинается каналъ, проливъ Киммерійскій, между Чернымъ и Азовскимъ моремъ, живутъ Готы, прозванные Тетракситами. Ихъ немного. Они дали названіе Танаиса-Дона не только проливу, но и вѣтру, который дуетъ съ той стороны, то есть отъ Дона, отъ сѣвера. Унны, которыхъ прежде называли Киммеріянами, сначала жили подъ властью одного государя. У этого государя было два сына, одинъ назывался Утургуръ, другой Кутургуръ. По смерти отца сыновья раздѣлили царство и ихъ подданные стали называться по ихъ именамъ, Утургуры и Кутургуры. Но оба народа жили вмѣстѣ, сохраняли одни и тѣже обычаи. Съ жителями того берега Меотійскихъ болотъ они не сообщались и не вели торговлю, думая, что перейдти болота невозможно. Говорятъ, если только это правда, что однажды молодые Киммеріяне, охотясь за ланью, которая бросилась отъ нихъ въ болота, стали ее преслѣдовать по этимъ болотамъ, и достигли съ ней другаго берега, гдѣ лань мгновенно изчезла. Я думаю, прибавляетъ Прокопій, что она показалась только на несчастье народовъ, жившихъ на этомъ другомъ берегу. Молодые люди, ожесточившись отъ неудачи, возвратились въ свою страну съ вѣстью, что болота перейдти легко. Унны тотчасъ повели свои войска и Кутургуры заняли земли Вандаловъ и Готовъ, а Утургуры встрѣтились съ Готами Тетракситами, которые вооружились и старались остановить нашествіе враговъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ это случилось, болота Меотійскія образуютъ заливъ, оставляющій только очень узкій проходъ (Перекопскій перешеекъ или же Арабатская стрѣлка). Готы, не чувствуя достаточно силы, чтобы выдержать напоръ врага и зная, что Унны не остановятся, согласились лучше пойдти на миръ. Было рѣшено, что оба народа перейдутъ вмѣстѣ Меотиду, и что Готы останутся жить тамъ, гдѣ жили, у пролива, вѣроятно въ городѣ Воспорѣ, нынѣшней Керчи. Такимъ образомъ эти Готы (Таврическіе) сдѣлались друзьями и союзниками Утургуровъ“.

Вообще изъ повѣствованія Прокопія, основаннаго, какъ по всему видно, на Готскихъ преданіяхъ, очень трудно извлечь что-либо похожее на свидѣтельство очевидца, или современника этимъ событіямъ. Здѣсь надъ географіей и надъ исторіей господствуетъ сказка, неимѣющая нужды точно

указывать мѣста и ходъ событій. Ясно одно, что въ нѣкоторое время, вѣроятно въ 4-мъ столѣтіи, Киммерійскія, то есть Донскія и Днѣпровскія племена, напали на Таврическихъ Готовъ, переправившись черезъ Азовское море. Еслибъ они переправились съ востока черезъ проливъ, то преданіе упомнило бы это скорѣе всего, потому что проливъ, Воспоръ Киммерійскій, былъ отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ извѣстенъ всему Черноморскому міру. Къ тому же всѣ знали, что зимою онъ замерзаетъ, и что тогда его можно перейдти и по суху. Но преданіе настойчиво упоминаетъ только о Меотійскихъ болотахъ, прибавляя, какъ у Зосима, что ихъ затянуло иломъ изъ рѣки Дона и вообще представляя дѣло такъ, что Унны совсѣмъ не думавши, что переправа возможна, перешли черезъ болота чуть не по суху. Зачѣмъ было переходить море, когда легче было перейдти рѣку, то есть Донъ?

Можно навѣрное полагать, что Унны-Утургуры напали на Воспорскихъ Готовъ или переплывъ Азовское море изъ устьевъ Дона, или направившись къ нимъ черезъ Перекопъ и черезъ Гнилое озеро. По договору они оставили Готовъ на своемъ мѣстѣ въ Воспорѣ, а гдѣ утвердились сами, неизвѣстно, но видимо, что съ той поры они владычествовали надъ всею Воспорскою страною, на европейскомъ и азіатскомъ берегу. Прокопій говоритъ, что Унны-Утургуры, овладѣвшіе Воспоромъ, отдѣлялись отъ Кутургуровъ Меотійскими болотами, слѣдов. ихъ гнѣздо должно было находиться на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, между устьями Дона и Кубани. Оно вѣроятнѣе всего и находилось въ древнемъ Танаисѣ, въ устьѣ Дона, а также и на Таманскомъ полуостровѣ, въ древней Фанагоріи. Только изъ этихъ двухъ гнѣздъ они и могли владычествовать надъ страною. Далѣе Прокопій говоритъ, что Утургуры управляли своей страной мирно, а это обнаруживаетъ, что они покровительствовали торговлѣ и охраняли ея интересы. Въ Воспорѣ и въ послѣдующее время происходила у Грековъ значительная торговля именно съ Уннами.

Въ Исторіи войнъ Римлянъ съ Персами Прокопій также упоминаетъ объ Уннахъ, которые владѣли степями между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ до сѣверныхъ вершинъ Кавказа. Онъ говоритъ, что дальше за Каспійскими воро-

тами (Дербентъ) растилаются поля ровныя и гладкія, орошаемыя обильными водами, удобныя къ содержанію коней. Здѣсь поселились почти всѣ Уннскія племена и простираются до озера Меотиды.

Изъ числа этихъ Унновъ у Прокопія названо особымъ именемъ одно племя, Савиры, которое онъ помѣщаетъ за Зихами на вершинахъ Терека, въ странѣ Пятигоръ. Это былъ народъ самый воинственный. Онъ служилъ и Грекамъ и Персамъ, смотря по обстоятельствамъ.

Общій отзывъ Прокопія объ Уннахъ таковъ, что они были кочевники и жили по скотски, были черны тѣломъ и безобразны лицемъ. Все это онъ говоритъ по сравненію ихъ съ Уннами Бѣлыми, Ѳталитами, которыхъ однако никто изъ историковъ не называетъ Уннами, а это можетъ объяснять, что и самъ Прокопій о племенахъ Унновъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній.

Однако изъ приведенныхъ его свидѣтельствъ объ Уннахъ при-Кавказскихъ, жившихъ между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, должно заключить, что это были въ дѣйствительности кочевыя племена какихъ-либо азіатовъ. Можно было бы и утвердительно говорить, слѣдуя общему мнѣнію, что здѣсь-то и находилась настоящая родина извѣстныхъ историческихъ Унновъ, еслибъ самъ же Прокопій не указывалъ довольно точно эту родину въ Донской и Днѣпровской сторонѣ, между Воспоромъ (Керчью) и Херсономъ [1]. И при этомъ онъ ни слова не говоритъ, что эти Унны, жившіе вблизи Кавказа и Каспійскаго моря, нѣкогда перешли на тотъ берегъ Азовскаго моря и прозвались Утургурами и Кутургурами, что здѣсь было коренное гнѣздо извѣстныхъ страшныхъ Унновъ. На этомъ основаніи можно съ большою вѣроятностью полагать, что Прокопій, называя весь этотъ край Уннскимъ, обозначаетъ въ сущности только то, что Унны здѣсь владычествовали, и что поэтому всѣ здѣшніе кочев-

[1] Императоръ Юстинъ (518—526), желая защитить Ивировъ отъ Персовъ, послалъ въ Воспоръ посла съ большими деньгами, чтобы склонить Уннское войско идти на помощь къ Ивирамъ. По словамъ Прокопія Унны обитали между Херсономъ и Воспоромъ. Но любопытно, что узломъ сношеній съ Уннами является городъ Воспоръ, то есть мѣсто по преимуществу торговое—ярмарка, гдѣ стало-быть скорѣе всего можно было найдти Унновъ и завести съ ними переговоры.

ники носили господствующее имя Унновъ. Унны-Утургуры господствовали въ древнемъ Воспорскомъ царствѣ. Унны, называемые Савирами, господствовали на Терекѣ.

Итакъ о происхожденіи Унновъ, объ ихъ первомъ появленіи, отъ ихъ же современниковъ, мы знаемъ только одни басни, догадки и темные слухи. Положимъ, что въ самомъ началѣ ихъ появленія трудно было узнать, откуда они пришли? Но послѣ сношеній съ Уннами Византіи и Рима, послѣ многихъ мировъ, договоровъ и войнъ, продолжавшихся цѣлое столѣтіе, развѣ нельзя было услышать отъ самихъ же Унновъ обстоятельнаго разсказа объ ихъ коренномъ отечествѣ. Но именно историкъ Зосимъ, писавшій спустя сто лѣтъ отъ появленія Унновъ, все-таки не знаетъ откуда они пришли и передаетъ тѣже первоначальныя басни и свои догадки. Спустя еще сто лѣтъ, историкъ Прокопій, повторяя старыя басни, описываетъ Унновъ туземнымъ народомъ, Киммеріянами. По свидѣтельству Іорнанда, историкъ Прискъ говорилъ будто бы, что Унны первоначально жили на другомъ берегу Меотійскихъ Болотъ. Самъ Прискъ, въ оставшихся отрывкахъ его труда, называетъ Унновъ Скиѳами Царскими, конечно пользуясь словами Геродота и тѣмъ указывая настоящее жилище Унновъ отъ Дуная до Дона, т. е. надъ Черноморьемъ и надъ Меотійскими Болотами, въ той именно странѣ, гдѣ послѣ Скиѳовъ владычествовали Роксоланы, внѣзапно пропавшіе изъ исторіи при появленіи Унновъ. Что значитъ другой берегъ Меотійскихъ болотъ, объ этомъ мы уже говорили. Со стороны Воспорскихъ Готовъ, первыхъ разсказщиковъ о нашествіи Унновъ, и вообще съ точки зрѣнія древнихъ писателей это значитъ вообще сѣверъ, но не востокъ.

По словамъ Амм. Марцеллина Унны прежде всего напали на Европейскихъ Аланъ-Танаитовъ, т. е. Донцовъ, сосѣдей Готовъ-Грутунговъ. А эти Грутунги обитали не слишкомъ далеко отъ Днѣстра, гдѣ Марцеллинъ упоминаетъ Грутунгскій Лѣсъ. Побѣдивъ этихъ Аланъ, Унны утвердили съ ними союзъ.

Іорнандъ разсказываетъ, что, перейдя обширное Меотійское Болото, Унны покорили Алпилзуровъ, Алцидзуровъ, Итима-

ровъ, Тункарсовъ и Воисковъ, цѣлый рой народовъ, населявшихъ тотъ берегъ Скиѳіи. Затѣмъ они завоевали Аланъ.

Эти имена Іорнандъ взялъ у Приска, у котораго читаются только Амилзуры, Итимары, Тоносурси (иначе: Тонорусы) Воиски. Въ Амилзурахъ мы не сомнѣваемся видѣть нашихъ Уличей, обитателей нижняго Днѣпра, такъ, какъ въ Воискахъ видимъ древнихъ Кестовоковъ и позднѣйшихъ Воиковъ, обитавшихъ надъ верхнимъ Днѣстромъ. Тоносурсы или Тонорусы могутъ обозначать настоящую Русь Днѣпра и Дона (Рязань), или вообще Танаитовъ-Донцовъ Марцеллина и нашихъ Сѣверянъ. Итимары — несомнѣнно переиначенное изъ Маритимы, Приморскіе или Поморцы.

Но важнѣе всего географическія показанія Іорнанда. Онъ пишетъ, что по берегу Океана (на востокъ отъ Вислы) живутъ Эсты, совсѣмъ миролюбивое племя. На югъ отъ нихъ и близь нихъ живутъ Акатциры, очень храбрый народъ. Подъ Акатцирами растягиваются надъ Чернымъ моремъ Булгары, сдѣлавшіеся къ несчастію слишкомъ извѣстными за наши грѣхи, прибавляетъ историкъ. Тутъ (между Булгарами), воинственные народы Унновъ плодились нѣкогда, какъ густая трава, чтобъ распространить двойственное и яростное нашествіе на народы, ибо Унны распадаются на двѣ вѣтви и живутъ въ различныхъ странахъ: это Кутціагиры и Савиры. Кутціагиры по другимъ спискамъ пишутся Алтціагиры, Алтціагры, Аулціагиры, Аулціагры, что равняется тѣмъ же Уличамъ. Савиры же несомнѣнно наша Сѣвера, Сѣверяне, восточное племя нашихъ Славянъ, они же и Танаиты или Донцы. Притокъ Дона—Донецъ и доселѣ прозывается Сѣверскимъ.

Эти Аулціагры, по словамъ Іорнанда, часто ходили въ окрестности города Херсона, гдѣ жадный купецъ торговалъ богатыми произведеніями Азіи. Что же касается Хунугуровъ (иначе Хунугары), прибавляетъ Іорнандъ, то они извѣстны какъ торговцы куньими мѣхами. „Тамъ-то живутъ тѣ Унны, которые стали страшны для людей однако весьма неустрашимыхъ“.

Ничего яснѣе и понятнѣе нельзя разсказать о коренномъ мѣстожительствѣ знаменитыхъ Унновъ, объ ихъ раздѣленіи на двѣ вѣтви, Днѣпровскую и Донскую, Западную и Восточ-

ную, на Кутургуровъ и Утургуровъ Прокопія, какъ и объ ихъ отношеніяхъ къ Херсону и вообще къ древнему Воспору.

Два свидѣтеля, современники, писавшіе одинъ по латынѣ на западѣ, другой по гречески на востокѣ, говорятъ одно и тоже, что Унны были коренные туземцы нашей Русской страны, Киммеріяне, то есть такіе старожилы этихъ мѣстъ, исторія которыхъ скрывается въ Киммерійскомъ мракѣ всей человѣческой древности.

Хунны, Хуннугары-гуры Іорнанда стало быть жили тамъ же, гдѣ отдѣляетъ для нихъ мѣсто во второмъ вѣкѣ по Р. Х. Птоломей, а въ четвертомъ Маркіанъ Гераклейскій. Въ то время это имя еще не было въ ходу, не было знаменито. Оно заслонялось славнымъ именемъ Роксоланъ, тотчасъ, какъ мы говорили, пропавшихъ съ лица земли, какъ только произнесено было имя Унновъ.

Историческая критика однако не хочетъ даже опровергнуть приведенныхъ свидѣтельствъ, а всѣми мѣрами, на перекоръ здравому смыслу, держится за сказочное готское свѣдѣніе, что Унны пришли съ того берега Азовскаго моря. Она даже не хотѣла ограничиться и этимъ короткимъ указаніемъ и распространила тотъ берегъ до предѣловъ Китая и до сѣвернаго Урала.

Сочиненіе Дегиня, доказавшаго по Китайскимъ лѣтописямъ, что Унны пришли отъ Китайскихъ границъ, основано вѣдь только на сходствѣ именъ Хіонг-ну, Хіунгну, Хіунійу и Хунны, которому нисколько не противорѣчитъ и самое имя Китая—Хина. Но чтоже значитъ сходство именъ и вся этимологія при полнѣйшемъ различіи свидѣтельствъ исторіи и географіи? Надо только удивляться, какимъ образомъ несообразная догадка Дегиня утвердилась въ наукѣ, какъ непреложная истина [1]. Съ его легкой руки всѣ стали твердить, что Унны были истинные Калмыки и всѣ старались при всякомъ случаѣ только доказывать и распространять это поверхностное заключеніе. Затѣмъ Клапротъ доказалъ, а Шафарикъ подтвердилъ, что Унны были Уральскаго происхож-

---

[1] Тэйлоръ въ своей Первобытной Культурѣ говоритъ между прочимъ, что у древнихъ Мексиканцевъ, мѣсяцъ, назывался Мецтли. Слѣдуетъ ли изъ этого, что нашъ мѣсяцъ прибылъ къ намъ изъ Америки?

денія, родственники Башкировъ и предки Венгровъ. Теперь этой новой истинѣ уже никто не противорѣчитъ.

Мнѣніе, что они могли быть Славянами, по Венелину Булгарами, новые изслѣдователи почитаютъ „заброшеннымъ". Но намъ кажется, что въ такой темной и вовсе еще неразработанной области, каково время великаго переселенія народовъ, никакое мнѣніе нельзя почитать заброшеннымъ, ибо до сихъ поръ здѣсь всѣ изслѣдованія, самыя ученыя, какъ и самыя фантастичныя, основаны только на догадкахъ и соображеніяхъ, болѣе или менѣе удачныхъ, но подобранныхъ каждымъ изслѣдователемъ всегда какъ бы на заданную тему. При такомъ положеніи дѣла весь вопросъ долженъ заключаться въ качествѣ и количествѣ древнихъ свидѣтельствъ: историческихъ, географическихъ, этнографическихъ, которыя, при всемъ разноличіи и разнообразіи источниковъ, говорили бы одно.

Мы полагаемъ, что каждый читатель, не заучившій множества изслѣдованій, если прямо обратится къ первымъ источникамъ и послѣдуетъ золотому правилу Гроберга, что „въ исторіи, равно какъ и въ географіи, чувствуя себя сколько-нибудь способнымъ судить здраво, смѣло должно полагаться болѣе всего на свои собственныя свѣдѣнія, нежели на чужія", каждый читатель въ Уннахъ скорѣе увидитъ Славянъ, чѣмъ другую какую либо народность.

Прежде всего на эту простую мысль наводитъ сама исторія Унновъ. Невѣдомый народъ, Унны, необходимо долженъ раскрыть себя и свое происхожденіе своею исторіею. О чемъ же и что говоритъ эта исторія?

„Гунны, самый свирѣпый изъ всѣхъ варварскихъ народовъ, напали на Готовъ", говоритъ готскій патріотъ и историкъ Іорнандъ (гл. 24).

Когда Готы услыхали о движеніи Уннóвъ, объ ихъ завоеваніяхъ, то пришли въ ужасъ и стали держать совѣтъ съ своимъ королемъ, чтó слѣдуетъ предпринять и какъ предохранить себя отъ такого опаснаго врага? Королемъ Готовъ въ то время былъ знаменитый Эрманарикъ, Готическій Александръ Македонскій.

До сихъ поръ онъ оставался побѣдителемъ въ борьбѣ со многими народами; до сихъ поръ его владычество простиралось на всю Скиѳію и Германію. Но теперь онъ самъ

былъ весьма озабоченъ, услыхавши о приближеніи Унновъ, а главное увидѣвши, что ему измѣнилъ подвластный, но вѣроломный народъ Россомоны или Роксоланы. А это произошло вотъ по какому случаю: одинъ изъ Россомоновъ, вѣроятно знатный человѣкъ, вѣроломно покинулъ короля и, нѣтъ сомнѣнія, ушелъ къ Уннамъ. Но во власти короля осталась жена бѣглеца, именемъ Саніелхъ (Sanielh, иначе: Сонильда, Сванигильда). Разсвирѣпѣвшій Эрманарикъ, за бѣгство мужа, приказалъ казнить жену, которую привязали къ дикимъ лошадямъ и она была разстерзана на части. Ея родственники, братья мужа, мстя за смерть неповинной женщины, поразили Эрманарика мечемъ въ бокъ. Послѣ того король, изнуренный раною, влачилъ печальную жизнь, чѣмъ воспользовался король Унновъ Баламберъ-Валамиръ и напалъ на восточныхъ Готовъ, занявши ихъ земли. Къ тому еще и западные Готы отдѣлились и оставили Эрманарика одного воевать съ Уннами. И отъ раны, еще больше отъ горя, что не можетъ совладать съ Уннами, онъ померъ однако въ глубокой старости, 110 лѣтъ.

Амм. Марцеллинъ говоритъ, что Эрманарикъ, захваченный въ расплохъ, послѣ долгой борьбы съ Уннами, въ отчаяніи и страхѣ отъ неминуемой гибели, самъ лишилъ себя жизни.

Послѣ него, по свидѣтельству Марцеллина, былъ избранъ королемъ Витимиръ, который, продолжая борьбу, въ подкрѣпленіе себѣ, нанялъ какихъ то другихъ Унновъ и долго воевалъ противъ Аланъ (почему противъ Аланъ, когда нападали Унны, неизвѣстно), но послѣ многихъ пораженій, совсѣмъ подавленный превосходствомъ врага, въ одной битвѣ онъ погибъ. У него остался малолѣтный сынъ Видерикъ на попеченіи двухъ старшихъ воеводъ его отца, Алатея и Сафракса. Когда опекуны увидѣли, что дальнѣйшая борьба (съ Уннами или съ Аланами?) не возможна, они благоразумно отступили съ своимъ питомцемъ къ берегамъ Днѣстра. Это разсказываетъ Марцеллинъ.

Іорнандъ повѣствуетъ, что по смерти Эрманарика, восточные и западные Готы раздѣлились; первые остались подданными Унновъ и продолжали жить въ той же странѣ. Однако ихъ государь, Винитаръ, сохранилъ свою власть. Такой же храбрый, какъ и его предки, но менѣе счастли-

вый, онъ нетерпѣливо сносилъ господство Унновъ и старался всячески отъ нихъ освободиться.

Онъ храбро напалъ на Антовъ (несомнѣнные Славяне и Аланы Марцеллина); сначала былъ побѣжденъ, но потомъ восторжествовалъ надъ ними и чтобы навести ужасъ на врага и предупредить дальнѣйшія возстанія, захватилъ Антскаго князя Богша (Box, Богшь, Богошь) съ его сыновьями и семидесятью старѣйшинами и велѣлъ ихъ всѣхъ повѣсить. Послѣ этого Винитаръ спокойно государствовалъ почти цѣлый годъ. Но король Унновъ, Валамиръ призвалъ къ себѣ Сигизмунда (сына великаго Гуннимунда), который, вѣрный своимъ клятвамъ или договорамъ съ Уннами, оставался на ихъ сторонѣ съ большою частію Готовъ и возобновилъ съ Валамиромъ старый союзъ. Они оба пошли противъ Винитара. Война была долгая. Двѣ битвы Винитаръ выигралъ и невозможно себѣ представить ту ужасную рѣзню, какую онъ произвелъ въ войскѣ Унновъ. Въ третій разъ полки сошлись на р. Еракѣ (Прутѣ). Здѣсь Винитаръ погибъ отъ стрѣлы, которую пустилъ ему въ голову самъ Валамиръ. Послѣ того Валамиръ взялъ себѣ въ жены Валадамарку (Володимерковну?) племянницу Винитара. Съ тѣхъ поръ Готскій народъ безъ сопротивленія покорился Валамиру.

Такимъ образомъ были покорены тѣ Готы, которые хотя и управлялись собственными князьями, но оставались во власти Унновъ до смерти Аттилы и ходили въ Уннскихъ полкахъ даже противъ своихъ родичей, Западныхъ Готовъ.

О погонѣ Унновъ за Западными Готами Марцеллинъ разсказываетъ слѣдующее: „Предводитель Тервинговъ, Атанарикъ, приготовился было защищать свою страну и расположилъ войска вдоль береговъ Днѣстра и Грутунгскаго лѣса. Унны перехитрили его, обошли и прогнали къ горамъ. Желая однако удержать напоръ враговъ, Атанарикъ, насыпалъ высокій земляной валъ между Днѣстромъ и Прутомъ и вдоль береговъ Прута къ Дунаю[1]. Онъ не успѣлъ окончить этой работы, какъ Унны быстро прогнали его и отсюда.

По всѣмъ готскимъ областямъ разнесся слухъ о появленіи невѣдомаго диковиннаго народа, который то какъ вихрь

[1] Остатки этого вала, называемаго Трояновымъ, существуютъ и доселѣ. Вельтмана: Начерт. Древн. Исторіи Бессарабіи съ картою. М. 1828.

спускался съ высокихъ горъ, то будто выросталъ изъ земли и все, что ни попадалось на пути, опрокидывалъ и разрушалъ. Готы разсудили совсѣмъ переселиться за Дунай во Ѳракію. „Скиѳы, говоритъ историкъ Эвнапій, побѣжденные, были истребляемы Уннами. Множество ихъ погибло совершенно. Однихъ ловили и побивали на мѣстѣ съ женами и дѣтьми и жестокости при убіеніи ихъ не было мѣры. Толпа же собравшихся и устремившихся къ бѣгству, не многимъ не доходила до двухъ сотъ тысячь человѣкъ, самыхъ способныхъ къ войнѣ. Двинувшись и ставъ на берегу рѣки Дуная, они издали простирали руки съ рыданіемъ и воплемъ и умоляли о позволеніи переправиться черезъ рѣку. Они оплакивали свои бѣдствія и обѣщали отдаться Римлянамъ, какъ союзники“.

Таковы въ существенныхъ чертахъ разсказы Іорнанда и Марцеллина о первомъ нашествіи Унновъ.

Видимы ли здѣсь Калмыки, Монголы, Уральскія орды, полчища азіатскихъ степняковъ? Есть ли здѣсь что-либо похожее на нашествіе хотя бы нашего Батыя, Чингисхана или новѣйшаго Наполеона?

Дѣло очень простое. Столѣтнее движеніе Готовъ съ запада на востокъ къ Черному морю и къ Днѣпру, завоеванія Эрманарика, который, повидимому овладѣлъ уже страною между Днѣстромъ и Днѣпромъ, все это получаетъ наконецъ отпоръ со стороны туземнаго населенія. Покорявшіеся Россомоны измѣняютъ, находятъ случай порѣшить съ самимъ Эрманарикомъ, конечно по той причинѣ, что явились на защиту Унны. Эти Унны, жившіе близь Ледовитаго моря, хотя и за Меотійскими Болотами, покоряютъ, а вѣрнѣе соединяютъ въ крѣпкій союзъ все населеніе страны, отъ Дона, гдѣ жили Аланы-Танаиты, и до Днѣстра, гдѣ жили Анты. Они одолѣваютъ восточныхъ Готовъ, то есть отнимаютъ у нихъ власть надъ страною. Но все это дѣлается не вдругъ, какъ бы распорядился Батый или даже Наполеонъ. Напротивъ, борьба идетъ шагъ за шагомъ, какъ обыкновенно она ведется между осѣдлыми племенами. Готы падаютъ не столько отъ силы Унновъ, сколько отъ собственной распри. Западные оставляютъ восточныхъ, отдѣляются отъ нихъ. Эрманарикъ погибаетъ и только тогда Валамиръ, король Унновъ, овладѣваетъ его обширнымъ царствомъ. Наслѣдникъ

Эрманарика, продолжая борьбу, нанимаетъ тѣхъ же Унновъ и воюетъ съ Аланами, изъ чего видно, что и Аланы были такіе же Унны и также гнали Готовъ вонъ изъ своей земли. Если Витимиръ Марцеллина и Винитаръ Іорнанда одно и тоже лице, то и Аланы Марцеллина суть Анты Іорнанда, какъ и быть надлежитъ по точнымъ указаніямъ древнихъ историковъ и географовъ. Продолжая борьбу съ Уннами, Винитаръ казнитъ Антовъ, которые стало-быть тѣже Унны. Послѣ того, около года онъ спокойно господствуетъ въ своей землѣ. Какъ же это могло случиться, въ виду безчисленныхъ Калмыцкихъ полчищъ Валамира? Наконецъ этотъ Калмыцкій ханъ, чтобы совладать съ врагомъ, вступаетъ въ союзъ съ остальными Готами и тогда только чувствуетъ себя сильнымъ и подымается на Винитара. По смерти Винитара онъ овладѣваетъ всею страною восточныхъ Готовъ, но оставляетъ имъ для управленія ихъ родныхъ князей. Вотъ начало Уннскаго господства. Западныхъ Готовъ Унны выпроваживаютъ за Дунай, а надъ восточными владычествуютъ до смерти Аттилы.

Такимъ образомъ простыя и очень рядовыя дѣйствія Валамира нисколько не оправдываютъ тѣхъ заученныхъ историческихъ фразъ, какими обыкновенно историки начинаютъ повѣствованіе о нашествіи Унновъ, разцвѣчивая это нашествіе по баснямъ Іорнанда слѣдующими словами:

„Въ безчисленномъ множествѣ они перешли Меотійскія болота и погнали передъ собою народъ за народомъ... Народы стремглавъ упадали другъ на друга, тѣснили другъ друга все дальше къ западу... Побѣдивъ Готовъ, они разлились словно потопъ по южной Руси, Польшѣ, Угріи". и т. д. Все это въ сущности ни начемъ не основанная риторика. Все это пожалуй могло такъ казаться западнымъ народамъ, когда воеводою Унновъ явился Аттила. Но и этотъ воевода велъ на западъ европейскія же силы, среди которыхъ Унны занимали мѣсто не весьма многолюдное. Величавая сила Аттилы утверждалась съ одной стороны: на безсиліи Западной и Восточной имперіи, а главнымъ образомъ на враждѣ и ненависти между собою европейскаго населенія. На западъ онъ никогда бы и не пошелъ, еслибъ его не водили туда сами же западные народы, искавшіе владычества другъ надъ другомъ и надъ Западною Имперіею.

Кто же на самомъ дѣлѣ были эти Унны? Судя по указанію Марцеллина, что ихъ жилища находились вблизи Ледовитаго моря и по свидѣтельству римскаго посла къ Аттилѣ, Комита Ромула, что владычество Аттилы распространялось на острова, лежавшіе въ океанѣ, и хотя бы эти свидѣтельства были только слухи, всетаки видно, что это былъ народъ сѣверный. Островами океана писатели среднихъ вѣковъ почитали не только Скандинавію, но также Курляндію, Эстонію и побережье Балтійское и Финскаго залива[1].

Можно гадать, что имя Унновъ получила сѣверная дружина Славянскихъ племенъ, призванная на помощь южными племенами, при низложеніи владычества Готовъ, и собравшаяся въ Кіевѣ, такъ какъ можетъ быть, что имя Кыева звучитъ въ имени Хуновъ или Унновъ. Мы видѣли и изъ разсказовъ Іорнанда и Марцеллина, что Унны гонятъ Готовъ отъ Кіевской стороны къ Днѣстру и Пруту, по тому самому пространству, гдѣ по Птоломею обитали тѣже Хуны, по Маркіану Хоаны, гдѣ по Іорнанду обитали Гуннугары, торговавшіе куньими мѣхами, гдѣ находился Гунниваръ, въ который ушли потомъ сыновья Аттилы, гдѣ былъ Хунигардъ Гельмольда и т. д.

Лѣтописецъ Беда Достопочтенный († 735) называетъ Гунами Балтійскихъ Славянъ, именно тѣхъ, которые жили подлѣ Датчанъ и Саксовъ, то есть Вагировъ. Его показанія объ этихъ Гуннахъ относятся къ концу 7-го вѣка. Такъ называютъ Балтійскихъ Славянъ и другіе писатели, Саксонскіе, Датскіе, Скандинавскіе. Иные именуютъ Гунновъ Сарматами. Все это открываетъ новую связь Кіевскихъ Унновъ съ своими родичами Гуннами балтійскими. Невольно раждается предположеніе, не были ли и тогда уже призваны на помощь Балтійскіе Варяги. Не означаетъ ли имя Уннъ въ греческой формѣ тѣхъ Вановъ, которыхъ область прозывалась Ваннома, Ваніана у Плинія, Вантаибъ[2] у Павла Дьякона, и которые иначе назывались Венетами, Виндами, Веннами, даже Уиннадами и т. д.[3] и жили съ давнихъ временъ по Балтійскому Поморью. Олатыненное имя Гунны перешло

---

[1] Кругъ о Федератахъ въ Чтеніяхъ И. А. Н. Кн. I. Спб. 1831.
[2] Быть можетъ Вантебъ, какъ наши Витебъ, Дулебъ, Серебъ и пр.
[3] Слав. Древности Шафарика, Томъ I, Кн. I.

къ писателямъ уже отъ Грековъ, а Греки свое Унны получили не иначе, какъ отъ Готовъ и по всему вѣроятію въ формѣ Вановъ. Такимъ образомъ, звучитъ ли въ имени Унновъ имя Кыева, или имя Вановъ — это будетъ все равно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Унны должны обозначать сѣверное Славянство, и туземное, и призванное на помощь съ Балтійскаго моря. Вотъ причина и объясненіе, почему Аттила жилъ вблизи области Вановъ и держалъ всегда крѣпкую дружбу съ Вандальскимъ королемъ Гезерихомъ. Оба они были чистые Славяне и водили въ своихъ полкахъ истое Славянство.

Невиданный, неслыханный, диковинный, чудовищный народъ, страшилище всѣхъ народовъ—все это рѣчи Готовъ, которые, прибѣжавъ къ Дунаю въ числѣ двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, самыхъ способныхъ къ войнѣ, и съ рыданіемъ и воплемъ, какъ пишетъ Евнапій, простирая руки, прося Грековъ о дозволеніи переправиться на другой берегъ, конечно не могли же разсказывать, что ихъ прогнали, не только обыкновенные люди, но свои же подвластные люди, напр. Роксоланы. Сколько велика была мѣра позора и приниженія для храбрыхъ людей, на столько выросла и чудовищность ихъ врага, разумѣется и невиданнаго и неслыханнаго, и происходившаго отъ вѣдьмъ и чертей. Такъ Готы прославили Унновъ не только во всей Европѣ, но и во всей исторіи и успѣли вселить свои басни объ Уннахъ въ самыя ученѣйшія сочиненія даже и нашего времени.

Этотъ калмыцкій, монгольскій, урало-чудскій вихрь, ураганъ, потопъ, безпримѣрное въ исторіи нашествіе, все это было ничто иное, какъ самое простое и обыкновенное дѣло. Это было простое движеніе восточнаго Славянства противъ наступавшаго германства въ лицѣ Готовъ, завладѣвшихъ было старинными жилищами Славянъ-Тиверцовъ древнихъ Тиригетовъ на Днѣстрѣ, а потомъ Уличей на Бугѣ и Днѣпрѣ, носившихъ въ то время имя Кутургуровъ, Котціагировъ, Аульціагровъ и т. под., отчего быть можетъ и сами Готы прозвались Тервингами, западные, и Грутунгами, восточные, или Остроготы.

Если дѣйствительно въ Кіевѣ собралась дружина Сѣвернаго, Балтійскаго или Русскаго Славянства, подобно тому, какъ спустя 500 лѣтъ она собралась при Олегѣ, то ея си-

да, какъ и въ началѣ нашей исторіи, развилась и распространилась не въ тотъ годъ, когда было отнято владычество у Эрманарика и когда были прогнаны западные Готы изъ земли Тиверцовъ. Мы видимъ большую постепенность въ развитіи этой силы, что вполнѣ зависѣло отъ крѣпости союза родственныхъ племенъ, а главное отъ талантовъ руководителей и отъ хорошаго умнаго нрава и обычая самой дружины. Князь Валамиръ, первоначальный вождь Унновъ, повелъ дѣла съ достойною твердостію и большимъ умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Раздѣливши силу Готовъ, онъ съ восточными Готами, покрайней мѣрѣ съ тѣми, которые ему покорились, остался другомъ и вмѣстѣ ходилъ опустошать Византійскія земли. Точно такъ, какъ и Олегъ не тотчасъ, а собравшись съ силами, пригрозилъ Константинополю и вырвалъ у него необходимый для русской торговли договоръ. Сила Унновъ возрастала столько же времени, какъ и сила Руссовъ въ 10-мъ вѣкѣ. Потребовалось около 70 лѣтъ, т. е. два поколѣнія, чтобы явился на Руси Святославъ, или въ средѣ Унновъ—Аттила.

Исторія Уннскаго князя Валамира извѣстна больше всего военными вспоможеніями, какія онъ дѣлалъ Ѳеодосію въ войнѣ съ Максимомъ въ 388 г. и Руфину противъ Аркадія въ 395 г., когда они ходили на востокъ и опустошили страну до Антіохіи.

Въ 401 г. Уннскій князь Улдъ (Владъ) точно также помогаетъ Аркадію противъ Готовъ. Въ 405 г. Аркадій заключилъ съ нимъ союзъ и снова взялъ Унновъ въ римскую службу. Но въ 408 г. Владъ ходилъ опустошать Мизію и Фракію и приходилъ въ добавокъ вмѣстѣ съ Сивирами. Предложенный міръ не былъ имъ принятъ, а между его полками произошла какая-то смута, такъ что и самъ онъ съ позоромъ побѣжалъ обратно за Дунай.

Послѣ Улда-Влада надъ Уннами царствовалъ Донатъ, къ которому въ 412 г. плавалъ черезъ море посломъ историкъ Олимпіодоръ. Донатъ, слѣдовательно, жилъ еще гдѣ либо въ при-Днѣпровьѣ.

Послѣ Доната царствовалъ Ругъ, Рогъ (Роа, Руа, Роила, Ругила)[1], заставившій восточныхъ Римлянъ платить ему

[1] Припомнимъ, какъ измѣнялось имя Славянъ Руговъ, см. стр. 168.

ежегодную дань, 350 фунтовъ золота, конечно для того, чтобы жить съ ними въ мирѣ и помогать своими войсками.

Въ 424 г. Аэцій, знаменитый римскій полководецъ и самъ сынъ Скиөа, родившійся въ Доростолѣ-Доростенѣ, на Дунаѣ, призываетъ 6000 Унновъ для поддержки западнаго императора Іоанна и вообще такъ дружится съ Уннами, что въ 430 г. убѣгаетъ подъ покровительство къ ихъ царю Рогу, а потомъ, начальствуя въ Италіи и Галліи, содержитъ у себя Унскіе конные полки, съ которыми поражаетъ Германцевъ, Франковъ и Бургундовъ. Для исторіи Унновъ эта личность особенно замѣчательна. Можно съ достовѣрностію сказать, что еслибъ не было Аэція, никогда бы не случилось и нашествія Унновъ на Европу. Сколько знаменитый полководецъ, столько же и знаменитый придворный, Аэцій, едвали самъ не былъ Унномъ или Остроготомъ, по крайней мѣрѣ ничѣмъ инымъ невозможно объяснить его чуть не родственной связи съ Уннами. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ онъ постоянно опирался на эту силу и постоянно призывалъ ее къ участію въ тогдашнихъ европейскихъ смутахъ. При его руководительствѣ Унны заходили очень далеко въ западную Европу и хорошо ознакомились съ людьми и отношеніями западныхъ государствъ. Въ этой школѣ по всѣмъ признакамъ воспитанъ былъ и Аттила[1], вступившій на царство послѣ Рога, своего дяди, и знавшій западныя отношенія какъ свои пять пальцевъ. Словомъ сказать, Унны въ полной мѣрѣ обязаны Аэцію, что онъ втолкнулъ ихъ въ исторію средневѣковой Европы и сдѣлалъ вождями разгромленія Западной Имперіи. По мѣрѣ того, какъ усиливался Аэцій, выросталъ въ своемъ могуществѣ

[1] Если Рогъ-Ругъ именовался также и Ругилой, то очевидно, что и имя Аттилы составлено по тому же складу. Быть можетъ корень его— Тата, Тятя,—отецъ. Въ числѣ посольскихъ людей отъ Аэція къ Аттилѣ встрѣчаемъ Татула. Въ послѣдствіи встрѣчаемъ короля у восточныхъ Готовъ Тотилу (542 г.) и въ службѣ у Византійцевъ нѣкоего Татимера (Татоміра, 593 г.), участвовавшаго въ войнѣ съ Славянами. Извѣстно, что Готы брали имена у Унновъ. Такъ имя перваго Унскаго князя Валамира стали носить и Готскіе короли. А Уннъ — Рагнаръ былъ вождемъ восточныхъ Готовъ, когда уже оканчивалась ихъ слава. Имена, стало быть, передавались взаимно между Уннами и Готами. Все это ожидаетъ вниманія со стороны Русскихъ лингвистовъ.

и Аттила, и это были два человѣка, нѣкоторое время управлявшіе судьбами всей Европы,—одинъ какъ придворная сила Римской Европы, другой какъ военная сила Европы варварской. Но естественно, что эти двѣ силы не могли долго дѣйствовать въ одномъ направленіи. Они разошлись въ своихъ интересахъ и встрѣтились потомъ на страшномъ Каталаунскомъ побоищѣ, гдѣ въ сущности восторжествовало придворное коварство Аэція, такъ что изъ воюющихъ никто не могъ навѣрное сказать, остался ли онъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ. Аэцій защищалъ Европу и на его сторонѣ были Вестготы, которыхъ Аттила отъ души ненавидѣлъ и постоянно преслѣдовалъ. Но Аэцій, дружа Вестготамъ, боялся, чтобы съ побѣдою надъ Уннами не выросло могущество этихъ, не менѣе опасныхъ завоевателей. Въ виду ослабленія такого могущества, онъ поберегъ Аттилу. Судя по ходу исторіи самъ Аэцій былъ силенъ и страшенъ только могуществомъ Аттилы, и какъ скоро погибъ коварнымъ путемъ Аттила, въ 453 г., тѣмъ же путемъ погибъ и Аэцій, въ 454 г. Аттила померъ на своей свадьбѣ, будто бы много выпивши, но вѣроятнѣе всего выпивши яду. Аэція предательски и собственноручно заколол западный императоръ Валентіанъ III, не отыскавшій другаго средства, чтобы избавиться отъ ума и опеки этого замѣчательнаго человѣка.

Такимъ образомъ настоящая сила Унновъ заключалась не въ ихъ Калмыцкой будто бы безчисленной ордѣ, а въ смутахъ и интригахъ западной Европы, которыми руководилъ Аэцій, и которыми очень пользовался геніальный варваръ Аттила. А знаменитое прославленное великое нашествіе Унновъ было въ сущности походомъ однихъ европейскихъ народностей противъ другихъ, восточныхъ противъ западныхъ. Сами же историки того времени единогласно свидѣтельствуютъ, что Аттила не начиналъ войны безъ надобности, для одного грабежа и добычи, какъ бы подобало степному кочевнику и какъ обыкновенно разрисовываетъ его походы ученая исторія. Онъ только не пропускалъ случая, дабы пользоваться слабостію обѣихъ имперій и всегда зналъ впередъ, когда и какъ начать свое дѣло, да и то по большой части ограничивался одними угрозами.

Его политика, которая собрала подъ его знамена столько народовъ западной Европы, не говоря о востокѣ, была очень проста. Кто прибѣгалъ подъ его защиту и становился ему другомъ, того онъ умѣлъ защитить во всѣхъ случаяхъ. Но его власть была снисходительна и благосклонна и никогда не вмѣшивалась въ домашнія дѣла покоренныхъ народовъ, которыхъ князья оставались вполнѣ самостоятельными владыками въ своей землѣ и помощью Аттилы только больше укрѣпляли свое владычество. Зато, кто разъ покорившись или сдѣлавшись его другомъ, измѣнялъ ему, того онъ умѣлъ найдти, куда бы ни скрылся, и умѣлъ наказать, конечно, по варварски.

Послушаемъ очевидца, который самъ ѣздилъ къ страшнымъ Уннамъ, самъ видѣлъ Аттилу, обѣдывалъ у него и наблюдалъ и примѣчалъ, какъ живетъ этотъ могучій человѣкъ. Очевидецъ этотъ—Прискъ, секретарь византійскаго посольства къ Аттилѣ въ 448 г. Къ сожалѣнію изъ его сочиненія, которое вѣроятно вполнѣ познакомило бы насъ съ исторіею Унновъ Аттилы, сохранились только отрывки. Но и въ этихъ отрывкахъ, въ отношеніи бытовой стороны Унновъ, мы находимъ многое, что заслуживаетъ русской памяти по родству и сходству съ нашими древними обычаями и нравами, и во всякомъ случаѣ по той причинѣ, что Унны, хотя-бы они были и Калмыки, очень долго жили въ дружбѣ съ Славянами и вѣрно многими изъ своихъ обычаевъ съ ними подѣлились.

Отъ Приска мы узнаемъ, что въ 433 г. надъ Уннами царствовалъ Руа-Рогъ. Онъ рѣшился вести войну съ народами, поселившимися на Дунаѣ и прибѣгавшими къ союзу съ Римлянами, т. е. рѣшился воевать противъ своихъ же бѣглецовъ. Требуя этихъ бѣглецовъ онъ отправлялъ въ Византію посломъ Исly (Славнъ?). Въ этотъ годъ Руа умеръ и сталъ царствовать Аттила съ братомъ Влидой. Новыя посольства съ обѣихъ сторонъ съѣхались у города Марга на Дунаѣ, на устьѣ Моравы. „Съѣздъ происходилъ внѣ города; Скиѳы сидѣли верхомъ на лошадяхъ и хотѣли вести переговоры, не слѣзая съ нихъ. Византійскіе посланники, заботясь о своемъ достоинствѣ, имѣли съ ними свиданіе также верхомъ. Они не считали приличнымъ вести переговоры пѣшіе съ людьми, сидѣвшими на коняхъ“. По видимому тутъ ничего

особеннаго нѣтъ. Унны не хотѣли въѣхать въ чужой городъ и не хотѣли унижаться предъ Римлянами-Греками, а потому и не слѣзали съ коней. Византійцы поступили точно также. Но заученая мысль о Калмычествѣ Унновъ находитъ и здѣсь явный признакъ ихъ Монгольскаго происхожденія. Русскій переводчикъ Приска, г. Дестунисъ, толкуетъ по этому случаю, что здѣсь мимоходомъ задѣвается обычай Унновъ вѣчно жить на конѣ, подробнѣе описанный Амм. Марцеллиномъ и т. д.

Послы утвердили договоръ, чтобъ Уннамъ были выдаваемы бѣгущіе изъ Скиѳіи люди; чтобъ плѣнные Римляне, безъ выкупа бѣжавшіе къ своимъ, были тоже возвращены или же платить за нихъ по 8 золотыхъ за каждаго; чтобъ Римляне не помогали никакому варварскому народу, съ которымъ Унны вели войну; чтобъ торжища между Римлянами и Уннами происходили на равныхъ правахъ и безъ всякаго опасенія". Этотъ важный пунктъ характеристики Унновъ ихъ новый историкъ Амедей Тьерри совсѣмъ выпустилъ въ своемъ сочиненіи [1], по той вѣроятно причинѣ, что онъ не совсѣмъ согласуется съ общею картиною Унскаго варварства. Наконецъ за сохраненіе договора Скиѳы требовали ежегодной дани по 750 литръ золота. Прежде они получали по 350 литръ.

Варварамъ были выданы искавшіе убѣжища у Римлянъ Унны. Въ числѣ ихъ были дѣти Мамы и Атакама, происходящія изъ царскаго рода. Въ наказаніе за ихъ бѣгство Унны ихъ распяли въ крѣпости Карсѣ (нынѣ Гиршов въ Добруджѣ).

По заключеніи міра съ Римлянами полководцы Аттилы и Влиды обратились къ покоренію другихъ народовъ Скиѳіи и завели войну съ Соросгами, можетъ быть, съ Кіевскою Росью или Русью, которая за дальнимъ разстояніемъ могла искать независимости, или предавалась обычнымъ смутамъ и междоусобіямъ.

Аттила постоянно обращался къ Византіи, все требуя переметчиковъ или требуя невысланной дани и начиналъ войну безпощадную, когда его требованія не исполнялись. За это

---

[1] Сказанія Приска, перев. г. Дестуниса, стр. 21, примѣчаніе переводчика. Ученыя Записки II Отд. И. А. Н. Кн. VII, вып. I.

самое въ 442 г. онъ опустошилъ Иллирію и Ѳракію. Въ 447 г. онъ снова воюетъ по тому же поводу, опустошаетъ не менѣе 70 городовъ и принуждаетъ Византію къ миру на слѣдующихъ условіяхъ: „выдать переметчиковъ, выплатить дань за прежнее время 6000 литръ золота, платить вновь ежегодно по 2100 литръ; за бѣжавшаго безъ выкупа плѣнника платить по 12 золотыхъ или выдавать лицомъ; не принимать къ себѣ никакого варвара". Уплата такой дани была такъ тяжела для Византійцевъ, что, по словамъ Приска, даже богатые люди выставляли на продажу уборы женъ и свои пожитки, весь городъ былъ обобранъ до конца. Въ числѣ выданныхъ переметчиковъ опять было нѣсколько человѣкъ изъ царскаго рода, перебѣжавшихъ къ Римлянамъ, не хотя служить Аттилѣ.

Требуя постоянно выдачи переметчиковъ, Аттила пользовался этимъ случаемъ и очень часто посылалъ къ Римлянамъ пословъ. „Кому изъ своихъ любимцевъ хотѣлъ сдѣлать добро, того и отправлялъ къ Римлянамъ, придумывая къ тому разные пустые причины и предлоги". Пословъ вѣдь по обычаю дарили, а угнетенные Римляне были щедры на подарки. Они теперь повиновались всякому его требованію, на всякое съ его стороны понужденіе смотрѣли, какъ на приказъ повелителя. Не съ нимъ однимъ боялись они завести войну, но страшились и Парѳянъ, и Вандаловъ, и многихъ азіатскихъ и африканскихъ сосѣдей, уже воевавшихъ или готовившихся воевать. Вотъ по какимъ причинамъ особенно сильнымъ казался Аттила. „Уничиженные Римляне ласкали Аттилу, дабы имѣть возможность приготовить отпоръ другимъ многочисленнымъ врагамъ".

Въ 448 г. „въ Византію опять прибылъ посланникъ Аттилы". То былъ Эдиконъ, Скиѳъ, отличавшійся великими военными подвигами. Аттила прислалъ къ царю грамоты, въ которыхъ жаловался, что не выдаютъ бѣглыхъ; грозилъ войною, если ихъ не выдадутъ, и если Римляне не перестанутъ обработывать завоеванную имъ землю, по правому берегу Дуная, отъ устья Савы до теперешняго Рущука. Притомъ требовалъ, чтобы торгъ въ Иллирикѣ происходилъ не по прежнему на берегу Истра, но въ городѣ Наисѣ (Нисса), который онъ опредѣлялъ границею Скиѳской и Римской земли, какъ городъ имъ раззоренный. Требовалъ, чтобъ пословъ

къ нему посылали людей знатныхъ, консульскаго достоинства, и что если Римляне опасаются такихъ посылать, то онъ самъ перейдетъ черезъ Дунай, въ Сардику для ихъ пріема.

На этотъ разъ Греки ухитрились войдти въ тайныя сношенія съ посломъ Эдикономъ и предложили, что осыпятъ его золотомъ, если онъ тайно изведетъ Аттилу. Эдиконъ согласился и для этого дѣла съ нимъ же было отправлено отъ императора посольство, въ которомъ находился и Прискъ, хотя ни самъ посолъ, ни Прискъ ничего не знали о заговорѣ.

Отсюда и начинается дневникъ Прискова посольства. Прибывъ въ Сардику (нынѣ Софія), послы пригласили къ себѣ на обѣдъ сопутствовавшихъ имъ варваровъ. „За обѣдомъ, во время питья, варвары превозносили Аттилу, а мы, говоритъ Прискъ, своего государя. При этомъ одинъ со стороны грековъ замѣтилъ, что неприлично сравнивать божество съ человѣкомъ; что Аттила человѣкъ, а Ѳеодосій божество. Унны пришли въ ярость отъ такихъ словъ. Послы по немногу обратили рѣчь къ другимъ предметамъ и всячески старались ихъ успокоить ласковымъ обхожденіемъ, а послѣ обѣда задобрили ихъ подарками—шелковыми одеждами и драгоцѣнными каменьями“. Продолжая путь, послы доѣхали до Дуная, гдѣ ихъ встрѣтили перевозчики изъ варваровъ, приняли посольство на свои однодеревки и перевезли черезъ рѣку. Передъ тѣмъ эти однодеревки перевозили Унновъ, собиравшихся въ этомъ мѣстѣ для назначенной Аттилою охоты.

Послы однако уразумѣли, что это былъ только предлогъ, а на самомъ дѣлѣ Аттила готовился воевать за то, что не всѣ бѣглецы были ему выданы.

На другой день они прибыли къ шатрамъ Аттилы: ихъ было у него много. Послы тоже хотѣли разбить шатры на одномъ изъ холмовъ; но Скиѳы имъ воспретили, говоря, что шатеръ Аттилы стоитъ на низменномъ мѣстѣ въ равнинѣ, и что слѣд. неприлично посламъ становится передъ нимъ на горѣ. Послы остановились тамъ, гдѣ имъ было указано [1].

---

[1] По случаю этого, весьма простаго обстоятельства въ посольскихъ пріемахъ, какъ и по случаю упомянутаго выѣзда Аттилы на охоту, писатели стараются найдти здѣсь характеристику именно азіатскихъ

Аттила уже зналъ о заговорѣ на его жизнь; послы же этого не знали, отчего произошло замѣшательство въ начальныхъ переговорахъ, и имъ было велѣно тотчасъ же убираться домой, если они не скажутъ главной цѣли своего посольства.

„Уже мы выючили скотину, говоритъ Прискъ, и хотѣли по необходимости пуститься въ путь ночью, какъ пришли къ намъ Скиѳы и объявили, что Аттила, по случаю ночнаго времени, приказываетъ остановиться. Пришли другіе Скиѳы съ присланными отъ Аттилы запасами на ужинъ — рѣчными рыбами и быкомъ“. На другой день однако самъ уже Прискъ чрезъ сношеніе съ приближенными къ Аттилѣ устроилъ дѣло такъ, что посольство было принято. Помогъ Скотта, братъ Онигизія (Оногоста).

„Мы вошли въ шатеръ Аттилы, охраняемый многочисленною толпою варваровъ, продолжаетъ Прискъ. Аттила сидѣлъ на деревянной скамьѣ. Мы стали нѣсколько поодаль, а посолъ, подойдя къ варвару, привѣтствовалъ его. Онъ вручилъ ему царскія грамоты и сказалъ, что царь желаетъ здоровья ему и всѣмъ его домашнимъ. Аттила отвѣчалъ: „Пусть съ Римлянами будетъ то, чего они мнѣ желаютъ“.

Затѣмъ Аттила вдругъ обратилъ рѣчь къ Вигилѣ, который былъ одною изъ пружинъ заговора. Онъ называлъ его безстыднымъ животнымъ, зато, что рѣшился пріѣхать къ нему, тогда какъ постановлено, чтобъ Римскіе посланники не являлись, пока всѣ бѣглецы не будутъ выданы Уннамъ. Вигила отвѣчалъ, что нѣтъ у нихъ ни одного бѣглаго изъ Скиѳскаго народа, всѣ выданы. Аттила утверждалъ, что ихъ у Римлянъ множество; что за наглость его словъ онъ посадилъ бы его на колъ и отдалъ бы на съѣденіе птицамъ, еслибъ не уважалъ права посольства.

Послѣ такого пріема Вигила съ Ислою былъ отправленъ къ царю въ Византію, будто бы собирать бѣглыхъ, а на самомъ дѣлѣ за тѣмъ золотомъ, которое было обѣщано Эдикону. Послы же отправились слѣдомъ за Аттилою дальше къ сѣверу. На дорогѣ Аттила своротилъ въ одно селеніе, въ которомъ намѣревался сочетаться бракомъ съ дочерью Эска-

---

кочевническихъ обычаевъ, противъ чего возражаетъ даже и г. Дестунисъ: Сказанія Приска, 36—37.

мы. Онъ имѣлъ много женъ, но хотѣлъ теперь жениться и на этой дѣвицѣ, согласно съ закономъ Скиѳскимъ [1].

Послы на своемъ пути переѣхали нѣсколько значительныхъ рѣкъ, Дриконъ (Марошъ), Тигу и Тифисъ-Тибискусъ-Тейсъ. Явно, что они двигались ближе къ Карпатамъ, къ Токаю. Черезъ рѣки ихъ перевозили береговые жители на однодеревкахъ и на плотахъ. Въ селеніяхъ отпускали имъ въ пищу, вмѣсто пшеницы — просо, вмѣсто вина, такъ называемый у туземцевъ медосъ — медъ, извѣстное Славянское питье. Служители пословъ получали тоже просо и питье добываемое изъ ячменя, которое варвары называютъ камосъ [2].

Въ одномъ мѣстѣ, близъ какого-то озера, пословъ застигла буря, такъ что среди наставшаго мрака подъ ливнемъ люди разбрелись, кто-куда, отыскивая съ крикомъ другъ друга. Всѣ однако сошлись въ селеніи. Изъ хижинъ выбѣжали Скиѳы и стали зажигать камыши (лучину), которые они употребляютъ для разведенія огня. При свѣтѣ камышей объяснилось въ чемъ дѣло. Жители звали посольскихъ людей къ себѣ, приняли въ свои домы и подкладывая много камышу, согрѣли путниковъ. Оказалось, что владѣтельницею селенія была одна изъ женъ Влиды, брата Аттилы. Она прислала посламъ кушанье съ красивыми женщинами. Это по Скиѳски знакъ уваженія. Послы поблагодарили женщинъ за кушанье, но отказались отъ дальнѣйшаго съ ними обхожденія. Они провели ночь въ хижинахъ; на утро собрали свои вещи и весь день прожили въ селеніи, обсушивая пожитки. Отправляясь въ путь, послы пошли къ царицѣ, привѣтствовали ее и въ благодарность за гостепріимство принесли ей взаимно въ подарокъ три серебряныя чаши, нѣсколько красныхъ кожъ, перцу изъ Индіи, финиковыхъ пло-

---

[1] Для утвержденія, что Унны были Монголы, писатели объясняютъ здѣсь, что Аттила женился на своей дочери. Между тѣмъ имя Эскамъ по гречески не склоняемо и еще неизвѣстно, какъ должно понимать: на дочери Эскамѣ, или на дочери Эскамы. Дестунисъ стр. 45.

[2] Само собою разумѣется, что это невнятное слово, прямо указывающее на Славянскій квасъ, изслѣдователи все еще толкуютъ кумысомъ, вовсе устраняя обстоятельство, что этотъ кумысъ дѣлался изъ ячменя. По греческому выговору варварскихъ словъ очень часто вмѣсто в употреблялось м.

довъ и другихъ сластей (овощеве разноличныя), которыя очень цѣнятся варварами, потому что тамъ ихъ не водится.

Послы ѣхали дальше и повстрѣчали другое посольство къ Аттилѣ отъ Аэція и царя Западныхъ Римлянъ, посланное для укрощенія его гнѣва за какіе-то золотые священные сосуды, которые Аттила почиталъ своею собственностію, такъ какъ они составляли принадлежность завоеваннаго имъ города. Оба посольства остановились въ этомъ мѣстѣ и ожидали, пока Аттила, проѣдетъ впередъ, а потомъ продолжали путь за нимъ вмѣстѣ со множествомъ народа.

„Переѣхавъ, черезъ нѣкоторыя рѣки, продолжаетъ Прискъ, мы прибыли въ одно огромное селеніе, въ которомъ былъ дворецъ Аттилы. Этотъ дворецъ, какъ увѣряли насъ, былъ великолѣннѣе всѣхъ дворцевъ, какіе имѣлъ Аттила въ другихъ мѣстахъ. Онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искуено вытесанныхъ и обнесенъ деревянною оградою, болѣе служащею къ украшенію, нежели къ защитѣ. Послѣ дома царскаго, самый отличный былъ домъ Онигисіевъ, также съ деревянною оградою; но ограда эта не была украшена башнями, какъ Аттилина. Недалеко отъ ограды была большая баня, построенная Онигисіемъ, имѣвшимъ послѣ Аттилы величайшую силу между Скиѳами. Онъ перевезъ для этой постройки каменья изъ земли Пеонской (отъ Савы и Дравы), ибо у варваровъ, населяющихъ здѣшнюю страну, нѣтъ ни камня, ни лѣса; этотъ матеріалъ употребляется у нихъ привозный.

„При въѣздѣ въ селеніе, Аттила былъ встрѣченъ дѣвами (быть можетъ по случаю его брака), которыя шли рядами подъ тонкими бѣлыми покрывалами. Подъ каждымъ изъ этихъ длинныхъ покрывалъ, поддерживаемыхъ руками стоящихъ по обѣимъ сторонамъ женщинъ, было до семи и болѣе дѣвъ; а такихъ рядовъ было очень много. Сіи дѣвы, предшествуя Аттилѣ, пѣли Скиѳскія пѣсни. Когда Аттила былъ подлѣ дома Онигисія, мимо котораго пролегала дорога, ведущая къ царскому дворцу, — супруга Онигисія вышла изъ дому со многими служителями, изъ которыхъ одни несли кушанье, а другіе вино. Это у Скиѳовъ знакъ отличнѣйшаго уваженія. Она привѣтствовала Аттилу и просила его вкусить того, что ему подносила, въ изъявленіе своего почтенія. Въ угодность жены своего любимца, Аттила, си-

ля на конѣ, ѣлъ кушанья съ серебрянаго блюда, высоко поднятаго служителями. Вкусивъ вина изъ поднесенной ему чаши, онъ поѣхалъ въ царскій домъ, который былъ выше другихъ и построенъ на возвышеніи".

Послы по назначенію остановились въ домѣ Онигисія, были приняты его женою и отличнѣйшими изъ его сродниковъ и обѣдали у него. Самъ Онигисій, бывши у Аттилы, не имѣлъ времени съ ними обѣдать. Онъ только что возвратился изъ похода къ Акатирамъ, гдѣ посадилъ на царство старшаго сына Аттилы и доносилъ государю о своемъ порученіи, а равно и о случившемся несчастіи: царевичь упалъ съ коня и переломилъ себѣ правую руку.

Пообѣдавши, послы однако раскинули свои шатры близъ дворца Аттилы, для того, чтобы быть поближе отъ посольскихъ совѣщаній. По этимъ шатрамъ можно доказывать, что и они были Калмыки.

На разсвѣтѣ Прискъ отправился къ Онигисію съ дарами и главное, чтобы узнать, какъ онъ хочетъ вести переговоры. Сопровождаемый служителями, несшими подарки, Прискъ подошелъ къ воротамъ, но ворота были заперты и посланникъ сталъ дожидаться, не выйдетъ ли кто, чтобъ сказать о его приходѣ.

Между тѣмъ, какъ онъ прохаживался передъ оградою дома, къ нему подошелъ человѣкъ, судя по Скиѳскому платью, варваръ. Но онъ привѣтствовалъ Приска на эллинскомъ языкѣ. Это очень удивило посланника. „Скиѳы, будучи сборищемъ разныхъ народовъ, говоритъ онъ, сверхъ собственнаго своего варварскаго языка, охотно употребляютъ языкъ Унновъ, Готѳовъ или латинскій въ сношеніяхъ съ Римлянами. Но не легко найдти между ними человѣка, знающаго эллинскій языкъ, исключая людей уведенныхъ изъ Ѳракіи или изъ приморской Иллиріи. Однако такихъ людей, впавшихъ въ несчастіе, легко узнать по изодранному платью и по нечесанной головѣ; а этотъ человѣкъ казался Скиѳомъ, живущимъ въ роскоши; онъ одѣтъ былъ очень хорошо, а голова была острижена въ кружокъ". Отвѣтствуя на его привѣтствіе, Прискъ спросилъ его, кто онъ таковъ; откуда пришелъ въ варварскую страну и почему предпочелъ скиѳскій образъ жизни прежнему? Оказалось, что это былъ Грекъ изъ Дунайскаго города Виминакіи; былъ богатъ и при взя-

тія города Скиѳами, попалъ въ плѣнъ, а за богатство достался при раздѣлѣ плѣнныхъ Онигисію, потому что богатые люди, доставались, послѣ Аттилы, на долю его вельможамъ. „Послѣ я отличался въ сраженіяхъ противъ Римлянъ и Акатировъ, говорилъ Грекъ, отдалъ своему господину по закону скиѳскому, все, добытое мною на войнѣ; получилъ свободу, женился на варваркѣ, прижилъ дѣтей и теперь благоденствую. Онигисій сажаетъ меня за свой столъ и я предпочитаю настоящую свою жизнь прежней, ибо иноземцы, находящіеся у Скиѳовъ, послѣ войны ведутъ жизнь спокойную и беззаботную; каждый пользуется тѣмъ, что у него есть, ничѣмъ нетревожимый“. Грекъ сталъ выхвалять скиѳское житье передъ греческимъ и, подобно нашему Котошихину, описалъ состояніе дѣлъ въ Византіи очень не привлекательными красками. „Жестокое взиманіе налоговъ, притѣсненія несправедливаго, подкупнаго и безконечнаго суда, наглое и непомѣрное взяточничество; при множествѣ законовъ полнѣйше беззаконіе и тому подобные обычаи просвѣщеннаго народа, говорилъ онъ, дѣлаютъ жизнь въ Византіи невыносимою“. Представитель Византіи конечно сталъ ему возражать и доказывать, что онъ ошибается; что законы греческіе для всѣхъ равны, что самъ царь имъ повинуется... Подъ конецъ разговора Грекъ заплакалъ и сказалъ: „Законы хороши и Римское общество прекрасно устроено; но правители портятъ и разстроиваютъ его, не поступая такъ, какъ поступали древніе“.

Пока такимъ образомъ у воротъ Скиѳа Греки разсуждали о бѣдствіяхъ своей земли, или лучше сказать о бѣдствіяхъ гражданскаго быта, остающихся и до сихъ поръ живыми, ворота были отперты и Прискъ, подбѣжавъ къ домочадцу, спросилъ: когда можетъ видѣть господина? „Подожди немного, онъ самъ выйдетъ“, отвѣчалъ привратникъ. Въ самомъ дѣлѣ, не много погодя, Онигисій вышелъ. Прискъ привѣтствовалъ его отъ имени посла, представилъ подарки и золото, присланное отъ царя (должно быть особо Онигисію) и спросилъ, когда и гдѣ посолъ можетъ съ нимъ говорить? Онигисій далъ приближеннымъ приказаніе принять подарки и золото и велѣлъ сказать послу, что онъ самъ придетъ къ нему сейчасъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Не успѣлъ Прискъ воротиться къ своимъ шатрамъ, какъ явился

и Онигисій. Переговоры со стороны Грековъ касались того, чтобы Скиѳъ пріѣхалъ къ царю въ Византію и разрѣшилъ всѣ недоразумѣнія. Видимо они приманивали Скиѳа на измѣну Аттилѣ. Но Скиѳъ объяснилъ, что онъ будетъ имъ несравненно полезнѣе, оставаясь при Аттилѣ, ибо, когда случиться, можетъ укрощать его гнѣвъ на Римлянъ. Видимо, что Скиѳъ тоже хитрилъ въ виду подарковъ и золота.

„На другой день, продолжаетъ Прискъ, я пошелъ ко двору Аттилы съ подарками для его супруги. Имя ея Крека. Аттила имѣлъ отъ нея трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшій былъ владѣтелемъ Акацировъ и другихъ народовъ, занимавшихъ припонтійскую Скиѳію", то есть стало быть старшій столъ всей Скиѳской земли [1].

„Внутри ограды (Аттилина двора) было много домовъ; одни выстроены изъ досокъ, красиво соединенныхъ, съ рѣзною работою; другіе изъ тесаныхъ и выровненныхъ бревенъ, вставленныхъ въ брусья, образующіе круги; начинаясь съ пола, они поднимались до нѣкоторой высоты [2].

„Здѣсь жила супруга Аттилы. Я впущенъ былъ стоявшими у дверей варварами и засталъ Креку, лежащую на мягкой постелѣ. Полъ былъ устланъ шерстяными коврами, по которымъ ходили. Вокругъ царицы стояло множество рабовъ; рабыни, сидя на полу, противъ нея, испещряли разными красками полотняныя покрывала, носимыя варварами поверхъ одежды для красы. Подошедъ къ Крекѣ, я привѣтствовалъ ее, подалъ ей подарки и вышелъ. Я пошелъ къ другимъ палатамъ, гдѣ имѣлъ пребываніе Аттила. Я ожидалъ, когда выйдетъ Онигисій, который уже находился внутри дворца. Я стоялъ среди множества людей, и никто мнѣ

---

[1] По Іорнанду Акациры жили въ Кіевской области, а подъ ними по сѣверному берегу Чернаго моря Булгары, называемые иногда Уннами-Котригурами. См. выше, стр. 330.

[2] «Образъ постройки дома Креки, говоритъ Русскій переводчикъ Дестунисъ, и въ текстѣ и въ переводахъ мнѣ неясенъ. Первоначальный текстъ не давалъ ни какого смысла. Исправленный на угадъ Контокларомъ и Беккеромъ онъ сталъ потолковѣе, но все таки неясенъ.» По всему вѣроятію затруднительные для пониманія к р у г и, обозначаютъ тѣ формы древнихъ Русскихъ построекъ, которыя технически именуются б о ч к а м и, или въ каменномъ зодчествѣ закомарами.

не мѣшалъ, потому что я былъ извѣстенъ стражамъ Аттилы и окружающимъ его варварамъ. Я увидѣлъ, что идетъ толпа; на томъ мѣстѣ произошелъ шумъ и тревога, въ ожиданіи выхода Аттилы. Онъ выступилъ изъ дому, шелъ важно, озираясь въ разныя стороны“.

Здѣсь Прискъ въ первый разъ увидалъ Аттилу лицемъ къ лицу. Онъ не описываетъ его наружности, зато спустя сто лѣтъ ее описываетъ Готѳъ Іорнандъ. „Это мужъ, рожденный на свѣтъ для всколебанія своего народа, всѣмъ странамъ на ужасъ, говоритъ онъ. По какой то волѣ рока распространилась о немъ страшная молва и онъ все привелъ въ трепетъ. Гордо выступая, озирался онъ на всѣ стороны, такъ что въ самыхъ движеніяхъ его видно было могущество лица властнаго. Любитель браней, но самъ въ бою воздержный, онъ былъ силенъ въ совѣщаніяхъ, доступенъ мольбамъ, благосклоненъ къ людямъ, ему отдавшимся. Онъ былъ малъ ростомъ: грудь широкая, голова большая, маленькіе глазки, борода рѣдкая, волосы съ просѣдью, черенъ и курносъ, какъ вся его порода“. Ясно, что портретъ написанъ по сказаніямъ объ Уннахъ Ам. Марцеллина и Зосима.

„Когда, вышедъ съ Онигисіемъ, продолжаетъ Прискъ, Аттила остановился на крыльцѣ дома, многіе просители, имѣвшіе между собою тяжбы, подходили къ нему и слушали его рѣшенія. Онъ возвратился потомъ въ свой домъ, гдѣ принималъ пріѣхавшихъ къ нему варварскихъ посланниковъ.“

Между тѣмъ, ожидая Онигисія и оставаясь поэтому случаю въ оградѣ Аттилина дворца, Прискъ встрѣтилъ здѣсь и посланниковъ западныхъ Римлянъ. Начались разговоры, конечно все объ Аттилѣ. Западные Римляне жаловались на непреклонность требованій варвара. „Великое счастіе Аттилы, говорилъ посолъ Ромулъ, и происходящее отъ этого счастія могущество до того увлекаютъ его, что онъ не терпитъ никакихъ представленій, какъ бы они ни были справедливы, если они не клонятся къ его пользѣ. Никто изъ тѣхъ, которые когда либо царствовали надъ Скиѳіею и надъ другими странами, не произвелъ столько великихъ дѣлъ, какъ Аттила, и въ такое короткое время. Его владычество простирается надъ островами, находящимися на Океанѣ, и не только всѣхъ Скиѳовъ, но и Римлянъ заставляетъ онъ платить себѣ дань.“ Недовольствуясь настоящимъ

владѣніемъ, онъ жаждетъ большаго, хочетъ распространить свою державу и идти на Персовъ".

Когда кто-то изъ присутствующихъ спросилъ, по какой дорогѣ Аттила можетъ пройдти въ Персію? то Ромулъ объяснилъ, что Мидія не очень далека отъ Скиѳіи; что Уннамъ извѣстна туда дорога; что они давно вторгались въ Мидію, въ то время, когда у нихъ свирѣпствовалъ голодъ; что въ Мидію ходили Васихъ и Курсихъ, тѣ самые, которые послѣ пріѣзжали въ Римъ для заключенія союза, мужи царскаго рода и начальники многочисленнаго войска. По ихъ разсказамъ они проѣхали степной край, переправились черезъ какое-то озеро, Меотиду, какъ полагалъ Ромулъ, и по прошествіи пятнадцати дней, перейдя какія-то горы, вступили въ Мидію. Персы потѣснили ихъ назадъ; тогда Скиѳы, боясь преслѣдованія, поворотили по другой дорогѣ (черезъ Дербентъ), гдѣ пламя поднимается изъ скалы подводной (въ Баку), и возвратились въ свою страну" [1].

Вообще посланники заботливо разсуждали о великомъ могуществѣ Аттилы. „Военная сила у него такая, говорили они, что ни одинъ народъ не устоитъ противъ него; можетъ случиться, что онъ завоюетъ и самый Римъ. Онъ уже сказалъ, прибавилъ одинъ, что полководцы Римлянъ его рабы, а его полководцы равны царямъ Рима; что настоящее его могущество распространится въ скоромъ времени еще больше; что это знаменуетъ ему Богъ, явившій мечь Марсовъ, который у Скиѳскихъ царей почитается священнымъ. Этотъ мечь уважается ими, какъ посвященный Богу войны; въ древнія времена онъ изчезъ, а теперь былъ случайно открытъ быкомъ" [2].

---

[1] Общій очеркъ этого пути необходимо даетъ понятіе, что Унны ходили въ Мидію или отъ Дона или отъ Днѣпра черезъ Воспоръ (зимою по льду), и во всякомъ случаѣ изъ Кіевской или Сѣверной страны, ибо прежде всего проходили степной край.

[2] По Іорнанду Прискъ разсказывалъ объ этомъ мечѣ слѣдующее: Какой-то пастухъ, замѣтивъ, что одна корова у него хромала отъ раны, сталъ отыскивать причину; онъ направился по ея кровавымъ слѣдамъ и дошелъ до меча, торчавшаго изъ земли. Мечь былъ выкопанъ и тотчасъ отнесенъ къ Аттилѣ. Ясно, что это сказочный мечь-кладенецъ.

Въ тотъ же день послы и восточные и западные были приглашены Аттилою на пиршество, которое назначалось въ 9 часовъ дня (съ восхожденія солнца).

„Въ назначенное время, говоритъ Прискъ, пришли мы и посланники Западныхъ Римлянъ и стали на порогѣ комнаты, противъ Аттилы. Виночерпцы, по обычаю страны своей, подали чашу, дабы и мы помолились, прежде нежели сѣсть. Сдѣлавъ это и вкусивъ изъ чаши, мы пошли къ сѣдалищамъ, на которыя надлежало намъ сѣсть и обѣдать". „Скамьи стояли у стѣнъ комнаты по обѣ стороны; въ самой срединѣ сидѣлъ на ложѣ Аттила; позади его было другое ложе, за которымъ нѣсколько ступеней вели къ его постели. Она была закрыта тонкими и пестрыми занавѣсами, для красы, подобными тѣмъ, какіе въ употребленіи у Римлянъ и Эллиновъ для новобрачныхъ.

„Первымъ мѣстомъ для обѣдающихъ почиталась правая сторона отъ Аттилы; вторымъ—лѣвая, на которой сидѣли мы. Впереди насъ сидѣлъ Верихъ, Скиѳъ знатнаго рода. Онигисій сидѣлъ на скамьѣ, на право отъ ложа царскаго. Противъ Онигисія на скамьѣ сидѣло двое изъ сыновей Аттилы; старшій же сынъ его сидѣлъ на краю его ложа, не близко къ нему, изъ уваженія къ отцу потупивъ глаза въ землю.

„Когда всѣ разсѣлись по порядку, виночерпецъ, подошедъ къ Аттилѣ, поднесъ ему чашу съ виномъ. Аттила взялъ ее и привѣтствовалъ того, кто былъ первый въ ряду. Тотъ, кому была оказана честь привѣтствія, вставалъ; ему не было позволено сѣсть прежде, чѣмъ Аттила возвратитъ виночерпцу чашу, выпивъ вино, или отвѣдавъ его. Когда онъ садился, то присутствующіе чтили его такимъ же образомъ: принимали чаши и привѣтствовавъ, вкушали изъ нихъ вино. При каждомъ изъ гостей находилось по одному виночерпцу, который долженъ былъ входить въ очередь по выходѣ виночерпца Аттилы. По оказаніи такой же почести второму гостю и слѣдующимъ за нимъ гостямъ, Аттила привѣтствовалъ и насъ наравнѣ съ другими по порядку сидѣнія на скамьяхъ. Послѣ того, какъ всѣмъ была оказана честь такого привѣтствія, виночерпцы вышли. Подлѣ стола Аттилы поставлены были столы на трехъ, четырехъ или болѣе гостей, такъ, чтобъ каждый могъ брать изъ положеннаго на

блюдѣ кушанья, не выходя изъ ряда сѣдалищъ. Съ кушаньемъ первый вошелъ служитель Аттилы, неся блюдо, наполненное мясомъ. За нимъ прислуживающіе другимъ гостямъ ставили на столы кушанье и хлѣбъ. Для другихъ варваровъ и для насъ были приготовлены отличныя яства, подаваемыя на серебряныхъ блюдахъ; а передъ Аттилою ничего болѣе не было, кромѣ мяса на деревянной тарелкѣ. И во всемъ прочемъ онъ показывалъ умѣренность. Пирующимъ подносимы были чарки золотыя и серебряныя, а его чаша была деревянная. Одежда на немъ была также простая, и ничѣмъ не отличалась, кромѣ опрятности. Ни висящій при немъ мечь, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотомъ, каменьями или чѣмъ либо драгоцѣннымъ, какъ водится у другихъ Скиѳовъ.

„Послѣ того, какъ наложенныя на первыхъ блюдахъ кушанья были съѣдены, мы всѣ встали, и всякій изъ насъ не прежде пришелъ къ своей скамьѣ, какъ выпивъ прежнимъ порядкомъ поднесенную ему полную чару вина и пожелавъ Аттилѣ здравія. Изъявивъ ему такимъ образомъ почтеніе, мы сѣли, а на каждый столъ поставлено было второе блюдо, съ другими кушаньями. Всѣ брали съ блюда, вставали по прежнему, потомъ, выпивъ вино, садились.

„Съ наступленіемъ вечера зажжены были факелы. Два варвара, выступивъ противъ Аттилы, пѣли пѣсни, въ которыхъ превозносили его побѣды и оказанную въ бояхъ доблесть. Собесѣдники смотрѣли на нихъ: одни тѣшились стихотвореніями, другіе воспламенялись, вспоминая о битвахъ, а тѣ, которые отъ старости тѣломъ были слабы, а духомъ спокойны, проливали слезы.

„Послѣ пѣсней, какой-то Скиѳъ юродивый (шутъ), выступивъ впередъ, говорилъ рѣчи странныя, вздорныя, неимѣющія смысла и разсмѣшилъ всѣхъ.

„За нимъ предсталъ собранію горбунъ Зерконъ Маврусій.... Видомъ своимъ, одеждою, голосомъ и смѣшенно-произносимыми словами, ибо онъ смѣшивалъ языкъ Латинскій съ Уннскимъ и Готескимъ, онъ развеселилъ присутствующихъ и во всѣхъ нихъ, кромѣ Аттилы возбудилъ неугасимый смѣхъ. Аттила одинъ оставался неизмѣннымъ и непреклоннымъ, и не обнаружилъ никакого расположенія къ смѣху. Онъ только потягивалъ за щеку младшаго изъ своихъ сыновей, Ирну, во-

шедшаго и ставшаго возлѣ него, и глядѣлъ на него веселыми глазами. Я дивился тому, что Аттила не обращалъ вниманія на другихъ дѣтей своихъ и только ласкалъ одного Ирну. Сидѣвшій возлѣ меня варваръ, знающій Латинскій языкъ, попросилъ меня напередъ никому не говорить того, что онъ мнѣ сообщитъ, и сказалъ, что прорицатели предсказали Аттилѣ, что его родъ падетъ, но будетъ возстановленъ этимъ сыномъ. Такъ какъ пированье продолжалось и ночью, то мы вышли, не желая долѣе бражничать“.

На другой день послы стали просить объ отпускѣ. Онигисій сказалъ имъ, что и Аттила хочетъ ихъ отпустить. Потомъ онъ держалъ совѣтъ съ другими сановниками и сочинялъ письма, которыя надлежало отправить въ Византію. При Онигисіи были писцы и между прочимъ одинъ плѣнный изъ Мизіи, котораго по отличному образованію Аттила употреблялъ для писемъ.

„Между тѣмъ Реканъ (Крека), супруга Аттилы, пригласила насъ къ обѣду, продолжаетъ Denискъ, у Адамія, управлявшаго ея дѣлами. Мы пришли къ нему вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатными Скиѳами, удостоены были благосклоннаго и привѣтливаго пріема и угощены столомъ. Каждый изъ предстоявшихъ, по Скиѳской учтивости, привставъ, подавалъ намъ полную чашу, потомъ обнималъ и цѣловалъ выпившаго и принималъ отъ него чашу. Послѣ обѣда мы пошли въ свой шатеръ и легли спать“.

„На другой день Аттила опять пригласилъ насъ на пиръ. Мы пришли къ нему и пировали по прежнему. На ложѣ подлѣ Аттилы, сидѣлъ уже не старшій его сынъ, а Оиварсій, дядя его по отцѣ. Во все время пиршества Аттила обращалъ къ намъ ласковыя слова.... Мы вышли изъ пиршества ночью“.

По прошествіи трехъ дней послы были отпущены.

На возвратномъ пути они остановились въ одномъ селеніи. „Тутъ былъ пойманъ Скиѳъ, пришедшій изъ Римской земли въ варварскую лазутчикомъ. Аттила велѣлъ посадить его на колъ. „На другой день, когда мы, говоритъ Денискъ, ѣхали другими селеніями, два человѣка, бывшіе у Скиѳовъ въ неволѣ, были приведены со связанными назади руками за то, что убили своихъ господъ, владѣвшихъ ими по праву

войны. Обоихъ распяли, положивъ голову на два бруса, съ перекладинами".

Послѣ того посламъ встрѣтился Вигила, участникъ заговора на жизнь Аттилы, везшій теперь золото, назначенное для подкупа Эдикона. Аттила заставилъ Вигилу все разсказать, какъ было дѣло, взялъ золото (100 литръ) и велѣлъ привести еще 50 литръ для выкупа самого Вигилы.

Затѣмъ Аттила послалъ въ Константинополь своего посла Иелу и Ореста, домочадца и писца (дьяка). Оресту было приказано повѣсить себѣ на шею мошну, въ которой Вигила привезъ золото для передачи Эдикону; въ такомъ видѣ предстать предъ царя, показать мошну ему и евнуху Хрисафію, первому заводчику заговора, и спросить ихъ: узнаютъ ли они мошну? Послу Иелѣ велѣно было сказать царю изустно: „ты Өеодосій рожденъ отъ благороднаго родителя, и я самъ Аттила хорошаго происхожденія, и наслѣдовавъ отцу своему Мундіуху, сохранилъ благородство во всей чистотѣ. А ты Өеодосій, напротивъ того, лишившись благородства, поработился Аттилѣ тѣмъ, что обязался платить ему дань. Итакъ ты не хорошо дѣлаешь, что тайными кознями, подобно дурному рабу, посягаешь на того, кто лучше тебя, кого судьба сдѣлала твоимъ господиномъ".

Таковы разсказы Приска, свидѣтеля-очевидца, свидѣтеля несомнѣннаго, достовѣрнаго. Насколько въ этихъ разсказахъ обрисовывается кочевой бытъ Унновъ, надо объ этомъ вопросить здравый смыслъ.

Всѣ Унны-Скиөы, какъ и самъ ихъ царь Аттила живутъ въ селеніяхъ. Дворецъ царя, лучшій, находится въ огромномъ, многолюдномъ селеніи, другіе находятся въ другихъ селеніяхъ. Дворецъ этотъ искусно и красиво построенъ изъ дерева, въ странѣ, гдѣ ни камня, ни дерева нѣтъ и все это должно привозить. Дворецъ имѣетъ ограду съ башнями, ограду, которая служитъ больше для украшенія, чѣмъ для защиты. Это даже и не Московскій Кремль, а простая усадьба богатаго помѣщика. Дворецъ царицы на томъ же дворѣ, но построенный съ большими затѣями, съ какими-то кругами, которые несомнѣнно были кровли, сведенныя въ форму бочекъ, или тѣхъ намъ всѣмъ извѣстныхъ полукружій, которыя повсюду встрѣчаются на кровляхъ и подъ главами нашихъ старинныхъ церквей.

Выѣхавъ на охоту, Аттила въ полѣ останавливается въ шатрахъ—вотъ единственный признакъ кочеваго быта. Но и греческіе послы возлѣ двора Аттилы, возлѣ его хоромъ раскидываютъ для удобства сношеній тоже свои шатры, слѣд. и они были кочевники.

Описаніе пира, столовыхъ обрядовъ, порядка, въ какомъ гости сидѣли, переноситъ насъ цѣликомъ въ Московскій дворецъ 16-го столѣтія, то есть черезъ пространство времени въ 1100 лѣтъ и показываетъ, что формы быта живутъ несравненно дольше племенъ и народовъ.

Положимъ, что никогда не будетъ доказано, что Унны были Славяне. Но точно также никогда не будетъ доказано, что Унны были Монголы, Маджары или другой какой народъ. ибо основанія для подобныхъ доказательствъ одни и тѣже, неточныя, сбивчивыя, неясныя показанія древнихъ писателей. Одно всегда будетъ справедливо, что ихъ обычаи, въ оное время, господствовали въ Славянской землѣ и именно въ землѣ Славянъ Восточныхъ, что чьи бы ни были эти обычаи, но они принадлежатъ такъ сказать самой землѣ, гдѣ уже тысячу лѣтъ живутъ одни Славяне восточной отрасли.

Эти обычаи суть отношенія къ военно-плѣннымъ рабамъ, о которыхъ такъ подробно разсказываетъ Прискъ и о которыхъ тоже самое говорятъ Прокопій и Маврикій, спустя сто лѣтъ.

Многоженство, которое изображено Несторомъ въ лицѣ Владиміра, даже съ тѣмъ указаніемъ, что жены жили въ особыхъ селахъ, какъ и здѣсь жена Влиды, угостившая пословъ, случайно попавшихъ къ ней во время бури.

На Руси дороже почета не было, когда жена хозяина выйдетъ и поднесетъ гостю чарку вина съ обычными поцѣлуями. Здѣсь мы видимъ, что жена перваго человѣка у Аттилы выходитъ и подноситъ ему вино и ѣству. Затѣмъ гости на обѣдѣ у царицы, выпивши, принимаютъ объятія и поцѣлуи скиѳовъ-хозяевъ.

Языкъ, которымъ говорили приближенные Аттилы, Прискъ называетъ Скиѳскимъ. Медъ и квасъ обличаютъ въ этомъ языкѣ Славянство. Но въ другомъ мѣстѣ Прискъ отличаетъ Скиѳскій языкъ отъ Унскаго, говоря, что „Скиѳы, будучи сборищемъ разныхъ народовъ, сверхъ собственнаго своего языка охотно употребляютъ языкъ Унновъ, Готѳовъ,

Латинъ“. Во всемъ своемъ сочиненіи онъ однако безразлично употребляетъ имена Скиѳъ и Уннъ и чаще всего Скиѳъ. Стало быть, если и существовало различіе въ языкѣ, то оно было не велико, быть можетъ такое, какое и доселѣ существуетъ между различными племенами Славянъ, между Велико и Мало-руссками. Унны, какъ восточная или при-Балтійская Славянская вѣтвь, конечно говорили нѣсколько иначе, чѣмъ ихъ прикарпатскіе братья. Вотъ почему Прискъ обозначилъ этотъ языкъ общимъ именемъ: Скиѳскій, говоря, что одинъ изъ плѣнныхъ иностранцевъ, писецъ или дьякъ Аттилы, Рустикій, зналъ Скиѳскій языкъ, почему онъ и обратился къ нему, какъ къ переводчику, дабы на этомъ Скиѳскомъ, а не Уннскомъ, языкѣ вести переговоры съ приближеннымъ Аттилы, Скоттою, братомъ Онигисія. Многія личныя имена точно также указываютъ Славянство этого языка.

Унны пришли отъ Дона и Ледовитаго моря. Аттила владѣлъ даже и островами, лежащими на Океанѣ. Старшій сынъ его царствовалъ надъ Акатирами, которыхъ Іорнандъ прямо помѣщаетъ въ Кіевской странѣ. Унны по ихъ же разсказамъ нападали на Мидію, пройдя сначала степной край, потомъ переправлялись черезъ лиманъ—Меотійскія болота или Азовское море. Стало быть, они шли не изъ степнаго края, который по указанію этого пути долженъ находиться все-таки гдѣ-либо вблизи Кіева. Аттила имѣетъ у себя писцовъ, дьяковъ, очень умныхъ и образованныхъ людей изъ Итальянцевъ, Римлянъ и Грековъ. Аттила очень хорошо знаетъ, что́ дѣлаютъ и даже что́ говорятъ въ Римѣ и въ Константинополѣ. Во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ онъ принимаетъ живое участіе: заставляетъ Ѳеодосія выдать богатую невѣсту за нѣкоего Констанція, отыскиваетъ въ Римѣ, какъ свою собственность, какіе то фіалы — священные сосуды и т. п. Все это показываетъ, что Аттила живетъ съ европейскимъ міромъ одною мыслью, тѣми же интересами, что его отношенія къ Римскому и Византійскому дворамъ таковы же, какими бывали отношенія каждаго могущественнаго европейскаго властителя.

Аттила даритъ византійскихъ пословъ конями, звѣриными мѣхами, которыми украшаются Царскіе Скиѳы, говоритъ Прискъ. Положимъ, что конь—подарокъ степной, но мѣха—подарокъ сѣверный.

Аттила въ договорахъ съ Греками особенно хлопочетъ о переметчикахъ, настаиваетъ, чтобы не принимали бѣгущихъ отъ него людей, и въ 449 г. говоритъ, чтобы покрайней мѣрѣ впередъ не принимали этихъ бѣгущихъ. Но столько же онъ хлопочетъ и о торгахъ, чтобъ торгъ былъ свободный и безпрепятственный. Объ этомъ очень хлопочутъ и его дѣти.

„Въ это время (послѣ 466 г.), пишетъ Прискъ, прибыло къ царю Леонту посольство отъ сыновей Аттилы, съ предложеніемъ о прекращеніи прежнихъ несогласій, и о заключеніи міра. Они желали по древнему обычаю съѣзжаться съ Римлянами на берегу Истра, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, продавать тамъ свои товары и взаимно получать отъ нихъ тѣ, въ которыхъ имѣли нужду. Ихъ посольство, прибывши съ такими предложеніями, возвратилось безъ успѣха. Царь не хотѣлъ, чтобъ Унны, нанесшіе столько вреда его землѣ, имѣли участіе въ Римской торговлѣ. Получивъ отказъ, сыновья Аттилы были между собою въ несогласіи. Одинъ изъ нихъ Денгизихъ, послѣ безуспѣшнаго возвращенія посланниковъ, хотѣлъ идти войною на Римлянъ; но другой, Ирнахъ, противился этому намѣренію, потому что домашняя война отвлекала его отъ войны съ Римлянами".

Со смертію Аттилы яркая слава Унновъ на Западѣ Европы мгновенно рушилась. Это показываетъ, что составъ его многочисленнаго войска былъ по преимуществу разноплеменный, хотя и однородный только въ племенахъ Уннскихъ, которыя по всѣмъ признакамъ были племена Славянскія. Въ виду темныхъ сказаній древности и поверхностныхъ изслѣдованій ближайшаго къ намъ времени, мы пока не сомнѣваемся, что именемъ Унновъ въ средневѣковой исторіи обозначилось движеніе восточнаго Славянства противъ наступавшихъ Готовъ и занятіе имъ всей той страны или тѣхъ Славянскихъ земель, которыми успѣли завладѣть и надъ которыми владычествовали Готы.

Съ своимъ героемъ Эрманарикомъ Готы сильно забирались къ востоку и дошли быть можетъ до гнѣзда Роксоланъ до нижняго Днѣпра, направляясь, безсомнѣнія, къ Кіеву. Здѣсь поставленъ былъ предѣлъ ихъ наступленію. Отсюда Кіевскіе сѣверные Славяне потѣснили ихъ обратно назадъ, придя на помощь къ своимъ южнымъ братьямъ и принеся

вмѣстѣ съ своими полками самое имя Унновъ - Кыянъ, если это имя идетъ отъ Птоломеевыхъ Хуновъ и Хоановъ, или Унновъ-Венедовъ, Балтійскихъ Славянъ, если это имя можетъ идти отъ Вановъ, Веновъ, Виновъ, Унновъ, какъ именовались Венеды на языкѣ Скандинавовъ и Готовъ.

Первый царь, то есть князь Унновъ, Валамiръ, явился представителемъ Славянскаго единства въ этой странѣ и очистилъ Славянскія земли отъ власти Готовъ, прогнавши совсѣмъ за Дунай непокорныхъ, именно Западныхъ Готовъ. Не съ безчисленными Калмыцкими или Урало-Чудскими полчищами онъ выступалъ въ походъ, а дѣйствовалъ обычнымъ порядкомъ національной борьбы, также, какъ дѣйствовали и Готы, пользуясь больше всего междоусобными распрями своихъ враговъ.

Дальнѣйшая погоня за Готами привела Славянскихъ князей на старыя жилища Готовъ, въ сѣверную Дакію, а потомъ и за Дунай, поближе къ Латинской и къ Греческой имперіямъ. Аттила, какъ видѣли, жилъ гдѣ-то вверху Тейса, подъ Карпатскими горами, въ нынѣшней восточной Венгріи, которая по нашей лѣтописи издревле была населена Славянами. Аттила, стало быть, ничего больше не сдѣлалъ, какъ овладѣлъ старыми Славянскими землями, гдѣ и въ его время населеніе пило медъ и калмыцкій кумысъ, приготовляемый однако изъ ячменя, то есть по просту квасъ.

Въ этихъ обстоятельствахъ Аттила явился первообразомъ нашего Святослава, почему-то говорившаго, что Переяславецъ на Дунаѣ (гдѣ-то въ его устьяхъ) есть середа его земли, и для котораго вообще тамъ было отечество, гдѣ было хорошо и гдѣ открывалось обширное поле для воинственныхъ честолюбивыхъ замысловъ.

Кочевникъ, Тавроскиѳъ, Святославъ во многомъ напоминаетъ кочевника Унна Аттилу. Только не тѣ были времена и историческія обстоятельства, и другъ Святослава, Грекъ Калокиръ, призвавшій его на Дунай, вовсе не былъ похожъ на друга Аттилы, знаменитаго Аэція, точно также по своимъ замысламъ водившаго Унновъ воевать на далекій западъ.

Какъ Святославъ, въ отношеніи къ Византіи, такъ и Аттила, въ отношеніи къ Латинской и Греческой имперіямъ, становится сильнымъ не столько отъ собственной силы,

сколько отъ смутъ, происходившихъ между народностями запада и въ самыхъ имперіяхъ. Быть можетъ въ полкахъ Аттилы находились и чистые кочевники, чистѣйшіе степняки, но по всѣмъ сказаніямъ нигдѣ нельзя замѣтить, чтобы ядро его войска, главную его силу составляли орды Монголовъ или тѣхъ Калмыцкихъ чудищъ, которыхъ такъ разукрасили на показъ читателямъ Ам. Марцеллинъ и Іорнандъ.

Надо согласиться, что въ своихъ изслѣдованіяхъ объ Уннахъ западная наука ни сколько не отошла отъ тѣхъ заученыхъ и баснословныхъ оснований, какія были положены въ исторію Унновъ упомянутыми двумя историками. Поэтому, читая и новѣйшія сказанія объ Уннахъ Амед. Тьерри, невольно думаешь, что читаешь Марцеллина или Іорнанда: такъ разительно сходство въ пріемахъ изложенія и повѣствованія и во взглядахъ на предметъ.

Пока здравая и всесторонняя критика еще не коснулась этого любопытнаго вопроса, пока обстоятельной исторіи Унновъ можно сказать еще вовсе не существуетъ, до тѣхъ поръ позволительно каждому, сколько нибудь вникавшему въ эту исторію, сомнѣваться въ достовѣрности заученыхъ выводовъ и рѣшеній.

Намъ кажется, что Славянство Унновъ, руководителей варварскаго и, главное, языческаго движенія Европы, которымъ ознаменовано такъ называемое великое переселеніе народовъ, раскрывается не только въ начальной исторіи этого движенія, но особенно въ тѣхъ отношеніяхъ, какія Унны имѣли къ разнымъ племенамъ европейскаго населенія и къ тому же Славянству. Не будемъ говорить о крѣпкомъ союзѣ Аттилы съ восточными Готами и Вандалами, о томъ что храбрые Германскіе народы, Квады, Маркоманны, Свевы-Швабы, Франки, Туринги, Бургунды съ охотою становились подъ его знамена, — все это, еслибъ мы признали Унновъ за Калмыковъ и настоящихъ степняковъ, какими ихъ описываютъ древніе и новые историки, никакъ не можетъ быть объяснено простымъ здравымъ смысломъ, простыми здравыми понятіями, не только о народныхъ, но и о повседневныхъ людскихъ отношеніяхъ.

Есть ли какая либо сообразность съ истиною, что въ цѣлой почти Европѣ, посреди просвѣщеннаго юга и храбраго и отважнаго запада и сѣвера, господствовалъ лѣтъ двадцать

народъ, „не имѣвшій понятій ни о чести, ни о правосудіи, не имѣвшій никакой вѣры, питавшійся дикимъ кореньемъ и сырымъ мясомъ, всегда жившій въ полѣ, убѣгавшій домовъ, какъ гробовъ; днемъ ѣздившій, а ночью спавшій верхомъ на лошадяхъ; привыкшій между собою драться и потомъ мириться безъ всякой другой причины, какъ только по природному звѣрству и непостоянству“, и т. д., не говоря уже объ отвратительномъ наружномъ его видѣ, объ этихъ изрѣзанныхъ лицахъ, похожихъ на безобразный комъ мяса, съ двумя дырами вмѣсто глазъ и т. д. Есть ли какая либо сообразность, что предводитель такого народа, дикарь Аттила, былъ не только страшнымъ воиномъ, но еще болѣе страшнѣйшимъ политикомъ, и не посреди Калмыцкихъ ордъ, а по среди образованныхъ Грековъ и Римлянъ, искусившихся съ незапамятныхъ временъ въ устройствѣ самыхъ хитрыхъ и тонкихъ политическихъ замысловъ, и все-таки не успѣвавшихъ побѣждать политическую хитрость, проницательность и прозорливость дикаря Аттилы [1].

Есть ли какая либо сообразность съ истиною, что восточные Готы, напр., не только долгое время живутъ вмѣстѣ съ этимъ свирѣпымъ и дикимъ народомъ, но даже и заимствуютъ у него личныя имена и сами прозываются Унскими именами? Объ этомъ прямо говоритъ Готскій же древній историкъ Іорнандъ, Гл. 9. И намъ кажется, что для доказательствъ Калмыцкаго и Урало-Чудскаго происхожденія Унновъ, прежде всего должно побороться съ этимъ свидѣтельствомъ Іорнанда и раскрыть, какія Калмыцкія и Урало-Чудскія личныя имена были въ употребленіи у Готовъ?

---

[1] Припомнимъ здѣсь отмѣтку г. Погодина, сдѣланную имъ въ 1830 г. по поводу разбора книги Венелина: Древніе и нынѣшніе Болгаре. «Смотря на многообразныя наполеоновскія дѣйствія Аттилы на всѣхъ концахъ Европы, съ Восточною и Западною Имперіями, съ Вандалами въ Африкѣ, его союзы, переговоры, сношенія, говоритъ авторъ,— невольно отвращаешься отъ мысли, будто онъ былъ вождемъ какого-то дикаго, кочеваго азіатскаго племени, какъ историки утверждаютъ обыкновенно, описывая намъ только его кровопролитныя войны языкомъ пристрастныхъ лѣтописателей среднихъ временъ; такія политическія соображенія не получаются вдохновеніемъ, а бываютъ только плодомъ долговѣчной гражданской жизни». Моск Вѣстникъ на 1829 годъ, ч. VI, стр. 141.

Мы слышали, какъ звенятъ имена первыхъ Унновъ. Это Валамiръ (если не Владимiръ, то Велимiръ, Волимiръ) первый князь Унновъ, по имени котораго прозывались въ послѣдствiи и Готскiе князья. Потомъ Рогъ, Ругъ, Рогила, Ругила; Улдъ, несомнѣнный Владъ; Блѣда, быть можетъ тотъ же Владъ или Блѣдъ; Исла-Эсла-Славнъ (сравн. городъ Исласъ на Дунаѣ, при впаденiи Алуты; р. Ославу текущую съ Карпатъ въ Галицiи); Скотта; Мама; Крека или Река (сравн. въ Крайнѣ и Далмацiи имена мѣстъ и рѣкъ Керка, Река, Корра, и самый Краковъ; у Балтiйскихъ Славянъ-Крековъ и т. п. имена по всему Славянству); Еллакъ—въ Донскихъ надписяхъ есть имя Велликъ [1]. Унтаръ, Озтаръ, быть можетъ Торонъ или Топоръ, и т. п. Ученые слависты вообще соглашаются, что „Уннскiй именословъ стоитъ въ непосредственной связи съ Славянскимъ", какъ и многiе Уннскiе обычаи вполнѣ объясняются обычаями Славянъ.

Должно еще замѣтить, что вообще мы имѣемъ дѣло съ именами перепорченными произношенiемъ и написанiемъ. Стоитъ только припомнить, какъ напр. на Западѣ искажали имя Святополка, изъ котораго выходилъ Сверопилъ, Сватеколiй и т. п., или у Византiйцевъ Любечь — Телючи, Смоленскъ — Милиниска, Новгородъ — Ункратъ—Хоровiонъ и т. д. Всякiй конечно скажетъ, что напр. имя Ахмилъ звучитъ по-татарски и напоминаетъ татарскаго посла Ахмыла (14-го вѣка), между тѣмъ, какъ этимъ именемъ величается Богданъ Хмѣльницкiй у Алеппскаго архидьякона Павла, родомъ Араба. Такимъ образомъ въ каждомъ испорченномъ имени остается всегда еще свойство или народность того языка,

---

[1] Открытыя въ городищѣ древняго Танаиса мраморныя греческiя надписи представляютъ высокiй интересъ для исторiи нашего при-Донскаго юга. Онѣ изданы Имп. Археологическою Коммиссiею (см. ея Отчетъ за 1870 — 1871 годы) и ожидаютъ вниманiя нашихъ уважаемыхъ лингвистовъ. Надписи принадлежатъ какимъ-то религiознымъ общинамъ Танаиса и относятся къ концу втораго и началу третьяго вѣка по Р. Х. Во множествѣ варварскихъ именъ, нѣкоторыя звучатъ по-Славянски, таковы: Валодисъ, Лiагасъ Валодiоу, Велликосъ, Дадасъ Ходiакiоу, Ходонàкоу, Симикосъ и др. Очень часто употребляется имя Самватiонъ, Самвiонъ, указывающее на извѣстное имя Кiева, Самватасъ. Имя Вануноваросъ напоминаетъ и Вановъ и Унновъ, и Гуннваръ Iорнанда, и т. д.

на которомъ имя испортилось. Грекъ, Латинянинъ, Германецъ и т. д. каждый иноземецъ, произнося чужое имя, присвоиваетъ ему обликъ своего роднаго языка, а потому, отыскивая народность того или другаго имени, нельзя ограничиваться какимъ-либо однимъ избраннымъ языкомъ, но необходимо провѣрять выводимыя заключенія и тѣми языками, какіе по исторіи движенія народовъ могли въ извѣстное время существовать на томъ мѣстѣ, объ именахъ котораго производится изслѣдованіе. Уннамъ присвоиваютъ Калмыцкую и Венгерскую народность, но они жили долго въ земляхъ Славянъ и Готовъ; естественно, что каждое Унское имя должно быть объясняемо изъ этихъ четырехъ языковъ. Тоже самое должно замѣтить о Булгарахъ, о Руссахъ и т. д. Знатокъ одного какого-либо языка, какъ оказывается, всякое имя легко объясняетъ изъ этого самаго языка; но такая односторонность изслѣдованія ведетъ только къ безконечнымъ спорамъ и пререканіямъ, не доставляя наукѣ твердой опоры.

Когда умеръ Аттила, на его могилѣ, по обычаю Унновъ, совершенъ былъ великій пиръ (поминки), называемый у нихъ говоритъ Іорнандъ, страва (покормъ). Унны „воспѣвали славу и подвиги умершаго“, и конечно много пили. Они „предавались попеременно противоположнымъ чувствамъ и въ печальный обрядъ вмѣшивали разгулъ общаго пиршества“. Подобнымъ образомъ Ольга справляла тризну надъ убитымъ Игоремъ. Слово страва явно обличаетъ Славянство и во всемъ обрядѣ. Для Русскаго оно вполнѣ родное и очень понятное слово; но для Германской изслѣдовательности оно звучитъ больше всего по-готски, а потому и объясняется готскими обычаями, именно тѣмъ, что оно будто бы означаетъ костеръ сожженія, хотя Іорнандъ о такомъ кострѣ не говоритъ ни слова [1]. Точно такимъ путемъ обыкновенно объясняютъ и народность древнихъ собственныхъ именъ, особенно тѣхъ, которыя не выражаютъ слишкомъ явственно звуки своего роднаго языка.

Объ отношеніяхъ Унновъ къ Славянскимъ племенамъ, между которыми по всей видимости они жили и дѣйствовали,

[1] Г. Котляревскаго: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, стр. 38—41.

ученые не мало спорили. Вопросъ состоялъ въ томъ, были ли покорены этими варварами Славяне и ходили ли они въ ихъ полкахъ на Римлянъ и Грековъ? Исторія объ этомъ крѣпко молчитъ и потому остаются одни вѣроятныя догадки, къ которымъ и прибѣгаетъ Шафарикъ, вѣруя, что Унны были племя Урало-Чудское, и доказывая, что „Славяне всѣ или по крайности большая часть ихъ были покорены Уннами и платили имъ дань, и потому несомнѣнно ходили и воевать въ ихъ полкахъ". Затѣмъ, упоминая о медѣ и о томъ, что тризну по Аттилѣ Іорнандъ обозначилъ именемъ стравы, а Прокопій вообще говоритъ, что Славяне походили на Унновъ и нравами и даже приготовленіемъ пищи, знаменитый Славистъ оканчиваетъ свои разысканія такою замѣткою: „Нельзя не замѣтить какихъ-то дружескихъ отношеній между Гуннами и Славянами, кои были разумѣется слѣдствіемъ стариннаго товарищества и продолжительныхъ взаимныхъ связей. Слова Прокопія, прибавляетъ онъ, мы принимаемъ въ томъ смыслѣ, что не Славяне отъ Гунновъ, но Гунны отъ Славянъ, какъ грубѣйшіе отъ образованнѣйшихъ, подобно послѣдующимъ Аварамъ, Булгарамъ, Варягамъ и др., заимствовали языкъ, нравы и обычаи [1]. Этимъ объясняется, продолжаетъ Шафарикъ, почему не только византійскіе писатели, но и западные и въ томъ числѣ Беда Достопочтенный называютъ Славянъ Гуннами. Это же наконецъ показываетъ, отчего Нѣмцы такъ часто называютъ Гуннами Славянъ въ своихъ народныхъ сказаніяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ (приводятся доказательства) [2]. Эти и многія другія свидѣтельства, заключаетъ Шафарикъ, опускаемыя нами здѣсь для краткости, ясно показываютъ, что иноплеменные народы, потому только называли Славянъ Гуннами, что они долго сосѣдили и имѣли связи съ Гуннами". Однако эти связи продолжались не болѣе ста лѣтъ (370—470). Около ста лѣтъ продолжались Славянскія связи и съ Готами (270 — 370), а потомъ, послѣ Унновъ,

[1] Слав. Древности т. I, кн. II, стр. 93, 95, 98. Тоже самое повторяетъ Гильфердингъ, Соч. I, 26.

[2] Сравн. также Венелина: Др. Болгаре, II, 239, гдѣ приводятся выписки изъ Егингарда и Анонима Салисбурскаго, называющихъ Паннонскихъ Славянъ 8 и 9 вв. Гуннами.

также сто лѣтъ (570—670) съ Аварами; но непостижимое дружество обнаруживается только съ свирѣпыми чудищами Уннами!

Въ Исторіи Готовъ и Аваровъ упоминаются битвы, борьба этихъ народовъ съ Славянами, между тѣмъ, когда наступаютъ Унны, они гонятъ только Готовъ, тѣснившихъ Славянъ-Антовъ. Утвердившись на Дунаѣ, они громятъ Римлянъ и Грековъ и воюютъ съ подунайскими народами (навѣрное съ Славянами) за то, что они, поселившись на Дунаѣ, передались Грекамъ. По той же причинѣ Аттила воюетъ противъ Акатировъ [1], несомнѣнныхъ Днѣпровскихъ Славянъ. „У Акатировъ, говоритъ Прискъ, было много князей и родоначальниковъ, которымъ царь Ѳеодосій посылалъ дары съ тѣмъ, чтобы они отложились отъ союза съ Аттилою (слѣдов. прежде жили въ союзѣ) и держались бы союза съ Византіею. Дары были розданы не по достоинству. Начальный князь Куридахъ получилъ меньше, чѣмъ слѣдовало, противъ другихъ, и позвалъ на помощь Аттилу. Одни князья были истреблены, другіе покорились. Куридахъ остался въ своемъ владѣніи, а у остальнаго народа Аттила посадилъ своего старшаго сына“. Аттила, какъ видѣли, точно царь Иванъ Васильевичь, очень заботился о бѣглецахъ, объ измѣнникахъ своему имени или своей землѣ и постоянно требовалъ ихъ у Грековъ. Стало быть его войны съ племенами Славянъ возникали только по случаю ихъ измѣны Славянскому единству, которое онъ такъ крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ.

Но вотъ Унны изчезли, какъ дымъ, какъ грозное привидѣніе. Покрайней мѣрѣ такъ представляется въ Исторіи. На тѣхъ самыхъ мѣстахъ выростаютъ, какъ грибы, одни Славяне и имя Унновъ очень часто передается Славянамъ же.

---

[1] Только по одному сходству имени изслѣдователи видятъ въ этихъ Акатирахъ извѣстныхъ въ послѣдствіи Хозаръ. Прискъ не указываетъ ихъ мѣстожительства; но Іорнандъ (см. выше, стр. 330) поселяетъ ихъ сейчасъ подъ Эстами, то есть гдѣ либо на верхнемъ Днѣпрѣ или вообще къ сѣверу отъ Черноморья, надъ Булгарами. Очевидно, что эти Акатиры суть Кутургуры и быть можетъ Катіары Геродотова времени, если не Агаѳирсы Птоломея и другихъ географовъ, что одинаково будетъ показывать ихъ жительство на сѣверъ отъ Чернаго моря вблизи Днѣпра.

По смерти Аттилы между его сыновьями возникли расприи, чего и слѣдовало ожидать. Уннская держава распалась; подвластные народы Германскаго племени остались независимыми. Но куда разошлись „многочисленныя орды“ Унновъ? Они были прогнаны вмѣстѣ съ сыновьями Аттилы къ берегамъ Понта (Чернаго моря), гдѣ прежде жили Готы, говоритъ Іорнандъ. Онъ повѣствуетъ, что число сыновей у Аттилы представляло цѣлый народъ, но самъ же именуетъ только нѣсколькихъ, въ томъ числѣ младшаго Ирнаха, который съ своимъ народомъ занялъ самыя отдаленныя части Малой Скиѳіи, такъ называлась страна, лежавшая около нижняго Днѣпра. Другіе разселились на нижнемъ Дунаѣ [1]. Затѣмъ Іорнандъ прибавляетъ, что вскорѣ на Остроготовъ, поселившихся въ Панноніи, напали было сыновья Аттилы но были ими прогнаны въ тѣ части Скиѳіи, которыя орошаются Днѣпромъ и на Уннскомъ языкѣ называются Гунниваромъ. Это и были вѣроятно самыя отдаленныя части Малой Скиѳіи, которая, какъ извѣстно, простиралась надъ Меотійскими Болотами, и Малою называлась въ отличіе отъ Большой Азіатской Скиѳіи.

Чтобы вполнѣ уразумѣть, куда разошлись многочисленныя орды Унновъ стоитъ только сравнить нашествіе Аттилы на Европу съ нашествіемъ Наполеона на Россію. Куда разошлись Наполеоновы двانадесять языкъ?

Они точно также разселились каждый по своимъ мѣстамъ, каждый возвратился туда, откуда пришелъ. Полки Аттилы, собранные изъ разныхъ земель, ушли обратно въ свои мѣста, на свою родину.

Сыновья Аттилы, то есть настоящіе Унны, какъ мы видѣли, ушли на Днѣпръ. Здѣсь было отечество Унновъ. Отсюда впервые вышла руководящая дружина съ этимъ именемъ, которое потомъ, какъ всегда случалось въ тѣ времена, распространилось на всѣ военныя дружины одного и

[1] Емнедзаръ и Уэиндуръ въ прибрежной Дакіи; Уто (рѣка Утъ, Утамъ, нынѣ Видъ), Искалмъ (рѣка Ѳскъ, Эскамъ, нынѣ Искеръ), долго блуждая, также поселились въ имперіи, судя по имени рѣкъ вблизи города Никополя, на правомъ берегу Дуная. Можно догадываться, что и первыя два имени суть названія мѣстъ или рѣкъ. Емнедзаръ—рѣка Яломница, Узиндуръ—рѣка Ардгисъ (Ardeiscus), впадающія въ Дунай съ лѣвой стороны, ниже по теченію, въ той же Булгаріи.

того же племени, одной страны или одного и того же оружія. Здѣсь для Исторіи Уннов очень важнымъ показаніемъ становится Роспись Булгарскихъ князей, открытая А. Н. Поповымъ въ древнѣйшей редакціи хронографа [1]. Она начинается Авитохоломъ, который былъ изъ рода Дуло и жилъ 300 лѣтъ. Это миѳическое показаніе наводитъ на мысль, не опредѣляется ли именемъ Авитохолъ вообще Автохтонъ, старожилъ, вообще время старожитности. Но затѣмъ преемникомъ Авитохола является Ирникъ, который прямо указываетъ на Ирнаха, любимаго сына Аттилы, о которомъ было предсказано, что онъ возстановитъ царское колѣно. По росписи Ирникъ жилъ 108 лѣтъ. Въ 448 г. Ирникъ былъ еще мальчикомъ, слѣд. онъ могъ жить до 540 года. За нимъ по порядку слѣдовали Гостунъ, намѣстникъ, изъ рода Ерми; Куртъ опять изъ рода Дуло; Безмѣръ; и наконецъ Исперикъ-Аспарухъ тоже изъ рода Дуло, перешедшій съ своею дружиною въ 678 г. на житье за Дунай и основавшій такимъ образомъ Булгарское царство. Роспись прибавляетъ, что эти пять князей держали княженье 515 лѣтъ по ту сторону Дуная съ остриженными главами. Дальше слѣдуетъ: Тервелъ-Дуло, потомъ пропускъ имени, потомъ Севаръ-Дуло, Кормисошь-Вокиль, перемѣнившій родъ Дуловъ; затѣмъ опять пропускъ имени; Телецъ-Угаинъ, Уморъ-Укиль.

Уморъ или Умаръ упоминается у византійцевъ въ 764—765 г. И вообще почти всѣ имена также упоминаются въ византійской исторіи, соотвѣтственно даже хронологическимъ показаніямъ, отчего роспись получаетъ значеніе весьма достовѣрнаго свидѣтельства [2]. По этому свидѣтельству мы узнаемъ, что древніе Булгары въ дѣйствительности были

[1] Обзоръ Хронографовъ Русской редакціи. Вып. I, стр. 25.

[2] При обозначеніи каждаго княженія роспись употребляетъ какой то особый языкъ, повидимому Валашскій, что очень естественно, если сообразимъ, въ какомъ тѣсномъ сожительствѣ съ Валахами пребывали всегда Булгарскіе Славяне. Но такова сила научныхъ предубѣжденій и предразсудковъ: для объясненія этихъ темныхъ рѣчей изслѣдователи прежде всего обратились не къ Булгарскимъ сожителямъ Валахамъ, а къ Остякамъ, Вогуламъ и разнымъ Уральскимъ народностямъ, все толкуя происхожденіе древнихъ Булгаръ съ Урала и Волги. (Соч. Гильфердинга, т. I).

тѣ самые Унны, у которыхъ первымъ княземъ былъ любимый сынъ Аттилы, Ирна или Ирникъ.

Мы видѣли, что сыновья Аттилы посылали въ Царь-градъ посольство, прося устроить миръ и установить на Дунаѣ старинные торги между Греками и Уннами; мы видѣли, что имъ было отказано, что одинъ хотѣлъ за это воевать, но другой не согласился, потому что занятъ былъ домашнею войною. Въ Царь-градѣ навѣрное очень хорошо знали эти домашнія дѣла Унновъ, впередъ знали, что братья на одномъ не порѣшатъ и потому отказывали въ самой простой и даже очень выгодной просьбѣ.

Года за три до этого посольства, въ 463 г., въ Царь-градъ приходили „другіе послы“ отъ Сарагуровъ, Уроговъ и Оногуровъ, народовъ, оставившихъ свою страну, по случаю тѣсноты и войны отъ Савировъ, которыхъ въ свою очередь тѣснили Авары, прогнанные съ своихъ мѣстъ также какими-то народами, жившими на берегахъ Океана. Историкъ Прискъ, передавая это свѣдѣніе, не указываетъ мѣста, гдѣ передвигались эти народы. Но упоминаніе о берегахъ Океана и дальше объ Уннахъ-Акатирахъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что все это происходило въ нашей Донской и Днѣпровской странѣ. Такимъ образомъ въ странѣ Унновъ происходила усобица, передвиженіе, если не племенъ, то военныхъ дружинъ. Тѣснимые Сарагуры пришли къ Уннамъ-Акатирамъ и требовали у нихъ земли. Тѣ не давали. Сарагуры много дрались, одолѣли враговъ и прошли къ Грекамъ, желая вести съ ними дружбу. Посланники этихъ народовъ были приняты благосклонно, получили подарки отъ царя и отъ приближенныхъ и были отпущены. Заручившись этой дружбой, Греки могли уже смѣло отказывать сыновьямъ Аттилы.

Около этого времени тѣ же Сарагуры, соединясь съ Акатирами и другими народами предприняли походъ въ Персію. Они сперва пришли къ Каспійскимъ вратамъ (Дербентъ), но узнавъ, что здѣсь стоитъ персидская стража, пустились по другой дорогѣ, по которой прошли къ Ивирамъ (въ Грузію), опустошали ихъ страну и дѣлали набѣги на Армянскія селенія. Это былъ одинъ изъ обычныхъ набѣговъ Днѣпровскаго и Донскаго населенія на Закавказскія богатыя страны.

Упомянутые выше Савиры, потѣснившіе Сарагуровъ, есть несомнѣнно Савары Птоломея, жившіе на востокъ отъ Днѣпра и Савиры Іорнанда, составлявшіе вторую, восточную, Донскую вѣтвь коренныхъ Унновъ, а слѣдовательно, наша Сѣвера или Сѣверяне. У Прокопія они зовутся Утургурами. Овладѣвъ, по словамъ Прокопія, Воспоромъ, Утургуры, кажется, овладѣли всѣми степными землями древняго Воспорскаго царства, то есть всею азовскою страною отъ устьевъ Дона до Кавказа[1]. Вотъ почему въ это время мы находимъ Унновъ-Савировъ господствующими на Терекѣ, начиная отъ его верховья, у Пятигоръ. Нѣтъ ничего мудренаго, что потѣсненные Аварами, дружины Савиръ удалились изъ Донскихъ земель къ Тереку, въ свою же страну, куда еще въ прежнее время, съ конца 4-го вѣка, простиралось ихъ владычество отъ Дона и отъ Воспора.

По этой же причинѣ историкъ Прокопій, описывая Кавказъ, говоритъ, что къ сѣверу отъ этихъ горъ поселились почти всѣ Унскія племена. Онъ описываетъ и тѣ ущелья, сквозь которыя Унны дѣлали свои набѣги на Закавказскія области.

„Перешедъ предѣлы Иверійскіе (Грузинскіе), говоритъ историкъ, путникъ находитъ посреди тѣснинъ тропу, простирающуюся на 50 стадій (около 8 верстъ). Эта тропа оканчивается мѣстомъ утесистымъ и совершенно неприступнымъ: тутъ не видно никакого прохода; только сама природа образовала дверь, сдѣланную какъ будто руками. Это отверзтіе издревле названо вратами Каспійскими. Затѣмъ далѣе разстилаются поля ровныя и гладкія, орошаемыя обильными водами, удобныя къ содержанію коней. Здѣсь поселились почти всѣ Уннскія племена и простираются до озера Меотиды. Когда эти Унны нападаютъ на земли Персидскія или Римскія, черезъ упомянутое выше отверзтіе, то они отправляются на свѣжихъ коняхъ, не дѣлая никакихъ объѣздовъ, и до предѣловъ Иверіи не встрѣчаютъ иныхъ крутыхъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ, которыя простираются на 50 стадій. Но когда они обращаются къ другимъ проходамъ, то должны преодолѣвать большія трудности и уже не

[1] Чѣмъ впослѣдствіи овладѣлъ Святославъ и гдѣ княжилъ потомъ Мстиславъ Тмуторокanскій.

могутъ употреблять тѣхъ же лошадей, ибо имъ приходится объѣзжать далекими и притомъ крутыми мѣстами. Александръ, сынъ Филипповъ (Македонскій), которому это было извѣстно, построилъ на сказанномъ мѣстѣ ворота и укрѣпленіе, которое въ разныя времена занимаемо было многими, между прочимъ и Унномъ Амвазукомъ, другомъ Римлянъ и царя Анастасія. По смерти Амвазука вратами овладѣлъ Персидскій царь Кавадъ.“

Объ этихъ Савирахъ въ лѣтописи Ѳеофана находимъ слѣдующія извѣстія. Въ 508 г. они проникли за Каспійскія врата, вторглись въ Арменію, опустошили Каппадокію (Бѣлую Сирію), Галатію и Понтъ, то есть почти все Черноморское побережье Малой Азіи.

Въ 513 г. по случаю войны Грековъ съ Персами императоръ Юстинъ отправилъ пословъ съ большими дарами къ царю Унновъ Силигду, и звалъ его воевать на Персовъ. Силигдъ принялъ предложеніе и по обычаю отцовъ далъ клятвенное обѣщаніе. Персидскій царь Кавадъ съ своей стороны также отправилъ посольство къ Силигду и также звалъ воевать на Грековъ. Силигдъ согласился и съ нимъ, и отправилъ въ помощь Персамъ 20 тысячь войска. Юстинъ однако открылъ Каваду коварство Гунна. Персидскій царь на единѣ спросилъ Силигда: такъ ли это, взялъ ли онъ съ Грековъ подарки, чтобы воевать противъ Персовъ? „Это такъ, я взялъ у Грековъ подарки, отвѣчалъ простодушный царь Унновъ“. Кавадъ, быть можетъ, не разобравши въ чемъ дѣло, разсвирѣпѣлъ, убилъ Унна и велѣлъ истребить все его войско. Кто успѣлъ бѣжать, тотъ только и воротился на свою родину.

Въ 520 г. Уннами Савирами, по смерти ихъ князя Валаха или Малаха, управляла его вдова, по прозванію Воариксъ. Подъ ея властью находилось 100.000 Унновъ. Вѣроятно, это было число всего населенія Савировъ. Она присоединилась къ сторонѣ Грековъ и завязала съ ними тѣсную дружбу, что конечно было очень естественно послѣ исторіи съ Силигдомъ. Между тѣмъ Персидскій Кавадъ склонилъ на свою сторону двухъ царей другихъ Унскихъ племенъ, жившихъ далѣе, во внутреннихъ краяхъ, по имени Стиракса и Глониса или Глоа. Когда эти союзники Кавада съ двадцатью тысячами войска проходили въ Персію черезъ владѣнія царицы Воариксъ, она напала на нихъ,

одного, Стиракса, полонила и отослала въ оковахъ въ Царьградъ, а другой погибъ въ битвѣ [1].

Всѣ эти свидѣтельства указываютъ, что Унны-Савиры, живя по Тереку, занимали очень важный пунктъ относительно Персіи и Закавказскихъ областей Византіи. Они жили, такъ сказать, у Кавказскихъ воротъ, открывавшихъ проходъ въ богатые азіатскіе края для предпріимчивыхъ и отважныхъ набѣговъ нашего Черноморскаго населенія. По этой причинѣ и Греки и Персы очень дорожили дружбою съ Савирами и очень дорого покупали эту дружбу. Савиры служили и тѣмъ и другимъ, смотря по тому, гдѣ было выгоднѣе, или гдѣ того требовала собственная политика мести и злобы за какія-либо обиды.

Въ 530 г. три тысячи Унновъ-Савировъ служатъ въ войскѣ Персидскаго Кавада, причемъ Прокопій отмѣчаетъ, что это былъ народъ самый воинственный. Изъ разсказовъ историка видно также, что Савиры исполняли при войскѣ службу нашихъ казаковъ, рыская по всѣмъ угламъ для добыванія вѣстей, и лазутчиковъ.

Имя Унновъ Савировъ, сходное съ нашими Сѣверянами, какъ подтверждаютъ свидѣтельства Іорнанда и даже Птоломея, останавливаетъ наше вниманіе особенно по той причинѣ, что въ позднѣйшія времена ихъ мѣстожительство было занято тоже Русскимъ племенемъ. Покрайней мѣрѣ въ 16-мъ вѣкѣ еще было живо преданіе, что „Кабардинскіе Черкасы—исконивѣчные холопи государевы, а бѣжали съ Рязанскихъ предѣловъ, изъ прародительской государя нашего вотчины изъ Рязанской земли и въ горы вселилися"; что „Изначала Кабардинскіе и Горскіе Черкасскіе князи и Шевкальской были холопи наши Рязанскихъ предѣловъ и отъ насъ сбѣжали съ Рязани и вселилися въ горы" [2].

Это преданіе сохранялось не только у насъ, но и у сосѣдей тѣхъ земель, напр. у Ногайцевъ, мурза которыхъ писалъ въ 1552 г. въ Москву, еще до подданства Горскихъ

---

[1] Историкъ Прокопій въ Перс. Войн. I, 12, говоря, кажется, о той же войнѣ Кавада, упоминаетъ, что Кавадъ послалъ противъ Ивировъ значительное войско подъ предводительствомъ Перса Воя, по достоинству уариза, что въ совокупности равняется имени Воариксъ.

[2] Карамзинъ, X, пр. 398.

Черкасъ Россіи, что тѣ Черкасы „Бѣлова князя Русскаго царя бѣглые холопи были.“ Вотъ что разсказываетъ о Пятигорскихъ Черкасахъ Герберштейнъ, писавшій въ началѣ 16-го вѣка: „Въ надеждѣ на неприступность своихъ горъ, они не признаютъ власти ни Турокъ, ни Татаръ. По свидѣтельству Русскихъ, они христіане, управляются своими законами, въ исповѣданіи и обрядахъ сходствуютъ съ Греками, богослуженіе отправляютъ на языкѣ Славянскомъ, на немъ же и говорятъ. Они самые смѣлые пираты: на корабляхъ спускаются въ море по теченію рѣкъ, берущихъ начало изъ ихъ горъ, и грабятъ, кого только могутъ, преимущественно же тѣхъ, которые ѣздятъ изъ Кафы въ Константинополь“.

Нѣтъ сомнѣнія, что и самое это подданство Черкасскихъ князей совершилось по памяти о существовавшемъ нѣкогда родствѣ съ Русскою землею. Если къ этому припомнимъ походы Святослава на Ясовъ и Касоговъ и внезапно затѣмъ появившееся Тмутороканское княжество со Мстиславомъ во главѣ, бравшимъ дань съ Касоговъ, то восходя дальше въ глубь древности, отъ Святослава всего на 400 лѣтъ, можемъ съ немалою вѣроятностью заключить, что Унны Савиры дѣйствительно явились на Терекъ изъ Рязанской земли, то есть изъ той же области нашихъ Сѣверянъ, занимавшихъ тогда вершины Дона и Донца [1].

Стало быть, походъ Святослава, разгромившій державу Хазаръ, возстановлялъ только древнѣйшія границы Русскаго владычества въ при-Азовскомъ краѣ [2].

---

[1] Они назывались также Савиноры, Савинугоры, что еще ближе къ Сѣверянамъ.

[2] Очень любопытенъ разсказъ Московскаго гостя-купчины Ѳедота Аѳанасьева Котова, который въ 1623 г. ходилъ въ Персидское царство и въ Индію и въ Урмузъ, и описалъ свое странствованіе съ показаніемъ путей.

«Отъ города Дербеня (Дербентъ — Желѣзныя ворота), говоритъ онъ, подлѣ моря въ верхъ огорожено стоячими плитами каменными и тутъ лежатъ 40 человѣкъ; а Бусурманя сказываютъ и Арменья, что тѣ рускіе 40 мученикъ святые; и русскіе люди, кто не ѣздитъ мимо, ходятъ къ нимъ прощаться, а иные и молебны поютъ 40 мученикамъ; а лежатъ по своимъ гробницамъ, и на нихъ по великому камню бѣлому, а рѣзана подпись и никто тоѣ подписи прочесть не умѣютъ, ни Бусурманы,

Путемъ такихъ свидѣтельствъ легко объясняется и происхожденіе нашего до сихъ поръ загадочнаго Тиуторованскаго княжества. По всѣмъ примѣтамъ видно, что оно началось въ тоже время, какъ Унны завладѣли Воспоромъ и по договору съ Готами оставили ихъ въ Воспорѣ или Керчи, а сами поселились на Таманскомъ полуостровѣ въ древнѣйшихъ городахъ, въ Фанагоріи и въ Кипахъ или Садахъ, въ нынѣшней Тамани. Вотъ что разсказываютъ греческіе лѣтописцы:

Въ 520—527 г. царь Унновъ, обитавшихъ близъ Воспора, Гордасъ (Гордый, откуда наше Гордята) прибылъ въ Византію къ императору Юстиніану и принялъ св. крещеніе. Онъ совсѣмъ покорился Грекамъ, обѣщалъ охранять на Воспорѣ греческое владычество и доставлять положенную дань съ Унновъ быками. Императоръ щедро его наградилъ и, отпуская домой, послалъ съ нимъ вмѣстѣ трибуновъ для охраненія города и собиранія дани. Возвратившись въ свою страну ревностнымъ христіаниномъ, Гордый разсказалъ обо всемъ своему брату Муагеру, выхваляя любовь и щедрость императора. Затѣмъ, ревнуя по вѣрѣ, онъ собралъ истуканы, которымъ поклонялись Унны, и перелилъ ихъ, ибо они были серебряныя и электровыя (смѣсь золота съ серебромъ). Унны воспламенились на него яростію и, въ заговорѣ съ его братомъ, убили его, а брата посадили намѣсто его на княженье. Потомъ они овладѣли городомъ Воспоромъ, избивъ тамъ греческое войско, умертвивъ и трибуна. Императоръ, услышавъ объ этомъ, собралъ многочисленное вспомогательное войско изъ Скиѳовъ и отправилъ его частію даже по сухому пути, именно отъ Одиссоса-Варны. Однако до войны кажется не дошло, ибо Унны бѣжали и изчезли. На Воспорѣ водворился миръ и съ той поры Греки владычествовали тамъ уже безъ всякой опасности [1].

ни Арменья, ни Турки, а подпись рѣзь велика; и тутъ надъ ними выросло три деревца. Да къ той же оградѣ пригорожено также каменемъ Бусурманское кладбище, а около того великіе кладбища старые и на нихъ гробницы и подписи; а сказываютъ, что де подпись греческая». Временникъ О. И. и Др. Кн. 15.

[1] Въ 540 г. Армяне, жалуясь вообще на завоеванія Юстиніана, между прочимъ говорили, что онъ покорилъ Воспоритовъ, подвластныхъ Уннамъ, не имѣя на то никакого права. Прокопій, Персид. Войн. II, 3.

Рядомъ съ этимъ сказаніемъ у византійцевъ стоитъ другое, весьма похожее. Въ томъ же году царь Елуровъ, по имени Гретисъ пришелъ въ Царь-градъ съ большою свитою и просилъ Юстиніана крестить его. Въ день Богоявленія императоръ крестилъ его и самъ былъ воспріемникомъ. Съ нимъ вмѣстѣ крестились его бояре и 12 родственниковъ. Съ радостію онъ отправился въ свою землю, обѣщавши царю дружбу и помощь, какой бы отъ него ни потребовали.

Намъ кажется, что это одно и тоже событіе, заимствованное лѣтописцами только изъ двухъ различныхъ источниковъ. Оно проливаетъ свѣтъ и на исторію Елуровъ, которые по Іорнанду населяли топкія мѣста вблизи Меотійскихъ болотъ, см. выше стр. 307. По мѣстожительству, Елуры, оказываются тоже Уннами и немудрено, что одинъ писатель разумѣлъ ихъ подъ именемъ Елуровъ, а другой подъ именемъ Унновъ; одинъ ихъ князя называлъ Гретъ, другой— Гордъ. Занимаясь политикою, одинъ указалъ теперешнее ихъ мѣсто жительства, другой не сказалъ объ этомъ ничего, потому что интересовался только ихъ крещеніемъ. Несомнѣнно, что эти самые Елуры, живя въ 3-мъ вѣкѣ въ топкихъ мѣстахъ у Меотійскихъ болотъ, то есть въ Олешьѣ, на нижнемъ Днѣпрѣ, въ 4-мъ вѣкѣ подъ именемъ Унновъ-Утургуровъ изгнали съ нашего юга Готовъ и овладѣли всѣми землями древняго Воспорскаго царства, основавши свое пребываніе на Таманскомъ полуостровѣ. При Юстиніанѣ отъ собственныхъ междоусобій они потеряли владычество надъ Воспорскою страною. Часть ихъ, преданная Грекамъ, переселилась на Дунай, гдѣ императоръ отвелъ имъ земли.

Другіе Унны бѣжали и изчезли. Но они, какъ увидимъ, скоро появятся у стѣнъ самого Царь-града и тѣмъ безъ сомнѣнія засвидѣтельствуютъ, что изгнаніе ихъ изъ Воспора было одною изъ причинъ ужаснѣйшихъ бѣдствій для восточной имперіи.

Вслѣдъ за бѣгствомъ Воспорскихъ Унновъ стали ослабѣвать и Савиры. Въ 576 г. Греческіе полководцы напали на Албанію, взяли заложниковъ отъ Савировъ и другихъ народовъ, и воротились въ Царь-градъ, думая, что тѣмъ обуздали этихъ варваровъ. Но Савиры немедленно же сбросили съ себя греческое господство, такъ что воротившіеся воеводы должны были переселить ихъ дружины еще южнѣе за рѣку

Куръ, въ собственную область имперіи. Къ концу 6-го вѣка ихъ славное имя совсѣмъ изчезло въ Кавказской странѣ[1]. Но къ этому времени и всѣ другія племена Унновъ были тоже окончательно ослаблены и укрощены.

Таковъ былъ ходъ Унской исторіи въ восточныхъ краяхъ. Теперь посмотримъ, что дѣлалось послѣ Аттилы вблизи Дуная. На западѣ яркая слава Унновъ изчезла вслѣдъ за смертію Аттилы. Смѣнилось поколѣніе и объ Уннахъ никто уже не помнилъ.

Новые писатели, при нашествіи варваровъ изъ за устьевъ Дуная, припоминаютъ теперь о Скиѳахъ и Гетахъ, повторяя разумѣется имена заученыя въ книгахъ, на школьной скамьѣ. Однако рядомъ съ этими классическими именами они приводятъ и этнографическія имена, начинавшія свою славу только съ этого времени.

Такъ въ 493 г. и въ 517 г. византійскія земли по сказанію историковъ опустошаютъ Геты, которымъ императоръ Анастасій посылаетъ 1000 ф. золота для выкупа плѣнныхъ. На эту сумму Геты отпустили столько плѣнныхъ, сколько слѣдовало по ихъ разсчету; остальныхъ всѣхъ умертвили.

Въ тоже время (въ 487, 493 и 499 г.) упоминается другой народъ, раззорявшій Ѳракію, это Булгары, которые еще

---

[1] Въ высшей степени любопытно то обстоятельство, что въ курганахъ, находящихся въ Пятигорской сторонѣ, въ верховьяхъ Кумы и Терека, находятъ во множествѣ точно такія же погребальныя вещи какими изобилуютъ курганы и внутренней Россіи, относимыя по арабскимъ монетамъ къ 8—11 вѣкамъ. Вещи эти бронзовыя. Нѣкоторыя изъ нихъ изображены въ Запискахъ Имп. Археолог. Общества, т. IX, вып. 1, Спб. 1856, съ замѣтками покойнаго Савельева. «Сходство этихъ Кавказскихъ вещей съ вещами сѣверной Россіи, не случайное, говоритъ Савельевъ; оно проявляется не только въ формѣ, но и въ стилѣ вещей». Все это, по его словамъ, наводитъ на мысль, что была эпоха (отъ 8 до 11 столѣтія), когда, отъ Вологодской губерніи до подошвы Кавказа и отъ Нижегородской до Балтійскаго побережья, господствовалъ болѣе или менѣе общій стиль издѣлій, частью мѣстной работы, частью византійской или восточной, или поддѣлки подъ послѣднія... Принадлежа, по стилю, къ одному разряду съ находимыми въ Великороссіи, эти кавказскія находки могутъ быть впрочемъ по времени нѣсколькими столѣтіями древнѣе ихъ. И это даже можно бы утверждать положительно, если бы было доказано, что между ними никогда не находили желѣзныхъ вещей». Такія же вещи находятъ и въ области Кура.

въ 482 г. помогали императору Зинону противъ Готовъ, причемъ были побѣждены Готскимъ Теодорикомъ Великимъ, а дотолѣ, говоритъ его панегиристъ Еннодій, считались непобѣдимыми, незнавшими никакого сопротивленія [1].

Очевидно, что эти Геты, приходили изъ Гетской Пустыни и потому, по книжному, названы Гетами. Очевидно также что Булгары не задолго передъ тѣмъ носили имя Унновъ, потому что только недавней памяти объ Уннахъ можно было сказать что они дотолѣ считались, непобѣдимыми и не знали никакого сопротивленія, ибо Булгары только что явились на сцену исторіи и дотолѣ объ нихъ ничего не было слышно.

По другимъ, хотя и позднѣйшимъ писателямъ, эти Геты прямо обозначаются Булгарами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Славянами, при чемъ отмѣчается, что Геты есть древнѣйшее имя Славянъ: а въ географическомъ смыслѣ это можно толковать, что Гетская Пустыня есть древнѣйшее обиталище Славянъ.

Въ царствованіе Анастасія (491—518 г.) орда Булгаръ, какъ выражаются изслѣдователи, сильно безпокоила Восточную Имперію. Императоръ для защиты Цареграда отъ этихъ варваровъ построилъ, даже стѣну отъ Мраморнаго до Черного моря, названную потомъ Долгой.

Если Булгары были Унны, какъ ихъ и называютъ современные имъ писатели, то они должны были приходить изъ своей древней родины, отъ Днѣпра. Историкъ Агаѳій называетъ ихъ прямо Уннами Котригурами. По Іорнанду Котригуры, или его Акатиры, Котціагиры жили на Днѣпрѣ же, только сѣвернѣе Булгаръ, слѣд. въ Кіевской сторонѣ. Унны-Булгары, по его же сказанію, распадались на двѣ вѣтви, Аульціагровъ и Савировъ (по нашей лѣтописи, Уличи и

---

[1] Очень любопытно, что Армянскій историкъ 5-го вѣка Моисей Хоренскій поминаетъ о Булгарахъ въ событіяхъ, случившихся за 120 лѣтъ до Р. Х. По его словамъ, Булгаръ, именемъ Вендъ, Вентъ, въ это время переселился въ Арменію, занявши земли къ сѣверу отъ Аракса. Эта дружина переселенцевъ называлась Вехендуръ, что можетъ соотвѣтствовать имени Утургуровъ. Страна ихъ названа потомъ Ванандомъ. Такимъ образомъ, встрѣчаемъ одно и тоже имя вблизи Печорскаго устья на сѣверѣ (см. стр. 182) и вблизи Аракса на югѣ. Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, перев. Эмина. М. 1858, стр. 81, 87, 383.

Сѣвера). Такимъ образомъ Булгары не одно и тоже съ Гетами. Первые были жители Днѣпра, вторые жители Днѣстра. Но очевидно, что и тѣ и другіе были Славяне, какъ ихъ и не различаютъ Византійскіе историки, ибо одинъ (Агаѳій) говоритъ: это Унны Котригуры, другой (Викторъ Туннуненскій) говоритъ, что это Булгары; третій (Ѳеофанъ) свидѣтельствуетъ, что это Унны и Славяне; а четвертый (Кедринъ) увѣряетъ, что это были все Славяне [1].

Въ это самое время, въ концѣ 5-го и въ началѣ 6-го в., историки впервые произносятъ и имя Славянъ. Имя это, какъ собственное у нихъ обозначаетъ только западную вѣтвь Славянства до верхняго Днѣстра. Іорнандъ говоритъ, что восточную отрасль тѣхъ же Венедовъ составляли Анты, храбрѣйшіе изъ всѣхъ, жившіе между Днѣстромъ и Днѣпромъ. Историкъ Прокопій къ этому прибавляетъ, что надъ Уннами Утургурами, обитавшими на Азовскомъ морѣ, дальнѣйшіе края на сѣверъ занимаютъ безчисленные народы Антовъ. Іорнандъ, какъ видѣли, въ этихъ краяхъ помѣщаетъ своихъ Акациров, Кутціагировъ, которые по Приску были Унны Акатиры. Такимъ образомъ селенія Антовъ и сѣверныхъ Унновъ совпадаютъ. Но быть можетъ имя Антовъ книжнымъ путемъ испорчено изъ Страбоновыхъ Атмоновъ и означаетъ Монтановъ — Горцевъ или по славянски Гораловъ, къ которымъ принадлежали древніе Карпы-Хорваты, Певкины-Буковинцы и Бастарны, то есть все населеніе Карпатскихъ горъ. За Карпатами, по Птоломею, обитали Трансмонтаны, или Загорцы. Съ другой стороны можно гадать, что имя Антовъ, обозначаетъ тѣхъ же книжныхъ Гетовъ. Объясняютъ ихъ (Гильфердингъ) и именемъ Венетовъ. Шафарикъ даетъ имъ корень Утъ, отъ котораго, конечно, по прямой линіи ведутъ свой родъ настоящіе Унны Ут-ургуры, Вят-ичи.

Ни Прокопій, ни Іорнандъ не причисляютъ Унновъ къ Славянамъ, что конечно можетъ служить утвержденіемъ, что Унны были особое, не славянское племя. Прокопій говоритъ только, что Славяне и Анты въ простотѣ нравовъ много походили на Унновъ. Намъ кажется, что оба писателя объ

---

[1] Чтенія Общ. Истор. 1872 г. Кн. IV. Изслѣд. г. Дринова: Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. стр. 91, 92, 101.

Уннахъ знали очень мало, да и то по слухамъ; а эти слухи разсказывали только о войнахъ и не касались этнографіи. Славяне и Анты были ближайшіе сосѣди Византіи и свѣдѣнія о нихъ собрать было легче. О далекихъ Уннахъ только и можно было сказать, что на нихъ много походятъ и Славяне и Анты.

Теперь эти три имени оглашаются въ Исторіи вмѣсто прежнихъ Скиѳовъ, Сарматовъ, Бастарновъ, Роксолановъ, вмѣсто Гетовъ, Карповъ, Готовъ, Уругундовъ, Ворановъ и т д.

Въ царствованіе Юстиніана I, 527—562 г., не проходило почти ни одного года, въ который не случилось бы набѣга на земли имперіи Унновъ, Славянъ и Антовъ. Они постоянно опустошали Иллирикъ, всю Ѳракію, Грецію-Элладу, Херсонесъ (Византійскій), всѣ страны отъ Іоническаго моря и до самыхъ стѣнъ столицы. По словамъ Прокопія, всѣ эти земли пришли въ конечное запустѣніе, потому что при каждомъ такомъ нашествіи Византія теряла до 200 тысячъ жителей, или избиваемыхъ, или уводимыхъ въ плѣнъ. Цифра очень преувеличенная; но она показываетъ, какой страхъ и канія бѣдствія распространяли эти варварскіе набѣги Славянъ.

Въ первый же годъ царствованія Юстиніана Анты переправились было черезъ Дунай, но были такъ разбиты ѳракійскимъ воеводою Германомъ, что послѣ и другіе Славяне очень боялись одного его имени. Однако это нисколько не остановило ихъ набѣговъ. Преемникъ Германа Хильвудъ, самъ родомъ Антъ, крѣпко удерживалъ эти набѣги и самъ не разъ ходилъ за Дунай въ Славянскія земли. Въ одномъ такомъ походѣ онъ и погибъ съ большею частью своего войска. Это случилось въ 534 г. Послѣ того Византія оставалась совсѣмъ беззащитною со стороны Дуная и варвары трехъ именъ: Унны, Славяне, Анты свободно переходили, гдѣ хотѣли, эту живую границу и производили свои опустошенія по всѣмъ угламъ греческаго царства. „Въ это время, говоритъ Прокопій, никакая мѣстность, никакая гора, ни пещера, ни одинъ уголокъ Римской (Византійской) Земли не остался въ безопасности. Многимъ странамъ случалось быть опустошенными и по пяти разъ“. Это говорится вообще о царствованіи Юстиніана. Обратимся къ нѣкоторымъ

частнымъ событіямъ. Но прежде замѣтимъ, что всѣ нашествія обозначаемыя историками именемъ Славянъ не должно смѣшивать съ нашествіями Унновъ и Антовъ. Славянскіе походы принадлежали собственно обитателямъ западной стороны Карпатскихъ горъ и средняго Дуная. Набѣги Антовъ разносились съ восточной стороны тѣхъ же горъ и изъ за нижняго Дуная. Нашествія Унновъ совершались отъ Днѣпровской стороны. Но видимо, что по временамъ всѣ эти три имени Славянъ дѣйствовали союзомъ, за одно, хотя, быть можетъ, и обозначались однимъ именемъ главныхъ предводителей. Замѣтимъ также, что открывшаяся для исторіи своя воля Славянъ и опять таки по преимуществу восточныхъ, эта своя воля не дававшая покою Византійской имперіи, показывала, что позади ихъ, въ ихъ тылу въ эту пору не существовало никакого сильнаго степняка, въ родѣ Геродотовыхъ Скиѳовъ, которыхъ, какъ видѣли, совсѣмъ доконалъ еще Митридатъ. Послѣ Митридатова Скиѳскаго погрома на сцену исторіи вышли Роксоланы, державшіе всю эту страну до нашествія Готовъ. При Готахъ Роксоланы изчезли, зато явились Унны, а теперь, послѣ Аттилы, эти самые Унны, воюютъ Византію рядомъ, шагъ въ шагъ, съ Славянами и Антами, слѣд. они не господа Славянъ. а ихъ товарищи. Другихъ страшныхъ степняковъ, покорителей и поработителей, подлѣ Славянъ не существуетъ.

Для нашей исторіи болѣе важны набѣги Унновъ. „Въ это время (въ 540 г.), говоритъ историкъ Прокопій, явилась звѣзда, комета, которая сперва казалась величиною съ рослаго человѣка, въ послѣдствіи еще больше. Ея конецъ обращенъ былъ къ западу, начало къ востоку; она слѣдовала за теченіемъ солнца. Когда солнце было у козерога, комета была у стрѣльца. Одни называли ее мечемъ—ибо она была продолговатая и съ одного конца весьма острая; другіе—бородатою. Она была видима болѣе сорока дней. Свѣдущіе въ этихъ дѣлахъ люди въ мнѣніяхъ объ ней были несогласны и говорили различно о томъ, что эта звѣзда предзнаменовала. Что касается до меня, то я, описывая событія, предоставляю каждому на волю судить по самымъ событіямъ.

„Немедленно за появленіемъ этой кометы, Уннское войско, перешедъ рѣку Истръ, наводнило всю Европу. Это самое случалось уже много разъ прежде; но столь многія, столь ужасныя бѣдствія, какъ теперь, никогда не постигали людей того края. Вся страна, отъ залива Іонійскаго до самыхъ предмѣстій Византіи, была опустошена варварами; въ Иллиріи взяли они тридцать два замка; городомъ Касандріею, который въ древности, сколько намъ извѣстно, назывался Потидея, овладѣли силою, хотя до того времени не умѣли они дѣлать приступовъ къ укрѣпленнымъ городамъ. Съ захваченною добычею и со ста двадцатью тысячами плѣнныхъ, они пошли обратно въ свою страну, не встрѣтивъ нигдѣ никакого сопротивленія. Въ послѣдствіи много разъ вторгались они въ эти мѣста, нанося Римлянамъ неисправимыя бѣдствія. Они напали на Херсонисъ, сбили защищавшихъ укрѣпленія, и обошедъ моремъ стѣну, простирающуюся до такъ называемаго залива Мелана, ворвались внутрь длинныхъ стѣнъ, напали внезапно на находившихся внутри Херсониса Римлянъ, многихъ убили, другихъ почти всѣхъ полонили. Нѣкоторые изъ непріятелей въ незначительномъ числѣ, переправились черезъ проливъ, находящійся между Систомъ и Авидомъ, ограбили селенія въ Азіи и потомъ, возвратившись въ Херсонисъ, отправились восвояси съ остальнымъ войскомъ и съ забранною добычей. При другомъ вторженіи, они ограбили Иллиріянъ и Ѳессаловъ, хотѣли напасть на Ѳермопилы; но какъ войско защищало крѣпость съ великою твердостью, то они, осмотрѣвъ окрестные проходы, нашли противъ чаянія тропинку, ведущую на гору, которая возвышается надъ Ѳермопилами. Затѣмъ, истребивъ почти всѣхъ Эллиновъ, кромѣ жителей Пелопониса, они ушли назадъ.“

Въ 558 г. несмѣтная сила варваровъ заполонила Ѳракію, потомъ раздѣлилась на три полка, изъ которыхъ одинъ направился черезъ Македонію въ Элладу и прошелъ до Ѳермопилъ, другіе два опустошали земли на пути къ Царюграду. Этихъ варваровъ одни называютъ Уннами Котригурами, другіе Булгарами, иные говорятъ, что полчища состояли изъ Унновъ и Славянъ, иные, болѣе поздніе писатели, свидѣтельствуютъ, что все это были Славяне, которые также и Уннами назывались (Кедринъ). Предводителемъ то-

го полчища, которое грозило раззорить самый Царьградъ, былъ Заверганъ или Замерганъ [1].

Въ это время при защитѣ Царяграда были поставлены на ноги всѣ, не только войско, но и мѣщане и окрестные крестьяне. Старый Велисарій самъ принялъ начальство и успѣлъ одолѣть непріятеля одною только хитростію, причемъ Заверганъ получилъ за выкупъ плѣнныхъ огромную сумму денегъ и отошелъ дальше къ Дунаю.

Но въ тоже время „Юстиніанъ, полагая, что Котригуры опять придутъ опустошать Ѳракію, не давалъ отдыха вождю Утигуровъ, Сандилху, подстрекая его частыми посольствами и другими способами, во что бы то ни стало, воевать противъ Завергана. Къ увѣщаніямъ императоръ присоединилъ и обѣщаніе, что передастъ Сандилху то жалованье, какое отъ Римской державы назначено было Заверганy, если только Сандилхъ одолѣетъ Котригуровъ. „Сандилхъ хотя и желалъ быть въ дружескихъ сношеніяхъ съ Римлянами, однакожъ такъ писалъ къ царю: „Былобы неприлично и притомъ беззаконно въ конецъ истребить нашихъ единоплеменниковъ, не только говорящихъ однимъ языкомъ съ нами, ведущихъ одинакій образъ жизни, носящихъ одну съ нами одежду, но притомъ и родственниковъ нашихъ, хотя и подвластныхъ другимъ вождямъ. При всемъ томъ (такъ какъ того требуетъ Юстиніанъ!), я отниму у Котригуровъ коней и присвою ихъ себѣ, чтобъ имъ не на чемъ было ѣздить, и невозможно было вредить Римлянамъ“.

Однако посольства и переговоры имѣли полный успѣхъ. Вождь Утургуровъ вторгнулся въ Кутургурскія земли, напалъ на Завергана, только что воротившагося отъ Дуная, и отнялъ у него всю добычу. По другимъ свидѣтельствамъ, почти тоже самое случилось еще прежде въ 551 г., когда Сандилхъ въ союзѣ съ 2000 таврическихъ Готовъ тоже напалъ на Кутургуровъ, захватилъ множество плѣнныхъ и тоже съ богатою добычею возвратился во-свояси. Тогда Кутургуры заключили съ Греками миръ, обѣщавшись, что

---

[1] Не онъ ли Безмѣръ, по росписи древнихъ булгарскихъ князей, которому предшествовалъ Куртъ, быть можетъ давшій имя Котригурамъ. И тотъ и другой по хронологіи этой росписи совпадаютъ и въ указанный годъ.

теперь никогда не будутъ нападать на греческія земли. При этомъ нѣсколько тысячь ихъ совсѣмъ ушло изъ отечества. Юстиніанъ поселилъ ихъ во Ѳракіи[1].

По видимому, это разсказъ объ одномъ и томъ же событіи. Греки такимъ образомъ достигли своей цѣли: для собственнаго спокойствія перессорили враговъ. Съ тѣхъ поръ, говорятъ историки, началась долговременная война между этими двумя племенами, которая привела ихъ обоихъ въ полное безсиліе и окончилась тѣмъ, что ими овладѣли Авары.

Но надо замѣтить, что Грековъ такъ дѣйствовать надоумили Крымскіе Готы. Эти Готы, называемые Тетракситами, какъ говорено выше, стр. 326, еще въ концѣ 4 вѣка, при завоеваніи Уннами Воспорскаго царства, остались на своихъ мѣстахъ по уговору съ своими побѣдителями, Уннами Утургурами. Теперь они были уже христіанами и потому очень дружили съ Греками. Мы видѣли выше, стр. 375, что въ 520-хъ годахъ Воспорскіе Унны тоже принимаютъ Христіанство, изъ-за чего у нихъ происходитъ междоусобіе и Воспоромъ овладѣваютъ Греки, а Унны изчезаютъ, направляя свои силы прямо на Византію. Но, повидимому, они не забывали, что Тмуторожанская страна—ихъ старое владѣнье. Поэтому Готы, испытывая быть может частые набѣги со стороны Унновъ и вообще опасаясь ихъ силы, стали изыскивать способы совсѣмъ избавиться отъ нихъ. Съ этою цѣлью, въ 547 г. они отправили въ Константинополь пословъ, которые на публичномъ представленіи императору Юстиніану просили только дать имъ епископа, на мѣсто прежняго умершаго; но, изъ опасенія передъ Уннами, въ тайныхъ переговорахъ объясняли, что великая была бы

---

[1] Имя Сандилха съ его борьбою противъ Котригуровъ напоминаетъ Свѣнальда, Свенгельда, Свиндела нашихъ лѣтописей, который вытѣснилъ Уличей съ нижняго Днѣпра къ Днѣстру, стоявши три года подъ ихъ Днѣпровскимъ городомъ Пересѣченомъ. Свидѣтельство о Свинделѣ находимъ въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, которые, судя по ихъ извѣстіямъ объ Оскольдѣ, по видимому, пользовались весьма древними записками и могли, даже по преданію, приставить къ годамъ Игоря событіе 6 вѣка о Сандилхѣ. Могло случиться также, что Свинделъ Игоря носилъ имя древняго Сандилха.

подьза, еслибъ императоръ употребилъ стараніе всячески поддерживать вражду и ненависть между Уннами Утургурами и Кутургурами, то есть собственно между Днѣпромъ и Дономъ, такъ какъ Днѣпровскіе Кутургуры очень безпокоили Византію, а Донскіе и Воспорскіе, Тмутороканскіе Утургуры, не мало безпокоили самихъ Готовъ. Въ этомъ случаѣ очень примѣчательнымъ является и то обстоятельство, что Готы опасались публично объявлять свои коварныя намѣренія противъ Унновъ. Это обнаруживаетъ, что при византійскомъ Дворѣ находились сторонники, или друзья Унновъ, которые могли сообщать имъ надобныя свѣдѣнія. Императоръ Юстиніанъ по происхожденію самъ былъ Славянинъ и при его Дворѣ, конечно, находилось не мало Славянъ. Посольство, какъ видѣли, имѣло полный успѣхъ и 2000 Готовъ уже помогали Утургурамъ въ войнѣ противъ ихъ родичей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для обузданія Славянъ и особенно этихъ Унновъ, Юстиніанъ очень старался найдти имъ общаго врага, который могъ бы не только поплѣнить ихъ землю, но и постоянно держать ихъ подъ своимъ игомъ. Съ этою цѣлью на далекомъ востокѣ, гдѣ то у Каспійскаго моря, заведены были переговоры съ однимъ изъ турксхихъ кочевыхъ племенъ, Аварами. Современникъ событія, Менандръ разсказываетъ объ этомъ довольно обстоятельно, хотя по-обычаю Византійцевъ и вѣроятно въ виду императорской и общественной цензуры не совсѣмъ прямо. Онъ пишетъ слѣдующее: „Авары (558 г.), послѣ долгаго скитанія, пришли къ Аланамъ, и просили ихъ вождя Саросія, чтобъ онъ познакомилъ ихъ съ Римлянами. Саросій черезъ ближайшаго греческаго воеводу извѣстилъ объ этомъ императора, который и позвалъ аварскихъ пословъ къ себѣ въ Византію. Первымъ посломъ былъ нѣкто Кандихъ. Представъ предъ императора, онъ сказалъ: „Къ тебѣ приходитъ самый великій и сильный изъ народовъ. Племя аварское неодолимо. Оно способно легко отразить и истребить противниковъ. И потому полезно будетъ тебѣ принять Аваровъ въ союзники и пріобрѣсть себѣ въ нихъ отличныхъ защитниковъ; но они только въ такомъ случаѣ будутъ въ дружескихъ связяхъ съ римскою державою, если будутъ полу-

чать отъ тебя драгоцѣнные подарки и деньги ежегодно, и будутъ поселены тобою на плодоносной землѣ".

Ясно, что здѣсь дѣло идетъ не о войнѣ противъ Византіи, а о предложеніи ей услугъ воевать противъ ея враговъ. Между прочимъ Менандръ объясняетъ, что Императоръ по старости лѣтъ желая больше всего спокойствія, рѣшился отразить непріятельскую силу другимъ способомъ, не войною: „бывъ рѣшительно не въ силахъ справиться съ Аварами, пошелъ другими путями, то есть рѣшился на обманы. „Царь говорилъ рѣчь въ собраніи, продолжаетъ Менандръ. Священный совѣтъ хвалилъ его проницательность. Вскорѣ посланы были въ подарокъ Аварамъ цѣпочки, украшенныя золотомъ, и ложа (сѣдалища), и шелковыя одежды, и множество другихъ вещей, которыя моглибы смягчить души, исполненныя надменности. Притомъ отправленъ былъ къ Аварамъ посланникомъ Валентинъ, одинъ изъ царскихъ мечниковъ. Ему предписано было ввести то племя въ союзъ съ Римлянами и заставить ихъ дѣйствовать противъ Римскихъ враговъ. Такія мѣры, по моему мнѣнію, были придуманы царемъ весьма разумно, потому что, побѣдятъ ли Авары, или будутъ побѣждены, и въ томъ и въ другомъ случаѣ выгода будетъ на сторонѣ Римлянъ. Валентинъ по прибытіи къ Аварамъ отдалъ подарки и передалъ имъ все то, что было ему предписано царемъ. Авары вскорѣ завели войну съ Утигурами, потомъ съ Залами, которые Уннскаго племени, и сокрушили силы Савировъ".

Судя по указанію Птоломея при поворотѣ р. Дона жили Осилы, которые вѣроятно теперь называются Залы; западнѣе и выше ихъ обитали Савиры, несомнѣнно наши Сѣверяне. Утигуры занимали мѣсто Птоломеевыхъ Роксоланъ. Все это были Унны. Такимъ образомъ походъ Аваровъ направлялся отъ Дона къ Кіевскому Днѣпру.

Укротивъ восточное Уннское племя, называемое Утигурами, Авары покорили своему игу и западныхъ ихъ родичей, Котригуровъ, которыхъ, какъ выше упомянуто, вполнѣ можно признавать за Славянъ Булгаръ, жившихъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ.

О борьбѣ Аваровъ съ Днѣстровскими Славянами одинъ отрывокъ изъ исторіи Менандра разсказываетъ слѣдующее:

„Владѣтели антскіе приведены были въ бѣдственное положеніе и утратили свои надежды. Авары грабили и опустошали ихъ землю. Угнетаемые набѣгами непріятелей, Анты отправили къ Аварамъ посланникомъ Мезамира, сына Идаризіева, брата Келагастова, и просили допустить ихъ выкупить нѣкоторыхъ плѣнниковъ изъ своего народа. Посланникъ Мезамиръ, пустословъ и хвастунъ, по прибытіи къ Аварамъ, закидалъ ихъ надменными и даже дерзкими рѣчами. Тогда Котрагигъ, который былъ связанъ родствомъ съ Аварами и подавалъ противъ Антовъ самые непріязненные совѣты, слыша что Мезамиръ говоритъ надменнѣе, нежели какъ прилично посланнику, сказалъ Хагану: „Этотъ человѣкъ имѣетъ великое вліяніе между Антами и можетъ сильно дѣйствовать противъ тѣхъ, которые сколько нибудь его непріятели. Нужно убить его, а потомъ безъ всякаго страха напасть на непріятельскую землю“. Авары, убѣжденные словами Котрагига, уклонились отъ должнаго къ лицу посланника уваженія, пренебрегли правами, и убили Мезамира. Съ тѣхъ поръ пуще прежняго стали Авары раззорять землю Антовъ, не переставали грабить ее, и порабощать жителей.“

Объ этомъ времени сохранилось преданіе и въ нашей лѣтописи. Она разсказываетъ, что Обры нѣкогда воевали Славянъ и примучили Дулебовъ-Бужанъ, творя большое насилье ихъ женамъ. Когда случалось Обрину куда либо поѣхать, онъ не запрягалъ въ телѣгу лошадей или воловъ, а впрягалъ Дулебскихъ женщинъ тройкою, четверкою или и пятерикомъ, такъ и ѣздилъ, куда было надо: такъ мучили Авары Дулебовъ [1].

Однако послѣ, въ спорахъ и переговорахъ съ Греками, Аварскій Хаганъ (Ваянъ, въ 568 г.) ни разу не хвасталъ, что онъ поработилъ Антовъ или Славянъ. Онъ напротивъ того хвастаетъ, что поработилъ Кутригуровъ и Утигуровъ, и долгое время требуетъ отъ Византіи тѣхъ обычныхъ де-

[1] Имя Дулѣбовъ было извѣстно еще въ V в. Писатель того времени Юлій Гонорій, перечисляя народы отъ Дуная до Балтійскаго моря, называетъ Сарматовъ, Бастарновъ, Карповъ, Готовъ, Дуловъ и Гепидовъ. См. Чтен. О. И. и Др. 1847. № 5, статья Сума о Голиціи стр. 6. Припомнимъ также, что изъ рода Дуло были Болгарскіе князья.

негъ, которыя при Юстиніанѣ она ежегодно платила этимъ двумъ народамъ. Онъ требовалъ этихъ денегъ за всѣ предыдущіе годы, такъ какъ вѣроятно, что Греки прекратили эту дань тотчасъ же, какъ начали свое дѣло Авары. Хаганъ, покоривши Унновъ, конечно, почиталъ своею собственностью всѣ дани и пошлины, какія принадлежали побѣжденнымъ.

Побѣда надъ Утигурами по видимому была такъ славна, что ею же хвасталъ передъ греческими послами на далекомъ Востокѣ властитель Турковъ, почитавшій Аваровъ своими рабами, а ихъ завоеванія своими побѣдами. Это было въ 576 году. Надо замѣтить, что Авары, туркское племя, находились въ зависимости отъ своего корня, кочевавшаго гдѣ-то у Золотой горы, т. е. у Алтая. Ихъ переходъ въ Европу, по приглашенію Грековъ, освободилъ ихъ отъ этой зависимости. Однако туркскіе властители по прежнему почитали ихъ своими рабами, присвоивали себѣ и всѣ ихъ завоеванія. Вотъ почему союзъ Грековъ съ Аварами очень не нравился Туркамъ, тѣмъ болѣе, что имп. Юстинъ далъ было слово не принимать Аваровъ, а Тиверій напротивъ въ 570 г. заключилъ съ ними миръ и отвелъ имъ земли для поселенія.

Когда греческіе послы явились къ туркскому властителю Турксанфу, онъ встрѣтилъ ихъ слѣдующею достопамятною рѣчью, которая вполнѣ обличаетъ обычную политику византійцевъ: „Не вы ли тѣ самые Римляне, употребляющіе десять языковъ и одинъ обманъ?“ произнесъ Турксанѳъ. Выговоривъ эти слова, онъ заткнулъ себѣ ротъ десятью пальцами, потомъ продолжалъ: „Какъ у меня теперь во рту десять пальцевъ, такъ и у васъ, у Римлянъ, множество языковъ. Однимъ вы обманываете меня, другимъ моихъ рабовъ Вархонитовъ. Просто сказать, лаская всѣ народы и обольщая ихъ искусствомъ рѣчей и коварствомъ души, вы пренебрегаете ими, когда они ввергнутся въ бѣду головой, а пользу отъ того получаете сами. И вы, посланники, пріѣзжаете ко мнѣ облеченные ложью, да и самъ пославшій васъ обманщикъ. Я васъ убью, безъ малѣйшаго отлагательства, сейчасъ же. Чуждо и несвойственно туркскому человѣку лгать. Вашъ же царь въ надлежащее время получитъ наказаніе за то, что онъ со мною ведетъ рѣчи дружественныя,

а съ Вархонитами (онъ разумѣлъ Аваровъ), рабами моими, бѣжавшими отъ господъ своихъ, заключилъ договоръ. Но Вархониты, какъ подданные Турковъ, придутъ ко мнѣ, когда я захочу; и только увидятъ посланную къ нимъ лошадиную плеть мою, убѣгутъ въ преисподнюю. Коли осмѣлятся взглянуть на насъ, такъ не мечами будутъ убиты: они будутъ растоптаны копытами нашихъ коней и раздавлены, какъ муравьи. Такъ знайте же это навѣрное, вразсужденіи Вархонитовъ. Зачѣмъ вы, Римляне, отправляющихся въ Византію посланниковъ моихъ ведете черезъ Кавказъ, увѣряя меня, что нѣтъ другой дороги, по которой бы имъ ѣхать? Вы для того это дѣлаете, чтобъ я по трудности этой дороги отказался отъ нападенія на римскія области. Однако мнѣ въ точности извѣстно, гдѣ рѣка Данапръ, куда впадаетъ Истръ, гдѣ течетъ Эвръ, и какими путями мои рабы Вархониты прошли въ Римскую землю. Не безъизвѣстна мнѣ и сила ваша. Мнѣ же преклоняется вся земля, начиная отъ первыхъ лучей солнца и оканчиваясь предѣлами Запада. Посмотрите, несчастные, на Аланскіе народы, да еще на племена Утигуровъ, которые были одушевлены безмѣрною бодростью, полагались на свои силы и осмѣлились противустать непобѣдимому народу туркскому; но они были обмануты въ своихъ надеждахъ. Зато они и въ подданствѣ у насъ, стали нашими рабами"!

Такимъ образомъ нашествіе Аваровъ на земли Утигуровъ и Котригуровъ положило конецъ стремленію восточнаго Славянства на Византію, а равно и на Кавказъ. Теперь безпокойными ея врагами оставались только западныя вѣтви Славянъ, жившія вблизи Дуная. Съ ними не со всѣми могла сладить орда Аваровъ, зашедшая такъ далеко отъ своего роднаго корня и едвали получавшая отъ него новыя подкрѣпленія. Какъ видѣли, она и не особенно слушалась своихъ восточныхъ повелителей и вѣроятно дѣйствовала только собственными силами. Вотъ почему ея владычество не особенно было внушительно и для Славянъ. Утвердившись въ Панноніи, Аварскій Хаганъ послалъ къ Славянскому князю Добритѣ и къ другимъ князьямъ съ требованіемъ, чтобъ покорились и платили ежегодную дань. Славяне такъ отвѣтили Аварскимъ посламъ: „Еще не родился на свѣтъ и не ходитъ подъ солнцемъ тотъ человѣкъ, который бы могъ одолѣть

нашу силу. Нашъ обычай отвоевывать чужія земли, а своей не отдадимъ въ неволю никому, пока есть на свѣтѣ мечъ и война".

Такой надменный отвѣтъ могли дать только извѣстные уже намъ Карпиды-Хорваты, обитатели Карпатскихъ горъ. Не менѣе хвастливо говорили и Авары. Затѣмъ послѣдовали ругательства и взаимныя оскорбленія и дѣло окончилось тѣмъ, что Аварскіе послы были убиты. Хаганъ въ ту пору такъ и оставилъ храбрецовъ въ покоѣ. Намѣреваясь пойдти на нихъ войною и ведя объ этомъ переговоры съ Греками, онъ объяснялъ между прочимъ, что хочетъ напасть на этихъ Славянъ еще и потому, что ихъ земля изобилуетъ деньгами, что они издавна грабили Грецію, а ихъ земля не была раззорена никакимъ другимъ народомъ.

Это показываетъ, что далеко не всѣ Славянскія племена подчинялись игу Аваръ, и что вообще знаменитое Аварское Царство и даже Имперія, какъ его называютъ нѣкоторые историки, распространялось только вдоль по сѣверному берегу Дуная, который Авары и почитали своею границею между Византійскими и своими землями. Но эта граница нисколько не останавливала обычныхъ Славянскихъ набѣговъ. Они по прежнему въ свое время переходили ее свободно и разгуливали во Ѳракіи, какъ у себя дома, простирая свои походы до самой Эллады. Въ то самое время, какъ владычествовали Авары, столько же владычествовали надъ Византіею своими набѣгами и Славяне. Они дѣйствовали самостоятельно и ни отъ кого не зависимо, по этому не одинъ разъ воевали за одно съ Греками противъ Аваровъ, за одно съ Аварами противъ Грековъ, такъ точно, какъ и Авары ходили съ Славянами противъ Грековъ и съ Греками противъ Славянъ.

Одинъ изъ историковъ, Іоаннъ Ефесскій, писавшій въ 584 г., рисуетъ тогдашнее могущество по-Дунайскаго Славянства слѣдующими словами: „И до нынѣшняго дня Славяне живутъ, сидятъ и покоятся въ Римскихъ областяхъ безъ заботы и страха, грабя ихъ и раззоряя огнемъ и мечемъ. Они разбогатѣли, пріобрѣли золото, серебро, табуны коней и множество оружія, которымъ научились владѣть лучше чѣмъ Римляне".

Всѣ эти Славянскія грозы проносились главнымъ образомъ изъ древней Дакіи, съ Карпатскихъ горъ, изъ тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ за нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ обитали Карпиды, Бастарны, Певкины, а потомъ Унны. Особенно страшенъ былъ восточный уголъ Карпата, гдѣ по преимуществу владычествовали нѣкогда одни Бастарны. Въ нашей исторіи вся эта сторона отъ истоковъ Вислы до верхняго Днѣстра и Буга прозывалась Хорватіею, Галиціею, и искони была населена одними Славянами.

Никакихъ Нѣмцевъ, кромѣ Дакійскихъ Готовъ, здѣсь исторія не помнитъ и ничего не говоритъ о томъ, куда вдругъ изчезли Нѣмцы-Бастарны и Нѣмцы-Певкины. Все, напротивъ, убѣждаетъ, что этотъ край съ незапамятныхъ временъ всегда былъ Славянскимъ, что если и проходили по немъ чуждыя народности, если въ иныхъ случаяхъ онъ и ослабѣвалъ народною силою, то все таки, въ другое, болѣе благопріятное время, опять вставалъ и подъ другими именами прославлялъ свою Славянскую мощь и силу. Въ сущности весь этотъ Карпатскій край всегда служилъ очень надежною точкою опоры для Славянскаго разлива въ греческія земли, какъ по западной сторонѣ, такъ и по восточной.

Въ этомъ восточномъ углу, за нижнимъ Дунаемъ, по Страбону, тотчасъ начиналась Гетская пустыня. И теперь, въ концѣ 6 вѣка Греки здѣшнихъ Славянъ точно также называютъ Гетами. Теперь ими руководитъ воевода Радагастъ (584—594), а княземъ ихъ является Мусокій, Мусукъ, Мусакій, что по Славянски можетъ означать Мужскій или мужественный. По указанію мѣста, [1] столица этого князя находилась гдѣ-то на верху Серета, быть можетъ на устьѣ Быстрицы, впадающей въ Серетъ съ западной стороны, съ Карпатскихъ горъ, то есть тамъ, гдѣ жили Бастарны или Быстряне. Въ 593 г. Греки, разбивши Радагаста, пошли дальше на этого Мусокія, и напали на него гдѣ-то въ близи рѣки Паспирія (Быстрица?), въ полночь, въ расплохъ, когда Мусокій, отправляя по своему обычаю поминки по умершемъ братѣ, былъ очень пьянъ. Онъ погибъ вмѣстѣ со всею своею дружиною. Однако такой случай былъ устроенъ по-

[1] Въ 50 парасангахъ (250 верстъ) отъ рѣки Еливакія, которую можно признать въ нынѣшней Яломицѣ, текущей отъ Карпата въ Дунай.

средствомъ измѣны одного христіанина-Гепида, жившаго у Славянъ, и очень хорошо знавшаго всѣ обстоятельства, какъ надо было устроить засаду. При этомъ историки разсказываютъ, что передъ тѣмъ Греки захватили въ плѣнъ нѣсколькихъ Славянъ, которыхъ самыми жесточайшими муками не могли заставить, чтобъ они сказали, кто они таковы? Историки объясняютъ также, что Мусокій, желая дать помощь Радагасту, отрядилъ съ измѣнникомъ Гепидомъ 30 судовъ и 150 человѣкъ гребцовъ, дабы перевезти остатокъ Радагастовой дружины черезъ рѣку Паспирій. Свидѣтельство очень важное, въ виду норманскихъ притязаній, по которому можно весьма основательно заключать, что Славяне вообще на всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Дунай и въ Черное море, имѣли по естественной необходимости свои флоты изъ рѣчныхъ судовъ; что только при помощи этихъ то судовъ они и могли совершать свои внезапныя и быстрыя нашествія на греческую землю; что такіе флоты существовали еще со временъ Митридата Великаго и въ 3-мъ вѣкѣ могли выставлять по шести тысячь или по двѣ тысячи военныхъ лодокъ, перевозя на нихъ примѣрно по 50 человѣкъ военной дружины. Послѣ Радагаста воевалъ съ Греками въ этихъ мѣстахъ другой воевода именемъ Пирагастъ.

Само собою разумѣется, что во время большихъ, такъ сказать, общихъ Славянскихъ нашествій на Грецію, какія случались не рѣдко, и по числу войска доходили иногда до 100 тысячь, во время такихъ нашествій дружины собирались не изъ одного при-Карпатскаго угла, но со всѣхъ ближайшихъ къ нему мѣстъ, а особенно съ восточной стороны, съ береговъ Днѣстра, Буга и самаго Днѣпра. Поэтому необходимо предположить, что если конные шли сухимъ путемъ, то пѣшіе изъ тѣхъ же рѣкъ всегда отправлялись въ лодкахъ. Вотъ почему на Дунаѣ и выростала внезапно несмѣтная рать.

Нѣтъ сомнѣнія, что Авары въ своихъ войнахъ съ Греками, призывали себѣ на помощь и подчиненныхъ имъ Славянъ, которые, какъ хорошіе плотники, очень помогали имъ при переправахъ черезъ рѣки постройкою судовъ и мостовъ. Есть свидѣтельство, что Авары будто бы посылали за помощью и къ далекимъ сѣвернымъ Славянскимъ племенамъ. Въ 591 г. импер. Маврикій, предупреждая новый набѣгъ Аваровъ, самъ

вышелъ во Өракію собирать войско. Тутъ попались его тѣло-хранителямъ трое Славянъ, безъ всякаго оружія и только съ одними гуслями. Ихъ схватили и стали доспрашивать, какіе они люди, откуда и зачѣмъ пришли въ Греческую землю? „Мы Славяне, отвѣчали гусляры. Живемъ на самомъ краю западнаго Океана. Хаганъ Аварскій присылалъ къ нашимъ князьямъ богатые дары, и просилъ помощи на Грековъ. Наши князья дары-то взяли, но помощи прислать не хотятъ. Очень труденъ и очень далекъ путь изъ нашей земли. Князья послали насъ сказать объ этомъ хагану. Мы сами шли сюда 15 мѣсяцевъ. А хаганъ нарушивъ посольскіе обычаи, задержалъ насъ и домой не отпускаетъ. Услыхали мы о безмѣрномъ богатствѣ и человѣколюбіи Грековъ и нашли случай уйдти отъ хагана къ вамъ. Гусли съ собою носимъ потому, что не привыкли ходить съ оружіемъ. Да и край нашъ тихій и мирный; въ нашей сторонѣ нѣтъ и желѣза. Не умѣя играть на трубахъ (по военному), играемъ на гусляхъ, и совсѣмъ не зная войны, любимъ музыку и почитаемъ ее лучшимъ занятіемъ". Императору очень понравились эти гусляры. Онъ угостилъ ихъ на славу, много дивился ихъ дородству и крѣпости тѣла и однако отослалъ ихъ подъ охрану въ какой-то городъ. Были ли это настоящіе послы или только соглядатаи сосѣднихъ съ Греціею Славянъ, неизвѣстно. Послѣднее кажется вѣроятнѣе. Подъ такими предлогами въ качествѣ гусляровъ, Славяне могли для своихъ цѣлей осматривать греческую землю, чтобы знать, въ какое время безопаснѣе сдѣлать набѣгъ.

Какъ бы ни было, но въ 626 году Аварскій хаганъ съ помощью Славянъ-моряковъ осаждалъ даже самый Царьградъ. Это было извѣстное нашествіе на Царьградъ персидскаго царя Хозроя вмѣстѣ съ Аварами и Славянами. По уговору съ хаганомъ, одна часть Славянскаго войска, въ латахъ, дѣйствовала съ сухаго пути, другая же, на многочисленныхъ моноксилахъ, или лодкахъ однодеревкахъ, должна была по данному знаку напасть на столицу съ моря. Она наполняла своими однодеревками всю Гератскую Пазуху, или заливъ Золотой Рогъ. Но Греки вовремя узнали объ этомъ замыслѣ, предупредили враговъ, и выведя свой флотъ разгромили всѣ Славянскія однодеревки; причемъ между убитыми и потопшими найдены были и трупы женщинъ. Пи-

шутъ также, что много помогла и наставшая въ это время буря. Кое-какъ спасшійся остатокъ вплавь пустился къ берегу и собрался въ станъ Аварскаго хагана. Но хаганъ въ негодованіи на неудачу, или быть можетъ подозрѣвая измѣну, приказалъ ихъ всѣхъ переказнить. Тогда сухопутныя Славянскія дружины, узнавъ объ этомъ звѣрствѣ, оставили ханово войско и пошли по домамъ, отъ чего и хаганъ принужденъ былъ тоже пойдти прочь отъ города.

Это событіе и именно то важнѣйшее обстоятельство, что безчисленный флотъ однодеревокъ былъ уничтоженъ въ виду Цареградскаго храма Влахернской Богородицы, занесено тогда же въ церковныя лѣтописи, какъ святое и чудное дѣло заступленія Богоматери, причемъ установлена была и особая въ честь ея церковная служба, которую совершаютъ церковнымъ пѣніемъ во всю ночь, стоя. Эта служба именуется Акаѳистъ, что значитъ несѣдаленъ.

Намъ любопытно знать, какіе это были Славяне и откуда собралось столько моноксилъ-однодеревокъ? Лѣтописцы не говорятъ точно, откуда прибылъ этотъ Славянскій флотъ. Одни называютъ весь этотъ походъ Скиѳскимъ, другіе говорятъ, что съ Аварами приходили Булгары, третьи упоминаютъ только однихъ Аваровъ, наконецъ позднѣйшіе, Манассія, именуютъ Скиѳовъ, Аваровъ и Тавроскиѳовъ. Тавроскиѳами въ 10—12 вѣкахъ прозывались по преимуществу только Русскіе Славяне. Стало быть въ этомъ имени дается покрайней мѣрѣ свѣдѣніе, что однодеревки принадлежали между прочимъ и Днѣпровскимъ Славянамъ. И это было очень естественно, такъ какъ восточный Славянскій край въ началѣ 7-го вѣка находился въ зависимости у Аваровъ, ибо, какъ видѣли, былъ ими покоренъ окончательно. Во всякомъ случаѣ, въ зависимости ли отъ Аваровъ, или по ихъ призыву и приглашенію подѣлить вмѣстѣ добычу войны, Днѣпровскіе мореходы необходимо участвовали въ этомъ походѣ уже по той причинѣ, что Авары, замышляя нападеніе на Царьградъ, конечно, воспользовались всѣми наличными средствами, находившимися у нихъ въ рукахъ или подъ рукой. Лѣтописецъ Манассія повѣствуетъ между прочимъ, что „въ это время на Грековъ возбуждены были всѣ народы, обитающіе вокругъ Тавра (Крыма)... Князья неистовыхъ Тавроскиѳовъ, собравъ корабли съ безсмѣтнымъ

числомъ воиновъ, покрыли все море ладіями однодеревками. Персъ былъ подобенъ колючему скорпію, злобный Скиѳъ (Славяне Дунайскіе)—ядовитому змію, Тавроскиѳъ—саранчѣ, что ходитъ и летаетъ", то есть плаваетъ на корабляхъ.

Этотъ Аварскій походъ на Византію былъ послѣдній. Съ той поры и самое имя Аваровъ мало по малу совсѣмъ изчезаетъ изъ исторіи. На послѣдяхъ, этимъ именемъ иногда прозываютъ въ разныхъ мѣстахъ тѣхъ же Славянъ.

Византійскіе историки разсказываютъ въ слѣдъ затѣмъ, что Авары были прогнаны вновь появившимся народомъ, Булгарами, пришедшимъ конечно оттуда же, откуда приходили и гдѣ нарождались всѣ сѣверные варвары, именно съ Меотійскихъ Болотъ.

Дѣло было такъ. Куврать, иначе Кроватъ, князь Унногундурскій, возсталъ противъ Аваровъ и выгналъ ихъ изъ своей земли съ великимъ стыдомъ и поношеніемъ. Затѣмъ онъ заключаетъ миръ съ императоромъ Иракліемъ. Это случилось въ 634 году, слѣд. спустя только 8 лѣтъ послѣ осады Царьграда и ссоры Славянъ съ Аварами за звѣрскую казнь ихъ соплеменниковъ.

У Кровата, государя Булгарскаго, было пять сыновей, пять Хроватовъ. Умирая, онъ завѣщалъ имъ жить въ союзѣ нераздѣльно, грозя въ противномъ случаѣ, что если раздѣлятся, то обезсилѣютъ и не въ состояніи будутъ защищать свою землю отъ враговъ. Но прошло не много времени, сыновья отдѣлились другъ отъ друга. Только старшій братъ Ватвай остался въ прежнемъ своемъ жилищѣ за рѣкою Дономъ.

Другой братъ Котрагъ (сравн. Котрагигъ, который дѣйствовалъ съ Аварами противъ Антовъ) поселился насупротивъ, на западномъ берегу Дона, четвертый и пятый, которымъ именъ нѣтъ, пошли дальше, на западъ,—четвертый поселился въ Паннонiи, покорился Аварамъ; пятый ушелъ въ Италію и получилъ себѣ жилище въ окрестности Равенской, подъ христіанскимъ владычествомъ.

Третій братъ Аспарухъ поселился между рѣками Днѣпромъ, Онгломъ и Днѣстромъ. Этотъ Аспарухъ вскорѣ является особенно безпокойнымъ сосѣдомъ Византіи. Онъ часто воевалъ по Дунаю, а потомъ въ 678 г. совсѣмъ перебрался черезъ рѣку и поселился на южномъ ея берегу, въ близи

устьевъ, а на югъ до Варны. Эту страну населяли уже семь Славянскихъ племенъ, надъ которыми Аспарухъ сталъ владычествовать. Съ Цареградомъ онъ заключилъ выгодный для себя миръ, причемъ Греки обѣщали ему платить ежегодную дань. Такъ основалось Булгарское царство.

Очень явственно, что этотъ разсказъ записанъ въ византійскую лѣтопись изъ народныхъ Булгарскихъ преданій и есть отголосокъ той исторіи, которая нѣкогда происходила въ восточныхъ Славянскихъ земляхъ, между Днѣпромъ и Карпатами. Преданіе это соотвѣтственно нашимъ преданіямъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ; о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ; о пяти братьяхъ и двухъ сестрахъ Хорватскихъ и т. п.

Это преданіе очень важно и любопытно для нашей исторіи. Оно во первыхъ показываетъ, что вся область южной или Черноморской Руси, отъ Карпатъ до Днѣпра и Дона, искони, съ незапамятныхъ временъ сознавала свое кровное родство или такъ сказать однородность своего происхожденія; что въ тоже время она сознавала и коренной недугъ своей жизни, племенную раздѣльность и вражду другъ къ другу, а стало быть и всѣ выгоды дружнаго братства и единства.

Криватъ называется братомъ Органы, тоже князя Унногундуровъ, который принялъ крещеніе. И Криватъ и Аспарухъ поминаются также въ росписи древнихъ Булгарскихъ князей, первый подъ именемъ Курта, второй подъ именемъ Исперика. Но можно также полагать, что ихъ имена суть имена племенъ, которыми эти лица руководили. Можно полагать, что Криватъ есть просто Хорватъ, древній Карпъ-Бастарнъ - Певкинъ, истинный отецъ всей страны, мужественно державшій ея независимость въ теченіи многихъ столѣтій. Онъ же, по извѣстію Константина Багрянороднаго, выгналъ Аваровъ изъ той земли, въ которой потомъ самъ поселился, изъ Далмаціи. Хорваты, по его словамъ, частію совсѣмъ истребили Аваровъ, а остальныхъ поработили, т. е. въ дѣйствительности уничтожили ихъ господство по всей Славянской землѣ. Имя Хорватовъ, говоритъ Багрянородный, означаетъ на Славянскомъ языкѣ людей, великое пространство земли населяющихъ. Такимъ образомъ, отецъ Криватъ можетъ означать все восточное племя Славянъ до самаго Днѣпра или всю южную Русскую народность, какъ особое племя.

Четвертый и Пятый сынъ Кравата, общаго Хорватскаго отца, ушедшіе изъ отечества въ чужія земли, есть въ самой дѣйствительности переселившіеся съ своихъ мѣстъ въ 7 вѣкѣ Хорваты и Сербы.

Старшій сынъ, самый восточный изъ братьевъ, называется Ватвай. Это имя можетъ быть тоже племенное или мѣстное, географическое. Оно родственно Ут-угурамъ, и Вятичамъ, даже Витичеву холму, очень важному мѣсту на Днѣпрѣ, которое въ 10 вѣкѣ служило сборнымъ пунктомъ для всѣхъ Днѣпровскихъ судовъ при отправленіи ихъ въ Царьградъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь могло существовать весьма значительное Днѣпровское поселеніе. Кромѣ того вблизи Кіева находимъ рѣку Вѣту, Вѣтову могилу, селеніе Увѣтичи. Самое прозваніе Кіева Самватъ тоже по звукамъ на половину родственно этому Вату, Вяту, Вѣту. Все это заставляетъ полагать, что имя Ватвай есть родное въ указанныхъ мѣстахъ, а въ глубокой древности оно могло распространяться, какъ мы говорили, на все восточное заднѣпровье, и вся сѣверская область по теченью сѣверскаго Донца могла носить тоже самое имя Вятичей или Ватвая, какъ произносили Греки.

Противъ Ватвая, съ западной стороны Дона, собственно Днѣпра, жилъ Котрагъ. Съ западной же стороны этой рѣки поселился и третій братъ Аспарухъ. Но Котрагъ видимо жилъ сѣвернѣе Аспаруха. Имя Котрагъ, напоминаетъ Кутургуровъ, Котригуровъ, да и Булгары прямо называются Котрагами. По Птоломею въ той же сторонѣ, вышё нижняго Днѣстра, обитали Тагры. Выше, стр. 379, мы обозначили сходство Котригуровъ съ именемъ Акатировъ, Акациpовъ, Котцагировъ, отъ которыхъ, по всему вѣроятію, осталось имя селенія Кочіеръ, вблизи города Новыя Дубоссары, гдѣ находятся Роги — монастырь и гора, вся изрытая пещерами, и гдѣ вообще Днѣстровскій берегъ представляетъ много замѣчательнаго въ топографическомъ отношеніи и показываетъ, что необходимо здѣсь существовали значительныя поселенія съ самой глубокой древности.

Третій братъ Аспарухъ, жилъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ на Онглѣ, т. е. на Ингулѣ. Въ его имени Аспарухъ, Спарухъ, слышится общеславянское имя, о которомъ

говоритъ Прокопій, Споры. Оно же очень родственно древнему Роксоланскому царю Распарасану и вождю Готовъ Ресну. Всѣ эти видоизмѣненія имени встрѣчаются на одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ обиталъ Булгарскій Аспарухъ.

Мнѣніе, объ Уральскомъ происхожденіи древнихъ Дунайскихъ Булгаръ опирается на одномъ этомъ же сказочномъ свидѣтельствѣ византійскихъ историковъ о Кроватѣ и разселеніи его сыновей, а главнымъ образомъ, на смѣшеніи свѣдѣній и понятій о Булгарахъ Волги и о Булгарахъ Дуная. Въ сказкѣ о разселеніи Дунайскихъ Булгаръ историки сообщаютъ, что въ старину Булгары жили въ сѣверныхъ странахъ, выше Чернаго моря и при Меотисѣ, въ который впадаетъ великая рѣка, текущая отъ сѣвернаго Океана по Сарматской землѣ, называемая Атель (Итиль, Волга). Въ нее впадаетъ Донъ рѣка, текущая съ Кавказа, отъ Иверскихъ (Грузинскихъ) воротъ-ущелій. Атель, соединившись съ Дономъ, протекаетъ дальше въ Меотиду. Изъ той же области, или изъ соединенія этихъ рѣкъ, такъ какъ онѣ выше Меотиса текутъ каждая особо и представляютъ какъ-бы вилы, течетъ рѣка Куфисъ и впадаетъ въ Понтъ, въ Черное море, позади Некропилъ, подъ мысомъ, который именуется Бараньимъ Лбомъ (на южномъ берегу Крыма мысъ Аюдагъ).

Объ этой георгафіи еще Байеръ замѣтилъ, что „великое есть бѣдствіе, когда попадаемъ на авторовъ сему подобныхъ". Въ сущности это описаніе похоже на то, еслибъ кто разсказалъ, что въ Черное море течетъ великая рѣка Нева, въ которую впадаетъ р. Москва, текущая съ Кавказскихъ горъ и т. д. Вообще древнюю, Великую Булгарію помѣщали около Меотійскаго озера, подлѣ рѣки Куфиса; отъ Меотійскаго залива до рѣки Куфиса; при Меотійскомъ заливѣ по ту сторону рѣки Кофинуса.

Куфисомъ въ то время прозывалась р. Кубань, впадавшая дѣйствительно въ Азовское море. Она же именовалась прежде Ипанисомъ, а Ипанисомъ по Геродоту назывался также и Бугъ, впадающій въ Днѣпровскій Лиманъ. Уже Страбонъ замѣтилъ, что эти обѣ рѣки именовались Ипанисомъ, а Плиній отнесъ къ большому заблужденію, что Ипанисъ помѣщаютъ въ Азіи. Но въ странѣ, гдѣ протекалъ нашъ Ипанисъ-Бугъ, по свидѣтельству Константина

Багрянороднаго, протекала и рѣка Куфисъ, слѣд. это имя существовало и подлѣ Буга, и именно рядомъ, какъ указываетъ Багрянородный. Если принять р. Атель за Днѣпръ, а р. Донъ за Бугъ, то теченіе обѣихъ рѣкъ будетъ очень понятно. Онѣ, соединяясь, вливаются Днѣпровскимъ Лиманомъ въ Черное море, именно у Некропилъ, греческаго города, находившагося здѣсь неподалеку, въ 4 миляхъ отъ Днѣпра. При сліяніи Буга и Днѣпра находился также и Мысъ Ипполаевъ, на которомъ въ древности стоялъ храмъ Деметры, и который, въ показаніи Ѳеофана, является уже мысомъ южнаго Крымскаго берега. Константинъ Багрянородный говоритъ также, что заливъ Меотиды достигаетъ Некропилъ и соединяется съ ними каналомъ, что̀ теперь называется Перекопъ. Его Куфисъ, или Кофинусъ, по всему вѣроятію, обозначаетъ Геродотовскую рѣку Пантикапу, теперешнюю Конку, теченіе которой перемежается съ самымъ Днѣпромъ. Такимъ образомъ этотъ наборъ географическихъ именъ въ сущности имѣетъ весьма правильную сѣть, по которой выходитъ, что древняя Булгарія находилась въ устьяхъ Днѣпра, Ингульца и Буга, и занимала все Олешье, или Геродотову Илею, то есть вообще ту мѣстность, которую ей указываетъ въ 6 вѣкѣ Іорнандъ, см. стр. 330.

Послѣ всего сказаннаго гораздо правдоподобнѣе и естественнѣе заключить, что ни въ какое время Булгары съ Волги не приходили, что повѣсть объ ихъ далекомъ походѣ сочинена книжнымъ человѣкомъ, который зналъ имена значительныхъ рѣкъ восточной Европы, но не зналъ гдѣ и какъ онѣ текутъ.

Въ всякомъ случаѣ на этой повѣсти, на половину сказочной, на половину ученой, основывать ничего нельзя, особенно въ виду ясныхъ свидѣтельствъ, что Булгары искони обитали между Днѣстромъ и Днѣпромъ, именно на Бугѣ, Ингулѣ и Ингульцѣ. Мы видѣли, что по Страбону въ этой сторонѣ жили Языги-Урги; Прискъ упоминаетъ здѣсь же Уроговъ; Зосимъ 5 вѣка Уругундовъ, Агаѳій 6 вѣка Вуругундовъ; Павелъ Дьяконъ 8 вѣка Вургунтаибъ. Согласно этому произношенію и нынѣшніе Греки называютъ Булгаръ Вургерами, Вургарами. Естественно, что отсюда же происходитъ умягченное имя Улгары, Вулгары, какъ вообще писали византійцы. Такимъ образомъ ето имя

образовалось само собою въ теченіи столѣтій изъ древнѣйшаго имени Урговъ и не имѣетъ ничего общаго съ именемъ Болгаръ Волжскихъ. Только позднѣйшіе писатели, основываясь на сходствѣ именъ, стали объяснять и происхожденіе народа съ Волги же. И до сихъ поръ исторія Волжскихъ Болгаръ постоянно смѣшивается безъ малѣйшаго различія съ исторіею Дунайскихъ Булгаръ.

Передвиженіе этихъ Булгаръ въ концѣ 7 вѣка съ устья Днѣпра на Дунай можетъ быть объяснено тѣмъ, что къ этому времени стало распространяться владычество Хозаръ, которые, какъ говоритъ повѣсть о расселеніи сыновей Кровата, подчинили себѣ старшаго изъ нихъ Ватвая, то-есть племя Вятичей съ Полянами и Сѣверянами, иначе все жилище прежнихъ Утургуровъ по восточной сторонѣ Днѣпра. Историкъ Ѳеофанъ, писавшій это и писавшій въ началѣ 9 вѣка, говоритъ, что племя Ватвая съ того времени платило дань Хозарамъ и до его дней, и что Хозары овладѣли страною до Чернаго моря. Аспарухъ, жившій на нижнемъ Днѣпрѣ, повидимому не захотѣлъ работать новому врагу, и можетъ быть, опасаясь новаго нашествія въ родѣ Аварскаго, удалился съ своею дружиною поближе къ Византіи, на Дунай, въ земли своихъ же родичей, поселившихся тамъ еще по распаденіи владычества Аттилы (см. выше стр. 368). Нѣтъ сомнѣнія, что это переселеніе было даже устроено по призыву Дунайскихъ Славянъ, пожелавшихъ охранить свою независимость и отъ Грековъ и отъ сосѣднихъ Славянъ и Валаховъ.

Аспарухъ нашелъ здѣсь семь Славянскихъ племенъ, а въ томъ числѣ и Сѣверянъ. Онъ соединилъ ихъ въ одно государство, которое вскорѣ становится страшною силою для Византіи. Эти семь племенъ приводятъ на память одно обстоятельство изъ исторіи Унновъ. Въ 433 г. царь Унновъ Ругъ, велъ войну противъ Амилауровъ (Уличей), Итимаровъ (приморцевъ), Тоносуровъ (Танаиты—Савиры-Сѣверяне), Воисковъ (изъ Галиціи) и другихъ народовъ, поселившихся на Истрѣ и прибѣгавшихъ къ союзу съ Греками. Вотъ начальная исторія упомянутыхъ семи племенъ. Видимо, что это были бѣглецы изъ руской страны, удалившіеся сюда отъ домашнихъ усобицъ еще быть можетъ во время борьбы Унновъ съ Готами. Когда теперь они передались на сторону

Грековъ, владыка Унновъ, почитавшій ихъ своими родичами или покрайней мѣрѣ подданными, поднялъ на нихъ войну и у Грековъ постоянно требовалъ выдачи бѣглецовъ, въ числѣ которыхъ бывали люди царскаго рода. Припомнимъ, что именно въ этихъ мѣстахъ, на нижнемъ Дунаѣ, и въ странѣ, которую занялъ Аспарухъ, поселились съ своими дружинами дѣти Аттилы (см. выше стр. 368). Аспарухъ такимъ образомъ занялъ только достояніе своихъ отцовъ, отчего такъ скоро и создалъ сильное государство.

Итакъ въ половинѣ 6 вѣка политикою воспорскихъ Готовъ и византійскаго императора Юстиніана Днѣпровскія и Донскія племена Унновъ, т. е. древнихъ Роксоланъ, вступили другъ съ другомъ въ междоусобную войну и въ конецъ истребили свои дружины. На обезсиленныхъ собственною враждою, на нихъ были призваны еще Авары, которые въ это время конечно уже очень легко могли завладѣть всѣмъ краемъ, отъ Дона до Дуная. Однако покореніе этихъ Унновъ было достигнуто послѣ долгой и упорной борьбы, особенно со стороны Днѣстровскихъ Антовъ. Турецкій властитель хвалился, передъ византійскимъ посломъ, что укротилъ и поработилъ племена Утигуровъ и народы Алановъ, то есть всю страну вокругъ Азовскаго моря до Днѣпра. Можемъ изъ этого заключить, что нашествіе Аваровъ было поддержано и другими племенами этихъ Алтайскихъ Турокъ и что завоеванная Аварами наша страна тогда-же подчинилась далекому Алтайскому Хагану между тѣмъ, какъ сами Авары прошли за Днѣпръ дальше къ Западу, гдѣ по Дунаю и утвердили свое особое владычество. Въ тоже время, въ 576 г., былъ завоеванъ Турками у Грековъ и городъ Воспоръ, а слѣдов. и вся Воспорская страна. Турки такимъ образомъ овладѣли всѣми землями, гдѣ лѣтъ за 50 передъ тѣмъ господствовали одни Унны.

Неизвѣстно, были ли эти Турки тѣ самые Хозары, тоже Турецкое племя, которые вслѣдъ за тѣмъ распространяютъ свое владычество и имя въ тѣхъ же мѣстахъ. По всему вѣроятію, перемѣнилось только имя, но завоеватель, державшій въ своихъ рукахъ страну, былъ тотъ же самый.

По словамъ самихъ же Турокъ они раздѣлялись на четыре вѣтви. Повидимому, та вѣтвь, которая утвердилась по сѣверозападнымъ берегамъ Каспійскаго моря и въ устьяхъ

Волги, прозывалась Хозарами быть можетъ по имени владыкъ всей этой страны. Припомнимъ, что Персидскій царь Хозрой Великій (532—580 г.) строилъ здѣсь много городовъ и въ томъ числѣ построилъ самую столицу Хозаръ на Волгѣ, Балангіалъ. Такимъ образомъ имя Хозаръ могло распространиться отъ владыки Хозроя. По свидѣтельству Плинія (VI, 19) Скиѳы Персовъ называли Хорсарами.

Надо вообще замѣтить, что въ устьяхъ Волги съ незапамятныхъ временъ существовало торговое гнѣздо, созданное конечно живыми силами народныхъ потребностей и связей по всей окрестности Каспійскаго моря, гдѣ Персы господствовали съ древнѣйшаго времени. Могущество Персовъ колебалось; по временамъ приходили новые господа; но Каспійская торговля была непобѣдима. Она мало по малу во всѣхъ бойкихъ перекрестныхъ мѣстахъ по берегамъ моря должна была создать свое особое племя, особый народъ, не принадлежавшій ни къ Персамъ, ни къ Туркамъ и ни къ какимъ подобнымъ народностямъ, а состоявшій изъ промышленниковъ и торговцевъ всѣхъ окрестныхъ племенъ и государствъ. Особенно такая смѣсь всякихъ народностей съ большими выгодами и удобствами для независимости могла легко гнѣздиться въ устьяхъ нашей Волги. Вотъ почему это Волжское торговое гнѣздо никогда не могли одолѣть и окончательно раззорить никакія варварскія нашествія и никакія военныя дружины. Въ этомъ мѣстѣ завоеватель естественно уступалъ силѣ вещей и самъ подчинялся жизненнымъ цѣлямъ завоеванной страны, т. е. цѣлямъ торговыхъ связей и сношеній.

Но зато, хотя бы и варварская, военная дружина, попадавшая въ среду купцовъ и промышленниковъ, тотчасъ пріобрѣтала значеніе и силу, какими никогда не могла пользоваться въ своихъ степныхъ обиталищахъ. Становясь охранителемъ торга и промысла, поддерживаемая довольствомъ и богатствомъ, она скоро выростала могущественнымъ государствомъ, способнымъ держать въ своихъ рукахъ страну не однимъ военнымъ порабощеніемъ, но и выгодами торга и промысла.

Точно такое же гнѣздо существовало на Воспорѣ Киммерійскомъ, гдѣ военная власть смѣнялась много разъ, раззоряла и опустошала города, но ни въ одномъ случаѣ не

могла совсѣмъ истребить тамошняго торговаго могущества, которое снова становилось господствующимъ и всегда приводило эту власть себѣ же на службу. Въ такомъ порядкѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ проходила исторія и на устьяхъ Волги. Завоеватель и тамъ скоро становился первымъ слугою не военнаго, а по преимуществу торговаго могущества, и потому варвары-Турки, овладѣвшіе страною, скоро сдѣлались Хозарами—Аорсами, народомъ ярмарки, состоявшимъ изъ смѣси различныхъ племенъ и народностей.

Должно полагать, что самымъ умнымъ, дѣльнымъ и сильнымъ изъ всѣхъ разноплеменныхъ промышленниковъ, владѣвшихъ устьями Волги, были Евреи. Покрайней мѣрѣ Арабы свидѣтельствуютъ, что династія Хозарскихъ владыкъ была изъ Еврейскаго племени и что всѣ знатные начальные люди были тоже Евреи.

Къ концу 7 столѣтія Хозары владѣютъ уже всею страною отъ Западныхъ береговъ Каспійскаго моря и до Днѣпра, владѣютъ при-Кавказскою страною Кубани и Терека и Крымскимъ полуостровомъ, такъ что Азовское море составляетъ внутреннее озеро ихъ владѣній. Теперь вся эта страна именуется уже Хозаріею. Самое Каспійское море тоже прозывается моремъ Хозарскимъ. Теперь въ имени Хозаріи изчезаютъ всѣ имена при-Азовскихъ и при-Днѣпровскихъ народностей, въ слѣдствіе чего они изчезаютъ и изъ Исторіи.

До половины 7 столѣтія столицею Хозаріи былъ городъ Семендеръ, нынѣ Тарху, откуда Хозарскіе хаганы были вытѣснены нашествіемъ Арабовъ и перенесли свое мѣстопребываніе на устье Волги, въ городъ Итиль или Атель, городище котораго находится нѣсколько ниже Астрахани.

По всему видимо, что главная сила Хозарскаго Государства находилась въ рукахъ промышленныхъ Евреевъ и вообще въ рукахъ торговаго сословія, которое, живя посреди кочевниковъ и подъ вліяніемъ восточнаго деспотизма, не могло образовать изъ себя сильной общины въ европейской формѣ, но устроилось тоже по-Турецки, съ деспотомъ-хаганомъ во главѣ, который назывался Хозаръ-Хаканъ, и власть котораго однако была во всемъ ограничена царемъ. По арабскимъ сказаніямъ 9 и 10 вѣка, этотъ Хозаръ-Ха-

канъ представлялъ изъ себя какую-ту правительственную святыню. Онъ жилъ особо съ своимъ дворомъ и военною свитою и очень рѣдко показывался передъ народомъ. Когда онъ выѣзжалъ, а это случалось въ четыре мѣсяца одинъ разъ, встрѣчавшійся народъ падалъ ницъ и поднимался только по проѣздѣ своего владыки. Доступъ къ хагану, кромѣ нѣскольких ближайшихъ чиновниковъ, никому не былъ возможенъ, развѣ только въ случаѣ величайшей необходимости. Явившійся предъ его лице, повергался также на землю и потомъ уже вставалъ и ожидалъ повелѣній. Самъ царь-намѣстникъ входилъ къ хагану съ босыми ногами и по какому то обряду держа въ рукахъ лучину какого то дерева, которую тутъ же зажигалъ. Такое поклоненіе предержащей власти принадлежало къ обычаямъ древней Персіи. Могущество хагана было таково, что если онъ кому изъ знатныхъ приказывалъ: поди, умри, тотъ неизмѣнно исполнялъ его волю и убивалъ себя.

Арабы говорятъ, что достоинство хагана принадлежало одному роду, несильному и небогатому, но который находился въ общемъ уваженіи. Наслѣдникомъ умиравшаго хагана избирали даже очень бѣдныхъ людей, лишь бы они были изъ царскаго рода.

Главнымъ дѣйствователемъ управленія и всей власти оставался намѣстникъ-царь. Онъ судилъ народъ съ семью судьями, изъ которыхъ двое были для Мусульманъ, двое для Евреевъ, двое для Христіанъ, и одинъ для Славянъ и Руссовъ и для другихъ идолопоклонниковъ. Можно предполагать, что эти судьи были выборные каждымъ вѣроисповѣданіемъ особо.

Онъ предводительствовалъ войсками, начиналъ войну, заключалъ миры, повелѣвалъ подвластными странами, рѣшалъ всѣ дѣла и былъ въ настоящемъ смыслѣ полнымъ государемъ. Къ сожалѣнію, неизвѣстно какого достоинства и какъ, изъ какихъ лицъ избирался этотъ дѣйствующій царь? Но можно полагать, что онъ былъ представителемъ той городской и по преимуществу еврейской аристократіи, которая въ его лицѣ управляла государствомъ. Поэтому лице самого хагана носило только обликъ собственно Турецкаго владычества, которое напоминало всѣмъ зависимымъ народамъ прежняго Алтайскаго владыку. Вообще въ устройствѣ

Хозарскаго правительства очень примѣтно сліяніе этихъ двухъ началъ государственной власти: одного, воспитаннаго степными кочевыми нравами, и другаго, возникшаго отъ городской промысловой торговой жизни. Первое поддерживало въ странѣ страхъ восточнаго деспотизма, второе открывало терпимость и свободу вѣры для всѣхъ ея обитателей. Царь Хозарскій, самъ бывши Іудеемъ, не давалъ въ обиду никакой вѣры: случилось однажды, что магометане раззорили христіанскую церковь, онъ тотчасъ повелѣлъ разрушить минаретъ магометанскаго храма и казнить ретивыхъ проповѣдниковъ своей вѣры. Такая справедливость въ отношеніи чужой вѣры обнаруживаетъ, что составъ Хозарской народности былъ не племенной, а гражданскій, смѣшанный, какъ мы сказали, изъ многихъ чуждыхъ другъ другу народностей. По этому и самая народность Хозаръ, какъ особаго племени, едвали когда будетъ опредѣлена съ надлежащею точностью. Они были Турки, потому что большинство населенія ихъ страны и военная сила принадлежали къ Турецкому племени. Они были Евреи, потому что это племя, хотя и составляло меньшинство, но всегда господствовало въ управленіи страною. Можно относить ихъ къ Финскому, Татарскому и къ другимъ приволжскимъ племенамъ, потому что въ устьяхъ Волги съ незапамятныхъ временъ тѣснилось промышленное населеніе отъ Финскаго Сѣвера.

Столица Хозаріи, городъ Итиль, былъ расположенъ на обоихъ берегахъ Волги. На западномъ берегу жилъ Хаканъ Великій, то есть Хозаръ-Хаканъ, Хаканъ-Бегъ (князь) и всѣ власти; на восточномъ жили, только купцы разныхъ племенъ и различныхъ исповѣданій, и находились амбары съ товарами. Эта торговая сторона города прозывалась Хазераномъ, что быть можетъ опредѣляло и самое имя Хозаръ, какъ вообще торговаго сборнаго народа изъ всякихъ мѣстъ и племенъ.

Народъ жилъ въ войлочныхъ палаткахъ, подобно кочевникамъ, и въ лѣтнюю пору дѣйствительно переселялся въ степь. Достаточные люди строили себѣ хаты-мазанки изъ глины и только одинъ царь жилъ въ кирпичныхъ палатахъ. Городъ охранялся постояннымъ войскомъ, въ родѣ царской гвардіи, называемой Ларсія, число которой неизмѣнно со-

стояло изъ 12 или 10 тысячъ способныхъ воиновъ. Хозарское войско уже потому было храбро, что по уставу, каждый ратникъ, побѣжавшій съ битвы, лишался жизни. Сверхъ постояннаго войска, находившагося на жалованьи самого царя, всѣ зажиточные и богатые обязаны были поставлять и содержать всадниковъ, сколько могутъ, по количеству своего имущества и по успѣху своихъ промысловъ. Войско выступало въ походъ въ полномъ вооруженіи, съ знаменами и копьями и въ хорошихъ броняхъ. Военную добычу собирали въ лагерь: царь выбиралъ себѣ, что́ любо, а остальное дѣлили между собою воины.

Могущество Хозаръ въ нашихъ южныхъ краяхъ основывалось повидимому на томъ обстоятельствѣ, что отъ конца 7 до половины 9 вѣка обезсиленная страна не была способна выставить имъ хорошаго противника. Лучшія военныя дружины ушли отъ нижняго Днѣпра и основали на Дунаѣ Булгарское царство. Оставшійся Ватвай, то есть все земледѣльческое населеніе принуждено было платить дань Хозарамъ. Греки съ Хозарами постоянно держали тѣсную дружбу. Греческіе цари вступали съ ихъ хаганами въ родство, рѣшались отдавать имъ въ замужство своихъ дочерей или сами женились на Хозаркахъ (Юстиніанъ II-й, Константинъ Копронимъ). Мы видѣли, что въ 6-мъ вѣкѣ Греки употребляли всѣ усилія, чтобы обуздать и по возможности совсѣмъ истребить всегда опасныя для нихъ военныя дружины Днѣпра и Дона. Для этого были призваны Авары; для этого же поддерживалась и тѣсная дружба съ Хозарами, которые послѣ Турокъ сдѣлались господами Каспійскаго приволжскаго угла. Съ другой стороны могущество Хозаръ въ этой странѣ очень было надобно и для обузданія Персовъ, всегда тоже опасныхъ сосѣдей для Закавказскихъ земель Византіи. Особенная дружба съ Хозарами и началась по случаю войны Ираклія съ Персидскимъ Хозроемъ (626 г.), когда Авары за одно съ Славянами осаждали самый Царьградъ, и когда имя Хозаръ впервые появилось въ греческихъ лѣтописяхъ.

Естественно предполагать, что съ той поры сами же Греки способствовали распространенію и утвержденію Хозарской силы не только въ Каспійскомъ углу, но и на Киммерійскомъ Воспорѣ. Съ той поры нашествія Унновъ отъ Мео-

тійскихъ Болотъ совсѣмъ умолки и Византія жила покойно до перваго набѣга Руссовъ. Она цѣлыя сто лѣтъ (731—834 г.) не упоминаетъ въ своихъ писаніяхъ даже самое имя Хозаръ и потомъ упоминаетъ объ нихъ только по случаю постройки для ихъ же защиты крѣпости Саркела на среднемъ Дону (вѣроятно у впаденія р. Иловли).

Такимъ образомъ наставшая тишина вокругъ Меотійскихъ Болотъ, страшныхъ нѣкогда и коварныхъ, какъ говорилъ Готскій историкъ Іорнандъ, была пріобрѣтена коварною же, но очень успѣшною политикою Византіи, всегда натравлявшей однихъ своихъ враговъ на другихъ, а теперь въ торговыхъ Хозарахъ нашедшей себѣ самыхъ лучшихъ друзей и охранителей ея спокойствія.

Прошло двѣсти лѣтъ, пока Днѣпровскія и Донскія племена могли взойдти въ прежнюю силу и по прежнему стали работать на Черномъ морѣ не одною торговлею, но и грозною войною.

Когда такимъ ходомъ дѣлъ темная исторія нашего Днѣпровскаго и Донскаго юга приближалась къ появленію Руссовъ, во множествѣ народныхъ именъ провозгласилось наконецъ и собственное имя Славянъ. Это случилось еще въ началѣ 6-го вѣка. Безпрерывные набѣги Славянъ на Греческія земли заставили Византійскихъ писателей обратить на нихъ особое вниманіе, заставили Исторію говорить объ этомъ народѣ и сохранить нѣсколько свѣдѣній о Славянскомъ бытѣ, о Славянскихъ нравахъ, порядкахъ жизни, и о разныхъ случаяхъ, въ которыхъ болѣе или менѣе объясняется характеръ Славянства вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что и о Славянахъ существовали значительно подробныя сказанія, какъ можно судить, напр., по отрывкамъ Исторіи Менандра, но къ сожалѣнію они утрачены навсегда. Точно также навсегда утрачены и тѣ книжные матеріалы, изъ которыхъ Птоломей составлялъ свое описаніе Европейской Сарматіи, и въ которыхъ, конечно, находилось много подробностей даже о нашемъ Сѣверномъ Славянствѣ, объ этихъ Ставанахъ и Алаунахъ. Но будемъ благодарны и тому, что записали Византійцы 6 вѣка.

Византійцы, хотя и называли себя Римлянами, но это не были уже тѣ Римляне, среди которыхъ являлись Тациты. По этому въ ихъ сказаніяхъ мы не встрѣтимъ такой полной и прочувствованной картины варварскаго быта, какая написана Тацитомъ о Германцахъ. Въ виду широко развившагося Цесарскаго деспотизма и его непреложныхъ послѣдствій, всеобщаго развращенія и семейныхъ и гражданскихъ нравовъ, Тацитова гражданская и человѣчная скорбь нашла себѣ въ этой картинѣ сердечную отраду и потому изобразила ее съ тѣмъ увлеченіемъ, какое мы испытываемъ, читая Американскіе романы Купера. Тацитъ, подобно Куперу, поэтическимъ чувствомъ понялъ сущность Германскаго варварства — эту простую первобытную, можно сказать, еще дѣвственную природу человѣка-варвара, то есть дикаго въ глазахъ Римской цивилизаціи.

Мы отчасти видѣли, что и утомленные своею цивилизаціею античные Греки точно также, хотя и не полной картиной, идеализировали бытъ Черноморскихъ Скиѳовъ, страну блаженныхъ Гипербореевъ. Нельзя не замѣтить, что въ самой Германской картинѣ Тацита многое принадлежитъ не исключительно однимъ Германцамъ, но общимъ идеаламъ, или, такъ сказать общимъ мѣстамъ литературныхъ мнѣній, какими греческая и римская древность украшала вообще варварскій бытъ малоизвѣстныхъ ей народовъ. И о Черноморскихъ Скиѳахъ она не безъ скорби писала, что это былъ народъ, въ своемъ природномъ варварствѣ во многомъ стоявшій выше просвѣщенныхъ Грековъ, что напр. „Правосудіе у него напечатлѣно было въ умахъ, а не въ законахъ, что воровство у него было рѣдко и считалось важнѣе всѣхъ преступленій, что золото и серебро Скиѳы столько же презирали, сколько прочіе смертные желали онаго. Въ пищѣ и одеждѣ были умѣренны, не знали дорогихъ тканей, а покрывались только шкурами звѣрей и полевыхъ мышей. Ихъ воздержность сохраняла правоту ихъ нравовъ, потому что ничего чужаго они не домогались. Они ничего не пріобрѣтали, что можно было бы потерять; въ побѣдахъ не искали ничего, кромѣ одной славы.“ Вообще философская древность очень завидовала Скиѳской бѣдности и ставила ее корнемъ всѣхъ варварскихъ добродѣтелей, какихъ именно и недоставало образованнымъ Грекамъ. „Весьма удивитель-

но, говоритъ Юстинъ, что природа снабдила Скиѳовъ всѣмъ тѣмъ, чего Греки не могли достигнуть долговременнымъ ученіемъ мудрецовъ и наставленіями философовъ, и при сравненіи образованныхъ нравовъ съ дикимъ ихъ варварствомъ нельзя не видѣть преимущества въ этомъ послѣднемъ. Въ Скиѳахъ гораздо больше дѣйствовала неизвѣстность пороковъ, чѣмъ въ Грекахъ знаніе добродѣтели.“

Такими разсужденіями и подобными замѣтками древность очень часто сопровождала свои сказанія о варварахъ. Помпоній Мела разсказываетъ объ Аксіакахъ, какъ назывались жители Днѣстра или Буга, что они не знаютъ воровства, а потому своего не стерегутъ и до чужаго не касаются. Мы видѣли изъ сказанія Приска, (выше стр. 350), сколько похвалы заслужили обычаи Унновъ.

Византійская литература впрочемъ стояла уже на другихъ основаніяхъ и въ ней меньше всего должно искать и поэтическаго чувства и художественнаго образа.

Однако и здѣсь такіе писатели, какъ Прокопій и импер., Маврикій, въ своихъ по преимуществу дѣловыхъ сочиненіяхъ, очерчивая бытъ Славянскаго варварства, не безъ сочувствія отмѣчаютъ нѣкоторыя черты, слишкомъ разительныя для ихъ современниковъ.

Надо замѣтить, что Прокопій и Маврикій описываютъ бытъ Славянъ при-дунайскихъ и при-карпатскихъ, ближайшихъ и самыхъ безпокойныхъ своихъ сосѣдей. Они, какъ упомянуто, распредѣляютъ ихъ на двѣ вѣтви, или на два племени, изъ которыхъ западное было имъ извѣстно подъ собственнымъ именемъ Славянъ, а восточное они называютъ Антами. Маврикій собственно говоритъ объ этой восточной вѣтви. Прокопію, по мѣсту его пребыванія въ Италіи, извѣстнѣе были западные Славяне, но онъ обобщаетъ свои показанія и рисуетъ одними чертами и то и другое племя.

Первое, что обратило его особое вниманіе, и что вообще для императорскаго Грека бросалось въ глаза, это политическое устройство славянскихъ племенъ. „Славяне и Анты, говоритъ Прокопій, не повинуются единодержавной власти, а издревле держатъ управленіе народное и о своихъ пользахъ и нуждахъ разсуждаютъ и совѣщаются сообща, всенародно, общественно. Такъ и во всемъ остальномъ эти на-

роды сходны между собою и живутъ по уставамъ, какіе у нихъ существуютъ изстари."

„Племена Славянъ и Антовъ, пишетъ Маврикій, ведутъ образъ жизни одинаковый, имѣютъ одинакіе нравы, любятъ свободу и не выносятъ ига рабства и повиновенія. Они особенно храбры и мужественны въ своей странѣ и способны ко всякимъ трудамъ и лишеніямъ. Они легко переносятъ и жаръ и холодъ, и наготу тѣла, и всевозможныя неудобства и недостатки. Очень ласковы къ чужестранцамъ, о безопасности которыхъ заботятся больше всего: провожаютъ ихъ отъ мѣста до мѣста и поставляютъ себѣ священнымъ закономъ, что сосѣдъ долженъ мстить сосѣду и идти на него войною, если тотъ, по своей безпечности, вмѣсто охраны, допуститъ какой либо случай, гдѣ чужеземецъ потерпитъ несчастіе". Стало быть гость, приходящій въ страну Славянъ, почитался у нихъ святынею; но здѣсь должно разумѣть прежде всего не простаго гостя-странника, или вообще чужаго человѣка, а того гостя, съ именемъ котораго соединены были сношенія промышленныя и торговыя. Такой гость для земледѣльческаго племени былъ всегда особенно дорогимъ и надобнымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что Маврикій говоритъ здѣсь о тѣхъ Грекахъ, которые съ торговыми цѣлями безопасно ходили по Славянской странѣ. Другимъ гостямъ очень трудно было проникать въ Славянскую глушь, какъ объ этомъ засвидѣтельствовалъ тотъ же писатель.

„Плѣнники у Славянъ, продолжаетъ Маврикій, не такъ какъ у прочихъ народовъ, не навсегда остаются въ рабствѣ, но опредѣляется имъ извѣстное время, послѣ котораго, взнеся выкупъ, вольны или возвратиться въ отечество, или остаться у нихъ друзьями и свободными".

„Соблюдаютъ цѣломудріе, продолжаетъ Маврикій, и жены ихъ чрезвычайно привязаны къ своимъ мужьямъ, такъ что многія изъ нихъ, лишась мужей, ищутъ утѣшенія въ смерти и сами себя убиваютъ, не желая влачить вдовьей жизни".

Прокопій присовокупляетъ, что Славяне и Анты совсѣмъ были незлобны и нелукавы и въ простотѣ нравовъ много походили на Унновъ.

„Они вѣровали въ творца молніи, и почитали его богомъ единымъ и господомъ міра. Въ жертву ему приносили воловъ и всякихъ другихъ животныхъ. Судьбы (въ греческомъ языческомъ смыслѣ) совсѣмъ не признавали и не приписывали ей никакой власти надъ людьми. Если въ болѣзни или на войнѣ предвидѣли близкую смерть, то давали обѣтъ богу принести за спасеніе жертву, которую потомъ приносили и вѣрили, что сохранили жизнь этою жертвою. Поклонялись также рѣкамъ, нимфамъ (берегинямъ, русалкамъ) и нѣкоторымъ другимъ духамъ (демонамъ), которымъ точно также жертвовали и притомъ гадали о будущемъ".

„Оба народа, говоритъ Прокопій, живутъ въ худыхъ (конечно въ сравненіи съ греческими домами) порознь разсѣянныхъ хижинахъ (хатахъ) и часто переселяются". „Живутъ продолжаетъ Маврикій въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ, въ мѣстахъ неприступныхъ. Въ жилищахъ устроиваютъ многіе выходы для разныхъ непредвидѣнныхъ случаевъ. Необходимыя вещи зарываютъ въ землю, ничего излишняго не оставляютъ наружи и живутъ, какъ разбойники. Такъ какъ селенія Славянъ, замѣчаетъ Маврикій, всегда лежатъ при рѣкахъ, которыя такъ часты (особенно по восточному берегу Днѣстра), что между ними не остается никакого значительнаго промежутка, и къ тому же вся ихъ страна покрыта лѣсами, болотами и тростникомъ, то обыкновенно бываетъ, что предпринимающіе противъ нихъ войну, принуждены останавливаться у самаго предѣла ихъ страны, имѣя передъ собою одни лѣса густые и неоглядныя поля, между тѣмъ, какъ Славяне чуютъ приближеніе непріятеля и мгновенно укрываются отъ ихъ нападенія. Для сраженія съ непріятелемъ избираютъ они мѣста неприступныя, тѣсныя и обильныя засадами (ущельями, яругами, оврагами). Часто дѣлаютъ набѣги, нечаянныя нападенія и различныя хитрости, днемъ и ночью, и такъ сказать, играютъ войною". Припомнимъ здѣсь, что говорилъ Плутархъ о Бастарнахъ, см. выше стр. 301.

„Величайшее ихъ искусство состоитъ въ томъ, что они умѣютъ прятаться въ рѣкахъ подъ водою. Никто другой не можетъ оставаться такъ долго въ водѣ, какъ они. Часто, застигнутые непріятелемъ, они лежатъ очень долго на днѣ и дышатъ помощію длинныхъ тростниковыхъ трубокъ, ко-

ихъ одно отверзтіе берутъ въ ротъ, а другое высовываютъ на поверхность воды и такимъ образомъ укрываются не примѣтно въ глубинѣ. Кто даже запримѣтитъ эти трости, тотъ, не зная такой хитрости, сочтетъ ихъ самородными. Опытные узнаютъ ихъ по отрѣзу или по положенію и тогда или придавливаютъ ихъ ко рту, или выдергиваютъ и тѣмъ заставляютъ хитреца всплыть на верхъ".

„Въ бой ходятъ по большой части пѣши и латъ никогда не носятъ, замѣчаетъ Прокопій. Иные безъ рубахъ и не имѣя другаго одѣянія въ однихъ штанахъ вступаютъ въ сраженіе. Каждый вооружается двумя копьями-дротиками; иногда носятъ щиты весьма крѣпкіе, но очень тяжелые, которые трудно переносить. Употребляютъ также деревянные луки и легкія стрѣлы, напитанныя очень сильнымъ ядомъ. Если раненый не приметъ θеріака или другихъ лекарствъ, доставляемыхъ искусными врачами, то умираетъ. Иногда вырѣзывается вся рана, чтобы ядъ не разлился далѣе и не заразилъ бы всего тѣла".

„Никакой власти не терпятъ и другъ къ другу питаютъ ненависть, продолжаетъ Маврикій. Оттого „незнаютъ порядка, не сражаются соединенными силами, и не смѣютъ показываться на мѣстахъ открытыхъ и ровныхъ". Вообще Маврикій говоритъ, что у Славянъ и Антовъ господствовали постоянныя несогласія: чего хотѣли одни, на то несоглашались другіе, и никто не хотѣлъ повиноваться чужой власти. Руководителями ихъ были князья (царьки), которыхъ было много и они-то по видимому, были первою причиною раздоровъ и несогласій, чѣмъ особенно и пользовались греки, привлекая иныхъ на свою сторону. Это мы видѣли еще при Аттилѣ, когда импер. Θеодосій, желая разстроить его силу, посылалъ дары къ Акатирамъ, жителямъ Днѣпровской стороны, и приманивалъ ихъ къ союзу съ Византіею, см. стр. 367.

„Оба народа, по замѣчанію Прокопія, говорили однимъ языкомъ, который весьма страненъ былъ (греческому) слуху, и въ наружныхъ тѣлесныхъ качествахъ не имѣли и малѣйшаго различія, всѣ были дородны и членами безмѣрно крѣпки. Тѣломъ не очень бѣлы, волосомъ ни свѣтлы, ни

черны, но всѣ русоваты. Питались какъ и Массагеты[1] одною сухою и простою пищею (вѣроятно въ походѣ больше всего сухарями и толокномъ) и сходствовали съ ними же всегдашнею нечистотою".

Однако Маврикій свидѣтельствуетъ, что въ странѣ этихъ Славянъ (онъ разумѣетъ больше всего восточныхъ, Антовъ) множество всякаго скота и земныхъ произрастеній, особливо пшеницы и проса, которыя для сохраненія они ссыпаютъ въ ямы.

По другимъ свѣдѣніямъ открывается, что Славяне и восточные ихъ роды, Анты и Унны, не рѣдко служатъ въ Греческихъ войскахъ особыми дружинами и воюютъ даже въ Италіи противъ Готовъ, подъ предводительствомъ Велисарія; что такія дружины бывали даже конныя. Однажды, въ 540 г., именно во время войны съ Готами, Велисарій пожелалъ поймать живаго Гота и поручилъ это дѣло никому другому, какъ одному изъ Славянъ, которые, говоритъ Прокопій, обладали особымъ искусствомъ ловить непріятелей, спрятавшись за кустами или въ травѣ. Живя по Дунаю, они часто употребляли это искусство противъ Грековъ и другихъ своихъ сосѣдей. Случалось, что Славяне появлялись на битву и въ броняхъ. Они вообще славились повсюду въ Греческой землѣ, какъ искусные стрѣлки изъ лука: противъ меткости ихъ ударовъ ничто не могло стоять.

Само собою разумѣется, что въ своихъ отважныхъ набѣгахъ, они производили величайшія жестокости, которыя однако не составляли какую либо особую черту Славянскаго характера, а принадлежали больше всего характеру вѣка, потому что образованные христіане-Греки не только не уступали въ этомъ всѣмъ сосѣднимъ варварамъ, но по большой части и превосходили ихъ. Варвары выучивались у тѣхъ же Грековъ нѣкоторымъ тонкостямъ и великой изобрѣтательности ихъ искусства казнить и терзать своего врага разнообразнѣйшими мученіями. Варвары Славяне тоже вырѣзывали изъ спины ремни, сажали на колъ, иныхъ привязывали за руки и за ноги къ четыремъ воткнутымъ въ

[1] Массагетовъ Прокопій совсѣмъ не различаетъ отъ Унновъ и почитаетъ ихъ кочевыми степняками. Уннами же онъ обыкновенно называетъ и Булгаръ, т. е. восточныхъ Славянъ.

землю деревянными снастями и били ихъ до смерти дубинами по головѣ, или заперши въ сарай вмѣстѣ со скотомъ, если, ополонившись, его уже невозможно было увести съ собою, сожигали и людей и скотину.

Вообще же свойство Славянской войны было таково, что Греки ни при Юстиніанѣ, ни при Маврикіѣ, не могли придумать никакихъ средствъ, дабы защитить отъ варваровъ свои границы. Юстиніанъ строилъ много крѣпостей по Дунаю, Маврикій намѣренъ былъ за Дунаемъ основать всегдашнюю военную стоянку для наблюденія за варварами. Но этотъ самый замыселъ Маврикія показывалъ, что юстиніановы укрѣпленія не помогали, а Маврикіево дѣло погибло отъ своеволія греческаго войска въ соединеніи съ придворными интригами, жертвою которыхъ былъ самъ императоръ. Укротить Славянъ очень трудно было по той причинѣ, что государства у нихъ небыло, жили они особыми племенами и дружинами, каждый самъ по себѣ; ни союзовъ, ни договоровъ заключать было не съ кѣмъ; никто за другаго не отвѣчалъ, а всякій, выждавъ случай и собравшись съ силами, дѣйствовалъ по своему разсужденію и безъ малѣйшаго повода, какъ говорятъ Греки, не объявляя о войнѣ, бросался на греческія земли и добывалъ себѣ, что́ было нужно. О переговорахъ, о перемиріи и вообще о какомъ либо разговорѣ съ непріятелемъ во время такого нападенія нельзя было и думать. Такъ, въ 551 г. Славяне произвели большой погромъ въ Имперіи, вторгнувшись дружиною только въ числѣ 3000 человѣкъ. Эта дружина, раздѣлившись на двое, въ 1800 и 1200 человѣкъ, достигла въ своемъ походѣ въ одну сторону, на югъ, до Эгейскаго моря, въ другую, на западъ, до Илляріи. Разбивая на пути греческія войска, захватывая въ свои руки цѣлые города, она съ безчисленнымъ множествомъ плѣнныхъ, особенно женъ и дѣтей, благополучно возвратилась по домамъ. Очень вѣроятно, что всѣ такіе набѣги совершались даже при помощи и тѣхъ Славянъ, которые въ это время густо уже населяли греческія земли. Все это показывало, что въ при-карпатскомъ Славянскомъ населеніи византійскіе Греки имѣли своего рода нашъ Кавказъ, съ которымъ совладать даже и мирными договорами не представлялось никакой возможности, именно по отсутствію въ немъ общей единой власти. Это не были Авары,

которыми руководилъ въ лицѣ Хагана восточный деспотизмъ, съ которыми по этому, какъ съ особымъ государствомъ, всегда возможны были всякіе уговоры и переговоры.

Таковы были коренныя начала здѣшней жизни. Они явно обозначали, что здѣсь существовало множество особыхъ союзовъ, которые управлялись сами собою и дѣйствовали каждый самъ по себѣ. Едвали можно сомнѣваться, что въ началѣ эти союзы были на самомъ дѣлѣ только особые роды, жившіе на своихъ особыхъ мѣстахъ и владѣвшіе у себя каждый независимо отъ другихъ. На это указываетъ и роспись древнихъ Булгарскихъ князей, тщательно обозначающая къ какому роду принадлежалъ тотъ или другой князь. Родство было естественною связью первыхъ людей.

Но при-Карпатское населеніе, по видимому очень рано сложилось уже въ дружины, которыя по бытовому началу во многомъ походили на позднѣйшихъ козаковъ. Само собою разумѣется, что такому складу жизни во многомъ содѣйствовала сама природа страны. Горы не были способны накормить человѣка до́-сыта и потому онъ по необходимости искалъ кормленія по сторонамъ. Наиболѣе прибыльный промыслъ въ этомъ случаѣ представляла только война, которая и была первою основою для развитія дружиннаго козацкаго быта. Въ концѣ 2 столѣтія до Р. Х. здѣсь живутъ Бастарны, по описанію Плутарха, истые козаки. Допустимъ, что Бастарны были Германское племя, или, какъ доказываетъ Шафарикъ, Кельты, но они, какъ одно имя, подобно многимъ именамъ народовъ, изчезли безъ слѣда, и на ихъ мѣстѣ въ 6 ст. по Р. Х. живутъ одни Анты, чистые Славяне, и живутъ по описанію Маврикія точно также, какъ Бастарны. Стало быть образъ жизни здѣсь не перемѣнялся; проходили долгіе вѣка, поколѣнія выростали и смѣнялись другими, а положеніе дѣлъ и обстоятельства жизни оставались одни и тѣже. Исторія нисколько не измѣняла ни своего хода, ни своего облика, и только въ иное время выдвигала очень впередъ какого либо героя-предводителя, даровитаго, сильнаго, отважнаго и храбраго, котораго Римляне и Греки по своимъ понятіямъ обыкновенно называли царемъ, а онъ въ сущности, въ кругу своего положенія и своихъ дѣйствій, бывалъ только Богданомъ Хмельницкимъ или Сагайдачнымъ.

И по Черноморскому нашему югу отъ Днѣстра до Дона, а особенно въ устьѣ Днѣпра, гдѣ находилась родина чудовищныхъ для Европы Унновъ, точно также съ незапамятныхъ временъ и постоянно скоплялись козацкія дружины, по рѣшительной невозможности существовать иначе, какъ только военнымъ же промысломъ. Если въ горахъ хорошаго кормленья не давала сама земля, то здѣсь, въ обширныхъ степяхъ, спокойно кормиться было невозможно отъ бойкости и беззащитности самого мѣста. Здѣсь прочно и крѣпко сидѣть возможно было только въ извѣстныхъ Меотійскихъ болотахъ, то есть именно тамъ, гдѣ и въ послѣдствіи всегда устроивались Запорожскія Сѣчи, или Осѣки.

Здѣшнія дружины, по пребыванію въ степяхъ, являются предъ глазами исторіи по большей части въ обликѣ азіатовъ-кочевниковъ. Но этому вѣрить вполнѣ невозможно. Надо помнить, что и по нижнему теченію здѣшнихъ рѣкъ, а тѣмъ болѣе дальше къ сѣверу искони жили земледѣльческія племена, въ послѣдствіи оказавшіяся истыми Славянами. Уже отъ одного приплода въ собственномъ населеніи эти племена должны были выдѣлять извѣстный избытокъ, который необходимо искалъ дѣла и корма гдѣ либо внѣ домашняго крова и спускался ближе къ морю въ широкія неоглядныя степи, или охотиться за звѣремъ, или воевать съ степнымъ врагомъ, чистымъ кочевникомъ, отнимавшимъ дороги къ рыбной ловлѣ и къ запасамъ соли въ приморскихъ мѣстахъ.

Черноморская и Азовская рыбная ловля, еще со временъ античныхъ Грековъ должна была неизмѣнно и неудержимо привлекать въ эту поморскую страну всѣхъ отважныхъ рыболововъ, жившихъ выше по Бугу, по Днѣпру и по Дону, должна была отдѣлять отъ сѣвернаго населенія особыя рыболовныя охотничьи станицы, которыя для собственной же защиты необходимо становились козаками и необходимо устроивали военныя козацкія дружины, какъ защиту своихъ промысловъ. Быть можетъ такія промышленныя цѣли послужили первою основою для сбора сюда всякихъ людей и для развитія дружиннаго быта. Время отъ времени эти козацкія дружины могли выростать въ могущественные сильные союзы, которые, какъ особая народность, дѣлались страшными не только для сосѣдей, но и для далекой Визан-

тія. Промыслъ рыболовный и охотничій, связавши людей, выводилъ ихъ потомъ на промыслъ войны, на промыслъ хитраго и внезапнаго набѣга въ богатыя заморскія страны, гдѣ можно было добывать не только зипуны, но и золото; можно было забирать въ плѣнъ не только женъ и дѣтей, но и такихъ людей, для выкупа которыхъ золота давалось очень много. Охота за рыбою и звѣремъ сама собою перерождалась въ охоту на Грековъ и Римлянъ, какъ и вообще на всякихъ иноземцевъ, которыми вѣдь можно было также торговать, какъ соленою и сушеною рыбою.

Исторіи извѣстенъ былъ только этотъ одинъ промыслъ нашихъ южныхъ дружинъ. Она вовсе не поминаетъ о томъ, что эти дружины необходимо должны были покровительствовать всѣмъ другимъ, такъ сказать, ежедневнымъ и мирнымъ Черноморскимъ промысламъ, каковы были и земледѣліе, и рыболовство и добываніе соли въ Меотійскихъ же болотахъ; должны были необходимо защищать такіе промыслы и конечно собирать съ нихъ свою долю. Можно навѣрное полагать, что и многіе походы на Византію, какъ и въ другія Черноморскія земли Малой Азіи, начинались изъ за обидъ и притѣсненій самихъ же Грековъ, о чемъ Греки обыкновенно умалчиваютъ, но что съ ясностію выступаетъ, когда дѣло разбирается подробнѣе.

Какъ бы ни было, но отъ начала историческихъ вѣковъ военный промыслъ составлялъ задачу жизни всей нашей южной, приморской Украйны. Пусть исторія разсказываетъ, что здѣсь обитали одни кочевники; но мы по многимъ соображеніямъ и по ея же указаніямъ за достовѣрное можемъ полагать, что здѣсь же жили Славянскія дружины козацкаго устройства, которыя по этому самому въ Греческихъ глазахъ всегда представлялись кочевниками и тѣмъ болѣе, что древнимъ и вся наша страна представлялась безпредѣльною степью. Хитрости и опасности войны воспитывали въ этой Украйнѣ свои добродѣтели и конечно свои пороки, или свои особые нравы, которые налагали на все здѣшнее племя особый обликъ, во многомъ очень различный отъ остальнаго славянскаго населенія. Беззавѣтная храбрость и отвага, уносившая этихъ Славянъ далеко за предѣлы ихъ страны, хитрая и коварная засада врагу, славное искусство ловить людей живьемъ, спрятавшись гдѣ либо за кустомъ

или въ травѣ, умѣнье спрятаться отъ врага даже въ водѣ—все это обнаруживало такую бойкость и изворотливость жизни, какую мы напрасно стали бы искать въ другихъ Славянскихъ странахъ, особенно въ лѣсахъ и болотахъ далекаго сѣвера.

Военный промыслъ, способствовалъ и той славѣ, которую прикарпатскіе Славяне подъ собственнымъ именемъ завоевали наконецъ у историковъ 6 вѣка. Не будь этотъ вѣкъ такъ близокъ къ намъ и не разскажи историки, что Анты и Славяне одинъ и тотъ же родъ, то мы непремѣнно почитали бы этихъ Антовъ, Атмоновъ Страбона, Нѣмцами, тѣмъ больше, что Анты выросли, какъ грибы, на землѣ Бастарновъ, а Бастарны, какъ увѣряютъ, неизмѣнно были Германцы.

Отъ конца 5 и до конца 7 вѣка прикарпатское и Черноморское племя Славянъ подъ именами Славянъ, Антовъ и Унновъ сильно безпокоитъ Византію и наконецъ отдѣляетъ отъ себя дружину за дружиною, переходя дальше на югъ, за Дунай, даже къ Адріатическому морю. Въ концѣ 7 вѣка оно садится въ Греческихъ земляхъ на постоянное житье и образуетъ нѣсколько особыхъ государствъ, Булгарское, Хорватское, Сербское, у которыхъ подданными являются Славяне же, давно уже занявшіе эти земли.

Само собою раждается очень вѣроятное предположеніе, что основатели этихъ Славянскихъ государствъ, дружины Булгаръ, Хорватовъ, Сербовъ, были по просту призваны Славянскимъ населеніемъ Византійской имперіи для защиты и охраны отъ ея же императорскаго правительства, что Славянское населеніе имперіи, призывая къ себѣ военныя дружины, искало только своей самостоятельности и независимости отъ сосѣдей-Грековъ. Историки объ этомъ ничего не знаютъ и пишутъ, что Хорватовъ и Сербовъ пригласилъ на житье импер. Ираклій, а Булгары сами пришли, произвели, такъ сказать, нашествіе, почему они и изображаются дикимъ племенемъ кочевниковъ. Но историки никакъ не могли знать ежедневныхъ сношеній и отношеній Славянъ, между собою. Тѣже Хорваты, Сербы, Булгары, подъ именемъ Славянъ, Антовъ и Унновъ, нападая безпрестанно на Греческія земли, по всему вѣроятію во многихъ случаяхъ дѣйствовали за одно съ своими родичами, которые съ да-

вняго времени жили уже подъ властью Греческаго закона, въ Греческой странѣ[1].

Съ другой стороны переселеніе этихъ дружинъ на помощь къ своимъ родичамъ можетъ указывать, что Славянство Греческой земли искони находило постоянную точку опоры въ тѣхъ же дружинахъ, то есть вообще въ Славянскомъ населеніи При-Карпатскомъ и Черноморскомъ, откуда оно само приходило селиться на Греческой землѣ и куда безсомнѣнія убѣгало, если случались обстоятельства, что жить между Греками было невозможно.

Въ Черноморской области Днѣстра, Буга и Днѣпра Русская исторія изъ числа древнихъ кочевниковъ застаетъ еще неукротимыхъ Уличей, которые въ 6 вѣкѣ называются Уннами Аулціаграми, Ултинцурами и т. под. Они живутъ внизу Днѣпра. Въ 10 вѣкѣ, кромѣ другихъ городовъ, у нихъ существуетъ городъ Пересѣченъ, напоминающій своимъ именемъ позднѣйшую Сѣчу. Подъ этимъ городомъ Русскій воевода Свентелдъ сидѣлъ три года и едва могъ его взять, слѣдов. въ дѣйствительности это могла быть Сѣча, подобная Запорожской. Послѣ того Уличи переселились въ мѣстность между Бугомъ и Днѣстромъ, то-есть отъ Днѣпра передвинулись къ Западу за Бугъ. Исторію Уличей, по ихъ мѣстожительству на низу Днѣпра, можно начать, какъ мы упоминали, отъ Геродотовой Илеи, или Скиѳской Лѣсной земли, имя которой звучитъ и въ самомъ имени Уличей, какъ оно звучало въ имени Елуровъ Іорнанда, въ имени Улгаръ или Булгаръ Аспаруха и т. п.

На Днѣстрѣ Русская исторія застаетъ Тиверцовъ, по древнему Тиригетовъ, которыхъ Лѣтопись прозываетъ Толковинами. Слово о Полку Игоревомъ тоже упоминаетъ о Толковинахъ, обозначая ихъ погаными, то есть язычниками, степняками, и повидимому разумѣя въ этомъ имени

[1] Все это весьма основательно раскрыто въ сочиненіи г. Дринова: «Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами» (Чтенія О. И. и Др. 1872 г., кн. 4.). Почтенный авторъ, слѣдуя установившемуся мнѣнію, отрицаетъ только славянство Унновъ, почитая такое мнѣніе заброшеннымъ. Но указанное сочиненіе автора нѣкоторыми общими своими выводами и соображеніями даетъ новыя подтвержденія именно тому мнѣнію, что Унны вообще были Славянское племя.

Ковуевъ, которые первые побѣжали въ Игоревомъ Полку, отчего проиграна была и битва. Не обозначались ли этимъ именемъ Толковинъ вообще козацкія дружины, какими по всѣмъ вѣроятностямъ были Бродники, Коуи, Берендеи, Черные Клобуки, превратившіеся потомъ въ Черкасовъ.

Все это сбродное, смѣшанное изъ разныхъ племенъ и народностей должно было существовать въ нашихъ степныхъ приморскихъ мѣстахъ съ незапамятныхъ временъ. Но видимо, что господствующимъ народомъ въ этомъ сбродѣ было Славянство, приходившее сюда отъ разныхъ Славянскихъ сторонъ, которое послѣ всѣхъ превратностей исторіи, претворивъ въ собственное существо все инородное, чужое, по необходимости осталось владѣтелемъ своихъ древнихъ мѣстъ и сдѣлалось извѣстнымъ уже подъ именемъ Запорожцевъ и Донцовъ, такихъ же Унновъ Кутургуровъ и Утургуровъ, такихъ же Роксоланъ съ береговъ рѣки Роси, гдѣ по большой части обитали и упомянутыя дружины Черныхъ Клобуковъ, а потомъ Черкасъ.

ГЛАВА IV.

ПЕРВЫЕ СЛУХИ О РУССКОЙ РУСИ.

Первый набѣгъ Руси на Царьградъ. Проповѣди Патріарха Фотія по этому случаю. Причина набѣга и его послѣдствія. Темные слухи о Руси на Западѣ Европы. Слухи объ ней на Востокѣ. Сказанія Арабскихъ писателей о странѣ и народѣ Русь.

„Началъ царствовать въ Цареградѣ царь Михаилъ и стала прозываться Русская земля“. Такъ съ большою радостью написалъ эти слова въ своей лѣтописи нашъ первый Лѣтописецъ, съ трудомъ отыскавши въ Греческихъ хронографахъ первое писаное свидѣтельство о родной Русской землѣ.

Императоръ Михаилъ началъ царствовать въ 842 г. малолѣтнымъ (3-хъ лѣтъ), подобно нашему царю Ивану Грозному, сначала подъ опекою своей матери, царицы Ѳеодоры, которая оставила по себѣ вѣчную память въ православномъ христіанскомъ мірѣ усмиреніемъ иконоборной ереси и торжественнымъ возстановленіемъ почитанія св. иконъ. Съ того времени и теперь церковь празднуетъ это событіе въ недѣлю Православія, въ первое Воскресенье Великаго Поста, называемое соборнымъ, восхваляя всѣхъ Православныхъ и произнося анаѳему всѣмъ отступникамъ отъ Православія. Годъ за годомъ выросъ малолѣтный царь Михаилъ. Начались интриги и происки правителей, губившихъ другъ друга, захватывая въ свои руки вліяніе и власть надъ молодымъ царемъ. Царица Ѳеодора, послѣ первыхъ же совершенныхъ убійствъ и понявъ, что ея положе-

ніе не прочно, сама добровольно удалилась отъ престола. Это случилось въ 856 году. Михаилу было всего 17 лѣтъ. Онъ сталъ царствовать одинъ, какъ полный самодержецъ. Объ обязанностяхъ государя онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Всѣ его помыслы и всѣ желанія были устремлены къ знаменитому Ипподрому, конному ристалищу, на которомъ въ толпѣ придворныхъ, подобранныхъ по своимъ нравамъ и мыслямъ, онъ, самъ управляя лошадьми, очень старательно добывалъ себѣ славу перваго лихаго наѣздника. Такая слава для него была дороже всего на свѣтѣ. Поэтому Ипподромъ былъ для него своего рода государствомъ. Тамошніе порядки, уставы, правила становились для него предметами глубокихъ размышленій и самыхъ сердобольныхъ попеченій. Однажды, въ самый разгаръ этихъ игръ, приходитъ извѣстіе, что Аравитяне вторгнулись въ предѣлы имперіи, раззоряютъ Азію, что тамошній воевода требуетъ немедленной помощи. Михаилъ разсвирѣпѣлъ и съ яростію набросился на сановника, который принесъ эту вѣсть. „Какъ ты смѣешь въ такое время говорить мнѣ о такихъ пустякахъ?" закричалъ онъ неистово. „Развѣ не видишь, что мнѣ не время, я занятъ, и долженъ совершить въ глазахъ у всѣхъ зрителей самый отважный подвигъ". Ему предстояло на ристалищѣ побѣдить встрѣчника-наѣздника, быстротою своей скачки сбить его коней въ сторону съ побѣдоноснаго срединнаго пути, на которомъ обыкновенно держались состязатели этихъ игръ.

При другомъ случаѣ онъ показалъ себя еще лучше. Въ виду безпрестанныхъ нападеній на имперію со стороны Сарацинъ, прежніе цари, для безопасности населенія, устроили на высокихъ холмахъ маяки, родъ телеграфа, на которыхъ отъ самой границы и до Царьграда, въ случаѣ непріятельскаго набѣга, сторожа зажигали огни и тѣмъ давали знать о предстоявшей опасности. Въ такихъ случаяхъ населеніе собирало свои семьи, имущество, скотъ и уходило въ крѣпкія мѣста, или въ города. Однажды, въ то самое время, какъ Михаилъ, собирался бѣгать на ристалищѣ, вдругъ на близлежащемъ холмѣ загорѣлся вѣстовой огонь. Императоръ пришелъ въ негодованіе. Зрѣлище могло разстроиться, потому что горожане въ страхѣ отъ непріятеля разбѣжались бы по домамъ, оставивъ Иппод-

ромъ безъ толпы безчисленныхъ зѣвакъ, передъ которою царь и старался всегда показать свое искусство. Чтобы избѣжать такой помѣхи и на будущее время онъ совсѣмъ запретилъ зажигать эти спасательные огни вблизи столицы. Герой Ипподрома, онъ конечно больше любилъ добрыхъ коней, добрыхъ конюховъ, чѣмъ добрыхъ поселянъ, и всѣхъ своихъ подданныхъ.

Для своихъ лошадей онъ построилъ великолѣпные дворцы изъ мрамора и порфира и у всѣхъ конюховъ и ѣздоковъ всегда крестилъ дѣтей, давая имъ на зубокъ по 100, по 80 и не меньше какъ по 50 литръ золота.

Его безпутная жизнь и нечестіе доходили до полнаго безумія. Онъ собралъ около себя компанію шутовъ и всякихъ весельчаковъ, назначилъ имъ въ начальники, нѣкоего Грилла, назвавши его патріархомъ, а прочихъ, въ числѣ 12, митрополитами, и самъ въ томъ числѣ именовалъ себя епископомъ одной области, Колоніи. Съ этимъ сонмищемъ онъ совершалъ нечестивыя службы, причемъ вмѣсто пѣнія употреблялись гусли, а золотые сосуды, украшенные драгоцѣнными каменьями, наполнялись уксусомъ и горчицею. Не ему ли подражалъ нашъ Петръ, провожая своимъ Всешутѣйшимъ Соборомъ дальше въ древность идеи и преданія безгранично-самовольнаго византійскаго цесаризма. Однажды шествовалъ по городу крестный ходъ въ присутствіи патріарха. Царь тоже вышелъ ему навстрѣчу въ особой чудовищной скоморошеской процессіи, на ослахъ, въ особыхъ скоморошьихъ нарядахъ, представлявшихъ священныя одежды духовенства, съ пѣніемъ, кривляньемъ и всякими дурачествами. Въ другой разъ царь почтительно попросилъ къ себѣ въ палату свою мать, царицу Ѳеодору, дабы приняла благословеніе отъ патріарха Игнатія, который будто бы ожидалъ ее. Между тѣмъ лицо патріарха изображалъ наряженный шутъ Гриллъ. Царица, вошедши, привѣтствовала Патріарха благочестивымъ земнымъ поклономъ, прося благословенія и молитвы. Гриллъ поднялся съ своего мѣста съ непозволительной шутовской выходкой и произнесъ недостойныя слова. Общій веселый смѣхъ придворныхъ изобличилъ шутовство. Тогда оскорбленная царица прокляла нечестиваго сына и предсказала ему скорую гибель.

Не имѣя понятія объ обязанностяхъ государя, царь Михаилъ однако очень твердо зналъ свои царскія права и по произволу осуждалъ людей на казнь, не только безъ вины, но и безъ всякаго предлога къ обвиненію. Инымъ отрѣзывалъ уши, у другихъ рѣзалъ носы, и т. п.

Но само собою разумѣется, что государство не оставалось безъ правителя и руководителя и за Михаила всѣми государственными дѣлами распоряжался его воспитатель и дядя, державшій его въ безпутной жизни именно съ тою цѣлью, чтобы самому безпрекословно царствовать на самомъ дѣлѣ.

При такомъ порядкѣ внутреннихъ дѣлъ знаменитая имперія уронила свой политическій вѣсъ и значеніе. Замѣтнѣе всего это отразилось на дѣлахъ церковныхъ.

Хорошо зная что̀ дѣлается въ Царьградѣ, Римскій Папа Николай, задумалъ распространить свое Римское владычество и на восточную церковь и сталъ посылать къ ней уже не совѣты, а прямыя повелѣнія, и прямо выставлялъ себя судьею вселенной. Къ счастію для православнаго Востока въ это время на Константинопольскій патріаршій престолъ возведенъ былъ знаменитый Фотій.

По своимъ дарованіямъ, образованности и обширной учености, это былъ первый и единственный человѣкъ своего времени, о которомъ даже враги отзывались, что его ученость можетъ равняться только древнимъ. Но важнѣйшею заслугою Фотія было его крѣпкое охраненіе Православія, которое онъ вполнѣ умѣлъ защитить отъ своеволія западныхъ мудрованій. Окружнымъ посланіемъ противъ Папы Николая онъ всенародно изобличилъ западныя неправды, вслѣдствіе чего для всѣхъ стало яснымъ, на сколько Западная Церковь отдѣлилась отъ древняго преданія и отъ Церкви Восточной.

При царѣ Михаилѣ Фотій занималъ патріаршій престолъ 10 лѣтъ, съ 858 по 868. Это было самое достопамятное время въ исторіи всего Славянства. Тогда заботами и стараніями Фотія распространилась у Славянъ Христова вѣра и Славянская грамота. Славянскій первоучитель св. Кириллъ-философъ, родной братъ св. Меѳодія, былъ не только ученикомъ, но искреннимъ другомъ самого Фотія.

Патріарху Фотію принадлежитъ и первая повѣсть о Руси, когда эта Русь, еще языческая и варварская, приходила

впервые громить самый Царьградъ. Это случилось въ шестидесятыхъ годахъ девятаго столѣтія, наши лѣтописи говорятъ, что это было въ 866 г. Но другія свидѣтельства относятъ это событіе даже къ 860 г., а ближайшія изслѣдованія раскрываютъ, что оно могло случиться вѣрнѣе всего въ 864 г., такъ какъ въ 866 г. самъ Фотій писалъ уже о крещеніи этой Руси, говоря, что не задолго до того она нападала на Царьградъ [1].

Въ этомъ 864 году Царь Михаилъ отправился было въ походъ противъ Агарянъ или Сарацынъ. Царствующій Городъ остался хотя и подъ охраненіемъ воеводы, вѣроятно съ небольшимъ гарнизономъ, но безъ войска и безъ флота, безъ котораго городъ, выдвинутый съ трехъ сторонъ въ море, конечно не могъ себя защитить.

Но горожане были покойны, потому что въ самомъ дѣлѣ не предвидѣлось никакой опасности, иначе разные телеграфы, въ родѣ описанныхъ маяковъ, а также гонцы всегда вовремя дали бы знать о грозящей бѣдѣ. Городъ стоялъ въ серединѣ царства и только съ моря открывалась Божья свободная дорога на востокъ и западъ. Но на западѣ находился съ войскомъ самъ царь, а на востокѣ по Черному морю дѣла давно были очень тихи. Съ Хозарами, владѣвшими при-Азовскими и при-Кубанскими странами, былъ постоянный миръ; съ Болгарами, что жили по Дунаю, тоже было мирно: они только что въ 860 году окрестились въ Православную Вѣру.

Самъ Фотій разсказываетъ, что русскій набѣгъ случился въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ дней подъ вечеръ, когда „море, утихнувъ, трепетно разстилало хребетъ свой", доставляя варварамъ пріятное и тихое плаваніе, а Грекамъ готовя шумящія волны брани. Извѣстно, что Царьградъ стоитъ, какъ говорили наши старые путешественники, на три угла, двѣ стѣны отъ моря, а третья отъ запада прилегаетъ къ полю. Городъ расположенъ на семи отлогихъ холмахъ амфитеатромъ, такъ что отовсюду представляются чудные виды на море и на противоположные берега. Острый уголъ города наклоняется нѣсколько къ сѣверу и упирается въ проливъ съ Чернаго моря, откуда

[1] Четыре бесѣды Фотія, перев. Арх. Порфирія Успенскаго, Спб. 1864.

пришли Руссы. На этомъ углу и теперь находится Султанскій Сераль; а при Грекахъ здѣсь же возвышались царскіе дворцы и палаты. Греки очень любили море и потому ихъ дома располагались по холмамъ въ такомъ порядкѣ, чтобы у каждаго оставался какой либо прозоръ на море, который сосѣдямъ воспрещалось даже закономъ застроивать и какъ бы то ни было загораживать. Очень естественно, что въ хорошій лѣтній вечеръ (въ Маѣ 864 года) горожане любовались красотами своего любимаго моря, не только изъ великолѣпныхъ палатъ, но и изъ бѣдныхъ хижинъ, съ своихъ улицъ и площадей, изъ безчисленныхъ садовъ, и даже со стѣнъ самаго города, которыя опоясывали его со всѣхъ сторонъ именно по берегу моря.

„Вспомните, говорилъ народу святитель послѣ, когда гроза уже миновала,—вспомните тотъ часъ несносный и горькій, когда передъ нашими глазами плыли варварскіе корабли, навѣвавшіе что-то свирѣпое и дикое и убійственное; когда они проходили передъ городомъ и угрожали ему, простерши свои мечи; когда вся человѣческая надежда отлетѣла отъ человѣковъ, и единственное убѣжище оставалось только у Бога“.

Спокойный и безпечный городъ вовсе не ожидалъ ничего чрезвычайнаго, какъ вдругъ въ проливѣ изъ Чернаго моря на отдаленномъ горизонтѣ обозначилось что-то невѣдомое, которое скоро обнаружило цѣлую тучу варварскихъ кораблей. Порусски эти корабли назывались морскими ладьями и на самомъ дѣлѣ были большія лодки, прилаженныя къ морскому ходу, съ мачтами и парусами. На каждой изъ нихъ помѣщалось народу человѣкъ по 40, по 50 и даже по 60. Пишутъ, что этихъ кораблей было двѣсти — число достаточное для того, чтобы помрачить свѣтлый горизонтъ моря въ виду безпечнаго Цареграда. Весь городъ обезумѣлъ отъ страха. Всѣ въ одинъ голосъ съ ужасомъ воскликнули: „Что это! Что это!“

Тѣмъ самымъ восклицаніемъ, какъ общимъ выраженіемъ народнаго изумленія и ужаса, святитель Фотій начинаетъ и первую свою бесѣду къ гражданамъ по случаю нашествія Россовъ, которую онъ въ туже ночь сказывалъ собравшемуся въ храмѣ народу.

Изъ тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ упоминаетъ Фотій въ своихъ двухъ бесѣдахъ, видно, что Русь разсчитала такъ свое нападеніе на византійскую столицу, чтобы не можно было и опомниться. Она пришла къ ночи, вполнѣ надѣясь, что ночь прикроетъ все, что необходимо скрыть отъ врага, какъ напр. собственную недостаточную силу для нападенія на такой городъ; ночь же въ нѣсколько разъ увеличитъ ужасъ нашествія, поспособствуетъ общему безпорядку, какой непремѣнно долженъ случиться отъ самой внезапности набѣга. Все это удалось, какъ нельзя лучше.

Мракъ объялъ трепетные умы, говоритъ Фотій, слезы и рыданія распространились во всемъ городѣ; крайнее отчаяніе обуяло всѣхъ; со всѣхъ сторонъ разносилась одна вѣсть, одинъ крикъ: „Варвары перелѣзли черезъ стѣны! Городъ взятъ непріятелями!" Неожиданность бѣдствія и нечаянность набѣга заставили всѣхъ воображать и слышать только это одно.

По свидѣтельству Фотія, Русь изъ за самыхъ Пропилеевъ, загородныхъ воротъ, напала на красивыя предмѣстія города и опустошила ихъ огнемъ и мечемъ до самой крѣпости или Цареградскаго Кремля, стоявшаго на выдающемся въ море высокомъ холмѣ. Она огнемъ и мечемъ опустошила и морскія пристани, распредѣливъ ихъ между собою для разгрома по жребію, какъ было въ обычаѣ у варваровъ, отмѣчаетъ Фотій. Это показываетъ, что наши варвары вели свое дѣло съ большимъ разсчетомъ и въ большомъ порядкѣ. Затѣмъ Русь быстро окружила городскія стѣны и стала валить къ нимъ земляную присыпь, намѣреваясь скорѣе перелѣзть въ самый городъ. „Трусость дрожью пробѣжала по всему тѣлу и обезсилила даже и тѣхъ, которымъ предоставлено распоряжаться въ опасное время," то есть конечно оставшихся начальниковъ города.

Народъ, лишенный всякой помощи и защиты, теперь помышлялъ только о молитвѣ и наполнилъ всѣ храмы. Повсюду, во всю ночь совершалась служба: съ воздѣтыми руками возсылались усердныя и слезныя моленія о помилованіи. Общее несчастіе заставило раскаяться въ грѣхахъ, образумиться и приняться за добрыя дѣла.

Не встрѣчалось благодатнѣе минуты для проповѣди и поученія къ народу о грѣхахъ, о всеобщемъ покаяніи, объ исправленіи своей жизни добрыми дѣлами.

Первую бесѣду, какъ мы упомянули, святитель началъ словами всеобщаго ужаса: „Что это! Откуда пораженіе, столь губительное! Откуда гнѣвъ, столь тяжкій! Откуда упалъ на насъ этотъ дальносѣверный и страшный перунъ! Откуда нахлынуло это варварское, мрачное и грозное море? Не за грѣхи ли наши все это ниспослано на насъ. Не обличеніе ли это нашихъ беззаконій, и не общественный ли это памятникъ имъ. Не доказываетъ ли эта кара, что будетъ судъ страшный и неумолимый. Не должно ли всѣмъ намъ ожидать, что никто не избѣжитъ будущей огненной муки, когда теперь на яву никто не оставляется въ живыхъ“.

Однако обличеніе въ грѣхахъ, за которые послѣдовалъ этотъ Божій гнѣвъ, святитель сосредоточиваетъ главнымъ образомъ на причинахъ Русскаго набѣга. Онъ впрочемъ говоритъ намеками, для всѣхъ тогда понятными и не совсѣмъ ясными только теперь; но эти иносказанія вполнѣ свидѣтельствуютъ, въ чемъ было дѣло и насколько святитель былъ правдивъ и безпристрастенъ даже къ варварской Руси.

Онъ нигдѣ не сказалъ, что Русь явилась для простаго разбойничьяго грабежа, хотя въ такой постановкѣ дѣла онъ могъ бы еще съ бо́льшею силою выразить ту мысль своей проповѣди, что наказанье обрушилось надъ Цареградомъ, какъ Божья кара, безъ всякой естественной причины, лишь по одному промыслу Господа, не потерпѣвшаго больше грѣховъ народа. Напротивъ того, онъ правдиво раскрываетъ передъ всѣми настоящія житейскія причины этого страшнаго событія, и въ самомъ началѣ своей рѣчи обличаетъ жестокій и безразсудный нравъ цареградцевъ.

„Мы были избавляемы отъ бѣдъ, говоритъ святитель, и не благодарили; были спасаемы, и лѣнились; были хранимы и презирали тѣхъ, которые могли дать намъ острастку наказаніемъ“. „И какъ же терпѣть намъ страшныхъ бѣдъ, когда мы убійственно разчитались съ тѣми, которые должны были намъ что-то малое, ничтожное.... Мы получали прощеніе и не миловали ближнихъ: напротивъ, какъ только избавлялись отъ тяготѣвшихъ надъ нами устрашеній и опасностей, поступали съ ними гораздо суровѣе, не помышляя ни о множествѣ и тяжести собственныхъ долговъ, ни о прощеніи ихъ Спаси-

телемъ, и не оставляя сорабамъ малѣйшаго долга, котораго и сравнить нельзя съ нашими долгами. Многіе и великіе изъ насъ получали свободу (изъ плѣна) по человѣколюбію: а мы *немногихъ молотильщиковъ* (провѣвальщиковъ зерна) *безчеловѣчно сдѣлали своими рабами*. Сами обрадованные, всѣхъ огорчали; сами прославленные, всѣхъ безчестили; сами сильные и всѣмъ довольные — всѣхъ обижали, безумствовали, утолстѣли, разжирѣли расширились". Здѣсь, хотя и идетъ бесѣда какъ бы объ общихъ грѣхахъ, но ея основная мысль прямо направлена къ какимъ-то частнымъ случаямъ, которые съ довольною ясностью раскрываютъ причины Русскаго набѣга.

„Вы теперь плачете, продолжаетъ святитель, и я съ вами плачу. Но слезы наши напрасны. Кого они могутъ утѣшить теперь, когда передъ нашими глазами мечи враговъ обогряются кровью нашихъ согражданъ и когда мы, видя это, вмѣсто помощи имъ, бездѣйствуемъ, потому что не знаемъ, что и дѣлать и только ударились всѣ въ слезы".

„Не теперь бы надобно оплакивать себя, а всегда бы слѣдовало жить поумнѣе. Не теперь бы раздавать богатство, а пораньше бы удерживать себя отъ лихоимства. Не теперь бы править всенощныя и ходить на литіи, бить перси и стонать тяжко, поднимать руки и утруждать колѣна, плакать заунывно и смотрѣть угрюмо, не теперь, когда противъ насъ устремлены отточенныя жала смерти, — прежде надлежало все это дѣлать."

„Почему ты плачущій теперь, теперь только сталъ добръ для всѣхъ и во всемъ, а прежде никому ни въ чемъ не снисходилъ, но величался какъ нечистый на-руки сановникъ... Почему ты острое копье твоихъ друзей презиралъ, какъ бы мало крѣпкое, а на естественное сродство (сродство вообще ближнихъ, всѣхъ людей) плевалъ и вспомогательные союзы расторгалъ, какъ бѣшеный, какъ озорникъ и безчеловѣчный человѣкъ. Часто внушалъ я вамъ: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не попускайте отточиться Божію мечу и натянуться Его луку... не лукавьте съ честными людьми".

„Горько мнѣ отъ того, что я дожилъ до такихъ несчастій; отъ того, что мы сдѣлались поношеніемъ сосѣдей нашихъ.... отъ того, что походъ этихъ варваровъ схитренъ былъ такъ,

что и молва не успѣла предувѣдомить насъ, дабы могъ кто подумать о безопасности. Мы услышали объ нихъ уже тогда, когда ихъ увидѣли, хотя и отдѣляли насъ отъ нихъ столькія страны и народоначальства, судоходныя рѣки и пристанищныя моря. Горько мнѣ отъ того, что я вижу народъ жестокій и борзый, смѣло окружающій нашъ городъ и расхищающій его предмѣстія. Онъ раззоряетъ и губитъ все, нивы, жилища, пажити, стада, женщинъ, дѣтей, старцевъ, юношей, всѣхъ поражая мечемъ, никого не милуя, ничего не щадя. Погибель всеобщая! Какъ саранча на нивѣ... или, страшнѣе, какъ жгучій зной, тифонъ, наводненіе, или не знаю что и сказать, этотъ народъ явился въ странѣ нашей и сгубилъ ея жителей. Ублажаю погибшихъ отъ вражьей варварской руки, ибо они, мертвые, не чувствуютъ бѣдствій, постигшихъ насъ неожиданно....

„Гдѣ теперь царь христолюбивый, продолжаетъ святитель. Гдѣ военные станы? Гдѣ оружія, машины, военные совѣты? Все это отодвинуто отъ насъ и отвлечено нашествіемъ другихъ варваровъ. Государь давно трудится за границею и съ нимъ бѣдствуетъ его воинство.... Кто же за насъ выйдетъ на брань? Кто выстроится противъ враговъ? Нѣтъ никого у насъ защитниковъ и отовсюду мы стѣснены.

„Приди ко мнѣ сострадательнѣйшій изъ пророковъ (Іеремія) и оплачь со мною Іерусалимъ! Не тотъ древній матерьградъ одного народа, но градъ всей вселенной, какую только озаряетъ христіанская вѣра, градъ древній, прекрасный, обширный, блестящій, многонаселенный и роскошный! Оплачь со мною этотъ Іерусалимъ, еще не взятый и не падшій въ прахъ, но уже близкій къ погибели и расшатываемый подкапывающими его. Оплачь со мною царицу городовъ, которая еще не отведена въ плѣнъ, но у которой уже плѣнена надежда спасенія.

„О Городъ-царь! Какія бѣды столпились вокругъ тебя! О Городъ, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою!—необученное и набранное изъ рабовъ. О Городъ, украшенный добычами многихъ народовъ! Что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу? О Городъ, воздвигшій многіе побѣдные памятники послѣ пораженія ратей Европы, Азіи и Ливіи! Какъ это устремила на тебя копье рука варварская и черная и

поднялась, чтобы поставить памятникъ побѣды надъ тобою"? ...... И слабый, и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость своей руки и хочетъ нажить себѣ славное имя! ...... О царица городовъ царствующихъ!..... О красота и велелѣпіе досточтимыхъ храмовъ, величіе, изящество и художественное убранство!.... О храмъ мой, святилище Божіе, святая Софія, недреманное око вселенной! Рыдайте дѣвы, дщери Іерусалима. Плачьте юноши города Іерусалима. Горюйте матери. Проливайте слезы и дѣти.... Плачьте о томъ, что умножились наши несчастія, и нѣтъ избавителя, нѣтъ помощника".

Святитель оканчиваетъ эту бесѣду, сказанную имъ въ самый разгаръ общаго несчастія, воззваніемъ, что „наконецъ настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, къ Ней—Единой Надеждѣ и Прибѣжищу. Къ Ней возопіемъ, восклицаетъ онъ: „Досточтимая спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже"!

Вторую бесѣду по поводу нашествія Россовъ Фотій говорилъ спустя нѣкоторое время, когда гроза миновала. Онъ воспользовался этимъ событіемъ, какъ великимъ урокомъ для назиданія своей Паствы. Особенное значеніе онъ придалъ тому обстоятельству, что бѣдный ничтожный народъ принесъ такое горе народу великому, высокому, славному во всемъ мірѣ.

„Разразилась у насъ внезапная бѣда, какъ явное обличеніе насъ въ нашихъ грѣхахъ, сказалъ святитель. Она совершенно не похожа на другія нападенія варваровъ: напротивъ, и нечаянность нашествія и чрезвычайная быстрота его, и безчеловѣчность варварскаго народа, и жестокость его дѣйствій, и свирѣпость нрава, доказываютъ, что пораженіе, какъ громовая стрѣла, было низпослано съ неба.

„По истинѣ, гнѣвъ Божій бываетъ за грѣхи; гроза скопляется изъ дѣлъ грѣшниковъ... И вотъ тѣ, которыхъ усмиряла самая молва о Ромеяхъ (Новоримлянахъ), тѣ подняли оружіе противъ ихъ державы и ударили въ ладоши, борзясь и надѣясь взять Царствующій градъ, какъ птичье гнѣздо; раззорили окрестности его, истребили все до самой его крѣпости, жестоко умертвили всѣхъ захваченныхъ и смѣло окружили городъ, сдѣлавшись отважными, такъ что мы не смѣ-

ли и посмотрѣть на нихъ прямо и не робко, напротивъ разслабѣли и упали духомъ отъ того самаго, отъ чего имъ повадно было воевать мужественно. Ибо эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и справедливо требовали и ожидали кары, равной злодѣянію. Да и кто бы отважился одолѣть враговъ, когда у себя дома питаетъ разрушительные раздоры и вражды, когда его собственная неразумная ярость помрачаетъ его умъ и склоняетъ убить ближняго, который быть можетъ не сдѣлалъ никакой неправды".

„Народъ, до нападенія на насъ, ничѣмъ не давшій себя знать, народъ не почетный, народъ, считаемый наравнѣ съ рабами, не именитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, незначительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несмѣтное, народъ, гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ, неимѣющій гражданскаго устройства, ни военнаго искусства,—такъ грозно, такъ игновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши и какъ дикій вепрь истребилъ живущихъ здѣсь, словно траву.... И какія зрѣлища скоплялись предъ нами!... Младенцы были разможжаемы о камни... матери, зарѣзываемыя или разрываемыя, умирали подлѣ своихъ малютокъ... Лютость губила не однихъ людей, но и безсловесныхъ животныхъ, воловъ, коней, куръ и другихъ, какія только попадались варварамъ.... А что дѣлалось надъ мертвыми тѣлами!... Рѣчныя струи превращались въ кровь. Колодезей и водоемовъ нельзя было и отыскать, потому что они черезъ верхъ наполнены были тѣлами.... Мертвыя тѣла загноили нивы и завалили дороги. Рощи сдѣлались непроходимы отъ труповъ... Пещеры были наполнены мертвецами. Горы и холмы, лощины и долины ничѣмъ не отличались отъ городскихъ кладбищъ. Такъ велико было пораженіе. Въ добавокъ, губительная язва, зарожденная отъ войны, перелетала съ мѣста на мѣсто, и заражала смертоносньмъ ядомъ все, что ни попадалось ей... Тогдашняго нашего злополучія никто не могъ бы описать стихами Иліады"....

Но известно, что внезапное бѣдствіе было внезапно же остановлено заступленіемъ Пресвятой Богородицы. Патріархъ изъ Влахернскаго храма поднялъ Ея ризу и съ крест-

нымъ ходомъ при стеченіи всего народа обнесъ святыню вокругъ стѣнъ города. „Тогда помиловалъ Господь достояніе свое. По истинѣ эта достопочтенная одежда есть риза Богоматери, говоритъ святитель. Носилась она вокругъ этихъ стѣнъ и непріятели, непостижимо какъ, обращали тылъ свой. Покрывала она городъ и насыпь ихъ разсыпалась, какъ по данному знаку. Пріосѣняла она осажденныхъ и осада непріятелей не удавалась сверхъ чаянія... Ибо, какъ только эта дѣвственная риза была обнесена по оной стѣнѣ, варвары тотчасъ сняли осаду города и мы избавились отъ ожидаемаго плѣна и сподобились нечаяннаго спасенія“....

„Неожиданно было нашествіе враговъ, но нечаянно и удаленіе ихъ; чрезмѣрно негодованіе, но неизрѣченна и милость; невыразимо устрашеніе ихъ, но посрамительно и бѣгство. Ихъ привелъ къ намъ ихъ гнѣвъ (месть); но за ними, слѣдовала Божія милость и отвратила ихъ набѣгъ.... Пораженіе остановлено покаяніемъ.... Отточенный на насъ мечь остановленъ литіями и моленіями“..... [1].

Краснорѣчіе Фотіевыхъ бесѣдъ, хотя и направленное совсѣмъ къ другимъ, общимъ цѣлямъ, съ достаточною ясностію обнаруживаетъ, что Русскіе въ Царьградѣ жили постоянно, вѣроятно, въ качествѣ торговыхъ людей, а судя по упоминанію о молотильщикахъ, даже въ качествѣ рабочихъ; они дѣлали долги и вѣроятно за эти долги Греки безчеловѣчно, какъ говоритъ святитель, оборотили ихъ себѣ въ рабство. Вообще Русскихъ Греки не уважали, презирали, какъ варваровъ, обижали, какъ народъ неимѣвшій силы и значенія, какъ малокрѣпкое копье, и не замедлили разсчитаться съ ними даже убійствомъ за какой-то малый и ничтожный долгъ. Между

[1] Другой современникъ событія, Никита, въ 878 г. епископъ Пафлагонскій, въ житіи патр. Игнатія, пишетъ между прочимъ слѣдующее: «Въ то время (860 г. Шлец. II, 47) жестокій народъ Скиѳскаго племени, по имени Россы, пришедши отъ Евксинскаго моря въ Стеносъ, опустошивши на пути всѣ страны и всѣ монастыри, и взявши съ нихъ богатую добычу, сталъ чинить набѣги и на острова, лежащіе около Византіи, грабя имущество жителей и убивая людей полоненныхъ. Кромѣ того, со всѣмъ неистовствомъ варваровъ вторгся онъ въ монастыри патріаршіе, разграбилъ все имущество, тамъ найденное, и взявши насильственно 22 человѣка правовѣрныхъ, всѣмъ безъ исключенія отрубилъ топорами головы на палубѣ судна».

тѣмъ Русскіе жили тамъ друзьями и держались повидимому крѣпко какихъ либо уговоровъ и договоровъ касательно своего пребыванія въ чужой землѣ, которые святитель обозначаетъ выраженіемъ: вспомогательные союзы, говоря, что Грекъ эти союзы расторгалъ, какъ бѣшеный, какъ озорникъ, какъ безчеловѣчный человѣкъ.

Такимъ образомъ остается въ ясности одно прямое дѣло, что Русскіе были обижены, оскорблены неправдами Грековъ и наконецъ убійствомъ своихъ земляковъ; что за все за это, а особенно за умерщвленье земляковъ они справедливо, какъ говоритъ самъ святитель, разсвирѣпѣли и внезапно явились отомстить свою кровь; что именно не другой поводъ, а только ихъ гнѣвъ, ихъ месть были ихъ вождемъ въ этомъ внезапномъ набѣгѣ: и слѣдоват. историки напрасно пишутъ, что это былъ набѣгъ разбойничій, для одного грабежа; что, наконецъ, этотъ набѣгъ былъ заранѣе хорошо обдуманъ, изхитренъ, такъ что объ немъ не могла предупредить никакая молва. А это все показываетъ не только хорошее знакомство съ порядками Цареградской жизни, но и съ состояніемъ домашнихъ дѣлъ Цареграда, знакомство, которое могло существовать только при постоянныхъ сношеніяхъ съ городомъ, при постоянныхъ связяхъ съ его жителями, въ числѣ которыхъ конечно не мало было и нашихъ Днѣпровскихъ Славянъ.

Мщенье за родную кровь составляло религію русскихъ язычниковъ и они, избравши удобное время, съ малыми силами рѣшились переплыть море и успѣли совершить кару достойную злодѣянію, какъ выражается самъ патріархъ. Съ тою же внезапностью они и ушли, ибо хорошо знали, что долго оставаться съ 200 ладьями у города, который владѣлъ огромнымъ флотомъ, было невозможно. Сдѣлавши все, чего требовало мщенье, и захвативъ несмѣтную добычу, они поспѣшили уплыть домой. Позднѣйшіе греческіе историки, а за ними по ихъ словамъ и добрые наши лѣтописцы разсказываютъ, что риза Богородицы была погружена патріархомъ Фотіемъ въ море, отчего сдѣлалась великая буря и потопила Русскіе корабли, такъ что они возвратились въ маломъ остаткѣ и съ большимъ горемъ, что по возвращеніи въ Кіевѣ былъ общій плачъ.

Но мы видѣли, что самъ Фотій ничего объ этомъ обстоятельствѣ не сказываетъ, говоря только, что св. Ризу носили по городу и по его стѣнамъ самъ онъ и съ нимъ всѣ до одного изъ жителей. О чудѣ на морѣ точно также ни слова не говорятъ и другіе не менѣе достовѣрные историки, а судя по изображенному самимъ Фотіемъ ходу дѣлъ, въ то время никто бы не рѣшился выйдти къ морю, и тѣмъ болѣе съ крестнымъ ходомъ.

Фотій, словами пророка Іереміи говорилъ народу: не выходите на поле и не ѣздите по дорогамъ, ибо тамъ вездѣ кругомъ мечи враговъ.

Такимъ образомъ разсказъ о бурѣ и погибели русскихъ людей, о чемъ самъ Фотій не говоритъ ни слова, есть поздняя греческая легенда, составленная не безъ мысли о томъ, что побѣдоносные Руссы въ свою очередь воротились домой побѣжденными „и во свояси съ побѣженіемъ возвратишася", какъ свидѣтельствуетъ хронографъ, хотя и приписываемый Георгію Амартолу, но въ этомъ мѣстѣ принадлежащій позднему составителю, именно Симеону Логоѳету, писавшему около 950 г. Это позднее сочиненіе дополнявшее Амартола служило однимъ изъ главныхъ источниковъ для нашихъ лѣтописцевъ, чистосердечно и добродушно вѣровавшихъ во всякое писаное слово и потому цѣликомъ выписавшихъ это извѣстіе изъ сказаній Симеона Логоѳета.

Всѣ обстоятельства дѣла, обозначенныя самимъ участникомъ въ событіи, патр. Фотіемъ, напротивъ того заставляютъ вѣрить одному, что Руссы, въ виду возвращенія царя съ войскомъ и флотомъ, поспѣшили убраться по домамъ, и возвратились въ свою родную землю безъ всякой помѣхи, доставши себѣ славное имя и великое богатство. Вскорѣ, черезъ годъ, черезъ два, они прислали въ Царьградъ пословъ просить о мирѣ, т. е. объ уговорѣ, какъ жить въ городѣ и какъ вести съ нимъ дѣло, особенно торговое, о которомъ они заботились больше всего, а вмѣстѣ съ тѣмъ, говорятъ лѣтописцы, просили просвѣтить ихъ умъ Христовою Вѣрою. Однако по свидѣтельству Константина Багрянороднаго видно, что склонить Руссовъ къ миру заботились сами греки. Онъ повѣствуетъ: Василій при соцарствіи съ Михаиломъ, значитъ въ 866—867 г., щедро одаривъ Руссовъ златомъ, сребромъ и шелковыми тканями, склонилъ къ миру сей народъ, не-

укротимый, чуждый Бога и благочестія, и, послѣ разныхъ переговоровъ, заключивши прочный миръ, убѣдилъ его креститься. Руссы согласились даже принять отъ него поставленнаго патріархомъ архіепископа.

Все это подтверждаетъ самъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи. Онъ пишетъ между прочимъ: „Не только Болгарскій народъ перемѣнилъ прежнее нечестіе на вѣру во Христа, но и тотъ народъ, о которомъ многіе многое разсказываютъ, и который въ жестокости и кровопролитіи всѣ народы превосходитъ, оный глаголемый Росъ, который, поработивъ живущихъ окрестъ него и возгордясь своими побѣдами, воздвигъ руки и на Римскую (Византійскую) Имперію: и сей однако нынѣ перемѣнилъ языческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую Христіанскую вѣру, и вмѣсто недавняго враждебнаго на насъ нашествія и великаго насилія, съ любовію и покорностію вступилъ въ союзъ съ нами. И столько воспламенила ихъ любовь и ревность къ вѣрѣ, что и епископа и пастыря и Христіанское богослуженіе съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ пріяли“ [1].

Для Русской Исторіи изъ этого приснопамятнаго событія извлекаются весьма любопытныя соображенія. Фотій ни слова не говоритъ о времени, когда Руссы потерпѣли страшную обиду въ Цареградѣ именно по случаю убійства своихъ земляковъ, какъ равно и о томъ, когда они совершили свой внезапный набѣгъ. Мы не знаемъ сколько времени прошло отъ этого убійства и до набѣга, который по изслѣдованіямъ долженъ былъ случиться въ 864 г., какъ опредѣлено даже и въ хроникѣ Амартола. Если Руссы были народъ слабый, презираемый, незначительный, неименитый, ни чѣмъ до того времени себя не ознаменовавшій, то по всѣмъ этимъ причинамъ они не могли совершить свое мщеніе тотчасъже, т. е. въ тотъ же годъ или по крайней мѣрѣ на другой годъ. Необходимо было собрать хорошую дружину, ибо на 200 ладьяхъ должно было помѣститься по крайней мѣрѣ 8000 человѣкъ, а главное надо было выждать и увидѣть въ самомъ Цареградѣ благопріятный случай для набѣга. Число

---

[1] Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи. М. 1833, стр. 175.

ладей прямо показываетъ, что Руссы вовсе не желали встрѣтиться съ греческимъ флотомъ. Потомъ, самая вѣсть объ убійствѣ земляковъ никакъ не могла придти на Русь скоро; не скоро эта вѣсть распространилась и по волостямъ для сбора дружины. Словомъ сказать, отъ времени, когда произошло цареградское убійство, и до исполненія мести могъ пройдти не одинъ годъ. Спустя около ста лѣтъ послѣ этого событія, Игорь собиралъ мщеніе на грековъ цѣлыхъ три года и особенно манилъ къ тому Варяговъ, безъ помощи которыхъ, включительно до самаго Ярослава, не происходило ни одного сколько нибудь значительнаго дѣла на Руси.

Мы знаемъ, что родная связь Кіева съ Новгородомъ открывается съ первыхъ же шаговъ нашей исторіи и можемъ вѣрить, что не одни кіевляне, но и новгородцы часто проживали въ Цареградѣ по своимъ дѣламъ. Между Новгородомъ и Кіевомъ лежала большая дорога въ Грецію, Греческій путь, по которому ходили туда не только Новгородцы, но и сами Варяги. Когда въ Кіевѣ получена была вѣсть о Цареградскомъ злодѣяніи, то мысль о помощи могла остановиться и на сѣверныхъ людяхъ, на Новгородцахъ, и на Варягахъ, которые, однако, по лѣтописи только что были изгнаны изъ Новгорода. Случилось тоже, что послѣ случилось въ Новгородѣ же съ Ярославомъ. Вчера дружина была изгублена, а нынче она очень бы понадобилась. Кіевская причина для призванія Варяговъ, подоспѣла къ Новгородской, гдѣ безъ Варяговъ возникла вражда и несогласіе, всталъ родъ на родъ. Обѣ причины могли естественно образовать общее желаніе призвать опять Варяговъ, и уже на иныхъ условіяхъ, призвать ихъ себѣ въ родство, какъ родныхъ защитниковъ земли, призвать ихъ княжить и владѣть землею.

Какъ бы ни было, но совпаденіе двухъ такихъ событій, Кіевскаго и Новгородскаго, къ одному почти году, заставляетъ полагать, что во всякомъ случаѣ Варяги были призваны не безъ участія Кіевлянъ, этой настоящей исконивѣчной Руси, ибо эта Русь тотчасъ же воспользовалась призванными силами. Какъ оказывается, для Кіева Варяги были нужнѣе, чѣмъ даже для Новгорода.

Наши лѣтописцы, ничего уже не помнившіе объ этомъ времени, конечно не могли разсказать никакихъ подробно-

стей о главныхъ причинахъ призванія и выставили лишь ту причину, какая жила по землѣ и въ ихъ время, и спустя нѣсколько столѣтій послѣ, т. е. внутренній раздоръ правившихъ землею родовъ, всегда призывавшихъ себѣ для расправы третье, властительное лице. Основное свѣдѣніе объ этомъ времени, именно о набѣгѣ Руси на Царьградъ, они почерпнули изъ Греческихъ хроникъ уже 10 и 11 вѣка, и на этомъ основаніи разставили даже годы для домашнихъ преданій, весьма скудныхъ и голыхъ и отчасти весьма похожихъ на простыя соображенія о томъ, какъ вообще должно было что случиться.

Если Греки разсуждали о Руси, что это народъ безсильный, ничтожный, если въ Цареградѣ Русь испытывала на самомъ дѣлѣ всѣ невыгоды такого мнѣнія о себѣ, то естественно, что и въ Кіевѣ умные люди давно о томъ же разсуждали и заботились, какъ бы укрѣпить свою силу, да охранить свои торговыя и другія сношенія съ Царьградомъ; какъ бы заставить Грека, чтобы онъ уважалъ народныя права незамѣтной, незнатной и неименитой Руси. Подчиняясь до того времени и платя дань Хозарскому Кагану, Русь видно ничего не пріобрѣтала отъ этого подчиненія, тѣмъ болѣе, что Хозары въ это время все больше слабѣли и не были уже способны защищать выгоды своихъ данниковъ.

Хозарская власть надъ Кіевомъ въ теперешнее время походила на Татарскую власть надъ Москвою въ концѣ 15 вѣка. Между тѣмъ для Руси особенно дороги были отношенія къ Греціи, очень важенъ былъ вопросъ о томъ, какъ устроиться съ Царьградомъ, чтобы жить у него не изъ милости только, какъ живутъ нищіе, а на твердыхъ и нерушимыхъ основаніяхъ народнаго права. Грекъ, какъ видѣли, презиралъ Русскаго, допускалъ его къ себѣ, какъ нищаго, и при первомъ случаѣ какой либо ссоры и неудовольствій, не только прогонялъ его, но даже почиталъ своимъ неотъемлемымъ правомъ раздѣлаться съ нимъ, какъ съ недостойнымъ рабомъ, посредствомъ убійства, ибо по греческому закону убійство раба за дѣло не считалось ни вочто. Русскій вовсе не думалъ о себѣ, что онъ рабъ льстивому Греку, и изыскивалъ способы, какъ бы это доказать ему. Своими силами, по преимуществу земледѣльческими, по пре-

имуществу торговыми и промысловыми, ибо военныхъ дружинъ давно уже не было, онъ этого достигнуть не могъ. Требовалось добыть силу, свойственную такому дѣлу. Такая сила находилась въ то время только у Варяговъ, на Балтійскомъ Поморьѣ. Кого собственно разумѣли наши лѣтописи подъ именемъ Варяговъ, мы уже объ этомъ говорили выше стр. 137. Въ числѣ ихъ могли быть и Скандинавы, но не они составляли корень того Варяжства, которое съ давнихъ временъ было извѣстно всей Русской странѣ, какъ свой братъ. Когда, сильно оскорбленные Греками, Кіевляне сильно заговорили о томъ, какъ быть, то, осматриваясь кругомъ, они ни на комъ другомъ и не могли остановить своихъ мыслей, какъ только на этихъ Варягахъ, на старыхъ знакомцахъ и на старыхъ владыкахъ сѣвернаго Русскаго края, которые и сами, для собственной торговли, тоже должны были не мало заботиться объ устройствѣ правильныхъ и независимыхъ сношеній съ Цареградомъ. И для самихъ Варяговъ очень требовалось прочистить Греческій Днѣпровскій путь отъ Греческой тѣсноты.

При ихъ помощи мщеніе надъ Цареградомъ было совершено блистательно. Оно-то и повело къ устройству лучшихъ отношеній съ Греками. Греки увидѣли, что Русью презирать болѣе невозможно и постарались привлечь ее къ прочному миру, водворивъ даже Христіанство въ Кіевѣ. Стало быть, произошло то, чего Русь добивалась. Она желала народныхъ правъ, желала признанія за нею той народной самостоятельности, безъ которой невозможны были ея сношенія съ Цареградомъ. Своимъ набѣгомъ она нажила себѣ у Грековъ славное имя, т. е. доказала имъ, что съ этой поры она независимая и самостоятельная народность, способная возстановить свои нарушенныя права надлежащимъ возмездіемъ.

Однако набѣгъ если и былъ началомъ новыхъ связей съ Греками, то онъ точно также былъ концомъ многихъ предшествовавшихъ событій. Въ исторіи съ неба ничего не падаетъ. Очень вѣроятно, что Русь съ давнихъ временъ добивалась свободнаго торга въ Цареградѣ, т. е. свободнаго въ томъ смыслѣ, чтобы Греки принимали ее, какъ и всѣхъ другихъ, доставляли бы ей необходимыя средства и удобства для тамошняго пребыванія, безъ которыхъ нельзя быть.

Мы видѣли, что о правильномъ торгѣ очень хлопоталъ еще въ 5 вѣкѣ Аттила и его дѣти, которые въ этомъ отношеніи, по всѣмъ видимостямъ, были дѣды и прадѣды и нашихъ Кіевлянъ и Балтійскихъ Славянъ-Варяговъ.

Весьма важное свидѣтельство, намекающее на подобныя старанія Руси устроить свои Цареградскія дѣла еще въ началѣ 9 вѣка, встрѣчается въ Западныхъ Лѣтописяхъ.

Въ 839 г. Греческій императоръ Ѳеофилъ, отецъ извѣстнаго намъ Михаила, послалъ посольство къ Германскому императору Людовику Благочестивому, въ Ингельгеймъ (на Рейнѣ, недалеко отъ Майнца), прося о помощи противъ Агарянъ-Сарацыновъ. Вмѣстѣ съ послами онъ отправилъ нѣкіихъ мужей, называвшихъ себя Р о с ъ, которые пріѣзжали въ Царьградъ отъ своего царя Ха кана для заключенія съ Греками дружбы. Ѳеофилъ просилъ Людовика, чтобы этимъ людямъ была оказана всякая помощь и возможность возвратиться домой, черезъ Германію, такъ какъ путь, по которому они пришли въ Царьградъ, лежитъ между варварами, людьми самыми жестокими, и ѣхать по немъ очень опасно. Людовикъ, прилежно испытывая настоящую причину прихода этихъ людей, узналъ что они изъ народа С веоновъ и заподозрилъ нашихъ Россовъ въ шпіонствѣ. Онъ велѣлъ ихъ задержать, пока точно не откроется, съ какимъ намѣреніемъ они пришли, и увѣдомилъ объ этомъ Ѳеофила, написавши, что изъ дружбы къ нему, онъ охотно дастъ имъ пособіе и отправитъ ихъ безопасно въ ихъ землю, если только найдется къ тому возможность и не окажутся они измѣнниками, соглядатаями. Въ противномъ случаѣ, онъ хотѣлъ снова доставить ихъ въ Царьградъ.

Извѣстно, что норманисты въ этомъ неясномъ свидѣтельствѣ находятъ весьма твердое основаніе для доказательствъ о шведскомъ происхожденіи нашей Руси.

Но почему Россы были заподозрѣны фальшивыми людьми? Объ нихъ узнали, что они Свеоны-Шведы. Но какимъ образомъ узнали, кто объ этомъ сказалъ? И почему не узнали объ этомъ съ разу, какъ только Россы пришли въ Ингельгеймъ? Со Шведами Людовикъ былъ уже хорошо знакомъ. Въ 823 г. онъ посылалъ въ Швецію нарочныхъ пословъ „для точнаго изслѣдованія этого края". Шведы въ 829 г. присылали къ Людовику пословъ, желая принять Христову вѣру, и

по этому случаю къ нимъ былъ отправленъ учитель. Ясно, что Россы-Шведы должны быть узнаны тотчасъ, какъ только явились къ Людовику. Между тѣмъ возникаетъ странное подозрѣніе, начинается разысканіе, при которомъ могло случиться, что эти Росы, поясняя свое мѣстожительство, сказали, что они Славяне и живутъ по сосѣдству съ Свеонами; что чиновникамъ Людовика изъ этихъ двухъ именъ болѣе подходящимъ и болѣе знакомымъ показалось одно — Свеоны.

Допустимъ, что въ самомъ дѣлѣ это были Шведы, съ собственнымъ своимъ именемъ Росъ, какъ того хотѣлъ Шлецеръ, доказывая, что и царь ихъ Хаканъ есть собственное Шведское имя Гаконъ. Но если, существовала Русь въ Швеціи съ своимъ королемъ Гакономъ, отъ котораго не осталось никакой памяти, то въ тоже время въ Кіевѣ въ самомъ народѣ существовало наименованіе тамошняго владыки каганомъ, вѣроятно для болѣе сильнаго выраженія и опредѣленія предержащей власти. Объ этомъ имени каганъ сохранялась большая память еще въ 11 вѣкѣ, когда каганомъ именуютъ св. Владиміра и никто другой, какъ Русскій же митрополитъ, который тѣмъ же титуломъ именуетъ и Ярослава. Значитъ Каганъ еще и въ это время былъ родной титулъ для Руси, обозначавшій понятіе о царѣ, и оставшійся въ народной памяти отъ владычества Аваръ, а въ 9 вѣкѣ существовавшій по случаю владычества Хозаръ, державшихъ надъ собою того же Великаго Хакана. Очень вѣроятно, что отъ этого Хозарскаго Хакана, если не отъ своего собственнаго, ходили и наши Россы послами къ Ѳеофилу. Они вѣдь въ то время платили дань Хозарамъ, слѣд. могли дѣйствовать отъ имени своего повелителя или отъ его намѣстника, жившаго въ Кіевѣ, и по естественнымъ причинамъ устроивавшаго домашнія, мѣстныя, чисто Кіевскія выгоды. Если они ходили или остались въ Царьградѣ въ малой дружинѣ, которая безсомнѣнія вся состояла лишь изъ купцовъ, ибо купецъ и посолъ въ то время было одно и тоже, то существовала и причина, почему они опасались возвращаться тою же дорогою. Въ степяхъ Днѣпровскихъ тогда странствовали уже Печенѣги, такъ что Хозарскій Хаканъ при помощи Грековъ, еще прежде въ 834 г., дол-

женъ былъ для собственной защиты выстроить на Дону каменную крѣпость Саркелъ.

Все это заставляетъ полагать, что Россы, попавшіе въ гости къ Людовику Благочестивому, были Кіевскіе Руссы, и что въ ихъ числѣ могли быть и Варяги—Балтійскіе Славяне, если Кіевъ и въ то время, какъ нельзя сомнѣваться, былъ торговымъ средоточіемъ для Сѣвера и Юга. И Олегъ и Игорь посылали послами къ Грекамъ тѣхъ же Варяговъ.

И такъ еще почти за 30 лѣтъ до Оскольдова набѣга на Царьградъ Русь хлопотала о прочномъ дружескомъ союзѣ съ Греками. Она тогда дѣйствовала именемъ Кагана Хозарскаго, ибо находилась подъ его владычествомъ. Въ Кіевѣ, какъ жили въ немъ Хозары, а слѣд. и Жиды, также точно могли жить и Варяги, и самый составъ его дружины необходимо былъ всенародный, гдѣ Варяги по своему ратному ремеслу должны были, хотя бы и въ маломъ числѣ, стоять впереди другихъ.

Россы отпросились въ Царьградѣ идти съ послами во Франкскую землю, дабы оттуда возвратиться домой. Они стало быть очень хорошо знали, что и такою окольною дорогою все-таки можно попасть въ Кіевъ. Все равно, кто бы ни были эти Россы, Шведы или Кіевляне, или Балтійскіе Славяне, они знали круговой путь въ Царьградъ, знали, что если, идя по западу доберешься до Варяжскаго моря, то оттуда легко пойдти къ востоку и по восточной сторонѣ легко опять попасть въ Черное море. Но однимъ ли Шведамъ, однимъ ли Норманнамъ былъ знакомъ этотъ круговой путь? Однимъ ли Шведамъ были отворены ворота въ нашу страну? Одни ли Шведы, одни ли Норманны существовали на Балтійскомъ морѣ въ первой половинѣ 9 вѣка? Гдѣ же находилось въ то время Варяжское Славянское Поморье, знаменитое и войною и торгомъ?

Мы видѣли, что съ Нѣмецкой точки зрѣнія Герульское имя Охонъ, стр. 309, значитъ Гаконъ, Аваро-Хозарскій титулъ Хаканъ тоже значитъ Гаконъ. Но, толкуя это свидѣтельство Бертинскихъ Лѣтописей въ пользу Шведскаго происхожденія Руси, Норманисты, какъ замѣтилъ г. Гедеоновъ, заставляютъ Греческаго импер. Ѳеофила безъ всякой нужды обманывать Франкскаго императора, увѣряя его,

что посланные имъ Шведы не есть Шведы, а нѣкіе Россы, у которыхъ Конунгъ именуется Хаганомъ. Отчего Өеофилъ не приставилъ въ своемъ письмѣ поясненія, что эти Россы называютъ себя также и Свеонами? Конечно, отъ того, что они такъ себя никогда не называли, а только въ Германіи, при дворѣ Людовика, его чиновники сообразили, что это должно быть Шведы, ибо несомнѣнно, что Россы разсказывали же, какъ имъ должно ѣхать на свою родину, то есть по Балтійскому морю въ восточный его уголъ.

Впрочемъ, послѣ изслѣдованій г. Гедеонова не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія, что Өеофилъ писалъ къ Людовику только объ однихъ Кіевскихъ Россахъ, которые хорошо знали, гдѣ лежитъ Варяжское Поморье и направлялись къ нему, чтобы безопаснѣе и вѣрнѣе попасть черезъ Новгородъ въ свой родной Кіевъ.

Таковы были первые неясные слухи о Руси на Западѣ Европы. Лѣтъ черезъ 20 ея имя блистательно прошумѣло въ самомъ Цареградѣ. Послушаемъ теперь, что разсказывали о Руси на Востокѣ, или вѣрнѣе сказать по всему Арабскому Югу отъ Каспійскаго моря до Испаніи включительно.

Въ половинѣ 7 столѣтія въ Закавказскихъ краяхъ, въ древней Мидіи, Арменіи и Персіи утвердили свое владычество Арабы, просвѣщеннѣйшій народъ Среднихъ Вѣковъ, для котораго торговая промышленность повсюду была главною статьею его процвѣтанія и могущества, а потому и главнымъ предметомъ его покровительства. Каспійское море для Арабовъ стало внутреннимъ озеромъ и изо всѣхъ мѣстъ отворило свои ворота для сношеній съ подвластными имъ странами. Естественно, что такой порядокъ дѣлъ на далекомъ Каспіѣ не замедлилъ отозваться большими выгодами и по всей Русской равнинѣ. Устье Волги сдѣлалось притягательною силою для всякой предпріимчивости всего Поволжья. Вотъ, между прочимъ, важнѣйшая причина, почему съ того же времени покрайней мѣрѣ для нашихъ южныхъ краевъ все могущественнѣе становились и самые Хозары: въ ихъ рукахъ сосредоточивались связи всего сѣвера съ Закаспійскимъ югомъ.

Столицею славныхъ арабскихъ Халифовъ (Аббассидовъ) былъ Багдадъ — древній Вавилонъ. Если припомнить, что

предъ началомъ нашей исторіи (786—808 гг.) правовѣрными Арабами повелѣвалъ изъ Багдада знаменитый покровитель наукъ Гарунъ-аль-Решидъ, то мы поймемъ, что Арабская наука не могла пройдти молчаніемъ и нашей незнаемой страны [1].

Древнѣйшее изъ арабскихъ свѣдѣній о нашемъ сѣверѣ восходитъ къ 60-мъ или 70-мъ годамъ девятаго вѣка, то есть къ тому самому времени, когда исторически впервые имя Руси было зарублено на стѣнахъ самаго Цареграда. Это свѣдѣніе вмѣстѣ съ тѣмъ и самое замѣчательное для нашей исторіи изъ всѣхъ, какія только оставили намъ Арабы. Оно разсказываетъ, что „Русскіе купцы—они же суть племя изъ Славянъ — вывозятъ мѣха бобровые, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Черному морю (въ Византію), за что царь Ромейскій (византійскій) беретъ съ нихъ десятину (пошлину). А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи (рѣкою Славянъ называется у Арабовъ Волга), проходятъ по заливу Хозарской столицы (мимо теперешняго Тарху), гдѣ ея владѣтель беретъ съ нихъ тоже десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана (къ юговосточнымъ берегамъ Каспія) и выходятъ на любой имъ берегъ... Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ.“ Тотъ же Арабскій географъ (Ибнъ-Хордадбе) сообщаетъ при этомъ, что купцы (вообще) ходили также къ Хозарской столицѣ съ Запада другимъ путемъ, повидимому Азовскимъ моремъ, проходя страною Славянъ, и достигая чрезъ Каспійское море по Средней Азіи даже до Китая, то есть вообще указываетъ извѣстный въ то время путь Индѣйской торговли чрезъ Воспоръ Киммерійскій. Это, по его свѣдѣніямъ, была страна Славянъ. Вообще и другіе Арабы, отъ конца 8 и до конца 10 вѣка, почитаютъ народъ Саклабъ, большимъ европейскимъ народомъ, наравнѣ съ Грекоримлянами и Франками.

---

[1] См. Гаркави: Сказанія Мусулм. писателей о Славянахъ и Русскихъ, Спб. 1870. — Хвольсона: Извѣстія о Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста, Спб. 1869.—Савельева: Мухаммед. Нумизматика, Спб. 1847.—Котляревскаго: О погребальныхъ обычаяхъ языч. Славянъ. М. 1868.

Итакъ Русскіе купцы, въ половинѣ 9 вѣка, въ самое могущественное время Хозарскаго и Арабскаго владычества на Каспійскомъ морѣ, какъ добрые гости, могли свободно высаживаться, гдѣ имъ было любо, на самомъ торговомъ юго-восточномъ его берегу, и кромѣ того, вѣроятно съ этого же берега, возили свои товары въ самый Багдадъ. Тоже самое въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Страбонъ говоритъ объ Аорсахъ, которые также на верблюдахъ торговали съ Мидіею и Вавилоніею (Багдадомъ), и занимали земли между Волгою и Дономъ, простираясь по Дону далеко къ сѣверу. Аорсы конечно былъ не тотъ народъ, что Руссы, да и Руссы совсѣмъ былъ другой народъ, чѣмъ Славяне, хотя арабскій географъ прямо говоритъ, что Русы суть племя изъ Славянъ. Какъ возможно допустить, чтобы тихіе, смирные Славяне были когда либо такъ предпріимчивы, что осмѣливались пускаться не только на корабляхъ въ Каспійское море, но даже и на верблюдахъ въ древнюю Вавилонію! А между тѣмъ въ Русской землѣ память о богатой Индіи никогда не угасала и сношенія съ нею не прекращались, хотя и оставались только въ рукахъ отважныхъ людей изъ торговаго народа.

Въ 15 вѣкѣ русскій человѣкъ, Аѳанасій Никитинъ, съ верхней Волги, изъ Твери, отправляется странствовать въ Индію, конечно руководясь тѣми преданіями объ Индѣйскомъ пути, какія искони вѣковъ существовали у обитателей всѣхъ главныхъ городовъ по теченію Волги. Кромѣ того и перевалъ изъ Дона въ Волгу съ незапамятныхъ временъ былъ такъ извѣстенъ, что Арабы почитали Донъ рукавомъ Волги, посредствомъ котораго воды Чернаго моря соединялись будто бы съ Каспіемъ. Ясно, что это была самая торная торговая дорога изъ Черноморья въ Каспійскія области и дальше въ Индію.

Арабы на Волгѣ прежде всего знали Хозаръ и оставили намъ достаточно свѣдѣній объ устройствѣ ихъ жизни, о чемъ мы говорили выше. Хозарская земля, по ихъ словамъ, страна обширная, одною стороною прилегающая къ великимъ горамъ (Кавказскимъ). Она суха и неплодородна. Много въ ней овецъ, меду и Евреевъ. Эти Евреи и были несомнѣнно руководителями всякаго торга.

Въ верхъ по Волгѣ отъ Хозарской земли сейчасъ начиналась страна Буртасовъ. Въ 15 или 20 дняхъ разстоянія отъ Хозарскаго Итиля гдѣ-то на Волгѣ же находился городъ Буртасъ, который по примѣтамъ долженъ занимать мѣсто Геродотовскаго Гелона и по всему вѣроятію есть городъ Увекъ, теперь Увѣшино Городище, вблизи Саратова, что какъ разъ приходится на 20 дней пути отъ Астрахани. Тамъ еще въ 16 вѣкѣ находили памятники съ арабскими надписями, см. стр. 235. Буртасская земля простиралась по Волгѣ въ длину и въ ширину на 17 дней. Она занимала теперешнія губерніи Саратовскую, Тамбовскую, Пензенскую, Симбирскую. Это страна Геродотовыхъ Будиновъ, Гамаксековъ Страбона, Амаксобіевъ Птоломея или нашей Мордвы—Мокши, страна ровная и изобильная лѣсистыми мѣстами, жители которой занимались звѣроловствомъ и потому были особенно богаты куньими и всякими другими дорогими мѣхами, а также и медомъ. По всей имперіи Арабскихъ Халифовъ славились и очень дорого цѣнились Буртаскіе мѣха чернобурыхъ лисицъ.

У Буртасовъ не было верховнаго главы, который бы одинъ управлялъ ими, то есть не было того, что называется государствомъ; а были у нихъ только старшины въ каждомъ селеніи по одному или по два, къ которымъ они и ходили за судомъ въ своихъ распряхъ. Настоящимъ образомъ они подчинялись царю Хозаръ и выставляли ему въ поле 10 тысячь всадниковъ. Они были сильны и храбры, а собою стройны, красивы и дородны. Всякая обида у нихъ отплачивалась местью. Одни изъ Буртасовъ сожигали покойниковъ, другіе хоронили. Нѣтъ сомнѣнія, что все это говорится больше всего о жителяхъ города Буртаса, чѣмъ объ остальномъ населеніи. Въ этомъ городѣ было до 10 тысячь жителей, часть которыхъ были мусульмане и имѣли двѣ мечети. Городъ наполнялся жителями только зимою, а лѣтомъ уходилъ въ поле кочевать. Населеніе его было смѣшанное, какъ и въ Хозарскомъ Итилѣ, по этому тѣ Буртасы, которые сожигали покойниковъ, повсему вѣроятію были Русскіе Славяне.

Дальше къ сѣверу въ трехъ дняхъ пути за страною Буртасовъ, по Волгѣ же, находилась страна Болгарская, покрытая мѣстностями болотистыми и дремучими лѣсами, посре-

ди которыхъ и жили Болгары. Это былъ народъ земледѣльческій. Онъ воздѣлывалъ всякаго рода зерновой хлѣбъ, пшеницу, ячмень, просо и другіе. Однако главное ихъ богатство точно также заключалось въ куньихъ мѣхахъ, которые у нихъ замѣняли даже монету. Каждый мѣхъ шелъ за $2^1/_2$ диргема.[1]

Мѣховая торговля и составляла главный промыселъ Болгаріи. Принимая мѣха отъ Руссовъ, которые жили по обоимъ берегамъ верхней Волги, Болгары переправляли ихъ къ Хозарамъ на устье Волги, и прямо у себя же продавали арабскимъ купцамъ, если Арабы сами поднимались до Болгаріи.

Вблизи теперешнихъ Тетюшъ, на небольшомъ волжскомъ притокѣ, съ азіатской стороны, находился главный городъ, такъ и называемый Болгаръ, нынѣ село Болгары.

Населеніе города простиралось до 10 тысячь жителей. Дома были построены изъ бревенъ, скрѣпленныхъ деревянными же шипами.

Болгарскою страною управлялъ царь, власть котораго однако не была обставлена тѣмъ чрезвычайнымъ почетомъ, какой былъ въ обычаѣ на востокѣ. Болгарскій царь выѣзжалъ одинъ, какъ простой человѣкъ, безъ мальчика и безъ другаго проводника. Когда онъ появлялся на рынкѣ, то каждый изъ народа вставалъ передъ нимъ, снималъ шапку и держалъ ее подъ мышкой. Точно также всѣ, кто входилъ къ царю, малый и большой, даже его дѣти и братья, завидѣвъ его, тотчасъ снимали шапку, клали ее подъ мышку и садились по обычаю на колѣни, потомъ вставали и уже не садились, пока не повелитъ. Шапки надѣвали уже по выходѣ.

Ибнъ-Фадланъ, арабскій посланникъ къ царю Болгаръ, которыхъ онъ называетъ также Славянами, разсказываетъ между прочимъ, что когда онъ прибылъ въ Болгарію и находился отъ города въ разстояніи дня и ночи, то царь выслалъ ему на встрѣчу четырехъ подчиненныхъ царей и своихъ братьевъ и дѣтей. Они встрѣтили пословъ съ хлѣбомъ, мясомъ и просомъ. Потомъ на разстояніи двухъ фарсанговъ (10 верстъ) самъ царь вышелъ ихъ встрѣтить и

[1] Диргемъ равнялся бывшему 30-ти копѣешнику.

лишь только увидѣлъ насъ," говоритъ путешественникъ, слѣзъ съ коня и упалъ ницъ, благодаря Бога. При этомъ онъ осыпалъ насъ деньгами. Такая слишкомъ почетная встрѣча, произошла по той причинѣ, что царь былъ уже мусульманинъ, а посольство было отъ повелителя вѣрныхъ, отъ самого халифа, посылавшаго царю по его же просьбѣ учителя вѣры и наставника въ законахъ Ислама.

На представленіи пословъ, во время чтенія посольскихъ писемъ, царь стоялъ, а его свита бросала на пословъ диргемы. Затѣмъ послы надѣли почетную одежду на супругу царя, сидѣвшую обокъ съ нимъ, какъ былъ у нихъ обычай и нравъ. Представленіе происходило въ шатрѣ. Точно также въ шатрѣ царь угощалъ пословъ обѣдомъ. Онъ сидѣлъ одинъ на престолѣ, покрытомъ греческою золотною тканью. Подчиненные цари сидѣли возлѣ него по правой сторонѣ, дѣти его сидѣли передъ нимъ, а посламъ онъ указалъ мѣсто отъ себя по лѣвой сторонѣ. Принесли ему столъ, на которомъ было жареное мясо. Онъ взялъ ножъ, отрѣзалъ кусокъ и съѣлъ его, затѣмъ другой, третій; потомъ отрѣзалъ кусокъ и подалъ посланнику, которому служители тотчасъ принесли маленькій столикъ и поставили передъ нимъ. (Гостю первый кусокъ). Таковъ у нихъ обычай, говоритъ Ибнъ-Фадланъ. Никто не дотрогивается до кушанья, пока царь не подастъ ему, и когда царь подаетъ, то приносятъ ему столъ. Затѣмъ отрѣзалъ онъ кусокъ и подалъ царю, сидѣвшему по правой его сторонѣ, и ему принесли столъ; послѣ подалъ онъ второму царю, и ему принесли столъ. Такимъ образомъ принесли каждому изъ сидѣвшихъ передъ нимъ столъ, и каждый ѣлъ особо на своемъ столѣ. Никто не ѣлъ вмѣстѣ съ царемъ и никто не беретъ съ чужаго стола. Когда кончили ѣду, каждый унесъ оставшееся на его столѣ домой. Послѣ стола царь велѣлъ принести напитокъ изъ меду, называемый у нихъ саджу, сиджу — сыта, который и онъ и всѣ пили. При этомъ, какъ кажется, произносилась молитва за царя, потому что Ибнъ-Фадланъ тотчасъ послѣ сыты упоминаетъ объ этой молитвѣ. Она заключалась въ слѣдующихъ словахъ: „Боже благослови царя Балтавара (такъ онъ именовался), царя Булгаръ". Арабъ замѣтилъ, что такъ не слѣдуетъ произносить, что только Богъ есть царь и никому не приличествуетъ

такое названіе, особенно же въ торжественномъ случаѣ. — „Какъ же слѣдуетъ, чтобъ взывали"? вопросилъ царь. Правовѣрный мусульманинъ научилъ его, что надо упомянуть его имя и имя его отца. „Но отецъ мой былъ невѣрный, отвѣтилъ царь, и я тоже не желаю, чтобы упоминали мое имя, какимъ наименовалъ меня невѣрный". Царь пожелалъ носить имя Халифа и переименовалъ на арабское и имя своего отца. Составилось такое возглашеніе: „Боже благослови твоего раба Джафара Ибнъ-Абдаллахъ, властителя Болгаръ, кліента повелителя вѣрныхъ!" Это было въ 922 году. Такъ мусульманство уже давно прокладало себѣ торную дорогу по Волгѣ на нашъ далекій сѣверъ.

У Болгарскаго царя и портной былъ изъ Багдада. Этотъ портной зашелъ однажды къ Ибнъ-Фадлану и они стали бесѣдовать, ожидая мусульманскаго призыва къ ночной молитвѣ. Услышавши призывъ, они вышли изъ палатки, а на горизонтѣ уже появилась утренняя заря.

„Къ какой молитвѣ ты взывалъ", спросилъ Арабъ муэззина. „Къ утренней", отвѣтилъ муэззинъ. „А гдѣ же послѣдняя ночная молитва?" — „Мы ее произносимъ вмѣстѣ съ молитвой при закатѣ солнца". — „А какъ же ночь"? допрашивалъ Арабъ. „Какъ видишь, ночи нѣтъ, отвѣчалъ муэззинъ. Бываютъ ночи еще короче этой; теперь онѣ начинаютъ уже увеличиваться". Это было вѣроятно въ половинѣ Іюня, ибо послы прибыли въ Болгаръ 11 Мая. Муэззинъ при этомъ разсказалъ, что онъ уже съ мѣсяцъ, какъ не спалъ по ночамъ изъ боязни опоздать утреннею молитвою, ибо здѣсь, когда человѣкъ ставитъ на огонь горшокъ во время вечерней молитвы, то не успѣваетъ изготовиться кушанье, какъ уже совершается утренняя молитва.

Все это очень удивляло Арабовъ. Они съ изумленіемъ примѣтили, что ночью на небѣ очень мало звѣздъ, что луна свѣтитъ короткое время, а потомъ исчезаетъ въ утренней зарѣ; что ночью можно узнать другаго человѣка на разстояніе дальше, чѣмъ на полетъ стрѣлы изъ лука. Царь разсказалъ Арабамъ, что за его страною, на разстояніи трехъ мѣсяцевъ, живетъ народъ Вису (Весь), у котораго ночь меньше часа. Очень изумились и даже испугались Арабы, когда случилось сѣверное сіяніе или что либо подобное передъ вечернею зарею. Они стали молиться. Араб-

ская фантазія разгорѣлась и имъ представилось, что на небѣ въ облакахъ, красныхъ, какъ огонь, видны войска, люди и кони, въ рукахъ у нихъ луки, копья, мечи; что войска сходились на битву, смѣшивались, потомъ опять раздѣлялись, при чемъ слышались громкіе голоса и глухой шумъ и т. д. Такъ продолжалось до часа ночи и потомъ все исчезло. Жители страны, не понимая ужаса иноземцевъ, издѣвались надъ ними. Когда Арабы спросили объ этомъ явленіи Болгарскаго царя, тотъ отвѣтилъ, что старые люди ему сказывали, будто это сражаются поклонники демоновъ и тѣ, которые ихъ отвергаютъ.

Арабы примѣтили также, что жители по лаю собакъ гадаютъ объ урожаѣ, что въ странѣ бываетъ часто гроза, и если молнія ударяетъ въ чей либо домъ, то послѣ того уже никто къ нему не приближается: его оставляютъ, пока отъ времени онъ не развалится и не истлѣетъ. Говорили, что на этомъ мѣстѣ почіетъ гнѣвъ Божій.

Главную пищу Болгаръ составляли просо и лошадиное мясо, не смотря на то, что въ ихъ странѣ много было пшеницы и ячменя. Вмѣсто масла, они употребляли рыбій жиръ (?), ибо другаго масла у нихъ небыло. Между тѣмъ Арабы удивлялись обилію въ странѣ орѣховыхъ лѣсовъ и извѣстно, что въ Средней Азіи наши орѣхи и до сихъ поръ удерживаютъ названіе Болгарскихъ, слѣдов. можно полагать, что Болгары и въ древнее время уже торговали ими и только не придумали добывать изъ нихъ орѣховое масло. У Болгаръ росло еще дерево, неизвѣстное Арабамъ, очень высокое, по вершинѣ похожее на пальму съ тонкими, но собранными вмѣстѣ листьями, вѣроятно береза. Въ этомъ деревѣ туземцы пробуравливали диру, подставляли сосудъ, въ который и текла изъ дерева жидкость, превосходившая медъ; если кто много ее пилъ, то пьянѣлъ, какъ отъ вина. До сихъ поръ крестьяне добываютъ такой сокъ изъ березы (березовица), и пьяную березовицу навеселяютъ хмѣлемъ.

Мужчины и женщины, не зная стыда, купались въ рѣкѣ вмѣстѣ, но съ большимъ цѣломудріемъ. Блудника, а также и вора казнили смертною и ужасною казнью. Такихъ злодѣевъ распинали за руки и за ноги на четырехъ шестахъ на вѣсу и разсѣкали сѣкирою вдоль тѣла по поламъ. „Я

старался, говоритъ Ибнъ-Фадланъ, чтобъ женщины прикрывали себя отъ мужчинъ при купаніи, но это мнѣ не удалось".

Болгары платили своему царю подать по бычачьей шкурѣ отъ дома, также лошадьми и другими предметами. Кто изъ нихъ женится, тотъ долженъ отдать царю верховую лошадь. Ихъ войско было конное, носило кольчуги и имѣло полное вооруженіе.

Большая часть населенія уже во второй половинѣ 9 вѣка исповѣдывала Исламъ, въ селеніяхъ находились мечети и начальныя училища съ муэззинами и имами.

Изъ обычаевъ язычниковъ Арабы примѣтили, что предъ каждымъ знакомымъ, съ которымъ встрѣчались, они повергались ницъ, т. е. клали земный поклонъ.

Одежда Болгаръ походила на Мусульманскую: кафтаны и халаты ихъ были полные, то есть длинные.

Съ пріѣзжихъ купцовъ-мусульманъ они брали пошлину, десятую часть товаромъ.

Ибнъ-Фадланъ называетъ Болгаръ Славянами. Такъ широко Арабы распространяли свои географическія понятія о Славянствѣ. Другіе писатели свидѣтельствуютъ, что сами Болгары, въ Багдадѣ, на вопросъ, что такое Болгаръ? отвѣчали, что они народъ смѣшанный изъ Турокъ и Славянъ. Вѣроятно Волгары такъ говорили о населеніи своего города. Однако тоже самое иные Арабы говорятъ и о Хозарахъ. Все это показываетъ, что Русское Славянство съ давнихъ временъ сидѣло крѣпкимъ населеніемъ во всѣхъ торговыхъ гнѣздахъ на Волгѣ и на прилегающихъ моряхъ.

Болгаріей на Волгѣ оканчивалось вліяніе мусульманства, а съ этимъ вмѣстѣ оканчивались и точныя, или сколько нибудь опредѣленныя свѣдѣнія о нашей странѣ. Арабы знали только, что страна на Западъ отъ Болгаріи населена Руссами и Славянами. Волга—рѣка Славянская и Русская, Донъ—рѣка Славянская и Русская. Черное море—Русское море, потому что только одни Руссы плаваютъ по немъ. Они и живутъ на одномъ изъ его береговъ. О Славянствѣ Арабы хорошо знали, что это большая народность Европейскаго материка. Они знали раздѣленіе этой народности на многія племена. Они называютъ эти племена по именамъ, называютъ имена Славянскихъ царей и нѣкоторые города; но все

это обозначается такъ смутно и такъ неясно относительно именъ, что изо всѣхъ Арабскихъ показаній остается лишь общее понятіе, что въ 9 и 10 вѣкахъ въ Европѣ существовало много Славянскихъ племенъ, жившихъ частію самостоятельно и независимо ни отъ кого.

Русское Славянство на всемъ пространствѣ нашей равнины у Арабовъ именовалось Русью, а также и Славяніею. Волга течетъ изъ Руса и Болгара. Масуди говоритъ, что Руссы великій народъ, не покоряющійся ни царю, ни закону (религіи), что Руссы составляютъ многіе народы, раздѣляющіеся на разрозненныя племена. Между ними есть племя, называемое Лудана или Лудаія (быть можетъ Лютичи Балтійскіе), которое есть многочисленнѣйшее изъ нихъ; они путешествуютъ съ товарами въ страну Андалусъ-Испанію, Румію-Италію, Кустантинію-Византію и Хазаръ. Если, по объясненію Френа здѣсь говорится о нашей Ладогѣ и Ладожанахъ, то этимъ вполнѣ утверждаются извѣстія о постоянныхъ сношеніяхъ нашей Новгородской страны съ Балтійскими Поморцами Славянскаго племени.

Вообще какъ о Руси, такъ и о Славянахъ изъ Арабскихъ писателей извлекаются только тѣ понятія, какія существуютъ въ нашей первой лѣтописи. О Руси извлекаются именно несовсѣмъ опредѣленныя показанія, вся ли страна именовалась Русью или только одна Кіевская область носила это имя исключительно передъ другими.

Въ половинѣ 10 вѣка Арабы пишутъ, что Русы состоятъ изъ трехъ племенъ, изъ которыхъ одно ближе къ Болгару и царь его живетъ въ городѣ, называемомъ Куяба (Кіевъ), который больше Болгара. Кіевъ вовсе не ближе къ Болгарамъ Волжскимъ, а ближе вдвое отъ Волги къ Булгарамъ Дунайскимъ; ясно что географъ путаетъ имя обоихъ народовъ. Но говоря о Кіевѣ, что онъ больше Болгара, географъ показываетъ, что свои свѣдѣнія о Кіевѣ онъ получилъ съ Волги.

Другое племя, живущее выше перваго, называется Славія—это несомнѣнно Славяне-Новгородцы. Еще племя называется Артсанія и царь его живетъ въ городѣ Артсѣ. Купцы торговать съ Руссами отправляются только въ Кіевъ. Но никто не разсказывалъ, чтобы иностранные купцы ѣздили въ Артсану. Тамъ убиваютъ всякаго иностран-

ца, который вступаетъ въ ту землю. Сами же они спускаются по водѣ и ведутъ торговлю, но ничего не разсказываютъ про свои дѣла и товары, и не допускаютъ никого провожать их и вступать въ ихъ страну. По другимъ свѣдѣніямъ это племя вело торговыя сношенія съ Кіевомъ и даже провожало туда иноземныхъ купцовъ [1]. Изъ Артсы вывозятся черные соболи, черныя лисицы и свинецъ-олово.

Какая это была Русская сторона Артса, толкователи не согласны между собою. Имя Артса, Арта, какъ и многія другія имена, написанныя по Арабски, читается различно на всякіе лады. Изъ нея выходитъ и Арба, и Арса, и Арна, Арма, Арка, Арфа, Абарка, Абарма, Утанія, Аутанія и т. д. Ученый Френъ растолковалъ, что это Мордовское племя Эрза, основываясь прежде всего, конечно, на сходствѣ звуковъ, Эрза-Арса. Но странно: никогда въ исторіи неизвѣстное Мордовское имя Эрза, означающее отдѣлъ Мокшанскаго племени, было предпочтено очень извѣстному съ 11 вѣка Русскому имени Рязань, область которой находилась въ той же сторонѣ, по границамъ этой Мокши и Эрзы. Это странно тѣмъ болѣе, что Арабы прямо называютъ Арсу племенемъ Русскимъ. Френъ, а за нимъ Савельевъ, объясняли, что толкуютъ такъ по той причинѣ, что Эрза была подчинена Руссамъ. Но этого было уже вполнѣ достаточно, чтобы во главу угла поставить Русскую Рязань, и ею объяснить Арабскую Арсу, тѣмъ болѣе, что населеніе Мокши и Эрзы Арабы обозначили подъ именемъ Буртасовъ, говоря, что сейчасъ за Буртасами начинается земля Болгаровъ. И здѣсь, такимъ образомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, невольно обнаружилось заученное понятіе о Руси, какъ о пустомъ мѣстѣ, даже въ своей этнографіи.

Другіе изслѣдователи толкуютъ, что эту Арсу, Артсанію, должно читать Арбой, Арманіей или Біарманіей, которая прямо будетъ указывать на Біармію или Пермь. Въ Перми, слѣд. обитало третье Русское племя. Намъ кажется, что въ этихъ случаяхъ изслѣдователи вовсе забываютъ о Ростовѣ, который, судя по названію Великій, то есть старшій, древній, несомнѣнно былъ старшимъ городомъ, въ своей странѣ съ незапамятнаго времени и покрайней мѣрѣ

[1] Савельевъ: Мухам. Нумизматика, стр. CXVIII.

съ 9 вѣка, ибо онъ поминается уже при Рюрикѣ. Черезъ Ростовъ, черезъ эту Артсанію, Болгары на Волгѣ и получали мѣха и свинецъ-олово, товаръ западный, приходившій въ Ростовъ изъ Новгорода, а туда съ Балтійскаго моря изъ Британіи и Испаніи. Въ Ростовскую область никто не ходилъ изъ Арабовъ, оттого, по справедливому объясненію изслѣдователей, что Болгары для своихъ монопольныхъ выгодъ разсказывали объ этой землѣ Арабамъ разныя страхи, пугали ихъ, какъ дѣтей. Ростовское, Суздальское Славянское племя дѣйствительно составляло особую народность или особое владычество. По значенію такого владычества Арабы вѣроятно и распредѣляли Русскія племена на три доли.

Затѣмъ Арабъ Истахри спутываетъ всѣ предположенія. говоря, что „Арта находится между Хозаромъ и великимъ Булгаромъ" (Дунайскимъ), такъ что здѣсь подъ именемъ Арты повидимому онъ понимаетъ всю южную Кіевскую Русь. Если же признать въ этомъ великомъ Болгарѣ Болгаръ Волжскихъ, которыхъ Арабы всегда смѣшивали съ Дунайскими, тогда Арта можетъ обозначиться нашею Рязанскою областью, и во всякомъ случаѣ это будетъ или Рязань или Ростовъ.

Точно также весьма загадочно сказаніе Арабовъ о томъ, что Руссы жили на островѣ. Какіе это были Руссы и гдѣ находился этотъ островъ, мы можемъ только гадать.

Островъ, на которомъ они жили, былъ окруженъ озеромъ и служилъ имъ укрѣпленнымъ мѣстомъ для защиты отъ враговъ. Онъ занималъ пространство трехъ дней пути, около 100 верстъ, былъ покрытъ лѣсами и болотами, отчего былъ нездоровъ и сыръ до того, что стоитъ наступить ногою на землю и она уже трясется по причинѣ обилія въ ней воды. Количество Руссовъ простиралось до 100 тысячъ. У нихъ былъ царь, который назывался Хаканъ-Русъ. Пашнею Руссы не занимались, а питались лишь тѣмъ, что привозили изъ земли Славянъ. Они дѣлали набѣги на Славянъ; подъѣзжали къ нимъ на корабляхъ, высаживались, забирали Славянъ въ плѣнъ, отвозили въ Хазеранъ, то есть въ Итиль къ Хозарамъ, и въ Болгаръ, и тамъ ихъ продавали.

Норманисты находили этотъ неизвѣстный островъ въ Даніи, основываясь на его имени Вабія, которое послѣ одна-

ко оказалось простымъ словомъ: сырой, нездоровый. Ближе подходитъ къ нему островъ Рюгенъ. Еще ближе—островъ Тмутороканскій, гдѣ въ 10 вѣкѣ существовало уже Тмутороканское Русское княжество. Но можетъ быть, что Арабскій географъ думаетъ здѣсь о прославленныхъ Меотійскихъ Болотахъ и Меотійскомъ озерѣ, о которыхъ онъ несомнѣнно имѣлъ понятіе изъ византійскихъ источниковъ.

Дальнѣйшее повѣствованіе о Руси этого географа (Ибнъ-Даста) больше всего рисуетъ уже Русь Кіевскую, которая представляется ему и военною дружиною, какою она была въ дѣйствительности, и торговымъ народомъ.

„Русь, говоритъ онъ, не имѣетъ недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашенъ; единственный промыслъ ихъ — торговля собольими, бѣличьими и другими мѣхами, которые они и продаютъ желающимъ, а получаемыя деньги завязываютъ на-крѣпко въ свои пояса". Потомъ, черезъ строку ниже, географъ свидѣтельствуетъ, что „городовъ у нихъ большое число и живутъ въ довольствѣ, на просторѣ. Любятъ опрятность въ одеждѣ, даже мужчины носятъ золотые браслеты. Объ одеждѣ своей заботятся потому, что занимаются торговлею. Съ рабами обращаются хорошо." Но тѣже самыя рѣчи другой переводчикъ г. Гаркави передаетъ такъ: „Одѣваются они неопрятно; мужчины у нихъ носятъ золотые браслеты. Съ рабами обращаются хорошо и заботятся объ ихъ одеждѣ, потому что даютъ имъ занятія при торговлѣ." Читателю остается уже самому соображать, какой переводъ ближе къ истинѣ. Объ одеждѣ Руссовъ Арабы замѣтили вообще, что она была короткая, а не длиннополая. Они особенно замѣтили, что Руссы носили очень широкія шалвары: сто локтей матеріи идетъ на каждыя. Надѣвая такія шалвары Руссы собираютъ ихъ въ сборки у колѣнъ, къ которымъ ихъ и привязываютъ. Нѣкоторые изъ Руссовъ брѣютъ бороду, другіе свиваютъ ее на подобіе лошадинной гривы и окрашиваютъ желтой (или черной) краской". До сихъ поръ малороссы носятъ шаравары непомѣрной ширины и связываютъ ихъ у лодыжекъ при башмакахъ или у колѣнъ при сапогахъ.

„Гостямъ Руссы оказываютъ почетъ и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и со всѣми, кто часто бываетъ у нихъ, не позво-

ляя никому изъ своихъ обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его." Все это утверждаютъ византійскіе писатели 6 вѣка, стр. 410, и наша Русская Правда 11 и 12 вѣка.

„Когда у кого изъ Руси родится сынъ, то отецъ новорожденнаго кладетъ передъ дитятею обнаженный мечь и говоритъ: „Не оставлю въ наслѣдство тебѣ никакого имущества. Будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ этимъ мечемъ." Мечи у нихъ Соломоновы. По мусульманскимъ понятіямъ это значило, что мечи были отличные, кованые самими геніями для царя Соломона. Вообще должно понимать, что эти мечи были хорошаго склада и хорошей работы. Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что они были франкской работы.

„Всѣ постоянно носятъ при себѣ мечи, потому что мало довѣряютъ они другъ другу, и коварство между ними дѣло обыкновенное: если кому удастся пріобрѣсть хотя малое имущество, то ужь родной братъ или товарищь тотчасъ же начинаютъ завидовать и домогаться, какъ бы убить его и ограбить. Когда кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другаго, то зоветъ его на судъ къ царю, передъ которымъ и прениралются; когда царь произнесетъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то, по его приказанію, они рѣшаютъ дѣло оружіемъ: чей мечь острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту приходятъ и становятся родственники обѣихъ тяжущихся сторонъ. Тогда соперники вступаютъ въ бой и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ."

„Когда, который либо изъ родовъ проситъ о помощи, то выступаютъ въ поле всѣ и не раздѣляются на отдѣльные отряды, а борются со врагомъ сомкнутымъ строемъ, пока не побѣдятъ его."

„Русь мужественны и храбры. Когда нападаютъ на другой народъ, то не отстаютъ, пока не уничтожатъ его всего. Женщинами побѣжденныхъ сами пользуются, а мужчинъ обращаютъ въ рабство. Ростомъ они высоки, красивы собою и смѣлы въ нападеніяхъ. Но смѣлости этой на конѣ не обнаруживаютъ: всѣ свои набѣги и походы производятъ

они на корабляхъ." Арабы больше всего Руссовъ встрѣчали на водѣ, въ устьяхъ Волги, почему и сложилось ихъ понятіе, что это былъ народъ исключительно мореходный.

„Есть у нихъ врачи-волхвы, имѣющіе такое вліяніе на ихъ царя, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву" ихъ творцу что ни вздумается имъ: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ волхвъ, не исполнить его приказанія нельзя никоимъ образомъ. Взявъ человѣка или животное, волхвъ накидываетъ ему петлю на шею, повѣситъ жертву на бревно и ждетъ, пока она задохнется. Тогда говоритъ: Вотъ это—жертва Богу."

„Когда умираетъ у нихъ кто либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ туже могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе, опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканеную монету. Наконецъ кладутъ въ могилу живою и любимую жену покойника. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается и жена умираетъ въ заключеніи". Здѣсь арабъ ничего не говоритъ о сожженіи покойника.

Древнѣйшій Русскій погребальный обрядъ лучше всего описываетъ очевидецъ Ибнъ-Фадланъ. Онъ говоритъ: „Я видѣлъ Руссовъ, когда они пришли съ своими товарами и расположились по рѣкѣ Волгѣ." Онъ не сказываетъ, въ какомъ это было мѣстѣ, въ Хозарскомъ городѣ Итилѣ, въ устьяхъ Волги, или же у Волжскихъ Болгаръ, въ ихъ городѣ Болгарѣ, который однако отстоялъ отъ Волги верстъ на десять. Вѣроятнѣе, что дѣло было у Хозаръ.

„Я видѣлъ Руссовъ, продолжаетъ путешественникъ, и я не видалъ людей болѣе совершенныхъ (великихъ) членами, какъ были они. Какъ будто они пальмовыя деревья. Они рыжи, не носятъ ни куртокъ, ни кафтановъ; но у нихъ мужчина надѣваетъ плащь, которымъ онъ обвиваетъ одинъ бокъ, и одну руку выпускаетъ изъ подъ него. Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ неразлучно мечь, ножъ и сѣкиру; мечи ихъ широкіе, волнообразные, клинки франкской работы. Начиная отъ конца ногтя каждаго изъ нихъ до

его шеи видны зеленыя деревья, изображенія и другія вещи [1].

Женщины Руссовъ, каждая также носила на груди ножъ, который висѣлъ на кольцѣ у какой то коробочки, висѣвшей также на груди и сдѣланной изъ желѣза или мѣди, или изъ серебра и золота, смотря по достатку мужа. На шеѣ женщины носили цѣпи, ожерелья, золотыя и серебряныя. Арабъ разсказываетъ, что когда мужъ имѣлъ 10 тысячъ диргемовъ, то дѣлалъ женѣ одну цѣпь, когда имѣлъ 20 тысячъ, то дѣлалъ двѣ цѣпи и такимъ порядкомъ число цѣпей увеличивалось, смотря по добычамъ мужа, такъ что иныя жены носили много такихъ цѣпей. Однако лучшимъ украшеніемъ они почитали ожерелья изъ зеленыхъ бусъ и старались всѣми силами доставать такія бусы, покупая одну бусу за диргемъ.

Они, Руссы, приходятъ изъ своей страны и бросаютъ якорь на Волгѣ. На берегу у якорнаго мѣста строятъ большіе деревянные дома и живутъ въ нихъ человѣкъ по 10, по 20, или больше или меньше. У каждаго изъ нихъ есть скамья, лавка, на которой онъ сидитъ вмѣстѣ съ привезенными для продажи красивыми дѣвушками. Это и была торговая лавка, сохранившая и до сихъ поръ свое первобытное имя для всякаго мелочнаго торговаго помѣщенія. Во время прибытія судовъ къ якорному мѣсту, каждый изъ нихъ выходитъ, неся хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и пьяный напитокъ, и идетъ къ своимъ кумирамъ. Это были деревянные болваны, одинъ въ срединѣ, высокій, съ изображеніемъ лица похожаго на человѣческое, другіе малые, стояли вокругъ главнаго. Позади изображеній боговъ поставлены были также высокіе столбы.

Руссъ подходитъ къ большому изображенію, простирается передъ нимъ, кладетъ принесенное и говоритъ: „О господине! Я пришелъ издалека, со мной дѣвушекъ — столько и столько-то головъ, соболей — столько и столь-

---

[1] Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ объ украшеніяхъ или на лезвеѣ меча или на его ножнахъ. Франкскіе мечи бывали и съ острееиъ зубатымъ, волнообразнымъ. Но слово волнообразный можетъ обозначать и булатную наводку всего лезвея.

ко-то шкуръ", пока не поименовываетъ всего, что ни привезъ изъ своего товара. Затѣмъ продолжаетъ: „Этотъ подарокъ принесъ я тебѣ, желаю, чтобъ ты послалъ мнѣ купца съ динарами (золотыми) и дергемами (серебряная монета), который купилъ бы у меня все, что желаю продать и не торговался бы, не прекословилъ бы ни въ чемъ". Послѣ того Руссъ уходилъ. Если продажа бывала затруднительна и долго затягивалась, то Руссъ снова во второй и въ третій разъ приносилъ жертву большому кумиру, а потомъ обращался и къ малымъ, все прося о ходатайствѣ, не пропуская ни одного изображенія и кланяясь каждому униженно. Малые кумиры представляли женъ и дочерей главнаго бога. Часто продажа бывала легка, торгъ шелъ удачно, тогда за исполненіе своихъ желаній молельщикъ не жалѣлъ и богатой жертвы. Онъ приводилъ къ кумирамъ нѣсколько головъ рогатаго скота и овецъ, жертвовалъ ихъ, т. е. убивалъ, часть мяса раздавалъ бѣднымъ, остальное покладалъ передъ кумирами, а головы развѣшивалъ на оградные задніе столбы. Наставала ночь, говоритъ Ибнъ-Фадланъ, являлись собаки и съѣдали все мясо, а жертвователь говорилъ: Владыка благоволитъ ко мнѣ, онъ принялъ (сожралъ) мою жертву.

„Мнѣ сказывали, пишетъ Ибнъ-Фадланъ, что Руссы съ своими начальными людьми дѣлаютъ при ихъ смерти такія вещи, изъ которыхъ малѣйшая есть сожженіе. Я очень желалъ присутствовать при этомъ и вотъ я узналъ, что одинъ знатный человѣкъ у нихъ умеръ. Они положили его въ могилу въ томъ плащѣ, въ которомъ онъ умеръ, поставили съ нимъ пьяный напитокъ, положили плоды и лютню или балалайку. Могилу накрыли крышкой, засыпали землей, и она такъ оставалась въ продолженіи десяти дней, пока кроили и шили покойнику одежду. Это дѣлается такъ: бѣдному человѣку дѣлаютъ у нихъ небольшое судно, ладью, кладутъ его туда и сожигаютъ его. У богатаго же они собираютъ его имущество и раздѣляютъ его на три части: одну даютъ семьѣ, а на другую изготовляютъ платье, а на третью долю покупаютъ пьяный напитокъ, который пьютъ въ тотъ день, когда его дѣвушка убиваетъ себя и сожигается вмѣстѣ съ своимъ господиномъ. Они очень преданы вину, пьютъ днемъ и ночью, такъ что иной отъ пьянства и умираетъ съ кружкой въ рукѣ".

„Когда у нихъ умираетъ начальный человѣкъ, то его семья говоритъ дѣвушкамъ и мальчикамъ (вообще подчиненнымъ или слугамъ, по древне-русскому названію отроками): „Кто изъ васъ умретъ съ нимъ“? Кто нибудь скажетъ: „Я!“ Когда такъ сказалъ, то уже дѣло кончено, это уже обязательно для пожелавшаго умереть; обратиться вспять уже нельзя; еслибъ такой и захотѣлъ избавиться отъ смерти, то этого недопустятъ. По большой части соглашаются на смерть дѣвушки. Такъ точно произошло и въ настоящемъ случаѣ. Когда умеръ вышеупомянутый человѣкъ, то сказали его дѣвушкамъ: „Кто умретъ съ нимъ?“ И одна изъ нихъ отвѣтила: „Я!“ По этому назначили двухъ дѣвушекъ, которыя бы стерегли, охраняли ее, прислуживали бы ей и были бы всегда съ ней, куда ни пойдетъ. Иногда онѣ даже моютъ ей ноги своими руками. Затѣмъ взялись кроить одежду для покойника и готовить все нужное. Между тѣмъ дѣвушка пила каждый день и пѣла, веселясь и радуясь“.

„Когда наступилъ день, назначенный для сожженія, я пошелъ къ рѣкѣ, гдѣ стояло судно (лодка) для умершаго. И вотъ оно было уже вытащено на берегъ; сдѣлали для него четыре деревянныя подпоры, а вокругъ поставили деревянныя изображенія, подобныя великанамъ (кумиры). Лодку притащили и поставили на столбы-подпоры. Люди начали ходить взадъ и впередъ и говорили слова мнѣ непонятныя. А мертвецъ еще былъ въ своей могилѣ, они его еще не вынули. Затѣмъ принесли скамью (ложе) и поставили ее въ лодку. Послѣ того пришла старая женщина, которую называютъ ангеломъ смерти. Она постлала скамью коврами, а по нимъ греческою золотною тканью и положила подушки изъ такой же ткани. Она управляетъ шитьемъ и его приготовленіемъ, она же принимаетъ (убиваетъ) дѣвушку. Я видѣлъ ее: она черная (темнокрасная), толстая, блистающая, съ лютымъ видомъ“.

„Когда постель была изготовлена, Руссы пошли за покойникомъ къ его могилѣ, сняли землю и крышу, вынули мертвеца, какъ онъ былъ, со всѣми предметами, которые съ нимъ были положены. Я видѣлъ его почернѣвшимъ отъ холода этой страны, а впрочемъ онъ ни въ чемъ не перемѣнился. Ему надѣли шаравары, носки или чулки, сапоги, куртку и кафтанъ изъ золотной ткани съ золотыми пу-

говицами; надѣли ему на голову шапку изъ золотной ткани съ собольею опушкою; донесли его въ палатку, которая была устроена въ упомянутой лодкѣ, посадили на постель и подперли его подушками. За тѣмъ принесли пьяный напитокъ, плоды, благовонныя растенія и положили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо, лукъ и положили передъ нимъ; принесли собаку, разсѣкли ее на двѣ части и положили въ лодку. Принесли все оружіе покойника и положили обокъ ему. Послѣ того привели двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока не вспотѣли, затѣмъ разрубили ихъ мечами и мясо поклали въ лодку. Привели двухъ быковъ (или двухъ коровъ), разрубили ихъ и поклали въ лодку. Принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали ихъ и поклали туда же".

„А дѣвушка, которая должна была умереть, ходила повсюду, заходила въ каждую палатку Руссовъ...... прощалась съ ихъ хозяевами".

„Въ пятницу, между полуднемъ и закатомъ, Руссы повели дѣвушку къ чему-то сдѣланному на подобіе навѣса или выступа у дверей. Она стала на ладони мужчинъ и поднялась (или посмотрѣла) на этотъ навѣсъ, сказала что-то на своемъ языкѣ и была спущена. Она сказала: „вотъ вижу отца моего и мать мою!" За тѣмъ ее подняли во второй разъ. Она сдѣлала тоже самое и сказала: „вотъ вижу всѣхъ родителей, умершихъ родственниковъ, сидятъ!" Подняли ее въ третій разъ и она сказала: „вотъ вижу моего господина, сидитъ въ саду, въ раю, а рай прекрасенъ, зеленъ; съ нимъ сидитъ его дружина и отроки (слуги); онъ зоветъ меня! Ведите меня къ нему!" Ее повели къ лодкѣ. Она сняла свои запястья (браслеты) и подала ихъ ангелу смерти— старой женщинѣ. Она сняла обручи-кольца съ своихъ ногъ и отдала ихъ двумъ дѣвушкамъ, которыя ей прислуживали; онѣ прозываются дочерями этой старухи, т. е. дочерями ангела смерти. Потомъ ее подняли на лодку, но не ввели въ палатку, гдѣ лежалъ мертвецъ. Пришли мущины со щитами и палками и подали ей кружку съ пьянымъ напиткомъ. Она взяла ее, пѣла надъ нею пѣсню и выпила ее. Это она прощалась съ своими подругами. Послѣ того ей подали другую кружку. Она взяла и запѣла длинную пѣсню... Старуха торопила ее выпивать кружку скорѣе и идти въ палатку, гдѣ ея господинъ. Я видѣлъ ее въ нерѣшимо-

сти, замѣчаетъ Ибнъ-Фадланъ: она измѣнилась. Неизвѣстно, желала ли она войдти въ палатку. Она просунула туда голову. Старуха взяла ее за голову, ввела ее въ палатку и сама вошла съ ней. Мужчины начали стучать по щитамъ палицами, для того (вѣроятно), чтобъ не слышно было ея криковъ, чтобъ это не устрашало другихъ дѣвушекъ, готовыхъ также умирать съ своими господами".

„Въ палатку вошли шесть человѣкъ... и простерли дѣвушку о-бокъ съ мертвецомъ — ея господиномъ; двое схватили ее за ноги и двое за руки, а старуха—ангелъ смерти обвила ей вокругъ шеи веревку, за концы которой взялись остальные двое мужчинъ. Старуха-вѣдьма, ангелъ смерти, подошла съ большимъ ширококлиннымъ ножемъ и начала вонзать его между реберъ жертвы, а двое мужчинъ тянули за концы веревку и душили ее, пока не умерла. Послѣ того подъ лодку наложили дровъ, и ближайшій родственникъ покойника взялъ кусокъ дерева, зажегъ его и, держа въ рукѣ, пошелъ къ лодкѣ задомъ. Онъ первый зажегъ костеръ; за нимъ стали подходить остальные люди съ лучинами и дровами; каждый бросалъ въ костеръ зажженную лучину и дрова. Вскорѣ огонь охватилъ дрова, затѣмъ лодку, потомъ палатку съ мертвыми и со всѣмъ въ ней находящимся. При этомъ подулъ сильный, грозный вѣтеръ, пламя усилилось и все больше распространяло свое могущество".

„Подлѣ меня стоялъ человѣкъ изъ Руссовъ, говоритъ путешественникъ, и я слышалъ, какъ онъ разговаривалъ съ толмачомъ. Я спросилъ толмача, о чемъ онъ велъ съ нимъ рѣчь? Онъ отвѣтилъ, что Руссъ сказалъ ему: „Вы арабы народъ глупый. Вы берете любимаго и почтеннѣйшаго для васъ человѣка и бросаете его въ землю, гдѣ его поѣдаютъ гады и черви. Мы въ одно мгновеніе сжигаемъ его въ огнѣ и онъ въ тотъ же часъ входитъ въ рай". Затѣмъ этотъ человѣкъ засмѣялся чрезмѣрнымъ смѣхомъ и проговорилъ: „Владыка (богъ) любитъ покойника: послалъ сильный вѣтеръ и огонь унесъ его въ одночасье". И дѣйствительно, замѣчаетъ арабъ, не прошло и часа какъ лодка, дрова и оба мертвеца превратились въ пепелъ. На этомъ огнищѣ Руссы устроили что-то подобное круглому холму, вставили въ средину большое дерево, написали на немъ имя умершаго человѣка и имя Русскаго царя, и удалились.

Какъ сходно это арабское свидѣтельство очевидца съ разсказомъ историка Прокопія о сожженіи покойника и съ его женою у Геруловъ, обитавшихъ въ устьѣ Днѣпра и потомъ у Дуная см. выше стр. 308. Другой писатель, Масуди, о такихъ похоронахъ говоритъ коротко, что Руссы „сожигаютъ своихъ мертвецовъ съ ихъ вьючнымъ скотомъ, оружіемъ и украшеніями. Когда умираетъ мужчина, то сожигается съ нимъ жена его живою; если же умираетъ женщина, то мужъ не сожигается; а если умираетъ у нихъ холостой, то его женятъ по смерти. Женщины ихъ желаютъ своего сожженія для того, чтобы войдти съ мужьями въ рай". Г. Котляревскій очень основательно объясняетъ, что описанные похороны у Ибнъ-Фадлана могли быть въ тоже время и свадьбою покойника, который по видимому былъ холостой.

Когда у Руссовъ кто заболѣвалъ, они заботливо отдѣляли его отъ помѣщенія здоровыхъ, устроивали ему вдали особую палатку, оставляли ему нѣсколько хлѣба и воды и больше не приближались къ нему, особенно если онъ былъ бѣдный или рабъ. По другому разсказу, напротивъ, они посѣщали больнаго во все время. И то, и другое могло быть правдой, смотря по свойству болѣзни, да къ тому еще въ чужой сторонѣ, напр. у Хозаръ, на устьяхъ Волги. Ясно одно, что опытные въ своихъ походахъ Руссы берегли себя отъ заразы. Рабовъ они не сожигали и оставляли безъ погребенія, но по другимъ извѣстіямъ вообще у Славянъ сожигали всѣхъ.

Правовѣрному мусульманину, какимъ былъ Ибнъ-Фадланъ, очень показалось дикимъ, что Руссы вовсе не исполняли мусульманскихъ уставовъ относительно безпрестанныхъ омовеній и очищеній. Поэтому онъ называетъ Руссовъ наигрязнѣйшими тварями божіими: они, говоритъ, не очищаются и не омываются ни въ какомъ случаѣ, какъ будто блуждающіе дикіе ослы. А затѣмъ самъ же разсказываетъ, хотя и съ видомъ нѣкотораго омерзенія, что каждый день утромъ они умываются всѣ въ одной и той же лохани: Дѣвушка приходитъ съ большою лоханью, наполненною водой, и ставитъ ее передъ своимъ хозяиномъ, который моетъ въ ней лице, руки, волосы, моетъ и чешетъ ихъ гребнемъ въ лохань, туда же сморкается и плюетъ и оставляетъ въ лохани всякую нечистоту. Когда одинъ окончитъ умыванье, дѣвушка несетъ лохань къ другому, къ третьему и такъ далѣе, пока

не обойдетъ кругомъ всѣхъ, живущихъ въ домѣ, и каждый моется также, какъ и первый. Въ арабскомъ разсказѣ представляется такъ, что будто всѣ мылись одинъ послѣ другаго тоюже грязною водой; но по смыслу рѣчи можно съ вѣроятностію заключить, что мусульманину не нравилось собственно умыванье всѣхъ изъ одной лохани. Это самое онъ и почиталъ нечистоплотностью и грязью. Затѣмъ мусульманское воображеніе повсюду въ дѣйствіяхъ Руссовъ усматривало поползновенія къ сладострастію, что также не совсѣмъ правдоподобно, хотя въ иныхъ случаяхъ нарисованные арабами нравы Руссовъ въ отношеніи къ ихъ рабынямъ и женамъ, въ обращеніи съ которыми они не знали срама и стыда, могли существовать, какъ явленія первобытной младенческой простоты отношеній, незнавшей никакой застѣнчивости, и имѣвшей свои религіозныя понятія о грѣховности человѣческихъ поступковъ. Свидѣтельство нашего Нестора о безстыдныхъ нравахъ остальныхъ славянскихъ племенъ, кромѣ излюбленныхъ имъ Полянъ-Кіевлянъ, вполнѣ подтверждаетъ разсказы арабовъ.

Съ ворами и разбойниками Руссы поступали также по первобытнымъ законамъ: такого человѣка они вздергивали на дерево на крѣпкой веревкѣ, и такъ оставляли его, пока отъ вѣтровъ и дождей не распадется на куски.

Объ обычаяхъ русскаго князя Ибнъ-Фадланъ разсказываетъ не совсѣмъ понятныя вещи, и это быть можетъ объясняется склонностію арабовъ выражаться иносказательно и аллегорически.

У Русскаго князя во дворцѣ съ нимъ живутъ 400 человѣкъ храбрыхъ его сподвижниковъ. Это вѣрные ему люди, всегда готовые идти за него на смерть; иные умираютъ при его смерти, то есть подобно женщинамъ соглашаются слѣдовать за нимъ на костеръ сожженія. Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ двухъ дѣвушекъ, одна его жена, другая прислуживаетъ ему, моетъ ему голову, приготовляетъ, что ѣсть и пить. Эти 400 человѣкъ сидятъ подъ престоломъ князя, (явное иносказаніе); престолъ же его великъ и украшенъ драгоцѣнными камнями. На престолѣ съ нимъ сидятъ сорокъ дѣвушекъ—всѣ его жены... У него есть намѣстникъ, главный воевода, который водитъ войска и заступаетъ мѣсто князя у подданныхъ, то есть въ управленіи страною.

По объясненію Арабовъ Руссы и Славяне, жившіе въ Хозарской странѣ, находились въ зависимости отъ Хозарскаго Кагана, населяли его столицу Итиль и составляли его войско и прислугу. Все это, относительно постояннаго пребыванія Руси въ устьяхъ Волги, должно было существовать не только при Хозарскомъ Каганѣ, но и съ незапамятныхъ временъ, по естественной этнологической причинѣ, что въ устью рѣкъ неизмѣнно всегда уносится и отважное населеніе отъ ихъ верховьевъ. Если уже по Птоломею наша равнина была значительно населена, то отважный избытокъ населенія и во времена Птоломея населялъ всѣ устья нашихъ рѣкъ, промышляя торгомъ, работою, мечемъ, хотя бы и въ чужихъ городахъ. При накопленіи однороднаго населенія чужой городъ легко попадалъ во власть господствовавшей въ немъ военной дружины. Такъ вѣроятно попало и устье Волги въ руки Хозаръ. Такъ, въ этомъ же мѣстѣ, еще въ первомъ вѣкѣ, могли господствовать и Аорсы-Роксоланы, переименованные въ послѣдствіи въ Унновъ, которыхъ въ 6 вѣкѣ разогнали придвинувшіяся сюда Турецкія племена.

Таковы свидѣтельства о Руси ученыхъ Арабовъ, по характеру своихъ рѣчей очень мудреныхъ писателей, у которыхъ вообще очень трудно добраться до настоящаго толка. Однако въ существенныхъ чертахъ они всѣ говорятъ одно и тоже. По ихъ разумѣнію наша равнина была населена Руссами, иначе Славянами, которые раздѣлялись на многія племена и собственно на три главныхъ: сѣверное—Славяне (Новгородцы), южное—Кіевляне-Руссы и восточное—Арса, Артса, по всему вѣроятію—Ростовское. Руссы-Славяне изъ дальнѣйшихъ странъ своей земли вывозили свои мѣха въ Византію, къ Хозарамъ, въ устье Волги и дальше на южные берега Каспійскаго моря и даже въ Багдадъ—Вавилонію. Такъ было уже въ половинѣ 9 вѣка и также торговали Аорсы въ первомъ вѣкѣ, слѣд. Руссы были наслѣдники этой древнѣйшей торговли, подобно тому, какъ Ганзейцы на Балтійскомъ морѣ были наслѣдниками тамошней Славянской торговли. Прерывалась ли эта торговля между первымъ и девятымъ вѣкомъ? На это прямыхъ свидѣтельствъ нѣтъ; но въ 7 вѣкѣ ею завладѣваютъ Хозары и владѣютъ ею и въ 9 вѣкѣ, а между тѣмъ подъ ихъ же

владычествомъ Руссы справляютъ свое дѣло и продолжаютъ торговать, какъ древніе Аорсы.

Въ началѣ 10 вѣка Руссы знали уже письмо. Арабъ Ибнъ-Фадланъ самъ видѣлъ, какъ они сдѣлали надпись надъ умершимъ знатнымъ или богатымъ товарищемъ, написавъ на столбѣ его имя и имя Русскаго князя. Какое это было письмо, неизвѣстно.

Любопытнѣе всего, что тотъ же Ибнъ-Фадланъ, въ началѣ 10-го вѣка, слышалъ въ Булгарѣ преданіе о древнихъ Волотахъ. Онъ сначала услыхалъ, что „есть въ Булгарѣ какой-то необыкновенный великанъ, и обратился съ запросомъ о немъ къ самому царю. Царь отвѣчалъ, что дѣйствительно былъ такой великанъ въ его странѣ, но померъ; да и былъ онъ не изъ его людей и не настоящій человѣкъ. Разъ, въ самый разливъ Волги, пришли къ нему купцы, и въ ужасѣ разсказывали, что по водѣ плыветъ человѣкъ отъ сосѣдняго народа, и что имъ послѣ этого нельзя оставаться на томъ берегу. Царь вышелъ съ ними, и дѣйствительно увидѣлъ человѣка локтей въ двѣнадцать; голова у него была съ большой котелъ, носъ пядень въ длину, глаза и пальцы преогромные. Царь пришелъ въ такой же ужасъ, какъ и его людъ. Великана вытащили, отвели въ царскія палаты, и между тѣмъ послали освѣдомиться о немъ къ народу Вису (Веси). Тамъ отвѣчали, что это не ихъ человѣкъ, а изъ народа Гогъ и Магогъ, что за моремъ. Великанъ вскорѣ и померъ. „Я видѣлъ кости его, прибавляетъ Ибнъ-Фадланъ,—онѣ необъятной величины“. Такъ объясняли Болгары находимыя ископаемыя кости мамонта, которыми они вели не малый торгъ съ тѣми же Арабами. По Болгарскимъ же преданіямъ другіе арабскіе писатели объясняли, что это были кости нѣкоего народа Аадъ (Волотъ?), который когда-то откочевалъ къ дальнему сѣверу изъ песковъ Аравіи. Писатель начала 11-го вѣка, Абу-Хамедъ Андалуси разсказываетъ даже, что онъ самъ видѣлъ одного Аадъ въ Булгарѣ: „онъ былъ необычайнаго роста, локтей въ семь, и такъ силенъ, что ломалъ самыя крѣпкія лошадиныя подковы“ [1].

Имя Аадъ Савельевъ объясняетъ Вотяцкимъ народнымъ именемъ Одъ или Утъ, но преданіе слишкомъ явно обрисо-

[1] Савельевъ: Мухаммеданская Нумизматика, LXXXI—LXXXII.

вываетъ нашихъ Волотовъ, о которыхъ подобные разсказы ходили въ древности и ходятъ въ народѣ и до сихъ поръ, см. стр. 183. Заслуживаетъ особаго вниманія и указаніе Болгарскаго царя, что онъ посылалъ справляться о Волотѣ къ народу Веси. Оно даетъ темный сказочный намекъ, откуда Волоты впервые явились на средней Волгѣ въ Булгарѣ. Они пришли съ верхней Волги изъ-за моря. Это преданіе, относящееся къ началу 10-го вѣка, лучше всего подтверждаетъ наши предположенія о приходѣ въ нашу страну Варяговъ-Велетовъ въ незапамятное для исторіи время.

Арабы повѣствуютъ не мало и о Славянахъ вообще. Мы уже говорили, что Славянское племя было имъ очень извѣстно. Это племя, по ихъ сказаніямъ, особенно отличалось своею русостью, краснымъ, рыжимъ или собственно русымъ цвѣтомъ лица и волосъ. Такого человѣка, какой бы народности онъ ни былъ, арабы вообще именовали Славяниномъ, что значило русый, рыжій. Но очень трудно понять арабовъ, о какихъ именно Славянахъ они ведутъ свои рѣчи. То видится, что эти рѣчи относятся къ Русскому Славянству, то къ Дунайскому, Карпатскому и даже къ Балтійскому. Вообще же Славяне — самый сѣверный народъ, простирающійся къ западу; земля ихъ очень обширная страна, равнинная, изобильная рѣками, ручьями и лѣсами; въ лѣсахъ Славяне и живутъ. Рѣки ихъ изобилуютъ пушными звѣрями. Дорогіе мѣха получаются вообще изъ Славянскихъ странъ. Еще больше такихъ мѣховъ и превосходнѣйшіе находятся въ странѣ Русъ, а самые превосходнѣйшіе идутъ изъ страны Гога и Магога, то есть съ далекаго и неизвѣстнаго сѣвера, къ Русамъ же, которые живутъ по сосѣдству съ тою страною и торгуютъ съ ея народомъ. Вообще Арабы, какъ южные и восточные торговцы, очень хорошо знали (вѣроятно вмѣстѣ со всею торговою Европою), что мѣховая торговля идетъ отъ Славянскихъ купцовъ, что мѣха вывозятся изъ дальнѣйшаго конца Славянской земли; что Славянскіе купцы ходятъ торговать въ Византію, въ Крымъ, въ Хозарію, и въ Закаспійскія земли, отчего Черное и Азовское море Арабы именуютъ Славян-

скимъ моремъ, такъ какъ и большія рѣки Донъ и Волгу — Славянскими рѣками, всю Черноморскую страну — Славянскою страною, прибавляя иногда, что Волжская Болгарія есть страна славянская, что Хозары — тоже Славяне, или похожи на Славянъ. Все это показываетъ, что въ 9 и 10 вѣкахъ арабскіе южные и восточные торги производились при участіи Славянства, что мѣховые товары шли только изъ славянскихъ рукъ, о чемъ въ 6 вѣкѣ говорилъ Іорнандъ, называя Славянъ, именно Новгородскихъ, Светанами, см. выше стр. 159.

Одинъ арабъ, Ибнъ-Дастъ, говоря о Славянахъ, по видимому разумѣетъ отчасти Задунайскихъ, отчасти Русскихъ Славянъ. Онъ пишетъ, что земля Славянъ отстоитъ отъ земли Печенѣговъ на 10 дней пути. На границѣ Славянской земли находится городъ Куябъ (Кіевъ?). Путь въ эту страну идетъ по степямъ, по мѣстамъ бездорожнымъ, чрезъ ручьи и дремучіе лѣса. Славяне живутъ въ лѣсистой равнинѣ. У нихъ нѣтъ ни виноградниковъ, ни пашенъ, а въ лѣсахъ есть ульи, которые выдѣлываются изъ дерева въ родѣ кувшиновъ. Въ этихъ кувшинахъ содержатся у нихъ пчелы и сберегается медъ-напитокъ. Въ каждомъ кувшинѣ заключается 10 кружекъ меду. Они разводятъ и пасутъ свиней, какъ овецъ. Когда кто изъ нихъ умираетъ, то трупъ его сожигаютъ. Женщины по покойникѣ царапаютъ себѣ ножемъ руки и лица. При сожиганіи покойника предаются шумному веселью, выражая тѣмъ свою радость, что богъ принимаетъ къ себѣ умершаго. На другой день по сожженіи трупа собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую и ставятъ на холмъ (вѣроятно курганъ, насыпаемый надъ пепелищемъ). Черезъ годъ семейство умершаго справляетъ поминки. Берутъ кувшиновъ двадцать или больше, или меньше, хмѣльнаго меду, приносятъ на тотъ холмъ, ѣдятъ, пьютъ и затѣмъ расходятся. Если у покойника было три жены и одна изъ нихъ утверждаетъ, что она особенно любила его, то она удавляется надъ могилою мужа, потомъ ее относятъ въ огонь и она сгораетъ. Это дѣлается такъ: предъ костромъ покойника ставятъ два столба съ перекладиною на верху; къ перекладинѣ привязываютъ веревку, а подъ нею ставятъ скамью; жена становится на скамью и обвязываетъ себѣ около шеи

конецъ веревки; тогда скамью отнимаютъ и женщина остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ. Потомъ, какъ сказано, ее сожигаютъ вмѣстѣ съ мужемъ.

Всѣ Славяне—идолопоклонники или огнепоклонники. Больше всего они сѣютъ просо. Во время жатвы берутъ они ковшъ просянаго зерна и поднимая его къ небу, молятся: „Господи! Ты, который даешь намъ пищу, пошли ее намъ и теперь въ изобиліи." У нихъ есть разнаго рода лютни, гусли, свирѣли. Свирѣли длиною въ два локтя, лютни осмиструнныя. Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыя лошади находятся только у князя. Вооруженіе Славянъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ и копій; другаго оружія у нихъ нѣтъ. Только у князя есть прекрасныя, прочныя и драгоцѣнныя кольчуги. Это обстоятельство, что кольчуги и верховыя (но не рабочія) лошади имѣются только у князя, который, говорятъ арабы, и питался будто бы преимущественно кобыльимъ молокомъ, можно объяснять свидѣтельствомъ нашей лѣтописи, что напр. въ 11 вѣкѣ оружіе и кони дѣйствительно составляли собственность княжеской казны и раздавались войску только на случай похода.

Владыку Славянской земли арабъ называетъ великимъ княземъ, главою главъ. Меньшаго главу онъ называетъ намѣстникомъ, судьею или жупаномъ, какъ читаютъ съ поправкою это имя по-арабски. Этотъ жупанъ живетъ въ срединѣ славянской земли. Очень вѣроятно, что жупанъ былъ собственно волостной голова, жившій въ срединѣ своей волости, поэтому онъ и обозначается единично въ смыслѣ власти, подчиненной великому князю, главѣ главъ. Великій князь объѣзжаетъ свой народъ ежегодно и собираетъ дань платьемъ, по одеждѣ отъ сына и отъ дочери, или отъ жены и служанки, быть можетъ дань холстомъ, полотномъ, расшивными сорочками, ширинками (платками), полотенцами и т. п.

Въ землѣ Славянъ, говоритъ арабъ, бываетъ очень сильный холодъ, почему каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ землянку, въ родѣ погреба, и покрываетъ ее остроконечною кровлею, которую обкладываетъ землею. Въ такихъ погребахъ люди живутъ со всѣмъ семействомъ до весны. Въ нихъ они жгутъ дрова, раскаляютъ на огнѣ до-красна камни и поливаютъ водой, отчего распространяется паръ, нагрѣвающій жилье до того, что снимаютъ уже одежду.

Явно, что арабъ въ этомъ случаѣ описываетъ древнѣйшее устройство русской бани, объясняя, что это было собственно зимнее жилье. Намъ кажется, что зимнее жилье у Славянъ съ незапамятныхъ временъ было устроено лучше этой землянки, именно въ избахъ, истопкахъ, гдѣ тепло получалось отъ печи, но не отъ каменки, для нагрѣванія которой тоже прежде всего необходима печь или печура, а это во всякомъ случаѣ указываетъ, что происхожденіе печи вообще древнѣе, чѣмъ происхожденіе каменки. Несомнѣнно, что Ибнъ-Даетъ слышалъ о нашихъ сѣверныхъ баняхъ, о которыхъ по лѣтописному преданію разсказывалъ въ Римѣ еще св. апостолъ Андрей, обошедшій вокругъ Европейскій материкъ извѣстнымъ Варяжскимъ путемъ по востоку и по западу.

По всему видно, что арабы, получая свои свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ и о разныхъ Славянскихъ странахъ и племенахъ, приписывали весьма различныя бытовыя обстоятельства одному имени Славянъ и перепутывали сѣверъ съ югомъ и востокъ съ западомъ.

О западномъ Славянствѣ и вообще объ отдѣльныхъ Славянскихъ племенахъ, больше подробностей сообщаетъ Масуди, писатель 950 года. Онъ описываетъ даже храмы языческихъ Славянскихъ боговъ, но такъ по арабски, то есть иносказательно, странно и неопредѣленно. что это описаніе можно относить и къ храмамъ индѣйскихъ буддистовъ, хотя достовѣрнѣе всего оно должно относится къ храмамъ Балтійскихъ Славянъ, какъ ихъ описывали въ 11 и 12 столѣт. западные лѣтописцы. Масуди говоритъ, что въ древности надъ всѣми Славянскими племенами господствовало одно племя, называемое Валинана (Валмана, Валмая, Вальяна, Лабнана). У этого племени былъ верховный надъ всѣми царь Маджакъ, которому повиновались всѣ прочіе Славянскіе цари. Это племя—одно изъ коренныхъ Славянскихъ племенъ, оно почиталось и имѣло превосходство между всѣми племенами. Въ послѣдствіи пошли раздоры между племенами, союзъ былъ разрушенъ, они раздѣлились на отдѣльныя колѣна, пришли въ упадокъ и каждое племя избрало себѣ особаго царя. Слушая этотъ разсказъ, невольно припоминаешь исторію Унновъ съ отцомъ Аттилы—Мундіухомъ: Унны-Валинана, Мундіухъ-Маджакъ. Надо замѣ-

тить, что нѣкоторые ученые объясняютъ имя Валинана именами Винуловъ, Винитовъ, Вилиновъ—Славянъ съ Балтійскаго Поморья. Были ли Унны Балтійскіе Славяне или Кіевскіе, соединившіеся съ Балтійскими, во всякомъ случаѣ только одно это племя нѣкогда господствовало, владычествовало надъ всѣми остальными и потомъ со смертію своего руководителя Аттилы раздѣлилось на составныя дроби. Свидѣтельство араба въ ряду множества другихъ свидѣтельствъ даетъ новыя подтвержденія очень старому мнѣнію о Славянствѣ Унновъ.

ГЛАВА V.

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ И ЕЯ СКАЗАНІЯ

о древнихъ временахъ.

Происхожденіе и первые начатки Русскаго Лѣтописанья. Повѣсть Временныхъ Лѣтъ. Общественныя причины ея появленія. Основной характеръ Русскаго Лѣтописанья. Оно составляется людьми городскими, самимъ обществомъ. Печерскій монастырь, какъ святилище народнаго просвѣщенія. Послѣдующая исторія Русскаго Лѣтописанья.—Лѣтописныя преданія о разселеніи Славянъ. Круговая европейская дорога мимо Кіева. Основатели Кіева. Первоначальная жизнь родомъ. Различіе быта патріархальнаго и родоваго. Родъ—колѣно братьевъ. Составъ рода. Миѳъ Трояна. Городокъ, какъ первоначальное родовое-волостное гнѣздо. Происхожденіе города, какъ дружины. Первональный городовой промыслъ. Богатырскія былины воспѣваютъ древнѣйшій городовой бытъ. Стольно—Кіевскій князь Владиміръ есть эпическій образъ стольнаго города.

Подробныя изслѣдованія надъ составомъ нашихъ лѣтописей привели нашихъ уважаемыхъ ученыхъ [1] къ тому очень основательному и вполнѣ достовѣрному убѣжденію, что первое начало лѣтописныхъ русскихъ показаній относится, если не къ 9, то покрайней мѣрѣ къ 10 вѣку, и стало быть восходитъ къ началу самой Русской Исторіи. Первыя лѣтопи-

[1] Г. Срезневскаго: Чтенія о Древнихъ Русскихъ Лѣтописяхъ. Обзоръ другихъ трудовъ см. у г. Сухомлинова: «О Древней Русской Лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ», и у г. Бестужева-Рюмина: «О составѣ Русской Лѣтописи до конца XIV вѣка».

сныя свидѣтельства появляются у насъ въ одно время или вслѣдъ за первыми героями нашей исторической жизни.

Явственные слѣды такихъ свидѣтельствъ сохраняются не только въ древнѣйшихъ, но и въ позднихъ спискахъ, почерпавшихъ свои извѣстія изъ древнихъ хартій, до насъ не дошедшихъ. Свидѣтельства эти очень кратки и отрывочны, иногда состоятъ изъ двухъ—трехъ словъ, или изъ двухъ — трехъ строкъ, и потому прямо указываютъ, что это были простыя годовыя замѣтки, которыя, какъ уже доказано, вносились для памяти, напр., въ пасхальныя таблицы, или же могли для памяти вписываться при святцахъ, въ синодикахъ или поминальникахъ, вообще въ книгахъ церковнаго круга. Стало быть, они впервые появились въ самой же церкви, въ общинѣ первыхъ на Руси христіанъ, первыхъ грамотниковъ и первыхъ людей, которые, по самому уставу своей жизни, необходимо сохраняя писаніемъ же память о событіяхъ и лицахъ христіанской церкви, тѣмъ самымъ научались хранить память и о событіяхъ своего времени и своей земли. Припомнимъ, что еще въ первые вѣка христіанской церкви существовалъ благочестивый обычай отмѣчать событія и дни кончины христіанскихъ мучениковъ для ежегоднаго празднованія ихъ святой памяти. Это послужило основаніемъ христіанской святой лѣтописи, которая была потомъ собрана въ Мѣсяцесловъ или по обычному русскому выраженію въ Святцы. Помянутый обычай сохранялся въ каждой церкви и въ каждой приходской общинѣ во всѣхъ странахъ, куда только достигало Христово ученіе. Онъ былъ естественнымъ и необходимымъ явленіемъ въ христіанской жизни, которая вся утверждалась вѣчною памятью о своихъ святыхъ людяхъ и ихъ дѣяніяхъ. Очень понятно, что такія памятныя отмѣтки въ послѣдствіи не ограничивались одними свѣдѣніями о первомученикахъ, но касались и другихъ случаевъ и событій, почему либо важныхъ для мѣстной церкви или мѣстной общины. Неизмѣннымъ оставался лишь самый обычай записывать все достойное христіанской памяти, какъ въ частномъ домашнемъ быту, такъ и въ общемъ, политическомъ. Естественно также, что вмѣстѣ съ Христовою вѣрою этотъ обычай, какъ неизмѣнное ея преданіе, былъ принесенъ и въ Русскую землю. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что

первыми лѣтописными свидѣтельствами о Русскихъ событіяхъ, восходящими къ самому началу нашей исторіи, мы обязаны первой христіанской общинѣ, водворившейся въ Кіевѣ. Извѣстно, что Русь Кіевская, хотя бы въ маломъ числѣ, была крещена вскорѣ послѣ перваго похода на Грековъ Аскольда и Дира около 864 г.

Если съ этого времени въ Кіевѣ было достаточно Христіанъ и существовали христіанскія церкви, то нѣтъ причины сомнѣваться, что тогда же въ церковныхъ книгахъ, гдѣ помѣщались пасхальныя таблицы, появились и памятныя отмѣтки о случаяхъ и лицахъ, почему либо важныхъ для церковной общины, которая къ тому же несомнѣнно состояла изъ лучшихъ передовыхъ людей городскаго населенія, знавшихъ дѣла своей земли лучше другихъ.

Вотъ почему объ Аскольдѣ и Дирѣ мы имѣемъ больше свѣдѣній, чѣмъ о знаменитомъ Рюрикѣ и его братьяхъ. Вотъ почему напр. такое одинокое лѣтописное свидѣтельство, какъ убіеніе отъ Булгаръ еще въ 864 г. Аскольдова сына, старательно сохранено, быть можетъ, по той причинѣ, что это былъ христіанинъ и во всякомъ случаѣ потому, что онъ былъ сынъ христіанина Аскольда. Самый годъ нашествія на Кіевъ Олега мы получили безсомнѣнія по случаю убіенія Аскольда и Дира, отмѣченнаго вначалѣ кратко и потомъ уже распространеннаго эпическимъ преданіемъ. На могилѣ Аскольда была послѣ поставлена церковь св. Николы; церкви же христіанами ставились обыкновенно на гробахъ мучениковъ. По лѣтописи Іоакима Аскольдъ прямо именуется блаженнымъ.

Собранныя вмѣстѣ эти древнѣйшія лѣтописныя отмѣтки разсказываютъ слѣдующее:

„Въ лѣто 6372. Убіенъ бысть отъ Болгаръ Осколдовъ сынъ. Того же лѣта оскорбишася Новгородци, глаголюще: „Яко быти намъ рабомъ, и много зла (пропускъ) всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его". Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима Храбраго, и иныхъ многихъ изби Новогородцевъ съвѣтниковъ его. Въ лѣто 6373 воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ и много зла сътвориша. Въ лѣто 6375 бысть въ Кіевѣ гладъ велій. Того же лѣта избиша множество Печенѣгъ Осколдъ и Диръ. Того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новогорода въ Кіевъ много Новогородцкыхъ мужей".

Не смотря на то, что эти отмѣтки находятся только въ переработанномъ Лѣтописномъ Сборникѣ 16-го вѣка, они заключаютъ въ себѣ столько достовѣрности, что нѣтъ и малѣйшихъ оснований отвергать ихъ глубокую древность. Они нисколько не противорѣчатъ другимъ извѣстіямъ; не замѣчается здѣсь никакого намѣренія выставить эти показанія въ связи съ предыдущимъ или съ послѣдующимъ для какой либо особой цѣли. Они напротивъ стоятъ одиноко и вполнѣ сохраняютъ характеръ независимыхъ, отдѣльныхъ замѣтокъ, собранныхъ только хронологически, подъ года.

И такъ какъ они больше всего поминаютъ дѣла Аскольда и Дира, то и указываютъ, что происходятъ они изъ Кіева, что даже и свидѣтельства о Новгородскихъ дѣлахъ съ Рюрикомъ заимствованы не изъ Новгородскихъ отмѣтокъ, а записаны тоже въ Кіевѣ, по разсказу прибѣжавшихъ туда Новгородцевъ, которые къ тому же могли прибѣжать еще въ первое время ихъ скорби вслѣдъ за убійствомъ Вадима. Тоже можно сказать и о самомъ начальномъ показаніи, которое мы сюда не включаемъ: „Въсташа Словене рекше Новогородци и Меря и Кривичи на Варяги и изгнаша ихъ за море, и не даша имъ дани... Затѣмъ: Идоша за море къ Варягамъ... и придоша Рюрикъ... Эти свидѣтельства, достаточно распространенныя преданіемъ, вначалѣ могли заключаться тоже въ короткихъ словахъ. Въ самомъ распространеніи примѣчается эта краткость, ибо приставлены только эпическія разсужденія и разговоры, только приставлены слова, но не приставлены новыя дѣла, которыя остаются въ нетронутомъ видѣ.

Какъ бы ни было, но наиболѣе достовѣрныя свѣденія о самыхъ первыхъ годахъ нашей исторіи мы находимъ именно въ кіевскихъ отмѣткахъ.

Записывать эти свѣдѣнія по горячимъ слѣдамъ событій никто другой не могъ какъ грамотники-христіане, жившіе въ Кіевѣ. Къ началу 10 вѣка ихъ тамъ находилось столько, что въ греческой росписи митрополій, зависѣвшихъ отъ Цареградскаго патріарха, числилась уже митрополія Русская, и потому очень естественно встрѣтить вслѣдъ затѣмъ домашнее лѣтописное показаніе, что при Игорѣ, въ первой половинѣ 10 вѣка, существовала въ Кіевѣ даже соборная церковь св. Ильи, въ которой кіевскіе христіане-Варяги

приносили тогда присягу въ утвержденіе договора съ Греками. И вотъ по какой причинѣ о 10-мъ вѣкѣ мы находимъ еще больше короткихъ лѣтописныхъ отмѣтокъ, указывающихъ несомнѣнно, что они дѣлались современниками событій.

Въ рукахъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ однѣ изъ этихъ отмѣтокъ распространены преданіемъ эпическимъ, другія, начиная отъ Владиміра, матеріаломъ книжнымъ. Но ихъ основы и тамъ и здѣсь обнаруживаются очень явственно.

Кромѣ пасхальныхъ таблицъ и святцевъ, много способствовавшихъ появленію этихъ короткихъ памятныхъ отмѣтокъ, у первыхъ русскихъ христіанъ, въ книгахъ той же соборной церкви, по всему вѣроятію, находились и краткіе лѣтописцы, обозначавшіе перечнемъ послѣдовательное время владѣющихъ лицъ, жившихъ не только въ христіанствѣ, но и до Христа, начиная отъ Адама, въ родѣ напр. Лѣтописца вскорѣ, то есть скораго или краткаго, который приписывается цареградскому патріарху Никифору. Для церковнаго домашняго употребленія такіе лѣтописцы были также необходимы, какъ и таблицы Пасхаліи. Они должны были разрѣшать хронологическіе вопросы, кто когда жилъ, и когда что происходило въ христіанскомъ мірѣ. Съ этою цѣлью они помѣщались даже въ Номоканонахъ, или въ книгахъ церковныхъ Правилъ, обнимавшихъ порядокъ христіанской жизни. Въ концѣ 13 вѣка русскій переписчикъ Никифорова Лѣтописца дополнилъ его послѣдовательно и Русскими именами и событіями, а это показываетъ, что подобные лѣтописцы и въ болѣе древнее время служили также поводомъ и весьма удобнымъ началомъ къ послѣдовательному дополненію ихъ такими же скорыми или краткими извѣстіями о современныхъ или недавнихъ русскихъ событіяхъ. Тотъ же лѣтописецъ по Никоновскому списку оканчивается указаніемъ: „а въ Руси поча княжити Игорь, а Олегъ умре" и тѣмъ свидѣтельствуетъ, что онъ списанъ съ древнѣйшаго, чѣмъ тотъ, который внесенъ въ Несторову Повѣсть временныхъ лѣтъ. Это вполнѣ подтверждается и приведенными отмѣтками объ Аскольдѣ, Вадимѣ и пр., которыя могутъ свидѣтельствовать, что у собирателя Никоновской Лѣтописи находились въ рукахъ древнѣйшіе подлинники подобныхъ краткихъ лѣтописцевъ.

Не говоримъ о томъ, что иныя показанія отмѣчались для памяти на порожнихъ листахъ въ концѣ или въ началѣ какой либо книги и даже на переплетныхъ доскахъ, какъ это повсюду въ каждой почти и древней и новой рукописи встрѣчаемъ и теперь.

Таковы могли быть первые начатки нашего лѣтописнаго дѣла. Они состояли изъ краткихъ, памятныхъ замѣтокъ, какія даже и теперь дѣлаются домашнимъ порядкомъ въ календаряхъ. Они стало быть имѣли всѣ свойства именно такихъ календарныхъ замѣтокъ.

Но появлялись они въ первое время исключительно въ церковномъ кругу, записывались въ церковныхъ книгахъ церковными людьми, ибо въ первое время только въ церкви находились и грамотники и книги, только въ церкви потребно было знать время той или другой христіанской памяти о св. событіяхъ и св. людяхъ, и потому посреди безграмотнаго язычества только въ церкви могла родиться мысль сохранять память и о значительномъ событіи текущаго дня. Замѣтимъ главное: Христіанское богослуженіе совершаетъ свои празднованія, посты и весь церковный обиходъ по годовому кругу, опредѣляемому днемъ Пасхи, слѣдов. счисленіе времени и по годамъ и по днямъ мѣсяца (святцы) составляетъ для церкви необходимую и существенную статью въ устройствѣ ея порядковъ *. Отсюда важное значеніе въ церковномъ кругу годовыхъ и мѣсячныхъ чиселъ. Ими устроивался и опредѣлялся церковный бытъ и его отношенія къ быту мірскому, а потому каждое значительное и незначительное мірское событіе, какъ скоро оно заслуживало памяти, необходимо вносилось въ тотъ же годовой кругъ, необходимо опредѣлялось извѣстнымъ годомъ и даже числомъ мѣсяца. Другаго способа для обозначенія событій церковными людьми не могло и существовать. Годовое число для церковника было первымъ дѣломъ при обозначеніи лѣтописнаго показанія. Отъ этого и собраніе та-

* Припомнимъ, какъ въ 15 вѣкѣ Тверичь Аѳанасій Никитинъ, заѣхавши далеко въ Индію, сѣтовалъ, что позабылъ онъ вѣру христіанскую и праздниковъ никоторыхъ не помнитъ, потому что были ограблены у него книги, взятыя съ собою изъ Руси. Промежду поганыхъ, говоритъ онъ, молился я только Богу Вседержителю, Творцу неба и земли, и иного никоего не призывалъ.

кихъ показаній именовалось описью лѣтъ, Лѣтописью, въ которой первое главнѣйшее мѣсто занимало именно лѣто, годовое число, почему оно ставилось даже и въ такомъ случаѣ, когда самой описи не оказывалось, но ставилось для соблюденія порядка въ главномъ, т. е. въ теченіи другъ за другомъ годовыхъ чиселъ, и съ намѣреніемъ когда либо пополнить записями пустые года.

Но что же побуждало первыхъ грамотниковъ-Кіевлянъ записывать на память дѣла своей земли? Ихъ побуждали самыя эти дѣла, сама жизнь, которая въ 9 и 10 вѣкахъ дѣйствительно ознаменовала себя славными и чрезвычайными дѣлами и потому народная мысль не могла оставаться безъ отзыва къ своей же славѣ.

Если первичныя наши лѣтописныя показанія 9 и 10 вѣка явились только памятными календарными отмѣтками въ церковныхъ книгахъ, записывались въ самыхъ церквахъ, вставлялись въ пасхальныя таблицы, въ святцы, или на пустыхъ листахъ и на пустыхъ мѣстахъ церковной книги, и т. п., то этимъ самымъ уже достаточно опредѣляется и характеръ этихъ отмѣтокъ. Мѣсто, гдѣ впервые записывалось людское событіе, была страница святой книги—ясно, что марать такую страницу народными сказками, преданіями, народными пѣснями и тому подобными сказаніями не представлялось возможнымъ благочестивому уму первыхъ церковниковъ и первыхъ грамотниковъ. На такую страницу надо было заносить такую же святую правду, какою была исписана вся книга. Вотъ почему лѣтописныя отмѣтки не могли иначе явиться, какъ въ образѣ полной правды и полной достовѣрности. Къ тому же они, какъ мы говоримъ, были дѣломъ первыхъ русскихъ христіанъ въ Кіевѣ, сближавшихся между собою посреди язычества въ тѣсный церковный кругъ, который тѣмъ особенно и отличался отъ язычества, что онъ исповѣдывалъ, по человѣческимъ силамъ, святую и высокую правду и въ мысляхъ и поступкахъ. Одной правдѣ учили всѣ книги, хотя бы и немногія, какими обладала тогдашняя церковь, а потому и на самую книгу, какъ и на всякое книжное писаніе тогдашніе христіане смотрѣли какъ на святыню и касались книги и книжнаго писанія не иначе какъ съ мыслью о св. правдѣ. Припомнимъ, что въ древнее время самое слово книга означало только святое пи-

саніе. Такимъ образомъ, войдя въ этотъ кругъ представленій и понятій, мы легко поймемъ, что по убѣжденію нашихъ первыхъ христіанъ, никакой лжи или выдумки вписывать въ книгу было невозможно.

Эти первородныя мысли о значеніи книги и книжнаго письма къ нашему счастію остались надолго въ Русской землѣ и управляли лѣтописнымъ дѣломъ до послѣднихъ его дней.

Само собою разумѣется, что правда и достовѣрность лѣтописныхъ показаній вполнѣ должна была зависѣть отъ источниковъ. Когда источники были самостоятельны, какъ напр. разсказъ самовидца или участника въ событіи, то и правда памятной отмѣтки является несомнѣнною.

Таковы всѣ короткія своерусскія свидѣтельства 9 и 10 вѣка. Неточная правда стала обнаруживаться уже послѣ, при разработкѣ этихъ первыхъ свидѣтельствъ, и главнымъ образомъ, отъ участія въ лѣтописномъ дѣлѣ литературныхъ пріемовъ и свидѣтельствъ, приходившихъ изъ пятыхъ-десятыхъ рукъ, слѣд. достаточно затемненныхъ неправдою. Но и въ такихъ случаяхъ неправда могла явиться только по невѣдѣнію, но отнюдь не по намѣренію, ибо мысль о правдѣ жила неразлучно съ мыслью о книжномъ писаніи и обѣ онѣ составляли одну святыню для тогдашняго ума.

Изъ источника правды исходили и другія очень важныя качества нашихъ первыхъ и послѣдующихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Они не различаютъ людей по чинамъ, не зрятъ на лица, и говорятъ одинаково правду о князѣ и простолюдинѣ. Ихъ рѣчь пряма, честна, вполнѣ независима, исполнена эпическаго спокойствія, необыкновеннаго добродушія и полной христіанской любви.

Изо всего сказаннаго можно уразумѣть, что первые начатки нашей лѣтописи вполнѣ были самостоятельны, своенародны, ни откуда не заимствованы, образовались и развились изъ собственныхъ потребностей и нуждъ и воспроизведены собственными средствами. Если они во многомъ сходствуютъ съ такими же лѣтописными начатками западныхъ народностей, каковы напр. тамошніе средневѣковые годовники (анналы, лѣтовники), то это показываетъ только, что и для тѣхъ и для другихъ былъ одинъ источникъ, то есть общехристіанскій церковный обычай укрѣплять вѣч-

ною памятью не только церковныя событія, но и важнѣйшія событія міра-людскаго, какъ и важнѣйшія явленія природы, или міра Божьяго, каковы появленіе кометъ, затмѣніе солнца и луны, и т. д.

Итакъ первымъ началомъ нашего Лѣтописанья была простая хронологическая календарная отмѣтка, которая вносилась на память вѣроятнѣе всего въ пасхальную таблицу, въ Святцы, или же въ другую какую книгу, на ряду съ показаніями общаго порядка церковныхъ годовъ, еще безъ всякой мысли о томъ, что это особая лѣтопись, особая опись Русскихъ лѣтъ. Особое и уже прямо лѣтописное собраніе такихъ отмѣтокъ должно было явиться гораздо позднѣе. Если даже допустимъ существованіе краткаго церковнаго лѣтописца, въ родѣ лѣтописца патріарха Никифора, который послѣдовательно добавлялся и русскими событіями, то въ немъ эти событія должны были ограничиваться только числомъ лѣтъ того или другаго княженія, потому что и самый этотъ лѣтописецъ обозначалъ только послѣдовательность другъ за другомъ владѣющихъ лицъ. Другихъ извѣстій онъ почти не касался или вставлялъ ихъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Русскіе продолжатели тоже строго придерживались его задачи и не распространяли свои показанія дальше слѣдованія другъ за другомъ владѣющихъ именъ. Къ тому же продолженіе этого лѣтописца не было работою самостоятельною и не могло ничего другаго выразить, какъ лишь то, что находилось въ подлинникѣ.

Для того, чтобы собрать разсѣянныя замѣтки въ одно цѣлое, и лѣтописное дѣло, единичное и личное, случайное, освѣтить общею мыслію единой памяти о единой Русской землѣ, для этого было необходимо изъ разсѣянныхъ частей этой земли собраться въ одно цѣлое и тому народу, который писалъ эти замѣтки, ибо исторія народа, какъ выраженіе народнаго сознанія, даже въ видѣ хронологическихъ отмѣтокъ, всегда идетъ слѣдомъ за развитіемъ самого народа и восходитъ къ совершенству по тѣмъ же ступенямъ, по какимъ дѣлаетъ свои поступательные возрастные шаги самъ народъ.

На этомъ основаніи мы полагаемъ, что до временъ Ярослава или покрайней мѣрѣ до временъ Владиміра едвали возможна была мысль о собраніи историческаго матеріала

въ одно правильное цѣлое, въ одну лѣтопись. Такая лѣтопись, хотя бы краткій перечень годовъ народной жизни, все-таки есть дѣло мысли, сознающей то цѣлое, которое она стремится изобразить въ послѣдовательности своихъ годовъ. Слѣдя вообще за постепеннымъ ходомъ даже ученой обработки исторіи, мы примѣчаемъ, что мысль о цѣльныхъ созданіяхъ, о написаніи полной исторіи, обнаруживаетъ свои попытки лишь въ такія времена, когда сама народная жизнь складывается во что либо тоже цѣльное, законченное, относительно по крайней мѣрѣ къ своему прошедшему, вообще когда она переходитъ на новую ступень развитія. Исторія въ ученомъ и литературномъ смыслѣ, какъ и сама жизнь, вырабатывается съ большимъ трудомъ. Обработка исторіи такъ связана съ жизненными отправленіями народа, что она только то и даетъ, что выработала жизнь, то есть только на то и отвѣчаетъ, о чемъ запрашиваетъ сама жизнь.

Отъ конца 9 и до конца 10 вѣка Русь находилась еще въ томъ кругѣ развитія, о которомъ писаніе повѣствовало, что Богъ создалъ Адама изъ земли и вдохнулъ въ него душу безсмертную. Въ это время Русь дѣйствительно еще складывалась изъ земли, складывала свое физическое существо, собирала землю, какъ необходимое тѣло для воспріятія жизни духовной. При Владимірѣ Богъ вдохнулъ въ нее душу безсмертную; въ этомъ земномъ тѣлѣ водворены были великія истины Христовой Вѣры, а съ нею и духовныя начала человѣческаго самосознанія и самопознанія.

Поэтому и невѣроятно, чтобы въ вѣкъ только одного физическаго роста могла проявиться духовная сознательная мысль, поминающая свое прошлое въ единствѣ лѣтописнаго цѣльнаго разсказа. Она помнила его отрывочно, частями, какъ отрывочно частями существовала и складывалась и самая жизнь Русской Земли. Послѣ Владиміра и крещеныхъ имъ отцовъ, необходимо было возрасти въ христіанствѣ цѣлому поколѣнію дѣтей, дабы сознательныя силы жизни могли начать свое просвѣтительное дѣло вполнѣ самостоятельно. Такъ понимали ходъ своего развитія и умные современники той эпохи, именно дѣти и внуки первыхъ отцовъ—христіанъ. Они сохранили намъ исторію всего хода тогдашнихъ дѣлъ;

въ прекрасномъ разсказѣ, нарисованномъ ихъ земледѣльческимъ воображеніемъ.

Поминая Ярослава Великаго похвалою за распространеніе книжнаго божественнаго ученія и описывая, какъ они теперь наслаждаются этимъ ученьемъ, для ясности, они дѣлаютъ уподобленіе, обращаясь къ своему родному сельскому дѣлу и говорятъ: Вотъ еслибъ кто землю разоралъ—вспахалъ, а другой насѣялъ бы, а иные пожинаютъ и ѣдятъ пищу безскудную; такъ и князь Ярославъ: отецъ его Владиміръ вспахалъ и умягчилъ сердца вѣрныхъ людей, просвѣтивъ ихъ крещеньемъ, а этотъ насѣялъ тѣ сердца книжными словесами, теперь мы пожинаемъ созрѣвшій колосъ, книжное ученье, и питаемся.

По тѣмъ самымъ степенямъ развитія проходила и обработка нашей первородной исторіи — лѣтописи. Наша лѣтопись, можно сказать, выросла на собственной нивѣ, изъ собственнаго зерна, воздѣлана собственными руками самого народа. Вначалѣ это было невоздѣланное поле, гдѣ цвѣты и злаки лѣтописныхъ показаній выросли сами собою и были разбросаны по разнымъ мѣстамъ, какъ опредѣлялъ случай. Они хранились въ книгахъ первыхъ христіанъ, быть можетъ еще прятавшихся въ Кіевскихъ пещерахъ. Пришелъ пахарь и всенародно вспахалъ землю для посѣва книжнаго ученья или того сѣмени, которое всего больше говорило о людскихъ дѣлахъ и мысляхъ, указывая для нихъ высокое совершенство въ христіанской жизни. Въ книжномъ ученіи, дѣла и мысли людей становились основною задачею самой жизни: естественно, что они сдѣлались предметомъ особаго вниманія для всего новорожденнаго общества христіанъ; естественно, что ими возбуждено было любопытство вообще къ историческимъ сказаніямъ. Дѣянія церковныя, житія святыхъ и тому подобныя писанія необходимо воспитывали любовь къ исторической или лѣтописной памяти о временахъ минувшихъ и теперь слѣдующихъ. Очевидно, что когда выросло посѣянное книжное сѣмя, то выросла и русская мысль связать въ одно цѣлое разсѣянныя части, собрать въ одинъ разсказъ разрозненныя хронологическія отмѣтки о русскихъ дѣлахъ и мысляхъ и изъ простой описи лѣтъ воспроизвести повѣсть временныхъ

лѣтъ. Это была первая попытка написать исторію народа, какъ мы понимаемъ это дѣло въ теперешнее время.

Мысль о такой попыткѣ, мысль о литературной повѣсти временныхъ лѣтъ не могла родиться раньше времени Ярослава еще и по той причинѣ, что только къ концу этого времени Русь сложилась въ одно цѣлое, какъ земля, какъ физическое тѣло, способное жить вполнѣ независимо и самостоятельно. Хорошее и крѣпкое физическое сложеніе было необходимо и для здороваго умственнаго посѣва книжныхъ словесъ. И только въ то время, когда эти два начала жизни вполнѣ устроились, стало возможнымъ и дѣйствіе сознательныхъ народныхъ силъ. Только тогда въ народѣ могла пробудиться мысль о самомъ себѣ, какъ о цѣльной живой единицѣ, чувствительной и внимательной къ собственному существованію, ко всѣмъ порядкамъ и явленіямъ собственной жизни. И вотъ, какъ только мудрый сѣятель, Ярославъ, сошелъ съ своего поля, въ обществѣ сами собою поднимаются размышленія и вопросы о Русской Землѣ. Откуда пошла Русская Земля, кто въ Кіевѣ началъ первый княжить, откуда Русская земля стала? вопрошали тогдашніе пытливые умы, конечно, болѣе всего въ той средѣ, которая сама много работала и для земскаго и для умственнаго устройства новой народности. Эти достопамятные размышленія и вопросы прямо указывали, что новорожденное русское общество въ дѣйствительности пожинаетъ плоды мудрыхъ пахарей и сѣятелей, что не напрасно оно прочитало книги Писанія о человѣческихъ дѣлахъ и мысляхъ, что и его собственная мысль теперь бодрствуетъ и работаетъ, пытаетъ, изслѣдуетъ, хочетъ знать, откуда что̀ пошло и какъ началось; что, стало быть, умственный подъемъ общества совершается правильно и отличается здравою силою. Съ другой стороны, это же самое обнаруживало, что русское развитіе стояло тогда на собственныхъ ногахъ, иначе сказать, было самобытно и независимо не только политически, какъ цѣлая единая земля, но и умственно, какъ молодая, полная свѣжихъ силъ образованность, пытающая источники знанія не по чужой указкѣ, а по собственному разумѣнію.

„Съ 1000 года усиливающаяся (слова строгаго и суроваго судьи—Шлецера), стремящаяся къ просвѣщенію болѣе вся-

като другаго сѣвернаго государства, страшная для всѣхъ своихъ сосѣдей, и тогда еще очень извѣстная иностранцамъ“, Русь въ этотъ славный вѣкъ естественно должна была взглянуть на свое прошедшее съ особенною любовью, ибо гдѣ же находились корни, истоки и родники настоящей ея славы и силы, какъ не тамъ, въ далекихъ лѣтахъ и временахъ.

Лучшіе русскіе люди этого вѣка, всѣ разумѣющіе, смысленые люди, какъ тогда говорили, по тѣмъ же естественнымъ причинамъ не разъ должны были останавливать свою мысль на вопросахъ, которые сами напрашивались: откуда это все пошло, кто былъ первымъ началомъ этого русскаго подвига, откуда и какъ создалась эта сильная и славная Русь? Назрѣвшая въ обществѣ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, мысль никогда не остается безъ выраженія; она неизмѣнно находитъ себѣ тотъ или другой образъ воплощенія, переходитъ изъ слова въ дѣло. И какова бываетъ мысль, таково бываетъ и дѣло. Въ этомъ случаѣ мысленный запросъ общества касался предмета научнаго и литературнаго и потому отвѣтомъ на возбужденныя разсужденія и размышленія о началѣ Русской Земли явилась повѣсть временныхъ лѣтъ, уже не простая опись лѣтъ, отъ которой, какъ отъ своей родоначальницы она вела свое происхожденіе, но именно повѣсть, разсказъ, первое литературное, слѣд. болѣе или менѣе художественное, т. е. искусственное произведеніе, которымъ съ такою жизненною послѣдовательностію начинала свою работу новорожденная пытливая русская мысль.

Въ человѣческомъ мірѣ всякому дѣлу предшествуетъ мысль этого дѣла, его идея, такъ точно какъ изъ всякаго же дѣла въ свой чередъ нараждается новая мысль, новая идея, приводящая тоже неизмѣнно къ своему дѣлу. Въ этомъ состоитъ нескончаемый безграничный круговоротъ человѣческой жизни. Въ разумномъ человѣческомъ порядкѣ безъ мысли не бываетъ никакого хотя бы и малаго дѣла. А повѣсть—лѣтопись въ добавокъ такое великое дѣло, которое, никакъ не можетъ быть создано безъ участія въ немъ даже всего общества. Повѣсть-лѣтопись, какъ собраніе временныхъ лѣтъ въ одно цѣлое, какъ первичный, первородный видъ самой исторіи, есть дѣло по преимуществу обще-

ственное, весьма сложное, требующее умственной работы цѣлаго поколѣнія. Личность и умѣнье автора здѣсь всегда бываютъ только орудіемъ, и болѣе или менѣе достойнымъ выразителемъ этого дѣла, какъ и самого общества. Это не историческое сочиненіе искусившагося въ школьныхъ литературныхъ преданіяхъ и пріемахъ ритора-сочинителя, подражавшаго художественнымъ образцамъ древности, какихъ мы встрѣчаемъ въ лицѣ византійскихъ историковъ. Это не личное литературное пожеланіе описать бытія своей страны. Это напротивъ общее дѣло всѣхъ бывалыхъ людей, общее желанье всѣхъ дѣятелей своего времени. По крайней мѣрѣ такъ можно судить о Русской лѣтописи, основываясь на способѣ ея составленія, а главное, на всемъ ходѣ ея распространенія и продолженія въ теченіи цѣлыхъ шести сотъ лѣтъ. Она изъ рукъ перваго списателя вышла простымъ сборникомъ временныхъ лѣтъ, который по самому свойству такой работы, особенно въ первое время, когда такъ называемыя ученыя пособія едва существовали, не могъ быть исполненъ одинолично, одною мыслью и однимъ трудомъ самого списателя. Собирать временныя лѣта онъ долженъ былъ отовсюду, отъ ветхихъ книгъ и отъ живыхъ людей, при участіи множества лицъ, которыя необходимо вмѣстѣ съ лѣтописнымъ матеріаломъ приносили и свою память о древнихъ временахъ и людяхъ, и такимъ образомъ устроивали согласно съ своими сказаніями самую мысль списателя. Какъ сборникъ, наша лѣтопись меньше всего выражаетъ какое либо авторское искусство. Работа надъ нею такъ младенчески-проста, что доступна всякому смысленому грамотнику, ибо сборникъ дозволяетъ безъ нарушенія его цѣльности, дополнять новымъ свѣдѣніемъ каждую его статью и потому очень естественно, что первая же копія съ первой написанной лѣтописи уже чѣмъ либо отличалась отъ своего подлинника.

Доказано, что нашу первую лѣтопись написалъ инокъ черноризецъ кіевскаго Печерскаго Ѳеодосіева монастыря, преподобный Несторъ. Знаменитый Шлецеръ съ немалымъ изумленіемъ вопрошаетъ: „Какъ пришло Нестору на мысль написать временникъ своей земли и на своемъ языкѣ (ибо на западѣ тогда всѣ писали по латыни), какимъ образомъ этотъ Руссъ вздумалъ быть историкомъ своего народа?“

Въ самомъ дѣлѣ, это вопросъ очень важный и любопытный, особенно при томъ взглядѣ на исторію вообще и на русскую древнюю исторію въ особенности, какой существовалъ у Шлецера и у его современниковъ.

Въ странѣ дикой, гдѣ вчера еще жили чуть не людоѣды, какъ могло случиться, что нѣкій черноризецъ пишетъ повѣсть-лѣтопись со всѣми достоинствами труда самостоятельнаго, самороднаго и вовсе не скалываетъ своей работы съ какого либо извѣстнаго образца!

Старая наука старалась объяснить это чудное произшествіе въ Русской Землѣ раскрытіемъ его внѣшней связи съ византійскою образованностію и съ византійскими лѣтописными образцами, въ слѣдствіе чего выходило, что Несторъ усвоилъ себѣ ту образованность, и принимая на себя историческій трудъ, необходимо долженъ былъ подражать ея образцамъ. Разсматривая это дѣло только съ внѣшней его стороны, иначе нельзя и разсуждать. Но самъ же Шлецеръ отмѣтилъ, что напр. слогъ Несторова повѣствованія не похожъ на византійскій, а похожъ на библейскій; что стало быть византійское риторство со всѣми своими пріемами Нестору вовсе не было знакомо, или онъ вовсе не умѣлъ ему подражать. Послѣдующія изслѣдованія доказали, что византійцами Несторъ пользовался очень самостоятельно и единственно только какъ подходящимъ матеріаломъ, и вся постройка его лѣтописи обнаруживаетъ трудъ вполнѣ самостоятельный и независимый ни отъ какихъ образцовъ, съ которыми онъ имѣетъ сходство лишь по однородности задачи и работы.

Историческая наука теперь значительно распространила кругозоръ своей изыскательности и не довольствуется уже раскрытіемъ въ историческихъ явленіяхъ только ихъ внѣшнихъ механическихъ соединеній. Она теперь взираетъ на нихъ, какъ на особый міръ жизни, и потому старается по возможности обнаружить, на чемъ, на какихъ началахъ и корняхъ они укрѣпляются въ самой жизни. Такое литературное произведеніе, какъ Несторова Лѣтопись, для теперешней науки, кромѣ всѣхъ другихъ ея достоинствъ, уже по одному тому, что она существуетъ, представляется дѣломъ весьма замѣчательнымъ, которое не могло возродиться по намѣренію или по фантазіи одного лица, какъ нараждаются

обыкновенныя произведенія литературы. Наука знаетъ теперь, что даже и эти обыкновенныя произведенія въ сущности есть дѣти тѣхъ или иныхъ умственныхъ и нравственныхъ направленій, господствующихъ за извѣстное время въ обществѣ. Какъ же можетъ случиться, что бы первая лѣтопись народа народилась только по замыслу нѣкоего благочестиваго начитаннаго чернориэца; и къ тому же въ подражаніе чужимъ образцамъ, что и въ дѣйствительности принадлежало бы лишь одиночной мысли автора.

Въ слѣдствіе такихъ размышленій, вопросъ „какъ пришло Нестору на мысль написать свой временникъ?“ самъ собою превращается въ другой вопросъ: Самъ ли Несторъ въ тишинѣ своего келейнаго затвора, читая византійскіе хронографы, задумалъ, въ подражаніе имъ, написать такой же русскій хронографъ, или эта дума давно уже ходила въ русскомъ обществѣ и ожидала только способнаго исполнителя? Вообще: былъ ли лѣтописный трудъ порожденъ единичною и притомъ монашески - уединенною литературною мыслею, или же онъ послужилъ только отвѣтомъ на требованія мысли общественной и стало быть зарожденъ былъ въ сознаніи самого общества, которое въ Несторѣ нашло только достойнаго своего представителя и выразителя?

Намъ кажется, что этотъ вопросъ весьма удовлетворительно рѣшаетъ самъ Несторъ, начиная лѣтопись словами: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская Земля, кто въ Кіевѣ нача (и кто въ ней началъ) первѣе княжити, и откуду Русская Земля стала есть.“ Эта красная строка, служащая заглавіемъ Лѣтописи, служитъ въ тоже время обозначеніемъ и той лѣтописной задачи, какая первѣе всего была положена въ основу всего труда.

Смыслъ этой задачи въ полной мѣрѣ обнаруживаетъ ея, такъ сказать, гражданское, иначе мірское, или общественное происхожденіе. Откуда Русь пошла, какъ стала (устроилась), кто первый началъ княжить—это вопросы не очень близкіе и не столько любопытные для монастырскаго созерцанія и для монашескаго благочестиваго размышленія. Они могли возникнуть прежде всего въ княжескомъ дворѣ, посреди дружинниковъ, или посреди того общества, для ко-

тораго несравненно было надобнѣе и любопытнѣе знать начало той земли, гдѣ оно было дѣятелемъ, и начало той власти, подъ руководствомъ которой оно совершало и устройство этой земли, и свои великія и малыя дѣянія. Передовыми же людьми этого общества въ теченіи многихъ вѣковъ всегда были послы-дружинники князя, бояре и гости-купцы, слѣд. верхній, самый дѣятельный и самый бывалый порядокъ людей въ древнерусскомъ городѣ.

Монастырское созерцаніе, еслибъ оно оставалось уединеннымъ отшельникомъ, и не явилось въ настоящемъ случаѣ достойнымъ орудіемъ общественныхъ стремленій, совсѣмъ иначе опредѣлило бы задачу лѣтописнаго труда и во главѣ его выставило бы неизмѣнно вопросы по преимуществу характера церковнаго.

Восходя къ началу Русскихъ лѣтъ, оно ближе и прямѣе всего могло начать свой Временникъ отъ начала Христовой вѣры на Руси, и не другую, а эту самую мысль выразило бы и въ заглавіи лѣтописи. Между тѣмъ его взглядъ обширнѣе; оно только мимоходомъ замѣчаетъ, что напр. еще при Игорѣ въ Кіевѣ много было Варяговъ—христіанъ и все свое вниманіе устремляетъ на изображеніе событій и дѣлъ по преимуществу мірскихъ, политическихъ, даже такихъ, о которыхъ и говорить слѣдовало съ монашескою застѣнчивостью. Для какой надобности черноризецъ вноситъ въ лѣтопись цѣликомъ договоры съ Греціею Олега и Игоря? Какою мыслью онъ руководится въ этомъ случаѣ? Не внесены ли они съ тою цѣлью, съ какою въ Новгородскую Лѣтопись внесена Русская (Кіевская) Правда Ярослава, а въ Суздальскую Лѣтопись Духовная Владиміра Мономаха? Эти два послѣдніе памятники въ то время носили въ себѣ интересъ и смыслъ не одной достопримѣчательности, достопамятности, но служили—одинъ, какъ поученье, другой, какъ законъ, дѣйствующими, живущими стихіями народной жизни. Быть можетъ и договоры Олега и Игоря внесены въ лѣтопись, какъ дѣйствующіе и живущіе порядки отношеній къ далекому Цареграду. Во всякомъ случаѣ ихъ помѣщеніе на страницы лѣтописи сдѣлано было не иначе, какъ въ интересѣ той среды, для которой указанныя отношенія были очень важны и дороги. Такою средою конечно былъ не столько князь съ его дружиною, сколько самый городъ Кі-

евъ съ своею дружиною торговыхъ и промышленныхъ людей, ибо нельзя сомнѣваться, что позднѣйшія отношенія къ Царюграду, когда писалась самая Лѣтопись, держались и устроивались именно на основаніи этихъ договоровъ. Въ другихъ отдѣлахъ Несторова Временника мы точно также очень часто встрѣчаемъ прямыя показанія, что перомъ лѣтописца водитъ больше всего смыслъ княжескаго дружинника, или самого князя, чѣмъ мысль благочестиваго инока.

Все что можно отдать въ этомъ случаѣ монастырю или мыслямъ иночества—это духовное поученье, которое проходитъ по всей лѣтописи, какъ ея существенная литературная основа и является повсюду, гдѣ только находитъ пригодное для себя мѣсто. Но и поученье не составляетъ еще исключительной задачи иночества, а принадлежитъ собственно задачамъ всякаго литературнаго труда, почему и Духовная Мономаха исполнена тѣхъ же текстовъ поученья.

Намъ кажется, что мысль составить и написать повѣсть временныхъ лѣтъ возникла именно въ городской средѣ, что городъ, въ лицѣ княжеской, военной дружины, и въ лицѣ дружины торговой, гостиной, первый долженъ былъ почувствовать и сознательно понять, что онъ есть первая историческая сила Русской земли, дѣянія которой поэтому достойны всякой памяти. И въ послѣдствіи городъ держитъ Лѣтописанье въ своихъ рукахъ цѣлые вѣка.

Какъ строились въ городахъ соборные храмы общими силами всего общества, какъ строились самые города общими силами всей городской волости или области, такъ, намъ кажется, строилась и эта первая повѣсть временныхъ лѣтъ, такъ строились и всѣ ея потомки, многочисленные списки съ нея или собственно прироставшіе къ ея составу лѣтописные сборники.

Самое содержаніе первой Лѣтописи въ цѣломъ своемъ составѣ и въ подробностяхъ свидѣтельствуетъ, что она писана меньше всего для монастыря и больше всего для общества, для интересовъ и потребностей міра, по преимуществу дружиннаго, городскаго. А если это такъ, то мысль написать повѣсть временныхъ русскихъ лѣтъ была возбуждена не въ монастырѣ, а въ городѣ и оттуда получала постоянную поддержку, подкрѣпленіе и всѣ надобные матеріалы. Въ монастырѣ она была исполнена по неизбѣжной

причинѣ, потому что тамъ жили люди больше и лучше другихъ разумѣвшіе книжное дѣло, люди ничѣмъ другимъ не занятые, которымъ ничто не препятствовало вести непрерывную бесѣду о временахъ и лѣтахъ, о первыхъ людяхъ и о всякихъ человѣческихъ подвигахъ. Самъ св. игуменъ Ѳеодосій заповѣдалъ своему монастырю, во избѣжаніе лѣности и многаго сна, бодру быть на церковное пѣнье, почитанье книгъ и на преданья отеческія, подъ которыми дѣйствительно должно разумѣть бесѣды о дѣлахъ временъ. Послушать такія бесѣды въ монастырь приходили и лучшіе люди изъ города, начиная отъ князей и бояръ, первыхъ друзей монастыря и безсомнѣнія первыхъ же руководителей и лѣтописнаго дѣла.

Намъ кажется, что иначе и случиться не могло. Необходимо только припомнить, какимъ сильнымъ умственнымъ движеніемъ ознаменовало себя Русское общество именно въ этотъ періодъ времени и какое важное мѣсто занималъ въ этомъ движеніи именно Печерсній монастырь. Прочное и твердое основаніе этому умственному разцвѣту положилъ еще Ярославъ Великій, начавшій дѣло съ простаго и самаго вѣрнаго начала, отъ котораго начиналъ просвѣтительное дѣло и Великій Петръ, именно съ перевода книгъ—собравши писцевъ многихъ и перелагая отъ Грекъ на славянское письмо. Отыскивая повсюду и списывая многія книги, онъ самъ читалъ ихъ прилежно и по днямъ и по ночамъ. Любовь къ книгамъ самого Вел. князя необходимо возрастила свои плоды: она распространилась не только между его дѣтьми и внуками, но и въ обществѣ, особенно между людьми, которые могли свободнѣе другихъ распоряжаться своимъ досугомъ. Поколѣніе дѣтей точно также само наполняетъ свои клѣти книгами (Святославъ), и сидя дома, выучивается пяти языкамъ (Всеволодъ). Поколѣніе внуковъ само уже сочиняетъ книги: Владиміръ Мономахъ, ровесникъ Нестору, въ поученіи дѣтямъ описываетъ собственную жизнь. Книга становится уже необходимостью для каждаго мыслящаго ума. А такъ какъ книга влечетъ къ уединенію, удаляетъ вообще отъ житейскаго шума и призываетъ къ жизни мыслительной и созерцательной, то вслѣдъ за книгою скоро сама собою возникаетъ въ обществѣ потребность въ монастырѣ, въ такомъ особомъ тихомъ мѣстѣ, гдѣ возможно читать

книги и размышлять о прочитанномъ безъ всякой помѣхи. Книжный человѣкъ еще при Ярославѣ, въ послѣдствіи первый митрополитъ изъ Русскихъ, Иларіонъ, ходитъ съ близлежащаго села Берестоваго на Днѣпръ, на холмъ, въ глухой лѣсъ, въ уединеніе, для созерцательной молитвы; затѣмъ копаетъ тамъ себѣ небольшую пещерку и по временамъ пребываетъ въ ней, удаляясь отъ мірскаго шума. Изъ этой то пещерки и образовался послѣ Печерскій монастырь, когда странникъ Святой Горы Антоній изыскалъ ее для собственнаго уединенія. Вѣра Христіанская стала плодиться и разширяться и черноризцы почали множиться и стали учреждаться монастыри. Христіанство по преимуществу распространялось книгою, писаньемъ. Около книги и писанья сосредоточивались и черноризцы. Въ монастырскій трудъ внесено было съ свойствомъ особаго послушанья или благочестивой работы по обѣту списыванье и переплетанье книгъ. И теперь еще славится писанье и переплеты Кирилловскаго, Волоколамскаго и другихъ монастырей, дѣло которыхъ узнается по первому взгляду, такъ оно совершено тщательно, искусно, съ такою любовью.

Такимъ образомъ и монастырь является на Руси столько же подражаніемъ жизни византійской, сколько и настоятельною потребностью распространившагося книжнаго ученья, образованія и просвѣщенія умовъ. Оттого этотъ первый монастырь, родоначальникъ умственной, духовной созерцательной жизни, очень отличается отъ своихъ позднѣйшихъ потомковъ. Порожденный больше всего книгою, онъ высоко цѣнитъ эту умственную святыню и относится къ ней съ тѣмъ же благоговѣніемъ, какъ и вообще къ церковной святынѣ. Онъ мыслитъ, что грѣшно даже ступать ногами на исписанный лоскутокъ хартіи, если онъ случайно попадетъ подъ ноги. Болѣе высокой любви и благоговѣнія къ книгѣ, какъ къ умственному сокровищу, невозможно выразить. Вотъ почему первый Русскій монастырь для тогдашняго общества былъ въ своемъ родѣ первымъ университетомъ и университетомъ въ лучшемъ смыслѣ своего значенія, то есть живымъ свѣтиломъ знанія и науки не для однихъ ученыхъ, а для всѣхъ неученыхъ и необразованныхъ, т. е. для всего общества—живою душою просвѣщенія общественнаго. Такимъ именно значеніемъ пользовался

въ 11-мъ вѣкѣ монастырь Печерскій. Съ городомъ Кіевомъ онъ жилъ одною душою, служа средоточіемъ для всѣхъ его умственныхъ и нравственныхъ стремленій и спросовъ. Это была высокая и святая среда, хранившая въ своихъ стѣнахъ поученье, котораго съ такою жаждою искало тогдашнее общество, и которое для того вѣка значило тоже, что для насъ значитъ теперь широкій кругъ нашего умственнаго развитія, выражаемый словами: наука, литература, искусство, политика и т. д. Вотъ почему, великіе и малые князья, великіе и малые бояре, постоянно бывали гостями этого монастыря и друзьями его иноковъ, и почитали добрымъ благочестивымъ обычаемъ видѣть и на своихъ пирахъ первыми и почетнѣйшими гостями игумена и братію.

Извѣстно, что и въ позднее время князья, бояре, все общество, очень любили черноризцевъ. И нельзя было ихъ не любить, ибо это были первые книжные, т. е. образованные люди на Руси. Въ ихъ обществѣ всегда можно было научиться чему либо доброму и полезному для души, особенно, когда эта душа была еще исполнена темнаго первороднаго невѣжества, а бесѣда иноковъ свѣтила первороднымъ на Руси свѣтомъ новой мысли и новой жизни, свѣтомъ непобѣдимой правды во всякихъ людскихъ дѣлахъ, свѣтомъ любви ко всякому человѣку. И монастырь Печерскій, какъ своихъ братьевъ, любилъ Кіевскихъ горожанъ. Во имя любви и правды онъ вступался во всякія ихъ дѣла, домашнія и общественныя. Его св. игуменъ Ѳеодосій, поставилъ себѣ обычаемъ почасту навѣщать своихъ городскихъ друзей и заходилъ къ нимъ во всякое время, подавая всѣмъ утѣшеніе, поученіе и благословеніе. Великій князь и великій бояринъ въ этомъ отношеніи равнялись съ простолюдиномъ, ибо передъ правдой и любовью не было у монастыря никому никакого лицепріятія. Бѣдный человѣкъ и первый знатный богачъ, простой горожанинъ и Великій князь одинаково пользовались сердечнымъ дружелюбіемъ св. игумна, тѣмъ больше, что отъ бѣднаго онъ и самъ ничѣмъ не отличался, положивъ себѣ обѣтомъ ходить всегда въ одеждѣ нищаго странника. О мірскихъ людяхъ, какъ бы они спаслися, онъ столько же заботился, какъ и о своихъ инокахъ. Однажды заходитъ онъ къ тысяцкому Яну Вышатичу, котораго очень любилъ, какъ и его жену, за то, что жили по господ-

ней заповѣди и въ любви между собою. Преподобный сталъ учить ихъ о милостыни къ убогимъ, о царствіи небесномъ, какъ праведники его примутъ, а грѣшники пойдутъ въ вѣчную муку, о смертномъ часѣ и пр. Когда онъ подробно объяснилъ имъ церковный обрядъ, совершаемый надъ усопшимъ, жена тысяцкаго въ раздумьи спросила: „кто вѣсть, гдѣ это меня положатъ?“ Пророчествуя о ея желаніи, преподобный отвѣтилъ: „по истинѣ, гдѣ лягу я, тамъ и ты положена будешь“. И такъ сбылось ровно чрезъ 18 лѣтъ. Когда въ 1091 г. мощи святаго торжественно были перенесены въ новую Печерскую церковь Богородицы и положены въ притворѣ на правой сторонѣ, черезъ два дня тамъ же на лѣвой сторонѣ погребена была и скончавшаяся супруга Яна Вышатича. Столько любви показалъ преподобный къ этой доброй семьѣ. Имя Яна Вышатича мы должны очень памятовать, ибо по свидѣтельству самого Нестора, онъ много ему пересказалъ о давнихъ временахъ нашей исторіи, что все и было записано въ лѣтопись. Онъ скончался въ 1106 г. въ глубокой старости, 90 лѣтъ, еще ходивши въ томъ же году вмѣстѣ съ братомъ Путятою воевать на Половцевъ. Это былъ добрый старецъ, по жизни не худшій первыхъ праведниковъ.

Таковы были отношенія преподобнаго игумена и монастырской братіи къ обществу старшей Кіевской дружины. Столько же просты и дружественны были отношенія Печерскаго игумена и къ великимъ князьямъ, дѣтямъ Ярослава.

Всѣ князья часто хаживали въ монастырь за всякими дѣлами, а больше всего бесѣдовать о спасеніи души. Изяславъ, старшій сынъ Ярослава, часто обѣдывалъ за братскою трапезою и говаривалъ, что „вотъ не могутъ мои княжескіе повара изготовлять такихъ вкусныхъ ядей, какъ въ монастырѣ,“ хотя эти ѣствы были очень бѣдны и просты. Печерскій игуменъ объяснилъ ему, почему такъ бываетъ. Въ монастырѣ все дѣлается съ молитвою, „а у тебя люди твои, примолвилъ онъ, по большой части все дѣлаютъ съ ссорою и враждою.“ Пришелъ какъ-то Изяславъ въ монастырь, а привратникъ его не пускаетъ, говоритъ: не велѣно, хотя бы и самъ князь былъ. Изяславъ увѣряетъ, что онъ и есть самый князь. Но привратникъ безъ доклада игумену все-таки его не пустилъ. Монастырь въ то время, утомленный

службою, почивалъ послѣ обѣда, готовясь къ новымъ вечернимъ службамъ.

Извѣстно, что къ другому брату Изяслава, Святославу, препод. Θеодосій заходилъ во всякое время, бывалъ у него и на веселыхъ пирахъ и однажды своимъ поученьемъ остановилъ такое пиршество въ самой серединѣ, такъ что и послѣ пиры въ его присутствіи больше уже не начинались.

Въ такой дружбѣ жилъ Печерскій монастырь съ дѣтьми Ярослава. Естественно, что дѣти дѣтей — внуки сохранили еще большее уваженіе къ этой святой средѣ, гдѣ они еще мальчиками привыкали чтить все то, что нравственно и умственно высилось надъ уровнемъ тогдашней жизни.

Святополкъ Изяславичь, въ княженіе котораго (1093 — 1113 г.) Несторъ писалъ свою лѣтопись, исполняетъ уже неизмѣнно, вѣроятно еще отцовскій обычай: куда бы ни шелъ, на войну ли, или въ другой какой путь, онъ шелъ прежде въ Печерскій монастырь, поклониться у гроба Θеодосія и взять молитву у тамошняго игумена. Точно также онъ приходилъ туда и на возвратномъ пути дѣлить съ братіею свои радости, или свои печали.

Въ 1107 г. онъ воротился въ Кіевъ съ великою побѣдою надъ Половцами. Побѣда случилась у Лубна 12 августа, а въ заутреню на Успеньевъ день на 15 авг. Святополкъ уже стоялъ у Θеодосіева гроба, молился, разсказывалъ о счастливой побѣдѣ. „И цѣловали его братія и онъ цаловалъ братію съ радостію великою.“ Всѣ радовались, приписывая побѣду заступленію Богородицы и молитвамъ св. Θеодосія.

Если было такъ, если Печерскій монастырь былъ любимымъ другомъ, отцомъ, братомъ, роднымъ и святымъ мѣстомъ для всего Русскаго общества, дѣйствовавшаго въ то время въ Кіевѣ, а изъ Кіева на всю Русскую Землю, приходившаго въ монастырь поразмыслить обо всякомъ сколько нибудь значительномъ общемъ или домашнемъ дѣлѣ, порадоваться тамъ, или попечалиться тамъ же, вмѣстѣ, за одно съ любезною братіею,—если съ благословенія и по обычаю Θеодосія такъ было и такъ потомъ продолжалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, то весьма понятнымъ становится, что Печерскій монастырь зналъ и людей и дѣла своей земли несравненно больше, полнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ кто либо

могъ это знать; становится весьма понятнымъ, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не могла зародиться и мысль о нашей первой лѣтописи. Здѣсь сосредоточивалось все лучшее передовое общество Земли, весь ея умъ и весь опытъ и бывалость ея жизни. Нерѣдко въ кельяхъ монастырскихъ предъ лицомъ братіи разрѣшались междукняжескія важныя дѣла, развязывались спутанные и запутанные узлы ихъ отношеній.

Исторія стало быть живьемъ проходила по самымъ монастырскимъ кельямъ, приносила въ монастырь не только свѣжій разсказъ о событіи, но и окончательную мысль о всякомъ дѣлѣ и о всякомъ лицѣ, совершавшемъ то или другое дѣло. Какъ естественно было здѣсь же ей и народиться въ образѣ первичной литературной обработки прежнихъ хронологическихъ книжныхъ замѣтокъ и теперешнихъ устныхъ разсказовъ. Когда въ обществѣ стали ходить толки о первыхъ временахъ Русской Земли, поднялись вопросы, откуда она ведетъ свое начало, какъ стала она такою сильною и славною землею, то разсказать объ этомъ грамотно никто конечно лучше не могъ, какъ тѣсный кругъ печерскихъ же грамотныхъ людей, около которыхъ съ такою любовью собиралось все пытливое, умное и размышляющее изъ кіевскихъ первыхъ горожанъ, каковы были сами князья и особенно ихъ дружинники.

Трудъ лѣтописанья принялъ на себя преподоб. Несторъ. Какъ это случилось, мы не знаемъ, но безъ желанья и побужденья кого либо изъ князей, кого либо изъ дружинниковъ, безъ живаго содѣйствія и участія всего общества тогдашнихъ знающихъ и умныхъ людей, Несторъ этого начать не могъ, а главное однимъ своимъ лицомъ онъ не могъ написать именно такую лѣтопись. Тѣ особыя ея качества и достоинства, которымъ столько удивлялся самъ Шлецеръ, и которымъ еще долго будутъ дивиться всѣ изучающіе этотъ дорогой нашъ памятникъ, ея достоинства и качества едвали могутъ принадлежать труду и дарованію одного автора. Въ нихъ слишкомъ много выражено общаго, всенароднаго, принадлежащаго какъ бы цѣлому вѣку, цѣлому племени людей, и очень мало выражено частнаго, личнаго, собственно авторскаго.

Написанная по разуму, по идеямъ и въ отвѣтъ на потребности всего древнерусскаго грамотнаго общества, наша первая повѣсть временныхъ лѣтъ по этой же причинѣ тотчасъ сдѣлалась общимъ достояніемъ всей русской страны, во всѣхъ ея углахъ, гдѣ только сосредоточивалась грамотность. Трудъ черноризца Нестора легъ въ основаніе для всѣхъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, которые по всему вѣроятію сами собою нараждались во всѣхъ древнихъ городахъ русской земли, и воспользовались Повѣстью, какъ готовою связью для прежнихъ записей и для дальнѣйшаго труда. Почему подобная Повѣсть не была написана въ другомъ какомъ либо городѣ, почему не видно нигдѣ и слѣдовъ подобнаго самостоятельнаго труда, на это прямо можетъ отвѣтить сама исторія древнерусской грамотности или образованности, первое гнѣздо которой находилось только въ Кіевѣ, въ его Печерскомъ монастырѣ и въ его городскомъ обществѣ, по своему разнородному составу и по своимъ связямъ со всѣми окрестными странами, особенно съ Византіею, обществѣ самомъ грамотномъ и самомъ образованномъ для всей Русской Земли. Только въ Кіевѣ могли народиться идеи всенароднаго единства Русской Земли, а стало быть и идеи о томъ, какъ произошло и создалось это единство, откуда пошла эта единая Русская Земля. Породивши свое племя и оставивши въ немъ, такъ сказать, свою кровь, трудъ Нестора изчезъ въ этомъ племени, какъ изчезаетъ кровь родоначальника въ его потомкахъ. Теперь, если и возможно указать, гдѣ начиналась его первая рѣчь, то уже совсѣмъ невозможно открыть, гдѣ, какимъ послѣднимъ словомъ эта рѣчь была окончена. Лѣтописное дѣло послѣ Нестора стало общимъ дѣломъ всей земли. Съ этою мыслью, что оно общее земское дѣло, принимался за свой трудъ каждый списатель русской лѣтописи, всегда ее пополнялъ недостающими статьями и подробностями и всегда отдавалъ свое списанье на судъ и вниманіе всего общества, съ обычными заключительными словами: „Господа отцы и братья, если гдѣ либо я описался, или переписалъ, или не дописалъ, читайте, исправляйте ради Бога, и не кляните, ибо книги ветхи, а умъ молодъ не дошелъ“. Повѣсть временныхъ лѣтъ распространилась, какъ мы сказали, по всѣмъ важнѣйшимъ городамъ по той при-

чинѣ, что она и создана была желаньемъ и идеями города и вполнѣ отвѣчала потребностямъ городскаго грамотнаго быта. Каждый городъ почиталъ необходимостью имѣть свой сборникъ Лѣтописи, въ основу котораго полагалъ Временникъ Нестора и дополнялъ его своими вставками, своими повѣстями, касавшимися роднаго города и родной стороны. Отсюда появилось множество лѣтописныхъ списковъ, и ни одного полнаго, въ смыслѣ полнаго свода всѣхъ извѣстій. Каждый списокъ въ одномъ мѣстѣ былъ полнѣе другаго, въ другомъ—короче. Все это зависѣло отъ количества матеріаловъ, какими пользовался каждый списатель своего сборника. Но кто собственно въ городѣ писалъ лѣтопись и гдѣ происходило ея пополненіе современными событіями, во дворѣ ли князя, во дворѣ ли епископа, во дворѣ ли тысяцкаго, или въ схожей вѣчевой избѣ горожанъ, то есть имѣло ли ея списаніе какой либо официіальный видъ, объ этомъ трудно что либо сказать. Есть свидѣтельства, что князья приказывали вписывать то или другое событіе для памяти потомству; такъ въ 1289 г. Галицкій князь Мстиславъ вписалъ въ лѣтописецъ крамолу Берестьянъ; есть въ самой лѣтописи признаки, что иныя событія разсказываются какъ будто самимъ княземъ. Есть прямое указаніе 1409 г., что первые князья безъ гнѣва повелѣвали писать въ лѣтопись все доброе и недоброе, какъ что случилось, чего безъ содѣйствія и обсужденія дружины князья дѣлать не могли. Общій приговоръ дружины необходимо утверждалъ вѣрность, безпристрастіе и сущую правду лѣтописной записи. Еще больше есть показаній, что иныя событія описывали сами дружинники, каковы напр. многія междоусобныя войны, походы, битвы, ссоры князей и пр., какъ это почти на каждой страницѣ замѣтно въ лѣтописи Кіевской, Волынской, не меньше въ Суздальской и другихъ. Точно съ такими же подробностями Новгородская лѣтопись описываетъ свои городскія смуты, что явно показываетъ, что она велась самими вѣчевыми людьми. Вообще предметы, которыми исключительно занимается лѣтопись больше всего свѣтскіе, мірскіе, собственно городскіе, каковы даже новгородскія извѣстія о постройкѣ городскихъ церквей, или монастырей и т. п. Все это показываетъ, что лѣтопись велась всегда въ интересахъ своего города и всей Русской Зем-

ли и вообще не столько духовными лицами, сколько свѣтскими, мірскими людьми, при непосредственномъ ихъ участіи въ самомъ составленіи памятныхъ статей. Извѣстно, что и царь Иванъ Васильевичъ составлялъ лѣтописецъ, прибирая къ старымъ новыя лѣта за свое время. Быть можетъ такъ описывали свои лѣта и древніе князья.

Но это нисколько не отнимало рукъ у другихъ князей, какъ и у городскихъ общинъ, и у всѣхъ другихъ списателей лѣтописи прибирать къ ея годамъ свои годы и описывать свои событія, или и тѣ же общія событія для всей земли, но своими мыслями и своими рѣчами. Лучшимъ подтвержденіемъ, что лѣтописныя записи составлялись, не церковниками или монахами, а свѣтскими людьми, служитъ лѣтописный языкъ, господствующій отъ начала и до конца во всѣхъ спискахъ, языкъ простой, дѣловой, больше всего дьячій, и меньше всего церковничій, который всегда очень замѣтенъ только во вставныхъ отдѣльныхъ сказаніяхъ о лицахъ и событіяхъ, бывшихъ почему либо особенно памятными для монастырскаго церковнаго чина. Все это заставляетъ предполагать, что составленіе Лѣтописи было офиціально въ томъ смыслѣ, что статьи писались и вносились во Временникъ съ общаго приговора и обсужденія княжеской дружины или независимой городской дружины, какъ вѣроятно было напр. въ Новгородѣ и Псковѣ. Вообще можно полагать, что лѣтопись составляли первые люди города, его грамотная, дѣйствующая и бывалая среда. Какъ мы сказали, она была общимъ достояніемъ и общественнымъ дѣломъ для всей Русской Земли. Поэтому можно сказать, что и каждый перепищикъ становился въ свою очередь лѣтописцемъ, всегда самобытно измѣнялъ и дополнялъ рѣчи согласно съ разумѣніемъ или по свѣдѣніямъ своей страны и своего города. Во всемъ нашемъ лѣтописаньи это проходитъ довольно рѣзкою чертою, которую не могъ не замѣтить и Шлецеръ. Напрасно отыскивая и возстановляя подлинный текстъ Несторова Временника въ чистомъ его видѣ, онъ очень оскорблялся самостоятельностью русскаго списыванья лѣтописей. „Сіи писцы временниковъ (пишетъ знаменитый критикъ), разумѣя ихъ только какъ переписчиковъ, во многомъ походятъ на всѣхъ дурныхъ переписчиковъ всѣхъ временъ и земель: часто

отъ нерадѣнья дѣлаютъ они описки... Но вмѣстѣ съ этимъ есть у нихъ что-то особенное, чему совершенно подобнаго не нахожу я во всей прочей исторической словесности. Другіе переписчики, даже изъ глупѣйшаго вѣка, переписываютъ съ нѣкоторымъ родомъ набожности, и по меньшей мѣрѣ, не пишутъ умышленно своего, а только то, что видятъ въ своемъ подлинникѣ. Русскій же переписчикъ напротивъ того не уважаетъ ни чѣмъ и не смотритъ на буквы; отъ сего нѣтъ у него тѣни единообразнаго правописанія; онъ склоняетъ и спрягаетъ то по Словенски, то по Новорусски, перемѣняетъ падежи и времена, даже ставитъ другія слова: и все это безъ всякой причины, а потому только, что такъ ему угодно. Но несравненно хуже, и отъ чего истина и достоинство древней Русской Исторіи невѣроятно до сихъ поръ страдали — во время переписки человѣкъ этотъ думаетъ, разсуждаетъ и дѣлаетъ толкованія, но думаетъ въ слухъ, не выставляя дурацкихъ своихъ выдумокъ на поля, вмѣсто объясненій, а внося ихъ прямо въ текстъ... И эти объясненія, эти пустыя, часто глупыя приставки принимаютъ за чистую Руссо - историческую истину, безславя имя почтеннаго Нестора, который объ нихъ никогда и не думалъ... Съ какою тщательностію и трудомъ ни употреблялъ я критику, чтобы вытащить изъ кучи писцовъ Несторово настоящее вступленіе въ Русскую исторію и повѣствованія его о Рюрикѣ, какъ и объ Олегѣ и пр., но все еще не рѣшилъ этимъ важной задачи возстановить чистаго Нестора, и не могъ рѣшить ее.“ [1]

Повторяемъ, что это былъ напрасный трудъ. Чистаго Нестора можно сказать никогда не существовало. Онъ созданъ воображеніемъ критика, вѣровавшаго въ такую чистоту по классическимъ образцамъ римской и греческой исторіи. Мы уже говорили, что первая же копія съ чистаго Нестора должна была внести въ него свои прибавки, вставки, свои разсужденія, толкованія, объясненія, такъ какъ и самый Несторъ, переписывая вновь свою Повѣсть, необходимо долженъ былъ самъ же внести въ нее новыя прибавки, вставки, объясненія и пр., ибо вся эта повѣсть не была сочиненіемъ, а была сборникомъ свѣдѣній, мнѣній,

[1] Шлецера Несторъ II, 225—231.

разсужденій, преданій, которыя ходили въ тогдашнемъ обществѣ и которыя въ Повѣсти связывались только хронологическою послѣдовательностію ихъ изложенія.

Все это раскрываетъ до очевидности ту простую истину, что Русское Лѣтописанье, какъ началось, такъ и воздѣлывалось въ теченіи вѣковъ разумомъ и памятью самого грамотнаго Русскаго общества, подобно тому, какъ воспѣвалась и воздѣлывалась въ теченіи вѣковъ Русская пѣсня — былина, такая же Русская лѣтопись неграмотнаго люда. Ни тамъ, ни здѣсь авторовъ - сочинителей мы нигдѣ не видимъ.

Сказываетъ и поетъ былины неграмотный народъ; списываетъ, собираетъ, составляетъ лѣтопись тотъ же народъ, только въ грамотной его средѣ. Его отношеніе къ устному преданію и къ преданію письменному—одинаковы. И то, и другое, какъ отеческое преданіе, онъ воспринимаетъ не въ видѣ мертвой буквы, а какъ живое выраженіе его собственной памяти и собственныхъ созерцаній о минувшихъ вѣкахъ. Отсюда указанное Шлецеромъ извѣстнаго рода своеволіе въ передачѣ лѣтописнаго текста, въ который каждый списатель всегда вносилъ и свою живую мысль, свое живое пониманье ветхихъ рѣчей. Не говоримъ о томъ, что лѣтопись списывалась и составлялась по всѣмъ угламъ Русской Земли и необходимо подвергалась вліянію мѣстнаго говора и мѣстнаго запаса свѣдѣній.

Подобно устному и письменное преданіе, Лѣтопись, во всемъ своемъ повѣствованіи сохраняетъ тотъ же эпическій характеръ полнаго спокойствія и полной правдивости къ изображаемымъ лицамъ и событіямъ, въ слѣдствіе чего, какъ литературное произведеніе, она близко примыкаетъ къ библейскимъ идеаламъ и образцамъ библейскаго писанія, и вовсе удаляется отъ византійской риторской школы. По этой же причинѣ въ нашей лѣтописи нѣтъ и слѣдовъ личной фантазіи и личной страсти автора-ритора, нѣтъ и слѣдовъ изхитренной риторики, ни въ мысляхъ, ни въ словахъ. Въ ней господствуетъ, какъ мы сказали, полное спокойствіе эпическаго созерцанія, которое конечно могло оставаться въ такомъ памятникѣ только по той причинѣ, что онъ воспроизводился разумѣніемъ всенароднаго грамотнаго общества, гдѣ личность лѣтописателя совсѣмъ терялась, изчеза-

ла, какъ личность простаго пересказывателя народной былины.

И это вполнѣ зависѣло отъ самаго существа древней Русской мысли и древней Русской жизни; въ нихъ ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ ничего не оказывалось индивидуальнаго, самоличнаго, и все служило только, выразителемъ какой то общей стихійной силы, державшей въ полной зависимости отъ своихъ общихъ идей каждое частное, личное дѣяніе и помышленіе.

Продолжатели Нестора, даже самые поздніе, включительно до „Лѣтописи о Мятежахъ," написанной въ половинѣ 17 столѣтія, ничѣмъ кромѣ древности языка не отличаются отъ своего первообраза. Они до поздняго времени сохраняютъ одинъ тонъ, одинъ характеръ повѣствованія, въ которыхъ дѣло личнаго авторства совсѣмъ изчезаетъ. Вы слышите разсказъ не того или другаго автора, а какъ бы всего того народа, который былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ повѣствуемыхъ событій. Поэтому нѣтъ никакой возможности опредѣлить первобытный объемъ Повѣсти Нестора и отдѣлить эту повѣсть отъ записокъ продолжателей, или опредѣлить вѣрною точкою, гдѣ началъ и окончилъ одинъ продолжатель и гдѣ началъ и окончилъ другой. Въ общемъ характерѣ все сливается въ одинъ цѣльный разсказъ, продолжающійся непрерывно, хотя и въ разныхъ сторонахъ Русской Земли цѣлые вѣка, шесть сотъ лѣтъ. Кто же можетъ такъ долго и въ одномъ и томъ же тонѣ разсказывать свою быль, какъ не само грамотное общество народа. Поздняя лѣтопись ничѣмъ не отличается отъ своего первообраза и совсѣмъ безслѣдно сливается съ нимъ, по той именно причинѣ, что и тамъ и здѣсь существуетъ и пишетъ одинъ и тотъ же авторъ, самъ грамотный народъ.

По той же причинѣ, какъ общенародное дѣло, наша Лѣтопись съ первой и до позднѣйшей своей строки отличается необыкновенною правдивостью и достовѣрностью разсказа, гдѣ всякая ложь, какъ темное пятно на свѣтломъ мѣстѣ, обнаруживается сама собою, больше всего собственнымъ качествомъ лжи и выдумки.

Таковы напр. всѣ лѣтописныя измышленія о началѣ Руси и Славянъ, появившіяся въ 16 вѣкѣ и порожденныя ли-

тературнымъ вліяніемъ Польши. Отъ нашего правдиваго состава лѣтописи они отваливаются сами собою, какъ случайныя неорганическія приставки.

Только какъ общенародное дѣло, наша лѣтопись могла сохранять долгіе вѣка тотъ смыслъ, что лѣтописное слово не простое мірское слово о мірскихъ дѣлахъ, а святое слово самой исповѣди за весь живущій и дѣйствующій міръ, святое слово христіанской правды, внушенное глубокимъ уваженіемъ къ слову Писанія вообще. Этотъ именно характеръ искренней и правдивой всенародной исповѣди былъ почувствованъ и критикою Шлецера. Послѣ самыхъ строгихъ и самыхъ до мелочей придирчивыхъ изтязаній Несторова Временника, Шлецеръ выразился о Несторѣ такъ: „Этотъ Руссъ въ сравненіи съ Исландцами и Поляками (писавшими къ томуже позднѣе его), такъ превосходенъ, какъ разсудокъ, иногда затмѣвающійся, въ сравненіи съ безпрестанною глупостью“.

Но Исландцы и Поляки потому и не выдержали сравненія, что ихъ сказанія проникнуты мыслью и чувствомъ автора-сочинителя, исполнены страстью, а слѣд. и пристрастіемъ пишущаго лица; въ нихъ личность автора всегда представляетъ какъ бы основу повѣствованія. Въ нашей древней Лѣтописи ничего подобнаго нѣтъ уже по той причинѣ, какъ мы говорили, что она не сочиненіе, а собраніе временныхъ лѣтъ, записанныхъ и разсказанныхъ не однимъ лицомъ, а множествомъ лицъ, отъ разныхъ слоевъ народа, отъ разныхъ краевъ Русской земли.

Въ этомъ собраніи народныхъ мыслей, разсужденій и свѣдѣній о давнемъ времени, въ этомъ совокупленіи народныхъ историческихъ былинъ существенною и собственно историческою чертою является не произволъ личнаго авторства, а строгое понятіе о той правдѣ, какою можетъ дорожить только сама наука. Установленію этой правды очень способствуютъ годовыя числа. Въ Несторовой Повѣсти время занимаетъ передовую главнѣйшую статью всего труда. Въ сущности Несторъ описываетъ только лѣта времени и это разъ навсегда выводитъ его трудъ изъ области поэзіи, гдѣ есть время, но не бываетъ лѣтъ, въ область знанія—науки, гдѣ числа устраняютъ всякую неопредѣленную мысль—мечту.

Годовое число въ Повѣсти Нестора есть первая причина для описанія событій. Оттого онъ старательно выставляетъ даже и тѣ года, въ которые ничего не случилось. Глубокое, какое-то религіозное почтеніе и уваженіе къ годовому числу, онъ безсомнѣнія вынесъ не изъ византійскихъ хронографовъ, а изъ собственныхъ своенародныхъ источниковъ, отъ первыхъ церковныхъ замѣтокъ первыхъ нашихъ христіанъ. Въ опредѣленную, точную и въ полномъ смыслѣ научную рамку годовыхъ чиселъ Лѣтопись съ величайшею добросовѣстностью вноситъ все то, что почитаетъ важнымъ, дѣльнымъ и любопытнымъ, вовсе не думая иной разъ о показаніяхъ противорѣчивыхъ или даже повторительныхъ, что указываетъ только на различіе ея источниковъ. Очень только замѣтно, что она дорожитъ каждымъ извѣстіемъ и свѣдѣніемъ, которое могло освѣтить правдою темное дѣло или темное время. Чего не знаетъ, о томъ она и не говоритъ, и всегда оставляетъ короткую замѣтку древности въ томъ самомъ видѣ, какъ она есть, не пускаясь въ сочинительскія распространенія и прикрасы, и одѣвая ее въ иныхъ случахъ только народнымъ же преданіемъ, т. е. общею мыслью и общимъ разумѣніемъ своего вѣка. Всѣ тѣ свойства и качества лѣтописнаго труда, какія сами собою выясняются при изученіи древнѣйшей, такъ называемой Несторовой лѣтописи, лежали, какъ бы святымъ завѣтомъ отъ предковъ къ потомству, и во всей послѣдующей работѣ писанія и составленія лѣтописныхъ сборниковъ. Какъ бы словами самого Нестора, вотъ что говоритъ его лѣтописный потомокъ 16 вѣка, простой селянинъ Ростовской области: „Молю васъ, братья, которые будутъ читать и слушать эти книги: если кто найдетъ здѣсь многое недостаточное, или не полное, да не позазритъ мнѣ, ибо не Кіевлянинъ я родомъ, ни изъ Новгорода, ни изъ Владиміра, но селянинъ Ростовскихъ областей. Сколько нашелъ, столько и написалъ. Чего силѣ моей невозможно, и чего не вижу передъ собою лежашаго, то какъ могу наполнить? Богатой памяти не имѣю; дохторскому искусству не учился, какъ сочинять повѣсти и украшать премудрыми словами, который обычай имѣютъ риторы. Мнѣ, что Богъ поручитъ въ руки, то въ первые лѣта (болѣе древнія, но пустыя или неполныя) и послѣ впишемъ [1]."

[1] Тверская Лѣтопись въ П. С. Р. Л. т. XV, стр. 142.

Вотъ съ какою цѣлью ставились въ Лѣтописи пустые годы и вотъ какимъ способомъ составлялось наше лѣтописанье до послѣднихъ своихъ дней. Имъ занимался всякій грамотникъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, какъ въ монастырѣ, такъ и на посадѣ. Да и въ церковномъ, монашескомъ чину лѣтописанье больше всего находилось въ рукахъ такихъ же простыхъ по образованію людей, какими бывали вообще посадскіе люди, не имѣвшіе понятія о дохтурской хитрости, научавшей сочинять повѣсти и витіевато описывать событія, въ слѣдствіе чего языкъ нашей лѣтописи, какъ мы сказали, всегда отличался простымъ складомъ, какимъ писались всѣ простыя дѣловыя записи. Какъ скоро списатель начиналъ строку выраженіемъ: „Тогожъ лѣта", или „въ лѣто такое-то", то кромѣ сущаго дѣла, кромѣ словъ простой истины онъ уже ничего не могъ приписать къ этому началу. Лѣта времени настроивали его умъ на свой завѣтный ладъ, который уже невозможно было чѣмъ либо переладить и внести въ него что либо не свойственное этой книжной лѣтописной святынѣ.

Можно сказать, что въ своемъ родѣ это была наша своеземная литературная школа, вовсе не знавшая о существованіи граматической риторской школы, не имѣвшая понятія о дохтурскомъ сочинительскомъ художествѣ. Наша лѣтопись есть произведеніе образованности, воспитанной отчасти на эпическихъ идеяхъ домашняго преданія и больше всего на образцахъ церковно-книжнаго слова, на образцахъ библейскаго разсказа и Евангельскаго ученія. Въ этой школѣ, конечно, мы многое потеряли. Мы потеряли, напр. всѣ яркія и вычурныя краски, какими могли быть изображены характеры и самыя лица нашихъ историческихъ дѣятелей; мы потеряли вообще идеальность или вѣрнѣе сказать театральность въ описаніи лицъ и событій, отчего всѣ наши герои являются самыми простыми и обыкновенными людьми, простымъ народомъ, а вовсе не героями театрально-фигуральныхъ созданій Исторіи.

Но зато въ этихъ лѣтописныхъ герояхъ лежитъ полная человѣческая правда, а въ изложеніи событій — полное ихъ вещество совсѣмъ, что было въ нихъ хорошаго и худаго, то вещество истинной, настоящей, дѣйствительной жизни, которое потому очень мало насъ и привлекаетъ, что въ немъ не

видится никакой мечты, никакой идеализаціи, никакой фантазіи, и стало быть поэзіи, и притомъ поэзіи лирической и драматической, къ чему такъ пріучили насъ писаніе и обработка западной исторіи. Не меньше было поэзіи и въ нашихъ древнихъ характерахъ и событіяхъ, но нашъ лѣтописецъ не чувствовалъ себя способнымъ представлять характеры и событія, чего безъ вымысловъ дѣлать было невозможно. Онъ, какъ истинный историкъ, только повѣствовалъ и своими воззрѣніями и созерцаніями приближался только къ эпическому спокойствію древнихъ. Вотъ непослѣдняя причина, почему въ нашей исторіи не находится героевъ-актеровъ, не ощущается событій-драмъ. „Какъ я могу наполнить свой трудъ дохтурскимъ риторскимъ вымысломъ, когда не вижу передъ собою истиннаго свидѣтельства," говорилъ простодушно нашъ селянинъ-лѣтописецъ, обнаруживая этими словами самую существенную основную черту нашего лѣтописанья.

Извѣстно, что простыя первоначальныя и какъ бы низменныя понятія всегда находятся въ очень близкомъ родствѣ съ самыми возвышенными требованіями науки. Лучшимъ поясненіемъ словъ нашего селянина можетъ служить отмѣтка знаменитаго Шлецера, по случаю возстановленія древняго текста нашего же селянина инока Нестора.

„Я разсказываю, говоритъ славный критикъ, только то, что нахожу въ какомъ нибудь древнемъ спискѣ Временника. Если же когда осмѣливаюсь дѣлать какое предположеніе, то ясно даю знать, что это мое предположеніе, а не слова древняго какого сочинителя Временника. Пусть кто хочетъ, тотъ дѣлаетъ изъ исторіи романъ, т. е. схватя одно какое нибудь настоящее произшествіе, приставитъ къ нему одиннадцать другихъ: какая до того нужда? Только пусть будетъ честнымъ человѣкомъ и скажетъ: я пишу романъ. Но вставлять, какъ будто не примѣтно, въ повѣствованіе собственныя свои выдумки и (часто глупыя) бредни, выдавая ихъ за быль, это значитъ—поддѣлывать исторію, значитъ безсовѣстнымъ образомъ обманывать всѣхъ своихъ легковѣрныхъ и неспособныхъ испытывать читателей" [1].

---

[1] Шлецера Несторъ, III, 318.

Такое именно воззрѣніе на лѣтописное дѣло лежитъ въ основаніи Несторова Временника, развѣтвившагося въ последующіе вѣка въ цѣлое очень густое древо лѣтописныхъ списковъ, которые въ общихъ свойствахъ очень строго сохраняютъ завѣтъ Нестора и потому отличаются всѣми достоинствами своего кореннаго начала. Русская лѣтописная честность Нестора особеннымъ образомъ и привлекла къ себѣ уваженіе и даже любовь со стороны перваго европейскаго критика.

Эта же самая русская честность не позволила повѣствователю временныхъ лѣтъ начать свою повѣсть риторскими выдумками и сочинительскими сказками. Описаніе древнихъ собственно русскихъ временъ онъ начинаетъ съ настоящаго дѣла.

Вспоминая о древнихъ временахъ и заимствуя самую начальную исторію человѣка у византійцевъ, наша лѣтопись ведетъ свой разсказъ отъ потопа и говоритъ, что по разрушеніи Вавилонскаго столпа и по раздѣленіи людей на 72 языка, сынъ Ноя, Аѳетъ, принялъ себѣ во власть западъ и сѣверъ, что изъ числа этихъ 72 языковъ, отъ племени Аѳета произошелъ народъ Славянскій, именуемый Норци, которые суть Славяне. Вотъ древнѣйшее имя Славянъ. Оно поминается еще Геродотомъ въ имени Невровъ, жившихъ къ сѣверу отъ Карпатскихъ горъ. Послѣ многихъ временъ, говоритъ лѣтопись, Славяне сѣли на Дунаѣ. Отсюда они разошлись по землѣ и прозвались своими именами, гдѣ кто сѣлъ, на которомъ мѣстѣ. По Геродоту на нижнемъ Дунаѣ лежала область Древней Скиѳіи, которая распространялась до устья Днѣпра. Въ какое то время Дунайскихъ Славянъ потѣснили Волохи, сѣли посреди ихъ и стали творить всякое насилье. Это было новою причиною разселенія Славянъ дальше къ сѣверу и сѣверовостоку. Когда и какое это было нашествіе Волоховъ, неизвѣстно. Волохами, Влахами Славяне обыкновенно называли племена Романскія. Прежде полагали, что это было нашествіе на Дунайскія земли Римлянъ, при импер. Траянѣ. Но болѣе внимательныя соображенія заставляютъ относить нашествіе Волоховъ къ очень отдаленнымъ временамъ, покрайней мѣрѣ къ движенію Кельтовъ и Галловъ лѣтъ за 300 до Р. Х. Какъ бы ни бы-

-ло, но въ Придунайскомъ населеніи и доселѣ живетъ народность Романскаго или Галльскаго происхожденія, называемая по древнему точно также Волохами.

Славяне, которые пришли и сѣли по Днѣпру, гдѣ онъ течетъ въ поле, въ степные края, прозвались Полянами, а другіе Древлянами, потому что сѣли въ лѣсахъ; другіе, сѣвшіе между Припятью и Зап. Двиною, назвались Дреговичами (отъ Дрягва-болото); сѣвшіе на Двинѣ назвались Полочанами, отъ рѣки Полоты, которая занимаетъ середину теченія Двины и дѣлитъ его какъ бы по поламъ. Отъ нихъ Кривичи на верху Волги, Двины и Днѣпра. Которые сѣли выше Кривичей около Ильмень-озера, прозвались своимъ именемъ—Славянами; которые сѣли пониже Кривичей, по Деснѣ, по Семи, по Сулѣ, противъ Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра, назвались Сѣверъ, Сѣверо, Сѣвера. Въ той же мѣстности, выше Сѣверы, поселились пришедшіе отъ Ляховъ Радимичи по Сожу и Вятичи по Окѣ. Въ Южныхъ поляхъ по нижнему Днѣпру сидѣли Уличи, по Бугу Дулѣбы, иначе Бужане, а послѣ Валыняне; по нижнему Днѣстру — Тиверцы, древніе Тирагеты; на верху Днѣстра у Карпатскихъ горъ—Хрваты, Хравaты или древніе Карпы.

Жили Поляне по этимъ Кіевскимъ горамъ, и пролегалъ мимо ихъ путь „изъ Варягъ въ Греки." Отъ Грековъ въ Днѣпръ, на верху Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти въ Ильмень-озеро; изъ него течетъ Волховъ и втекаетъ въ озеро великое Нево, а устье того озера (теперешняя Нева) идетъ въ море Варяжское; по тому морю идти до Рима, а отъ Рима придти къ Царюгороду, а отъ Царягорода придти въ Понтъ-море, въ которое течетъ Днѣпръ, и которое слыветъ Русское море. По этому морю училъ апостолъ Андрей, братъ Петровъ. Апостолъ училъ въ Синопѣ, оттуда пришелъ въ Корсунь, и увидѣвъ вблизи Днѣпровское устье, захотѣлъ пойдти въ Римъ. Проходя вверхъ по Днѣпру, онъ выходилъ на Кіевскія горы, благословилъ мѣсто и поставилъ крестъ, сказавши своимъ ученикамъ, что на этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, устроится великій городъ и воздвигнутся многія церкви. Потомъ прошелъ къ Славянамъ, гдѣ теперь Новгородъ. Здѣсь онъ увидѣлъ чудный обычай, о которомъ потомъ разсказывалъ, прійдя изъ Нов-

города по Варяжскому морю въ Римъ. „Удивительно, говорилъ онъ, что дѣлается въ Славянской Землѣ: есть у нихъ бани деревянныя, натопятъ ихъ жарко, раздѣнутся до-нага, обольются квасомъ усніяннымъ (щелокомъ), возьмутъ молодое прутье и хвощутся имъ, сами себя бьютъ, и до того добьются, что вылезаютъ еле живы; обольются студеною водою, такъ и оживутъ. И такъ творятъ всякій день, никѣмъ не мучимы, но сами себя мучатъ, творятъ себѣ не омовенье, а мученье.“ Слушали Римляне и дивились. Послѣ того апостолъ изъ Рима опять пришелъ въ Синопъ.

Такимъ образомъ на Кіевскихъ горахъ жило понятіе, что отсюда можно обходить вокругъ весь европейскій берегъ, что съ Варяжскаго моря—рукой подать до Рима, а съ Черного моря—рукой подать въ Царьградъ. Такое понятіе могло держаться только очень далекимъ преданіемъ и постоянными походами по этому пути, конечно, главнымъ образомъ торговыми. Въ Кіевѣ, такимъ образомъ сосредоточивались если не промыслы, то по крайней мѣрѣ понятія о промышленныхъ силахъ двухъ морей, одного Русскаго, другаго Варяжскаго, которое по родству населенія на половину было тоже Русскимъ или Славянскимъ. И Черное и Балтійское море въ понятіяхъ Днѣпровскаго населенія были морями родными, и тамъ, и здѣсь плавали свои люди, обходившіе Европу и приходившіе опять въ тотъ же Кіевъ, дабы возвратиться его дорогою къ родному сѣверу. Вотъ объясненіе, почему Россы въ 839 г. направлялись по материку Европы въ свой Варяжскій уголъ, на Славянское Поморье.

Кіевляне очень хорошо знали и перекрестный путь съ Днѣпровской дороги, изъ Оковскаго лѣса, по Зап. Двинѣ въ Варяжское море, а изъ того же лѣса течетъ Волга на Востокъ и 70-ю устьями впадаетъ въ море Хвалисское. По Волгѣ можно идти въ Болгары и въ Хвалисы, дойдти въ жребій Симовъ, въ Азію; по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова — въ Африку.

Вообще въ этихъ разсказахъ о путяхъ изъ Русской Земли въ ту и другую сторону къ далекимъ морямъ несомнѣнно высказывается память и сознаніе о томъ, что городъ Кіевъ и Русская Земля съ незапамятныхъ, еще апостоль-

скихъ временъ, были серединою торговыхъ связей и сношеній Востока съ Западомъ и Сѣвера съ Югомъ.

Лѣтопись ничего не говоритъ о первомъ началѣ другихъ Русскихъ племенъ и помнитъ только о Полянахъ, что они жили особо, независимо отъ другихъ, жили каждый съ своимъ родомъ на своихъ мѣстахъ, владѣя каждый своимъ родомъ.

Были у нихъ три брата, одному имя Кій, другому Щекъ, третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Каждый братъ сидѣлъ въ Кіевскихъ мѣстахъ на особой горѣ, отчего и горы прозывались ихъ именами, Щековица, Хоревица. Во имя старшаго брата, Кія, на его горѣ, они построили городокъ и назвали его Кіевъ. Около городка былъ лѣсъ и боръ великій, ловили тутъ звѣрей. То были мужи мудрые и смысленые. Кій, княживши въ своемъ родѣ, ходилъ даже въ Царьградъ и великую честь принялъ отъ царя, при которомъ царѣ туда приходилъ. Возвращаясь домой, на Дунаѣ, онъ возлюбилъ мѣсто и срубилъ было городокъ, желая сѣсть тамъ съ своимъ родомъ; но близь живущіе не дали ему устроится. И донынѣ Дунайцы знаютъ городище Кіевецъ.

Существовало и другое преданіе о происхожденіи Кіева. Говорили, что Кій былъ лодочникъ, перевозникъ, что былъ тутъ перевозъ съ этой на ту сторону Днѣпра, и говорилось въ народѣ: идти на перевозъ, на Кіевъ. Но лѣтописецъ замѣчаетъ, что такъ толковали несвѣдующіе. Само собою разумѣется, что преданіе о трехъ братьяхъ заключало въ себѣ болѣе историческаго, чѣмъ преданіе о перевозникѣ. Хотя и перевозникъ указываетъ на пролегавшій путь черезъ Днѣпръ отъ Запада къ Азіатскому Востоку.

Можно полагать, что въ именахъ этихъ братьевъ и сестры скрывается темная память не о лицахъ собственно, но о цѣлыхъ земляхъ, для которыхъ городъ Кіевъ въ незапамятное время былъ средоточіемъ и живою связью, былъ мѣстомъ населенія, приходившаго сюда отъ этихъ земель. Мы уже говорили, что имя старшаго брата, Кій, можетъ обозначать народъ Хуновъ или Хоановъ, упоминаемый еще Птоломеемъ. Плиній и тотъ же Птоломей именуютъ Днѣстръ ли, Бугъ ли, но рѣку этой мѣстности, Аксіакомъ.

Тацитъ зналъ какой-то народъ, о которомъ не хотѣлъ разсказывать басни, именемъ Оксіоны. Помп. Мела разсказываетъ, какъ упомянуто, что Аксіаки былъ такой народъ, который не имѣлъ понятія о воровствѣ, чужаго никогда не бралъ и своего никогда не запиралъ и не хоронилъ отъ воровъ, ибо въ его странѣ ихъ не было.

Имя Аксіаковъ по всему вѣроятію идетъ отъ Геродотовскаго Эксампея, см. стр. 220, и непремѣнно должно обозначать какое либо туземное названіе этой страны, которое въ теченіи вѣковъ, хотя и перемѣнилось, но коренной звукъ сохранило тотъ же. Къ этому звуку близко также подходитъ слово — скала, сохраняемое въ названіи нѣкоторыхъ мѣстъ, напр. Скаливое, что вообще совпадаетъ съ именемъ Эксампей, означавшимъ священный, скалистый путь страны отъ Днѣстра до Днѣпра, образующій извѣстные пороги. Не происходитъ ли и Кіевлянинъ Щекъ изъ недалекой страны Эксампея или Аксіака? Гора Щековица иначе именуется Скавикой, почему Аксіаки могутъ соотвѣтствовать Скавикамъ. О такой древности можно гадать всячески, лишь бы находились хотя малыя основанія.

Что же касается третьяго брата, Хорива, то его имя напоминаетъ отца Булгарскихъ племенъ Кубрата или Кровата-Хровата, Хорвата, а вмѣстѣ съ тѣмъ и страну Хоровое, о которой свидѣтельствуетъ Константинъ Багрянородный, говоря, что она находилась на западъ отъ Днѣпра вблизи Руси и въ 10 вѣкѣ принадлежала Печенѣгамъ.

Точно также и сестра Лыбедь напоминаетъ страну Лебедіасъ, гдѣ-то вблизи Дона, въ которой жили въ одно время Венгры, а потомъ ее заняли Печенѣги, и которая прозывалась будто бы по имени вождя Венгровъ. Въ той сторонѣ есть городъ Лебедянь, Тамб. губ.; есть городъ Лебединъ, Харьк. губ. въ мѣстности р. Псела; но есть также Лебединъ Кіевскій, Чигиринскаго уѣзда, село и большой лѣсъ — Лебедынъ, къ сѣверу отъ Новомиргорода и страны Эксампей. Такимъ образомъ всѣ братья и сестра, какъ первые поселенцы, могли населить Кіевъ изъ ближайшихъ къ нему мѣстъ, со стороны Днѣстра и Буга.

Всѣ братья и сестра тутъ въ Кіевѣ и скончались. Послѣ нихъ сталъ держать княженье у Полянъ ихъ родъ. Но по смерти братьевъ Поляне жили въ обидѣ отъ Древлянъ и

другихъ окольныхъ племенъ, повидимому, до того времени, какъ пришли на Кіевъ Козары и заставили платить себѣ дань. Увидавши Кіевскихъ людей сѣдящихъ въ лѣсу на горахъ, Козары сказали: „платите намъ дань". Подумали Поляне и рѣшили дать по мечу отъ дыма (отъ дома). Козары пришли къ своему князю и старѣйшинамъ и объявили, что вотъ доискались новой дани. „Гдѣ?" спросили князь и старѣйшины. „Въ лѣсѣ, на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрскою".— „Что дали?"—Козары показали мечь. Старцы Козарскіе подумали и примолвили: „Княже! дань недобрая... Ее доискались мы одною стороною оружія, то есть саблями; а у этихъ оружіе съ обѣихъ сторонъ остро, это мечь. Будутъ они брать дань и на насъ и на другихъ странахъ." Такъ это и сбылось, повѣтствуетъ лѣтописецъ. Владѣли Козары, а послѣ ими самими стали владѣть Русскіе, владѣютъ и до сего дня.

Прежде нашествія Козаръ на Кіевъ, лѣтопись заносить на свои страницы книжныя свѣдѣнія о переходѣ на Дунай Булгаръ, которыхъ, слѣдуя византійскому источнику, именуетъ Скиѳами-Козарами; о приходѣ въ Славянскія земли Бѣлыхъ Угровъ и о нашествіи Обровъ или Аваровъ, о которыхъ разсказываетъ преданіе, какъ они мучили Дулѣбовъ-Бужанъ. Были Обры тѣломъ велики и умомъ горды, но Богъ истребилъ ихъ, всѣ померли, не остался ни одинъ Обринъ. Есть на Руси пословица и до сего дня: Погибли какъ Обры. Нѣтъ ихъ племени, ни наслѣдка. Послѣ нихъ пришли Печенѣги, а затѣмъ, уже при Олегѣ, мимо Кіева прошли Черные Угры. Вотъ вся память о переходахъ по нашей странѣ кочевниковъ. Объ Уннахъ лѣтопись ничего не слыхала, а казалось бы, если то были также азіатскіе кочевники, она могла бы сохранить какую либо память объ ихъ долгомъ господствѣ во всей нашей странѣ до самаго прихода Обровъ-Аваровъ.

Вспоминая о первобытной жизни предковъ, нашъ древнѣйшій лѣтописецъ, какъ видѣли, обрисовываетъ эту жизнь немногими словами. Онъ подробнѣе говоритъ только о бытѣ Кіевскихъ Полянъ, но утверждаетъ, что такъ жили и остальныя племена. Его короткія слова представляютъ однако столько полноты, точности и обстоятельности, что дре-

внѣйшія основы нашего быта выступаютъ въ нихъ самыми выпуклыми чертами.

Каждый жилъ особо съ своимъ родомъ, на своихъ мѣстахъ; каждый владѣлъ родомъ своимъ особо. Не оставляя никакого намека о лицѣ родоначальника, лѣтописецъ говоритъ вообще, что каждый человѣкъ, какъ и цѣлое племя, жили съ своимъ родомъ, то есть въ средѣ своего рода, каждый владѣлъ родомъ своимъ, то есть каждый устроивался и управлялся родомъ, но не лицомъ. Лѣтописецъ, въ слѣдъ за тѣмъ, указываетъ самый образъ и порядокъ такого владѣнья, говоря, что въ Кіевѣ жили три брата, каждый особо на своей горѣ, слѣдовательно съ особымъ владѣньемъ въ своемъ родѣ; что однако три брата составляли одинъ родъ и что старшій изъ братьевъ княжилъ въ своемъ родѣ, то есть былъ старѣйшиною у трехъ братьевъ. Выраженіе княжить очень опредѣленно объясняется послѣдующею исторіею. Оно значило не болѣе, какъ исполнять родовую волю, дѣлать то, что повелѣвали уставы, обычаи, нравы и порядки рода. Поэтому братняя власть, братнее владѣнье родомъ въ сущности представляли власть и владѣнье самого рода. Вообще лѣтописецъ очень заботится выставить впередъ только то, что́ каждый жилъ особо съ своимъ родомъ, независимо и свободно отъ другихъ, что никакой общей связи, или общей зависимости отъ кого либо, никакого политическаго единства въ землѣ еще не существовало. Всѣ жили, устроивались и управлялись своимъ родомъ, въ родовой отдѣльности другъ отъ друга, занимая каждый свои отдѣльныя родовыя мѣста.

Это лѣтописецъ повѣтствуетъ о старинѣ, какую возможно было припомнить въ 11-мъ вѣкѣ, когда началось Русское лѣтописанье. Но намъ уже извѣстно, что византійскіе Греки и притомъ достовѣрные свидѣтели-очевидцы тоже самое разсказываютъ о бытѣ нашихъ Русскихъ Славянъ и въ 6 вѣкѣ. Они повѣтствуютъ, что Славяне жили въ простыхъ бѣдныхъ хижинахъ, порознь, особнякомъ, на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, въ глухихъ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ, вообще въ мѣстахъ недоступныхъ и при томъ часто переселялись, отыскивая разумѣется въ виду чужихъ и своихъ враговъ еще болѣе недоступное и безопасное мѣсто; что Славяне всегда любили свободу и не-

зависимость, не терпѣли никакого обладателя и не было возможности принудить ихъ въ рабству или повиновенію; что они единодержавной власти не знали, но искони управлялись общенародно и разсуждали обо всѣхъ своихъ дѣлахъ сообща; что у нихъ было много царьковъ, т. е. князей-старѣйшинъ и что при всемъ томъ они жили въ постоянныхъ несогласіяхъ: на чемъ порѣшатъ одни, на то не соглашаются другіе и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому.

Шестой вѣкъ не былъ первымъ вѣкомъ въ жизни Славянъ и описанный образъ ихъ быта мы можемъ безъ малѣйшей ошибки отнести и къ болѣе отдаленнымъ временамъ, такъ точно, какъ стихійное господство этого быта мы можемъ прослѣдить до очень поздняго вѣка.

Жизнь въ родовой отдѣльности и особности повсюду въ человѣчествѣ составляла первородную и начальную ступень людскаго общежитія. Она повсюду служила естественнымъ и единственнымъ узломъ, въ которомъ скрывались первоначальныя основы и первые зародыши общества и государства. Такимъ образомъ, нашъ первый лѣтописецъ очень хорошо зналъ, что онъ говорилъ. Жизнь родомъ, владѣніе родомъ—вотъ въ чемъ заключалась первоначальная основа Русскаго быта. Наука подтвердила эти краткія слова подробными изслѣдованіями, которыя, если и не вполнѣ, то всетаки съ достаточною ясностію раскрыли существенныя черты этого быта. Она очень основательно, вполнѣ точно наименовала его родовымъ бытомъ, то есть присвоила ему то самое имя, какимъ этотъ бытъ обозначается въ древнѣйшей нашей лѣтописи. Однако существуютъ мнѣнія, которыя старательно увѣряютъ и доказываютъ, что родоваго быта у Русскихъ Славянъ не существовало, что слово родъ значитъ собственно семья и что нашъ древнѣйшій бытъ въ своихъ стихіяхъ правильнѣе называть бытомъ семейно-общиннымъ, такъ какъ основою нашей древнѣйшей жизни была семья и община, но отнюдь не родъ, и что Русская земля „изначала была наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля“.

Мы уже имѣли случай объяснять, что на нашъ взглядъ въ этихъ рѣшеніяхъ заключается собственно недоразумѣніе и произвольное толкованіе слова родъ словомъ семья [1].

По Лѣтописи слово родъ имѣетъ очень пространное значеніе. Оно вообще значитъ рожденіе, то есть, колѣно, племя; затѣмъ: породу, родство, родню, и пр. и въ иныхъ случаяхъ въ силу понятій о рожденіи могло обозначать семью въ тѣсномъ смыслѣ. Но разсудительный читатель, конечно, согласится, что семья составляетъ лишь первоначальную основу рожденія людей, корень каждаго рода, что она затѣмъ неизбѣжно разрастается многими вѣтвями, цѣлымъ древомъ, какъ до сихъ поръ это наглядно изображаютъ, когда хотятъ объяснить происхожденіе и развѣтвленіе того или другаго знатнаго рода. Ставши такимъ древомъ, семья изчезаетъ и потому получаетъ другое наименованіе. Она называется родомъ, то есть союзомъ, общиною многихъ семей, связанныхъ между собою естественною послѣдовательностію рожденія, въ которомъ живыми и дѣйствующими членами по естественнымъ же причинамъ человѣческаго долголѣтія остаются по большой части только три колѣна: отцы, дѣти и внуки. Въ наше время, при сильномъ развитіи быта государственнаго, общиннаго и общественнаго, въ дѣйствительности существуетъ только семья да общество и родичи совсѣмъ теряются, уходя далеко отъ семьи въ общество. Теперь, чтобы составить понятіе о родѣ, какъ о формѣ людскаго общежитія, какъ о главномъ дѣятелѣ жизни, необходимо прибѣгать къ извѣстнаго рода учености и необходимо даже чертить передъ глазами родословное древо. Но было время, когда такое древо существовало живьемъ на своемъ родномъ корнѣ, тѣсно и крѣпко переплетаясь своими вѣтвями около своего роднаго ствола, когда оно было неизбѣжною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственною формою человѣческаго общежитія. Объ этомъ времени и говоритъ наша первая лѣтопись, объясняя, что всѣ жили родомъ, владѣли родомъ, но не семьею и не общиною. Лѣтопись не знаетъ ни семьи, ни общины. Она знаетъ только родъ, по той причинѣ, что родъ былъ господствующею формою общежитія, такъ точно какъ теперь го-

[1] Домашній бытъ Русскихъ Царицъ, изд. 2, стр. 12—30 и слѣд.

сподствующая форма нашего общежитія есть общество. Семья же, какъ теперь, такъ и въ древнѣйшемъ быту, всегда представляла частный, собственно личный, домашній кругъ жизни, при чемъ въ древнее время, при владычествѣ рода, она даже не могла носить въ себѣ никакой самостоятельной и независимой силы, которою вполнѣ обладалъ одинъ только родъ. Семья была не болѣе, какъ частица рода. Она служила только зачаткомъ, сѣменемъ рода и сама зачиналась въ его средѣ подъ его покровомъ и завѣдываніемъ, подъ опекою стариковъ или старшихъ, и затѣмъ вскорѣ сама же изчезала въ развѣтвленіяхъ собственнаго нарожденія, которыя неизмѣнно воспроизводили все одну и туже бытовую стихію—родъ.

Почему, въ первобытное время, каждый родъ тѣснился у своего роднаго корня и жилъ особнякомъ, это объясняется простымъ естественнымъ закономъ самосохраненія.

Дѣтская беззащитность первобытной жизни естественно соединяла всѣхъ родичей въ одно цѣлое, въ одну общину родной крови, которая подъ именемъ рода становилась живненною силою, способною защищать, охранять свое существованіе отъ всякихъ сторонних напастей. Для отдѣльной личности не находилось болѣе надежнаго и безопаснаго мѣста какъ жить подъ охраною своего или хотя бы и чужаго рода. Здѣсь только она могла чувствовать себя и самостоятельною и независимою, а слѣд. и свободною. Для отдѣльной личной жизни, въ первобытное время, родъ сосредоточивалъ въ себѣ всяческія обезпеченія, какими человѣкъ пользуется теперь только при посредствѣ и подъ покровомъ государства и общества, и вотъ по какой причинѣ на первыхъ порахъ родъ въ дѣйствительности являлся первообразомъ государства.

Какъ произведеніе одной только Естественной Исторіи, это первозданное государство держалось исключительно однимъ эгоизмомъ или себялюбіемъ крови и устроивало свои обычаи, нравы и порядки разумомъ самого Естества. Поэтому очень многое въ немъ было дико и несообразно съ нашими теперешними понятіями о людскомъ общежитіи, ибо разумъ Естества не есть еще полный нравственный разумъ, по которому человѣчество устроивается послѣ долгихъ вѣковъ развитія и совершенствованія.

Себялюбіе крови, слѣдуя разуму Естества, создало уставъ кровной мести. Оно же внутри рода устроивало отношенія половъ въ томъ безразличіи, по которому очень сомнительнымъ становилось существованіе самой семьи, такъ какъ брака не было и люди жили звѣринскимъ обычаемъ. Вотъ почему на самомъ дѣлѣ господствовалъ и жилъ полною жизнью только родъ, а не семья, ибо во многихъ случаяхъ люди являлись дѣтьми рода, но не дѣтьми своей отдѣльной семьи. Объ этомъ очень ясно говоритъ наша первая лѣтопись. Семья, какъ форма личной жизни, основывается на бракѣ. Безъ брака, хотя бы языческаго, семья существовать не можетъ. По этому семья прежде всего выражаетъ уже индивидуальное, такъ сказать, личное начало жизни, въ отмѣну начала родоваго или стаднаго, гдѣ для личной особности нѣтъ мѣста.

Нашъ правдивый лѣтописецъ, описывая древнѣйшіе нравы и обычаи Русскихъ племенъ, прямо и останавливается на главномъ предметѣ, на изображеніи нравовъ семьи, такъ какъ въ его время и при томъ въ Кіевской землѣ, подъ вліяніемъ христіанства, семья уже являлась господствующею формою быта. Онъ разсказываетъ объ этомъ застѣнчиво и не совсѣмъ прямо. Съ цѣлью раскрыть темную, языческую сторону древнихъ нравовъ, онъ рисуетъ свѣтлыми и теплыми красками однихъ своихъ родныхъ Полянъ-Кіевлянъ, которые въ дѣйствительности должны были въ отношеніи нравовъ стоять выше сосѣднихъ племенъ, какъ потому, что они были первые на Руси христіане, такъ и потому, что самое христіанство распространилось у нихъ именно вслѣдствіе умягченія нравовъ, пріобрѣтеннаго отъ частыхъ и постоянныхъ сношеній и съ Греками и съ другими народностями, жившими уже гражданскою жизнію.

Лѣтописецъ говоритъ, что Русскіе Славяне имѣли свои обычаи, держали законъ и преданья своихъ отцовъ, каждый свой нравъ. Поляне имѣли обычай своихъ отцовъ, кроткій и тихій, имѣли брачные, то есть семейные обычаи: стыдѣнье къ своимъ снохамъ со стороны свекровъ, стыдѣнье къ сестрамъ со стороны братьевъ, стыдѣнье къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровямъ со стороны деверьевъ, и къ деверьямъ со стороны свекровей, — имѣли великое стыдѣнье. Не ходилъ зять-женихъ по невѣсту, отыски-

вая ее гдѣ ни попало, а невѣсту приводили вечеромъ, а на утро приносили, что по ней давали приданаго. Напротивъ того, Древляне жили звѣринскимъ образомъ, по скотски: убивали другъ друга, ѣли все нечистое (по христіанскимъ понятіямъ) и брака у нихъ не бывало, но доставали себѣ дѣвицъ уводомъ, умыкивали, похищали ихъ. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣвера имѣли одинъ обычай съ Древлянами; жили въ лѣсу, какъ всякій звѣрь, ѣли все нечистое, также нечисто и вели себя въ домашнемъ быту: срамословье у нихъ было предъ отцами и предъ снохами; браковъ у нихъ не бывало, но были между селами игрища: сходились на эти игрища, на плясанье и на всякія бѣсовскія пѣсни и тутъ умыкали себѣ женъ, съ которою кто совѣщался; имѣли по двѣ и по три жены. Тѣже обычаи творили и Кривичи и прочіе поганые (язычники). „Такъ и при насъ, теперь, прибавляетъ лѣтописецъ, Половцы держатъ законъ своихъ отцовъ, ѣдятъ нечистое, понимаютъ мачехъ своихъ и ятровей и иные подобные обычаи творятъ.“

Это отсутствіе брака и стыдѣнья между полами, и напротивъ того господство срамословья, то есть безстыдства и многоженства, конечно не могли служить доброю почвою для существованія семейныхъ нравовъ, какъ и самой семьи. Къ такому порядку жизни вызывала именно тѣснота, замкнутость, особность родоваго быта, гдѣ во многихъ случаяхъ женщина являлась очень дорогимъ и рѣдкимъ товаромъ, который приходилось похищать и отыскивать по всѣмъ сторонамъ. Вотъ почему и въ плѣнъ уводились больше всего женщины и дѣти. Сожитіе на родовомъ корнѣ представляло вообще такую кровную связь, въ которой труднѣе всего было отыскать именно семью, какъ особую, независимую и самостоятельную форму быта.

Теперь очень трудно себѣ представить, какъ, въ какомъ нравственномъ и общественномъ порядкѣ проходила жизнь рода? И потому мы можемъ гадать только объ общихъ основахъ такого быта. Извѣстно, что теперь мы почти ежеминутно опредѣляемъ наши мысли, побужденія, всякія дѣйствія и дѣянія понятіями объ интересахъ, выгодахъ и пользахъ Общества. Идеалъ Общества руководитъ нами во всѣхъ нашихъ соображеніяхъ о порядкахъ жизни, о ея задачахъ, и цѣляхъ, о ея насущныхъ потребностяхъ. Идеалъ Обще-

ства даетъ оцѣнку нашимъ добродѣтелямъ и нашимъ порокамъ. Во имя Общества мы не только устроиваемъ все дѣйствительно ему полезное и приносимъ всякія жертвы, но, пользуясь этимъ святымъ именемъ, отлично устроиваемъ даже и собственное свое благополучіе во вредъ и въ раззоренье самому же Обществу. Общество, стало быть, есть первый и главнѣйшій двигатель современной жизни. Намъ кажется, что очень сходное существовало и въ то время, когда всѣ понятія людей сосредоточивались только на идеалѣ Рода, когда во всѣхъ умахъ, на мѣстѣ Общества, высился Родъ, и когда помышленія, побужденія и дѣянія людей руководились только интересами, выгодами и пользами Рода. Точно также и въ то время оцѣнку добродѣтелямъ и порокамъ давалъ Родъ, и потому тогдашнія добродѣтели, родовыя, необходимо должны отличаться отъ нашихъ добродѣтелей, общественныхъ. И тогда во имя Рода, какъ теперь, во имя Общества, приносились всякія личныя жертвы и дѣло жизни проходило обычнымъ человѣческимъ порядкомъ съ тѣмъ только различіемъ, что основнымъ двигателемъ и руководителемъ всѣхъ дѣяній былъ Родъ, а не Общество, и что кругъ стремленій Рода былъ только менѣе обширенъ и менѣе сложенъ, чѣмъ кругъ стремленій общественныхъ. Что такъ въ дѣйствительности шла исторія народной жизни, объ этомъ прямо и ясно говорятъ всѣ древнія свидѣтельства. Прошли многіе вѣка, пока родовой идеалъ съ растительною постепенностью смѣнился наконецъ идеаломъ общественнымъ и перешелъ въ область Археологіи. Но и Фамусовъ не былъ еще послѣднимъ дѣятелемъ родоваго идеала, когда говорилъ:

Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
  Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки....
Какъ станешь представлять къ крестишку иль къ мѣстечку,
Ну какъ не порадѣть родному человѣчку.

Жизнь родомъ не должно однако смѣшивать съ жизнью патріархальною въ собственномъ смыслѣ. Родовой бытъ по своему существу не совсѣмъ тоже значитъ, что бытъ патріархальный. И тотъ, и другой, конечно, идутъ отъ одного корня

и во многомъ сходны между собою, но въ ихъ жизненныхъ основаніяхъ существуетъ значительная разница, показывающая, что въ сущности это двѣ особыя ступени человѣческаго развитія, одна быть можетъ древнѣйшая, первичная, праотеческая, другая вторичная, въ собственномъ смыслѣ родовая, гдѣ значеніе праотца, патріарха, отмѣнилось значеніемъ рода, гдѣ власть лица переродилась во власть рода. Въ такомъ видѣ покрайней мѣрѣ Исторія застаетъ бытъ нашихъ Славянъ. Они уже потеряли память о своемъ праотцѣ и у нихъ нѣтъ ни Ноя, ни Авраама, ни Исаака, ни Іакова и никакой соотвѣтственной личности съ такимъ же значеніемъ, и нѣтъ никакихъ представленій о той власти, какою въ свое время озарены были эти священныя имена. Древнѣйшія представленія и понятія о патріархальной единоличной власти въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи у восточныхъ народовъ привели, съ одной, самой верховной и идеальной стороны къ живой вѣрѣ, что народомъ управляетъ само божество, которому народъ поклоняется, что оно есть истинный, справедливѣйшій и милосердый отецъ народа, что оно, какъ политическій владыка, само даже провозглашаетъ народу заповѣди закона и заботится непрестанно о каждой мелочи народнаго управленія и устройства. Тѣже представленія и понятія о единоличной власти праотца, съ другой, болѣе практической стороны приводили къ возсозданію власти царя, къ сильному развитію единоличнаго деспотизма, который освящался тоже божественнымъ рожденіемъ и которымъ въ такой разительной степени ознаменовалась вся исторія и политика восточныхъ народовъ. Оттого восточныя историческія преданія и миѳы рисуютъ съ особенною любовью только лики царей, да и самыхъ боговъ надѣляютъ царскими же чертами лица. Идея о единоличной власти патріарха, развившаяся въ идеалъ царя, укоренялась тамъ глубоко въ духѣ каждой народности.

Славяне ушли изъ Азіи въ незапамятныя времена, быть можетъ задолго до возсозданія такихъ типовъ патріархальной власти. На европейской почвѣ, вовсе неспособной къ такому возсозданію, они совсѣмъ забыли о своемъ праотцѣ-патріархѣ или собственно о священной единой власти въ своемъ быту и продолжали свое бытовое развитіе инымъ путемъ. Въ своихъ преданіяхъ о первыхъ строителяхъ сво-

его быта наши Славяне начинают не отъ праотца, не отъ одного лица, а отъ трехъ братьевъ, именно отъ того понятія, что господствуетъ въ ихъ жизни не родоначальникъ, а только родъ. Они очень твердо знаютъ имена этихъ братьевъ, но вовсе не помнятъ и незнаютъ имени ихъ отца. Положимъ, что легенда о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ явилась уже въ позднее время, что она сочинена даже для объясненія исторіи существовавшихъ въ Кіевѣ трехъ главныхъ урочищъ съ придаткомъ даже и четвертаго урочища—Лыбеди, какъ сестры этихъ трехъ братьевъ. Но существо миѳа ни сколько не измѣняется отъ придуманной для его выраженія формы. Миѳъ объ этомъ Троянѣ вовсе не вымыселъ перваго лѣтописателя. Онъ существовалъ на Днѣпрѣ же, какъ видѣли, еще во времена Геродота; тѣмъ же миѳомъ начинается уже не миѳическая, а настоящая исторія нашихъ Славянъ съ призванія трехъ братьевъ-Варяговъ. Стало быть этотъ миѳъ глубоко коренился въ понятіяхъ, убѣжденіяхъ, а слѣдов. и въ фантазіи Днѣпровскаго народа. Размышляя о своемъ первомъ времени и пытаясь объяснить себѣ откуда онъ взялся, откуда произошелъ, этотъ народъ чертитъ себѣ исконивѣчный одинъ и тотъ же миѳъ Трояна, трехъ-братній родъ. Такимъ образомъ сказаніе о трехъ братьяхъ очень наглядно раскрываетъ передъ нами, въ какомъ смыслѣ должно понимать такъ часто упоминаемое нашимъ лѣтописцемъ слово родъ. Это былъ родъ не съ праотцемъ во главѣ, а во главѣ съ тремя братьями, стало быть родъ братьевъ, и отнюдь не родъ родоначальника-праотца. Въ существенномъ смыслѣ, это было колѣно, какъ слово родъ и понималось въ библейскомъ языкѣ. Затѣмъ оно обозначало рожденіе, то есть племя. Колѣно и племя, но не родоначальникъ и племя представляли существо нашего древнѣйшаго рода.

Семья—зачатокъ рода, становилась родомъ, какъ скоро сыновья становились отцами. Предѣлами семьи поэтому съ одной стороны былъ отецъ, съ другой—сынъ. Предѣлами рода были уже дѣдъ и внукъ. Дальнѣйшія обозначенія родовыхъ колѣнъ опредѣлялись только прибавкою выраженія пра и для восходящихъ, и для нисходящихъ линій: прадѣдъ—правнукъ, прапрадѣдъ—праправнукъ и т. д. Это самое показываетъ, что настоящими, основными, существен-

ными границами рода были только дѣдъ и внукъ. Все остальное понималось какъ выраженіе тѣхъ же двухъ основныхъ рубежей рода.

Понятіе о дѣдѣ у внуковъ связывалось съ понятіемъ о существѣ высшемъ, божественномъ. Дѣдъ въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ уже миѳъ. Отсюда и самые боги называются или разумѣются дѣдами. Еще въ концѣ 12 вѣка все русское племя разумѣетъ себя внукомъ Дажь-Бога, понимая, что и вѣтры суть внуки Стрибога. Всѣмъ извѣстенъ также дѣдушка-домовой. Эти миѳическія представленія вполнѣ объясняютъ кругъ народныхъ совершаній объ основныхъ предѣлахъ рода. Дѣдина—значило не только наслѣдство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поле, имѣніе, домъ, мѣстожительство, родина.

Въ понятіяхъ объ отцѣ заключалось также много миѳическаго. Это была серединная степень рода, составлявшая существенную его силу и крѣпость. Это былъ миѳическій Троянъ, трехъ-братній родъ, отъ котораго собственно и расплодилось Русское Славянство.

Миѳическія понятія о Троянѣ въ смыслѣ какого-то могущественнаго существа, жившаго въ давнее время, которое однако какъ бы владѣло Русскою Землею, яснѣе всего раскрываются въ словѣ о Полку Игоревомъ. Тамъ давнія времена именуются вѣками Трояна: „Были вѣка Трояновы, миновали лѣта Ярославовы", выражается Пѣвецъ Игоря, переносясь мыслью отъ древняго къ своему времени. Тамъ Русская Земля именуется Землею Трояна, обрисовывается славная тропа Трояна—черезъ поля на горы. Самый Игорь именуется внукомъ Трояна[1] и, повидимому, колѣна княжескаго рода обозначаются тоже вѣками Трояна: жизнь каждаго колѣна представляется особымъ вѣкомъ Трояна. Первое насиліе отъ Половцевъ приписывается къ седьмому вѣку Трояна, когда жило седьмое колѣно Рю-

[1] Такъ необходимо должно понимать извѣстное мѣсто Пѣсни, гдѣ пѣвецъ, взывая къ древнему Бояну, говоритъ, что было бы лучше, еслибъ Боянъ воспѣлъ походъ Игоря, «летая умомъ подъ облака, рища въ тропу Трояню черезъ поля на горы. Спѣть бы ему (Бояну) пѣснь Игорю, того (Трояна) внуку». Первые издатели, для поясненія къ слову: того, приставили въ скобкахъ (Ольга), между тѣмъ какъ весь ходъ пѣсни указываетъ здѣсь Трояна.

риковичей, начавшее своими крамолами наводить поганыхъ на Русскую Землю. Такимъ образомъ въ имени Трояна разумѣется какъ бы вообще княжескій родъ. Въ такомъ случаѣ становятся очень понятными Троянова Земля, Троянова тропа, Трояновы давніе вѣка, наконецъ Трояновъ внукъ—Игорь, соотвѣтствующій Велесову внуку—пѣвцу Бояну и внуку Дажь-Бога—самой Руси. Становится очень понятнымъ, почему древніе земляные валы отъ Кіева до Дуная именуются Трояновыми. Это постройки Трояна, воителя и господина этой древней страны. Есть письменныя свидѣтельства, восходящія къ концу 12 вѣка, въ которыхъ въ ряду боговъ Хорса, Велеса, Перуна, даже впереди ихъ, стоитъ Троянъ. Такія же свидѣтельства поздняго времени, 16 вѣка, уже толкуютъ, что это римскій императоръ Траянъ. Сохраняется также много народныхъ преданій вообще у восточной вѣтви Славянъ, у Сербовъ и Болгаръ, о царѣ Троянѣ, о городѣ Троянѣ или Троимѣ. жители котораго вѣровали въ золото и серебро, или его хранили. Эти преданія, по объясненію г. Буслаева, вполнѣ удостовѣряютъ, что Троянъ существо миѳическое, стихійное, наравнѣ съ вилами, русалками и т. п., и по видимому, какъ намъ кажется, вообще съ душами умершихъ. По всему вѣроятію объ этомъ же миѳѣ разсказываетъ Геродотъ, повѣствуя о трехъ Скиѳскихъ братьяхъ, которымъ съ неба упало золото—плугъ, ярмо, чаша, сѣкира, и какъ они оберегали это золото, см. выше стр. 239. Три Кіевскіе брата, три варяжскіе брата несомнѣнные наслѣдники тѣхъ же миѳическихъ созерцаній.

Какъ бы ни было, но вообще понятіе о значеніи личности отца, какъ родоваго корня, содержало въ себѣ представленіе о какой-то троичности. Эта троичность сопровождаетъ его и со стороны сыновей. До сихъ поръ въ народѣ живетъ пословица: одинъ сынъ—нѐ-сынъ, два сына—пол-сына, три сына—сынъ. Въ пословицѣ безсомнѣнія выразилось хозяйственное, такъ сказать, дѣловое значеніе сыновней троицы, которое быть можетъ служило основаніемъ и для постройки самаго миѳа о Троянѣ, какъ истинномъ корнѣ добраго и прочнаго хозяйства, какъ объ основателѣ и строителѣ народнаго быта.

По уложенью позднѣйшаго мѣстничества каждый первый сынъ отъ отца—четвертое мѣсто, второй—пятое, тре-

тій—шестое и т. д., то есть каждый старшій сынъ по своему значенію меньше отца тремя мѣстами. Значитъ лицо отца, его достоинство, заключало въ себѣ три мѣста, иначе сказать въ лицѣ отца, какъ родителя и основателя рода, содержалось понятіе о трехъ сыновьяхъ, или собственно о трехъ братьяхъ. По всему видно, что три сына или три брата составляли идею рода. Поэтому въ уложеньи мѣстничества четвертый сынъ вовсе отдѣлялся отъ основнаго рода или колѣна и присоединялся къ новому младшему колѣну или роду. Четвертый сынъ уже равнялся, становился въ версту старшему изъ племянниковъ, то есть первому сыну перваго брата. Онъ поступалъ уже въ ряды старшихъ племянниковъ, становился въ отношеніи къ отцу внукомъ.

Самое слово племянникъ показываетъ, что эта пограничная, нисходящая родовая линія почиталась уже въ общемъ смыслѣ только племенемъ, нарожденіемъ, которое и придавало простой семьѣ значеніе рода—племени.

По расчетамъ мѣстничества, всѣ лица, находившіяся въ одной степени отъ общаго родоначальника назывались одинаково—братьями, а стоявшія степенью ниже, точно также назывались одинаково племянниками, какъ бы далеко ни расходились между собою родовыя линіи и хотя бы между ними не существовало уже никакого родства, ни по счетамъ мѣстничества, ни даже по Кормчей книгѣ. Это опять показываетъ, что нисходящимъ предѣломъ рода были только внуки, почему и позднѣйшая Русь разумѣетъ себя только внукомъ Дажь-Бога, не прибавляя къ этому никакихъ пра-пра.

Такимъ образомъ каждое родовое колѣно, въ сущности, было колѣномъ братьевъ, которые въ старшемъ порядкѣ были отцы-дядья, а въ младшемъ—сыновья-племянники. Отсюда уже родъ—племя продолжалось въ безконечность.

Личный составъ рода указанъ Русскою Правдою по поводу утвержденія древняго права родовой мести. И Русская Правда, что очень замѣчательно, впереди всего ставитъ месть братьевъ, указывая прежде всего мстить брату за брата; потомъ она уже обращается къ сыну, указывая мстить за отца, затѣмъ къ отцу—за сына и оканчиваетъ внуками, но именуетъ ихъ опять только родствомъ брать-

евъ: говоря:—или братнему сыну, или сестрину сыну, и вовсе не упоминая, что они суть внуки отца. Такимъ образомъ средоточіемъ рода и здѣсь являются братья, а не отецъ. Законъ ничего не говоритъ о другихъ родовыхъ вѣтвяхъ, а потому изслѣдователи прямо уже говорятъ, что месть этимъ закономъ была ограничена только тремя степенями родства, и что всѣ другіе родичи лишались уже своего права мстить за свой родъ [1]. Но намъ кажется, что такое толкованіе закона не совсѣмъ вѣрно.

Русская Правда, обозначая мстителей рода, беретъ только дѣйствующую, живущую его среду, которая по своему возрасту способна была въ минуту преступленія искать своего права. Она не упоминаетъ о прадѣдѣ и правнукѣ по той причинѣ, что въ дѣйствительности эти лица, одни по преклонности лѣтъ, другіе по малолѣтству, не бываютъ способны исполнить свое право мести. Кромѣ того, она очень хорошо понимаетъ, что самое существо рода, въ отличіе его отъ простой семьи, заключается именно въ указанныхъ трехъ степеняхъ родства. Остальные родичи, сколько бы ихъ ни было, представляютъ только повторительныя колѣна, не выражающія никакой новой формы въ жизни рода, ибо третья степень, внуки, образуетъ уже племя, новые роды, отчего племянники и именуются между собою двоюродными братьями, т. е. братьями двухъ рожденій, затѣмъ троюродными, т. е. третьяго рожденія (внучатными).

Такимъ образомъ, упоминая только три степени рожденія, Русская Правда этимъ самымъ указываетъ существенный составъ каждаго рода и ничего не говоритъ о другихъ степеняхъ, восходящихъ и нисходящихъ, по той причинѣ, что они, какъ повторительныя явленія родовой жизни, всѣ обозначены въ тѣхъ же коренныхъ трехъ степеняхъ.

Еслибы законъ запрещалъ месть въ отдаленныхъ степеняхъ, онъ это непремѣнно примолвилъ бы въ своемъ мѣстѣ. Онъ объ этомъ ничего не говоритъ, слѣдов. разумѣетъ, что и въ остальныхъ степеняхъ должно поступать точно также, какъ въ трехъ основныхъ. Въ противномъ случаѣ, при установленіи денежныхъ взысканій, онъ прежде всего долженъ бы былъ поименовать всѣхъ остальныхъ родичей.

---

[1] Эверсъ: Древн. Русское Право, 317, 338.

Но гдѣ же онъ остановился бы? Имъ нѣтъ конца. Необходимо ограничиться живущими и притомъ такими, кои способны исполнить свое право. Итакъ, въ живой дѣйствительности родовое общество, въ качествѣ способныхъ дѣятелей жизни, состояло только изъ трехъ степеней рожденія, изъ трехъ колѣнъ, изъ отцовъ, дѣтей и внуковъ.

Три колѣна, въ домашнемъ быту, въ отдѣльномъ хозяйствѣ, по многимъ естественнымъ причинамъ, всегда тѣснились у одного очага, на мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ родоначальникъ, и подъ кровомъ, имъ же устроеннымъ, то есть на мѣстѣ и въ жилищѣ начальной семьи. Здѣсь отецъ — домодержецъ имѣлъ полную власть отца. Но выходя изъ дома и становясь въ ряды другихъ домохозяевъ, онъ по сознанію родовой жизни, становился для этихъ хозяевъ рядовымъ братомъ, ибо основою общаго рода, по точному показанію лѣтописи, было колѣно братьевъ, жившихъ уже безъ отца, безъ единой общей власти. По разумѣнію этого основнаго преданія Русской жизни общественная власть принадлежала роду или колѣну братьевъ. Отцовская власть находилась уже въ рукахъ старшаго брата. Но братскій родъ, по своей природѣ, представлялъ такую общину, гдѣ первымъ и естественнымъ закономъ жизни было братское равенство. Хотя въ силу родовой стихіи, почитавшей старшинство рожденія для каждаго человѣка очень великою честью, старшій братъ и пріобрѣталъ значеніе отца, былъ вмѣсто отца для всѣхъ остальныхъ родичей, но на самомъ дѣлѣ, для родичей—братьевъ, онъ все-таки былъ братъ, отъ котораго естественно было требовать отношеній братскихъ, такъ какъ и для родичей-племянниковъ, онъ все-таки былъ не прямой отецъ, а дядя, отъ котораго точно также естественно было требовать отношеній старшаго родственника, но не прямаго отца. Поэтому власть старшаго брата, была собственно власть братская, очень далекая отъ понятій о самодержавной власти отца. Живущее братство естественно стремилось ограничивать эту власть во всѣхъ случаяхъ, гдѣ выступало впередъ братское равенство. Отсюда происходила полная зависимость старшаго брата-отца отъ общаго братскаго совѣта, покрайней мѣрѣ тѣхъ родичей, которые стояли въ линіи братьевъ; отсюда являлась необходимость вѣча и возникало право представительства на этомъ вѣчѣ.

всѣхъ родичей способныхъ держать родовое братство. Здѣсь же крылись всѣ и всякія причины родовой вражды, которыя естественнымъ путемъ возникали изъ борьбы понятій о родовомъ правѣ, съ одной стороны идеальныхъ, рисовавшихъ себѣ уставы и права отвлеченной власти отца—родителя, съ другой стороны понятій такъ сказать практическихъ, къ которымъ приводила сама жизнь, возстановлявшая впереди всего потребности матеріальныя, каково напр. было право кормленія подвластною землею, по сознанію родичей, принадлежавшее имъ всѣмъ безъ исключенія.

Братскій родъ, по идеямъ братскаго равенства, въ иныхъ случаяхъ, даже и самое право старѣйшинства надъ собою передавалъ не старшему въ родѣ, а способнѣйшему быть старшимъ, то есть способнѣйшему охранять порядки, обычаи и выгоды рода.

Владѣнье землею, со всѣми ея угодьями, принадлежало всему роду; но дѣйствительнымъ правомѣрнымъ владѣтелемъ и распорядителемъ земли являлось колѣно или родъ братьевъ, старшее колѣно, которое владѣло по ровну, но соотвѣтственно братскому старшинству. Поэтому и наслѣдованіе владѣньемъ переходило послѣ брата къ брату же, по порядку братскаго старшинства, до тѣхъ поръ, пока оканчивалось колѣно братьевъ. Второе колѣно — дѣти братьевъ, вообще племянники, какъ дѣти старшаго колѣна, вполнѣ отъ него и зависѣли, пользуясь надѣломъ по волѣ или по произволу отцовъ—дядей.

Словомъ сказать, хотя родъ братскій физіологически принадлежитъ патріархальному роду и стоитъ на отношеніяхъ кровнаго старшинства и меньшинства, вообще на отношеніяхъ кровной связи, однако въ основѣ этихъ отношеній онъ управляется болѣе понятіями братства, чѣмъ понятіями дѣтства, какъ было только въ патріархальномъ быту. Гдѣ существуетъ отецъ-праотецъ, тамъ всѣ родичи суть дѣти и въ прямомъ и въ относительномъ смыслѣ. Гдѣ вмѣсто отца управляетъ братъ, тамъ родичи, и братья, и племянники, пріобрѣтаютъ бо́льшій вѣсъ и ихъ значеніе всегда уже колеблется между братьями и дѣтьми и больше всего колеблется на сторону братьевъ.

Самыя связи первоначальнаго общежитія и общественности обозначались тоже именемъ братства: собиравшееся на праздникъ общество именовалось братчиною.

Таковъ былъ общій, земскій порядокъ жизни. Надъ землею главы—отца не было. Она управлялась не его единоличною властью, а родомъ, то есть колѣномъ его дѣтей, или вообще старшимъ колѣномъ родства, слѣдов. въ сущности старѣйшими по рожденію людьми. Хотя, по естественнымъ причинамъ, власть и отдавалась въ руки одного лица, старѣйшины надъ старѣйшинами, но она дѣйствовала не иначе, какъ во имя братскаго равенства, во имя кровнаго союза братьевъ. Этотъ кровный братскій союзъ и господствовалъ надъ землею. Можемъ ли мы назвать его общиною, то есть такимъ равенствомъ правъ, гдѣ основою жизненныхъ отношеній является простая человѣческая личность, безъ всякихъ отношеній къ союзу крови. Родъ, какъ колѣно, степень рожденія, представляетъ въ количествѣ своихъ членовъ, конечно, общину; но въ качествѣ отношеній этихъ членовъ между собою онъ все-таки руководится старшинствомъ рожденія и представляетъ въ сущности союзъ родства, но не союзъ общества, въ чемъ, конечно, есть значительная разница. Союзъ общества устроивается изъ личностей свободныхъ и независимыхъ другъ отъ друга. Могли ли существовать такія личности при господствѣ родовыхъ связей? Личный составъ рода показываетъ, что такихъ личностей не было и быть не могло. Каждая личность, хотя бы самая старшая, находилась въ полной зависимости отъ своего рода. Каждая личность представляла только извѣстную степень рода и ни въ какомъ случаѣ не могла выдѣлить свои отношенія изъ этой тѣсной связи родовыхъ степеней. Родовая степень опредѣляла ея достоинство и указывала ея мѣсто въ общежитіи, опредѣляла ея права и обязанности. Словомъ сказать и общественное и домашнее значеніе личности опредѣлялось ея родовою степенью. Личность, не связанная ни съ кѣмъ родствомъ, была личность для всѣхъ чужая (что равнялось даже понятію о врагѣ), была личность безродная, а такая личность въ родовомъ союзѣ именовалась уже сиротою, и занимала самую низменную, послѣднюю, въ сущности несчастную степень общежитія, несчастную именно потому, что у ней не было своего родоваго корня. Въ древне-русской общинѣ на первомъ мѣстѣ существовали только роды, а отдѣльныя личности служили только выразителями и представи-

телями родовыхъ связей. То самое, что мы разумѣемъ теперь въ словѣ общество, общественность, выражалось союзомъ кровнаго братства и родства, по идеямъ котораго располагались въ общежитіи всѣ отношенія людей между собою. Все земство состояло изъ отдѣльныхъ родовыхъ круговъ, почему лѣтописецъ очень ясно и вѣрно обозначаетъ, что каждый жилъ съ своимъ родомъ, на своемъ мѣстѣ, владѣлъ родомъ своимъ, не подчиняясь въ этомъ отношеніи никакимъ другимъ союзамъ и связямъ. Въ извѣстномъ смыслѣ все земство, вся Земля представляла клѣтчатку независимыхъ другъ отъ друга родовъ, соединенныхъ между собою только тканью общаго происхожденія и общаго родства. Это была только органическая матерія для жизни обществомъ, но общей жизни въ ней еще не существовало. Для этого необходима была новая ступень развитія, способная вывести жизнь на новое поле дѣйствій.

Такая ступень по необходимости, въ слѣдствіе многихъ внѣшнихъ причинъ и обстоятельствъ, была положена средою самаго же рода. Лѣтописецъ говоритъ, что три Кіевскіе брата жили каждый на своей горѣ, что потомъ во имя старшаго брата они построили городокъ, что этотъ старшій братъ срубилъ было городокъ и на Дунаѣ, желая сѣсть въ немъ съ своимъ родомъ. Такимъ образомъ городокъ являлся какъ бы необходимою земскою формою для существованія рода, и можно съ достовѣрностію полагать, что въ обыкновенномъ порядкѣ онъ созидался въ то время, когда родъ, значительно размножившись на своемъ корню, пріобрѣталъ силу, вѣсъ и значеніе самостоятельной земской единицы, то есть разрастался въ цѣлую родовую общину или родовую волость. Впрочемъ вопросъ о томъ, что существовало въ нашей странѣ прежде, городъ или деревня и село, остается еще спорнымъ. „Естественно предположить, говоритъ г. Соловьевъ, что родъ являлся въ новой странѣ, селился въ удобномъ мѣстѣ, огораживался для большей безопасности, и потомъ уже, въ слѣдствіе размноженія своихъ членовъ, наполнялъ и всю окрестную страну“ [1].

---

[1] Исторія Россіи, г. Соловьева I, стр. 53.

Другіе изслѣдователи, развивая эту мысль дальше, все высказываютъ лишь одно убѣжденіе, что Русскіе Славяне въ своей Русской Землѣ никогда не были старожилами, а пришли въ нее, какъ въ чужую землю и „по своему шаткому ненадежному положенію въ чужой землѣ, говоритъ Бѣляевъ, могли селиться не иначе, какъ укрѣпленными городами... Ихъ новость поселенія въ незнакомомъ краю невольно вынуждала ихъ прибѣгать къ городскому, общинному устройству жизни...“ Послѣдователямъ такого утвержденія естественно уже было рѣшить разъ навсегда, что „жизнь въ сельскихъ поселеніяхъ представляется даже невозможною въ быту древне-русскихъ Славянъ, что лѣтописецъ молчитъ о селахъ, потому что селъ не было, что только подъ покровомъ городовъ и выселеніемъ изъ городовъ мало по малу возникли села, деревни, хутора; что таковъ былъ общій порядокъ заселенія страны въ Россіи историческаго времени“. На этомъ между прочимъ утверждается ученіе объ общинномъ бытѣ нашихъ Славянъ и тѣмъ же опровергается ученіе о родовомъ бытѣ. Но говоря, что такъ было въ историческое время, изслѣдователи вовсе не почитаютъ надобнымъ сказать что либо о томъ, какъ же было въ доисторическое время, когда именно и господствовалъ родовой бытъ, и когда въ его же средѣ сталъ возникать и общинный бытъ. Заселеніе страны указаннымъ порядкомъ проходило только по чужимъ землямъ, напр. въ глубинѣ Финскаго населенія, въ степныхъ мѣстахъ Дона, Волги, Урала; наконецъ въ Сибири. Но какимъ образомъ Славяне разселялись въ той странѣ, гдѣ они были давнишними старожилами? Вѣдь есть же въ Русской землѣ и такая область, которая съ незапамятныхъ вѣковъ принадлежала однимъ Славянамъ. На этотъ вопросъ очень точно и несомнительно отвѣчаютъ древнѣйшія преданія нашей лѣтописи. Эти преданія начинаютъ именно съ села, въ смыслѣ усадьбы, хутора. О трехъ Кіевскихъ братьяхъ лѣтопись прямо говоритъ, что еще до постройки городка каждый изъ нихъ сидѣлъ на своей горѣ. Сидѣть, значитъ, имѣть мѣсто для сидѣнья, которое прямо и называлось мѣстомъ, въ смыслѣ селитьбы (откуда мѣстичи, мѣщане) и селомъ, идущимъ вѣроятно отъ одного корня съ словомъ сидѣть (сѣдло).

Лѣтопись въ своемъ разсказѣ о разселенiи Славянскихъ племенъ не употребляетъ другаго слова, какъ только: сѣдоша, пришедше и сѣдоша, сѣдоша въ лѣсѣхъ, сѣдоша по Днѣпру, по Деснѣ, по Семи, по Сулѣ; сѣдоша около озера Илменя, прозвашася своимъ именемъ, Славяне, и сдѣлаша градъ. Это значитъ, что прежде разсѣлись, сѣли по мѣстамъ, а потомъ уже поставили себѣ городъ. Сидѣнье, такимъ образомъ, обозначало простое поселенье деревнями и селами. Само собою разумѣется, что первоначальное заселенiе страны должно было идти различными путями. Въ мѣстахъ вовсе пустыхъ или занятыхъ рѣдкими поселками какихъ либо чужеродцевъ, оно проходило шагъ за шагомъ безъ особыхъ препятствiй, затрудненiй и опасностей, почему не представлялось никакой надобности начинать поселенiя устройствомъ прежде всего городка, или крѣпости для защиты. Въ мѣстахъ, гдѣ сидѣнье на землѣ подвергалось безпрестанной опасности, занятiе свободныхъ мѣстъ, конечно, заставляло между прочимъ устроивать и крѣпость. Поэтому, надо знать, какъ пришли Русскiе въ Русскую землю? Была ли эта земля пустыней, или же она была густо населена и каждый шагъ требовалось защищать и отвоевывать мечемъ? Исторiя достовѣрно знаетъ, что за 500 лѣтъ до Р. Х. по нижнему теченiю Днѣпра жили уже земледѣльцы. Мы не сомнѣваемся, что то были наши Славяне. Отсюда съ плугомъ, сохою, косою, топоромъ они должны были разселяться дальше на сѣверъ и на сѣверовостокъ. Естественно предполагать, что въ то время, по рѣдкости населенiя во всей нашей странѣ, пустыя мѣста простирались далеко и новые поселки безопасно могли садиться въ любомъ углу. Для какой необходимости такой поселокъ прежде всего долженъ устроиться городомъ? Враговъ не видѣлось ни съ какой стороны, а для враговъ-звѣрей достаточно было простаго тына и даже плетня. Во всякомъ случаѣ необходимо согласиться, что заселенiе Славянами нашей страны прежде всего распространялось этимъ обыкновеннымъ путемъ мирнаго занятiя никому не принадлежавшихъ и никому не надобныхъ пространствъ. Подвигаясь дальше, Славяне встрѣтились съ Финскими чужеродцами. Это племя никогда не отличалось особою воинственностью. Занятiе его земель въ иныхъ случаяхъ конечно могло со-

провождаться ссорами и драками, но по всему видно, что Финны уступали свои земли безъ особаго сопротивленія. Это вполнѣ объясняется даже и тѣмъ, что въ первое время Финскія племена были по преимуществу звѣроловы-кочевники и земледѣліемъ не занимались. Никакихъ прочныхъ осѣдлыхъ корней въ своихъ мѣстахъ они не имѣли. Покинуть одно мѣсто и перейдти на другое было дѣломъ ихъ обычая. Оттого даже и въ позднее время они цѣлыми поколѣніями перекочевывали еще дальше къ сѣверу. Но вообще для удержанія за собою Финскихъ земель, если и требовались городки, то не въ такомъ количествѣ, въ какомъ они покрываютъ всю Русскую страну изъ конца въ конецъ и больше всего въ тѣхъ именно краяхъ, гдѣ по всѣмъ видимостямъ Славянство принадлежало къ искони-вѣчнымъ старожиламъ страны. Когда первый поселенецъ занималъ землю въ чужой сторонѣ, близко къ чужеродцамъ, съ которыми трудно было жить въ ладахъ или должно было ожидать всегдашняго нападенія, тогда городъ являлся необходимымъ убѣжищемъ для безопасной жизни. Вотъ почему Кій, облюбовавши мѣсто на Дунаѣ, въ чужой странѣ, съ того и начинаетъ, что прежде всего рубитъ себѣ городокъ.

Такъ по всему вѣроятію устроивались первые Славянскіе поселки въ далекихъ Финскихъ странахъ, особенно, когда Славянинъ-промышленникъ заходилъ, хотя бы и по рѣкѣ, но въ самую глубь чужаго населенія.

Появленіе городка прежде села и деревни стало быть могло случаться развѣ только въ чужой сторонѣ, да и то въ виду неминуемой опасности отъ набѣговъ чужеродцевъ. Занятіе чужой враждебной страны происходило, конечно, съ мечемъ въ рукѣ, а потому тотчасъ же требовало и крѣпкаго мѣста для обороны. Городкомъ выступала колонизація только по чужой враждебной землѣ.

Но Славянское городство разсыпано особенно тѣсно въ своей же Славянской Землѣ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ, какъ мы сказали, по всѣмъ свидѣтельствамъ Славянство является самымъ древнемъ старожиломъ.

Кто живалъ въ деревнѣ, въ какой бы ни было Русской сторонѣ, тотъ хорошо знаетъ, что по сосѣдству всегда отыщется какой либо земляной окопъ съ названіемъ городища, городка, городца и т. п. На эти окопы первый

обратилъ вниманіе и такъ сказать открылъ ихъ для науки Ходаковскій. Онъ осмотрѣлъ множество городковъ лично на мѣстѣ, еще больше собралъ объ нихъ свѣдѣній въ Архивахъ Межевыхъ Канцелярій изъ старыхъ плановъ на владѣнье землями. По его изысканіямъ оказалось, что рѣдкій былъ уѣздъ, въ которомъ при первомъ взглядѣ на планы не открывалось бы десяти городковъ. Потомъ объяснилось, что они разсыпаны повсюду на разстояніи другъ отъ друга въ 4, 6, 8 старыхъ верстахъ или около того, смотря на полосу и почву земли и другія выгоды, способствовавшія первымъ поселеніямъ.

По словамъ Ходаковскаго, всѣ городки вообще находятся въ прелестныхъ избранныхъ мѣстахъ, состоятъ изъ небольшой площади, обнесенной валомъ, на которой едва можно помѣстить двѣ деревенскія хижины; имѣютъ различную, но больше всего округлую форму; треугольные бываютъ на мысахъ рѣкъ и овраговъ, квадратные по прямому теченію рѣкъ и т. д., но у всѣхъ входъ устроенъ съ востока, лѣтняго или зимняго. Самое важное, на чемъ съ особеннымъ увлеченіемъ остановился Ходаковскій, было то обстоятельство, что вокругъ каждаго городка встрѣчались постоянныя имена урочищъ, которыя потомъ можно было открывать въ мѣстностяхъ совсѣмъ неизвѣстныхъ изыскателю: стоило только употребить циркуль съ размѣромъ по масштабу и на извѣстномъ разстояніи между двухъ городковъ всегда опредѣлялась окружность съ одинаковыми именами урочищъ при томъ и другомъ городкѣ. Каждый городокъ такимъ образомъ въ отношеніи этихъ урочищъ представлялъ нѣчто цѣлое и самостоятельное. Изыскатель сравнивалъ при этомъ карты западныхъ и южныхъ Славянскихъ земель и „тоже самое открывалось вездѣ въ удивительномъ согласіи". Чѣмъ больше „онъ вникалъ въ эту древнюю черту, тѣмъ сильнѣе увѣрялся въ существованіи какого-то правила, учредившаго сію однообразную идею у всѣхъ Славянъ". Онъ собралъ въ особый словарь около семи тысячъ урочищъ, означенныхъ по размѣру при городкахъ. Углубившись въ эту словесную кабалистику, онъ много разъ въ бесѣдѣ съ старожилами, по своей системѣ, пересчитывалъ имъ на угадъ по пальцамъ нѣсколько урочищъ, которыя оказывались на самомъ дѣлѣ тутъ суще-

ствующими. Это приводило старожиловъ въ изумленіе. Имена урочищъ раскрывали Ходаковскому главнымъ образомъ ту мысль, что одинаковое разстояніе извѣстныхъ именъ отъ насыпныхъ оградъ порождено было какимъ-то религіознымъ правиломъ, что городки вообще находятся при урочищахъ, напоминающихъ имена Славянскихъ божествъ, что они окружены именами боговъ, чиновъ, славленья или мольбы, всесожженія, прорицаній, игръ, пиршествъ, закалаемыхъ животныхъ и т. подобн. Все это заставило изыскателя убѣдиться, что Славянское городство, есть памятникъ языческаго поклоненія, что всѣ эти городки суть священныя ограды, требища, мольбища, капища, остатки языческихъ храмовъ. Впрочемъ, придавая такое значеніе древнимъ городищамъ, Ходаковскій ограничиваетъ ихъ кругъ только одними малыми городками, не болѣе какъ пространствомъ въ одну пятую или въ одну четверть десятины. Въ свою систему онъ не ставитъ городища съ явными признаками населенныхъ городовъ - крѣпостей. Этихъ малыхъ городковъ онъ насчитываетъ въ Русской странѣ тысячи и уже ихъ множествомъ, а также тѣснотою помѣщенія доказываетъ, что они не могли быть только жилыми крѣпостными окопами.

Самое имя городъ по его мнѣнію могло составиться изъ словъ гора и родъ, то есть гора родовая, народная, сборная, и еще изъ словъ горь, гарь, горѣть и родъ, то есть горѣніе, сожиганіе, народомъ производимое, что все вмѣстѣ выражалось однимъ словомъ: городъ. Въ этомъ толкованіи слова городъ заключается весь смыслъ системы Ходаковскаго. [1]

---

[1] Въ 17 столѣтіи, напр. въ Устюжской сторонѣ, подобные городки существовали еще живьемъ, рубленые въ клѣтки или ставленые острогомъ стоячимъ, въ родѣ тына. Эти городки устроивались только для осаднаго времени въ каждой волости. Постоянными ихъ жителями бывали только церковники, потому что въ каждомъ городкѣ находилась церковь, такъ что и самый городокъ существовалъ какъ бы для охраны этой волостной приходской церкви. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что и въ языческое время въ городкахъ не послѣднее мѣсто отдавалось языческому капищу, почему мнѣніе Ходаковскаго о богослужебномъ значеніи городковъ имѣетъ основаніе и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совсѣмъ отвергнуто. См. наше сочиненіе: Кунцово и Древній Сѣтунскій Станъ, стр. 244—249.

Не смотря на то, что его мнѣнія были встрѣчены строгою критикою Калайдовича, отрицавшаго богослужебное значеніе городищъ, не смотря на то, что послѣдующія изысканія вообще о Славянскихъ городищахъ представили свидѣтельства, которыя не совсѣмъ сходились съ общими признаками устройства и помѣщенія городищъ, какія ставилъ по своей системѣ Ходаковскій, однако его система не была совсѣмъ поколеблена и остается загадкою и до сихъ поръ.

Надо замѣтить, что слово городъ въ основномъ смыслѣ значило собственно земляную насыпь или осыпь, валъ, гору вокругъ жилья. Въ послѣдствіи тотъ же смыслъ перенесенъ на деревянныя и каменныя стѣны, вообще на ограду. Земляной городъ значитъ земляной валъ, деревянный городъ—деревянныя стѣны, каменный городъ — каменныя стѣны, и т. д. Затѣмъ городъ означалъ живущихъ въ немъ людей, въ собственномъ смыслѣ — военную дружину, въ общемъ смыслѣ — всѣхъ обывателей. Далѣе городъ означалъ власть, владычество, управленье, ибо съ самаго своего зарожденья онъ былъ всегдашнимъ гнѣздомъ предержащей власти, въ слѣдствіе чего и вся подчиненная ему волость, область, земля, княжество также обозначались его именемъ. Итакъ въ понятіяхъ о городѣ заключались понятія о стѣнахъ, о людяхъ, о власти, о землѣ, по которой распространялась власть города. Новѣйшія изысканія не совсѣмъ разчленяютъ эти понятія, отчего и происходитъ довольная путаница въ выводахъ и заключеніяхъ.

Въ послѣднее время, въ замѣнъ системы Ходаковскаго, явилась попытка доказать, что существующіе нѣсколько тысячь городковъ остаются памятниками договорно-общиннаго быта Русскихъ Славянъ, вполнѣ опровергающими теорію родоваго быта, что это суть укрѣпленныя мѣста народныхъ поселеній, учрежденія общественныя, посредствомъ которыхъ и изъ которыхъ распространялось вообще заселеніе Русской страны. [1] Само собою разумѣется, что при этомъ заслуги Ходаковскаго были умалены до послѣдней крайности. Однако новая система выдержала еще

---

[1] Г. Самоквасовъ: Древніе города Россіи. стр. 163—165.

меньше критику, чѣмъ система Ходаковскаго. Она вполнѣ опровергнута г. Леонтовичемъ. [1]

Почтенный авторъ по этому случаю ставитъ свою систему происхожденія Русскихъ городовъ, по которой выясняется, что Городъ въ древнѣйшее время имѣлъ значеніе военно-оборонительнаго укрѣпленія, въ которое населеніе собиралось только на случай осады, для ухоронки отъ нашествія враговъ, и затѣмъ, когда опасность проходила, онъ оставался пустымъ. Жители являлись въ городѣ военнымъ союзомъ, дружиною, только въ осадное время, а миновала осада, они расходились, вылѣзали по своимъ селамъ, дѣлать свои нивы. Съ народомъ расходилась и княжая дружина. Въ городѣ оставался князь съ дружинниками — думцами да сторожа осады. А притомъ и князь, какъ извѣстно, тоже уходилъ дѣлать свои пути и полюдья, отправлялся собирать дань или воевать. Такимъ образомъ, городъ могъ рѣшительно оставаться только съ одними сторожами, о числѣ которыхъ авторъ не упоминаетъ ни слова. Онъ удостовѣряетъ, что въ 9—10 вѣкѣ городовъ-общинъ, служившихъ мѣстомъ постояннаго жительства горожанъ, могло вовсе не быть и могли быть одни городки-осады да сторожевые пункты, и только. Въ древней Россіи города, какъ пункты поселенія, по мнѣнію автора, существовали развѣ какъ весьма рѣдкое исключеніе изъ общаго правила, по которому всѣ тысячи городовъ были только временными осадами, простыми острожками, сторожевыми пунктами, какими въ огромномъ большинствѣ были города въ 16 и 17 стол.

Но самъ же авторъ говоритъ, что въ городкѣ-осадѣ жилъ князь, а слѣдов. и его дворъ, какой бы ни былъ; жили сторожа, и конечно не инвалиды, а несомнѣнно люди способные защищать и городъ и его князя, слѣдов. точнѣе—жила дружина военныхъ людей, сколько бы ихъ ни было, хотя бы 10, 20, 30 человѣкъ. Точно такъ и въ 16 и 17 стол. въ каждомъ острожкѣ жили его защитники, а слѣдов. и защитники той страны, для охраненія которой выстраивался подобный городокъ. Такимъ образомъ и въ древнее и въ позднее время городокъ-осада никакъ не могъ оставаться безъ

[1] Сборникъ Государств. Знаній, II, Критика, стр. 35.

постояннаго населенія, какъ бы оно мало ни было, особенно на мѣстахъ очень опасныхъ и бойкихъ. Это постоянное населеніе, сторожа, составляло именно тотъ кругъ людей, который именовался дружиною. Въ мѣстахъ глухихъ, гдѣ опасность являлась въ рѣдкихъ случаяхъ, городки въ дѣйствительности могли оставаться безъ особой военной защиты, но во всякомъ случаѣ не безъ людей, которые необходимо должны были охранять самыя строенія городка. А если сообразимъ, что городокъ могъ выстраиваться и для сохраненія имущества, и если при имуществѣ живали и его хозяева, то опять придемъ къ предположенію, что въ городкѣ на постоянномъ жительствѣ могли находиться напр. купцы и вообще промышленники. Это самое даетъ намъ основаніе населить городокъ собственно горожанами, хотя бы въ маломъ числѣ. Такіе горожане могли гнѣздиться и возлѣ городка, составляя его посадъ и взирая на свой городокъ, какъ на акрополь греческій. Поэтому авторъ весьма произвольно заключаетъ, что города—общины являются у насъ будто бы не раньше начала или даже половины 11 столѣтія. А ктоже призвалъ первыхъ князей? Неужели село или деревня? Надо же согласиться, что, какъ бы мало ни было первое населеніе древнѣйшихъ городковъ, всетаки, относительно своего состава, оно представляло общину—дружину, собравшуюся для цѣлей защиты, для крѣпкаго и безопаснаго житья. Это былъ зародышъ будущей большой общины-города, но объ этомъ и должна идти рѣчь, если мы разсуждаемъ о происхожденіи Русскаго города.

Дальше авторъ утверждаетъ, что происхожденіе городовъ—осадъ зависѣло вполнѣ отъ распредѣленія по странѣ лѣсовъ, рѣкъ, болотъ, и что поэтому въ лѣсахъ и болотахъ, представлявшихъ естественную защиту, городовъ строилось меньше, чѣмъ въ поляхъ. Изъ количества сохранившихся городищъ видно, что въ южной и средней полосѣ Русскихъ полей ихъ больше, и число ихъ очень уменьшается въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстахъ сѣверной Россіи.

Напротивъ, по изысканіямъ Ходаковскаго и даже по изданнымъ общимъ географическимъ картамъ Россіи, древнихъ городищъ въ лѣсахъ и болотахъ, лишь бы при рѣ-

кахъ и рѣчкахъ, встрѣчается еще больше, чѣмъ въ полевыхъ мѣстностяхъ. Въ этомъ случаѣ, надо только прямѣе и точнѣе указать границы распространенія древняго Славянскаго Городства. Вѣрно одно: чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ меньше городищъ; точно также, чѣмъ дальше въ южныя степи, тѣмъ меньше этихъ окоповъ. Въ степныхъ мѣстахъ эти окопы устроивались уже на глазахъ нашей государственной исторіи, именно для „сторожевой и станичной службы" противъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ. Поэтому степные городки должно относить къ древнѣйшимъ сооруженіямъ съ большимъ разборомъ. Вообще авторъ не различаетъ исторію древнѣйшихъ городищъ съ исторіею позднѣйшихъ сторожевыхъ укрѣпленій, которыя устроивало уже государство 16 и 17 столѣтій. Поэтому онъ утверждаетъ, что „Древніе города возникали прежде всего и по преимуществу на границахъ, отчего имѣли первоначально характеръ сторожевыхъ пограничныхъ пунктовъ; что въ степи, въ полѣ такихъ укрѣпленій для защиты границъ должна была выставиться цѣлая непрерывная цѣпь; что напр. рѣки были проводниками вражескихъ силъ внутрь страны, поэтому городки располагались по преимуществу по рѣкамъ, какъ прирѣчные сторожевые пункты, что города больше строились въ мѣстахъ открытыхъ, равнинныхъ, съ болѣе удобными и легкими путями сообщенія"... Здѣсь авторъ вовсе забываетъ, что такими болѣе удобными и легкими путями сообщенія въ глубокой древности были именно одни рѣки и что поэтому на этихъ большихъ и малыхъ дорогахъ всегда и строились городки, именно для сообщенія съ Божьимъ міромъ и конечно для охраненія этого же гнѣзда, свиваемаго больше всего для промышленныхъ и торговыхъ нуждъ страны. Весьма основательно объясняетъ авторъ, что „относительное множество и скученность городковъ въ той или другой мѣстности зависѣло отъ организаціи первичныхъ союзовъ, отъ ихъ дробности, раздѣльности народцевъ и племенъ. Каждый изъ такихъ союзовъ отгораживался отъ другихъ сѣтью городковъ, остроговъ, засѣкъ и пр."

Вотъ въ этомъ объясненіи и должна бы находиться основная мысль для исторіи происхожденія Русскаго безчисленнаго Городства. Съ этой точки зрѣнія по оставшимся городищамъ возможно даже опредѣлить границы древнѣй-

шихъ волостей или областей Русской Земли, древнѣйшую ея раздѣльность на составныя племенныя самостоятельныя и своенародныя части.

Увлекаясь основною мыслью своего изслѣдованія, что первоначальное происхожденіе Русскихъ городовъ и безчисленныхъ городковъ было вызвано потребностями защитить границы населенныхъ мѣстъ, что городокъ вообще былъ пограничнымъ сторожевьемъ, укрѣпленьемъ для спасенья только во время набѣга враговъ, авторъ не даетъ особаго значенія существенному понятію о древнѣйшемъ городкѣ, тому понятію, что прежде всего это былъ не сторожъ, а крѣпкое гнѣздо, въ которомъ родовая и волостная жизнь находила себѣ охрану и защиту отъ всяческихъ враговъ, не временно, а постоянно жила и пребывала въ немъ, какъ въ волостномъ дворѣ.

Древнѣйшія свидѣтельства прямо указываютъ, что городокъ былъ постоянно обитаемъ, покрайней мѣрѣ тѣмъ родомъ, для котораго онъ выстраивался. Такъ понималъ это дѣло первый лѣтописецъ, говоря о городкахъ перваго Кіевскаго человѣка Кія. Въ позднее время, въ 16 и 17 стол., городки дѣйствительно устраивались только для опаснаго времени, и населялись только на время осады, потому что подъ покровомъ государства другое время бывало и безопаснымъ, между тѣмъ какъ въ древнее время, при разрозненности и враждебности родовъ и общинъ, опасное время, осадное положеніе продолжалось безпрерывно и потому заставляло людей постоянно тѣсниться въ городѣ, покрайней мѣрѣ тѣхъ, которымъ было чтó охранять и оберегать.

Авторъ, слѣдя за исторіею происхожденія Русскаго города, восходитъ къ самымъ первымъ временамъ, то есть къ эпохѣ, когда господствуетъ родовой бытъ. Этотъ родовой бытъ онъ удаляетъ въ степи и находитъ его только въ предѣлахъ быта кочеваго, и особенно въ хищническомъ характерѣ этого быта, такъ что „родовой бытъ, по его словамъ, держится главнымъ образомъ до тѣхъ только поръ, пока возможно кочевое хищничество, ибо только оно и доставляетъ кочевникамъ средства къ жизни, поддерживаетъ и освѣжаетъ въ народной памяти родовое сознаніе, мысль о родовомъ, кровномъ единствѣ родовъ и племенъ, и наконецъ

придаетъ имъ строгую военно-дружинную организацію. Степь и поле суть необходимое поприще для развитія родовыхъ формъ общежитія. Наконецъ съ теченіемъ времени кочевники подходятъ къ лѣсамъ и горамъ и додумываются до устройства искусственныхъ средствъ обороны, строятъ вежи и города, но въ нихъ не живутъ, а пользуются ими, какъ временнымъ убѣжищемъ отъ враговъ, какъ кладовою для склада добычи, мѣстомъ языческаго поклоненія, могильникомъ предковъ и пр.

„Первичную родину городовъ, утверждаетъ авторъ, нужно такимъ образомъ искать въ степи, въ землѣ военно-кочевыхъ родовъ, въ условіяхъ ихъ боевой дружинной организаціи. Въ родовую эпоху городъ не составляетъ ни общины, ни пункта поселенія; это искусственное, военное учрежденіе, не больше. Наконецъ въ родовую эпоху не могло быть много городовъ у одного и того же племени. Если орда оставляла вовсе старое мѣсто кочевья, родовой городъ обращался въ городище; вмѣсто него заводился новый центръ на новомъ кочевьи. Гдѣ кочевало племя, тамъ и возникало средоточіе его хищнической дѣятельности — племенной городъ и вежи отдѣльныхъ родовъ. Родовой городъ поэтому всегда имѣлъ центральное положеніе, являлся въ центрѣ племенной кочевки...“

„Не то находимъ въ осѣдломъ быту, который есть бытъ общинный. Здѣсь городъ не имѣетъ такого центральнаго значенія. Здѣсь города или вовсе не являются, какъ, напр. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ общины совершенно защищены свойствами самой страны, или появляются по границамъ и по рѣкамъ и при томъ во множествѣ собственно для защиты отъ хищничества кочевниковъ. Но и здѣсь это только сторожевые пункты, временно населяемые въ минуту опасности, но не общины, не мѣста постоянныхъ поселеній; это въ сущности остатокъ отъ военно-родоваго быта, наслѣдіе отъ старыхъ кочевниковъ. Различіе является только въ томъ, что городъ родоваго быта—гнѣздо хищничества, а городъ общиннаго быта—оборона, самозащита населенной страны. Но и тотъ и другой являются только мѣстомъ временной побывки, въ родовомъ (кочевомъ) быту для хищничества, въ общинномъ быту для обороны отъ хищничества.“

Такова новая теорія о первоначальномъ происхожденіи Русскаго города. Намъ кажется, что она основана на понятіи о городкѣ, какъ сторожевомъ острожкѣ государства въ 16 и 17 стол.

Авторъ, въ заключеніе, такъ рисуетъ первичное разселеніе Славянъ по Русской странѣ:

„Оно проходило три ступени: хуторовъ, селъ и погостовъ. Народъ жилъ мелкими родами, разбросанно, въ разбивку и въ одиночку. Потомъ отдѣльныя семьи—хуторки, деревни слагались постепенно въ новые союзы — села, а изъ союза селъ являлись погосты и волостки. Городки въ это время могли появляться и при хуторахъ, и при селахъ, и при погостахъ. Положеніе дѣлъ измѣняется въ эпоху вторичной формаціи общиннаго быта, когда съ разростаніемъ прежнихъ дробныхъ хуторковъ, селъ и погостовъ, постепенно образуются большіе союзы земли, волости и княжества. Тогда въ старѣйшихъ центрахъ заселенія появляются болѣе сплоченные села, слободы, посады съ ихъ городами—укрѣпленіями, служащими обороною уже для всей земли и области. Третичная формація характеризуется образованіемъ политически самобытныхъ областей и земель въ видѣ особыхъ княжествъ. На этой высшей ступени появляются первые зародыши городовъ—укрѣпленныхъ пунктовъ поселенія, сплоченныхъ общинъ съ политическою ролью, центровъ управленія областей и княжествъ. Съ 10 и 11 в. стали обозначатся признаки третичной формаціи общиннаго быта". Говоря такъ, авторъ, по видимому, почитаетъ городъ общиною только въ такомъ случаѣ, когда и весь его посадъ обносится стѣнами. „Общины-города являются у насъ, подтверждаетъ авторъ, не раньше начала или даже половины 11 столѣтія, чему доказательствомъ служатъ Новгородъ и Кіевъ, огражденные и съ посадами только при Ярославѣ." Такимъ образомъ городъ — община обозначаетъ собственно посадскія стѣны. Но и послѣ того, по словамъ автора, долгое время, городъ-община и городъ-укрѣпленіе считаются одинаково городными осадами, одинаково служатъ главной цѣли—оборонѣ отъ вражескихъ набѣговъ. „Только Петровская реформа, продолжаетъ авторъ, положила у насъ первыя начала разграниченія понятія о фортеціи и городѣ-общинѣ, придала понятію города новыя

свойства, которыхъ въ юридическомъ отношеніи вовсе не имѣли древне-русскіе города.“

Все это однако не раскрываетъ настоящее значеніе древне-русскаго городка, нисколько не объясняетъ, какъ произошелъ на свѣтъ Руccкій городъ, конечно въ смыслѣ городской общины или городскаго населенія, и былъ ли на самомъ дѣлѣ его истиннымъ зачаткомъ этотъ маленькій городокъ, описанный Ходаковскимъ, какъ богослужебное мѣсто и существующій до сихъ поръ въ безчисленномъ количествѣ по преимуществу не въ степныхъ, а въ лѣсныхъ мѣстахъ, по направленію древнѣйшихъ путей сообщенія, то есть по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ.

Три формаціи новой теоріи вовсе не обозначаютъ и не опредѣляютъ настоящихъ и даже вообще сколько нибудь замѣтныхъ пластовъ древне-русскаго Городства. Городки могли являться защитою при малыхъ разбросанныхъ поселеніяхъ. Это первая формація. Села разрослись, образовались волости и княжества; въ старѣйшихъ центрахъ заселенія явились большія сплоченныя села съ ихъ городами, служащими теперь обороною для всей земли и области. Это вторая формація. Прежде городокъ защищалъ только малое село; теперь онъ защищаетъ—большое и всю область. Но какъ онъ достигъ такого значенія въ своей области и что сталось съ другими городками, почему первенство досталось только этому одному? Третичная формація по существу дѣла нисколько не отличается отъ вторичной и первичной, ибо политическая роль города, присвоенная авторомъ только этой третьей формаціи, необходимо принадлежитъ и второй, необходимо принадлежала и первой: защищать малыя села, большія села, цѣлую свою область и княжество для города необходимо значитъ и владѣть и управлять этими селами и этою областью или княжествомъ. Все дѣло только въ объемѣ власти. Все дѣло въ томъ, какъ толковать значеніе города. Былъ ли онъ для малыхъ и большихъ селъ только стѣною, окопомъ, или онъ былъ и въ то время такою же или подобною властью, какою является въ послѣдствіи и соединяетъ понятіе о городѣ съ понятіемъ даже о государствѣ. Намъ кажется, что въ историческомъ смыслѣ городъ прежде всего есть власть; стѣны же его принадлежатъ собственно археологіи.

Поэтому намъ кажется, что основанiе теорiи г. Леонтовича столько же искусственно, какъ и основанiе той, которую она отвергала. Эта искусственность ярче всего выступаетъ въ томъ заключенiи автора, что будто родовой бытъ есть исключительное свойство кочевья, и что осѣдлый бытъ непременно есть бытъ общинный. Самъ же авторъ говоритъ, что кочевники для хищничества соединяются въ военныя дружины, а всякая дружина есть уже первая ступень къ общинному быту. Поэтому и кочевой бытъ точно также, какъ и осѣдлый, заключаетъ въ себѣ стихiи не одного родоваго, но и дружиннаго или общиннаго быта. Затѣмъ кочевой, степной бытъ по своему существу никогда не доходитъ до созданiя города, хотябы въ видѣ временной крѣпости. Ни по мыслямъ, ни по нравамъ онъ не можетъ выносить такой формы быта. Онъ пользуется городами, но готовыми, созданными, хотя и въ степяхъ, но осѣдлыми промышленниками. Городъ, еслибъ это былъ только земляной валъ, есть уже осѣдлость, совсѣмъ не свойственная кочевому человѣку и очень необходимая только осѣдлому поселенцу. Городъ вообще въ самомъ своемъ зародышѣ есть произведенiе исключительно осѣдлаго быта. Въ нашихъ степяхъ городки есть дѣйствительныя сторожевья, устроенныя уже въ то время, когда внутри страны существовала сильная осѣдлость, охраняемая при томъ государствомъ, хотя бы въ своемъ зародышѣ, какъ оно явилось при Олегѣ. Но безчисленные городки существуютъ именно внутри этой осѣдлой страны, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ о кочеваньи и думать было невозможно, гдѣ сама природа тотчасъ прикрѣпляла человѣка къ одному мѣсту.

Объяснить происхожденiе такого множества городковъ можно только сказанiемъ-же самой лѣтописи, именно тѣмъ, что каждый родъ, живя особо на своихъ мѣстахъ, ставилъ себѣ крѣпкое гнѣздо, особую защиту отъ сосѣднихъ родовъ, что каждый родъ такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ представлялъ какъ бы особое ни отъ кого независимое маленькое государство. Все это вполнѣ согласовалось съ началомъ родовой жизни и такъ сказать выростало изъ ея корней.

Если припомнимъ замѣтку Маврикiя, что Славяне никакой власти не терпѣли и другъ къ другу питали ненависть,

которая должна вообще обозначать извѣстную по исторіи разрозненность родовъ и племенъ, особность и независимость жизни въ каждомъ родѣ, откуда происходили вѣчныя распри, несогласія и междоусобія, то легко поймемъ, что уже одно начало родовой независимости необходимо требовало, чтобы эта независимость была охранена и защищена и на самой землѣ прочнымъ окопомъ, ибо всякое внутреннее, или нравственное содержаніе жизни неизмѣнно находитъ себѣ выраженіе и въ ея вещественной обстановкѣ. Замокъ феодала на западѣ явился тоже вещественнымъ воплощеніемъ тамошнихъ бытовыхъ положеній жизни. И у насъ вслѣдствіе особности и независимости родовъ необходимо долженъ былъ вырости такой же замокъ—городокъ, какъ защита, какъ точка опоры для родовой округи или волости, не терпѣвшей надъ собою чужаго владычества и всегда готовой отстаивать свою свободу до послѣднихъ силъ. Намъ кажется, что нашъ городокъ, сколько бы онъ малъ ни былъ своимъ пространствомъ, явился какъ бы увѣнчаніемъ тѣхъ стремленій и тѣхъ интересовъ, которые скрывались въ природѣ родоваго общежитія. Въ немъ каждый родъ-племя находилъ полное удовлетвореніе своимъ земскимъ нуждамъ и потребностямъ. Поэтому и необходимость устроить городокъ, какъ мы сказали, являлась въ то время, когда отдѣльный родъ распространялся въ цѣлый союзъ родныхъ семей, пріобрѣталъ значеніе отдѣльной земской единицы.

Городокъ для такой единицы выстраивался съ тою же цѣлью, съ какою для отдѣльной семьи выстраивалась изба или дворъ. Городокъ стало быть въ извѣстномъ смыслѣ былъ общественнымъ дворомъ, избою цѣлой волости или родовой земской округи.

Начнемъ однако съ зародыша, съ одной семьи. Порядкомъ естественнаго размноженія она становилась родомъ, наконецъ родомъ родовъ, племенемъ. Въ тоже время и тѣмъ же порядкомъ размножались и ея поселки. Шагъ за шагомъ постепенно они шли во всѣ стороны, гдѣ находилась свободная и удобная земля. Союзъ крови распространялся по всей мѣстности и этою родною кровью опредѣлялъ границы своему владѣнью. Земля конечно принадлежала всему союзу родичей, всему роду и никому въ отдѣльности, ибо въ

родовомъ союзѣ не могло существовать отдѣльной независимой, такъ сказать, безродной личности, а потому не могло существовать и отдѣльной независимой личной собственности. Безродная личность была личность несчастная, погибшая. Никакой самостоятельности она не имѣла, и не могла имѣть. Въ родовомъ союзѣ дѣйствительнымъ владѣтелемъ и распорядителемъ земли, какъ мы говорили, всегда являлось только старшее колѣно родичей. По смерти отца—родоначальника владѣли его дѣти въ братскомъ равенствѣ, хотя и съ расчетами старшинства и меньшинства. Кто бывалъ старше, тому доставалось и старшее мѣсто, и въ порядкѣ общежитія и въ порядкѣ владѣнья наслѣдствомъ. Младшіе родичи, второе, третье колѣно, во всемъ должны были зависѣть отъ воли старшаго колѣна.

Но такой порядокъ отношеній необходимо долженъ былъ измѣниться, когда вмѣсто лицъ на сцену родовыхъ связей стали выдвигаться самостоятельные поселки, села, деревни, дворы. Въ первое время по значенію самихъ лицъ эти поселки, какъ и самые люди, могли быть старшіе и младшіе. Судъ и правда, напримѣръ, принадлежали старикамъ, стало быть тамъ, гдѣ оставались старики, ихъ поселки сами собою дѣлались старшими, великими, въ отношеніи къ другимъ, младшимъ, заселеннымъ вновь, молодыми родичами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый отдѣльный поселокъ, хотябы и младшій по происхожденію, являлся самостоятельнымъ, а въ отношеніи отдѣльнаго хозяйства, независимымъ членомъ родоваго союза, онъ дѣлался какъ бы братомъ для всѣхъ остальныхъ хозяйствъ. Вообще село или деревня, даже въ значеніи отдѣльной усадьбы, выражая хозяйственную самостоятельность своего владѣльца, неизмѣнно должны были выводить родовыя связи на одну равную для всѣхъ степень родоваго братства. Этимъ путемъ, проходя чрезъ независимое хозяйство, родовое устройство быта въ собственной же средѣ нарождало общину, то есть извѣстное равенство отношеній, связей, правъ и обязанностей. Однако эта община и по происхожденію и по своимъ идеямъ была въ сущности общиною кровнаго братства, ибо понятій о братствѣ-равенствѣ общественно-политическомъ она не имѣла, да и не могла имѣть, и уставляла свои отношенія только по идеалу родоваго колѣна братьевъ, все-таки съ обычными

расчетами родоваго старшинства и меньшинства. Такимъ образомъ много думать о нашей древней общинѣ возможно только въ смыслѣ братства исключительно родоваго, но не общественно-политическаго.

Итакъ, союзъ поселковъ представлялъ уже новую степень въ бытовомъ развитіи родовыхъ связей и отношеній. Онъ всѣ родовыя колѣна уравнивалъ въ одно колѣно братьевъ-хозяевъ, къ чему неизмѣнно приводили существующіе самостоятельные и независимые отдѣльные поселки-хозяйства, равныя дѣти одной матери, которою конечно былъ первый поселокъ перваго заселителя извѣстной мѣстности.

Мы сказали, что союзъ крови, разселившейся на извѣстной мѣстности, самъ собою опредѣлялъ границы своему родовому владѣнью. Точно также дѣйствіе или дѣяніе одной родовой власти по пространству своего владѣнья необходимо создавало отдѣльную волость, о-волость об-волость, область, которая была уже союзомъ не лицъ, а союзомъ дворовъ, селъ, деревень и разныхъ другихъ поселеній.

Семья, отдѣляя отъ себя новыя семьи, становилась союзомъ семей или родомъ; родъ, образуя новые роды, становился союзомъ родовъ или племенемъ.

По землѣ это шло отъ двора, хутора, или деревни въ древнемъ смыслѣ, отъ единичнаго хозяйства, которое, распадаясь на новые дворы, становилось селомъ, или сидѣньемъ нѣсколькихъ хозяйствъ на одномъ мѣстѣ, союзомъ дворовъ. Точно такъ, какъ и союзъ селъ и отдѣльныхъ хозяйствъ, раскинутыхъ по извѣстной мѣстности, становился волостью или новою единицею земской жизни.

Если волость потому прозывалась волостью, что въ средѣ ея населенія ходила одна власть, принадлежавшая въ обширномъ смыслѣ всему тому роду, который ее населялъ, а въ частномъ только его старѣйшинамъ, какъ личнымъ выразителямъ родовой власти; если власть, какая бы ни была, по закону общей жизни человѣка, необходимо требуетъ крѣпкаго мѣста для собственной же охраны и защиты, для обезпеченія собственной твердости и независимости въ дѣйствіяхъ, хотя бы противъ непокорныхъ и непослушныхъ родичей, то уже одна идея власти или владѣнья всею родовою землею должна была приводить къ необходимости строить для нея прочное и твердое гнѣздо. Въ волости, какъ

въ совокупности многихъ отдѣльныхъ поселковъ, необходимо долженъ существовать такой поселокъ, который служилъ бы средоточіемъ и охраною для жизни всѣхъ остальныхъ. Положимъ, что такой поселокъ уже существовалъ, какъ мы сказали, на мѣстѣ старшаго поселенія. Къ нему за судомъ и правдою тянули родичи со всѣхъ сторонъ. Въ немъ, подъ руководствомъ старѣйшинъ, происходили не только общія сходки, вѣча, но и годовыя собранія для отправленія общихъ языческихъ празднествъ. Все это въ обычномъ и мирномъ порядкѣ жизни не представляло еще необходимости устроивать первоначальное гнѣздо особенно крѣпко. Но наставала опасность, отъ нашествія иноплеменныхъ или отъ набѣга сосѣдей чужеродцевъ, или отъ собственныхъ родовыхъ смутъ и усобицъ,—гдѣ же тогда можно было укрыть отъ враговъ своихъ женъ и дѣтей, свой скотъ, свои запасы и разное имущество? Единеніе рода на одномъ корнѣ связывало въ одинъ узелъ и потребности общей защиты, хотя бы и отъ домашняго врага. Малый хоронился за стараго, а всѣ должны были искать необходимо одного крѣпкаго убѣжища.

Въ такихъ случаяхъ, или предвидя такіе случаи, волость, большая или малая, общими силами строила городокъ. Если первоначальная семья занимала землю въ чужой и враждебной сторонѣ, то она, конечно, если и не тотчасъ, то все-таки въ непродолжительномъ времени укрѣпляла свое жилище городкомъ и это крѣпкое мѣсто перваго поселенія становилось уже истиннымъ родоначальникомъ для всѣхъ другихъ поселеній въ занятомъ краю. Но если семья основывалась въ пустой и никому не принадлежащей мѣстности, гдѣ не предвидѣлось никакой опасности, развѣ только со стороны звѣрей, то для такого поселенія вполнѣ были достаточны обычныя сельскія ограды въ родѣ тына и даже простаго плетня. Насыпать земляной валъ здѣсь не было нужды. Здѣсь городокъ могъ появиться только въ качествѣ дальнѣйшаго развитія волостной жизни, какъ выраженіе ея единства и крѣпости, и какъ опора даже для усмиренія внутреннихъ домашнихъ смутъ.

Городокъ вообще представляетъ защиту, или въ собственномъ смыслѣ щитъ противъ врага. Защита есть первое общее дѣло для волостныхъ людей. Она и должна была вы-

разиться въ одномъ общемъ дѣлѣ, какимъ несомнѣнно было устройство земляной постоянной твердыни.

Каждое отдѣльное сидѣнье на землѣ, село, деревня, естественно не могли защищать себя одними собственными средствами. Въ своей отдѣльности они были безсильны, и только одинъ союзъ родства способенъ былъ подать имъ надежную помощь. Въ случаяхъ общей опасности, люди обыкновенно, даже и во время нашествія Французовъ, уходили въ лѣса, въ болота и тамъ прятались отъ общаго врага. Это былъ самый первобытный способъ защиты и спасанья, при чемъ выборъ мѣста, конечно, вполнѣ зависѣлъ отъ случая. Туда или сюда, куда бы не уйдти, лишь бы спастись отъ врага. Но часто повторяемые опыты такого спасенья скоро могли научить, что надежнѣе всего прятаться въ мѣстѣ уже для всѣхъ извѣстномъ, избранномъ и устроенномъ собственно для обороны, какъ и для сохраненья всякаго имущества. Въ лѣсной или болотной трущобѣ, на высокомъ береговомъ крутоярѣ, посреди непереходимыхъ овраговъ можно было соорудить такое укрѣпленіе, которое врагу не только взять, но и отыскать было невозможно. Малые городки по большой части находятся именно въ такихъ скрытныхъ и неприступныхъ мѣстахъ, отъ чего происходитъ и общее ихъ имя Кромъ, Кромный, Кремль. Такія мѣста у Ятвяговъ и у Мордвы назывались твердями, а у Чуди осѣками, причемъ лѣтопись не называетъ ихъ городками, и потому можно думать, что это были дѣйствительно только временныя случайныя укрѣпленія, не имѣвшія постоянной стражи, и что слѣд. городокъ, напротивъ того, тѣмъ и отличался отъ подобныхъ твердей, что постоянно былъ охраняемъ, хотя бы малою дружиною. Намъ кажется, что иначе и быть не могло, если городокъ выросталъ посреди населенія, занимавшагося не однимъ земледѣліемъ, но и всякимъ промысломъ и торговлею. Это въ особенности должно относиться ко всѣмъ лѣснымъ и болотнымъ мѣстамъ древней Русской страны. Промыслъ и торговля еще больше нуждались въ защитѣ и охранѣ своихъ добычь и потому бѣжали подъ защиту городка скорѣе другихъ. Они первые и селились подлѣ городка. Для земледѣльческаго населенія городокъ въ дѣйствительности могъ служить только временнымъ убѣжищемъ въ засаду отъ враговъ; но для торго-

выхъ и промышленныхъ людей онъ очень былъ надобенъ во всякое время. Извѣстное дѣло, что накопленное богатство требуетъ постоянной заботы о его сохраненіи и охраненіи. Богатство земледѣльца заключалось въ его нивѣ. Засѣвши отъ враговъ въ городкѣ и выдержавъ осадное время, онъ по необходимости уходилъ снова дѣлать свои нивы. Богатство промышленнаго и торговаго человѣка заключалось въ его товарѣ. Этотъ товаръ больше всего и нуждался въ постоянномъ крѣпкомъ, сохранномъ мѣстѣ, къ которому торговые и промышленные люди необходимо тѣснились со всѣхъ сторонъ, и которое естественно они же и держали всегда на-готовѣ къ оборонѣ. По большимъ путямъ, другихъ, т. е. временныхъ ненаселенныхъ городковъ, по всему вѣроятію и не существовало.

Какъ бы ни было, но каждый размножившійся родъ, или родовая волость постройкою городка пріобрѣтали силу и самостоятельное значеніе не только между сосѣдями, но и въ собственныхъ глазахъ. Каждый отдѣлявшійся родовой участокъ, каждая новая волостка, какъ скоро ставила себѣ особый городокъ, тотчасъ пріобрѣтала самостоятельное положеніе даже и въ глазахъ своего корня. Самое множество городковъ и по нѣкоторымъ мѣстамъ особенная ихъ скученность объясняются больше всего именно отдѣленіемъ отъ коренной волости новыхъ вѣтвей, которыя, дѣлаясь достаточно самостоятельными, спѣшили устроиться такимъ же землянымъ окопомъ. Отъ одной матери нарождались новыя дѣтки. Вотъ почему понятіе о городѣ всегда совпадало съ понятіемъ о волости, и города безъ волости не существовало. Городъ былъ такъ сказать головою волости, выразителемъ ея земскаго единства. Естественно, что и волость безъ своего особаго города или городка едва ли могла существовать. Нарождавшіяся новыя волости въ нѣдрахъ своей матери—волости старшей, устроивая свои городки, но по молодости не пользуясь равнымъ съ нею значеніемъ, именовались не городами, но пригородами, иначе сказать дѣтьми старшаго города. Это самое еще яснѣе обозначаетъ, что основнымъ камнемъ волостной независимой жизни былъ городъ, что нарожденіе новыхъ волостей и новыхъ городовъ не измѣняло общаго понятія о волости, какъ объ одномъ городѣ, или о городѣ, какъ объ одной волости, для которой всѣ младшіе ея отростки оста-

вались такъ сказать въ дѣтской отъ нея зависимости и почитались пригородами, приростками къ главному или старшему городу. Такія волости, конечно становились уже областями.

Само собою разумѣется, что постройка городка, какъ общее дѣло, производилась общими силами и средствами всей родовой волости. Всѣ родичи должны были участвовать въ сооруженіи своей родовой крѣпости. Одни сыпали валъ, копали ровъ, другіе валили лѣсъ, рубили стѣны или ставили тынъ, строили избы и клѣти, укрѣпляли ворота башнею или вежею, съ которой необходимо было слѣдить за врагомъ и отбивать его приступъ. Городокъ строился главнымъ образомъ на случай общей опасности для помѣщенія въ немъ женъ и дѣтей, стараго и малаго, для сохраненія скота и имущества, поэтому его объемъ или просторъ зависѣлъ отъ многолюдства родовой округи. Оставшіяся городища при различной формѣ имѣютъ и весьма различную величину. Самыя малыя сто шаговъ и самыя большія около тысячи шаговъ въ окружности. Обыкновенная величина бываетъ въ треть десятины и доходитъ до полуторы десятины.

Обыкновенно говорятъ, что древній Русскій городъ былъ ничто иное, какъ огороженная деревня. Такъ разсуждалъ еще Шлецеръ; за нимъ тоже повторяютъ и теперь. Намъ кажется, что это не совсѣмъ такъ. Огородите деревню какими угодно стѣнами, она все останется деревнею, если свойства ея жизни останутся тѣже деревенскія свойства. Никакая внѣшняя вещественная форма не нарождается безъ особенныхъ причинъ для ея существованія. Она всегда выражаетъ извѣстное особое содержаніе жизни. Деревня—это доръ, вздранное изъ подъ лѣса пространство для пашни и сѣнокоса; это дворъ, то есть клѣть, изба, хоромина, выстроенная для обитателя деревни, огороженная съ своими службами по деревенски плетнемъ - заборомъ. Вотъ первоначальная и простая форма деревенской жизни. Для всякаго двора, сколько бы потомъ ихъ ни выстроилось рядомъ, эта форма остается одна и таже. И люди, сколько бы ихъ не народилось и не поселилось около одной первоначальной

семьи, все будутъ жить на одномъ и томъ же дѣлѣ, а слѣд. въ однихъ и тѣхъ же порядкахъ своего быта. Но деревня, строящая для себя земляной окопъ, стѣны, выбирающая для этого особое мѣсто со всѣми выгодами крѣпкой защиты, такая деревня влечется къ своему новому дѣлу уже другими помышленіями и совсѣмъ иными задачами жизни. Выстраивая городокъ, и устроивая въ немъ себѣ охрану и защиту, она необходимо измѣняетъ свой нравъ и порядокъ быта, приспособляясь къ новой формѣ существованія. Защита для деревни—новое дѣло. Оно естественно выводитъ деревенскій бытъ въ новый порядокъ людскихъ отношеній, указываетъ людямъ новыя мѣста, располагаетъ ихъ одного за другимъ, смотря по ихъ способностямъ къ новому дѣлу. Все это необходимо вызывается постройкою и устройствомъ защиты, и городъ, какъ средоточіе защиты, необходимо становится и средоточіемъ иной, совсѣмъ не деревенской жизни.

Въ первое время, когда онъ ставился силами одного размножившагося рода, когда вѣтви родства не были слишкомъ многочисленны, то его защитниками являлись родичи еще близкіе другъ къ другу по родовой лѣствицѣ и потому въ городкѣ необходимо царствовали обычаи и порядки въ точномъ смыслѣ родовые съ распредѣленіемъ людскаго союза на отцовъ и дѣтей, на старшихъ и младшихъ по родству и по возрасту, но еще не по обществу. Но когда родъ, съ размноженіемъ своихъ вѣтвей, становился цѣлою волостью, когда родичи расходились по лѣствицѣ рожденія далеко другъ отъ друга и на сцену выступало только братское равенство волостныхъ поселковъ, то защитниками волостнаго укрѣпленія являлись уже иные люди и въ городкѣ возстановлялись обычаи и порядки нѣсколько отличные отъ родовыхъ въ собственномъ смыслѣ.

Естественно предполагать, что горожане такого города подобно тому, какъ и люди боеваго поля, собирались отъ всѣхъ родовъ или отъ всѣхъ поселковъ родовой волости, которая ставила городъ для собственной же защиты. Несомнѣнно, что каждое село, или каждый родъ, что въ первое время было одно и тоже, подъ видомъ повинности, должны были высылать на защиту города способнаго защитника, такъ какъ и при постройкѣ города, они необходимо вы-

сылали способнаго работника. Въ городѣ стало быть собирались люди уже не одного рода, но разно-родные, если и не совсѣмъ чужіе другъ другу по происхожденію отъ одного корня, зато совсѣмъ другіе для каждаго отдѣльнаго родства. Здѣсь возникало первоначальное общество, которое, какъ союзъ другихъ вполнѣ равныхъ товарищей или друзей, такъ и именовалось дружиною. Понятіе о другомъ и другѣ, заключало въ себѣ смыслъ именно того равенства между людьми, котораго въ родовыхъ отношеніяхъ и связяхъ никогда не существовало и не могло существовать. Тамъ во всякомъ случаѣ бывали только старшіе и младшіе и только великими счетами мѣстничества можно было иногда доказать, что тотъ или этотъ родичь приходится въ версту другому родичу, что напр. третій братъ равенъ первому своему племяннику, т. е. первому сыну своего старшаго брата. Но и это равенство имѣло въ виду только одни мѣста. Понятіе о другѣ, какъ о равномъ во всѣхъ отношеніяхъ товарищѣ, выводило родовыя идеи на новый путь людскихъ связей и отношеній. Дружина являлась первороднымъ обществомъ.

Но если вообще боевое поле служило основаніемъ для развитія дружинной жизни, то городъ въ свой чередъ былъ истиннымъ гнѣздомъ дружинныхъ и общинныхъ союзовъ и связей. Какъ мѣсто дружиннаго быта, онъ необходимо долженъ былъ въ точности опредѣлять положеніе и мѣсто каждаго лица, приходившаго на его защиту и поступавшаго въ его дружину. Родовая связь людей опредѣляла такія мѣста по родству. Дружинная связь должна была распредѣлить людей по иному порядку, какой самъ собою возникалъ изъ боеваго дѣла всѣхъ защитниковъ города. Въ этомъ случаѣ ихъ боевые ряды послужили основаніемъ для рядовъ дружинныхъ, то есть общественныхъ, иначе сословныхъ. Здѣсь было положено первое сѣмя для раздѣленія людей по сословіямъ, первое сѣмя гражданства.

Городокъ въ сущности былъ военною защитою, поэтому въ немъ первое мѣсто должно принадлежать людямъ боеваго поля. На этомъ полѣ первымъ лицемъ былъ князь, онъ водилъ и строилъ полки, онъ починалъ битву.

Первымъ лицомъ и кореннымъ основаніемъ дружиннаго быта онъ является и въ городѣ. Можно даже полагать, что

первое понятіе о князѣ родилось съ самимъ городомъ, съ первымъ устройствомъ дружинной жизни, ибо первый Кіевскій человѣкъ Кій, тогда начинаетъ княжить въ своемъ родѣ, когда братья строютъ ему городокъ Кіевъ. Въ глубокой древности этимъ именемъ обозначалась родоначальная власть, но въ 9 вѣкѣ, судя по переводу св. Писанія, оно „имѣло смыслъ болѣе общій и означало не только властителя, но и всякаго сильнаго человѣка“ [1].

Въ послѣдующее время въ Новгородѣ лицо князя становится необходимымъ существомъ для этого вольнаго, но стараго великаго города. По всему вѣроятію Новгородскій обычай жить всегда съ княземъ идетъ изъ глубокой древности и вовсе не обозначаетъ особой привязанности къ Рюриковой династіи. По указаніямъ лѣтописи видно, что у Полянъ въ Кіевѣ, какъ и у всѣхъ другихъ племенъ, у каждаго существовало свое особое княженье, что уже въ приходъ Рюрика, Полоцкъ, Туровъ, Древляне имѣли своихъ князей и что при Олегѣ по всѣмъ городамъ подъ его рукою сидѣли свои князья, которые носили даже собирательное имя всякое княжье. Все это заставляетъ полагать, что если существовали города, то въ каждомъ городѣ былъ свой князь, что князь вообще былъ необходимымъ существомъ городской жизни, какъ творецъ суда и расправы и первый защитникъ отъ обидъ и всякихъ враговъ. Это былъ конъ или корень городскаго общежитія.

За нимъ слѣдовали передніе мужи, именемъ которыхъ, мужи, въ родовомъ распорядкѣ обозначался совершенный возрастъ, и стало быть способность быть защитниками рода, почему и на боевомъ полѣ они ставили первый передовой рядъ людей мужественныхъ, храбрыхъ, отважныхъ, которые первые бросались въ битву, были первыми начинателями и производителями боя. Не потому ли они чаще всего именуются боярами, людьми боя въ собственномъ смыслѣ? По крайней мѣрѣ такому объясненію этого имени вполнѣ отвѣчаетъ сущность жизненной роли боярина, особенно въ древнѣйшее время. Это былъ передній и передовой разрядъ боевыхъ людей, водителей битвы, начинателей боя. Очень естественно, что и во всѣхъ другихъ житейскихъ от-

[1] г. Буслаевъ: О вліяніи христіанства на Слав. языкъ, 164.

ношеніяхъ бояринъ становился первымъ и передовымъ человѣкомъ, потому что находившееся въ его рукахъ боевое дѣло, защита земли, было первымъ передовымъ дѣломъ и для всего нарождавшагося общества. По той же причинѣ это званіе пріобрѣталось только личною заслугою, личною доблестью, личными боевыми достоинствами и не было наслѣдственно [1].

За передними мужами, то есть за людьми полнаго возраста или за отцами, въ родовомъ устройствѣ, конечно, слѣдовали дѣти, чады или вся родовая молодежь, почему и младшій составъ городовыхъ защитниковъ удержалъ за собою наименованіе дѣтскихъ и отроковъ и даже пасынковъ. Послѣднее имя прямо и показываетъ, на сколько родовыя связи общества разошлись и удалились отъ первоначальнаго своего состава, ибо пасынокъ обозначаетъ уже родство не кровное, а такъ сказать союзное. Дѣтскіе въ прямомъ смыслѣ были дѣти бояръ, почему въ позднее время весь разрядъ младшей дружины, сохраняя далекую старину, прямо уже и именуется дѣтьми боярскими. Надо замѣтить, что всѣ такія имена въ древности выражали сущую

---

[1] Есть мнѣніе, что именемъ боярина «назывались родоначальники Старославянскихъ городовъ», основанія котораго къ сожалѣнію не весьма достаточны (См. г. Затыркевича: О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе строя Рус. Государства). Родовое происхожденіе боярина ничѣмъ не объясняется и ничѣмъ не подтверждается; напротивъ того все указываетъ на его дружинное происхожденіе. Отъ древнихъ до позднихъ временъ это имя обозначаетъ въ старшемъ значеніи—воеводство, въ младшемъ—военныхъ людей, боевую городскую дружину. Поэтому и производство этого слова (по Булгарскому письму: болиринъ) отъ болій, большой, большакъ, точно также ничего не объясняетъ, ибо при этомъ требуется прежде всего доказать, что въ древне-русскомъ обществѣ искони существовали понятія о магнатѣ (magnus), о грандѣ (grandis), о вельможѣ. Намъ кажется, что такихъ общественныхъ идей мы никогда не отыщемъ въ нашей древности. По всему вѣроятію имя бояре, бояринъ, обозначало какое либо дѣло, занятіе, вообще дѣловое качество жизни. Въ первоначальномъ общежитіи и особенно въ городовой дружинѣ верховнымъ дѣломъ и занятіемъ могъ быть только передовой бой, руководительство въ битвѣ, а въ слѣдствіе того и руководительство въ управленіи землею. Несомнѣнно, что первыми боярами были первые богатыри.

дѣйствительность, потому что на самомъ дѣлѣ тогда воевать начинали съ дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ. Князья въ 12—14 лѣтъ участвовали уже въ битвахъ и водили самолично полки.

Не одинъ дитя-Святославъ бросалъ первое копье во врага. Славный Даніилъ Романовичъ Галицкій, бывши еще такъ малъ, что и матери своей не узналъ, лѣтъ шести, уже исправно дѣйствовалъ мечемъ. Когда крамольники бояре стали разлучать его съ матерью, выпроваживая ее вонъ изъ Галича, онъ не хотѣлъ съ нею разстаться, плакалъ и слѣдовалъ за нею верхомъ на конѣ. Одинъ изъ бояръ схватилъ его за поводъ, ворочая назадъ. Ребенокъ обнажилъ мечь и ткнулъ имъ боярина, но поранилъ только его коня. И только одна мать могла взять изъ его рукъ мечь и умолила его остаться въ Галичѣ. Въ первое нашествіе Татаръ Даніилу было съ небольшимъ 20 лѣтъ, но въ битвѣ на Калкѣ онъ велъ себя богатыремъ, „младства ради и буести“ не чувствовалъ на себѣ ранъ и почуялъ ихъ уже тогда, когда, побѣжавши съ поля, напился воды.

Изъ обстоятельствъ жизни перваго Святослава и жившаго послѣ него спустя почти триста лѣтъ Даніила, мы можемъ хорошо себѣ объяснить, что такое были наши дѣтскіе, въ послѣдствіи Боярскіе Дѣти. Въ двадцать лѣтъ это были уже настоящіе богатыри.

Однако второй слой собственно городскихъ защитниковъ именовался собирательно **гридь** и **гридьба**, а единично **гридинъ**. Такъ какъ званіе боярина пріобрѣталось личною доблестью и не было наслѣдственно, то дѣти бояръ, доблестныхъ передовыхъ мужей города, по естественному порядку, пользуясь славою своихъ отцовъ, должны были составить особый слой военной дружины, отличный отъ остальнаго населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что именно этотъ, въ собственномъ смыслѣ дружинный слой именовался Гридьбою. Само собою разумѣется, что норманская школа всякое теперь непонятное имя толкуетъ изъ скандинавскихъ языковъ, такъ и гридь происходитъ отъ шведскаго, gred — мечь, отъ Гирдманъ—придворный, Hird, Hirdinn—княжескій тѣлохранитель. Отсюда вообще Гридина опредѣлили дворяниномъ, княжескимъ тѣлохранителемъ, придворнымъ чиновникомъ, всегда находившимся при князѣ, такъ какъ и

особая комната на княжескомъ дворѣ именовалась гридницею отъ сборища въ ней гридей—тѣлохранителей.

Между тѣмъ всѣ свидѣтельства лѣтописей, гдѣ упоминается Гридьба, ничего не говорятъ о такомъ значеніи этого слова, а указываютъ прямо, что Гридьбою назывался особый слой не княжескихъ придворныхъ, а именно городскаго населенія и именно слой военной дружины, идущій всегда вмѣстѣ, хотя и впереди, съ слоемъ купцовъ. Въ одномъ спискѣ Русской Правды эти два слоя прямо такъ и названы горожанами, въ отличіе отъ княжихъ мужей.

Составъ городскаго общества впервые обозначенъ по случаю пировъ св. Владиміра, которые онъ давалъ дружинѣ на своемъ дворѣ въ гридницѣ. На эти пиры приходили: 1—бояре, 2—гриди, 3—сотскіе, десятскіе и 4—нарочитые мужи.

Гридница въ собственномъ смыслѣ значитъ сборная храмина или изба для схода Гридьбы. Была ли она принадлежностью одного княжаго двора, или составляла необходимую постройку для городскаго общежитія, объ этомъ можно судить по указаніямъ лѣтописей. Въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ древнѣйшій городской бытъ существовалъ безъ особой помѣхи, гридницы ставились уличанами. Въ Новгородѣ въ 1470 г. на Славковѣ улицѣ была поставлена середняя гридница, слѣд. посреди двухъ крайнихъ. Во Псковѣ на улицѣ Званицѣ существовала гридница прозваніемъ Коровья. [1] Гридницы бывали у Владыкъ, а иногда служили мѣстомъ заточенія. Гридницею вообще называлась обширная храмина, въ которой собирались горожане по всему вѣроятію для суда или для совѣщаній, а также и для общихъ праздничныхъ пировъ. Она соотвѣтствовала мірской, сборной, иначе судной деревенской избѣ. Самое слово гридь родственно Хорутанскому громада, сборище, толпа [2], и должно обозначать въ исключительномъ смыслѣ городовую военную общину, или городовую дружину.

Повидимому бояре были только передними мужами Гридьбы и какъ мы сказали получали это званіе только за личную доблесть. Дѣти бояръ, боярская молодежь, и въ пря-

---

[1] П. С. Р. Л. IV, 127, 235.

[2] Грдина юнакъ, храбрецъ; Гордый въ Галицкихъ пѣсняхъ эпитетъ добраго, удатнаго, красиваго, пригожаго.

момъ, и въ относительномъ смыслѣ меньшинства, естественно становились въ ряды Гридьбы, которая поэтому въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ занимаетъ всегда второе мѣсто послѣ бояръ.

Такъ могъ образоваться въ городовой дружинѣ ея военный слой, конечно, уже въ дальнѣйшемъ развитіи города, когда его жизнь являлась уже полною чашею относительно разнороднаго и разнообразнаго его населенія. Но мы упомянули, что еще при самомъ началѣ въ числѣ причинъ, которыя побуждали устроивать городокъ, не послѣдними были всякій промыслъ и торгъ, очень нуждавшійся въ охранѣ своихъ товаровъ или всякаго движимаго имущества. Первыми людьми въ первомъ городѣ являлись не только передніе люди боеваго поля, но и передніе люди мирнаго промысла и торга. Въ первое время эти два рода занятій необходимо соединялись даже въ однихъ и тѣхъ же лицахъ. Да и въ послѣдующее время мы находимъ купцовъ на томъ же боевомъ полѣ, идущихъ слѣдомъ за Гридьбою, то есть за сословіемъ бойцовъ въ собственномъ смыслѣ. Въ теченіи всей нашей исторіи, когда политическою силою всей страны былъ собственно городъ, подчинявшій своей волѣ самое княземъ, купеческое сословіе въ каждомъ городѣ составляло великую силу, нисколько не меньшую передъ силою боярства и всей военной дружины. Это самое заставляетъ предполагать, что и при основаніи всего древнѣйшаго Русскаго Городства едвали не первымъ камнемъ былъ положенъ именно купеческій промыслъ, который необходимо нарождалъ и потомъ отдѣлялъ отъ себя и военный промыслъ подъ видомъ особой военной дружины бояръ и гридьбы. Покрайней мѣрѣ такое положеніе дѣлъ должно было существовать во всѣхъ углахъ страны, гдѣ населеніе устремлялось больше всего къ мирному промыслу и торгу.

Торговый и промышленный людъ, селившійся подъ защитою города, точно такъ же, какъ и исключительно военный людъ, долженъ былъ нести тягость городовой защиты, ибо городъ для каждой округи-волости былъ собственно военнымъ гнѣздомъ, способнымъ и обязаннымъ защищать не только самого себя, но и всю волость. Кто селился въ городѣ, тотъ необходимо становился ратникомъ. Судя по

упоминанію на пирахъ Владиміра десятскихъ и сотскихъ, можемъ предполагать, что всѣ горожане — купцы и промышленники въ отношеніи своего воинскаго и вообще городскаго тягла распредѣлялись на десятки и сотни, вѣроятно по числу отдѣльныхъ хозяйствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по роду занятій, то есть собственно по отдѣльности первоначальныхъ кровныхъ родовъ городскаго союза, ибо родъ занятій или родъ промысла несомнѣнно всегда опредѣлялся кровною связью и рожденіемъ въ кругу того или другаго промысла.

Числовое распредѣленіе людскаго союза принадлежитъ къ древнѣйшимъ учрежденіямъ народовъ. Но оно прямо показываетъ уже перемѣну счетовъ родства на счеты общества, переходъ изъ родоваго устройства жизни въ устройство общинное. Десятскій собственно былъ староста надъ своимъ десяткомъ; сотскій—староста своей сотни. Естественно, что съ размноженіемъ населенія умножались десятки и сотни и выростала необходимость въ особомъ старѣйшинствѣ надъ всѣми десятками и сотнями. Такимъ старѣйшиною является тысяцкій, глава числоваго распредѣленія городскихъ обывателей, который вѣроятно наименованъ такъ не по точному исчисленію подвластной ему среды, а по общему понятію о крайнемъ, самомъ большомъ количествѣ числоваго населенія. По смыслу послѣдующей роли тысяцкаго, онъ былъ въ собственномъ смыслѣ градодержатель, воевода собственно городскаго населенія въ общемъ его составѣ, и представлялъ въ своемъ лицѣ особую силу, которая послѣ князя была первая сила. Это былъ старшій изъ всѣхъ бояръ. Но его значеніе и смыслъ его властительной роли не ограничивался интересами одного боярства, или одной военной дружины города: онъ былъ представителемъ и головою такъ сказать всего гражданства. Поэтому и вѣсъ его власти иногда очень перевѣшивалъ въ сторону этого гражданства и уравнивался съ властью самого князя.

Распространеніе и разселеніе малаго городка въ большой городъ, конечно, зависѣло больше всего отъ выгодъ мѣстности, гдѣ онъ впервые выстраивался. Въ глухомъ углу онъ оставался на самомъ дѣлѣ тою потайною твер-

дынею, какую строило себѣ древнѣйшее Славянство. Но инымъ городкамъ выпадала, хотя бы въ началѣ и случайная доля стоять на такихъ мѣстахъ, которыя по различнымъ обстоятельствамъ и особенно по своему географическому положенію дѣлались перекрестнымъ путемъ для окружнаго населенія и средоточіемъ торговыхъ и промышленныхъ связей. Въ этомъ отношеніи очень выгодны были мѣста при устьяхъ или вблизи устьевъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ, куда сходились дороги изъ далекихъ угловъ страны, а также и на верховьяхъ какой либо рѣчной округи, откуда дороги расходились во всѣ стороны.

На такомъ средоточіи водяныхъ путей малый городокъ незамѣтно и скоро становился городомъ большимъ и его населеніе, размножаясь, точно также очень скоро изъ родоваго превращалось въ дружинное.

Естественно, что такой городъ, собирая силы цѣлаго племени, становился въ послѣдствіи какъ бы столицею или старшимъ городомъ между всѣми родовыми городами этого племени. Это старшинство могло происходить и отъ дѣйствительнаго старѣйшинства въ основаніи города, но вѣроятнѣе всего оно происходило отъ тѣхъ географическихъ и этнографическихъ условій мѣста, которыя сами собою выдвигали городъ впередъ и надѣляли его старѣйшинствомъ силы и могущества.

Наиболѣе прочное, плодотворное и самое крѣпкое могущество городъ получалъ, какъ мы сказали, отъ торговаго промысла. Построенный на выгодномъ мѣстѣ, маленькій городокъ тотчасъ привлекалъ къ себѣ людей промышленныхъ во всѣхъ видахъ. Вблизи его стѣнъ разводились слободки, особые ряды избъ, стоявшіе въ полѣ, на волѣ и на свободѣ, какъ можно объяснять первоначальное значеніе этого слова. Но въ слободахъ, кромѣ того, въ началѣ всегда селилось свободное населеніе, независимое ни отъ какого тягла, необязанное никакою службою для города. Въ послѣдствіи оно конечно примыкало къ самому городу и домами и службою и составляло уже его конецъ, какъ обыкновенно назывались заселенныя пригородныя мѣстности. Въ общемъ составѣ такіе слободки и концы именовались вообще посадомъ, то есть сплошнымъ сидѣньемъ вокругъ города. Въ развитіи города посадъ представлялъ уже новую и весьма важ-

ную ступень, которая изъ укромнаго военнаго гнѣзда создавала дѣйствительное гражданство. Если въ маломъ городкѣ самыя его стѣны ограничивали свойство его населенія, такъ сказать, однимъ военнымъ ремесломъ, по которому и купецъ становился прежде всего воиномъ, то въ городкѣ посадскомъ военная жизнь должна была отойдти на второе мѣсто и подчиниться интересамъ Посада. Если городокъ, какъ военное гнѣздо своей волости, въ первое время необходимо заключалъ въ своихъ стѣнахъ населеніе болѣе или менѣе однородное, даже въ чистомъ видѣ родовое, то посадъ съ перваго же времени становился гнѣздомъ населенія, смѣшаннаго изъ всякихъ людей, которое въ существенномъ смыслѣ и завязывало узелъ перваго гражданства. Смѣсь населенія всегда и повсюду составляетъ самую могущественную стихію въ развитіи городскаго быта; она есть прямое и непосредственное начало собственно гражданскихъ отношеній и гражданскаго развитія земли. Поэтому, гдѣ приливъ смѣшаннаго населенія былъ сильнѣе и многообразнѣе, тамъ скорѣе всего выростало и могущество города, необходимо распространявшаго это могущество и на всю окрестную страну. Такимъ путемъ безсомнѣнія сложились наши первые города, особенно Новгородъ и Кіевъ. Какъ бы ни было, но Посадъ возлѣ военнаго гнѣзда разводилъ гнѣздо промышленное и ремесленное и въ первоначальную военную природу города вносилъ новую силу жизни, безъ которой военный городокъ остался бы навсегда только временною стоянкою и съ распространеніемъ безопасности житья примкнулъ бы къ тѣмъ многочисленнымъ городищамъ, которыя, какъ не развившіяся сѣмена городскаго быта, сохраняютъ теперь только память о господствовавшей нѣкогда повсемѣстной враждѣ и осадѣ со стороны своего же населенія.

Боярство въ общемъ смыслѣ военной дружины и купечество въ общемъ смыслѣ торговой и промышленной дружины, какъ два рода независимыхъ занятій, послужили естественными и главными основами при дальнѣйшемъ развитіи городскаго быта. Отъ присутствія этихъ особыхъ началъ въ распредѣленіи и размѣщеніи людей города родовой характеръ городской общины сталъ измѣняться и уступать характеру въ прямомъ смыслѣ общинному.

Если городокъ выросталъ, какъ необходимая потребность родовой волости для сосредоточенія въ немъ защиты и всѣхъ отправленій жизни волостью, то естественно, что собравшуюся въ немъ дружину должна была поддерживать и кормить общими силами тоже волость, такъ какъ она же должна была строить, починивать и всячески устраивать свое военное гнѣздо. Вотъ основаніе послѣдующаго права кормленія городовъ принадлежавшими къ нимъ волостями и землями, и основаніе обязанности строить и починивать города волостными людьми.

Во всякомъ случаѣ, кто бы ни строилъ первый городъ, отдѣльный родъ, волость и даже цѣлое племя, кормленіе и строеніе города необходимо распадалось на всѣ поселки, которые находили въ немъ свою защиту. Пришедшій Рюрикъ какъ призванный защитникъ земли, точно также начинаетъ строить многіе города, конечно въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ больше всего требовалась защита отъ враговъ, и гдѣ населеніе нуждалось только въ храброй дружинѣ. Онъ пришелъ не завоевателемъ, а защитникомъ, и потому построенные имъ города были столько же дѣломъ самихъ тѣхъ людей, которыхъ онъ пришелъ оберегать и защищать и которые естественно по доброй волѣ несли и всѣ повинности по устройству и кормленію такого города.

Такимъ образомъ и построеніе городовъ князьями отвѣчало только существеннымъ потребностямъ волостной жизни. Съ построеніемъ новаго города создавалась новая волость, образовывалось новое крѣпкое средоточіе жизни.

Если городъ являлся выразителемъ и существомъ волостныхъ связей и отношеній, если это было только жилище, хоромина, въ которой для защиты и охраны сосредоточивалась жизнь самой волости, то въ его дѣятельности, въ его порядкахъ жизни необходимо должны были сохраняться всѣ тѣ стремленія, какими отличался и каждый отдѣльный родовой поселокъ, каждое отдѣльное, независимое хозяйство, ибо городъ въ сущности былъ только завершеніемъ и средоточіемъ общей жизни такихъ хозяйствъ.

Отдѣльное хозяйство начинало свою жизнь съ деревни. Мы не знаемъ, какъ такая жизнь начиналась въ полѣ, то есть въ степныхъ мѣстахъ. Тамъ вѣроятно она начиналась селомъ, то

есть сиденьемъ на извѣстномъ мѣстѣ, которое требовало только заботъ о распашкѣ широкаго поля. Слово деревня напротивъ показываетъ, что жизнь начинаетъ свое дѣло въ лѣсу, и начинаетъ съ того, что дѣлаетъ доръ—росчисть лѣса для пашни и покоса, вздираетъ лѣсную чащу, дабы устроить ниву. Эта очистка лѣснаго угодья или дикой лѣсной земли для разведенія паханаго поля, отъ способа самой работы—драть, прочищать, подсѣкать, валить лѣсъ, прозвалась какъ упомянуто доромъ-дворомъ и деревнею[1], что значило одно и тоже, то есть росчисть, пашню. Въ древнее время деревня заключала въ себѣ по большой части одинъ дворъ, рѣдко два или три, и тѣмъ обнаруживала, что поселокъ начинался съ одной семьи, или съ одного родоваго колѣна.

Изъ того же корня по всему вѣроятію идетъ и дорога, продранное въ лѣсу пространство, необходимый путь изъ деревни на Божій міръ. Такіе пути-дороги деревня пролагала во всѣ стороны, куда заводилъ ее лѣсной промыслъ, за звѣремъ, за птицей, за пчелою, или хозяйская работа надъ пашнею и сѣнокосомъ въ отхожихъ пустошахъ. Такими путями распространялись и обозначались границы деревенскаго владѣнья. Топоръ ходилъ по деревьямъ и клалъ рубежи[2], зарубалъ свои знаменья, обозначая путь, путикъ, или зарубая своимъ знакомъ бортевое ухожье. Коса ходила по лугу, соха—по нивѣ, обозначая тоже работу человѣческихъ рукъ и тѣмъ опредѣляя право на владѣнье тѣмъ лугомъ и тою нивою.

Само собою разумѣется, что въ глухихъ мѣстахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ прокладывать такіе пути было дѣломъ великаго труда и требовало великой настойчивости и времени. Поэтому естественно, что право на

[1] Доръ и теперь на сѣверѣ значитъ росчисть, роспашь; дерть—роспашь, подсѣка; деревки—росчисть, чищоба, подсѣка, починокъ; деревня—пашня, полоса, земля, пустошь. Въ древнемъ языкѣ розсѣчи доръ значило разсѣчь, разчистить мѣсто для покоса и пашни.

[2] Рубежемъ технически называлась зарубка, прямая вырубленная черта. Она же называлась и тномъ. Два рубежа, два тна значили двѣ параллельныя прямыя зарубки. Гранью и границею технически назывались двѣ прямыя зарубки, соединенныя крестъ-на-крестъ ✕, отсюда грановитый, граненый, сдѣланный гранями, или призмами.

тотъ или другой уголъ земли всегда принадлежало тому, кто первый прокладывалъ къ нему путь и нѣтъ сомнѣнія, что тѣ знаменья—рубежи, какими обозначался этотъ путь становились священными и неприкосновенными письменами или актами, документами собственности, разрушеніе которыхъ неизмѣнно влекло за собою кровавую месть виновному и преслѣдованіе его общими силами всего рода.

Нашъ промышленникъ сѣвернаго края и въ настоящую минуту ведетъ свои лѣсные промыслы тѣмъ порядкомъ, который достался ему отъ глубокой древности и былъ нѣкогда господствующимъ и повсемѣстнымъ во всей этой равнинѣ, называемой Русскою Землею. Когда спрашиваешь поселянъ въ Архангельской губерніи, чѣмъ вы промышляете? то, по разсказу г. Максимова (Годъ на Сѣверѣ, II, 348) въ каждомъ селеніи получаешь одинъ отвѣтъ: „Да путики кладемъ, птицу ловимъ, звѣря бьемъ по этимъ путикамъ."

„Путики, говоритъ г. Максимовъ,—это лѣсныя тропы, которыми изпрорѣзаны всѣ тамошніе тайболы и лѣса. Путикъ прокладываетъ себѣ всякій мужикъ, которому припадетъ только охота къ лѣсному промыслу. У старательнаго и домовитаго промышленника такихъ путиковъ проложено до десятка и рѣдкій изъ нихъ не тянется на 40, на 50 верстъ; нѣкоторые заводятъ свои тропы и гораздо на большее пространство. Путикъ этотъ прокладывается просто: идетъ мужикъ съ топоромъ, обрубаетъ более бойкія и частыя вѣтви, чтобы не мѣшали онѣ свободному проходу; въ намѣченныхъ по примѣтамъ и исконному правилу мѣстахъ вѣшаетъ онъ по вѣтвямъ силки для птицъ, прилаживаетъ у кореньевъ западни для звѣря. И такъ примѣтался, такъ пріобыкъ въ долгомъ опытѣ и приглядкѣ къ дѣлу каждый изъ охотниковъ, что онъ уже твердо помнитъ и подробно знаетъ свою тропу и ни зачто не перемѣшаетъ свои путики съ чужими. Вѣрный исконному обычаю и прирожденному чувству пониманія чести и уваженія къ чужой собственности, онъ и подумать не смѣетъ осматривать, а тѣмъ паче обирать чужіе путики, хотябы они тысячу разъ пересѣкли его путикъ."

Самое слово путь въ той сторонѣ имѣетъ значеніе промысла: идти въ пути—значитъ идти на промыслы. И въ 16 вѣкѣ упоминаются эти путики; ихъ называли пас-

ными (на звѣря) и силовыми (на птицу) [1]. Это показываетъ только, что съ незапамятныхъ временъ они существуютъ въ промысловой жизни нашего сѣвера неизмѣнно. Они теперь сохранились только въ глухихъ сѣверныхъ краяхъ, куда еще мало достигаетъ новая промышленная жизнь. Но было время, когда по всей нашей землѣ другаго способа устроивать себѣ промыслы не существовало. За птицею и звѣремъ, за пчелою и даже за пашнею и сѣнокосомъ надо было ходить, дѣлать пути въ тѣ или другія стороны, прокладывая или еще вѣрнѣе продирая собственными усиліями путь-дорогу.

Дорога эта вырубалась топоромъ, не только какъ телѣжникъ, путь колесный, который необходимо было имѣть для проѣзда на пашни и сѣнокосы, но также какъ путь-тропа, пролагаемая только для пѣшаго ходу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ топоръ на право и на лѣво тесалъ потесы и клалъ грани и знаменья, какъ напр. въ бортныхъ ухожаяхъ, на пути за пчелами. Чтобы обозначить предѣлы своего владѣнья, свои пути и межи, въ старину выражались такъ: куда топоръ ходилъ.

Топоромъ каждая деревня прорубала и зарубала себѣ право собственности на окрестную землю. Самыя межи клались не на землѣ, а вырубались топоромъ же на деревьяхъ. Земляная межа всегда шла только живыми урочищами въ родѣ рѣчекъ, овраговъ, болотъ, ржавцевъ, мховъ и т. п. Но какъ скоро она теряла живое урочище, то переходила на дерево и уже одно дерево представляло для нея единственный предметъ для межеваго признака, поэтому такая межа всегда отводилась отъ одного дерева до другаго, „отъ дуба или сосны на березу, а на березѣ грань, да на липу, да на двѣ ели, да на вязъ, а на нихъ грани; да на три ели—выросли изъ одного корени; да на двѣ осины, да на березу на виловатую, да къ кроковястому вязу, да къ двумъ вольхамъ—изъ одного корени выросли“, и т. д.

Такіе путики могли принадлежать одной деревнѣ, одному поселку, но иные, болѣе пространные и значительные, могли принадлежать и всей волости, т. е. всему союзу родовыхъ поселковъ. Въ извѣстное ухожье могла ходить вся округа,

---

[1] Акты юридическіе, № 358.

какъ въ общее для всѣхъ владѣнье, каковымъ напр. были неизмѣримый лѣсной островъ, или озеро, или воды большой рѣки, и т. п. Естественно, что такіе обширные ухожья и пути должны были принадлежать уже волостному городку, какъ главному узлу волости и власти.

Первобытное деревенское понятіе о пути, какъ о дорогѣ промысла или всякаго дохода, легло въ основаніе и городовой дѣятельности.

Въ послѣдствіи городъ, какъ военная дружина, сталъ называть путемъ всякій военный походъ, и разумѣется всякую дорогу въ завоеванную страну, по которой собиралась дань и другіе поборы.

Какъ деревня, ходя по своимъ путямъ, являлась промышленникомъ звѣря, пчелы, рыбы и т. п., такъ и городокъ становился промышленникомъ людскихъ поселковъ и чужихъ волостей и даже городовъ, которыми овладѣвалъ для собиранія дани.

Какъ въ деревнѣ дѣйствовалъ топоръ селянина-пахаря, птицелова, звѣролова и пр., зарубая и прорубая себѣ путики, такъ и въ городѣ его военная дружина зарубала и прорубала себѣ пути для своихъ промысловъ мечемъ. Дружинный бытъ въ этомъ отношеніи новаго ничего принести не могъ; онъ, народившись постепенно изъ развитія земскихъ же силъ, употребилъ въ дѣло тѣже искони-вѣчные способы устроивать свой промыслъ, какіе по всей землѣ существовали съ незапамятнаго времени.

Какъ деревенскій промышленникъ съ своимъ топоромъ, такъ и самъ свѣтлый князь или свѣтлый бояринъ съ своимъ мечемъ ходили, лезли въ свои пути, и на право и на лѣво зарубали свои права на землю, добытую, належенную трудомъ великимъ. Отцы—піонеры пролагали эти пути, дѣти и внуки держали ихъ, какъ отчину и дѣдину, какъ родовую собственность. Если поселянинъ отмѣчалъ свое право на землю указаніемъ, куда плугъ, соха ходили, куда коса ходила, куда топоръ ходилъ, то князь, голова дружинная, точно также могъ указывать на свое право указаніемъ, куда мечь ходилъ.

Каждый городъ, подобно деревнѣ распространялъ свои пути во всѣ стороны и зарубалъ себѣ собственный округъ, отчего и границы такого округа прозывались рубежомъ.

Вотъ почему самыя дѣла нашихъ первыхъ князей, весь порядокъ этихъ дѣлъ, представляли въ сущности только новый шагъ, новую ступень въ развитіи старыхъ земскихъ промышленныхъ отношеній. Князья, какъ способная дружина, только способствовали городамъ распространить новый промыслъ даней, оброковъ, уроковъ. Они ничѣмъ не отличались отъ простыхъ промышленниковъ: также ходили на ловы не для потѣхи, а именно для промысла; сами собирали полюдье, дани, дары, уроки, оброки; сами оберегали Днѣпровскіе караваны купцовъ-гречниковъ, и т. д. Вообще существенная роль князя состояла въ томъ, что онъ былъ первый работникъ и хозяинъ своего города и своей волости или области и всей своей Земли. Стихія хозяйскаго дѣла была основаніемъ его быта, какъ стихія военнаго дѣла была только охраною и поддержкою этого быта.

Переходъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и завоевательное случался конечно у тѣхъ городковъ, гдѣ по выгодамъ мѣстоположенія накоплялось больше народонаселенія и сходилась болѣе сильная многочисленная и отважная дружина.

Если въ первое время отдѣльные роды очень часто жили во враждѣ, воевали другъ съ другомъ, то воюя, они необходимо должны были завоевывать другъ у друга и земли, и волости, и самые города, и всякія угодья. Осиливалъ конечно тотъ, у кого было больше силы, а бо́льшую силу возможно было имѣть только въ храброй и многочисленной дружинѣ. Поэтому, гдѣ накоплялось много дружины, тамъ и городокъ становился сильнымъ и опаснымъ сосѣдомъ для другихъ городковъ, и въ немъ сами собою возникали уже завоевательные помыслы, ибо дружина жила именно промысломъ войны.

Само собою также разумѣется, что дружина особенно могла скопляться на бойкихъ перекрестныхъ мѣстахъ, черезъ которыя протягивались торговыя и промышленныя дороги, куда поэтому сходились люди отъ разныхъ сторонъ и разные люди.

Вотъ по какой причинѣ важнѣйшими владѣтельными городами первыхъ Русскихъ племенъ оказываются тѣ, которые стоятъ на великихъ распутіяхъ, какъ Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Новгородъ, Ладога и пр. Несомнѣнно, что и эти города въ началѣ были простыми родовыми го-

родками, какъ лѣтописецъ засвидѣтельствовалъ о Кіевѣ. Причины, почему именно эти, а не какіе либо близлежащіе городки получили перевѣсъ, скрываются больше всего въ топографическихъ свойствахъ ихъ мѣстности, особенно способной къ скопленію людей по угодьямъ жизни.

Съ теченіемъ времени колесо счастья поворачивалось и иные города могли приходить въ упадокъ или отъ собственнаго безсилья или отъ завоеванія болѣе сильнымъ сосѣдомъ.

Но какъ бы ни было, а къ началу нашей исторіи сложилось нѣсколько городовъ, которые владѣли уже большими волостями одноплеменнаго населенія, были уже главными городами цѣлыхъ племенъ. Объединить своею властью изъ разрозненныхъ родовъ цѣлое племя эти города иначе не могли, какъ послѣ борьбы съ отдѣльными волостями, послѣ завоеваній и покореній мелкихъ городковъ. Намъ кажется, что этой цѣли они достигали посредствомъ военнаго промысла, который въ сущности ничѣмъ не отличался отъ другой промышленности тѣхъ вѣковъ. Такіе города, подобно деревнямъ, могли пролагать свои пути очень далеко. Новгородъ собиралъ дань не только съ приморскихъ земель Бѣлаго моря, но съ Печерскаго и съ Югорскаго Края.

Для проложенія и укрѣпленія подобныхъ путей, владѣтельный городъ употреблялъ рубежи и знаменья своего рода. Это были новые городки, которые онъ строилъ по всѣмъ направленіямъ своихъ промышленныхъ дорогъ, особенно по теченію рѣкъ. Вотъ новая причина, объясняющая существованіе многочисленныхъ земляныхъ окоповъ.

Вмѣсто догадокъ, какъ это могло происходить, обратимся къ позднѣйшему времени и посмотримъ, какимъ образомъ, спустя 600 лѣтъ, таже самая Русь, скопившаяся теперь въ Москвѣ, собирала свои дани у Сибирскихъ инородцевъ, покореніе которыхъ изъ Москвы шло шагъ за шагомъ точно также, какъ изъ Кіева и Новгорода шло покореніе Славянскихъ и другихъ племенъ по всему сѣверовостоку. Свидѣтельства о Московскихъ порядкахъ собиранія даней не подлежатъ и малѣйшему сомнѣнію, потому что находятся въ оффиціальной перепискѣ правительства. Что они вполнѣ приложимы и къ Варяжскимъ временамъ, въ этомъ тоже сомнѣваться нѣтъ основаній. Въ исторіи, какъ и въ жизни отдѣль-

наго человѣка, одинаковыя цѣли и одинаковыя обстоятельства всегда и повсюду пораждаютъ одинаковый способъ дѣйствій, одинаковыя отношенія и весьма сходныя черты даже въ мелкихъ подробностяхъ. Царь Иванъ Вас., посылая въ Югорскую землю собирать дань по соболю съ человѣка, писалъ тамошнему князю и всѣмъ людямъ Сорыкитскія Земли, чтобъ собрали дань сполна, и прибавлялъ: „а мы васъ ради жаловать и отъ сторонъ беречь, подъ своею рукою держать, а не сберете нашей дани и мнѣ на васъ послать свою рать и вострую саблю...“ Эти рѣчи по своему смыслу такъ древни, что ихъ безъ ошибки можно относить къ самымъ отдаленнымъ временамъ. Такъ несомнѣнно говорилъ еще Олегъ, покоряя Кіеву сосѣднія Славянскія племена. Въ слѣдъ за этими рѣчами царь Иванъ Васильевичь наказывалъ провожать посланныхъ имъ данщиковъ Югорскимъ князьямъ съ Югричами, людямъ добрымъ, отъ городка до городка и отъ людей до людей...

Когда по слѣдамъ Ермака Тимоѳеевича Русскіе вошли хозяевами въ Сибирскія пустыни, то первымъ ихъ дѣломъ во всѣхъ случаяхъ было построеніе городовъ и городковъ [1], для чего изыскивались угожія мѣста, преимущественно на устьяхъ рѣкъ, на высокихъ крутоярахъ, чтобъ мѣсто было крѣпко, чтобъ никакъ влеэть было невозможно, а къ тому, чтобъ мѣсто было рыбно, была бы и пашенка небольшая и много луговъ для пастьбы скота и коней. При этомъ города и городки ставились всегда въ срединѣ волостей и землицъ, съ которыхъ собирались дани, самое большое—дней на 10 ѣзды до границъ волости или до послѣдняго селенія, платившаго городку дань; но больше всего старались устроивать городки въ такихъ мѣстахъ, чтобы инородческіе поселки на-

---

[1] Первый городокъ, построенный въ Сибири русскими ратными людьми (въ 1585 г.), называется Остяками Рушъ-вашъ, что значитъ Русскій городокъ (Миллера: Описаніе Сибирскаго царства, стр. 198). Онъ былъ поставленъ случайно, только для зимовья русскому отряду, въ 100 человѣкъ, проплывшему по Иртышу въ Обь. Здѣсь, на сѣверовосточномъ берегу Оби, противъ устья Иртыша и сооружена была эта первая крѣпостца, выдержавшая тогда же со славою значительную осаду отъ инородцевъ. Имя Рушъ-вашъ сходствуетъ съ именемъ самаго сѣвернаго селенія на островѣ Рюгенѣ—Russevase. См. стр. 172. Славянское весь, vâs по Краински, значитъ село, деревня.

ходились въ пяти, въ двухъ, въ одномъ днищѣ отъ города, или еще ближе. Днище пути заключало въ себѣ 20—25 верстъ.

Городъ рубили всею ратью по раскладкѣ, назначая бревенъ по 5 на человѣка. Мѣстныхъ чужеродцевъ, если они были подручны, тоже заставляли рубить бревенъ по 15 или по 10, смотря по ихъ средствамъ и усердію. Такихъ работниковъ съ топорами собирали съ трехъ луковъ по человѣку. Но сперва отъ нихъ ото всѣхъ очень береглись, указывая имъ только рубить и привозить лѣсъ, а потомъ отправляли ихъ скорѣе по домамъ. Къ городовому дѣлу никого изъ чужихъ не допускали, изъ боязни, чтобъ не смѣтили сколько всего пришло къ нимъ ратныхъ Русскихъ людей, потому что Русская рать въ такихъ случаяхъ вообще бывала не очень значительна. На первыхъ порахъ съ чужеродцами предписывалось обращаться съ большою ласкою, велѣно было примолвливать и обнадеживать ихъ всячески, что будутъ съ ними жить дружно, чтобъ жили они спокойно по своимъ мѣстамъ и въ городъ приходили бы, какъ къ себѣ домой; но въ тоже время велѣно было держать себя противъ нихъ съ большою осторожностью, какъ вообще противъ враговъ.

Городъ, то есть деревянныя стѣны, ставился съ воротами и башнями, и смотря по мѣстоположенію укрѣплялся кромѣ того острогомъ (острымъ тыномъ), надолбами, рвами и во рвахъ честикомъ. Въ тоже время изъ всей рати по вольному голосу избирались охотники, кто хотѣлъ остаться въ городѣ жить навсегда въ жильцахъ. Изъ стороннихъ прибирали вообще гулящихъ людей, и отнюдь не снимали съ мѣста хлѣбопашцевъ. Изъ такихъ вольныхъ людей устроивалась городовая дружина, напр. человѣкъ 50 конныхъ и человѣкъ сто пѣшихъ казаковъ и стрѣльцовъ. У казаковъ былъ главнымъ атаманъ, у стрѣльцовъ сотникъ. Оба вмѣстѣ они и управляли дружиною. Иногда надо всею дружиною правилъ Стрѣлецкій Голова. Въ иныхъ, болѣе значительныхъ городахъ воеводство поручалось Сыну Боярскому. Вообще въ начальные избирались люди добрые и смышленые. Въ ихъ рукахъ сосредоточивалось все существо самого города: первое — судъ и управа надъ подвластнымъ населеніемъ; второе — защита населенія отъ враговъ; третье — сборъ дани, отыскиваніе новыхъ даней, новыхъ волостей и зем-

лицъ для приведенія ихъ подъ государеву высокую руку. Всѣмъ дружинникамъ-горожанамъ раздавались подгородныя земли и угодья съ наказомъ, чтобъ впередъ всякой былъ хлѣбопашецъ, для того, чтобъ городъ самъ могъ кормить себя, ибо привозъ запасовъ изъ Руси былъ дѣломъ весьма затруднительнымъ.

Въ городкѣ иногда жили очень тѣсно. Такъ, въ Нарымскомъ Острогѣ въ 1611 г. порожняго мѣста небыло и съ сажень: берегъ надъ рѣкою отмывала вода, а подвинуться въ поле было не куда, кругомъ лежали болота и мхи (трясины).

Обыкновенная и прямая служба радовой городовой дружины заключалась въ собираніи даней, разныхъ дорогихъ мѣховъ: соболей, лисицъ, бобровъ, песцовъ, куницъ, горностаевъ, бѣлокъ. Для этого зимою она ѣздила небольшими станицами, человѣкъ въ 20—40, по инородческимъ городкамъ, волостямъ и землицамъ, такъ далеко, какъ только возможно было въ зимній путь доѣзжать изъ города съ оборотомъ назадъ. Такимъ образомъ городовой данничій путь или округъ опредѣлялся самъ собою соотвѣтственно мѣстнымъ топографическимъ удобствамъ проѣзда. Онъ, какъ подвластная земля, составлялъ особый присудъ того города, который распространялъ въ немъ свою власть.

Сборъ дани, хотя быть можетъ и былъ прибыленъ для ходаковъ, но вообще онъ сопровождался большими лишеніями. Люди терпѣли стужу и всякую нужу, иной разъ помирали отъ голоду, потому что враждующіе данники не давали имъ ничего и всячески стѣсняли ихъ пребываніе въ своихъ мѣстахъ. Малыми отрядами ходить было очень опасно, ихъ побивали безъ остатка. По большей части дань собиралась, какъ сказано, зимою, когда нерѣдко ходили на лыжахъ и нартахъ. Но были такія мѣстности, куда именно зимою пройдти было невозможно, иные люди жили „въ крѣпостяхъ великихъ, осенью болота ихъ обошли и зыбели великіе и ржавцы, и зимою снѣга великіе", поэтому пройдти къ нимъ возможно бывало только въ срединѣ лѣта.

Очень важно было собрать первую дань. Тутъ кромѣ военной силы нужно было особое умѣнье и ловкость, дабы употребить эту силу во-время и кстати, ибо во всякомъ случаѣ дѣло было опасное.

Очень нерѣдко случалось, что данники не повиновались и не только не платили дани, но и приходили воевать на городъ.

Тогда городовая дружина усмиряла ихъ, приводила снова подъ высокую царскую руку, а чтобы дань была впередъ крѣпка и вѣрна, отбирала у нихъ заложниковъ, по древнему талей, изъ лучшихъ людей, которые до времени и содержались въ городѣ и по просьбѣ отпускались иногда домой, но неиначе, какъ поставивъ вмѣсто себя новыхъ вѣрныхъ заложниковъ. Кромѣ того городъ вообще крѣпко сторожилъ и оберегалъ свои подданныя волости отъ стороннихъ враговъ, для чего дружина, проѣзжія станицы, человѣкъ по 20, по 30 и по 40, постоянно объѣзжали свои владѣнья, оставаясь иногда въ опасныхъ мѣстностяхъ на житьѣ у данниковъ для ихъ береженья все лѣто. Въ самомъ городѣ необходимо было держать безпрестанный караулъ у воротъ и по стѣнамъ, а также и отъѣзжій караулъ вблизи города, на заставахъ и на высокихъ мѣстахъ, чтобы, какъ по телеграфу, давать вѣсть объ опасности. Когда городъ былъ силенъ и охрана по всему округу крѣпка, а судъ и управа правдивы, то данники сами привозили дань въ городъ и начиналась даже и торговля скóтомъ и припасами. Ласка, привѣтъ и кроткое обращеніе съ данниками дѣйствительно всегда дѣлали ихъ друзьями завоевателей. Но всякое насилье и обида со стороны города, почти никогда не проходили даромъ и поднимали все населеніе. Однажды въ Томской городъ пришла жена одного Киргизскаго князька бить челомъ, чтобъ Киргизскимъ людямъ быть подъ высокою царскою рукою. Вмѣсто того, чтобы ее обласкать и одарить, чѣмъ возможно, Томскіе стрѣлецкіе головы сняли съ нея грабежомъ соболью шубу. За эту шубу Киргизы поднялись и жестоко отомстили, не самому городу, къ которому придти боялись, а его подвластнымъ вѣрнымъ данникамъ, то есть всему окрестному населенію, что было все одно. Съ той поры и покорить Киргизовъ стало невозможно.

Въ иныхъ случаяхъ сами же данники предупреждали объ опасности. Въ 1605 г. въ Кетцкой острогъ пришла жена одного Остяка и объявила, что ея мужъ и всѣ Кетцкіе люди умышляютъ на острогъ и хотятъ его взять и сжечь, а служилыхъ людей всѣхъ побить. Дѣйствительно открылось, что всѣ данники Кетцкаго острога и города Томска хотѣли забунтовать и успѣли уже побить человѣкъ 10 изъ сборщиковъ дани, но благодаря этой Остячкѣ, коноводы и въ томъ

числѣ ея мужъ были схвачены, пытаны, наказаны и опасность миновала.

Любопытно, что женщины являются и ходатаями—послами, и предателями своихъ же родныхъ людей. Въ иныхъ случаяхъ жены князьковъ, вмѣсто нихъ, привозили Русскимъ собранную дань, особенно когда требовалось при этомъ попросить о какой либо льготѣ. Необходимо предполагать, что и въ глубокой древности женщины вообще бывали благосклоннѣе къ завоевателямъ и больше своихъ мужей способствовали распространенію дружескихъ связей и мирныхъ сношеній.

Обыкновенная забота города въ томъ и состояла, чтобы развести съ инородцами торгъ, завязать съ ними дружбу и постоянныя сношенія, особенно съ ихъ старшими и начальными людьми. Съ этою цѣлью лучшіе данники, особенно князьки, привлекались въ городъ государевымъ жалованьемъ, которое изъявлялось большею частію въ подаркахъ цвѣтнымъ сукномъ или суконнымъ платьемъ, особенно красныхъ цвѣтовъ, до чего инородцы были большіе охотники. Приходя въ городъ къ этому государеву жалованью, инородцы по обычаю приносили и съ своей стороны подарки-поминки, конечно, дорогими мѣхами. Это было прибавкою и подспорьемъ къ установленной дани.

Другая не малая забота города, какъ мы говорили, заключалась въ томъ, чтобы развести возлѣ себя пашню. Съ этою цѣлью городокъ приманивалъ къ земледѣлію окрестныхъ инородцевъ и прямо имъ объявлялъ, что они должны платить дань однимъ только хлѣбомъ, что ничего другаго, никакихъ соболей, кромѣ хлѣба, съ нихъ не возьмутъ. Это былъ самый дѣйствительный способъ распространить хлѣбопашество и въ инородческомъ быту.

Таковы были порядки завоеванія или покоренія Сибири. Они и въ общихъ чертахъ, и въ своихъ мелкихъ подробностяхъ въ полной мѣрѣ могутъ обрисовывать старину 9 и 10 вѣка, ибо Москва 16 вѣка по существу своей роли продолжала тоже самое дѣло, какое началось въ 9 вѣкѣ въ Кіевѣ.

Покореніе Сибири было въ сущности продолженіемъ того движенія восточныхъ Славянъ къ сѣверо-востоку, которое началось не на памяти Исторіи. Мы видѣли, что еще Геро-

дотъ упоминаетъ о переселеніи Славянъ-Невровъ въ Мордовскую сторону Будиновъ. Черезъ тысячу триста лѣтъ, въ половинѣ 9 вѣка, потомки этихъ Невровъ владѣли уже всею страною верхней Волги, простирая свои пути вѣроятно и дальше по направленію къ Бѣлому морю и къ Уральскимъ горамъ.

Это было естественное и такъ сказать растительное распространеніе Славянскаго племени по землямъ и странамъ, въ которыхъ оно искало необходимыхъ средствъ жизни, добывая пушной товаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ прокладывая дорогу орудіямъ земледѣльца, труду пахаря и всякимъ потребностямъ осѣдлаго быта.

Само собою разумѣется, что городокъ въ этомъ случаѣ игралъ самую значительную роль, а городовой промыслъ за данями съ инородцевъ составлялъ существенную силу для распространенія между ними извѣстной степени культуры. Городокъ, какъ военная дружина, конечно, работалъ больше всего мечемъ. Но надо замѣтить, что и самый мечь въ русскихъ рукахъ всегда оставался въ предѣлахъ, какіе ему указывала жизнь промышленника. Онъ былъ только пособникомъ въ промыслѣ и потому, какъ скоро его дѣло оканчивалось, начиналось обычное и настоящее дѣло, т. е. устройство порядка въ даняхъ, устройство торговыхъ сношеній, и разведеніе по удобнымъ мѣстамъ хотя небольшой пашенки, ибо питаться однимъ звѣремъ или рыбою безъ батюшки-хлѣба не могъ Русскій человѣкъ. Впрочемъ городовой промыслъ меча, если иногда заходилъ очень далеко въ насиліяхъ, очень нерѣдко подвергался опасности и самому погибнуть отъ такого же меча. Обыкновенно инородческая земля вставала поголовно и раздѣлывалась по-свойски не только съ волками-рядовыми промышленниками, но и съ волками-князьями.

Больше всего промышленникъ, и меньше всего завоеватель, русскій человѣкъ очень хорошо цѣнилъ такіе уроки и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы жить съ покоренными въ ладу, въ покоѣ и тишинѣ. Свою ошибку или временное дружинное неистовство онъ тотчасъ старался исправить водвореніемъ подходящаго порядка, устава, закона. Конечно, тоже самое происходило во всѣхъ странахъ, во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, но у Русскаго это происходило съ про-

мышленнымъ разсудкомъ, съ промышленнымъ вниманіемъ къ обстоятельствамъ времени и мѣста. Онъ не останавливался на одномъ, на чемъ обыкновенно останавливались прямые завоеватели, чтобы постоянно только грабить подвластное племя; онъ конечно жестоко наказывалъ непокорныхъ, но какъ скоро покоренные жили тихо, то заводилъ съ ними дружбу и побратимство, вовсе не думая, что это какое либо низшее племя, недостойное со стороны завоевателя человѣческаго обхожденія. Въ своихъ завоеваніяхъ онъ никогда не былъ германцемъ-феодаломъ и никакъ не могъ вмѣстить въ свой умъ понятій такъ называемыхъ аристократическихъ. Пропитанный чувствами родства, онъ всякую дикую народность понималъ только какъ малосмысленнаго ребенка, какъ роднаго себѣ, и обращался съ нею по своимъ же прирожденнымъ идеямъ родства, и отнюдь не по идеямъ господства. Русская историческая жизнь началась промысломъ и торгомъ. Никакого исключительно военнаго сѣмени въ ней нигдѣ не лежало. Ея военное дѣло все устремлялось только на подпору промышленныхъ и торговыхъ цѣлей. Военное дѣло только прочищало дороги для этихъ цѣлей, о чемъ очень заботились еще русскіе богатыри, эти первоначальные строители русской исторической жизни. Но и богатырь, какъ военная сила, во всѣхъ случаяхъ являлся только слугою Земли, исполнялъ только то дѣло, котораго требовало Земля, которое становилось необходимостью для Земли. Въ послѣдствіи, задачи и идеи древнѣйшаго богатырства сами собою легли въ основаніе государственныхъ стремленій, сдѣлались первою доблестью князей, а потомъ первою добродѣтелью государей самодержцевъ.

Вотъ почему и Русское государство, какъ непосредственное созданіе самого народа, во всѣхъ своихъ завоеваніяхъ новыхъ странъ и земель обыкновенно только оканчивало давно начатое народное дѣло. Оно шло всегда только по слѣдамъ промышленника, который первый открывалъ путь и первый указывалъ самые способы, какъ занять новую страну и какъ устроиться съ ея разселеніемъ. Еще прежде, чѣмъ государственная власть узнавала о существованіи какой либо новой земли, способной платить дань, промышленникъ уже собиралъ тамъ дань, строилъ своими средствами городки и независимо ни отъ кого укрѣплялъ свои связи съ ди-

кимъ населеніемъ. Такъ поступали напр. около 1600 г. Пустозерцы, Вымичи и многихъ другихъ городовъ торговые люди, которые брали дань съ Самояди, ставили и содержали въ ея землѣ свои городки, вели съ ней торговлю и не сказывали, какою дорогою туда ходили. Въ это время существовало въ Москвѣ крѣпкое государство, которое старалось всѣ подобныя дѣла переводить изъ частныхъ рукъ въ свои государственныя руки, а потому, объявляя себя настоящимъ законнымъ покровителемъ и защитникомъ новопокоренной народности, признавало подобныя дѣйствія торговыхъ людей, какъ частныя, незаконными, воровскими.

Но Пустозерцы и Вымичи въ 16 столѣтіи дѣйствовали точно также, какъ дѣйствовалъ въ 9 вѣкѣ и нѣсколькими вѣками раньше Новгородъ, какъ въ послѣдствіи дѣйствовала его же колонія — Двинская земля, потомъ Устюгъ, Вятка и всѣ другіе Сѣверные города. И сама Москва, стремясь забрать всякую дань въ свои руки, дѣйствовала точно также, какъ въ свое время дѣйствовали Кіевскіе князья, переводя частное дѣло въ свои княжескіе руки, въ свой стольный городъ.

Само собою разумѣется, что только въ этихъ княжескихъ и государевыхъ рукахъ, при военной силѣ, всякіе поборы и дани могли получать если не болѣе правильное, то наиболѣе крѣпкое устройство. Государство въ этомъ отношеніи только собирало частныя единичныя предпріятія въ свои общія всенародныя руки, и въ сущности было такимъ же промышленникомъ новыхъ даней, какимъ въ древнѣйшее время являлся каждый малый городокъ и большой городъ. Дани имѣютъ государственное значеніе; на нихъ выросло государство. Но въ первое время онѣ были простою частною промышленностью городовой дружины, ея обычнымъ способомъ добывать себѣ и своему городу необходимое кормленье. Повторимъ еще разъ, что какъ изъ деревень простой промышленникъ за звѣремъ, за пчелою, за птицею, дѣлалъ въ глухой сторонѣ свои пути, которые потомъ становились его не прикосновенною собственностью, такъ точно и князья изъ городовъ дѣлали свои пути за чужими волостями и городами, за инородческими землицами, которыя становились собственностью ихъ княжескихъ стольныхъ городовъ.

Особому распространенію и развитію первыхъ городовъ, какъ мы говорили, очень способствовала разнородность и смѣсь населенія, приходившаго къ городу подъ защиту или приходившаго къ нему на службу для его защиты. То, что говоритъ Титмаръ о Кіевѣ 11 вѣка, что это былъ притонъ всякихъ людей, особенно изъ бѣглецовъ-иноземцевъ, которыхъ онъ обозначаетъ Данами, то есть вообще Скандинавами или балтійскими Поморянами, это самое въ Кіевѣ, какъ и въ Новгородѣ, могло существовать съ незапамятныхъ временъ. Несомнѣнно, что эта смѣсь населенія послужила первою основою особой силы и особаго могущества этихъ двухъ городовъ, стоявшихъ на распутіяхъ большой дороги и потому скоро сдѣлавшихся хозяевами многочисленнаго русскаго Городства, на сѣверѣ и на югѣ.

Для города, который своимъ промысломъ и торгомъ пріобрѣталъ силу, выступалъ впередъ, и подчинялъ себѣ все окрестное населеніе, каждый новый пришлецъ былъ гостемъ очень надобнымъ и очень дорогимъ, особенно, если это былъ товарищъ мечу, храбрый и отважный дружинникъ. Такихъ людей городъ необходимо отыскивалъ повсюду и съ особою ласкою растворялъ для нихъ широкія двери своей гридницы. Собрать хорошую дружину было первою задачею города, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ. Только съ храброю дружиною онъ могъ держать себя независимо, даже владычествовать надъ окрестною страною, пролагать дальше свои промышленные пути, укрѣплять и въ далекихъ мѣстахъ свои торговыя и всякія другія сношенія.

Очевидно, что когда существовали города и по свидѣтельству лѣтописи много городовъ, когда вообще существовала особая жизнь Городства съ потребностями защищать свой городъ и свою землю, пролагать дороги прямоѣзжія, очищать отъ враговъ пути далекіе, то естественно, что въ странѣ, какъ отвѣтъ на потребности Городства, необходимо существовалъ и цѣлый классъ или разрядъ людей, отдававшихъ все свое дѣло исключительно только подвигамъ земской защиты, какъ и подвигамъ всякой службы для роднаго города. Это были тѣ подвиги и тѣ люди, о которыхъ воспѣваютъ наши народныя былины и до сихъ поръ. Намъ кажется, что древняя былина вообще есть истинный свидѣтель и достовѣрная лѣтопись о томъ именно времени, когда до-историческая Рус-

ская жизнь, сложившись въ независимое другъ отъ друга Городство, проходила этотъ своеобразный путь развитія только едиными силами богатыря-дружинника и съ благодарною памятью воспѣла его, какъ могучую первородную стихію своего историческаго бытія. Въ этомъ насъ убѣждаетъ существенное содержаніе былинъ со всѣми тѣми подробностями, которыя, какъ несомнѣнныя черты глубокой древности, явно выдѣляются отъ послѣдующихъ приставокъ и наслоеній былиннаго эпоса. По всему видимо, что былины воспѣваютъ именно бытъ нашего до-историческаго Городства, бытъ первороднаго Русскаго города, который самъ олицетворенъ въ образѣ стольнаго и ласковаго князя Владиміра.

По былинамъ этотъ Владиміръ—лицо миѳическое; его идеалъ, по вѣрному замѣчанію г. Буслаева, „составился въ фантазіи народной еще въ эпоху языческую, или покрайней мѣрѣ независимо отъ христіанскихъ идей и помимо всякой мысли объ обращеніи Руси въ христіанство“. Этотъ Стольный князь Владиміръ вѣчно сидитъ дома, самъ на войну не ходитъ. Вотъ первая черта, которая обнаруживаетъ, что въ его имени рисуются больше всего понятія и представленія о самомъ городѣ, чѣмъ о какой либо личности. Извѣстно, что первая обязанность идеальнаго историческаго князя, какъ живаго дѣятеля Земли, заключалась именно въ томъ, чтобы самому не только предводительствовать войскомъ, но и первому начинать битву. Безъ князя, съ одними боярами, полки не крѣпко бились; боярина не всѣ слушали. Такимъ образомъ былинный князь-домосѣдъ не соотвѣтствуетъ идеалу историческаго князя и есть собственно идеалъ самого города. Это живой обликъ представленій и фантазій о характерѣ, о качествахъ и свойствахъ самого города, почему былина съ большою правдою именуетъ князя Владиміра стольнымъ. Домосѣдъ Стольный князь занятъ только однимъ дѣломъ: онъ вѣчно пируетъ въ свѣтлой гриднѣ съ князьями-боярами, съ могучими богатырями, съ поленицею удалою, съ гостями (купцами) богатыми и т. д. Его домъ всегда переполненъ пирующими, двери всегда отворены на-стежъ про всѣхъ. Но этотъ вѣчный пиръ какъ бы для того и открытъ, какъ бы для того и существуетъ, чтобы собирались на немъ могучіе богатыри, чтобы собиралась къ Стольному князю изъ разныхъ мѣстъ храбрая дружина. Стольный князь

созывалъ къ себѣ дружину отовсюду, „вездѣ ее ищетъ, вездѣ спрашиваетъ“: „Гой еси, Чурила Пленковичь!“ кличетъ онъ къ себѣ богатыря: „Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить, подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить“. Пріѣзжаго богатыря онъ встрѣчаетъ очень привѣтливо и радостно, всегда во время пира, потому что иначе негдѣ было и увидать Владиміра. Первый вопросъ гостю: „Отколь пріѣхалъ, отколь Богъ принесъ? Котораго города, которой земли? Гдѣ проѣзжалъ — проѣзживалъ?“ Потомъ князь спрашивалъ объ имени, о родѣ-племени, какъ зовутъ молодца по имени, какъ величаютъ по отечеству? По имени, по роду-племени, мѣсто даютъ, по отечеству жалуютъ. Каково отечество, таково и мѣсто. Въ первое мѣсто князь сажалъ въ передній уголъ, возлѣ себя; во второе—богатырское мѣсто, въ скамьѣ, супротивъ себя. Третье мѣсто—куда молодецъ самъ захочетъ сѣсть. На пріѣздѣ князь жаловалъ молодцу богатырскаго коня и давалъ обѣщаніе дарить-жаловать молодца чистымъ серебромъ, краснымъ золотомъ, скатнымъ жемчугомъ, и т. д.

Если Владиміръ Стольный князь представляется все пирующимъ, то и богатыри все совершаютъ поѣздки богатырскія, все ѣздятъ по Русской Землѣ, путемъ-дороженькою, отъ города къ городу, пролагаютъ пути прямоѣзжіе въ дебряхъ и лѣсахъ, мостятъ мосты (черезъ рѣки и по болотамъ), очищаютъ дороги отъ разбойниковъ, очищаютъ города отъ непріятелей, и такими подвигами какъ бы прокладываютъ себѣ дорогу къ ласковому солнышку Стольному князю Владиміру. Обыкновенно они ѣдутъ къ Володимеру князю на вспоможенье, на его сбереженье.

Пріѣхалъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ,
И вскричалъ онъ громкимъ голосомъ:
Ужъ ты батюшка Володиміръ Князь!
Тебѣ надоль насъ, принимаешь ли
Сильныхъ, могучихъ богатырей,
Тебѣ батюшкѣ на почесть-хвалу,
Твому граду стольному на—изберечь?...
Отвѣчаетъ батюшка Володиміръ Князь:
Да какъ мнѣ васъ не надо-то!
Я вездѣ васъ ищу, вездѣ спрашиваю....

Дружина, какъ и слѣдуетъ, наполняется разными людьми, отъ разныхъ городовъ, отъ всякихъ чиновъ или сословій.

Въ числѣ богатырей, живущихъ у Владиміра, есть братья Сбродовичи, которые своимъ именемъ прямо указываютъ, откуда они пришли; есть и мужики Заолѣшане, Залѣсскіе, изъ-за лѣсовъ.

Стольный князь Владиміръ по своимъ нравамъ и по своей обстановкѣ отнюдь не представляется самодержавнымъ государемъ. Его власть въ личномъ качествѣ вовсе незамѣтна. Она дѣйствуетъ, какъ власть общинная, именно городовая. Отношенія къ нему богатырей очень просты. Они пріѣзжаютъ къ нему, какъ къ своему брату, ничѣмъ не стѣсняясь, ведутъ себя просто, какъ у своего брата, какъ у простаго домохозяина.

Богатыри, служа князю, собираются къ нему думу думать, собираютъ дань, выхаживаютъ ее; ѣздятъ въ послахъ, выѣзжаютъ для князя на охоту и въ разныя посылки. За службу князь даетъ имъ города съ пригородами, села съ приселками, жалуетъ золотой казной и т. д. [1]

Вообще дѣятельность богатырей въ полной мѣрѣ обрисовываетъ дѣятельность первой городовой дружины, равно, какъ лицо Стольнаго князя Владиміра въ полной мѣрѣ обрисовываетъ существенныя черты первоначальнаго города, нравы и обычаи котораго конечно заключались въ томъ, чтобы ласково и хлѣбосольно принимать новаго дружинника, давать ему мѣсто соотвѣтственное его родовой и боевой славѣ или первое подлѣ князя, или богатырское противъ князя, или предоставлять ему на волю, куда самъ сѣсть захочетъ. „Кто до молодцовъ дородился, тотъ самъ себѣ мѣсто найдетъ", говаривалъ князь Владиміръ, какъ бы разумомъ самого города, открывавшаго широкія двери пріѣзжему богатырю на всякое мѣсто.

Самое даже добываніе невѣстъ Стольному Князю переноситъ насъ въ то отдаленное время городовой жизни, когда дружинникамъ дѣйствительно приходилось добывать женъ богатырскими-же подвигами.

Затѣмъ „въ отсутствіе богатырей-дружинниковъ князь представляется въ былинахъ безсильнымъ, робкимъ, трусливымъ".

---

[1] Л. Майкова: О былинахъ Владимірова цикла; г. Буслаева: Русскій богатырскій Эпосъ; г. Безсонова: Пѣсни, собран. Кирѣевскимъ; г. Миллера: Илья Муромецъ.

Это черта, также больше всего характеризующая самый городъ, но не княжескую личность. Владиміръ „труслив вообще, особенно при наступленіи враговъ; онъ тужитъ, печалится и плачетъ, когда нѣтъ у него богатыря-обороны, когда не кому съѣздить далеко въ чистое поле, попровѣдать орды великія, привести языка поганаго“.

Почему богатыри избрали своимъ средоточіемъ одинъ Кіевъ, объ этомъ они сами говорятъ въ лѣтописной повѣсти о битвѣ съ Татарами на рѣкѣ Калкѣ. Эта несчастная битва, по словамъ лѣтописи, была проиграна изъ-за гордости и величанія Русскихъ князей, которые были храбры и высокоумны и думали, что одною храбростью все сдѣлаютъ, имѣли и дружину многую и храбрую и величались ею, но погибли и погубили дружину. Въ этой битвѣ пало 70 богатырей — число, конечно, не историческое, а былинное. Повѣсть разсказываетъ, что въ то время въ городѣ Ростовѣ жилъ богатырь Александръ Поповичь; у него былъ слуга именемъ Торопъ. Служилъ тотъ богатырь великому князю Всеволоду Юрьевичу. Когда великій князь отдалъ Ростовъ сыну Константину, богатырь сталъ служить Константину, то есть по прежнему остался служить городу Ростову. Между старымъ Великимъ Ростовомъ и молодымъ городомъ Володиміромъ, гдѣ основали свой княжескій столъ Суздальскіе Великіе Князья, происходила давнишняя распря, именно за старшинство. По смерти Вел. Князя старшимъ Княземъ долженъ былъ остаться Константинъ. Однако онъ не хотѣлъ идти во Владиміръ, а полюбилъ Ростовское житье и желалъ по древнему въ Ростовѣ утвердить столъ Великаго Княженья, малый городъ Владиміръ подчинить Великому Ростову, а не Ростовъ Великій Мизинцу-Владиміру. За это непокорство сына, отецъ, Вел. Князь, еще при жизни отнялъ у него старшинство и отдалъ Владиміръ второму сыну, Юрію. Начались междоусобія. Много разъ Юрій приходилъ къ Ростову, осаждалъ городъ, желая выгнать брата, но Александръ Поповичь съ слугою Торопомъ и другіе богатыри побивали его войско въ несмѣтномъ числѣ. До сихъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, существуютъ великія могилы, насыпанныя надъ костями побитыхъ. [1] Во время этого междо-

[1] „Князь великій Юрій стояше подъ Ростовомъ, въ Пужбалѣ, а войско стояше за двѣ версты отъ Ростова, по рѣцѣ Ишнѣ, біахуть бо ся

усобія Константинъ при помощи богатырей постоянно торжествовалъ надъ Юріемъ. Въ битвѣ подъ городомъ Юрьевымъ съ Александромъ Поповичемъ былъ Тимоня, по другимъ Добрыня Золотой Поясъ. Тутъ полки Юрія были также разбиты и убитъ богатырь Юрята. Потомъ на Липицахъ убитъ другой Юрьевъ богатырь, безумный бояринъ Ратиборъ, который похвалялся наметать супротивныхъ какъ сѣдла. Однако междоусобіе окончилось миромъ. Константинъ сѣлъ на старшемъ столѣ во Владимірѣ, а потомъ и скончался, поручивъ Великое Княженье тому же брату Юрью. Увидавши такой исходъ дѣла, Александръ Поповичь сталъ помышлять о своей жизни, опасаясь, что великій князь воздастъ ему мщенье за смерть Юряты и Ратибора и другихъ многихъ изъ своей дружины, которые погибли въ битвахъ отъ богатырской руки Поповича. Подумавши такъ, посылаетъ онъ своего слугу Торопа къ другимъ богатырямъ и зоветъ ихъ къ себѣ въ городъ, „что обрытъ подъ Гремячимъ Колодеземъ, на рѣкѣ Гдѣ, тотъ сопъ (осыпь) и донынѣ стоитъ пустъ", замѣчаетъ Лѣтописецъ [1]. Тутъ богатыри собрались и сотворили такой совѣтъ: если начнутъ они служить князьямъ по разнымъ княженьямъ, то неминуемо будутъ всѣ перебиты, потому что у Князей на Руси идетъ великое неустроенье и частыя битвы. Тутъ они и положили рядъ-уговоръ, что служить имъ единому великому князю въ Матери городамъ, въ Кіевѣ. Тогда въ Кіевѣ былъ князь Мстиславъ

вмѣсто острога объ рѣку Ишню. Александръ же выходя (изъ города) многы люди великаго князя Юріа избиваше, ихже костей накладены могыли великы и до нынѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну рѣки Усіи, много бо людей бяше съ великимъ княземъ Юріемъ; а иніи побіени отъ Александра же подъ Угодичами, на Узѣ. Тѣ бо храбріи выскочивше (изъ города) на кою либо страну, обороняху градъ Ростовъ.... (Тверская Лѣтопись, стр. 337.). По раскопкамъ графа Уварова около Ростова, видно, что вблизи Пужболы, въ курганѣ найдена между прочимъ монета Оттона I (X вѣкъ). Въ другихъ близлежащихъ мѣстахъ и именно въ Городцѣ на Сарѣ найдены арабскія монеты, относящіяся къ началу 8 и до половины 9 вѣка. См. Меряне и ихъ бытъ, стр. 31, 50 и др.

[1] Не тотъ ли это городецъ, который упомянутъ на р. Сарѣ, вблизи сел. Дебола, см. предыдущее примѣчаніе. На картѣ, приложенной къ изслѣдованію графа Уварова (Меряне и ихъ бытъ), подъ нимъ обозначена рѣка Гда? Если это городецъ Александра Поповича, то судя по найденнымъ монетамъ, онъ существовалъ уже въ началѣ 8 столѣтія.

Храбрый Романовичь. И били ему челомъ всѣ тѣ великіе и храбрые богатыри и перешли служить въ Кіевъ. Мстиславъ очень гордился и хвалился новою дружиною, пока не случилась битва съ Татарами, гдѣ погибъ и самъ Мстиславъ, и Александръ Поповичь, и Добрыня Рязаничь (Тимоня) Золотой Поясъ, и всѣ 70 богатырей.

Очень явственно, что этотъ разсказъ, если и имѣетъ какое либо историческое основаніе, то въ общихъ своихъ чертахъ онъ весь взятъ изъ былинъ и рисуетъ время очень давнее, которое можетъ относиться и къ сидѣвшимъ по городамъ многочисленнымъ потомкамъ Рюрика, и къ той всякой княжьѣ, о которой поминаетъ договоръ съ Греками перваго Кіевскаго князя Олега, впервые же назвавшаго Кіевъ Матерью Русскихъ городовъ. Другія лѣтописныя показанія присвоиваютъ богатыря Александра Поповича временамъ перваго Владиміра, такъ что остается весьма сомнительнымъ, былъ ли Поповичь личностью историческою, жившею въ началѣ 13 столѣтія, или это обыкновенный богатырь старыхъ былинъ. Въ настоящемъ случаѣ для насъ очень важно то обстоятельство, что переведенная въ лѣтописное свидѣтельство древняя былина даетъ богатырю свой городъ или городокъ — осыпь, сопъ, называемый теперь обыкновенно городищемъ и городкомъ, что въ этомъ городкѣ она собираетъ богатырей на думу, гдѣ они и рѣшаютъ служить только въ Матери Русскихъ городовъ. Мелкій городокъ тянетъ къ своей матери даже и богатырскими силами. Вотъ причина, почему должны были усиливаться старѣйшіе города во всѣхъ областяхъ Русской Земли. Здѣсь же скрывается причина такъ называемаго возвышенія Москвы надъ всѣми старыми городами, какъ прежде сталъ надъ ними возвышаться мизинный Владиміръ. Мелкіе волости и города старались примыкать туда, гдѣ являлось больше силы и умѣнья жить съ хозяйскимъ разумомъ въ возможной тишинѣ и покоѣ.

На первомъ Татарскомъ побоищѣ погибли всѣ могучіе и сильные богатыри, то есть погибла вся древняя Русь съ ея богатырскимъ складомъ жизни, съ ея безчисленнымъ городствомъ и со всякою князьею, какъ политическою формою ея древнѣйшаго быта.

Созерцаніе всѣхъ Кіевскихъ былинъ конечно носитъ въ себѣ многія бытовыя подробности уже позднѣйшаго време-

ни, но въ общей основѣ своей пѣсни оно изображаетъ время очень отдаленное, когда въ дѣйствительности по Русской Землѣ разъѣзжали могучіе люди, искавшіе дѣла и обыкновенно направлявшіе свой путь къ городамъ, гдѣ служба ихъ принималась съ радостью. Мы достаточно видѣли, что лицо ласковаго князя по своимъ бытовымъ чертамъ столько же подходитъ къ олицетворенію ласковаго города, какъ и къ живой личности, отчего и богатырь-крестьянинъ, Илья Муромецъ, по инымъ былинамъ, находится въ обидѣ отъ этого князя, враждуетъ съ нимъ, подобно тому какъ крестьянинъ всегда живалъ въ обидѣ отъ города и не мало враждовалъ съ городомъ. Олицетворенія вообще свойственны былинамъ. Если въ Идолищѣ Поганомъ, въ Соловьѣ Разбойникѣ, Змѣѣ Горынычѣ лежатъ черты бытовыхъ отношеній къ враждебнымъ силамъ дикаго степнаго сосѣда или домашняго разбоя, то почему же и въ лицѣ князя Владиміра не могутъ рисоваться черты гостепріимнаго города, которому богатырь отдавался на службу. Князь былъ корень, коиъ жизни городомъ, главный представитель города, поэтому не мудрено, если въ его обликѣ выясняются нравы и обычаи самого же города.

Мы видѣли, что стольный князь Владиміръ собиралъ дружину отовсюду, даже и по деревнямъ, вездѣ ее искалъ, вездѣ спрашивалъ. Призваніе, собираніе дружины было существеннымъ дѣломъ его жизни, ибо дружина была коренньмъ существомъ самого города.

Призваніе дружины, такимъ образомъ, составляло самое обычное и какъ бы физіологическое дѣйствіе городовой жизни. Поэтому и призваніе Варяговъ въ Новгородѣ было въ сущности самымъ простымъ и, такъ сказать, ежедневнымъ явленіемъ древней Русской жизни, которое сдѣлалось знаменитымъ только по случаю утвержденія въ Землѣ одного княжескаго рода, да и то вслѣдствіе обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ этому роду. Новгородцы уже Святославу грозили, что найдутъ себѣ князя и въ другомъ мѣстѣ.

Естественно также, что призваніе дружинника, какъ и самого князя, въ иныхъ случаяхъ могло оканчиваться изгнаніемъ, что̀ вполнѣ зависѣло отъ состава дружины, отъ раздѣленія ея на особые круги или партіи, отъ могущества одной какой либо партіи надъ всѣми другими и т. д., не

говоря о томъ, что иной дружинникъ и самый князь приходились не ко двору для всего города. Немаловажную роль въ этихъ случаяхъ играла клевета, оговоръ, наушничество, всякая сплетня, о которой воспѣваютъ и былины, говоритъ часто и самая лѣтопись.

Какъ бы ни было, но призванie дружины, а слѣдовательно и князя, изгнанie дружинника, а слѣдовательно и князя, составляли въ сущности такъ сказать простое жизненное отправленie древняго городскаго быта вообще, заключались въ самыхъ началахъ, въ природныхъ свойствахъ и порядкахъ этого быта.

Вообще намъ кажется, что богатырскiй былинный эпосъ есть вполнѣ достовѣрная историческая пѣсня о томъ складѣ Руеской жизни, который нѣкогда господствовалъ по всей Русской Землѣ и давалъ ей обликъ первородной клѣтчатки, составленной изъ племенныхъ и родовыхъ волостей, жившихъ каждая отдѣльною независимою жизнью, и руководимыхъ городовою общиною, или дружиною своего роднаго города-городка.

Если мы не послѣдуемъ въ точности за Шлецеромъ, котораго въ его взглядѣ на начало Русской Исторiи вполнѣ оправдываетъ время и состоянiе науки, если поэтому мы оставимъ въ покоѣ всѣ сужденiя о томъ-же предметѣ норманской школы и не будемъ начинать свою исторiю отъ пустаго мѣста, то легко увидимъ изъ первыхъ же и самыхъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ, каковы договоры съ Греками, что въ приходъ Рюрика въ Новгородъ и Олега въ Кiевъ Русская Земля жила именно дружиннымъ складомъ повсемѣстнаго городства, что для опредѣленiя земской власти, сидѣвшей въ этомъ городствѣ, она имѣла даже особое имя, прозывая всѣхъ городовыхъ владыкъ въ общемъ ихъ составѣ или въ общемъ ихъ характерѣ всякимъ княжьемъ, всякою княжьею. Это княжье многочисленныхъ городковъ и городовъ и составляло политическую клѣтчатку всего Русскаго первобытнаго Земства. Оно было дѣйствующею силою земли, ея знаменемъ, ея кономъ или политическимъ корнемъ, на которомъ произростали всѣ бытовыя общественныя отношенiя Земли.

Договоры съ Греками прямо ведутся отъ имени этого городства только подъ рукою главнаго города Кiева. Отъ

всякаго княжья, отъ всѣхъ Русскихъ людей, отъ всякаго города идутъ послы и гости и вмѣстѣ за одно утверждаютъ миръ, вмѣстѣ обѣщаются хранить его съ отвѣтомъ, въ случаѣ не исполненія условій, не одного Кіевскаго, но и каждаго князя и каждаго русскаго человѣка. Вотъ почему не одинъ Кіевъ, но каждый Русскій городъ, стоявшій въ союзѣ Кіева, требуетъ себѣ вклада, ибо по тѣмъ городамъ сѣдятъ князья, находящіеся только подъ рукою Кіева, этой Матери, но не господина городовъ Русскихъ. Точно также и приходящая въ Царьградъ Русь, послы и гости, получаютъ содержаніе, мѣсячное, отдѣльно и независимо по каждому городу: первое на Кіевскихъ пословъ и гостей, потомъ на Черниговскихъ, Переяславскихъ и всѣхъ прочихъ городовъ. Все это показываетъ, что каждый городъ понималъ себя особымъ, отдѣльнымъ, независимымъ существомъ, которое пользовалось одинаковыми правами и имѣло одинаковые органы для своихъ дѣйствій, какъ и главный матерой городъ Кіевъ. Именно право отдѣльнаго независимаго посольства показывало несомнѣнную самостоятельность и независимость каждаго города. Каждый съ своимъ родомъ жилъ особо, на своемъ мѣстѣ, каждый владѣлъ особо своимъ родомъ. Эти слова въ точности обозначаютъ характеръ древняго общественнаго быта и на первой его ступени, въ смыслѣ особыхъ кровныхъ родовъ, и на той ступени, гдѣ изъ родовъ образовались общины и города—дружины.

Таково было устройство Русскаго земскаго быта въ такъ называемое до-историческое время. Объ этомъ устройствѣ очень ясно свидѣтельствуетъ византійскій императоръ Маврикій (въ 6 вѣкѣ), говоря, что у Славянъ и Антовъ множество князьковъ, что Славяне и Анты живутъ вѣчно въ несогласіи: на чемъ рѣшаютъ одни, на то не соглашаются другіе; другъ другу не повинуются и не покоряются единой власти. О множествѣ князьковъ у Днѣпровскихъ обитателей Акатировъ свидѣтельствуетъ также Прискъ въ половинѣ 5 вѣка, см. выше стр. 367. Тѣже самыя свидѣтельства, короткія и незнавшія подробностей дѣла, въ полной мѣрѣ прилагаются къ нашей исторіи 12 вѣка, о которой въ точности можно сказать тоже самое, что Маврикій говорилъ о Славянахъ и Антахъ: „Никакой власти не терпятъ и другъ къ другу питаютъ ненависть.“ Но само собою ра-

зумѣется, что такой порядокъ дѣлъ долженъ восходить и дальше за предѣлы 6 и 5 вѣковъ, ибо до-историческое время тѣмъ и отличается отъ историческаго, что оно долгіе вѣка повторяетъ одно и тоже, что оно собственно есть только естественная исторія народной жизни, сложившая эту жизнь въ извѣстный образъ и повторяющая свое созданіе безъ конца, пока не выработаются въ ней какія либо иныя основы развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ земская разрозненность жизни, это господство особыхъ, отдѣльныхъ и независимыхъ ея круговъ, родовыхъ или общинныхъ—все равно, вполнѣ оправдываетъ и существованіе повсемѣстнаго городства, которое несомнѣнно и народилось въ слѣдствіе той же разрозненности и коренной потребности жить особнякомъ, независимо, не подчиняясь никакой чужой власти, что̀, конечно, выходило по прямой линіи изъ древнѣйшаго въ полномъ смыслѣ родоваго устройства народныхъ связей. Итакъ на основаніи свидѣтельствъ византійскихъ писателей, поясненныхъ договорами Олега и Игоря и подтверждаемыхъ вещественными памятниками многочисленныхъ городковъ, можно съ достовѣрностію заключить, что передъ приходомъ Рюрика Русская Земля представляла клѣтчатку Городства, представляла вполнѣ сложившееся историческое тѣло, своего рода организмъ, конечно, еще съ первородными силами и свойствами, но уже готовый и способный воспринять въ себя болѣе возвышенныя начала исторической жизни. Существенною силою и формою, и такъ сказать матеріею этого организма былъ городъ, не въ одномъ смыслѣ осыпи или окопа, но и въ смыслѣ особаго порядка, права и обычая самой жизни. Пребывая еще въ предѣлахъ естественной исторіи, все это Городство, какъ множество, какъ цѣлая клѣтчатка, вполнѣ и одинаково выражало свои идеи и свои силы въ каждой своей частицѣ или особой клѣточкѣ. Различіе заключалось только въ объемѣ этихъ клѣточекъ, то есть многочисленныхъ городковъ и городовъ, въ ихъ бо́льшей или меньшей силѣ, въ тѣхъ отношеніяхъ, кто былъ старшій, кто младшій, кто былъ матерью, кто сыномъ своей матери. Матерые города, конечно, были главными основами всей этой клѣтчатки. Но подобно тому, какъ маленькіе городки были средоточіемъ своей волости, такъ и большіе, старшіе, были средоточіемъ своей об-

ласти. И тѣ и другіе держались своею дружиною, имѣли одну и ту же задачу жизни: охранять, защищать свою волость или об—волость (цѣлый округъ волостей), получать за эту службу кормленіе и добывать, распространять кормленіе по всѣмъ сторонамъ подъ видомъ всякаго промысла и торга и особенно подъ видомъ даней, то есть поборовъ съ близкаго и далекаго населенія всего того, что люди дадутъ. Промыслъ на людей-данниковъ составлялъ первую заботу и всегдашнюю работу города или той богатырской военной общины-дружины, которая исключительно должна была жить въ городѣ. Само собою разумѣется, что такой промыслъ наиболѣе сосредоточивался въ матерыхъ городахъ, для которыхъ, уже съ самаго ихъ зарожденья, онъ являлся обычнымъ дѣломъ собирать дань-кормленье съ своихъ же родичей, младшихъ волостей и городовъ. Дальнѣйшая исторія этого городства конечно должна была создать цѣлый союзъ старшихъ матерыхъ городовъ или союзъ большихъ племенныхъ волостей-областей, болѣе или менѣе равносильныхъ между собою, вполнѣ самостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга. Въ такомъ порядкѣ земской жизни застаетъ Русскую Страну ея исторія, записанная въ лѣтопись. Но такой порядокъ не могъ создать себя даже и въ одно столѣтіе. Въ немъ очень много естественнаго и очень мало искусственнаго, а все естественное въ человѣческомъ быту выростаетъ очень медленно и содержится очень долго. Только искусство, въ родѣ нашихъ петровскихъ преобразованій, пересоздаетъ человѣка сравнительно быстро и съ тою же быстротою переводитъ его развитіе съ одной дороги на другую. Поэтому племенныя области, въ которыя пришло княжеское племя Рюрика, несомнительно существовали уже много вѣковъ и въ призваніи князей выразили только свою жизненную потребность и желаніе устроиться лучше прежняго.

Рюрикъ, такимъ образомъ, засталъ Русское историческое дѣло уже въ полномъ ходу. Недоставало только храброй дружины, которая помогла бы прочистить во всѣ стороны давнишніе пути-дороги, отнятые различными Соловьями Разбойниками и Чудищами, Идолищами Погаными, а больше всего хитростями льстиваго Грека-Византійца, очень не желавшаго имѣть по сосѣдству сильную и непокорную народность.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Ругія—Русія. Поморская Земля. Карта Помераніи XVII ст. Древняя Скиѳія въ своихъ могилахъ.

I.

РУГІЯ—РУСІЯ.

Помѣщая это старинное описаніе острова Ругена и Поморской Земли, мы имѣемъ въ виду познакомить читателей съ тѣми свѣдѣніями объ этой древнеславянской странѣ, какія ходили на западѣ Европы въ ея краткихъ и полныхъ Космографіяхъ, составлявшихъ своего рода учебники и вообще книги, издаваемыя для общеобразовательныхъ цѣлей. Съ этими же цѣлями Космографіи переводились и на русскій языкъ. Въ 17 столѣтіи ихъ появилось у насъ достаточное количество, краткихъ и полныхъ. Изъ переведенныхъ на русскій языкъ самая полная Космографія приписывается Герарду Меркатору, + 1594 г. Хотя въ ней и значится, что она написана въ градѣ Иданбуркгѣ (Дунсбургѣ), гдѣ жилъ и скончался Меркаторъ, однако это очень объемистое сочиненіе принадлежитъ повидимому его продолжателю, который значительно распространилъ и пополнилъ трудъ Меркатора, и мѣстами упоминаетъ о Меркаторѣ, какъ составителѣ сей книги.

Въ русскомъ переводѣ Космографія раздѣлена на 230 главъ. Статья о Ругіи обозначена 131 главою. Въ спискѣ, принадлежащемъ нашей библіотекѣ, вмѣсто Ругія, написано Русія, что конечно можно почитать за ошибку, такъ какъ въ другихъ извѣстныхъ намъ спискахъ такой замѣны не встрѣчается. Поэтому и наши слова, сказанныя на 174 страницѣ, что „въ геогра-

фическихъ сочиненіяхъ конца 16 вѣка островъ Рюгенъ прямо именуется Русія“, должны принадлежать также къ числу поспѣшныхъ ошибочныхъ указаній. Вездѣ островъ именуется Rugia и порусски Ругія. Тѣмъ не меньше такая описка очень свойственна Русскому говору, весьма нерѣдко измѣняющему г въ з и потомъ въ *с*. Русскіе люди въ 13 столѣтіи нѣмецкую Ригу именовали по Русски Ризою и Рызою, въ Ризѣ, Ризкій, Ризѣскій и т. п. [1]. Точно также измѣняются подобныя имена и на Варяжскомъ Поморьѣ, напр. Рогиттенъ, Рахситтенъ, Росситенъ—одинакое имя разныхъ мѣстъ Кенигсбергской Пруссіи. Произношеніе Ругія и Русія могло слѣдовательно вполнѣ зависѣть отъ мѣстнаго Славянскаго говора, какъ произношеніе Рутія и Руція отъ Романскаго говора. Впрочемъ возможность происхожденія Варяговъ-Руси съ острова Ругии не столько зависитъ отъ буквъ, сколько отъ историческаго значенія этой древнеславянской мѣстности, о которомъ вкратцѣ повѣствуетъ и предлагаемая здѣсь старинная географическая статья. [2]

Ругія островъ на мори орнетанскомъ (оріенстальскомъ) то есть восточномъ, или Свевицкомъ, а имянно называютъ Балтицкое море, отъ баралибицкой области дацкая граница. Островъ бѣловатъ, съ того острова видятъ островы Манада, (Ummantz), Гидензера (Hiddensehe), отъ западу; да отъ полудня поморскіе грады граничатъ, именемъ Барто (Bardt), Трозубъ (Stralsund), Крипсвадѣ (Gripswalde), Валгастѣ. Островъ въ древніе лѣта многимъ пространнѣе былъ, неже нынѣ. Божіею волею промыла вода сквозь той островъ и отдѣлила особно островъ Руденъ на удивленіе всѣмъ, что неподобно было тому тако статися, страшными волнами морскими и трясеніемъ земли и вѣтры великими потопило многіе домы и костелы и колоколни между Ругіею де между Руденомъ островомъ на 5 миль. Нынѣ въ томъ мѣстѣ глубина немѣрная, великіе корабли тѣмъ мѣстомъ проѣзжаютъ, а называютъ то мѣсто новой проѣздъ или корабельной проѣздъ. Въ древніе лѣта большіе корабли на

---

1 Собр. Госуд. Грам. и Договор. II, № 1; Грамоты сношеній съ Ригою и Ганзейскими городами; Полн. Собр. Р. Лѣтоп. 11, 213.

2 Свой списокъ этой статьи мы свѣряли съ рукописью той же Космографіи, принадлежавшей Ундольскому, № 703, въ Моск. Публичномъ и Румянцовскомъ Музеѣ.

широкое море и инымъ мѣстомъ проѣзжали, на западъ, а не на востокъ, проѣздъ той называли Данбеленъ; на томъ проѣздѣ дацкіе корабли потонули и нынѣ на днѣ моря видятъ корабли и опасаются тѣмъ мѣстомъ кораблями ѣздити. Островъ той весь великое море обошло; долгота и ширина того острова 7 миль, округи того острова по смѣтѣ математицкой 21 миля. Нынѣ въ правду та округлость не только многимъ островамъ и прилѣпкамъ болшимъ и меншимъ раздѣляется и естьли кто хощетъ съ прилеженіемъ смѣряти и смѣтити, 70 миль найдется; между островъковъ ширина затокъ по три мили, а менши полторы мили нѣсть; а которые корабли къ тому острову пріѣзжаютъ, отъ волнъ морскихъ шкоты бываетъ мало, пристанища угодные опасные.

На островѣ томъ хлѣба родится изобилное множество, близь града Стралзунна; како въ древніе лѣта римляномъ въ Сицыліи хлѣбородство бывало, тако и на томъ островѣ. Срабо (Страбонъ) о томъ пишетъ. Скота, то есть коней и овецъ есть по мѣрѣ; гусей въ правдѣ немѣрное множество и велми велики; волковъ и болшихъ мышей на томъ островѣ нѣсть, токмо не въ давне на прилѣпку Витовъ мыши болшіе, то есть кроты появились съ пріѣзжихъ кораблей. На островѣ томъ живали люди идолопоклонники, Рены (Раны) или Рутены имянуемые, люты, жестоки къ бою, противъ христіанъ воевали жестоко, за идоловъ своихъ стояли. Тѣ Рутены отъ жестосердія великаго едва познали послѣ всѣхъ Христіанскую вѣру. Того острова владѣтели таковы велможны, сильны, храбрые воины бывали, нетокмо противъ недруговъ своихъ отстаивалися крѣпко, но и около острова многіе грады подъ свою державу подвели, то есть Бордумъ, Гривиъмамъ, Трибесія, и воевали съ Дацкимъ королемъ и со иными поморскими князьми и съ Любскою областію воевали много, и всѣмъ окрестнымъ Государствомъ грозны и противны были. Языкъ у нихъ былъ Словенской да Виндалской (Валдалской); грамотного ученія не искатели, но и заповѣдь между собою учинили, чтобы грамотѣ не училися, токмо воинскимъ дѣламъ прилежные охотники были. Того острова Ругіи первоначальной владѣтель былъ князь Крито (Крыто), велможный той былъ владѣтель во время Поморской земли владѣтеля князя Свентыбара. Той князь Крито женился на дщери князя Свентибара 1100 года; а иные пишутъ, что той князь Крито Голштенскимъ и Дутмарскимъ княземъ былъ, градъ Любокъ завелъ. Онъ единаго времени званъ былъ въ гости и напився пьянъ и Данъ его пьянаго съ лѣсницы пихнулъ и ту смертію скончался. По смерти его тѣмъ княствомъ Ругинскимъ завладѣлъ отецъ его, князь Реце 1160 году и потомъ то Ругійское княство воевали многіе недруги до

владѣтеля ихъ, до князя Братислава до 1352 году. Того княззьства дѣдичи извелися и досталося то Ругинское государство въ державу поморскимъ княземъ, затѣмъ уговоромъ, естьли бы поморскихъ князей родъ извелся, тогда тѣ Ругискіе опять аки вольны былибы, и кого они хотятъ за владѣтеля ихъ и за Государя, того изберутъ.

О привращеніи Ругійскихъ къ вѣрѣ Христіянской хощу нѣчто мало помянути. Игелмондусъ пишетъ: во время цесарева Карла Великого сына Лодвика Пиуса 713 году были мнихи кляшторы Карденского (Нордейского) изъ Вестфали, которой поставилъ цесаря Карла Великого сынъ Лодвикъ. Тѣ мнихи на великую страсть дерзнули, поднялися тѣхъ Ругійскихъ идоложертвенниковъ отъ идолского поклоненія отводити, а къ вѣрѣ Христіянской приводити, во имя Христово и началника своего святаго мученика Вита. И помощію Божіею и святаго мученика Вита нѣкихъ идоложертвенниковъ тѣ мнихи привели было; а потомъ паки отъ вѣры Христіянской отступили и свою идолскую пріяли по прежнему и со инѣми невѣрными многими тѣхъ мниховъ всѣхъ помучили на смерть, отъ Христа отступили, а святаго Вита имя призывали во всякихъ дѣлехъ и учинили себѣ идола и нарекли того идола Святывидъ и поставили надъ нимъ божницу; а которые пріѣзжіе купцы изъ иныхъ государствъ тому идолу святому Виту честные дары лутчіе приносили и честь воздавали, и тѣхъ купцовъ Ругинскіе тамошніе жилцы съ великою честію и съ любовію пріимали и съ ними торговали. Всея тоя области или острова всѣ люди съѣзжались на поклоненіе тому идолу и жертвы приносили. Идолъ той сотворенъ по образу и по подобію человѣческому, сана изряднаго; одежда на немъ долгая, а вылитъ той болванъ изъ разныхъ рудъ, то есть изъ злата, изъ сребра, изъ мѣди, изъ олова и изъ всякихъ разныхъ; въ правой рукѣ того идола чаша изъ всякихъ же рудъ слита, кровля на ней на подобіе рогамъ, а чаша та наполнена всякихъ благовонныхъ вещей; а въ лѣвой рукѣ лукъ наложенъ съ стрѣлою. На имя того идола 300 коней было всегда готовыхъ на стойлахъ; а сверхъ всѣхъ трехсотъ единъ былъ конь, на того не садился никто; а егда противъ недруговъ своихъ лучится быти на войнѣ, и попъ ихъ, того бѣлого коня осѣдлавъ и запершися въ конюшнѣ, коня того бьетъ и томитъ, даже весь спотѣетъ, и выводитъ его изъ конюшни всего въ поту истомленнаго, и сказываетъ всѣмъ вслухъ, что Святывитъ самъ на конѣ томъ ѣздилъ противъ недруговъ Ругинскихъ на бой; и они тому идолу и паче честь воздаютъ, жертвы многія и дары честные драгоцѣнные приносятъ. Чашу, которая въ правой рукѣ того идола по вся годы попъ ихъ наполняетъ разными благовоньми вещьми и егда скончается (годъ), тогда попъ ихъ

открываетъ ту чашу и вынимаетъ изъ чаши, подносить тому идолу подъ носъ съ великимъ трепетомъ; и естьли годомъ въ чаши положеннаго убудетъ и вѡность премѣнится, тогда всѣ о томъ радуются и веселятся, надѣются, что идолъ или богъ ихъ пріялъ въ себя нѣкую часть, и мнятъ, что во весь годъ будетъ къ нимъ во всемъ милостивъ и благоподатливъ, и паки ту чашу наполняютъ полну и вдаютъ въ руку идолу по прежнему; а есть ли въ той чашѣ не убудетъ ничего и вѡность (не) премѣнится, тогда всѣ начаются на себѣ великаго гнѣва отъ того ихъ бога того году. И многія дѣйства и моленія (богомолства) тому идолу сотворяютъ и во всемъ ему вѣруютъ. Идолъ той стоялъ во градѣ Арконавитовіе; къ тому идолу съѣзжалися изъ разныхъ областей идоложертвенники на поклоненіе и приношеніе жертвъ идолскихъ, между которагo и любскіе многіе пріѣзжали. Въ томъ же градѣ три божницы были наполнены идоловъ, а надъ всѣми началнѣйшій былъ Святывитъ; а иной идолъ былъ о седми лицахъ на единой главѣ; той опоясанъ седмью сабли, а въ лѣвой рукѣ имѣлъ мечь голой. Идолъ той толстъ, и высокъ и пригожъ, называли его Мартомъ (Марсомъ), богомъ воинскимъ. Другой (въ спискѣ Ундольскаго читается такъ: Другой идолъ имѣлъ на главѣ пять лицъ безъ сабель и безъ меча, того называли Сиреніемъ. Потомъ слѣдуетъ: третій) идолъ имѣлъ на главѣ 4 лица, а пятое на персѣхъ; лѣвою рукою держался за верхъ главы, на правое колѣно приклякнулъ; того идола называли богомъ царства того; имя ему было Поренитумъ. И много бы было о тѣхъ идолахъ и о ихъ идолскихъ дѣйствахъ и болвохвастяахъ сказывати.

То безбожное идолство унялось по предъ 440 лѣтъ, а до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ вѣры Христіянской не пріяли, идолского поклоненія держалися, многое кровопролитіе отъ нихъ Христіяномъ дѣялось. 946 году архіепископъ ганбурской пытался ихъ приводити къ вѣрѣ христіянской во время державы кесаря Ендрика Укупуса (Аокупуса), потомъ 1019 году Дацкой король Зритъ (Эрикъ) тѣхъ Ругинскихъ воевалъ и осадилъ силно ихъ градъ Аркону и воевалъ ихъ силно и мужественно; и они, нестерпѣвъ его тѣсноты, просили его о миру и хотѣли вѣру Христіянскую пріяти, и король Дацкой не откладывая въ далный часъ, тойчасть велѣлъ ихъ въ морѣ крестити и погружати; и егда король отъѣхалъ, и они паки Христіянскую вѣру покинули, принялися за прежнее идолское поклоненіе и многое кровопролитіе надъ Христіаны и немилостивое мучителство чинили. Потомъ Бамберской епископъ Отто, нареченъ поморской апостолъ, училъ тѣхъ Ругинскихъ къ вѣрѣ Христіянской приводити, а Дацкому королю воевати ихъ заповѣдалъ, потому что и такъ кровопролитія Христіянскаго немало учинилось. Взялъ

ихъ епископъ на себѣ безъ войны тихостію и смиреніемъ къ вѣрѣ Христіянской приводити. Потомъ 1148 году поморской князь Ратиборъ вырядился съ Бисценскими (Барденскими), съ Гримененскими съ Требисценскими со многими разными людми тѣхъ Ругинскихъ побѣдилъ и къ вѣрѣ Христіянской привелъ и градовъ ихъ Ругинскихъ много повоевалъ и разорилъ, а Ругинскіе, паки справяся и (не) оглядаяся ни на что, и не обинуясь никого, противъ Христіянъ войною возстали. Въ то время у Ругинскихъ великая несказаемая была селдевая ловля, потомъ тѣ сельди перешли въ Дацкую землю; къ той сельдевой покупкѣ пріѣзжали изъ Бардовику купцы по вся годы въ Ругинской градъ Витовію, а съ ними былъ купецъ славенъ Христіянинъ Родишкалкъ (Годишкалкъ). Въ то время попъ идолской всѣмъ Ругинскимъ приказывалъ идолу святому Виту молитися сокрушеннымъ сердцемъ, чтобы гнѣвъ свой утолялъ и попрежнему бы милость своя явилъ. Христіанину Родишкалку попъ ихъ говорилъ, чтобы идолу ихъ святому Виту непобѣдимому жертву принесъ, и за такое словесе (слово всѣ) Христіянскіе пріѣзжіе купцы взялися, многихъ Ругинскихъ побили и потомъ нощію на корабли собрався со всѣмъ парусы поднявъ, ушли. Недолго послѣ того 1166 году Ругинскіе противъ себѣ воздвигнули войну Дацкаго короля Валдамора и великое кровопролитіе между собою чинили и болши дву годовъ та война между ими дѣялась и Дацкой король, умысля, Саского князя Гендрика Льва да князя поморскаго, да князя Мехельбурскаго на помощь призвалъ, и тѣ, собрався, въ Ругію пришли, огнемъ и мечемъ жестоко и не милостивно воевали. И Ругинскіе видя, что не въ силу имъ противу ихъ стояти, заперлися въ крѣпкіе грады въ осаду въ Арьаконій, въ Хатину (Харентину). Аркона градъ въ Ругіи крѣпокъ и строенъ на прилѣпку Витавіи, противъ полунощной страны, къ горамъ бореямъ, на высокой горѣ; прирожденіемъ мѣсто немѣрно крѣпко, отъ востоку и отъ полунощи море обошло, съ другой страны ко острову Ругинскому прилѣплено, а нынѣ все то пусто, видятъ (видѣть) издали каменные стѣны. Окрестъ того града ровъ, таковъ глубокъ, что изъ крѣпкаго лука доброй стрѣлецъ едва выстрѣлитъ изо рва. Градъ той осажденъ на день Вознесенія Христова, а взятъ на день святого Вита. (И тѣмъ мочно всякому разсмотрить и разсудить неизрѣченные судьбы Божіи и мученика святаго Вита), что тѣмъ безбожнымъ на обличеніе зловѣрства ихъ. На кого надежду свою имѣли, на идола Вита названнаго градъ взятъ. Мѣщане ароконискіе, которые изначала въ осадѣ сѣли и много бився, не могли устояти, просили мира, обѣщеваяся Христіянскую вѣру пріяти, а идола Вита сокрушити и божницу христіянскимъ богомоліемъ освятити; а плѣнниковъ

(полонениковъ) христіанскихъ ничемъ невреждены (не вредя) свободныхъ учинити; а королю Дацкому на колико лѣтъ дань давати. А егда той градъ Арконъ взятъ, тогда и Харентинъ сдался. Въ то время 3 князи Ругійскіе были, то есть Тесцлавъ, Стоуславъ, Яромиръ. Стоуславъ свою часть Яромиру брату своему поступился, и егда тѣ Ругинскіе князи вѣру Христіянскую пріяли, и который прежде крестился, за того Дацкой король Велдемаръ брата своего роднаго Канота (Канута) дщерь выдалъ за жену. Итако Аркона да Харейтина Ругинскіе грады отъ многихъ военъ опустѣли, а потомъ князи поморскіе тѣ грады до основанія разорили и подъ свою державу подвели; а чѣмъ Датцкой король завладѣлъ было, и того по совѣту и по любви поморскимъ княземъ поступился.

Въ древніе лѣта той островъ Ругія вельми былъ многолюденъ и славенъ, а нынѣ токмо тѣ грады на немъ, то есть столной градъ Берга, а въ немъ 400 дворовъ, а иные грады Сагатръ, Викъ, Бинстъ, Люра; а иные меншіе и по се время (по ся мѣстъ) есть. А воинскихъ ратныхъ людей нынѣ съ того острова 7 тысячь быти можетъ. А на прилѣпку Ясмунду, которой къ востоку лицемъ стоитъ, есть горы высокія, зело страшныя, неудобно вѣрити вышинѣ тѣхъ горъ надъ моремъ; съ тѣхъ горъ камень ломали на градовое и на иное каменное дѣло; нынѣ тѣ горы Шкубенъ-померъ (Штубенъ-комеръ). Недалече оттоль въ горахъ и въ лѣсахъ старинныя каменныя градцкія стѣны обросли великими лѣсами; нынѣ называютъ ихъ тамошнимъ языкомъ бругдали (брухдали). Оттолѣ недалече есть черное езеро глубоко и велми несказаемое множество въ немъ рыбы, сѣти прорываются. Единаго времени лучилося въ томъ езерѣ рыбу ловити и на великое чудо сѣть изъ рукъ рыболовскихъ ушла во езеро и не могли никоторыми мѣрами сѣти тоя найти; и нашелся такой человѣкъ, осмѣляся, искалъ тоя сѣти и по немаломъ времени нашелъ ту сѣть подъ высокою страшною горою и закричалъ великимъ гласомъ тамошнимъ языкомъ, „которые всѣ черти сѣть ту здѣ занесли“ и противу ему отвѣтъ отъ (изъ) воды былъ: „не всѣ черти, толко я самъ съ братомъ моимъ Венхилемъ (съ Нихелемъ).“ На островѣ томъ лѣсовъ всякихъ, къ коробелнымъ станамъ (статьямъ) и на строеніе дворовое и дровъ на всякую потребу достатокъ, а особно на прилѣпку Ясмонду, и инымъ окрестнымъ областемъ много отвозятъ; имянуется той лѣсъ Штубеница, то есть толкуется, на корабелное и на всякое дѣло въ томъ лѣсу древа угодные. Духовныхъ вотчинъ много, лѣсистые мѣста и поль разныхъ и скота не мало; тѣ даютъ началникомъ своимъ хлѣба и скота десятую часть. На томъ островѣ старинныхъ великихъ родославныхъ родовъ много, которыхъ печати свои собинные; тѣ и воинскимъ дѣламъ

учитися охочи и грамотнаго ученія тщателны; тѣ велможнымъ государемъ въ службахъ своихъ пригожаются, во всякомъ разсужденіи разсудителны воински и въ домостройныхъ дѣлѣхъ (токмо въ духовныхъ дѣлѣхъ) не вступаются. Деревенскіе люди господинамъ своимъ оброки даютъ по уговору и всякіе черные тяжелые работы дѣлаютъ.

II.

Поморская земля изначала вандалскимъ языкомъ Поморцы (Pamortzi) названа; имя имѣетъ отъ Помезана, отъ перваго прусского короля сына Овидунта, а иные глаголютъ, что именуются Поамерене, то есть толкуется Поморская земля. Нынѣ княженетцкой титулъ имѣетъ; положеніе его надъ Балтицкимъ моремъ; долгота того княжства, отъ Голстаинскихъ рубежей до Ливонскихъ протягается. Государство то вездѣ хлѣбородно, луги многіе, паствы скотомъ веселоватые, угодные, здравые; хлѣба, масла, меду, воску, конопель, льну и тѣмъ подобнымъ, всего родится множество. Нетокмо сами тѣмъ изобилуютъ, но и во иные окрестные государства отвозятъ и отсылаютъ и оттого немалую корысть и прибытокъ пріобрѣтаютъ. Тамо въ морѣ находятъ много янтарю, токмо не толико колико въ Прусѣхъ. Скота домашняго разнаго множество, такожде и въ лѣсахъ всякихъ звѣрей дикихъ много. Имѣло то Государство собинныхъ своихъ государей владѣтелей самодержавныхъ, никимъ обладаемы не были. Градовъ изрядныхъ въ томъ Государствѣ много: столной градъ того Государства Щетинъ, надъ рѣкою Одрою; въ древніе лѣта около того града бывало житіе рыбославское (такъ), а потомъ тѣ рыболовы преведены ко граду Винету и тамо размножилися. Въ немъ вѣра Христіянская. И нынѣ тамо Винеты столной же градъ. Есть градъ Крипсъ-уволдь (Gripswaldum); въ томъ градѣ ученіе книжныхъ и всякихъ мудростей отъ Бога обдаренъ; училище то поставлено 1456 году. Градъ Юлинумъ въ древніе лѣта во всей Европѣ славнѣйшій былъ, бывала столица вандалскихъ. Градъ Литролзунтъ (Стральзунтъ) славенъ, положеніе его у брега моря Балтицкого. Въ древніе лѣта тотъ Градъ имѣлъ своего собиннаго государя князя. Винета градъ всѣхъ поморскихъ градовъ славнѣе; отъ Дацкого короля Кондрата разорено. Есть иные грады, то есть Неугардія, Лембурга, Старгардія, Берградумъ, Каменецъ, Библина (Bublitz), Грифенбурга, и по брегу морскомъ Колберга, Каминумъ, Кослинумъ, Сунда, Удъка (Putzka, Pucka), Ревесолъ, Ровенъсъбургъ (Lovensburg), Гехенъ (Hechel).

III.

КАРТА ПОМЕРАНИИ XVII СТ.

Эта любопытная карта, принадлежащая нашей библіотекѣ, носитъ слѣдующее заглавіе: „Nova illustrissimi principatus Pomeraniae descriptio cum adjuncta principum Genealogia et principum veris et potiorum Urbium imaginibus et Nobilium insignibus.“ Она печатана латинскимъ шрифтомъ на 12 листахъ, въ градусѣ 15 миль. По полямъ размѣщены виды 42 городовъ и значительныхъ мѣстъ. Вверху по вѣтвямъ родословнаго древа князей изображены ихъ портреты, начиная отъ Свантибора + 1107 г. и оканчивая герцогомъ Филиппомъ II + 1618 съ сыновьями. Кромѣ того другое родословное древо безъ портретовъ показываетъ родословіе князей отъ Витслава (938 г.) до Вартислава (1325 г.). Внизу карты помѣщено краткое историко-географическое описаніе Помераніи подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Pomeraniae et rerum in ea memorabilium Brevis descriptio E. Lubini.“ Карту гравировалъ Николай Гейлькеркіусъ—Nicolaus Geilkerckius sculpsit.

Мы списываемъ съ этой карты въ алфавитномъ порядкѣ всѣ имена мѣстъ, земель и водъ, Славянскія и Нѣмецкія, въ томъ видѣ, какъ они значутся на картѣ. Видимо, что многія изъ нихъ, не исключая и нѣмецкихъ, значительно попорчены. Для исторіи Поморскаго Балтійскаго Славянства имена мѣстъ за скудостію другихъ показаній составляютъ весьма любопытный и важный матеріалъ. Желательно было бы собрать этотъ матеріалъ въ полномъ составѣ по всѣмъ Поморскимъ Славянскимъ Землямъ отъ Эйдера и Эльбы до Вислы и издать въ родѣ географическаго словаря съ необходимыми историческими и лингвистическими примѣчаніями. Собранныя вмѣстѣ и объясненныя, эти имена быть можетъ многое бы разсказали о темной исторіи Балтійскихъ Славянъ-Варяговъ.

A.

Abteshagen. Abtshagen. Achter-water. Ackerhof 3. Aderborg. Agnisenhoff. Albesdorp. Alebeke 4. Alekiste 2. Altenkirchen. Alvesdorp. Anckerholtz. Anclam. Anclamische Feher. Aokerhoff. Arcona. Arensborch 2. Arenshagen 2. Arenshop. Arenswalde. Arnhusen. Averhagen. Austin.

B.

Baatz. Babbin 3. Babbinschborg. Badersсehe. Grot Bafepoel. Bahnen. Bakenberg. Baldebus. De-Ball. De Ball de Olde. Balendin. Ballenbergen. Ballerck. Ballewantz. Ballewitz. Ballum. Bandekow. Bandelin. G. Bandelvitz. L. Bandelvitz. Bandemin. Bandesow. Bansecow. Bantze. Bantzelvitz. Bantzin. Barcewitz. Barcken. Barckeen. Barckenbrode. Bardt. Barenberg. Barenbusch. Barenslow. Barhovet (остр.). Barkefl. Barnekeuitz. Barnimbs Konow. Barnkvitz. Barnow 2. Barnowische Haven. Barns dorp. Barnstein. Barow. Bartelin. Bartels hagen 2. Bartin. Bartke fluvius. Bartkevitz. Bartlaff. Bartzelin. Barves-dorp. Barvin. Basdroie. Basentin. L. Basepoel. Gr. Base-poel. Bassewitz. Bassin. Batevale. Batevitz. Batrians-hagen. Battin 3. Bavenretz. Baven Scheferei. Baversdorp. Bebberow. Beerwolde. Behrwold. Beiersdorp. Beiershagen. De Beke. Bekel. Belbuch. Belckow 2. Belgard 2. Belitz. Belkow. Bellenbeke. Belling. Below. Groten Below. Lüt. Below. Benekenhagen. Benkenhagen. Benlz. Bens. Bentz 2. L. Bentz. Gr. Bentz. Bentze. Bentzin. Berbom. Berchmolen. Bercke. Berckenbrugge. Bercknow. Berckow 4. Berensdorp. Berenshagen. Berenwolde. Berge. Bergelase. Bergen 2. Bergis dorp. Berglang. Bergsow. Berlin. Berlinecken. Berneckow. Bernhagen. L. Bernikow. Bernsdorf. Bertcow. Bertkow. Bersendorp. Besigow. Besow. Bessin 2. Beverdick 2. Beveringen. Beversdorp 2. Bial. Bichow. Billerbecke. Billerbeke fluvius. Bilow. Bim See. Binow. Bintz. Birckow. Bischofdom. Bischop sd. Bisdorp 2. Bisemitz. Bisenitz. Bistland. Bistorp. Bitegast. Bizieker. L. Bizow. Blanckenhagen. Blankensehe 2. Blesevitz. Blewes Eckort. Bliscow. Blisenradt. Bliskow. Blocks hagen. Blomberge. Blomdorp. Blomenhagen. Blondow. Bluckow. Bobelin. Boblin. Bochow. Bock. Bocke 2. Bockhagen. Bockheid. Bockhold. Bockholdt. Bockholt. Bockholtz 2. Bockwold 2. Bode. Bodenberg. Bodenstede. Boissin 2. Boistinsche möhle. Boistrin. Boke. Bokel. Boken. Bokenort. Bolckow. Boldekow 2. Boldentin 2. Boldevitz. Bolendorp 2. Bollinken. Boltenhagen 3. Bomefeld (Boinefeld?). Bomgarten. Bomitz. Bonin 2. Bonstor. Borcfelt. Borch 2. Borche. Lut: Borchow. Gr. Borchow. Borchstede. Borchtitz 2. Ol. Borchwall. Gr. Borckenhagen. Borgensin. Borgwal 3. Borin. Borinsche molen. Born 3. Bornhagen. Born Tuchen. Borrentin 3. Borrentzin. Borrn. Borske. Bosenske. Bosentin. Bosin 2. Bossin. Bossow.

latz. Colpin 2. Coltow 4. Nien Coltzglow. Coltzglow. Coltzin 2. Coltzow. Colzow. Gr. Comesow. Lut. Comesow. Camesow. Cone ander Straten. Conedorp. Coningswerder. Conkow. Conow. Conrow 2. Contersin. Copan. Copens. Coplin. Copnitz. Copnow. Copriven. Corbhoff. Groten Cordeshagen. Cordeshagen 2. Corendorp. Corlasin. Corlin 2. Correntin. Corstnitz. L. Cortshagen. Cortzin. Cosakes. Cose. Coselitz 2. Coserow. Cosnwalg. Cossin. Cosslin. Cösslin. Costernitz 2. Cosvantz 2. Cotlow. Cottow. Cowalck. Craatz. Cracow 2. Cradis. Craen. Crakevitz. Crambow. Crammentz. Crammonsdorp. Crampe 3. Crampel flu. Crampow. Cramvis. Cramvitz. Crange. Crangen. Cransevitz. Crantzin. Crassin. L. Crassin. Cratz. Cratze. Cratzke. Creckow. Crecksee. Creitlow. Creitzke. Crejencroge. Cremerwinckel. Cremmin. Crenitzow. Crentzhoff. Crepitz. Crepsow. Cretemin. Crimvitz. Crincke. L. Crine. Gr. Crine. Crine 2. Crineke. Crisow. Crivaen. Cromerbroeck. Cromwater fluvius. Cronnevitz. Crosdorp. Croselin 2. Crosnow. Crossdorp. Croswick. Crowłow. Crucow 3. Crukenbeke. Crumhagen. Crumkevitz. Crummensee. Crummin. Crusmanshagen. Gr. Crussin. Crussow. Crutzen. Crutzmeshagen. Cubisser boddem. Cubissezvehr. Cublitz. Cuckevitz. Cuckow. Cudsow. Cuesow. Cugelvitz. Cukow. Culntz. Culsow. Cultzow. Cumin. Cummerow 4. Cummerowisch See. Cumto. Cunsow 2. Curow 3. Cusser. Cusserow. Cussow. Cüstrow. Cutelvitz. Cutze. Nien Cutzglow. Cutzow. Cygnitz.

D.

Daber 2. Dabercow. Dabercow. Wosten Dabercow. Groten Dabercow. Dabern. Dabis. Dabritz. Dadow. Dalen. Dallentin 2. Dalmeritz. Dalow. Dam. Dambecke. Dame lacus. Damen. Damercow 3. Damerfitz. Damerow 5. Wustlaffs Damerow. Ol. Damerow. N. Damerow. Damertow. Dames 2. Dames dorp. Dames fluv. Dameshagen. Dames dorp. Damezow. Damezow. Damgarden. Damgarten. Damme. Dammen. Damnitz 2. Dampen. Damsche Sehe. Dannenberg. Danscroge. Darbel. Darbelade. Dargaske. Darge. Dargebans. Dargelin. Dargen. Dargerese. Dargeser. Dargesloff. Dargitz. Dargsow. Dargun. Darkow. Darsban. Darse. Darsentin. Darser ort. Darsevitz. Darskevitz. Darsin 4. Darsow 3. Der Darss. Dartz 2. Darvene. Darwitz. Dashaus. Daskow. Dassow. Datcow. Datnie diep. L. Datzow. G. Datzow. Dedlin. Deep. Deerskevitz. Derskow. Deersow. Degow. Delan. Deltzow. Demmenitz. Demmincke. Demmin. Dendorp. Denholm (остр.). Dennin. Densin. Depenbrocke. Deperske fluvius. Derbneg. Dersecow. Dersentin. Desse. Dethmershagen. De Tine. Detmersdorp. Deuske lacus. Devarnow (остр.). Deven. Deverese. Devin. Dewichow. Dewitz. De Dick. Dirickshagen. Distkenhagen. Portus Divenow. Gr. Divenow. L. Divenow. Divitz. Dobbekvitz. Dobberpoel 3.

Dobell. Dodelach. Doemsow. Dohar. Doitin. Dolge 2. Dolge lac. Dolgelin. Dolgemose. Dolgen. Dolgenow. Dolitz. Dolkevitz. Domervitz. Donnieshagen. Donnige. Donrie. Doppelsdorp. Dornhave. Dorow. Dorow. Dorphagen. Dortichmorgen. Dousin. Dowesberg. Dowsewitz fluv. Draheim. Dramburg. Dramendorp. Drammin. Drannewitz. Dranske 3. Drechow. Drenow 2. Dresevitz. Dresow. Drewesevitz. Drewolck. Drollenhagen. Drowsdow 3. Drowse. Drowsevitz. Drowslow. Dubbertech. Dubbitz. Ol. Dubzow. G. Dubzow. Dubzow. Groten Dubzow. Lut: Dubzow. Dudendorp. Dudesch Bucow. Düdesch Versin. Dudosch Plassow. Düdsche Calübe. Düdschen Damnitz. Duggerow. Dukow. Dumerkevitz. Dumgnevis. Dummatel. Dummercow. Dumrade. Dumrese. Dumzyn. Duncker. Dunnekevitz. Dunow. Dunsevitz. Dunnow. Duns. Durckow. Dussevitz 2. Dussin. Düsterbecke. Dütsche Castnitz. Duvenbeke (p.). Duvels dorp. Duvendick. Duviger.

E.

Eefir. Echeid. Eckersberg. Eckholt. Eiersberg. Eik. Eikenberg. Eikhorst. Eixen. Elbershagen. Eldena. Eldenow. Ellerholtz. Elmenhorst. Emkendorp. Endige. Engelswach. Ernsthoff. Eskenow. Eskenrie. Evenberg. Exin Bollin. Exow.

F.

Facksche. Facobsdorp. Falckenberge. Falckenborch. Falckenborg. Falckendorp. Falckenhagen 2. Falken-berg 2. Falkenborch. Falkenwold. Fanckendorp. Fannevitz. Lut. Fannevitz. Groten Fannevitz. Fanow. Farchnow. Farenwolde. Fargow. Farmen. Farnitz. Fartzow. Fasenitz flu. Fashagen 2. Fassin. Fatzow. Ferckevitz. Ferkow. Feseritz. Feskendorp. Fesicow. Fichel. Fiddechowisch Scheferei. Fiddeckow. Filsow. Finckenthal. Fische. Fischerende. Flackenheide. Flederborn. Flakensehe. Flemens dorp. Fleteenstein. Flotow. Fons 2. Fons Inae. Forcken beke. Forstensehe. Forwerck. Forwerck. Fransborg. Frantzen. Frawdenberg. Freheide. Fredelandt. Frederichs scheffereie. Fresen 2. Fresenbrok. Fresendorp. Fresen ort 2. Freste. Fretcow. Fretz. Friensten. Frienwolde. Friscow. Frissow. Frist 2. Fritrichswald. Fritzow. Frochen: mol. Fruwendorp 2. Fülendorp. Fulen Rostock. Fulensehe. Funckenhagen. Funckern frest. Furenholtz. Fvenack.

G.

Gachlin. Gaddentow. Gaddin. Gagern. Gagetzow. Galebeke. Galenbecke. Galenbeke. Gallenzow. Galow. Galowsehe Scheferei. Galpinsche Flete. Gandelin. Gans. G. Gansen. Gr. Gansen. Lut. Gansen. Ganskevitz. Ganskow 3. Laco Gantstede. Garberow 2. Garchkevitz. Garchlin 2. Garde. Garden. G.

Garden. GardescheSehe. Garmin 2. Garow. Garscho-vet. Gartz 5. Gartzgar. Garves. Gatow. Gatzcow. Gawart. Gazenitz. Gedde. Gehren. Gellasen. Gellentzow. Gellin 2. Gemikow. Genskow. Gerbin. Gerdshagen. Gerfslow. Gerskow. Gerwin 2. Geser. Gesow. Gr. Gestin. Gewesdorp. Gibbin. Gibentzin. Giglitz. Groten Ghischen stp. Gluschen. Gilm. Gingst. Ginow. Gisbitz. Gisendorp. Giskenhagen. Giskow 2. Glambeke lacus 2. Glambeke. Glans. Glasehutte. Glashagen. Glasow 2. Glebitz. Glesis. Glin. Glina lacus. Glineke 2. Old. Glineke. Glinecke. Gliscow. Glissen. Glistke. Gloddow 2. Glode. Glofze. Glonnevitz. Glotkow. Glotzin. Glowitz. Gluskow. Glutzke. Gnadenhus. Gnageland. Gnaskow. Gneusin. Gnevzin. Gnewicow. L. Gnewin. Gr. Gnewin. Gnewizow. Gnis. Gnoyen. Gudersdorp. Goeden. Goercke. Goerbent. Goerke 4. Goern 4. Goertzke. L. Goglow. Gr. Goglow. Goien. Golchen. Goldbecke. Goldbeke. Goldevitz. Goldtbrech. Gollenberg. Gollendin. Gollentzin. Golnow. Goltbeke fluv. Golt hagen. Goltze. O. Goltzglow. Goltzow 2. Gorcow. Gorieshagen. Gor:men. Gorms. Gorow. Gorries dorp. Gortzendorp. Gosebring (остр.). Gosenhave. Gostlow. Gotenitz. Gotkenhagen. Gotschow. Gotzlaff. Gotzlow. Gotznow. Gotzeweken. Gowe flu. Gowelin. Gowidel. Grabbuntz. Grabis. Grabitzke. Grabo flu. Fons Grabo. Grabow 6. G. Grael. L. Grael. Grambow 3. Grammentin. Grammendorp. Grammentz. Grammin 2. Grandeshagen. Granoow. Gransebite. Granskendorp. Granskevitz. Grantitz. Grants. Grantzin 3. Grantzow 3. Granzow. O. Grapow. N. Grapow. Grapsow. Grascrug. Graseberg Iekeritz (озеро). Grasse. Grellenberge. Gribbenitz. Gribbenow. Cribow. Grieben. Griffenberg. Griffenhagen. Grigal. Grimme 2. Grin. Gripswalde. Griskow 3. Gristkow. Gristow 2. Gronehoff. Gronenberg. Gronhoff. Gronow 3. Gronowervitz. Grosow. Grossin. Grotendorp. Grotenhage. Grotevitte. Grubenhagen. L. Grubno. G. Grubno. Grummentz. Grumsdorf. Grumskow. Grunart. Grunhagen. Grupenhagen. Grushow. Grussow 2. Grutcule. Grutkow. Gruwel. Gryphiswaldisch Oie (остр.) Guddentin. Gudenhagen. Gudentin. Gudesweg. Gudose. Gultin. Gultze 2. Gultzow 2. Gumbin. Gummellin. Gummenitz. Gummin 2. Günse. Guntherŝberg. Gurtitz. Guselitz. Gunsin. Gust 2. Gustebin. Gustelits. Gustemde. Gustin. Groten Gustin 2. L. Gustin 2. Gustlafshagen. Gustmin. Gustow 2. Gustrowenhave. Gutevitz. Gutfick. Gutzcow. Gützkow. L. Gutzmerow. Gr. Gutzmerow. Gutzmin. Gwetzin. Gwisen. Gysorcky. Gystelitz.

H.

Haffhusen. Hagen 8. G. Hagen. L. Hagen. Hagendorp. Hagenerwick. Hagenow. Hagenwalde. Hamelstall 2. De Hamer. Hamer 5. Hannekenhagen. Hanenkamp. Hannekenhagen. Hans feld. Hans hagen 2. Harmenshagen. Haselborg. Haselow. Hasen-

fier. Hasselbusch. Hassendorp. Hans Demmin. Heffeldt. Heid. Heidbreken. Heide. Heiderug 2. Heidhunes. Heidken. Heidkrug. Heidman. Heidmöhlen. Heinholt. Heithoff. Helle. L. Helle. G. Helle. Helmshagen. Helpe. Helpte. Hennekenhagen. Hermensdorff. Hermensdorp. Hermenshagen 2. Herske. Hertzberg. Hertzfelde. Hiddensehe. Hiendorp. Hillebrandshagen. Hindenborg. Hinricksdorff. Hinricksdorp. Hinrickshagen 4. Hinschendorp. Hirtenkaten. Hochwiderberg. Hoffthogline. Hogeborne. Hogebrugge. Hogebrugsche Molen. Hogencruge. Hogemöhle. Hogenbernikow. Hogenbützow. Hogendorp. Hogenfelde 3. Hogenholt. Hogengrape. Hogenmüker. Hogensadel. Hogensehe. Hogenstein. Hogenwahrde. Hogenzalckow. Hoikenberg. Hoikendorp. Hoikenhagen. Holckewese. Hollendorp. Holm. Holtdorp. Holtkate. Honerheid. Horst 4. L. Horst. Gr. Horst. Hove. Hugelsdorp. Hukeshoff. Hungerdorp. Hupeshoff. Hussin. Hutte.

I.

Iablitz. Iacobsdorff 3. Iacobshagen. Iager 2. Iagow. Iallin. Iamecow. Iamen. Iamesche Sehe. Iamzow. Ianickow. Iannevitz. Iappentzin. Iapperzow. Iarchow. Iarchen. Iarckevitz. Iarenbow. Iasde. Iasdow. Iasdow. Iasenick. Iasenitz. Iasmunt. Iassonike. Iassow. Iassow. Iassuncke. Iastrow. Iatzel. Iatzen. Ieglitz. Gr. Iellen. Olden Iellen. Iescritz 2. Ihenenborg. Gr. Ihne fluvius. Cl. Ihne fluv. Fuhle Ihne fluvius. Iirsecow. Ilenfelt. Im. Broke. Imdepe. Ioden möhle. Iohaneshof. Iorrensdorp. Isingen. Iuchow. Iulitz. Iunfern See. S. Iurgen. Iven.

K.

Kabelsdorp. Kagendorp. Kakow. Kalckevitz. Kalen. Kalnissen. Kamits. Kamitz. Kampe. Kamse. Kamzow. Kankenberg. Kannenberg. Kantereke. Karbow. Karnemin. Karnkewitz. Karsenborch. Kaskenhagen. Kassenbom. De Katze. Katzow. Kawantz. Kaystine Mohl. Kaystiniche puel. Kazenow. Kedingshagen. Keiseritz. Kemes. Kemeshagen. Kemes sylva et lacus. Kempendorp. Kempinekenberg. Kennebackenhagen. Kentz. Kentzelin. Kerberg. Kerberge. Kerckbagendorp. Kerckdorp. Nien Kercke. Kerckenhagen. Kerckow 3. Kesow 2. Kessin. Kestine. Kickut. Kiez. Kikow. Kindeshagen. Kinov. Gr. Kisow. L. Kisow. Kissin. Kissow. Kitrerow. Kitzcke. Kiwitz möhlen. Kleberhoff. Klockenhagen. Kloster. Klucsevitz. Knorrendorp. Kobelshagen. Koblent. Koesel. Koikenhagen. Koitkenhagen. Kolbatz. Koldehof. Kolehoff. Konitz. Könnigsberg. Konow. Barn.-Konow. Konow vor der Baen. Koper molen. Kopitz. Korckenhagen. Korckewitz. Korfwerder. Korn: Möhlen. Kortenhagen. Kosenow. Koske. Kosoge. Kosserow. Kottop. Kowal. Kowale. Kreckow. Krensow. L. Kubbelcow. G. Kubbelkow. Kuckes-möhlen. Kuckevitz. Kucksmöhlen. Kuckuck. Kuddow. Lut: Kuddow. Kuddowischmolen. Kukan.

Kukelow. Kukenhagen. Kulenhagen. Kuler ort. Kulo. Kummerow 2. Kümrow. Kunast. Kunesse. Kuperdorp. Kussin. L. Küssow. Gr. Küssow. Kyncow.

L.

Laapsdorp. Laaske 2. Labbune. Labentz 2. Labes. Labomels. Labusow. Laddin. Ladebade. Ladentin. Lankevitz. Lanchow. Lanchow. Lanckavel. Lancke 5. Lanckow. Landave. Landscron. Landze. Langebose. Langen. Langendorp 3. Langenfelde. Langenhagen 3. Lanke. Lankevitz. Lanske. Lantgrabe. Lantow 2. Lantzke. Lapitz. Lasbeke. Lase. De Laso. Lasou. Lassan. Lassene 2. Lassenske. Lassentin 3. Lassoncke. G. Latske. L. Latske. Latzke 2. Lavenitz. Laudmanshagen. Lebbin 2. Lebbun. Lebbune. Lebe. Lebene. Lebentzin. Lebesche See. Lebine. Lecow. Lecsin. Leesten. Legensdorp. Legerdorp. Leine. L. Leistkow. G. Leistkow. Lekow 3. Lelckendorp. Lemhagen. Lendershagen. Lensin. Lenskow. Lentz. Lepelow. Lepoltz. Leppin 2. Leppinsche Scheferei. Lertz. Lese. Leslin. Lesow. Lestin. Lüt Lestkow. Lestnow. Lettenin. Levelose fl. Levenhagen. Levenow. Levenow. Levenowencruge. Levezow. Levin. Levitzow. Libbenne. Libits. Libitz lacus. Libnitz. Libzow. Liddow. Linde 5. De Linde. Lindeberg. Gr. Lindenbusch. L. Lindenbusch. Lindow 3. Linecke. Lineke 2. Linow. Linskow. Linsse. Lintz. Lintzen. Lipe 4. Lipegorre. Lipen. Lipen lacus. Lippene. Lips. Liscow. Liscower ort. Lisnitz. Lisno. Lissen. Lissenhage. Lite. Litzow. Litzowische Fehr. Lobbe. Lobbin. Lobehin. Lobnitz. Lochenzin. Lockenitz. Loest. Löetz. Loider. Loiow. Loissen. Loitz 2. Loitzin. Lökenitz. Lonnevitz. Lopnow. Lopsentin. Lossin 3. Lottin. Louwenborch. Lowen. Lowitz. De Lubbe-Bugort. Lubbegust. Lubbemin. Lubbenow. Lubbersdorp. Lubbetow. Lubbetzitz. Lubbezin. Lubcow. Lübcow. Lubechow. Nien Lubeck. Lubecker ort. Lubeutz. De Lubichow. Lubkevitz. Lubow 3. L. Lubtow. Gr. Lubtow. Lubtow 2. Lubtzitz. Lubzow 3. Luchte. Gr. Luckow. Luckow. Ludershagen 2. Ludershoff. Ludwigsborg. Luggevise. Lugwin. Luhschmolen. Luiborg. Lujerhoff. L. Lukow. Gr. Lukow. Lukow 2. Lullemin 2. Lullevitz. Lulsdorp. Lupetow. Lupo fluvius. Lupofske lacus. Lupow 3. Lupse. Lusckow. Luscow. Luscow. Luscow. Lusentitz. Lussevitz. Lussow. Lusterbur. Lutkehagen. Lutkenhagen 2. Lutkevitz 2. Luttebuk. Lutzke. Lyn.

M.

Machelin. Groten Machmin. Machmin. Madui Lacus. Makevitz. Malchin. Malchow. Malckevitz. Mallenzin. Mallin. Mallow. Malmeritz. Malsehitz. Maltow. Maltzdorp. Malvin. Manckevitz. Mandelatze. Mandelcke. Mandelkow. Manhagen. Manevitz. Manow. Manskerkroge. Mantcow. Mantzlin. Marchwartz möhlen. Marensehe. Marienfelt. Marienthael. Marien-

thron. Marienwerder. Marin. Marlow. Marpshagen. Marsdorp. Marsin 2. Marsow. Martensdorp. Martenshagen 2. Martentin. Martow. Marvitz. Mascow 3. Masgeren. Masselvitz. Massin. Massow 3. Matgow. Medenicke. Mederow. Medevitz. Medevitz. Medow 2. Mege. Mehlen. Meierhoff. Mellen. Mellentin 2. S. Mellentz. Menckin. Menseritz. L. Merchow. G. Merchow. Mescow. Mesekenhagen. Meselcow. Mesiger. Mesow. Messentin. Metelkow. G. Metelkow. Metzow. Mewege. Meysieow Lacus. Michelsdorp. Mickerow. Milchow. Millienhagen. Milsow. Milstrow. Minnevitz. Minten. Misdow. Misdrogen. Mistelitz. Mochentin. Moerate. Moddersin. Moderow. Mohle 4. Möhlen. Grote Möhlen. Lut: Möhlen. Gr. Moiken. Moikow. Moistelitz. Moistelvitz. Moistes. Moitzlin. Moizow. Moker. L. Mokerow. Molckentin. Mole 23. Molen 14. N. Molen. Molenbecke. Molin. Mollen 3. Mollenhagen. Mollin. Möln. Molnhof. Molscow. Molscow fluv. Molstow 2. Moltmolen. Moltzaen. Moltzow. Monchow. Monckeberg. Monckedorp. Monkebode. Monkedorp. Monkegraven. Monkegudt. Monnekeholt. Monnekevitz. Morats. Morchin. Mordorp. Morgenisse. Morgenstern. Morgow. Moringen. Morlin. Morsalle. Morsincke. Mosdorp. Motzow. Mouratz. Mückse. Muckske. Muddel. Muddelmow. Muddelnow. Mudderow. Muddersin. Mudel fluvius. Müggenborch. Muggenborg. Muggenhole. Muggenzie. Muggenwolt. Muhl 3. Mulendorf. Mulendorp. Mulskenhagen. Multrin. Multzow. Munde 2. Mundersin. Murckevitz 2. Murcow. Musgerin. Musse. Mussentin. Mussow. Mustis. Muth. Mutrnow. Muttrin. Mutzeborch. Mutzelborh. Mutzkow.

N.

Nadatz. Nadersin. Nadrense. Nahusen. Nardevitz. Nassineke. Nassow. Nastow. Natzmersdorp. Nateheid. Natelvitz. Natmershagen. Navin. Navitz. Nazente. Nebantzin. Neberg. Neblin. Necla. Neclatz. Neclens. Neddelin. Nedden Retz. Nedderhagen. Nedel. Nedelitz. Nedemin. Neemin. Neerdin. Nefe. Negatz. Negenlin. Negrip. Nelepe. Nellin. Nemer. Lut: Nemerow. Gr. Nemerow. Nemitz 3. Nemezin. Nepnow. Neppermin. Neperwese. Neppotzlitz. Nepsin. Neresse. Neringen. Nesnachow. Nesochow. Nessin. Netin. Neugarten. Neugarten. Nevelingsborg. Neven. Neverow. Newerin. Newzitz. Nezebans. Nezebant. Niderzadel. Nienhaue. Niehoff 12. Nienkamp. Niemarck. Niemöhlen 2. Niemohln. Niemolen 4. Nienballi. Nienbels. Nienbuckow. Niencroge. Niendorf. Niendorp 19. Nienfelt. Nienhagen 5. Nienhausen. Nienhave 2. Nienhof. Nienkalend. Nienkercke 3. Nienkercken 2. Nienkerkische Sehe. Nienkroge. Nienwerpen. Nienwater. Nigas. Nikor. Niltz. Niltzow. Ninckow. Ninhoff. Nipars. Nippeglantz. Ni: Rese. Nisdorp. Nitmero. Nitzkow. Nitznow. Nobbin. Nobishagen. Nommin. Nonnendorp. Norinbergk. Noskow 2. Nossendorp. Nos-

sevitz. Lut. Nossin. Nossin. Nothhagen. Nowlin. Nozebantz. Nudas. Nunensehe. Nutzcow. Nutzlaff. Nutzlin.

O.

Obbelvitz. Obels. Oddon. Odera fluvius. Oie (остр.). Oie. Oldeborg. Oldemöhle. Oldenbansin. Oldenbels. Oldenborg. Olden besin. Oldenbuckow. Olden Cutzglow. Oldendorp. Oldengraven. Oldenhagen 3. Oldenhoff. Oldenkalen. Oldenkamp. Oldenstet. Olden Swatsin. Oldenwedel. Oldenwerpen. Olden Wigshagen. Oldenwillershagen. Olde Sloss. Oldestal. Oldevehr. Olde wal. Oleborg. Ole Deep. Ol: Sesee. Ol. vehr. Onrose. Osten. Ouscken. Oustin. Ovelgunne 2. Ovelwicke. Overhagen.

P.

Packelente. Padderow. Pael. Pagenhoppe. Pagenort (остр.) Pagonske. Paist. Palmsin. Palow. Paltzevitz. Grot Pamoiseke. Lut: Pamoiske. L. Panckemin. G. Panckemin. Panckemin. Panckendorp. Panckow. Panin. Pannekow 3. Pannikel. Panin. Panninsche See. Pansevitz. Pansin. Panskow. Pansow. Pantelitz 2. Pantow. Papenbeke (p.). Papendorp. Papendorp. Papenhagen. Papentzin. Papirmöhlen. Papirmolen 3. L. Paraw. Parchow 2. Pargow. Parnow. G. Parow. Parpart. Parpatz. Parrassen. Parsanske. Parsante fluv. Parsenow. Passentin. Passewalck. Passow. 3. Pastlow. Pastis. Patschen. Patzke 3. Patzker möhlen. Pawelsdorp. Pebrow. Peggels. Peglow. Pelsin. Pencun. Pene fluv. Penemoinde. Pentin. Pentzin 2. Pentzlin. Perlin. L. Perlin. Gr. Perlin. Perlow. Perselin. Petercow. Peteroise. Petersdorp. Petershagen 3. Petershagen. Petzkow. Petznick. Petzow. S. Pigelsberg. Pilleborg. Pinnow 6. Pipenhagen. Piritz. Pirristow. Pitzenlin. Pitzerwitz. Old. Plaantz. N. Plaantz. Placksehe. Plantcow. Plastcow. Plate. L. Plene. Olden Plene. Pleslin. Plitenitz. Plochrade. Plogentin. Plogshagen. Plone fl. Plontzich. Plossin. Plotze. Plotzke. Ploven. Pluggentin. Plumendorp. Plutow. Pobantz. G. Poblat. L. Poblat. Poblatz. Pobzow. Pobzowische moblen. Podel 2. Podewal. Podewels. Podias lacus. Poding. Podingsche Berge. Poeseritz. Poggelow. Poggendorp. Poggenhave. Poggenpole. Poggentin. Pogonske. Poitsow. Polbitz. Polchow 4. Politz. Politzen. Polmin. Polnow. Polpevitz. Poltzin 2. Poltzinische buche. Poltzinische mühl. Poltzow. Pomerens dorff. Ponstorp. Pontz. Lut. Poplow. Gr. Poplow. Poplowische buch. Poppelvitz. Poppelvitz. Poppendorp. Poppenhagen. Poppensin. Poppow. Pors. Posewolt. Potterhagen. Potzarn. Povrellen. Prebbentow. Prechel. Preest. Preetz. Preetzig. Prelang. Premsloff. Premmedow. Prentzlow. Prero. Presentze. Pressow. Pretmin. Pretmow. Pretwisch. Pretz. Pretzenitz. Pribberhow. Gans. Pribbernow. Pribcow. Prib-

now. Pribro. Pribrodische Wedde. Pribslaff. Pribsleve. Priddargen. Prilup 2. Primen. Primüsen. Priskow. Prismarck. Prisser. Pristke. Pristow. Priswalck. L. Priswolck. G. Priswolck. Priterschе Heid. Pritter. Prittersch Boddem (остр.). Pritzlow. Pritzmow. Pritznow. Probusdorp. Prockhusen. Prollewitz. Prone. Pronerwyck. Prosnitz. Prosson. Clenen Prosunck. Grot. Prosunck. Prsewose. Pruchten. Prullevitz. Prummolste. Prusdorp. Prusen. Prust. Prutmanshagen. Prütze. Ptonin. Publatz. Dudesehe Puddeger. Puddeglaische Heid. Puddemin. Puddevitz. Pudenske. Hogen Pudger. Pudgla. L. Puggerow. Gr. Puggerow. Pulitz. Pumlow. Pumtow. Pusdorp. Pusitz. Pus Jarsen. Pusseken. Pussermin. Pustkow. Pustmin. Pustow 3. Putenitz. Putbus. Putgarten. Putte. Putzeda. Pyrow.

Q.

Quadenschonefeld. Quadsow. Quakenburg. Quarkenborg. Quasendorp. Quastenberg. Quentin. L. Quesdow. Gr. Quesdow. Quessin. Quidselaser ort. Quifsin. Quilitz. Quilow. Quisbenow. Quisrow. Quitselase. Quitzerow. Quoltitz.

R.

Rabbun. Rabenhagen. Rabenhorst. Raddatz. Raddow L. Raddu flu. Raddui. fl. Raddun, Raddauske. Raddawke. Radehass. Radekow. Raden. Radevitz. Radlow. Raeff. Raff (остр.) Rai. Rakow ol. Rakow L. Ralow olim arx ducalis. Ralswick. Rambin. Rambin L. Rambin Groten. Rambow 3. Ramclow 2. Ramelsberg. Rammin. Ramzow. Randow fluv. Rannefelt. Rankevitz. Rantzow. Rappin. Rarvin. Rassower Strom. Ratebur. Rateiken. Ratnevitz. Rattai. Ratzebur. Ratzoch. Raval. Ravenhorst 2. Ravenstein. Rawinckel. Rebelin. Rechberg. Rechow. Rechsin. Reckow. Reckow Lutken. Recow Gr. Recow 4. Recsow. Redchow. Reddelin. Reddevisch over. Reddevise. Reddis. Reddow. Redentin. Redevitz. Redezanck. Redigsdorp. Redlin 2. Redstow 2. Rega fluvius. Rege fluvi. Regenwolde. Reheberg. Rehefeld. Reichenbach. Reidlevitz. Reierholtz. Reier möhle. Reinberg. Reineberg. Reineckenhagen. Reinefeld 2. Reinekendorp. Reinewater. Reinnickendorp. Gr. Rekenitz fluvius. Rekentin. Rekevitz. Rekewitz. Rekit. Rekitken Gr. Rekitken L. Rellin. Relsow. Reltzin. Remlin. Rempelin. Renekendorp. Lut. Rensсhow. Rentsin. Rentz 2. Rentzin. Repekow. Repenow. Reppeli. Reppelin. Resin. Resse. Retelisse. Retelkow. Retkevitz. Retz. 2. Retznow Lütck. Retzow. Reudin. Revecolmons. Revenow. Rewitz. Rezow. Ribcartz. Ribenke. Ribitz 2. Ribnitz. Richtenberg. Rimesch (остр.) Riscow Groten. Riscow Lütcken. Risnow. Ristow 4. Ritsow. Ritzenhagen. Ritzke. Robe. Robelow. Roblancke. Robus. Rochenberg. Rochow. Rocow. Rode Scheferei. Rodeflet. Rodehus. Rode

möhle. Rodemolen. Roden Clempenow. Rodenfir. Rodenhuse. Rodenkerck. Rodenscruge. Roeckhorst. Roelsdorp. Roerborg. Roerke. Roggatz. Roggezow. Roggow 6. Roglow. Rogsow Rohr. Roidin. Rolofshagen. Roman. Reme. Romske. Ronnekendorp. Rosarn. Roschitz. Roscow. Rosegar. Rosemazow. Rosenfeld 2. Rosenfelde. Rosenfelt. Resengard. Rosenhagen. Rosenow 3. Rosenthal. Roslasin. Rosow 2. Rossentin. Rossin. Rossow. Rostin. Nien Rostock. Rotten. Rottow. Rotznow. Rove. Rove. Roven. Rubbenow. Rubckow. Rubenow. Rübes. Ruden Insula. Rudensdorp. Ruffe. Rugarten. Rugehoff. Rugenwalde. Rullevitz. Rulow. Rummelsborch. Rumpke. Runow 5. Runtz. Rupen. Ruppin. Rusbertow. Ruschemolen. Ruschende-Born. Ruse. Rushagen. Ruskevitz. Ruspernow. Russenfeld. Russevase. Russevase. Rustke. Rustorholtz. Rustow. Rutzenhagen 2. Rutznow. Rutzow.

S.

Gr. Saarnow. Lut. Saaspe. Gr. Saaspe. Saben. Sabes. Sabesow. Sabitz. Gr. Sabow. L. Saböw. Sabow. Sacharin. Sachow. Sackmolen. Sadelkow. Sadelow. Sadelsberg. Sadow. Saes. Sagard. Sagaritz. Sagarke. Sager 2. Sageritz. Sakesin. Salchow. Sale. Sallentin. Sallesitz. Salmow. Salow. Saltzig. Samborst. Samerow. Samervelt. Sammentin. Sammerow. Sammin. Sampel fl. Sampelhagen. Samtens. Sandershagen. Sanck. Sandow. Sansebur. Sanskow. Sanskow. Sanssee. Santort. L. Sapelin. Gr. Saplin. Sarben. Sarenzin. Sargelitzer holtz. Sargelow. L. Sarne. Sarnekow. Sarnevitz. Sarnewantz. Sarnow 3. Sarow 3. Sarpsk. Sarpske Sehe. Sarrendorp. Sarrentin 2. Sarrentzin 3. Sartin. Sassen. Sassenborch 2. Sassenhagen. Sassin. Sassins. Gr. Sastrow. Lut. Sastrow. Satow 2. Sattin. Sattun. Lut. Satzpe. Saviat. Sawercow. Saxow. Scalon. Schabo. Schaddin. Schadenhagen. Schalensee. Schanow. Schaprode. Schargow. Scharnitz. Schefereï 16. Schefereie 5. Schefereïï. Scheferi 2. Scheferoie. Schefferei. Schefrei. Schefrei 2. Schelinge. Schellin 8. Schemmervitz. Scheningen. Scherin. Scherpenort. Scherpse. Schifelbein. Schillersdorp. Schilt. Schinnechow. Schintze. Schlagen. Schlussow. Scholvin. Schonberg 2. Schönbecke. Schönebecke. Schöneberge. Schonefeld 3. Schonefeldt. Schonefelt. Schonenwolde. Schonewolde 2. Schönhusen. Schonow 5. Schonwerder. Schonwold. Schonwolde 2. Schop möhle. Schorsel. Schorshow. W. Schorsow. Schorsow 2. Schottorske. Schoverniss. Schretstaken. Schubben. Schudenitz. Schulenborg. Schulenburg. Schüne. Schurow 2. Schuwenhagen. Schwetzen Scheferei. Scrubtow. Sdresow. Sebbelin. Sebbin. Gr. Seddelin. L. Sedellin. Sedel. Sedlin. Seemes. See: mohlen. Seffelin. Sefferei. Segentin. Seger. Segnick. Sehefeld 2. Sehepole. Sehls. Seidorp. Seikow. Seiten. Sekers. Selchow 2. Selen. Selesen. Seleske. Selewitz. Sellentin. Sellen. Sellesen. Selin 2.

Sellin 3. Selmitz. Seltze. Semelin. Semelow. Semmin 3. Sempin. Senssin. Sentze. Sera. Seramse. Sernegla. Serpzow. Serrin. Sessin. Sestlin. Setin. Sibersow. G. Sicker. L. Sicker. Sicker. Side. Sidenbussow. Sidow. Siggelow. Siggermogge. Siggernitz. G. Siker. L. Siker. Lut. Silber. Grot. Silber. Silcow. Gr. Silcow. L. Silcow. Silents. Silligsdorp. Silmenitz. Silnevitz. Silnow. Silsenmolen. Siltze. Simens. Simersdorp 3. Simkendorp. Simmaske. Sinslow. Sipke. Sipzewitz. Sissow. Siten. Sittekow. Siwershagen. Sladrow. Slage 2. Olde Slage. Slagekow 2. Slagensin. Slages. Slakow. Slatcow. Gr. Slatcow. L. Slatcow. Slavezow Slavin. Slavin lacus. Slawekendorp 2. Slemmentz. Slemmin. Slennin. Slenske. Slepen. Slepte. Sleutzig. Slevin. Slichte mohle. Slochow 2. Sloss. Slotcampe. Slotenitz. Slotwisch. Smacht. Smagerow. Smalwerden. Smalze. Smantevitz. Smarsow. Smatzin. Smedeshagen. Smellentin. Smentzin. Smersow. Smiltze. Smitkow. Smoisel. Smoldow 2. Smolsin. Smorow. Smuckentin. Smuggerow 2. Snatow. Snide molen 2. Sochon. Soitz: min. Solccendorp. Solckow. Solckow. Lut. Soldecow. Soldekow 2. Soldemin. Solleckendorp. Grot: Sollin. L. Sollin. Soloncke. Soltenitz. Soltin. Sommersdorp. Sonnenbergh. Sophienhoff. Sorchow 2. Sotznow. Sovenhow. Sowelincke. Sovenbom. Sowelin. Spanderhagen. Spantcow. Sparenwolde. Sparse. Specke 3. Spegedorp. Spegel. Spie. Spiker. Spikers dorp. Spindelholt. Splies dorp. Spoldershagen. Sprickelbrock. Sprissevitz. Srewen. Staffelde. Stagentin. Stag Tutt. (оз.) Standemin. Stantin. Stargard. Stargardt. Stargort. Starnitz. Starrewitz. Startz 2. Stauenhagen. Stavast. Stave. Steckow. Steder. Stegelin. Steinberg. Steinfeld 2. Steinfort 2. Steinhagen. Steinmucker Steinort. Steinweer. Stekelin. Stemort. Stenborch. Stenfort. Stengow. Stenhorst. Stenhovel. Stenscke. Stenwehr. Sterbelin. Stercow 2. Sterkow. Sternin. Stephanshagen. Gr. Stepenitz. L. Stepentz. Stettin. Nien Stettin. Steven. Stevenhagen. Stevenow. Stilow. Stiusfelt. Stobe. Stockow. Stoesberg. Stoentin 2. Stoissin. Stoitze. Stolp 2. Stolpe 3. Lacuc fons Stolpe. Stolpe flu. Stolpmunde. Stoltenhagen. Stoltenberg 2. Stoltenborg. Stoltenfelt. Stoltenhagen 2. Stolterhoff. Stonnevitz. Storckow 3. Strachetvitz. Strachmin. Strachtitz. Strakevien. Stral. Stralbrode. Strammel. Stramminike. Strasburg. Strebelow. Strefelin. Stregow. Streitzke 2. Strekentin 2. Strellentin. L. Strellin. G. Strellin. Strellin. Strelovenhagen. Strelow. Stremelow. Strese. Stresen. Gr. Stresow. L. Stresow. Stresow 4. Stressow. Strete. Strickershagen 2. Strippow 2. Stritfelt. Strittense. Strittensehe. Stromsdorp. Strope sack. Strosdorp. Strotsow. Strowe. Strubenberg. Strusmansdorp. G. Stubben. L. Stubben. Stubbenborn. Stubbendorp 2. Stubbenhole. Stubbenitz. Stubben Kamer. Stubber (остр.) Stubeson. Studenitz. Studenitz lacus. Stunekevitz. Stuvel. Stuven. Suantow. Suchen. Suchers. Sudderitz. Suder. Sudersow. Suetzin. Suicke.

Suine. Sulckemitz. Sukow 9. Sulckenhagen. Sulendorp. Sulte 2. Sulthorst. Sultitz. Summin. Sund (p.) Nien Sunde. Sundischewische. Suosow. Surckow. Surencroge. Surrendorp. Surrentzin. Surrevitz 2. Susitz. Sussow. Sutza Willernis. Svenentzow. Svittz. Swanenbecke. Swanscke. Swant. Swante. Swantevitz. Swantihagen. Swantust. Swantze. Swantzow (os.) Swarb. Swarsow. Swartehoff. Gr. Swartow. L. Swartow. Swartow 2. Swartze Sehe. Swartzin. Swarzow. Nien Swatsin. Swedt. Swedt. Swerin. Sweslin. Swessin. Swessow. Swetzin. Swetznevitz. Swetzow. L. Swichow. G. Swichow. Swichtenberg 2. Swilup. O. Swine. Swinesche Heid. Swine hovet. Swinge. Swingemolen. Swirnitz. Swirse. Grot: Swirsen. L. Swirsen. Switzow. Swochow. Sw olow. Swollin. Swore. Sycełski. Szresow.

T.

Tadden Entzow. Tanckow 2. Tangen. Tangemitz. Tangrun. Tantow. Tampe fluv. Tarehaw. De Tarm. Tarnow. 2. Techlin. Techlubbe. Tecunow. Teich. Telkow. Tellendin. Tellin. Tempel. Tempelborch. Tempse. Temsin. Ter Chatze. Teschevitz. Teskenhave. Teskendorp. Tessin 3. Teterin. Tetznow. Themmenick. Thiergarte. Thiergarten. Thonhagen. Thom Depe. Thom Gande. Thomhagen. Thomhave 2. Thom Hovede. Thom Hoven. Thom Lupafsken. Thom Rite. Thom Rove. Thonesdorp. Thor. Thorbaben. Thor latzen. Thor Wismer. Tickfir. Tilsan. De Tin. Tissow. Titsow. L Titzleve. G. Titzleve. Titzow. Todenhagen. Toesse. Grot Toitin. L. Toitin. Tollenseh fluv. Toltz. Tonnebur. Tonnitz. Torgelow. Tornow. Tornow. Torpin. Towenzin. Trammin. Trampe. Trantow. Trebbelin 2. Trebbin. Trebelow 2. Trebenow. Trebshagen. Tremptow. Trent. Treptow 4. Tressentin. Tresservitte. Treten. Tribberatz. Tribbeses. Tribbevitz. Triboom. Tribssow. Tribus Triderichshagen. Trigloff. Trincke. Trinwillershagen. Tripkevitz. Tripse. Trissow. Troblin fluvius. Troch Kevitz. Troch Olden besin. Troie. Troemstow. Trumperwick. Trupe. Trutzlatz. Lut Tuchen. Gr. Tuchen. Tuchow. Tunow. Turow 3. Turtzke. Tutow 2. Tütze. Tutzepatz. Tutzlafshagen. Twergesdorp. Twidorp. Tychow. Groten Tychow. Wendisch Tychow.

U.

Ubbele. Ubechel. Ublautz. Uchdorp. Uchtenhagen. Uelingsdorp. Ukelei flu. Uker fluvius. Uker Sehe. Ukerhoff. Ukermunde. Ukers. Ulenberge. Ulenborg. Ulencroge. Ulingen. Ummantz. Ummendike. Une. Ungnade. 2. Unnem. Unrow. Upadel. Upder Heyde. Upder Lind. Upost. Urkevitz. Usadel. Usedom. Uselitz.

V.

G. Valck. L. Valckzitz. Valm 2. Vangerow. Vangersch. Vangersch Spanan. Gr. Vanrow. L. Vanrow. Vanselow. 2. Vansenitz. Varbelvitz. Varbsin. Varchland. Varchmin. Varen-

camp. Varenhold. Varenhop. Vargitz. Vargow. Varnkevitz. De-Varnov. Vaskevitz. Vasnevitz. Vdars. Veddin. Veiervitz. Veikevitz. Velgast. Vellin. Velstw. Ventz. Veraden. Verchen. Verchow. Verhoff. Versin 2. Vertlumen. Vielcow. Vierhoff. Vierhoff. Visdorp. Vilgelow. Der Villem. Villem lacus. Vilmenitz. Vilnow. Viltzke. Virchensin. Virei. Virevitz. Virow. Viscow. Vischen. Vischer Sehe. Viske. Vitcow. Viterese. Viterow. Vitlubbe. Vitte 4. Vittensehe. Vittrin. Vitzke. Vitzke lacus. Voddow. Vogdei. Vogdenhagen. Vogelsang 3. Vogelsdorp 2. Vogetshagen. Vogtshagen. Volckesdorp. Gr. Voldekow. Lut: Voldekow. Volkersdorp. Volskenhagen. Volskow. Voltzin. Voort. Vorbecke. Vorbent. Vorland. Vorlaren Born. Vorwerck. Vosberg. G. Vultzow. L. Vultzow. Vzetlow.

W.

Gr. Wachelin. L. Wachlin. Wachollerhagen. Wackenin. Wagrun. Wakerow 2. Wal. Walck. Walckmole. Waldow. Wale molen. Walendow. Wallachsehe. Walsleve. Walthove. Wamelitz 2. Wampe. Wangelkow. Wangerin 3. Wangeritz. Wangerow 2. Wanthagen. Warbelow 2. Warben. Warder 2. Wardin. Wärhelow. Warlang. Warlin. Warmin. Warnekow. Warnin. Warnitz. Warnow. Warre. Warsin 2. Warsow 3. Wartckow. Wartenborg. Wartow. Wartzmin. Warvelow. Warzin. Wascow 2. Wasserkunst. Wassin. Wassow 2. Wastke. Wedage. Weggenzin. Weider. Weiken möhl. Weinberg. G. Weitcow. L. Weitkow. Weitenhagen 3. Wellimscher werder. Welsen flu. Weltzin. Gr. Weltzin (остр.) L. Weltzin (остр.) Weltzke. Wenceslaushagen. Wendisch Bukow. Wendisch Damnitz. Wendisch Plassow. Wendisch Versin. Wendische Baggendorp. Wendische möhlen. Wendischen Pudger. Wendorp 3. Wendsch Calübe. Wendsch Pribbernow. Wenthagen. Wentin. Wepkendorp. Werckrow. Werder 3. Werlant. West. Westenhagen 2. Westsvine. Wetzin. Wetznow. Wetzow. Wibboise. Wick 7. Wicksow. Wier. Wildenbrock. Wildenhagen. Wildenstall. Wildeshagen. Willemshagen. Willershagen. Willerswolde. Wilmeshagen. Wiltberg. Wineta. Wining. Wintbrabe. Wintershagen. Wintmolen. Wipkenhagen. Wipper flu. Wipperske lacus. Wirowschmolen. Wirkensin. Wischow. Wismer. Wissebu Wissebur. Wistock. Witfed. Witgow. Wittemolen. Witten. Wittenbecke. Wittenborch. Wittenborn. Wittenfelde. Wittenfeldt Wittmolen. Wittock. Witstock 3. Wittow. Wittowitsche Fehr. Witzkow. Witzmitz 2. Witzow. Wobbelkow. Wobbernin. Woblat. Wockelitz. Wodarge. Woddow. Wodechow. Woetke. Wohese. Woientin. Woitin. Woitzel. Woitzker ort. Wokenitz. Wokewitz. Wokulsche Seh. Wolbersdorp. Wolckewitz. Wolckow. Woldenitz. Woldt. Wolfeshagen. Wolfsberg. Wolfsdorp. Wolfshagen 2. Wolgast. Wolizer. Wolkelitz. Wolkenzin. Wolkewitz. Wolkow. Wollenborch. Wollin 4.

Wolmerstede 2. Wolscow. Woltckow. Woltersdorp 2. Woltershagen. Wolthoff. Woltin. Woltkow. Wondorp. Wopelin. Worow. Worte. Woserow. Wossen. Wostendorp. Wostenfeld. Wostenfeldt. Wostenic. Wostentin. Wosterhusen. Wosterritz. Wosterwitz. Wotke. Wotzcow. Wrodow. Wreken. Wuckel. Wudarch. Wulferlatze. Wundschin. Wunenborg. Wunnechow. Wurcho. Wusse. Wusseke. Wusseken 5. Wussecken. Wussentin. Wussow. Wussow 5. Wusterbur. Wusterwitz 2. Wustranse. Wustrow 3. Wuttenicke. Wutzow.

Z.

Zaarns. Zabels dorp. Zacharei. Zachelin 2. Zacherin. Zamow. Zarmsdorp. Zanow. Zarben. Zarn fl. Zarnekow 2. Zarneckow. Zarnewantz. Zarpe. Zarsens. Zarsis. Zatcow. Zatel. Zechelin. Zechendorp. Zecherin 2. Zegenhagen. Zegenheide. Zegenort. Zeitlitz. Zemmen. Zemmin. Zerene. Zernecow. Zetelvitz. Zetelwitz. Zevenowische molen. Zibetcow. Zicgelofen. Zicker. Ziegelscheine. Ziegelscheun 4. Zigelwerck. Zilchow. Zinnow. Zinselser. Zinsow. Zipnow. Zirchow. Zirsow. Zirswenske. Zisemöhlen. Zitlow. Zitze. Cen Zizon See. G. Zizon flu. Zochow 3. Zochran. Zoffen. Zooffen. Zuchen 2. Zulow Sylva. Zuntze. Zutzevitz. Zwolhoff.

Высказанное нами на стр. 184 предположеніе о происхожденіи имени Новгородскаго урочища Звѣринецъ отъ Звѣрина Балтійскихъ Славянскихъ Поморянъ, въ значительной степени ослабляется существованіемъ урочища съ тѣмъ же именемъ подъ Кіевомъ и селенія Звѣринецъ верстахъ въ 12 къ югу отъ Великаго Ростова. Эти мѣста, конечно, трудно относить къ колоніямъ, если они составляли быть можетъ необходимую принадлежность каждаго стараго великаго города. Тѣмъ не меньше и это обстоятельство не даетъ большихъ основаній со всѣмъ отрицать Звѣринскую колонію въ Новгородѣ.

IV.

ДРЕВНЯЯ СКИѲІЯ ВЪ СВОИХЪ МОГИЛАХЪ.

Кочевые разноплеменные народы, населявшіе съ незапамятныхъ временъ наши южныя и особенно приднѣпровскія степи, оставили по себѣ неисчислимое множество памятниковъ въ могильныхъ насыпяхъ или курганахъ. Если по особенному скопленію этихъ насыпей въ извѣстной мѣстности мы справедливо можемъ заключать о большей или меньшей густотѣ древнѣйшаго населенія, то въ этомъ отношеніи весьма примѣчательно, что наибольшая населенность обозначается въ степяхъ, прилегающихъ къ знаменитымъ Днѣпровскимъ порогамъ. Нигдѣ нельзя встрѣтить такого числа могилъ, самой разнообразной величины и конструкціи, какъ на пространствѣ, окружающемъ пороги верстъ на 200 или 300 въ квадратѣ. Повидимому пороги представляли центральную мѣстность древнѣйшаго кочевья степныхъ народовъ. Здѣсь же Геродотъ помѣщаетъ и свой скиѳскій Герросъ, гдѣ совершались похороны скиѳскихъ царей. Мы не имѣемъ однакожъ основаній заключать, что всѣ эти безчисленные курганы насыпаны однимъ какимъ либо племенемъ, напр. скиѳскимъ. Здѣсь проходило, останавливалось и жило, много различныхъ племенъ и народовъ, которые, безъ сомнѣнія, также, какъ и Скиѳы оставляли по себѣ память въ могильныхъ насыпяхъ, этомъ единственномъ сооруженіи, какое только было возможно въ голой степи. Можетъ быть иныя изъ этихъ насыпей помнятъ не одно тысячелѣтіе даже до нашей эры.

Само собою разумѣется, что самое значительное множество степныхъ кургановъ составляетъ насыпи не очень великаго объема. Къ такимъ малымъ курганамъ мы можемъ отнести насыпи отъ $1^1/_2$ арш. и до 3 и 4 арш. отвѣсной вышины. Больше всего или вѣрнѣе сказать замѣтнѣе другихъ малыхъ, встрѣчаются курганы именно въ 3 и 4 арш.

вышины, или больше или меньше. Быть можетъ въ слѣдствіе особыхъ условій степной природы, эти насыпи обыкновенно очень разложисты, такъ что ихъ поперечникъ въ 10 и 15 разъ превосходитъ мѣру отвѣсной вышины. По этой причинѣ многія изъ нихъ, особенно очень малыя, отъ времени совсѣмъ изчезаютъ, соединяясь постепенно съ уровнемъ степной поверхности.

Малые курганы чаще всего попадаются группами и всегда особенно много ихъ тѣснится около кургановъ средней величины.

Курганы средней величины, имѣющіе вышины по отвѣсу около 2—4 саж. и въ окружности около 100 саж., почти всегда скрываютъ подъ своею насыпью цѣлое кладбище, т. е. нѣсколько гробницъ, расположенныхъ въ различномъ направленіи около одной центральной. Замѣчательно, что сѣверный бокъ у всѣхъ сколько нибудь значительныхъ кургановъ всегда круче остальныхъ и особенно южнаго, который наоборотъ бываетъ всегда отложе. Тоже самое замѣчено и въ придонскихъ курганахъ г. Леонтьевымъ [1]. Конструкція курганныхъ насыпей, какъ мы упомянули, весьма различна. Курганы болѣе или менѣе значительной величины, соотвѣтственно этой конструкціи, носятъ въ народѣ различныя названія, очень мѣтко обозначающія ихъ форму. Такъ одни называются *острыми могилами*, потому что имѣютъ вершину закругленную остро и представляютъ вообще довольно правильный конусъ; другіе называются *широкими могилами* по значительной разлогости своихъ боковъ и всего корпуса: иные *рябыми*, когда ссыпаны двѣ или три могилы рядомъ въ одну, получавшую отъ того неправильную продолговатую или кривобокую форму. Если же могила насыпана продольно и правильно, какъ бы валомъ, то ей даютъ названіе *долгой могилы*. Два кургана одинаковой величины, стоящіе рядомъ называются обыкновенно *близницами*. Могила *великая*—большая, могила *раскопанная*, значитъ была копана; могила *злодійка*—жили на ней прежде злодіи (воры, разбойники) и т. п. Не упоминаемъ названій могилъ по именамъ урочищъ, хуторовъ или мѣстныхъ землевладѣльцевъ и пр., даже по именамъ чабановъ или пастуховъ, которые, пася нѣкогда подлѣ могилы стада, оставляли на память мѣсту свое прозвище,—такихъ названій множество. На иныхъ могилахъ еще доселѣ стоятъ каменные болваны или *бабы*; а въ прежнее время такія бабы стояли вѣроятно на весьма многихъ могилахъ, ибо нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ называются *бабоватыми*, хотя уже никто не помнитъ, чтобъ стояли на нихъ бабы. Встрѣчается много могилъ, меньшей величины, которыя обложены вокругъ камнемъ. Есть также

[1] Пропилеи, кн. IV, стр. 399.

могилы, безъ насыпи, огороженныя вокругъ стоймя большими камнями. Въ этомъ они сходствуютъ съ подобными же могилами, существующими въ Сибири и въ киргизкайсацкихъ степяхъ.

Большая часть степныхъ могилъ меньшей и средней величины, на сколько намъ удалось ихъ разслѣдовать, не заключаютъ въ себѣ богатыхъ и особенно важныхъ гробницъ.

Мертвяки, какъ выражаются землекопы, или остовы покойниковъ очень часто были находимы безъ всякихъ вещей, за исключеніемъ простаго глиняннаго горшка въ головахъ изъ самаго грубаго матеріала и самой грубой работы, заставляющей, въ иныхъ случаяхъ, предполагать, что такіе горшки тутъ-же на похоронахъ лѣпились и обжигались.

Положеніе гробницъ и лежащихъ въ нихъ мертвяковъ такъ разнообразно, что нельзя заключить о какомъ либо общемъ и неизмѣнномъ условіи, которое руководило бы въ этомъ отношеніи похоронами. Иные лежатъ головою на сѣверъ, иные на югъ, на западъ, на востокъ и даже въ направленіяхъ промежуточныхъ упомянутымъ. Впрочемъ наиболѣе встрѣчается положеніе головою на востокъ. Положеніе остововъ также разнообразно: иные лежатъ въ протянутомъ положеніи навзничь, иные повидимому схоронены были въ сидячемъ положеніи; чаще остовы были находимы лежащими навзничь или на боку, скорчившись, съ прижатыми колѣнами и руками къ груди.

Гробницы рыты въ материковой глинѣ глубиною отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ аршинъ; въ иныхъ стѣнки очень тщательно выглажены; въ иныхъ на тѣхъ же стѣнкахъ можно было примѣтить слѣды остроконечнаго орудія въ родѣ копья, которымъ копали яму. Покойники, въ большинствѣ открытыхъ гробницъ, особенно въ курганахъ средней величины, были засыпаны черноземомъ. Иногда гробницы покрыты толстыми досками, или же кругляками, также слоемъ тростника или слоемъ хвороста. Встрѣчались остовы, лежавшіе на материкѣ, а иногда въ вырытой могилкѣ глубиною не болѣе $^1/_2$ аршина.

Бѣдность погребенія, указывая на бѣдность и незначительность погребеннаго лица, вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ обозначать глубокую древность могилы. Таковы, по нашему мнѣнію, всѣ могилы отличающіяся своею величиною, но не содержащія въ себѣ ни малѣйшихъ признаковъ какого либо богатства. Ссыпать нарочитой величины курганъ требовались люди; но эти люди, по своимъ лиованіямъ или по дѣйствительной бѣдности ихъ быта сопровождали погребеніе своихъ покойниковъ безъ всякихъ вкладовъ въ могилу какихъ либо дорогихъ и потому особенно любимыхъ ими вещей. Въ этомъ отношеніи особеннаго вни-

манія по своей древности заслуживаетъ большая Могила, находившаяся вблизи сел. Бѣленькаго, въ Запорожской сторонѣ, на правомъ берегу Днѣпра верстахъ въ 4 отъ рѣки, на возвышенной степной мѣстности. Курганъ имѣетъ въ окружности болѣе ста саженъ; отвѣсной вышины слишкомъ 4 саж. Насыпь въ нижней части представляла какъ бы особый нижній ярусъ, на которомъ возвышалась верхняя могила, продолговатая отъ Ю. къ С., съ весьма крутыми боками, на которые съ большимъ трудомъ можно было взбираться. Окружность этой крутой части кургана простиралась на 62 сажени, а вышина по откосу на 9 сажень. На верху кургана была ровная площадь длиною отъ Ю. къ С. на $6^1/_2$ саж., широною въ 4 саж. Полагать надо, что посрединѣ этой площади стояла нѣкогда каменная баба (грубо тесанный болванъ человѣка), ибо внизу у подошвы кургана, въ густомъ бурьянѣ, найдены три большіе обломка этой бабы. Кругомъ кургана было расположено много мелкихъ кургановъ отъ $3^1/_2$ и до $1^1/_2$ арш. вышиною.

Раскопка кургана обнаружила, что это было родовое кладбище, посреди котораго, въ центрѣ кургана, на материкѣ стояла гробница, сложенная изъ цѣлыхъ большихъ плитъ рухлаго известняка по длинѣ отъ В. къ З. около $3^1/_2$ арш., шириною въ головахъ 1 арш., въ ногахъ 10 верш.; вышины гробница имѣла 1 арш. Плиты внутри гробницы нѣсколько были тесаны. Въ ней лежалъ полуистлѣвшій остовъ навзничь, скорчившись, колѣна были подняты къ верху. Вещей при костяхъ никакихъ не было. Вокругъ гробницы была поставлена ограда изъ известковыхъ нетесаныхъ камней разной величины (около 1 арш.), стоявшихъ острыми частями къ верху. Кромѣ того въ чертѣ ограды, съ южной стороны отъ гробницы стоялъ въ видѣ столба камень вышиной въ 2 арш., толщиною около $^1/_2$ арш. Подобные столбоватые камни были найдены и въ насыпи, одинъ въ верху на серединѣ, на глубинѣ $1^1/_2$ арш. отъ вершины кургана, стоймя, а другой въ родѣ бабы, лежавшій въ восточномъ краю насыпи, по направленію тоже къ востоку, длиною $3^1/_4$ арш., толщиною около 10 вершк. На сѣверозападъ отъ гробницы въ чертѣ ограды находилась небольшая могилка, выкопанная въ материкѣ по формѣ тѣла покойника, повидимому очень молодаго и уже совсѣмъ истлѣвшаго. Затѣмъ внѣ ограды по сторонамъ находилось еще нѣсколько земляныхъ гробницъ или могилокъ, накрытыхъ тростникомъ и кругляками осокоря или ветлы. Вещей при костяхъ никакихъ не было; только при одномъ остовѣ съ лѣваго бока у кости таза найдена обыкновенная рѣчная раковина. Въ самой насыпи кургана въ продолженіе раскопки найдено костяное кольцо грубой работы и каменный молотокъ. Металлическихъ вещей не находилось и признаковъ.

Очевидно, что этотъ курганъ долженъ относиться къ очень глубокой древности, когда въ Запорожскія степи не приходили еще и Геродотовскіе Скиѳы. Окружающіе небольшіе курганы, судя по находкамъ, частію принадлежали къ той же отдаленной древности, частію къ болѣе позднему времени. Въ насыпи одного изъ нихъ были найдены обломки мѣдныхъ стрѣлъ, а другой обнаружилъ погребеніе уже козацкаго времени. Этотъ курганъ въ $2^1/_4$ арш. вышиною находился въ недальнемъ разстояніи съ юга отъ большаго кургана. Подъ его насыпью въ срединѣ лежалъ остовъ головою къ З., ногами къ В., навзничь въ прямомъ положеніи. Длиною костякъ былъ 2 арш. 13 верш. Въ головахъ лежали сѣдло и желѣзныя перержавѣвшія стремена. Правая рука положена на животъ, лѣвая протянута прямо У кости таза съ лѣваго бока найденъ небольшой точильный брусокъ и кремешекъ. Съ переди на поясу найдена желѣзная пряжка съ остатками шелковой матеріи въ родѣ камки. Сзади на поясу было желѣзное кольцо. Кромѣ того, въ насыпи найдена костяная круглая бляшка въ видѣ пуговицы, съ скважиною посрединѣ. Ясно, что это погребеніе сравнительно новѣйшее, доказывающее вообще, что безчисленное множество степныхъ кургановъ, особенно мелкихъ, заключаетъ въ себѣ весьма разнородные и разновременные слои степной древности.

Къ очень отдаленной древности можно также причислить раскопанный нами курганъ Геремесову Близницу, находящуюся верстахъ въ 10 отъ Днѣпра къ С. В. отъ упомянутаго сел. Бѣленькаго. Въ окружности курганъ имѣлъ 92 саж., въ діаметрѣ 29 саж., отвѣсной вышины слишкомъ 3 сажени. Въ его насыпи открыто тоже родовое кладбище, нѣсколько земляныхъ гробницъ, вырытыхъ въ материкѣ глубиною аршина на 2 съ небольшимъ. Могилки были накрыты деревомъ, иногда одними кругляками, иногда досками, а также соломою и хворостомъ. Подлѣ остововъ вещей никакихъ не было. Только при иныхъ въ головахъ стояли простые грубой работы горшки, иногда лежали бычачьи или же бараньи кости и при двухъ—обыкновенныя рѣчныя раковины. У одного въ головахъ у затылка найдено кремневое копье и острый кремешекъ на подобіе стрѣлы. Затѣмъ подлѣ костей попадались иногда небольшіе комки глины или краски, красной, темнокрасной, фіолетовой, желтой, быть можетъ разложившіеся остатки какихъ либо металлическихъ вещей. По мѣстамъ въ насыпи попадались бараньи, птичьи, въ маломъ числѣ и то по поверхности насыпи лошадиныя и больше всего бычачьи кости, несомнѣнные остатки жертвеннаго обѣда и заупокойнаго пиршества. Бычачьи кости, именно 4 ноги и челюсть (что въ народѣ называется студень) найдены еще внутри кургана, такъ сказать въ его головѣ, а потомъ надъ самою серединною гробницею въ головахъ покойника. Можно пола-

гать, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ это была погребальная жертва. Кромѣ костей и горшечныхъ черепковъ въ насыпи найдено только костяное кольцо. Точно такая же обстановка погребенія встрѣчалась и въ малыхъ курганахъ, находившихся вблизи большаго. Въ одномъ изъ нихъ, въ Долгой Могилѣ, ссыпанной въ одну изъ трехъ отдѣльныхъ кургановъ. надъ могилою погребеннаго также открыты—4 бычачьи ноги и челюсть, а подлѣ остова въ головахъ,—простой глиняный горшокъ и за плечевой костью—бронзовое копье.

Такимъ образомъ описанные курганы, по найденнымъ вещамъ, сами собою отдѣляются, первые въ Каменный вѣкъ, послѣдній въ Бронзовый. Но случается, что въ иныхъ курганахъ всѣ вѣка, древніе съ новыми, присутствуютъ за одно, частію въ насыпи, частію у погребенія покойниковъ. Такъ, при раскопкѣ небольшихъ кургановъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, не подалеку отъ города Александровска (Екатеринославской губерн.), именемъ Сиротины Могилы, найдено въ одномъ въ насыпи каменный молотокъ, двѣ костяныя стрѣлки, обломки желѣзныхъ удилъ и мѣдная пуговка. При остовѣ покойника, схороненнаго въ той же насыпи въ сидячемъ положеніи, найденъ только кабаній клыкъ. Въ другомъ курганѣ въ насыпи надъ могилою покойника лежали кости коня (голова и ноги) и при нихъ желѣзныя удила, стремена и короткій мечь, родъ кинжала, а въ самой могилѣ въ головахъ у истлѣвшаго остова найденъ только небольшой кремневый ножикъ.

Подобнымъ же образомъ вѣкъ каменный и костяной соединился съ бронзовымъ и желѣзнымъ въ одномъ курганѣ средней величины, находящемся близъ сел. Большой Бѣлозерки Мелитопольскаго уѣзда, въ 30 верстахъ отъ Днѣпра. Здѣсь подъ насыпью въ восточной половинѣ кургана открыто также нѣсколько земляныхъ гробницъ или могилокъ, въ томъ числѣ въ одной, находившейся прямо на верхоземкѣ, подлѣ остова найдено пять стрѣлокъ костяныхъ, одна кремневая и пять бронзовыхъ разной формы и хорошей работы, бронзовыя удила, бронзовая пуговица, золотая пластинка, свернутая трубочкою, а въ головахъ остова простой глиняный горшокъ въ родѣ кувшина. Въ другой могилкѣ, находившейся подлѣ описанной къ западу, у остова лежали бронзовое копье и точильный брусъ. Въ третьей могилкѣ при остовѣ найдены только два кремня. Въ остальныхъ при костяхъ были находимы комки краски въ родѣ краснаго банана, по всему вѣроятію окиси металлическихъ вещей. Въ западной окраинѣ того же кургана открыта земляная гробница, выкопанная пещерою на глубинѣ $1^1/_2$ саж. съ верхоземки. Въ пещерѣ на право отъ входа лежалъ остовъ въ деревянномъ гробу въ родѣ колоды. На шеѣ у него былъ золотой массивный

обручь; съ лѣва у головы лежали три желѣзныхъ копья, а у бока болѣе 100 бронзовыхъ стрѣлъ, у бедра желѣзный мечь. Съ лѣвой же стороны подлѣ гроба еще найдено болѣе 200 стрѣлъ съ истлѣвшими тростниковыми древками, и два бронзовыхъ узденчныхъ прибора. Далѣе, тоже на лѣво отъ гроба, въ самомъ входѣ въ пещеру, лежали рядомъ 30 одинаковыхъ челюстей какого-то небольшаго животнаго, нанизанныхъ на ремень, а еще дальше кости и черепъ собаки. За ними въ сѣверозападномъ углу подземелья стояла небольшая бронзовая ваза-котелокъ, съ бараньими костями. У сѣверной стѣнки находилась перетлѣвшая деревянная бочка длины въ $1^1/_2$ арш., въ діаметрѣ около $^3/_4$ арш., выдолбленная изъ цѣльнаго дерева съ рѣзною рукоятью по всей ея длинѣ. Подлѣ бочки лежали остатки уже совсѣмъ истлѣвшей деревянной же кружки въ $^1/_2$ арш. вышиною, которая съ наличной стороны была украшена золотыми бляшками съ изображеніемъ грубою работою на средней—крылатаго льва, а на двухъ стороннихъ такихъ же рыбъ. Въ ногахъ остова лежало нѣсколько лошадиныхъ костей.

Можно полагать, что курганъ главнымъ образомъ насыпанъ надъ этою болѣе богатою гробницею съ золотомъ и что описанныя выше погребенія, съ одними бронзовыми и отчасти съ костяными и каменными вещами, несравненно древнее этой большой насыпи и вошли въ нее случайно, какъ незначительные курганы, существовавшіе прежде, которые и покрыты сплошною насыпью за одно съ богатымъ погребеніемъ. Подобная большая насыпь всегда могла захватить подъ себя не одно древнѣйшее погребеніе.

Описанный курганъ изъ среднихъ оказался самымъ замѣчательнымъ. Надо замѣтить, что заключавшееся въ немъ богатое погребеніе съ золотомъ по всему вѣроятію было извѣстно его современникамъ, которые опускались въ его глубину съ вершины и употребили напрасный трудъ отыскать гробницу, ибо она находилась подъ полою кургана, въ боку, въ западной половинѣ. Искатели проникли до глубины 2 саж. въ материкѣ. Въ ихъ раскопкѣ, шедшей въ глубь колодцемъ съ поворотами, найдена въ обломкахъ каменная баба—грубо тесаный болванъ, въ прежнее время стоявшій вѣроятно на вершинѣ кургана.

Изъ всѣхъ степныхъ кургановъ особенно замѣчательны могилы толстыя. Этимъ именемъ народъ обозначаетъ курганы, которые, кромѣ нарочитой величины, имѣютъ и особенную форму, рѣзко отличающую ихъ отъ всѣхъ остальныхъ насыпей. Это могилы съ значительно крутыми боками, которые, при обширности насыпи, дѣйствительно придаютъ ей видъ толстоты, особенно въ сравненіи со всѣми другими курганами обыкновенной кону-

сообразной и притомъ болѣе разлогой формы. Крутизна боковъ у *толстыхъ могилъ*, какъ оказалось при разслѣдованіи, поддерживается фундаментомъ или цоколемъ, правильнѣе же *окладомъ*, сложеннымъ по подошвѣ кургана изъ большихъ нетесанныхъ камней, которые были добываемы въ рѣчкахъ и балкахъ, удаленныхъ иногда на значительное разстояніе отъ насыпи. Само собою разумѣется, что уже одно это обстоятельство заставляетъ предполагать, что *толстыя могилы* есть гробницы древнихъ степныхъ властителей, ибо, для того, чтобы насыпать изъ одного чернозема такой громадный курганъ, чтобы собрать въ голой степи, привезти изъ разныхъ, довольно отдаленныхъ, мѣстъ такое количество огромныхъ камней (иные имѣютъ аршинъ 5 длины и аршины $1^1/_2$ толщины),—для этого необходимо было располагать весьма значительнымъ числомъ рабочихъ рукъ. Изслѣдованія показали, что въ дѣйствительности эти могилы суть царскія гробницы, и несомнѣнно гробницы царей скиѳскихъ. Конструкція *толстыхъ могилъ* заключается въ слѣдующемъ: въ срединѣ подъ насыпью находится четыреугольная яма, вырытая въ материкѣ въ длину отъ В. къ З. около 4 арш. или болѣе, въ ширину около 3 арш., глубиною отъ $2^1/_2$ до 3 сажень. Въ курганахъ средней величины эта яма бываетъ завалена съ самой головы насыпи большими камнями, какими окладенъ цоколь насыпи. Глубина этой гробничной ямы зависѣла повидимому отъ того, на какой глубинѣ лежалъ въ материкѣ слой самой чистой бѣлой глины, который всегда и служилъ дномъ гробницы. На немъ ставился гробъ покойника. Быть можетъ этотъ бѣлый слой глины имѣлъ какое либо особое значеніе и смыслъ въ вѣрованіяхъ степныхъ кочевниковъ. Пласты материковой глины въ степи, гдѣ мы производили свои разслѣдованія, лежатъ такимъ образомъ: за слоемъ чернозема идетъ пластъ желтоватой глины, сажени на $1^1/_2$ толщиною, переходящій въ пластъ глины красноватой, цвѣтъ которой чѣмъ глубже, все болѣе густѣетъ и становится чище; затѣмъ на глубинѣ съ верхоземки отъ $2^1/_2$ до 3 саж. лежитъ пластъ бѣлой чистой глины отъ $1^1/_2$ до 2 арш. толщиною. Толщина пластовъ въ различныхъ мѣстностяхъ не одинакова. За этимъ послѣднимъ слоемъ бѣлой глины лежитъ слой самой чистой тонкой красной глины превосходнаго цвѣта.

Такимъ образомъ, какъ скоро скиѳскіе могильщики доходили до слоя бѣлой глины, цвѣтомъ почти какъ мѣлъ, они останавливали работу и на этомъ то слоѣ погребали покойника. Въ Могилѣ Цымбаловой на лѣвомъ берегу Днѣпра, у селен. Болшой Бѣлозерки, такой слой лежалъ на глубинѣ четырехъ сажень слишкомъ. Въ Чертомлыцкомъ курганѣ, какъ увидимъ ниже, такой слой встрѣтился на шестой сажени, что, безсомнѣнія, и было причиною такой не-

номѣрной глубины погребенія. Въ Могилѣ Козелъ на лѣвомъ же берегу Днѣпра, у сел. Новоалександровки на глубинѣ $4^1/_2$ саж. открывался только слой глины красновато-бѣлой, на которомъ и было устроено погребеніе.

Въ углахъ этой болѣе или менѣе глубокой центральной ямы всегда бываютъ выкопаны пещерами особыя квадратныя подземелья, какъ бы особыя комнаты, аршина въ два вышиною и отъ 5 до 8 арш. въ квадратѣ, въ которыхъ обыкновенно размѣщалось погребаемое съ покойникомъ его богатство, а также погребались и любимые его люди съ своимъ богатствомъ. Въ иныхъ случаяхъ подобныя пещеры устроены въ стѣнахъ главной ямы. Иногда изъ этихъ пещеръ проходятъ дальше подземные корридоры, приводящіе тоже къ особымъ пещернымъ погребеніямъ.

Въ Толстой могилѣ Краснокутской въ глубинѣ гробницы, подлѣ ея сѣверозападнаго угла, находилось только одно обширное подземелье съ признаками, что въ немъ также были схоронены покойники и различныя вещи. Въ Чертомлыцкомъ курганѣ такихъ подземелій найдено четыре, во всѣхъ углахъ гробницы съ проходомъ изъ одного въ пятое весьма обширное подземелье. Точно такъ и въ Могилѣ Козелъ во всѣхъ четырехъ углахъ находились такія же подземныя комнаты, съ проходами изъ трехъ въ дальнѣйшія подземныя помѣщенія. Въ Могилѣ Цымбалкѣ такихъ пещерныхъ комнатъ было три, небольшія, одна въ углу и двѣ въ стѣнѣ[1]. Замѣчательно, что главную гробницу мы всегда находили уже опустошенную, вѣроятно въ незапамятныя времена, можетъ быть даже современниками погребенія или ближайшими потомками того племени, на глазахъ котораго совершалось погребеніе и хоронилось въ землю золото и

[1] Раскопка огромнаго кургана, Луговой Могилы (Екатеринославской губ. и уѣзда, у села Александрополя, въ 45 верстахъ на западъ отъ днѣпровскихъ пороговъ), произведенная сначала г. Терещенкомъ въ 1852 — 1854 г., а потомъ г. Люценко въ 1855—1856 г., обнаруживаетъ въ расположеніи погребеній нѣкоторыя отмѣны противъ того, что не одинъ разъ встрѣчалось при нашихъ разслѣдованіяхъ. Направленіе центральной ямы въ Луговой Могилѣ идетъ отъ Ю. къ С. Съ южной же стороны отъ этой ямы находилась гробница одного коня. Гробница коней, числомъ пятнадцать, находилась съ западной стороны, но въ глубинѣ подземелья, въ которое ходъ былъ изъ главной ямы и у этого входа какъ бы сторожемъ лежалъ конюхъ. Къ сѣверо-западу отъ той же ямы сверхъ того было открыто отдѣльное помѣщеніе, гдѣ найдена колесница съ погребеннымъ при ней возницею. Изображенія грифовъ, птицъ, и пр. съ тулеями и обломки желѣзныхъ полосъ отъ колесницы найдены тоже въ насыпи кургана въ западной его половинѣ. Общая глубина всѣхъ подземныхъ погребеній въ Луговой Могилѣ достигала только $2^1/_2$ саж., гдѣ находился и бѣлый слой глины. Луговая Могила вообще была одна изъ богатѣйшихъ и раскошнѣйшихъ Скиѳскихъ гробницъ.

всѣ сокровища царственнаго покойника. Мудрено, чтобы люди, хотя и удерживаемые страхомъ какого либо вѣрованія о неприкосновенности отцовскихъ могилъ, оставались холодными къ пріобрѣтенію этихъ подземныхъ сокровищъ. Расхищеніе производилось посредствомъ подземныхъ лазеекъ, входъ въ которыя рытъ обыкновенно у подошвы кургана съ сѣверной стороны, какъ ближайшей къ центру, ибо, какъ упомянуто, сѣверный бокъ кургана всегда бываетъ круче остальныхъ, а слѣдовательно и радіусъ круга съ этой стороны короче, чѣмъ съ другихъ пунктовъ. Лазейки всегда направляются довольно прямо и вѣрно къ центру, т. е. къ главной гробницѣ. Бываютъ случаи, что они проходятъ искомое мѣсто, но, поворачивая, всетаки достигаютъ цѣли и минуютъ лишь такія подземныя хранилища, которыхъ мѣстоположеніе почему либо ускользало изъ памяти или соображеній смѣлыхъ хищниковъ. Вообще можно съ большою вѣроятностію заключить, что едва ли когда встрѣтится могила съ главною гробницею, не разоренною кладоискателями. Обыкновенно остаются въ сохранности лишь ея побочныя, такъ сказать придаточныя подземелья и гробницы. Тѣмъ не менѣе и эти послѣднія доставляютъ чрезвычайно много любопытныхъ и богатыхъ находокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно даже предполагать, что эта главная центральная гробница служила только главнымъ входомъ во всѣ погребальныя подземелья и потому сама оставалась всегда пустою. Существуютъ примѣты и указанія, подтверждающія такое предположеніе.

На верхоземкѣ вблизи гробницы и прямо или на-искось противъ нея, въ нѣсколькихъ саженяхъ къ западу, находилась могила коней, рытая глубиною на 1 сажень, при которыхъ иногда хоронились и конюшіе. Число погребаемыхъ коней, вѣроятно, соотвѣтствовало богатству и значенію покойника. Такъ въ одной могилѣ, по прозванію *Каменной*, найдена гробница только съ однимъ конемъ, въ другой, Толстой Краснокутской, съ четырьмя, въ Могилѣ Цымбалкѣ съ шестью, въ Могилѣ Козелъ и въ Чертомлыцкой съ 11 конями. Съ восточной стороны, также прямо противъ царской гробницы и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, въ одномъ курганѣ, Толстой Краснокутской, были положены на верхоземкѣ въ двухъ кучкахъ обломки колесницы, удила съ уборами, а также изображенія львовъ, грифовъ и птицъ съ трубками или тулеями для насаживанья на древко, служившія быть можетъ чѣмъ либо въ родѣ знаменъ или значковъ, или же украшавшія погребальную колесницу. Въ другомъ курганѣ, Близницѣ Слоновской, подобныя же изображенія найдены съ западной стороны; въ Чертомлыцкой Могилѣ тѣ же вещи лежали въ насыпи, на вершинѣ кургана, въ 3 саж. съ его поверхности.

Само собою разумѣется, чѣмъ значительнѣе и богаче былъ покойникъ, тѣмъ больше сокровищъ хоронилось съ нимъ въ землю, тѣмъ огромнѣе насыпалась и могила, а потому очень понятно, что наиболѣе важныя и блистательныя открытія ожидаютъ изслѣдователя только въ курганахъ самой большой величины. Въ этомъ отношеніи, въ высшей степени любопытныя и замѣчательныя открытія доставилъ огромнѣйшій курганъ, именуемый Чертомлыцкою Могилою.

Толстая Могила, извѣстная подъ именемъ Чертомлыцкой или Чертомлыка, отъ рѣчки Чертомлыка, находится неподалеку отъ истоковъ этой рѣчки и отъ большой чумацкой и старой сѣчевой дороги, верстахъ въ 20 къ С. З. отъ мѣстечка Никиполя, лежащаго на самомъ Днѣпрѣ (Екатеринославской губерн. и уѣзда). Почти въ такомъ же разстояніи, прямо на югъ отъ могилы у рѣки Подпольной (рукавъ Днѣпра), при впаденіи въ нее степной рѣчки Чертомлыка, находится селеніе Капуливка — мѣсто Старой Запорожской Сѣчи, а нѣсколько ниже по теченію Подпольной — село Покровское, мѣсто новой Запорожской Сѣчи. Могила по своей величинѣ принадлежитъ къ самымъ огромнѣйшимъ сооруженіямъ, какія только извѣстны въ тамошнихъ степяхъ. Она насыпана на возвышенной и весьма ровной мѣстности, перерѣзанной во многихъ направленіяхъ болѣе или менѣе глубокими балками и рѣчками, которыя, по большей части, неподалеку отъ могилы и получаютъ свое начало. Примѣчательно, что одна изъ ближайшихъ къ могилѣ балокъ, впадающая на Ю. В., въ р. Чертомлыкъ, называется Козарькою. Съ могилы во всѣ стороны открываются далекіе виды и ровная степь, особенно къ западу, представляется уровнемъ моря. Къ югу виднѣются плавни, поемные днѣпровскіе лѣса, Геродотова Илея, наше Олешье, къ сѣверу видны еще двѣ Толстыя огромныя могилы, Гегелина и Нечаева, лежащія верстахъ въ 30 отъ Чертомлыцкой. Вблизи могилы, съ западной стороны, въ разстояніи 12 саж., лежитъ Долгая Могила, продолговатый курганъ, насыпанный по направленію отъ В. къ З., длиною около 60 саж.; а за нею разбросано по степи еще нѣсколько могилъ меньшей величины.

Насыпь Чертомлыцкой Могилы имѣла обыкновенную конусообразную форму. Вершина ея представляла ровную площадь въ 7 саж. въ діаметрѣ, посрединѣ которой въ ямѣ стояла лицемъ къ В. каменная баба, т. е. вытесанный изъ камня болванъ, въ мужскомъ нарядѣ, съ головою, уже отшибенною отъ плечь и снова приставленною. Вышина боковъ могилы по откосу, съ подошвы до краевъ упомянутой площади, простиралась отъ 24 до 26 саж. Сѣверный бокъ былъ круче, чѣмъ остальные и особенно круче южнаго, который у подошвы имѣлъ значительную пологость.

Впослѣдствіи оказалось, что сѣверный бокъ посрединѣ былъ утвержденъ каменьями, отъ чего и имѣлъ съ верху до средины почти отвѣсную крутизну.

Въ окружности по подошвѣ могила имѣла болѣе 165 саженъ; отвѣсной вышины съ вершины до материка около 9 саженъ. Подошва могилы по всей окружности была обложена огромными нетесаными известковыми камнями. Этотъ цоколь имѣлъ толщины болѣе сажени и простирался вверхъ по пологости боковъ могилы, на 7 саж., а въ иныхъ мѣстахъ и болѣе. Очевидно, что могила обложена была камнями съ намѣреньемъ укрѣпить ея насыпь и сохранить нарочитую крутизну ея боковъ. Съ сѣвернаго бока, ближе къ западу, у самой подошвы кургана находилась круглая ямина, около 4 саж. въ діаметрѣ, осыпанная валомъ около 3 саж. шириною. Легко было догадаться, что здѣсь рытъ подземный ходъ въ могилу давнишними искателями ея кладовъ, отъ чего образовался и самый валъ изъ земли, которая выкидывалась при раскопкѣ. Впослѣдствіи дѣйствительно обнаружилось, что отсюда къ главной, центральной, гробницѣ направлялась подземная лазейка.

Чертомлыцкая Могила очень хорошо была извѣстна Запорожцамъ и упоминается въ ихъ преданіяхъ; она, безсомнѣнія, служила для нихъ самымъ выгоднымъ сторожевымъ постомъ при наблюденіяхъ за движеніемъ Татаръ и другихъ непріятелей. Ученые путешественники Екатерининскаго времени также не могли не обратить особаго вниманія на этотъ замѣчательный памятникъ степной древности. В. Зуевъ въ своихъ „Путешественныхъ Запискахъ отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 г. (Спб. 1787.) довольно подробно описываетъ тогдашнее состояніе могилы, которую онъ осматривалъ съ истинно-ученымъ вниманіемъ.

„Выѣхавъ изъ Чертомлына (станція того времени изъ Никополя къ Херсону), верстъ черезъ пять, говоритъ путешественникъ, увидѣли мы превеликій круглый курганъ, какого я ни прежде, ни послѣ не видывалъ. Его называютъ здѣсь Толстою Могилою. Вокругъ, видно, онъ также былъ окладенъ известковымъ каменьемъ, потому что сколь много по степи, подъѣзжая къ нему, его валялось, больше того на сей художественной горѣ его было. Взошедъ на оный довольно круто, посреди самаго верьха представляется ямина, которая однако не отъ иного чего есть, какъ что земля осѣла и въ оной яминѣ стоитъ каменной болванъ увеличеннаго росту. Болванъ сей кругомъ обтесанъ довольно ясно, чтобъ разпознать части тѣла, платье и вещи, какія онъ на себѣ нашивалъ. Голова круглая, какъ шаръ, на которой чертъ лица или совсѣмъ не было изображено или отъ времени стерлись. Онъ стоялъ лицемъ на западъ, врытъ въ землю

по самое платье и для того нотъ было не видно. Одѣтъ видно въ латы и на головѣ такаяжъ кольчужная шапка, отъ которой пояса или ремни привязывались назади къ находящейся на спинѣ пряжкѣ, которою и латы застегивались; руки у него сложены пальцы въ пальцы; пониже оныхъ видѣнъ широкій поясъ или портупея съ большими для застегиванія на переди бляхами, а на лѣвой бедрѣ и знакъ шпаги. Другихъ орудій около его никакихъ было не видно... Насупротивъ Толстой Могилы къ западу шаговъ черезъ 30 или 40 имѣется другой насыпной бугоръ, длиною сажень на 15 и высокой. Онъ безъ сомнѣнія принадлежитъ къ первому и если позволено такъ думать, то долженъ представлять или сокрытое сего великаго болвана имѣніе, или схороненную тутъ въ одномъ мѣстѣ всю его родню: ибо и поставленіе его лицемъ къ сей Могилѣ, или на западъ, несовсѣмъ обыкновенно или обще совсѣми прочими, коихъ я послѣ видалъ, болванами. Какъ тотъ, такъ и другой бугры вокругъ укладены были известковыми камнями".

Такимъ образомъ теперешнее состояніе могилы было нѣсколько различно отъ описаннаго Зуевымъ. Онъ упоминаетъ, что главный курганъ, равно, какъ и лежащая подлѣ него Долгая Могила, были обложены камнемъ, что по степи также много лежало этого камня, который съ того времени окрестными поселянами безъ сомнѣнія разобранъ на свои постройки. Сохраняется однакожъ между ними и до сихъ поръ память, что отъ могилы къ В., къ небольшимъ Близницамъ, о которыхъ выше упомянуто, версты на $1^1/_2$ разстоянія или и менѣе, обозначена была дорога положенными въ нѣсколько рядовъ каменьями, подобно тому, какъ было, а отчасти и теперь сохраняется у Близницъ Томаковской и Слоновской.

Каменная баба также съ тѣхъ поръ значительно потерпѣла, именно голова ея уже отшибена и стоитъ она лицемъ къ востоку, а не къ западу, какъ упоминаетъ Зуевъ. Она грубо вытесана изъ цѣльнаго песчаника, длиною $3^3/_4$ аршина, въ томъ числѣ самое изображеніе длиною въ 3 аршина, а подножіе въ $^3/_4$ арш. Шириною камень въ плечахъ 1 арш., въ подолѣ кафтана 15 верш.; толщиною около 11 верш. Голова по шею отбита вмѣстѣ съ лѣвымъ плечомъ. Изображеніе въ мужескомъ нарядѣ. На головѣ невысокая шапка въ родѣ ермолки или шапки-мисюрки, съ наймою расположенною по вѣнцу шапки и отъ темяни крестъ-на-крестъ. Назади изъ подъ шапки опускается затыльникъ въ родѣ косы, сначала въ пять прядей, а затѣмъ сходитъ въ кольцо и падаетъ по спинѣ въ одну прядь. Кафтанъ длинный, ниже колѣнъ, украшенъ по швамъ и подолу нашивками или каймами. Руки сложены у живота. На лѣвомъ бедрѣ по кафтану виситъ на темлякѣ мечъ, а на правомъ родъ колчана. Ноги

по размѣрамъ фигуры вытесаны очень малы, неболѣе 7 верш. Можетъ быть этимъ хотѣли обозначить сидячее положеніе фигуры.

О сокровищахъ, которыя по понятіямъ мѣстныхъ жителей скрывались въ могилѣ, ходили разсказы и толки, болѣе или менѣе невѣроятные, украшенные суевѣрною фантазіею. Болѣе правдо-подобный разсказъ заключается въ томъ, что лѣтъ 30—40 назадъ одинъ пастухъ, жившій подъ курганомъ въ шалашѣ, нашелъ будто бы съ сѣверной его стороны (гдѣ и находился искательскій раскопъ и лазея) сѣдло съ серебряными стременами и цѣлый кладъ старинныхъ талеровъ.

Любопытны разсказы окрестныхъ поселянъ о каменной бабѣ. Тому лѣтъ 20 или 30, ее было свезли съ кургана и поставили гдѣ-то въ усадьбѣ, для хозяйскаго дѣла, какъ простой камень. А какъ между поселянами существовало, да и до сихъ поръ существуетъ вѣрованіе, что эта баба исцѣляетъ отъ лихорадокъ, для чего къ ней всегда ходили съ этою цѣлью на поклонъ,—то снятіе ея съ кургана возбудило суевѣрные толки и случай этотъ сопровождался будто бы четырехлѣтнею повсемѣстною засухою, а къ тому же и самая баба много безпокоила деревню суевѣрными представленіями, такъ что, по общему мнѣнію, рѣшено было поставить ее на прежнее мѣсто. При этихъ перевозкахъ вѣроятно была отбита у ней голова и сама она потомъ поставлена лицемъ къ востоку. Старики присовокупляютъ, что когда нужно было свезть бабу съ кургана, то насилу ее стягли 10 воловъ, а когда везли на курганъ, такъ одною парою пошла и такъ легко, какъ будто сама собою шла. Послѣ того какой-то крестьянинъ изъ чертомлыцкихъ хуторовъ взялъ съ кургана одну только отшибенную голову бабы и приладилъ ее, какъ подставу, у своего погреба. Пошли толки, сдѣлалась опять засуха. Какой-то женщинѣ открылось, что засуха пройдетъ, когда голова будетъ поставлена на мѣсто. Такъ дѣйствительно и случилось. Вообще изъ разсказовъ открывается, что Чертомлыцкая баба пользуется особеннымъ суевѣрнымъ уваженіемъ между тамошними жителями, преимущественно женщинами, которое поддерживали и распространяли посредствомъ разныхъ басенъ старые *чабаны* или пастухи, въ тѣхъ выгодахъ, что жертвы, приносимыя ей въ чаяніи изцѣленій деньгами и хлѣбомъ, собираются тайно тѣми же чабанами. Намъ разсказывала между прочимъ одна старуха изъ чертомлыцкихъ хуторовъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ она носила къ бабѣ своего 12 лѣтняго сына, долго страдавшаго лихорадкой. Пришла она на курганъ съ сыномъ на рукахъ раннею зарею, помолилась на восходъ, положила бабѣ гривну грошей да паляницу (хлѣбъ). Съ той поры сынъ изцѣлѣлъ. Трудно было разузнать всѣ подроб-

ности этого языческаго поклоненія, о которыхъ поселяне въ своихъ, и безъ того смутныхъ и сбивчивыхъ разсказахъ боязливо умалчиваютъ; но должно полагать, что совершались вѣроятно и еще кое-какіе обряды, относившіеся прямо къ истукану. Въ 1859 году, когда мы въ первый разъ осматривали Чертомлыцкую могилу, раннимъ утромъ на восходѣ солнца мы встрѣтили тамъ старика чабана, который благоговѣйно объяснилъ намъ, что баба очень помогаетъ въ лихорадкахъ и другихъ болѣзняхъ, что люди часто къ ней приходятъ, приносятъ деньги и хлѣбъ, что иной разъ, именно на восходѣ солнца, пришедшимъ чудится, какъ будто она промолвитъ, какъ будто спроситъ, „покайся", скажетъ, „що съ молоду робивъ?" Такое суевѣрное поклоненіе Чертомлыцкой бабѣ не угасло и теперь. Когда, начиная раскопку кургана, мы принуждены были свалить бабу къ его подошвѣ, гдѣ она и оставалась нѣкоторое время, то по окрестности также пошли суевѣрные толки и многіе поселяне, проѣзжавшіе или проходившіе мимо, благоговѣйно снимали свои шляпы и иногда цѣловали поверженный камень. Однажды, во время нашихъ работъ, когда баба снова была поставлена уже на Долгой Могилѣ, къ ней пришла крестьянка съ ребенкомъ лѣтъ пяти или шести. Перекрестившись передъ ней, она поклонилась въ землю, приложилась къ ногамъ, къ рукамъ, къ груди, къ плечу, подняла ребенка и точно также прикладывала его; потомъ обошла бабу кругомъ, чѣмъ-то поливала и прыскала изъ пузырька, наконецъ повязала ее около шеи платкомъ и ушла. Платокъ тотчасъ подхватилъ одинъ изъ гробарей-землекоповъ.

Раскопка кургана начата въ маѣ 1862 года, съ его вершины или головы. На глубинѣ $1^1/_2$—$2^1/_2$ арш. въ разныхъ мѣстахъ и въ различномъ разстояніи отъ центра площади, время отъ времени стали попадаться черепки разбитыхъ глиняныхъ простыхъ амфоръ, и разныя вещицы, составлявшія уздечный приборъ: желѣзныя удила, бронзовые баранчики, пуговицы, запоны. У подножія бабы найдены копейки 1854 г., двукопѣечникъ 1832 г. и еще двѣ копѣйки 30 же годовъ, что послужило подтвержденіемъ приведенныхъ разсказовъ о бабѣ. На глубинѣ 3-хъ сажень и въ разстояніи $1^1/_2$ саж. къ востоку отъ центра кургана открыты сложенженные въ кучу безъ всякаго порядка различные предметы конскаго уздечнаго и другаго убора, именно перержавѣвшія и сварившіяся желѣзныя удила числомъ около 250 съ принадлежащими къ нимъ бронзовыми баранчиками, пуговицами, пряжками, запонами рѣзными въ видѣ птичьей головы, наносниками въ видѣ бюста какого-то животнаго и пр.; также части шейнаго убора, состоявшаго изъ бронзовыхъ бляхъ разной величины, овальныхъ и въ видѣ полумѣсяца, и колокольчиковъ, соединенныхъ съ бляхами посредствомъ же-

лѣзной цѣпочки; множество бронзовыхъ круглыхъ блях разной величины съ скважинами частію по срединѣ, а большею частію по краямъ, которыя, какъ замѣчено по истлѣвшимъ остаткамъ нитокъ, были нашиты на какую-то ткань: множество бронзовыхъ стрѣлокъ разной величины и формы. Въ срединѣ подъ удилами лежали бронзовый прорѣзной шаръ съ трубкою для надѣванія на древко; 4 бронзовыя изображенія львовъ, 4 бронзовыя изображенія драконовъ и 2 изображенія птицы, также съ трубками для надѣванія на древко. Въ восточной сторонѣ кучи найдено нѣсколько золотыхъ пластинокъ, басменныхъ на подобіе перьевъ, листковъ, бляшекъ и ленточекъ, со скважинами по краямъ, посредствомъ которыхъ они были прикрѣплены золотыми же гвоздиками вѣроятно къ ремнямъ. Здѣсь же находилась круглая серебряная бляха въ 3 вершка въ діаметрѣ, которая совсѣмъ окислилась и отъ прикосновенія разсыпалась въ песокъ. Около нея примѣчены были еще другія серебряныя вещи, точно также превратившіяся въ золу, такъ что нельзя было узнать ихъ форму. Отъ упомянутой бляхи къ кучѣ желѣзныхъ удилъ тянулась цѣлая нитка мелкихъ перетлѣвшихъ раковинъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ змѣиныхъ головокъ, которыя, вѣроятно, были нанизаны на ремнѣ. Такъ какъ всѣ вещи были сложены безпорядочно въ кучу (длиною 2 арш., шириною $1^1/_2$ ар., толщиною 1 арш.), то большая ихъ часть и особенно желѣзныя удила, такъ были перепутаны своими частями, что требовалась величайшая осторожность и тщательность при очищеніи ихъ отъ земли и при отдѣленіи ихъ другъ отъ друга, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ въ значительной степени перержавѣли и окислились.

Вершина или голова кургана была снята вся вышиною на 4 сажени, послѣ чего образовалась площадь около 24 саж. въ діаметрѣ. Отсюда раскопка поведена продольнымъ разрѣзомъ отъ В. къ З. шириною на 22 саж. Снявши одну сажень въ глубь, мы уменьшили ширину разрѣза до 20 саж.; затѣмъ, снявши еще одну сажень въ глубь, мы назначили ширину разрѣза только въ 16 саж., которая впослѣдствіи и была доведена до материка при длинѣ въ 44 сажени, которая составляла длину діаметра цокольной каменной обкладки кургана. Такой способъ роскопки, уступами по стѣнамъ, былъ совершенно неизбѣженъ по той причинѣ, что черноземная насыпь кургана постоянно давала въ стѣнахъ трещины и обваливалась. Сдѣланные уступы обезопасили насъ отъ подобныхъ обваловъ, ибо отвѣсная вышина стѣнъ была уменьшена этимъ способомъ до 3 саж. При раскопкѣ разрѣза, въ разныхъ мѣстахъ найдены черепки простыхъ глиняныхъ амфоръ, въ томъ числѣ двѣ амфорныя ручки съ греческими клеймами; малыя желѣзныя удила, бронзовые баранчики и пуговицы отъ такихъ же удилъ, бронзовыя стрѣл-

ки, лошадиныя кости отъ челюсти и ногъ, нѣсколько черепковъ простаго горшка изъ черной крупнозернистой глины, какіе очень часто находятся въ малыхъ степныхъ курганахъ подлѣ остововъ.

Доведенная до седьмой сажени глубины съ верха кургана, раскопка была остановлена до слѣдующаго года. На другой годъ (1863) начатая вновь раскопа производилась *штыхомъ* т. е. поднятіемъ пласта земли толщиною отъ 6 до 8 верш. горизонтально по всей площади, которая при 16 саж. ширины, постепенно увеличивалась въ длину по мѣрѣ приближенія къ материку и впослѣдствіи, уже на материкѣ, достигла 44 саж. длины, въ чертѣ каменнаго цоколя. Необходимо опять напомнить, что вся насыпь состояла изъ чернозема. Когда стали приближаться къ материку, то въ сплошномъ черноземномъ слоѣ, около средины кургана показались слои глины красноватой, бѣловатой и жолтой, очевидно выкинутые изъ гробничной ямы, которую они окружали на пространствѣ 16 саж. въ длину и столько же въ ширину. Затѣмъ, когда мы достигли материковой глины, обыкновенно желтой, и выровняли всю раскопанную площадь, то въ центрѣ кургана обнаружилась въ желто-глиняномъ материкѣ четыреугольная продолговатая яма, засыпанная чистымъ черноземомъ длиною отъ В. къ З. $6^1/_2$, шириною отъ С. къ Ю. 3 аршина; къ сѣверозападному ея углу примыкала другая такая же яма овальной неправильной формы, около 5 саж. въ діаметрѣ. Далѣе къ Западу въ разстояніи 5 саж. отъ первой ямы и прямо противъ нея обнаружились еще три ямы, лежавшія рядомъ по направленію отъ Ю. къ С., почти квадратныя, длиною и шириною около 4 арш.

Противъ этихъ ямъ, южной и средней, съ восточной стороны обнаружились двѣ небольшія земляныя гробницы длиною отъ В. къ З. 3 арш., шириною около $1^1/_2$ арш.

Мы начали разслѣдованіе съ этихъ двухъ небольшихъ гробницъ. Въ одной изъ нихъ, южной, найденъ остовъ человѣка, лежавшаго лицемъ къ западу, т. е. къ главной гробницѣ; на шеѣ у него былъ серебряный, покрытый листовымъ золотомъ, обручъ; въ правомъ ухѣ золотая серьга греческой работы; на среднемъ пальцѣ правой руки—золотое, свитое спиралью изъ проволоки, кольцо; съ праваго бока подлѣ остова лежали рядомъ желѣзное копье и такая же стрѣла (дротикъ?), древки которыхъ совсѣмъ уже истлѣли; съ лѣваго бока у пояса небольшой ножикъ, а у тазовой кости кучка бронзовыхъ стрѣлокъ съ явными слѣдами истлѣвшаго кожанаго колчана. Въ другой могилкѣ, сѣверной, лежалъ въ томъ же положеніи другой остовъ, у котораго на шеѣ былъ золотой витой массивный обручъ (около $^1/_2$ ф. вѣсомъ); у головы справа—кучка бронзовыхъ стрѣ-

локъ съ остатками деревецъ, кои были расписаны киноваремъ поясками; у лѣвой руки подлѣ кисти найдено еще пять такихъ же стрѣлокъ.

Въ головахъ этихъ покойниковъ расположены были рядомъ упомянутыя три квадратныя могилы, вырытыя въ материкѣ глубиною на 3 аршина. Въ нихъ открыто одиннадцать коней, лежавшихъ головами къ западу или къ главной гробницѣ, въ южной три, въ остальныхъ двухъ по четыре; изъ нихъ пять съ серебряными уздечными нарядами, а шесть съ золотыми нарядами уздечными и сѣдельными. Изъ этихъ послѣднихъ на двухъ коняхъ кромѣ того находились шейные бронзовые уборы изъ бляхъ большихъ овальныхъ и малыхъ въ видѣ полумѣсяца съ привѣшанными колокольчиками. Уздечные наряды состояли каждый изъ массивнаго наносника, изображавшаго бюстъ какого-то животнаго, изъ 2 бляхъ большихъ съ изображеніемъ птицъ, изъ 2 небольшихъ массивныхъ пуговицъ, изъ 6 большихъ пуговицъ или бляхъ съ ушками. Сѣдельный нарядъ каждаго коня заключалъ: 4 пластины, украшавшія сѣдло, 4 большія пуговицы или бляхи съ ушками, желѣзную пряжку и серебр. кольцо, вѣроятно отъ подпруги.

Въ южной конской гробницѣ найдена сверхъ того одна бронзовая уздечка (уборъ) можетъ быть съ коня, неполные останки котораго именно голова, нѣсколько позвонковъ и ножныя кости открыты были дальше на западъ поверхъ материка подъ каменнымъ цоколемъ могилы. Въ челюсти конскаго черепа оставались одни только желѣзныя удила. Останки его костей были однакожъ размѣщены въ положеніи, какое долженъ былъ имѣть полный остовъ животнаго.

Мы замѣтили выше, что неизбѣжнымъ, повидимому, условіемъ свиѳскаго царскаго погребенія былъ материковый слой бѣлой чистой глины, на которомъ ставили гробъ и который подъ Чертомлыцкимъ курганомъ лежалъ гораздо глубже, какъ сейчасъ увидимъ.

Разслѣдованіе главной гробницы представило величайшія затрудненія, какихъ нельзя было и предполагать. Съ поверхности материка гробница обозначалась правильнымъ четыреугольникомъ изъ чернозема, имѣвшимъ $6^1/_2$ арш. длины отъ В. къ З. и 3 арш. ширины отъ С. къ Ю. Когда мы стали углубляться въ черноземъ, то скоро увидѣли, что яма гробницы и въ планѣ и въ разрѣзѣ имѣетъ форму трапеціи и ко дну, а равно и на востокъ постепенно расширяетъ свое пространство. Это обстоятельство въ значительной степени усложнило наши работы, ибо съ каждымъ штыхомъ въ глубь мы принуждены были увеличивать ширину и число такъ называемыхъ припечковъ или приступокъ, посредствомъ которыхъ выбрасывали изъ ямы черноземъ. Чѣмъ

глубже шла работа, тѣмъ становилась она затруднительнѣе и опаснѣе: стѣны и припечки, высыхая отъ солнца и вѣтровъ, трескались и обваливались. Иногда цѣлые дни проходили лишь въ томъ, чтобъ выкидать со дна обвалившійся уголъ или часть стѣны.—Мы углубились уже слишкомъ на 3 саж., но дна еще не было, между тѣмъ какъ въ другихъ раскопанныхъ нами скиескихъ курганахъ гробничное дно обнаруживалось почти всегда на $2^1/_2$ саж. вмѣстѣ съ материковымъ слоемъ бѣлой глины. Наконецъ, углубившись слишкомъ на 5 саж. съ верхоземки, мы подъ черноземомъ открыли завѣтный слой бѣлой глины, т. е. материковое дно гробницы, на которомъ обнаружились только лишь признаки того, что здѣсь нѣкогда стоялъ гробъ и безсомнѣнія находились всѣ принадлежности погребенія. На это указывали: открытые посрединѣ отпечатки красокъ, голубой и карминной, еще остававшихся на исподней сторонѣ черноземнаго слоя и служившихъ, повидимому, украшеніемъ гроба; по сторонамъ — малые остатки совсѣмъ истлѣвшаго дерева и тростника, а у стѣнъ ямы перержавѣвшія желѣзныя скобы и согнутые въ видѣ скобъ гвозди, изрѣдка находимые и по всему пространству дна въ разныхъ мѣстахъ. Послѣ напряженныхъ ожиданій и долгихъ опасныхъ работъ, мы убѣдились только, что гробница была расхищена дочиста.

Расхищеніе произведено изъ упомянутой выше овальной ямы, примыкавшей къ сѣверозападному углу гробницы. Въ эту яму съ внѣшней сѣверозападной же стороны кургана, отъ той именно небольшой раскопки, о которой мы также упоминали, шла подземная лазейка, аршина въ $1^1/_2$ въ діаметрѣ, на глубинѣ 2 саж., направленная прямо къ углу гробницы. Не доходя до этого угла сажень на 5, лазейка почти отвѣсно опускалась въ глубь, въ подземелье, уже обвалившееся и образовавшее овальную яму. Черезъ это подземелье расхитители и очистили главную гробницу. Но видно было, что ихъ застигъ обвалъ подземелья и они не успѣли всего вытаскать. На это указывалъ между прочимъ найденный нами въ слояхъ рущеной земли человѣческій остовъ, въ такомъ безпорядкѣ въ отношеніи расположенія костей, который явно показывалъ, что покойникъ погибъ отъ обвала подземелья. На днѣ этого подземелья, почти подъ самымъ входомъ въ него изъ лазейки, стояли двѣ большія мѣдныя вазы простой работы; у одной, самой большой, около $1^1/_4$ арш. вышиною, по вѣнцу находятся шесть ручекъ въ видѣ козловъ. Дальше къ востоку найденъ бронзовый свѣтильникъ о шести рожкахъ. Въ томъ же подземельи по дну собраны въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ югозападномъ углу, различныя мелкія золотыя вещи, частію въ обломкахъ; и сверхъ того подъ стѣнами открыто три пещер-

ки, наполненныя также различными вещами, может быть припрятанными нарочно во время расхищенія гробницы. Въ одной пещеркѣ найдены пять колчановъ стрѣлъ, скипѣвшихся отъ ржавчины, семь ножей, мечь съ рукоятью, обложенною золотомъ, золотой наконечникъ отъ мусата и бронзовая чаша, совсѣмъ перержавѣвшая. Въ другой пещеркѣ у входа стояло бронзовое ведерцо, а дальше лежала цѣлая куча золотыхъ разновидныхъ бляхъ (около 700 штукъ) со множествомъ мелкихъ пуговокъ (слишкомъ фунтъ вѣсомъ), служившихъ украшеніемъ какой либо одежды или покрывала, остатки коего истлѣвшіе и превратившіеся въ землю, лежали подъ этими вещами и дальше въ глубинѣ пещерки. Въ числѣ бляшекъ, на четыреугольныхъ изображена женская сидящая фигура, въ профиль, съ зеркаломъ въ лѣвой рукѣ; передъ ней стоитъ фигура скиоа, пьющаго изъ рога; другія бляхи отчасти круглыя, съ изображеніемъ женской головы, розетки, одна изображаетъ медузину голову, а больше всего треугольныя горошчатыя.

Подлѣ этой пещерки съ одной стороны найдены останки человѣчьяго остова, а съ другой по дну въ разныхъ мѣстахъ собраны золотыя вещи: два перстня, одинъ съ рѣзнымъ изображеніемъ собаки, другой съ изображеніемъ быка: массивное кольцо, наконечникъ отъ ноженъ меча, разныя бляхи, бусы и пластинки.

Далѣе, въ третьей пещеркѣ находки были еще интереснѣе: кромѣ мелкихъ золотыхъ вещицъ, найдена золотая чеканная доска или покрышка съ налуча или футляра для лука, другая съ ноженъ меча, обѣ съ изображеніемъ сценъ изъ греческой миѳологіи; нѣсколько золотыхъ бляхъ съ колчановъ; пять мечей съ рукоятками, покрытыми чеканнымъ золотомъ, изъ которыхъ на 4-хъ грубою работою изображены грифоны и олени, а на одномъ превосходно вычеканено изображеніе охоты и вверху двѣ бычачьи головы безъ роговъ [1]; найденъ также круглый мусатъ (точильный камень фигурою въ родѣ пальца) съ золотою рукоятью, три колчана бронзовыхъ стрѣлъ, пять подъемныхъ бронзовыхъ скобъ, можетъ быть отъ гроба; много пластинокъ отъ желѣзныхъ и бронзовыхъ наборныхъ поясовъ и пр. Безпорядокъ, въ какомъ лежали всѣ эти вещи, явно указывалъ, что чрезъ это именно подземелье происходило расхищеніе гробницы.

Но расхитители, оставившіе еще такъ много изъ своего грабежа, вовсе не попали въ побочныя четыре гробницы, которыя выкопаны были обширными, около 8 арш. въ квадратѣ, пещерами въ каждомъ изъ четырехъ угловъ главной

---

[1] Геродотъ упоминаетъ, что въ Скиѳіи водились быки комолые.

гробницы и притомъ ниже уровня ея дна аршина на 2, такъ что средина этого дна, гдѣ найдены признаки гроба, возвышалась передъ этими подземными комнатами въ видѣ катафалка, съ котораго въ пещеры вели покатые спуски. Такое низменное положеніе этихъ подземелій, быть можетъ, уберегло ихъ отъ расхищенія. Пещеры были совсѣмъ завалены обрушившеюся землею, такъ что едва можно было различить рушеные слои отъ материковыхъ. При изслѣдованіи ихъ мы встрѣчали величайшія затрудненія и подвергались ежеминутной опасности отъ обваловъ. Только смѣлость и ловкость привычныхъ къ подобнымъ работамъ гробарей устранили несчастные случаи и много способствовали даже къ сокращенію расходовъ на раскопку.

Въ сѣверовосточномъ наугольномъ подземельѣ, при самомъ входѣ, слѣва найденъ человѣч. остовъ съ бронзовымъ обручемъ на шеѣ, съ серьгою въ правомъ ухѣ и съ спиральнымъ золотымъ кольцомъ на среднемъ пальцѣ правой руки; въ головахъ у него собрано нѣсколько золотыхъ и костяныхъ вещей, составлявшихъ повидимому что-то въ родѣ жезла; у пояса съ лѣвой стороны найденъ ножикъ съ костянымъ черенкомъ и тамъ-же у тазовой кости колчанъ бронзовыхъ стрѣлъ. Затѣмъ обнаружилось, что въ этомъ подземельѣ были сложены богатыя одежды и различные уборы, головные и т. п. Золотыя украшенія и принадлежности этихъ уборовъ состояли: изъ пластинъ (родъ вѣнчиковъ) съ изображеніями драконовъ, львовъ, оленей, травъ, цвѣтовъ, плодовъ и узоровъ; драконовъ, терзающихъ оленей, драконовъ, борющихся съ сфинксами, плясавицъ, сфинксовъ и т. п.; изъ разнородныхъ бляшекъ: круглыхъ, четыреугольныхъ, треугольныхъ, также съ изображеніями на однихъ медузиной головы, Геркулеса со львомъ, льва, терзающаго оленя, на другихъ грифа, зайца, розетки, тельца и пр.; изъ пуговицъ разной величины въ видѣ головы человѣка, въ видѣ розетки, и гладкихъ; изъ бусъ, украшенныхъ сканью, изъ запонъ въ видѣ сфинксовъ и пр. (Всего около 2500 штукъ, мелкихъ и крупныхъ). Найдено кромѣ того нѣсколько стеклянныхъ синихъ бусъ и бѣлыхъ бисеринокъ, а также бронзовое зеркало съ желѣзною рукояткою, серебряная ложка, нѣсколько костяныхъ дощечекъ съ остатками позолоты, вѣроятно украшавшихъ ларецъ или ящикъ. Безпорядокъ, въ какомъ лежали эти вещи, большею частію кучками, не давалъ никакой возможности составить какое либо опредѣленное понятіе объ ихъ первоначальномъ расположеніи. Повидимому одежды съ ихъ уборами были развѣшены въ сводѣ подземелья на желѣзныхъ крючкахъ, которые тутъ же были находимы съ признаками на нихъ перетлѣвшихъ тканей. Въ глубинѣ задней стѣны подземелья найдены и самыя ткани въ комкахъ, уже истлѣвшія.—При

входѣ въ подземелье, справа у стѣны стояло шесть глиняныхъ простыхъ, уже раздавленныхъ, амфоръ.

Въ юговосточномъ наугольномъ подземельѣ у входа съ правой стороны у стѣны стояла бронзовая небольшая ваза, подобная двумъ большимъ, найденымъ въ подземельѣ грабителей. а за нею по стѣнѣ же пять глиняныхъ, раздавленныхъ уже, амфоръ, противъ которыхъ найдены истлѣвшія кости какого-то небольшаго животнаго (собаки), лежавшаго головою къ амфорамъ. Далѣе въ глубинѣ подземелья найдены подобные же золотые головные уборы въ видѣ пластинъ — вѣнчиковъ, также бляшки и пуговки. (Всего болѣе 350 штукъ). По южной стѣнѣ (гдѣ стояли амфоры) найдено нѣсколько колчановъ бронзовыхъ стрѣлъ, нѣсколько ножей съ костяными ручками, какіе уже были находимы, и остатки истлѣвшей ткани.

Особенно важны и замѣчательны были открытія въ сѣверозападномъ наугольномъ подземельѣ. Здѣсь прежде всего мы примѣтили въ слояхъ глины отпечатки красокъ, голубой, красной, зеленой и желтой. Ширина мѣста, на которомъ сохранялись эти краски, была около 2 арш., а вышина 1 арш. Мѣстами попадались остатки совсѣмъ перетлѣвшаго дерева. Видимо было, что здѣсь стоялъ деревянный гробъ или саркофагъ. Послѣ обозначилось, также по отпечаткамъ красокъ и остаткамъ дерева, что онъ имѣлъ длины по направленію отъ З. къ В. $8^1/_4$ арш. Посрединѣ истлѣвшаго гроба на материкѣ открытъ женскій остовъ (длины 2 ар. 6 вер.), лежавшій головою къ западу и слѣд. лицемъ къ главной гробницѣ. На немъ былъ слѣдующій уборъ: на шеѣ золотой массивный гладкій обручь около 1 ф. вѣсомъ, съ изображеніемъ по концамъ львовъ; въ ушахъ двѣ серьги, состоящія изъ колецъ съ семью подвѣсками каждое; на лбу золотая чеканная травами пластинка (вѣнчикъ) съ бляшками въ видѣ цвѣтковъ и розетокъ, сходная съ подобными же уборами, найденными въ двухъ описанныхъ подземельяхъ. Около головы и всего корпуса лежали рядомъ 57 четыреугольныхъ бляшекъ съ изображеніемъ прямо сидящей женщины и стоящаго съ права отъ нея мальчика по видимому съ зеркаломъ въ рукѣ; рядъ или нитка этихъ бляшекъ простиралась выше черепа на 8 вершковъ, огибая его треугольникомъ съ закругленною вершиною, и потомъ опускалась къ плечамъ и шла до кистей рукъ. Безъ сомнѣнія бляшки служили каймою какого либо покрова; съ исподней стороны на нихъ еще очень были замѣтны остатки весьма тонкой ткани пурпуроваго цвѣта. На кистяхъ рукъ были широкіе гладкіе золотые браслеты, а ниже ихъ стеклянныя бусы; на всѣхъ пальцахъ — золотые перстни, на девяти гладкіе, а на одномъ, правомъ мизинцѣ, съ изображеніемъ летящей степной птицы въ родѣ драхвы. Между

костью таза и ребрами лѣвой стороны найденъ круглый камень въ родѣ картечной пули, вѣроятно амулетъ. Съ права подлѣ руки лежало бронзовое зеркало съ костяною рукоятью.

Въ разстояніи 2 арш. отъ гроба, противъ его средины, по направленію къ сѣверу, лежалъ мужской малый и повидимому молодой остовъ, головою къ гробу, т. е. на югъ; голова покоилась на правой щекѣ, слѣд. лицемъ къ главной гробницѣ. У него на рукахъ были небольшіе браслеты; у пояса ножикъ съ костяною ручкою, у таза слѣва небольшой колчанъ стрѣлъ. Ноги остова почти упирались въ рядъ глиняныхъ, уже раздавленныхъ амфоръ, стоявшихъ по всей сѣверной стѣнѣ подземелья, начиная отъ самаго входа въ него изъ главной гробницы. Амфоръ было 13. Съ лѣваго бока остова лежала еще такая же амфора.

Далѣе въ глубинѣ подземелья открыты: серебряная ваза въ родѣ амфоры, вышиною 1 арш., въ діаметрѣ въ плечахъ около 9 вершковъ, вся изящно разчеканенная травнымъ орнаментомъ съ изображеніемъ цвѣтовъ, птицъ, и въ верху двухъ грифовъ, терзающихъ оленя, а по плечу украшенная горельефными вызолоченными изображеніями сценъ изъ быта Скиѳовъ, занятыхъ уходомъ за своими конями.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь изображено самое существенное и важнѣйшее дѣло изъ скиѳскаго быта, именно покореніе дикаго коня. Греческій художникъ развилъ эту мысль съ замѣчательнымъ искусствомъ и расположилъ свои изящныя изображенія въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, какимъ по необходимости всегда сопровождалось это степное скиѳское занятіе. Изображеніе расположено вокругъ по плечу вазы и составляетъ два особые и равные отдѣла, одинъ передній другой задній. Начальный пунктъ художественной мысли и самого дѣла находится посрединѣ этой задней стороны всей картины. Здѣсь двѣ лошади представлены еще на степной дикой свободѣ: онѣ пасутся въ степи. По сторономъ изображено первое дѣйствіе ихъ покоренія человѣку: онѣ уже пойманы на арканъ скиѳами, которые стараются удержать, остановить ихъ на мѣстѣ. Фигуры лошадей и фигуры скиѳовъ изображаютъ сопротивленіе другъ другу, лошади стремятся убѣжать, скиѳы упираются всѣми силами, дабы удержать бѣгущихъ. Такимъ образомъ этотъ задній отдѣлъ картины и съ правой, и съ лѣвой стороны, существенно выражаетъ одно: ловлю степнаго, свободно пасущагося коня. Съ передней стороны вазы, на самой срединѣ изображенъ и самый важный актъ этой ловли, именно усиліе трехъ скиѳовъ повалить дикаго, необузданнаго коня на землю, дабы потомъ взнуздать его. Два скиѳа, стоящіе впереди коня, тянутъ его веревками (которыхъ къ сожалѣнію не сохранилось на памятникѣ), одинъ за правую пе-

реднюю ногу, другой за обѣ, вѣроятно спутанныя, заднія ноги. Скиѳъ, стоящій позади, тоже тянетъ къ себѣ коня за лѣвую переднюю его ногу. Группа съ лѣва показываетъ, что конь уже взнузданъ и скиѳъ его треножитъ, притягивая лѣвую переднюю ногу черезъ плечо коня къ правому поводу узды съ цѣлью оставить его въ этомъ неестественномъ и очень трудномъ для коня положеніи, чтобы онъ самъ собою привыкъ слушаться повелѣній узды. Группа съ права показываетъ, что дикій конь уже спокоенъ, объѣзженъ, взнузданъ и осѣдланъ и скиѳъ спокойно треножитъ его переднія ноги для отдыха. Впереди этой послѣдней группы и послѣдняго акта покоренія лошади изображена фигура скиѳа стоящаго лицомъ къ зрителю и что-то разсматривающаго въ скинутомъ съ праваго плеча своемъ кафтанѣ. Къ сожалѣнію части рукъ у него отрѣзаны заступомъ при открытіи вазы и не были потомъ найдены, хотя это именно обстоятельство и послужило къ ея сохраненію, потому что дало возможность во время остановить раскопку заступами, отъ которыхъ ваза непремѣнно была бы поломана

Любопытно, что у вазы въ горлѣ находится ситка, какъ и въ трехъ носкахъ сдѣланныхъ, одинъ спереди, въ видѣ окрыленной головы коня, а два, по сторонамъ, въ видѣ львиныхъ головъ. По стилю и отдѣлкѣ ваза можетъ быть причислена къ лучшимъ произведеніямъ греческаго искусства, и есть единственный въ своемъ родѣ памятникъ скиѳской древности[1]. Подлѣ вазы стояла серебряная же большая плоская чаша, родъ блюда на поддонѣ, такой же работы, украшенная желобками и травнымъ узоромъ, съ двумя ручками, подъ коими изображены рельефно женскія фигуры. На ней лежала большая серебряная ложка съ рукоятью, украшенною на концѣ кабаньей головой.

Въ югозападномъ наугольномъ подземельѣ открыто на материкѣ два остова воиновъ, лежавшихъ рядомъ, головами къ западу и лицемъ къ главной гробницѣ. Одинъ, лежавшій справа, подлѣ сѣверной стѣны, былъ въ слѣдующемъ уборѣ: на шеѣ золотой обручь съ изображеніемъ львовъ, по 6 на каждомъ концѣ; на кистяхъ рукъ золотые браслеты; на безъименныхъ пальцахъ по кольцу; около черепа лежали вокругъ рядомъ четыреугольныя бляшки съ изоб-

---

[1] Подробное ученое, въ высшей степени любопытное изслѣдованіе этой вазы и другихъ Чертомлыцкихъ памятниковъ греческаго искусства принадлежитъ академику Стевани. См. Отчетъ Имп. Археологической Коммиссіи за 1864 годъ. Достоуважаемый ученый причисляетъ эти памятники къ лучшему греческому стилю четвертаго столѣтія до Р. Х. Точно также и античныя вещи, найденныя въ Кіевской губерніи по теченію рѣки Роси, см. выше стр. 252, онъ относитъ къ третьему и четвертому вѣку до Р. Х.

раженіемъ грифона, украшавшія вѣроятно головной покровъ; у лѣваго бедра находился мечъ съ рукоятью, покрытою золотомъ съ грубыми изображеніями грифона и оленя; на ножнахъ былъ золотой наконечникъ. Какъ этотъ мечъ, такъ и найденные прежде, съ которыми онъ совершенно сходенъ, имѣли длины около 21 дюйма На чреслахъ былъ найденъ бронзовый поясъ, состоявшій изъ набора бронзовыхъ пластинокъ. Видимо, что на этомъ поясѣ вѣроятно и висѣлъ упомянутый мечъ. Подлѣ меча найденъ ножикъ съ костяною рукоятью, а ниже его колчанъ бронзовыхъ стрѣлъ. Ноги, отъ колѣнъ до лодыжекъ, были покрыты бронзовыми латами, коваными изъ тонкаго листа, и потому совершенно перержавѣвшими. Съ лѣваго бока у остова лежало желѣзное копье и такая же стрѣла (метательное копье) съ желѣзными же наконечниками, находившимися у ногъ остова, такъ что длина этихъ оружій была около 3 арш. Еще дальше въ разстояніи 3/4 арш. найдены еще три такихъ же копья. Въ головахъ остова, съ лѣвой стороны, близь черепа, лежала бронзовая чашка съ серебряными ручками и серебр. кувшинчикъ въ родѣ кубышки. За ними дальше былъ положенъ колчанъ стрѣлъ.

На другомъ остовѣ, лежавшемъ съ правой стороны отъ перваго, найдены: на шеѣ золотой обручь съ рѣзнымъ изображеніемъ львовъ по концамъ; на правой рукѣ серебряный браслетъ и золотое кольцо на среднемъ пальцѣ; на чреслахъ такой же бронзовый наборный поясъ съ перержавѣвшими остатками ножа; у тазовой кости колчанъ стрѣлъ. Костей лѣвой руки до локтя не было.

Такимъ образомъ, хотя мы и не были счастливы по разслѣдованію главной гробницы, опустошенной давнишними искателями, может быть еще въ незапамятныя времена, зато эти наугольныя ея подземелья, остававшіяся нетронутыми, вполнѣ вознаградили наши, совсѣмъ было потерянныя, надежды и ожиданія. Неимовѣрное множество открытыхъ вещей своимъ разнообразіемъ и значеніемъ даетъ весьма обильный фактическій матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій о скиѳской древности, представляя или новые варіанты относительно прежнихъ открытій, или совершенно новыя и доселѣ неизвѣстныя данныя. Особенно важно то, что значительная часть находокъ касается бытовой, домашней стороны этой древности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти подземелья съ открытыми въ нихъ сокровищами могутъ служить самымъ нагляднымъ подтвержденіемъ Геродотова сказанія о погребеніи скиѳскихъ царей (стр. 247) и стало быть доказательствомъ, полнымъ и несомнѣннымъ, что важнѣйшіе изъ Екатеринославскихъ кургановъ въ дѣйствительности есть памятники скиѳскіе.

Что касается до открытій, сдѣланныхъ въ то же время на верховемкѣ, подъ насыпью и въ самой насыпи кургана, то онѣ, хотя и не представили никакихъ важныхъ и цѣнныхъ находокъ, но все таки были любопытны по несомнѣнному отношенію ихъ къ обрядамъ и обыкновеніямъ, какими сопровождалось нѣкогда погребеніе скиѳскихъ царей. Дальше къ западу, за могилами царскихъ коней, въ 4 саж. отъ нихъ, найдено еще нѣсколько небольшихъ могилокъ, выкопанныхъ въ материковой глинѣ глубиною неболѣе $1^1/_2$ арш., въ которыхъ открыты, подлѣ одного большаго остова, кости котораго находились въ безпорядкѣ, три остова младенческихъ, имѣвшихъ въ наличности только одну верхнюю часть корпуса, т. е. голову и грудь съ костями рукъ по локоть. Въ разстояніи одной сажени отъ этихъ могилокъ на С. З. на самомъ материкѣ лежали кости коня, о которомъ мы уже говорили выше. Затѣмъ, еще далѣе, подъ сѣверозападнымъ пластомъ огромныхъ камней курганнаго цоколя, по направленію отъ сѣвера къ югу, лежалъ слой конскихъ же костей и черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ амфоръ. Слой этотъ шириною былъ въ $1^1/_2$ арш., толщиною въ $^1/_4$ арш. и простирался сплошь на 7 саж. длины. Очевидно, это были слѣды справленной здѣсь тризны или поминокъ по покойникѣ. Вообще должно замѣтить, что западная мѣстность отъ главной гробницы и не только подъ насыпью кургана, но и дальше по степи, служитъ явнымъ свидѣтельствомъ, что здѣсь въ виду царя-покойника, лежавшаго без сомнѣнія сюда лицемъ, совершались въ его память тризны и погребались всѣ лица, почему либо ему близкія. Кромѣ множества небольшихъ кургановъ, разсѣянныхъ по степи съ этой стороны, должно упомянуть особенно о Долгой Могилѣ, находящейся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этого громаднаго кургана и, по всему вѣроятію, имѣющей къ нему зависимое отношеніе. Но не должно полагать, что и въ ней откроются такія же сокровища, какими былъ такъ богатъ главный курганъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, погребены рабы царя, быть можетъ тѣ, которые, по сказанію Геродота, насильственно погибали въ память царя, во время годовщины его поминовенія [1].

Раскопка другихъ большихъ царскихъ кургановъ, каковы Толстыя Могилы: Козелъ, у селен. Новоалександровки и Цымбалова у сел. Большой Бѣлозерки (оба мѣста Мелитопольскаго уѣзда, Таврич. губ., на лѣвомъ берегу Днѣп-

---

[1] Составленное нами подробное описаніе произведенныхъ раскопокъ въ Скиѳскихъ курганахъ помѣщено въ изданіи И. Археологической Коммиссіи: Древности Геродотовой Скиѳіи, Выпускъ II, Спб. 1872. При томъ же изданіи въ обоихъ выпускахъ находится планы Могилъ и рисунки Скиѳскихъ вещей.

ра), не представивъ особенно богатыхъ находокъ, по той причинѣ, что могилы были уже обысканы въ давнее время, обнаруживала только повторительныя указанія на способъ и порядки скиѳскаго погребенія и даже на одинаковость найденныхъ вещей. Такъ Могила Козелъ, по своему устройству, оказалась совсѣмъ сходною съ Чертомлыцкою Могилою. Сходство это относительно вещей изъ конскаго убора простиралось до того, что найденные предметы были какъ бы одной и той же фабрикаціи съ Чертомлыцкими. Тоже отчасти можно сказать и о Могилѣ Цымбаловой, гдѣ очень любопытное видоизмѣненіе найдено лишь въ головномъ уборѣ двухъ коней, а устройство погребальныхъ комнатъ оказалось сходнымъ съ ихъ устройствомъ въ курганахъ средней величины.

Не смотря на то, изслѣдователя всегда ожидаетъ болѣе счастливая жатва во множествѣ кургановъ первой и второй величины, разсѣянныхъ повсюду въ скиѳскихъ степяхъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ могилы Козелъ, вблизи селенія Большія Сирагозы существуетъ курганъ не меньше Чертомлыцкаго, называемый Агузъ. Къ сожалѣнію предполагаемое нами его разслѣдованіе не могло состояться по той причинѣ, что степь вокругъ него занята пашнею, которую крестьяне не рѣшались уступить иначе, какъ только за очень дорогую цѣну. На дорогѣ къ этимъ Сирагозамъ отъ сел. Большой Знаменки, верстахъ въ 10 отъ послѣдней, находится большая могила—Мамайсурка. На лѣвомъ же берегу Днѣпра надъ сел. Каховкою на высокой степи тоже стоитъ весьма значительный курганъ. Равнымъ образомъ и по правому берегу Запорожскаго Днѣпра есть также весьма значительные курганы. Рѣже они встрѣчаются въ низменной Херсонской степи.

Разслѣдованіе Скиѳскихъ могилъ, сколько оно совпадало съ нашими наблюденіями, обозначило по нашему мнѣнію слѣдующія общія черты въ исторіи степнаго населенія. Древнѣйшіе обитатели степей повидимому были народъ-пастырь въ собственномъ или въ библейскомъ смыслѣ, не отличавшійся военными, наѣздническими нравами и жившій еще въ эпоху такъ называемаго каменнаго и бронзоваго вѣка, на что указываютъ каменныя орудія и бронзовыя копья, которыя не имѣютъ даже трубокъ и потому не насаживались на древко посредствомъ такой тулеи, а повидимому всаживались въ древко нижнимъ острымъ концомъ, какъ ножикъ или гвоздь, словомъ сказать прикрѣплялись къ древку тѣмъ же способомъ, какъ прикрѣплялись и каменныя копья. Были находимы даже и удила бронзовыя, но и такія вещи встрѣчаются въ могилахъ изрѣдка, несомнѣнно по той причинѣ, что въ быту народа военное дѣло не было господствующимъ. Чаще всего возлѣ костей покойника и боль-

ше всего въ головахъ стоитъ одинъ только простой глиняный горшокъ.

Эти горшки однако имѣютъ весьма разнообразную форму, начиная отъ простой чашки и доходя до кувшина или малороссійскаго глечика. Обыкновенная форма очень сходна съ маллороссійскою же макитрою. Въ иныхъ случаяхъ горшки украшены незатѣйливою рѣзьбою въ видѣ городковъ или угловъ, простыхъ черточекъ и точекъ и т. п. Матеріалъ, изъ котораго дѣлались эти горшки, тоже весьма различенъ: иногда онъ очень грубъ, иногда обработанъ чисто и тонко изъ лучшей глины.

Примѣчено также, что кромѣ какъ бы необходимаго горшка не малое значеніе въ погребеніи имѣла и обыкновенная Днѣпровская раковина. Несомнѣнно, это былъ какой либо амулетъ. Нерѣдко у костей покойника находили комки какихъ-то красокъ. Мы упомянули, что это могли быть металлическія вещи, отъ которыхъ осталась только одна окись металла. Но ни разу не случилось найдти эти комки въ формѣ какого либо орудія или другой какой вещи, что необходимо должно бы встрѣтиться, ибо и совсѣмъ окислившаяся отъ времени вещь все-таки оставила бы слѣды своей первоначальной формы. Въ одной могилѣ напротивъ того найденъ комокъ краснаго бакана въ видѣ тщательно выглаженнаго кружка, похожаго на округленный кусокъ мыла. Такимъ образомъ до новыхъ изслѣдованій эти комки красокъ остаются предметомъ необъяснимымъ. Сверхъ того тѣже могилы отличаются отъ другихъ изобиліемъ костей рогатаго скота, по преимуществу коровьихъ, и бѣдностью, а чаще всего совершеннымъ отсутствіемъ костей лошадиныхъ, что совсѣмъ противоположно могиламъ болѣе поздняго времени.

Повидимому лошадь тогда явилась неизмѣннымъ товарищемъ человѣка, когда посредствомъ желѣзныхъ удилъ явилась полная возможность ее покорить.

Вотъ эта другая эпоха въ исторіи нашихъ степей очень рѣзко обозначаетъ себя могилами, въ которыхъ погребеніе человѣка совершается неразлучно съ погребеніемъ его коня.

Если, какъ мы видѣли, въ древнѣйшихъ могилахъ у костей покойника обыкновенно лежатъ кости рогатой скотины, ноги и челюсти, то у позднѣйшаго обитателя степи точно также рядомъ съ его костями лежатъ кости его степнаго товарища — коня. Такъ въ одномъ курганѣ древняго происхожденія (у Краснокутской Толстой Могилы) въ вершинѣ его насыпи найденъ мертвякъ болѣе поздняго времени въ слѣдующемъ порядкѣ погребенія: у лѣваго его бока были положены черепъ и большія кости отъ ногъ молодаго коня, такъ что лѣвою челюстью голова коня касалась лѣвой щеки

покойника. У правой челюсти коня лежали крестъ-на-крестъ малыя кости конскихъ переднихъ ногъ; въ мордѣ находились желѣзныя удила; далѣе, у лѣвой ноги человѣч. остова лежало истлѣвшее сѣдло, безъ всякихъ украшеній, обтянутое по краямъ только берестою, а подъ сѣдломъ лежали мелкія заднія ножныя кости коня. Между черепомъ коня и сѣдломъ была протянута правая рука покойника. Очевидно, что мясо лошади было съѣдено на похоронахъ, и покойнику положены только тѣ части, какія не пошли въ употребленіе живымъ людямъ. Такъ справлялось погребеніе бѣдныхъ степныхъ наѣздниковъ. Но и богатые изъ нихъ точно также всегда ложились въ одной могилѣ съ своими конями.

Наѣзднической степной бытъ въ своемъ могуществѣ и непомѣрномъ богатствѣ особенно сильно выразился въ могилахъ, которыя несомнѣнно должно относить къ Геродотовскимъ Скиѳамъ. Однѣ изъ этихъ могилъ, самыя огромныя, конечно, принадлежатъ царямъ; другія—средней величины, судя по обстановкѣ погребенія, могли принадлежать знатнымъ скиѳамъ, старѣйшинамъ, воеводамъ или по нашимъ понятіямъ боярамъ. Такимъ образомъ, посредствомъ этихъ могилъ мы знакомимся съ верхнимъ слоемъ Скиѳскаго наѣздническаго народа.

Совокупивъ въ одно открытыя доселѣ вещи: въ Керченской гробницѣ [1], въ Луговой Могилѣ и при нашихъ раскопкахъ, здѣсь описанныхъ, можно составить довольно подробное понятіе покрайней мѣрѣ о внѣшней сторонѣ Скиѳскаго быта, которая своими вещами и различными еще не совсѣмъ объяснимыми памятниками послужитъ вообще самою вѣрною живописью въ лицахъ къ разсказамъ Геродота.

Благодаря греческому искусству, здѣсь Скиѳы изображены въ такомъ изящномъ рисункѣ, что живая правда ихъ быта возникаетъ передъ зрителемъ именно только въ художественномъ, какъ бы поэтическомъ образѣ, не одѣтая, подобно нашимъ иконописнымъ изображеніямъ нашихъ древнихъ предковъ, въ условныя черты, хотя и благочестивой, но весьма односторонней и совсѣмъ безжизненной, можно сказать истуканной обрисовки фигуръ, житейскихъ положеній и отношеній.

Здѣсь каждая черта стремится выразить дѣйствительную жизнь, но не омертвѣвшую форму, въ какой жизнь представлялась благочестивому воображенію и помышленію иконо-

---

[1] Случайно открытой еще въ 1830 году, въ горѣ Кул—Оба (Земля пепла). Скиѳское погребеніе подъ Керчью (древн. Пантикапея), вблизи богатаго греческаго города, совершилось по греческому обычаю въ особо устроенномъ каменномъ склепѣ, а не въ подземныхъ пещерахъ, какъ въ степи. Однако вся обстановка погребенія и его расположеніе были такія же, какъ и въ степныхъ курганахъ. См. Ашика: Воспорское Царство II, § 25.

писца. Вотъ по какой причинѣ Скиѳъ 4-го вѣка до Р. Х. является передъ нами болѣе живымъ лицомъ, чѣмъ нашъ предокъ 17 столѣтія.

Благодаря греческому искусству, мы, въ открытыхъ Скиѳскихъ памятникахъ, видимъ Скиѳовъ въ различныя минуты ихъ жизни. Покореніе дикаго коня, изображенное на Чертомлыцкой вазѣ и описанное выше, раскрываетъ передъ нами ихъ обычное степное дѣло. На золотой небольшой вазѣ (братинѣ) Кулобской гробницы Скиѳы изображены въ дѣлахъ домашнихъ. На небольшомъ стульцѣ сидитъ по видимому царь съ царскою повязкою на головѣ и съ копьемъ въ рукѣ, которое, какъ бы слушая и размышляя, приложилъ ко лбу, а нижнимъ концомъ опирается въ землю. Передъ нимъ сидитъ по степному, поджавъ колѣна, Скиѳъ въ своемъ башлыкѣ, опираясь въ землю тоже копьемъ, и что-то разсказываетъ царю. Позади другой Скиѳъ старается натянуть тетиву на свой лукъ. Послѣ изображеннаго разговора, это по видимому сборы къ войнѣ. Затѣмъ слѣдуетъ группа изъ двухъ Скиѳовъ: одинъ щупаетъ пальцемъ зубъ у другаго, который отъ боли крѣпко схватилъ щупающую руку своего врача. Дальше, другой Скиѳъ въ башлыкѣ, перевязываетъ рану на ногѣ, вѣроятно у тогоже больнаго Скиѳа. На особыхъ золотыхъ бляхахъ, найденныхъ въ той же Кулобской гробницѣ, изображены Скиѳы въ своихъ богатырскихъ поѣздкахъ, быстро скачущими на конѣ и какъ бы бросающими свои метательныя копья.

Скиѳская одежда была именно одежда лихаго наѣздника. Они носили очень короткій кафтанъ, доходившій только до половины бедра; запахивали его пола-на-полу и очень крѣпко подпоясывались поясомъ, ременнымъ или состоявшимъ изъ бронзовыхъ пластинокъ, собранныхъ на ремнѣ въ чешую, другъ на друга. Ширина такого пояса не была больше вершка. Переднія полы кафтана кроились косяками въ родѣ фалдъ длиннѣе одежды. По бокамъ какъ и у Русскихъ одеждъ дѣлались прорѣхи. Рукава были обыкновенные и не широкіе. Такіе кафтаны были холодные и теплые; послѣдніе повидимому опушались по вороту и по поламъ мѣхомъ. Воротника у кафтана не было и только опушка около шеи дѣлалась нѣсколько полнѣе и широко отворачивалась на спину. Непримѣтно, чтобы подъ этимъ кафтаномъ Скиѳы, по крайней мѣрѣ простолюдины, носили еще рубашку. Кажется въ томъ же кафтанѣ числилась и рубашка. Но рубашка у нихъ существовала. Въ ней изображены наѣздники. Она только пряталась по малороссійски въ широчайшія шаровары. На Чертомлыцкихъ изображеніяхъ эти шаровары являются не столько полными и походятъ вообще на штаны. Скиѳская обувь состояла изъ короткихъ сапожковъ, которые по лодыжкамъ, а иногда и черезъ подъ-

емъ перевязывались ремнемъ. Въ эти сапожки опускались и шаровары, для чего быть можетъ и необходима была упомянутая перевязка лодыжекъ. Шаровары при перевязкѣ выпускались поверхъ сапожковъ до подъема и потому представлялись какъ бы штанами, носимыми сверхъ сапогъ. У царей и богатыхъ Скиѳовъ, и кафтанъ, и особенно штаны покрывались по ткани золотыми бляшками различной величины и формы, которыя посредствомъ скважинъ пришивались къ ткани и украшали одежду въ видѣ каемъ, круживъ по спинѣ и по подолу и разныхъ узоровъ, смотря по скиѳскому вкусу. На штанахъ изъ такихъ украшеній протягивались напр. лампасы. Сверхъ того фонъ или поле ткани испещрялось мелкими золотыми пуговками величиною въ $1/8$ вершка, которыя также пришивались посредствомъ ушковъ. Все это объясняетъ, для чего было надобно такое множество разныхъ бляшекъ и пуговокъ, какое открыто напр. въ одномъ только Чертомлыцкомъ курганѣ. Надо сказать, что такой способъ украшенія одеждъ металлическими, по преимуществу золотыми бляхами былъ въ особенномъ употребленіи и у древнихъ грековъ и вѣроятно принадлежалъ всѣмъ богатымъ народамъ древности. Онъ можетъ доказывать, что въ это отдаленное время (4 или 5 вв. до Р. X.) золотныя ткани, парчи, еще не существовали или не были въ употребленіи. Покрайней мѣрѣ въ Скиѳскихъ могилахъ не найдено ихъ и признака.

Скиѳы волосъ не стригли и носили ихъ распущенными по плечамъ, зачесывая или приглаживая всю ихъ массу назадъ къ затылку. Кромѣ того иные напереди носили кокъ или хохолъ, другіе этотъ передъ подстригали скобою. Всѣ они были бородачи. На Чертомлыцкой вазѣ показаны и безбородые, но повидимому, это юноши. Башлыкъ покрывалъ волоса только до плечь; изъ подъ него косма волосъ опускалась по спинѣ. Башлыкъ точно также украшался нашивными золотыми бляшками и пуговками; а спереди пластинами въ родѣ ленты или въ родѣ обручиковъ, къ которымъ прикрѣплялись особыя пуговицы висюльками. Цари безъ башлыка носили золотыя ленточныя перевязи въ родѣ вѣнчиковъ, которые у насъ теперь кладутъ на покойниковъ и которые несомнѣнно очень древняго происхожденія и обозначали въ собственномъ смыслѣ царскій вѣнецъ.

На шеѣ, и цари, и царицы и ихъ слуги, какъ вѣроятно и всѣ знатные скиѳы, носили гривны, то есть обручи, золотые литые, въ полфунта или въ фунтъ вѣсомъ, а у меньшихъ людей — легкіе бронзовые, концы которыхъ украшались изображеніями львовъ, грифовъ, сфинксовъ, самыхъ скиѳовъ и т. п. На рукахъ у кистей и даже выше локтя носились браслеты, что даетъ поводъ предполагать, что руки въ иныхъ случаяхъ не покрывались одеждою.

Вооруженіе скиѳа заключалось въ короткомъ прямомъ мечѣ, длиною 12—15 вершк. въ томъ числѣ рукоять въ 3 вер. У царя Кулобской гробницы великолѣпный мечь имѣлъ длины $17^1/_2$ вершк. Но главное были стрѣлы. Повидимому скиѳъ никогда не покидалъ своего саадака, т. е. налуча или футляра для лука (съ тетивою въ аршинъ длины) и колчана съ стрѣлами. Съ саадакомъ, который всегда висѣлъ на поясѣ, опускаясь по лѣвому бедру, скиѳъ дѣлаетъ, судя по изображеніямъ, всякія дѣла и дома, и въ степи. Кромѣ того онъ имѣлъ два копья, одно метательное въ видѣ стрѣлы длиною аршина въ полтора и больше; другое обыкновенное въ ростъ человѣка и больше.

Нѣкоторые Скиѳы носили и броню, состоявшую изъ желѣзныхъ квадратныхъ или продолговатыхъ пластинокъ величиною около вершка, съ скважинами по краямъ, посредствомъ которыхъ эти пластинки нашивались на особую сорочку или кафтанъ такимъ способомъ, что они покрывали другъ друга и составляли какъ бы желѣзную чешую на одеждѣ. Быть можетъ такая скрѣпа пластинокъ устроивалась и посредствомъ желѣзной проволоки и вся брони такимъ образомъ составляла одну желѣзную сорочку. Кромѣ того иные надѣвали также и греческія кнемиды, бронзовыя латы на голени ногъ, наголенки или бутурлики, какъ такія же поножи назывались у насъ въ 17 стол. Но видимо, что эти вещи не были еще въ общемъ употребленіи, иначе онѣ встрѣчались бы въ каждой могилѣ, между тѣмъ они попадаются изрѣдка.

Видимо, что Скиѳъ любилъ своего коня, какъ лучшаго друга, и потому убиралъ его съ такимъ же богатствомъ и великолѣпіемъ, какъ самого себя. Конскій уборъ сосредоточивался главнымъ образомъ только въ уздечномъ приборѣ, который состоялъ изъ круглыхъ большихъ и малыхъ бляхъ, украшавшихъ связки узды и оголовк; изъ наносника въ видѣ конской же или грифовой и другой подобной головки; изъ большихъ бляхъ, покрывавшихъ щеки, въ видѣ змѣй, или подобныхъ фигуръ. Кромѣ того въ иныхъ случаяхъ особыми большими пластинами или бляхами длиною $9^1/_2$ в. покрывалось переносье и лобная часть головы коня. Такія золотыя пластины были открыты на коняхъ въ Могилѣ Цымбалкѣ. На одной изъ нихъ изображена сирена—полуженщина съ змѣиными хвостами, держащая въ рукахъ тоже змѣй съ львиными головами. По весьма вѣроятному объясненію г. Герца, это изображеніе должно обозначать Персидскую Артемиду, которая можетъ обозначать и скиѳскую Артимпасу.

Скиѳскія сѣдла были очень просты, безъ выгиба къ лукамъ и походили больше на простой подкладъ подъ сидѣнье. Быть можетъ по этой причинѣ они украшались срав-

нительно съ уздою безъ особой роскоши. У царскихъ коней они обивались гладкими золотыми пластинами въ родѣ лентъ съ вырѣзами только на переднихъ пластинахъ. Стремянъ вовсе не было. О подковахъ также не слѣдуетъ и поминать.

Сверхъ всего описаннаго убора на шеѣ коня въ иныхъ случаяхъ попадаются длинныя желѣзныя цѣпочки съ бляхами въ видѣ полумѣсяца, съ привѣсками изъ бубенчиковъ и колокольчиковъ. Все это составляло родъ нашихъ гремячихъ цѣпей, употреблявшихся въ конскомъ уборѣ въ 17 столѣтіи.

Домашній бытъ Скиѳа конечно сосредоточивался около его котла, въ которомъ онъ варилъ свою пищу. Такіе котлы, по ихъ формѣ мы назвали вазами. Они состоятъ собственно изъ большой кубоватой чаши на высокомъ поддонѣ или стоянцѣ въ родѣ ножки. Этотъ поваренный сосудъ какъ нельзя больше согласовался съ степными порядками быта. Его ставили на землю и разводили подъ нимъ огонь, чему очень способствовалъ высокій стоянецъ-поддонъ котла, оставлявшій достаточно мѣста для дровъ и другаго горючаго матеріала. Найденные котлы всѣ были болѣе или менѣе сильно закопчены съ нижней части и сохраняли въ себѣ лошадиныя или бараньи кости.

Для отрѣзыванья мяса у каждаго Скиѳа былъ свой небольшой ножикъ съ костяною ручкою. Для натачиванья ножа употреблялось особое точило или мусатъ въ видѣ круглой небольшой палочки. Живя подлѣ грековъ и сносясь съ ними безпрестанно, Скиѳскіе цари очень были богаты разнородною посудою, по преимуществу греческой работы: бронзовыми и серебряными чашами, блюдами, торелями, ведерцами и т. п. такими же ложками и разными другими предметами домашняго обихода. Вино хранилось въ греческихъ же большихъ глиняныхъ амфорахъ. Рѣже встрѣчаются греческіе глиняные глазурованные или поливные росписные сосуды.

Отмѣтимъ, что любимымъ питейнымъ сосудомъ Скиѳовъ была братина, очень сходная формою съ нашею древнею братиною, и рогъ, тоже любимый сосудъ Славянъ и на нашемъ югѣ, и на Славянскомъ сѣверѣ, на Балтійскомъ Поморьѣ. Братина нравилась Скиѳамъ быть можетъ по той причинѣ, что кубоватою круглою формою напоминала человѣческій черепъ, изъ котораго они тоже пивали вино, особенно въ торжественныхъ случаяхъ. Рогъ употреблялся у всѣхъ варварскихъ народовъ, а также и у самыхъ грековъ и это доказываетъ только древность его происхожденія, какъ и то, что Русскими онъ не былъ заимствованъ напр. у Норманновъ, а развѣ на оборотъ, къ Норманнамъ попалъ отъ Славянъ.

Скиѳскія Могилы, какъ видѣли, не только раскрыли намъ погребеніе скиѳскихъ царицъ, но и сохранили ихъ изображенія. Эти изображенія во многомъ напоминаютъ Русскую старину даже 17 стол. Головной шелковый пурпурнаго цвѣта покровъ самой царицы былъ украшенъ каймою изъ золотыхъ четыреугольныхъ блящекъ въ $^6/_8$ вершка величиною, на которыхъ на всѣхъ представлена она же царица сидящею прямо передъ зрителемъ въ головномъ уборѣ очень похожемъ на Русскіе женскіе уборы въ родѣ каптура-треуха или убруса, закрывавшаго кругомъ всю голову до плечь, кромѣ лица. Въ такомъ же уборѣ изображена, какъ должно полагать Скиѳская крылатая богиня Артимпаса-Артемида Уранія [1]. На ней кромѣ убруса, облекающаго вокругъ открытаго лица всю голову, надѣта еще не высокая шапочка. Съ правой стороны у царицы стоитъ мальчикъ въ скиѳской одеждѣ, повидимому съ зеркаломъ въ рукѣ. На другомъ изображеніи Скиѳской царицы, она представлена сидящею на стольцѣ въ длинной одеждѣ съ длинными рукавами, очень похожей на Русскій женскій опашень или телогрѣю. На головѣ уборъ въ родѣ обыкновеннаго русскаго кокошника, въ которомъ ходятъ кормилицы, накрытаго покровомъ, опускающимся на плечи подъ верхнюю одежду. Вторая одежда похожа на русскую женскую сорочку (въ собственномъ смыслѣ платье), при которой носили поясъ. И на Скиѳской царицѣ этотъ поясъ довольно ясно обозначаетъ ея талію. Въ лѣвой рукѣ царица держитъ круглое зеркало. При ней и въ могилѣ найдено у правой руки бронзовое точно такое зеркало съ костяною рукоятью, и другое такое же, въ особой подземной комнатѣ, гдѣ хранились одежды. Подобныя зеркала употреблялись обыкновенно греческими женщинами и несомнѣнно, что и въ Скиѳію они попали отъ Грековъ. Предъ царицею стоитъ скиѳскій мальчикъ, быть можетъ ея сынъ, пьющій, конечно, вино изъ рога.

Остальной уборъ царицы описанъ выше. Примѣтимъ только, что въ ушахъ у ней были серьги, состоявшія изъ колецъ съ семью подвѣсками каждое. Это число семь невольно заставляютъ припомнить серьги нашихъ позднѣйшихъ кургановъ, найденныя однажды даже въ самой Москвѣ, въ Кремлѣ (на мѣстѣ теперешней Оружейной Палаты), у которыхъ неизмѣнно всегда существуетъ у кольца семь лепестковъ, замѣнявшихъ подвѣски. Необходимо предполагать, что это число символическое и что либо значило въ вѣрованіяхъ не однихъ Скиѳовъ, но и у всего населенія нашей страны.

---

[1] Древности Геродотовой Скиѳіи, Вып. 1. Атласъ рис. 1.

Великое множество вещей, открытыхъ въ Скиѳскихъ могилахъ, представляетъ предметы, по большой части пока еще необъяснимые, но рисующіе скиѳскій бытъ со всѣхъ сторонъ. Можно догадываться, что многія изображенія касаются и Скиѳскихъ вѣрованій, хотя вся эта изобразительная сторона Скиѳскаго быта находилась подъ сильнымъ вліяніемъ греческихъ художниковъ, переносившихъ и въ Скиѳію свои же миѳическіе образы. Однако видимо, что греческіе художники въ своихъ греческихъ изображеніяхъ старались выразить собственно Скиѳскія вѣрованія, требующія теперь только внимательнаго изученія. Къ числу религіозныхъ изображеній можно относить безпрестанно встрѣчающіяся фигуры грифовъ, крылатыхъ львовъ, крылатыхъ драконовъ, сфинксовъ, оленя, быка, птицъ, кабановъ. Подобныя изображенія именно львы, грифы, драконы, птицы, служили навершьями или къ древкамъ знаменъ или къ столбикамъ погребальныхъ царскихъ колесницъ. Кромѣ того встрѣчались обдѣланныя въ золото медвѣжьи когти, какіе находятъ и въ нашихъ курганахъ, также раковины, называемыя змѣиныя головки, потомъ челюсти какого то небольшаго животнаго, нанизанныя на нитку, какъ и упомянутыя раковины.

Само собою разумѣется, что наибольшая часть вещей принадлежитъ къ греческимъ издѣліямъ различнаго достоинства, начиная съ очень изящныхъ, въ полномъ смыслѣ художественныхъ произведеній, и оканчивая работою поденнаго ремесла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не мало вещей по работѣ принадлежитъ и собственнымъ скиѳскимъ или вообще варварскимъ рукамъ, которыя посредствомъ чеканки и рѣзьбы изображали не только различные узоры и травы, но и фигуры животныхъ и даже фигуры людей, конечно, больше всего по греческимъ же образцамъ. Это обстоятельство имѣетъ большую цѣну для исторіи варварскихъ племенъ, населявшихъ наши южные края. Примѣчательно также, что на скиѳскихъ издѣліяхъ, относимыхъ съ греческими вещами къ 4 вѣку до Р. Х., а быть можетъ и ранѣе, мы находимъ форму травчатаго узора и каемочнаго бордюрнаго украшенія, очень извѣстную въ нашихъ русскихъ украшеніяхъ, на вещахъ и въ рукописяхъ, которая употреблялась, конечно, и на византійскихъ памятникахъ, какъ наслѣдство отъ художества античныхъ вѣковъ[1]. Эти любимыя русскія формы могли дѣйствительно придти къ намъ изъ Византіи, но могли существовать въ нашей странѣ, какъ показываютъ скиѳскія издѣлія, и въ то еще время, когда не существовало и самой Византіи, какъ особаго Новоримскаго государства.

[1] Древности Геродотовой Скиѳіи, атласъ, листъ XXII, рисунокъ 9; листъ XXXVIII, рисун. 16.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ
Ивана Забѣлина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

1876.

Складъ изданія *„Исторія Русской Жизни съ древнѣйшихъ временъ“* находится въ зданіи Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ.

Тамъ же продаются:

ИЗДАНІЯ

МОСКОВСКАГО ПУБЛИЧНАГО И РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕЕВЪ.

1. Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ, издаваемый Директоромъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ и почетнымъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, **В. А. Дашковымъ**. Книга 1, Москва, 1868, 4°. Цѣна 3 руб.

Книга II, съ 6-ю хромолитографированными рисунками, Москва, 1873, 4°. Цѣна 7 руб.

2. Отчетъ по Московскому Публичному Музею отъ времени основанія его до 1-го января 1864 г., Спб., 1864, 8°. Цѣна 50 к.

3. Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея за 1864 г., Спб., 1865, 8°. Цѣна 25 к.

4. Отчетъ Московского Публичнаго и Румянцовскаго Музея за 1865 г. 1866, 8°. Цѣна 20 к.

5. Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1867—1869 г., Москва, 1871, 8°. Цѣна 1 рубль.

6. Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1870—1872 г.. Москва, 1873, 8°. Цѣна 1 руб.

7. Славяно-русскія рукописи **В. М. Ундольскаго**, описанныя самимъ составителемъ и бывшимъ владѣльцемъ собранія, съ № 1-го по 579-й, съ приложеніемъ Очерка собранія рукописей Ундольскаго въ полномъ составѣ. **А. Е. Викторова**. Изданіе Москов. Публич. и Румянцовскаго Музеевъ, на иждивеніе Директора, Двора Е. И. В. гофмейстера **В. А. Дашкова**, Москва, 1870 г., 8°. Цѣна 2 руб.

8. Хронологическій указатель славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1491 по 1864 г. Выпускъ 1-й. Очеркъ славяно-русской библіографіи **В. М. Ундольскаго**, съ дополненіями **А. Ѳ. Бычкова** и **А. Е. Викторова**, Москва 1871, 8°. Цѣна 2 руб.

9. Каталогъ славяно русскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ Московскимъ Публичнымъ и Румянцовскимъ Музеями послѣ **Д. В. Пискарева.** Составленъ **А. Е. Викторовымъ** Приложеніе къ Отчету Музеевъ за 1867—1869 г., Москва 1871, 8°. Цѣна 50 к.

10. Каталогъ Отдѣленія до-историческихъ древностей Московскаго Публичнаго Музея, составленный хранителемъ Отдѣленія **Г. Д. Филимоновымъ.** Приложеніе къ Отчету Музеевъ за 1870-1872 г., Москва, 1873 8°. Цѣна 50 коп.

11. Каталогъ скульптурнаго отдѣленія состав. **К. Герцемъ.** 4-е изд. М. 1875, 8°. Цѣна 10 к.

12. Путеводители по разнымъ Отдѣленіямъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, на русскомъ и французскомъ языкахъ: а) по Библіотекѣ, б) по Картинной галлереѣ, в) по Дашковскому этнографическому Музею, г) по Отдѣленію иностранной этнографіи, д) по Отдѣленію иностранной этнографіи гр. Румянцова и по Минералогическому собранію Музеевъ, Москва, 1872—1873, въ 16-ю д. Цѣна каждому путеводителю 15 к.

13. Фридрихъ Овербекъ и его картина: Таинство покаянія, принесенная въ даръ Московскому Публичному Музею гр. **В. П. Орловымъ-Давыдовымъ,** Москва, 1865. 8°. Цѣна 10 к.

14. Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ и его картинная русская галлерея. Спб. 1870, 8° Цѣна 25 к.

Съ требованіями обращаются въ Канцелярію Музеевъ.

Тамъ же продаются:

ИЗДАНІЯ

ОБЩЕСТВА ДРЕВНЕ-РУССКАГО ИСКУССТВА ПРИ МОСКОВСКОМЪ ПУБЛИЧНОМЪ МУЗЕѢ.

1. Сборникъ на 1866 годъ, изданный Обществомъ древне-русскаго искусства, съ 68-ю литографированными рисунками на XXIII-хъ таблицахъ и съ 9-ю политипажами въ текстѣ, Москва, 1866 г., 4-°. Цѣна 5 рублей

2. Сборникъ на 1873 годъ, изданный Обществомъ древне-русскаго искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ, подъ редакціей **Г. Филимонова,** съ 8-ю литографированными изображеніями, въ 4-ть и въ полный листъ слоновой бумаги, Москва, 1873 г., 4-°. Цѣна 5 рублей.

3. Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства на 1874 г. Цѣна за годовое изданіе (№№ 1 — 12), въ объемѣ 60 — 70 печ. листовъ, съ доставкою 12-ть рублей.

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Домашній бытъ Русскихъ Царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Большой томъ, стр. XX+372+263, съ рисунками. Изданіе 2-е. М. 1872.

Домашній бытъ Русскихъ Царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Большой томъ, стр. VIII+680+166, съ рисунками. Изданіе 2-е. М. 1872.

Опыты изученія Русскихъ Древностей и Исторіи. Изслѣдованія, описанія и критическія статьи. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Часть 1-я. М. 1872, стр. 566. Часть 2. М. 1873, стр. 506.

Кунцово и древній Сѣтунскій станъ. Историческія воспоминанія. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1873, стр. 256.

Историческое описаніе М. Донскаго Монастыря. М. 1865, стр. 160.